ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XVII.

Вестъ-Индія, Мексика, перешейки, Американскіе Антильскіе острова.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова**,

дѣйствительнаго члена Императорскаго Географическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К° Большая Подъяческая, 39.

1900.

Вестъ-Индія, Мексика, Американскіе перешейки, Антильскіе острова.

Глава I

Общее обозрѣніе.

Острова и полуострова, омываемые двумя внутренними морями Американскаго материка—Мексиканскимъ заливомъ и Караибскимъ моремъ, составляютъ, вмѣстѣ съ мексиканскимъ треугольникомъ и рядомъ перешейковъ Новаго Свѣта, часть, совершенно отличную отъ двухъ континентальныхъ массъ—Сѣвернаго и Южнаго материковъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ тропикъ Рака пересѣкаетъ Мексиканское плоскогорье, направляясь отсюда къ конечному пункту полуострова Калифорніи, ширина материка между двумя морями достигаетъ еще 900 километровъ, т. е. около десятой части общаго пространства, раздѣляющаго два океана въ центрѣ Сѣверной Америки. Но южнѣе территорія суживается, развивая берега, параллельные заворотамъ плоскогорья. Первое суженіе образуется между Мексикой въ собственномъ смыслѣ и Чіапасомъ, у перешейка Тегуантепекъ; затѣмъ, по направленію къ юго-востоку, слѣдуютъ другія узкія пространства земли, которыя заканчиваются узкой полосой Панамскаго и Даріенскаго перешейковъ, извивающейся между двумя морями и примыкающей къ обширному материку Южной Америки.

Восточная группа американскихъ островов, Багамскіе и Малые Антильскіе, образуютъ цѣпь, длиной въ 3.000 километровъ, которая тянется съ сѣверо-запада на юго-востокъ, по извилистой кривой, почти параллельной очертаніямъ Мексики и Средней Америки. Эта длинная внѣшняя плотина, — состоящая изъ земель различнаго происхожденія: на сѣверѣ изъ коралловыхъ Багамскихъ островов, на югѣ изъ выступившихъ изъ воды пиковъ вулканическаго ряда Малыхъ Антильскихъ островов,—отдѣляетъ отъ океана большое внутреннее море Новаго Свѣта, впрочемъ, мало похожее по формѣ на Средиземное море Стараго Свѣта, но раздѣленное, подобно Средиземному морю, на обширные второстепенные бассейны. Первый бассейнъ, громадный овалъ котораго занимаетъ все пространство между полуостровами Флоридой и Юкатаномъ, ограничивается на югѣ длиннымъ островомъ Кубою и сообщается съ другими бассейнами только двумя проходами въ 200 километровъ средней ширины. Южный бассейнъ, собственно Антильское или Караибское море, имѣетъ менѣе правильное очертаніе, чѣмъ сѣверный. Представляя собою широкое, свободное пространство между группою Малыхъ Антильскихъ островов и Москитовымъ берегомъ, онъ перерѣзанъ на сѣверо-западѣ двумя почти совершенно подводными порогами, едва лишь обозначенными песчаными мелями и каменными рифами. Одинъ изъ пороговъ выступаетъ надъ морскою поверхностью цѣпью Кайманов, другой соединяетъ посредствомъ Ямайки гаитійскій

полуостровъ Тибуронъ съ мысомъ Грасіасъ-а-Діосъ. Такимъ образомъ три поперечныя плотины, которыя можно назвать порогами Кубы, Каймана и Ямайки, связываютъ Антильскіе острова съ Средней Америкой; эти три порога начинаются у цѣпи острововъ, изгибающейся дугою отъ Гренады и Гренадинскихъ острововъ до Порто-Рико, и представляютъ собою какъ бы вѣтви общаго ствола.

Всѣ эти ряды острововъ и полуострововъ, соединяющіеся по различнымъ кривымъ между двумя материками, сѣвернымъ и южнымъ, свидѣтельствуютъ о космическихъ силахъ, дѣйствовавшихъ на огромномъ пространствѣ земной коры; однако, расположеніе земель по линіямъ большихъ круговъ вовсе не доказываетъ, чтобы прерывающіяся плотины были когда-то перешейками, перекинутыми съ одного континента на другой. Напротивъ, многочисленныя указанія, извлеченныя изъ распредѣленія различныхъ породъ растительнаго и животнаго царствъ, даютъ натуралистамъ право утверждать, что тѣ или другіе сосѣдніе острова никогда не были соединены между собою въ теченіе геологическихъ вѣковъ [1]). Близкое сосѣдство земель не доказываетъ прежняго соединенія ихъ; въ видѣ примѣра, можно указать на Багамскіе и Антильскіе острова, которые по своей естественной исторіи болѣе тѣсно связаны съ отдаленной отъ нихъ Центральной Америкой, чѣмъ съ Георгіей и Каролинами. Самая Флорида есть антильская земля, а Бермудскіе острова, затерянные въ Атлантическомъ океанѣ, все-таки связаны съ Антильскими островами Гольфстремомъ.

Средиземная область Америки принадлежитъ почти цѣликомъ къ тропическому поясу, но она вполнѣ доступна человѣку для заселенія и культуры. Въ этомъ отношеніи она составляетъ полный контрастъ съ африканскими землями, лежащими подъ тою же широтою. Въ Старомъ Свѣтѣ, пустыня, начинающаяся африканскою Сахарою и продолжаемая другими безводными странами—въ Египтѣ, Аравіи, Персіи, Туркестанѣ и Китайской имперіи,—обнимаетъ обширныя пространства, тогда какъ въ тропической Америкѣ территоріи, представляющія сахарскій видъ, занимаютъ небольшое пространство, и именно въ той части Мексики, которая расположена къ сѣверу отъ тропика Рака. Благодаря влажности воздуха и умѣряющему вліянію морскаго климата, Средняя Америка почти на всемъ своемъ протяженіи покрыта роскошною растительностью и даже во многихъ мѣстахъ почти непроходимыми лѣсами, соединенными въ одну массу живой зелени, и человѣкъ, принимающійся за распашку нови въ лѣсныхъ прогалинахъ, можетъ надѣяться, что въ изобиліи извлечетъ изъ почвы всякіе продукты. Даже бѣлая раса могла водвориться на Антильскихъ островахъ, именно на Кубѣ и Порто-Рико, и съ успѣхомъ примѣниться къ климату, чтобы обработывать землю и стать родоначальницей новыхъ поколѣній. На плоскогорьяхъ Мексики и Центральной Америки, климатъ почти такой же, какъ въ умѣренной Европѣ; эти благопріятныя условія значительно способствовали заселенію страны испанцами и другими эмигрантами: процвѣтающія, благоустроенныя колоніи европейцевъ, основанныя на этихъ возвышенностяхъ, постепенно подчинили себѣ туземное населеніе, прививъ ему свои нравы, обычаи, свой языкъ, свою цивилизацію. Уже на разстояніи 160 километровъ отъ берега, въ открытомъ море, Ситлалтепетль, или «Звѣздная гора», которую мореплаватели видѣли при восходѣ и закатѣ солнца сверкающею, какъ пламя, надъ безплодными, болотистыми равнинами береговъ, манила ихъ впередъ, въ эти чудныя области. Они понимали, что на этихъ высотахъ, гдѣ впослѣдствіи возникло столько хорошенькихъ городковъ, — Оризаба, Кордова, Жалапа,—природа сама поощряла ихъ основать «Новую Испанію».

Вполнѣ обособленная отъ континентальныхъ массъ Сѣвера и Юга, Средняя Америка, омываемая внутренними морями, и сама раздроблена на земли столь различныя, что жители, сгруппированные въ различныя племена и націи, оставались въ прежнія времена совершенно изолированными, имѣя весьма рѣдкія и затруднительныя сношенія между собою. Никакой этнологической связи не существовало между этими различными элементами. До испанскаго завоеванія, сношенія народовъ, переселенія и всякія движенія и скрещиванія происходили только въ Мексиканской области, широко открытой съ сѣверной стороны къ равнинамъ Техаса, къ плоскогорьямъ и промежуточнымъ долинамъ Скалистыхъ горъ и къ Калифорнской покатости. Мексиканскія легенды и лѣтописи повѣствуютъ о переселеніяхъ народовъ, мирныхъ или завоевательныхъ, которые слѣдовали по направленію съ сѣвера на югъ, отъ береговъ Колорадо и ріо-Браво къ долинамъ Сіерра-Мадре, къ плоскогорьямъ Анагуака и южнымъ перешейкамъ. Но оттуда же мы узнаемъ, какъ много препятствій пришлось преодолѣвать эмигрирующимъ народамъ, движеніе которыхъ впередъ задерживалось на цѣлыя десятилѣтія или столѣтія, и которые иногда принуждены были поворачивать назадъ, къ роднымъ землямъ. Трудности борьбы и завоеванія увеличивались еще трудностью пути черезъ поперечные хребты горъ и различіемъ климата при переходахъ то черезъ лѣса, то черезъ жаркія области морскаго побережья и перешейковъ. Иные завоеватели, шедшіе съ

---

[1]) Morelet, „Voyage dans l'Amérique Centrale";—Alex. Agassiz, „Three Cruises of the Blake".

сѣвера, останавливались въ какой-нибудь долинѣ мексиканскихъ плоскогорій; нѣкоторые же изъ нихъ продолжали путь до Тегуантепекскаго перешейка или до Гватемалы, а другіе отваживались спускаться еще ниже, до равнинъ, покрытыхъ пепломъ, у подошвы вулкановъ Сальвадора и Никарагуи.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ различныя эпохи народы сѣвера пробирались еще дальше на югъ; но до насъ не дошло ни одного документа изъ среднихъ вѣковъ Америки, гдѣ бы упоминалось о подобномъ движеніи народовъ по материку. Въ сѣверо-западномъ углу Гренадинской Колумбіи, извивающемся узкою полосою на протяженіи тысячи километровъ, естественныя препятствія становятся почти непереходимыми, допуская лишь медленныя движенія народныхъ массъ, продолжаемыя послѣдовательными поколѣніями; но память о такихъ вѣковыхъ переходахъ совершенно затерялась въ исторіи. Громадныя горныя массы, которыя спускаются уступами отъ одного моря къ другому, дикіе лѣса, рѣчки, обращаемыя проливными дождями въ могучія рѣки, чрезмѣрная сырость климата, наконецъ, плоскія береговыя мѣстности, затопляемыя обильными водами Атрато, — все это, взятое вмѣстѣ, должно было способствовать замедленію или совершенному прекращенію дальнѣйшаго переселенія американскихъ народовъ: вѣдь, извѣстно, сколько труда потребовалось со стороны европейцевъ, чтобы восторжествовать надъ этой непріязненной природой. Что касается острововъ, большихъ и малыхъ, которые тянутся цѣпью вдоль Атлантическаго океана, отдѣляя его отъ бассейна внутреннихъ морей Америки, то они, уже по одному своему изолированному положенію, были предназначены къ тому, чтобы сдѣлаться владѣніями народовъ, совершенно различныхъ между собою или постепенно разобщенныхъ, хотя и одного происхожденія. Примитивные мореплаватели, довольствовавшіеся простымъ выдолбленнымъ стволомъ дерева, которое служило имъ даже паруснымъ судномъ, поднимавшимъ до пятидесяти человѣкъ[1]), эти островитяне, даже единоплеменники, съ теченіемъ вѣковъ стали совсѣмъ чужими другъ другу. Крайняя смѣсь языковъ, которыми говорили на Антильскихъ островахъ и по сейчасъ еще говорятъ въ Мексикѣ и на перешейкахъ, свидѣтельствуетъ о разсѣяніи народовъ въ этомъ раздробленномъ мірѣ, раздѣляющемъ между собою два материка—сѣверный и южный.

Открытіе острововъ и материка въ концѣ XV и въ началѣ XVI в.в. должно бы было, повидимому, повести къ политическому объединенію страны. Открывъ эти новыя земли, испанцы окончательно вступили во владѣніе ими, если не для династіи Карла V, какъ они полагали, то во всякомъ случаѣ на пользу Стараго Свѣта. Антильскіе острова и Мексика не затерялись въ памяти европейцевъ, какъ это произошло съ Гренландіей, Геллуландомъ и Винландомъ. Открытую Колумбомъ Вестъ-Индію постоянно посѣщали и населяли бѣлые, которые не переставали поддерживать сношеніе съ метрополіей. Въ силу буллы папы Александра VI, который раздѣлилъ вновь открытыя земли между кастильцами и португальцами, всѣ эти европейцы должны были быть испанскими подданными. Весь громадный амфитеатръ континентальной массы, открывшійся вокругъ обоихъ внутреннихъ морей Америки, и острова, окаймляющіе ихъ цѣпью въ нѣсколько рядовъ, въ самомъ дѣлѣ стали принадлежать Испаніи. Однако, политическое единство этихъ столь разрозненныхъ между собою территорій было чисто оффиціальное; во многихъ странахъ *конкистадоры* (завоеватели) даже вовсе не появлялись, и до сихъ поръ еще острова и земли, считавшіеся ихъ владѣніями, остались въ сторонѣ отъ дороги, которою слѣдуютъ путешественники.

Впрочемъ, испанцы не сумѣли сохранить за собою политическое владычество надъ всѣми землями, открытыми ихъ предками. Богатства, привезенныя въ Европу первыми завоевателями и во сто кратъ преувеличенныя легендарными разсказами, не могли не разжечь алчныхъ аппетитовъ авантюристовъ всѣхъ національностей, которые, съ соизволенія своихъ государей, снабдившихъ ихъ каперскими свидѣтельствами, или просто въ качествѣ пиратовъ, ни отъ кого не зависимыхъ, толпою пустились въ море съ цѣлью захватывать испанскія суда и опустошать плантаціи Антильскихъ острововъ или даже просто-на-просто забирать ихъ въ свою пользу, убивая прежнихъ владѣльцевъ. Нѣкоторые изъ знаменитыхъ мореплавателей XVI и XVII в.в. въ Антильскомъ морѣ были простыми корсарами: нѣкоторые острова, какъ наприм., Черепашій (Тортуга), находящійся въ сѣверо-западномъ углу Гаити, сдѣлались неотъемлемыми владѣніями «буканьеровъ», т. е. морскихъ разбойниковъ, прозванныхъ такъ отъ карибскаго слова «buccan» — деревянная рѣшетка для сушки мяса, возвышавшаяся надъ ихъ становищами и зачастую еще издали указывавшая проходившимъ судамъ ихъ присутствіе. За исключеніемъ Португаліи, которая владѣла уже обширными землями въ Бразиліи и Остъ-Индіи, каждая европейская держава хотѣла имѣть свою долю въ Антильскомъ мірѣ, какими бы средствами она ни досталась—путемъ ли завоеванія, или договора, или просто покупкой.

До настоящаго времени Испанія сохранила изъ своихъ первыхъ американскихъ владѣній

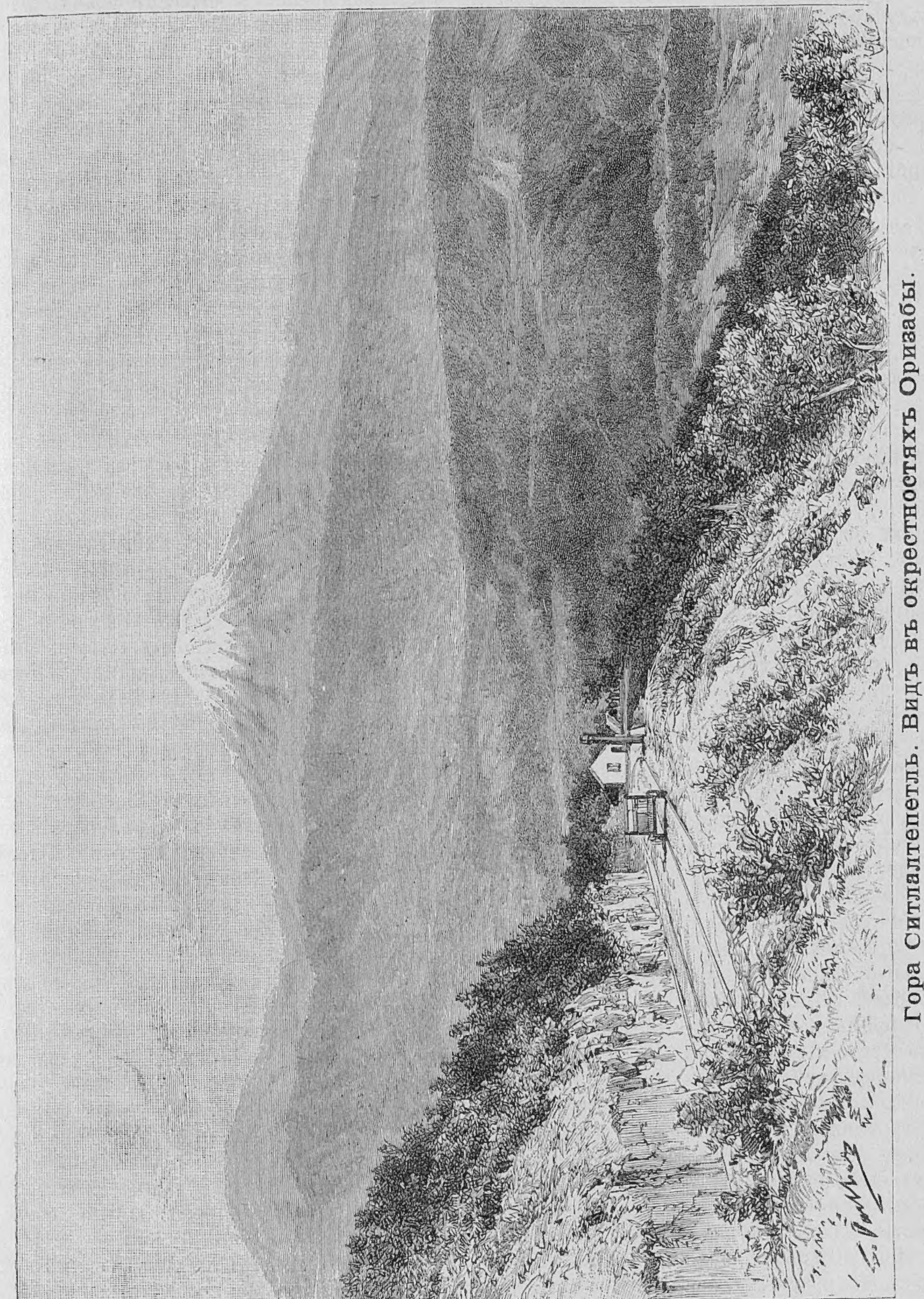
[1]) Bernal Diaz del Castillo, „Historia verdadera de la conquista, de Nueva-Espana“.

только два острова: Кубу, «жемчужину Антильскихъ островов», и Порто-Рико; но и эти двѣ колоніи она не разъ рисковала потерять вслѣдствіе внутреннихъ возстаній и внѣшнихъ войнъ. Всѣ другія земли въ Новомъ Свѣтѣ были отняты у нея. Сначала европейскія державы замѣстили ее въ качествѣ владѣтельницъ того или другаго изъ отдѣльныхъ Антильскихъ островов. Англія, страна еретическая, для которой папская булла не имѣла никакого значенія, сдѣлалась обладательницею большихъ островов: Ямайки, Багамскихъ, Бермудскихъ и нѣсколькихъ изъ Малыхъ Антильскихъ островов; она присвоила даже, вопреки буквѣ и духу трактатовъ, маленькое владѣніе, скорѣе фиктивное, чѣмъ дѣйствительное, нѣчто вродѣ временной квартиры, на американскомъ континентѣ, именно на восточномъ берегу Юкатана. Франція, въ свою очередь, овладѣла нѣсколькими островами изъ внѣшней цѣпи Антильскихъ острововъ; наконецъ, голландцы и датчане также пріобрѣли нѣсколько территорій, и даже шведы и тѣ захватили въ свое владѣніе островъ св. Варѳоломея: каждая нація желала имѣть свои сахарныя и кофейныя плантаціи, свой складъ колоніальныхъ товаровъ.

Въ то время, когда Англо-Американская республика въ своей иностранной политикѣ была руководима рабовладѣльцами южныхъ штатовъ, вашингтонское правительство также дѣлало неоднократныя попытки увеличить свою и безъ того уже обширную территорію захватомъ острова Кубы, драгоцѣннѣйшаго перла изъ всѣхъ Антильскихъ острововъ. Оно имѣло также въ виду основать грандіозное морское заведеніе на рейдѣ Самана на островѣ Санъ-Доминго, въ одной изъ якорныхъ стоянокъ тропической Америки. въ стратегическомъ отношеніи расположенной наивыгоднѣйшимъ образомъ; однако, оппозиція сѣверныхъ штатовъ и въ нѣкоторой степени также европейскихъ государствъ помѣшала осуществленію этихъ проектовъ, задуманныхъ съ цѣлью обезпеченія невольничьимъ владѣніямъ политическаго первенства. Единственная территорія Антильскихъ острововъ, фактически, хотя и не по праву, принадлежащая, если не республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, то все-таки одной изъ ея торговыхъ компаній, это—скала Наваза, покрытая гуано, находящаяся въ гаитскомъ морскомъ районѣ. Какъ только этотъ островокъ будетъ окончательно очищенъ отъ слоевъ гуано, покрывающаго его, такъ на обладаніе имъ, тогда совершенно безполезное, не будетъ уже никакихъ посягательствъ со стороны американскихъ промышленниковъ; примѣръ этого мы видимъ на многихъ другихъ островахъ, которые были утилизированы американцами такимъ же образомъ и затѣмъ покинуты. Съ точки зрѣнія будущаго, гораздо болѣе серьезнымъ является плохо скрытое желаніе большинства англійскихъ плантаторовъ на Антильскихъ островахъ видѣть острова эти присоединенными къ Сѣверной Америкѣ [1]. Фискальные законы, относящіеся до сахара и другихъ тропическихъ продуктовъ, объясняютъ это стремленіе оскудѣвшихъ бѣлыхъ въ пользу политической перемѣны, выгодной для ихъ интересовъ; но большинство населенія, состоящее изъ негровъ и краснокожихъ, которыхъ сахарная промышленность интересуетъ очень мало, относится крайне непріязненно ко всякому перевороту этого рода. * Недавняя испано-американская война окончилась захватомъ Соединенными Штатами Кубы и Порто-Рико. *

На материкѣ честолюбіе могущественной республики нашло себѣ болѣе широкое удовлетвореніе, чѣмъ въ области Антильскихъ острововъ; здѣсь болѣе половины всего территоріальнаго пространства, принадлежавшаго прежде Новой Испаніи, именно: Техасъ, Калифорнія, Новая Мексика и Аризона сдѣлались составною частью великаго союза Сѣверной Америки. Она также, хотя и безуспѣшно, вела переговоры о пріобрѣтеніи права свободной торговли, т. е. дѣйствительнаго господства на Теуантепекскомъ перешейкѣ [2]. Кромѣ того, въ то время, когда толпы рудокоповъ устремились изъ Нью-Іорка и штатовъ Новой Англіи къ «золотымъ полямъ» Калифорніи, было сдѣлано нѣсколько попытокъ завоеванія въ Центральной Америкѣ, которыя, хотя и не были санкціонированы оффиціально, но всячески поощрялись неотвѣтственными агентами: въ силу того же закона, который побуждаетъ прибрежныхъ владѣльцевъ рѣки стремиться къ захвату ея устьевъ, американцы претендовали на обладаніе кратчайшимъ путемъ, которымъ, въ ту эпоху, производилось сообщеніе между ихъ городами на двухъ океаническихъ покатостяхъ. По крайней мѣрѣ имъ удалось прогнать англичанъ, которые, желая также владѣть междуокеанійскими путями, захватили было острова «Бухты» близъ берега Гондураса, «королевство» Москитію, — естественное владѣніе Никарагуи,—и даже рѣку Санъ-Жуанъ-дель-Норте, при устьѣ этого истока большаго озера. Но, прогнавъ англичанъ, американцы обязались сами тоже не вступать туда; затѣмъ постройка желѣзныхъ дорогъ на ихъ собственной территоріи, а съ другой стороны энергическое сопротивленіе испано-американцевъ устранили эту «явную судьбу» завоеванія, которую американскіе политиканы предсказали населеніямъ испанскаго языка. Съ того времени, какъ были открыты въ Калифорніи золотыя руды, Соединенные

[1]) J. A. Froude, „The English in West Indies".
[2]) „Dépêche du secrétaire d'Etat Buchanan à M. Trist", 15 avril 1857. Simon Stevens, „The Tehuantepec Railway".

Гора Ситлалтепетль. Видъ въ окрестностяхъ Оризабы.

Штаты болѣе уже не угрожали независимости республиканскихъ странъ Центральной Америки, но все же не переставали ревниво слѣдить за тѣмъ, чтобы никакое постороннее европейское влiянiе не вторглось вмѣсто нихъ, и во время императора Максимиліана они своей дипломатіей энергично помогали Мексикѣ возстановить національную независимость.

Нынѣ вся континентальная часть Средней Америки, за исключеніемъ Британскаго Гондураса, состоитъ изъ независимыхъ государствъ, и даже въ тѣхъ Антильскихъ архипелагахъ, которые подѣлили между собой европейскія державы, одинъ большой островъ, Гаити, раздѣленъ между двумя независимыми національностями: одна, происхожденія частію испанскаго, съ сильною примѣсью чернокожаго элемента—санъ-домингцы; другая, африканская

по расѣ, французская по языку — собственно гаитяне. Въ цѣломъ, Антильскій міръ рѣзко отличается отъ континентальной области Запада не только своимъ политическимъ строемъ, но также и составными элементами своего народонаселенія. Извѣстно, что въ теченіе незначительнаго промежутка времени на островахъ, омываемыхъ внутренними морями Америки, туземное населеніе было совершенно истреблено:островитяне Гаити и Кубы, которые, четыре вѣка тому назадъ, съ такимъ гостепріимствомъ приняли къ себѣ первыхъ европейскихъ мореплавателей, представляютъ теперь вымершую расу. Что касается караибскаго населенія маленькихъ южныхъ острововъ, то, за исключеніемъ острововъ св. Винцента и Доминика [1]), оно, послѣдовательными скрещиваніями, совершенно переродилось, такъ что въ настоящее время въ немъ невозможно распознать слѣды первоначальной расовой крови.

По словамъ Бартеломео де-ласъ-Казаса, «христіане своимъ тиранствомъ и насильственными мѣрами погубили болѣе двѣнадцати милліоновъ душъ,—можетъ быть, даже болѣе пятнадцати милліоновъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей». Какъ бы ни были преувеличены цифровыя данныя этого знаменитаго «защитника индѣйцевъ», но вѣрно то, что убійства и насилія положили конецъ туземной расѣ Антильскихъ острововъ, тогда какъ народы и племена, населявшія Мексику и Центральную Америку, продолжали существовать. Острова этого «Караибскаго моря», гдѣ не осталось больше ни одного караиба, приходилось заселять народами другой расы, и тогда негры явились замѣстителями индѣйцевъ. Для колонизаціи земель, вмѣсто милліоновъ убитыхъ туземцевъ, были ввезены милліоны африканскихъ невольниковъ. Къ сожалѣнію, не осталось ни одного вѣрнаго документа, который далъ бы возможность съ точностью опредѣлить, до какого количества головъ достигъ ввозъ этого скота въ образѣ человѣка. У нѣкоторыхъ писателей мы находимъ приблизительныя цифры въ десять или пятнадцать милліоновъ душъ: во всякомъ случаѣ этотъ вывозъ, повлекшій за собою кровопролитныя войны, стоилъ Африкѣ громаднаго числа человѣческихъ жизней.

Почти всѣ негры, ввезенные въ первыя времена невольничества, вымерли, подобно караибскимъ индѣйцамъ, не оставивъ послѣ себя потомства. Несмотря на легкость акклиматизаціи при условіяхъ, совершенно тождественныхъ съ ихъ родиной, большая часть ихъ, обреченная на утомительныя работы въ рудникахъ, погибла въ нѣсколько лѣтъ, а изъ переживишхъ только немногіе могли устроиться семьями, въ виду малочисленности женщинъ, привезенныхъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками. Африканская раса возстановлялась въ Новомъ Свѣтѣ очень медленно, образуясь изъ множества разнородныхъ этнологическихъ элементовъ, въ происхожденіи которыхъ участвовали народы всѣхъ приморскихъ земель Африки, скрещивавшіеся со своими властителями европейскаго происхожденія. Въ этомъ безконечномъ смѣшеніи племенъ, всѣ африканскія нарѣчія рабовъ утратились, и въ языкѣ народовъ, населяющихъ Антильскіе острова, можно отыскать всего нѣсколько словъ, происшедшихъ отъ африканскаго идіома. Невольники скоро забыли свой родной языкъ и стали говорить на языкѣ своихъ повелителей: испанцевъ, англичанъ или французовъ. Но если они такъ скоро подчинились языку, образу жизни и вліянію цивилизаціи европейцевъ, зато они лучше своихъ колонизаторовъ сумѣли примѣниться къ условіямъ жизни на Антильскихъ островахъ и въ концѣ концовъ утвердились тамъ въ качествѣ первенствующей расы; за исключеніемъ Кубы, гдѣ акклиматизировавшіеся испанцы удержали за собою первенство, и, можетъ быть, также Порто-Рико, гдѣ снисходительная статистика отдаетъ перевѣсъ бѣлымъ, на всѣхъ прочихъ островахъ огромное преимущество въ численности принадлежитъ неграмъ и краснокожимъ. Эта часть Новаго Свѣта, которая первая была открыта испанцами, съ этнологической точки зрѣнія стала подвластна африканскому континенту и, по справедливымъ превратностямъ судьбы, одинъ изъ политическихъ центровъ Антильскихъ острововъ, Гаити, заселился независимыми африканцами. Это одно изъ значительныхъ историческихъ событій: презрѣнная раса невольниковъ, предназначавшаяся на вѣчное рабство, несмотря на то, что было окружена врагами, заняла мѣсто между самостоятельными націями, и не только сумѣла побѣдоносно отразить армію, пытавшуюся снова покорить ее, но, не взирая на внутренія революціи и соперничество честолюбивыхъ предводителей, она избѣгла всякой феодальной зависимости отъ сосѣднихъ державъ. Мало того,—она оказываетъ большую притягательную силу на жителей ближнихъ острововъ, и, если бы иностранные гарнизоны не сдерживали цвѣтное населеніе, нѣтъ сомнѣнія, на большей части Антильскихъ острововъ и оно бы провозгласило свою независимость.

Подобно тому, какъ на Антильскихъ островахъ перевѣсъ взяло негритянское племя, въ Мексикѣ и въ Центральной Америкѣ первенство осталось за индѣйцами. Испанцы, первое влема господствовавшіе надъ ними и презрительно третировавшіе ихъ, впослѣдствіи смѣшались съ ними и образовали новое племя *ладиносовъ;* въ настоящее время главный эле-

[1]) Ober, „Smithsonian Institution". 1876,—I. A. Froude, „The English in the West Indies".

ментъ населенія въ сѣверныхъ испано-американскихъ республикахъ состоитъ изъ метисовъ двухъ расъ. По статистикѣ, бѣлые имѣютъ численный перевѣсъ только въ Коста-Рикѣ. Исторія опять пошла своимъ нормальнымъ ходомъ. Впродолженіи трехъ вѣковъ слишкомъ, испанцы жили паразитами на мексиканскомъ населеніи, и этотъ паразитизмъ, по неизбѣжному закону природы, сдѣлалъ ихъ неспособными къ энергической дѣятельности. Въ теченіе длиннаго періода времени населеніе громадной колоніальной имперіи оставалось безъ исторіи: лѣтописи Новой Испаніи исчерпываются сообщеніями о назначеніи, отозваніи или смерти того или другаго оффиціальнаго лица. Но подъ этою съ виду неподвижною поверхностью скрытая жизнь націи шла своимъ чередомъ и подготовляла важныя перемѣны; расы перемѣшивались, приспособлялись одна къ другой, пріобрѣтали общіе нравы, мысли, стремленія, и совершенно неожиданно, когда метрополія, наводненная иностранными войсками, оказалась слишкомъ слабою, чтобы поддержать свой авторитетъ въ Новомъ Свѣтѣ,—въ Мексикѣ, Гватемалѣ, Гондурасѣ и другихъ провинціяхъ Центральной Америки возникли вооруженныя націи, въ составъ которыхъ вошли какъ правнуки завоевателей испанцевъ, такъ, на-ряду съ ними, и потомки побѣжденныхъ индѣйцевъ. Народы росли тамъ, гдѣ прежде были толпы подданныхъ, и эти народы, въ качествѣ равныхъ, требовали признанія за собою такихъ же правъ, какими пользовались другіе. Такое же внезапное появленіе новыхъ націй или, вѣрнѣе, возрожденіе туземныхъ, но совершенно отличныхъ, благодаря вліянію цивилизаціи, отъ прежнихъ націй, свершилось равнымъ образомъ въ Колумбіи, Венецуэлѣ, Экуадорѣ, однимъ словомъ, во всей испанской Америкѣ. По странной ироніи судьбы, наполеоновскій режимъ, въ которомъ мечтали видѣть возстановленіе прочной власти, могущей положить предѣлъ революціямъ, какъ разъ вызвалъ въ Новомъ Свѣтѣ вспышку всеобщаго движенія за независимость испано-американской расы. Съ этой эпохи и начинается новѣйшая исторія континента.

Англійскія колоніи, обратившіяся въ Соединенные Штаты, на нѣсколько десятилѣтій опередили испанскія провинціи въ завоеваніи независимости; эмансипированныя гораздо раньше ихъ, онѣ и въ цивилизаціи шли впереди испанскихъ провинцій; но ихъ труды въ этомъ направленіи были гораздо легче и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣютъ меньшее значеніе въ исторіи человѣчества. Соединенные Штаты, собственно говоря, не что иное, какъ продолженіе Стараго Свѣта: въ своемъ населеніи, бѣломъ и негритянскомъ, они воспроизводятъ Европу и Африку на другомъ континентѣ; туземные элементы являются въ довольно незначительномъ представительствѣ, и тѣ племена, которыя не были истреблены, или не разсѣялись безслѣдно въ массѣ другихъ націй, живутъ еще въ дикомъ состояніи, въ видѣ рабовъ, болѣе или менѣе щадимыхъ. Въ испанской Америкѣ, напротивъ, главнѣйшее большинство населенія состоитъ изъ объиспанившихся индѣйцевъ, которые, усвоивая европейскую цивилизацію и смѣшиваясь съ племенами Стараго Свѣта, являются, тѣмъ не менѣе, представителями старой американской расы. Ново-англо-саксонская раса истребила или оттѣснила туземные народы; ново-романская ассимилировала ихъ [1]). Въ Мексикѣ и въ другихъ испанскихъ республикахъ постоянныя смѣшенія народовъ и общіе нравы привели къ примиренію между собою различныя расы земнаго шара, прежде или враждебныя, или совершенно чуждыя другъ другу.

Латинская или Романская Америка, которая въ то же время есть Америка полигеническая, не можетъ еще равняться съ Америкой англо-саксонской по важности ея значенія въ міровомъ равновѣсіи; но съ каждымъ десятилѣтіемъ различныя республики, входящія въ ея составъ, становятся все могущественнѣе, и теперь уже достаточно сильны, чтобы отражать иноземныя нападенія. Въ совокупности, онѣ занимаютъ около двухъ третей всего пространства Новаго Свѣта, такъ какъ обнимаютъ собою область Антильскихъ острововъ и всю южную часть Сѣверной Америки; но перешейки раздѣляютъ ихъ на двѣ совершенно различныя въ географическомъ отношеніи части. Почти обособленная Мексика служитъ всей испанской Америкѣ надежнымъ оплотомъ противъ англо-саксонской Америки, и несмотря на то, что войною и разными дипломатическими ухищреніями отъ нея были отняты сѣверныя территоріи, ея, такъ сказать, внѣшніе охранительные верки, область, гдѣ сосредоточивается населеніе, говорящее на испанскомъ языкѣ, почти цѣликомъ осталась за нею. Между обѣими странами существуетъ рѣзкій контрастъ: едва переступишь рѣку Браво, какъ все разомъ мѣняется. Характеристичная черта мексиканской націи, взятой коллективно, выражается въ ея безпрестанной борьбѣ противъ вліянія Соединенныхъ Штатовъ. Безъ сомнѣнія, могущественные сосѣди съ сѣвера имѣютъ значительное вліяніе на совершающіяся въ Мексикѣ перемѣны, но все-таки союзниковъ себѣ мексиканцы ищутъ не тамъ, а въ остальной части испанской Америки, особенно же въ Европѣ, въ метрополіи и даже въ той самой Франціи, которая еще недавно посылала свои войска, чтобы покорить мексиканцевъ. Они называютъ и со-

[1]) Antony Méray, „Aptitudes des Races humaines", „Revue Moderne", 10 сентября 1857 г.

знаютъ себя «латинами»; самое слово «ladino», происшедшее, по Коваррубіасу, отъ *latino* или *латинскій*, есть во всей Центральной Америки синонимъ слова «цивилизованный».

Если когда-нибудь, на освободившейся землѣ, народы сгруппируются, не взирая на разстояніе, по ихъ родству и естественному свойству, то мексиканцы и другіе романскіе народы Америки, конечно, примкнутъ къ своимъ романскимъ братьямъ въ Европѣ. Подобно тому, какъ въ Англіи и въ британскихъ колоніяхъ проявилось значительное движеніе общественнаго мнѣнія, направленное къ установленію болѣе тѣснаго союза всѣхъ странъ, гдѣ говорятъ на англійскомъ языкѣ, къ созданію единой «Великой Британіи», Greater Britain, такъ точно основалось сходное общество «Иберо-американское», съ цѣлью образованія лиги изъ всѣхъ государствъ иберійскаго языка, и во время перваго конгресса, состоявшагося въ Мексикѣ въ 1887 году, на немъ были представлены девятнадцать государствъ. Повидимому, пророчеству Бельта относительно Америки не суждено сбыться. «Немного вѣковъ канетъ въ вѣчность»,—говорилъ онъ,—«до того времени, когда англійскій языкъ сдѣлается языкомъ всѣхъ американцевъ, отъ ледовитыхъ островов крайняго Сѣвера до Огненной Земли». Другіе писатели предсказываютъ эту перемѣну въ еще болѣе короткій срокъ: «Скоро въ Мексикѣ будутъ одни только янки» [1]). Это, конечно, иллюзія. Въ доказательство силы сопротивленія испано-индѣйцевъ, можно указать на крайнюю медленность, съ какою совершается американизація Новой Мексики, территоріи, гдѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, во время присоединенія къ Соединеннымъ Штатамъ, насчитывалось всего только около пятидесяти тысячъ жителей испанскаго языка, почти совершенно отдѣленныхъ отъ своихъ южныхъ соотечественниковъ обширными пустынями.

Рано или поздно торговая роль области перешейковъ пріобрѣтетъ первостепенное значеніе, потому что тамъ, несомнѣнно, пройдетъ со временемъ главный путь между двумя океанами: Атлантическимъ и Тихимъ. Оттого американцы могли опасаться посягательствъ европейскихъ державъ на одинъ изъ этихъ перешейковъ, и это изъ боязни подобнаго приключенія и была провозглашена «доктрина Монро», требующая чтобы «Америка принадлежала американцамъ», и такимъ образомъ формально оставляющая обладаніе перешейками за государствами Новаго Свѣта. Колумбъ предвидѣлъ эту капитальную важность американскаго перешейка, когда плавалъ вдоль береговъ Верагуа, тщетно ища пролива, который могъ бы служить воротами между двумя океанами. Природа еще въ третичную эпоху заперла этотъ проливъ или, вѣрнѣе, эти проливы, такъ какъ ихъ было нѣсколько [1]), и открыть ихъ вновь предстоитъ человѣку. Въ ожиданіи этого событія, принялись пока намѣчать пути и строить желѣзныя дороги съ одного берега на другой: двѣ желѣзнодорожныя линіи—Панамская и Коста-Рикская—уже перерѣзываютъ южную часть перешейковъ, нѣсколько другихъ начаты постройкой. Впрочемъ, край этотъ еще весьма плохо приспособленъ къ тому, чтобы служить посредникомъ между Западной Европой и берегомъ крайняго Востока. Во многихъ частяхъ Центральной Америки путешествія по лѣсамъ, болотамъ и неизслѣдованнымъ мѣстностямъ представляютъ собою весьма опасныя предпріятія: не называютъ ни одного изслѣдователя, который прямо сухимъ путемъ отправился бы изъ Мексики въ Колумбію; даже при переходахъ отъ одного берега къ другому крайне рискованно отклоняться отъ проторенныхъ дорогъ. Недавно еще трудности переходовъ были таковы, что изъ восточнаго Гондураса, съ сѣвера Никарагуи и изъ Коста-Рики не было выхода къ Караибскому морю: въ торговомъ отношеніи эти страны не имѣли, такъ сказать, атлантическаго побережья; одушевленною ихъ частью былъ исключительно южный берегъ, и сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ установилось только постепенно, да и то съ большимъ трудомъ. Въ общемъ, область перешейковъ представляетъ совершенно пустынный край.

Пространство и населеніе Мексики, американскихъ перешейковъ и Антильскихъ островов, безъ Тринидада, Тобаго и прибрежныхъ островов Венецуэлы:

	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе жителей.	Число ж. на 1 кв. кил.
Мексика	1.987.063	11.600.000	5,8
Центральная Америка и Панама	547.308	3.390.000	6,2
Антильскіе, Багамскіе, Бермудскіе и др. острова.	238.408	5 375.000	22,6
Итого	2.772.779	20.365.000	7,3

[1]) Jules Leclercq, „Voyage au Mexique, de New-Iork à Vera-Cruz, par terre“.

[1]) H. Pittier, рукописныя замѣтки.

Глава II

Мексика.

I. Общій взглядъ.

Территорія «Мексиканскихъ Соединенныхъ Штатовъ», не считая полуострова Юкатана, представляетъ собою треугольную массу, которой оканчивается на югѣ континентъ Сѣверной Америки въ тѣсномъ смыслѣ: точно также, какъ и «англо-саксонская» республика, пограничная съ нею, она имѣла бы полное право называться «Соединенными Штатами Сѣверной Америки». Съ восточной стороны эти испано-американскіе Соединенные Штаты опоясаны длинною извилиною Мексиканскаго залива, а съ западной—берегами Тихаго океана, описывающими болѣе обширную дугу: къ югу, до Тегуантепекскаго перешейка, эти границы постепенно сближаются до того мѣста, гдѣ начинается Центральная Америка, если не своими политическими границами, то, во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія географіи и исторіи. Съ обѣихъ сторонъ сѣвера и юга границы, чисто условныя, вовсе не соотвѣтствуютъ естественнымъ линіямъ раздѣла. Правда, сѣверо-восточный рельефъ территоріи перерѣзывается на протяженіи 1.200 километровъ ріо Браво-дель-Норте, отдѣляющею Мексику отъ Техаса; но эта узкая рѣка не имѣетъ такого важнаго географическаго значенія, чтобы составлять собою линію раздѣла; по обѣ стороны равнины и холмы имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ, одинъ и тотъ же климатъ. Перемѣна наблюдается только въ глубинѣ Техаса, тамъ, гдѣ особенно скучивается населеніе и гдѣ разнообразная культура смѣняетъ безплодныя саванны. На западъ отъ ріо Браво граница между Мексикою и Соединенными Штатами, установленная трактатомъ, есть не что иное, какъ послѣдовательный рядъ геометрическихъ линій: сначала она идетъ на протяженіи 161 килом. по параллели 31° 47′, потомъ проходитъ по меридіану, чтобы спуститься до 31° 20′ с. широты и отсюда снова направиться къ западу до меридіана 111° отъ Гринвича; затѣмъ она идетъ вновь къ ріо Колорадо, перерѣзывая ее на разстояніи 32 километровъ ниже впаденія Гилы, и поднимается вверхъ по теченію рѣки до самой косы; отсюда послѣднею прямою линіею пересѣкаетъ подошву Калифорнійскаго полуострова, направляясь къ берегу Тихаго океана, котораго и достигаетъ въ разстояніи 20 километровъ южнѣе Санъ-Діего.

Несмотря на всю странность геометрическаго очертанія этой границы, оно тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соотвѣтствуетъ важнѣйшимъ очертаніямъ рельефа континента и сближаетъ высокую долину ріо Браво съ верхнимъ краемъ Калифорнійскаго залива, невдалекѣ отъ глубокаго ущелья, по которому проходитъ ріо Гила между двумя отдѣльными массивами Скалистыхъ горъ. На другомъ концѣ Мексиканской территоріи, линія политическаго раздѣла менѣе оправдывается природою. Со времени заключенія договора съ Гватемалою въ 1882 г., общая граница идетъ отъ Тихаго океана къ рѣчкѣ Сучіате, затѣмъ перерѣзаетъ главную цѣпь горъ съ вулканомъ Такана и прямою линіею соединяетъ, почти на равномъ разстояніи отъ обоихъ морей, вершины Буенависты и Иксбуля; отсюда она направляется на востокъ, достигая, подъ 16° 40′ широты, лѣваго берега ріо Усумасинты, по теченію которой и слѣдуетъ до разстоянія 25 километровъ на югъ отъ города Теносико; но въ этихъ малоизслѣдованныхъ областяхъ точная идентификація рѣкъ еще не сдѣлана, и еще остается опредѣлить нѣкоторые детальные пункты. Далѣе опять идетъ эшелонъ градусовъ широты и долготы до рѣки Хонды (Онды), которая служитъ границею англійской территоріи Белизъ и впадаетъ въ заливъ Четумалъ, въ юго-восточномъ углу Юкатана.

Общая поверхность Мексиканской территоріи, по оффиціальнымъ исчисленіямъ равняется 1.987.324 кв. килом. т. е. почти въ четверо больше пространства Франціи; въ это опредѣленіе вошли всѣ земли, принадлежащія къ Мексикѣ, включая сюда и острова Ревилья-Жиждедо, въ Тихомъ океанѣ, также составляющіе часть мексиканской территоріи, хотя ближайшій изъ нихъ находится на разстояніи 600 килом. отъ берега.

Эта обширная страна въ общихъ чертахъ была извѣстна уже въ половинѣ XVI вѣка: въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ изслѣдователи посѣтили всѣ берега и проникли далеко въ глубь страны, отъ Юкатана до Калифорніи и до «Семи городовъ» Сиболы. Въ 1502 г. Колумбъ уже встрѣтилъ юкатанскихъ торговцевъ на берегахъ Гондураса; но только въ 1517 г. Эрнандесъ де-Кордова, кубскій плантаторъ, отправившійся на охоту за людьми, открылъ

первый пунктъ мексиканскаго побережья, нынѣшній мысъ Коточе или Каточе; отсюда онъ отправился дальше вдоль береговъ до Чампотона, гдѣ испанцы вынуждены были сѣсть обратно на суда, вслѣдствіе неудачнаго сраженія съ туземцами; въ 1518 г., Жуанъ де-Грихальва возобновилъ обслѣдованіе берега у Чамптона, чтобы отмстить за прошлогоднюю неудачу, и прослѣдовалъ дальше вдоль береговъ залива на протяженіи тысячи километровъ, до того мѣста, гдѣ въ настоящее время стоитъ городъ Тампико. Третья экспедиція, послѣдовавшая за экспедиціею Грихальвы, состоялась въ 1519 г. Но для Кортеса мало было скромнаго изслѣдованія Мексиканскаго побережья; онъ задался цѣлью завоевать страну, и извѣстно, съ какою храбростью, проницательностью и осторожностью, и въ то же время, съ какимъ вѣроломствомъ, съ какимъ жестокимъ пренебреженіемъ къ побѣжденнымъ ему удалось достигнуть своихъ цѣлей; въ 1521 году, столица и всѣ подвѣдомственные ей округи были окончательно подчинены, и вооруженныя экспедиціи разсѣялись во всѣ стороны, чтобы расширить территорію Новой Испаніи. Олидъ и Сандоваль объѣхали къ западу отъ Мексико, Мичоаканъ, Колиму, до побережья Тихаго океана; Альварадо углубился въ гористыя области до Гватемалы; самъ Кортесъ овладѣлъ страною Пануко, на восточномъ склонѣ горъ, опоясывающихъ съ сѣверной стороны бассейнъ Мексико; затѣмъ пустившись преслѣдовать своего возмутившагося лейтенанта, Олида, который отправился моремъ въ Гондурасъ, онъ проникъ на юговостокъ въ Табаско, Чіапасъ, въ страну лакандоновъ и мопановъ. Изъ всѣхъ экспедицій Кортеса это—самое замѣчательное путешествіе по необитаемымъ рѣкамъ и болотамъ и дремучимъ лѣсамъ: при переходѣ по равнинамъ Табаско ему пришлось построить до «пятидесяти мостовъ на протяженіи двадцати лье»; пищевые запасы всѣ изсякли, приходилось кормиться корнями, ягодами, мелкими животными, пойманными подъ листьями. Даже и въ настоящее время очень рѣдки путешественники, которые при всѣхъ рессурсахъ, предлагаемыхъ современною цивилизаціею, отваживаются слѣдовать дорогой, проложенной Кортесомъ. Послѣ него ни одинъ изъ испанскихъ завоевателей не пытался проникать въ эту страну; удовольствовались занятіемъ Юкатана, страны, болѣе доступной, которая была завоевана въ теченіе періода времени отъ 1527 до 1542 года.

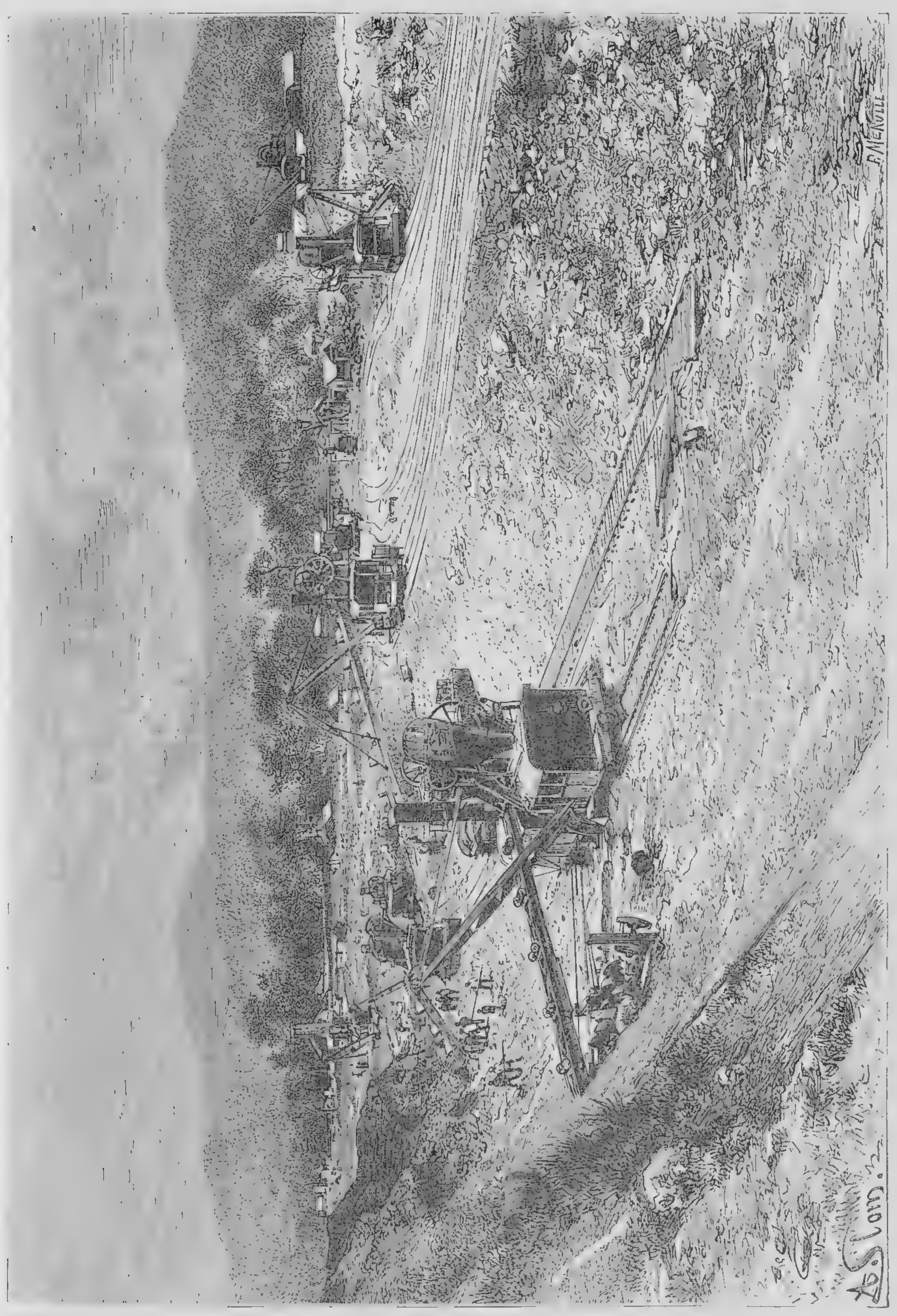
Сѣверо-западныя области, менѣе населенныя и не столь богатыя, не такъ сильно возбуждали рвеніе завоевателей, какъ южныя провинціи; тѣмъ не менѣе, экспедиціи были посланы и въ этомъ направленіи; суда, паруса и снасти которыхъ были перевезены изъ Вера-Круца на Мексиканское плоскогорье, добрались до береговъ Калифорнійскаго залива, а въ 1533 г. флотилія подъ командою Кортеса вступила въ самый заливъ; онъ же далъ и названіе этой знойной странѣ *calida fornax* (жаркая печь), или «Калифорнія» [1]). Въ 1539 г., Франдискъ де-Уллоа проникъ внутрь длиннаго «Багрянаго моря», названнаго такъ или отъ красныхъ водорослей, окрашивающихъ воды нѣкоторыхъ бухтъ, или, скорѣе, по мнѣнію Пинара, отъ темно-красныхъ песковъ, окаймляющихъ его берега; въ слѣдующемъ году, Аларконъ окончилъ обслѣдованіе этого моря и поднялся даже на 85 миль по рѣкѣ Буена-Гвіа, которую съ тѣхъ поръ стали называть ріо Колорадо; два года спустя, Кабрильо, огибая мысъ Санъ-Лукасъ, на оконечности Калифорнійскаго полуострова, направился къ сѣверу по Тихому океану до одного мыса, который, какъ полагаютъ, былъ мысъ Мендосино, лежащій выше 40° широты. На континентѣ Нуньесъ Кабеза-де-Вака, избѣгнувшій опасностей рискованнаго перехода черезъ Флориду, достигнулъ Мексики, въ 1536 г., сѣвернымъ путемъ; въ промежутокъ времени отъ 1530 г. до 1532 г. жестокій Нуньо де-Гусманъ присоединилъ къ испанскимъ владѣніямъ Жалиско и Синалоа; затѣмъ, въ 1539 г., одинъ французскій монахъ, Маркозъ де-Низа, проникъ далеко въ глубь территоріи, называемой въ настоящее время Новою Мексикою, которая составляетъ часть Соединенныхъ Штатовъ: онъ увѣрялъ, что видѣлъ тамъ дивную Сиболу, которая вскорѣ послѣ того, во время экспедиціи Коронадо, оказалась ничѣмъ инымъ, какъ самою обыкновенною деревушкою племени зуньи, гдѣ всѣ жители скучиваются около одного центральнаго двора, въ единственной лачугѣ, построенной вродѣ крѣпости. Экспедиція Коронадо, продолжавшаяся два года, съ 1540 до 1542 года, комбинированная съ морскими изслѣдованіями Аларкона, имѣла результатомъ колонизацію Соноры, сѣверо-западной провинціи нынѣшней республики.

Такимъ образомъ территорія собственной Мексики была обслѣдована испанцами; однако маршруты, наиболѣе отдаленные отъ столицы, не были еще утилизированы для составленія картъ, въ виду недостатка астрономическихъ наблюденій, безъ чего нельзя было установить хотя бы приблизительную точность: въ 1542 г., вице-король Мендоза опредѣлилъ, по наблюденіямъ двухъ лунныхъ затменій, положеніе города Мексико на 29° 42′ западнѣе дѣйствительнаго положенія. Карта Ортеліуса, вышедшая въ 1579 г., опредѣляетъ болѣе или менѣе точно только центральную часть стра-

---

[1]) Jules Marcou, „Notes upon the first discoveries o California and the origin of ist name“.

ны, вокругъ Мексико. Болѣе того—несмотря на всѣ изслѣдованія, сдѣланныя вдоль береговъ Калифорніи, долго утверждали, что суда совершили круговой обходъ вокругъ Калифорніи, и такимъ образомъ островной характеръ этой длинной территоріи вполнѣ установленъ [1]); іезуитъ Сальватіерра, начавшій колонизацію страны въ 1697 году, далъ ей названіе Исла-Каролина (островъ Карла). Только въ началѣ XVIII в. путешествіе миссіонера Крона или Кунта, обыкновенно называемаго испанцами Кино, наконецъ, подтвердили изысканіе первыхъ изслѣдователей. Рукописные документы, которыми владѣетъ *Academia de Historia* въ Мадридѣ, и коллекціи Мексики доказываютъ, что уже съ XVII вѣка націо-

Работы на Панамскомъ перешейкѣ.

[1]) M. Orozco y Berra, „Apuntes para la historia de la Geografia en Mexico".

нальные архивы, къ сожалѣнію, недоступные для изслѣдователей, заключали въ себѣ необходимые матерьялы для полнаго и подробнаго описанія Новой Испаніи; почти всѣ описательные мемуары, посылаемые въ мадридскій совѣтъ по дѣламъ Индіи, сопровождались планами [1]). Однако, даже лучшія карты, изданныя въ то время, грѣшили ошибками, простиравшимися до полу-градуса по широтѣ и до 1—2° градусовъ по долготѣ.

Путешествіе Ал. Гумбольдта, въ 1803—1804 г., было названо «вторымъ открытіемъ Мексики» [2]). Великій изслѣдователь, правда, не посѣтилъ всѣхъ уже извѣстныхъ частей Новой Испаніи, но онъ съ замѣчательною проницательностью сумѣлъ согласовать маршруты своихъ предшественниковъ, провѣряя одни другими, и извлечь изъ нихъ, по крайней мѣрѣ для района плоскогорія, истинную конфигурацію мексиканскаго рельефа, опираясь на точные пункты, которые его астрономическія наблюденія позволяли прибавить къ изысканіямъ испанскихъ инженеровъ. Кромѣ того, онъ изучалъ физическія явленія страны, ея изверженія лавы, ея источники, послѣдовательные поясы ея климата и флоры, направленіе и интенсивность ея вѣтровъ, обиліе выпадающихъ дождей, варіаціи ея магнитныхъ токовъ; наконецъ, онъ сдѣлалъ сравнительную оцѣнку рудныхъ, земледѣльческихъ и промышленныхъ богатствъ Мексики, и опредѣлилъ, такъ сказать, относительную цѣнность этой страны въ кругу всего цивилизованнаго міра. Послѣ продолжительной спячки, въ которую погрузилъ Мексику режимъ абсолютной монополіи, трудъ Гумбольдта былъ настоящимъ откровеніемъ. Онъ показалъ, чѣмъ могла бы стать испанская колонія въ день уже близкой эмансипаціи.

Изслѣдованіе страны не могло продолжаться въ революціонный періодъ, но когда Мексика стала, наконецъ, совершенно свободною, путешественники снова направились къ этой американской землѣ, съ тѣхъ поръ открытой для всѣхъ. Послѣ войны, минералогъ Буркартъ пошелъ по слѣдамъ Гумбольдта и впродолженіи почти десяти лѣтъ съ молоткомъ въ рукахъ объѣхалъ почти всѣ горные рудные районы республики. Примѣру его послѣдовали другіе путешественники всѣхъ національностей, и между ними американцы Стефенсъ и Катервудъ, которые подробно изучили замѣчательные памятники старины, сохранившіеся въ южной части территоріи. Въ то же самое время и сами мексиканцы заинтересовались научными изслѣдованіями своей страны, и въ 1839 г. въ Мексико была основана географическо-статистическая коммиссія: это—одно изъ старѣйшихъ нынѣ существующихъ обществъ этого рода. Она издала драгоцѣнныя записки почти относительно всѣхъ частей республики и подготовила матеріалы для генеральной карты Мексики, болѣе обширной и подробной, чѣмъ карта Гумбольдта; сначала она была издана частями и послужила основаніемъ Гарсіи Кубасу для перваго изданія его атласа, помѣченнаго 1856 годомъ; впродолженіи многихъ лѣтъ она служила главнымъ картографическимъ документомъ относительно мексиканскихъ областей. Наконецъ, подъ руководствомъ Коваррубіаса, приступили къ тригонометрической съемкѣ долины Мексико, что было началомъ работъ по точному землевѣдѣнію. Нѣкоторые ученые, особенно Орозко-и-Берра и Пиментель, своими научными изслѣдованіями пролили свѣтъ на распредѣленіе племенъ въ Мексикѣ, на исторію ихъ переселенія, на происхожденіе, сродство и грамматику ихъ языковъ. Американскіе офицеры, проникшіе въ Сѣверную Мексику во время войны 1846 года, и позднѣе, во время размежеванія границъ, также приняли участіе въ изученіи страны, и карты, составленныя ими въ Сонорѣ, Чигуагуа, Коагуилѣ, Новомъ-Леонѣ, Тамулипасѣ, считаются и по сейчасъ лучшими документами, какіе только имѣются относительно этихъ штатовъ Мексики. Главныя морскія карты, именно карты прибрежья Нижней Калифорніи, также составляютъ труды сѣверо-американцевъ.

Поэтому ошибочно было ожидать, что ученые, сопровождавшіе французскую армію, посланную въ Мексику для созиданія эфемерной имперіи Максимиліана, стяжаютъ себѣ славу, подобную той, какую пріобрѣли ученые, основавшіе *Каирскій Институтъ* и выпустившіе въ свѣтъ *Описаніе Египта*. Этимъ послѣднимъ приходилось изучать страну, заброшенную наукой въ теченіе полутора тысячъ лѣтъ, а тѣ имѣли дѣло со страною, гдѣ уже побывали многочисленные предшественники и гдѣ мѣстные жители служили имъ проводниками и даже руководителями; ихъ дѣло не могло претендовать на оригинальность, присущую открытіямъ; оно составляло лишь продолженіе трудовъ, начатыхъ другими, и служило какъ бы дополненіемъ ихъ. Но тѣмъ не менѣе труды ихъ имѣли важное значеніе, какъ о томъ свидѣтельствуютъ оффиціальные документы, опубликованные въ «*Архивахъ Ученой Коммиссіи*», и въ особенности сочиненія разнаго рода, изданныя по этому случаю многочисленными путешественниками и учеными: планы маршрутовъ, пройденныхъ колоннами экспедиціи, обнимали собою въ итогѣ около 28.000 километровъ [1]). Но въ Мексикѣ

[1]) Marcos Jimenez de la Espada, рукописныя замѣтки.
[2]) C. B. Heller, „Reisen in Mexico“; — Vivien de Saint-Martin, „Archives de la Commission scientifique du Mexique“.

[1]) Niox, „Notice sur lacarte du Mexique“, „Bulletine de la Société de Geographie“, juillet 1874.

продолжаютъ работать въ этомъ направленіи, добиваясь составить топографическую карту въ $\frac{1}{100\,000}$, подобную тѣмъ, какія имѣются въ наиболѣе цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ, при чемъ за исходную точку принята, съ одной стороны, долина Мексико и окрестности Пуэблы, а съ другой—сѣверные районы, изученные коммиссіею мексико-американскихъ границъ. Картографическій отдѣлъ, состоящій при арміи республики, заключаетъ въ себѣ ученый персоналъ почти изъ 120 лицъ [1], но недостатокъ въ деньгахъ не разъ ставилъ это учрежденіе почти въ невозможность продолжать свои работы. Періодъ предварительныхъ изысканій уже почти законченъ, хотя еще въ 1882 году Модслей и Чарней нашли «мертвый городъ» въ лѣсахъ Чіапаса, близъ гватемальской границы.

II. Мексика въ тѣсномъ смыслѣ, къ сѣверу отъ Тегуантепекскаго перешейка.

Въ совокупности своего рельефа Мексика въ собственномъ смыслѣ представляетъ собою возвышенность, на которой стоятъ массивы и цѣпи горъ; несмотря на часто повторяемыя слишкомъ смѣлыя обобщенія Гумбольдта, эти горы не имѣютъ ни по рельефу, ни по оріентировкѣ никакого соотношенія съ системою Андовъ въ Южной Америкѣ; рельефъ Мексики связанъ скорѣе съ Калифорнійскими горами, но только съ многочисленными перерывами. Средняя высота страны надъ уровнемъ моря выражена значительною цифрою въ 1.105 м. [2]; плоскость, проведенная на этой высотѣ надъ уровнемъ океана, отдѣлила бы отъ подлежащаго пьедестала громадный треугольный массивъ, вершина котораго приходилась бы на юго-востокѣ, господствуя надъ Техаунтепекской низменностью, и который оканчивался бы на сѣверо-западѣ двумя параллельными рогами, направляющимися къ Соединеннымъ Штатамъ. Центральное нагорье Мексики ограничено съ двухъ сторонъ, на склонахъ къ Атлантическому и Тихому океанамъ, краевыми горными цѣпями или, по крайней мѣрѣ, рядами выступовъ рельефа, составляющихъ сплошную закраину; оба эти ряда горъ получили, тотъ и другой, названіе *Sierra Madre*, или «цѣпи-матери»,—названіе, которое встрѣчается почти во всѣхъ частяхъ испанской Америки, примѣняемое къ господствующимъ хребтамъ страны. Какъ всѣ краевыя цѣпи, сіерры Мадре Мексики представляютъ рѣзкій контрастъ своими противуположными склонами: на океаническомъ склонѣ скаты очень круты, обрывисты, исполосованы разсѣлинами, откуда сыпятся обвалы, изрыты грозными барранками, мѣстами расширяющимися и содержащими зеленѣющіе бассейны, послѣдовательные ярусы для городовъ и запашекъ; на внутреннемъ склонѣ скаты болѣе отлоги и обращены къ высокимъ землямъ. Общій видъ территоріи, которая постепенно суживается между двумя цѣпями по направленію къ югу, представляетъ собою, такъ сказать, длинную аллею, примыкающую къ лабиринту. Иммигрирующія населенія, приходившія съ сѣвера, постепеннымъ движеніемъ впередъ были приводимы къ южному углу, т. е. къ бассейну Мексико и къ равнинамъ Пуэблы, ограниченнымъ съ юга Юнтою, или встрѣчею двухъ высокихъ хребтовъ.

Треугольной впадинѣ, заключающейся между двумя сіеррами, часто даютъ названіе Мексиканскаго «плоскогорія»; иногда также, по примѣру Клавигеро и Гумбольдта, ее называютъ просто Анагуакъ или Анагуакское «плато», по имени той области, въ которой находится городъ Мексико. Однако, *mesa* или «столъ» Мексики вовсе не представляетъ собою ровной поверхности, какъ можно бы было заключить изъ обычныхъ названій: въ совокупности своей впадина, ограниченная двумя сіеррами Мадре, представляетъ скорѣе рядъ бассейновъ, большею частью озернаго происхожденія, которые расположены одинъ надъ другимъ, уменьшаясь въ высотѣ по направленію съ юга на сѣверъ; но раздѣляющіе ихъ барьеры представляютъ такое незначительное препятствіе для переходовъ и путешествій, что уже въ прошломъ вѣкѣ могли легко проложить дорогу отъ Мексико до Санта-Фе, въ Новой Мексикѣ, на протяженіи 2.200 километровъ, и въ экипажахъ свободно переѣзжали изъ одного города въ другой [1]. Въ южной части возвышенностей вокругъ Мексико, бассейны относительно не велики, но въ высоту переходятъ за 2.000 м.; даже бассейнъ Толука, лежащій въ углу, образуемомъ двумя большими расходящимися цѣпями, возвышается по крайней мѣрѣ на 2.580 м. надъ уровнемъ моря. По мѣрѣ удаленія отъ Анагуака, сіерры постепенно расходятся, промежуточныя возвышенныя равнины становятся шире, и въ сѣверной области республики обширныя пространства, ограниченныя горами, представляютъ во многихъ мѣстахъ поверхность чуть-чуть волнистую или перерѣзанную невысокими буграми. Въ своемъ сѣверномъ уклонѣ промежуточное между сіеррами пространство покато къ востоку, такъ какъ восточная сіерра въ среднемъ гораздо уже и

[1]) Garcia Cubas, „Cuadro Geografico de los Estados Unidos Mexicanos“.

[2]) Ch. Perran, рукописныя замѣтки.

[1]) Alex. de Humboldt, „Essai politique sur la Nouvelle-Espagne“.

ниже западной: ея средняя высота равняется 2.000 метрамъ, почти на 500 метровъ меньше высоты западнаго хребта [1]).

Третья сіерра, параллельная двумъ предыдущимъ, но совершенно отдѣльная отъ цѣпей, господствующихъ надъ континентальной массай Мексики, это — неровный, два раза прерывающійся хребетъ Калифорнійскаго полуострова. Уединенные холмы, «затерявшіяся горы», какъ ихъ называютъ, образуютъ какъ бы рядъ вѣхъ въ пространствѣ, заключающемся между массивами американской Калифорніи и горною цѣпью полуострова, принадлежащаго Мексикѣ, но продолжающаго собою ось Сіерры-Невады: слѣдов., горы этого полуострова, весьма различныя по формѣ и высотѣ, составляютъ особую систему, отличную отъ мексиканскаго рельефа. Невдалекѣ отъ основанія полуострова стоитъ, видимый съ обоихъ морей, самый высокій массивъ, Каламагуе или Санта-Каталина, доминируемый бѣло - снѣжной скалой, высотою въ 3.086 метровъ. Сѣверная горная цѣпь, идущая вдоль береговъ Тихаго океана, оканчивается на сѣверной сторонѣ большой бухты Себастіанъ-Визкаино, и своими слегка наклонными плато примыкаетъ къ хребту, выступы котораго поднимаются надъ восточнымъ берегомъ Калифорнійскаго залива. Эти горы, третичной формаціи, прерываются глубокими оврагами, за которыми возвышается массивъ «Tres Virgines», или «Трехъ Дѣвъ». Эти вулканическія остроконечныя вершины, расположенныя почти посрединѣ длиннаго берега въ 1.300 километровъ, высотою своею не превосходятъ 2.000 м. [2]); онѣ не имѣли изверженій съ 1857 г.; съ тѣхъ поръ замѣчался иногда только паръ, выходившій изъ трещинъ. Другіе вулканы Мексиканской Калифорніи совсѣмъ потухли; единственными свидѣтелями внутренней дѣятельности остались минеральные и горячіе ключи да сольфатары. На западъ отъ этого вулканическаго массива, около средины океанскаго берега тянется гряда горъ въ 1.045 м. высоты, продолжающаяся на своей сѣверо - западной оконечности высокими островами.

На югъ отъ «Трехъ Дѣвъ» тянется кряжъ, состоящій изъ песчаника третичной формаціи; онъ круто обрывается съ восточной стороны и спускается длиннымъ скатомъ въ сторону Тихаго океана, продолжаясь до залива Де-Ла-Пацъ. Вершина этого кряжа, которая, судя по ея названію Cerro del Gigante или просто Giganta, «Гигантъ», можно принять за господствующую надъ всѣмъ Калифорнійскимъ полуостровомъ, имѣетъ всего 1.388 метровъ, при средней высотѣ главнаго хребта менѣе 1.000 метровъ. Что касается южной оконечности полуострова, на югъ отъ Де-Ла-Паца, то она представляетъ собою нѣчто въ родѣ гранитнаго острова и оканчивается двумя параллельными грядами, изъ которыхъ одна, по словамъ Девея, имѣетъ остроконечную вершину въ 1.890 метровъ. Почти во всѣхъ прибрежныхъ массивахъ геологи находили рудныя жилы золота, серебра, мѣди, желѣза: золото преобладаетъ въ сланцахъ западнаго берега, тогда какъ серебряныя руды встрѣчаются преимущественно въ порфирахъ восточнаго берега [1]).

Впрочемъ, несмотря на ея узкую конфигурацію, дѣлающую страну весьма доступною, Нижняя Калифорнія, — выраженіе, употребляемое въ смыслѣ «Южная Калифорнія», еще очень мало извѣстна, вслѣдствіе своей безплодности и малонаселенности; высота горъ измѣрена и исчислена только мореплавателями. Они же замѣтили контрастъ береговъ, изъ которыхъ омываемый Калифорнійскимъ заливомъ—крутой и скалистый, а берегъ тихо-океанскій—болѣе мягкаго и округленнаго очертанія: во многихъ мѣстахъ онъ окаймленъ низкимъ пляжемъ, песчаными островами и береговыми валами. Ближайшая къ восточному берегу горная цѣпь вздымаетъ свои береговыя скалы надъ бездною провала, въ которую проникъ широкій океаническій рукавъ, заполнившій пространство между Мексикой и полуостровомъ. Острова восточнаго берега, расположенные по оси, совершенно параллельно горамъ полуострова, имѣютъ значительный рельефъ. Одинъ изъ нихъ, Анжель-де-Гуардія, достигаетъ 1.315 метровъ. Въ совокупности прибрежные острова Нижней Калифорніи занимаютъ пространство гораздо большее, чѣмъ всѣ прочіе острова Мексики.

Перерѣзанныя прямою линіею границы штата Аризоны,—который названъ такъ по имени одной небольшой горы, служащей межою между американскимъ Тубакомъ и мексиканскою Санта-Магдаленою,—различныя горныя цѣпи, которыя опоясываютъ съ сѣвера низменность ріо Гилы, врѣзываются въ територіи Соноры и Чигуагуа, выставляя съ юго-восточной стороны профили своихъ параллельныхъ гребней; въ цѣломъ всѣ эти горные хребты обозначаются общимъ наименованіемъ Сіерра-Мадре. Въ средней своей части скалы состоятъ преимущественно изъ гранита и сіенита, но осадочныя формаціи также составляютъ значительныя наслоенія, особенно углекислой извести, заключающія въ себѣ мѣстами незначительные залежи антрацита. Точно такъ же, какъ и въ горахъ Нижней Калифорніи, изверженія лавы прорывались здѣсь во многихъ пунктахъ, и эрратическіе валуны

[1]) Niox, „Notice sur la carte du Mexique".
[2]) По Девею и Пайльезу, 2.152 м. Въ Мексикѣ высота большей части горъ показана различными изслѣдователями разно.

[1]) E. Guillemin, „Archives de la Commission Scientifique du Mexique". Tome II.

разсѣяны по склонамъ горъ и равнинамъ на большемъ протяженіи. Существуетъ даже одинъ не вполнѣ потухшій вулканъ, Пинакате (1.656 метровъ), который возвышается внѣ Сіерры-Мадре въ собственномъ смыслѣ, въ нѣсколькихъ стахъ километрахъ восточнѣе Колорадскаго лимана; съ середины громаднаго поля лавы, разстилающагося съ южной стороны горы, возвышаются нѣсколько второстепенныхъ конусовъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ пещеру, откуда въ изобиліи выдѣляются сѣрные пары; индѣйцы приносятъ здѣсь жертвы мѣстному генію: стрѣлы, раковины, головы животныхъ [1]).

Вулканъ Попокатепетль.

[1]) Alfonse Pinart, „Bulletin de la Société de Géographie". Septembre 1880.

Средняя высота горъ Соноры около 1.500 метровъ, но нѣкоторые изъ ея выступающихъ массивовъ, которые тянутся на западѣ вблизи моря, достигаютъ болѣе значительной высоты, выглядя еще величественнѣе оттого, что они являются взорамъ во всю величину, отъ подошвы до вершины, съ ихъ конечными утесами, ихъ кручами и контрфорсами: таковы, находящіяся близъ аризонской границы, Соноальскія горы, одна изъ вершинъ которыхъ поднимается на 2.882 метра; таковъ и лежащій на югѣ Соноры массивъ Аламосъ (1.791 метръ), за которымъ слѣдуютъ, въ Синалоа, еще другія береговыя гряды. Зимою эти высокія горы покрыты на вершинахъ слоями снѣга. Во всѣхъ горахъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ рудныя мѣсторожденія золотоноснаго серебра, и жилы этихъ рудъ, крайне неправильныя, переплетаются въ горныхъ породахъ по различнымъ направленіямъ.

Въ юго-восточной части Соноры, Сіерра-Мадре возвышается постепенно, сохраняя свою геологическую формацію и свою внѣшнюю форму: одна изъ ея вершинъ, Іезусъ-Марія, въ массивѣ Тарахумара, превышаетъ 2.500 метровъ, а пикъ Фрайлеситосъ, близъ Батопиласа, достигаетъ 3.000 метровъ. По мѣрѣ того, какъ хребты растутъ въ высоту, они все болѣе и болѣе приближаются къ прибрежью и обращаютъ такимъ образомъ къ морю свои крутые откосы: съ прудовъ и дюнъ у морскаго берега можно видѣть обрисовывающіяся на горизонтѣ высокія вершины, заходящія за поясъ облаковъ. Высокіе хребты и *bufas*, или разрѣзанные гребни, тянутся въ видѣ сплошной цѣпи на среднемъ разстояніи около 100 километровъ отъ берега; многія изъ вершинъ превышаютъ 3.000 метровъ. Вершина Пималь, въ сіеррѣ дель-Найаритъ, возвышается на 3.450 метровъ. Но далѣе, терраса Мексиканскаго плоскогорья и господствующія надъ ней горы теряютъ въ своемъ рельефѣ всякую кажущуюся правильность; массивы, связанные между собою неровными ущельями, не имѣютъ уже болѣе правильнаго направленія: только на востокѣ обрисовываются болѣе величественныя группы, замѣчательныя своимъ чрезвычайнымъ обиліемъ жилъ серебряной руды, тогда какъ на югѣ глубокая долина ріо Лермы обозначаетъ собою раздѣльный поясъ всей горной системы. Какъ разъ противъ этой бреши тянется, на разстояніи ста километровъ отъ моря, островная цѣпь Тресъ-Маріасъ и Санъ-Жуанито, идущая съ сѣверо-запада на юго-востокъ, параллельно оси континентальной сіерры. Самая высокая ея вершина, извергавшая лаву, достигаетъ 735 метровъ.

Въ той части сіерры-Мадре, которая идетъ къ сѣверу отъ Лермы, прежде не было недостатка въ вулканахъ, и во многихъ мѣстахъ видны еще большія пространства, залитыя лавой, голыя или поросшія лѣсами, и цѣлые холмы пепла или шлака. Въ особенности мѣстность Бренья, къ югу отъ Дуранго, представляетъ собою вулканическій хаосъ трещинъ и обваловъ: это настоящая *malpais*, «скверная страна», почти недоступная для переходовъ; но всѣ подземные очаги уже потеряли свой жаръ, и только къ югу отъ раздѣльной черты начинается область внутреннихъ морей лавы, которыя открылись «огненными горами», наискось пересѣкающими Мексику отъ одного моря къ другому; нѣкоторыя изъ этихъ горъ возвышаются совершенно изолированно, или же на отдѣльныхъ массивахъ, другія, напротивъ, открыли свои жерла на самой оси большихъ цѣпей. Себоруко (2.164 метра), или пикъ Ахуакатланъ, составляетъ первую группу остроконечныхъ вершинъ въ этомъ вулканическомъ поясѣ, сосѣднемъ съ Великимъ океаномъ: онъ составляетъ часть хаоса горъ, почти совершенно отдѣленнаго отъ сіерры Мадре долинами и проходами, надъ которыми господствуетъ городъ Гуада лахара. Въ 1870 г. было сильное изверженіе этого вулкана, и съ тѣхъ поръ онъ постоянно выбрасываетъ газы и водяные пары. Въ этомъ массивѣ открываются многочисленные кратеры: два наиболѣе обширныхъ,—одинъ потухшій, другой дымящійся, глубиною въ 300 метровъ каждый,—раздѣлены лишь узкою перегородкою, состоящею изъ нароснихъ конусовъ.

Далѣе, къ югу, Колима также курится, представляя въ совокупности своихъ явленій кажущееся соотношеніе съ Себоруко. Несмотря на свою высоту (3.886 метровъ), этотъ великолѣпный вулканъ не болѣе, какъ южный мысъ болѣе высокой порфировой горы, которую туземцы называютъ «*volcan de Nieve*», т. е. «Снѣжный вулканъ», хотя по Доллфусу и Монъ-Серрату, ея вершина не оканчивается кратеромъ: углубленіе на вершинѣ, которое обыкновенно считаютъ древнимъ огнедышащимъ жерломъ, есть не что иное, какъ амфитеатръ, образуемый двумя оврагами, потоки которыхъ спускаются къ Тихому океану. На склонахъ Снѣговаго вулкана верхняя граница лѣса лежитъ на высотѣ 3.950 метровъ надъ уровнемъ моря: далѣе начинаются снѣга, которые держатся круглый годъ на голой части вершины. Съ конечнаго пункта, который, по измѣреніямъ Барсена, достигаетъ 4.334 метра, спускаешься на югъ, по направленію къ вулкану Фуэго, или «Огненному», который отдѣляется отъ сосѣдняго колосса скалистою оградою. Весьма рѣдкія въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, изверженія Колимы стали теперь болѣе частыми: въ 1869, 1872, 1873, 1885 гг. были выброшены массы пепла, и пассатный вѣтеръ доносилъ ихъ, въ верхнихъ слояхъ воздуха, до Санъ-Луисъ-Потози, на разстояніе въ 450

километровъ къ сѣверо-востоку. Лава также текла изъ вулкана во время этихъ изверженій, но она почти вся изливалась изъ прадаточныхъ конусовъ, «Сыновъ Колимы», и изъ пригорковъ, разсѣянныхъ въ окрестныхъ долинахъ. У сѣверной подошвы горы открывается лагуна Каласоцо, глубокая пропасть, еще неизмѣренная, изливающая свои воды черезъ ріо Санъ-Антоніо; это, повидимому, бывшій кратеръ, наполненный сѣрными источниками [1]). Расположенная на самой закраинѣ высокихъ мексиканскихъ земель и изрытая у подошвы громадными барранками, выходящими на равнину, гора Колима занимаетъ центръ обширнаго горизонта, обнимающаго море и горныя вершины; на востокъ видъ простирается до сверкающей верхушки снѣжнаго Попокатепетля.

Лѣсистый вулканъ Тансптаро (3.655 метровъ) стоитъ подъ той же широтой, какъ и обѣ горы-близнецы Колимы, но онъ ближе къ главной цѣпи и составляетъ просто ея южный контрфорсъ, господствующій надъ обширнымъ горизонтомъ, до Тихаго океана; онъ примыкаетъ къ горѣ Патамбанъ (3.750 метровъ) посредствомъ длиннаго кряжа Перибанъ. Нѣсколько восточнѣе возвышается еще другой вулканъ, но тоже почти изолированный, посреди *malpais* или *pedregal* лавы, которую огибаетъ съ южной стороны ріо Мексвала. Это—Хорульо, высотою въ 1.315 метровъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Гумбольдтъ впервые ознакомилъ свѣтъ съ этимъ вулканомъ, онъ сдѣлался однимъ изъ тѣхъ, имя которыхъ повторяется наиболѣе часто. Извѣстно, что эта гора появилась въ 1759 г. на обработанной землѣ, подъ которою уже нѣсколько мѣсяцевъ слышались продолжительные раскаты грома. Преданіе говоритъ, что кратеры Кукарандиро, расположенные въ 80 километрахъ на востокъ, производили изверженія еще за нѣсколько лѣтъ до появленія Хорульо: подземный очагъ нашелъ себѣ другой выходъ образованіемъ новаго вулкана, и съ того времени первоначальныя жерла совершенно закрылись. Гумбольдтъ освятилъ своимъ авторитетомъ одну легенду, которая, впрочемъ, не основана ни на какомъ заслуживающемъ вѣры документѣ и идетъ даже въ разрѣзъ съ фактами, подтвержденными послѣдующими наблюденіями на всей поверхности земнаго шара. Эта легенда гласитъ, будто Хорульо выросъ изъ земли вдругъ въ теченіе одной ночи; еще наканунѣ здѣсь разстилалась ровная мѣстность, на которой вѣтеръ колыхалъ стебли сахарнаго тростника и индигоносокъ; на слѣдующій день утромъ глазамъ удивленныхъ жителей, разсѣявшихся вдали на холмахъ, предстали шесть большихъ конусовъ, изъ которыхъ одинъ возвышался надъ окружающей равниной болѣе, чѣмъ на 500 метровъ (по Буркату, на 372 метра). Вся мѣстность, будто бы, вздулась, была приподнята расплавленными веществами, и размягченныя скалы, пробитыя въ центрѣ воронкой, возвысились надъ своимъ прежнимъ уровнемъ и образовали ту остроконечную вершину, которая видна теперь. Эта гипотеза восходящаго движенія первоначальной почвы такъ же ошибочна, какъ и гипотеза туземцевъ относительно какой-то мести монаховъ: по ихъ разсказамъ, владѣльцы *haciendas* (мызы) отказались принять съ должною почестью посѣтившихъ ихъ капуциновъ, которые, озлобившись, покинули зеленѣющую равнину и приказали пламени уничтожить ее. Образованіе Хорульо, какъ и всѣхъ прочихъ вулкановъ, слѣдуетъ приписать послѣдовательнымъ изверженіямъ пепла и лавы [1]).

Съ 1860 г. гора отдыхаетъ или, по крайней мѣрѣ, подвергается только слабымъ колебаніямъ. Изъ кратера, широкаго отверстія около 2 километровъ въ окружности и 200 метровъ глубины, выходятъ лишь легкіе пары, почти всегда невидимые и сгущающіеся въ облака только передъ дождями. Склоны горы покрыты частью лѣсами, гдѣ деревья тропическаго пояса перемѣшиваются съ породами умѣренныхъ поясовъ, и «*hornitos*», «маленькія печки», безчисленные придаточные конусы въ нѣсколько метровъ высоты, откуда выбрасывались клубы паровъ, по большей части осѣли; во времена Гумбольдта ихъ температура доходила до 96°; постепенно понизившись, она теперь колеблется между 50—60 градусами. Ріо Санъ-Педро и другой ручей, воды которыхъ испарились во время изверженія и которые, будучи покрыты слоемъ лавы, снова выбивались на поверхность горячими источниками въ нѣсколькихъ километрахъ отъ вулкана,—совершенно утратили свою теплоту: въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ, прошедшихъ между путешествіями Гумбольдта и Буркарта, пониженіе температуры превзошло 23° по стоградусному термометру.

Вулканы Колима, Тенситаро, Хорульо и лежащая восточнѣе ихъ, но тоже на сѣверъ отъ ріо Мекскала, потухшая гора Таско расположены по линіи, параллельной оси Сіерры Мадре, которая тянется, въ среднемъ, на разстояніе около 60 километровъ къ сѣверу. Но эта большая цѣпь и сама почти всецѣло состоитъ изъ эруптивныхъ породъ, древнихъ или новыхъ, заключающихъ въ своихъ долинахъ бассейны, гдѣ пребываютъ озерныя воды и гдѣ отложились четвертичныя наносы. Первый вулканъ, или группа потухшихъ вулкановъ,

[1]) Estéban Garcia, „Informes y documentos relativos à Comercio“, diciembre 1886.

[1]) H. de Saussure, „Bulletin de la Société Vaudoise des Sciences naturelles“, vol. VI, 1859; Poulet Scrope, „Volcanoes“.

Санъ-Андресъ или Тажимароа, на востокъ отъ Морелии, представляетъ еще на одной изъ своихъ вершинъ воронку, наполненную кипящею водою и въ изобиліи выбрасывающую сѣрные пары: эти пары превратили въ сѣрнокислую соль глинистую почву окрестностей и періодически разрушаютъ лачуги рабочихъ, которые занимаются собираніемъ на днѣ лужи сѣры, смѣшанной съ грязью. Другая трахитовая вершина, Серро де-ласъ-Хумаредасъ, обязана своимъ названіемъ обилію «фумароллъ», изъ которыхъ дымъ поднимается цѣлыми тучами, а вблизи бьетъ гейзеръ съ высоты кремнеземнаго конуса въ видѣ колоннъ кипящей воды [1]). Одинъ изъ кратеровъ названъ *Чильядоромъ*, или «Свистуномъ», вслѣдствіе производимаго вырывающимися парами рѣзкаго шума; въ 1872 г., вслѣдствіе сильныхъ землетрясеній, рядомъ съ прежнимъ открылся новый Чильядоръ [2]). Высота этой горы надъ уровнемъ моря, по всей вѣроятности, превосходитъ 4.000 метровъ. Къ сѣверу отъ Морелии и большаго озера Квицео, другая группа, состоящая изъ семи вулкановъ, представляетъ отдѣльный массивъ, окружающій своимъ амфитеатромъ впадину, называемую «долиною» Сантъяго: кратеры Алберки и другой изъ этихъ горъ наполнены щелочною водою, точно такою же, какая просачивается и въ окружающей почвѣ: мѣстный очагъ теплоты, по всей вѣроятности, потухъ, но сѣвернѣе, въ массивѣ Гуанахуато, гейзеры и фонтаны теплой грязи свидѣтельствуютъ о непрерывной дѣятельности подземныхъ паровъ [3]).

Гора «Кспнантекатль», что значитъ «Нагой Владыка», обозначаемая обыкновенно подъ названіемъ Толукскаго Невадо, или «Снѣжной» горы, возвышается почти непосредственно на югѣ города, отъ имени котораго и получила свое названіе. Это одна изъ самыхъ высокихъ вершинъ Мексики, такъ какъ достигаетъ 4.578 метровъ (4.450 метровъ, по Гейльприну и Бэкеру, которые восходили на нее въ 1890 г.), т. е. высоты Монъ-Розы. Правильный отлогій склонъ Невадо легко доступенъ для восхожденія: по примѣру Гумбольдта, путешественникамъ приходится слѣдовать по тропинкѣ, протоенной дровосѣками въ еловомъ и сосновомъ лѣсу; мало-по-малу, по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ, лѣсъ рѣдѣетъ, и его замѣняетъ сначала низкій кустарникъ, а потомъ, близъ краевъ кратера, короткій дернъ, растущій въ разсѣлинахъ порфира: тамъ-то именно и находится граница между поясами растительности и вѣчныхъ снѣговъ, такъ какъ эти послѣдніе держатся на сѣверномъ склонѣ вулкана даже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сильнаго испаренія, т. е. въ сентябрѣ и октябрѣ, придавая съ этой стороны видъ бѣлой опушки ея красноватымъ оврагамъ. На скатахъ находятся два озера прѣсной воды, раздѣленныя пригорками; послѣ ливней, въ сосѣднихъ впадинахъ образуются лужи. Снѣга и дожди не даютъ ни въ какое время года высыхать обоимъ этимъ озерамъ, которыя, въ среднемъ, занимаютъ пространство около тридцати гектаровъ: главный резервуаръ имѣетъ 10 метровъ глубины, и тамъ водятся рыбы особаго рода. Вода въ нихъ очень холодная (6°,25), такъ чиста, какъ дистиллированная, такъ что предлагали утилизировать ее посредствомъ канализаціи, чтобы снабдить ею городъ Толуку. Гора Серро Ахуско (4.153 метра), виднѣющаяся вдали, на восточномъ горизонтѣ Невады, не достигаетъ границы вѣчныхъ снѣговъ; потоки ея лавы спускаются до самыхъ воротъ Мексико. Другіе, меньшіе и уже потухшіе вулканы, Кульаканъ, Озумба, расположены, безъ видимаго порядка, въ той части главной цѣпи, которая тянется къ югу отъ столицы.

Самый знаменитый вулканъ Мексики, имя котораго чаще другихъ повторяется въ географическихъ сочиненіяхъ,—Попокатепетль, или «Дымящаяся Гора», которую долго принимали, ошибочно, за высочайшую точку въ Сѣверной Америкѣ; въ дѣйствительности же она, вѣроятно, не представляетъ собою самой высокой точки даже и для Мексики. Первымъ совершившимъ восхожденіе на Попокатепетль европейцемъ, о которомъ упоминаетъ исторія, былъ испанскій капитанъ Діего-де-Ордацъ: въ 1519 г., когда маленькій побѣдоносный отрядъ Кортеса находился еще въ Тлаксаклѣ, Діего-де Ордацъ отправился въ страну атцековъ, съ цѣлью сдѣлать восхожденіе на вершину «горы Гуаксосинго», откуда вырывался густой бѣловатый дымъ, и проникнуть такимъ образомъ въ тайну, «*saber el secreto*», горы. Но вопросъ—достигъ ли онъ вершины? По Кортесу, онъ былъ остановленъ снѣгами; по Берналю Діацу, онъ добрался до кратера: во всякомъ случаѣ онъ, первый изъ испанцевъ, видѣлъ у своихъ ногъ великую «долину» Мексико и чудесный городъ, храмы котораго блестѣли на солнцѣ среди сверкающей скатерти озеръ; въ награду за этотъ подвигъ, Карлъ V разрѣшилъ храброму капитану носить изображеніе вулкана на его гербѣ. Многіе испанскіе солдаты и францисканскіе монахи также поднимались до самаго жерла кратера [1]) во время періода завоеванія; въ особенности часто упоминается о Монтано и Ларріосѣ, которые взбирались туда за добываніемъ сѣры для изготовленія пороха. Съ начала нашего вѣка,

[1]) H. de Saussure, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris.“ 1857.

[2]) Santiago Ramirez, „Riqueza minera de México“.

[3]) Archives de la Commission Scientifique du Mexique“, tome III.

[1]) Bernard Diaz del Castillo, упомянутое сочиненіе.

восхожденія предпринимались очень часто: относительно говоря, они даются довольно легко, благодаря правильности склона, несмотря на то, что порфировая масса Попокатепетля превышаетъ гору Монбланъ на 600 метровъ: среднимъ изъ одиннадцати сдѣланныхъ измѣреній высоты этого мексиканскаго вулкана надо признать 5.411 метровъ,—по Понсъ де Леону, 5.397 метровъ [1]), слѣдовательно, онъ по крайней мѣрѣ на 225 метровъ ниже своего сѣверо-американскаго соперника, горы св. Иліи [2]). На восточномъ склонѣ нижній предѣлъ вѣчныхъ снѣговъ находится на высотѣ 4.300 метровъ: снѣга заполняютъ собою неровности почвы, и на окружности кратера превращаются въ слой льда, толщиною въ 2—3 метра, который образуетъ ледники, прорѣзанные небольшими расщелинами. На востокѣ, у подошвы горы попадаются многочисленныя разсѣянныя глыбы, появленіе которыхъ слѣдуетъ приписать дѣйствію ледниковъ, спускавшихся прежде съ вершинъ [3]).

Гребень кратера, на которомъ возвышаются двѣ главныя точки, *Pico mayor* и *l'Espinazo del Diablo*, представляетъ собою острый выступъ, по которому надо идти, балансируя, между двумя пропастями: съ одной стороны—взглядъ открывается на востокъ до жаркихъ земель, надъ которыми господствуетъ плоскогорье; съ другой—зіяетъ кратеръ, бассейнъ въ одинъ километръ въ окружности и около 75 метровъ глубиной [4]). Онъ наполненъ снѣгомъ, но струи выбрасываемаго газа, которыя часто перемѣняютъ мѣсто выхода, расплавляютъ бѣлую скатерть вокругъ жерла или *respiradero*; пятна желто-золотистаго цвѣта указываютъ издали на залежи сѣры, и *volcaneros*'ы (собиратели сѣры) почти каждый день приходятъ собирать этотъ продуктъ, спускаясь въ глубь кратера въ ивовой корзинѣ, которая двигается посредствомъ ворота, помѣщеннаго на краю пропасти [5]). Годовая эксплоатація, значительно уступающая производству, которое оцѣниваютъ въ одну тонну въ день [6]), составляетъ въ годъ всего только 48 тоннъ [7]); что касается снѣга, то его собираютъ на наружныхъ склонахъ горы. Источникъ, бьющій въ глубинѣ кратера, наполняетъ зеленоватую лужу, воды которой, по словамъ туземцевъ, снова просачиваются у подошвы вулкана въ видѣ теплыхъ ключей. Изверженія Попокатепетля бываютъ очень рѣдко; и въ нынѣшнемъ столѣтіи они значительно слабѣе, чѣмъ были въ вѣкъ завоеванія, особенно въ 1539 г. Къ сѣверу отъ этого гиганта находится гора не столь высокая (4.900 метровъ), но все же превышающая высоту Монблана,—Икстаксихуатль, или «Бѣлая женщина»; это вовсе не вулканъ, хотя туземцы страшно боятся ее и сложили про нее массу легендъ; никогда ни малѣйшая струйка дыма не закоптила снѣжную мантію, покрывающую ея конусъ безъ кратера. По преданію ацтековъ, обѣ эти горы были богами, и Икстаксихуатль считалась супругою Попокатепетля [1]). «Дымящаяся Гора» служитъ вѣрнымъ барометромъ для населенія, живущаго у ея подошвы. Если паръ, выходящій изъ кратера, густаго чернаго цвѣта и поднимается громадными клубами по направленію къ сѣверу, то ожидаютъ дождя. Когда же, напротивъ, пары клонятся къ югу, то это предвѣщаетъ морозъ и стужу. Вертикальное восхожденіе пара, въ видѣ дымящейся колонны, служитъ предвѣстникомъ сильнаго вѣтра или землетрясенія. За два или за три часа до грозы, имѣющей разразиться въ равнинѣ, замѣчаются цѣлые фонтаны пепла и пемзы, выбрасываемыхъ время отъ времени изъ кратера.

Обѣ горы-сестры, господствующія надъ «долиною» Мексико, возвышаются почти у угла треугольнаго бастіона, образуемаго центральнымъ плоскогорьемъ Анагуака. Восточная и западная сіерры Мадре скрещиваются своими гребнями по близости Техуакана, и отъ этого соединительнаго узла, или *junta*, обѣ цѣпи сливаются уже въ одну, тянущуюся до самаго Техуантепекскаго перешейка, подобно вѣтвямъ дерева, сросшимся въ одинъ стволъ. Хотя западная Сіерра-Мадре, повидимому, и оканчивается въ незначительномъ разстояніи къ востоку отъ Мексико, прерванная валомъ горъ, принадлежащимъ къ другой линіи вершинъ, но породы вулканическаго характера продолжаютъ этотъ поясъ гораздо дальше Попокатепетля; Малинцинъ или Малиншъ, Матлалкуэятль древнихъ ацтековъ (4.107 метровъ), называемый также Доньей Мариной, въ память индіянки, служившей переводчикомъ Кортесу, вздымаетъ свой изолированный массивъ посреди плоскогорья Тлаксала; согласно легендѣ, это дочь Попокатепетля и Икстаксихуатля, которая долго блуждала, ища себѣ благопріятнаго мѣстоположенія [2]). Другія большія вулканическія вершины возвышаются по краямъ

[1]) „Boletin de la Sociedad de Geografia y Estadistica de la République Mexicana", 1873, №№ 8, 9.

[2]) Депеша изъ Мексико отъ 21-го апрѣля 1890 г. сообщала, будто измѣренія Гейльприна опредѣлили высоту Попокатепетля въ 3.000 футовъ или 900 метровъ. Подобная ошибка со стороны геодезистовъ непонятна, потому что если бы произошелъ обвалъ или взрывъ вершины, то, конечно, о такомъ знаменательномъ фактѣ не преминули бы сообщить въ свое время.

[3]) José Lobato, „Boletin de la Sociedad de Geografia". 1876, №№ 1 и 2.

[4]) Virlet d'Aoust, „Ascencions au Popocatepetl et à l'Ixtaccihuatl".

[5]) J. Leclercq, „Voyage au Mexique".

[6]) Carlos von Gahern, „Deutsche Rundschau für Geographie". 1885.

[7]) Dollfus; — de Mont-Serrat; — Pavie, упомянутое сочиненіе.

[1]) Camargo; — Gomara; — Prescott, и проч.

[2]) Alex. Humboldt, „Volcans des Cordillières".

высокихъ земель на краевыхъ цѣпяхъ, принадлежащихъ къ сіеррѣ, господствующей на востокѣ. Двѣ наиболѣе высокія горы этой цѣпи—также вулканы: Кофре-де-Пероте и Пикъ д'Оризаба, которые оба видны съ моря. Кофре обязанъ своимъ названіемъ четыреугольной формѣ (Cofre—сундукъ) своей высокой вершины (4.089 метровъ), которая, вознесясь къ небу въ видѣ громаднаго саркофага, часто бываетъ окутана слоями облаковъ. Ацтеки называли эту гору такъ же, какъ и испанцы, именно Наухкампатепетль, т. е. «Четырегранная Гора». Она окружена полемъ лавы, на которомъ, на западъ отъ вулкана, находится пещера Чинакамоте, длиною отъ шести до семи лье, по словамъ туземцевъ, но трудно проходимая, по причинѣ валяющихся глыбъ, оторвавшихся отъ свода: черезъ эту пещеру, вѣроятно, нѣкогда вылилась цѣлая рѣка жидкой лавы [1]). Жерла паразитныхъ вулкановъ, теперь уже погасшихъ, открываются по сторонамъ Кофра, и длинные застывшіе потоки лавы спускаются отъ его подошвы къ морю; даже за третичными и четвертичными слоями, прикрывающими древнія формаціи побережья, вдоль пляжей тянется цѣпь каменныхъ подводныхъ рифовъ, происшедшая отъ древнихъ изверженій: это—«Бокилья-де-Пьедрасъ». Макупльтепекъ, или «Пять горъ», на склонахъ котораго пріютилась очаровательная Жалапа,—также вулканъ, съ кратеромъ, покрытымъ растительностью.

Вулканъ Оризаба, возвышающійся надъ городомъ того же названія, въ пятидесяти километрахъ къ югу отъ Кофра, можетъ соперничать по высотѣ съ Попокатепетлемъ: по самымъ малымъ оцѣнкамъ, онъ достигаетъ по крайней мѣрѣ 5.295 метровъ [2]); другіе географы даютъ ему 5.400 метровъ, а по Пересу, онъ имѣетъ 5.551 метръ [3]), т. е. на 14 метровъ менѣе, чѣмъ опредѣлилъ его высоту Гумбольдтъ; но тогда онъ былъ бы выше Попокатепетля. Его ацтекское названіе, Цитлалтепетль, или «Гора Звѣзды», происходитъ, быть-можетъ, отъ того, что сіяющая вершина его конуса виднѣется по сосѣдству со звѣздами, или отъ того, что лава, выбрасываемая изъ кратера, прежде производила здѣсь пожары. Эта гора не имѣетъ себѣ соперницъ по правильности своей формы, по красотѣ своего снѣжнаго конуса, возвышающагося надъ зеленѣющимъ поясомъ деревьевъ или надъ измѣнчивыми облаками атмосферы. Нижніе склоны горы вполнѣ доступны для восхожденія, но взлѣзаніе на самую вершину конуса сопряжено съ большими трудностями, такъ что среди путешественниковъ мало находилось смѣльчаковъ, которые отваживались бы проложить ступени въ снѣгахъ вершины и добраться до пепла и шлаковъ главнаго кратера. Впервые этой кульминаціонной точки достигли, въ 1848 г., Рейнольдсъ и Мейнардъ, офицеры сѣверо-американской арміи, вторгшейся въ страну; три года спустя Дуаньонъ пошелъ по ихъ слѣдамъ и далъ первое описаніе вершины, съ ея тремя жерлами и съ промежуточными перегородками: центральная котловина, овальной формы, имѣетъ 450 метровъ въ окружности и отъ 35 до 40 метровъ глубины. Послѣднее большое изверженіе было въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія [1]). Еще въ половинѣ XIX вѣка, пары и сѣрные фонтаны выбрасывались изъ разрушавшихся скалъ, которыя трескались, какъ куски штукатурки на ветхой стѣнѣ; но очень рѣдко случалось видѣть эти колонны прозрачнаго газа изъ деревень, лежащихъ внизу; оттуда видна была только внутренняя перегородка кратера, открытаго въ косомъ направленіи, такъ что его склонъ можно было смѣшать со склономъ самой горы [2]). Въ 1878 г., очагъ совершенно потухъ. Кратеръ обыкновенно наполненъ снѣгомъ; вѣтромъ снѣгъ этотъ заносится также въ боковыя расщелины и превращается тамъ въ ледъ, что дало поводъ нѣкоторымъ географамъ говорить о «ледникахъ», будто бы спускающихся съ вершины Оризабы; какъ и на Попокатепетлѣ, рабочіе приходятъ на Гору Звѣзды запасаться твердымъ снѣгомъ. Склоны Оризабы и окрестныя равнины усѣяны побочными вулканами, высотою отъ 120 до 150 метровъ, которые имѣютъ видъ гигантскихъ могилъ; туземцы и дѣйствительно вѣрятъ, что это могильные курганы, воздвигнутые на трупахъ древнихъ царей. Они погасли, должно быть, въ весьма отдаленную эпоху, такъ какъ покрыты лѣсною растительностью, и даже самые кратеры обратились въ чаши зелени. Однако, на сѣверо-западѣ, въ массивѣ Деррумбадеросъ (3.120 метровъ), дѣйствуетъ еще одно огнедышащее жерло, на вершинѣ вулканическаго холма, расположеннаго къ сѣверо-западу отъ Тепетитлана и образующаго треугольникъ съ вулканами Кофромъ и Цитлалтепетлемъ; оно постоянно извергаетъ пары и раскаленныя вещества [3]).

Пикъ Оризаба не составляетъ конечнаго межеваго столба въ поясѣ мексиканскихъ вулкановъ: на берегу моря возвышается еще отдѣльный массивъ возлѣ крайняго изгиба, образуемаго Мексиканскимъ заливомъ, между континентомъ и полуостровомъ Юкатанъ. Этотъ массивъ называется Тукстла и имѣетъ

[1]) Virlet d'Aoust, „Topographie et Géologie du Mexique".
[2]) Garcia Cubas, упомян. сочин.; 5.384, по Морфи.
[3]) Claine, „Société de Géographie", отчетъ засѣданій 1890.

[1]) Guido Cora, „Cosmos", т. V. 1878—1879.
[2]) J. W. von Müller, „Reisen in den Vereinigten Staaten, Canada und Mexico".
[3]) Karl B. Keller, „Petermann's Geographische Mittheilungen". 1857, Heft. IX и X.

1.500 метровъ высоты; онъ находится въ 220 километрахъ по прямой линіи отъ вулкана Оризаба, и обширныя пространства наносныхъ

Водопадъ Регла.

земель, гдѣ развѣтвляются потоки воды, отдѣляютъ его отъ горъ Сіерры-Мадре. Изверженіе лавы было въ 1664 году, затѣмъ вулканъ отдыхалъ въ теченіе ста двадцати девяти лѣтъ. Пробужденіе горы въ 1795 году было по истинѣ ужасно: разсказываютъ, что пепелъ изверженія долеталъ съ одной стороны до Вера-Круца и Перота, а съ другой до Оаксаки [1]). Очагъ, питаемый, безъ всякаго сомнѣ-

[1]) Landgrebe, „Naturgeschichte der Vulcane".

нія, водами моря, лагунъ и сосѣднихъ болотъ, снова оживился еще въ недавнюю эпоху. По единодушному свидѣтельству туземцевъ, эти двѣ горы, Оризаба и Тукстла, «бесѣдуютъ» глухими раскатами, вродѣ отдаленнаго грома [1]). Массы изъ лавы, выдвинутыя Тукстлой въ море, составляютъ восточную оконечность вулканическаго извилистаго пояса, центральная ось котораго, длиной около 1.180 километровъ, совпадаетъ почти съ 19° широты [2]) и продолжается далеко въ Тихомъ океанѣ, до Гавайскаго архипелага. Необитаемые острова Ревилья-Жиживдо, лежащіе на протяженіи этой идеальной линіи, по всей вѣроятности, тоже вулканическаго происхожденія: суда, плавающія въ тѣхъ пространствахъ моря, часто встрѣчали плавучіе слои пемзы [3]). Область мексиканскихъ вулкановъ составляетъ также и главный поясъ землетрясеній, колебанія которыхъ обыкновенно распространяются съ востока на западъ, слѣдуя по тому же направленію, по какому идутъ расщелины изверженія; провинція Жалиско въ особенности часто подвергается колебаніямъ почвы. Констатировали, что зданія, воздвигнутыя на гранитѣ или на порфирѣ, болѣе всего страдаютъ отъ землетрясеній [4]).

Восточная Сіерра-Мадре, съ ея главными вершинами, Кофромъ и Цитлалтепетлемъ, такъ же, какъ и западная Сіерра-Мадре, составляетъ продолженіе горъ, принадлежащихъ Соединеннымъ Штатамъ. Параллельныя гряды Апачскихъ горъ, которыя ріо Браво перерѣзываетъ рядомъ ущелій, расположенныхъ по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, снова появляются на правомъ берегу этой рѣки и продолжаютъ въ юго-восточномъ направленіи свои известковые валы юрской формаціи, съ крутыми утесами, съ рѣзкими контурами, пробитые мѣстами эруптивными массивами. Средняя высота этихъ кряжей не превышаетъ тысячи метровъ; но они постепенно повышаются къ югу также, какъ западная краевая цѣпь, и около Сальтильо вершины достигаютъ уже 2.000 метровъ. Въ этой области Сѣверной Мексики обѣ цѣпи, сходящіяся въ одну, какъ восточная, такъ и западная сіерры, еще не соединены между собою поперечными кряжами; напротивъ того, онѣ раздѣлены обширными равнинами, бассейнами по-третичной наносной земли, нѣкогда отложенной внутренними морями, которую вѣтеръ вздымаетъ въ высокія дюны: ихъ называютъ льяносами (llanos), подобно луговымъ пространствамъ въ Венецуэлѣ; но въ Мексикѣ эти пространства дна бывшихъ озеръ покрыты иной растительностью и раздѣлены на отдѣльныя низины небольшими массивами холмовъ, вулканическаго или инаго происхожденія, возвышающимися надъ равниною; эти небольшія цѣпи слѣдуютъ по большей части по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, параллельно двумъ большимъ краевымъ горнымъ цѣпямъ, образуя такимъ образомъ узкіе проходы, клюзы или *cañones*, въ которыхъ пробираются ручейки и проложены дороги [1]). Льяносъ де-лосъ-Кристіаносъ, занимающій нѣсколько тысячъ квадратныхъ километровъ, къ югу отъ ріо дель-Норте и ея притока ріо Кончосъ, представляетъ собою одну изъ такихъ степей, разрѣзанную многочисленными холмами и множество второстепенныхъ равнинъ. Далѣе къ югу разстилается льяносъ де-лосъ-Гигантесъ, или «Исполиновъ», названный такъ по костямъ исполинскихъ животныхъ, найденнымъ въ глинахъ и пескахъ, которыя считали прежде за кости древнихъ великановъ; этотъ льяносъ совсѣмъ ровенъ, и его однообразіе нарушается только нѣсколькими невысокими пригорками. Онъ продолжается далѣе къ юго-востоку и образуетъ Больсонъ, или «Кошель» Мапими — песчаный и соляной бассейнъ, совершенно пустынный почти на всемъ своемъ протяженіи около 100.000 квадратныхъ километровъ. Больсонъ де-Мапими — это мексиканская Сахара.

Къ югу отъ этой низменности почва поднимается, и двѣ главныя цѣпи страны соединяются одна съ другой промежуточными массивами и высотами гористаго плато. Къ юго-востоку отъ Сальтильо, первая группа вершинъ достигаетъ 2.560 метровъ; южнѣе, одинъ пикъ руднаго района Каторсе возвышается на 2.730 метровъ; гребень Большая Вета-де-Закатекасъ поднимается на 2.786 метровъ; Серро-де-ла-Круцъ, близъ Агуаскаліентеса, имѣетъ 3.000 метровъ; близъ Гуанахуато, гребень «Гиганта» возвышается на 3.250 метровъ надъ уровнемъ моря, тогда какъ сосѣдняя вершина, болѣе грандіозная, несмотря на свое скромное названіе Льянитосъ, или «Маленькіе льяносы», на 100 метровъ выше; наконецъ, вся сѣверная часть штатовъ Кверетаро и Гидальго занята цѣлымъ хаосомъ вершинъ, между которыми нѣсколько горъ выдаются своими замѣчательными контурами, какъ, напримѣръ, Маманчота (2.977 метровъ), Органосъ, или «Органы» Актопана, названныя такъ по своимъ порфировымъ башнямъ, которыя возвышаются на-подобіе исполинскихъ органныхъ трубъ.

Результатомъ такого спорадическаго расположенія массивовъ, разбросанныхъ по плоскогорью, является то удобство, что ихъ почти вездѣ легко обойти, не имѣя надобности переходить черезъ нихъ. Такъ, естественные пути, которыми слѣдовали эмигранты и завоеватели,

---

[1]) Lucien Biart, „La Terre Chaude".
[2]) Humboldt, „Essai politique sur la Nouvelle-Espagne".
[3]) Poulet Scrope, „Volcanoes".
[4]) Hugo Fink, „La Naturaleza", 1875. № 4.

[1]) Virlet d'Aoust, „Société Géologique de France". Засѣданіе 6 ноября 1865 г.

огибаютъ Малинче, Попокатепетль и извиваются вокругъ массивовъ Гидальго, Кверетаро и Гуанахуато. Съ другой стороны, склоны плоскогорья во многихъ мѣстахъ слишкомъ затруднительны для восхожденія и въ особенности неудобны для обхода по горизонтальному направленію, вслѣдствіе глубокихъ барранокъ, вырытыхъ параллельно на склонахъ горъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва состоитъ изъ пемзы и золы, разъѣдающія воды вырыли громадныя борозды въ нѣсколько сотъ метровъ глубины, которыя соединяются въ болѣе широкіе овраги, прежде чѣмъ слиться съ уровнемъ поверхности равнинъ. Самыя извѣстныя изъ этихъ ущелій—барранки сіеррь Тепикъ, вулкана Колимы, Оризабы и сосѣднихъ горъ. Иногда приходится потратить цѣлый день, прежде чѣмъ доберешься до деревни, которая видна изъ мѣста отправленія на ближайшей террасѣ, всего въ какихъ-нибудь нѣсколькихъ километрахъ, а на дѣлѣ оказывается, что ее раздѣляютъ четыре или пять огромныхъ рвовъ съ обрушивающимися откосами, гдѣ проторены опасныя тропинки. Попадаются очень древнія пропасти, откосы которыхъ совершенно исчезаютъ подъ зеленью; спустившись на дно ущелья, замѣчаешь узкую струйку воды, извивающуюся подъ травою, и невольно дивишься, какимъ образомъ такой слабый геологическій дѣятель могъ вырыть землю на такую большую глубину.

Но, разрушая въ одномъ мѣстѣ, природа созидаетъ въ другомъ: констатировано, что на плоскогорьяхъ уединенныя горы, даже вулканы—геологически недавняго происхожденія и склоны большихъ горъ, вродѣ Попокатепетля, покрыты глинистымъ и глинисто-мергельнымъ слоемъ, имѣющимъ, въ среднемъ, отъ 60 до 100 метровъ толщины. Эти слои состоятъ всецѣло изъ пыли, наносимой маленькими смерчами (remolinos de polvo), носящимися по плоскогорью, «подобно подвижнымъ минаретамъ, то исчезающимъ, то опять появляющимся». И откуда берется эта пыль, сплошь покрывающая горы, если не изъ другой почвы новѣйшей формаціи, изъ *tepetate*, т. е. глины, которую дожди смываютъ со скалъ и отлагаютъ тонкими наносными слоями? [1])

Къ югу отъ горъ, лежащихъ между двумя господствующими цѣпями, тянется рядъ равнинъ, бывшихъ нѣкогда дномъ озеръ или внутреннихъ морей. Одна изъ этихъ равнинъ называется Бахіо: это—длинная, излучистая впадина, которая извивается на протяженіи 200 километровъ у основанія массивовъ Гуанахуато; она покрыта черной глиной, очень хрупкой, происшедшей отъ разложенія базальтовыхъ скалъ. Въ этой области, занимающей собою угловатое пространство, ограниченное двумя сходящимися сіеррами, средняя высота пьедестала превышаетъ 2.000 метровъ: только немногіе города помѣщаются въ углубленіяхъ меньшей высоты. Морелія, расположенная въ низкой долинѣ, у сѣвернаго основанія цѣпи вулкановъ, лежитъ всего на высотѣ 1.950 метровъ. Толука построена на высотѣ 2.580 метровъ. Вблизи нея деревня Тлалуэпантла расположена на высотѣ 2.758 метровъ; а въ провинціи Гидальго горнозаводскій городъ, называемый Минераль-дель-Монте, находится на высотѣ 2.758 метровъ; наконецъ, ранчо Тламекасъ, расположенный на склонахъ Попокатепетля, и обитаемый круглый годъ, находится на высотѣ 3.810 метровъ надъ уровнемъ моря; на такой высотѣ жизнь иногда становится затруднительной для уроженцевъ болѣе низкихъ мѣстностей.

Горы, продолжающія къ югу-востоку Анагуакское плоскогорье, не имѣютъ ни малѣйшей симметріи въ своемъ расположеніи: можно предположить, что это остатки древняго плато, искромсаннаго водами: то на томъ, то на другомъ склонѣ снесены отдѣльныя скалы и оставлены массивы и гряды неправильной формы, тянущіеся по разнымъ направленіямъ, параллельно или поперечно очертанію морскихъ береговъ: древніе ацтеки дали этимъ горамъ названіе Микстланъ, или «Страна Оаксаковъ», а испанцы и до сихъ поръ еще называютъ ихъ Микстека-Альта, высокая страна Микстековъ, или «Людей Облаковъ»; гора Серро-Санъ-Фелипе-дель-Агва, которую можно считать принадлежащею къ центральной оси гористой области, достигаетъ 3.125 метровъ, на сѣверѣ Оаксаки; высшая точка, расположенная болѣе къ востоку, на второстепенной вѣтви,—это Зампоаль-тепетль, или массивъ «Двадцати Горъ», достигающій, по Гарсіа Кубасу, 3.396 метровъ высоты: съ ея вершины можно видѣть одновременно Тихій океанъ и Мексиканскій заливъ [1]). Но къ югу отъ этихъ неправильныхъ горныхъ грядъ, составляющихъ сломанный стволъ центральной цѣпи, возвышается другая сіерра, болѣе правильная, сіерра дель-Суръ (Южная), которая тянется вдоль берега Тихаго океана, нося иногда названіе Сіерры-Мадре; на югѣ Оаксаки, въ Сималтепетлѣ, она достигаетъ 2.260 метровъ. На берегу моря, недалеко отъ Жукилы, возвышается уединенный мысъ, угасшій вулканъ Чакагуа, съ кратеромъ, наполненнымъ сѣрою. Другой конусъ, одинъ изъ десяти дѣйствующихъ вулкановъ Мексики, виднѣется на востокѣ, близъ Почутлы: до 1870 года, когда жерло его, внезапно разверзшись, стало выбрасывать пары и пепелъ, утратилось даже

[1]) Virlet d'Aoust, „Société Géologique de France". Засѣданіе 16 ноября 1857 г.

[1]) A Luiz Velasco, „Informes y documentos relativos à Comercio".

всякое воспоминание о прежнихъ изверженіяхъ [1]).

Горныя цѣпи Мексики продолжаются на перешейкѣ Техуантепекъ узкой полосой возвышенностей, прорѣзанныхъ шестью проходами незначительнаго возвышенія. Самый низкій изъ нихъ, называемый Портилльо-де-Тарифа, по имени сосѣдней деревни, возвышается всего на 229 метровъ надъ поверхностью моря. Большая часть массивовъ, ограничивающихъ долины перешейка, имѣютъ видъ «столовъ»: если же на нихъ смотрѣть съ сосѣднихъ горъ, то они почти совершенно сливаются съ низменными мѣстностями. По словамъ американца Спира, геолога одной изъ многочисленныхъ экспедицій, изслѣдовавшихъ перешеекъ Тегуантепекъ, пороговыя террасы состоятъ отчасти изъ мѣловыхъ скалъ; когда онѣ осаждались, тогда воды Атлантическаго и Тихаго океановъ сливались вмѣстѣ; затѣмъ, послѣ ихъ выступленія на поверхность, наслоенія позднѣйшей формаціи, третичныя и четвертичныя, покрыли стороны мѣловаго вала. Въ настоящую эпоху работа захватовъ суши на океанѣ незамѣтно продолжается: берегъ Тихаго океана, позднѣйшаго наноснаго происхожденія, не перестаетъ разростаться, и прибрежныя лагуны мало-по-малу осушаются. Нигдѣ въ Мексикѣ низменныя равнины не имѣютъ, относительно континентальной массы, болѣе значительнаго протяженія, чѣмъ на Тегуантепекскомъ перешейкѣ.

Нынѣшнюю Мексику нѣкогда пересѣкалъ еще другой проливъ, и «долина» Мексико, на самой спинѣ Анагуакскаго плоскогорья, есть не что иное, какъ остатокъ прежняго рукава моря. Въ концѣ мезозойской эпохи морскія воды извивались на этихъ земляхъ, которыя теперь возвышаются на 200 метровъ надъ поверхностью океана, и возвышающіеся здѣсь вулканы еще не извергали лавы [2]). Въ ту эпоху берегъ Мексиканскаго залива очерчивался много западнѣе, чѣмъ нынѣ. Многочисленные богатые рудники почти всѣ находятся въ сіеррахъ Мадре, на сѣверѣ «долины», и расположены по прямымъ линіямъ. Большая металлоносная ось есть именно та, которая соединяетъ Батопиласъ и Гуанахуато по точному направленію съ сѣверо-запада къ юговостоку. Знаменитыя рудныя мѣсторожденія Закатекаса, Фреснильо, Сомбрете, Дуранго расположены на этой оси или по сосѣдству [3]), и металлоносныя жилы оріентированы въ томъ же направленіи [1]).

[1]) Fuchs, „Les volcans et les Tremblements de terre".
[2]) Cuataparo;—M. Barcena;—„Boletin de la Sociedad de Geografia de México". 1875. № 7.
[3]) Santiago Ramirez, „Noticia historica de la riqueza minera de México".

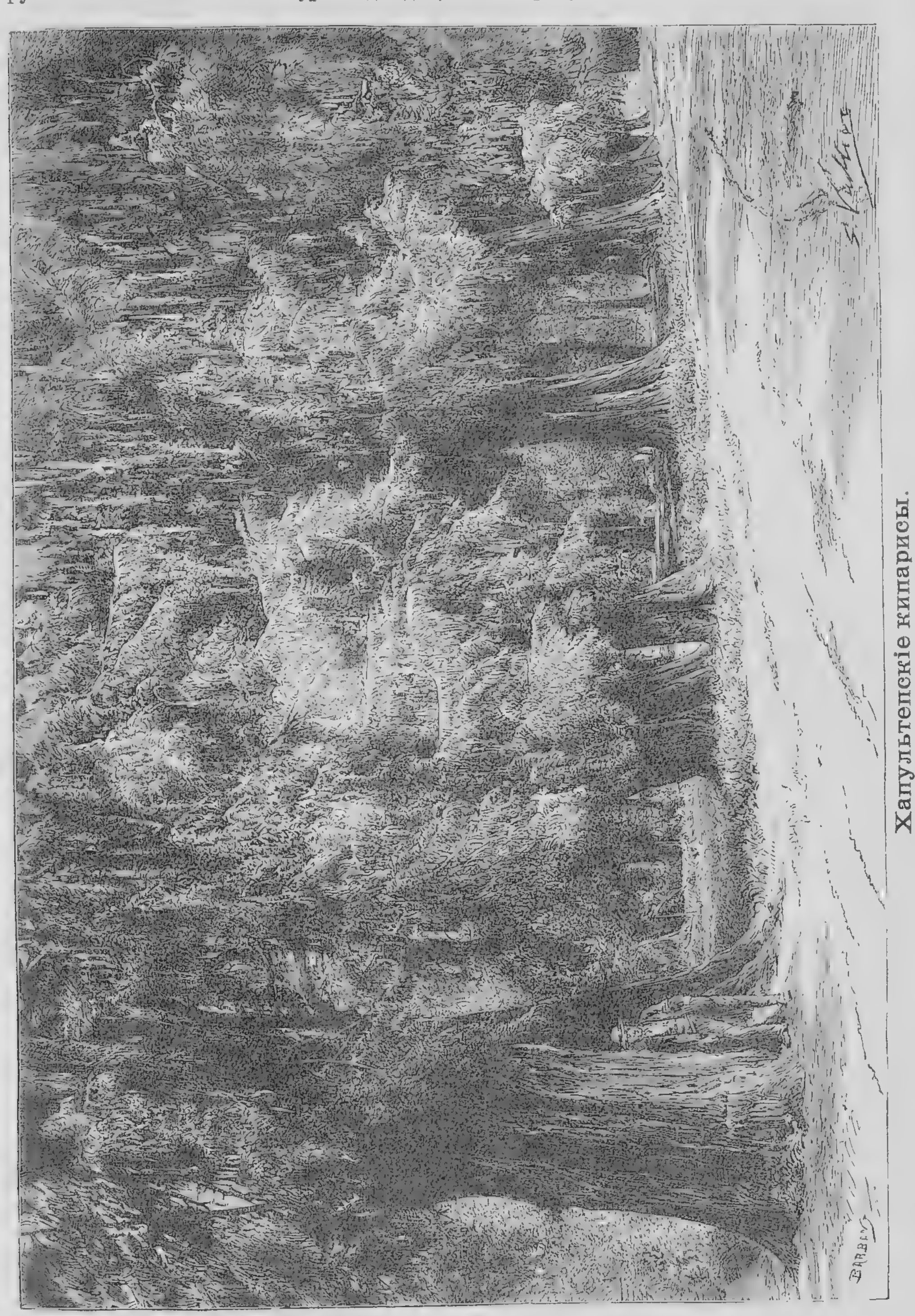
Форма Мексиканскаго плоскогорья, съ его узкими скатами, съ его краевыми горными цѣпями, расположенными параллельно берегамъ, сухость климата въ сѣверной части и во внутреннихъ областяхъ страны,—всѣ эти условія помѣшали образованію въ Мексикѣ большихъ рѣкъ съ значительными притоками. Самымъ важнымъ рѣчнымъ бассейномъ Мексики является ріо Браво или ріо дель Норте. Значеніе этой рѣки обусловливается не столько количествомъ воды, сколько ея протяженіемъ и тою ролью, которая выпала на ея долю, какъ пограничной чертѣ, въ 1.200 километровъ длины, между двумя республиками англо-саксонскою и испано-американскою. Мексиканская часть ея бассейна составляетъ около трети всего пространства, имѣя 235.000 кв. километровъ, но она не получаетъ многоводныхъ рѣкъ, и большинство ея притоковъ даже настолько мелководны, что не круглый годъ содержатъ въ себѣ воду въ количествѣ, необходимомъ для поддержанія своего теченія; они текутъ исключительно въ дождливое время года, и ихъ воды, становясь солеными отъ пребыванія въ бассейнахъ испаренія, придаютъ солоноватый вкусъ и водѣ ріо Браво. Самымъ значительнымъ притокомъ на мексиканскомъ берегу является ріо Кончосъ, истоки которой питаются, на протяженіи болѣе 300 километровъ отъ сѣвера къ югу, восточнымъ склономъ большой сіерры Мадре, между штатами Сонора и Чигуагуа. Съ восточной сіерры Мадре изливаются ріо Саладо, или «Соляная рѣка», самое имя которой свидѣтельствуетъ объ ея маловодьи, и ріо Санъ-Жуанъ, сливающаяся изъ многочисленныхъ рѣчекъ съ прозрачною водою, которыя орошаютъ наиболѣе плодородные округи Коагуилы и Нуево-Леона. Одна изъ нихъ, въ южной оконечности бассейна, носитъ названіе Пуэнте-де-Діосъ; она падаетъ съ высоты 60 метровъ въ расщелину почвы, въ 25 метрахъ ниже «Божьяго моста», или естественной аркады.

Наносы ріо Браво далеко отодвинули контуръ Мексики за нормальную линію береговъ, но эти наносы не могли заполнить приречныхъ лагунъ, и мексиканское побережье тянется въ видѣ двойнаго пляжа — песчаныхъ косъ и твердаго берега въ собственномъ смыслѣ. Удлиненныя лагуны, составляющія продолженіе лагунъ, окаймляющихъ берегъ Техаса на всемъ сѣверо-западномъ контурѣ Мексиканскаго залива, тянутся параллельно морю, прерываемыя только наносными холмами, которые образовали рѣки по обѣимъ сторонамъ своего теченія. Эти внутреннія водныя пло-

[1]) Virlet d'Aoust, „Coup d'oeil sur la topographie et la Géologie du Mexique".

щади, общая длина которыхъ около 300 километровъ, сообщаются съ открытымъ моремъ посредствомъ узкихъ протоковъ, измѣняющихъ свое русло въ зависимости отъ бурь и дождей; Пальмасъ, работаютъ надъ заполненіемъ своими наносами этихъ неглубокихъ лагунъ.

Къ югу отъ Марины и нѣсколькихъ другихъ прибрежныхъ рѣчекъ, двѣ значительныя

Хапультепекскіе кипарисы.

болѣе или менѣе соленый вкусъ воды мѣняется сообразно половодью притоковъ и вторженіямъ моря. Двѣ небольшихъ рѣки, ріо Санъ-Фернандо или дель-Тигре, и ріо Сантандеръ или Марина, называвшаяся прежде ріо де-ласъ- рѣки, Тамези и Пануко, раздѣленныя прежде, соединяются въ мѣстности, усѣянной лагунами и болотами, выше бара Тампико,—названіе, которое иногда даютъ этимъ двумъ соединеннымъ потокамъ. Пануко, самая многоводная изъ обѣ-

пхъ рѣкъ, беретъ свое начало къ сѣверу отъ «долины» Мексико и даже получаетъ часть своихъ водъ черезъ прорѣзъ Гуэгуэтока. Подъ названіемъ Тулы или Монтезумы она описываетъ обширный полукругъ къ западу черезъ горы Гидальго, затѣмъ принимаетъ въ себя различныя рѣчки, текущія изъ Кверетаро; одна изъ нихъ, близъ Жалпана, проходитъ въ глубокихъ пещерахъ на протяженіи болѣе 3 километровъ; громадный сводъ называется, какъ и аркада въ Новомъ Леонѣ,—Пуэнте-де-Діосъ, т. е. «Божій Мостъ» [1]): въ галлереяхъ, по которымъ протекаетъ рѣка, находили человѣческіе трупы, совершенно покрытые сталактитомъ. Другая изъ этихъ рѣкъ образуетъ знаменитый водопадъ Регла, низвергающійся съ высоты бреши, открытой черезъ базальтовые столбы. Стѣны унизаны колоннами, по которымъ гирляндами вьются ліаны; бѣловатая вода дробится на маленькіе каскады между голубоватыми шестиугольниками скалы. Вмѣстѣ, Тамези и Пануко уже почти совершенно засыпали цѣпи лагунъ, окаймлявшихъ прибрежье; но на югѣ рѣки Тампико еще сохраняется маленькое внутреннее море—лагуна Таміагуа, защищаемая отъ вторженія водъ узкимъ валомъ пляжей. Эта песчаная плотина не похожа на большинство другихъ стрѣлокъ, постепенно образованныхъ движеніемъ волнъ передъ береговыми бухтами: напротивъ, она выдвинулась въ видѣ выпуклой пряжки въ сорока километрахъ къ западу отъ берега. Этотъ береговой выступъ Кабо-Роксо, или «Краснаго Мыса», обязанъ своимъ происхожденіемъ, по всей вѣроятности, присутствію цѣлаго архипелага скалъ, служившаго точкой опоры двумъ сходящимся пляжамъ. Другія береговыя лагуны, тянущіяся по направленію къ югу между песчаными стрѣлками и настоящимъ берегомъ, принимаютъ въ себя нѣсколько многоводныхъ рѣкъ, вытекающихъ изъ страны Гуакстековъ.

Морской берегъ во многихъ мѣстахъ покрытъ дюнами, которыя мало-по-малу поднялись надъ уровнемъ пляжей, питаемыя ихъ песками, и которыя подвигаются внутрь страны, подгоняемыя пассатнымъ вѣтромъ. Такъ, городъ «Вилла-Рика де-ла-Вера-Круцъ», который Кортесъ основалъ близъ Земпоалы, теперь засыпанъ горками движущихся песковъ. Было высказано предположеніе, что эти дюны появились послѣ того, какъ при постройкѣ крѣпости Санъ-Жуанъ д'Улуа и городскихъ стѣнъ, былъ срѣзанъ береговой рифъ, возвышавшійся на одинъ или на два метра надъ поверхностью моря; но эта гипотеза не можетъ быть вѣрною, потому что дюны, еще болѣе высокія, чѣмъ дюны Вера-Круца, возвышаются во многихъ другихъ мѣстахъ побережья, между прочимъ, близъ Альварадо: одна изъ нихъ, находящаяся по близости Антонъ-Лизардо, достигаетъ 80 метровъ. Для укрѣпленія этихъ движущихся песковъ, утилизируютъ кактусы и различныя другія растенія съ разстилающимися корнями, но хвойныя породы, растущія на побережьяхъ другихъ областей Средней Америки, не произрастаютъ на мексиканскихъ берегахъ залива, по причинѣ сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ; деревья эти, мало отличающіяся отъ тѣхъ, которыя прикрѣпили дюны Гаскони, могли быть акклиматизированы на пескахъ Вера-Круца [1]).

Далѣе, по направленію къ южной бухтѣ Мексиканскаго залива, лиманъ рѣки Альварадо принимаетъ въ себя множество сходящихся рѣкъ, изъ которыхъ главнѣйшія суть Папалоапамъ, или «рѣка Бабочекъ», и Санъ-Жуанъ. Онѣ очень многоводны, благодаря обилію дождей, нагоняемыхъ на сѣверный склонъ горъ Оаксаки пассатными вѣтрами. Другая рѣка, Коацакоалькосъ, или «Змѣиная», протекающая по другую сторону вулканическаго массива Тукстлы, и которую Грихальва открылъ еще до экспедиціи Кортеса, есть, принимая во вниманіе ея длину—355 километровъ,—одна изъ большихъ рѣкъ Мексики. Протекая по наносной равнинѣ и по амфитеатру низкихъ горъ, составляющихъ сѣверный склонъ Тегуантепекскаго перешейка, эта рѣка, тѣмъ не менѣе, достигаетъ въ своемъ нижнемъ теченіи 700—800 метровъ ширины: большія суда, миновавшія баръ, могутъ подняться вверхъ по теченію на 39 километровъ, до самаго Минатитлана, а барки проникаютъ на 100 километровъ вверхъ отъ устья, до середины перешейка, именно до деревни Сучиль. Но въ мѣстѣ встрѣчи морскихъ водъ съ рѣчными на днѣ возвышается опасный порогъ, на которомъ толщина воднаго слоя, все та же, что была и во время экспедиціи Кортеса, составляетъ, въ среднемъ, $3^1/_2$—4 метра. Немало судовъ погибло въ этомъ входѣ въ рѣку, и эта опасность была главной причиной, заставившей оставить всякую мысль о прорытіи канала съ шлюзами черезъ Техуантепекскій перешеекъ.

На противоположномъ берегу, рѣки, впадающія въ Тихій океанъ, также загорожены при входѣ порогомъ. Большая лагуна Тилема, съ развѣтвленными бассейнами, открывающаяся какъ разъ на югъ отъ самой узкой части перешейка и принимающая на себя многочисленные потоки, имѣетъ на барѣ всего 2 — 3 метра воды, смотря по времени года, такъ что зачастую даже маленькія суденышки не могутъ перейти баръ: одна изъ каравеллъ, которую приказалъ построить Кортесъ для изслѣдова-

[1]) J. M. Reyes, „Boletin de la Sociedad de Geografia", 1881.

[1]) J. O. Villagomez, „Annales del Ministerio de Fomento". México. 1887.

нія береговъ Тихаго океана, опрокинулась въ этомъ мѣстѣ. Устье ріо Тегуантепекъ, которая впадаетъ въ океанъ западнѣе большой лагуны, бываетъ совершенно заперто песками впродолженіи значительной части года, и суда должны бросать якорь въ морѣ,—либо на открытомъ рейдѣ, справедливо прозванномъ «Вентоза», т. е. «Вѣтренымъ», либо близъ опасныхъ гранитныхъ рифовъ Морро-де-Тегуантепекъ, либо, наконецъ, вдали отъ наносныхъ земель перешейка, въ бухтѣ Салина-Круцъ, прежде плохо прикрытой, но въ настоящее время уже защищенной волноразбивателемъ, и на берегу которой оканчивается желѣзная дорога.

Мексиканскій берегъ Тихаго океана, окаймленный болѣе высокими и болѣе приближенными къ берегу горами, имѣетъ гораздо меньше пляжей и береговыхъ валовъ, чѣмъ поморежье Атлантическаго океана; тѣмъ не менѣе и здѣсь есть нѣсколько прибрежныхъ лагунъ, именно на западъ отъ города Акапулко. Нѣсколько выше этого мѣста въ море впадаетъ одна изъ главныхъ рѣкъ Мексики—ріо Мексала или де-ласъ-Бальсасъ, которая принимаетъ въ себя источники, спускающіеся съ южнаго и даже съ восточнаго склона вулканической цѣпи; главная ея вѣтвь, рѣка Апоякъ, протекающая близъ Пуэблы, беретъ свое начало въ Икстаксихуатлѣ. Она питается растаявшими снѣгами, теплыми водами и, ниже, солеными источниками. Ріо де-ласъ-Бальсасъ, или рѣка «Паромовъ», какъ показываетъ самое названіе ея, сколько-нибудь судоходна только въ своемъ нижнемъ теченіи: небольшія суда могли бы плавать кое-гдѣ и выше бара, но на пути встрѣчаются частыя препятствія въ видѣ пороговъ, водоворотовъ и даже высокаго водопада: на протяженіи 358 километровъ насчитываютъ не менѣе 226 водоворотовъ и опасныхъ пороговъ [2]). Масса воды, изливаемая обоими устьями рѣки, вычислена Хуаномъ Медаль въ 67 куб. метровъ въ секунду [1]). Двѣ рѣки, менѣе значительныя, впадающія въ Тихій океанъ, сѣвернѣе предыдущей, ріо Туксламъ или Колима и ріо Амекасъ, данницы бухты Бандерасъ, имѣютъ среднiй расходъ воды, соотвѣтственно, въ 28 и 20 куб. метровъ [3]).

Ріо Лерма или Сантьяго (у индѣйцевъ—Тололотланъ) также принадлежитъ къ «большимъ рѣкамъ», и прибрежные обитатели дѣйствительно прозвали ее «Ріо Гранде»; жители Мичоакана называютъ ее также Квицео, по имени большаго озера, находящагося въ ихъ странѣ. Эта рѣка беретъ свое начало въ самомъ центрѣ Анагуакскаго плоскогорья, въ штатѣ Мексико; ея первыя воды, выходящія изъ подземныхъ галлерей, текутъ съ горы Невадо-де-Толука и спускаются въ озеро Лерма, остатокъ древняго внутренняго моря, которое заполняло всю верхнюю долину Толука, сѣвернѣе Невадо. По выходѣ изъ озера или, скорѣе, изъ болотнаго пруда, рѣка Лерма протекаетъ на высотѣ 2.608 метровъ надъ уровнемъ моря, и русло ея, прорытое въ плоскогорьѣ, понижается весьма незначительно, извиваясь по направленію къ сѣверо-западу; въ области этихъ высокихъ земель въ нее вливается множество рѣчекъ, вносящихъ массу воды; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ и сама Лерма, выходятъ изъ озеръ, разсѣянныхъ по долинамъ. Даже пройдя болѣе половины своего пути, у города Ла-Барка, ріо Лерма все еще течетъ на высотѣ болѣе 1.700 метровъ надъ уровнемъ моря: здѣсь, на разстояніи 452 километровъ отъ истока, она вступаетъ въ большое озеро Чапала, близъ восточной оконечности бассейна, но въ двадцати километрахъ отъ мѣста входа, на сѣверномъ берегу озера открывается разсѣлина, и воды изливаются чрезъ это отверстіе, чтобы образовать нижнее теченіе рѣки.

Озеро Чапала, проходимое наискось водами Лермы, представляетъ самый большой озерный бассейнъ во всей Мексиканской территоріи. Однако, впадина, площадью въ 1.530 кв. километровъ, наполняемая этимъ озеромъ, не особенно глубока: въ среднемъ толщина воднаго слоя равна 12 метрамъ [1]), а углубленія не превышаютъ 33 метровъ [2]). Надъ его синими и прозрачными водами вздымается со всѣхъ сторонъ, особенно на югѣ и на востокѣ, амфитеатръ горъ, покрытыхъ на нижнихъ склонахъ роскошною растительностью, — большими деревьями и ліанами. Берега озера Чапала представляютъ самые красивые ландшафты Мексики, но прежде они оставались почти неизвѣстными, такъ какъ, находясь въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ, эти глухія мѣста рѣдко посѣщались туристами, въ настоящее же время вдоль всего озера проходитъ желѣзная дорога, и даже въ одной изъ бухтъ этого внутренняго моря предполагали устроить морскую школу для жителей плоскогорья. Другія озера, разсѣянныя въ котловинахъ горъ, у западной оконечности бассейна Чапала, указываютъ, повидимому, на то, что нѣкогда это озеро было болѣе обширнымъ и что его истеченіе совершалось на западъ долиною рѣки, направляющейся къ бухтѣ Бандерасъ: даже проектировали вырыть каналъ черезъ этотъ прежній проходъ. Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ должно

¹) Robert Gorsuch; — Guido Cora, „Cosmos“, т. V, 1878—79.

²) „Memorias de las Sociedad Cientifica Antonio Alzate“, 1888.

³) Luis Martinez, „Informes y documentos relativos à Comercio“, julio, 1886.

¹) Lyon, „Mexico“.

²) Luis Velasco, „Informes y documentos relativos à Comercio“, octobre, 1887.

бы было изливаться выходное теченіе, потоки лавы спустились съ сосѣднихъ горъ въ доисторическую эпоху: это препятствіе, безъ сомнѣнія, остановило воды, заставивъ ихъ разлиться въ озеро или, по крайней мѣрѣ, повысить свой уровень и затѣмъ искать выхода черезъ менѣе высокую брешь скалистой ограды.

Ріо Лерма дѣйствительно пересѣкаетъ горы цѣлымъ рядомъ ущелій, пробитыхъ въ эруптивныхъ породахъ; судя по крайней неравномѣрности ея теченія, вся долина должна была образоваться въ недавнюю геологическую эпоху: высокіе водопады и пороги, продолжающіеся до самаго впаденія ея въ океанъ, превращаютъ ея русло въ исполинскую лѣстницу съ неровными ступенями. Эти ущелья начинаются однимъ изъ самыхъ красивыхъ водопадовъ Мексики, называемымъ Жуанакатланъ, по имени деревни, построенной напротивъ него: низвергаясь съ высоты 20 метровъ, этотъ водопадъ представляетъ громадную двигательную силу, равняющуюся 30.000 лошадиныхъ силъ, и можно опасаться, что сосѣдство Гуадалахары въ скоромъ времени превратитъ этотъ водопадъ въ резервуары и каналы на пользу заводской промышленности. Несмотря на обиліе своего дебита, исчисляемаго въ 111 куб. метровъ въ секунду [1]), ріо Лерма не судоходна, и во многихъ мѣстахъ ее можно перейти въ бродъ. Ея клюзы не даютъ прохода ни экипажамъ, ни пѣшеходамъ; пришлось проложить дороги и тропинки по кручамъ сосѣднихъ горъ. У города Сантъяго, гдѣ ріо Гранде вырывается, наконецъ, изъ области горъ и входитъ въ приморскую равнину, она все еще протекаетъ на высотѣ 44 метровъ надъ уровнемъ моря. Развѣтвленное устье рѣки открывается на сѣверѣ залива Санъ-Бласъ, напротивъ горной цѣпи Тресъ-Маріасъ, которая на сѣверозападѣ продолжаетъ нормальную линію берега, какъ она обозначена направленіемъ побережья къ югу отъ мыса Корріентесъ. Наносы Лермы заполнили часть пространства, отдѣляющаго материкъ отъ цѣпи Тресъ-Маріасъ: на югѣ и на сѣверѣ берегъ отступилъ; низкія лагуны, защищенныя отъ волнъ открытаго моря песчаными стрѣлками, омываютъ настоящій берегъ у подошвы горъ.

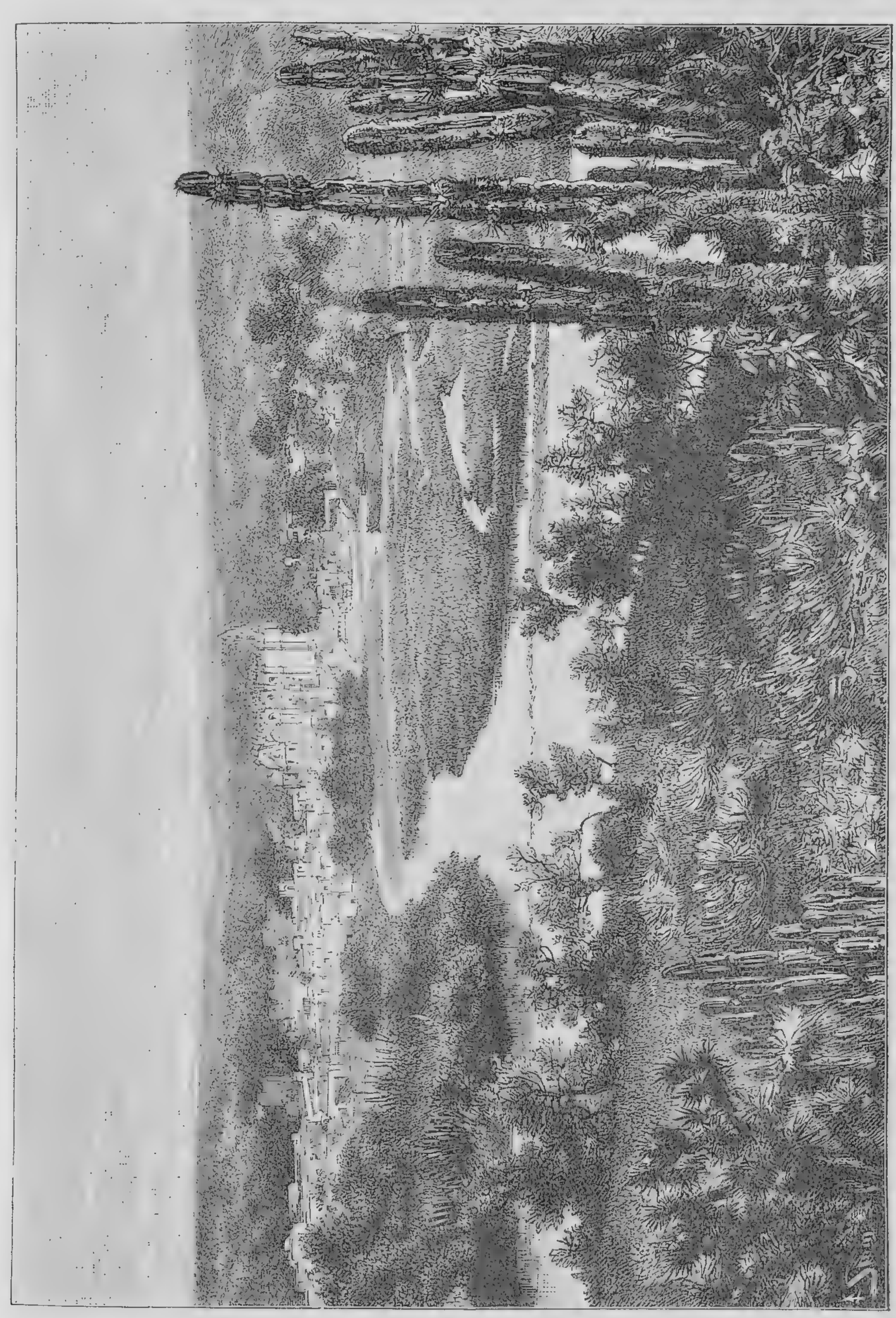
Къ сѣверу отъ ріо Лерма, всѣ мексиканскія рѣки, впадающія въ Тихій океанъ, катятъ весьма малое количество воды, даже и рѣки съ значительными бассейнами, какъ, напримѣръ, ріо дель-Фуерте, ріо Яки и рѣка Сонора, носящая одинаковое названіе съ большимъ сѣверо-западнымъ штатомъ Мексики: вслѣдствіе рѣдкости дождей, изсякаютъ источники, оскудѣваютъ рѣки, которыя, однако, берутъ свое начало очень далеко внутри плоскогорья, даже на восточномъ склонѣ Сіерры-Мадре, какъ, напримѣръ, ріо Яки. Многія рѣки, спускающіяся шумными водопадами съ высотъ Сіерры-Мадре, не достигаютъ моря и теряются въ пескахъ равнины; другія, въ особенности на полуостровѣ Калифорніи, содержатъ въ себѣ воду лишь короткое время, и ихъ каменистыя русла служатъ единственными дорогами въ странѣ: чтобы найти тамъ воду, сочащуюся между камешками, вырываютъ глубокія ямы, извѣстныя въ странѣ подъ названіемъ *батаковъ*, *bataques*. Прежніе лиманы превратились въ солончаки. Ріо Колорадо Соединенныхъ Штатовъ, «Рѣка съ красною водою», принадлежащая Мексиканской территоріи только своимъ нижнимъ теченіемъ, несетъ, какъ и сонорійскія рѣки, весьма незначительный объемъ воды, сравнительно съ громаднымъ бассейномъ, для котораго она служитъ истокомъ; однако, она судоходна на нѣсколько сотъ километровъ за предѣлами общей границы.

Вся часть Мексики, заключающаяся между двумя сходящимися валами главныхъ горныхъ цѣпей, слишкомъ бѣдна влагою, чтобы ея ручьи могли соединяться въ рѣки и изливаться въ океанъ, черезъ ріо Браво или какую-либо другую рѣку: большая часть ихъ, не будучи въ силахъ перейти встрѣтившіяся на равнинѣ возвышенія почвы, теряются въ какой-нибудь плоской лагунѣ, которая увеличивается или уменьшается, смотря по времени года. Всѣ соленоводныя площади въ Чигуагуа и въ Коагуилѣ представляютъ собою этого рода сточные бассейны, гдѣ оканчиваютъ свое существованіе ручьи, спускающіеся съ горъ. Такова, напримѣръ, находящаяся близъ границы Аризоны, большая лагуна Гусманъ, въ которую изливается истощенная рѣка Касасъ-Грандесъ, на меньшей высотѣ надъ уровнемъ моря, чѣмъ сосѣдняя съ нею рѣка ріо-дель-Норте [1]). Другія болотистыя пространства, лагуны Санта-Марія и досъ-Патосъ, или лагуна «Утокъ», совершенно такого же происхожденія. Дно котловины Больсонъ-де-Мапими тоже занято непроточнымъ водоемомъ—лагуною Тлахуалила; южнѣе, ріо де-Назасъ, довольно многоводная въ своихъ верхнихъ долинахъ въ сіеррѣ Кандела, останавливается въ лагунѣ дель-Муерто, или «Смерти», а ріо Агванаваль не во всякое время года доходитъ даже до лагуны Паррасъ. Въ различныхъ частяхъ этихъ пустынныхъ пространствъ бьютъ ключи, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, *Ojos*, «глаза»; это—или теплые, или холодные источники, которые почти всѣ содержатъ въ себѣ разныя химическія вещества; у большей части этихъ ключей, по краямъ отверстій, наростали мало-по-малу кремнистые и известковые оса-

[1]) Luis Martinez, „Informes y documentos relativos à Comercio", julio, 1883.

[1]) J. Froebel, цитированное сочиненіе.

дочные слои, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались настоящіе холмы. Фребель видѣлъ источникъ, бившій изъ пригорка не болѣе десяти метровъ высоты, и этотъ пригорокъ былъ собственное осадочное образованіе самого источника; другіе источники съ равной температурой поддерживаютъ своей влагой во всякое время года коверъ яркой зелени на окружающихъ ихъ пастбищахъ. Въ штатѣ Санъ-Луисъ, гдѣ плоскогорье уже разрѣзано горами на многочисленные малые бассейны, нѣтъ такихъ обширныхъ лагунъ, какъ въ сѣверныхъ штатахъ; но зато здѣсь насчитываютъ болѣе сотни маленькихъ озеръ или, скорѣе, прудовъ, которые почти обратились въ солончаки. Налеты различнаго состава, мѣстами состоящіе изъ селитры, но по большей части содержащіе угле-кислый натръ, на обширномъ

Видъ города Тула.

протяженіи покрываютъ равнины; въ Мексикѣ имъ даютъ общее названіе *тексеките*, перешедшее отъ ацтековъ. Литейщики употребляютъ ихъ для обработки серебряныхъ и серебро-свинцовыхъ рудъ.

Долины краевой горной цѣпи на югѣ плоскогорья также заключаютъ въ себѣ замкнутыя озера: таково озеро Пацкуаро, «Лаго Маджіоре» Мексики, бассейнъ, усѣянный островами и окруженный со всѣхъ сторонъ горами, содержащій въ себѣ слегка солоноватую, но все же годную для питья воду; таково же озеро Квицео,—глубокій резервуаръ, наводняемый рѣкою Морелія; его воды, очень соленыя даже при половодьи, во время наводненія совершенно обезпложиваютъ всѣ прирѣчныя мѣстности. Въ штатѣ Гидальго, близъ Апама, также есть озеро, которое принимаетъ въ себя ручейки окружающей равнины; кромѣ того, съ восточной стороны массива Минераль-дель-Монте протекаетъ рѣка, теряющаяся въ замкнутомъ озерѣ Мекститланъ, которое нѣкогда сообщалось съ бассейномъ Пануко посредствомъ подземной галлереи, вырытой индѣйцами [1]), но въ 1885 году, какъ говорятъ, снова ушло въ одну изъ расщелинъ почвы [2]). Но изъ всѣхъ замкнутыхъ озеръ страны, самыя замѣчательныя тѣ, которымъ плоскогорье Мексико обязано своимъ названіемъ Анагуакъ (Аналь-хуатль), или «Между Водъ», распространенному впослѣдствіи на всю совокупность высокихъ земель. Эти озера или, вѣрнѣе, неглубокіе пруды расположены по направленію съ юга на сѣверъ на пространствѣ около 75 километровъ; но нельзя точно опредѣлить ихъ поверхности, такъ какъ она измѣняется по годамъ и по временамъ года; на картахъ, изданныхъ въ различное время, всѣ эти озера показаны съ различными контурами. Южныя озера, Ксочимилко и Чалко, въ сущности, составляютъ одно озеро, раздѣленное узкою плотиной на два бассейна. Благодаря обилію воды, получаемой ими съ сосѣднихъ горъ, они почти сохранили свое прежнее очертаніе: каналъ, изливающій излишекъ воды, спускается на сѣверъ къ городу Мексико съ среднимъ наклономъ одного метра, направляя такимъ образомъ стокъ излишней воды въ озеро Тескоко, занимающее дно прежняго бассейна разлива; средній уровень этой водной площади въ полтора-два метра ниже уровня почвы, на которой стоитъ столица. Сѣверныя озера, Санъ-Кристобаль, Ксалтоканъ и Зумпанго, такъ же, какъ и южныя, расположены на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ Мексико: во время разлитія, когда ручейки равнины Пачуки сливаются въ цѣлые потоки, ихъ воды, бѣгущія съ сѣвера на югъ и изъ бассейна въ бассейнъ, могутъ грозить городу разрушеніемъ въ томъ случаѣ, если прорвутся плотины, устроенныя ниже каждаго резервуара.

[1]) H. de Saussure, „Coup d'oeil sur l'Hydrologie du Mexique".

[2]) „Deutsche Rundschau für Geographie", 1886.

На основаніи описаній, оставленныхъ завоевателями Мексики, и сравнительныхъ наблюденій, произведенныхъ въ различныя эпохи, можно утверждать, что поверхность и вмѣстимость озеръ Мексико не переставала уменьшаться въ теченіе послѣднихъ трехъ съ половиною вѣковъ. Въ прежнее время столица была настоящимъ «озернымъ городомъ», и вся окружающая ее равнина была покрыта водами; теперь же Мексико стоитъ на твердой землѣ, и его озера занимаютъ не болѣе одной трети «долины». Они утратили также и часть своей глубины. Дно бассейна Тескоко, куда вѣтры наносятъ съ долины пыль, постепенно поднимается; при такихъ условіяхъ, казалось бы, долженъ былъ возвыситься также и уровень поверхности озера, и воды могли бы разлиться по городу; но постоянныя испаренія поглощаютъ воду въ большей массѣ, чѣмъ она прибываетъ, такъ что глубина водоемовъ постоянно уменьшается. Въ 1804 году, во время посѣщенія страны Гумбольдтомъ, глубина озера была отъ 3—5 метровъ; въ 1885 въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ она не превышала 1 м. 80 сантим., а средняя толщина слоя воды равнялась всего 62 сантим. Въ 1881 году наибольшая глубина доходила до 45 сантим., а средняя была менѣе половины. Въ исключительные годы Тескоко, Санъ-Кристобаль, Ксалтоканъ и Зумпанго совершенно высыхали. Эта озерная впадина давно бы уже опорожнилась, если бы прѣсныя воды Чалко и Ксочимилко не изливались въ этотъ соляной бассейнъ. По общему мнѣнію, мѣстный климатъ сталъ суше со времени завоевательной эпохи: обезлѣсеніе горныхъ склоновъ и равнинъ повело за собою усиленіе вѣтровъ и испареній, тогда какъ дожди не давали соотвѣтствующаго прибавленія влаги; очень можетъ быть, что выпаденіе ихъ даже уменьшилось. Въ настоящее время вмѣстимость озерныхъ бассейновъ «долины» крайне незначительна въ сравненіи съ тѣмъ, какою она была въ предшествовавшій геологическій періодъ. Дно бывшаго озера состоитъ изъ по-третичныхъ остатковъ, песку, глины, пемзы, пепла, органическихъ остатковъ, наложенныхъ слоями такой значительной толщины, что буръ, запущенный при прорытіи артезіанскаго колодца на 384 метра [1]) въ глубину, еще далеко не просверлилъ ихъ.

Площадь и относительная высота надъ уровнемъ моря и города озеръ «долины» Мексико въ 1865 г. было слѣдующая:

[1]) Gamgee и др... „Report of the Britisch Association", 1880.

	кв. кил.				
Тескоко. .	239	0 м. 00,	т. е. на 1 м. 91	ниже	гор.
Чалко . . .	114	3 м. 03,	т. е. на 1 м. 17	выше	„
Ксочимилко	63	3 м. 13,	т. е. на 1 м. 22	„	„
Санъ-Кристобаль. .	20	3 м. 47,	т. е. на 1 м. 56	„	„
Ксалтоканъ	101	3 м. 59,	т. е. на 1 м. 68	„	„
Зумпанго. .	26	6 м. 06,	т. е. на 4 м. 15	„	„

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ известковые слои озерной формаціи еще давали возможность добираться до бьющихъ изъ земли водъ на относительно небольшой глубинѣ; но ниже опять шли наносные слои.

Химическій составъ водъ озера Тескоко самъ по себѣ служитъ признакомъ постепеннаго сосредоточиванія водной массы въ болѣе и болѣе узкомъ бассейнѣ. Озера Ксочимилко и Чалко представляютъ резервуары прѣсной воды, благодаря возобновленію ихъ водной массы: съ другой стороны долины, прочія небольшія озера также наполнены прѣсною водою, тогда какъ центральная водная площадь всегда имѣетъ солоноватую воду, даже послѣ сильныхъ ливней, когда она разливается на громадное пространство. Въ среднемъ, озеро Тескоко содержитъ 7 тысячныхъ солей, главнымъ образомъ морской соли, углекислаго натра и сѣрно-кислаго натра: если бы оно совершенно высохло, то почва покрылась бы тексептомъ, какъ это и есть во многихъ мѣстахъ плоскогорья, тамъ, гдѣ простирались прежнія озера, теперь уже исчезнувшія. На берегахъ озера Тескоко построенъ заводъ, который утилизируетъ воды озера для фабрикаціи химическихъ продуктовъ.

Въ отдаленную геологическую эпоху, когда котловина Мексико была всецѣло заполнена прѣсными водами, эти послѣднія изливались на сѣверѣ черезъ брешь въ горахъ въ рѣку Тула или Монтезума, притокъ рѣки Пануко. Но, въ историческій періодъ, когда на одномъ изъ островов центральнаго озера выстроился городъ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ многіе отдѣльные бассейны, составлявшіе часть прежняго озера, явилась необходимость охранить жилища и другія зданія противъ половодья и смерчей которые могли бы направить вышедшія изъ береговъ воды въ низменную часть впадины. По этому, ацтекскія общины устроили громадныя плотины для огражденія города; еще и теперь остались нѣкоторые слѣды этихъ плотинъ вдоль западнаго берега озера Тескоко, близъ городовъ Икстапалапа и Гвадалупе. Но эти плотины уступили напору водъ, и во время испанскаго господства городъ въ началѣ подвергался всѣмъ опасностямъ наводненій; въ началѣ семнадцатаго столѣтія положеніе сдѣлалось настолько опаснымъ, что рѣшили соорудить подземную галлерею черезъ порогъ, задерживавшій на сѣверѣ разлитіе водъ. Вице-король собралъ цѣлую армію индѣйцевъ, чтобы закончить работу въ теченіе одной зимы, т. е. въ промежутокъ времени отъ конца ноября 1607 до половины мая 1608 г. [1]). Туннель, подъ названіемъ Гуегуетока, или Нечистонго, имѣлъ 8.279 метровъ длины и находился на средней высотѣ трехъ съ половиною метровъ; но онъ не былъ обложенъ сводомъ, и земля обвалилась. Проходъ былъ совершенно закрытъ въ 1629 году; тогда надъ городомъ разразился настоящій потопъ: улицы были покрыты водою на 4 метра высоты; отъ дома до дома сообщались на лодкахъ, и прошло цѣлыхъ 5 лѣтъ, прежде чѣмъ городъ Мексико снова очутился на твердой землѣ. Пришлось начать работу сызнова, которая, къ несчастью, происходила безъ всякаго опредѣленнаго плана; самые проекты были крайне противорѣчивы: то предполагали устроить подземныя галлереи на томъ или другомъ мѣстѣ, то просто выкопать рвы подъ открытымъ небомъ. Эта послѣдняя система одержала верхъ, и въ 1789 году, послѣ ста восьмидесяти двухъ лѣтъ усилій, колоссальная работа была наконецъ выполнена.

Во многихъ мѣстахъ эти рвы, прорытые между двумя высокими стѣнами, имѣютъ видъ большихъ выемокъ въ полотнѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ; на протяженіи 800 метровъ, высота откосовъ, рарѣзанныхъ дождями въ видѣ обелисковъ и шпилей, превышаетъ 50 метр., а отверстіе траншей имѣетъ болѣе, 100 метр. ширины. Рѣка Куаутитланъ, доставлявшая озеру Зумпанго массу воды около 11-ти куб. метр. въ секунду, была отведена въ этотъ осушительный каналъ, или *desagüe*, а также къ этому же проходу изливался излишекъ сѣверныхъ озеръ во время періода дождей. Но разсыпчатая земля рва часто обваливалась, и русло наполнялось грязью и комьями земли; работу постоянно приходилось начинать сызнова, а во время революціонныхъ войнъ ее совершенно оставили. Въ 1866 году, вслѣдствіе ужаснаго наводненія, гнавшаго въ каналъ отъ 30—32 куб. м. воды въ секунду и грозившаго разрушеніемъ плотинъ и вторженіемъ всѣхъ сѣверныхъ озеръ въ столицу, начали рыть новый каналъ - туннель для отвода воды не только сѣверныхъ озеръ, но и озера Тескоко, расположеннаго въ самой глубинѣ озерной впадины; но едва успѣли начать копанье этого канала длиной почти въ 10 километровъ, для отвода воды подъ гору Теквисквіакъ, какъ работы остановились на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ: возобновились онѣ, да и то очень медленно [2]), только въ 1881 г., и туннель былъ оконченъ лишь въ 1894 г. Что касается до проекта Пумареда, состоявшаго въ томъ, чтобы устроить сифонъ между озеромъ Зумпанго и долиною

[1]) Boletin de la Sociedad de Geografia y de Estadistica", томъ IX, 1869.

[2]) Carlos Pacheco, „Memoria presentada al congreso de la Union", 1887 г

Тулы, то онъ былъ одобренъ, но не приведенъ въ исполненіе [1]). Впрочемъ, мѣстные спеціалисты инженеры, географы, медики, гигіенисты, далеко не были согласны между собою по вопросу объ осушеніи страны. По мнѣнію Л. де-Белина, дѣло вовсе не въ дренажѣ «долины», а, напротивъ того, въ увеличеніи ея влажности. Сухая, пыльная, голая равнина Мексико грозитъ скоро превратиться въ пустыню, если всѣ текучія воды, при выходѣ изъ высокихъ долинъ, не будутъ обращены для орошенія, и если не займутся облѣсеніемъ горныхъ склоновъ, что поведетъ къ поправленію климата и урегулированію ежегодныхъ колебаній уровня озерной поверхности [2]).

Общій климатъ Мексики—одинъ изъ тѣхъ, которые представляютъ величайшіе контрасты на относительно небольшомъ пространствѣ: высота почвы, расположеніе горныхъ склоновъ, сила и направленіе вѣтровъ, количество выпадающихъ дождей видоизмѣняютъ нормальный климатъ, опредѣляемый широтою. Но, все-таки, въ Мексикѣ есть области, гдѣ климатъ однообразенъ на большихъ протяженіяхъ. Такъ, въ сѣверной части территоріи, пограничной съ англо-американскими Штатами, есть обширныя равнины, отдаленныя отъ океана, гдѣ дневной и лѣтній зной правильно смѣняетъ ночной и зимній холодъ; климатъ крайностей тепла и холода, господствующій на американскомъ дальнемъ Западѣ, распространяется и на всѣ эти плоскогорья, характеризуемыя спеціальною растительностью—кактусами и хвойными деревьями,—составляющею особый поясъ, носящій на себѣ характеръ обѣихъ флоръ. Съ другой стороны, узкая часть Мексики на Техуантепекскомъ перешейкѣ принадлежитъ всецѣло къ тропическому влажному поясу, включая сюда даже горы, раздѣляющія оба склона. Климатическіе контрасты, порождаемые гористымъ рельефомъ, выражаются рѣзко только въ сѣверной части Мексики, на Анагуакскомъ плоскогорьѣ и на двухъ океаническихъ покатостяхъ. Дорога изъ Вера-Круца въ Акапулько, идущая между горными цѣпями, представляетъ собою классическую дорогу, на которой можно наблюдать эти рѣзкія противоположности климата.

Нижній поясъ поморья обнимаетъ какъ болота и безплодные пески побережья, такъ и хорошо орошаемыя равнины и первые скаты горъ, покрытые густолиственными деревьями, перевитыми фестонами ліанъ и увѣнчанными стрѣлками пальмъ: это—«*tierra caliente*», т. е. «жаркая земля» или тропическая, гдѣ средняя температура превышаетъ 23° Ц. Дѣйствительно, нѣкоторыя мѣстности Мексиканскаго побережья считаются самыми жаркими на всемъ земномъ шарѣ: такова, напримѣръ, гавань де-Ла-Пацъ, которой Калифорнія обязана своимъ названіемъ «Жаркой печи», даннымъ ей Кортесомъ [1]). Выше береговыхъ поясовъ, изъ которыхъ одинъ обращенъ къ Атлантическому, а другой къ Тихому океану, идутъ «*tierras templadas*», т. е. «умѣренныя земли»; въ среднемъ, онѣ лежатъ на высотѣ между 1.000 и 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря, причемъ въ Южной Мексикѣ выше, чѣмъ въ сѣверныхъ штатахъ. Эти районы соотвѣтствуютъ юго-западной Европѣ, если не по климату, потому-что тамъ не бываетъ зимы, то по средней температурѣ, по своимъ произведеніямъ и по здоровости для людей бѣлой расы. Наконецъ, плоскогорье составляетъ *tierras frias*, т. е. «холодныя земли»; нижняя часть ихъ, занятая хлѣбными полями, можетъ считаться самою населенною частью республики, тогда какъ выше, по направленію къ вершинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сплошь покрыты или только окаймлены снѣгомъ, климатъ слишкомъ суровъ какъ для произрастанія деревьевъ, такъ и для человѣка: иногда этимъ высокимъ мѣстностямъ даютъ названіе *tierras heladas* или «морозныя земли». Во многихъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ особыхъ условій, различные поясы растительности непосредственно прилегаютъ одинъ къ другому, безъ переходныхъ формъ: съ высоты инаго мыса, гдѣ произрастаютъ только растенія европейскихъ видовъ, видишь у себя подъ ногами пальмовыя рощи и банановыя чащи; съ вершины большихъ вулкановъ можно наблюдать даже флору лежащихъ одинъ надъ другимъ поясовъ. Благодаря быстротѣ, которую удобства перемѣщенія даютъ человѣку, теперь можно въ теченіе одного дня перебывать въ трехъ различныхъ поясахъ, которые въ другихъ странахъ раздѣлены между собою пространствами въ нѣсколько тысячъ километровъ.

Но если въ нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣстахъ поясы рѣзко разграничены, то почти во всѣхъ другихъ они сливаются одинъ съ другимъ послѣдовательными переходами. Причисленіе того или другаго района къ тому или иному поясу дѣлается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и линія раздѣла представляетъ большіе изгибы на окружности горъ; образовался поясъ взаимнаго проникновенія вслѣдствіе тысячи явленій температуры, вліянія вѣтровъ и жизненной конкурренціи между различными видами флоры; встрѣчаются долины и крутизны, которыя, по своей растительности, составляютъ какъ-бы черезполосицы «теплыхъ земель», врѣзавшіяся въ самую середину «умѣ-

[1]) Orozco y Berra, „Apuntes para la historia de la Geografia en México".

[2]) „Boletin de la Sociedad de Geografia y de Estadistica", 1880, 1882.

[1]) Jules Marcou, упомянутое сочиненіе.

ренныхъ земель». Въ своей совокупности Мексиканская территорія, которую тропическая линія пересѣкаетъ почти по самой серединѣ, на сѣверѣ отъ городовъ Мацатлана, Закатекаса и Тампико, можетъ считаться теплою страною. Принимая среднюю высоту страны въ 1.100 метровъ [1]), средняя температура этихъ широтъ около $15^1/_2{}^0$, т. е. равна средней температурѣ Ниццы и Перпиньяна въ южной Франціи и гораздо ниже температуры тѣхъ странъ Африки, которыя расположены на одинаковой широтѣ, именно въ Сахарѣ и въ Нубіи: можно сказать, что Анагуакское плоскогорье представляетъ умѣренную страну, висящую надъ тропическимъ поясомъ. Оно соотвѣтствуетъ «умѣреннымъ и холоднымъ землямъ» Эѳіопіи, которыя также возвышаются надъ «жаркими землями» Массовы и Данакиля; но, хотя Абиссинскому плоскогорью и благопріятствуетъ климатъ, оно, однако, значительно уступаетъ Мексиканскому плоскогорью по выгодамъ географическаго положенія и доступности. Рѣка, перерѣзанная порогами, знойное море съ его песчаными и скалистыми берегами, трудно проходимыя тропинки, проложенныя по пустынѣ или болоту,—вотъ пути, по которымъ надо достигать подошвы высокой Абиссинской цитадели, расположенной въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ дорогъ: Мексика, напротивъ того, занимаетъ центральное положеніе между двумя океанами и обѣими Америками, и на ея территоріи стараются открыть одинъ изъ главныхъ путей для кругосвѣтнаго путешествія; Антильское море, одно изъ самыхъ безопасныхъ внутреннихъ морей, омываетъ восточные берега Мексики, а съ другой стороны разливаются воды Тихаго океана, которымъ нѣкогда дали въ этой области названіе «Дамскаго моря», не всегда, впрочемъ, оправдываемое, такъ какъ не во всякое время года рука женщины въ состояніи тамъ управиться съ рулемъ.

По своей широтѣ Мексика находится въ поясѣ пассатныхъ вѣтровъ. Правильное атмосферическое теченіе дѣйствительно дуетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, или съ востока на западъ на мексиканскихъ берегахъ залива и на склонахъ горъ; но большія неровности въ рельефѣ и въ очертаніяхъ часто измѣняютъ естественное направленіе воздушныхъ теченій. Сѣверные вѣтры, *nortes*, дующіе на берегахъ Мексиканскаго залива, особенно съ октября до марта, и которыхъ не безъ основанія боятся моряки, направляющіеся въ Тампико или Вера-Круцъ, суть не что иное, какъ пассаты, отклонившіеся отъ своего естественнаго пути: тепловой фокусъ, представляемый низменностями Юкатана, разстилающимися на юго-востокѣ залива, привлекаетъ къ югу всю систему вѣтровъ. Соединяясь съ холоднымъ теченіемъ воздуха, спускающимся съ сѣвера по долинѣ Миссисипи, воздушныя массы пассата проносятся бурею вдоль береговъ и вздымаютъ волны; иногда это явленіе продолжается нѣсколько дней, даже цѣлую недѣлю, подвергая большой опасности суда, находящіяся вблизи береговъ, внѣ всякаго прикрытія. Буйность *норта* ощутительна только на морѣ и на побережьѣ; онъ дуетъ также и на плоскогорьяхъ, но тамъ онъ менѣе опасенъ, и сила его совершенно теряется на покатости Тихаго океана. Берега этого океана также имѣютъ свои особыя атмосферическія теченія, опредѣляемыя оріентировкой побережья, высотой и формой горъ: лѣтомъ, въ неопредѣленное время, высохшія и раскаленныя плато притягиваютъ воздушныя массы изъ экваторіальныхъ странъ, и рѣзкіе вѣтры, проносящіеся вдоль береговъ Колумбіи и Центральной Америки, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ разражаются со всею силою на территоріи Мексики. Иногда они представляютъ собою настоящіе циклоны, «пробѣгающіе въ нѣсколько часовъ всю розу вѣтровъ». Въ 1839 году, одинъ изъ такихъ циклоновъ потопилъ двѣнадцать судовъ въ гавани Мацатлана; въ 1881 году, другой циклонъ разрушилъ Манзанилльо, гавань Колимы. Эти южныя и юго-восточныя бури, или «кордонасы», обязанныя миссіонерамъ своимъ страннымъ названіемъ,— *cordonazo de San Francisco* —«бичеваніе св. Франциска» — обыкновенно не проникаютъ внутрь страны; тѣмъ не менѣе Аріо, городъ Мичоакана, расположенный у закраины высокихъ земель Центральной Мексики, совершенно основательно получилъ свое названіе, означающее на языкѣ тарасковъ «Бурный». Что же касается до правильныхъ теченій воздуха съ западной стороны, то они выражаются сѣверо-восточными пассатами, называемыми *papagayes*, которые проносятся по континентальной части Мексики, и юго-западными муссонами, т. е. пассатами южнаго полушарія, которые устремляются къ сѣверу отъ экватора, отклоняясь такимъ образомъ отъ своего первоначальнаго теченія. Направленія мѣстныхъ вѣтровъ главнымъ образомъ опредѣляются оріентировкой долинъ, по которымъ они проносятся; ихъ теченіе заранѣе регулируется формою того ложа, которое ихъ воспринимаетъ.

Количество выпадающей атмосферной влаги распредѣляется крайне неравномѣрно, вслѣдствіе контрастовъ рельефа, разности температуръ и неправильности вѣтровъ. Въ среднемъ, паденіе дождей регулируется временами года. Въ половинѣ мая, когда солнце, переступивъ экваторъ, находится въ зенитѣ странъ сѣвернаго полушарія, начинаютъ выпадать дожди; облака, составляющія кортежъ солнца въ его движеніи по эклиптикѣ, разражаются частыми ливнями, по крайней мѣрѣ на склонахъ, обра-

[1]) Ch. Perron, „Подробный разсчетъ по извѣстнымъ высотамъ“.

щенныхъ къ морю. Наступленіе урагана обыкновенно предвѣщается огромной черной тучей, надвигающеюся съ моря «въ видѣ громаднаго торса, съ отрубленными на половину членами»: это *Giganton*, «Гигантъ», который быстро заволакиваетъ все небо [1]). Послѣ полудня тучи разрываются, сверкая молніей и грохоча громомъ: ацтеки видѣли въ этомъ проявленіе божества *Тепейолотла*, или «Сердца Горы», голосъ котораго отдавался продолжительнымъ эхомъ въ скалахъ [2]). За внезапными ливнями слѣдуетъ продолжительный дождь, идущій обыкновенно весь вечеръ до самой ночи; затѣмъ небо проясняется, и путешественники безбоязненно могутъ продолжать путь, прерванный грозою: на зарѣ вѣтры быстро высушиваютъ почву.

На Мексиканскомъ плоскогорьѣ тропическіе дожди, приносимые сѣверо-восточными вѣтрами, идутъ правильно только въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ: іюня, іюля, августа и сентября, продолжаясь обыкновенно менѣе часа; въ перемежку съ этими дождями слѣдуютъ нѣсколько ясныхъ дней, иногда даже цѣлыя недѣли засухи, что случается въ особенности въ іюлѣ и въ августѣ, когда наступаетъ «весна св. Анны». Въ октябрѣ совершенно прекращаются дожди, и начинается зима, но эта зима представляетъ нѣкоторыя характерныя черты европейскаго лѣта: поэтому ей даютъ названіе *estio*, «лѣто», или *tiempo de secas*, т. е. «сезонъ засухи». Деревья лишаются своей листвы, но не вслѣдствіе холода, а по недостатку влаги въ почвѣ, и поля тогда имѣютъ зимній видъ; но и горы также принимаютъ зимнюю физіономію: онѣ бѣлѣютъ снѣгомъ до высоты 3.000 и даже 3.800 метровъ надъ уровнемъ моря; въ исключительные годы можно было видѣть даже сплошную бѣлую пелену, которая разстилалась по сѣдловинѣ Ахуалко (3.238 метровъ), отъ Попокатепетля до Икстаксихуатля; въ Мексико, даже въ Мореліи, на высотѣ 1.940 метровъ, выпадали хлопья снѣга [3]). Легкіе дожди совпадаютъ съ выпаденіемъ снѣга на большихъ вершинахъ цѣпи вулкановъ: когда солнце находится надъ южнымъ тропикомъ, поясъ тучъ, нагоняемый на югъ пассатными вѣтрами, приноситъ съ собою малый періодъ дождей; тогда деревья вновь зацвѣтаютъ, жизнь возрождается и поддерживается во время новаго періода засухи, до рѣзкаго вторженія дождливаго сезона, начинающаго собою новый циклъ года.

Впрочемъ, неправильности очень многочисленны, вслѣдствіе разнообразія рельефовъ и экспозицій; нерѣдко двѣ сосѣднія мѣстности имѣютъ дождевой режимъ совершенно различный. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, именно въ умѣренномъ поясѣ Жалапы и Оризабы, на высотѣ отъ 500 до 2.500 м. надъ уровнемъ моря пары, приносимые сѣверными вѣтрами, сгущаются въ туманы, которые разстилаются по землѣ и разрѣшаются мелкимъ, но упорнымъ дождемъ: это *chipichipi*, ожидаемый съ нетерпѣніемъ туземцами, для которыхъ этотъ туманъ является существеннымъ условіемъ благоденствія, *la salud del pueblo* [1]); въ это время обыкновенно по цѣлой недѣлѣ не видятъ солнца. Въ среднемъ, дожди обильнѣе выпадаютъ въ южной части территоріи, тамъ, гдѣ оба моря вдаются заливами одинъ противъ другаго, и гдѣ солнце проходитъ два раза черезъ зенитъ земли: тамъ среднее годовое выпаденіе дождевой воды равняется 2—3 метрамъ. Количество падающей изъ воздуха воды постепенно уменьшается по направленію къ сѣверу, за предѣлами тропика Рака: такъ, въ Сонорѣ дожди начинаются только въ іюлѣ и часто прерываются въ нормальное время года. Области Сѣверной Мексики, въ особенности въ пространствѣ, ограничиваемомъ двумя господствующими сіеррами, имѣютъ очень сухой климатъ; дожди задерживаются здѣсь морскимъ склономъ горъ. На этихъ возвышенныхъ плоскогорьяхъ, гдѣ сухость доходитъ до крайности, очень часто наблюдается возникновеніе яркихъ искръ между соприкасающимися между собою предметами. Иногда слышится даже нѣчто вродѣ продолжительнаго треска, исходящаго изъ всѣхъ выступовъ скалистой почвы [2]).

Въ общемъ климатъ Мексики, если не изъ самыхъ здоровыхъ, то во всякомъ случаѣ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ во всемъ свѣтѣ. Поясъ «умѣренныхъ земель», на обоихъ склонахъ Атлантическаго и Тихаго океановъ, пользуется «вѣчною весною»; здѣсь вовсе не знаютъ сильныхъ холодовъ, а лѣтнія жары совсѣмъ нельзя назвать невыносимыми: въ каждой долинѣ протекаетъ ручей, каждое жилище окружено густою растительностью, въ которой европейская флора перемѣшивается съ африканскою. Всякій путешественникъ, пробывшій нѣкоторое время въ какой-либо долинѣ, говоритъ, что она «прекраснѣйшая въ цѣломъ мірѣ», что нигдѣ горы, со своими снѣжными или курящимися вершинами, не возвышаются такъ величественно надъ моремъ зелени, испещренной цвѣтами. Въ этихъ чудныхъ мѣстностяхъ найдется еще пріютъ для милліоновъ и милліоновъ людей.

Метеорологическій режимъ нѣкоторыхъ станцій Мексики, распредѣленныхъ по направленію отъ сѣвера къ югу:

1) Lucien Biart, „La Terre Chaude".
2) Adolf Bastian, „Die Culturländer des alten America".
3) Humboldt;—Jourdanet;—H. de Saussure и пр.

1) Lucien Biart, рукописныя замѣтки.
2) H. de Saussure, „Hydrologie du Mexique".

СТАНЦІИ.	Широта.	Высота.	Температура. Самая высокая.	Самая низкая.	Средняя.	Количество дождя.
Монтерей (1888 г.)	25°40′	496 м.	33°,2	11°,7	21°	3 м. 413
Салтилльо (1888 г.)	25°25′	1553 м.	33°,6	—2°,5	16°,1	0 м. 637
Мацатланъ (6 лѣтъ)	23°11′	76 м.	34°,7	9°,5	24°,3	0 м. 967
Закатекасъ (1888 г.)	22°47′	2452 м.	30°,2	—4°,	14°,3	0 м. 455
Санъ-Луи-Потози (2 года)	22°05′	1890 м.	33°,9	1°,7	16°,9	0 м. 398
Леонъ (1888 г.)	21°07′	1799 м.	34°	2°,3	18°,9	0 м. 870
Туксиамъ (1879 г.)	21°03′	10 м.	?	?	24°,6	1 м. 593
Гуанахуато (1888 г.)	21°01′	2031 м.	31°,1	1°,2	17°,6	0 м. 819
Гуадалахара (6 лѣтъ)	20°41′	1569 м.	35°	—5°	22°	0 м. 836
Пацкуаро (1888 г.)	19°27′	2174 м.	?	?	16°,1	1 м. 110
Мексико (12 лѣтъ)	19°26′	2246 м.	31°,66	—2°,22	15°,5	0 м. 742
Колима (15 лѣтъ)	19°12′	504 м.	?	?	25°,8	1 м. 062
Пуэбла (2 года)	19°	2155 м.	34°,7	—0°,7	15°,8	0 м. 985
Куэрнавака (1879 г.)	18°56′	1550 м.	30°,5	11 ,3	29°,9	1 м. 305
Оаксака (1879 г.)	17°03′	1546 м.	?	?	19°,2	0 м. 951

Флора Мексики служитъ, такъ сказать, живымъ олицетвореніемъ ея климата, потому-что растенія развиваются, или отказываются жить, смотря по условіямъ температуры, влажности, мѣстоположенія: при взглядѣ на растительность, ботаникъ тотчасъ же узнаетъ, силенъ ли зной и значителенъ ли холодъ, или напротивъ, термометрическія колебанія весьма незначительны, выпадаетъ ли въ изобиліи дождевая вода или влажность разсѣивается въ видѣ паровъ, выдѣляемыхъ почвою. Въ этомъ отношеніи Мексика представляетъ большіе контрасты: мы видимъ здѣсь пустыни, саванны, кустарниковыя чащи, дремучіе лѣса, занявшіе громадныя сплошныя пространства.

На сѣверѣ Мексики, горныя породы Чигуагуа и сосѣднихъ областей, гдѣ дожди выпадаютъ очень рѣдко, имѣютъ весьма скудную флору, состоящую изъ сѣроватыхъ растеній, колючихъ, съ толстыми жесткими листьями: видъ почвы слабо измѣняется отъ покрывающей ее растительности. Но все же весною и эти безплодныя мѣстности вдругъ разукрашиваются пестрыми цвѣтами; мезкитовые кустарники покрываются желтенькими букетиками; стрѣлки бѣлыхъ колокольчиковъ вылѣзаютъ изъ коронокъ юкки; между камешками горятъ алые вѣнчики маммилярій. Въ Европѣ есть луга, болѣе ласкающіе взоръ, благодаря своей густой, зеленой травѣ, но нѣтъ луговъ, болѣе блестящихъ. Но этотъ «сезонъ цвѣтовъ» проходитъ очень быстро, и природа снова принимаетъ свой угрюмый видъ. Впрочемъ, кое-гдѣ попадаются чащи колючаго хворостянника, сверкающія нѣжною зеленью. Преобладающими видами мексиканской флоры являются мезкиты (algarrobia glandulosa); въ большинствѣ случаевъ они рѣзко отличаются отъ мезкитовъ, произростающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но, какъ и тѣ виды, они выдѣляютъ особый сокъ, похожій на аравійскую камедь. Въ Новой Мексикѣ мезкиты растутъ въ видѣ кустарниковъ, вѣтви которыхъ идутъ прямо отъ корней; въ Южномъ Техасѣ они принимаютъ форму деревцовъ, наконецъ, на территоріи Мексики, именно въ Сонорѣ, они становятся настоящими деревьями, образуя мѣстами тѣнистыя рощи [1]. Въ другихъ мѣстностяхъ, именно на западныхъ склонахъ Сіерры-Мадре, въ штатахъ Чигуагуэ, Сонора и Синалоа, преобладаютъ дубы, отчего и произошло названіе *encinal*, т. е. «дубняки», которымъ въ этихъ мѣстахъ называютъ обширныя лѣсныя пространства. Сѣверо-мексиканцы называютъ кустарниковыя поросли также словомъ *chaparral*, которое, собственно говоря, должно бы было примѣняться только къ рощамъ «красныхъ дубовъ». Это—терминъ, аналогичный слову «garrigue», которымъ пользуются въ восточномъ Лангедокѣ; на обыкновенномъ языкѣ всякій maquis есть chaparral, даже и тамъ, гдѣ произростаютъ мезкиты и большіе кактусы.

Если не считать растущихъ на берегу ручьевъ тѣнистыхъ тополей и ивъ, то можно сказать, что нѣкоторыя сѣверныя области Мексики не имѣютъ другой лѣсной флоры, кромѣ кактусовъ. Самые замѣчательные изъ нихъ—*pitahayas*, которыя высятся въ видѣ желобчатыхъ колоннъ, усаженныхъ шипами; вѣтви этого дерева отдѣляются отъ ствола подъ прямымъ угломъ и растутъ вверхъ параллельно ему, образуя громадныя канделябры, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ до 10 метровъ и болѣе въ вышину: путешественникъ Ксантусъ видѣлъ въ Нижней Калифорніи, по близости Тодосъ-Сантоса, питагагію вышиной въ 19 метр. [2]). Кромѣ того, сотнями насчитываютъ другіе виды кактусовъ, которые могутъ бороться противъ засухи, благодаря большому запасу сока, содержащагося въ ихъ толстыхъ листьяхъ, а также противъ посягательствъ животныхъ и людей, благодаря своимъ колючимъ шипамъ. Между этими странными растеніями есть такія, которыя издали можно принять за глыбы зеленоватаго камня: это колючіе кактусы, почти

[1]) Froebel, „Seven Years in Central America".

[2]) „Mittheilungen von Petermann", 1861 г., тетрадь IV.

безформенныя массы, вооруженныя громадными шипами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почва покрыта, словно настоящею зеленою травою, мелкими агавами, за которыми мексиканцы оставили ихъ прежнее нахуатльское названіе *ixtle* или *ixtli*. Во внутреннихъ штатахъ Санъ-Луи-Потози, Закатекасъ, Дуранго, Агуасъ-Каліентесъ и даже на холодномъ плато произрастаютъ преимущественно крупные виды агавъ, волокна которыхъ употребляютъ на пряжу грубыхъ тканей, а сокъ—для приготовленія водки и другихъ національныхъ напитковъ. Во многихъ округахъ общая физіономія ландшафта получается отъ полей агавъ съ огромными листьями и отъ изгородей изъ другихъ видовъ кактуса, *organos* (cactus hexagonus), названныхъ такъ потому, что они походятъ на органныя трубы.

Три послѣдовательныхъ пояса, начиная отъ основанія горъ до «долинъ» плоскогорій, характеризуются особыми видами растеній, и растительность ихъ рѣзко разнится общимъ видомъ. Прибрежныя мѣстности въ «теплыхъ земляхъ» имѣютъ обширныя саванны, поросшія густою травою, великолѣпныя чащи пальмъ и смоковницъ, «растущихъ одна въ другой», и всѣ антильскія деревья, славящіяся своими цвѣтами или плодами, качествомъ дерева, коры или запаха. Выше начинаются великолѣпные лѣса, гдѣ тропическая растительность перемѣшивается съ европейскою; это—область кофейнаго, апельсинныхъ деревьевъ, банановъ, и откуда мексиканцы преимущественно получаютъ свои главные пищевые продукты: маисъ, бобы, индѣйскій перецъ. Холодный поясъ доставляетъ пшеницу,—продуктъ, гораздо менѣе важный для питанія туземцевъ. Изъ деревьевъ на плоскогорьяхъ преобладаютъ дубъ и сосна, первый на высотѣ 1.600—2.500 метровъ, вторая—на высотѣ 2.300—3.400 метровъ; на большей части высокихъ вершинъ шишконосныя деревья достигаютъ высоты 4.000 метровъ надъ уровнемъ моря [1]); это послѣднія древесныя растенія, произрастающія на бокахъ горъ; дальше слѣдуютъ только невысокія травы, покрывающія почву до нижняго предѣла снѣговой линіи. Вслѣдствіе проникновенія растительныхъ областей, наблюдаемаго между поясами различной температуры, сосны высотъ овладѣли всѣмъ умѣреннымъ райономъ и спускаются даже ниже 1.080 метровъ; онѣ попадаются еще на высотѣ 600 метровъ по склонамъ вулкана Хорульо. Тотъ же видъ (pinus oocarpa) встрѣчается въ Никарагуа и на Антильскихъ островахъ, по берегу моря, смѣшиваясь съ пальмами и съ другими тропическими растеніями [2]). Господствующія древесныя породы представлены большимъ числомъ формъ: на склонахъ большаго массива Оризабы насчитываютъ около 75 видовъ дуба [1]). Ahuehuetes, или «кипарисы» Чапултепека, Атлиско, Оаксаки, принадлежащіе къ тому же виду, какъ и кипарисы Луизіаны (taxodium distichum), достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Гумбольдтъ причисляетъ ихъ къ гигантамъ растительнаго міра. Ясени также принимаютъ здѣсь такіе огромные размѣры, о которыхъ въ Европѣ не имѣютъ понятія; они образуютъ вокругъ городовъ несравненные по своей грандіозности бульвары.

Мексика, столь богатая своею флорою, дала немало видовъ растительности и Европѣ: оттуда мы получили шоколадъ, за которымъ такъ и осталось его ацтекское названіе; акр[illegible], сохранившія на испанскомъ языкѣ свое мексиканское названіе какахуатъ (tlacacahuatl); ананасы [2]), драгоцѣнный картофель; томаты, *tomatl* индѣйцевъ, которые ихъ сажали на маисовыхъ поляхъ [3]). Табакъ, распространенный по всей Европѣ, также принадлежитъ къ мексиканскимъ растеніямъ. Агавы и различные виды кактусовъ вывезены изъ Анагуака, точно такъ же, какъ ялаппа, сассапарель и другія лѣкарственныя растенія, разныя пахучія растенія, камедь и резина. Цвѣтники, оранжереи и фруктовые сады Стараго Свѣта постоянно подновляются различными видами привозимыхъ изъ Мексики растеній; одинъ только натуралистъ, Пойе, вывезъ изъ Халапы во Францію до шестидесяти различныхъ видовъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ. Съ другой стороны, нѣтъ такого вида иностранныхъ растеній, который не могъ бы акклиматизироваться въ громадномъ ботаническомъ саду, образуемомъ послѣдовательными террасами, заключающимися между Вера-Круцомъ и Мексико, между Мацатланомъ и Гвадалахарою. Бананъ, названіе котораго санскритскаго происхожденія, и который ни на одномъ изъ языковъ Америки не имѣетъ древняго названія, по всей вѣроятности, принадлежитъ Старому Свѣту и завезенъ въ Америку съ Канарскихъ острововъ и Гаити [4]). Пшеница была завезена сюда однимъ негромъ, рабомъ Кортеса. Бернардъ Діацъ разсказываетъ въ своей книгѣ «Завоеваніе Новой Испаніи», какъ самъ онъ посадилъ семь или восемь зернышекъ апельсина, которые дали ему великолѣпныя апельсинныя деревья, «первыя» въ Мексикѣ. Завоеватели распространили тамъ также и виноградъ: вообще нѣтъ ни одной отрасли промышленности, основанной на утилизаціи дерева и его продуктовъ, которая не могла бы быть введена въ Анагуакѣ.

[1]) H. de Saussure;—A. Dollfus и D. de Mont Serrat.
[2]) J. O. Villagomez, „Anales del Ministerio del Fomento". México 1887.

[1]) Hugo Fink, „La Naturaleza", 1875, № 12.
[2]) Arthur Morelet, „Voyage dans l'Amérique Centrale".
[3]) Bernard Diaz, цитиров. сочиненіе.
[4]) Clavigero;—Belt, „The Naturalist in Nicaragua";—Otto Stoll, „Guatemala".

Въ эпоху сравнительно новую, въ третичные и по-третичные вѣка, мексиканская фауна заключала въ себѣ нѣсколько видовъ очень большихъ четвероногихъ, подобныхъ тѣмъ, какія

Холулальская искуственая пирамида.

населяли Старый Свѣтъ. Уже Бернардъ Діацъ видѣлъ «кости гигантовъ», которыя онъ приписывалъ прародителямъ ацтековъ, и такимъ находкамъ нѣкоторыя мѣстности Мексики обязаны своими названіями *cerro*, *loma* или *llano* *del Gigante*. Эти кости, употреблявшіяся съ незапамятныхъ временъ въ туземной фармакопеѣ и дѣйствительно, благодаря заключающейся въ нихъ фосфорнокислой извести, помогающія во многихъ болѣзняхъ, большею частью принадлежатъ мастодонтамъ, носорогамъ, слонамъ, оленямъ и лошадямъ; подъ холмомъ Теквисквіакъ, къ сѣверу отъ Мексико, открыли также новый видъ исполинскаго бро-

неносца, которому дали названіе *glyptodon clavipes*.

Нынѣшняя фауна Мексики, также какъ и ея флора, принадлежитъ къ сѣверо-американской площади по области плоскогорій, къ антильской площади—по прибрежью Мексиканскаго залива, тогда какъ на берегахъ Тихаго океана переходъ отъ калифорнійской фауны къ южно-американской совершается постепенно. Относительно наземныхъ животныхъ, общая физіономія фауны связываетъ Мексику съ Сѣверными Соединенными Штатами, тогда какъ относительно морскихъ формъ происходило обратное движеніе: въ Мексиканскомъ заливѣ, до Тамаулипаса и Техаса, и на берегахъ Великаго океана, до Соноры и Нижней Калифорніи, преобладающіе виды животныхъ пришли изъ Южной Америки [1]). Между двумя океанами почти всѣ животные виды разнятся; несмотря на малое разстояніе между берегами Атлантическаго и Тихаго океановъ, пляжи того и другаго усѣяны различными раковинами. Но въ направленіи съ сѣвера на югъ, общая физіономія фауны измѣняется медленно; внезапные и рѣзкіе контрасты наблюдаются только на различныхъ высотахъ надъ уровнемъ моря, отъ теплаго пояса къ умѣренному и отъ умѣреннаго къ холодному.

Въ нижнемъ поясѣ, гдѣ температура наиболѣе высокая и гдѣ воздухъ наиболѣе насыщенъ парами, фауна представлена наибольшимъ числомъ родовъ и видовъ; при томъ и люди живутъ тамъ менѣе плотными группами, чѣмъ въ умѣренномъ поясѣ, а слѣдовательно и дѣло истребленія животныхъ тамъ менѣе подвинулось впередъ. Въ тропическихъ лѣсахъ водятся три породы обезьянъ; по вѣтвямъ вѣшаются вампиры; съ цвѣтка на цвѣтокъ перепархиваютъ колибри, которыхъ древніе мексиканцы называли «солнечными лучами» [2]): въ каждомъ городѣ есть своя уличная полиція коршуновъ стервятниковъ (cathartes atratus) или zopilotes, а въ деревняхъ царствуетъ королевскій грифъ (sarcoramphus papa), передъ которымъ почтительно разступаются всѣ другіе грифы, какъ только онъ опустится на намѣченную падаль [3]). Въ лѣсахъ укрываются сильные хищники, пумы, кугуары и тигрокоты, а также самый большой изъ мексиканскихъ непарнокопытныхъ—тапиръ. Во всѣхъ водахъ морскаго побережья живутъ черепахи—эмиды, а въ береговыхъ мѣстностяхъ, заливаемыхъ водою, въ особенности у устьевъ большихъ рѣкъ, встрѣчаются крокодилы; гекко, василиски и игуаны предпочитаютъ также пляжи и прибрежные лѣса. Змѣи, какъ безвредныя, такъ и ядовитыя, встрѣчаются во множествѣ только въ земляхъ нижняго пояса, гдѣ также кишмя-кишатъ лягушкообразныя: тамъ находятъ большинство многочисленныхъ видовъ жабъ и саламандръ, характеризующихъ мексиканскую фауну. Что касается рыбъ, живущихъ въ лиманахъ и впадающихъ въ нихъ рѣкахъ то онѣ представлены крайне разнообразными видами, совершенно различными на двухъ покатостяхъ Атлантическаго и Тихаго океановъ [1]). Наконецъ, болотистыя преріи (луга) и сырые лѣса кишатъ тучами москитовъ. Измученные быки спасаются отъ силь ихъ неумолимыхъ враговъ только тѣмъ, что зарываются въ илъ, выставивъ только кончикъ своей морды, на которую садится прелестная птичка, называемая «командоромъ», очень лакомая до москитовъ: огромное неуклюжее четвероногое и граціозная птичка составляютъ оборонительный союзъ противъ страшныхъ насѣкомыхъ [2]).

Умѣренныя земли также имѣютъ свою особенную фауну. Нѣкоторые виды змѣй и черепахъ только и встрѣчаются въ этомъ поясѣ: до высоты 1.300 м. надъ уровнемъ моря самое обыкновенное пресмыкающееся—царь удавъ (boa imperator), обоготворенное изображеніе котораго украшало нѣкогда храмы ацтековъ. Сѣверныя области, которыя продолжаютъ собою области американскаго «дальняго Запада», Far West'a, постепенно поднимаясь къ Анагуакскому плоскогорью, имѣютъ также свои особые виды, между прочимъ, ящерицъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ частяхъ Мексики. Еще въ недавнее время путешественники встрѣчали въ горахъ Чигуагуа бизоновъ; но нынѣ это животное, ставшее такою рѣдкостью въ Канадѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ, совершенно перевелось и въ мексиканскихъ провинціяхъ. Около озера Енсинигласъ, на сѣверо-западѣ штата Чигуагуа, Фребель встрѣтилъ стадо антилопъ, по крайней мѣрѣ въ тысячу головъ; это стадо спускалось съ горы такъ быстро, что казалось, будто животныя вовсе не касались земли. Въ Сѣверной Мексикѣ и Нижней Калифорнія попадаются даже сѣрый орегонскій медвѣдь и дикая овца, преслѣдуемая тремя видами волковъ или, *койотовъ*, пумой и ягуаромъ [3]). Опоссумъ (didelphis virginiana) Соединенныхъ Штатовъ и луговые сурки также водятся въ Мексикѣ. Пекари (*dicotyles* или *sus torquatus*) населяютъ лѣса и опустошаютъ сосѣдніе посѣвы, наводя настоящую панику на туземцевъ, такъ какъ, завидя прохожаго, все стадо съ яростью набрасывается на него; впрочемъ, это живот-

---

[1]) Milne-Edwards, „Faune de l'Amérique Centrale et du Mexique".
[2]) D. R. Montes de Oca, „Naturaleza", 1874.
[3]) Lucien Biart, „La terre chaude".

[1]) Aug. Duméril, „Recherches zoologiques sur la faune de l'Amérique Central et du Mexique".
[2]) H. de Saussure;—van Beneden, „Die Schmarotzer des Thierreiches"
[3]) Xantus Janos, „Mittheilungen von Petermann". 1861. Heft IV.

ное легко приручается. Изъ всѣхъ животныхъ, составляющихъ фауну Мексики, только два были одомашнены: это—одна порода утокъ и *huahslotl* (*meleagris mexicana*), индюкъ или «индѣйскій пѣтухъ», названный такъ потому, что испанцы привезли эту птицу изъ Вестъ-Индіи. *Techichi*, съѣдобная нѣмая собака, была очень скоро истреблена испанцами, которые брали ее какъ подать со всѣхъ данниковъ. Прочіе обитатели птичьихъ дворовъ, конюшенъ и хлѣвовъ были ввезены въ Мексику завоевателями.

На плоскогорьяхъ одну изъ язвъ Мексики составляютъ скорпіоны. Кромѣ того, различные виды акридій опустошаютъ тамъ поля. Свѣтящіеся элатериды (cocuyos) освѣщаютъ ночи тропическаго пояса, крутясь въ воздухѣ подобно искрамъ. Муравьи представлены множествомъ видовъ, изъ которыхъ наиболѣе обыкновеннымъ являются *arrierros* или «погонщики муловъ» (oecodoma mexicana), которые выкапываютъ свои жилища въ формѣ кратера въ самыхъ твердыхъ горныхъ породахъ [1]). Одинъ изъ низшихъ организмовъ, который натуралисты наблюдали на Анагуакскомъ плоскогорьѣ, подалъ поводъ къ глубокимъ изслѣдованіямъ, вслѣдствіе его особенностей: это аксолотль, котораго находили чаще всего въ соленыхъ и содовыхъ водахъ озера Тескоко, и который очень рѣдко встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ Новаго Свѣта. Это—головастикъ, снабженный жабрами, но измѣнчивыми, какъ у протея, формами. Первые изслѣдователи были поставлены въ большое затрудненіе, не зная, къ какому отряду причислить это животное; ему давали самыя разнообразныя научныя названія, даже названіе *lusus aquarum*, т. е. «игра водъ»; затѣмъ образовали изъ него особый родъ Siredon. Однако, многіе ученые были того мнѣнія, что аксолотль есть не что иное, какъ личинка большаго вида амблистомы, что Дюмериль и доказалъ постепеннымъ искусственнымъ преобразованіемъ аксолотля въ амблистому: большинство аксоолотлей остается всю жизнь и даже нѣсколько поколѣній подрядъ въ формѣ головастиковъ, и только немногіе изъ нихъ превращаются въ болѣе совершенныя формы [2]). Индѣйцы охотно ѣдятъ мясо аксолотля; они лакомятся также яйцами, которыя кладутъ два вида мухи *axayacatl*, въ особенности *corixa femoraia*, на камышахъ мексиканскихъ озеръ; они ихъ толкутъ и, смѣшавъ съ другими веществами, приготовляютъ изъ нихъ пирожки; они ѣдятъ также гнѣзда личинокъ, свитыя въ клубокъ въ видѣ губокъ. По словамъ Вирлэ д'Ауста, груда яицъ аксаякатля образуетъ на днѣ озеръ оолитовый известнякъ, совершенно похожій на юрскій оолитъ, который, по всей вѣроятности, образовался такимъ же способомъ [1]).

Моря, омывающія Мексику съ той и съ другой стороны, изобилуютъ животною жизнью. Изъ отряда китообразныхъ, посѣщающихъ эти берега, попадаются еще иногда ламантины (*Manatus latirostris*). На мексиканскихъ берегахъ Тихаго океана малакологисты открыли сотни новыхъ видовъ моллюсковъ, и одинъ изъ этихъ видовъ, *aptisia depilans*, какъ полагаютъ, есть тотъ самый, изъ котораго тирійцы приготовляли пурпуровую краску: Тегуантепекскіе индѣйцы употребляютъ его для окраски своихъ тканей, не имѣя надобности укрѣплять краску протравой [2]). Въ Калифорнійскомъ заливѣ, въ особенности около Ла-Паца и сосѣднихъ архипелаговъ, ловятъ жемчужныхъ раковинъ; наконецъ, съ другихъ островов въ томъ же заливѣ, гдѣ птицы самыхъ разнообразныхъ породъ миріадами вьютъ гнѣзда, получается гуано сотнями грузовъ. Констатировано, что острова, расположенные въ Тихомъ океанѣ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, среди открытаго моря, характеромъ своей фауны всѣ отличаются отъ материка. Такъ, на небольшой группѣ островов Тресъ-Маріасъ, которая находится въ открытомъ морѣ, въ ста километрахъ отъ штата Жалиско, водится особый видъ колибри [3]). Архипелагъ Ревилья-Жижедо также имѣетъ свою особую фауну. Островъ Гвадалупе, отстоящій на 250 километровъ отъ внѣшнихъ береговъ Нижней Калифорніи, представляетъ въ своей фаунѣ рѣзкій контрастъ: одиннадцать видовъ сухопутныхъ птицъ, которыя тамъ найдены, всѣ отличаются отъ соотвѣтственныхъ породъ сосѣдняго континента; онѣ дифференцировались въ отдаленныя времена, когда происходило раздѣленіе земель и фаунъ.

Откуда происходятъ различныя населенія, которыя испанцы нашли въ Мексикѣ при ея завоеваніи? По этому вопросу существуетъ такая же масса гипотезъ, какъ и сочиненій по этнологіи этихъ странъ. Весьма естественно, что первые писатели, обязанные согласовать свою фантазію съ библейскими текстами и съ ученіемъ Церкви, видѣли въ мексиканцахъ прямыхъ потомковъ одного изъ сыновей Ноя, пригнанныхъ въ эту страну водами потопа, или прибывшихъ по сушѣ, послѣ осушенія континентальной поверхности [4]). Даже въ настоящемъ столѣтіи нѣкоторые писатели [5]) пы-

---

[1]) Virlet d'Aoust, „Coup d'oeil sur la topographie et la géologie du Mexique et de l'Amérique Central“.

[2]) Elie Menchnikoff, „Mémoires de la Société des Sciences naturelles de la Nouvelle-Russie“, 1875.

[1]) „Bulletin de la Société Géologique de France“, 1 мая 1865.

[2]) I. G. Barnard, „The isthmus of Tohuantepec“.

[3]) A. R. Wallace, „Island-Life“.

[4]) H. H. Bancroft, „The Natives Races“. T. V.

[5]) Kingsborough, „Mexican Antiquities“;—Adair, „American Indians“.

тались установить, что мексиканцы — сыны іудеевъ, «разсѣянныхъ по всей землѣ» послѣ Вавилонскаго плѣненія: по ихъ мнѣнію, какъ наружный видъ, такъ и характеръ, религія, нравы, одежда, даже языкъ, наконецъ, преданія и миѳы—все свидѣтельствуетъ о древнемъ родствѣ. Другіе историки искали въ классической древности, у египтянъ, финикіянъ и карѳагенянъ, какихъ-либо указаній на эмиграцію въ Новый Свѣтъ, и Платоновская Атлантида не могла быть забыта въ гипотетической исторіи предковъ мексиканскаго народа. Атонатіу, т. е. атлантиды,—говоритъ Альфредо Чаверо,—составляютъ коренную расу цивилизованныхъ націй Европы и Америки; испанцы и толтеки одинаково происходятъ отъ нихъ; Брассеръ-де-Бурбургъ полагаетъ даже, что разобралъ въ одномъ нахуатльскомъ манускриптѣ, *Codex chimalpopoca*, будто «изверженіе открытыхъ вулкановъ на всемъ протяженіи американскаго континента, который былъ тогда вдвое больше настоящаго, взорвало на воздухъ весь міръ и въ промежутокъ между двумя восходами Утренней Звѣзды ввергло въ пучины морскія богатѣйшія страны земнаго шара» [1]). Но атлантиды нынѣшней Мексики избѣгли катастрофы, и они - то, будто бы, и разсказали о ней въ своихъ памятникахъ американской литературы и архитектуры, смысла которыхъ не могъ прежде истолковать ни одинъ ученый.

Однако, самая распространенная гипотеза, та, которую изложили Гинь, Гумбольдтъ, Прескоттъ, Катрфажъ, Гами, подъ различными формами, видитъ въ мексиканцахъ—выходцевъ изъ Азіи, прибывшихъ либо черезъ Берингову проливъ, или черезъ Алеутскіе острова, либо прямо по океану, или черезъ острова Полинезіи. Относительно близкое сосѣдство двухъ континентовъ, Азіи и Сѣверной Америки, и тотъ неоспоримый фактъ, что въ историческія времена совершались невольныя плаванія между Японіей и Калифорнійскими берегами, естественно должны были породить эти теоріи, которыя и были приняты большимъ числомъ изслѣдователей. Правда, нѣтъ никакого достовѣрнаго доказательства, которое давало бы возможность утверждать, что таинственная страна, гдѣ растетъ *фузангъ*, и которую одна китайская экспедиція, будто бы, открыла еще въ седьмомъ вѣкѣ [2]), есть дѣйствительно Мексика, и описаніе этой заморской страны, которое даетъ древній писатель, не согласуется съ природою Анагуака, и еще менѣе съ нравами ея обитателей, какъ ихъ описываютъ испанскіе завоеватели. Точно также религія ацтековъ слишкомъ разнится отъ буддійской, чтобы въ ней можно было найти ученіе китайскихъ миссіонеровъ; что же касается до сходства символическихъ знаковъ и изображеній, то оно слишкомъ смутно, за исключеніемъ развѣ одного,—*таики*, вырѣзаннаго на полукругломъ алтарѣ Копана [1]), чтобы изъ этого можно было вывести что-либо другое, кромѣ простаго предположенія о давнихъ сношеніяхъ между народами, которые живутъ другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ океана. Сообщенія, бывавшія между этими двумя странами въ различныя эпохи, и даже поразительное сходство, наблюдаемое во многихъ мѣстностяхъ между мексиканцами и китайцами, еще не даютъ достаточнаго основанія приписывать этимъ народамъ одно и то же происхожденіе. Насколько далеко восходятъ исторія и преданіе, Мексиканская область всегда была обитаема: аборигены или пришельцы, ея народы изъ тѣхъ, которыхъ греки назвали бы «происшедшими изъ почвы».

Также какъ въ лавахъ Денизы, въ окрестностяхъ Пюи, геологи открыли и на Анагуакѣ, близъ Мексико, ископаемые остатки человѣка по-третичной эпохи. Эти интересные остатки, принадлежащіе къ эпохѣ, предшествовавшей цивилизаціи ацтековъ, были найдены въ 1884 году у подошвы горы Пеньонъ-де-лосъ-Баньосъ, возвышающейся съ восточной стороны столицы, въ солончаковыхъ равнинахъ, нѣкогда покрытыхъ водами озера Тексkоко; они лежали въ растительной почвѣ, подъ слоемъ лавы, смѣшаные съ кухонными отбросами. Остеологическіе признаки ископаемаго мексиканца тѣ же, какіе находимъ у чистокровной туземной расы Анагуака; глазные зубы его отличаются отъ рѣзцовъ. Въ ту эпоху, когда жилъ ископаемый человѣкъ Пеньона, въ странѣ бродили также слоны, олени, лошади; уровень водъ былъ на 3 метра выше въ лагунѣ Тексkоко, и вулканическихъ изверженій, предшествовавшихъ исторической эпохѣ, еще не бывало [2]). Въ другомъ мѣстѣ были найдены кремни, очевидно, обдѣланные рукою человѣка, въ отложеніяхъ, заключавшихъ въ себѣ также клыки и кости слона (*elephas Colombi* [3]). Нужно вернуться за цѣлые миріады вѣковъ назадъ, чтобы добраться до той эпохи, когда жили эти первоначальныя поколѣнія.

Въ эпоху, когда рушилась Римская имперія и когда варварскіе народы, германцы, готы и вандалы, ринулись на цивилизованные города Запада, Анагуакское плоскогорье, въ Средней Америкѣ, представляло уже собою очагъ цивилизаціи. Конечно, очень трудно установить точную классификацію народовъ, на варварскіе и цивилизованные, сообразно степени ихъ

[1]) „Quatre lettres sur le Mexique".
[2]) Guines, „Recherches sur les navigations des Chinois. Mémoires de l'Académie des Inscriptions". Томъ XVII.

[1]) E. F. Hamy, „Société de Géographie"; засѣданіе 2-го іюля 1886 г.
[2]) Antonio del Castillo y Mariano Barcena, „El Hombre del Penon; American Naturalist". 1885.
[3]) E. F. Hamy, „Mission Scientifique au Mexique et dans l'Amérique Centrale".

культуры; тѣмъ не менѣе, при всей условности такой оцѣнки, этотъ послѣдній терминъ справедливо примѣняется къ ацтекамъ или мексиканцамъ, такъ же, какъ къ юкатанцамъ или

Продавецъ воды и торговка.

майя, а въ Южной Америкѣ къ народамъ чибча, кечуа, аймара; въ Сѣверной же Америкѣ къ цивилизованнымъ народамъ можно причислить различныя индѣйскія племена. Среди

племенъ менѣе культурныхъ, но съ которыми, однако, у мексиканцевъ было много общаго въ политическомъ и общественномъ развитіи, они выдѣлялись своимъ національнымъ единствомъ, важностью своего коллективнаго сбереженія, своими искусствами, науками, знаніемъ многочисленныхъ ремеслъ, которыя помогли имъ упрощать трудъ. Подобно первымъ цивилиза-

ціямъ Стараго Свѣта, зародившимся вдали отъ моря, въ Египтѣ, въ Халдеѣ, въ Индіи, на берегахъ Гоанго, мексиканская цивилизація также образовалась вдали отъ океана, на высокихъ земляхъ, окруженныхъ цирками горъ. Въ ея распоряженіи не было ни Нила, ни Евфрата, чтобы соединить прирѣчныхъ земледѣльцевъ въ одну компактную націю [1]), но она располагала озерами, болѣе обширными, чѣмъ въ настоящее время, колеблющійся уровень которыхъ, а также попеременное разлитіе и высыханіе, призывали населеніе къ общему труду, къ взаимной поддержкѣ, къ солидарности, что было всегда самымъ дѣятельнымъ двигателемъ прогресса. Несмотря на все это, сравнивая цивилизацію Мексики съ первоначальною культурою Стараго Свѣта, мы видимъ, что первая имѣла большія невыгоды, такъ какъ оставалась, если не совершенно изолированною, то все же окруженною варварскимъ міромъ; подлѣ нея не было другихъ центровъ прогрессивной жизни для обмѣна тѣми взаимными вліяніями, изъ которыхъ могла бы возникнуть новая цивилизація. Правда, несмотря на ярусное расположеніе поясовъ климата, что дѣлаетъ теплыя страны очень опасными для мексиканцевъ плоскогорья, ацтеки все-таки были въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ майями Юкатана и съ различными группами нахуэ, разсѣянными по Центральной Америкѣ; но дальше этого замкнутаго круга они уже не выходили. Онъ разомкнулся для нихъ только при ужасныхъ обстоятельствахъ, именно вторженіемъ испанцевъ, которые неожиданнымъ и насильственнымъ образомъ произвели смѣшеніе цивилизацій и расъ.

Разгромъ происходилъ столь быстро и безпощадно, что изслѣдователи могли опасаться за полное исчезновеніе всѣхъ документовъ, относящихся къ древней исторіи Мексики. Ихъ уничтожали даже съ умысломъ: подражая св. Павлу въ Эфесѣ, архіепископъ Зумаррага въ Тлателулко, Нуньесъ де-ла-Вега въ Чіапѣ и другіе сжигали, по подозрѣнію въ некромантіи, всѣ мексиканскія сочиненія, какія только они могли открыть. Впослѣдствіи удовлетворялись тѣмъ, что скрывали драгоцѣнные манускрипты: миссіонеры держали ихъ подъ замкомъ въ своихъ библіотекахъ, храня ихъ «какъ драконовъ, не умѣя и не желая пользоваться ими» [2]). Но, къ счастью, старинныя свѣдѣнія сохранялись въ нѣкоторыхъ дворянскихъ семействахъ, связанныхъ браками съ испанскими завоевателями, и у ихъ просвѣщенныхъ представителей можно было обрѣсти лѣтописи Анагуака. Многіе мексиканцы способствовали такимъ образомъ спасенію отъ забвенія событій древней исторіи ацтековъ и родственныхъ имъ народовъ. Одинъ индѣецъ изъ Тласкалы, Тадео де-Ниса, составилъ, въ 1548 г., по приказанію вице-короля, исторію завоеванія Мексики, и подъ этимъ сочиненіемъ подписались тридцать тласкальтекскихъ вельможъ; Габріэль д'Айяла изъ Тескоко написалъ на ацтекскомъ языкѣ исторію Мексики, начиная съ 1243 г. по 1562 годъ; даже одна мексиканская дама, Марія Бартола, княжна Икстапалапская, написала нѣсколько сочиненій по исторіи древняго Анагуака, но, къ несчастью, они затерялись. Другія лица, чистой или смѣшанной расы, какъ, напримѣръ, Тезозомокъ, Чималпахинъ, Камарго, оставили важные историческіе манускрипты; наконецъ, семейство Икстлилксочитль, потомки королей Мексико и Теотихуакана, имѣло нѣсколько своихъ представителей среди историковъ страны, и одинъ изъ нихъ, Фернандо де-Альва-Кортесъ, рѣшился даже открыто прославлять своихъ предковъ-туземцевъ и порицать «ужасныя жестокости» завоевателей Мексики: тогда наступилъ уже семнадцатый вѣкъ, и Фернандо де-Альва-Кортесъ могъ легально констатировать согласіе своихъ разсказовъ съ историческими картинами, полученными имъ въ наслѣдство отъ его предковъ. Наконецъ, и между испанскими миссіонерами нашлись люди, которые видѣли въ исторіи Мексики нѣчто иное, чѣмъ «козни дьявола», и которые взяли на себя трудъ выяснить смыслъ историческихъ картинъ мексиканцевъ и собрать древнія преданія; таковы были: Бартоломе де-ласъ-Казасъ, Сахагунъ, Торквемада. Благодаря открытію новыхъ манускриптовъ, болѣе тщательному разбору старыхъ и частичной дешифровкѣ іероглифовъ, историки нашего столѣтія могли дальше проникнуть въ до-колумбовскую исторію мексиканцевъ.

Теперь можно попытаться заглянуть въ глубь исторіи Мексики за тысячу лѣтъ до ея завоеванія и разглядѣть первоначальную дѣятельность мексиканскаго населенія при блѣдныхъ лучахъ его жизненной зари. Въ ту эпоху большая часть мало цивилизованныхъ индѣйскихъ народцевъ, занимающихъ различныя части территоріи, подъ названіями: отоми, чичимековъ, гуакстековъ, тотонаковъ, микстековъ и запотековъ, уже населяли страну; среди нихъ-то и явились нахуа, т. е. «люди, говорящіе ясно» [1]), въ одно и то же время завоеватели и просвѣтители, какъ говорится въ легендѣ. Эти пришельцы явились съ сѣвера, изъ «семи пещеръ», въ количествѣ семи племенъ, подраздѣленныхъ въ свою очередь на семь сословій каждое; они приходили послѣдовательно, совершивъ семь различныхъ экспедицій, и восторжествовали надъ великанами, прежде чѣмъ овладѣли «Земнымъ раемъ»; затѣмъ, полубогъ-

---

[1]) Léon Metchnikoff, „Les Fleuves historiques".

[2]) Ternaux-Compans, „Voyages, relations et mémoires originaux pour servir à l'histoire de la découverte de l'Amérique".

[1]) Lucien Biart, „Les Aztèques".

законодатель, Кветцалкоатль, вышедшій изъ моря, явился среди нихъ и научилъ ихъ искусствамъ, наукамъ, нравамъ и, исполнивъ свою задачу, внезапно покинулъ ихъ, обѣщавъ вернуться современемъ. Это былъ постоянно ожидаемый Мессія, и когда Кортесъ, принесенный также морскими волнами, явился во главѣ своихъ бандъ, всѣ считали, что пророчество исполнилось и что должна начаться новая эра народнаго благоденствія.

Всѣ историки обыкновенно согласно указываютъ на VI в. нашей эры, какъ на эпоху, когда въ Анагуакѣ появилась группа нахуа, послѣ продолжительныхъ скитаній со времени своего выхода изъ Гуэгуэ-Тлапаллана, города или страны, мѣстонахожденіе которыхъ еще не опредѣлено въ точности. Нѣкоторые изслѣдователи указываютъ эту мѣстность на сѣверѣ, другіе на югѣ Мексико [1]; но, въ общемъ, всѣ указанія сходятся на томъ, что родиною нахуа были сѣверныя области; самая форма Мексиканскаго плоскогорья наглядно показываетъ, какимъ образомъ должно было происходить заселеніе: плоскогорье это широко открыто съ сѣверной стороны и, постепенно суживаясь къ югу, оканчивается лабиринтомъ отдѣльныхъ камеръ, похожимъ на лабиринтъ Греціи, гдѣ также сходились эмигранты съ сѣвера; вся группа населеній нахуа изображается въ преданіяхъ какъ вышедшая изъ «Туманнаго Бѣлаго голубя» [2], олицетворенія странъ сѣвера. Въ концѣ седьмаго вѣка нахуа, означаемые обыкновенно подъ названіемъ толтековъ, основываютъ, какъ центръ своей державы, городъ, который новѣйшіе ученые могли съ точностью указать на картѣ: это городъ Толланъ, извѣстный въ настоящее время подъ названіемъ Тулы и расположенный въ 80 километрахъ по желѣзной дорогѣ къ сѣверо-западу отъ Мексико. Народы племени нахуа, мѣсто которыхъ, въ качествѣ властителей Анагуака, заняли испанскіе завоеватели, и которые ранѣе сами поработили квинамовъ или «гигантовъ», суть ольмеки и ксикаланки. Нѣтъ сомнѣнія, что эти народы, которыхъ преданіе называетъ пришельцами съ Востока, уже построили многіе изъ памятниковъ, которые впослѣдствіи приписывались ихъ преемникамъ различныхъ языковъ; во всякомъ случаѣ эпоха, извѣстная подъ названіемъ толтекской, была одна изъ самыхъ богатыхъ произведеніями, свидѣтельствовавшими о туземной культурѣ: самое названіе *толтекатль*, каково бы ни было его первоначальное значеніе, сдѣлалось терминомъ для обозначенія мастера, обладающаго вкусомъ и искусствомъ «артиста»; точно также этимъ именемъ называли купцовъ, которые совершали поѣздки въ дальнія страны и такимъ образомъ являлись въ Центральной Америкѣ распространителями нахуатльской цивилизаціи [1]. Очень можетъ быть, что это названіе толтекъ вовсе не принадлежитъ всему народу, и что «артисты» были просто изъ племени нахуа, такъ же, какъ и ихъ преемники, атцеки. Названіе Кольхуа, или «Предки», которое имъ также даютъ, служитъ доказательствомъ въ пользу этого этническаго единства [2]. Господство Тулы продолжалось вплоть до второй половины одиннадцатаго вѣка, т. е. до той эпохи, когда внутреннія возмущенія и внѣшнія войны, наконецъ, вторженіе чичимековъ,—иначе говоря, варваровъ [3], — сопровождаемыя голодомъ и эпидемическими болѣзнями, сломили энергію племени, которое до тѣхъ поръ считалось однимъ изъ самыхъ могущественныхъ. Въ лѣтописяхъ говорится о милліонахъ жертвъ, унесенныхъ всѣми этими бичами человѣчества, дѣйствовавшими совмѣстно: какъ бы то ни было, послѣ этого въ лѣтописяхъ не упоминается уже болѣе о «толтекахъ», представители которыхъ или разсѣялись бѣглецами, смѣшавшись съ окрестными народами, или же удалились на югъ и основали тамъ новыя государства въ Юкатанѣ, Чіапасѣ и Гватемалѣ.

Побѣдители чичимеки, о многочисленныхъ переселеніяхъ которыхъ разсказывается и въ легендахъ, перенесли центръ нахуатльскаго владычества далѣе на югъ, въ бассейнъ собственно Анагуака, сначала на берега озера Ксалтокана, затѣмъ въ окрестности озера Текскоко, недалеко отъ нынѣшней столицы мексиканскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ концѣ концовъ резиденція была основана въ «Городѣ Предковъ», Аколгуаканѣ или Текскоко; но съ 1325 года на островѣ, среди водъ озера, сталъ возвышаться новый соперникъ—городъ Мексико-Тенохтитланъ. Основатели его, ацтеки, народъ племени нахуа, какъ ихъ предшественники толтеки и чичимеки, «артисты» и «варвары»,— прибыли на Анагуакское плоскогорье въ концѣ двѣнадцатаго вѣка, послѣ того, какъ покинули, за сто двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, свою островную родину (которую географы ищутъ въ разныхъ мѣстахъ), затѣмъ прожили нѣсколько времени въ миѳической мѣстности «Семи Пещеръ» и, до водворенія своего въ Анагуакѣ, обошли различныя страны, въ поискахъ «Обѣтованной земли». Легенда, повѣствующая объ ихъ исходѣ, выдаетъ ихъ за «изобрѣтателей огня», т. е. выставляетъ ихъ какъ людей изобрѣта-

[1]) H. H. Bancroft, „The Native Races“, t. V.
[2]) E. G. Hamy, „Revue de Géographie“, февраль, 1886 г.

[1]) Otto Stoll, „Guatemala, Reisen und Schilderungen“.
[2]) Daniel G. Brinton, „Were the Toltecs an Historic Nationality“?
[3]) Squier, „Notes on Central America“; — Adolf Bastian, „Mexico“. — Смотря по авторамъ, имя чичимековъ переводится весьма различно: Суровые, Кровопійцы, Орлы, Собаки на привязи, Племя Краснокожихъ и пр.

тельныхъ, соперничавшихъ съ толтеками въ знаніи наукъ и искусствъ. Благодаря своему островному положенію, дающему преимущества легкой обороны противъ всякаго внезапнаго нападенія, озерная столица быстро возростала и украсилась *chinampas*'ами, или плавучими садами, которые доставляли имъ жизненные припасы во время осады. Даже и тогда, когда столица раздѣлилась на два враждебныхъ города, старый Тенохтитланъ и новый Тлателулко—демократическій и торговый городъ,—она продолжала быстро разростаться вслѣдствіе наплыва иммигрантовъ, которые стекались со всѣхъ сторонъ искать убѣжища въ этихъ укрѣпленныхъ городахъ; наконецъ, когда, въ 1431 г., вслѣдствіе внутреннихъ войнъ и возстаній угнетаемыхъ народовъ, окончательно рушилось могущество чичимековъ, городъ Мексико унаслѣдовалъ могущество, которымъ пользовался заозерный городъ Тексkоко. Въ составившейся ассоціаціи, для завоеванія и эксплоатаціи территорій, между тремя городами Мексико, Тексkоко и Ткакопанъ — нынѣ Такуба — гегемонія принадлежала Мексико [1]).

Территорія завоеваній быстро распространялась за предѣлы собственно Анагуака. Хроники той эпохи, въ общемъ довольно согласныя, несмотря на все пристрастіе лѣтописцевъ различнаго происхожденія, — разсказываютъ, какъ мексиканцы поработили себѣ окружающіе народы, съ одной стороны, чтобы увеличить свои богатства золотомъ, драгоцѣнными камнями и выдѣланными перьями, съ другой—чтобы питать жертвами алтари своихъ боговъ. На западѣ они не могли подчинить себѣ народцы Мичоакана, а на сѣверо-западѣ не переходили за границы «долины»; но на югѣ и на юго-востокѣ они спустились за Техуантепекъ, въ Соконуско; наконецъ, на востокѣ, они завоевали всю страну до морского побережья, отъ устья Пануко до песчаной отмели Альварадо, оставивъ все-таки на плоскогорьѣ одну непокоренную націю — тлаксклановъ, которые, вмѣстѣ съ сотнею возмутившихся племенъ, облегчили завоеваніе Мексики испанцами. Чудеса и всякаго рода бѣдствія, говорятъ историки, предвѣщали близкое паденіе ацтекскаго царства; когда Кортесъ и его тлаксkаланскіе союзники явились подъ стѣнами Мексико, могущество его уже было поколеблено возмущеніемъ его собственныхъ подданныхъ. Тѣмъ не менѣе имя пышнаго города осталось за всею мѣстностью, болѣе того — за всею совокупностью странъ, пространствомъ своимъ далеко превосходящихъ владѣнія Монтезумы, а имя мексиканцевъ, прежде примѣнявшееся только къ одной части ацтековъ,—которые и сами составляли одну изъ многочисленныхъ вѣтвей расы нахуа,—перешло къ большой націи, состоящей изъ тринадцати милліоновъ душъ.

Испанскіе завоеватели, подданные могущественнаго императора, личная воля котораго была закономъ на всемъ пространствѣ его владѣній, который назначалъ губернаторовъ, установлялъ налоги, набиралъ солдатъ во всѣхъ своихъ провинціяхъ, естественно, должны были и въ Мексикѣ видѣть имперію, похожую на ту, откуда они сами пришли; они воображали, что всякій авторитетъ исходитъ изъ императорской власти, и что эта власть правильно сохраняется въ одной и той же династіи въ силу своего рода божественнаго права; они не понимали, что ацтеки, первоначально жившіе родовыми общинами, не дѣлившими почвы на частныя владѣнія, образовали затѣмъ военную демократію, состоявшую изъ единокровныхъ группъ, которыя имѣли своихъ выборныхъ «ораторовъ», т. е. главарей [1]). Точно также, удивленные, что нашли въ Новомъ Свѣтѣ большой городъ, болѣе обширный и пышный, чѣмъ ихъ собственныя столицы, они должны были преувеличить богатства Мексики и культуру ея жителей; однако, достовѣрные документы, собранные относительно языка, наукъ и искусства передачи мыслей, относительно заботъ, прилагавшихся къ развитію земледѣльческой культуры и правильному орошенію страны, наконецъ, предметы, хранящіеся нынѣ въ музеяхъ, памятники, оставленные вблизи городовъ или въ глуши лѣсовъ,—все это, вмѣстѣ взятое, доказываетъ, что мексиканская цивилизація собственными силами поднялась до уровня, гораздо болѣе высокаго, чѣмъ тотъ, на которомъ стоятъ варварскіе народы.

Языкъ ацтековъ, сливавшійся, по всей вѣроятности, съ языкомъ толтековъ и чичимековъ, нарѣчіями которыхъ говорили и говорятъ еще на югѣ, въ Гватемалѣ, Сальвадорѣ и Никарагуа, былъ господствующимъ идіомомъ на Мексиканской территоріи нашихъ дней. Его употребляли почти повсюду на Анагуакскомъ плоскогорьѣ и по берегамъ залива до дельты р. Коатцакоалкосъ, а также и по всему побережью Тихаго океана, отъ Калифорнійскаго до Техуантепекскаго залива. И въ настоящее время на-ряду съ испанскимъ, можно повсемѣстно слышать также этотъ туземный языкъ; только въ современныхъ патуа встрѣчается не больше одной трети словъ литературнаго діалекта [2]). Какъ культурный языкъ, ацтекское нарѣчіе сдѣлалось оффиціальнымъ языкомъ при дворѣ, при дипломатическихъ сношеніяхъ, даже въ торговлѣ; какъ только

[1]) Ixttilxochitl, „Historie des Chichimèques“, и проч.;— A. F. Bandelier, „On the Mode of Government of the Ancient Mexicans“.

[1]) Morgan, „Ancient Society“; — A. F. Bandelier, цитированное сочиненіе.

[2]) Aubin, „Mémoire sur la Peinture didactique“.

завоевывалась какая-либо территорія, языкъ побѣдителей становился оффиціальнымъ, и жители обязаны были учиться ему. Ацтекское нарѣчіе—языкъ полисинтетическій, въ которомъ слова сочетаются, видоизмѣняясь согласно требованіямъ благозвучія, и который обладаетъ необыкновенной пластичностью; по изяществу и гибкости онъ имѣетъ мало себѣ равныхъ. Всѣ писатели, изучавшіе этотъ языкъ, превозносятъ его достоинства. Богатство его въ описательныхъ терминахъ просто поразительное: въ своихъ трудахъ по естественной исторіи Гернандецъ перечисляетъ до двухъ

Индѣйская деревня въ провинціи Мексико.

сотъ видовъ птицъ и до 1.200 видовъ мексиканскихъ растеній, имѣющихъ на ацтекскомъ языкѣ спеціальныя названія. Наконецъ, языкъ этотъ чрезвычайно богатъ словами, выражающими отвлеченныя понятія, и переводчики не

испытывали никакого затрудненія для передачи мексиканскими выраженіями метафизическихъ и религіозныхъ терминовъ, встрѣчающихся въ *Евангеліи*, *Подражаніи Христу* и другихъ книгахъ духовнаго содержанія. Лучшее, что литература ацтековъ оставила намъ, это — нравственныя поученія, отличающіяся такой высотой чувства, которая не была превзойдена даже въ Индіи.

Замѣчательнымъ признакомъ высокой цивилизація мексиканцевъ служитъ ихъ знаніе астрономическихъ явленій. Они описывали движенія солнца, луны и нѣкоторыхъ планетъ, и возвратъ каждаго года, каждой «новой травы» имъ былъ извѣстенъ гораздо точнѣе, чѣмъ, напрям., оффиціально въ Россіи, гдѣ календарь опаздываетъ на тринадцать дней. Мексиканцы, а также запотеки и мичоаканы, раздѣляли свой годъ на семнадцать мѣсяцевъ, по двадцати дней въ каждомъ, къ которымъ прибавляли еще пять добавочныхъ дней, считавшихся зачастую зловѣщими. Но для того, чтобы условный годъ точнѣе совпадалъ съ годомъ солнечнымъ, къ концу каждаго цикла въ пятьдесятъ два года прибавляли періодъ въ двадцать или тридцать дней, смотря по тому, сколько требовалось по вычисленію. Такъ какъ система счисленія у мексиканцевъ была двадцатеричная, то мѣсяцъ, имѣвшій двадцать дней, дѣлился на четыре недѣли по пяти дней, при чемъ пятый день имѣлъ нѣкоторую важность, какъ день праздничный и базарный. Годъ имѣлъ другое дѣленіе. Каждый *тлалпилли*, «узелъ» или «пучекъ», состоялъ изъ тринадцати лѣтъ, и четыре такихъ пучка, т. е. серія въ пятьдесятъ два года, составляли циклъ или *ксіухмолпилли*: въ глазахъ мексиканцевъ это былъ главный періодъ времени, и съ этимъ дѣленіемъ они связывали мистическія идеи о порядкѣ какъ собственной жизни, такъ и жизни обществъ. Нормальная продолжительность человѣческой жизни у нихъ исчерпывалась этимъ ксіухмолпилли, т. е. пятьюдесятью двумя годами: случалось, впрочемъ, что люди, по особой милости боговъ, выживали два такихъ періода, которые получали тогда названіе *гуегуетилититли* и означали «вѣкъ или старость». По одному закону, который, впрочемъ, не всегда соблюдался, толтекскіе начальники должны были управлять непремѣнно впродолженіи одного цикла. Если начальникъ умиралъ прежде истеченія этого срока, то власть переходила къ совѣту старѣйшинъ, которые все-таки правили подъ именемъ покойнаго начальника; если же выборный переживалъ этотъ циклъ, то въ опредѣленный срокъ долженъ былъ сложить съ себя власть и передать свои права преемнику, который въ часъ, назначенный календаремъ, и принималъ на себя обязанности правителя. У мексиканцевъ, какъ и у народовъ Стараго Свѣта, солнечному году предшествовалъ лунный, и потому ихъ календарь религіозныхъ обрядностей, вѣрный традиціямъ прошлаго, устанавливался по движеніямъ луны. То же самое мы видимъ въ Европѣ, гдѣ великій праздникъ Пасхи, первоначально бывшій праздникомъ періодическаго обновленія природы, всегда согласуется съ луннымъ ритмомъ.

Письма въ собственномъ смыслѣ мексиканцы не изобрѣли, но они умѣли разсказывать свои лѣтописи, чертить карты, «рисуя съ натуры всѣ рѣки и гавани» [1]), установить свою генеалогію, публиковать указы и законы, описывать ремесла и хозяйственныя работы, и, конецъ, передавать всѣ свои идеи, даже отвлеченныя,—посредствомъ іероглифическихъ фигуръ. Эти изображенія, четыреугольной формы и съ округленными углами, обыкновенно разрисовывались яркими красками на листьяхъ папируса, сдѣланнаго изъ волоконъ маги или анакагуита, «бумажнаго дерева» (cordia boissieri), или же на кожѣ, а также на полосахъ лощенаго коленкора, переплетенныхъ въ видѣ вѣера въ аматли или въ книгу съ деревянными крышками. Публичные монументы, а кое-гдѣ также и стѣны скалъ, особенно въ западной Сіерра-Мадре [2]), были тоже украшены іероглифами, высѣченными на камнѣ. Изученіе этихъ документовъ показало, что мексиканцы въ употребленіи этихъ знаковъ перешли за фигурный или символическій смыслъ, и во многихъ случаяхъ уже употребляли ихъ фонетически, составляя изъ нихъ нѣчто вродѣ ребуса: такъ именно читались имена городовъ [3]). Съ самаго начала историческаго періода, толтеки имѣли обширныя библіотеки этихъ рукописныхъ изображеній; но ацтеки, завидуя, какъ говорятъ, славѣ своихъ предшественниковъ, истребили эти документы. Въ свою очередь, и ацеки сдѣлались жертвой иконоборческаго рвенія ихъ побѣдителей, и большая часть сохранившихся манускриптовъ относится къ концу XVI вѣка, т. е. къ той эпохѣ, когда духовенство, примиренное съ остатками нахуатльской цивилизаціи, позволило окрещеннымъ туземцамъ снова употреблять традиціонные іероглифы. Манускрипты этой эпохи, слѣдующей за завоеваніями, состоятъ въ большинствѣ случаевъ изъ исповѣданій вѣры, катехизизовъ, земельныхъ матрикулъ и судебныхъ дѣлъ.

Промышленность нахуа стояла на высокой степени развитія, хотя они и не достигли еще желѣзнаго вѣка: изъ металловъ имъ были извѣстны только золото, серебро, мѣдь, олово и свинецъ. Мелкою размѣнною монетою слу-

[1]) Bernal Diaz, цитированное сочиненіе.
[2]) E. Buelna, „Peregrinacion de los Aztecas".
[3]) Aubin, цитированные мемуары; — Antonio Penafiel, „Nombres geograficas de México".

жили тоненькія пластинки мѣди [1]), а также бобы какао и много другихъ мелкихъ предметовъ, различныхъ въ каждой странѣ. Рѣжущія орудія дѣлались изъ сплава мѣди съ оловомъ, который по крѣпости нисколько не отличался отъ стали [2]), тогда какъ почти все ихъ оружіе изготовлялось еще изъ крѣпкаго камня, особенно изъ обломковъ ицтли или обсидіана; изъ этого же минерала дѣлались и ножи, употреблявшіеся жрецами при закланіи человѣческихъ жертвъ во время исполненія обряда вродѣ обрѣзанія надъ дѣтьми [3]). Земледѣльческія орудія, походившія больше всего на европейскій плугъ, состояли изъ деревянной оправы, снабженной палками съ мѣдными наконечниками. Испанцы были поражены искусствомъ мексиканцевъ гранильщиковъ, ювелировъ, которые отличались особенно въ имитаціи маленькихъ животныхъ и насѣкомыхъ: европейскіе ювелиры, говорятъ хроники, не были бы въ состояніи соперничать въ совершенствѣ работы со своими собратьями Новаго Свѣта; несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ одинъ способъ утратился—способъ выдѣлыванія фигуръ изъ полаго золота, состоящаго изъ тонкихъ листовъ безъ всякой спайки, и европейскіе мастера положительно не могутъ объяснить себѣ, какимъ образомъ изготовлялись эти художественныя вещи, попадающіяся еще иногда въ музеяхъ, въ видѣ рѣдкихъ экземпляровъ. Кромѣ того, Мексика имѣла своихъ мукомоловъ, своихъ гончаровъ, своихъ бумажныхъ фабрикантовъ. Изъ волоконъ различныхъ растеній семейства кактусовъ, пальмъ, хлопчатниковъ изготовлялись различныя матеріи, изъ которыхъ нѣкоторыя отличались замѣчательной тонкостью. Въ красильномъ искусствѣ мексиканцы тоже слыли большими мастерами: они употребляли кошениль; наконецъ, они утилизировали много лѣкарственныхъ травъ, кору и красящіе плоды, употребленіе которыхъ утратилось со времени испанскихъ завоеваній: въ этомъ отношеніи мексиканская промышленность сдѣлала шагъ назадъ за послѣдніе четыре вѣка. Одинъ изъ тріумфовъ нахуатльской промышленности былъ въ употребленіи перьевъ для орнаментаціи различныхъ тканей, одеждъ, ковровъ и одѣялъ. Этотъ родъ труда, сохранявшійся, не оскудѣвая, во многихъ семействахъ художниковъ, въ былое время считался одной изъ свободныхъ профессій, наравнѣ съ ювелирнымъ искусствомъ, скульптурой, живописью, исторіей и поэзіей: «Музыкальный совѣтъ», нѣчто вродѣ академіи, основанный для поощренія художествъ, принималъ въ свои члены также и перовщиковъ.

У нахуа процвѣтала также и архитектура. Ихъ невысокіе дома, очень солидной постройки, состоявшіе большею частью только изъ одного этажа, возводились на плоскомъ фундаментѣ или на толстыхъ сваяхъ. Города ихъ были правильной планировки: они перерѣзывались узкими улицами подъ прямыми углами и имѣли широкія площади вокругъ храмовъ. Древніе мексиканцы умѣли снабжать свои города водою въ достаточномъ количествѣ посредствомъ водопроводовъ и резервуаровъ; они строили набережныя и плотины, проводили черезъ ручьи шоссейныя дороги, а черезъ рѣки воздвигали легкіе мосты, висѣвшіе въ воздухѣ подобно листьямъ ліаны. Въ нѣкоторыхъ городахъ были укрѣпленія, а въ большой стѣнѣ, въ 10 километровъ, соединявшей два горныхъ склона, чтобы запереть проходъ между Мексиканской имперіей и республикой Тлакскала, была пробита дорога дефиладъ, проведенная очень искусно и снабженная на вершинѣ парапетомъ, за которымъ защитники могли держаться въ безопасности. Но главными произведеніями нахуатльскаго зодчества были храмы и пирамиды, такія же, какъ въ Теотихуаканѣ и въ Чолулѣ: вмѣстѣ съ крѣпостями, это—единственныя постройки, еще уцѣлѣвшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поверхности земли; только продолжительныя раскопки обнаружили кое-какіе остатки частныхъ жилищъ, занимаемыхъ древними мексиканцами. Религіозные памятники, какъ извѣстно, были построены по плану, сходному съ планомъ вавилонскихъ храмовъ. Это были также пирамиды, состоявшія изъ прямоугольныхъ параллелепипедовъ, наложенныхъ другъ на друга и кверху постепенно уменьшающихся; но, въ общемъ, такія сооруженія имѣли, въ сравненіи съ высотой, гораздо болѣе широкое основаніе, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ египетскіе и халдейскіе монументы. Нѣкоторые изъ нихъ отличались колоссальными размѣрами, что свидѣтельствуетъ о дешевизнѣ человѣческаго труда на Анагуакскомъ плоскогорьѣ: въ окрестности мексиканскихъ озеръ человѣческая жизнь цѣнилась не выше, чѣмъ въ долинахъ Нила, когда дѣло шло объ удовлетвореніи тщеславія духовенства возведеніемъ колоссальныхъ построекъ.

Впрочемъ, когда испанцы завоевали страну, цивилизація ея уже приходила въ упадокъ; это признавали и сами жители, вспоминая объ эпохѣ владычества толтековъ, какъ о времени процвѣтанія наукъ, искусствъ и промышленности. Замкнутые со всѣхъ сторонъ, не имѣя правильныхъ сношеній моремъ съ островами, заносимые туда только случайностями бури или какимъ-либо другимъ непредвидѣннымъ образомъ, ацтеки не дѣлали ни ма-

[1]) Clavigero;—Torquemada; — Dupaix; — Ramirez;—D. Charnay, „Société d'Anthropologie“, засѣданіе 7 апрѣля 1887 года.

[2]) Brasseur de Bourbourg, „Le Mexique et l'Amérique Centrale“.

[3]) Bernal Diaz;—Squier, „America, Archaeological Researches“.

лѣйшихъ попытокъ завязать торговыя сношенія съ отдаленными народностями, такъ какъ они имѣли у себя самые разнообразные продукты всѣхъ трехъ поясовъ, которыми обмѣнивались между собою, находя полное удовлетвореніе своихъ потребностей въ этомъ замкнутомъ существованіи; ничто не пробуждало ихъ жизненныхъ силъ, и они постепенно отравлялись, подобно тому, какъ портится лугъ, когда питающая его влага не освѣжается притокомъ чистой воды. Правда, торговля была въ большомъ почетѣ, такъ что купеческіе караваны могли свободно проходить по странѣ, даже во время войны [1]); но путь ихъ шелъ всегда по обычному маршруту между плоскогорьемъ и ярусами горнаго склона. Не оживляемая сношеніями съ иноземными странами, мексиканская цивилизація не могла почерпать новые элементы въ самомъ народѣ, который традиціонныя формы жизни, становясь все болѣе и болѣе тиранническими, постепенно лишили всякой инпціативы. Непреклонный этикетъ регулировалъ всякія отношенія между классами: общество, такъ сказать, совершенно застыло. Что касается публичнаго культа, то онъ сдѣлался просто ужаснымъ.

Вначалѣ ацтекскій культъ былъ чистъ отъ всякой кровавой жертвы. Главный изъ боговъ, носящій по преимуществу имя Теотла, былъ Атонатіухъ, «Солнце Водъ», лучи котораго, согрѣвая море, произвели изъ хаоса все существующее. Сыномъ Солнца, возстановляющимъ каждый годъ весну, былъ Тлалокъ,—пассатный вѣтеръ, приносящій дожди, птица, прилетающая съ моря, змѣя, сверкающая въ видѣ молніи на небѣ, ползущая въ трещинахъ почвы, символизируя текучія воды [2]). Въ эпоху, когда ацтеки основали Теночтитланъ, сохранялась еще память о милосердной религіи, когда молящіеся приносили «Солнцу-Отцу», «Лунѣ-Матери», «Землѣ-Сестрѣ», богу вѣтра только зерна и плоды, чтобы снискать у боговъ благословеніе на предстоящую жатву; надѣялись даже на возстановленіе въ будущемъ золотомъ вѣкѣ этихъ мирныхъ церемоній, потому что съ ними связывали пришествіе втораго Тлалока, Кветцакоатла, или «Оперенной Змѣи», приходящей съ востока съ восточнымъ вѣтромъ и снова возвращающейся туда. Многія побѣжденныя націи, какъ напр. тотонаки, жаловались на то, что имъ приходится поставлять мексиканскимъ богамъ человѣческія жертвы, тогда какъ ихъ собственное божество, «мать людей», требовало только цвѣтовъ и сѣмянъ; но если жрецы храма въ Тексноко, который Нецахуалкойотль соорудилъ въ честь «невѣдомаго бога», огриничивались воскуреніемъ передъ алтаремъ ѳиміама, то въ общемъ религія ацтековъ перешла въ кровавый культъ, благодаря войнамъ, которыя ввели обыкновеніе приносить въ жертву богамъ сначала плѣнныхъ, а по мъ безъ разбору и вѣрующихъ изъ племени нахуа; культъ этотъ не удовлетворялся уже скромными символами жизни, олицетворяемыми первыми дарами земли, а требовалъ, чтобы самая жизнь приносилась на алтари боговъ. Даже въ томъ случаѣ, когда жертва состояла изъ зеренъ, ихъ обыкновенно перемалывали въ муку, которую смѣшивали съ кровью дѣтей и дѣвушекъ; изъ праха отцовъ приготовляли тѣсто, смѣшивая его съ тѣломъ сыновей.

Чтобы умилостивить гнѣвъ злыхъ боговъ, чтобъ предотвратить бѣдствія, уготовлявшіяся для грѣшниковъ въ невѣдомомъ мірѣ, мексиканцы прибѣгали къ жертвамъ, какъ нѣкогда народы всякой другой расы, арійцы, семиты или негры; но весьма вѣроятно, что ихъ кровавые обряды по своей жестокости далеко превосходили культы всѣхъ другихъ народовъ, даже дагомейцевъ. Наиболѣе изступленные терзали самихъ себя, какъ индійскіе факиры или алжирскіе айссауа: они рвали себѣ тѣло иглами магейи, постились по цѣлымъ днямъ и лишали себя подкрѣпляющаго сна, доходя до сумасшествія. Одинъ остроумный бенедиктинецъ, Камилло-де-Монсеррате объяснялъ происхожденіе въ говорѣ мексиканцевъ мягкихъ зуковъ *тлъ*, *этлъ*, столь странно звучащихъ въ нашихъ ушахъ, обыкновеніемъ мексиканцевъ прокалывать себѣ языкъ шипами кактуса во время ихъ религіознаго изступленія: это порождало нѣчто вродѣ лепетанія, сдѣлавшагося наслѣдственнымъ въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ. Но умилостивить боговъ старались въ особенности посредствомъ представителей: грѣхи свои искупали приношеніемъ въ жертву другихъ людей. Въ Старомъ Свѣтѣ, богатомъ животными всякаго рода, въ жертву богамъ обыкновенно приносилась кровь животныхъ; на мексиканскихъ же плоскогорьяхъ некого было мучить и закалывать въ честь завистливыхъ божествъ, кромѣ людей; жрецы вырывали изъ теплой еще груди сердце человѣка и простирали его къ небу въ жертву невидимымъ божествамъ. На престолъ Тлалока приносились грудные младенцы или дѣти, которыхъ запугивали до смерти, и которыхъ вельможи съѣдали потомъ за священной трапезой. На кладбищѣ Тененепанко, которое Шарней открылъ на сѣверныхъ склонахъ Попокатепетля, на высотѣ 4.000 метровъ надъ уровнемъ моря, нашли только, но зато въ громадномъ количествѣ, скелеты однихъ дѣтей: это были, по всей вѣроятности, жертвы, принесенныя нѣкогда Тлалоку, богу высокихъ вершинъ, откуда низвергаются вѣтры и облака [1]).

[1]) Ad. Bastian, цитиров. сочиненіе.

[2]) A. Réville, „Les Religions du Mexique".

[1]) Désiré Charnay, „Tour du Monde", ноябрь, 1881 г.;—

Во время большихъ церемоній проливалось столько крови, что ею наполнялись глубокіе рвы, вырытые вокругъ *теокалли*: въ концѣ

Каѳедральный соборъ въ Чигуагуа.

XV-го вѣка, во время освященія въ Мексико храма бога войны Хуитцилопутцли, начатаго

„Anciennes villes du Nouveau Monde"; — E. T. Hamy, „Société d'Anthropologie", засѣданіе 1-го апрѣля 1886 г.

королемъ Тицокомъ, его преемникъ, король Ахуицотль, приказалъ зарѣзать около 80.000 плѣнниковъ; но что бы ни говорили лѣтописи, Шарней доказалъ, что это избіеніе имѣло мѣсто не въ одинъ разъ, а во время нѣсколькихъ послѣдовательныхъ церемоній. Всякій государь, вступая на престолъ, долженъ былъ

начать свое царствованіе охотой на человѣка, чтобы наполнить всѣ костники,—священныя кладовыя, гдѣ хранились кости мертвыхъ; каждый изъ восемнадцати мѣсяцевъ года долженъ былъ быть освященъ подобною рѣзнею. Оттого были установлены «священныя войны» по добровольному соглашенію между различными государствами, съ цѣлью доставить жрецамъ необходимое количество жертвъ. При постройкѣ каждаго новаго храма фундаментъ его омывался кровью плѣнниковъ, смѣшанной съ приношеніями драгоцѣнныхъ металловъ и жемчуга, и съ сѣменами всевозможныхъ растеній. Эти монументы, обагренные почернѣвшею кровью, наполненные свѣжимъ или сгнившимъ, или обгорѣлымъ мясомъ, представляли ужасное зрѣлище; у нѣкоторыхъ входная дверь была устроена въ видѣ пасти, гдѣ черепа цѣлыми сотнями, даже тысячами висѣли на челюстяхъ чудовища. Сбоку возвышались цѣлыя пирамиды, сложенныя каждая болѣе чѣмъ изъ ста тысячъ человѣческихъ череповъ [1]). Однимъ изъ годовыхъ праздниковъ былъ праздникъ «сдиранія кожи», и жрецы обходили тогда кварталы города, одѣтые въ кожу жертвъ, обагренные свѣжей кровью. Но чѣмъ ожесточеннѣе шла рѣзня, тѣмъ ненасытнѣе становились боги, и несчастное человѣчество искало все болѣе и болѣе благородныхъ жертвъ, чтобы кровь ихъ могла наконецъ умилостивить властителей его судьбы. Въ христіанской религіи, Сынъ Божій, второе лицо Св. Троицы, искупилъ грѣхи рода человѣческаго своими крестными страданіями; но по крайней мѣрѣ распявшіе Его не вѣдали величія ихъ жертвы; мексиканцы же, наоборотъ, нарочно создавали себѣ боговъ, чтобы приносить ихъ въ жертву болѣе могущественнымъ божествамъ. Когда умирала какая-нибудь особа, то жрецъ, который сопровождалъ покойника до могилы, одѣвалъ на себя маску бога и этимъ олицетворялъ самое божество. Въ дни большихъ національныхъ празднествъ, богамъ недостаточно было жертвы въ лицѣ королевскаго сына:—имъ нуженъ былъ сынъ бога; съ этой цѣлью мексиканцы воспитывали молодыхъ людей, обреченныхъ на такую жертву, въ божескомъ достоинствѣ, и передъ жертвоприношеніемъ составляли торжественныя процессіи, во время которыхъ толпа слѣдовала за избранникомъ, падая ницъ передъ нимъ, какъ передъ божествомъ. Затѣмъ, послѣ жертвоприношенія, считалось за особенное блаженство вкусить священнаго тѣла жертвы, и тѣ, которые удостоивались этой чести «вкусить бога», какъ это выражало самое названіе пиршества [2]), воспринимали въ себя такимъ образомъ частицу божественнаго существа и считали себя сопричастными съ природой боговъ: такова была страшная форма, которую приняла теофагія въ Мексикѣ.

Подобные религіозные обычаи, естественно, должны были дополняться жестокимъ законодательствомъ, а между тѣмъ народъ, повидимому, былъ очень добрушный, кроткій, обладавшій нѣжнымъ семейнымъ чувствомъ [1]): «Мой дорогой сынъ, мое сокровище, мое перышко прекрасное!»—такими словами мать ласкала своего ребенка [2]). По Икстликсочитлю, кража вещи, цѣнность которой превышала стоимость семи колосьевъ маиса, каралась смертною казнью. Для цѣлыхъ населеній насильственная смерть казалась болѣе вѣроятной, чѣмъ естественная. Понятно уныніе, которое должно было овладѣть этимъ несчастнымъ народомъ, которому благосклонность боговъ, казалось, все больше и больше уменьшалась, по мѣрѣ того какъ возрастало количество приносимыхъ жертвъ. Императоръ Нецахуалкойотль, властитель Тескоко, вѣнценосный поэтъ, который поставилъ свое царство на ставку въ три индюка, чтобы показать, какъ мало онъ дорожитъ своею властью, выразилъ лишь общее настроеніе, когда нарисовалъ картину «близкаго будущаго, когда явится мрачный рокъ, великій разрушитель»! Даже страшное испанское завоеваніе, сопровождавшееся убійствами, разными бѣдствіями, голодовками и окончившееся порабощеніемъ, было для анагуакскихъ народовъ большимъ счастьемъ; оно вырвало ихъ изъ безвыходной фатальности и ввело, через очень суровую школу, въ новый міръ человѣческой солидарности.

Эта эра преобразованія началась ужаснымъ образомъ для населенія Анагуакскаго плоскогорья. Завоеватели-испанцы творили въ Мексикѣ то же самое, что и на Антильскихъ островахъ: они убивали тѣхъ изъ туземцевъ, которые оказывали имъ сопротивленіе, а оставшихся въ живыхъ безпощадно обращали въ рабство. «Долгій опытъ»,—говоритъ Пьеръ Мартиръ Ангьера,—«доказалъ необходимость отнятія у этихъ людей свободы и отданія ихъ во власть руководителей и покровителей» [3]). Благодаря этимъ «протекторамъ», провинціи были почти совсѣмъ обезлюднены, менѣе, чѣмъ въ одно поколѣніе. Осада города Мексико, «гдѣ людей было такъ же много, какъ звѣздъ на небѣ и песчинокъ на днѣ морскомъ», стоила жизни, говорятъ, 150.000 человѣкъ. То же самое, по словамъ Пиментеля, произошло и въ провинціи Новая Галисія (нынѣ штатъ Жалиско), гдѣ индѣйское населе-

[1]) Bernal Diaz, цитиров. сочиненіе.

[2]) Squier, „American Archaeological Researches“ № 1.

[1]) Lucien Biart, „Les Aztèques“.

[2]) Remi Siméon, „Grammaire de la langue nahuatl par Andrés de Olmos“.

[3]) Письмо 806-е къ архіепископу Козенцы, въ 1525 году, переведенное Гаффарелемъ и Луботомъ. «Revue Géografique», іюль 1885 г.

ніе въ 450.000 душъ сократилось до 12.600. Правда, что быстротѣ побѣдоносцаго шествія испанцевъ и покоренію страны много содѣйствовала полная апатія со стороны обезсиленнаго народа. Побѣжденная толпа, которую ихъ прежніе властители совершенно истощили всевозможными угнетеніями и тяжелыми работами, не оказывала ни малѣйшаго сопротивленія этой смѣнѣ тирановъ: напротивъ, она охотнѣе преклонялась передъ полубогами, вооруженными громомъ, чѣмъ передъ людьми своей собственной расы.

Перемѣна религіи, по крайней мѣрѣ наружная, совершившаяся, такъ сказать, одновременно съ завоеваніемъ, произошла тоже безъ малѣйшаго затрудненія. Когда францисканскіе монахи, вслѣдъ за которыми явились доминиканцы и августинцы, пришли предлагать мексиканскому населенію крещеніе, «смывающее грѣхи», церемонія котораго очень мало отличалась отъ подобнаго же очистительнаго обряда въ ацтекскомъ культѣ, то поразительный успѣхъ ихъ пропаганды слѣдуетъ приписать престижу побѣдителей и поддержкѣ со стороны свѣтской власти; очень можетъ быть, что побудительной причиной въ данномъ случаѣ была также надежда на избавленіе отъ тѣхъ непомѣрныхъ тяготъ, которыя взваливала на нихъ ихъ религія. Торибіо-де-Бенавенте разсказываетъ, что въ первыя пятнадцать лѣтъ, слѣдовавшія за завоеваніемъ Мексики, было окрещено 9 милліоновъ индѣйцевъ; случалось, что къ священнику разомъ являлась толпа въ 200 туземцевъ, которые падали предъ нимъ на колѣни, умоляя о крещеніи: такъ велико было число претендентовъ на обращеніе въ христіанство, «жаждавшихъ крещенія», что крестившіе не успѣвали совершать предписанныхъ обрядовъ и ограничивались помазаніемъ новообращенныхъ своей стороной. Не хватало также и именъ святыхъ, предлагаемыхъ календаремъ, такъ что индѣйцевъ дѣлили по группамъ, и каждая изъ нихъ получала общее имя. Подобный же примѣръ находимъ въ исторіи Литвы: въ 1387 году, Владиславъ Ягелло, князь литовскій, такимъ же коллективнымъ способомъ крестилъ свой народъ [1]).

Впрочемъ, если не считать кровавыхъ жертвоприношеній, различіе между внѣшними формами двухъ религій казалось вначалѣ индѣйцамъ не очень большимъ, и они въ одно и то же время могли принадлежать и къ тому, и къ другому культу. Отъ нихъ потребовали низверженія идоловъ и замѣны ихъ статуей Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ: касики весьма охотно водружали эти статуи въ своихъ прежнихъ храмахъ, на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ недавно еще красовались ихъ идолы, и съ тѣмъ же рвеніемъ поклонялись статуѣ Теклечигваты или «Великой Дѣвы» [1]), какъ и своимъ прежнимъ богамъ; но Распятія нигдѣ не воздвигали, по словамъ доминиканца Ремезаля, «потому что испанцы, выдавая себя за безсмертныхъ, не хотѣли показать индѣйцамъ, что ихъ Богъ могъ умереть» [2]). Монахъ Франческо изъ Болоньи разсказываетъ, какъ цѣлыя племена индѣйцевъ приходили къ миссіонерамъ просить у нихъ клобуки, которые они набивали соломой или паклей и ставили на алтаряхъ въ храмахъ, въ ожиданіи своего окончательнаго обращенія. Массы индѣйцевъ и послѣ своего крещенія не оставляли своихъ прежнихъ обрядовъ, и долго еще продолжали справлять свои языческія мистеріи въ чащѣ лѣсовъ. По свидѣтельству того же Франческо изъ Болоньи [3]), туземцы часто сооружали часовню и водружали въ ней крестъ, какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ они скрывали изображеніе ихъ свергнутаго божества; преклоняясь наружно передъ крестомъ, они обращали мысленно свое колѣнопреклоненіе и молитвы къ своему прежнему идолу. Мало-по-малу, въ силу привычки, два культа слились, такъ что когда современному индѣйцу случается откопать древнихъ идоловъ, онъ съ полнымъ убѣжденіемъ называетъ ихъ *santos antiguos* или «древними святыми». Тѣ же самые благочестивые люди, которые усердно посѣщаютъ церкви и съ благоговѣніемъ прикладываются къ мощамъ святыхъ, тайкомъ украшаютъ цвѣтами изображенія старыхъ боговъ и приносятъ въ лѣсахъ жертвы изъ голубей [4]). Кромѣ Пресвятой Дѣвы Маріи и Іисуса Христа, которыхъ индѣйцы называютъ «Богами церкви», они имѣютъ своихъ домашнихъ боговъ, своихъ фетишей *тепитоту*, или «малютокъ», вродѣ пенатовъ у древнихъ ацтековъ.

Но обращеніе туземцевъ въ христіанство и полученный ими вмѣстѣ съ крещеніемъ титулъ духовныхъ братьевъ «христіанъ», т. е. испанцевъ, не дали имъ полнаго равенства съ побѣдителями. Эти послѣдніе смотрѣли сначала на обращенныхъ какъ на существа низшія, полезныя въ особенности въ мертвомъ видѣ, потому что ихъ жиръ употреблялся для перевязыванія ранъ у людей и лошадей [5]). Съ туземцемъ говорили не иначе, какъ съ тростью въ рукѣ, даже во времена Берналя Діаца между бѣлыми сложилась новая поговорка: «*Donde nace el Indio nace el bejuco!*»

---

[1]) Bastamente; — Salverte, „Essai sur les noms d'hommes“.

[1]) Bernal Diaz del Castillo, цитиров. сочиненіе.
[2]) Aubin, „Memoire sur la Peinture didactique“.
[3]) Ternaux-Compans, „Relations et mémoires originaux“.
[4]) J. J. Ampère, „Promenade en Amérique“.
[5]) Bernal Diaz, цитированное сочиненіе.

которую можно перевести такимъ образомъ: «рядомъ съ индѣйцемъ всегда растетъ тростникъ!» Еще въ недавнюю эпоху поэтъ Гальванъ могъ воскликнуть: «Я индѣецъ, т. е. червь, притаившійся въ травѣ: всякая рука избѣгаетъ меня, а всякая нога раздавливаетъ». Оттого сыны ацтековъ не разъ сожалѣли о прежнемъ порядкѣ вещей. Недаромъ старики одного индѣйскаго народца обращались съ такимъ вопросомъ къ епископу Зумаррагѣ: «Скажи, отчего прежде, во времена варварства и унипженія, мы были счастливѣе, чѣмъ теперь, послѣ нашего обращенія въ вашу вѣру?» Когда у индѣйца рождался сынъ, отецъ привѣтствовалъ его появленіе на свѣтъ слѣдующеми печальными словами: «Ты родился для страданій! Страдай же, мое дитя!» [1])

Періодъ, слѣдовавшій непосредственно за завоеваніемъ Мексики, былъ самый ужасный для туземнаго населенія: Бартоломе де-ласъ Казасъ мѣтко охарактеризовалъ его, назвавъ «Разрушеніемъ Индіи!» [2]). Сначала появились повальныя болѣзни,—неизбѣжное зло, возникающее почти всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда народы, жившіе до тѣхъ поръ совершенно изолированно, приходятъ въ соприкосновеніе съ чужестранцами; бичъ этотъ произвелъ почти полное опустошеніе въ нѣкоторыхъ частяхъ страны. Первая оспенная эпидемія, которую, какъ говорятъ, занесъ въ Мексику негръ изъ экспедиціи Нарваеца, и которая поразила, между прочимъ, и Куитлахуацина, преемника Монтезумы, была болѣе смертоносна, чѣмъ испанское оружіе; но еще болѣе гибельною была, въ 1576 г., болѣзнь *матлацахуатль*,—можетъ быть, тоже оспа, которая, по словамъ Торквемады, похитила около 2-хъ милліоновъ жителей въ епархіяхъ Мексико, Мичоакана, Пуэблы и Оаксаки. Въ теченіе двухъ сотъ семидесяти пяти лѣтъ Мексика перенесла послѣдовательно семнадцать моровыхъ язвъ, причемъ испанцы не подвергались заразѣ [3]). По свидѣтельству миссіонеровъ, самая раса казалась физически одряхлѣвшей, какъ бы обреченной на вымираніе: даже грудные младенцы изъ поколѣнія въ поколѣніе становились все слабѣе и слабѣе [4]). Тѣ, которыхъ щадила болѣзнь, погибали отъ непосильной работы, которую ихъ заставляли исполнять. Защищенные «законами Индіи» отъ рабства въ собственномъ смыслѣ слова, они тѣмъ не менѣе цѣлыми десятками тысячъ, вмѣстѣ съ помѣстьями, раздавались либо обратившимъ ихъ въ христіанскую религію монахамъ, либо крупнымъ концессіонерамъ, а отвѣтственность господъ за жестокое обращеніе со своими крѣпостными была совершенно призрачная. Къ тому же законы и не соблюдались, такъ что, наприм., провинція Пануко была почти совершенно обезлюднена собственнымъ губернаторомъ, Нуньо де-Гусманомъ, который продавалъ торговцамъ съ Антильскихъ острововъ мужчинъ и женщинъ, предварительно заклеймивъ ихъ каленымъ желѣзомъ [1]). Во времена ацтековъ недостатокъ вьючнаго скота пополняли плѣнными и людьми непривилегированныхъ сословій, которые обращались такимъ образомъ въ *тламемесовъ* или «вьючныхъ животныхъ» и служили для перевозки съѣстныхъ припасовъ и товаровъ: это ремесло, введенное ацтекскими общинами, практиковалось и въ христіанской Мексикѣ, съ тою разницею, что теперь народъ долженъ былъ работать не для ацтектовъ, а для испанскихъ повелителей, которые зачастую нарушали постановленіе вице-короля Мендозы, назначившаго предѣльный вѣсъ ноши для человѣка въ 2 арробы (23 килограмма). Помѣщики, менѣе мексиканцевъ знакомые съ условіями климата, часто посылали толпы носильщиковъ въ поясы, температура которыхъ была смертельна для туземцевъ: тламемесы, спускавшіеся съ плоскогорій, тысячами гибли въ жаркихъ земляхъ, тогда какъ другія тысячи насильниковъ, вдругъ попавшихъ на снѣжныя возвышенности, погибали отъ непривычной для нихъ стужи. Жажда золота, вызвавшая столько злодѣйствъ со стороны Кортеса и его товарищей, окончательно отдала народъ во власть золотоискателямъ. Хорошо еще, что первые побѣдители были слишкомъ невѣжественны для того, чтобы открыть рудныя мѣсторожденія, которыя впослѣдствіи доставили столько богатствъ всему свѣту [2]).

Но въ то время, какъ индѣйское племя быстро приходило въ упадокъ и даже въ нѣкоторыхъ округахъ совершенно исчезло, возникла новая раса, которая пріобрѣтала все большее и большее значеніе: это были метисы. Побѣдители, пришедшіе въ страну безъ женщинъ, вынуждены были взять себѣ женъ изъ среды индіянокъ; первый показалъ этотъ примѣръ Кортесъ, и извѣстно, какую помощь и поддержку оказала ему донна Марина или Малитцина въ тяжелые дни испытаній. Всѣ капитаны и солдаты его арміи получили въ награду женъ: каждый вождь, прося пощады или заключая союзъ, скрѣплялъ свой договоръ брачнымъ союзомъ между новыми пришельцами и женщинами изъ своего семейства или изъ дома родственниковъ; каждое племя, приходя просить мира, приводило съ собой

[1]) Alonzo de Zurita;—Adolf Bastian, „Mexico".
[2]) Desdevizes du Désert, „L'Amérique avant les Européens".
[3]) Doutrelaine, „Archives de la Commission scientifique de Mexique". Томъ II.
[4]) Adolf Bastian, цитированное сочиненіе.

[1]) Ternaux-Compans, Pièces sur le Mexique („Zummaraga Salmeron Mendoza").
[2]) W. Richardson, „Histoire de l'Amérique".

женщинъ, чтобы предложить побѣдителямъ. Послѣ завоеванія, солдаты и купцы, которыхъ привлекала въ Новый Свѣтъ молва о несмѣтныхъ сокровищахъ Мексики, рѣдко являлись сюда въ сопровожденіи испанокъ, и несмотря на декреты, объявлявшіе, что бѣлые, пришедшіе въ страну безъ женъ или вообще безъ женщинъ съ Полуострова, лишались права пріобрѣтать землю, большая часть брачныхъ союзовъ все-таки заключалась съ мѣстными женщинами; такимъ образомъ численность метисовъ возрастала очень быстрое и скоро превзошла даже численность испанцевъ.

Въ обыкновенной рѣчи это названіе «метисъ» обозначаетъ скорѣе классъ людей, чѣмъ ихъ происхожденіе, и его примѣняютъ исключительно къ пролетаріямъ, принадлежащимъ къ индѣйскимъ племенамъ; но принимая это слово въ его истинномъ смыслѣ, можно сказать, что метисы въ настоящее время составляютъ четыре пятыхъ всего населенія [1]), такъ какъ даже «дикіе» индѣйцы и тѣ уже слегка смѣшанной крови, а бѣлые, считающіе себя «чистокровными», не прочь, при случаѣ, похвастаться своимъ происхожденіемъ отъ древнихъ королей и императоровъ этой страны. Примѣромъ могутъ служить три рода, происходящіе отъ Монтезумы, письменные документы которыхъ хранятся въ Мексикѣ и въ Испаніи. Что касается африканскаго элемента, то онъ не получилъ никакого значенія въ Мексикѣ, несмотря на то, что негры были привезены сюда съ первыхъ же лѣтъ завоеванія страны, но вслѣдствіе возстанія, «двѣ дюжины ихъ четвертовали», и испанскимъ помѣщикамъ было запрещено покупать ихъ для замѣны ими индѣйцевъ [2]); къ тому же и климатъ холодныхъ областей плоскогорья оказался слишкомъ неблагопріятнымъ для этой расы; негровъ можно встрѣтить только въ приморскихъ городахъ, куда они пріѣзжаютъ въ большинствѣ случаевъ съ острова Кубы или Ямайки. Общее число негровъ и цвѣтныхъ людей въ Мексикѣ опредѣляютъ въ 70.000.

Можно сказать, что въ теченіе трехъ вѣковъ колоніальнаго режима въ Мексикѣ, между паденіемъ Тенохтитлана и провозглашеніемъ мексиканской независимости, главнымъ фактомъ національной исторіи было это постепенное образованіе смѣшанной расы, въ одно и то же время нахуатльской и иберійской, предназначенной рано или поздно образовать главную массу націи. Правда, испанцы, составляя высшую касту общества, не переставали гордо держаться особнякомъ: они одни имѣли право называться *gente de razon* или «разумными людьми»; но они сами были раздѣлены. Испанцы, родившіеся на Полуостровѣ, всегда были назначаемы на доходныя мѣста, и правительство предоставляло имъ власть и почетъ; «креоловъ», напротивъ, какъ бы ни была чиста ихъ кровь, какъ бы ни были велики ихъ заслуги, держали въ сторонѣ; во многихъ монастыряхъ отказывались даже принимать ихъ въ монахи [1]). Казалось, что самымъ фактомъ своего рожденія въ Новомъ Свѣтѣ они почти переставали быть испанцами, чтобы стать мятежниками: ихъ награждали презрительными кличками и всячески оскорбляли; зато креолы платили испанцамъ глубокою ненавистью, называя ихъ оскорбительнымъ именемъ *гачупинесовъ*, — слово нахуатльскаго происхожденія, означающее «людей со шпорами» [2]); обыкновенно инсургенты встрѣчали «кастильцевъ» военнымъ крикомъ: «Mueran los Gachupines!».

Индѣйцы въ собственномъ смыслѣ слова, дикіе или mansos, т. е. «прирученные», также считались «людьми втораго сорта», чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и животнымъ; только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, при какихъ-нибудь особенныхъ подвигахъ храбрости или самопожертвованія, въ индѣйцѣ признавали своего ближняго, и тогда возводили его въ рангъ *hombre blanco*, или «бѣлаго человѣка», какъ будто у краснокожаго невозможны были никакія высокія качества. Въ Мексикѣ сложилась даже поговорка, что никогда индѣйцу не править страной, пока тамъ будетъ оставаться хоть одинъ погонщикъ муловъ изъ Ла-Манчи или чеботарь изъ Кастиліи. По крайней мѣрѣ это отсутствіе «разума», которымъ попрекали индѣйцевъ, оказало имъ большую услугу, впрочемъ, только въ половинѣ XVIII-го вѣка: оно избавило ихъ отъ пытокъ инквизиціи; на нихъ смотрѣли какъ на людей невмѣняемыхъ, и потому ихъ ересь или возвращеніе къ религіи предковъ не считались поступкомъ, достойнымъ возбудить гнѣвъ инквизиторовъ. Однако, эти послѣдніе не бездѣйствовали: введенный въ Мексико съ 1571 года, грозный судъ, три года спустя, уже началъ свои ауто-да-фе сожженіемъ пяти человѣкъ [3]). Даже индѣйцы, хотя обращенные въ вѣру своихъ побѣдителей, обыкновенно отвергали названіе *cristianos*, какъ принадлежащее однимъ только испанцамъ: они не принимали другаго наименованія, кромѣ наименованія indios. Надо замѣтить, что переходы между испанцами и метисами, между метисами и «прирученными» индѣйцами, гораздо незамѣтнѣе вокругъ Мексико, чѣмъ въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ жители разсѣяны на обширномъ пространствѣ. Тамъ дѣленіе между ра-

---

[1]) Guillemin Tarayre, „Archives de la Commission scientifique du Mexique". Томъ III; — Dupin de Saint André, „Le Mixique aujourd'hui".
[2]) Ternaux-Compans. „Pièces sur le Mexique" („Zumarraga Salmeron Mendoza").

---

[1]) Thomas Gage, „Nouvelle Relation des Indes Occidentales".
[2]) Uhde, „Rio Bravo del Norte".
[3]) Adolf Bastian, «Mexico».

сами выражено болѣе рѣзко: бѣлые и краснокожіе тамъ менѣе смѣшались. Еще въ недавнюю эпоху между этими двумя враждебными элементами народонаселенія шла упорная борьба, сопровождавшаяся рѣзней съ той и съ другой стороны [1]).

Торговый режимъ, которому Мексика была подчинена во время владычества испанцевъ, такъ сказать, держалъ подъ запретомъ Новую Испанію и скрывалъ отъ глазъ свѣта тѣ перемѣны, которыя тамъ совершились со времени завоеванія. Этотъ режимъ сводился на крайнюю монополію: въ глазахъ «его католическаго величества», ацтекское населеніе существовало только для того, чтобы обогащать государственную казну и откупщиковъ; но торговые откупа и постоянный таможенный контроль, совмѣстно съ угнетеніемъ и обѣднѣніемъ туземнаго народа, имѣли слѣдствіемъ упадокъ торговаго обмѣна; всякое нарушеніе фискальныхъ законовъ подвергалось строгому наказанію и зачастую влекло за собою смерть. Подъ страхомъ смертной казни были запрещены всякія сношенія съ иностранцами; даже при несчастіяхъ кораблекрушенія потерпѣвшіе сажались въ тюрьму, иногда же казнились смертью, изъ опасенія, чтобы они не установили торговыхъ сношеній съ туземцами; дороги, направлявшіяся къ морю, были систематически заброшены, и на Мексиканскомъ побережьѣ царило запустѣніе, такъ что завѣдомо для испанцевъ, предупрежденныхъ сосѣдними индѣйцами, англійскій адмиралъ и корсаръ Джоржъ Ансонъ могъ провести свой флотъ въ портъ Сигвантанео (Зегуатанехо), между двумя непріятельскими гарнизонами Закатулы и Акапулко, и тамъ терпѣливо выжидать выхода драгоцѣннаго галіона, который долженъ былъ отвезти въ Маниллу грузы слитковъ металла. Дошло до того, что флотъ, предназначенный къ отплытію въ Испанію, выпускался изъ порта Вера-Круцъ всего разъ въ три года, и считалось государственнымъ преступленіемъ приставать въ другихъ портахъ, кромѣ Севильи или Кадикса. Изысканіе ртутныхъ залежей было запрещено изъ боязни, чтобы отъ этого не потерпѣла монополія Алмаденскихъ рудниковъ. До 1803 г. мексиканцамъ возбранялось воздѣлываніе винограда; утверждаютъ, что революція, вспыхнувшая по иниціативѣ Гидальго въ округѣ Долоресъ, была вызвана тѣмъ, что одного приходскаго священника, любителя всякихъ новшествъ, обязали уничтожить разведенный имъ виноградникъ. Культура оливковыхъ деревьевъ также была запрещена, какъ и многихъ другихъ растеній, продукты которыхъ могли замѣнить привозные изъ Испаніи, откуда эти товары доставлялись въ самомъ ограниченномъ количествѣ, для того, чтобы цѣна на нихъ держалась по возможности самая высокая. Одно время не разрѣшалась даже фабрикація *пульке*, мѣстнаго напитка, приготовлявшагося изъ магейи, чтобы не подорвать торговли каталонскою водкою. Точно также были оффиціально отмѣнены нѣкоторыя ремесла, какъ могущія нанести ущербъ національной промышленности Пиренейскаго полуострова или, вѣрнѣе сказать, частнымъ интересамъ нѣкоторыхъ спекуляторовъ. Еще въ 1819 г., т. е. когда Испанія уже утратила половину своей обширной колоніальной имперіи, было издано правительственное постановленіе о воспрещеніи «подъ какими бы то ни было предлогами допускать иностранныя суда въ портъ Вера-Круцъ» [1]).

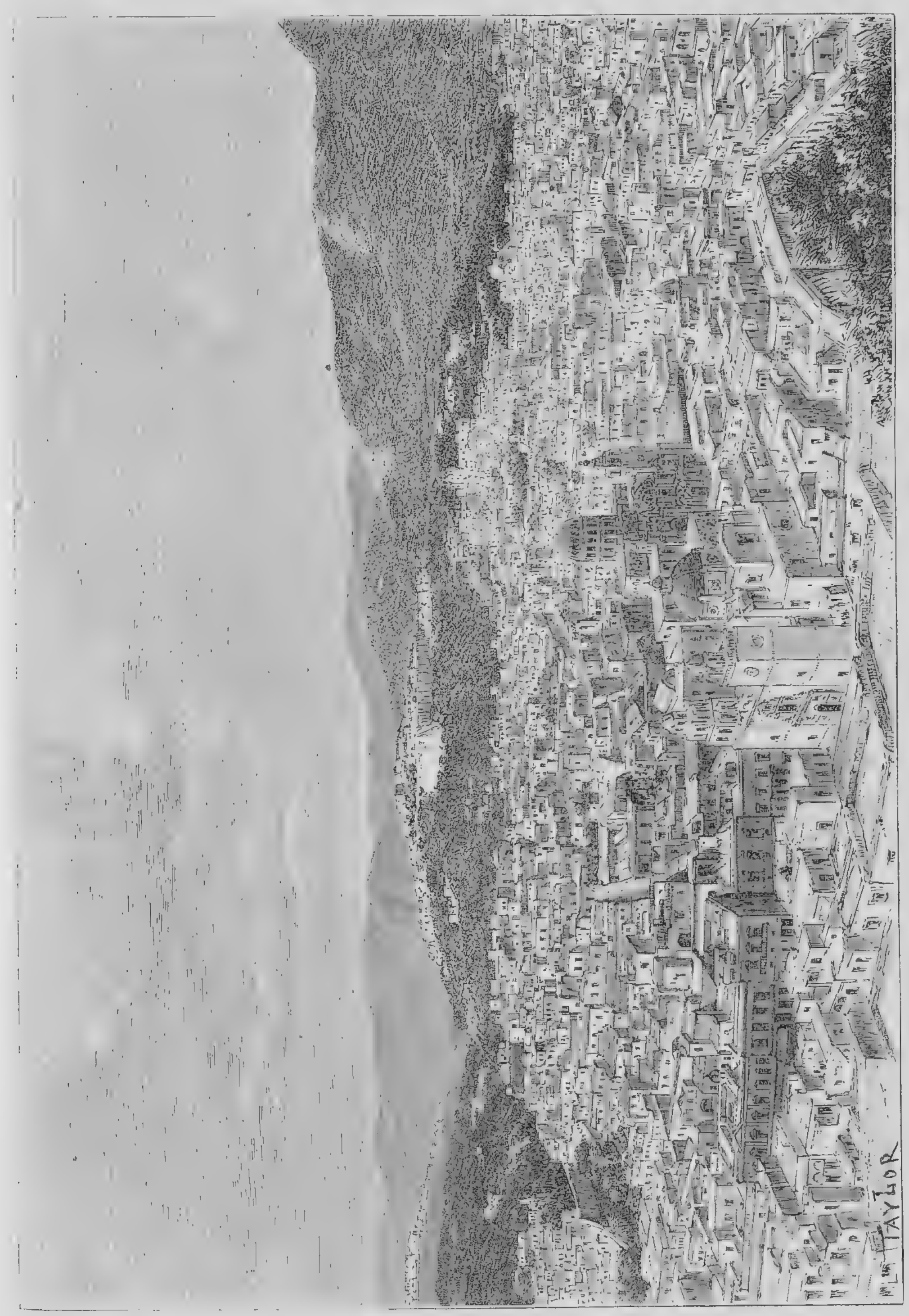
Понятно, что подобный режимъ долженъ былъ рано или поздно привести или къ окончательному разоренію колоніи, или къ революціи. Когда суверенная держава, сама вовлеченная въ войну за независимость противъ иноземнаго нашествія, вынуждена была бросить свои заморскія владѣнія на произволъ судьбы, измѣненіе политическаго равновѣсія стало неизбѣжнымъ. Высшая каста —каста испанцевъ, уроженцевъ Иберійскаго полуострова—не имѣла уже даже необходимой внутренней связи, для того, чтобы преслѣдовать какую-либо опредѣленную цѣль въ своей политикѣ сопротивленія; она не знала, къ какой партіи ей слѣдуетъ примкнуть въ этой борьбѣ Новой Испаніи, и, можно сказать, что первымъ событіемъ мексиканской революціи было заточеніе въ тюрьму, въ 1808 г., вице-короля, испанца Иттурнигарайя, другими испанцами, членами Присутствія Великаго Совѣта. Съ своей стороны, креолы, которые, впрочемъ, не всѣ относились непріязненно къ старому порядку вещей, и изъ которыхъ многіе дали соблазнить себя титулами, привилегіями или деньгами, сильно расходились между собой по стремленіямъ и идеалу. Болѣе смѣлые мечтали о независимости, тогда какъ большинство домогалось только участія въ управленіи своей страной и прекращенія неограниченной монополіи купцовъ Кадикса. Что касается глубокихъ массъ индѣйскаго народа, то ихъ мало интересовала форма правленія; все, чего они желали, это—владѣнія землей, немножко воздуха въ ихъ печальной жизни, немножко воли. Во время испанскаго владычества, они никогда не покушались на возмущеніе, несмотря на то, что впродолженіи двухсотъ лѣтъ послѣ завоеванія, военныя силы Мексики заключались только въ охранной стражѣ вице-короля, такъ-называемыхъ «Зеленыхъ», получившихъ это названіе по зеленымъ обшлагамъ ихъ мундировъ, и численность

---

[1]) «Archives de la Commission scientifique du Mexique». Томъ III.

[1]) Fr. de Armas y Céspedes, „Regimen politico de las Antilles Espanolas“.

ихъ никогда не превышала 6.000 пѣхотинцевъ и конницы. Тѣмъ не менѣе, у индѣйцевъ тоже проявлялся смутный инстинктъ къ политической независимости, доказательствомъ чему

Панорама города Гуанахуато.

служитъ распространенная между ними легенда относительно короля Монтезумы, съ именемъ котораго ихъ познакомили, очевидно, испанцы [1]), но къ которому они привязались

[1]) H. H. Bancroft, цитированное сочиненіе, т. V.

съ необыкновеннымъ увлеченіемъ: для своего боеваго знамени они взяли его цвѣта—голубой и бѣлый [1]). Ему приписываютъ всякій древній памятникъ въ развалинахъ, и говорятъ, что это новый Квецалкоатль, который спитъ въ какой-нибудь пещерѣ, въ ожиданіи вели-

[1]) A. Uhde, „Die Ländern am untern Rio Bravo del Norte".

каго дня пробужденія своего народа [1]). Извѣстно, съ какимъ пыломъ туземцы дрались въ началѣ революціи, въ бреду ожидаемаго тріумфа: вооруженные только пращами, палками и ножами, они устремлялись на полки хорошо вооруженнаго, дисциплинированнаго войска, и съ дикимъ фанатизмомъ бросались на пушки, стараясь заткнуть ихъ жерла своими лохмотьями и соломенными шляпами.

Такъ велика была путаница понятій и партій, происходившая отъ всеобщаго невѣжества и долгаго порабощенія населеній, что мексиканская революція началась въ Долоресѣ возстаніемъ индѣйскихъ фанатиковъ «во имя святой религіи и милостиваго короля Фердинанда VII». Съ другой стороны, первое пораженіе инсургентамъ нанесъ отрядъ креоловъ, предводительствуемый также креоломъ. Два года спустя послѣ перваго столкновенія, въ 1813 г., была въ первый разъ провозглашена независимость конгрессомъ, перебѣгавшимъ съ одной горы на другую. Но этотъ кличъ свободы показался богохульствомъ тѣмъ, кто привыкъ къ порабощенію, и умѣренные поспѣшили принести повинную; ни одинъ индѣецъ отдаленныхъ провинцій даже и не помышлялъ о возмущеніи: театромъ войны была исключительно центральная часть страны, гдѣ народонаселеніе болѣе скучено, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Инсургенты уже не составляли правильнаго войска, сократившись до простыхъ бандъ; почти всѣ знаменитые полководцы были разстрѣляны или попрятались въ лѣсахъ и болотахъ; все казалось потеряннымъ, когда вдругъ въ 1817 г., одинъ двадцативосьмилѣтній испанецъ, по имени Мина, уже передъ тѣмъ храбро сражавшійся за свободу Испаніи, самоотверженно отдалъ себя на борьбу за независимость Мексики, поднявъ оружіе противъ своихъ же соотечественниковъ. Ему удалось одержать нѣсколько побѣдъ, но и онъ, въ свою очередь, погибъ: остатокъ разбойничества—вотъ къ чему сводилась тогда эта борьба за независимость, съ такимъ шумомъ начатая въ 1811 г. священникомъ Гидальго и его словно выросшимъ изъ земли войскомъ. И, однако, именно въ то время, когда, въ 1820 г., вице-король Аподака окончательно объявилъ, что отвѣчаетъ за порядокъ, когда испанскія силы торжествовали, разгоняя послѣдніе отряды инсургентовъ, прежній режимъ рушился, такъ сказать, самъ собою, подъ гнетомъ своей собственной тяжести. Достаточно было измѣны честолюбиваго полковника Итурбиде, который «въ силу недостойнаго выбора судьбы изъ измѣнниковъ попалъ въ тріумфаторы» [2]). Съ восторгомъ принявъ «планъ Игуалы», т. е. проектъ новой конституціи, составленный въ этомъ городѣ, нація тотчасъ же потребовала полной и безусловной независимости мексиканскаго народа, хотя бы подъ формой монархическаго правленія. Новый порядокъ вещей былъ сочувственно принятъ на всемъ пространствѣ Мексики, и самъ вице-король открылъ ворота столицы. Это было въ 1821 году, а два года спустя была, наконецъ, провозглашена республика.

Самое названіе *гвадалупосовъ*, данное инсургентамъ въ отличіе отъ *гачупиносовъ*—испанцевъ служитъ доказательствомъ того вліянія, какое имѣло духовенство на массу мексиканскаго населенія: въ толпѣ возставшихъ индѣйцевъ видѣли только набожныхъ пилигримовъ, навербованныхъ во имя Гвадалупской Богоматери, культъ которой индѣйцы смѣшивали съ культомъ Тоци или Тонацины, «Нашей Матери» ацтековъ [1]). Но духовенство, подобно другимъ бѣлымъ, дѣлилось по своему происхожденію, по связямъ, по своему имущественному положенію. Первый призывъ къ возстанію былъ сдѣланъ священникомъ Гидальго, креоломъ, въ жилахъ котораго текла часть индѣйской крови; другой священникъ, Морелосъ, былъ главнымъ героемъ со стороны инсургентовъ; даже одна монахиня, по имени Марія Квитана, покинула стѣны монастыря, чтобы принять участіе въ сраженіи; но нѣкоторые епископы и суды инквизиціи провозгласили, во имя папы, отлученіе отъ церкви мятежниковъ, и тогда-то во славу церкви, въ 1814 г., Итурбиде, состоявшій тогда на испанской службѣ, разстрѣлялъ многихъ отлученныхъ въ самый день страстной пятницы. Духовенство, слѣдовательно, не могло способствовать объединенію убѣжденій въ мексиканскомъ народѣ, что только и обезпечиваетъ внутренній миръ. Съ другой стороны, политическая революція нисколько не улучшила доли индѣйскихъ земледѣльцевъ, такъ какъ она ни въ чемъ не измѣнила порядокъ землевладѣнія; какъ и прежде, территорія была раздѣлена между крупными собственниками, патронатъ которыхъ распространялся на сотни и тысячи крестьянъ. Правда, что аграрный переворотъ, казалось, начинался въ первый годъ возстанія, когда помѣстья испанцевъ секвестровались именемъ націи, и индѣйцы свободно водворялись на нихъ; но бѣлые, также входившіе въ составъ арміи инсургентовъ, спѣшили положить конецъ этимъ конфискаціямъ, которыя имѣли бы чрезвычайно важныя послѣдствія, и элементы соціальной борьбы остались тѣ же, что и прежде: ненависть между классами продолжала существовать по-прежнему.

Это большое соціальное неравенство, которое, впрочемъ, почти сливается съ расовымъ антагонизмомъ, достаточно объясняетъ то постоянное броженіе, которое волновало Мексику

[1]) A. Réville, „Les Religions du Mexique".

[2]) De Bazancourt, „Le Mexique contemporain".

[1]) Aubin, „Mémoire sur la peinture didactique".

впродолженіи полу-вѣка послѣ провозглашенія независимости; страна безуспѣшно искала новаго экономическаго равновѣсія. По какому-то странному параллелизму, гражданская война въ Мексикѣ соотвѣтствовала такой же войнѣ въ Испаніи и ея прежнихъ колоніяхъ; революціи и контръ-революціи отдавались эхомъ съ той и съ другой стороны океана, какъ-будто общая жизнь еще соединяла разрозненныя части бывшей имперіи. Это объясняется тѣмъ, что метрополія и ея прежнія владѣнія одинаково пребывали въ застоѣ впродолженіи трехсотъ лѣтъ: съ одной стороны, изслѣдованіе и завоеваніе Новаго Свѣта истощили Испанію и сдѣлали ее паразитомъ, живущимъ на счетъ худо нажитыхъ сокровищъ; съ другой—работа приспособленія къ новой цивилизаціи поглощала всѣ силы колоній до временъ общей революціи.

Установить національное единство въ Мексикѣ тѣмъ труднѣе, что значительная часть индѣйцевъ соединяется съ цивилизованнымъ населеніемъ еще только по оффиціальнымъ актамъ. Всѣ туземцы, сгруппированные въ племена, живущіе особнякомъ, въ отдаленныхъ провинціяхъ, говорящіе на своихъ древнихъ языкахъ и придерживающіеся своихъ старыхъ обычаевъ, еще не могутъ быть причислены къ мексиканскому народу; впрочемъ, годъ-отъ-году они все болѣе ассимилируются, благодаря прокладываемымъ черезъ ихъ территорію дорогамъ и основываемымъ тамъ городамъ, различнымъ промышленнымъ заведеніямъ и школамъ.

Даже наиболѣе удаленные отъ центра мексиканской цивилизаціи, т. е. индѣйцы Калифорніи, и тѣ уже научились говорить по-испански, а тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ сосѣдствѣ миссій и рудниковъ, нисколько не отличаются отъ другихъ «прирученныхъ» индѣйцевъ, mansos. Впрочемъ, численность ихъ весьма незначительна, не достигаетъ даже трехъ тысячъ, и племя перику, о которомъ еще недавно упоминалось, какъ о жителяхъ самой южной оконечности полуострова, совершенно исчезло. Два существующихъ еще народца, кочими и гуайякура, изъ которыхъ первые живутъ на сѣверѣ, а вторые въ центральныхъ областяхъ полуострова, родственны аризонскому племени юма; подобно этому народу, они населяли сѣверныя равнины, занятыя теперь кокопами: ихъ постепенно оттѣснили отъ Колорадо. Кочими и гуайякура болѣе всѣхъ прочихъ индѣйцевъ кочуютъ съ мѣста на мѣсто: они по крайней мѣрѣ сто разъ въ году мѣняютъ свое мѣстопребываніе. Ночь они проводятъ подъ открытымъ небомъ, защищаясь лишь отъ вѣтра въ низкомъ кустарникѣ или за грудами камней: впрочемъ, иногда они выстраиваютъ нѣчто вродѣ землянокъ для своихъ больныхъ. Въ былое время кочими считали за стыдъ носить какую бы то ни было одежду, но всегда украшали себя ожерельями, кольцами, браслетами и головными уборами изъ кожи, тростника или перьевъ. Для битвы или для праздника мужчины разрисовывали себѣ тѣло яркими красками, а чтобы защитить своихъ дѣтей отъ непогоды, матери обмазывали ихъ толстымъ слоемъ угля, разведеннаго въ мочѣ. Однимъ изъ излюбленныхъ оружій кочими была праща. Главная ихъ пища состоитъ изъ сердцевины кактуса питахайя, но они поѣдаютъ также всевозможныхъ насѣкомыхъ, червей и гусеницъ, змѣй и ящерицъ, и даже не брезгаютъ падалью; наконецъ, многіе авторы разсказываютъ объ одной отвратительной привычкѣ этого народа, именно: они привязываютъ на веревкѣ большой кусокъ мяса, который поочередно каждый изъ собравшихся на трапезу жуетъ, полупроглатываетъ и снова отрыгаетъ, чтобы передать другому; тотъ продѣлываетъ то же самое и такъ до послѣдняго гостя, который окончательно съѣдаетъ всю эту массу, почти уже переваренную [1]). Нѣтъ никакого другаго народа, за исключеніемъ развѣ жителей Океаніи, гдѣ бы сифилисъ производилъ столько опустошеній, какъ среди калифорнійцевъ. Этотъ бичъ и болѣзни, сопряженныя съ нимъ, почти совсѣмъ истребили эти племена. Кочими и другія калифорнійскія племена принадлежали къ этнической группѣ нахуа, т. е. къ ацтекамъ и ихъ соплеменникамъ: это доказываютъ какъ внѣшній видъ ихъ, такъ и нарѣчіе [2]).

Почти всѣ индѣйцы, населяющіе сѣверо-западныя области Мексики, отъ границы Аризоны до горъ, господствующихъ надъ ріо-Лерма, принадлежатъ къ той же семьѣ племенъ, имѣющей по языку своему много общаго съ ацтеками: ихъ называютъ обыкновенно по имени племенъ пима и опата, двухъ ихъ самыхъ могущественныхъ народцевъ; сѣверная часть Соноры даже извѣстна подъ именемъ, нынѣ уже невѣрнымъ, Пимеріи, или «страны пимовъ». Условная линія, раздѣляющая территоріи двухъ республикъ—американской и мексиканской, не составляетъ этнологической границы, и какъ разъ на сѣверѣ этой пограничной линіи пимы и родственные имъ папагосы представлены въ наибольшемъ числѣ. Что касается опатовъ, которыхъ насчитываютъ приблизительно 35.000, то они живутъ преимущественно въ Сіерра-Мадре, въ высокихъ долинахъ ріо-Соноры и ріо-Якуи: это земледѣльческія населенія, наполовину уже объиспанившіяся; въ народныхъ войнахъ они всегда становятся въ ряды бѣ-

---

[1]) Clavigero, „Storia della California“;—Baegert, „Smithsonian Report for 1854“; —H. H. Bancroft, „Native Races“.

[2]) Pimentel, „Cuadro de las lenguas indigenas de México“.

лыхъ; мексиканскіе писатели прославляютъ ихъ мужество, крайнюю воздержность и ихъ постоянство, за что̀ дали имъ названіе «американскихъ спартанцевъ». Якуи и майо, живущіе на берегу Калифорнійскаго залива, въ почти пустынныхъ областяхъ, орошаемыхъ рѣками одинаковаго съ ними названія, отличаются такой же храбростью, какъ и опаты, но они не отдавали ее въ услуженіе бѣлымъ и часто возмущались. Въ 1825 году, послѣ провозглашенія мексиканской независимости, они провозгласили также и свою независимость, и объявили себя свободными отъ всякихъ податей; съ этого времени ихъ территорія стала трудно доступной для иностранцевъ. Однако, якуи и майо, соединяемые иногда подъ именемъ кахитовъ, по языку, которымъ они говорятъ, довольно малочисленны: общее число ихъ, вѣроятно, не превышаетъ 20.000. Несмотря на войны, которыя имъ приходилось вести противъ бѣлыхъ, они по природѣ миролюбивы и очень энергичны въ работѣ. Подобно алжирскимъ кабиламъ, ихъ молодежь каждый годъ цѣлыми толпами отправляется въ отхожій промыселъ, на фермы въ Сонору или Синалоа, или же прямо въ города, гдѣ они служатъ носильщиками или домашнею прислугою. Но и вдали отъ родины они всей душой тяготѣютъ къ своимъ роднымъ долинамъ, куда и наѣзжаютъ ежегодно, если судьба не занесетъ ихъ слишкомъ далеко [1]). У нихъ, говорятъ, очень развиты музыкальныя способности; подобно венгерскимъ цыганамъ, они, слушая деревенскихъ гудочниковъ, выучиваются играть по слуху на скрипкѣ, на гитарѣ, на арфѣ, и подъ ихъ музыку поселяне съ увлеченіемъ пляшутъ въ праздничные дни.

Нація Сери, на островѣ Тибуронъ и на сосѣднемъ берегу материка, составляетъ, повидимому, особую подрасу, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими группами разсѣянныхъ семействъ, извѣстныхъ подъ различными названіями: Ороско-и-Берра уподобляетъ ихъ караибамъ и считаетъ возможнымъ, что они дѣйствительно принадлежатъ къ этой расѣ. Эти туземцы, теперь почти совершенно исчезнувшіе, съ необыкновеннымъ упорствомъ защищали свои долины и побережья, такъ что часто испанскія экспедиціи тщательно обходили ихъ территорію; въ особенности боялись ихъ отравленныхъ стрѣлъ. Въ этой странѣ на всякое ядовитое растеніе смотрѣли съ суевѣрнымъ страхомъ и крайне остерегались вырывать его изъ опасенія несчастія; дѣтямъ одѣвали на шею мѣшочекъ, наполненный сѣменами и листьями какого-нибудь изъ этихъ смертоносныхъ растеній, имѣя этимъ въ виду оградить ихъ отъ злой судьбы и отъ нападеній хищныхъ звѣрей.

[1]) Guillemin, „Archives de la Commission scientifique du Mexique“.

Сери благоговѣйно поклоняются солнцу при его восходѣ и закатѣ, и чествуютъ праздникомъ каждое новолуніе. Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія они одѣвались преимущественно въ сшитыя шкурки пеликана, разрисовывали себѣ лицо и прокалывали носъ, чтобы продѣть въ него куски зеленыхъ камней, такъ называемые *чилчигуиты*, столь цѣнимые древними ацтеками [2]). Они не умѣютъ строить лодокъ, но зато изъ тростника сооружаютъ большіе плоты, на которыхъ могутъ стоять пять человѣкъ, гребя двойнымъ весломъ.

Между многочисленными народцами сѣверо-западной Мексики особенно замѣчательны тарахумары, или тарумаросы, тѣмъ постоянствомъ, съ которымъ они сохраняютъ свои старые нравы и обычаи. Жители Чигуагуа называютъ тарумаросами всѣхъ «прирученныхъ» индѣйцевъ этого штата, но настоящіе тарахумары, въ количествѣ около 40.000 человѣкъ, населяютъ исключительно долины Сіерра-Мадре, по обоимъ склонамъ Атлантическаго и Великаго океановъ: ихъ поселенія, названія которыхъ большею частью кончаются на *чикъ*, что̀ означаетъ «мѣстечко, городъ», разбросаны въ горной области трехъ штатовъ: Чигуагуа, Соноры, Синалоа и даже, по словамъ Пиментеля, отчасти въ Дуранго. Нѣкоторыя семейства ведутъ еще пещерный образъ жизни, и въ этой мѣстности зачастую попадаются пещеры, которыя въ былыя времена служили жильемъ: по мнѣнію многихъ изслѣдователей, древніе обычаи троглодитовъ вполнѣ объясняютъ ацтекскую легенду, относящуюся до пребыванія ихъ въ «Семи Пещерахъ» [2]). Тарахумары, которые живутъ въ городахъ бѣлыхъ, говорятъ на языкѣ побѣдителей, но въ Сіеррѣ этотъ народъ сохранилъ свой прежній идіомъ.

Открытые въ своихъ убѣжищахъ іезуитскими миссіонерами въ началѣ XVII-го вѣка, тарахумары никогда не оказывали дѣятельнаго сопротивленія; тѣмъ не менѣе испанцамъ не удалось подчинить ихъ своему режиму. Браки у нихъ до сихъ поръ совершаются по традиціонному обычаю, послѣ предварительнаго испытанія невѣсты въ домѣ жениха, подъ присмотромъ родителей. Тарахумары сумѣли спасти свои земли отъ вторженія иноземцевъ и до сихъ поръ владѣютъ ими на общинныхъ началахъ. Каждая группа поселянъ составляетъ общину, и такъ же, какъ въ Россіи, пахатная земля распредѣляется здѣсь между семействами надѣлами, соразмѣрными съ числомъ членовъ семьи. Извѣстная часть общинной земли отдѣляется для больныхъ и стариковъ, и члены общины поочередно обязаны обрабаты-

[1]) Francisco Velasco, „Sonora“.

[2]) Buelna, „Peregrinacion de los Aztecos“;—A. Bandelier, „Art of War of the ancient Mexicans“,—Schwatka, „Deutsche Rundschau für Géographie“. 1888.

вать ее: жатва, состоящая изъ маиса, пшеницы, фасоли и картофеля, складывается затѣмъ въ общественный магазинъ, подъ наблюденіемъ самыхъ почетныхъ сельчанъ муж-

Морелія.

скаго и женскаго пола, и обитатели общиннаго дома могутъ брать оттуда столько, сколько кому нужно. Тарахумары, признанные «гражданами» Мексики, пользуются полною административною автономіею; они избираютъ изъ своей среды представителей власти—правителя и помощника его, судью и регистратора, а воинская повинность ихъ состоитъ въ томъ, что они должны, во время ежегодная посѣщенія главнаго военачальника, представляться ему и вручать каждый по двадцати стрѣлъ, купленныхъ отъ него же для этой церемоніи. Они называютъ себя «христіанами» и во время посѣва водружаютъ крестъ на окра-

нѣ своихъ полей, но не позволяютъ своимъ священникамъ присутствовать на этомъ празднествѣ, которое оканчивается принесеніемъ въ жертву барана или теленка. Жители южныхъ округовъ, близъ общей границы штатовъ Чигуагуа, Сонора и Синалоа, придерживаются еще древней религіи. Они чуждаются мексиканцевъ, и когда мексиканецъ силой вторгнется въ ихъ деревню, они отказываются отвѣчать на вопросы чужестранца; они жестомъ руки отвергаютъ всякую предлагаемую имъ плату за ихъ продукты и безъ всякаго протеста позволяютъ разграблять свои хижины: у нихъ хватаетъ энергіи только на пассивное сопротивленіе. Ихъ рисуютъ большими меланхоликами; между тѣмъ, когда имъ нечего опасаться посторонняго вмѣшательства въ ихъ праздники, они умѣютъ искренно веселиться и «пляшутъ со своими богами» [1]). Особенно они любятъ бои на копьяхъ и состязанія въ бѣгѣ: отсюда будто-бы происходитъ и самое названіе этого народа, означающее «Скороходы», согласно сомнительной этимологіи. Иногда соперничающія племена проводятъ цѣлые дни въ оспариваніи другъ у друга приза, состязуясь то просто въ скороходствѣ, то въ бѣгѣ съ препятствіями. При такихъ состязаніяхъ на аренѣ разставляются, черезъ извѣстные промежутки, женщины съ кувшинами воды для того, чтобы приводить въ чувство тѣхъ изъ состязающихся, которые потеряютъ сознаніе.

На югѣ, нѣкоторыя долины Сіерра-Мадре населены остатками другаго индѣйскаго племени—тепехуановъ,или «Властителей Горъ» [2]), которые не оправдываютъ уже болѣе своего названія: послѣ столкновеній съ миссіонерами, этотъ народъ былъ почти совсѣмъ истребленъ испанцами Дуранго. Эти туземцы, теперь обращенные уже въ христіанство и понемногу смѣшавшіеся съ населеніемъ Сіерры, сохранили еще въ нѣкоторыхъ областяхъ свой первоначальный языкъ, который, по объясненію нѣкоторыхъ авторовъ [3]), содержитъ въ своемъ словарѣ множество словъ, имѣющихъ аналогичныя выраженія въ азіатскихъ языкахъ сѣвера. Чистокровные тепехуаны имѣютъ матово-желтый цвѣтъ лица, выдающіяся скулы, скошенные и узкіе глаза, словомъ, типъ, схожій съ киргизскимъ и калмыцкимъ; они заплетаютъ свои волоса въ одну косу, спускающуюся на затылокъ. Хотя и существуютъ различныя гипотезы, предполагающія родство этого народа съ азіатами, тѣмъ не менѣе Бушманъ и Орозко по языку причисляютъ тепехуановъ и сосѣдній съ ними на югѣ народъ кора къ той же сонорійской группѣ, къ которой принадлежатъ пимы, опаты и тарахумары, тогда какъ племена сабайбо, акаксее и ксиксимме, населяющія Дуранго, а также и кончосы—жители Чигуагуа, обитающіе въ равнинахъ, орошаемыхъ рѣкою того же имени,—скорѣе нахуатльскаго происхожденія и родственны ацтекамъ. У нѣкоторыхъ племенъ этихъ областей практикуется обычай «кувады», встрѣчающійся во многихъ другихъ странахъ: у лагунеросовъ и ахомамовъ, когда женщина разрѣшится отъ бремени, то въ постель ложится ея мужъ, и за нимъ ухаживаютъ впродолженіи шести или семи дней, во время которыхъ онъ долженъ очиститься и выдержать строгій постъ, не употребляя въ пищу ни мяса, ни рыбы [1]).

Пространство, заключающееся между Ріо-Гранде и восточнымъ склономъ Сіерры-Мадре, населено племенами апачей, составляющихъ особое семейство, родственное по языку, какъ говоритъ Банделье, атабасканцамъ, живущимъ на берегахъ Мекензи: названіе ихъ, по всей вѣроятности, апатскаго происхожденія и означаетъ «Злыя Собаки» [2]). До недавняго времени вся сѣверная часть республики была совершенно открыта для набѣговъ этого разбойничьяго народца, и даже въ 600 километрахъ отъ американской границы, въ Дуранго, кресты, поставленные вблизи городовъ и даже въ предмѣстьяхъ, напоминаютъ объ убійствахъ, совершенныхъ этими дикарями. Территоріи, по которымъ въ первыя времена оккупаціи испанскія войска могли проходить безъ всякаго сопротивленія, и гдѣ уже основались мирныя колоніи, подверглись нападенію грабителей, и съ тѣхъ поръ исчезла всякая безопасность за чертою городовъ и укрѣпленныхъ гасіендъ; путешествіе можно было совершать только караванами, и вооруженные люди, преслѣдуемые по пятамъ дикарями, ползкомъ пробиравшимися въ низкомъ кустарникѣ, остерегались отдаляться отъ главной массы каравана. Преслѣдованіе этихъ неуловимыхъ враговъ было немыслимо. На своихъ быстрыхъ лошадяхъ они могли въ одинъ день дѣлать 100 и даже 200 километровъ: всюду чапарраль или мезкиталь давалъ имъ убѣжище, и ни одинъ пастухъ не смѣлъ выдать ихъ присутствіе, хотя бы и зналъ о немъ. Режимъ крупнаго землевладѣнія, тотъ самый режимъ, который довелъ до вторженія варваровъ въ Италію, только облегчалъ набѣги апачей; имъ благопріятствовало это постепенное уничтоженіе небольшихъ культурныхъ и сопротивляющихся центровъ, нѣкогда разсѣянныхъ въ странѣ, эта замѣна земледѣлія скотоводствомъ,—что сразу отдавало все хозяйство въ руки какой-нибудь горсти смѣльчаковъ, совер-

---

[1]) Julius Froebel, „A travers l'Amérique“.
[2]) Pimentel;—Froebel;—Guillemin-Tarayre, цитиров. сочиненія.
[3]) Fernando Ramirez;—Orozco y Berra, „Géografia de las Lenguas de Mexico“.

[1]) Guillemin-Tarayre;—Baissac, „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“, Томъ III.
[2]) H. H. Bancroft, „The wild Tribes“.

шавшихъ неожиданное нападеніе,—наконецъ, это предоставленіе заботъ объ охранѣ наемнымъ солдатамъ, которые часто изъ-за корыстныхъ цѣлей дѣйствовали за-одно съ грабителями. Сознавая свое индѣйское происхожденіе, простой народъ гордился подвигами своихъ собратьевъ, пребывающихъ еще въ дикомъ состояніи, и воспѣвалъ ихъ въ пѣсняхъ, гдѣ осмѣивались злоключенія ограбленныхъ помѣщиковъ, напрасно гоняющихся въ поискахъ за своими уведенными стадами.

Чтобы избавиться, отъ грабителей-апачей, противъ нихъ декретировали истребительную войну. Назначили цѣну за ихъ голову; за волосы и пару ушей воина платили премію въ 200 піастровъ; индіанка, приведенная живою, стоила 150 піастровъ; такую же плату давали за живаго парня, а за трупъ его 100 піастровъ. Чувство гуманности, повидимому, охранялось этимъ назначеніемъ большей преміи за плѣнницъ, которыхъ можно было потомъ воспитать и которыхъ употребляли въ качествѣ прислуги или пастуховъ, если только наслѣдственный инстинктъ не побуждалъ ихъ при первомъ же удобномъ случаѣ бѣжать, чтобы снова вернуться къ дикой жизни. Въ свою очередь, и апачи, предавая смерти всѣхъ взрослыхъ мужскаго пола, щадили женщинъ и дѣтей, чтобы пополнить ими свои банды, которыя отъ этого смѣшенія, въ концѣ концовъ, обратились въ сбродъ всякихъ племенъ и расъ. Въ этой ужасной войнѣ часто случалось, что не щадили даже самихъ посланцевъ. Военная власть, ревниво охраняя свои права, способствовала съ своей стороны продленію этого режима террора, присвоивая себѣ исключительное право защиты и рѣшительно запрещая муниципалитетамъ соединяться въ союзы противъ общаго врага [1]). Но такъ какъ регулярнаго войска было недостаточно для исполненія задачи, то призвали иностранныхъ наемниковъ: такъ, въ 1850 г. въ Чигуагуа была нанята банда техасцевъ для охоты за головами апачей; но скоро оказалось, что эти опасные союзники находили болѣе удобнымъ грабить мирныхъ путешественниковъ и преподносить ихъ волосы правительству, которое за нихъ платило деньги. Наконецъ, на индѣйцевъ натравили другихъ индѣйцевъ, и дѣло истребленія апачей предоставили ихъ заклятымъ врагамъ, южнымъ команчамъ, кочующимъ въ Болсонъ-де-Мапими. Уцѣлѣвшіе апачи сдѣлались пастухами, волопасами, лошадиными барышниками, а нѣкоторые даже сторожами на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, пересѣкающихъ теперь по всѣмъ направленіямъ прежніе районы ихъ набѣговъ и грабежей.

Сѣверо-восточная часть Мексики, заключающаяся между ріо-Браво и Тампико, между центральными плоскогоріями и Мексиканскимъ заливомъ, есть область, окончательно завоеванная испанскимъ языкомъ съ XVIII столѣтія; едва остались тамъ еще кое-какіе слѣды нахуатльскаго и другихъ идіомовъ: «сто сорокъ восемь племенъ» Коагуилы, «семьдесятъ два племени» Тамаулипаса, «тридцать одно племя» Новаго Леона [5]), маносиріетасы, ирритилы, тамаулипеки, куачичилы и закатеки—растворились въ массѣ смѣшаннаго населенія, утративъ свои нравы и свои особые говоры; почти всюду, гдѣ населеніе было кочевое, идіомъ исчезъ, но онъ дольше сохраняется у земледѣльцевъ. Именно въ сосѣдствѣ столицы, горы и глухія долины населены разбросанными группами индѣйскаго племени отоми, которыя, кажется, весьма мало измѣнились со времени владычества толтековъ: названіе ихъ значитъ «Красноволосые», и произошло, вѣроятно, отъ существовавшаго у нихъ обыкновенія красить волосы въ красный цвѣтъ передъ отправленіемъ на войну [2]). Вокругъ Кверетаро, взятаго за центръ ихъ области обитанія, они почти цѣликомъ занимаютъ всѣ гористыя области Анагуакскаго плоскогорья, между Санъ-Луи-Потози и снѣговою цѣпью горъ: отсюда происходитъ и прозвище ихъ *Серраносы*, или «Горцы». Численность ихъ опредѣляютъ въ 600.000 съ лишнимъ, включая сюда и тѣхъ, которые перемѣнили свое нарѣчіе на ацтекское или кастильское, а вмѣстѣ съ паме и мазагуа ихъ наберется, можетъ-быть, цѣлый милліонъ. Хотя имя ихъ значитъ «Бродячіе», отоми, напротивъ, не обнаруживаютъ склонности къ передвиженію; всѣ ихъ переходы ограничиваются своими же горными деревнями и мѣстами торга: они снабжаютъ углемъ Мексико и другіе города плоскогорья, служатъ водоносами и продаютъ галеты или *tortillas*: ихъ называютъ «Оверньятами» и «Савоярами» Мексики. Это—люди съ большой широкой головою, съ густыми, черными волосами, съ темнобурымъ цвѣтомъ лица и съ тяжелой походкой, которая не мѣшаетъ имъ быть отличными скороходами. Въ этихъ туземцахъ хотѣли видѣть остатки китайской колоніи, но эта гипотеза не согласуется съ другою, которая приписываетъ цивилизаціи ацтековъ китайское происхожденіе. Поводомъ къ теоріи азіатскаго происхожденія отоми послужилъ ихъ языкъ, *хіа-хіу*, или «старый», который состоитъ почти исключительно изъ односложныхъ словъ; двухсложныя слова встрѣчаются въ немъ очень рѣдко, а трехсложныя только въ видѣ исключенія и какъ составныя, въ которыхъ легко найти корень. Китайскій словарь и хіахіу представляютъ много совпаденій; но иначе и быть не могло, такъ какъ серія однослож-

[1]) Julius Froebel, цитиров. сочиненіе.

[1]) Orozco y Berra, цитир. сочиненіе.
[2]) A. Réville, „Les Religions du Mexique“.

ныхъ словъ довольно бѣдна различными формами [1]).

На западѣ и на югѣ-западѣ отъ Мексико, въ Мичоаканѣ, основное населеніе состоитъ изъ тарасковъ, которыхъ иногда, по ихъ мѣстожительству, называютъ мичоаканами. Они занимаютъ почти все пространство этого штата и небольшую часть Гуанахуато, имѣя въ разныхъ округахъ своими сосѣдями отоми, мазагуа, матлалцинка, наконецъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ потомковъ ацтековъ. Еще въ началѣ вѣка, въ Мичоаканѣ господствовалъ языкъ тарасковъ, а испанскій былъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ, за исключеніемъ только городовъ [2]). Въ настоящее время, кастильскій языкъ, введенный во всѣхъ школахъ, понемногу вытѣсняетъ туземное нарѣчіе, которое, однако, еще крѣпко держится во многихъ деревняхъ. Въ прежнія времена, тараски, соперничавшіе въ цивилизаціи съ родственными имъ по расѣ ацтеками, знали также іероглифическія письмена, а въ нѣкоторыхъ промыслахъ даже превосходили ацтековъ; ихъ культъ былъ болѣе мягкій, и они только незадолго до испанскаго завоеванія ввели въ употребленіе человѣческія жертвы. Они съ большой храбростью оказывали сопротивленіе своимъ «тестямъ» ацтекамъ: Лагунасъ говоритъ, что и самое названіе народа тараски (Tarhascue), означающее «зятья», произошло оттого, что они имѣли обыкновеніе брать себѣ женъ у этихъ исконныхъ своихъ враговъ.

На восточномъ склонѣ плоскогорья, спускающемся къ Мексиканскому заливу, среди метисовъ ацтекскаго происхожденія, но болѣе или менѣе объиспанившихся, попадаются энклавы съ совершенно самостоятельнымъ населеніемъ. Это земля гуакстековъ,—или «нашихъ сосѣдей», какъ вѣжливо называютъ ихъ ацтеки (по Пиментелю, «гуакстеки» значитъ «жители страны Гуакси или Гуявы», названной такъ по обилію произростающаго тамъ плода гуявы), которыя граничатъ съ сѣверной стороны съ равнинами, орошаемыми нижнимъ теченіемъ Тампико, и которыя занимаютъ всю сѣверную часть штата Вера-Круцъ. По расѣ и языку гуакстеки родственны юкатанскому племени майя, но у нихъ не сохранилось воспоминаній о событіяхъ, отдѣлившихъ ихъ отъ главной массы націи. По Штоллю, ихъ языкъ своими старыми формами указываетъ на то, что они первые разобщились съ первобытною группою [3]): различныя названія мѣстностей и народовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что майя, теперь оттѣсненные въ Юкатанъ, занимали прежде плоскогорье Тлакскала [4]). Ихъ сосѣдями на югѣ, въ горахъ, откуда вытекаетъ ріо-Казонесъ, являются тотонаки, или «Три сердца», названные такъ потому, что, какъ говорятъ, въ языческую эпоху они каждое трехлѣтіе приносили торжественную жертву изъ трехъ молодыхъ людей, сердца которыхъ возлагались на алтарь боговъ [1]). По преданію, тотонаки еще прежде чичимековъ и ацтековъ совершали большія эмиграціонныя движенія и, подобно имъ, поселились первоначально на Анагуакскомъ плоскогорьѣ, откуда, вслѣдствіе движенія послѣдующихъ народныхъ массъ, были мало-по-малу оттѣснены на востокъ. Большинство этнологовъ, придерживаясь мнѣнія Сахагуна [2]), причисляютъ тотонаковъ къ одной семьѣ съ гуакстеками и майя, тогда какъ историки видятъ въ нихъ совершенно самостоятельную народность. Альфонсъ Пинаръ считаетъ тоже за отдѣльный народъ, имѣющій свой собственный языкъ, нѣсколько тысячъ акальмановъ, которые поселились между гуакстеками и тотонаками въ сѣверномъ Гидальго и въ штатѣ Вера-Круцъ, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ города Пуежуто.

Послѣдняя группа индѣйскаго населенія Мексики въ собственномъ смыслѣ, исключая Чіапаса и Юкатана, состоитъ изъ различныхъ туземныхъ народцевъ, которые, въ количествѣ около 600.000 человѣкъ, живутъ въ гористыхъ областяхъ юга и на тихо-океанской покатости, отъ окрестностей Акапулко до Тегуантепекскаго перешейка. Преобладающими нарѣчіями, весьма, впрочемъ, мало различающимися между собою, являются языки мекстиковъ и запотековъ, жителей «Страны облаковъ» и «Страны запотовъ» (растеніе *casimiroa edulis*). Подобно тараскамъ, эти туземцы по цивилизаціи нисколько не уступали ацтекамъ; сознавая себѣ цѣну, они энергично сопротивлялись испанцамъ и еще въ недавнюю эпоху сохраняли свою полу-автономію. Связанные нынѣ политическою жизнью и общею культурою съ другими группами населенія, микстеки и запотеки энергичнѣе прочихъ индѣйскихъ народовъ способствуютъ возобновленію мексиканскаго благосостоянія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ близкомъ будущемъ испанскій языкъ займетъ и въ общежитіи, какъ занялъ уже въ школахъ, мѣсто первобытныхъ идіомовъ страны. Племена миксе, зокэ, чинантеки и другія, населяющія восточную Оаксаку и извѣстныя прежде подъ общимъ названіемъ чонталовъ, или «Дикихъ», постепенно сливаются съ общею массою культурнаго населенія. Чинантеки выучиваются испанскому языку на плантаціяхъ провинціи Вера-Круцъ, куда они ходятъ каждый годъ на полевыя работы. Что касается миксе, то ихъ языкъ настолько бѣденъ, что

[1]) F. Pimentel, цитиров. сочиненіе.
[2]) Alex. de Humboldt, цитированное сочиненіе.
[3]) Otto Stoll, „Zur Ethnographie de Republik Guatemala".
[4]) Philipp Valentini, „The Olmecas and the Tultecas".

[1]) F. Pimentel, цитированное сочиненіе.
[2]) Bernardino de Sahagun, „Historia de las cosas de Nueva-Espana".

они поневолѣ должны были пополнять его словами, заимствованными изъ испанскаго языка. Еще недавно, какъ говорятъ, для выраженія своихъ мыслей, они прибѣгали къ мимикѣ, и ночью, когда тушились огни, всякій разговоръ по необходимости прекращался [1]).

Если можно безошибочно сказать, что ацтекскіе аборигены во многихъ отношеніяхъ уступаютъ въ цивилизаціи бывшимъ подданнымъ Монтезумы, то съ другой стороны вѣрно и то, что многія племена, нѣкогда находившіяся внѣ всякой культуры, теперь вошли въ солидарное движеніе національной эволюціи. Во всякомъ случаѣ, множество идіомовъ, которыми еще говорятъ на почвѣ республики, либо сотни тысячъ, либо только тысячи, или даже сотни лицъ, не позволяетъ сравнивать Мексику съ Австро-Венгріей или съ Турецкой имперіей, гдѣ въ этихъ двухъ странахъ различные говоримые языки принадлежатъ могущественнымъ національностямъ, борющимся изъ-за равенства въ нѣдрахъ одного и того же государства, тогда какъ въ Мексиканской республикѣ испанскій языкъ, всѣми признаваемый какъ языкъ національный, неизбѣжно пользуется всѣми потерями, которымъ подвергаются другіе идіомы. Впрочемъ, за исключеніемъ языковъ ацтекскаго, отомійскаго, тараскаго, микстеканскаго и запотекскаго, остальные сто двадцать идіомовъ и нарѣчій, на которыхъ еще говорятъ въ Мексикѣ, употребляются только очень незначительными въ количественномъ отношеніи племенами, и уже многія изъ этихъ нарѣчій находятся на пути къ исчезновенію, какъ исчезли по крайней мѣрѣ шестьдесятъ различныхъ туземныхъ діалектовъ со времени прибытія испанцевъ въ страну.

Главные языки, на которыхъ говорятъ въ собственной Мексикѣ, кромѣ Чіапаса и Юкатана:

Нахуатльскій или мексиканскій, акаксее, табайбо, ксиксиме, кочими, кончо и т. д.

Сери, упангуайма, гуайма.

Папаго, опата, якуи, майо, тарахумара, тепехуанъ, кора и т. д.

Апаче или явипай, навахо, мескалеро, льянеро, липанъ и т. д.

Отоми или хіа-хіу, паме, мазагуа и т. д.

Гуакстекскій, тотонакскій.

Тарасканскій, матлалцинка.

Микстекскій, запотекскій, миксе, зоке, чипантекскій.

Большое разнообразіе происхожденія у туземцевъ не позволяетъ дать общую характеристику мексиканскаго индѣйца. Портреты, данные различными авторами, относятся, главнымъ образомъ, къ тѣмъ индѣйцамъ, которыхъ встрѣчаешь на дорогѣ изъ Вера-Круца въ Мексико и другіе значительные города плоскогорья; ацтеки, болѣе или менѣе цивилизованные, и отоми, почти дикіе,—вотъ тѣ индѣйцы, которыхъ писатели почти всегда брали за модели. Въ этихъ возвышенныхъ областяхъ большая часть индѣйцевъ имѣютъ мягкую, бархатистую кожу, но дотого толстую, что подъ нею совершенно скрыты всякія движенія мускуловъ и венъ. За непрозрачностью кожи на щекахъ у нихъ никогда не замѣтишь румянца, развѣ только у очень молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ лицо тогда «сверкаетъ, какъ мѣдь подъ лучами солнца» [1]). Выдающіяся скулы, впрочемъ, вовсе не костлявыя, носъ съ широкими ноздрями, толстыя губы, круглый подбородокъ,—все это придаетъ кроткое выраженіе ихъ физіономіямъ. Во взглядѣ есть что-то странное, что обусловливается своеобразною формою вѣкъ: верхнее вѣко у нихъ только чуть-чуть изгибается надъ средней линіей глаза, тогда какъ нижнее описываетъ по направленію къ щекамъ гораздо болѣе выдающуюся дугу, чѣмъ у людей другихъ расъ [2]). По устройству черепа они брахикефалы, т. е. короткоголовые, что происходитъ, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстностяхъ, отъ нѣкоторыхъ манипуляцій, которыя искусно продѣлываютъ бабки, формуя головы своихъ новорожденныхъ внуковъ на внутренности тыквы[3]). Волоса у индѣйца черные, густые, гладкіе, какъ у сѣвернаго американца. Уже при рожденіи голова ребенка покрыта довольно густымъ пушкомъ; старики рѣдко плѣшивѣютъ и сѣдѣютъ чуть замѣтно. Покоренные туземцы имѣютъ обыкновеніе напускать до половины лба длинныя пряди своихъ жесткихъ волосъ, что придаетъ имъ глуповатый видъ, тогда какъ большинство независимыхъ индѣйцевъ откидываютъ свои волосы назадъ или даже совершенно пробриваютъ ихъ на темени.

Туземцы плоскогорій замѣчательны своей широкой и сильно выпуклой грудью. Кромѣ того, они отличаются также большой мускульной силой своихъ ногъ: при отдыхѣ гдѣ-нибудь на краю дороги или въ своихъ жилищахъ они садятся на корточки, опираясь на кончики своихъ ногъ, и даже послѣ цѣлыхъ часовъ подобнаго положенія тѣла, они не чувствуютъ ни малѣйшей усталости. Во время путешествія они ходятъ гуськомъ, слегка подпрыгивая, чтобы идти въ ногу, и постоянно наклонившись впередъ, какъ-будто подставляютъ свою широкую спину подъ какую-нибудь тяжесть: поза эта вполнѣ подходящая къ состоянію «вьючныхъ животныхъ», службу которыхъ они еще недавно несли. Женщины, когда онѣ стоятъ на колѣняхъ, словно окаме-

[1]) Orozco y Berra, цитиров. сочиненіе.

[1]) Carlos von Gagern, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft von Wien“, 1873.

[2]) Hamy, „Bulletin Anthropologique“.

[3]) Lucien Biart, „Terre Chaude“.

нѣлыя, съ неподвижнымъ туловищемъ и головою, съ застывшимъ взглядомъ и высокой грудью, имѣютъ видъ античныхъ египетскихъ статуй: сходство дотого разительно, что «невольно,—по словамъ Люсьена Біара, — наводитъ на мысль о возможномъ родствѣ этихъ двухъ народовъ».

Мексиканскій индѣецъ необыкновенно воздержанъ и регуляренъ въ пищѣ, почти исключительно растительной, состоящей изъ маиса, бобовъ, перца и банановъ. Онъ любитъ иногда выпить въ своей семьѣ; но каково бы ни было количество выпитаго *пулькe* или другихъ крѣпкихъ напитковъ, ему никогда не грозитъ delirium tremens. Индѣецъ рѣдко хвораетъ; тотъ, который счастливо отдѣлался отъ судорогъ и другихъ болѣзней, свойственныхъ дѣтскому возрасту, навѣрняка проживетъ до старости, которой онъ достигаетъ, впрочемъ, не давая себѣ труда считать прожитыхъ лѣтъ. Уроды среди индѣйцевъ попадаются очень рѣдко: между ними не встрѣтишь ни карликовъ, ни кривоногихъ, ни горбатыхъ; всѣ мужчины сильны и хорошо сложены; всѣ женщины—крѣпкаго сложенія, стройны, красивы фигурою, если не лицомъ. Самыя тяжкія раны у индѣйца заживаютъ очень скоро. Онъ вообще, впрочемъ, довольно нечувствителенъ къ физическимъ страданіямъ и гораздо выносливѣе бѣлаго [1]); при наступленіи смерти, онъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ выражаетъ свои страданія или ужасъ: это совершеннѣйшій стоикъ; въ этомъ отношеніи онъ походитъ на краснокожаго индѣйца Соединенныхъ Штатовъ. Этому народу, повидимому, нечего опасаться исчезновенія его расы съ лица земли, если не говорить о тѣхъ индѣйцахъ, которые, по сосѣдству съ большими городами, усвоили пороки бѣлыхъ, не облагородившись ихъ цивилизаціей. Это индѣйцамъ, какъ чистокровнымъ, такъ и, въ большинствѣ, смѣшавшимся съ бѣлыми, страна обязана ежегоднымъ приращеніемъ своего народонаселенія. Тѣмъ не менѣе, туземцы, не усвоившіе еще ни культуры, ни нравовъ цивилизованнаго общества и не вошедшіе въ составъ бѣлаго и смѣшаннаго населенія, имѣютъ печальный видъ неизлѣчимой меланхоліи, присущей всѣмъ вымирающимъ народамъ. Они всегда угрюмы, молчаливы и, по справедливости, недовѣрчивы. Они любятъ уединеніе и неохотно покидаютъ свои родные шалаши, благоразумно скрытые за кактусовыми изгородями. Внѣ ихъ разрушающагося селенія, надъ которымъ возвышается колокольня, построенная ими съ любовью, ничто не возбуждаетъ ихъ любопытства. Впрочемъ, обиды они не забываютъ; оскорбителя своего они ни на минуту не упускаютъ изъ виду и, притаившись, выжидаютъ лишь благопріятнаго момента для мщенія.

Мексиканцы смѣшанной расы, которые все болѣе и болѣе становятся главнымъ, по численности, элементомъ населенія, въ общемъ имѣютъ гораздо болѣе привлекательный видъ: они изящнѣе индѣйцевъ и съ тонкими чертами лица. Волосы у нихъ также черные и часто жесткіе; прямой носъ иногда немного сплюснутъ, лобъ сдавленный; но эта неправильность лица вполнѣ искупается добрымъ, привѣтливымъ взглядомъ и улыбкой. У женщинъ дородность представляетъ довольно заурядное явленіе. Суставы рукъ и ногъ замѣчательно тонкіе. Мексиканскіе креолы, вмѣстѣ съ перуанскими,—это тѣ кліенты французскихъ перчаточниковъ, у которыхъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, самая маленькая рука [1]). Мексиканецъ держится непринужденно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скромно; онъ всегда вѣжливъ, даже со своими близкими, и искрененъ даже съ тѣми, съ кѣмъ не состоитъ въ дружескихъ отношеніяхъ: «и подъ самымъ грубымъ *сарапе* никогда не найдешь деревенщины» [2]). Онъ обладаетъ довольно яснымъ умомъ, но обыкновенно не отличается выдающимися способностями, и часто, въ молодости, склоненъ къ мотовству, къ увлеченію легкими удовольствіями жизни. Онъ охотно дѣлится своими средствами съ друзьями, охотно рискуетъ своимъ имуществомъ въ игрѣ въ кости. «У него горятъ деньги», гласитъ мѣстная пословица, характеризующая расточительность метиса, который въ этомъ отношеніи составляетъ рѣзкій контрастъ съ чистокровнымъ индѣйцемъ, отличающимся крайнею скупостью: говорятъ, мекстеки и запотеки Оаксаки еще до сихъ поръ имѣютъ обыкновеніе закапывать свои сбереженія въ землю, скрывая ихъ даже отъ своей семьи, чтобы одному воспользоваться ими въ день общаго воскресенія; полагаютъ, что такимъ образомъ сотни милліоновъ лежатъ зарытыми въ землѣ [3]). Таковъ, впрочемъ, древній обычай: сокровища слѣдовали за своимъ владѣльцемъ въ могилу, такъ что есть надежда современемъ, при раскопкахъ, открыть массу драгоцѣнныхъ и различныхъ старинныхъ вещей изъ эпохи, предшествующей завоеванію.

Испанцы, сдѣлавшіеся родоначальниками новыхъ народовъ на мексиканскихъ плоскогорьяхъ, были по большей части выходцы изъ сѣверной части Пиренейскаго полуострова — галисійцы, астурійцы и баски, тогда какъ колонисты Вера-Круца были въ большинствѣ родомъ изъ Андалузіи. Впослѣдствіи пришли каталонцы. Иммиграція этихъ колонистовъ никогда не была значительна, а во время войны

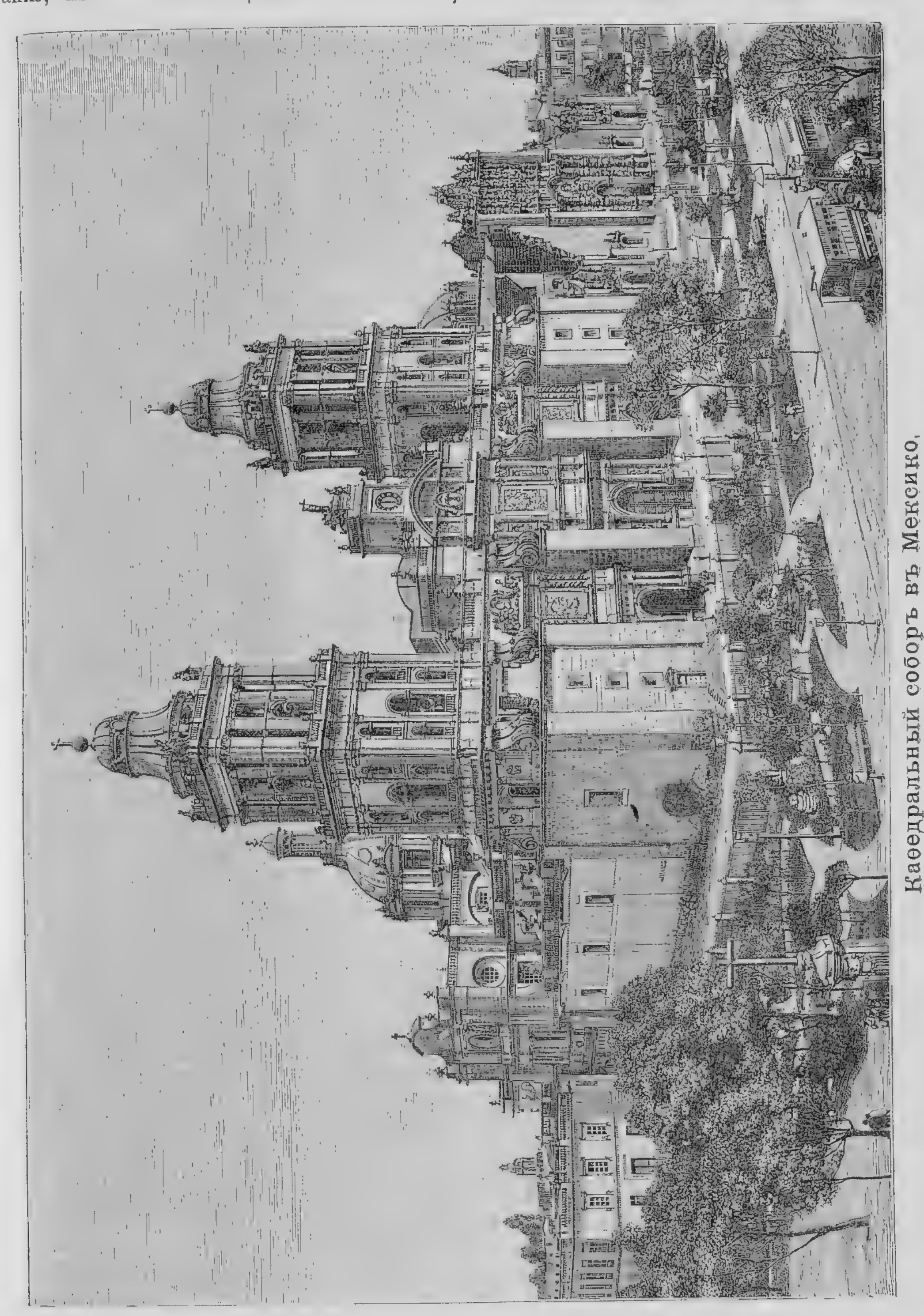
[1]) D. Jourdanet, „Du Mexique au point de vue de son influence sur la vie de l'homme“.

[1]) G. de Mortillet, „Société d'Anthropologie“. Засѣданіе 6-го февраля 1890 г.

[2]) J. Leclercq, цитиров. сочиненіе.

[3]) C. von Gagern, цитиров. сочиненіе.

за независимость и совсѣмъ прекратилась; мало того,—значительная часть жившихъ тогда въ странѣ 80.000 испанцевъ подверглась изгнанію; ихъ высылали цѣлыми семействами, даже колоніями, такъ что произошло обратное движеніе къ метрополіи. Съ тѣхъ поръ снова начался легкій приливъ колонистовъ; въ иммиграціи, направляющейся главнымъ образомъ къ плоскогорью, приняли участіе также французы и итальянцы; даже сѣверные европейцы, англичане и нѣмцы, и тѣ цѣлыми тысячами водворились на возвышенностяхъ «холодной» области.

Каѳедральный соборъ въ Мексико.

Основываясь на словахъ Гумбольдта, долгое время думали, что Анагуакъ—такая страна, гдѣ высота мѣстоположенія почти въ точности компенсируетъ для европейца болѣе сѣверныя широты его родины, и что аклима-

тизація совершается тамъ въ короткое время и окончательно. «За исключеніемъ нѣкоторыхъ морскихъ портовъ и глубокихъ долинъ,— говорилъ Гумбольдтъ,—Новая Испанія должна считаться весьма здоровою» [1]). Она дѣйствительно страна здоровая для туземцевъ, которые приспособились къ климату съ незапамятныхъ временъ; но изъ сравнительныхъ изысканій Журдане и другихъ физіологовъ видно, что не только сѣверные, а даже и южные европейцы селятся не безнаказанно на высокихъ плоскогорьяхъ, гдѣ барометрическій столбъ, въ среднемъ, всего только отъ 58 до 59 сантиметровъ, и гдѣ, слѣдовательно, давленіе атмосферы на одну пятую меньше, чѣмъ внизу, на уровнѣ океана; такимъ образомъ здѣсь легкія человѣка вдыхаютъ меньше кислорода, отъ 30 до 35 граммовъ въ часъ. Не акклиматизировавшійся, хотя и считающій себя таковымъ, иностранецъ, живущій на возвышенностяхъ, подвергается гораздо большимъ опасностямъ, чѣмъ индѣецъ, хотя и лучше послѣдняго знакомъ съ требованіями гигіены; въ особенности европеецъ долженъ опасаться сухаго времени года, т. е. трехъ мѣсяцевъ: марта, апрѣля и мая, впродолженіи которыхъ количество водяныхъ паровъ бываетъ недостаточно для дыхательныхъ отправленій. Дѣти, родившіеся отъ европейцевъ, обыкновенно хилы и блѣдны, поднимаются довольно трудно, и почти всегда старость наступаетъ преждевременно; даже и у туземцевъ ежегодный приростъ населенія гораздо значительнѣе въ умѣренныхъ областяхъ, чѣмъ въ холодныхъ. На плоскогорьяхъ иммигрантамъ жить гораздо опаснѣе, чѣмъ на склонахъ умѣреннаго пояса; даже тѣ, которые селятся въ жаркихъ равнинахъ морскаго побережья, могутъ считать себя относительно закаленными послѣ того, какъ перенесутъ желтую и болотную лихорадки, и скорѣе освоиваются съ новымъ климатомъ, чѣмъ ихъ соотечественники, поселившіеся на возвышенностяхъ. На плоскогорьѣ очень часто страдаютъ воспаленіемъ легкихъ, кромѣ того дисентеріей и разными тифозными заболѣваніями. Анемія постепенно истощаетъ организмъ иностранца: у него часто бываетъ головокруженіе, во время котораго ему кажется, что онъ теряетъ равновѣсіе безъ видимой причины, и тогда онъ воображаетъ, что происходитъ замлетрясеніе. Ракъ, болѣзнь, почти неизвѣстная на побережьѣ, въ «долинѣ» Мексико составляетъ заурядное явленіе и развивается тамъ съ поразительной быстротой. И чѣмъ дольше живетъ европеецъ на этихъ высотахъ, тѣмъ меньше имѣетъ онъ силы бороться съ вліяніемъ болѣзни: не то чтобы акклиматизироваться, онъ, напротивъ, становится все болѣе и болѣе чувствительнымъ къ простудѣ, все менѣе и менѣе способнымъ къ продолженію борьбы за существованіе. Зато эти возвышенныя области даютъ своимъ туземнымъ жителямъ почти полный иммунитетъ отъ чахотки, и даже тѣ изъ иммигрантовъ, которые успѣли заразиться этою болѣзнью у себя на родинѣ или получить ее какъ наслѣдственную болѣзнь отъ родителей, имѣютъ больше шансовъ на полное выздоровленіе, живявъ Анагуакѣ [1]). Если здѣсь и бываютъ еще единичные случаи чахотки, то они объясняются недостаткомъ гигіены.

Напротивъ, въ прибрежныхъ областяхъ чахотка —очень обыкновенная болѣзнь и выражается здѣсь въ особенно острой формѣ, за исключеніемъ развѣ только болотистыхъ мѣстностей, гдѣ преобладаетъ болотная лихорадка; эти двѣ страшныя болѣзни подѣлили между собою поморье. Извѣстно также, какъ опасна желтая лихорадка на побережьѣ Мексиканскаго залива, и особенно въ Вера-Круцѣ: зимой заболѣванія рѣже, но случалось, что эта эпидемическая болѣзнь свирѣпствовала круглый годъ. Можетъ-быть, эта болѣзнь не существовала до прибытія европейцевъ въ страну: по крайней мѣрѣ медики не могли отождествить ее ни съ какою другою заразною болѣзнью, о которой говорится въ исторіи Мексики; впервые о ней опредѣленно упоминаютъ только въ половинѣ XVII-го вѣка, вслѣдъ за большими землекопными работами [2]). На восточномъ склонѣ плоскогорья желтая лихорадка не распространяется выше тысячи метровъ, даже выше семисотъ метровъ случаи заболѣванія ею очень рѣдки; но зародышъ болѣзни, схваченный на берегу, можетъ развиться на горахъ черезъ нѣсколько дней по прибытіи путешественника, и въ этомъ случаѣ болѣзнь очень опасна, часто смертельна. По берегу Великаго океана порты Акапулко, Санъ-Бласъ и Тегуантепекъ избавлены отъ желтой лихорадки, но зато тамъ распространена желчная лихорадка, хотя, впрочемъ, обыкновенно въ легкой формѣ у мѣстныхъ жителей. Въ Южной Мексикѣ среди жителей, особенно среди женскаго населенія, проявляется большая извращенность вкуса, побуждающая ихъ ѣсть землю; на ярмаркахъ плоскогорья даже продаются лепешки надушенной земли, которыя всегда находятъ покупателя.

Мексиканская носологія отличается еще нѣкоторыми особенными болѣзнями, неизвѣстными въ другихъ мѣстахъ. На атлантической покатости, особенно въ Оризабѣ, наблюдается по временамъ тяжкая болѣзнь, причиняемая однимъ видомъ гусеницы, *мойоквиль*, которая кладетъ подъ кожу личинку, проникающую довольно глубоко въ тѣло и образую-

[1]) „Essai politique sur la Nouvelle Espagne".

[1]) Jourdanet;—de Belina;—Coindet;—Dupin de Saint-André, и т. д.

[2]) D. Jourdanet, „Le Mexique et l'Amerique tropicale"

щую тамъ опухоль, величиною съ куриное яйцо [1]): лѣченіе отъ этой болѣзни состоитъ въ прикладываніи скипидарнаго пластыря, который вызываетъ нарывъ, откуда вмѣстѣ съ гноемъ выходятъ и остатки животнаго. Впрочемъ, это довольно рѣдкая болѣзнь, но есть другая, которая иногда поражаетъ цѣлыя населенія, въ особенности въ штатахъ Герреро и Оаксака: это болѣзнь *пинто* (pinto). Пораженные этой болѣзнью утрачиваютъ прежній однообразный цвѣтъ кожи, которая покрывается у нихъ бѣлыми пятнами по черному фону, или грязнокрасными по бѣлому, и пятна эти постепенно увеличиваются: подъ конецъ тѣло становится совсѣмъ пестрымъ, иногда съ довольно правильнымъ рисункомъ, вродѣ шерсти пѣгой лошади или змѣиной и саламандровой кожи. Зобъ и пинто раздѣлили между собой населеніе во многихъ горныхъ долинахъ. Зобъ гнѣздится преимущественно въ сырыхъ низинахъ, тогда какъ пинто поражаетъ жителей горныхъ вершинъ; въ промежуточномъ же поясѣ обѣ эти болѣзни свирѣпствуютъ совмѣстно [2]). Во время междоусобныхъ войнъ въ Мексикѣ въ отрядахъ войскъ попадались цѣлыя толпы людей съ лицами, испещренными болѣзнью пинто.

Нижняя Калифонія, Сонора, Синалоа.

Область Мексики, наиболѣе удаленная отъ столицы и наиболѣе обособленная по своему географическому положенію, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ политическомъ отношеніи имѣетъ наименѣе важное значеніе; она служитъ, такъ сказать, только барьеромъ, длиной около 1.200 километровъ, впереди мексиканской территоріи: это — Нижняя Калифонія. При своемъ рѣдкомъ населеніи, едва превышающемъ 40.000 душъ (въ 1895 г.), не имѣющая другихъ ресурсовъ, кромѣ рудниковъ, солончаковъ и рыбныхъ промысловъ, Нижняя Калифорнія не была даже признана достойной быть возведенной въ рангъ штата и остается на степени территоріи, принадлежащей совокупности республики. Оттого сѣверо-американцы часто переходили границу полуострова, чтобы эксплоатировать тамъ залежи руды или соли, которыя имъ не были уступлены. Уже издавна было извѣстно, что по всему западному побережью, вдоль залива Себастіана Визкайно, тянутся обширныя естественныя салины; но бассейны соляныхъ испареній столь многочисленны по всему Мексиканскому побережью и внутри материка, что испанцы и не подумали утилизировать эти обширныя углубленія Калифорнійскаго побережья покрытыя эффлоресценціей соли. Въ 1884 г. мексиканскіе изслѣдователи, заѣхавши въ одну изъ такихъ бухтъ, называемую, по имени сосѣдняго ключа, Охо де-Льебре, или «Источникъ Зайца», съ удивленіемъ открыли тамъ остатки большаго завода для эксплоатаціи соли, устроеннаго американскими промышленниками: амбаркадеры, амбары, желѣзныя дороги, подвижной составъ изъ вагонетокъ занимали тамъ пространство болѣе 6 километровъ. Очевидно, предпріятіе было организовано въ обширныхъ размѣрахъ и давало занятіе большому числу рабочихъ, а между тѣмъ мексиканское правительство и не подозрѣвало о существованіи его, можетъ-быть, по причинѣ отдаленнаго положенія полуострова и недостатка мѣстнаго населенія [1]), а можетъ-быть, и это вѣрнѣе всего, вслѣдствіе нерадивости или продажности чиновниковъ.

Половина калифорнійскаго населенія сгруппировалась на южной оконечности полуострова и главнымъ образомъ по сосѣдству съ заливомъ Ла-Пацъ. Главный городъ Калифорніи, Ла-Пацъ, построенный іезуитами миссіонерами, расположенъ въ руслѣ безводнаго потока, на южномъ берегу бухты, защищенной съ восточной стороны скалистымъ мысомъ Пичилинге: пышная зелень окружающихъ его садовъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ суровыми скалами и песчаниками, покрывающими почти все побережье полуострова. Къ югу отъ города Ла-Пацъ извивается хорошо содержимая дорога, окаймленная *папелотами* или норіями (гидравлическая машина для орошенія полей); она проложена между фруктовыми садами, виноградниками, кофейными и другими плантаціями и ведетъ къ лежащему на океанской покатости цвѣтущему селу Тодосъ Сантосъ (Всесвятское), вокругъ котораго культивируютъ въ особенности сахарный тростникъ; небольшая долина Тодосъ Сантосъ орошается рѣчкою, которая не пересыхаетъ круглый годъ,— явленіе довольно рѣдкое въ Мексиканской Калифорніи. Такимъ образомъ городъ Ла-Пацъ представляетъ собою центръ земледѣльческой промышленности; однако, главное богатство этого округа заключается въ золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ. Въ былое время они приносили гораздо больше дохода, и когда край находился подъ владыческомъ іезуитовъ, ежемѣсячная добыча исчислялась въ нѣсколько милліоновъ; говорятъ, что наиболѣе богатыя минныя галлереи были засыпаны въ 1767 г., во время изгнанія миссіонеровъ, и что съ тѣхъ поръ индѣйцы строго хранили секретъ. Какъ бы то ни было, нѣкоторые рудники, между прочимъ, рудники Санъ-Антоніо, къ югу отъ Ла-Паца, и до сихъ поръ очень богаты зале-

[1]) C. F. Poyet, „Nouvelles Annales des Voyages". 1863 г.

[2]) Chassin, „Archives de la Commission Scientifique du Mexique". Томъ III.

[1]) Martinez Baca, „Anales del Ministerio de Fomento". 1887 г.

жами золота: ежегодно его добываютъ тамъ на 12 милліоновъ франковъ [1]). Кромѣ того, къ сѣверо-западу отъ Ла-Паца, въ Маркесѣ, разработываютъ ртутный рудникъ, доставлявшій прежде индѣйцамъ полуострова киноварь для раскрашиванія тѣла въ праздничные дни или въ дни сраженій: обмѣнною торговлею этотъ минеральный продуктъ доходилъ до самаго Орегона [2]). Наконецъ, Ла-Пацъ есть средоточіе ловли жемчуга, производимой къ Калифорнійскомъ заливѣ. Подводныя скалы мыса Пичилинге покрыты жемчужными раковинами, которыхъ индѣйцы якуи вылавливаютъ со дна; кораллы произростаютъ цѣлыми лѣсами въ проливахъ, раздѣляющихъ острова отъ материка, и, по Ксантусу, тамъ добываютъ также до девятнадцати различныхъ сортовъ губокъ, впрочемъ, довольно грубой ткани. Доходность этихъ ловель, какъ и минеральныхъ богатствъ, годъ отъ году падаетъ; но все же, въ среднемъ, она выражается довольно крупною цифрою въ 250.000 франковъ: вывезенный за границу, этотъ жемчугъ изъ Ла-Паца, скупаемый европейскими торговцами, которые продаютъ его въ Нью-Іоркѣ, представляетъ гораздо болѣе значительную сумму. Всѣ эти естественныя богатства, а также обладаніе прекрасною обширною бухтою и надежными якорными стоянками давали поводъ предсказывать столицѣ Калифорніи блестящую будущность; но ея воздѣланный округъ, кажущійся пышнымъ въ этомъ спаленномъ краю, не въ состояніи доставлять Ла-Пацу элементы самостоятельной торговли: городъ этотъ можетъ развиваться только какъ приморскій складочный пунктъ.

Лорето, расположенный, какъ и Ла-Пацъ, на берегу Багрянаго моря, приблизительно въ 250 километрахъ отъ столицы, былъ прежде духовной метрополіей Нижней Калифорніи: здѣсь миссіонеръ іезуитъ Сальватьерра основалъ, въ 1697 г., первую укрѣпленную станцію, откуда совершались экспедиціи внутрь страны для освобожденія плѣнныхъ, которыхъ затѣмъ обращали въ христіанскую вѣру и превращали въ вѣрныхъ прихожанъ. Лорето, которому Багряное море обязано было своимъ временнымъ названіемъ Маръ-Лауретинео или «Море Лоретское», служитъ и понынѣ религіознымъ центромъ, куда стекаются богомольцы со всѣхъ концовъ полуострова; даже индѣйцы приходятъ сюда издалека, чтобы выкупаться въ лужахъ, питаемыхъ водой *ojo caliente*, т. е. «кипящаго родника». Недалеко отъ Лорето, у западной подошвы горы «Исполина», находится селеніе Комонду, въ которомъ маленькій отрядъ мексиканскихъ солдатъ выдержалъ четырехмѣсячную осаду противъ американцевъ, далеко превосходившихъ его численностью. Эта деревня, какъ и всѣ деревни полуострова, старой постройки, въ архитектурномъ отношеніи мало отличается отъ селеній индѣйцевъ зуньи и пуэблосовъ, въ Новой Мексикѣ: это громадный четырехугольный домъ, окруженный рвомъ и безъ наружныхъ отверстій; по лѣстницѣ, приставленной къ стѣнѣ, взбираются въ первый этажъ, отступающій на нѣсколько метровъ отъ подвальнаго, а по второй лѣстницѣ поднимаются на самый верхъ, откуда уже по трапамъ и другимъ лѣстницамъ спускаются во внутреніе покои и во дворъ.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ, прежде совершенно пустынныхъ, даже необитаемыхъ, начинаетъ развиваться торговая дѣятельность. Такъ, поселокъ Мулеже, расположенный въ сотнѣ километровъ на сѣверо-западъ отъ Лорето, на берегу залива Санта-Иньесъ, сталъ довольно оживленнымъ съ тѣхъ поръ, какъ во внутреннихъ долинахъ открыли мѣсторожденія золота. На берегу океана, въ прежнее время совершенно заброшенномъ, многіе порты, которые были извѣстны только китоловамъ, теперь посѣщаются нѣкоторыми коммерческими судами, такъ какъ близость большихъ американскихъ рынковъ, Санъ-Франциско, Лосъ-Анжелесъ, Санъ-Діэго, вызвала основаніе въ этихъ мѣстахъ колоній рыболововъ, земледѣльцевъ, солепромышленниковъ, искателей лакмусоваго ягеля. Въ прежнее время въ этихъ водахъ охотились на морскихъ выдръ, но нынѣ эти животныя здѣсь уже не водятся [1]). Недалеко отъ границы Соединенныхъ Штатовъ, одна бухта, называемая, какъ и село южнаго округа, Тодосъ-Сантосъ, представляетъ отличную якорную стоянку для каботажныхъ судовъ. Портъ Санъ-Бартоломе, открывающійся съ другой стороны мыса Санъ-Эуженіо, тоже часто посѣщается судами; но лучшей гаванью на всемъ побережьѣ является портъ Санта-Магдалена, входный каналъ котораго имѣетъ фарватеръ глубиною болѣе 30 метровъ; громадный внутренній бассейнъ могъ бы вмѣщать цѣлые флоты.

Штатъ Сонора, лежащій противъ сѣверной части полуострова, тоже очень мало населенъ: занимая пространство, равное двумъ пятымъ территоріи Франціи, весь этотъ штатъ имѣетъ жителей не болѣе, чѣмъ городъ Лилль или Тулуза; быть-можетъ, даже набѣги апачей имѣли слѣдствіемъ уменьшеніе населенія съ половины этого вѣка. Въ 1859 г. случайнымъ властелиномъ Соноры сдѣлался нѣкій авантюристъ, Рауссетъ-Бульбонъ, который вторгся въ страну съ шайкою французскихъ рудокоповъ изъ Калифорніи. Культурные поясы, гдѣ поселились цивилизованные индѣйцы и метисы, тянутся только по дну долинъ; каждый городъ, каждое

---

[1]) Ed. Guillemin, „Archives de la Commission scientifique du Mexique“.

[2]) J. Xantus, „Mittheilungen von Petermann“. 1861 г. Выпускъ IV.

[1]) Duflot de Mofras, „Exploration de l'Orégon“.

поселеніе окружено поясомъ орошаемой земли: это своего рода оазисы, изъ которыхъ иные соединены узкою каймою земли въ одну длинную полосу. Само названіе страны, опатскаго

Пуэбла

происхожденія, указываетъ на важное значеніе источниковъ въ этомъ краю: оно происходитъ не отъ испанскаго Nuestra Senora, «Богородица», какъ бездоказательно утверждали раньше, а отъ названія одной скотной фермы, Сонораци, т. е. «Мѣсто источниковъ» [1]).

Между сонорійскими городами ближе всего къ границѣ Соединенныхъ Штатовъ находится Магдалена, или Санта-Магдалена, расположенная на верхнемъ притокѣ ріо де-ла-Асунсіонъ:

[1]) A. Pinart, „Voyage en Sonora". Отчетъ географическаго общества. 1880 г.

во время ежегодныхъ ярмарокъ все окрестное населеніе, бѣлое и красное, американское и мексиканское, располагается въ ея долинѣ временнымъ лагеремъ. Всего плотнѣе населены берега рѣки Соноры. Главнымъ городомъ въ землѣ индѣйцевъ племени опата считается Аризпе, расположенный въ высокой долинѣ и бывшій прежде столицею этого штата; Уресъ, отнявшій у него впослѣдствіи административное первенство, находится уже собственно внѣ Сіерры-Мадре, при выходѣ узкихъ ущелій; наконецъ, Эрмосильо — прежде Питикъ или «Сліяніе», — самый многолюдный городъ во всей Сонорѣ, стоитъ въ мѣстѣ впаденія въ рѣку Сонору ея притока Кукурпе, водами которыхъ и пользуется для своихъ садовъ, полей и плантацій сахарнаго тростника. Округъ Эрмосильо производитъ много пшеницы и, по словамъ мѣстныхъ жителей, по урожайности ея не имѣетъ себѣ конкуррентовъ на всемъ земномъ шарѣ. Однако, важное значеніе Эрмосильо пріобрѣлъ не земледѣльческою промышленностью. Городъ этотъ вдругъ сталъ быстро рости въ серединѣ этого столѣтія, вслѣдствіе открытія въ его окрестностяхъ рудныхъ мѣсторожденій. Здѣсь находится монетный дворъ, на которомъ въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1867 г. по 1888 г., было отчеканено, преимущественно серебряныхъ монетъ, на сумму 66 милліоновъ франковъ. На юго-восточной сторонѣ города возвышается знаменитый холмъ, серро-де-ла-Кампана или «Гора Колоколъ», порфировые плитняки которой при ударѣ издаютъ серебристый звукъ. Въ этой мѣстности, именно въ ласъ-Тринчерасъ, около Алтара, были найдены разныя древнія надписи и кое-какія доисторическія развалины; Банделье высказываетъ предположеніе, что туземцы не имѣли храмовъ и свои священныя церемоніи совершали на открытомъ воздухѣ.

Въ высокихъ долинахъ бассейна рѣки Якуи, менѣе населеннаго, чѣмъ бассейнъ ріо-Соноры, находится нѣсколько промышленныхъ мѣстечекъ, каковы Опосура и Сахуарипа, въ которыхъ индѣйцы занимаются главнымъ образомъ выдѣлкой одѣялъ и бумажныхъ тканей. Опосура, бывшая столица опатовъ, недавно приняла названіе Моктезума, данное ей въ память прежнихъ владѣтелей этой мѣстности. Впрочемъ, въ сосѣднихъ горахъ еще существуютъ многочисленныя развалины, которыя свидѣтельствуютъ о прежнемъ важномъ значеніи этой страны, теперь почти совсѣмъ пустынной. Естественные и удобные проходы, открывающіеся въ этой части главной горной цѣпи, позволяли иммигрантамъ безъ труда переходить съ одного склона на другой [1]. Среди индѣйскаго населенія этой области очень распространенъ *bocio*, т. е. зобъ, поражающій преимущественно женщинъ [1]).

Штатъ владѣетъ на берегу рѣки Колорадо небольшимъ портомъ, въ городѣ Лердо, расположенномъ около архипелага низкихъ островковъ, гдѣ индѣйцы племени кокопа собираютъ одно хлѣбное растеніе (uniola palmeri), еще недавно совершенно неизвѣстное ботаникамъ [2]. Морской портъ Гуаймасъ, лежащій гораздо южнѣе, получилъ свое названіе отъ одного индѣйскаго племени семьи пима, теперь уже не существующаго [3]); первый городъ лежитъ въ двѣнадцати километрахъ на сѣверо-востокъ, на берегу рѣки Эстеро-дель-Ранчо, которая теперь стала слишкомъ мелка для нынѣшнихъ судовъ. Гуаймасъ—одна изъ лучшихъ гаваней Мексики, и въ странѣ, болѣе населенной и болѣе богатой, онъ несомнѣнно пріобрѣлъ бы важное экономическое значеніе; но вся прибрежная зона обрѣтается еще въ некультурномъ состояніи. Портъ открывается между бурыми голыми горами, словно кратеръ вулкана; изъ скалъ на нѣсколько миль въ окрестности не пробивается ни одного растенья, не просачивается ни одной капли воды; тѣ-какіе кустарники, виднѣющіеся въ самомъ городѣ, не погибаютъ только потому, что растутъ на землѣ, вывезенной изъ Соединенныхъ Штатовъ; орошаются они солоноватой водой, извлекаемой изъ глубокихъ колодцевъ. Несмотря на это, Гуаймасъ, какъ превосходная якорная стоянка, привлекаетъ большое и все возрастающее число судовъ; желѣзная дорога соединяетъ его съ Эрмосильо, съ его рудниками и хлѣбными полями, а черезъ Аризону и со всей сѣтью желѣзныхъ дорогъ Соединенныхъ Штатовъ. Гуаймасскіе купцы вывозятъ морскую соль, а отчасти также гуано, собираемое на островѣ Патокъ, или «Утиномъ», голой скалѣ, лежащей нѣсколько сѣвернѣе большого острова Тибуронъ или «Акулы». Обороты внѣшней торговли Гуаймаса въ 1886 г. составляли около 5.756.000 франковъ. Высокая долина рѣки Майо можетъ доставлять тысячами тоннъ превосходный антрацитъ.

Около южной оконечности штата Соноры находится рудный городъ Аламосъ, или городъ «Тополей», который имѣетъ немаловажное значеніе въ промышленности страны; тамъ, какъ и въ Эрмосильо, имѣется свой монетный дворъ, на которомъ каждый годъ чеканятъ монетъ на 9—10 милліоновъ франковъ. Аламосъ лежитъ уже въ бассейнѣ рѣки Фуерте, названной такъ отъ древняго форта Эль-Фуерте или Монтесъ-Кларосъ, защищавшаго береговую дорогу противъ индѣйцевъ племенъ майо и якуи; впослѣдствіи онъ сдѣлался цвѣ-

[1]) „Archives de la Commission Scientifique du Mexique". Томъ III.

[1]) H. G. Ward, „Mexico in 1827".
[2]) „Revue Scientifique" 14 іюня 1890 г.
[3]) A. Pinart, цитированныя записки. E. Vigneaux, „Tour du Monde". 1862. 1-ое полугодіе.

тущимъ городкомъ. Естественнымъ портомъ для Аламоса и Фуерте служитъ гавань Ажіа-бампо, откуда вывозятъ красильное дерево и серебро въ рудѣ и слиткахъ; въ эту гавань, впрочемъ, могутъ входить только небольшія суда, потому что во время морскаго отлива на барѣ уровень воды не превышаетъ $3^1/_2$ метровъ. Что касается бывшаго индѣйскаго городка Синалоа, отъ котораго происходитъ и названіе самого штата, то онъ обладаетъ прекрасной глубокой и хорошо защищенною бухтой Санъ-Карлосъ, которая сообщается съ моремъ проливомъ Тополобампо, куда могутъ входить морскія суда съ осадкой до 5 метровъ. Сѣверо-американцы основали недавно на берегу этого пролива, въ Карменъ-Сити, филантропическую и вмѣстѣ съ тѣмъ спекулятивную колонію, которая, впрочемъ, не особенно процвѣтаетъ.

Куліаканъ, нынѣшняя столица штата Синалоа,—одинъ изъ древнихъ городовъ Мексики; въ 1531 г., спустя десять лѣтъ послѣ перестройки Мексико, онъ уже былъ основанъ, близъ Гуэ-Колхуакана, или «Города Змѣй», одного изъ этаповъ нахуатльскаго эмиграціоннаго движенія; здѣсь испанцы организовали всѣ свои экспедиціи для открытій и завоеваній, предпринимавшіяся въ сѣверномъ направленіи. Куліаканъ расположенъ на рѣкѣ такого же имени, въ цвѣтущей равнинѣ, окруженной полукругомъ горъ; желѣзная дорога, въ шестьдесятъ километровъ протяженія, соединяетъ городъ съ его портомъ Альтата или «Морской Берегъ», устроеннымъ въ глубокой лагунѣ, защищенной отъ волнъ длинной песчаной косой. Куліаканъ находится внѣ самаго производительнаго горнаго района этого штата, но онъ служитъ вывознымъ портомъ для золотой и серебряной руды Синалоа. Съ 1846 г. по 1888 г. Куліаканскій монетный дворъ вычеканилъ золота и серебра на 205 милліоновъ.

Въ южномъ Синалоа значительнымъ городомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ дѣятельнымъ портомъ на всемъ западномъ берегу Мексики, является городъ Мазатланъ: его индѣйское названіе означаетъ «страну оленей», и одинъ изъ островковъ, возвышающихся на небольшомъ разстояніи отъ берега, носитъ названіе Венадо, имѣющее то же значеніе; раскопки, предпринятыя въ аллювіальныхъ земляхъ окрестностей города, привели къ открытію оленьихъ роговъ, а также стрѣлъ, топоровъ и другихъ оружій и инструментовъ изъ камня. Мазатланъ не можетъ сравниться съ Гуаймасомъ или съ Акапулко въ отношеніи торговыхъ преимуществъ: его рейдъ открытъ всѣмъ вѣтрамъ и, чтобы избѣгнуть сѣверо-западнаго вѣтра, особенно опаснаго въ этихъ водахъ, суда вынуждены оставаться на рейдѣ подъ напоромъ волнъ, идущихъ съ юга или юго-запада. Но Мазатланъ имѣетъ большое значеніе въ торговыхъ сношеніяхъ съ сѣверо-американской Калифорніей, благодаря своему выгодному положенію на одной широтѣ съ мысомъ Санъ-Лукасъ, который приходится огибать судамъ; такимъ образомъ, для судовъ, идущихъ изъ Санъ-Франциско, Мазатланъ является самою близкою гаванью на Мексиканской территоріи. Пакетботы также избрали его своею главною пристанью. Обширная привозная торговля вызвала основаніе въ Мазатланѣ разнообразныхъ промышленныхъ заведеній, какъ-то: прядиленъ, литейныхъ и лѣсопильныхъ заводовъ, сапожныхъ мастерскихъ. Значительная часть городскаго населенія состоитъ изъ иностранцевъ. Въ шестидесяти километрахъ по прямому направленію къ юго-востоку отъ Мазатлана находится небольшое мѣстечко Чаметла,—по-нахуатльски «Хижины»,—которое первые испанскіе мореплаватели пробовали утилизировать, еще задолго до Мазатлана, въ качествѣ одного изъ своихъ портовъ па берегу Великаго океана: отсюда, въ 1535 г., Кортесъ отправился со своей экспедиціей изслѣдовать Багряное море.

Торговля Мазатлана: движеніе внѣшняго судоходства, въ 1887 г.: 83 судна, вмѣстимостью 94.670 тоннъ. Обороты заграничной торговли въ 1886 г.: 40.436.000 франковъ.

Городъ Розаріо, расположенный на ріо-де-Чаметла, былъ также предшественникомъ Мазатлана по внѣшней торговлѣ Сѣверо-Западной Мексики.

Главные города и историческія мѣстечки Нижней Калифорніи и западнаго склона Сіерры Мадре, съ цифрой ихъ муниципальнаго населенія:

Нижняя Калифорнія. Ла-Пацъ—6.000 жит.; Санъ-Антоніо—4.000 жит.

Сонора. Эрмосильо — 8.000 жит.; Уресъ — 5.000 жит.; Аламосъ—6.000 жит.; Гуаймасъ—5.000 жит.

Синалоа. Куліаканъ — 8.000 жит.; Мазатланъ—13.000 жит.; Синалоа—3.000 жит.; Эль-Фуерте—9.000 жит.

Штаты Чигуагуа и Дуранго.

На восточномъ склонѣ Сіерры-Мадре главный городъ мексиканскаго сѣвера—Чигуагуа, имя котораго означаетъ «городъ Воды», а по-тарахумарски—«городъ Веселія». Онъ построенъ на высотѣ 1.400 метровъ надъ поверхностью моря, у подошвы высокой горы Серро-Гранде, между двумя ручьями, сливающіяся воды которыхъ образуютъ рѣку Кончосъ, притокъ ріо-Браво-дель-Норте; водопроводъ, проведенный отъ одного изъ этихъ потоковъ, огибаетъ склоны горы, граница съ одной стороны съ зоною низкаго кустарника, а съ другой—покрывая отлогости зеленѣющими и цвѣтущими садами. Чигуагуа въ настоящее время въ

упадкѣ; въ прошломъ столѣтіи, во время процвѣтанія окрестныхъ рудниковъ, на улицахъ его иногда толпилось до 75.000 жителей, т. е. вчетверо больше, чѣмъ теперь; разореніе сопровождалось деморализаціей, какъ естественнымъ слѣдствіемъ привычки къ удовольствіямъ, пріобрѣтенной населеніемъ этого роскошнаго города, вдругъ пораженнаго прекращеніемъ труда. Съ внѣшней стороны, впрочемъ, Чигуагуа и до сихъ поръ сохранилъ свой пышный видъ, который такъ поражаетъ сѣвероамериканцевъ своимъ контрастомъ съ ихъ простыми городами, состоящими изъ заурядныхъ каменныхъ и деревянныхъ построекъ; соборъ, построенный и содержавшійся прежде на средства рудничныхъ администрацій, представляетъ грандіозное зданіе, господствующее надъ городомъ своей громадой. Чигуагуа имѣетъ монетный дворъ, занимающій, по значенію, третье мѣсто въ Мексикѣ, съ тѣхъ поръ какъ американскіе рудовладѣльцы возобновили дѣло изслѣдованія металлоносныхъ жилъ. Въ теченіе десяти лѣтъ съ 1879 г. по 1888 г., въ Чигуагуа было отчеканено монетъ на сумму 236.550.000 франковъ, т. е. отъ 23 до 24 милліоновъ въ годъ.

Руда, доставляемая въ Чигуагуа, добывается главнымъ образомъ въ Санта-Евлаліи, селеніи, расположенномъ въ тридцати километрахъ къ юго-востоку, въ узкой долинѣ, съ обитаемыми пещерами. Это селеніе лишено питьевой воды, по крайней мѣрѣ чистой воды, годной для иностранцевъ, которые вынуждены приносить ее изъ Чигуагуа или посылать за ней туда; лѣтомъ же ощущается недостатокъ даже и въ дурной водѣ, насыщенной солью и металлическими веществами; по этой-то причинѣ руда всегда отправляется отсюда на заводы въ Чигуагуа, гдѣ и обрабатывается. Сереброносныя жилы Санта-Евлаліи, разрабатываемыя въ двухстахъ минныхъ галлереяхъ или шахтахъ, доставили уже на міровой рынокъ серебра на сумму свыше 700 милліоновъ франковъ. Руда здѣсь бѣдная, но она встрѣчается въ необычайномъ обиліи, и даже когда общества капиталистовъ не эксплоатируютъ залежи, *гамбусиносы*, или единичные искатели, находятъ достаточное количество металла, чтобы поддерживать свое существованіе. Даже въ шлакахъ, которые дали матеріалъ для постройки сотенъ домовъ въ Чигуагуа или для возведенія оградъ вокругъ садовъ и полей, содержится еще такая масса серебра, по крайней мѣрѣ на 2 милліарда, что нѣкоторые промышленники подумывали о томъ, чтобы подвергнуть ихъ вторичной обработкѣ. Другой, тоже пришедшій въ упадокъ городъ, Косигуиріачи, расположенъ въ сотнѣ километровъ къ юго-западу, въ одной долинѣ Сіерры-Мадре: въ прошломъ столѣтіи онъ имѣлъ болѣе 80.000 жителей. Батопиласъ, находящійся еще въ предѣлахъ штата, но уже въ верхнемъ бассейнѣ ріо-дель-Фуерте, далъ краю 300 милліоновъ франковъ въ теченіе 250-ти лѣтъ, прошедшихъ со времени открытія въ немъ рудныхъ залежей [1]). Въ южномъ углу штата находятся рудники Гвадалупе-и-Калво, принадлежащіе къ бассейну рѣки Синалоа, которые многимъ уступаютъ по богатству рудникамъ Батопиласа.

Чигуагуа занимаетъ почти географическій центръ штата, но восточная часть его округа почти совершенно безплодная и пустынная, тогда какъ западная зона, составляющая склонъ Сіерры-Мадре, изобилуетъ рудниками, лѣсами, лугами и обработанными полями; въ долинахъ ея могло бы размѣститься многочисленное населеніе и успѣшно заниматься въ особенности скотоводствомъ и культурой европейскихъ фруктовъ, грушъ и яблокъ, которыя родятся здѣсь превосходнаго качества. Почти всѣ города и мѣстечки штата Чигуагуа: Санъ-Пабло-Меокуп, Санта-Круцъ-де-Розалесъ, Санта-Росалія, Гидальго-дель-Парраль слѣдуютъ одинъ за другимъ по направленію съ сѣвера на югъ, параллельно Сіеррѣ-Мадре, у выхода различныхъ долинъ, рѣки которыхъ образуютъ ріо-Кончосъ. Желѣзная дорога, идущая изъ Денверъ-Сити въ Мексико, пересѣкаетъ этотъ штатъ въ томъ же направленіи и вступаетъ на Мексиканскую территорію черезъ историческій городъ Пасо-дель-Норте, расположенный на правомъ берегу ріо-Браво, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка образуетъ общую границу между двумя республиками; это самый древній постъ Сѣверной Мексики: его основалъ одинъ францисканскій миссіонеръ, въ 1585 году. Этотъ «бродъ», или мѣсто переправы,—таково значеніе этого названія,—прежде часто посѣщался американскими караванами, производившими транспортную торговлю по преріямъ между Миссури и Мексикой; но, мало-по-малу, вслѣдствіе конкурренціи морскихъ путей сообщенія, его значеніе, какъ торговой дороги, утратилось; зато въ настоящее время онъ занялъ видное положеніе въ экономическомъ отношеніи, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался пунктомъ скрещенія четырехъ желѣзныхъ дорогъ изъ Санъ-Франциско, изъ Денвера и Нью-Іорка, изъ Новаго Орлеана и изъ Мексико. Обороты внѣшней торговли Пасо-дель-Норте въ 1886 г.: 85.000.000 франковъ.

Другой пограничный постъ на ріо-Браво,—Президіо-дель-Норте—представляетъ собою стратегическій пунктъ, холмъ котораго возвышается надъ тѣснинами рѣки въ мѣстѣ сліянія ея съ ріо-Кончосъ; онъ остался въ сторонѣ отъ торговаго пути, вслѣдствіе чего, несмотря на свое стратегическое положеніе, не могъ подняться на степень города. Вина и водки

[1]) Ramirez, „Riqueza mineral de México".

изъ Пасо-дель-Норте славятся во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ Мексики.

Въ гористой области, лежащей на западъ отъ дель-Пасо, встрѣчаются многочисленныя доисторическія развалины, расположенныя параллельно теченію рѣки; тамъ находятся, между прочимъ, «Большія хижины» (Casas Grandes), самая значительная изъ нахуатльскихъ колоній, остатки которыхъ существуютъ еще въ сѣверной части Мексиканской территоріи. Развалины этихъ хижинъ занимаютъ оба берега ручья, который на сѣверѣ вливается въ лагуну Гусманъ. На западѣ возвышаются лѣсистые склоны Сіерра-Мадре, а на востокѣ тянутся плоскогорья, покрытыя соляными налетами. Надъ древнимъ городомъ возвышалась нѣкогда сторожевая башня; постройки его состояли изъ разбросанныхъ зданій, которыя вѣроятно служили укрѣпленными жилищами земледѣльческимъ колонистамъ, вынужденнымъ жить постоянно въ оборонительномъ положеніи: въ настоящее время отъ города остались только поросшіе дерномъ холмики, на которыхъ кое-гдѣ торчатъ еще уцѣлѣвшія части стѣны. Самый высокій бугоръ напоминаетъ о существованіи древняго храма; при раскопкахъ, тамъ открыли глыбу метеорическаго желѣза, тщательно обернутую тканями: это былъ, по всей вѣроятности, предметъ народнаго поклоненія, подобно священному камню Мекки. Многочисленныя могилы на берегу ручья дали искателямъ кое-какіе остатки древней промышленности; но почти всѣ годные къ употребленію предметы давно расхищены бѣднымъ мѣстнымъ населеніемъ.

Штатъ Дуранго, лежащій на югъ отъ Чигуагуа, въ совокупности своей имѣетъ такую же конфигурацію и составляетъ часть той же географической области, извѣстной прежде подъ общимъ названіемъ Новая Бискайя (Nueva Vizcaya) и дѣйствительно населенной на добрую долю людьми баскскаго происхожденія, такими же энергичными и предпріимчивыми, какъ ихъ предки: въ этой части Мексиканской территоріи этническій элементъ чисто европейскаго происхожденія всего сильнѣе представленъ въ населеніи [1]). Такъ же, какъ Чигуагуа, Дуранго съ западной стороны охватываютъ цѣпи горъ, параллельныя Сіерра-Мадре, а съ восточной—обширныя равнины, мѣстами совершенно пустынныя; главные его города расположены также въ среднемъ поясѣ, идущемъ вдоль основанія горъ. Однако Дуранго, занимающій болѣе высокую ступень плоскогорья и менѣе страдающій отъ засухи, чѣмъ Чигуагуа, представляетъ собою болѣе плодородный край, который и населенъ соотвѣтственно этому значительно гуще: здѣсь на квадратный километръ приходится 2 — 3 жителя, тогда какъ въ Чигуагуа всего лишь одинъ.

Дуранго, носящій, какъ и подобаетъ столицѣ Новой Бискайи, баскское имя, — одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Мексики [1]): онъ появился въ 1551 г., какъ стратегическій постъ въ землѣ индѣйцевъ-чичимековъ. Господствуя надъ обширнымъ горизонтомъ съ высоты своего плоскогорья, поднимающагося на 1.926 метровъ надъ уровнемъ моря, окруженный великолѣпными бульварами, онъ представляетъ на окраинахъ рядъ самыхъ разнообразныхъ пейзажей: съ одной стороны чернѣютъ глубокіе овраги и обрисовываются причудливыя очертанія Бреньи, съ другой—высятся горы, черезъ которыя проходитъ дорога въ Мазатланъ, ближайшій портъ на Великомъ океанѣ. Дуранго извѣстенъ въ исторіи геологіи своими метеорическими камнями, сходными съ тѣми, какіе находятъ во многихъ другихъ мѣстахъ Сіерры-Мадре: одинъ изъ этихъ камней, о которомъ упоминаетъ Гумбольдтъ, вѣситъ приблизительно отъ 16 до 19 тысячъ килограммовъ. Но самая большая геологическая достопримѣчательность Дуранго, это — огромная скала самороднаго желѣза, Серро-де-Меркадо, названная такъ по имени одного капитана, котораго привела сюда, въ 1562 г., надежда найти золотую гору; жестоко разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ вернулся назадъ и черезъ нѣсколько времени погибъ въ стычкѣ съ индѣйцами [2]). Эта желѣзная гора, находящаяся въ 2-хъ километрахъ на сѣверъ отъ Дуранго, имѣетъ 196 метровъ высоты и содержитъ надъ почвой болѣе 460 милліоновъ тоннъ металла, — количество, вполнѣ достаточное, чтобы снабдить всю Америку этимъ металломъ на цѣлый вѣкъ. Какъ и въ Чигуагуа, славу и гордость Дуранго составляетъ его пышный соборъ; кромѣ того, въ городѣ красуется еще древній дворецъ Инквизиціи. Монетный дворъ отчеканиваетъ, въ среднемъ, серебряныхъ и золотыхъ монетъ на сумму 5 милліоновъ франковъ. Чеканъ монеты въ Дуранго съ 1811 г. по 1888 г. опредѣлился въ 315.000.000 франковъ.

Дуранго часто называли «Городомъ Скорпіоновъ»; въ 1865 г., благодаря назначенію небольшой преміи, муниципалитету было доставлено въ два мѣсяца 55.000 скорпіоновъ.

Всѣ другіе города и мѣстечки штата, болѣе или менѣе значительные, какъ въ горной области — Мезкиталь, Гуарисамай, Санъ-Димасъ, Папаскіаро, Тамазула, Инде, такъ и въ болѣе низкихъ частяхъ плоскогорья — Номбре-де-Діосъ, Санъ-Жуанъ-дель-Ріо, Куенкаме, Називасъ, Мапими,—обязаны своимъ происхожденіемъ и благосостояніемъ серебрянымъ рудни-

[1]) „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“ Томъ III.

[1]) По Валентини, Дуранго былъ Туланго, т. е. „Маленькая Тула“ нахуатльскаго народа.

[2]) Alex. de Humboldt, цитированное сочиненіе.

камъ; кромѣ того, рудныя жилы содержатъ золото, свинецъ, олово. Въ пещерахъ холмовъ и горъ, окружающихъ Болсонъ-де-Мапими, были открыты обширныя подземныя кладбища. Трупы найдены погребенными въ сидячемъ положеніи, на корточкахъ, и завернутыми въ пелены изъ волокна агавы, поверхъ которыхъ препоясаны цвѣтными шарфами. Одна только пещера заключала въ себѣ болѣе тысячи этихъ мумій, которыя почти всѣ были увезены сѣверо-американцами и теперь разсѣяны по разнымъ музеямъ Соединенныхъ Штатовъ.

Главные города восточнаго склона Сіерра-Мадре, въ штатахъ Чигуагуа и Дуранго, съ ихъ «муниципальнымъ» населеніемъ:

Штатъ Чигуагуа: Чигуагуа — 19.000 жит.

Штатъ Дуранго: Дуранго — 42.000 жит.; Мезкиталь — 9.000 жит.; Санъ-Жуанъ-дель-Ріо—8.000 жит.; Назасъ — 7.000 жит; Папаскіаро-Сантъяго—5.000. жит.

Сѣверо-восточные штаты: Коагуила, Новый Леонъ и Тамаулипасъ.

Штатъ Коагуила, прилегающій восточной стороной къ штату Чигуагуа и отдѣленный отъ Соединенныхъ Штатовъ теченіемъ ріо-Браво, представляетъ расположеніе симметричное съ расположеніемъ сосѣдней провинціи: на востокѣ территорія его повышается, чтобы образовать тоже сіерру Мадре, а на западѣ—она понижается, въ видѣ пустынныхъ пространствъ, гдѣ воды теряются въ солончакахъ. Склонъ горъ, гдѣ протекаютъ рѣки, которыя, переходя изъ клюзы въ клюзу, изливаются наконецъ въ ріо-Браво, изрѣзанъ очаровательными, плодородными долинами, пригодными для всякой культуры умѣреннаго и подтропическаго поясовъ. Однако, туземное населеніе, происходящее отъ древнихъ коагуилтековъ, здѣсь не многочисленно, такъ что на квадратный километръ приходится всего по одному жителю: еще въ недавнее время уменьшенію этого населенія способствовали ежегодные набѣги апачей или команчей. Въ 1879 г., послѣ полнаго покоренія грабителей-индѣйцевъ, эмигранты толпою устремились къ Сіеррѣ-Мохадѣ, гдѣ были открыты, повидимому, очень богатыя залежи золотоносной серебряной руды. Правительство вздумало отграничить эту рудную территорію, чтобы образовать изъ нея самостоятельный административный округъ; но надежды золотоискателей не оправдались, и большинство ихъ, выжитые недостаткомъ воды и продовольствія, бѣжали изъ этихъ безплодныхъ горъ, расположенныхъ въ центрѣ Коагуилы, вдали отъ продовольственныхъ постовъ, между соляными лагунами, скалами и песками; точно также не были утилизированы систематически и каменноугольные пласты, залегающіе по теченію ріо-Браво, и которымъ одна изъ береговыхъ станцій, Пьедрасъ-Неграсъ или «Черные Камни», обязана своимъ названіемъ. Будущее богатство Коагуилы заключается не въ рудныхъ мѣсторожденіяхъ, а въ пахатной землѣ. Городъ Монклова (прежде Коагуила), лежащій на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Саладо, данника ріо-Браво, окруженъ прекрасными полями, а въ окрестностяхъ его, именно въ Санта-Буенавентурѣ, разводятъ длинноволокнистый хлопчатникъ. Паррасъ, или «Виноградныя лозы», расположенный при истокѣ другаго ручья, дѣйствительно имѣетъ виноградники, которые производятъ знаменитое вино. Окрестности Салтильо изобилуютъ фруктами и другими разнообразными продуктами.

Салтильо, — эль-Салтильо или Леона Викаріо, — столица Коагуилы, очень удалена отъ центра штата; она построена у подошвы сланцевой остроконечной горы, въ юго-восточномъ углу штата, въ высокой долинѣ горъ, отдѣляющихъ Коагуилу отъ Нуево-Леона: воды, текущія въ пониженіяхъ Сіерры, направляясь къ сѣверу, гдѣ пересѣкаютъ горную цѣпь ущельемъ и чрезъ рѣку Монтерей впадаютъ въ ріо-Браво. Испанцы основали Салтильо въ 1586 г., поставили тамъ гарнизонъ изъ тласкалтековъ, для защиты отъ окрестныхъ дикарей [1]), и сдѣлали его главнымъ городомъ провинціи, которую они назвали Новой Эстремадурой: нѣсколько разрушенныхъ зданій свидѣтельствуютъ объ относительной древности этого города. Въ десяти километрахъ на югъ отъ Салтильо, дорога вступаетъ въ «тѣснину», или *angostura*, между высокихъ холмовъ: тамъ находится ферма Буена-Виста, именемъ которой было окрещено множество мѣстностей въ Соединенныхъ Штатахъ, въ воспоминаніе двухдневной битвы, которую сѣверо-американцы дали мексиканцамъ, въ 1846 г., чтобы форсировать проходъ; мѣсто это лежитъ уже почти на порогѣ «холодной земли», на высотѣ 1.800 метровъ надъ уровнемъ моря.

Монтерей, главный городъ штата Новый Леонъ, — также одинъ изъ старыхъ городовъ Мексики: основаніе его относится къ послѣднимъ годамъ XVI столѣтія. Котловина, центръ которой онъ занимаетъ, орошается небольшой рѣкой Санта-Каталина, изливающейся, подобно рѣчкѣ Салтильо, въ ріо-Браво посредствомъ притока ея Санъ-Жуана; она окружена горами рѣзкихъ контуровъ, совершенно голыми на склонахъ, изрѣзанными на вершинѣ. На югѣ тянется главная цѣпь Сіерра-Мадре; на западѣ, массивъ Силья дѣйствительно имѣетъ форму «сѣдла», тогда какъ на сѣверѣ хребетъ оканчивается утесомъ въ видѣ «митры», откуда и произошло названіе горы (silla по-испански значитъ, между прочимъ, «сѣдло» и

---

[1]) Orozco y Berra, „Apuntes para la historia de la Geografía en México“.

«епископскій престолъ»). Сѣрыя, желтыя, красныя стѣны горъ возвышаются на 500 — 800 метровъ надъ бѣлымъ городомъ, окруженнымъ фруктовыми садами и оранжереями. Невысокіе домики имѣютъ крышу въ видѣ террасы, такъ какъ Монтерей находится еще въ «теплыхъ земляхъ», на высотѣ 480 метровъ, и въ этомъ краю, гдѣ царитъ продолжительное лѣто съ сильными жарами, нечего бояться снѣга.

Вера-Крудъ и фортъ Санъ-Жуанъ-Уллоа.

Въ Монтереѣ ежегодно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, бываетъ ярмарка, на которую съѣзжается много мексиканцевъ и американцевъ. Хорошо обработанныя поля орошаемой зоны Нуево-Леона въ изобиліи производятъ маисъ, а также пшеницу, бобы, сахаръ, апельсины и другіе всевозможные фрукты: города тамъ издали даютъ о себѣ знать ароматомъ своихъ садовъ. Монтерей, вмѣстѣ съ другими земледѣльческими

центрами штата, расположенными также въ высокихъ долинахъ Сіерры-Мадре, какъ-то: Кадерейта-Хименесъ, Монтеморелосъ, Линаресъ, Докторъ-Арройо, снабжаетъ всѣ окрестныя области и преимущественно Тамаулипасъ всѣми необходимыми пищевыми продуктами; въ обмѣнъ на это, Тамаулипасъ присылаетъ лошадей и рогатый скотъ. Благодаря развитію земледѣльческой промышленности въ Нуево-Леонѣ, несмотря на то, что ему иногда приходится все-таки страдать отъ недостатка дождей, край находится въ цвѣтущемъ состояніи, и мѣстное населеніе быстро увеличивается: въ настоящее время здѣсь на квадратный километръ приходится по 4 жителя, т. е. вчетверо больше, чѣмъ въ другихъ сѣверныхъ мексиканскихъ штатахъ.

Монтерей является стражей границы на сѣверо-востокѣ Мексиканской республики; оттого сѣверо-американцы, во время войны 1846 г., начали свою кампанію завоеваніемъ этой стратегической позиціи: здѣсь они впервые испробовали свои силы въ этомъ ремеслѣ войны, которое практиковалось у нихъ потомъ, нѣсколько лѣтъ спустя, такимъ ужаснымъ образомъ. Въ Монтереѣ соединяются двѣ желѣзныя дороги, продолжающіяся далѣе большою линіею Мексиканской дороги: одна изъ нихъ соединяется въ Нуево-Ларедо, на ріо-Браво, съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ Соединенныхъ Штатовъ; другая своею восточною частью соединяетъ правый берегъ рѣки черезъ города Міеромъ, Камарго, Рейноса и Матаморосъ. Благодаря этой дорогѣ, Монтерей сдѣлался мексиканскимъ складочнымъ пунктомъ для произведеній нижней долины ріо-Браво. Каждая изъ станцій праваго берега имѣетъ, такъ сказать, «тетъ-де-понъ» на лѣвомъ берегу, американскій городъ складчиковъ, которые ввозятъ на Мексиканскую территорію свои товары или законнымъ путемъ, или контрабандой.

Матаморосъ—прежде Нуево-Сантандеръ—есть ближайшій къ устью ріо-Браво городъ штата Тамаулипасъ. Считая извилины рѣки, онъ находится въ 79 килом. отъ моря, такъ какъ береговая дорога должна бы быть проложена на нѣкоторомъ разстояніи отъ Мексиканскаго залива, по берегу котораго тянутся широкія лагуны. Матаморосъ основанъ недавно: въ началѣ XIX вѣка на мѣстѣ этого города находился простой поселокъ, Конгрегасіонъ-дель-Рефужіо, служившій притономъ мексиканскимъ и французскимъ пиратамъ, разбойничавшимъ въ Мексиканскомъ заливѣ. Оффиціально городъ былъ основанъ въ 1823 г. и названъ по имени Матамороса, бойца за мексиканскую независимость, и со времени присоединенія Техаса къ Соединеннымъ Штатамъ, Матаморосъ тотчасъ же пріобрѣлъ важное стратегическое и торговое значеніе, какъ пограничный постъ; однако войны, блокады и экономическіе кризисы часто вызывали значительныя колебанія въ цѣнности его торговаго обмѣна и численности его населенія. Обороты внѣшней торговли. Матамороса въ 1886 г.: 12.500.000 франковъ.

Впрочемъ, городъ этотъ не можетъ имѣть никакихъ собственныхъ элементовъ торговли, такъ какъ рѣка и лагуны окружаютъ его почти сплошнымъ поясомъ воды; онъ не располагаетъ ни одною пядью пахатной земли: окрестности его заняты солончаками, саваннами и болотами, на которыхъ пасется крупный скотъ. Матаморосъ образуетъ, такъ сказать, одинъ городъ вмѣстѣ съ Броунсвилемъ, стоящимъ на противоположномъ берегу, на Техасской территоріи; но, по контрасту, не соотвѣтствующему предвзятымъ понятіямъ путешественниковъ, мексиканская половина города далеко превосходитъ сѣверо-американскую какъ своимъ общимъ видомъ, такъ и населеніемъ. Передовая гавань, находящаяся при устьѣ ріо-Браво, получила грандіозное имя Багдадъ; однако, это наименованіе вовсѣмъ не подходитъ къ скромной береговой деревнѣ; слишкомъ мелкій и опасный баръ заграждаетъ доступъ большимъ судамъ.

Внѣ Матамороса сѣверный Тамаулипасъ представляетъ собою почти ненаселенный край; здѣсь встрѣчаются только отдѣльныя деревушки и обширныя гасіенды, гдѣ пасутся тысячи лошадей и коровъ. Только въ центральной части штата населеніе сгруппировалось въ города и мѣстечки, благодаря рѣчкамъ, изливающимся съ Сіерры-Мадре: эта часть Тамаулипаса, или «Страны Оливокъ»,—единственная, заслуживающая свое названіе, принесенное, впрочемъ, однимъ переселившимся изъ Техаса племенемъ [1]). Здѣсь находится и главный городъ, прежде называвшійся Агуайо, а нынѣ Сіудадъ-Викторія, получившій это имя не въ память какой-нибудь побѣды, одержанной надъ врагами, а просто въ честь одного лица, назначеннаго президентомъ республики. Этотъ городъ расположенъ на одной изъ главныхъ вѣтвей рѣки Сантандеръ или Марина, получившей извѣстность въ мексиканской исторіи: это бывшая рѣка Пальмъ (Ласъ-Пальмасъ), гдѣ, во время завоеванія, пристали флоты Гарайи и Камарго. Здѣсь же во время войны за независимость высадился великодушный Мина; черезъ Викторію же бывшій императоръ Итурбиде пытался вернуться въ свое отечество, чтобы снова завоевать власть, но, арестованный въ Сото-ла-Марина, онъ былъ приведенъ въ деревню Падилья, бывшую тогда столицею, и разстрѣлянъ по приказанію Тамаулипасскаго конгресса.

---

[1]) Uhde, „Die Länder am untern rio Bravo del Norte“.

Городъ Тула, лежащій уже на плоскогорьѣ, на высотѣ 1.220 метровъ надъ уровнемъ моря, и на границѣ штата Санъ-Луи-Потози, есть центръ земледѣльческой промышленности, откуда въ изобиліи вывозятъ маисъ, бобы и индѣйскій перецъ, отправляя это въ области, лежащія въ равнинѣ: кромѣ того, жители занимаются продажею икстли, растенія изъ породы кактусовъ, покрывающаго склоны окрестныхъ горъ. Тула-де-Тамаулипасъ, хотя основанная въ половинѣ XVII-го вѣка, заняла мѣсто древняго города, какъ и ея тезка, Тула-де-Гидальго: тамъ открыли остатки храмовъ и многочисленные предметы до-колумбійскаго періода: сосуды, оружіе и инструменты. Изъ этого города въ Тампико ведетъ дорога, переходящая горы на высотѣ 1.450 метровъ; съ перевала она сначала спускается въ Санта-Барбара, а затѣмъ огибаетъ подошву Серро-Берналь,—почти уединенной горы, правильной конической формы.

Городъ Тампико Тамаулипасскій занимаетъ на югѣ штата такое же географическое положеніе, какъ Матаморосъ. Онъ также построенъ на берегу рѣки, не вдалекѣ отъ ея устья, также окруженъ болотами и лагунами, а за нимъ далеко разстилаются равнины, также низкія и безплодныя. Основаніе нынѣшняго года Тампико относится къ 1823 году, къ той эпохѣ, когда испанцы владѣли еще крѣпостью Санъ-Жуанъ-д'Улуа, господствовавшею надъ Вера-Круцомъ, и когда мексиканская торговля должна была избрать новыя мѣста для вывоза; древній городъ, Пуэбло-Віехо или Тампико-Віехо, расположенъ въ штатѣ Вера-Круцъ, на толстыхъ слояхъ раковинъ, на берегу неглубокаго потока, доступнаго только для очень мелкихъ судовъ; другой Тампико, стоящій на дюнахъ, къ востоку отъ Таміахуасской лагуны, есть бывшая деревня гуакстековъ: первый слогъ названія, *tam*, или «мѣсто», уже указываетъ его происхожденіе. Новый городъ, лучше помѣщенный на главной рѣкѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ мѣста сліянія ея съ Тамези и въ десяти километрахъ отъ моря, недоступенъ для большихъ судовъ: тѣ, которыя сидятъ въ водѣ болѣе, чѣмъ 2½ метра, должны оставаться за баромъ, выставленныя вѣтрамъ съ открытаго моря; но выше бара рѣка становится судоходной для небольшихъ пароходовъ на протяженіи пятидесяти километровъ. Торговля Тампико неоднократно испытывала большія колебанія: сначала онъ обогащался на счетъ Вера-Круца, когда тотъ подвергался блокадѣ или находился во власти иностранныхъ державъ; впослѣдствіи онъ не разъ лишался своихъ правъ экспортной торговли, вслѣдствіе возмущенія или политическихъ смутъ. Открытіе желѣзной дороги, служащей прямымъ сообщеніемъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Мексико черезъ Пасо-дель-Норте, отвлекло отъ Тампико значительную часть американской торговли, но постройка рельсоваго пути, соединяющаго этотъ портъ съ мексиканскою сѣтью желѣзныхъ дорогъ черезъ городъ Санъ-Луи-Потози, вернуло ему прежнее торговое значеніе.

Обороты внѣшней торговли Тампико въ 1886 г.: 6.500.000 франковъ.

Движеніе судоходства въ 1887 г.: 142 судна, вмѣстимостью 150.850 тоннъ.

Пароходство, совершающее рейсы по нѣсколькимъ линіямъ, соединяетъ Тампико съ другими значительными портами Мексиканскаго залива и Караибскаго моря, а также съ Нью-Іоркомъ, Ливерпулемъ, Гавромъ и Гамбургомъ. Несмотря на то, что Тампико окруженъ отчасти стоячими водами, климатъ его здоровѣе, чѣмъ въ Вера-Круцѣ во время лѣтняго сезона: годную для питья воду доставляетъ ему рѣка Тамези.

Въ пятидесяти километрахъ вверхъ отъ Тампико, на правомъ берегу рѣки Пануко, или «Брода», находится селеніе того же имени, прежде называвшееся Санъ-Эстебанъ-дель-Пуерто, которое напоминаетъ о гуакстекскомъ царствѣ, завоеванномъ Кортесомъ и жестоко опустошенномъ Нуньо-де-Гусманомъ и его сообщниками. Край этотъ и до сихъ поръ безлюденъ въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ онъ былъ до прибытія испанцевъ. Небольшой остатокъ индѣйцевъ гуакстекскаго племени, говорящихъ на своемъ родномъ языкѣ, уцѣлѣлъ только въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ. Пануко, считающійся очень здоровымъ мѣстомъ, служилъ дачною мѣстностью для жителей Тампико. Выше, на одномъ притокѣ, лежитъ Тамкуіанъ, или «Людное мѣсто», городъ гуакстекскаго происхожденія, гдѣ археологи сдѣлали многочисленныя находки, преимущественно *monos*, «обезьянъ» или «простаковъ», т. е. грубыя человѣческія изображенія [1]); при каждой раскопкѣ извлекается масса разрисованной глиняной посуды.

Главные города трехъ сѣверо-восточныхъ штатовъ—Коагуилы, Новаго Леона и Тамаулипаса, съ ихъ муниципальнымъ населеніемъ:

Штатъ Коагуила: Салтильо—20.000 жит.; Паррасъ-де-ла-Фуерте—13.000 жит.

Штатъ Нуево-Леонъ: Монтерей—57.000 жит.; Докторъ-Арройо—14.000; Линаресъ—11.000; Монтеморелосъ—11.000; Кадерейта-Хименесъ—9.000 жит.

Штатъ Тамаулипасъ: Тала-де-Тамаулипасъ—1.500 жит.; Матаморосъ—10.000; Тампико—7.000; Сіудадъ-Викторія 8.000 жит.

---

[1]) Eduard Seler, „Reisebriefe aus Mexico".

Внутренніе штаты: Закакатесъ, Агуасъ-Каліентесъ, Санъ-Луи-Потози.

Центральные или «внутренніе» штаты, которые поднимаются террасами по направленію къ южному углу Анагуакскаго плоскогорья, гораздо болѣе населены относительно занимаемаго ими пространства, нежели сѣверные штаты, что обусловливается большими неровностями почвы, значительнымъ обиліемъ воды и богатствомъ высшей растительности. Однако, характеръ безплодныхъ сѣверныхъ равнинъ сохраняется еще и здѣсь, безъ рѣзкихъ измѣненій, до самой середины штатовъ Закатекаса и Санъ-Луи-Потози: многочисленныя названія мѣстностей, какъ ріо-Саладо, Салитре, Лагуна-Сека, Позо-Хондо, свидѣтельствуютъ о свойствѣ почвы и водъ, и многія деревни, носящія имя Мезките или Мезкиталь, обязаны своимъ названіемъ окружающимъ ихъ чащамъ колючаго кустарника. Подъѣзжая къ Центральной Мексикѣ изъ Соединенныхъ Штатовъ по желѣзной дорогѣ, замѣчаешь перемѣну вида природы только тогда, когда достигнешь города Фресниліо. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ городъ лежитъ на высотѣ 2.200 метровъ надъ уровнемъ моря, какъ разъ на линіи раздѣла между водами, спускающимися на сѣверъ къ замкнутымъ бассейнамъ Болсонъ-де-Мапими, и водами, текущими въ Великій океанъ чрезъ притоки ріо-Лермы. Съ вершины серро-де-Проаньо, возвышающейся надъ городомъ на сотню метровъ, открывается видъ на долины, убѣгающія на югъ, къ умѣреннымъ и жаркимъ странамъ. Серро-де-Проаньо изрыта глубокими галлереями, въ которыхъ добываютъ серебряную руду.

Закатекасъ, — по - нахуатльски «Городъ Травъ», — столица штата и древней страны закатековъ, есть, по времени своего основанія, одинъ изъ первыхъ городовъ Мексики: Нуньо-де-Гусманъ основалъ его въ 1540 г. Городъ расположенъ въ глубокихъ и извилистыхъ оврагахъ, надъ которыми съ сѣверо-восточной стороны господствуютъ порфировыя кручи горы Буфы, оканчивающіяся крѣпостью и церковью; съ другихъ сторонъ городъ обступили каменныя стѣны, изборожденныя разсѣлинами, откуда дождевая вода льется настоящими водопадами, наполняя нарождающуюся рѣку, притокъ ріо-Лермы. Закатекасъ обязанъ своимъ богатствомъ серебрянымъ рудамъ, лежащимъ въ порфировыхъ и сланцовыхъ горахъ между слоями извести и кварца; рудникъ Сенъ-Бернаби, эксплоатируемый уже впродолженіи трехъ съ половиной вѣковъ, до сихъ поръ еще не истощился. Самыя обильныя рудныя жилы находятся въ большинствѣ случаевъ не въ оврагахъ и не на отлогихъ покатостяхъ горъ, а на самыхъ крутизнахъ и даже на разсѣченныхъ ребрахъ вершинъ [1]): такъ *veta grande* или большая жила, «идущая» отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, въ 5 километрахъ къ сѣверу отъ Закатекаса, вкраплена въ гребнѣ, возвышающемся на 2.617 метровъ, гдѣ и расположены заводы и многочисленныя постройки горнозаводскаго городка. Закатекасскій монетный дворъ съ 1810 г. доставилъ золота и серебра на сумму болѣе 1.700 милліоновъ франковъ; въ теченіе десятилѣтія съ 1878 по 1888 г. средній чеканъ монетъ, состоявшій почти исключительно изъ серебряныхъ піастровъ, равнялся 28.750.000 франковъ. Небольшой рудный городокъ Сембререте, расположенный приблизительно въ 200 километрахъ на сѣверо-западъ отъ Закатекаса, по дорогѣ въ Дуранго, тоже имѣлъ свой монетный дворъ, упраздненный съ эпохи колонизаціи. Во времена Гумбольдта, «черная жила» Сомбререте была самая производительная, такъ какъ она давала самое большое во всей Америкѣ количество металла. Одно поселеніе, лежащее недалеко отъ Сомбререте, носитъ названіе Чалчигуитесъ, или «Изумруды», такъ какъ тамъ находили зеленые камни, похожіе на нефритъ и высоко цѣнимые древними ацтеками.

Область Закатекаса очень богата природными достопримѣчательностями. Многія озерки содержатъ углекислый натръ, и нѣкоторые изъ этихъ прудовъ имѣютъ странную форму пропасти съ отвѣсными стѣнками, образовавшейся вслѣдствіе провала земли; смотря по времени года, вода то подымается, то понижается въ этихъ своеобразныхъ колодцахъ, но никогда не изсякаетъ [2]). Во многихъ мѣстахъ бьютъ горячіе ключи, особенно около города Охо-Каліенте, или «Горячій источникъ», лежащаго на юго-востокъ отъ Закатекаса. Столица небольшаго штата Агуасъ-Каліентесъ, почти цѣликомъ вкрапленнаго въ территорію штата Закатекасъ, городъ Агуасъ-Каліентесъ, или «Теплыя воды», тоже курортъ, усердно посѣщаемый не только больными, но и здоровыми, благодаря его красивому мѣстоположенію и тѣнистымъ бульварамъ. Воды его источника сѣрнистыя, и температура ихъ колеблется между 25 и 38 градусами.

Закатеки и другіе индѣйскіе народцы, населявшіе этотъ край, оставили послѣ себя памятники своей цивилизаціи, которые, впрочемъ, время и рука испанцевъ по большей части разрушили. Въ пятидесяти километрахъ на юго-западъ отъ Закатекаса, близъ Виллануевы, туфовый холмъ, уже отъ природы изваянный въ формѣ угловыхъ утесовъ, которые придаютъ ему видъ укрѣпленнаго плато, несетъ на себѣ группу построекъ, которыя

---

[1]) Alex. de Humboldt, „Essai politique sur la Nouvelle Espagne",

[2]) Posselt, „Kreu-zund Querzüge durch Mexico".

въ былое время должны были имѣть грандіозный видъ: скала эта извѣстна вообще подъ именемъ Серро-де-лосъ-Эдифисіосъ, а развалины называются Кемада или «Горѣлая», по имени сосѣдней гасіенды. Археологи распознали здѣсь дворцы и другія жилища, крѣпость, храмъ, пирамиду со статуей одного бога; но самое красивое изъ уцѣлѣвшаго въ Кемадѣ, это—ея лѣстница, на ступеняхъ которой нѣкогда тысячами сидѣли зрители во время празднествъ и жертвоприношеній; теперь же одинокій прохожій видитъ только живописныя развалины и низкій кустарникъ, которымъ они теперь поросли. Различные остатки былыхъ построекъ разсѣяны на пространствѣ по крайней мѣрѣ 180 квадратныхъ километровъ. По мнѣнію Клавигеро, Серро-де-лосъ-Эдифисіосъ есть не что иное, какъ знаменитый легендарный Чикомозтокъ, или «Семь Пещеръ», откуда ацтеки начали свой походъ къ Анагуаку. Другой древній городъ, служившій нѣкогда столицей народцевъ союза Наярита, лежитъ въ сотнѣ километровъ на юго-западъ отъ Кемады, въ боковой долинѣ ріо-Лермы: тамъ можно видѣть еще развалины крѣпости и храма. Имя Теуль, которое носитъ этотъ древній городъ, означаетъ то же самое, что и Теоль—ацтекское наименованіе бога Солнца [1].

Штатъ Санъ-Луи-Потози соотвѣтствуетъ штату Закатекасъ по физическому виду и по формѣ своей территоріи съ двумя скатами, изъ которыхъ одинъ наклоненъ къ сѣвернымъ низменностямъ, а другой обращенъ къ Мексиканскому заливу и принадлежитъ къ бассейну Пануко: это—какъ и Закатекасъ, одинъ изъ наиболѣе производительныхъ штатовъ республики; кромѣ того, годъ отъ году возрастаетъ его земледѣльческое и промышленное значеніе, которое представляетъ уже доходъ, превосходящій доходъ отъ добычи серебряной руды. Даже городъ Каторсе, лежащій въ сѣверной безплодной мѣстности, на высотѣ 2.679 метровъ надъ уровнемъ моря, и тотъ начинаетъ обогащаться торговлею волокномъ растенія икстли. Почти все серебро, которое вычеканиваютъ на монетномъ дворѣ въ Санъ-Луисѣ, приблизительно на 2—3 милліона въ годъ, получается съ рудниковъ Каторсе. Этотъ городъ, названный такъ, говорятъ, вслѣдствіе избіенія «четырнадцати» солдатъ, расположенъ въ узкомъ ущельѣ, на бывшемъ обвалѣ скалъ; богатыя рудныя залежи въ сосѣдней горѣ и пирамида съ двойной вершиной, называемая Серро-дель-Фрапле, были открыты только въ 1783 году, и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ на этой грудѣ обвалившихся камней воздвигся городъ. Главная группа жилищъ, представляющая теперь пятый городъ штата, основалась восточнѣе, въ легко доступной равнинѣ: это—городъ Матегуала.

Санъ-Луисъ, отличаемый отъ многихъ другихъ одноименныхъ городовъ прозвищемъ Потози, даннымъ за его рудныя богатства, но котораго онъ уже не заслуживаетъ, такъ какъ знаменитый рудникъ Санъ-Педро и большинство другихъ окрестныхъ рудниковъ совершенно покинуты, построенъ на мѣстѣ бывшаго города чичимековъ, Тангаманги во впадинѣ на краю плоскогорья, на высотѣ 1.890 метровъ надъ уровнемъ моря; воды, вытекающія изъ этой мѣстности, спускаются чрезъ ріо-Верде въ рѣку Пануко. Городъ окруженъ сплошнымъ поясомъ садовъ, которые совершенно скрываютъ его за своею зеленью: видны только башни и куполы многочисленныхъ церквей, возвышающихся надъ деревьями бульваровъ и площадей. Санъ-Луисъ-Потози носитъ вполнѣ испанскій характеръ. Въ Мексикѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ населеніе въ большинствѣ не чисто индѣйской расы, всѣ дома походятъ другъ на друга общимъ стилемъ архитектуры; моделью имъ послужили первыя зданія, построенныя испанцами во время завоеванія: можно сказать, что въ этомъ отношеніи со времени Кортеса не произошло никакихъ перемѣнъ, и дѣйствительно, какъ въ искусствѣ, такъ и въ ремеслахъ Мексики, за все время испанскаго владычества не изобрѣтено ничего новаго. За исключеніемъ коммерческихъ кварталовъ въ большихъ городахъ и предмѣстій, населенныхъ иностранцами, всѣ города имѣютъ вполнѣ однообразный видъ; постройки каменныя, и черезъ весь нижній этажъ, надъ которымъ иногда есть еще одинъ этажъ, идетъ широкій корридоръ, ведущій на *patio* или дворъ, который имѣетъ видъ садика съ цвѣточными клумбами и кустами и окруженъ верандами, куда выходятъ всѣ комнаты дома; парадные аппартаменты, изящно меблированные, выходятъ на улицу своими высокими рѣшетчатыми окнами, образующими просвѣтъ въ фасадѣ дома.

Главный городъ штата Санъ-Луисъ былъ, такъ же, какъ и Монтерей, Чигуагуа, Пасо-дель-Норте, одною изъ столицъ кочевавшаго правительства Мексиканской республики во время нашествія французовъ. Въ то время, лишенный уже рудниковъ, обогатившихъ его въ предыдущемъ вѣкѣ, онъ утратилъ цѣлую половину своего населенія. Открытіе желѣзной дороги изъ Вера-Круца въ Мексико отвлекло также большую часть его торговли на югъ и опять уменьшило численность его населенія; но Тампикская желѣзная дорога дала ему, наконецъ, прямой путь къ морю, что обезпечиваетъ городу значительное возрастаніе промышленности и торговли. Санъ-Луисъ въ изобиліи произ-

---

[1]) „Archives de le Commission Scientifique du Mexique". Томъ III.

водитъ хлѣбныя растенія, фрукты, овощи, прядильныя волокна, напитки, приготовляемые изъ магейи и другихъ растеній того же рода. Жители его, отличающіеся инициативой и энергіей, разсчитываютъ достигнуть того, что ихъ городъ займетъ по крайней мѣрѣ второе мѣсто между городами республики и даже современемъ будетъ соперничать съ столицей. По своимъ учебнымъ заведеніямъ, ученымъ обществамъ, академіи наукъ, Санъ-Луисъ также одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Мексиканской республики. Послѣ Санъ-Луиса самые многолюдные и дѣятельные города этого штата: Ріо-Верде, Санта-Марія-дель-Ріо, Сіудадъ-дель-Маисъ, находятся въ юго-восточной части штата, на склонахъ плоскогорья, спускающихся къ Тампико. Горнозаводскій городъ Гвадалказаръ, лежащій на сѣверо-востокѣ отъ Санъ-Луиса, въ известковой мѣстности, гдѣ воды убѣгаютъ въ подземныя галлереи, пришелъ въ упадокъ. На сѣверо-западѣ, городъ Салинасъ, какъ показываетъ самое имя его, изобилуетъ залежами каменной соли и соляными озерами, эксплоатація которыхъ производится здѣсь дѣятельнѣе, чѣмъ въ всей остальной республикѣ.

Главные и историческіе города «внутреннихъ» провинцій Закатекаса, Агуасъ-Каліентеса и Санъ-Луи-Потози, съ ихъ «муниципальнымъ» населеніемъ, по переписи 1877 г:

Штатъ Закатекасъ: Закатекасъ—40.000 ж.; Фреснильо — 15.000; Сіудадъ-Гарсіа—25.900; Пиносъ—23.770; Сомбререте—18.060; Гвадалупе (предмѣстье Закатекаса)—15.375 жит.

Штатъ Санъ-Луи-Потози: Санъ-Луи-Потози—69.000 жит.; Ріо-Верде—26.035; Санта-Марія-дель-Ріо — 24.230; Сіудадъ-дель-Маисъ—23.850; Матегуала—21.350; Каторсе—17.820 жит.

Штатъ Агуасъ-Каліентесъ: Агуаскаліентесъ—32.000 жителей.

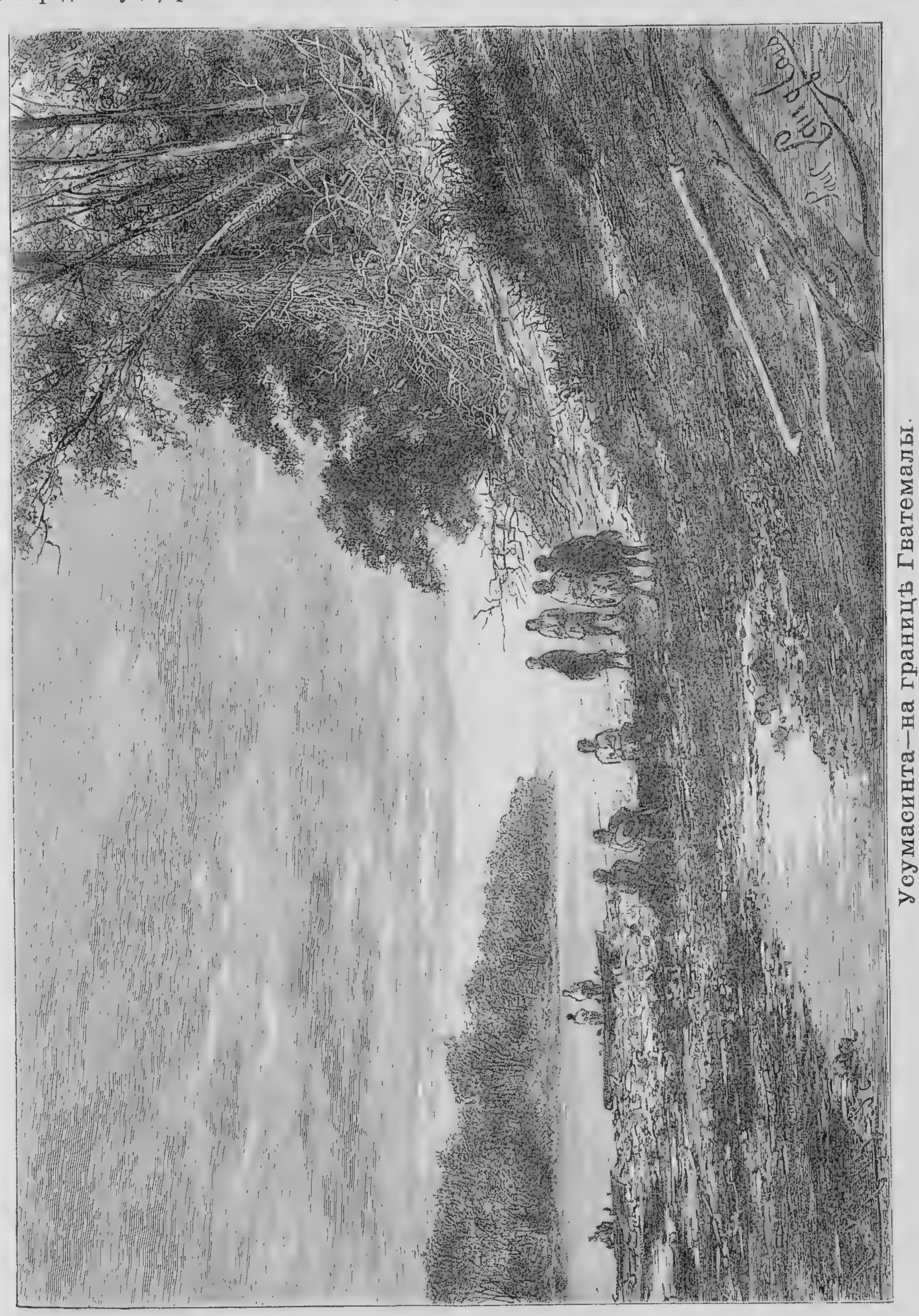
Покатость ріо-Лермы, Гуанахуато, Халиско и Тепикъ, Колима, Мичоаканъ.

Политическое дѣленіе территоріи на штаты нисколько не соотвѣтствуетъ ея естественнымъ границамъ; нѣкоторыя границы были опредѣлены во время испанскаго правленія, согласно распредѣленію народцевъ и нарѣчій, согласно религіознымъ и административнымъ вліяніямъ и въ особенности сообразно интересамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, европейцевъ или креоловъ. Тѣмъ не менѣе, между группировкою штатовъ и совокупностью физическихъ условій можетъ оказаться случайно нѣкоторое совпаденіе. Такъ, четыре штата Гуанахуато, Халиско, съ территоріей Тепика, Колима и Мичоаканъ составляютъ опредѣленную естественную область, занимая бассейнъ ріо-Лермы и другихъ рѣкъ, текущихъ съ восточнаго склона Анагуака къ Великому океану. Эти провинціи, гдѣ расположены ярусами одинъ надъ другимъ три климата — земля холодная, земля умѣренная, земля жаркая— изобилуютъ различными произведеніями природы, и населеніе имѣютъ относительно плотное: на одинъ квадратный километръ приходится 19 человѣкъ; особенно оно увеличилось за послѣднія десятилѣтія.

Между этими штатами Гуанахуато, расположенный всего ближе къ столицѣ, снабженный лучшими путями сообщенія и служащій издавна резиденціей бѣлыхъ, является самымъ богатымъ и населеннымъ въ отношеніи занимаемаго имъ пространства. Городъ Гуанахуато, столица штата, принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, которые выросли, благодаря своимъ пріискамъ, на днѣ узкаго оврага, между голыхъ, разорванныхъ скалъ. Возвышаясь въ среднемъ на 2.031 метръ надъ уровнемъ моря, онъ извивается въ ущельѣ, доступномъ только по одной извилистой дорогѣ. Дома съ плоскими крышами лѣпятся одинъ надъ другимъ, словно кучки на-удачу брошенныхъ костей; узенькія улицы зигзагами взбираются по скатамъ голыхъ горъ, на которыхъ растутъ только кактусы и низкіе кустарники. На вершинѣ скалы стоитъ старинная крѣпость, Кастильо-де-Гранадитасъ, обращенная въ тюрьму; на откосахъ тамъ и сямъ ютятся деревни рудокоповъ, заводы расположились на террасахъ или на днѣ оврага. Одну изъ этихъ горнопромышленныхъ группъ составляетъ знаменитая Валенсіана. Въ этомъ мѣстѣ, *veta madre*, или «главная жила» Гуанахуато, ширина которой нигдѣ не менѣе 9 метровъ, а мощность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превышаетъ 50 метровъ, образуетъ огромныя залежи серебряной руды, откуда ежегодно, въ теченіе періода времени съ 1768 г. до 1810 г., добывалось металла на сумму свыше 38.000.000 франковъ. Это самая глубокая жила въ Мексикѣ, такъ какъ она углубляется въ землю на 622 метра; но со времени войны за независимость она наполнилась водой; тщетно англійскія компаніи неоднократно пытались возстановить ея эксплоатацію: считаютъ, что тамъ должно еще оставаться серебра на сумму 7—8 милліардовъ [1]). Наиболѣе содержательные штуфы, извлекаемые изъ эксплоатируемыхъ еще рудниковъ, перетираются въ порошокъ и подвергаются, для очищенія металла, химическимъ процессамъ, тогда какъ относительно бѣдные штуфы идутъ на постройки или сваливаются въ кучи за деревнями рудокоповъ. Если цѣнность благородныхъ металловъ поднимется, то, конечно, не преминутъ разрушить всѣ эти жал-

[1]) J. Ramirez, „Riqueza mineral de Mexico".

кія лачуги горнозаводскихъ поселковъ и ихъ строительный матеріалъ, изобилующій серебряными прожилками, подвергнуть разработкѣ. Городъ Луцъ, расположенный невдалекѣ отъ Гуанахуато, нѣсколько сѣверо-западнѣе, въ группѣ горъ Гиганте, также окруженъ рудными мѣсторожденіями. Въ настоящее время монетный дворъ Гуанахуато ежегодно вычеканиваетъ монетъ на сумму около 24.000.000 франковъ, изъ которыхъ 4 милліона приходится на золото, а остальное на серебро, и весь этотъ металлъ добывается почти исключительно въ окрестныхъ рудникахъ.

Усумасинта—на границѣ Гватемалы.

Гуанахуатскія руды прославились въ физіографіи своимъ подземнымъ шумомъ, который слышится довольно часто. Въ 1784 г. этотъ шумъ былъ настолько силенъ, что жители въ ужасѣ разбѣжались, хотя подземный гулъ и

не сопровождался ни малѣйшимъ сотрясеніемъ земли [1]). Одна изъ горъ этой страны называется Брамадоръ, или «Ревунъ».

Гуанахуато—одинъ изъ историческихъ городовъ, прославившійся во время войны за независимость. Здѣсь, въ 1810 г., инсургенты, при помощи 20.000 индѣйцевъ, вооруженныхъ только ножами и палками, одержали свою первую побѣду; добыча была огромная: одна только крѣпость дала 25 милліоновъ. Небольшой городъ Долоресъ, въ приходѣ котораго и былъ священникомъ извѣстный предводитель возстанія Гидальго, находится въ сорока километрахъ на сѣверо-востокъ отъ Гуанахуато: со времени торжества революціи онъ получилъ названіе Долоресъ-Гидальго. Каждый штатъ имѣетъ свой городъ или деревню съ именемъ Гидальго; такъ же увѣковѣчены имена и другихъ патріотовъ, прославившихся на военномъ поприщѣ, каковы: Морелосъ, Абасоло, Районъ, Алленде, Матаморосъ, Герреро; многія названія испанскаго происхожденія были замѣнены новыми, заимствованными изъ политическаго пантеона мексиканцевъ.

Соперникомъ Гуанахуато по численности населенія является другой городъ этого штата—Леонъ-де-лосъ-Алдамасъ, лежащій, подобно его столицѣ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Лермы, но въ болѣе доступной мѣстности, съ болѣе благопріятнымъ климатомъ. Огражденный съ сѣверной стороны группою горъ «Гиганта», городъ расположенъ въ плодородной и хорошо обработанной долинѣ, на сѣверо-западной оконечности аллювіальной зоны, которая, подъ названіемъ Бахіо, пересѣкаетъ весь штатъ Гуанахуато. Леонъ, который, несмотря на свою многолюдность, никогда не занималъ положенія столицы, считается плебейскимъ городомъ, гдѣ трудъ всегда занимаетъ первенствующее мѣсто: въ немъ находится много фабрикъ, и особенно онъ славится своими шорными издѣліями: богатые мексиканскіе кавалеристы выписываютъ сѣдла и сбрую для своихъ верховыхъ лошадей именно изъ Леона; кромѣ того, здѣсь много шерстяныхъ и бумагопрядильныхъ фабрикъ; но населеніе этого города, пребывавшее долгое время въ полномъ невѣжествѣ, обрѣтается подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, которое руководитъ имъ во всѣхъ междоусобныхъ смутахъ. Проложенная черезъ Бахіо желѣзная дорога, съ вѣтвью къ Гуанахуато, захватываетъ почти всѣ значительные города штата, именно: Силао, съ его горами Сіерра-де-Кубилите, изобилующими серебряными рудами и теплыми источниками, Ирапуато, Саламанку, съ ея бумагопрядильнями, и Селайю,—курортъ и фабричный центръ, особенно славящійся выдѣлкою суконъ, ковровъ, мыла и кожъ. Другой промышленный городъ, Санъ-Мигуель-Алленде, или просто Алленде, существующій съ первыхъ временъ завоеванія, расположенъ на равнинѣ, на востокъ отъ Гуанахуато. Города Сальватьерра и Валле-Сантъ-Яго занимаютъ лощины на плато, усѣянномъ озерами и простирающемся на югъ къ Мичоакану.

Ріо-Лерма у города Саламанки переходитъ въ бассейнъ Бахіо, нѣкогда озерный, затѣмъ огибаетъ съ южной стороны массивъ Санъ-Грегоріо и, до своего впаденія въ озеро Чапала, орошаетъ вторую, очень широкую долину. Города Пьедадъ и Барка, окруженные многочисленными деревнями, стоятъ на берегу рѣки, а внутри штата, по направленію къ югу, находится городъ Икстланъ, съ своими грязевыми вулканами, разбросанными сотнями по равнинѣ. На западѣ, на берегахъ обширнаго озернаго бассейна, нѣтъ большихъ городовъ: сама Чапала, лежащая на сѣверномъ берегу, представляетъ собою мѣстечко, въ сторонѣ отъ путей сообщенія. На востокъ отъ этого города виднѣется островъ Мескалъ, въ которомъ, по мнѣнію Орозко-и-Берра, Люсьена Біарта и другихъ, слѣдуетъ видѣть миѳическій Астланъ, откуда нахуа выводятъ свой родъ. Въ 1812 г. индѣйцы съ окрестныхъ береговъ убѣжали, подъ предводительствомъ одного священника, на островъ Мескалъ и тамъ впродолженіи пяти лѣтъ храбро защищались противъ всѣхъ нападеній испанцевъ; когда они сдались, ихъ было не болѣе двухъ сотъ человѣкъ, т. е. одна десятая часть первоначальнаго числа бѣглецовъ [1]). Впослѣдствіи этотъ островъ, вызывающій сколько славныхъ воспоминаній, обратили въ мѣсто ссылки преступниковъ.

Гвадалахара, столица штата Халиско, расположена въ двадцати километрахъ отъ лѣваго берега рѣки, на плоскогорьѣ, по которому протекаютъ только небольшіе ручейки: она лежитъ на средней высотѣ 1.552 метровъ надъ уровнемъ моря. Основанный въ первыя времена завоеванія, въ 1542 г., но скоро перемѣщенный, этотъ городъ всегда былъ однимъ изъ важныхъ, благодаря своему географическому положенію въ центрѣ дорогъ, ведущихъ изъ портовъ южнаго побережья къ плоскогорью. Населеніе его, которое зачастую становилось во главѣ оппозиціи противъ Мексико, состояло уже въ началѣ этого вѣка изъ 20.000 жителей; теперь численность его превосходитъ 100.000 человѣкъ, включая сюда его промышленныя предмѣстья: мексиканскій городъ далеко оставилъ за собой испанскій, которому онъ обязанъ своимъ названіемъ. Какъ рудный центръ, Гвадалахара не можетъ сравняться ни съ Закатекасомъ, ни съ Гуанахуато, но все же она

[1]) Virlet d'Aoust, „Coup d'oeil sur la topographie et la géologie du Méxique".

[1]) Lyon, „Mexico".

имѣетъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ на ея монетномъ дворѣ ежегодно вычеканиваютъ серебряныхъ монетъ на сумму 6—7 милліоновъ франковъ. Но какъ складочное мѣсто для земледѣльческихъ продуктовъ и какъ мануфактурный городъ, славящійся производствомъ различныхъ тканей, въ особенности *rebozos*, бумаги, крахмала и сигаръ, а также своими плавильными и стеклянными заводами, Гвадалахара занимаетъ второе мѣсто между городами республики; кромѣ того, это—городъ *dulces* (сладостей), гдѣ занимаются фабрикаціей драже и варенья. Такъ какъ источниковъ, снабжавшихъ городъ водою, стало недостаточно съ тѣхъ поръ, какъ населеніе возросло въ такихъ значительныхъ размѣрахъ, то изъ ріо-Лермы, выше водопада Жуанакатланъ, провели каналъ, несущій воду въ Гвадалахару. Этотъ водопроводъ служитъ также главною двигательною силою для городскихъ заводовъ. Луисъ Мартинецъ [1]) предлагалъ даже расширить и углубить этотъ каналъ настолько, чтобы сдѣлать его судоходнымъ и урегулировать его теченіе шлюзами: тогда Гвадалахара могла бы сдѣлаться портомъ на озерѣ Чапала, посредствомъ судоходной части ріо-Лермы. Въ нѣсколькихъ километрахъ на западъ отъ города, на холмахъ Сенъ-Педро, разбросаны загородныя виллы богатыхъ жителей Гвадалахары. На востокѣ, черезъ ріо-Лерма, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ 164 метра ширины, перекинутъ мостъ Тотолотланъ, испанской постройки; дальше дорога идетъ черезъ сѣверный притокъ Лермы по знаменитому мосту Кальдерона, гдѣ инсургенты проиграли свое первое сраженіе, которое долго считали рѣшительнымъ. По сосѣдству, между городами Закотланехо и Тепатитланъ, виднѣется еще разрушенная пирамида храма, «*серрито* Монтезумы».

Городъ Лагосъ, лежащій на сѣверо-востокъ отъ Гвадалахары, на притокѣ ріо-Лермы, помѣщается въ самомъ углу штата, на половинѣ пути между Агуасъ-Каліентесомъ и Гуанахуато; по своему географическому положенію онъ долженъ служить естественнымъ посредникомъ между многими штатами плоскогорья: дѣйствительно, его базары очень людны, но все-таки по размѣрамъ торговли уступаютъ ярмаркѣ сосѣдняго города Санъ-Жуанъ-де-лосъ-Лагосъ, лежащаго ниже, въ долинѣ: по своей ярмаркѣ этотъ городъ былъ прежде настоящимъ мексиканскимъ Бокеромъ. Городъ Боланьосъ, менѣе населенный, чѣмъ Лагосъ, расположенъ также на одномъ изъ сѣверныхъ притоковъ ріо-Лермы, на ріо-Хересъ, въ трудно доступной мѣстности, у выхода грандіознаго ущелья, доминируемаго высокими, крутыми скалами; нѣкогда этотъ городъ пользовался большимъ значеніемъ, благодаря своимъ рудникамъ. Нѣкоторые народцы долго держались въ природныхъ крѣпостяхъ этого края, и еще до сихъ поръ тамъ можно видѣть разнообразные слѣды ихъ пребыванія. Отсутствіе дорогъ заставляетъ путешественниковъ огибать высокую сіерру-де-Найаритъ для того, чтобы попасть или на западъ—въ Тепикъ и Санъ-Бласъ, или на сѣверъ—въ Куліаканъ и Дуранго. На югъ отъ Боланьоса и на другой сторонѣ Лермы, у подошвы высокой скалистой стѣны, построенъ городъ Текила, славящійся во всей Мексикѣ своей магейевой водкой, которую называютъ, по имени города, *текилой*.

Городъ Тепикъ, столица отдѣльной территоріи, расположенъ, подобно Гвадалахарѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи къ югу отъ ріо-Лермы, командуя, такъ сказать, нижнимъ теченіемъ этой рѣки. Своимъ процвѣтаніемъ этотъ городъ обязанъ своему здоровому мѣстоположенію на высотѣ 900 метровъ надъ уровнемъ моря, среди фруктовыхъ и другихъ садовъ, на краю немзоваго плоскогорья, откуда видно разстилающееся внизу море; онъ служитъ дачной мѣстностью и санаторіей для жителей нездороваго побережья, гдѣ осаждаются наносы изъ ріо-Лермы. Когда завоеватель Нуньо-де-Гусманъ водворился въ странѣ, онъ избралъ для своей резиденціи другое мѣсто, расположенное въ двадцати километрахъ южнѣе, но тоже на краю плоскогорья и въ томъ же разстояніи отъ моря: тамъ былъ основанъ городъ Компостелла, который долгое время былъ стратегическимъ центромъ всей Западной Мексики; теперь же онъ представляетъ собою селеніе, пришедшее въ упадокъ. Бывшій индѣйскій городокъ Халиско, или «Городъ Пепла», отъ котораго получилъ свое названіе штатъ, имѣющій своею столицей городъ Гвадалахару, лежитъ въ 7 километрахъ къ югу отъ Тепика, на склонахъ Серро-Санъ-Жуана, усѣянныхъ мелкими вулканическими каменьями. Тамъ нашли остатки построекъ, глиняную утварь и другіе предметы древности. Въ Халиско царствовала женщина въ то время, когда испанцы завоевали его.

Деревня Сантъ-Яго, построенная у самаго выхода горныхъ ущелій, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ріо-Лерма, называющаяся также ріо-Гранде-де-Сантъ-Яго, вступаетъ въ равнины побережья, утратила нынѣ всякое морское значеніе; морскія суда, большей осадки, чѣмъ тѣ, которыя служили испанскимъ завоевателямъ, не могутъ форсировать опасный порогъ рѣки, чтобы подняться по теченію ея до какого-либо внутренняго порта. Нынѣшній приморскій складочный пунктъ, Санъ-Бласъ, расположенъ на югъ отъ аллювіальныхъ земель, нанесенныхъ рѣкою, невдалекѣ отъ горныхъ откосовъ, которые поднимаются къ плоскогорью Тепикъ; прежде одинъ изъ боковыхъ рукавовъ Лермы изливался въ гавань Санъ-Бласа, но во время

[1]) „Informes y documentos relativos à Comercio“, іюль 1886 г.

войны за независимость [1]) его завалили, и съ тѣхъ поръ онъ остался закрытымъ. Портъ хорошо защищенъ отъ вѣтровъ, но входный каналъ его узокъ, и глубина его при низкой водѣ не имѣетъ даже 4-хъ метровъ. Несмотря на то, Санъ-Бласъ—наичаще посѣщаемый портъ западнаго побережья Мексики, между Мазатланомъ и Акапулко. Старый городъ, гдѣ проживали, во время испанскаго владычества, филиппинскіе купцы, возвышался надъ портомъ на скалѣ чернаго базальта, доступной только со стороны суши. Будучи разрушенъ во время междоусобныхъ мексиканскихъ войнъ, онъ представляетъ теперь лишь развалины, почти сплошь покрытыя растительностью; нынѣшній Санъ-Бласъ, спустившійся со скалы на берегъ, состоитъ изъ группы домовъ и соломенныхъ хижинъ, осѣненныхъ кокосовыми деревьями и населенныхъ преимущественно мулатами. Цѣнность торговаго обмѣна въ Санъ-Бласѣ въ 1886 г. составляла 8.350.000 франковъ.

Ріо-Амека, впадающая, на югѣ отъ залива Санъ-Бласъ, въ бухту Бандерасъ, дала свое имя главному городу ея бассейна. Амека и сосѣдній городъ Кокула, лежащіе въ очень плодородной области, усѣянной озерами и бывшими озерными бассейнами, нынѣ высохшими, будутъ современемъ, когда страна покроется сѣтью дорогъ, представлять болѣе короткій путь между озеромъ Чапала и моремъ, чѣмъ нынѣшній кружный путь на Гвадалахару и Тепикъ. Но бухта Бандерасъ, широко открытая со стороны моря, не имѣетъ порта: городъ Маскота, пріютившійся въ долинкѣ, у подножія разорванныхъ скалъ, называемыхъ Буфаде-Санъ-Себастіанъ, не имѣетъ на берегу ни одной деревни, которая бы могла служить ему морской пристанью. Надо пройти вдоль берега болѣе ста километровъ на югъ, прежде чѣмъ доберешься до мѣста якорной стоянки—до маленькаго порта Чамела, который ведетъ коекакую торговлю красильнымъ деревомъ. Двѣ другія вырѣзки побережья далѣе на юго-востокѣ, бухты Тенакатита и Навидадъ, даютъ пристанище каботажнымъ судамъ. Въ исторіи первыхъ плаваній по Тихому океану, Навидадъ былъ выбранъ изслѣдователями Южнаго моря, какъ отправный портъ.

На югъ отъ озера Чапала, два промышленныхъ и живописныхъ города—Сайула (1.340 метровъ) и Запотланъ (1.310 метровъ), называемый также Сіудадъ-Гусманъ, имѣютъ нѣкоторое значеніе какъ этапы на дорогѣ изъ Гвадалахары къ другому главному городу штата, Колимѣ (прежде Сантъ-Яго-де-лосъ-Кабальеросъ), основанному Кортесомъ въ первыя времена завоеванія. Колима стоитъ на высотѣ 450 метровъ надъ уровнемъ моря, на первыхъ выпуклостяхъ холмовъ, которые постепенно образуютъ пьедесталъ для двухъ «вулкановъ»,—вулкана «Огня» и вулкана «Снѣга». Съ западной стороны Колимы протекаетъ рѣка, многочисленные притоки которой выходятъ изъ глубокихъ барранокъ, изрѣзывающихъ склоны горъ; эти воды обильно орошаютъ городъ съ его садами, кофейными и сахарными плантаціями и хлопчатниковыми полями. Почва и климатъ могли бы сдѣлать сельскій округъ Колимы одною изъ самыхъ богатыхъ естественными произведеніями странъ въ свѣтѣ, если бы ея земледѣліе не находилось въ такомъ первобытномъ состояніи. Мѣстная промышленность довольно развита: индіянки, занимающіяся пряжею и тканьемъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, отличаются замѣчательнымъ искусствомъ и тонкимъ вкусомъ; туземные гончары тоже очень искусны, и среди нихъ попадаются настоящіе художники, умѣющіе съ поразительнымъ сходствомъ лѣпить бюсты изъ терракоты. Въ сезонъ лихорадокъ Колима иногда посѣщается этимъ бичемъ, но во всякомъ случаѣ страдаетъ отъ него гораздо меньше, чѣмъ деревни, лежащія въ равнинахъ; богатые колименьосы переселяются тогда въ свои гасіенды, расположенныя на возвышенностяхъ, преимущественно въ деревню Тонилу, взгромоздившуюся высоко между огромными брешами склоновъ, на террасѣ, откуда видна группа вулкановъ во всемъ ея величіи.

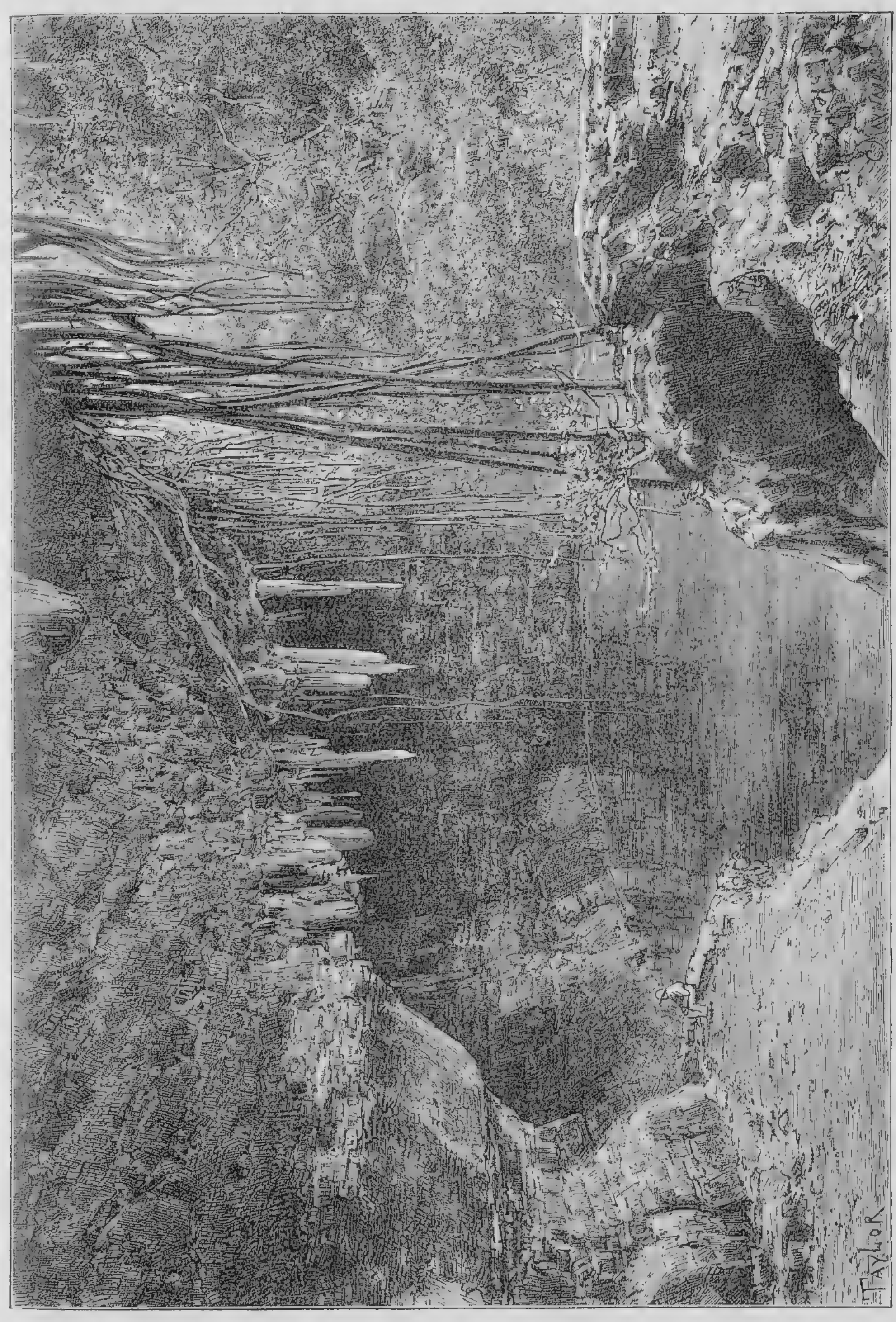
Желѣзная дорога, соединяющая эти мѣстности съ сѣтью мексиканскихъ рельсовыхъ путей, начинается береговой линіей, выходящей изъ Манзанильо, гавани Колимы, и огибающей на югѣ, по песчаной косѣ, длинную мелководную лагуну Куютланъ, которая высыхаетъ во время жаровъ, и которую предлагали соединить съ моремъ посредствомъ прорѣза узкаго перешейка. Портъ Манзанильо, открывающійся въ каменистомъ берегу, къ западу отъ этого песчанаго перешейка, широкъ, глубокъ и хорошо защищенъ отъ вѣтровъ, кромѣ западныхъ и юго-западныхъ, которые часто дуютъ здѣсь въ сезонъ дождей, т. е. съ мая по октябрь. Это время считается самымъ здоровымъ сезономъ въ году, но въ мѣсяцы засухи климатъ Манзанильо становится крайне вреднымъ. Цѣнность внѣшней торговли въ Манзанильо въ 1886 г. выразилась цифрой 5.450.000 франковъ. Въ сотнѣ километровъ на юго-востокъ отъ этого порта каботажныя суда посѣщаютъ другую бухточку, Марнату, столь же нездоровую, какъ и Манзанильо, и къ тому же не представляющую почти никакого прикрытія. Между этими двумя пристанями, соляные промыслы на лагунахъ занимаютъ въ сезонъ сбора соли отъ пяти до шести тысячъ рабочихъ индѣйцевъ [1]).

---

[1]) Duflot de Mofras, „Exploration de l'Orégon“.

[1]) Xantus, „Scottisch Geographical Magazine“, февраль, 1890 г.

Штатъ Мичоаканъ, имя котораго, какъ говорятъ историки, происходитъ отъ рыбы *мичи*, составляетъ одну изъ тѣхъ мексиканскихъ областей, которыя всего труднѣе слились съ остальной Новой Испаніей. Тараски не были покорены ацтеками, и ихъ глава, въ отличіе отъ другихъ, назывался «Обутымъ», потому что онъ одинъ изъ князей имѣлъ право стоять обутымъ передъ Монтезумой. Гордые своей свободой, освященной вѣками, тараски приняли сначала испанцевъ какъ простыхъ союзниковъ; спустя три вѣка, во время войны за независимость, дисциплинированное европейское войско нигдѣ не встрѣчало такого упорнаго и мужественнаго сопротивленія, какъ здѣсь со стороны тарасковъ. Первое совѣщательное собраніе бунтовщиковъ происходило въ мѣстечкѣ Апасинганъ, въ одной изъ нижнихъ долинъ,

Вальядолидскій гротъ.

спускающихся къ ріо-Мексвала; впослѣдствіи онъ былъ переведенъ въ Зитакуаро, нагорный городъ, находящійся между Мореліей и Толукою: городъ этотъ, имя котораго, по словамъ этимологовъ-патріотовъ, означаетъ «Мѣсто Воскресенія», съ тѣхъ поръ прозванъ «Геройскимъ».

Столица штата тоже носитъ имя, съ которымъ соединяется воспоминаніе о подвигахъ въ борьбѣ съ Испаніей: при старомъ правленіи она называлась Вальядолидомъ, какъ большой кастильскій городъ, теперь же она извѣстна только подъ именемъ Мореліа, даннымъ ей въ честь Морелоса, одного изъ героевъ и жертвъ возстанія. Хотя Мореліа лежитъ на плоскогорьѣ, въ бассейнѣ озера Квицео, высота ея положенія не превышаетъ 1.940 метровъ надъ уровнемъ моря; она занимаетъ плодородную долину между двумя ручьями, на западѣ которой возвышается великолѣпная гора Кинсео, высотою въ 2.664 метра. Городъ этотъ, который долгое время оставался въ сторонѣ отъ главныхъ путей сообщенія,—одинъ изъ лучшихъ въ Мексикѣ по постройкѣ и чистотѣ: онъ имѣетъ прекрасные сады и соборъ съ двумя башнями простаго и правильнаго стиля [1]). Вѣтвь желѣзной дороги, соединяющая Морелію съ мексиканской сѣтью дорогъ,—одна изъ живописнѣйшихъ во всемъ Анагуакѣ: она идетъ вдоль береговъ озера Квицео и между горъ, луговъ и лѣсовъ. Къ западу отъ этого великолѣпнаго бассейна, нѣкогда болѣе обширнаго, чѣмъ теперь, между городами и теченіемъ Лермы разсѣяно множество другихъ озеръ, изъ которыхъ одно отражаетъ въ своихъ водахъ дома города Пуруандиро. Замора, Икстланъ, Хикильпанъ—самые населенные города въ юго-западной части Мичоакана, смежной съ озеромъ Чапала.

На юго-западѣ отъ Мореліи, желѣзная дорога идетъ дальше, по направленію къ Пацкуаро, который въ первое время завоеванія былъ столицею этой области, до 1541 г., когда испанцы основали Вальядолидъ. Предшественникомъ Пацкуаро въ роли столичнаго города былъ до 1520 г. Цинцонцанъ или Гуицизила, «Городъ Колибри», резиденція властителя, вокругъ котораго, какъ говоритъ легенда, сгруппировалось около сорока тысячъ подданныхъ; епископъ Васко де-Кирога заставилъ переселиться своихъ прихожанъ изъ стараго города въ новый, расположенный въ недалекомъ разстояніи на террасѣ, съ которой видно озеро Пацкуаро, лежащее въ четырехъ километрахъ оттуда. Цинцонцанъ еще существуетъ и до сихъ поръ, но представляетъ собою не болѣе какъ деревню, тогда какъ Пацкуаро, «Мѣсто Наслажденій» (или «Мѣсто храмовъ», по Брасеръ-де-Бурбуру), сдѣлался многолюднымъ городомъ. Разсѣянные въ окружности холмики покрываютъ, какъ говорятъ, развалины древнихъ храмовъ и дворца. Индѣйцы этой области до сихъ поръ сохранили свое искусство въ выдѣлкѣ различныхъ предметовъ изъ перьевъ колибри и другихъ птицъ.

Мѣстность вокругъ озера Пацкуаро находится еще на высотѣ 2.200 метровъ надъ уровнемъ моря, но нѣсколько южнѣе дорога уже достигаетъ края плоскогорья и быстро спускается къ морю черезъ города Такамбаро, Аріо, Уруапанъ или какой-либо другой городъ, расположенный въ одной изъ боковыхъ долинъ ріо-Мексвала. По близости Аріо, лежащаго на высотѣ болѣе 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря, въ виду вершины вулкана Тансит...о, находится деревня Канинціо, которая не очень давно была населена группой французскихъ колонистовъ, насадившихъ въ этомъ краѣ множество разнообразныхъ деревьевъ, какъ плодовыхъ, такъ и декоративныхъ: вино, изготовлявшееся въ колоніи Francia, или «Маленькая Франція», славилось даже въ столицѣ Мексики. Но когда въ 1864 г. въ страну вторглись французскія войска, туземцы возмутились противъ иноземныхъ агрономовъ и вынудили ихъ выселиться [1]). Въ окрестностяхъ Аріо цѣлыми сотнями разсѣяны могильные холмики, или *айякатесы*, сооруженные древними тарасками, и въ этихъ могилахъ были найдены очень любопытные предметы, относящіеся къ доисторической промышленности.

Самые населенные или историческіе города штатовъ западнаго склона, съ цифрой ихъ населенія:

Штатъ Гуанахуато: Леонъ (де-лосъ-Альдамасъ)—91.000 жит.; Гуанахуато—39.000; Долоресъ-Гидальго—44.980; Алленде (Санъ-Мигуель-де)—22.000; Силао—16.000; Селая—25.000; Ирапуато — 27.700; Саламанка — 24.000; Сальватьерра—23.960; Валле-Сантъ-Яго — 22.900; Абасоло—21.760; Ла-Луцъ—14.670 жит.

Штатъ Халиско: Гвадалахара—84.000 жит.; Лагосъ (де-Морено)—42.320; Сайула—26.360; Тепатитланъ — 23.650; Ла-Барка — 22.890; Санъ-Жуанъ-де-лосъ-Лагосъ — 18.650; Запотланъ-эль-Гранде (Сіудадъ-Гусманъ)—23.000; Амека—13.420; Сантъ-Яго—8.520; Теквила—6.800; Компостела—6.720; Боланьосъ—3.320 жит.

Тепикъ: Тепикъ—16.000 жит.; Санъ-Бласъ—3.520 жит.

Штатъ Колима: Колима—19.000 жит.; Манзанильо—4.040 жит.

Штатъ Мичоаканъ (Де-Окампо): Морелія—32.000 жит.; Пуруандиро (де-Кальдеронъ)—27.650; Ла-Пьедадъ (де-Кабадасъ)—18.900; Замора—14.640; Такамбаро—12.630; Аріо (де-

[1]) Jules Leclercq, „Voyage au Mexique".

[1]) Jules Leclercq, цитиров. сочиненіе.

Розалесъ)—12.360; Икстланъ—12.230; Уруапанъ (дель Прогресо)—11.640; Пацкуаро—11.630; Зитакуаро (де-ла-Индепенденсія)—11.320 жит.

Анагуакское плоскогорье.

Кверетаро, Гидальго, Мексико, Федеральный округъ.

Различные штаты, занимающіе Анагуакское плоскогорье въ собственномъ смыслѣ слова, представляя, однако, на своей окружности многочисленныя бреши, черезъ которыя воды текутъ въ обоимъ морямъ, но преимущественно къ Мексиканскому заливу, составляютъ самую плодородную, богатую и населенную область въ республикѣ: здѣсь на одинъ квадратный километръ приходится 33 жителя, т. е. почти на половину меньше, чѣмъ во Франціи. Такимъ образомъ центръ тяжести мексиканской націи не перемѣстился со времени толтекской цивилизаціи, т. е. въ теченіе по крайней мѣрѣ тысячи лѣтъ; впрочемъ, онъ и не могъ перейти ни въ какую другую часть Мексики, хотя бы и болѣе богатую рудниками, какъ Дуранго и Закатекасъ, или флорою, какъ Мичоаканъ и Оаксака; причину этого надо искать въ счастливомъ положеніи Анагуакскаго плоскогорья, которое представляетъ собою естественный центръ, куда сходятся всѣ дороги, идущія съ сѣвера, между Миссисипи и Скалистыми горами, и въ то же время служитъ какъ бы крѣпостью, которая господствуетъ надъ двумя склонами страны.

Штатъ Кверетаро, въ которомъ получаютъ свое начало первые притоки рѣки, изливающейся, подъ именемъ Пануко, въ море между штатами Тамаулипасъ и Вера-Круцъ, занимаетъ относительно незначительное пространство; сѣверная его часть, въ которой находятся города Халпанъ, Толиманъ, Кадерейта, имѣетъ очень рѣдкое населеніе. Жители скучились преимущественно въ южной половинѣ штата, тамъ, гдѣ съ одной стороны начинается большая равнина Бахіо, данница ріо-Лермы, а съ другой—долина ріо-Санъ-Жуанъ, одного изъ главныхъ рукавовъ Пануко; въ этой долинѣ находится городъ Санъ-Жуанъ-дель-Ріо, восхитительный «городъ садовъ». Кверетаро—по-тарасски—«Городъ Игры въ Мячъ», лежитъ у самаго порога раздѣльной линіи, между двумя отлогостями, на высотѣ 1.850 метровъ надъ уровнемъ моря. Лѣтописи приписываютъ его основаніе племени отоми, въ половинѣ IV-го вѣка, но всѣ его постройки чисто испанскаго происхожденія; особенно замѣчателенъ водопроводный каналъ, съ 74 сводами, лежащій на высотѣ 23 метровъ надъ оврагомъ; резервуаръ, недавно устроенный выше города, содержитъ болѣе милліона кубическихъ метровъ воды. Кверетаро—одинъ изъ промышленныхъ городовъ Мексики по фабрикаціи мыла и сигаръ; его бумагопрядильныя фабрики занимаютъ не одну тысячу рабочихъ рукъ. На склонѣ *серро* де-ласъ-Кампанасъ, возвышающагося съ западной стороны города, въ разстояніи около одного километра, находится небольшой памятникъ изъ трехъ камней, указывающій то мѣсто, гдѣ, въ 1867 г., пали разстрѣлянными императоръ Максимиліанъ съ двумя его сподвижниками, генералами Мирамономъ и Меджіа: къ нимъ былъ примѣненъ законъ, подписанный самимъ же Максимиліаномъ 3-го октября 1865 года и осуждавшій на смерть тѣхъ мексиканцевъ, которые будутъ сражаться за свою независимость [1]).

Штатъ Гидальго, названный такъ въ память священника, который первый сдѣлалъ призывъ мексиканцамъ къ возмущенію,—относительно недавняго происхожденія: до 1869 г. онъ составлялъ часть штата Мексико. Также какъ и сосѣдній штатъ Кверетаро, онъ населенъ крайне неравномѣрно: сѣверная часть его, цѣликомъ занятая горами, населена рѣже: города Зимапанъ, Хакала, Мекститланъ и Гуехутла,—древній городъ гуакстековъ,—находятся въ довольно далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Населеніе скучилось преимущественно въ большихъ плодородныхъ равнинахъ южной части штата, надъ которыми господствуетъ очень продуктивная рудная область. Тамъ, близъ Актопана и причудливыхъ горъ «Органовъ», находится и столица штата, Пачука, древній городъ, связанный вѣтвью съ мексиканскою сѣтью желѣзныхъ дорогъ; въ этой мѣстности индѣйцы эксплоатировали золотыя и серебряныя руды еще до эпохи завоеванія. Испанцы овладѣли этими рудниками и продолжали изысканія; здѣсь, именно, въ сосѣдствѣ Пачуки, и былъ открытъ способъ холодной амальгамаціи, называющійся *патіо*, который впослѣдствіи былъ примѣненъ на всѣхъ мексиканскихъ горныхъ заводахъ. Группа рудниковъ Регла, находящаяся между Пачукой и Атотонилко, прославилась подъ именемъ Реаль-дель-Монте; въ недавнее время она переименована въ Минераль-дель-Монте: до пожара и наводненій, разрушившихъ эти рудники, изъ нихъ извлекали серебро на сотни милліоновъ. Со времени войны за независимость, эксплоатація ихъ возобновилась при участіи англійскихъ мастеровъ, выписанныхъ изъ Корнваллиса, и тысячъ мексиканцевъ; рудники эти располагаютъ очень сильными машинами и доставляютъ на монетный дворъ Мексико большую часть получаемаго имъ металла.

Ежегодный чеканъ на монетномъ дворѣ Ме-

[1]) Ch. Mismer, „Souvenirs de la Martinique et du Mexique“.

ксико, въ теченіе десятилѣтія съ 1878 по 1888 г.: 35.600.000 франковъ, изъ которыхъ 1 милліонъ золота.

Пачука стоитъ почти на полпути между двумя старинными могущественными городами толтековъ, Тулансиго и Тулой. Первый изъ нихъ—«Маленькая Тула»,—старшій по времени основанія, построенъ у подножія вулкана, на востокъ отъ нынѣшняго главнаго города, близъ восточной оконечности плоскогорья. До завоеванія индѣйцы занимались выдѣлкою всевозможныхъ острыхъ инструментовъ изъ обсидіана, который они добывали въ сосѣдней горѣ, серро-де-ласъ-Навахасъ, или «горы Ножей». Здѣшнихъ рудныхъ залежей, кажется, хватало для всего Анагуака, съ доисторической эпохи и до пришествія испанцевъ [1]). Тула, древній Толланъ, или «Городъ Тростника», представляетъ собою деревню, расположенную въ прелестной мѣстности, которую пересѣкаетъ желѣзная дорога, идущая изъ Мексико въ Кверетаро. При раскопкахъ тамъ нашли массу костей животныхъ, стрѣлъ и другаго оружія; но особенно замѣчательно было открытіе древнихъ построекъ, сдѣланное Чарнаемъ, который откопалъ ихъ на вершинѣ холма, откуда разстилался обширный горизонтъ; эти толтекскія развалины оказались остатками храмовъ и дворца. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что тульскіе зодчіе пользовались для постройки зданій самыми разнообразными матеріалами,—деревомъ, булыжникомъ, каменьями, цементомъ, известью и даже настоящимъ обожженнымъ кирпичемъ, а не *адабами*, или *тубами*, какъ ихъ называютъ въ Алжиріи [2]),—т. е. кирпичемъ, высушеннымъ на солнцѣ; этотъ послѣдній матеріалъ былъ въ большомъ употребленіи у ацтековъ, да и теперь испано-американцы на всемъ сѣверѣ Анагуака и въ Новой Мексикѣ употребляютъ его для обыкновенныхъ построекъ.

Штатъ Мексико утратилъ свои прежніе размѣры, такъ какъ съ сѣвера отъ него былъ отдѣленъ Гидальго, а съ юга—Морелосъ; кромѣ того, «Федеральный округъ», окружающій столицу, составляетъ отдѣльную отъ штата область, и также, какъ округъ Колумбіи въ Соединенныхъ Штатахъ, состоитъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Конгресса. Хотя уменьшившаяся наполовину противъ прежняго своего пространства, провинція эта владѣетъ еще обширной территоріей, которая, по географическому своему положенію, должна бы быть отдѣлена отъ нея: это—округи, лежащіе къ югу отъ снѣговаго хребта, на покатости, воды которой текутъ черезъ ріо-Мекскала въ Великій океанъ. Почти всѣ горные округи пустынны и безлюдны, кромѣ горнозаводскихъ мѣстностей; тѣмъ не менѣе въ общемъ штатъ населенъ относительно очень плотно, особенно та часть его, которая лежитъ на восточной оконечности и составляетъ, такъ сказать, городской округъ Мексико. Главный городъ штата, Толука, не принадлежитъ къ числу значительныхъ городовъ республики: его положеніе на высотѣ 2.580 метровъ надъ уровнемъ моря и, какъ слѣдствіе этого—суровый климатъ, наконецъ, недостатокъ въ удобныхъ путяхъ сообщенія съ противоположнымъ склономъ горъ—затормозили развитіе города; но онъ красивъ, хорошо построенъ, и жители его—народъ предпріимчивый и промышленный. Другой городъ, Лерма, расположенный въ 13 километрахъ восточнѣе, на озерѣ, пересѣкаемомъ нарождающейся рѣкой Лермой, занимаетъ такое же положеніе, какъ и Толука. Вокругъ «долины», обращенной въ хлѣбныя поля, высится амфитеатръ горъ, надъ которыми съ южной стороны господствуетъ коническая гора Невадо-де-Толука; длинные склоны ея у вершины бѣлѣютъ полосами и даже сплошнымъ покровомъ снѣга. Проходъ на восточной сторонѣ этой горы охраняется городомъ Тенанго, лежащимъ близъ красиваго водопада. Главные города противоположнаго склона—Тенансинго, или «Маленькій Тенанго», Техупилко и Темаскалтепекъ.

Мексико, столица республики, сохраняетъ еще свое ацтекское имя, которое, впрочемъ, истолковывается этимологами различнымъ образомъ: обыкновенно его производятъ отъ одного изъ прозвищъ бога войны, Мекситли [1]). Однако, городъ этотъ былъ болѣе извѣстенъ даже и въ первые годы эпохи завоеванія, подъ названіемъ Теночтитлана, или «Камня смоковницы», и дѣйствительно гербъ города, который въ то же время есть и гербъ Мексиканской республики, представляетъ собою выходящій изъ озера камень съ растущей на немъ смоковницей, на которой сидитъ орелъ. Европейскій городъ возникъ на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ городъ Монтезумы. Когда Кортесъ осадилъ Мексико, онъ методически разрушалъ всѣ жилыя постройки, всѣ зданія и разравнивалъ почву, чтобы помѣшать всякому наступательному движенію врага. Но при постройкѣ города въ 1522 г. онъ строго придерживался первоначальнаго плана, т. е. провелъ новыя улицы по направленію старыхъ и распредѣлилъ ихъ по-прежнему на кварталы, создавъ такимъ образомъ испанское *barrio* на мексиканскомъ *calpulli*; центръ стараго Мексико сдѣлался большою площадью, и на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда возвышался великолѣпнѣйшій храмъ въ честь бога войны, былъ воздвигнутъ каѳедральный соборъ. Городъ Тлателолко, вначалѣ отдѣленный отъ воинствен-

---

[1]) Guillemin-Tarayre, „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“, T. III.

[2]) I. Dybowski, „Revue de Géographie“, іюнь 1890.

[1]) Alex de Humboldt;—Orozco y Berra;—H. H. Bancroft;—Lucien Biart, цитиров. сочиненія.

наго Тенохтитлана, какъ купеческая колонія, былъ тоже присоединенъ къ новому Мексико: онъ находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ сѣверный кварталъ города.

что прежніе его жители не могли бы его узнать; прежде это былъ совершенно озерной городъ, со всѣхъ сторонъ окруженный водою и соединявшійся съ материкомъ посредствомъ

Индѣйцы племени майя.

Но если Мексико былъ отстроенъ на мѣстѣ старыхъ Тенохтитлана и Тлателолко, его наружный видъ совершенно измѣнился, такъ

мостовъ и дамбъ, теперь же озера отодвинулись въ узкіе бассейны, и городъ стоитъ на твердой землѣ, окруженный поясомъ луговъ; дамбы,

построенныя среди озера, превратились теперь въ дороги, а на мѣстѣ засыпанныхъ каналовъ, изрѣзывавшихъ старый городъ, тянутся широкіе бульвары. Издали и съ возвышеннаго пункта мексиканская столица имѣетъ величественный видъ. Этотъ бѣлый городъ, съ его высокими башнями и куполами храмовъ, широко раскинувшійся въ обширной равнинѣ, окруженный величественнымъ амфитеатромъ подернутыхъ синеватой дымкой горъ, представляетъ полную гармонію съ окружающей его природой: при первомъ взглядѣ восхищенный туристъ склоненъ преувеличивать историческое значеніе этого города, занимающаго столь грандіозное мѣстоположеніе. «Мы остолбенѣли отъ удивленія», — говоритъ Берналь Діацъ. «Въ нашихъ восхищенныхъ глазахъ этотъ городъ казался тѣми волшебными жилищами, которыя такъ чарующе описаны въ книгѣ *Амадиса*, и нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ даже спрашивали, не греза ли это чудное видѣніе?»

Городъ имѣетъ очень правильную распланировку: улицы, по большей части очень узкія, пересѣкаются подъ прямыми углами, какъ въ Чикаго и Филадельфіи; это однообразіе прямыхъ линій прерывается, черезъ извѣстные промежутки, площадями и садами. Дома съ террасами и внутренними дворами, какъ въ городахъ Востока, имѣютъ толстыя стѣны и построены изъ желтоватаго песчаника или красной лавы, называемой *тезонтле;* большинство ихъ — одноэтажные, для того, чтобы зданіе могло лучше противостоятъ легкимъ землетрясеніямъ, которыя составляютъ здѣсь довольно обычное явленіе [1]). Въ центрѣ города открывается большая площадь, на которой совершаются торжества, и куда устремляются, смотря по часу дня, потоки трудящагося люда или гуляющей публики. Съ одной стороны возвышается соборъ, замѣнившій старую церковь, построенную Кортесомъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ древній *теокалли*, постоянно обагрявшійся кровью жертвъ, храмъ бога войны: «самые столбы новаго храма водрузили на повергнутыхъ идолахъ, дабы послѣдніе были раздавлены во вѣки некрушимымъ столпомъ святой христіанской религіи [2])». Современный соборъ, строившійся около цѣлаго вѣка на личныя средства Филиппа II и его преемниковъ, представляетъ собою великолѣпный памятникъ зодчества, поражающій своимъ грандіознымъ видомъ; къ нему примыкаетъ другая церковь, Саграріо, съ красивымъ фасадомъ чудной скульптурной работы на манеръ индусскаго дворца. Другая сторона главной площади занята Національнымъ дворцомъ, который, говорятъ, былъ построенъ на мѣстѣ дворца Монтезумы: это — огромное зданіе, имѣющее по фасаду болѣе 200 метровъ; въ немъ помѣщаются: сенатъ, министерства и главныя управленія, а также почтамтъ, музей и библіотека. Двѣ остальныя стороны площади заставлены преимущественно домами съ арками или *порталами*, подъ которыми снуютъ прохожіе и всякіе торговцы, продающіе въ разносъ. Средину этой обширной площади занимаетъ прекрасный скверъ Уокало, или «Цоколь», осѣненный эвкалиптами и украшенный цвѣтами, фонтанами и статуями.

Музей Мексико содержитъ въ себѣ драгоцѣнныя коллекціи по естественной исторіи; среди нихъ особенно обращаютъ на себя вниманіе такъ называемыя «кости исполиновъ», т. е. ископаемые остатки большихъ животныхъ изъ фауны по-третичной эпохи; но еще замѣчательнѣе археологическая коллекція, содержащая тѣ изъ античныхъ вещей, которыя уцѣлѣли отъ фанатической ярости первыхъ побѣдителей и отъ грабительскихъ рукъ иностранныхъ коллекціонеровъ. Здѣсь можно видѣть драгоцѣнный «мексиканскій календарь», показывающій дѣленіе времени, такъ остроумно придуманное ацтеками: это — громадная глыба вѣсомъ въ 21 тонну, привезенная скульпторами, очевидно, издалека, такъ какъ въ горахъ, окружающихъ Мексико, нѣтъ скалъ такой породы [1]). Къ сокровищамъ музея принадлежитъ еще «камень Тицока», изображающій торжественное шествіе побѣжденныхъ этимъ властелиномъ народовъ; камень этотъ долгое время считали «жертвеннымъ камнемъ» прежняго храма; кромѣ того, здѣсь находятся: отвратительная статуя Гуитцилопохтли, «бога войны», щитъ Монтезумы, іероглифическія изображенія, идолы различныхъ божествъ, которые не всѣ еще опредѣлены учеными, наконецъ — высѣченное изображеніе креста, этотъ простой символъ религіи, который можно найти у всѣхъ народовъ. Каждый годъ Національный музей пополняется новыми находками, и правильныя раскопки, производимыя теперь въ Мексико, въ особенности въ предѣлахъ прежнихъ озерныхъ бассейновъ, по всей вѣроятности, доставятъ массу сокровищъ для археологической коллекціи, такъ какъ во время осады Мексико почти всѣ драгоцѣнныя вещи изъ храмовъ, дворцовъ и городскихъ зданій были потоплены въ водахъ лагунъ. Соразмѣрно увеличенію научнаго достатка, возрастаетъ и рвеніе къ наукѣ: Мексико имѣетъ высшія учебныя заведенія — университетъ, училище правовѣдѣнія, горный, сельскохозяйственный институты и пр.; медицинская академія занимаетъ зданіе прежняго дворца Инквизиціи, а въ бывшемъ іезуитскомъ монастырѣ водворилась большая приготовительная школа; въ ни-

[1]) Désiré Charnay, „Cités et Ruines Américaines“.

[2]) Sarinana; — Garcia Cubat, „Etude géographique des États-Unis Mexicains“.

[1]) Alex. de Humboldt, цитированное сочиненіе.

дейской коллегіи изучаютъ ацтекскую литературу; кромѣ того, есть много ученыхъ и литературныхъ обществъ, которыя издаютъ свои труды; публичная библіотека заключаетъ въ себѣ болѣе 200.000 томовъ; художественный музей считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ во всемъ Новомъ Свѣтѣ. Съ точки зрѣнія научной дѣятельности, этотъ американскій городъ можетъ смѣло сравняться съ Мадридомъ, своей бывшей метрополіей: одна изъ его частныхъ библіотекъ имѣетъ мало себѣ подобныхъ.

Населеніе Мексико въ пять разъ увеличилось съ начала этого вѣка, хотя все-таки въ этомъ отношеніи столица Анагуака отстала отъ многихъ новѣйшихъ городовъ. Сто лѣтъ тому назадъ Мексико былъ самымъ многолюднымъ городомъ Новаго Свѣта, а въ настоящее время его опередили не только Нью-Іоркъ и другіе города Соединенныхъ Штатовъ, но даже и его конкурренты романской Америки. Пока еще не предвидится близкаго исполненія предсказанія Ампера [1]): городъ, стоящій въ «этой предопредѣленной области, въ пунктѣ соединенія двухъ Америкъ, на пути изъ Европы и Азіи», не проявляетъ еще себя какъ будущая столица міра; очагъ цивилизаціи, «перемѣщенный силою вещей и вслѣдствіе конфигураціи земнаго шара», не переносится въ Мексико, «пунктъ, отмѣченный какъ истинный центръ человѣчества». Тѣмъ не менѣе, Мексико, стоящій на «мосту міра», между двумя океанами, есть одинъ изъ жизненныхъ узловъ планеты, и его историческое значеніе несомнѣнно возрастетъ современемъ.

Правда, Мексико лишился участія въ торговлѣ Филиппинскихъ острововъ съ Испаніей, даннаго ему нѣкогда колоніальной монополіей, но зато внутренняя его торговля значительно расширилась. Уже Берналь Діацъ говорилъ, что никакой европейскій городъ не имѣлъ столь богатаго рынка, какъ Теночтитланъ: по крайней мѣрѣ по отношенію къ фруктовой торговлѣ слова Берналя Діаца остаются во всей силѣ, такъ какъ на мексиканскомъ рынкѣ можно найти плоды всѣхъ поясовъ: вишни на-ряду съ ананасами, груши вмѣстѣ съ бананами. Любопытное зрѣлище представляетъ собою столица раннимъ утромъ, когда по каналу Вига тянутся цѣлыя флотиліи барокъ, нагруженныхъ цвѣтами, фруктами и овощами. Большая импортная торговля почти вся находится въ рукахъ иностранныхъ купцовъ — нѣмцевъ, англичанъ, сѣверо-американцевъ, французовъ. Иммигранты съ Дофинесскихъ и Провансальскихъ Альпъ, — вообще извѣстные, подъ именемъ «барселонетцевъ», такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ уроженцы города Барселонетты и окрестныхъ долинъ,—лишенные зимою всякихъ средствъ къ существованію, завладѣли въ Мексико значительной долей торговли краснымъ товаромъ. Трудолюбивые иностранцы почти всѣ пріобрѣли здѣсь благосостояніе или богатство; но туземное населеніе нищихъ *леперосовъ*, *пеладосовъ*, или *поридосеросовъ*, кишмя кишитъ въ предмѣстьяхъ.

Мексико—городъ нездоровый, несмотря на чистоту воздуха, спускающагося съ снѣжныхъ горъ. Въ иные годы смертность въ четыре раза превышала рождаемость: въ среднемъ, на 1.000 человѣкъ приходится 32—33 смертей, т. е. гораздо больше, чѣмъ въ Лондонѣ, Парижѣ и въ большинствѣ другихъ городовъ Западной Европы. Причину такой большой смертности только отчасти можно приписать трудности акклиматизаціи на этихъ высотахъ [1]); главнымъ же образомъ она кроется въ нечистотѣ почвы и водъ: Мексико стоитъ на высотѣ всего нѣсколькихъ дециметровъ надъ озеромъ Тескоко, имѣя въ подпочвенныхъ слояхъ непроницаемый глиняный грунтъ, который почти не пропускаетъ воду, такъ что соленая вода, насыщенная различными органическими веществами, скапливается во всѣхъ ямкахъ и рытвинахъ и выдѣляетъ вредныя испаренія. Постепенное повышеніе уровня въ бассейнѣ Тескоко угрожаетъ затопить городъ, который уже не разъ подвергался наводненіямъ. При каждомъ ливнѣ улицы заполняются грязью, которая, при продолжительныхъ дождяхъ, образуетъ цѣлыя топи и даже трясины. Дорожное вѣдомство плохо борется съ этимъ зломъ; сточныя трубы, переполненныя почти стоячей водой, только способствуютъ гненію почвы: «городъ рискуетъ задохнуться» [2]). Съ другой стороны, въ Мексико, при громадномъ излишкѣ испорченной воды, чувствуется недостатокъ въ чистой водѣ, которая доставляется водопроводомъ: въ 1882 г. ежедневное количество доставляемой воды едва достигало 25.000 кубическихъ метровъ, такъ что на каждаго жителя приходилось менѣе 100 литровъ. Что касается проекта объ осушеніи подпочвеннаго слоя, то объ этомъ нечего и думать, потому что если отвести излишекъ жидкой массы, которая даетъ извѣстную плотность болотистому грунту города, то зданія его утратили бы устойчивость, и при малѣйшемъ землетрясеніи рисковали бы опрокинуться. Постепенное осушиваніе почвы уже привело къ тому, что во многихъ большихъ зданіяхъ появились трещины, а нѣкоторыя даже осѣли на нѣсколько футовъ въ землю [3]). Теперь приходится лишь сожалѣть о томъ, что Кортесу, для закрѣпленія своего тріумфа, захотѣлось постро-

[1]) „Promenade en Amérique“. Томъ II, 1855.

[1]) Jourdanet, „La Mexique au point de vue de son influence sur la vie de l'homme“.

[2]) „Memoria de la Secretaria de Fomaito“. Томъ III, 1887.

[3]) L. de Belina, „Boletin de la Sociedad de Geografia de la Republica Mexicana“. 1882.

ить новый городъ какъ разъ на мѣстѣ стараго и воздвигнуть церкви на языческихъ храмахъ, вмѣсто того, чтобы построить второй Мексико въ болѣе возвышенной мѣстности, простирающейся на западъ, къ горамъ. Впрочемъ, пышные кварталы удлинняются именно въ этомъ направленіи; подгородныя деревни, какъ напримѣръ, Казабланка, Такубайя, гдѣ находится національная обсерваторія, входятъ постепенно въ черту столицы и соединяются съ нею красивыми бульварами, обстроенными домами. Мексико неудержимо разростается въ западномъ направленіи, воздвигая новыя постройки на болѣе чистой почвѣ. Движеніе пассажировъ на травмаяхъ, проходящихъ по улицамъ и проспектамъ Мексико, просто изумительное, такъ что въ этомъ отношеніи онъ можетъ сравниться съ самыми оживленными городами міра. Городъ имѣетъ прекрасные парки и сады, какъ напримѣръ Пасео и Аламеда, гдѣ одинъ фонтанъ указываетъ мѣсто бывшаго *кемадеро*: это былъ костеръ, гдѣ гибли жертвы инквизиціи, преимущественно «еретики-матросы», захваченные испанскими крейсерами. *Въ послѣднее время, послѣ осушенія долины посредствомъ туннеля, длиной 9, 6 километровъ, оконченнаго въ 1894 г., санитарныя условія мексиканской столицы существенно улучшились; питьевая вода доставляется двумя грандіозными водопроводами.*

Возрастаніе Мексико идетъ особенно замѣтно по обѣимъ сторонамъ Такубской дороги, проложенной на мѣстѣ стараго шоссе, по которому испанцы совершили свое бѣдственное отступленіе «въ печальную ночь» (noche triste). Около деревни Попотла еще до сихъ поръ существуетъ старый кипарисъ, подъ которымъ стоялъ Кортесъ, тщетно ожидая возвращенія своихъ четырехсотъ товарищей, трупы которыхъ были свалены кучами въ окровавленную грязь, на дорогѣ; говорятъ, онъ проливалъ здѣсь слезы, въ первый разъ потерявъ вѣру въ свое счастье. Вокругъ этого историческаго дерева раскинуты обширные огороды, за которыми показываются дома Такубы, которая нѣкогда, подъ именемъ Тлакопама, принадлежала къ числу трехъ городовъ нахуатльскаго союза, и которая въ скоромъ времени, безъ сомнѣнія, станетъ предмѣстьемъ все разрастающейся столицы. Нѣсколько сѣвернѣе, на дорогѣ, ведущей къ *desagüe* Гуегуетока, находится мѣстечко Куаутитланъ, «Городъ Орловъ», имя котораго жители Мексико, гордящіеся тѣмъ, что они живутъ въ столицѣ, употребляютъ въ видѣ презрительной поговорки: «Внѣ Мексико есть только Куаутланы!»

Великолѣпный бульваръ, осѣненный эвкалиптами, ведетъ изъ Мексико къ порфировому пригорку, Чапултепекъ или «Гора Кузнечика»; по сторонамъ пригорка красуются статуи, изъ которыхъ одна воздвигнута въ честь Гватимозина, «проявившаго героизмъ въ защитѣ страны, величіе души въ мученической смерти». На скалѣ Чапултепека нѣкогда стоялъ замокъ Монтезумы, въ настоящее время перестроенный въ огромный дворецъ: его соорудилъ въ прошломъ столѣтіи вице-король Гальвесъ, намѣреваясь, по словамъ его мексиканскихъ подданныхъ, устроить въ немъ крѣпость и провозгласить оттуда свою независимость, въ качествѣ мексиканскаго императора. Съ террасы этого дворца, одна часть котораго занята теперь подъ военное училище, открывается взорамъ великолѣпная панорама Мексико, съ его озерами и горами. Окружающіе Чапултепекскій дворецъ парки принадлежатъ къ самымъ тѣнистымъ во всей долинѣ: въ нихъ растутъ гигантскіе «кипарисы» (cupressus disticha) или *ahuehuetes*,—т. е. «старцы водъ», — которые существовали еще до прибытія въ страну испанцевъ: нѣкоторые изъ этихъ исполиновъ растительнаго царства, съ длинными вѣтвями, перевитыми «испанскою бородою» (tillandsia usneoides), имѣютъ пятнадцать метровъ въ окружности и пятьдесятъ въ высоту. Изображенія, вырѣзанныя нѣкогда на стѣнахъ скалы Чапултепека, съ теченіемъ времени стерлись. У Чурубуско, лежащаго нѣсколько южнѣе Чапултепека, американцы одержали, въ 1847 г., побѣду, которая отдала въ ихъ власть Мексику. Послѣ этой стычки, имъ оставалось только опрокинуть воспитанниковъ военнаго училища въ Молино-дель-Рей, т. е. какъ разъ у самаго основанія скалы Чапултепека, чтобы войти въ Мексико; въ слѣдующемъ году былъ подписанъ мирный договоръ въ Гвадалупе-Гидальго, по которому половина національной территоріи была присоединена къ Соединеннымъ Штатамъ. Водопроводъ, несущій воды различныхъ горныхъ источниковъ съ юго-западной стороны Мексико, орошаетъ сады Чапултепека и аристократическаго предмѣстья Такубайи, — поацтекски «Бассейнъ Водъ»,—виллы котораго разсѣяны къ югу отъ «Горы Кузнечика». Такубайя служитъ центромъ экскурсій къ Санъ-Анжель, прелестнымъ деревнямъ, пріютившимся въ долинахъ горы Ахуско, и къ *педрегалю* или полю лавы, вытекшей изъ этого вулкана, и покрытой теперь кактусами и низкимъ кустарникомъ. Городъ Тлалпамъ, извѣстный какъ мѣсто паломничества, гдѣ справляются праздники въ честь Санъ-Антоніо-деласъ-Куевасъ, скрывается въ ущельѣ между двумя мысами изъ шлака: черезъ это-то ущелье американцы и проникли въ «долину» Мексико.

На сѣверо-востокъ отъ Мексико, возвышается другой скалистый пригорокъ, Тепейакакъ ацтековъ, или «Чело Горы», откуда низвергается источникъ желѣзистой воды; здѣсь находится церковь Гвадалупе, нѣкогда одна изъ самыхъ богатыхъ во всемъ свѣтѣ, но теперь лишен-

ная своихъ сокровищъ, которыя пошли на пополненіе національнаго бюджета. Гвадалупская Богоматерь считается покровительницей индѣйцевъ, тогда какъ Св. Дѣва де-лосъ-Ремедіосъ признавалась покровительницей испанцевъ: въ прежнія времена между вѣрующими происходила безпрестанная борьба изъ-за этихъ святынь, носящихъ различное названіе; но война за независимость окончательно утвердила тріумфъ Гвадалупе, и съ тѣхъ поръ это мѣстечко, куда стекаются набожные богомольцы, стало извѣстно подъ названіемъ Гвадалупе-Гидальго: религія и патріотизмъ слились въ одномъ и томъ же культѣ. Къ востоку отъ Мексико, на западномъ берегу озера Тескоко нѣтъ больше деревень, попадаются только одинокіе дворы, разсѣянные по болотистой и голой равнинѣ. Надъ солончаковою почвою, покрытою остающимися отъ сточной воды нечистотами, возвышается только одинъ вулканическій холмикъ: это Пеньонъ-де-лосъ-Баньосъ, или «Скала минеральныхъ водъ», у подошвы которой дѣйствительно бьетъ желѣзистый источникъ и гдѣ геологи нашли остатки ископаемыхъ людей. Островокъ Пеньонъ, во времена Монтезумы, славился своимъ паркомъ, въ которомъ водилось много дичи [1]).

Каналъ Вига, воды котораго входятъ въ Мексико черезъ юго-восточную окраину города, проведенъ изъ озера Ксочимилко, или «Цвѣтника», одного изъ южныхъ бассейновъ «долины». Этотъ каналъ проходитъ по низменной мѣстности, занятой индѣйскими огородами, которые обыкновенно называютъ *чинампасами*, подобно тому, какъ прежде назывались пловучіе острова ацтековъ, цѣлыми сотнями покрывавшіе воды озера Тескоко. Озеро Чалко, или «Изумрудное», служащее продолженіемъ на востокъ озера Ксочимилко, и въ центрѣ котораго высится остроконечная гора, съ вполнѣ правильнымъ кратеромъ, выходящая прямо изъ воды, усѣяно садами, разведенными на слоѣ водяныхъ растеній и наносной земли; они имѣютъ много сходства съ чинампасами, съ тою только разницею, что изрытые рвами или *акалотесами*, они покоятся не на подвижныхъ плотахъ, а прямо на водѣ, и, постепенно разростаясь, увеличиваютъ собою материкъ на счетъ озерной поверхности. Около того мѣста, гдѣ каналъ Вига выходитъ изъ озера Ксочимилко, находится Икстапалапа, или «Бѣлый городъ», нѣкогда значительный мексиканскій городъ, имѣвшій, по Кортесу, «пятнадцать тысячъ домовъ»; надъ нимъ господствуетъ остроконечная гора Эстрелья, или Звѣзда, прославившаяся въ религіозной исторіи Мексики. Здѣсь въ концѣ каждаго цикла, т. е. черезъ каждые пятьдесятъ два года, собирались жрецы, чтобы установить новый циклъ времени и благословить начало его. Они должны были зажечь священный огонь, слѣдуя при этомъ первобытному способу, т. е. посредствомъ тренія одного куска дерева о другой; но священные прутья загорались лишь тогда, когда были омочены въ теплой еще крови какого-нибудь молодаго человѣка, принесеннаго въ жертву богамъ.

Напротивъ столицы, по другую сторону озера, на разстояніи 27 километровъ по прямой линіи, стоитъ скромный городокъ, предшественникъ Мексико, долго бывшій его соперникомъ: это—городъ Тескоко, древняя резиденція толтекскихъ вождей и «Аѳины» Анагуака; жители его говорили на самомъ мягкомъ и чистомъ нахуатльскомъ нарѣчіи; нѣсколько развалинъ пирамидъ и стѣнъ, стоящихъ наклонно на скатахъ сосѣдней горы, составляютъ единственные остатки эпохи, предшествовавшей завоеванію Мексики [1]). Тескоко имѣетъ по крайней мѣрѣ то преимущество передъ Мексико, что построенъ на болѣе здоровомъ мѣстѣ, выше наносовъ, оставляемыхъ наводненіемъ: пуерто-де-ласъ-Бригантинасъ, т. е. то мѣсто, гдѣ Кортесъ соорудилъ флотъ, чтобы добраться до Мексико, находится теперь въ 2-хъ километрахъ отъ берега. На сѣверъ отъ этого города лежитъ другой, еще болѣе древній городъ, Отумба,—прежде Отомпанъ,— который былъ нѣкогда столицею туземцевъ племени отоми, до прибытія толтековъ на Анагуакское плоскогарье; въ окрестностяхъ Отумбы Кортесъ одержалъ рѣшительную побѣду, загладившую пораженіе «печальной ночи». Отумба и его восточные сосѣди, Ирало и Апамъ, расположенные среди плодороднѣйшихъ во всей республикѣ магейевыхъ полей, служатъ важными стратегическими пунктами, въ качествѣ сторожевыхъ постовъ для охраны прохода въ равнины, лежащія на сѣверѣ снѣговаго хребта Икстакцихуатль. Переселенія народовъ, какъ побѣжденныхъ, такъ и побѣдителей, должны были въ большинствѣ случаевъ совершаться черезъ этотъ проходъ, и довольно часто изъ-за обладанія этою брешью происходили стычки. Но отважный Кортесъ рѣшилъ избѣгнуть этого опаснаго обхода и перешелъ прямо главную снѣговую цѣпь по ущелью Ахуалко, между Икстакцихуатлемъ и Попокатепетлемъ; можно также найти доступныя тропинки, обойдя южные склоны этой горы черезъ Амекамеку, деревню, расположенную поясомъ вокругъ древняго вулкана Сакро-Монте, кратеръ котораго поросъ теперь дубами. Это—исходная точка, откуда начинаютъ восхожденіе на Попокатепетль какъ туристы, такъ и профессіональные *неверосы*, или носильщики снѣга.

Недалеко отъ бреши Апамъ, между Тескоко и Отумба, существуютъ еще до сихъ поръ

[1]) Lucien Biart, „Les Aztèques.

[1]) Bernal Diaz, цитированное сочиненіе.

*

два храма, которые, какъ полагаютъ, были воздвигнуты тотонаками [1]): это двѣ пирамиды Теотихуаканъ (Теутлихуаканъ), или «Жилище Боговъ», «домъ Солнца» и «домъ Луны». Въ этихъ пирамидахъ, обратившихся теперь въ простые холмики, покрытые агавой и хвойными деревьями, очень трудно узнать произведеніе человѣческихъ рукъ; въ нихъ едва только можно различить весьма неопредѣленную волнистость, указывающую на прежнія ступенчатыя террасы; однако, раскопки достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что эти бугры обязаны своимъ происхожденіемъ работѣ человѣческихъ рукъ. Первая пирамида, самая южная, шире и выше прочихъ; она имѣетъ 208 метровъ длины въ сторонѣ и 55 метровъ высоты, тогда какъ вторая пирамида, Луны, значительно меньше и на 11 метровъ ниже: боковыя грани всѣхъ пирамидъ оріентированы по странамъ свѣта, но не съ математической точностью. На югѣ, по равнинѣ, разсѣяны другіе курганы, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они такъ многочисленны, что образуютъ какъ бы аллеи; одна изъ этихъ аллей извѣстна подъ названіемъ «дороги Мертвецовъ», даннымъ ей либо потому, что бугры эти представляютъ собою древнія могилы, либо потому, что въ былое время на этой дорогѣ совершались торжественныя процессіи человѣческихъ жертвъ, водимыхъ на закланіе.

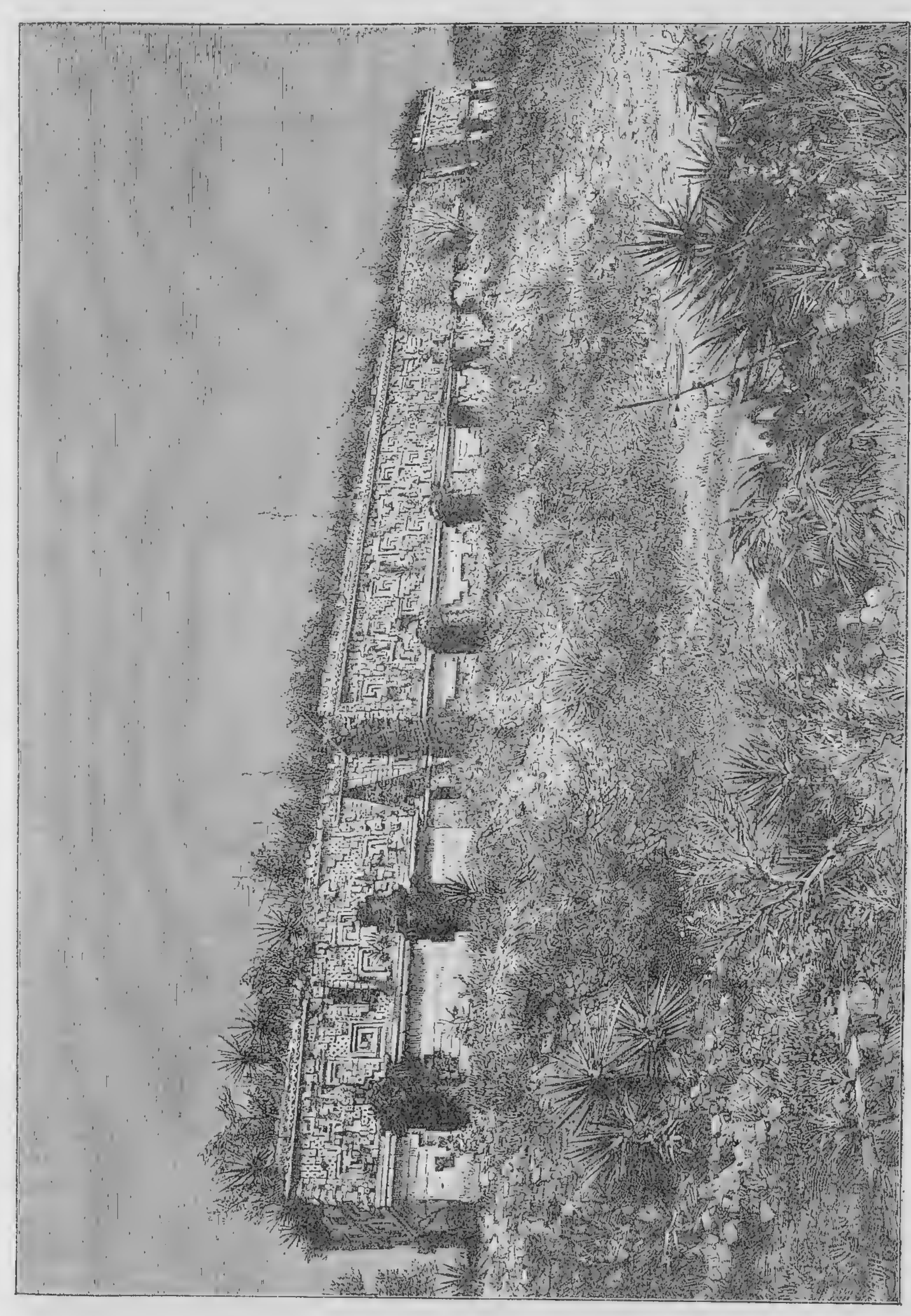
На востокъ отъ Апама, плоскогорье развертываетъ свою волнистую поверхность у южнаго основанія краевой горной цѣпи, которую населяютъ тотонакскіе рудокопы, группирующіеся главнымъ образомъ вокругъ городовъ Закатланъ и Тетела-дель-Оро. На этомъ плато стоитъ городъ Тлакско, а еще южнѣе, въ узкой долинѣ, лежитъ Тлаксcала, которая была нѣкогда столицей доблестной республики, примкнувшей къ Кортесу противъ Монтезумы; нынѣ Тлаксала — главный городъ небольшаго штата, который занимаетъ приблизительно ту же территорію; на востокѣ его возвышается вулканъ Малинче. Но «Городъ хлѣба» теперь уже далеко не такой большой, какъ въ былыя времена, когда онъ могъ выставить сто тысячъ войска. Городъ Гуексоцинго, основанный олмеками и часто упоминаемый въ разсказахъ побѣдителей, именемъ котораго прежде обозначали и Попокатепетль, вызвышающійся къ юго-востоку оттуда, также утратилъ значеніе между городами Мексики. Важнѣйшимъ городомъ края является Пуэбла-де-лосъ-Анжелесъ, или «Мѣстечко Ангеловъ», основанная испанцами въ мѣстности, гдѣ не существовало даже индѣйской деревни; первые его дома были построены въ 1530 г. для незажиточныхъ бѣлыхъ, которые нигдѣ не состояли на службѣ и вообще не имѣли никакихъ опредѣленныхъ доходовъ; въ 1654 г. въ Пуэблѣ водворились цѣлыя тысячи жителей Мексико, которые, спасаясь отъ наводненія, должны были бѣжать изъ города [1]). Пуэбла, главный городъ одного изъ самыхъ населенныхъ штатовъ плоскогорья и первыхъ склоновъ къ Мексиканскому заливу и въ Великому океану, иногда называется также «второй столицей республики»: въ періодъ кратковременнаго царствованія Максимиліана былъ даже поднятъ вопросъ о перенесеніи въ Пуэблу резиденціи, такъ какъ этотъ городъ отличается болѣе здоровой почвой и климатомъ. Онъ расположенъ на высотѣ 2.170 метровъ надъ уровнемъ моря, т. е. немного ниже, чѣмъ Мексико, но на наклонной равнинѣ, по которой быстрые ручьи стекаютъ къ западу, чтобы соединиться тамъ съ рѣкою Атойакъ, главной вѣтвью ріо-Мексканы, которая изливается по направленію къ Великому океану: тающіе снѣга наполняютъ водою всѣ эти потоки, благодаря чему хорошо орошаемыя поля приносятъ обильную жатву.

Надъ городомъ господствуютъ двѣ четырехугольныя башни великолѣпнаго каѳедральнаго собора и колокольни пятидесяти слишкомъ церквей. Населеніе Пуэблы прежде было фанатичное, враждебно относившееся къ иностранцамъ, такъ что путешественникамъ не разъ приходилось обращаться къ покровительству войска, во избѣжаніе опасности быть побитыми камнями, какъ «англичане», «евреи» или «еретики». Главные промыслы этого города заключаются въ фабрикаціи шарфовъ или *ребозосовъ*, въ изготовленіи бумажныхъ тканей и въ разныхъ мелкихъ ремеслахъ, служащихъ преимущественно для украшенія церквей; таковы, напримѣръ, лѣпка фигуръ изъ воска и алебастра, скульптурныя работы въ видѣ вазъ и колоннъ, и различныя издѣлія изъ оникса. Расположенная почти на полдорогѣ, ведущей изъ Мексико къ окраинѣ плоскогорья, Пуэбла была нѣкогда средоточіемъ почти всей транзитной торговли, производившейся со штатомъ Вера-Круцъ и съ заграницей; но въ настоящее время она осталась въ сторонѣ отъ большаго торговаго пути, т. е. отъ Вера-Круцской желѣзной дороги, и связана съ главною сѣтью только отдѣльными вѣтвями, расходящимися на востокъ и на западъ отъ вулкана Малинче. Благосостояніемъ своимъ она обязана нынѣ земледѣльческому богатству края; кромѣ того, этотъ городъ скоро станетъ для иностранцевъ, особенно для чахоточныхъ больныхъ, излюбленною санаторіей, тѣмъ болѣе, что въ окрестностяхъ его имѣются во множествѣ сѣрные горячіе источники, обязанные своимъ происхожденіемъ, по всей вѣроятности, вулканическимъ очагамъ Попокатепетля.

[1]) H. de Charencey, „Melanges de Philologie et de Paléographie américaines“.

[1]) Thomas Gage, „Nouvelles Relations des Indes Occidentales“.

Два утесистые холма, возвышающіеся на сѣверо-востокѣ и на сѣверѣ Пуэблы, серро-де-Гвадалупе и серро-де-Лорето, напоминаютъ о двухъ фактахъ войны, наиболѣе важныхъ въ современной исторіи націи. Во время войны, предпринятой противъ Мексики для возстановленія монархіи, генералъ де-Лорансе форсировалъ проходъ ущелій и, уже стоя на краю плоскогорья, во главѣ своего шеститысячнаго войска, послалъ депешу, возвѣщавшую, что «Мексика въ его власти» [1]), какъ вдругъ уже въ виду Пуэблы, совершенно неожиданно, нашелъ дорогу прегражденной двѣнадцатитысячнымъ войскомъ Зарагосы, занимавшимъ городъ и два укрѣпленныхъ монастыря на холмахъ. Штурмъ, предпринятый 5 мая 1862 г., по

Уксмальскія развалины. Бывшій правительственный дворецъ.

[1]) G. Niox, „Expédition du Mexique“.

удался, и маленькая французская армія должна была отступить на нижніе склоны плоскогорья. Въ слѣдующемъ году передъ Пуэблой снова предстало почти двадцатитысячное войско, которое начало правильную осаду. Она продолжалась шестьдесятъ два дня, впродолженіи которыхъ мексиканскій гарнизонъ стойко защищалъ казарму за казармой, островокъ за островкомъ, и уступилъ только тогда, когда истощились всѣ боевые припасы и провіантъ, причемъ успѣлъ частію разсѣяться и соединиться съ другими отрядами, принимавшими участіе въ кампаніи. Осаду Пуэблы сравнивали съ осадою Сарагоссы, но сравненіе это не вѣрно, такъ какъ здѣсь народъ не принималъ никакого участія въ защитѣ. 5-е мая, т. е. годовщину перваго штурма Пуэблы, мексиканцы сдѣлали праздничнымъ днемъ.

Хотя уже очень большой городъ, Пуэбла не можетъ, однако, сравниться съ городомъ, нѣкогда существовавшимъ по сосѣдству. Чолула—священный городъ олмсковъ[1]), а затѣмъ ацтековъ, самый дѣятельный изъ промышленныхъ городовъ древняго Анагуака, славившійся своими тканями и горшечнымъ производствомъ, основатель колоній, отправлявшій своихъ эмигрантовъ на югъ, до самаго Никарагуа,—теперь не что иное, какъ глухая деревушка, расположенная въ 13 километрахъ отъ Пуэблы по желѣзной дорогѣ, по другую сторону глубокой долины, орошаемой Атойакомъ. «Городъ Чурултекаль»,—такъ называетъ его Кортесъ, —«имѣетъ двадцать тысячъ домовъ въ своей чертѣ и столько же въ округѣ: съ высоты одного храма я насчиталъ болѣе четырехсотъ башенъ, принадлежавшихъ другимъ святилищамъ» [2]). Но черезъ нѣсколько дней послѣ этого созерцанія панорамы города, побѣдитель принялся за дѣло разрушенія, посредствомъ рѣзни и пожаровъ. Отъ этихъ четырехсотъ храмовъ остались только горки, груды развалинъ, покрытыя растительностью; но одна изъ этихъ горокъ, находящаяся на юго-востокѣ города, представляетъ собою настоящій холмъ изъ кирпичей и слоевъ глины, какъ это оказалось при раскопкахъ, которыя производились при прокладываніи здѣсь дороги и желѣзно-дорожнаго пути: согласно легендѣ, этотъ холмъ былъ воздвигнутъ по приказанію одного великана въ честь бога Тлалока, который спасъ его отъ потопа, и всѣ кирпичи, употребленные на его постройку, доставлялись изъ рукъ въ руки длиннымъ рядомъ рабочихъ, выстроившихся въ одну линію отъ склоновъ Попокатепетля до самой Чолулы [3]). Весьма возможно, что это была пирамида со ступенями, на которой возвышался нѣкогда *теокалли*, или храмъ, посвященный Куецалкоатлю, богу воздуха, «который проливалъ на землю дождь девять разъ». Террасы теперь осѣли и грани округлились; культуры постепенно захватываютъ подошву искусственнаго холма, но все-таки еще можно различить, что когда-то на немъ были четыре послѣдовательныхъ площадки, четырехугольной формы, правильно обращенныя на всѣ четыре стороны свѣта. Нынѣшняя его высота, значительно уменьшившаяся, на что указываетъ профиль холма, около 54 метровъ надъ равниной, а его обширное основаніе занимаетъ поверхность въ 18 гектаровъ, т. е. почти въ четыре раза большую, чѣмъ Хеопсова пирамида [1]); никакое другое человѣческое сооруженіе, между отдѣльными памятниками, не занимаетъ подобнаго пространства. Верхняя площадка, на которой стоитъ часовня Божіей Матери де-лосъ-Ремедіосъ, построенная на мѣстѣ прежняго теокалли Куецалкоатля, занимаетъ пространство въ 4.200 квадратныхъ метровъ и представляетъ чудную эспланаду, откуда открывается великолѣпный видъ на деревни и поля Чолулы, за которыми сверкаютъ куполы Пуэблы, а дальше синѣютъ лѣса Малинче и бѣлѣютъ снѣга Попокатепетля.

До постройки Вера-Круцской желѣзной дороги, аванпостомъ Пуэблы, на пути къ Атлантическому океану, служилъ Амозокъ, городъ кузнецовъ, гдѣ расходятся двѣ приморскія дороги, одна на Халапу, другая на Оризабу. Тепеака, лежащій немного дальше, по сосѣдству съ внѣшними покатостями плоскогорья, тоже имѣлъ важное стратегическое значеніе, какъ передовая крѣпость возвышенностей, и Кортесъ даже выбралъ этотъ городъ для устройства въ немъ военной крѣпости и испанской колоніи подъ названіемъ Сегура-де-ла-Фронтера, т. е. «Безопасность границы»; здѣсь, по словамъ Діаца, клеймили также рабовъ. Тепеака былъ первымъ, послѣ Вера-Круца, городомъ, основаннымъ въ Мексикѣ завоевателями. Эта угловая область плоскогорья много потеряла въ торговомъ отношеніи съ тѣхъ поръ, какъ главная линія мексиканскихъ желѣзныхъ дорогъ направилась къ сѣверу, черезъ Гуамантлу и Санъ-Андресъ-де-Чалчикомула, станцію, надъ которой возвышается конусъ Оризабы, почти совершенно обезлѣсенный на этомъ склонѣ. Близъ Чалчикомулы, на самомъ краю возвышенныхъ земель, находится станція Эсперанца, лежащая на полдорогѣ между Вера-Круцомъ и Мексико.

Несмотря на то, что Пуэбла и Чолула расположены въ той части плоскогорья, воды которой текутъ къ Великому океану, онѣ еще не соединены съ этимъ океаномъ желѣзной дорогой; но рельсовой путь уже спускается въ умѣренныя земли этого склона, въ Матаморосъ-

[1]) H. H. Bancroft, „Native Races“. Томъ V.
[2]) „Cartas y relaciones de Hernan Cortès al emperador Carlos Quinto“.
[3]) H. H. Bancroft, „Native Races“. Томъ III.

[1]) Alex. de Humboldt, цитированное сочиненіе.

де-Изукаръ, черезъ Атликсо, гдѣ виднѣется *ауеуете*, въ 22 метра въ окружности. Въ юго-восточномъ углу штата, другая линія рельсъ спускается съ плоскогорья къ городу Тегуакану, или Теотигуакану, «городу Боговъ», великолѣпные храмы котораго испанцы сравнивали нѣкогда съ дворцами Гранады [1]). Городъ этотъ лежитъ на высотѣ 1.620 метровъ надъ уровнемъ моря, въ долинѣ, которую *cumbres*, или гребни Акулсинго охраняютъ отъ влажныхъ вѣтровъ Мексиканскаго залива, и гдѣ, слѣдовательно, «никогда» не выпадаютъ дожди; несмотря на это, мѣстность отличается замѣчательнымъ плодородіемъ, благодаря искусственному орошенію, и славится изобиліемъ и хорошимъ качествомъ фруктовъ, особенно своими гранатами и страстоцвѣтами; мѣстный минеральный источникъ славится своими цѣлебными свойствами. Тегуаканъ «де-ласъ-Гренадасъ» лежитъ уже въ микстекской территоріи и служитъ самой удобной дорогой между городомъ плоскогорья и Тегуантепекскимъ заливомъ.

Главные и историческіе города штатовъ Анагуакскаго плоскогорья, съ цифрой ихъ населенія.

Штатъ Кверетаро (де-Артеага): Кверетаро (1895 г.)—33.000 жит.; Санъ-Жуанъ-дель-Ріо—21.315; Кадерейта—14.800 ж.

Штатъ Мексико: Толука (1895 г.)—24.000 жит.; Тежупилко — 20.590; Тенансинго — 15.900; Текскоко — 15.625; Икстлагуака — 13.135; Лерма — 10.690; Амекамека—9.800; Отумба—8.770; Зумпанго—8.160 ж.

Федеральный округъ: Мексико (въ концѣ 1895 г.)—340.000 жит.; Ксочимилко — 12.725; Санъ-Анжелъ—10.080; Такубайя—7.690 ж.

Штатъ Гидальго: Гуехутла—19.660 жит.; Зимапанъ—15.260; Пачука — 52.000; Атотонилко — 14.120; Тулансинго — 9.740; Актопанъ—8.850; Тула—5.830.

Штатъ Пуэбла: Пуэбла (1895 г.) —92.000 жит.; Тетела-дель-Оро — 15.460; Атликско — 13.530; Матаморосъ - де - Ицукаръ — 10.000; Закатланъ—13.365; Акатланъ—11.635; Чалчикомула (Санъ-Андресъ) — 9.885; Тегуаканъ — 9.170; Чолула — 8.975; Тепеака — 6.770. жит.

Вера-Круцъ.

Штатъ Вера-Круцъ, называемый оффиціально Вера-Круцъ-Льяве, по имени одного изъ генераловъ, прославившихся при осадѣ Пуэблы, занимаетъ, вдоль Мексиканскаго залива, всю область теплыхъ земель и часть умѣренныхъ, начиная съ Пануко и до рѣки Тоналы, за Коацакоалкосомъ: длина пространства, занимаемаго этимъ прибрежнымъ поясомъ, по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, составляетъ 660 километровъ. Несмотря на замѣчательное плодородіе его горныхъ округовъ, расположенныхъ на полусклонахъ и открытыхъ для тумановъ и дождей, Вера-Круцъ не можетъ похвастаться численностью своего населенія; въ немъ попадаются даже настоящія пустыни, пески, болота и непроходимые лѣса. Столица штата часто перемѣщалась изъ одного города въ другой; сначала довольно долгое время главнымъ городомъ штата былъ Вера-Круцъ; затѣмъ его мѣсто заступила Оризаба, а въ настоящее время столицею служитъ Халапа,—городъ, расположенный также въ умѣренномъ поясѣ, на половинѣ высоты склона.

Халапа, по-гуакстекски «Почва, изрытая оврагами», дѣйствительно разсыпала свои широкіе низкіе дома по скатамъ потухшаго вулкана Макуилтепекъ, или «Пять Горъ», который поднимается на 120 метровъ выше и изрѣзанъ глубокими оврагами. Прежде этотъ городъ былъ построенъ на краю плоскогорья, изрѣзаннаго оврагами; но, по преданію, жители этой первобытной Халапы, въ 1537 г., подверглись такой истребительной эпидеміи «матлазакоала», что оставшіеся въ живыхъ поспѣшили покинуть этотъ злосчастный городъ и поселились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, на привѣтливой покатости, возвышавшейся какъ разъ напротивъ, съ другой стороны ущелья. Новый городъ, съ правильными улицами, извивающимися среди садовъ, представляетъ собою одну изъ самыхъ здоровыхъ мѣстностей въ Мексикѣ; съ его великолѣпныхъ бульваровъ открывается чудный видъ, съ одной стороны—на дремучіе лѣса, покрывающіе горы, надъ которыми господствуютъ вершины высокой горной цѣпи, отъ пика Оризаба до Кофре-де-Пероте, а съ другой — на луга и фруктовые сады, на извивающуюся долину ріо-Санъ-Жуана, съ фабриками и мельницами по берегамъ, и наконецъ, на дальній востокъ, на кайму дюнъ, облегающую безбрежное море. Несмотря на свои незначительные размѣры, Халапа—одинъ изъ важнѣйшихъ въ историческомъ отношеніи городовъ Мексики: это одинъ изъ обязательныхъ этапныхъ пунктовъ для вторгнувшихся въ страну чужеземныхъ армій и для отправки продуктовъ и товаровъ. Въ прежнія времена, когда торговая монополія принадлежала Кадиксу и когда все движеніе торговаго обмѣна съ Европой происходило чрезъ посредство отправлявшагося каждые четыре года флота, Халапа была главнымъ рынкомъ для распредѣленія привозныхъ товаровъ и покупки сокровищъ Мексики: окрестные жители толпами осаждали купцовъ. Кромѣ того, Халапа, послѣ Вера-Круца, служила главнымъ

[1]) Brasseur de Bourbourg, „Histoire des nations civilisées du Mexique“.

связующимъ звеномъ между Новой Испаніей и старой: этотъ городъ обыкновенно называли Халапа-де-ла-Феріа, т. е. «Халапой-Ярмаркой». Теперь онъ уже утратилъ свое торговое значеніе, но все еще продолжаетъ оставаться у жителей побережья излюбленнымъ убѣжищемъ для больныхъ и выздоравливающихъ. Въ Халапѣ никогда еще не появлялась желтая лихорадка [1]). Какъ санаторія, этотъ городъ не только отличается своимъ здоровымъ климатомъ, но имѣетъ въ окрестностяхъ множество минеральныхъ источниковъ, какъ теплыхъ и холодныхъ, такъ соленыхъ и сѣрныхъ. Въ Халапѣ есть обсерваторія и картографическій институтъ. Халапеньосы считаются смирнѣйшими изъ всѣхъ мексиканцевъ и никогда не принимали участія въ междоусобныхъ войнахъ въ борьбѣ изъ-за власти. Халапеноскія женщины слывутъ самыми красивыми и граціозными во всей Мексикѣ, гдѣ вообще многіе изъ городовъ могутъ гордиться красотой своихъ дѣтей.

Многочисленные продукты полей, окружающихъ Халапу, этотъ *Сіудадъ-де-ласъ-Флоресъ*, т. е. «Городъ Цвѣтовъ»,—фрукты, ягоды и овощи—идутъ только для мѣстнаго потребленія, и городъ вывозитъ за границу лишь лѣкарственныя растенія, главнымъ образомъ корень вьюнка *ipomea purga*, съ которымъ связано имя города. Корень этотъ (ялапа) приносится индѣйцами окрестныхъ деревень и преимущественно изъ Чиронъ-Кіако, деревни, расположенной въ 32 километрахъ къ сѣверу отъ Халапы: продукты этого провенанса особенно высоко цѣнятся. Нѣсколько купцовъ монополизировали скупъ этого продукта и, закабаливъ несчастныхъ туземцевъ ростовщическими задатками, скупаютъ у нихъ корень по самой ничтожной цѣнѣ, зачастую оплачивая его даже не деньгами, а разнымъ залежалымъ товаромъ. Ежегодный вывозъ ялапы доходитъ до 140.000 километровъ, но нужно опасаться, что въ недалекомъ будущемъ это растеніе, существующее только въ дикомъ состояніи, будетъ совершенно истреблено, такъ какъ индѣйцы вырываютъ все, что находятъ, не заботясь о разведеніи растенія посредствомъ новыхъ посѣвовъ.

Халапа связана съ сѣтью мексиканскихъ желѣзныхъ дорогъ вѣтвью, которая огибаетъ на сѣверѣ гору Кофре-де-Пероте и проходитъ черезъ городокъ того же имени, доминируемый акрополемъ, по виду неодолимымъ, на постройку котораго испанскіе вице-короли затратили громадную сумму, имѣя въ виду защиту дороги, идущей изъ Вера-Круца въ Мексико; его содержаніе обходилось народу ежегодно болѣе милліона піастровъ [2]). Но впослѣдствіи оказалось нетруднымъ обойти это препятствіе, и крѣпость Пероте, утративъ свое стратегическое значеніе, была обращена въ тюремный замокъ; по возвышенностямъ разсѣяны виллы, принадлежащія вера-круцскимъ купцамъ. Городъ Коатепекъ, лежащій въ пятнадцати километрахъ южнѣе Халапы, среди фруктовыхъ садовъ и плантацій, тоже служитъ излюбленною дачною мѣстностью; что касается небольшихъ мѣстечекъ, слѣдующихъ одно за другимъ ниже, на склонахъ, по направленію къ Вера-Круцу, то они находятся уже въ опасномъ поясѣ, гдѣ ежегодно свирѣпствуетъ желтая лихорадка. Многія изъ этихъ мѣстностей оставили свое имя въ исторіи, благодаря частымъ стычкамъ, происходившимъ изъ-за обладанія дорогами, которыя ведутъ къ подъему на плоскогорье: тамъ находится Серро-Гордо, или «Большая Гора», проходъ черезъ которую былъ форсированъ въ 1847 г. американскими войсками; еще ниже лежитъ Пуенте-Насіональ, прежде Пуенте-дель-Рей, монументальное сооруженіе, воздвигнутое черезъ глубокій оврагъ, по которому течетъ ріо-Антигуа; затѣмъ слѣдуетъ Пасо-де-Овехасъ, или «Овечья тѣснина», гдѣ были найдены остатки большаго индѣйскаго города, самое имя котораго исчезло.

Къ югу отъ Халапы и Коатепека, по отлогостямъ плоскогорья, разсѣяно много другихъ городовъ, занимающихъ такое же мѣстоположеніе, какъ и «Городъ Цвѣтовъ». Извилистыя дороги, огибающія горы, на высотѣ между 800 и 1.200 метр., по красотѣ открывающихся горизонтовъ и безконечному разнообразію пейзажей не имѣютъ себѣ подобныхъ въ цѣломъ свѣтѣ. По выходѣ изъ галлерей зелени, образуемыхъ переплетающимися вѣтвями сосенъ и другихъ большихъ деревьевъ, взорамъ представляется снѣговая Оризаба, высокія горы съ своими контрфорсами, террасами и потоками лавы, покрытыми лѣсами, поля, теряющіяся въ фіолетовой дымкѣ, и правильныя извилины синяго океана. Склоны горъ, отъ вершины до основанія, изрыты оврагами въ нѣсколько сотъ метровъ глубиною; но эти ущелья, гдѣ тропинки идутъ какъ по дну колодца, скрываютъ свои стѣны и обрывы подъ чащею растительности, въ которой флора тропическаго и умѣреннаго поясовъ перемѣшиваются между собою; по берегу ручья, текущаго по дну барранки, идешь словно въ огромной оранжереѣ между цѣлымъ лѣсомъ древовидныхъ папоротниковъ [1]).

Гуатуско (Уатуско)—одинъ изъ городовъ чудесной, но малодоступной области; ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Мексики сахарный тростникъ не растетъ въ такомъ изобиліи, какъ

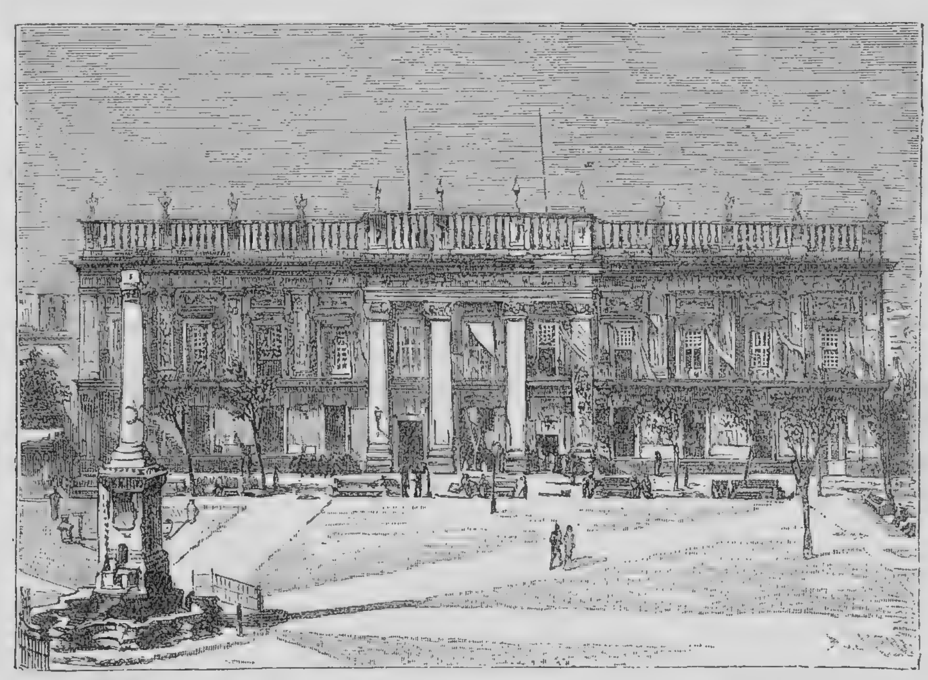
[1]) Jourdanet, „Mexique“;—C. T. Poyet, „Nouvelles Annales des Voyages“. Январь 1863 г.

[2]) Alex. de Humboldt, цитирован. сочиненіе.

[1]) Humboldt;—Heller;—Lucien Biart;—Jules Leclercq, цитиров. сочиненія.

здѣсь; кофейное дерево, плоды котораго не дозрѣваютъ на плантаціяхъ Халапы, здѣсь, напротивъ того, отличается превосходнымъ качествомъ. Южнѣе лежитъ Коскоматепекъ, надъ которымъ господствуетъ величественный массивъ Оризаба, а затѣмъ идетъ Кордоба, городъ, расположенный на высотѣ 890 метровъ, на большой дорогѣ и на линіи желѣзной дороги, идущей изъ Вера-Круца въ Мексико. Кордоба—городъ историческій: здѣсь въ 1821 году былъ подписанъ трактатъ, по которому была признана независимость Мексики и вмѣстѣ съ этимъ также гражданское равенство между испанцами, креолами, метисами и индѣйцами. Какъ центръ кофейныхъ и другихъ плантацій, Кордоба имѣетъ тѣ же преимущества, какъ и Халапа, съ тою только разницею, что ея климатъ болѣе влажный и лихорадки составляютъ здѣсь заурядное явленіе. Въ Оризабѣ, которая находится на 26 километровъ ближе въ самой сердцевинѣ горы, у подошвы Боррего, дожди идутъ впродолженіи болѣе долгаго періода, чѣмъ въ Халапѣ, и сырость, испаряющаяся изъ почвы, имѣетъ здѣсь вредное свойство. Городъ Оризаба, древній Агуилицапанъ, или «Радостная вода», расположенъ на высотѣ 1.240 метровъ надъ уровнемъ моря, на террасѣ, которую орошаютъ дѣйствительно обильныя и здоровыя воды, питающія прекрасныя плантаціи. Многіе изъ водныхъ потоковъ, изъ которыхъ одинъ исчезаетъ въ скалѣ, чтобы снова появиться въ 4 километрахъ ниже, утилизируются также въ качествѣ двигательной силы на значительныхъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ и другихъ заводахъ. Оризаба—самая оживленная станція на желѣзной дорогѣ между Мексико и моремъ.

Почти вся морская торговля штата и около половины всей внѣшней торговли республики сосредоточивается въ портѣ Вера-Круцъ. Вера-Круцская деревня Пуэбло-Віехо, находящаяся какъ разъ напротивъ Тампико-де-Тамаулипасъ, представляетъ изъ себя нѣчто вродѣ отдѣльнаго отъ города предмѣстья, расположеннаго на правомъ берегу. Нѣсколько южнѣе лежитъ Туксланъ, который сообщается съ моремъ посредствомъ мелководнаго бара Каббелосъ-Бланкосъ, черезъ который отваживаются проходить только суда незначительной вмѣстимости; вся торговля этого города не достигаетъ даже 5 милліоновъ франковъ: для усиленія торговаго движенія въ этомъ портѣ, его соединяютъ съ Тампико посредствомъ судоходнаго канала, который захватитъ лагуну Тамахуа и другіе прибрежные пруды.

Правительственный дворецъ въ С.-Луи-Потози.

По всей части побережья, простирающейся на югъ до Вера-Круца, на пространствѣ 220 километровъ, суда не находятъ никакого пристанища: всюду берегъ окаймленъ песками и бурунами; бывшій портъ Наутла, по имени котораго прежде назывался весь берегъ, теперь совершенно обмелѣлъ.

Туксланъ имѣетъ кое-какія археологическія развалины, между прочимъ, остатки теокалли. Точно также городъ Попантла, лежащій южнѣе Туксвана, внутри страны, обладаетъ довольно хорошо сохранившейся пирамидой нахуатльскаго происхожденія; она сооружена по

тому же образцу, какъ и пирамида Теотигуакана, но значительно меньше и ниже той: она имѣетъ 18 метровъ высоты. Въ сосѣднемъ городкѣ Малпилкѣ находятся развалины, принадлежащія той же эпохѣ. Еще южнѣе лежитъ городъ Нисантла, въ которомъ обрѣтаются развалины такого же памятника, относящагося къ эпохѣ, предшествовавшей завоеванію. Между Папантлой и Миспнтлой, въ Хикателпекѣ и Санъ-Рафаэлѣ, на берегахъ Пальмара или Наутлы, находится французская земледѣльческая колонія, одна изъ самыхъ благоденствующихъ и процвѣтающихъ во всей Мексикѣ. Основанная въ 1831 году однимъ фаланстеріанцемъ, вокругъ котораго сгруппировались земледѣльцы изъ Франшъ-Конте, эта колонія пережила много черныхъ дней особенно въ эпоху нашествія французовъ, и ей лишь съ большимъ трудомъ удалось добиться концессіи годныхъ къ культурѣ земель на правахъ полной собственности. Санъ-Рафаэльская ваниль славится во всей Мексикѣ. Населеніе колоній Хикателпекъ и Санъ-Рафаэль: около 2.400 жителей; ежегодная цѣнность сбора продуктовъ 9.476.000 франковъ [1].

Современный Вера-Круцъ—это не тотъ городъ, который основатель его, Фернандо Кортесъ, человѣкъ корыстолюбивый и набожный, назвалъ Вилла-Рика-де-ла-Вера-Круцъ; но первый станъ былъ раскинутъ неподалеку отъ того мѣста морскаго побережья, гдѣ теперь устроены набережныя. Затѣмъ городъ отодвинулся дальше на сѣверъ, къ деревнѣ Квіагуицланъ, но эта мѣстность, безъ порта и къ тому же нездоровая, оказалась неудобною, и потому, четыре года спустя, былъ основанъ третій городъ, уже гораздо южнѣе, около многолюднаго Цемпоала, главнаго города страны тотонаковъ; рѣка, орошающая его сады, получила названіе Антигуа съ 1859 года, т. е. съ той эпохи, когда колонія была тоже покинута, по причинѣ непреодолимаго препятствія, которое представлялъ тамошній баръ [2]). Тогда основали четвертый городъ, нынѣшній Вера-Круцъ, какъ разъ противъ укрѣпленнаго островка Санъ-Жуанъ д'Улуа. Впрочемъ, выборъ дѣйствительно былъ очень затруднителенъ на такомъ негостепріимномъ берегу, усѣянномъ рифами, окруженномъ безплодными и песчаными полями или же покрытомъ болотами. Непосредственно за бульварами городской ограды тянутся нескончаемыя дюны, или *меданосы*, при каждой бурѣ мѣняющія свою форму и мѣсто: нѣкоторые изъ этихъ холмовъ, навѣянныхъ сѣвернымъ вѣтромъ, достигаютъ 50 метровъ высоты. Этотъ городъ, лежащій посреди песковъ, не ласкаетъ собою взора при первомъ взглядѣ на него со стороны моря: поэтому большинство путешественниковъ, свободныхъ отъ дѣлъ и знакомыхъ съ нездоровыми условіями Вера-Круцскаго климата, не задерживаются долго въ этомъ городѣ и спѣшатъ перебраться въ болѣе благопріятныя мѣста внутри страны, особенно во время теплаго сезона, когда свирѣпствуетъ желтая лихорадка, столь опасная на берегахъ Мексиканскаго залива. Въ Мексикѣ городъ Вера-Круцъ стяжалъ себѣ печальную славу и извѣстенъ подъ названіемъ Сіудадъ-де-лосъ-Муертосъ, т. е. «Города Мертвыхъ»: въ одномъ только 1862 г. эпидемія похитила тамъ двѣ тысячи человѣкъ [1]). Тѣмъ не менѣе, по миновании этого убійственнаго бича, городъ самъ по себѣ вовсе не такъ вреденъ для здоровья, какъ кажется, и бѣлые, избѣгнувшие господствующей тамъ болѣзни, могутъ считать себя совершенно акклиматизировавшимися: они даже менѣе рискуютъ заболѣваніями, чѣмъ ихъ соотечественники, поселившіеся на плоскогорьѣ. Мѣстное населеніе, въ большинствѣ андалузскаго происхожденія, ничего не потеряло въ расовомъ отношеніи, доказательствомъ чего служатъ сила, грація и красота вера-круцсевъ. Сѣверные вѣтры, которые часто дуютъ въ этой части побережья, проходятъ надъ сухими дюнами и далеко уносятъ испаренія болотъ, лежащихъ на южной сторонѣ города [2]).

Дома въ Вера-Круцѣ, расположенные, какъ и въ большинствѣ мексиканскихъ городовъ, правильными островками, построены изъ мадрепороваго камня, извѣстнаго въ странѣ подъ названіемъ *мукара*: это скалы прибрежныхъ рифовъ, которыя послѣ срытія мало-помалу возстановляются. Раскапывая песчаную почву Вера-Круца, уже на глубинѣ одного метра находятъ прѣсную воду, но она совершенно испорчена вслѣдствіе просачиванія болотной воды изъ сосѣднихъ топей; пришлось прокладывать водопроводы, чтобы доставить городу воду изъ рѣки Халапы. Еще недавно воды не хватало даже для чистки улицъ и сточныхъ рвовъ; санитарныя работы лежали почти исключительно на *зопилотахъ*, или кондорахъ (американскіе ястребы), которые усердно истребляли падаль; оттого птица эта пользуется особымъ покровительствомъ, и полицейскія правила охраняютъ ее отъ всякаго нападенія. Нѣсколько садовъ и прекрасные пальмовые бульвары, устроенные на мѣстѣ прежнихъ валовъ, даютъ немного тѣни прохожимъ. Одна изъ этихъ аллей, длиною болѣе, чѣмъ въ километръ, пересѣкаетъ кварталъ, населенный почти исключительно неграми и мулатами,—

[1]) Charles, „Bulletin de la Société de Géographie de Bordeaux". 1884 г. № 3.
[2]) M. Orozco y Berra, „Apuntes para la historia de la Geographia en México".

[1]) Brantz Meyer, „Mexico".
[2]) D. Jourdanet, „Du Mexique au point de vue de son influence sur la vie de l'homme".

элементъ населенія, наиболѣе благоденствующій въ Вера-Круцѣ, благодаря своему иммунитету отъ желтой лихорадки.

На Мексиканскомъ заливѣ Вера-Круцъ—городъ историческій по преимуществу. Это здѣсь испанцы утвердились во время открытія и завоеванія Мексики, и здѣсь же они продержались дольше всего, еще цѣлыхъ четыре года послѣ утраты своей колоніи. Въ 1838 году принцъ Жуанвильскій овладѣлъ крѣпостью Санъ-Жуанъ д'Улуа (Уллоа), стоящей на низкомъ островѣ, въ 1.075 метрахъ отъ города, и съ той поры американцы въ 1847 г., французы въ 1862 г. также занимали ее. Взятіе этихъ укрѣпленій закрывало для Мексики ворота, черезъ которыя она нѣкогда вела политическія и торговыя сношенія съ остальнымъ міромъ. Крѣпость, сдѣлавшаяся простой тюрьмой, превращается теперь въ развалины: говорятъ, она стоила Испаніи и Мексикѣ сорокъ милліоновъ піастровъ, которымъ можно бы было дать гораздо лучшее примѣненіе: употребить ихъ, напримѣръ, на постройку моловъ и волнорѣзовъ и тѣмъ обратить въ настоящій портъ эту опасную якорную стоянку, гдѣ пристаютъ суда. Въ настоящее время уже приступили къ этимъ сооруженіямъ, такъ какъ рейдъ дотого опасенъ, что во время сильныхъ порывовъ сѣвернаго вѣтра суда не могутъ оставаться въ немъ и вынуждены искать спасенія въ открытомъ морѣ. Впрочемъ, къ югу отъ этого порта есть небольшой песчаный островокъ, гдѣ суда находятъ себѣ кое-какое убѣжище; островокъ этотъ носитъ названіе Сакрифисіосъ, въ воспоминаніе прежнихъ «человѣческихъ жертвоприношеній», которыя еще застали Кортесъ и его спутники. Еще южнѣе находится рейдъ Антонъ-Лизардо [1]), защищенный множествомъ острововъ и рифовъ. Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, портъ Вера-Круцъ сосредоточиваетъ въ себѣ почти двѣ трети всей внѣшней торговли республики; но если работы по углубленію замедлятся, то движеніе торговли можетъ избрать другое направленіе. Уже многіе путешественники иностранцы, пріѣзжающіе въ Мексико, предпочитаютъ болѣе дорогой путь по сѣвернымъ желѣзнымъ дорогамъ, чѣмъ дешевое, но рискованное путешествіе черезъ Мексиканскій заливъ.

Вывозъ изъ Вера-Круца въ 1892 г. простирался до 82.250.000 франк.; судовъ въ приходѣ было 598 (413 паровыхъ), общей вмѣстимостью 583.247 тоннъ.

Главную торговлю Вера-Круцъ ведетъ съ Англіей; затѣмъ слѣдуютъ Соединенные Штаты и Германія; Франція занимаетъ уже четвертое мѣсто. Главные предметы вывоза составляютъ кофе и кожа; Англія и Франція закупаютъ въ Вера-Круцѣ волокна одного растенія, *закатона* (*epicampes*), которыя идутъ на выдѣлку изящныхъ щетокъ.

Деревня Меделлинъ, расположенная въ 15 километрахъ къ югу отъ Вера-Круца, напоминаетъ о проходѣ Кортеса, который въ 1552 г. далъ ей названіе своего роднаго города въ Эстремадурѣ: это—дачная мѣстность для жителей Вера-Круца, которые пріѣзжаютъ сюда купаться въ рѣкѣ Атойакъ. На юго-западѣ находится Меделлинская желѣзная дорога, которая, проходя черезъ лѣса и дюны, продолжается до порта Альварадо, расположеннаго на сѣверномъ берегу широкаго лимана, куда впадаютъ Папалоапанъ и другія рѣки; высокія дюны господствуютъ надъ домиками городка, въ гавань котораго приходятъ небольшія суда за грузами мѣстныхъ продуктовъ, преимущественно сушеной рыбы, заготовляемой въ большомъ количествѣ рыбаками, изъ которыхъ состоитъ почти все городское населеніе. Говорятъ, что альварадскіе рыбаки происходятъ отъ испанскихъ моряковъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ при Лепанто: они ежегодно этой справляютъ годовщину побѣды [1]). Каботажки, плавающія по лиману, доходятъ до береговъ Тлаколтапама, «Города Москитовъ», расположеннаго при сліяніи двухъ судоходныхъ рѣкъ—Папалоапана и ріо-Санъ-Жуанъ. Это естественный складочный пунктъ обширнаго рѣчнаго бассейна, который съ одной стороны простирается до сѣверной Оахаки, а съ другой—до вулканической области Тукстлы. Тлаколтапамъ обѣщаетъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ республики, когда въ дѣвственныхъ лѣсахъ его окрестностей будутъ проложены дороги, и когда край этотъ, теперь почти безлюдный, заселится колонистами.

Движеніе судоходства въ Альварадо въ 1887 г.: 74 парохода и 285 парусныхъ судовъ; въ Тлаколтапанѣ: 74 парохода и 200 парусныхъ судовъ.

Населеніе этихъ низкихъ и болотистыхъ земель, извѣстное подъ названіемъ *харочосовъ*, живетъ особнякомъ отъ другихъ мексиканцевъ и считаетъ себя особой націей: оно имѣетъ свои преданія и нравы, а до недавняго времени носило и особую одежду—длинное до пятъ платье, украшенное по всѣмъ швамъ красною строчкою, расположенною причудливымъ узоромъ [2]).

Тукстласкій округъ, обнимающій собою города Санъ-Андресъ-Тукстла и Сантъ-Яго-Тукстла, составляетъ отдѣльный мірокъ среди этой низкой области саваннъ и болотъ; въ 9-ти километрахъ отъ города находится замѣчательное

[1]) Нѣкогда Санъ-Антоніо-Лизардо.

[1]) Jules Leclercq, цитиров. сочин.
[2]) Lucien Biart, „La Terre Chaude".

по красотѣ озеро Катемако, занимающее долину Сіерры-де-Санъ-Андресъ; окруженная поросшими лѣсомъ склонами, между величественныхъ горъ, съ изящными контурами, эта дивная водная скатерть, отражающая въ своей зеркальной поверхности небесную лазурь и облака, кажется, говорятъ индѣйцы, «кускомъ неба, упавшимъ на землю» [1]). Вулканъ, несущій на себѣ двѣ Тукстлы, съ ихъ садами и табачными плантаціями, имѣетъ видъ большаго острова, окруженнаго моремъ зелени. Съ восточной стороны этого массива тянутся низкія равнины, по которымъ протекаетъ Коацакоалкосъ; эта область принадлежитъ еще къ штату Вера-Круцъ, хотя ея положеніе на перешейкѣ и ея торговля связываютъ ее съ Тегуантепекомъ.

Важнѣйшіе и историческіе города штата Вера-Круцъ, съ цифрой ихъ населенія: Вера-Круцъ (1895 г.)—89.000 жит.; Папантла—10.000; Халапа—18.000; Оризаба—20.000; Санъ-Андресъ-Тукстла — 12.000; Кордова—6.000; Сантъ-Яго-Тукстла — 10.000; Коатепекъ—9.000; Туксканъ—6.000 жит.

Юго-Западная Мексика.

Штаты Морелосъ, Герреро, Оахака.

Та часть Мексики, которая расположена на югъ отъ главной цѣпи вулкановъ, заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми частями штатовъ Мексико и Пуэблы, только три штата,— Морелосъ, Герреро и Оахаку. Хотя жители этой области, бѣлые, метисы и даже индѣйцы, принимали очень дѣятельное участіе въ войнѣ за независимость, ихъ край остался гораздо болѣе, чѣмъ прочія области Мексики, въ сторонѣ отъ промышленнаго и торговаго движенія. Въ южномъ направленіи отъ Морелоса и Яутепека не проложено еще ни одной желѣзнодорожной линіи къ побережью Великаго океана; вѣтви желѣзнодорожной сѣти всѣ заканчиваются въ небольшомъ разстояніи отъ плоскогорья. Причина этого кроется въ густыхъ лѣсахъ, въ крутыхъ обрывахъ и глубокихъ оврагахъ, покрывающихъ эту область, а также и въ относительно рѣдкомъ населеніи, котораго приходится всего 9 человѣкъ на квадратный километръ. Къ тому же американскіе строители желѣзныхъ дорогъ, понятно, торопились покрыть желѣзнодорожною сѣтью тѣ области, которыя непосредственно прилегали къ ихъ родной странѣ. Но какъ только южные штаты будутъ соединены рельсовымъ путемъ съ остальной Мексикой, они, безъ сомнѣнія, не отстанутъ отъ прочихъ штатовъ республики; помимо необычайнаго богатства въ естественныхъ продуктахъ, могущество этого края заключается въ самомъ населеніи, которое есть одно изъ самыхъ энергичныхъ, гордыхъ, дѣятельныхъ и въ то же самое время честныхъ во всей Мексиканской территоріи; наконецъ, эта часть республики обладаетъ лучшимъ портомъ на всемъ морскомъ побережьѣ.

Куернавака, главный городъ штата Морелосъ, основанъ не испанцами, какъ можно бы было предполагать по его имени; имя это происходитъ отъ ацтекскаго Куаухнагуакъ. Древній городъ, сообщающійся съ Мексико прямо черезъ открытое ущелье, на востокѣ Серро-де-Ахуско, Куернавака, лежитъ уже на тихоокеанской покатости, почти на 600 метровъ ниже столицы, среди «умѣренныхъ земель»; безплодные овраги съ трехъ сторонъ окружаютъ этотъ дивный оазисъ зелени. Въ Мексикѣ немного найдется городовъ, которые бы пользовались такимъ мягкимъ и ровнымъ климатомъ: въ Куернавакѣ можно встрѣтить всѣ деревья Западной Европы, произрастающія наряду съ флорою жаркаго пояса. Фернандо Кортесъ не ошибся въ выборѣ, испросивъ себѣ въ ленное владѣніе эту долину, гдѣ его замокъ замѣненъ теперь зданіемъ муниципалитета; къ числу достопримѣчательностей Куернаваки принадлежитъ также великолѣпный садъ «Лаборде», названный такъ по имени одного беарнскаго рудокопа, который по своему богатству былъ одно время первымъ капиталистомъ въ Мексикѣ. На юго-западѣ этого города находится ацтекская крѣпость, отлично сохранившаяся еще и до сихъ поръ, извѣстная подъ названіемъ Хочикалко, или «Замокъ цвѣтовъ». Эта древняя крѣпость занимаетъ отдѣльный холмъ въ 117 метровъ высоты, окруженный рвами и обдѣланный человѣческими руками въ видѣ пяти послѣдовательныхъ террасъ, съ высѣченными уступами. Въ общемъ она имѣетъ видъ усѣченной пирамиды, и четыре стороны ея оріентированы по главнымъ странамъ свѣта. Глыбы базальтоваго порфира, привезенныя сюда издалека, украшены іероглифами и рельефными изображеніями, между которыми есть изображенія какихъ-то странныхъ животныхъ съ головами ящерицъ и людей въ сидячемъ положеніи, на корточкахъ, по азіатскому обычаю. По Селеру, эти изваянія, какъ произведенія искусства, могутъ быть поставлены на-ряду съ самыми замѣчательными барельефами Стараго Свѣта [2]). Нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ камней были увезены окрестными землевладѣльцами и обращены въ жернова и настилку на сахарныхъ заводахъ и въ водопроводахъ.

Городъ Морелосъ, принявшій то же имя, какъ и штатъ, не сдѣлавшись, однако, его сто-

[1]) Lucien Biart, „Les Aztèques“.

[2]) „Reisebriefe aus Mexico“;—„Berliner Anthropologische Gesellschaft“, Томъ XX. 1888 г.

лицей, есть древняя Куаутла-Амилпасъ, «Сарагосса» Новой Испаніи, оказывавшая, во время войны за независимость, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сопротивленіе соединеннымъ силамъ испанцевъ. Морелосъ пользуется такимъ же благодатнымъ климатомъ, какъ Куернавака и сосѣдній съ нимъ Лутепекъ; въ его округѣ процвѣтаютъ плантаціи сахарнаго тростника, и въ настоящее время онъ отправляетъ свои фрукты въ Мексико по желѣзной дорогѣ, которая переходитъ порогъ горъ (2.956 метровъ), на перевалѣ «Креста Маркиза», усѣянномъ маленькими вулканами. Какъ Морелосъ, такъ и другіе города штата, орошаются обильными ручьями, впадающими въ ріо-Какахуамилта, въ обширныхъ галлереяхъ которой бьютъ ключи и текутъ ручьи; длина этой пещеры до сихъ поръ еще не опредѣлена; по ней проходили разстояніе въ 10 километровъ и все-таки не добрались до конца. Изъ глубины этой пещеры былъ извлеченъ скелетъ мастодонта.

По берегамъ Мексканы слѣдуютъ одно за другимъ нѣсколько селъ и мѣстечекъ, съ рѣдкимъ населеніемъ: главныя изъ нихъ—Тлапехуала и Койука—лежатъ около границы штата Мичоакана. Небольшой складочный пунктъ, вполнѣ достаточный для незначительной торговли области ріо-Мекскала, расположенъ на правомъ берегу западнаго устья этой

Лодка индѣйскаго продавца овощей.

Мекскала. Въ штатѣ Герреро, городъ Таксько, гдѣ еще ацтеки добывали свинецъ и олово, и гдѣ испанцы начали свои первыя въ Мексикѣ разработки рудныхъ залежей [1]), раскинулся на сѣверномъ притокѣ ріо Мекскалы. На другомъ данникѣ рѣки стоитъ городъ Игуала, гдѣ въ 1821 г. былъ провозглашенъ «планъ», принятый воюющими сторонами и положившій конецъ испанскому владычеству. Рѣка, вытекающая изъ штата Пуэбла, около Акатлана, называется Мекскала отъ одной деревни, расположенной на высотѣ 520 метровъ, при впаденіи притока Игуалы. Между Таксько и Куернавакою находится знаменитая пещера рѣки: это—постъ Орилья, или «Берегъ». Мѣстечко Закатула (Закатолланъ), лежащее на лѣвомъ берегу восточнаго рукава рѣки, утратило то значеніе, которымъ пользовалось въ XV-мъ вѣкѣ, когда оно было столицей независимаго штата [1]); теперь это не болѣе, какъ группа жалкихъ лачужекъ, почти затерянныхъ въ кустарникѣ. Полукруглый рейдъ, открывающійся на востокѣ дельты, слишкомъ широкъ, чтобы суда могли тамъ бросать якорь; самой удобной якорной стоянкой на сосѣднемъ побережьѣ является бухта Сигуантанео, въ ста километрахъ къ юго-востоку отъ Закатулы: тамъ,

[1]) Santiago Ramirez, „Riqueza mineral de México“.

[1]) Brasseur de Bourbourg, „Histoire des nations civilisées du Mexique“.

по проектамъ Горзуха и Хименеса, должна бы оканчиваться Мексиканская желѣзная дорога, южный участокъ междуокеанской дороги, въ 700—800 километровъ протяженія, проведенной отъ бара Туксиана черезъ Мексико поперекъ всей территоріи республики. Ансонъ былъ, кажется, первымъ мореплавателемъ, воспользовавшимся этимъ прекраснымъ небольшимъ портомъ, окруженнымъ крутыми косогорами со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ западной. Въ 13 километрахъ на юго-востокъ отъ входа, въ виду самаго берега, возвышается отдѣльная небольшая гора Петатланъ, соединяющаяся съ материкомъ посредствомъ низкаго перешейка, покрытаго кустарникомъ.

Главный городъ штата Герреро, Чилпансинго, представляетъ собою небольшой городокъ, расположенный на высотѣ 1.380 метровъ, на высокомъ раздѣльномъ хребтѣ между долиной Мескала и Великимъ океаномъ. Въ прежнія времена онъ имѣлъ значеніе этапнаго мѣста между Испаніей и Филиппинскими островами на пути перевозки драгоцѣнныхъ металловъ; во время войны за независимость онъ одно время былъ мѣстомъ съѣзда перекочевывшаго конгресса, которому армія инсургентовъ служила охраной. Но съ того времени Чилпансинго всегда оставался въ сторонѣ, и великолѣпный портъ Акапулко, служащій для него гаванью на Великомъ океанѣ, ведетъ незначительную торговлю: парусныя суда почти совсѣмъ перестали заходить въ него, и только пароходы аккуратно пристаютъ въ этой гавани.

Цѣнность торговаго обмѣна въ Акапулько за 1886 г. опредѣлилась въ 3.925.000 франковъ; движеніе судоходства въ 1887 г.: 165 судовъ, вмѣстимостью въ 328.865 тоннъ.

Портъ, имѣющій видъ огромнаго кратера, выщербленнаго со стороны океана, доступенъ для самыхъ большихъ судовъ и служитъ имъ надежнымъ убѣжищемъ; но береговой поясъ пальмъ и банановъ не умѣряетъ жары, господствующей въ этомъ воронкообразномъ бассейнѣ, гдѣ солнечные лучи отражаются отъ гранитныхъ стѣнъ окрестныхъ горъ; стоило большихъ трудовъ и затратъ, чтобы пробить въ западномъ утесѣ брешь и этимъ открыть доступъ морскому вѣтру [1]). Бѣлые немногочисленны въ Акапулько; постоянные жители города, отличающіеся красотой и стройнымъ тѣлосложеніемъ,—мулаты съ небольшой примѣсью китайской и испанской крови. Въ прошломъ столѣтіи населеніе состояло изъ 4.000 душъ; оно вдругъ удвоилось отъ наплыва людей изнутри страны, когда Манильскій галіонъ, *нао* или «корабль» по преимуществу, появился въ этомъ портѣ [2]). Портъ, лежащій нѣсколько южнѣе Акапулко, названъ Пуерто-дель-Маркесъ, въ память «маркиза» Фернандо Кортеса; но это названіе свидѣтельствуетъ объ исторической путаницѣ: главныя экспедиціи, организованныя завоевателемъ, отправлялись изъ порта Акапулко, а не изъ его южнаго сосѣда [1]). На западъ отъ Акапулко, берегъ, довольно возвышенный, получилъ отъ моряковъ названіе Коста-Гранде; на западѣ его называютъ Коста-Чика, или «Малый Берегъ».

Городъ Антекера, основанный испанцами въ 1522 г., снова принялъ имя бывшей Запотекской крѣпости Гуаксіакакъ (Оахака), расположенной въ 6 километрахъ западнѣе. Городъ этотъ, построенный съ замѣчательною правильностью, имѣетъ мало себѣ равныхъ въ Мексикѣ по красотѣ садовъ и плодородію полей. Рѣка, носящая имя Атойакъ,—по-нахуатльски «Текущая Вода»,—общее многимъ рѣкамъ Мексики, орошаетъ дивную долину, средняя высота которой 1.550 метровъ, высота, гдѣ разнообразно перемѣшаны деревья двухъ поясовъ. Одинъ изъ главныхъ промысловъ Оахаки—извлеченіе и тканье волоконъ одного ананасниковаго растенія, извѣстнаго подъ названіемъ *пита*: изъ этого растенія изготовляютъ самые разнообразные предметы. Вся «долина» Оахаки, насчитывающая теперь около 150.000 жителей, была нѣкогда частною собственностью Кортеса, откуда и произошелъ его титулъ: «Маркизъ-дель-Валле». Несмотря на богатство своей долины, городъ Оахака пришелъ въ упадокъ: съ половины XIX ст. онъ потерялъ нѣсколько тысячъ жителей, оставившихъ этотъ городъ не только вслѣдствіе упадка цѣнъ на кошениль и отсутствія быстраго сообщенія съ Мексико, но и по причинѣ политическаго честолюбія: такъ какъ большинство главныхъ администраторовъ уроженцы штата Оахака, то молодые люди толпой устремились въ столицу, въ надеждѣ пристроиться къ какому-нибудь мѣстечку по протекціи земляка начальника [2]).

Въ окрестностяхъ Оахаки, особенно на западѣ, на Монте-Албанъ, гдѣ стоялъ древній Гуаксіакакъ, встрѣчаются кое-какія развалины запотекскихъ построекъ. Развалины Митлы, сохранившіяся лучше другихъ и, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, самыя красивыя во всей Мексикѣ, находятся въ 50 километрахъ восточнѣе. На склонѣ невысокихъ горъ, отчетливый профиль которыхъ напоминаетъ горизонты Греціи, находятся остатки Митласскаго дворца и его большая пирамида, храмъ которой былъ замѣненъ католической часовней; въ общемъ, эти развалины походятъ на руины акрополя. По красотѣ архитектуры, зданія Митлы также могутъ сравниться съ эллин-

[1]) Du Petit Thouars, „Voyage autour du Monde“.
[2]) Alex. de Humboldt, „Essai politique sur la Nouvelle-Espagne“.

[1]) Orozco y Berra, „Apuntes para la historia de la Geografia en México“.
[2]) Fr. Batzel, „Aus Mexico“.

скими памятниками лучшей эпохи. Стѣны монументовъ образуютъ большіе параллелограммы, разрѣзанные на длинныя горизонтальныя полосы, которыя декораторы изукрасили правиль-

Плантація въ окрестностяхъ Мексико.

ными рисунками, скрещивающимися линіями, ромбами и прямыми или наклонными греческими украшеніями, но почти безъ всякой кривизны: маленькіе камни, расположенные въ видѣ мозаики, большею частью исчезли, расхищенные индѣйцами, которые употребляютъ ихъ на амулеты. Архитектура Митлы представляетъ оригинальный періодъ развитія искусства въ южной части Мексики. Въ храмахъ Юкатана скульптурныя украшенія на выступахъ стѣнъ зачастую воспроизводятъ человѣческія фигуры; въ Митлѣ же, напротивъ, запотекскіе зодчіе избѣгали всякихъ наружныхъ барельефовъ: обязанные строго придерживаться іератиче-

скихъ правилъ, они придали своему священному городу видъ благородной строгости [1]). О «колоннахъ» храма Митлы говорили какъ объ единственномъ, будто бы, примѣрѣ во всей мексиканской архитектурѣ, а между тѣмъ эти колонны вовсе не исключительное явленіе въ Мексикѣ: Сахагунъ описываетъ колонны въ Тулѣ, которыя представляютъ перевившихся между собою змѣй, опирающихся на головы и вертикально вытянувшихъ хвосты [2]), а на фотографіяхъ Чарнея воспроизведены другія колонны, находящіяся въ Чиченъ-Итца, въ Юкатанѣ. Подъ главнымъ зданіемъ помѣщается некрополь, которому, по всей вѣроятности, Митла, Миктланъ или Мижитланъ и обязаны своимъ ацтекскимъ названіемъ «Жилище Мертвыхъ»; на запотекскомъ языкѣ это мѣсто называется Іоопаа, т. е. «земля гробницъ».

Воды, спускающіяся отъ Оахаки, Митлы и съ промежуточныхъ горъ, соединяются въ одну рѣку, въ 10-ти километрахъ отъ главнаго города, около деревни Санта-Марія-дель-Туле, или «Тростниковъ». Въ этой мѣстности часто деревья громаднаго размѣра не рѣдки, но дома деревни расположились вокругъ самаго большаго изъ нихъ, нѣкогда считавшагося священнымъ. Это *сабино* или «кипарисъ» (taxodium mucronatum), который считается величайшимъ деревомъ во всемъ свѣтѣ: по крайней мѣрѣ, среди всѣхъ вымѣренныхъ деревьевъ нѣтъ втораго такого колосса. Сицилійскій каштанъ, извѣстный подъ названіемъ «Сто Коней», теперь раздѣленъ на три отдѣльныхъ ствола, между которыми проходитъ дорога; Оратавскій драконникъ, имѣвшій 14 метровъ въ обхватѣ, болѣе не существуетъ; гигантскія калифорнійскія секвойи были срублены въ 1855 году; Монтравальскій дубъ, находящій близъ Сента, имѣетъ 26 метровъ въ обхватѣ, а величайшіе баобабы и бавольники Африки, о которыхъ упоминали Кадамосто, Адансонъ и другіе, имѣютъ не болѣе 30—34 метровъ въ окружности [3]). Въ 1882 году Тульскій капарисъ имѣлъ не менѣе 36 метровъ въ обхватѣ на высотѣ одного метра, и 52 метра по окружности, обнимающей всѣ выпуклости и углубленія ствола. Дерево это еще въ полной силѣ, и имена, вырѣзываемыя на стволѣ его туристами, желающими оставить память о своемъ посѣщеніи, быстро зарастаютъ новой древесиной. Тульскій сабино представляетъ собою цѣлый особый міръ: въ его дуплахъ и въ листвѣ, поднимающейся до высоты 38—39 метровъ,—много меньшей, правда, въ сравненіи, съ высотой короны самыхъ большихъ веллингтоній Орегона и эвкалиптовъ Австраліи, — находятъ убѣжище различныя

[1]) Viollet le Duc, Предисловіе къ „Cités et Ruines Americaines";—D. Charnay.

[2]) F. Pimentel, „Cuadro descriptivo y comparativo de las lenguas indigenas de México".

[3]) Fulgence Marion, „Les Merveilles da la Végétation".

четвероногія, пресмыкающіяся и птицы. Огромныя наружныя выпуклости, придающія дереву видъ группы отдѣльныхъ стволовъ, соединившихся при выростаніи, навели нѣкоторыхъ писателей, въ томъ числѣ и Гумбольдта, который, впрочемъ, самъ не видѣлъ этого дерева, на мысль что тульскій кипарисъ дѣйствительно образовался изъ нѣсколькихъ деревьевъ, въ началѣ росшихъ отдѣльно, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, сросшихся въ одно дерево; но осмотръ верхнихъ вѣтвей, которыя всѣ правильно выходятъ изъ центра, показалъ, что дерево это цѣльное. Священное дерево запотековъ, дѣйствительно, единственное въ мірѣ [1]). Туземцы относятся къ нему съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ: никто не можетъ осмотрѣть сабино иначе, какъ подъ ихъ наблюденіемъ, и они не позволяютъ отломить отъ него ни одной вѣтки; ежедневно они тщательно обчищаютъ дерево у корня [2]).

Дорога изъ Оахаки къ морю спускается не по Атойакской долинѣ, которая описываетъ длинную дугу по направленію къ западу до границы штата Герреро. Эту долину оставляютъ вправо, и дорога прямо идетъ на югъ, переваливая на высотѣ 2.260 метровъ черезъ хребетъ Сималтепекъ, окаймляющій побережье. Недалеко отъ вершины находится промышленная деревня Міахуатланъ, жители которой искусные треспровщики соломы, изъ которой выдѣлываютъ всевозможныя вещицы, находящія сбытъ далеко за предѣлами своего штата. Въ прежнія времена благоденствію этого края много способствовалъ кошенильный промыселъ; теперь по южнымъ склонамъ горъ стали разводить кофейныя плантаціи, дающія очень цѣнные продукты; такимъ образомъ, культура этого растенія быстро развивается въ странѣ, обнимая собою даже побережье на разстояніи 60 и 75 километровъ отъ моря, и высокая цѣнность этого продукта даетъ плантаторамъ возможность обзаводиться дорогими машинами для просушки и сортировки зеренъ. (Сборъ кофе въ округѣ Пуерто-Анжель въ 1888 г. составлялъ 550.000 килограммовъ). Благодаря такому развитію культуры, Пуерто-Анжель, гавань Оахаки, открытая съ 1868 году, пріобрѣла съ недавняго времени нѣкоторое торговое значеніе; впрочемъ, сама по себѣ гавань эта—бухта, мало защищенная отъ вѣтровъ и волненія.

Лучшимъ портомъ на этомъ берегу считается Гуатулко (Коатолко), т. е. «Мѣсто Большой Змѣи». Входный каналъ гавани, имѣющій около 660 метровъ ширины, ведетъ въ хорошо защищенный отъ вѣтровъ бассейнъ, куда могутъ входить даже большія суда; такъ какъ глубина его, постепенно уменьшающаяся къ берегу,

[1]) Manuel Ortega Reyes. „La Naturaleza". Томъ II. 188 г.

[2]) Désiré Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde".

доходитъ до 7—16 метровъ; на портовомъ берегу находится Креспонъ, маленькое рыбачье мѣстечко, жители котораго занимаются ловлею жемчужныхъ и пурпуровыхъ (aptisia depilans) раковинъ. На одномъ изъ внѣшнихъ мысовъ рейда море низвергается въ пещеры, откуда затѣмъ вода бьетъ фонтаномъ, поднимаясь почти на 50 метровъ выше волнъ. По краямъ и на террасѣ сосѣдняго мыса виднѣются прежнія запотекскія или гуабійскія дороги и остатки зданій [1]). Одинъ, нынѣ пришедшій въ упадокъ, городъ сосѣдней области былъ нѣкогда столицею народа гуаби, колоніей мореплавателей, родомъ, какъ говорятъ, изъ Перу, но которые потомъ смѣшались съ окрестнымъ населеніемъ: это Халапа-дель-Маркесъ, который прежде называли «Халапа-ла-Гранде», въ отличіе отъ Халапы-де-ла-Феріа, теперь главнаго города штата Вера-Круцъ [2]). Другой древній городъ—Гвіенгола, храмъ котораго былъ названъ запотеками «Сердцемъ Народа».

Значительная часть штата, почти цѣлая треть его, принадлежитъ къ бассейну Атлантическаго океана посредствомъ Папалоапана, его притоковъ и Коацакоалкоса. Главный городокъ этого склона—Икстланъ—расположенъ въ плодородномъ циркѣ высокой долины ріо-Папалоапанъ, напротивъ прекрасной горы Санъ-Фелипе; этотъ городъ извѣстенъ также подъ названіемъ Вилья-Хуаресъ, въ честь знаменитѣйшаго изъ его сыновъ, защищавшаго мексиканскую независимость противъ Максимиліана. Въ этомъ же рѣчномъ бассейнѣ находятся древніе города Куикатланъ, Квіотепекъ и Тукстепекъ, въ которыхъ были открыты многочисленные предметы изъ доколумбійской эпохи.

Главный городъ восточной части штата Оахаки—Тегуантепекъ, или «Гора Тигровъ», древній городъ племени гуаби, возникшій въ вѣка, предшествовавшіе владычеству запотековъ и эпохѣ завоеванія. Это, впрочемъ, единственная мѣстность въ томъ краю, заслуживающая названія «города»; при томъ онъ еще дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ кварталовъ пригорками и буграми, такъ что его нельзя видѣть въ одной панорамѣ, и различныя части его имѣютъ видъ деревень. Онъ окруженъ великолѣпными пальмовыми рощами и богатыми оранжереями; фрукты его садовъ превосходны; но за городскою чертою окрестности представляютъ собою только безконечныя пространства кустарниковъ, усѣянныя кактусами и населенныя крупною породою зайцевъ, на высокихъ лапахъ и съ бѣлымъ брюхомъ [1]). «Тигры» или ягуары, которымъ городъ обязанъ своимъ названіемъ, еще и до сихъ поръ попадаются здѣсь довольно часто, такъ что въ каждой гасіендѣ имѣется *тигреро*, или «тигровый охотникъ», со стаей дрессированныхъ собакъ, который обязанъ охранять мѣстность отъ этихъ опасныхъ представителей кошачьяго семейства. Тегуантепекскія женщины славятся въ всей Мексикѣ своею красотою, совершенствомъ формъ и благородствомъ осанки [2]). Жители Тегуантепека—цивилизованные метисы, которымъ часто приходилось страдать отъ сосѣднихъ индѣйцевъ: въ 1867 г. индѣйцы изъ Хучитана, города, доставляющаго окрестнымъ землевладѣльцамъ *тигреросовъ*, атаковали Тегуантепекъ и предали его разграбленію, унеся даже двери и окна [3]); впрочемъ, эти враги бѣлыхъ превосходятъ ихъ своей промышленностью и любовью къ труду; они культивируютъ индигоноску.

Тегуантепекъ—городъ, гордящійся своимъ прошлымъ и съ довѣріемъ взирающій на свое будущее, какъ стражъ одной изъ большихъ дорогъ, по которой современемъ будутъ проходить сокровища націи. Тегуантепекская желѣзная дорога соединяетъ Мексиканскій заливъ съ Южнымъ моремъ, и кофе съ плантацій южнаго склона отправляется теперь по сѣверной дорогѣ, которая на нѣсколько тысячъ километровъ укорачиваетъ путь въ Европу и приатлантическіе Соединенные Штаты; даже еще до проложенія дорогъ, въ прошломъ столѣтіи, индиго изъ Гватемалы вывозилось въ Вера-Круцъ по этому естественному пути, по которому также перевозились и пушки, присланныя въ Вера-Круцъ изъ Манильи. Старый портъ Тегуантепека, лежащій въ 15 километрахъ къ юго-западу отъ города, представляетъ собою довольно плохо защищенную бухту, которую пришлось бы приспособить посредствомъ большихъ гидравлическихъ работъ для будущей торговли; поэтому лучше было бы выбрать бухту Салина-Круцъ, такъ какъ суда нашли бы тамъ отличное убѣжище за валомъ, гдѣ начинается междуокеаническая дорога.

Къ востоку отъ Тегуантепека, на песчаныхъ стрѣлкахъ и прибрежныхъ буграхъ, окружающихъ лагуны и море, разсѣяны, въ количествѣ около трехъ тысячъ человѣкъ, послѣдніе представители племени гуаби или гуаве, скромные рыбаки, предки которыхъ оспаривали у миже и запотековъ властвованіе надъ страною [4]). На сѣверо-востокѣ, около центра перешейка, находятся два мѣстечка Чималапа, предста-

[1]) J. W. von Müller, „Beiträge zur Geschichte, Statistik und Geologie von Mexiko".

[2]) Brasseur de Bourbourg, „Histoire des Nations civilisées du Mexique".

[1]) D. Charnay, «Cités et Ruines Americaines».

[2]) A. de Humboldt, „Essai politique sur la Nouvelle-Espagne";—Charnay;—Woeikof, цитированныя сочиненія.

[3]) A. Woeikof, „Petermann's Mittheilungen". 1882. Тетрадь V.

[4]) J. G. Barnard, „The Isthmus of Tehuantepek";—von Müller, цитированное сочиненіе.

вляющія большой этнологическій интересъ своимъ индѣйскимъ населеніемъ зоке, что значитъ «Люди Ила», которые говорятъ на особомъ языкѣ неизвѣстнаго происхожденія. Что касается племени миже, не столь горделиваго, какъ зоке, то оно обитаетъ западнѣе, въ мѣстечкѣ Санъ-Жуанъ-Гуичиковп, около Санта-Марія-Петапа, самаго древняго города, основаннаго испанцами внутри перешейка.

Минатитланъ, расположенный на Коацакоалкосѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка становится несудоходной для судовъ, сидящихъ въ водѣ 3—4 метра, представляетъ собою сѣверный портъ перешейка; въ настоящее время это—незначительное торговое мѣстечко, но въ недалекомъ будущемъ торговое значеніе его, вѣроятно, увеличится. Желѣзная дорога уже соединяетъ Минатитланъ съ баромъ Коацакоалкоса, а съ другой стороны идетъ по направленію къ Тегуантепеку; кромѣ того, Минатитланъ, лежащій у сѣвернаго входа на перешеекъ, избранъ мѣстомъ скрещенія дороги, которая изъ Вера-Круца направится въ Юкатанъ и Гватемалу. Теперь пока единственными предметами торговли Минатитлана служатъ табакъ, фрукты и красное дерево, вывозимое изъ окрестностей Сучилы, въ количествѣ 10—16 тоннъ въ годъ. — Цѣнность внѣшней торговли въ Минатитланѣ въ 1888 г.: 1.600.000 франковъ.

Халтипанъ, сосѣднее съ Минатитланомъ мѣстечко, замѣчательно своимъ холмомъ, который, какъ гласитъ легенда, былъ воздвигнутъ Кортесомъ въ честь Малинцины, или Донны Марины, индіянки, прозорливости и благоразумію которой, по всей вѣроятности, Кортесъ былъ обязанъ завоеваніемъ Анагуака [1]). Въ лосъ-Альмагресъ были основаны въ 1828 г. французская и швейцарская колоніи, состоявшія изъ 450 человѣкъ, которыя просуществовали нѣсколько лѣтъ, несмотря на нездоровый климатъ и тоску колонистовъ по родинѣ; но въ концѣ концовъ послѣдніе колонисты разсѣялись по разнымъ городамъ Мексики. Одинъ китайскій купецъ изъ Санъ-Франциско, владѣтель обширной земельной собственности на перешейкѣ, поселилъ здѣсь недавно много своихъ соотечественниковъ, которыхъ выписалъ для культуры риса и чайнаго дерева. Многочисленныя прогалины въ лѣсахъ указываютъ мѣста расчистки, произведенной испанцами, которые рубили здѣсь строевой лѣсъ для арсенала Гаванны.

Главные и историческіе города Южной Мексики, съ цифрой ихъ муниципальнаго населенія, по переписи 1877 г.:

Штатъ Морелосъ: Куернавака—16.450, Морелосъ (Куаутла-Амилпасъ) — 14.220; Ятепекъ—9.100.

Штатъ Герреро: Акапулько (3.000 ж. собственно гор. насел., въ 1895 г.)—12.320; Игуала (де-Итурбиде)—7.200; Чилпансинго—6.360.

Штатъ Оахака: Оахака (33.000 собственно городск. населенія, въ 1895 г.)—58.350; Міагуатланъ—35.120; Икстланъ (Вилья Хуаресъ)—25.895; Тегуантепекъ—24.440 жит.

III. Восточная Мексика.

Чіапасъ, Табаско, Кампешъ, Юкатанъ.

Горы Чіапаса, совершенно отдѣленныя отъ континентальнаго тѣла Мексики низменностью перешейка, принадлежатъ, очевидно, къ той же естественной области, какъ и хребты и возвышенности Гватемалы; какъ тѣ, такъ и другія, расположенныя въ видѣ сплошной цѣпи, имѣютъ крутую покатость къ Великому океану; противоположный же пологій склонъ ихъ обращенъ къ сѣверу, къ аллювіальнымъ областямъ Табаско и къ равнинамъ Юкатана. Этотъ полуостровъ, основаніе котораго, такъ сказать, погружено въ болота и развѣтвляющіяся дельты Табаско, далеко выступаетъ въ море своею обширною четырехстороннею массою, какъ бы стремясь слиться съ Кубой, и продолжается подъ водами залива цѣлымъ рядомъ мелей, которыя въ географическомъ отношеніи составляютъ также часть Юкатана. Такимъ образомъ вся Восточная Мексика, отъ Чіапаса до Юкатана, состоитъ изъ территоріи, весьма отличной отъ остальной части республики. Она отличается также и по происхожденію, и по исторіи своего населенія до и послѣ эпохи завоеванія; но въ сравненіи съ своимъ протяженіемъ восточная часть Мексики далеко не имѣетъ того значенія, какимъ пользуется Западная Мексика; она еще очень слабо населена, и теперь только едва начинаютъ утилизироваться, можно сказать, неистощимыя естественныя богатства. Плотность населенія въ четырехъ восточныхъ штатахъ не превышаетъ 3—4 жителей на кв. километръ.

Естественный раздѣлъ территорій, указываемый Тегуантепекскимъ перешейкомъ, сталъ также и политической границей. Во время испанскаго владычества Чіапасъ былъ временно приписанъ, въ 1776 г., къ Оахакской губерніи; но почти во все продолженіе трехъ вѣковъ, протекшихъ со времени завоевательной экспедиціи Альварадо, въ 1523 г., до провозглашенія независимости въ 1821 г., Чіапасъ и Соконуско, лежащій по берегу Великаго океана, находились въ зависимости отъ Гватемальскаго вице-королевства. Присоединившись къ Мексикѣ, Гватемала ввела съ собой въ имперію Итурбиде и эти двѣ области, но когда она снова провозгласила свою политическую автономію, то ей удалось вернуть лишь

[1]) J. G. Barnard, цитированное сочиненіе.

незначительную часть Соконуско, и только въ 1882 г. была опредѣлена граница, и то не на самой землѣ, а лишь въ дипломатическихъ документахъ. Что касается полуострова Юкатана, составлявшаго отдѣльную губернію въ вицекоролевствѣ Новой Испаніи, то онъ вошелъ въ составъ мексиканскихъ областей послѣ провозглашенія независимости; но въ 1840 г. различныя злоупотребленія со стороны центральнаго правительства вызвали возстаніе: мексиканскіе гарнизоны были изгнаны, а чиновники отставлены отъ должностей; впрочемъ, ни малѣйшаго кровопролитія не произошло при этомъ, — настолько единодушны были стремленія юкатековъ. Два года спустя мексиканская армія, состоявшая изъ одиннадцати тысячъ человѣкъ, осадила Кампешъ, но, сократившись на три четверти отъ пуль и лихорадокъ, армія эта должна была капитулировать, и мексиканское правительство признало полную автономію Юкатана за фиктивное признаніе послѣднимъ федеральной связи. Однако, послѣ побѣды юкатековъ, возникли раздоры между двумя соперничавшими городами, Кампешемъ и Меридой, изъ которыхъ каждый стремился сдѣлаться столицею; а затѣмъ поднялись и индѣйцы: привыкши къ войнѣ благодаря этой борьбѣ, въ которой и ихъ заставляли принимать участіе, они пришли къ тому убѣжденію, что насталъ благопріятный моментъ для возвращенія себѣ независимости, вслѣдствіе чего бѣлые принуждены были прекратить свои междоусобицы и примириться съ Мексиканской республикой, чтобы этимъ путемъ сохранить свои привилегіи и даже свое существованіе. Соціальная война продолжалась долго, и туземцы въ концѣ концовъ успѣли удержать за собою свободу въ южной части полуострова, куда мексиканцы не имѣютъ доступа и куда европейскіе путешественники могутъ проникать только подъ покровительствомъ какого-либо касика. Съ этой стороны Юкатанъ отдѣленъ отъ Гватемалы широкой полосой земли, находящейся во власти непокоренныхъ народцевъ, а отъ Мексики въ собственномъ смыслѣ его отдѣляютъ незаселенныя земли. Такимъ образомъ эта страна рѣзко индивидуализировалась среди прочихъ штатовъ Мексики, и современемъ пріобрѣтетъ, повидимому, значеніе естественнаго посредника между двумя смежными республиками, Мексикой и Гватемалой, когда онѣ соединятся между собою болѣе тѣснымъ образомъ.

Горный хребетъ, начинающійся на востокѣ Тегуантепекскаго перешейка и продолжающійся въ Гватемалѣ и Центральной Америкѣ, по своей относительной высотѣ и по своей правильности вполнѣ заслуживаетъ названіе Сіерра-Мадре, присвоенное каждой главной цѣпи горъ во всѣхъ испано-американскихъ странахъ. Первыя вершины круто подымаются надъ лѣсами перешейка: гора Атравезадо, вершина которой находится еще въ штатѣ Оахака, а воды которой текутъ въ сосѣднія съ Тегуантепекомъ лагуны, достигаетъ уже 1.530 метровъ; дальше къ востоку идутъ еще болѣе высокія горы, достигающія 2.000 метровъ. Это—порфировыя горы, среди которыхъ виднѣются конусы вулкановъ. Самый знаменитый изъ нихъ, находящійся уже около Гватемальской границы, — Соконуско (2.380 метровъ), раздѣляющій свое имя съ лежащими у подошвы деревнями и со всѣмъ южнымъ склономъ штата Чіапаса: это древній Хоконочко, или «Мѣсто кислыхъ фигъ». По словамъ туземцевъ, вулканъ этотъ извергаетъ еще пары; но они ничего не упоминаютъ объ изверженіяхъ, происходившихъ въ относительно недавнее время; за то они очень опасаются вулкана Такана, который геодезисты выбрали рубежемъ общей границы между Мексикой и Гватемалой. Это очень правильная коническая гора, высота которой, по Дольфюсу и Монъ-Серрату, «должна несомнѣнно превышать 3.500 метровъ». Она почти всегда окружена дымомъ, и на ней часто бываютъ взрывы [1]).

Склонъ Сіерры-Мадре, обращенный къ Великому океану, очень крутъ, такъ какъ горный хребетъ тянется почти въ 40 или 50 километрахъ отъ морскаго берега. Противоположный склонъ, обращенный къ Атлантическому океану, напротивъ, относительно пологій, но все-таки не представляетъ правильной покатости, вродѣ плоскости наклоненнаго стола; онъ пересѣкается глубокими долинами и выступами горъ, которыя въ общемъ имѣютъ оріентацію, параллельную Сіерра-Мадре. Центральная часть Чіапаса представляетъ гористое плато, на которомъ высятся остроконечныя горы: одна изъ нихъ, Гуейтепекъ, находящаяся на востокѣ отъ Санъ-Кристобаля, имѣетъ 2.660 метровъ высоты. На сѣверѣ, рѣки разсѣкаютъ плоскогорье на округленные холмы, которые понижаются по направленію къ аллювіальнымъ равнинамъ; на западѣ оно оканчивается выше равнинъ перешейка великолѣпной горой Гинапа. Эта страна, слегка волнистая, покрытая лѣсами и орошаемая текучими водами, можетъ, по справедливости, считаться одной изъ самыхъ лучшихъ областей Мексики.

Въ Юкатанѣ, въ собственномъ смыслѣ, горъ совсѣмъ нѣтъ. Только въ южной части полуострова, на границахъ Гватемалы и Британскаго Гондураса возвышаются незначительные отроги, принадлежащіе къ орографическимъ системамъ этихъ странъ. Четырехсторонняя масса, ограниченная съ юга линіей пустынь, идущею отъ лагуны Терминосъ до лагуны Чету-

[1]) „Voyage géologique dans les Républiques de Guatemala et de Salvador“.

*

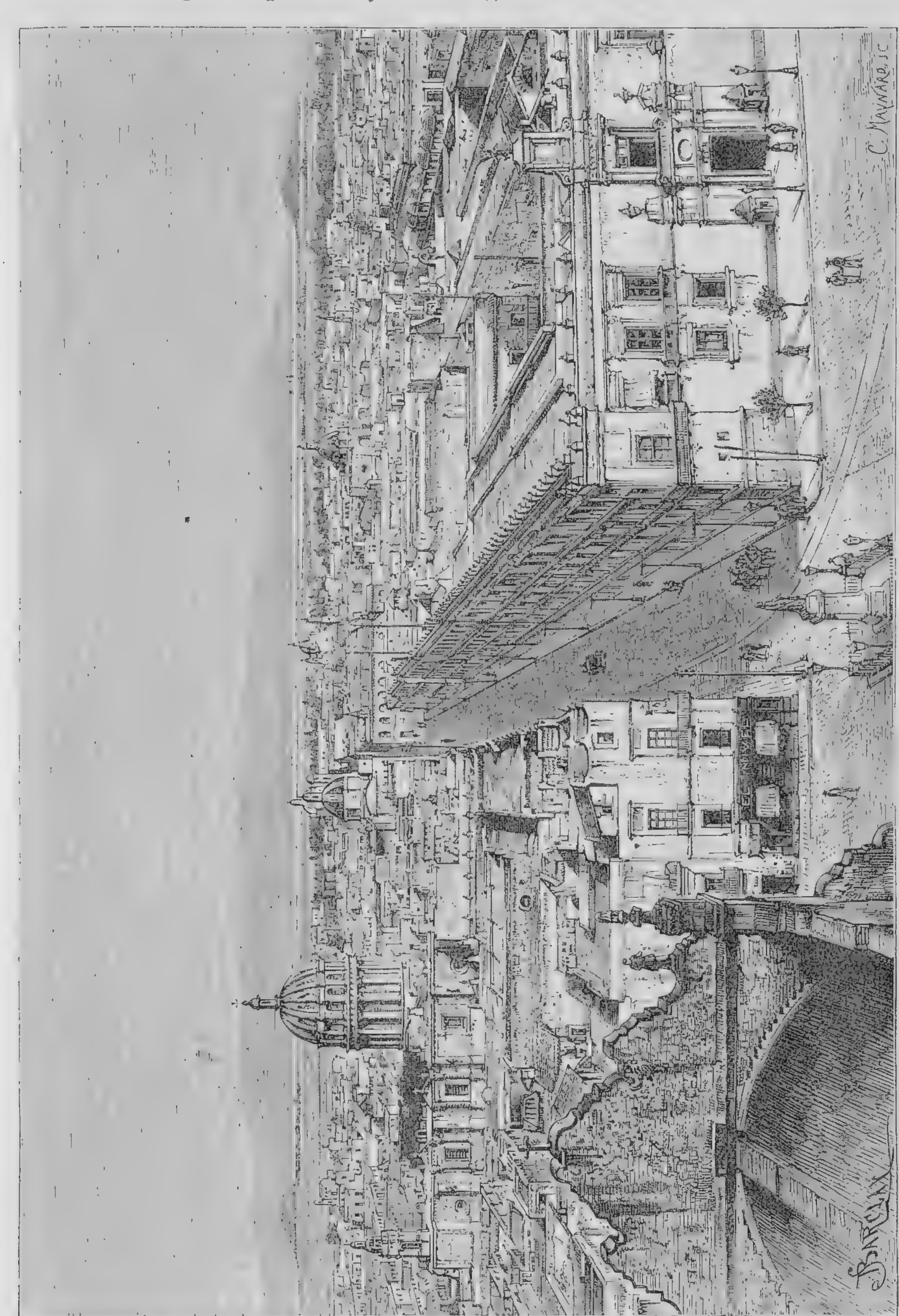
малъ, представляетъ собою, такъ сказать, известковую плиту, помѣщенную на океанѣ и имѣющую въ рельефѣ нѣсколько узкихъ выступовъ. Средняя высота основанія достигаетъ 30 метровъ, а самыя высокія вершины только на 150 метровъ выше средняго уровня Юкатанской поверхности. Возвышенности эти образуютъ нѣчто вродѣ «хребта», идущаго по направленію съ юга-востока на сѣверо-западъ, къ тупому углу полуострова, и соединяются съ цѣпью горъ, которая тянется вдоль западнаго берега Кампеша. Лѣсистые холмы тоже придерживаются того же прямаго направленія съ юго-запада на сѣверо-востокъ къ мысу Каточе.

Эта известковая плита Юкатана, почти геометрически правильной формы, продолжается на далекое разстояніе и выходитъ даже за черту береговъ. Только восточный берегъ омывается глубокими водами, представляя, уже въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ берега, глубины въ нѣсколько сотъ метровъ; большой островъ Козумель, съ банками, служащими его продолженіемъ на сѣверъ, отдѣленъ отъ Юкатана очень глубокимъ проливомъ, въ которомъ береговое теченіе дотого быстро, что воды несутся постоянно съ юга на сѣверъ со скоростью 3 — 4 километровъ въ часъ. Къ югу отъ Козумеля опасная банка Чинчорро, а къ сѣверу банка Арроусмитъ тоже представляютъ изъ себя столбы коралловыхъ скалъ, поднимающіеся со дна глубокаго моря; но выемки побережья, какъ маленькія, такъ и большія бухты, и особенно два обширныхъ бассейна, заливы Эспириту-Санто и Асенсіонъ, почти совершенно загромождены песками и каменными подводными рифами. Подводный цоколь Юкатана начинается въ сѣверо-восточномъ углу полуострова: онъ охватываетъ островъ Мухересъ и весь архипелагъ островковъ, прилегающій къ мысу Каточе, затѣмъ направляется къ сѣверу и простирается на 200 слишкомъ километровъ отъ береговъ. Край подводной банки, указываемый внезапнымъ паденіемъ лота на 200, затѣмъ на 500, 1.000, 2.000 и даже на 3.000 метровъ глубины, описываетъ такимъ образомъ вокругъ Юкатана большую дугу, идущую почти параллельно берегу. Та поверхность цоколя, которая еще остается подъ водою, значительно больше наружной части Юкатанскаго плоскогорья, уже вышедшей изъ воды: ее можно исчислить въ 15.000 квадратныхъ километровъ. Если въ одинъ прекрасный день она выступитъ изъ моря, то это будетъ почти горизонтальная известковая скала, имѣющая вполнѣ видъ нынѣшняго полуострова. Многочисленные рифы, или *кайосы*, усѣвающіе это подводное нагорье, Алакранъ, Аренасъ, лосъ-Тріангулосъ, Аркасъ, представляютъ собою коралловыя скалы, вродѣ тѣхъ, которыя окружаютъ побережье материка, и всѣ имѣютъ свои колоніи самыхъ дѣятельныхъ морскихъ полиповъ на внѣшней сторонѣ, обращенной къ морскимъ волнамъ. Около рифа Алакрана, или «Скорпіоновъ», есть подводный камень, о который въ 1511 г. разбилось судно «Валдивія», при чемъ экипажъ, спасшійся на шлюпкахъ, высадился на берегу Юкатана, около мыса Каточе: только два человѣка пережили это событіе, и одинъ изъ нихъ, Херонимо-де-Агвиларъ, сдѣлался переводчикомъ Кортеса во время завоеванія Мексики. Кайо Аренасъ, находящійся близъ сѣверо-западнаго угла банки, образовался изъ нѣсколькихъ островковъ, покрытыхъ гуано отъ цѣлой тучи птицъ. Съ 1854 г. мексиканскіе промышленники стали эксплоатировать эти пласты удобренія; затѣмъ тамъ водворились, въ свою очередь, сѣверо-американцы, которые по мнимому праву «перваго занятія» посягали на присоединеніе этого кайо къ владѣніямъ своей республики. Эта странная претензія на обладаніе банкою, находящеюся въ юкатанскихъ водахъ, подала поводъ къ продолжительнымъ дипломатическимъ спорамъ [1].

Рѣчная гидрографія Восточной Мексики представляетъ въ Чіапасѣ и Юкатанѣ такой же контрастъ, какъ и ея рельефъ: съ одной стороны, вода въ большомъ изобиліи протекаетъ по поверхности почвы, съ другой—прячется въ глубинѣ скалъ. На востокъ отъ рѣки Тонала, образующей границу между штатами Вера-Круцъ и Табаско, весь склонъ Атлантическаго океана до полуострова Юкатана принадлежитъ двумъ соединеннымъ бассейнамъ Грихальвы и Усумасинты; обѣ эти рѣки получаютъ свое начало на Гватемальскихъ возвышенностяхъ и, выходя изъ двухъ сосѣднихъ истоковъ, снова соединяются другъ съ другомъ у самаго устья. Грихальва, нѣсколько разъ мѣняющая свое названіе на своемъ длинномъ теченіи, главные свои источники имѣетъ въ провинціи Гуегутенанго, и самый этотъ городъ орошается однимъ изъ ручьевъ ея верхняго бассейна. Вступивъ въ предѣлы Мексиканской территоріи, она на сравнительно небольшомъ разстояніи принимаетъ въ себя большинство своихъ верхнихъ притоковъ и, сдѣлавшись широкою, многоводною рѣкою, получаетъ названіе ріо-Гранде или ріо-де-Чіапа, отъ города, построеннаго на ея берегахъ. Въ этой части русло рѣки образуетъ сильный наклонъ, вслѣдствіе чего теченіе ея становится очень быстрымъ, переходя мѣстами въ стремнины и водопады; около Чіапа, Грихальва низвергается въ галлерею скалъ, откуда выходитъ уже на весьма низкомъ уровнѣ. Сдѣлавшись судоходной, она описываетъ большую дугу къ западу, нося здѣсь названіе ріо-Мезкалапа, затѣмъ,

[1] „Boletin de la Sociedad de Geografia y Estadistica de la republica Mexicana", 1888.

войдя въ низкія равнины, лежащія всего на нѣсколько метровъ выше уровня моря, она принимаетъ свое оффиціальное названіе Грихальвы, заимствованное отъ своего перваго изслѣдователя, который открылъ ее въ 1519 г.; но туземцы продолжаютъ называть эту рѣку Табаско, т. е. тѣмъ именемъ, подъ какимъ она была извѣстна у индѣйцевъ, дававшихъ свѣдѣнія Берналю Діацу во время того же путешествія. По вступленіи въ аллювіальныя земли, начинается развѣтвленіе теченія на рукава, изъ которыхъ одни направляются къ морю, а другія къ вѣтвямъ Усумасинты, рѣки гораздо болѣе значительной.

Видъ города Мексико.

Эта послѣдняя рѣка—менѣе извѣстная, чѣмъ Грихальва, потому-что тѣ области, по которымъ она протекаетъ, населены очень слабо,—также получаетъ свои первыя воды съ высотъ,

или «Альтосовъ» Гватемалы. По словамъ Брассера-де-Бурбургъ, самый многоводный горный ручей, ріо-Бланко, соединяющійся затѣмъ съ ріо-Негро, сначала течетъ къ востоку, направляясь какъ бы къ Гондурасскому заливу. Нѣсколько разъ мѣняя свое имя, смотря по деревнямъ, по которымъ она протекаетъ, и по индѣйскимъ племенамъ, разселившимся по ея берегамъ, но на картахъ обозначаемая обыкновенно какъ ріо-Чихой или Лакандонъ, рѣка поворачиваетъ сначала къ сѣверу, затѣмъ къ сѣверо-западу, и, по выходѣ изъ области большихъ горъ, соединяется съ ріо-де-ла-Пасіонъ, желтоватыя воды которой текутъ съ краевыхъ хребтовъ, находящихся на югѣ Британскаго Гондураса. Обыкновенно она течетъ довольно медленно между лѣсистыми берегами; но въ дождливое время года она затопляетъ весь край и иногда подымается на 15 метровъ выше обычнаго уровня. Ниже своего слiянія обѣ соединившіяся рѣки принимаютъ названіе Усумасинты, подъ которымъ онѣ и обозначены въ дипломатическихъ актахъ по размежеванію границъ между Мексикой и Гватемалой, причемъ русло этой рѣки было выбрано границей на протяженіи болѣе ста километровъ. Въ большей части верхняго теченія Усумасинта судоходна для катеровъ, но затѣмъ она пересѣкаетъ послѣднюю цѣпь возвышенностей цѣлымъ рядомъ ущелій, которыя загромождены непреодолимыми для судовъ порогами: эта клюза, стиснутая между вертикальными стѣнами, называется Бока-дель-Серро, или «Жерло Горы» [1]. Лѣсопромышленники, занимающіеся сплавкою краснаго дерева и кедра, дѣлаютъ помѣтки на стволахъ срубленныхъ деревъ и спускаютъ ихъ внизъ по теченію, которое, низвергаясь водопадами, пригоняетъ ихъ наконецъ къ Теносику, гдѣ рѣка снова входитъ въ спокойное русло и затѣмъ соединяется съ ріо-Санъ-Педро, впадающей въ нее изъ гватемальскаго Петена [2]: воды этого притока дотого насыщены углекислой известью, что задерживаемыя подводными камнями деревья окаменѣваютъ и образуютъ поперекъ рѣки запруду [3]. Послѣ слiянія этихъ двухъ рѣкъ, мѣстность, по которой протекаетъ Усумасинта, представляетъ гладкую равнину, разнообразящуюся только излучинами рѣки, да старыми, теперь уже высохшими руслами ея; первые рукава дельты отдѣляются отъ главнаго русла въ сѣверо-восточномъ направленіи къ лагунѣ Терминосъ, тогда какъ другіе текутъ прямо въ море или соединяются съ рукавами Грихальвы и промежуточныхъ рѣкъ, притоковъ рѣки двойника.

Передняя часть дельты, включая сюда и потоки (байю), вливающіеся въ лагуну Терминосъ, имѣетъ протяженія около 200 километровъ, а совокупность всѣхъ развѣтвленій обнимаетъ территорію въ 15.000 квадратныхъ километровъ: немного найдется на земномъ шарѣ рѣкъ, которыя, при той же величинѣ бассейна, имѣли бы столь значительное пр… странство земель, отложенныхъ ими въ мо… скомъ заливѣ; можно сказать даже, что дель… продолжается въ открытомъ морѣ т. н. *lodozales*, т. е. мелями изъ грязи, которую кили судо… разсѣкаютъ, не садясь на мель. Главное уст… называемое Барра-де-Табаско, открывает… почти посерединѣ дельты и, смотря по врем… намъ года, имѣетъ разную глубину—отъ 2 … $3^1/_2$ метровъ; при сѣверномъ вѣтрѣ глубина б… ваетъ самая большая, особенно во время … сухи; при разливѣ же, когда море на 55 … лометровъ отъ берега покрывается желтоват… водою, нанесенные рѣкой осадки значитель… повышаютъ баръ, такъ что иногда закрывает… доступъ даже для судовъ, имѣющихъ киль … два метра. Другое устье дельты, Санъ-Пед… находящееся нѣсколько восточнѣе, еще ме… че, но оно болѣе постоянное; самое глубок… но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое измѣнчивое,—в… точное устье, Чилтепекъ, гдѣ лотовое измѣр… ніе показываетъ иногда 4 метра глубин… здѣсь вливается ріо-Секо, или «Высохшая Рѣк… бывшая, какъ полагаютъ, главнымъ рукаво… во время обслѣдованія этихъ береговъ Гр… хальвою: описанія испанскихъ авторовъ, … жется, дѣйствительно относятся къ ріо-Секо … нисколько не соотвѣтствуютъ нынѣшнему гла… ному устью Грихальвы [1]. «Баръ» Куплко… сообщающійся съ болотистымъ озеромъ, тож… кажется, былъ прежде устьемъ. Внутри шта… Табаско двѣ развѣтвляющіяся рѣки, Грихаль… и Усумасинта, благодаря своимъ многочислен… нымъ рукавамъ, представляютъ вмѣстѣ со сво… ми каналами водный путь, общая длина кото… раго, даже въ сухое время года, составляетъ нѣсколько сотъ километровъ. Въ 1840, 1843 и 1845 г.г. техасскій, юкатанскій и американскій военные флоты легко прошли въ Грихальву до пристани Санъ-Жуанъ-Батиста, главнаго города штата, находящагося въ 130 километрахъ отъ бара. Усумасинта во время высокой воды тоже судоходна болѣе, чѣмъ на 300 километровъ отъ устья, а барки могутъ подниматься даже выше пороговъ.

Въ области мягкихъ земель, не имѣющихъ сцѣпленія, измѣненія должны быть весьма значительны; каждый разливъ измѣняетъ видъ страны. Когда рѣки наполняются и выходятъ изъ береговъ, большая часть штата Табаско покрывается водою; зимою, во время разлива, громадное пространство суши, около 5.000

---

[1]) A. P. Maudslay, „Proceedings of the R. Geohraphical Society". Апрѣль 1883.

[2]) K. B. Heller, цитированное сочиненіе.

[3]) Arthur Morelet, „Voyage dans l'Amérique Centrale".

---

[1]) K. B. Heller, „Reisen in Mexico"; — Désiré Charnay, „Les villes anciennes du Nouvean Monde.

квадратныхъ километровъ, заключающееся обыкновенно внутри твердой линіи береговъ, совершенно исчезаетъ подъ водою. Первое половодье начинается въ концѣ іюня, послѣ лѣтнихъ дождей, но обыкновенно оно длится недолго и не совпадаетъ со вторымъ половодьемъ, начинающимся въ октябрѣ и продолжающимся до марта, т. е. продолжающимся въ теченіе цѣлаго полугодія. Въ это время всякое путешествіе сухимъ путемъ становится невозможнымъ; табасканцы сообщаются тогда только по водѣ; среди лѣсовъ протекаютъ настоящіе ручьи, чуть не рѣки, которые служатъ правильными дорогами; тысячи заливовъ, воды которыхъ стремятся то въ одну, то въ другую сторону, слѣдуя теченію впадающихъ рѣкъ, покрываютъ страну безконечной сѣтью судоходныхъ путей, скрытыхъ подъ подвижными лугами кувшинчиковъ и другихъ водяныхъ растеній. Суда ходятъ по всѣмъ направленіямъ, буксируя красильный и строевой лѣсъ, составляющій главное богатство страны; при разливѣ Усумасинты, по рѣкѣ часто можно встрѣтить плывущими стволы вырванныхъ съ корнемъ шишконосныхъ деревьевъ, совершенно неизвѣстныхъ въ Табаско, и жители вылавливаютъ ихъ изъ рѣки и пользуются ими, но мало не заботясь о мѣстѣ ихъ происхожденія [1]. Будучи по природѣ своей полуамфибіями, туземцы нисколько не страдаютъ отъ этихъ разливовъ, если не считать исключительныхъ наводненій, когда потопляются цѣлыя деревни, сносятся жилища и гибнетъ домашній скотъ; тогда все населеніе бѣжитъ изъ дельты и спасается на возвышенностяхъ внутри страны. Край этотъ дотого сырой, что соль сохраняютъ тамъ обыкновенно въ бутылкахъ. Крутые берега стараго побережья образовались въ большинствѣ случаевъ изъ двустворчатыхъ раковинъ, преимущественно изъ тѣхъ, которыя остались здѣсь съ той эпохи, когда два океана соединялись еще Тегуантепекскимъ проливомъ.

Лагуна Терминосъ,—принимающая въ себя часть водъ рѣки Усумасинты, извѣстной здѣсь подъ названіемъ ріо-Палицада, и нѣсколько другихъ рѣкъ, какъ-то: Чумпанъ, ріо-Канделарія, Машантель, — составляетъ восточное продолженіе низменныхъ равнинъ Табаско: при повышеніи уровня почвы на нѣсколько метровъ, песчаныя мели выступили бы изъ подъ воды, и судоходные проходы обратились бы въ ручьи (байю). Образовался уже прибрежный валъ, который со временемъ станетъ точкой опоры для будущихъ земель, постепенно наносимыхъ рѣками: это — цѣпь двухъ длинныхъ острововъ, Агуады и Карменъ, которые заграждаютъ входъ въ лагуну, оставляя лишь три небольшихъ прохода, доступныхъ для плоскодонныхъ судовъ; восточный фарватеръ, называемый Пуерто-Эскондидо, или «Скрытый Портъ», имѣетъ всего шесть дециметровъ глубины у порога, и морской приливъ прибавляетъ глубины не болѣе, какъ на одинъ метръ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этотъ приливъ сопровождается сильнымъ вѣтромъ со стороны открытаго моря. Островныя стрѣлки представляютъ собою просто песчаный пляжъ, возвышающійся всего только на 2 метра надъ уровнемъ моря: на протяженіи нѣсколькихъ километровъ видна только непрерывная линія деревьевъ, за которою разстилаются стоячія воды внутренняго озера. Контуры лагуны Терминосъ изображены на всѣхъ оригинальныхъ картахъ различнымъ образомъ, и они дѣйствительно мѣняются въ зависимости отъ временъ года, вѣтровъ и наносовъ впадающихъ въ озеро рѣкъ. На сѣверѣ, водная площадь тянется параллельно берегу на сто километровъ въ длину: это—солоноватый потокъ, который постепенно суживается и въ сѣверной своей оконечности превращается въ небольшой ручеекъ, занимающій береговую борозду прежняго пляжа. Лагуна Терминосъ получила свое названіе, въ 1518 г., отъ кормчаго Антоніо-де-Аламиносъ, который думалъ, что островъ Юкатанъ оканчивается въ этомъ мѣстѣ [1].

Къ сѣверу отъ этой лагуны, до самаго Кампеша, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, находится нѣсколько источниковъ, которые несутъ въ море тонкія струйки воды; а еще сѣвернѣе, вся дождевая вода исчезаетъ въ известковой почвѣ, и нѣтъ ни одного видимаго ручейка. Однако, внутри страны существуетъ нѣсколько небольшихъ озеръ, которыя, вѣроятно, образовались во впадинахъ, гдѣ водонепроницаемыя горныя породы приближаются къ поверхности. Таково, напримѣръ, находящееся въ центрѣ полуострова озеро Чичанканабъ, съ горькою водою, которое простирается съ сѣвера на югъ на протяженіи около 25 километровъ. Другіе водные бассейны, меньшаго протяженія, разсѣяны въ сѣверо-восточной части Юкатана; кромѣ того, по свидѣтельству туземцевъ, на югѣ Юкатанскаго полуострова, на западъ отъ Британскаго Гондураса, есть много лагунъ. Что касается самыхъ населенныхъ областей Юкатана, т. е. центральныхъ, сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ его частей, то тамъ вовсе нѣтъ ни ручьевъ, ни рѣкъ, ни источниковъ: вода тамъ встрѣчается только въ видѣ временныхъ болотъ, да и то лишь въ дождливое время года. Но зато внѣшній недостатокъ воды вполнѣ искупается внутреннимъ содержаніемъ влаги, которая скопляется въ углубленіяхъ почвы, надъ непроницаемыми пластами ея; благодаря естественнымъ воронкамъ и обваламъ, открывающимся тамъ и сямъ,

[1] Arthur Morelet, цитированное сочиненіе.

[1] Bernal Diaz, цитированное сочиненіе.

человѣкъ можетъ добираться до этихъ подземныхъ водоемовъ и черпать въ нихъ для своихъ нуждъ воду, въ какомъ угодно количествѣ. Въ этихъ глубокихъ галлереяхъ вода, повидимому, не просочила себѣ правильнаго русла, вродѣ рѣчнаго; она сосредоточивается въ большихъ бассейнахъ, которые сообщаются одинъ съ другимъ по развѣтвленнымъ до безконечности галлереямъ, и вся жидкая масса медленно изливается по направленію къ морю. Нѣкоторые лабиринты подземныхъ рѣкъ населены крокодилами, тогда какъ въ другіе водоемы эти животныя не могли проникнуть. Кромѣ того, въ этихъ мрачныхъ пещерахъ обитаетъ особая порода птицъ, техъ, или *momotus*, съ шелковистыми перьями и длиннымъ хвостомъ, состоящимъ изъ двухъ удлиненныхъ хвостовыхъ перьевъ [1]).

Пещеры, называемыя здѣсь *сенотами*,—слово, заимствованное испанцами изъ языка майя,—вырывались на тѣмъ большей глубинѣ, чѣмъ дальше данная мѣстность отстоитъ отъ береговъ и, слѣдовательно, чѣмъ болѣе она возвышена надъ уровнемъ моря. Внутри страны во многихъ мѣстахъ поселенцамъ приходится спускаться болѣе, чѣмъ на 100 метровъ, чтобы достать въ сенотахъ воду; въ Меридѣ среднюю глубину подземной водяной площади надо считать въ 8—9 метровъ отъ земли, и каждый домъ имѣетъ свой колодезь, доходящій до скрытаго пруда. На сѣверѣ, западнѣе Мериды и Вальядолида, т. е. по направленію къ морю, подземныя воды текутъ на меньшей глубинѣ: по толщинѣ почвеннаго слоя, отдѣляющаго эти подземные резервуары отъ поверхности земли, можно вычислить разстояніе, на которомъ находишься отъ морскаго берега. Наконецъ, у самаго берега воды струятся на самомъ уровнѣ земли и смѣшиваются съ морскими волнами между корнями корнепусковъ [2]).

Это естественное распредѣленіе водъ, происходящее въ Юкатанѣ такимъ своеобразнымъ и исключительнымъ способомъ, можетъ считаться главной чертой физической географіи страны. Воды нигдѣ не видно, а между тѣмъ присутствіе ея всюду проявляется, какъ въ отличномъ содержаніи садовъ, такъ и во внѣшней чистотѣ домовъ. И утромъ, и вечеромъ можно видѣть цѣлую вереницу женщинъ на ступеняхъ лѣстницъ, ведущихъ въ сеноты; онѣ въ густой тѣни пробираются по периламъ, выдолбленнымъ наискось въ стѣнахъ скалъ и, сойдясь, по шпалерамъ водорослей, ниспадающихъ со сводовъ и обвивающихъ сталактиты, нагибаются надъ черной бездной воды и наполняютъ ею свои тяжелые кувшины, которые съ большимъ трудомъ приходится нести домой. Вѣроятно, всего тяжелѣе эта работа дается женщинамъ старой деревни Болончень, или «Девять Ключей», находящейся на сѣверо-востокъ отъ Кампеша, по дорогѣ въ Мериду. Въ сенотъ тамъ приходится спускаться по разсѣлинамъ скалы и по извилистымъ лѣстницамъ, пробитымъ въ пещерахъ: въ общемъ главная галлерея имѣетъ около 500 метровъ, и чистая вода, за которой приходятъ женщины, находится почти въ 125 метрахъ отъ поверхности земли. Впрочемъ, очень мало такихъ сенотовъ, которые бы древніе юкатеки не приспособили къ употребленію при помощи подземныхъ работъ. Они также покрыли бетономъ дно наружныхъ впадинъ, чтобы задерживать тамъ проточную воду, обратить ихъ въ *агвады* или водопои для скота; кромѣ того, они выдалбливали глубокіе резервуары, замаскированные прикрывающимъ ихъ камнемъ. Во многихъ мѣстахъ расчистка наружныхъ лужъ обнаружила на днѣ впадины многочисленныя дыры, которыя глубоко проникаютъ въ скалу, расширяясь въ видѣ бутылки: когда вода въ наружныхъ лужахъ испарится, ея много остается еще въ скрытыхъ резервуарахъ. Благодаря открытію этихъ подземныхъ водъ, многія опустѣвшія мѣстности, считавшіяся совершенно высохшими, стали въ послѣднее время заселяться и обращаться въ фермы, деревни и даже въ цѣлые города.

Распредѣленіе водъ въ подземныхъ пещерахъ повело за собою еще въ доисторическія времена и соотвѣтственное размѣщеніе земельной собственности. Имѣніе, какъ бы ни было оно обширно, ничего не стоитъ безъ глубокой воды, но вода эта принадлежитъ нѣсколькимъ крупнымъ испанскимъ фамиліямъ, вокругъ которыхъ по-неволѣ должны группироваться всѣ жители округовъ, если они хотятъ пользоваться водой, необходимой для ихъ хозяйства, для собственнаго потребленія и для домашняго скота. Это обстоятельство отдаетъ ихъ во власть помѣщика и дѣлаетъ ихъ его кліентами, если не крѣпостными: взамѣнъ даннаго клочка земли и права пользоваться водою, какъ для собственнаго потребленія, такъ и для орошенія полей, помѣщикъ выговариваетъ въ свою пользу одинъ даровой рабочій день въ недѣлю, обыкновенно понедѣльникъ—откуда и происходитъ названіе *Лунесы*, данное этимъ крестьянамъ,—и, кромѣ того, держитъ ихъ въ кабалѣ посредствомъ выдачи, черезъ управляющаго, ссудъ хлѣбомъ и другими продуктами. Перемѣны политическаго режима нисколько не вліяли на отношенія, установившіяся между помѣщиками и ихъ кліентами [1]). Въ этой странѣ, гдѣ такъ скупо распредѣлилась живая вода, землевладѣніе мыслимо только въ двухъ формахъ: или при условіи полной общности земли, или при раздѣлѣ ея на большія имѣнія.

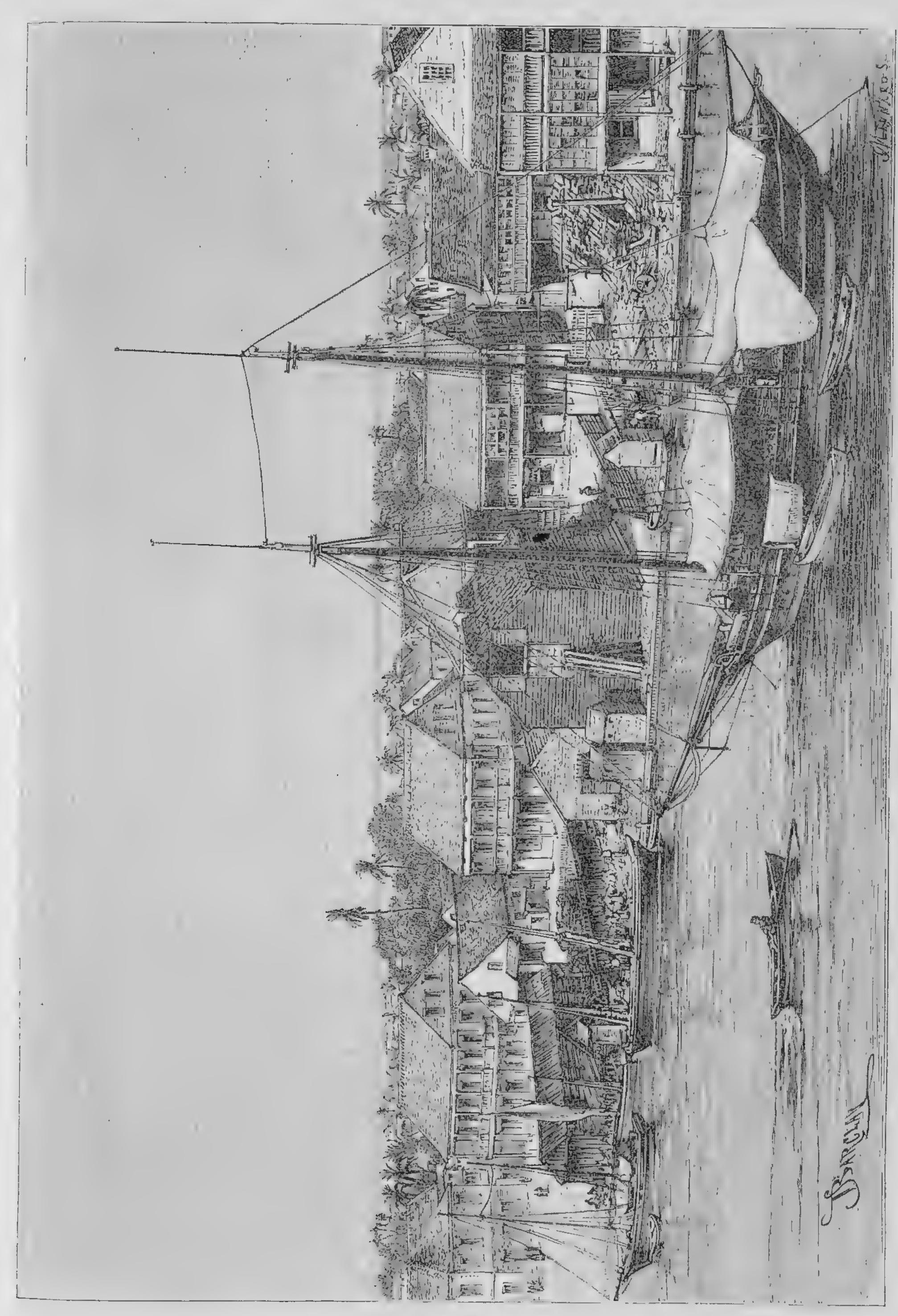
---

[1]) Frederick A. Ober, „Travels in Mexico".

[2]) Arthur Schott, „Petermann's Mittheilungen". 1866 г. Тетрадь IV.

[1]) Woeikof, цитированное сочиненіе.

Форма юкатанскаго побережья на всей сѣверной сторонѣ полуострова объясняется отчасти давленіемъ внутреннихъ водъ, которыя изливаются подъ большой известковой плитой Юкатана. Береговая коса окаймляетъ сѣверо-восточный уголъ полуострова; но эта коса не выдается въ свободное пространство моря, подобно береговымъ кордонамъ Техаса и Тамаулипаса, на другой сторонѣ залива; она тянется вблизи постояннаго берега; двойной пляжъ, наружный и внутренній, представляетъ одни и тѣ же изгибы, съ удивительной параллельностью. На восточной оконечности эта

Городъ Белизъ.

песчаная плотина имѣетъ менѣе правильный видъ: съ этой стороны она въ нѣсколькихъ мѣстахъ прерывается и даже образуетъ большой островъ Холбоксъ, который изгибается впереди одной значительной бухты, Бока-дель-

Конилъ, или «Кроличья Пасть», гдѣ въ 400 метрахъ отъ берега, среди соленой воды, бьютъ обильные ключи [1]). Нормальная стрѣлка начинается на западѣ этой бухты и простирается въ длину на 275 километровъ; она имѣетъ только два протока или узкихъ пролива противъ небольшихъ рѣчекъ, протекающихъ, въ видѣ очень рѣдкаго явленія, въ этой части побережья.

Этотъ узкій протокъ, отдѣляющій твердый берегъ Юкатана отъ его измѣнчиваго берега, извѣстенъ подъ различными названіями: *лагуна, пантано, тіерра фангоза;* обыкновенно его называютъ *ріо*, или даже ріо-Лагартосъ, т. е. «рѣка Ящерицъ или Крокодиловъ». Съ перваго взгляда это названіе «рѣка» кажется несоотвѣтствующимъ этому длинному заливу, который въ сухое время года во многихъ мѣстахъ пересыхаетъ; онъ пересѣкается не только бродами, тропинками, а въ настоящее время даже и шоссейными дорогами и желѣзнодорожными насыпями, но, помимо этого, одинъ берегъ съ другимъ соединены еще переплетшимися вѣтвями деревъ съ перепутавшимися между собою корнями, такъ что иногда отъ ріо остаются только длинныя лужи. Многочисленные источники бьютъ въ открытомъ морѣ [2]); но самая значительная часть излишка переполненныхъ *сенотовъ* изливается въ каналъ, отдѣляющій твердый берегъ отъ прибрежнаго кордона, и этихъ водъ совершенно достаточно для того, чтобы поддерживать въ извѣстномъ разстояніи среди открытаго моря наружный берегъ, образовавшійся изъ осадка песку и сломанныхъ коралловъ, наносимыхъ волнами. Въ сѣверо-западномъ углу Юкатана прибрежная песчаная коса изгибается къ югу съ почти геометрической правильностью и оканчивается у мыса, извѣстнаго подъ названіемъ Десконосида. Эта остановка двойнаго пляжа совпадаетъ съ остановкою береговаго теченія, которое слѣдуетъ вдоль высокаго берега, съ востока на западъ и въ этомъ мѣстѣ встрѣчаетъ противоположное теченіе, идущее отъ береговъ Табаско и Кампеша, подъ дѣйствіемъ сѣверныхъ вѣтровъ. Столкнувшись, эти два морскихъ теченія кружатся въ водоворотѣ, который подмываетъ берега моря: песокъ осаждается неравномѣрно, и береговая стрѣлка прерывается. Изслѣдованіе Юкатанскихъ береговъ привело къ предположенію, что полуостровъ этотъ образовался постепенно и продолжаетъ разростаться, благодаря этимъ наружнымъ песчанымъ каймамъ, раковинамъ и гнѣздамъ морскихъ полиповъ, которыя послѣдовательно присоединяются къ континентальному тѣлу.

[1]) Alex. de Humboldt, „Essai politique sur la Nouvelle-Espagne".

[2]) Sallot des Noyers, „Mer des Antills et Golfe du Mexique".

Кромѣ различія въ рельефѣ и въ распредѣленіи водъ, Чіапасъ и Юкатанъ представляютъ между собою различіе и въ климатѣ, хотя въ меньшей мѣрѣ, потому что обѣ эти области лежатъ въ жаркомъ поясѣ, и съ обѣихъ сторонъ средняя температура приближается къ термометрическому экватору. Въ Чіапасѣ склонъ, обращенный къ Великому океану, находится всецѣло подъ вліяніемъ перемѣнныхъ муссоновъ. Сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры, которые въ дѣйствительности не что иное, какъ пассатные вѣтры, преобладаютъ зимой, съ ноября по апрѣль, когда солнце свѣтитъ надъ южнымъ полушаріемъ; муссонъ въ собственномъ смыслѣ, *vendaval*, «низовый вѣтеръ», или южный, преобладаетъ съ мая по октябрь, т. е. лѣтомъ, когда солнце находится въ зенитѣ этой страны. Однако, режимъ этихъ перемѣнныхъ вѣтровъ не отличается безусловною правильностью: нормальныя атмосферическія теченія часто замѣняются вѣтрами, дующими съ другой стороны горизонта: неровности рельефа, контуровъ и оріентаціи, которыя представляютъ земли, до безконечности измѣняютъ направленіе и силу воздушныхъ теченій. Обыкновенно впродолженіи зимнихъ мѣсяцевъ погода стоитъ сухая, и небо чисто; грозы же, бури, вихри и дожди наступаютъ съ появленіемъ лѣтнихъ муссоновъ.

Полуостровъ Юкатанъ, который образуетъ выступъ континентальной массы между Мексиканскимъ заливомъ и Караибскимъ моремъ, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ нормальному климату области, чѣмъ склонъ южнаго моря: находясь въ поясѣ сѣверо-восточнаго пассата, онъ чаще всего находится подъ вліяніемъ этого вѣтра; но эта сплошная скала известняка, лишенная рѣкъ, какую представляетъ изъ себя эта страна почти на всемъ своемъ протяженіи, становится въ жаркое время фокусомъ притяженія со всѣхъ сторонъ морскихъ вѣтровъ: вѣтерки, вызванные дневною жарой, кружатся на горизонтѣ, слѣдуя движенію солнца. Сильныя бури, идущія съ сѣвера, т. е. съ миссисипскихъ и техасскихъ равнинъ, часто нарушаютъ правильное теченіе пассатовъ. Самыми сухими мѣсяцами въ году являются мартъ, апрѣль и май, въ теченіе которыхъ очень рѣдко выпадаетъ проливной дождь, но вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же наступаютъ грозы и ливни, какъ въ Чіапасѣ; они продолжаются до ноября, когда начинаютъ преобладать правильные вѣтры, только въ рѣдкихъ случаяхъ приносящіе дожди: такимъ образомъ годъ можно раздѣлить на три сезона—сухости, сырости и вѣтровъ [1]). Климатъ Юкатана—для бѣлыхъ наиболѣе опасный изъ всѣхъ областей Мексиканскаго залива. Многіе падаютъ отъ желтой лихорадки, но самымъ гроз-

[1]) Arthur Morelet, „Voyages dans l'Amérique Centrale".

нымъ бичемъ страны является чахотка, какъ эндемическая, такъ и наслѣдственная, поражающая не только людей, предрасположенныхъ къ ней, но и сильные по виду организмы: мексиканскіе солдаты, которыхъ за наказаніе ссылаютъ на полуостровъ Юкатанъ, заранѣе считаютъ себя обреченными на смерть [1]). Кромѣ того, въ Юкатанѣ свирѣпствуетъ опасная форма дисентеріи. Въ штатѣ Табаско, изрѣзанномъ рѣками, гдѣ народъ живетъ столько же на лодкахъ, сколько на твердой землѣ, распространена главнымъ образомъ болотная лихорадка; зато чахотка, составляющая язву сухаго Юкатана, почти совсѣмъ неизвѣстна въ этихъ сырыхъ мѣстахъ [2]).

Флора и фауна Чіапаса и Юкатана совершенно такія же, какъ и въ Южной Мексикѣ, но кромѣ того здѣсь попадаются еще нѣкоторые виды изъ Центральной Америки. Эта южная область, средняя между собственной Мексикой и перешейкомъ, нигдѣ не имѣетъ пустынныхъ пространствъ, и во многихъ мѣстахъ растительность достигаетъ замѣчательной силы, даже на склонахъ горъ Соконуско и на берегахъ у ихъ основанія, несмотря на то, что тамъ почти не выпадаетъ большихъ дождей; здѣсь успѣшно произрастаетъ древовидный папоротникъ, какаовыя и другія деревья, требующія большаго количества воды и постоянно влажной атмосферы, а въ низкихъ мѣстахъ рисъ произрастаетъ безъ всякаго орошенія: подземная сырость просачивается съ возвышенностей, восполняя собою недостатокъ дождей. Что касается известковыхъ равнинъ Юкатана, то хотя онѣ и покрыты растеніями, но эти послѣднія имѣютъ жалкій видъ и малорослы; здѣсь совсѣмъ не видно тѣхъ огромныхъ лѣсовъ, съ переплетенными вѣтвями и опутанныхъ ліанами, какіе встрѣчаются на плодородныхъ земляхъ Чіапаса и Табаско: всюду видишь только низкій хвойный кустарникъ, да чащи кактусовъ и агавъ, и ни одной крупной породы тѣхъ смоковницъ, которыя служатъ украшеніемъ Анагуакскаго плоскогорья, достигая болѣе 10 метровъ высоты [3]). Дождевая вода слишкомъ быстро просачивается черезъ ноздреватый известнякъ, и ея не хватаетъ для болѣе богатой растительности.

Среди представителей растительнаго царства, не встрѣчаемыхъ въ собственной Мексикѣ, а принадлежащихъ только Чіапасской и Юкатанской областямъ, находится много весьма цѣнныхъ деревьевъ, славящихся своимъ строительнымъ матеріаломъ или красильными веществами; таковы, напримѣръ, красное дерево (swietenia mahagoni) и кампешское (haematoxylon campechianum). Первое изъ этихъ деревьевъ еще чаще встрѣчается въ нѣкоторыхъ частяхъ Центральной Америки, чѣмъ въ мексиканскомъ Табаско, но кампешское дерево произростаетъ исключительно въ той области, которая дала ему свое названіе. Это бобовое растеніе съ твердой сердцевиной достигаетъ иногда 12—13 метровъ высоты въ благопріятномъ для него грунтѣ. Сначала оно растетъ въ видѣ куста, похожаго на боярышникъ; но, по мѣрѣ возрастанія, его вѣтви переплетаются въ круглую массу съ непроницаемой листвой, дотого густой, что не пропускаетъ даже свѣта. По словамъ Мореле, англичане тщетно пытались распространить кампешское дерево на Багамскихъ островахъ и въ другихъ колоніяхъ тропической Америки; но въ своемъ отечествѣ это растеніе успѣшно произрастаетъ какъ на кремнистой почвѣ холмовъ и на скалахъ, такъ и на наносной землѣ. При этомъ растетъ оно довольно быстро, такъ что уже десятилѣтнее дерево годно къ срубкѣ и вовсе не притязательно, потому что принимается всюду, гдѣ топоръ далъ доступъ воздуху и свѣту [1]). Среди странныхъ животныхъ чіапасской фауны Чарней указываетъ на «*замыкающихся*» черепахъ или, какъ ихъ тамъ называютъ, «табакерокъ», которыя дѣйствительно имѣютъ свойство прятать голову и хвостъ между двумя замыкающимися крышечками; это роговыя коробочки, которыя ни одинъ хищникъ не можетъ открыть [2]).

Населеніе Восточной Мексики очень смѣшанное, какъ и въ Анагуакѣ, но только здѣсь туземный элементъ преобладаетъ въ болѣе значительной пропорціи, чѣмъ тамъ. Нахуатльское племя встрѣчается здѣсь въ Соконуско, вдоль исторической дороги, по которой недавно еще слѣдовали ацтеки, направлявшіеся изъ Анагуака въ Никарагуа. Воинственственная нація чіапанековъ оставила свое потомство въ сѣверо-западной части штата, сохранившаго это названіе. Болѣе многочисленные, но менѣе культурные тцендалы и тцотцилы, квелены, или «Летучія мыши», занимаютъ лѣсныя пространства, находящіяся между узкой частью перешейка и границами Гватемалы. Наконецъ, многочисленныя кочевыя или осѣдлыя семейства принадлежатъ къ тѣмъ же группамъ, какъ и народы западной Гватемалы, на сѣверѣ—лакандоны и чонталесы, въ центрѣ чолы и чаньябалы, а на югѣ маме; по языку, нравамъ и традиціямъ, всѣ эти индѣйцы, повидимому, болѣе или менѣе связаны съ цивилизованными майя Юкатана, самыми передовыми представителями этой языческой группы.

[1]) D. Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde".
[2]) D. Jourdanet, „Du Mexique dans ses rapports avec la vie de l'homme".
[3]) A. Woeikof, „Petermanns's Mittheilungen", 1879. Heft VI.

[1]) Arthur Morelet, цитированное сочиненіе.
[2]) Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde".

Майя оказали въ свое время болѣе упорное сопротивленіе испанцамъ, чѣмъ ацтеки: впрочемъ, они, повидимому, еще въ колумбійскій періодъ достигли довольно высокой степени цивилизаціи; хотя Колумбъ не видѣлъ этого племени, но слухъ о немъ достигъ и до него [1]. Дѣло истребленія, о которомъ повѣствуетъ Ласъ-Казасъ и Діего-де-Ланда, было по истинѣ ужасно; раса почти совершенно исчезла; но мало-по-малу, она возстановилась и, несмотря на свою количественную незначительность, покоренные майя сохранили свой языкъ; сказываютъ, что даже тѣ изъ нихъ, которые знаютъ испанскій языкъ, упорно отказываются говорить на немъ [2]. Фактъ тотъ, что въ Юкатанѣ побѣдители въ концѣ концовъ обратились въ побѣжденныхъ: въ деревняхъ языкъ майя сдѣлался общеупотребительнымъ, за исключеніемъ окрестностей Кампеша; во внутреннихъ округахъ потомки испанцевъ по большей части даже разучились говорить на языкѣ своихъ предковъ. Въ самой Меридѣ языкъ майя сдѣлался обязательнымъ, такъ какъ иначе нельзя разговаривать съ туземцами или *масегвалами* (мазехуатль). Въ другія времена европейскіе колонисты постепенно растворились бы въ майякскомъ населеніи; но сношенія съ цивилизованными внѣ края спасли испанскій элементъ отъ исчезновенія, и надо думать, что рано или поздно школы, газеты и книги введутъ всѣхъ юкатековъ въ міръ испано-американской цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что любовь къ просвѣщенію въ Юкатанѣ болѣе распространена, чѣмъ въ другихъ мексиканскихъ областяхъ. Испанцы и метисы живутъ преимущественно въ городахъ и южныхъ частяхъ Чіапаса, гдѣ проходятъ наиболѣе посѣщаемыя дороги между Мексикой и Гватемалой. Смѣшанная раса испанцевъ и майя считается одною изъ самыхъ красивыхъ въ Америкѣ; особенно славятся красотою ихъ женщины. Всего замѣчательнѣе то, что индѣйскій типъ лица сохраняется изъ рода въ родъ; какъ бы бѣла ни сдѣлалась кожа, юкатанскій метисъ всегда сохраняетъ черты майя, что сразу бросается въ глаза всякому наблюдателю [3].

Область распространенія языка майя, къ которой надо еще прибавить территорію гуакстековъ въ штатѣ Вера-Круцъ, простирается далеко за предѣлы Юкатана: она обнимаетъ почти весь штатъ Табаско, часть Чіапаса и половину Гватемалы. По ихъ собственному преданію, майя пришли въ Юкатанъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, съ запада и съ востока, съ континента и съ моря [4]: одинъ изъ ихъ боговъ открылъ имъ свободный путь по волнамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что они были уже знакомы съ искусствомъ мореплаванія, они даже имѣли палубныя суда, вѣроятно парусныя [1]. Путешествія, вольныя и невольныя, часто совершались между островомъ Кубою и Юкатаномъ: именно этимъ путемъ, какъ полагаетъ Орозко-и-Берра, туземцы Сѣверной Америки добирались черезъ длинные этапы изъ Флориды въ Кубу, а съ этого острова на Юкатанскій полуостровъ [2]. Какъ бы то ни было, майя, разъ поселившись въ Юкатанѣ, долгое время оставались мирными обладателями полуострова, потому что въ этой области, расположенной въ сторонѣ отъ нормальной дороги переселеній, идущей по южному побережью Великаго океана, имъ нечего было бояться завоевателей. Имперія ацтековъ во время ея наибольшаго протяженія, соприкасалась со страной майя только юго-восточною оконечностью, и Юкатанъ, въ которомъ жила болѣе просвѣщенная часть націи, почти совсѣмъ не былъ извѣстенъ имъ. Однако, если судить по языкамъ, оба народа, ацтеки и майя, принадлежатъ къ одному и тому же этническому корню. Но между юкатанскими майя и сонорскими майо нѣтъ ничего общаго, кромѣ простаго совпаденія именъ [3].

Собственно майя—люди средняго роста, коренастые, съ круглой головой, тонкими руками и красивыми ногами, очень выносливые, обладающіе удивительной силой сопротивленія. Тѣ изъ племени майя, которые живутъ въ лѣсахъ Табаско и названіе которыхъ «чинталесы», или «дикіе», показываетъ, что они остались чуждыми цивилизаціи юкатековъ, отличаются поразительною воздержанностью: для ихъ питанія достаточно нѣсколькихъ кореньевъ, немного маиса и банановъ, несмотря на то, что они работаютъ безъ устали цѣлыми днями въ качествѣ носильщиковъ и перевозчиковъ. Одежда ихъ очень проста и состоитъ изъ штановъ и рубашки, которую они носятъ на манеръ блузы. Въ Юкатанѣ мужчины майя одѣваются такъ же, какъ испанцы; но женщины, оставшіяся болѣе вѣрными обычаямъ своей расы, сохранили моды той эпохи, которая предшествовала завоеванію: всѣ онѣ носятъ бѣлыя юбки, *фустаны*, стянутыя на бедрахъ и вышитыя внизу узкой гирляндой цвѣтовъ, и *гуипилы*, или шемизетки, тоже бѣлыя, съ короткими рукавами, спускающіяся до половины туловища; выходя изъ дома, онѣ одѣваются въ изящныя мантильи, такія же бѣлыя, какъ и все прочее одѣяніе, отличающееся, за исключеніемъ развѣ только у самыхъ бѣдныхъ, безукоризненной чистотой.

[1]) Pierre Martyr d'Angheria. Décades III. Книга IV.
[2]) Brasseur de Bourbourg, „Archives de la Commission du Mexique", Томъ II.
[3]) Désiré Charnay, „Cités et Ruines Américaines".
[4]) H. H. Bancroft „Native Races". Томъ V.

[1]) Nunez Ortega, „Bolletin de la Sociedad de Estadistica y Geografia". 1878 г. № 1.
[2]) „Geografia de las Lenguas de Mexico".
[3]) Orozco y Berra, цитирован. сочиненіе.

Отъ другихъ индіанокъ и испанокъ онѣ отличаются также своей высокой китайской прической, завязанной въ шиньонъ; наконецъ, въ противоположность всѣмъ туземнымъ женщинамъ Мексики и Центральной Америки, которыя носятъ кувшины съ водой на головѣ, юкатанскіе женщины держатъ ихъ въ наклонномъ положеніи на лѣвомъ плечѣ. Когда какой-нибудь мужчина останавливаетъ ихъ, чтобы попросить у нихъ напиться, или обмѣняться нѣсколькими словами, онѣ останавливаются бокомъ и скромно отвѣчаютъ ему, опустивъ глаза. Рынокъ въ любомъ юкатанскомъ городѣ представляетъ почти исключительное во всемъ свѣтѣ явленіе, поражая царящимъ на немъ спокойствіемъ, дружелюбіемъ и взаимнымъ доброжелательствомъ торговцевъ и покупателей; лишь изрѣдка раздастся откуда-нибудь дѣтскій крикъ [1]).

Подобно всѣмъ другимъ культурнымъ индѣйцамъ, майя считаются католиками, и дѣйствительно они исповѣдуютъ эту религію, но примѣшиваютъ къ ней особые обряды, которые отнюдь не могли заимствовать у испанцевъ. Такъ, напримѣръ, послѣ погребенія умершаго они отмѣчаютъ мѣломъ тропинку, которая ведетъ отъ могилы къ прежнему его жилищу, для того чтобы покойникъ, возродившись въ лицѣ ребенка къ новой жизни, не забылъ дороги къ своему домашнему очагу: у нихъ все еще продолжаетъ существовать вѣра въ переселеніе душъ, несмотря на противоположныя ученія христіанской церкви. У нихъ еще сохранилось знаніе разныхъ лѣкарственныхъ травъ, а также небесныхъ свѣтилъ, и среди нихъ попадается много астрологовъ, которые наблюдаютъ сочетаніе звѣздъ и по нимъ предсказываютъ событія общественной жизни, удачные или неудачные посѣвы и качество урожая; въ каждой деревнѣ имѣется «свѣдущій человѣкъ», который предсказываетъ судьбу по кристалламъ кварца. До войны 1847 г., совершенно разорившей страну, почти каждая деревня имѣла свою «книгу Чиланъ-Баламъ», т. е. «Толковникъ оракуловъ», и таковыхъ извѣстно еще не менѣе шестнадцати экземпляровъ [2]). Мать привязываетъ къ рукѣ своего ребенка амулетъ, состоящій изъ красиваго насѣкомаго съ твердой оболочкой изъ породы мелазомовъ (zopherus moreleti) [3]).

У туземцевъ попадаются очень снисходительные священники, а, можетъ быть, просто плохо знакомые съ обрядами христіанской церкви, потому что они вмѣстѣ съ индѣйцами служатъ «полевыя обѣдни», или *misa milpera*, при чемъ закалываютъ пѣтуха, окропивъ предварительно перебродившимъ напиткомъ всѣ четыре стороны свѣта, и взывая одновременно къ Пресвятой Троицѣ и къ *Пахаахъ-тунамъ*, т. е. къ четыремъ покровителямъ дождя и урожая. Эти духи получили христіанскія имена: Красный, или богъ востока, сдѣлался святымъ Доминикомъ; Бѣлый или богъ сѣвера,—святымъ Гавріиломъ; Черный, или богъ запада,—святымъ Іаковомъ, а покровительница юга, «желтая богиня», обратилась въ Марію-Магдалину [1]). Но въ присутствіи испанцевъ майя остерегаются исполнять обрядности, не санкціонированныя католическими патерами. Обладая вообще очень веселымъ характеромъ, такъ что Чарней называетъ ихъ «самымъ веселымъ народомъ въ мірѣ», майя въ то же время отличается крайнею скрытностью и сдержанностью; они умѣютъ такъ ловко лавировать въ своемъ разговорѣ, что имъ никогда не приходится лгать иностранцамъ; они умѣютъ промолчать кстати, или отвѣчаютъ крайне неопредѣленно, боясь неосторожнымъ словомъ скромпрометтировать себя. Но всетаки кое-какія выраженія въ ихъ языкѣ открываютъ ихъ задушевныя вѣрованія: такъ, напримѣръ, ураганъ они называютъ «могучимъ дуновеніемъ великаго Отца».

Языкъ майя, гортанный и звучный, но очень пріятный въ устахъ женщинъ, есть, повидимому, самый чистый изъ всѣхъ идіомовъ той же семьи цендала, лакондона, киче или качикела, на которыхъ говорятъ между Мексиканскимъ заливомъ и берегами Южнаго моря. Впрочемъ, эти различныя нарѣчія отличаются одно отъ другаго только по примѣси иностранныхъ словъ и нѣкоторому измѣненію окончаній или по произношенію.

Языкъ майя, весьма богатый словами, рѣзко разнится отъ нахуатльскаго или мексиканскаго своей грамматикой, но словари обоихъ языковъ происходятъ отъ общихъ всей группѣ корней. Брассеръ-де-Бурбургъ находитъ, что большинство майяскихъ словъ имѣютъ много общаго съ арійскими словами, и именно съ германскими и скандинавскими; однако, это мнѣніе ученаго мечтателя не нашло себѣ сочувствія: на случайныхъ совпаденіяхъ нельзя строить родства. На чистомъ майя говорятъ теперь только въ сѣверо-восточной части страны, въ окрестностяхъ Вальядолида и Тизимина [2]). Латинскій алфавитъ языка майя заключаетъ въ себѣ особенныя буквы, какъ, напримѣръ ɔ (тс), соотвѣтствующія неизвѣстнымъ испанскому языку звукамъ.

Поразительнымъ свидѣтельствомъ живучести майяскаго генія служитъ географическая номенклатрра Юкатана: почти всѣ данныя туземцами названія мѣстъ сохранились, несмотря на пребываніе въ краѣ испанцевъ. Имя Юкатанъ, которое одержало верхъ надъ

[1]) Frederick A. Ober, „Travels in Mexico“.
[2]) Daniel G. Brinton, „The Book of Chilan-Balam“.
[3]) Arthur Morelet, цитированное сочиненіе.

[1]) Brasseur de Bourbourg;— D. G. Brinton, „The folk-lore of Jucatan“.
[2]) Orozco y Berra, цитиров. сочиненіе.

названіемъ *Исла-де-Санта-Марія-де-лосъ Ремедіосъ*, даннымъ испанцами—тоже слово майяское; точный смыслъ его, однако, неизвѣстенъ: оно, безъ сомнѣнія, произошло отъ невѣрно понятаго отвѣта, когда испанскіе мореплаватели допытывались названія этого края. По свидѣтельству епископа Ланда, который былъ первымъ миссіонеромъ, обратившимъ майя въ христіанскую вѣру, въ то время общеупотребительнымъ названіемъ полуострова было Улумитъ-Кусъ-ель-Этель-Зетъ, т. е. «Страна Индѣйскихъ Пѣтуховъ и Оленей». Кромѣ того, его часто называли также Майяпанамъ, по имени бывшей столицы, а всю страну прежде обозначали названіемъ Майя. Ма-ай-ха значило «Земля безъ Воды» [1]). Какъ и въ странѣ ацтековъ, фанатики-завоеватели старались удалить все, что напоминало туземную религію; самые драгоцѣнные манускрипты были преданы огню, а идолы и скульптурные памятники разбиты; однако, нѣкоторыя преданія сохранились, также какъ языкъ и нравы, и ученые могли попытаться возстановить политическую исторію народа майя за два или за три вѣка, предшествовавшихъ завоеванію.

Первыми легендарными лицами въ исторіи Юкатана, представляющими собою одновременно и героевъ, и основателей царства, и боговъ, являются Ватанъ и Цамна, которые отчасти перепутались въ воображеніи народа; имъ приписывали всѣ установленія въ странѣ, а также и различныя изобрѣтенія, сдѣланныя съ начала міра. За ними слѣдуетъ другой миоическій властитель, Кукулканъ, котораго ученые отождествляютъ съ Кецалкоатлемъ Мексики и Гукумацомъ Гватемалы, или «Змѣемъ съ перьями», и исторія котораго дѣйствительно совпадаетъ съ исторіей этого полу-бога ацтековъ и племени квиче: нѣтъ сомнѣнія, что фаза исторіи, олицетворенная майяскимъ героемъ, была періодомъ, во время котораго преобладало вліяніе сѣверныхъ нахуа. Затѣмъ въ странѣ майя, въ теченіе нѣсколькихъ,—какъ гласитъ легенда, одиннадцати,—вѣковъ, господствовали другіе завоеватели, явившіеся, повидимому, съ юга, но самое имя которыхъ, Тутулъ-Ксіу, указывало на ихъ нахуатльское происхожденіе. Вѣроятно, во время ихъ господства и были воздвигнуты въ Юкатанѣ замѣчательные монументы; несмотря на войны, на мѣстныя революціи, на разрушенія городовъ, династія еще удерживалась въ одной части территоріи, когда испанцы появились въ этой странѣ.

Памятники юкатанской архитектуры обратили на себя вниманіе еще первыхъ испанскихъ мореплавателей, а впослѣдствіи о нихъ упоминали всѣ писатели, говорившіе объ этомъ краѣ; но въ настоящемъ столѣтіи, только послѣ 1830 года путешественники получили возможность созерцать эти удивительныя развалины и дать о нихъ отчетъ ученому міру. Первый изъ нихъ, Завала, посѣтилъ Уксмалъ и издалъ его описаніе [1]) въ 1835 г. Фредерикъ-де-Вальдекъ изучалъ тотъ же юкатанскій городъ и снимки его памятниковъ опубликовалъ въ роскошномъ изданіи; но наибольшее вниманіе обратила на себя книга, могущая считаться отправнымъ пунктомъ для археологическаго изученія Юкатана, которую составилъ Стефенсъ, два раза объѣздившій страну въ сопровожденіи живописца Катервуда [2]). Съ того времени совершено было много путешествій въ Юкатанъ; изъ нихъ особенную важность имѣло путешествіе Шарнэ, благодаря его прекраснымъ фотографіямъ, которыя дали возможность провѣрить точность прежнихъ рисунковъ. Въ настоящее время уже открыто болѣе шестидесяти группъ значительныхъ развалинъ, а сколько другихъ руинъ существуютъ еще въ странѣ независимыхъ майя! Едва ли въ Юкатанѣ найдется какой-нибудь городъ, мѣстечко или уединенное жилище, въ постройкахъ котораго не было бы остатковъ древнихъ изваянныхъ камней [3]).

Археологи, на долю которыхъ выпало быть первыми изслѣдователями замѣчательныхъ памятниковъ Чіапаса и Юкатана, называли ихъ величественными и даже сравнивали ихъ съ египетскими и греческими храмами. Хотя это восхищеніе не находитъ себѣ оправданія, такъ какъ майяскія зданія не могутъ похвалиться ни изяществомъ пропорцій, ни умѣренностью орнаментовъ, ни благородствомъ и совершенствомъ въ стилѣ скульптурныхъ украшеній, но во всякомъ случаѣ они отличаются огромностью размѣровъ и богатствомъ, и свидѣтельствуютъ о гораздо болѣе высокой степени цивилизаціи, чѣмъ та, на которой стояли многіе народы Стараго Свѣта, считавшіеся цивилизованными. Большая часть юкатанскихъ построекъ воздвигнуты на естественныхъ возвышеніяхъ земли или на искусственныхъ земляныхъ насыпяхъ; обыкновенно онѣ находятся по сосѣдству съ сенотами или даже на самыхъ этихъ скрытыхъ бассейнахъ, которые всегда служили предметомъ почитанія у окрестныхъ жителей. Большинство монументовъ расположено на востокъ, но не съ астрономической точностью и безъ строгаго порядка: видно, что въ архитектурѣ не придерживались никакого общаго плана [4]). Нѣкоторые археологи причисляютъ эти памятники зодчества къ очень древнимъ

[1]) Diego de Landa, „Relation des choses du Yucatan“, переводъ Брассера-де-Бурбургъ.

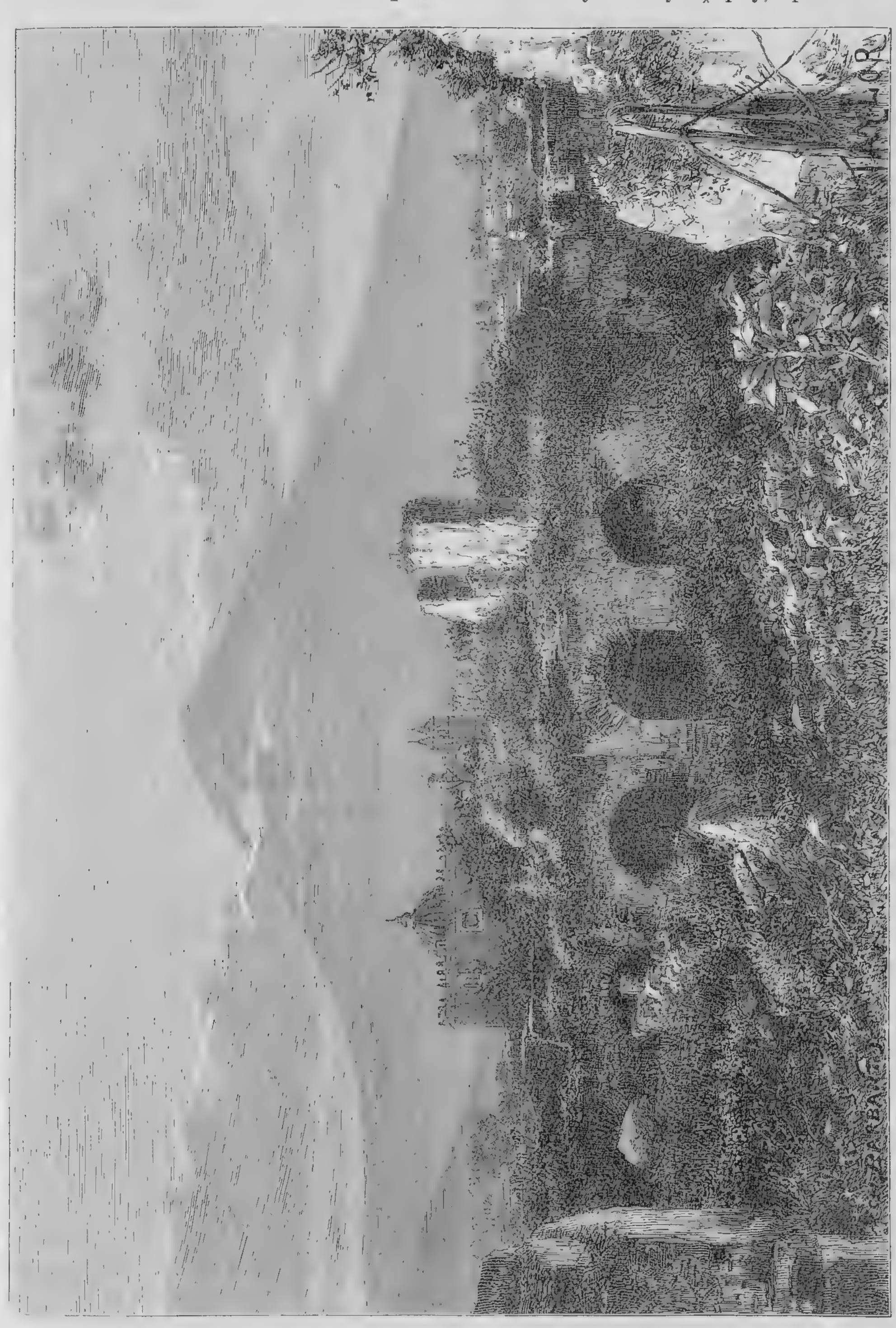
[1]) „Antiquités Mexicaines“. Парижъ, 1834 г.

[2]) Stephens, „Incidents of travel in Jucatan“;—Catherwood, „View of Ancient Monuments in Central America“.

[3]) H. H. Bancroft, цитиров. сочиненіе.

[4]) Maudslay, „Proceedings of the R. Geographical Society“, апрѣль 1883.

сооруженіямъ, приписывая ихъ народамъ, уже исчезнувшимъ до эпохи завоеванія; но это мнѣніе опровергается фактами, такъ какъ, по свидѣтельству самихъ испанскихъ завоевателей и майяскихъ лѣтописцевъ, юкатеки продол-

Развалины церкви и вулканъ Антигуа.

жали справлять въ этихъ зданіяхъ свои обряды до второй половины шестнадцатаго вѣка [1]).

[1]) D. Charnay, „Comptes rendus de la Société de Géographie", 18 мая 1883 г.; „Anciennes villes du Nouveau Monde".

Почти всѣ юкатанскія зданія имѣютъ пирамидальную форму: храмы и дворцы увѣнчивали собою вершину цѣлаго ряда ступеней. Нѣкоторыя пирамиды не несли на себѣ построекъ, но имѣли усѣченную форму, при чемъ верхняя площадка служила воздушнымъ алтаремъ, на которомъ жрецы совершали свои обряды передъ собравшимся народомъ. Впрочемъ, ни одно изъ архитектурныхъ сооруженій юкатековъ не достигало столь значительной высоты, чтобы

превосходитъ большія лѣсныя деревья: самыя высокія пирамиды едва достигали 30 метровъ, но нѣкоторыя изъ нихъ занимали своимъ основаніемъ обширное пространство земли: такъ, пирамида Цайи, близъ Уксмала, имѣетъ въ окружности слишкомъ 450 метровъ. По словамъ Віоле-ле-Дюкъ, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ архитектурныхъ новшествъ, введенныхъ юкатанскими зодчими, состояло въ употребленіи известковаго раствора или прыска для соединенія слоевъ камней въ одну скалу, и въ моделированіи, ваяніи цемента въ видѣ орнаментовъ и фигуръ [1]). Прыскъ, цементъ, гипсъ, штукатурка,—все это составлялось изъ извести, смѣшанной съ пескомъ въ различныхъ пропорціяхъ, что сообщало ей твердость камня: известковый растворъ, сдѣланный почти изъ чистой гидравлической извести, имѣетъ такую крѣпость, что соединенные имъ камни въ массивахъ или штукатурка не поддаются самымъ сильнымъ ударамъ молотка. Но если искусственныя каменныя постройки не поддавались разрушительному вліянію времени въ теченіе четырехъ вѣковъ запустѣнія, то нельзя того же сказать про плотничьи работы на плафонахъ и кровляхъ: онѣ почти совершенно исчезли, несмотря на то, что употреблявшееся для построекъ дерево запоте отличается замѣчательною крѣпостью, но дѣло въ томъ, что оно не смолисто и не содержитъ въ себѣ эѳирнаго масла, способствующаго удаленію червей и насѣкомыхъ. Круглыя бревна, сложенныя въ видѣ опрокинутыхъ пирамидъ, поставленныхъ на столбахъ вмѣсто капители,—всюду осѣли; впрочемъ, на многихъ храмахъ расположеніе ихъ воспроизводится изваяніями фасадовъ. Дерево употреблялось также при соединеніи вершинъ двухъ наклонныхъ другъ къ другу стѣнъ, которыя образовали такимъ образомъ нѣчто вродѣ стрѣлки свода, не совсѣмъ точно называемой въ краѣ *boveda* или «сводомъ».

Въ юкатанскихъ зданіяхъ и около нихъ нашли только очень небольшое количество глиняной посуды и оружія, предметовъ, которые обыкновенно въ изобиліи находятъ въ историческихъ и доисторическихъ мѣстностяхъ. Точно также очень мало нашли идоловъ, но это потому, что туземцы, со времени пришествія испанцевъ, стали прятать ихъ въ надежныхъ мѣстахъ, боясь за цѣлость своихъ боговъ, которыхъ завоеватели разбивали. Но скульптурныя украшенія и барельефы, изображающіе человѣческія фигуры, въ цѣлости покрываютъ стѣны. Фигуры эти имѣютъ тотъ же типъ, что и современные намъ туземцы, въ особенности восточные лакандоны, съ тою только разницей, что онъ былъ сильно преувеличенъ, особенно на храмахъ въ Паленке: откинутый назадъ лобъ и вытянутый носъ считались признаками благородства, и скульпторы старались придерживаться этого типа въ своихъ произведеніяхъ, которыя служили предметомъ почитанія народа [1]); впрочемъ, можно предположить, что въ эту эпоху, такъ же, какъ это дѣлается и въ настоящее время, юкатанскія матери нарочно искусственно уродовали черепа своихъ дѣтей [2]). На стѣнахъ чіапасскихъ и юкатанскихъ храмовъ очень рѣдко можно встрѣтить фигуры женщинъ и еще рѣже изображенія дѣтей и отроковъ. Повидимому, майяскіе художники сознавали свое безсиліе въ воспроизведеніи красоты, и потому они строго придерживались условныхъ типовъ, проявляя самостоятельность творчества только въ изображеніи уродливыхъ каррикатуръ. По свидѣтельству Шарнэ, они сначала вылѣпляли голое тѣло, затѣмъ прибавляли одѣянія и украшенія, налѣпляя новые слои цемента.

Помимо человѣческихъ фигуръ, стѣны украшены также изображеніями символическихъ животныхъ, преимущественно змѣй; встрѣчаются также орнаменты въ видѣ хобота, что послужило, впрочемъ безъ достаточнаго основанія, къ предположенію, что майяскимъ скульпторамъ были знакомы слоны, и что знаніе это было заимствовано отъ художниковъ, пришедшихъ изъ Азіи. Нѣкоторые барельефы изображаютъ жанровыя сцены, но нигдѣ не встрѣчается воинственныхъ сюжетовъ, какъ это видно на барельефахъ ассирійскихъ дворцовъ и египетскихъ храмовъ: очевидно, майяскій народъ жилъ въ полномъ мирѣ въ то время, когда были построены монументы ихъ великой художественной эпохи; почти полное отсутствіе всякихъ крѣпостей около ихъ зданій и городовъ тоже можетъ служить доказательствомъ мирнаго состоянія страны и спокойнаго характера ея жителей. Нѣкоторыя скульптурныя украшенія указываютъ на то, что майя исповѣдывали фаллическій культъ, и красныя руки, вылѣпленныя тамъ и сямъ на зданіяхъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ Юкатанѣ, какъ и на средиземномъ Востокѣ, жилища поручались покровительству могущественной руки боговъ и духовъ. Въ настоящее время всѣ эти сѣрыя скульптуры, перемѣшанныя на полуразрушенныхъ стѣнахъ,—таковъ фасадъ Уксмала, простирающійся въ длину на 100 метровъ,—кажутся перепутавшимися въ хаосѣ неопредѣленныхъ формъ: выкрашенныя нѣкогда въ яркіе цвѣта—въ желтый, красный, бѣлый и черный, онѣ рѣзко отдѣлялись одна отъ другой и придавали цѣлому историческій или мистическій смыслъ, легко понятный каждому.

[1]) Предисловіе къ сочиненію Шарнэ: „Cités et Ruines américaines“.

[1]) Arthur Morelet, цитиров. сочиненіе;—D. Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde“.
[2]) H. H. Bancroft, „The Native Races“. Томъ IV. „Antiquities“.

«Булыжные» іероглифы,—названные такъ по округленной формѣ своихъ контуровъ, напоминающей «булыжники»,—расположены длинными полосами, какъ буквы въ книгѣ, и, безъ сомнѣнія, служили поясненіемъ тѣхъ скульптуръ, на которыхъ находились; можетъ быть, впослѣдствіи они откроютъ человѣчеству подробную исторію этого народа-зодчаго, или, по крайней мѣрѣ, объяснятъ назначеніе зданій, носящихъ теперь фантастическія испанскія имена, а главное выяснятъ время ихъ сооруженія, что служитъ предметомъ нескончаемыхъ споровъ между археологами. Тѣ же знаки были воспроизводимы на матеріяхъ и на древесной корѣ, и манускрипты свертывались или переплетались въ тонкія книжки. Гіероглифическіе документы на майяскомъ языкѣ очень рѣдки: въ европейскихъ музеяхъ находятся всего только четыре такихъ документа, но въ нихъ нѣтъ двуязычной надписи, которая облегчила бы разборъ этихъ знаковъ, какъ это оказалось на камнѣ Розетты и на клинообразныхъ таблицахъ Бизутуна; однако, испанскіе священники знали этотъ алфавитъ, и даже у одного изъ этихъ миссіонеровъ былъ найденъ писанный имъ манускриптъ на майяскомъ языкѣ [1]). Впрочемъ, единственныя свѣдѣнія, которыя имѣются объ юкатекскихъ письменахъ, даетъ сочиненіе епископа Діего-де-Ланда, того самаго, который сжегъ манускрипты, собранные въ храмахъ [2]). Въ этой книгѣ объясняются только около шестидесяти знаковъ изъ нѣсколькихъ тысячъ ихъ, и такъ какъ каждый знакъ можетъ быть замѣненъ другими, имѣющими одно съ нимъ значеніе, хотя и совершенно различными по формѣ, то понятно, что въ настоящее время переводъ ихъ является почти невозможнымъ [3]). Археологи пришли къ единодушному мнѣнію, что попытки перевести іероглифы, сдѣланныя Брассеромъ-де-Бурбургъ, были неудачны.

Отдѣленныя отъ внутренняго Чіапаса почти сплошною цѣпью прибрежныхъ горъ, черезъ которыя не проложено еще ни большихъ шоссейныхъ, ни желѣзныхъ дорогъ, группы поселеній, расположенныхъ на берегу Великаго океана, могутъ имѣть лишь весьма небольшое торговое значеніе; кромѣ того, отсутствіе хорошихъ портовъ мѣшаетъ развитію мореплаванія. Между тѣмъ, замѣчательное плодородіе почвы и хорошее качество ея продуктовъ прославили Соконуско на всѣхъ рынкахъ, какъ на европейскихъ, такъ и на американскихъ. Самыя оживленныя гавани на этомъ берегу—Тонала и Санъ-Бенито или Соконуско: обѣ онѣ доступны для судовъ незначительной осадки, которыя могутъ входить въ опасные проливы, соединяющіе открытое море съ длинными береговыми рѣчными притоками. Хотя портъ Тонала стоитъ ближе всѣхъ другихъ къ столицѣ Чіапаса, тѣмъ не менѣе его ежегодная торговля не достигаетъ даже одного милліона; два окрестныхъ холма изобилуютъ желѣзомъ, чѣмъ и прославились во всемъ округѣ. Вдвое значительнѣе торговля въ Санъ-Бенито, который вывозитъ изъ Соконуско какао: въ 1888 г. торговые обороты этого порта достигали 1.800.000 франковъ, и торговое значеніе его несомнѣнно быстро поднимется, когда его пляжъ будетъ соединенъ желѣзной дорогой съ Тапачулою, расположенною на полусклонѣ горъ Соконуско, около границы Гватемалы. Городъ Уніонъ-Хуаресъ, основанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ разъ на самой границѣ, и лежащій на высотѣ 1.300 метровъ надъ уровнемъ моря, представляетъ собою центръ Чіапасскихъ кофейныхъ плантацій: сборъ идетъ здѣсь круглый годъ, и это нимало не ослабляетъ производительность растенія [1]).

Сѣвернѣе расположено другое пограничное мѣстечко, Комитанъ, ярмарки котораго привлекаютъ цѣлыя массы торговаго люда. Чіапа-де-лосъ-Индіосъ, древняя столица чіапанековъ, названіе которой, взятое во множественномъ числѣ, присвоено всей странѣ, расположена, подобно Комитану, на склонѣ, обращенномъ къ Атлантическому океану, въ долинѣ большой рѣки: эта рѣка носитъ нѣсколько названій, но главное изъ нихъ—Грихальва; она соединяетъ Усумасинту съ баромъ Табаско. Выше нынѣшняго мѣстечка, усѣяннаго древними развалинами, находится скала, на которой существуютъ еще развалины крѣпости Чіапа-Нандуиме, или «Ара Огненнаго Цвѣта». Съ высоты этой твердыни чіапанекскіе воины бравировали посылавшіяся противъ нихъ ацтекскія арміи; испанцамъ тоже долго пришлось осаждать ее; наконецъ, болѣе двухъ тысячъ туземцевъ, изморенныхъ голодомъ, предпочли броситься съ высоты валовъ, вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми, нежели отдаться побѣдителямъ [2]). Въ нѣсколькихъ километрахъ къ западу отъ Чіапы, въ боковой долинѣ Грихальвы, находится небольшой городокъ Тукстла, который впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ игралъ роль главнаго города штата, въ наказаніе жителямъ Санъ-Кристобаля за ихъ возмущеніе. Туземный языкъ больше не употребляется. Брассеръ-де-Бурбургъ составилъ словарь этого языка со словъ нѣсколькихъ стариковъ.

[1]) Daniel G. Brinton, „The Books of Chilan-Balam".
[2]) Léon de Rosny, „Boletin de la Sociedad de Geografia y Estadistica de México", 1880.
[3]) H. de Charencey, „Mélanges Philologie et de Paléographie américaines".

[1]) Woeikof, „Petermann's Mittheilungen", 1882 г. тетрадь V.
[2]) Brasseur de Bourbourg, „Recherches sur les Ruines de Palengué".

Нынѣшняя столица штата, Санъ-Кристобаль-Ласъ-Казасъ, тоже построена на мѣстѣ древняго индѣйскаго города Гуель или Гуе-Закатланъ и, какъ торговый пунктъ, заняла первое мѣсто въ двухъ штатахъ—Чіапасѣ и Табаско. Она часто мѣняла свое имя: Ласъ-Казасъ, теперешнее ея названіе, было дано этому городу въ честь храбраго защитника индѣйцевъ, Бартоломе-де-Ласъ-Казасъ, Чіапасскаго епископа. Если не считать городовъ, лежащихъ на Анагуакскомъ плоскогорьѣ, то Санъ-Кристобаль построенъ выше всѣхъ прочихъ городовъ Мексики; но точное опредѣленіе его высоты неизвѣстно, такъ какъ ее опредѣляютъ различно, отъ 1.890 до 2.104 метровъ. Въ десяти километрахъ далѣе на сѣверо-западъ лежитъ большое промышленное село Чамула, населенное исключительно индѣйцами, которые испоконъ-вѣковъ занимаются столярнымъ ремесломъ, выдѣлывая простую мебель: столы, скамьи и стулья съ незатѣйливою рѣзьбою; издѣлія эти имѣютъ большое распространеніе, но оплачиваются они въ десять разъ дешевле, чѣмъ у насъ въ Европѣ,—до того низко цѣнится трудъ индѣйца [1]). Еще сѣвернѣе лежитъ мѣстечко Симоховель, которое славится своимъ кофе и табакомъ, такъ же, какъ и Гуимангильо, прибрежная деревня нижней Грихальвы, расположенная при входѣ въ равнины Табаско. Однако, въ большей части гасіендъ занимаются лишь скотоводствомъ. Мѣстечко Теана, рѣка котораго соединяется около Санъ-Жуана съ Грихальвой, является однимъ изъ крупныхъ рынковъ въ этомъ краѣ.

Санъ-Жуанъ-Баутиста (прежде Вилья-Эрмоса), главный городъ штата Табаско, представляетъ собою просто небольшое мѣстечко, построенное въ прогалинѣ огромнаго лѣса, покрывающаго всю область дельты; но съ крутаго берега Грихальвы, съ которымъ его соединяетъ небольшая вѣтвь желѣзной дороги, онъ господствуетъ надъ великолѣпной сѣтью судоходныхъ путей, развѣтвляющейся на нѣсколько тысячъ квадратныхъ километровъ, до самаго основанія Юкатанскаго полуострова; въ самомъ Санъ-Жуанѣ рѣка, медленно и спокойно несущая свои воды между широко раздвинувшимися берегами, поросшими густою растительностью, представляетъ поистинѣ величественное зрѣлище [2]). Лишенный въ настоящее время удобныхъ для сообщенія дорогъ, Санъ-Жуанъ-Баутиста въ недалекомъ будущемъ предназначенъ сдѣлаться центромъ скрещенія желѣзныхъ дорогъ, разныя вѣтви которыхъ направятся къ Мексикѣ, Юкатану и Гватемалѣ. На Атлантическомъ океанѣ портомъ ему служитъ небольшая деревня Фронтера (Гвадалупе), расположенная на правомъ берегу Грихальвы, въ нѣсколькихъ километрахъ выше бара: тамъ находится нѣсколько торговыхъ домовъ, занимающихся, главнымъ образомъ, закупкою и вывозомъ лѣса.

[1]) Désiré Charnay, „Cités et Ruines Américaines".

[2]) D. Jourdanet, „Du Mexique dans les rapports avec la vie de l'homme".

Цѣнность торговли въ Фронтера-де-Табаско въ теченіе фискальнаго 1885—1886 года опредѣлилась въ 4.540.000 франковъ. Движеніе судоходства въ 1877 г.: 102 судна, вмѣстим. въ 73.511 тоннъ, въ томъ числѣ 38 пароходовъ, вмѣстим. въ 56.171 тонна.

Къ западу отъ нынѣшней дельты, въ болотистыхъ лѣсахъ, по которымъ извивается ріо-Секо, нѣкогда главный рукавъ Грихаль..., лежитъ деревня Комалкалко, бывшая когда-то значительнымъ городомъ; ея именемъ назва... также развалины, занимающія пространство въ 16 километровъ и заключающія въ с... цѣлыя «тысячи» памятниковъ, составляющ... въ своей совокупности цѣлую «кордильер...», по выраженію туземцевъ. Другіе *cuyos*, ... пирамиды, возвышаются между двумя рука...ми рѣки, на островѣ Беллоте, гдѣ находя... также огромныя кучи раковинъ, «кухонн...е остатки», занимающія пространство въ ...сколько сотъ квадратныхъ метровъ и имѣю... въ толщину 4 метра надъ линіей водъ [1]).

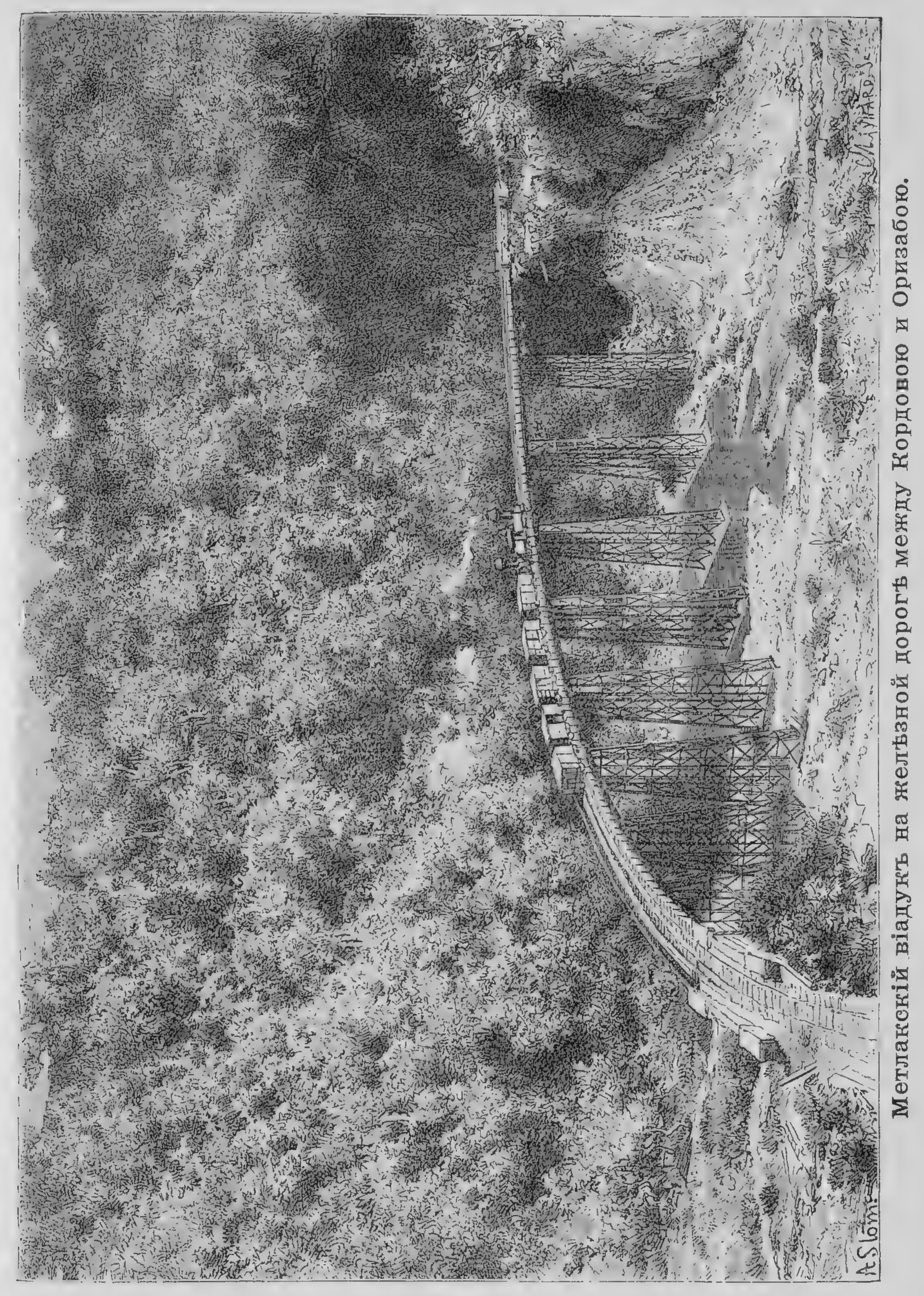
Усумасинта, соединяюшаяся съ Грихальвою выше Фронтеры, не имѣетъ городовъ въ ... части своего обширнаго бассейна, кото... принадлежитъ мексиканскимъ штатамъ: Чі...пасу, Табаско и Кампешу. Наиболѣе извѣ...нымъ населеннымъ мѣстомъ въ этой облас... считается городокъ Паленке, или «Палис...никъ», расположенный на высотѣ ста метр... надъ уровнемъ моря, на одномъ изъ послѣ...нихъ скатовъ сливающагося съ равниной п...скогорья, которое ограничено здѣсь аллювіальными землями, орошаемыми Усумасинтою; сѣвернѣе находится окруженная большими лѣсами лагуна Катасаджа, служащая внутреннимъ портомъ, посредствомъ котораго жители холмовъ могутъ сообщаться на лодкахъ со всѣми пунктами обширной дельты: около нея находится деревня ласъ-Тресъ-Крусесъ, или «Трехъ Крестовъ», напоминающая, какъ говорятъ, о проходѣ Кортеса [2]). Паленке, основанный во второй половинѣ XVI-го вѣка подъ названіемъ Санто-Доминго, вскорѣ пріобрѣлъ, несмотря на свое изолированное положеніе среди лѣсовъ, большое значеніе въ качествѣ мѣста транзитной торговли, такъ какъ здѣсь соединяются тропинки, огибающія низкія земли съ безчисленными каналами: въ прошломъ столѣтіи Паленке служилъ главнымъ этапомъ каравановъ между Гватемалой и Кампешемъ [3]). Перемѣщеніе торговыхъ путей сно-

[1]) D. Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde".

[2]) William H. Prescott, „History of the Conquest of Mexico".

[3]) A. Morelet, „Voyage dans l'Amérique Centrale".

ва уронило значеніе Паленке; однако, здѣсь оставалось еще нѣкоторое число собственниковъ изъ буржуазіи, которыхъ удерживалъ здоровый климатъ и живописныя окрестности; но въ 1869 г. и они должны были выселиться, изгнанные отсюда возстаніемъ индѣйцевъ, и съ тѣхъ поръ мѣстечко это обратилось почти въ настоящую пустыню, и главная его площадь заросла густою травою.

Метлакскій віадукъ на желѣзной дорогѣ между Кордовою и Оризабою.

Въ пятнадцати километрахъ къ юго-западу отъ Паленке, среди густаго лѣса, возвышаются грандіозныя развалины какого-то города, отъ котораго не сохранилось даже имени; быть можетъ, это былъ Начанъ или Колхуаканъ, т. е. «городъ Змѣй». Паленкскіе купцы до половины XVIII-го вѣка не знали даже о существованіи этихъ развалинъ; случайное открытіе ихъ произошло только въ 1746 г., а въ

1773 г. ихъ стали уже изслѣдовать систематически [1]). Съ этого времени ихъ много разъ посѣщали и описывали и воспроизводили на рисункахъ и въ фотографіяхъ; но дѣло разрушенія шло быстро: сырой климатъ, вліяніе растительности и пожаровъ, которые зачастую были результатами поджоговъ, производимыхъ среди развалинъ съ цѣлью сдѣлать прогалины въ чащѣ; кромѣ того, алчность изыскателей, желавшихъ обогатить музеи или свои личныя коллекціи, или дурная привычка невѣжественныхъ людей уносить на память какой-нибудь камешекъ, и, наконецъ, глупое пристрастіе къ разрушенію, проявляющееся какъ у туземцевъ, такъ и у иностранцевъ,—все это, вмѣстѣ взятое, способствовало исчезновенію значительной части памятниковъ. Самый большой изъ нихъ, названный *palacio*, вѣроятно, дѣйствительно нѣкогда былъ «дворцомъ» или по крайней мѣрѣ монастыремъ, но не храмомъ, потому что онъ состоитъ изъ множества комнатъ, отдѣленій и корридоровъ. Подобно всѣмъ другимъ зданіямъ, онъ возвышается на высокомъ пьедесталѣ, въ видѣ усѣченной пирамиды. Одинъ изъ его фасадовъ представляетъ рядъ столбовъ, поддерживающихъ архитравъ не по отвѣсу, что производитъ очень оригинальное впечатлѣніе; стѣны покрыты скульптурными украшеніями. Другое Паленкское зданіе заключало въ себѣ знаменитый «греческій крестъ», символъ «бога сырого воздуха», «древо жизни» или «плодородія», подавшій поводъ къ нескончаемымъ спорамъ между археологами; наконецъ, въ этомъ же храмѣ находится одна статуя, которая своею высокою тіарою и перевязями очень напоминаетъ египетскую фигуру.

Къ юго-западу отъ Паленке, приблизительно на полдорогѣ отъ этого городка до столицы Чіапаса, Санъ-Кристобаля, въ высокой долинѣ, по которой протекаетъ западный притокъ Усумасинты, группируются домики мѣстечка Окосинго, именемъ котораго называютъ также древній городъ, расположенный въ 8 километрахъ восточнѣе; индѣйцы называютъ этотъ городъ Тонила, т. е. «Каменные Дома», и, говорятъ,—но безъ достаточныхъ основаній,—что это древняя Тулха, столица южныхъ тольтековъ. Въ разрушенномъ городѣ Окосинго находится одно изваяніе изъ цемента, которое поразило путешественниковъ Стефенса, Катервуда и Брассера-де-Бурбурга своимъ совершенно египетскимъ видомъ; это большой шаръ, снабженный громадными крыльями, распростертыми надъ порталомъ дворца. Во всей области, отдѣляющей Окосинго отъ Паленке, возвышаются на горахъ и холмахъ могильные курганы; по словамъ мѣстныхъ жителей, въ горахъ Тумбала, между двумя мѣстечками, и еще южнѣе, у Санъ-Кристобаля и Комитана, находится еще нѣсколько великолѣпныхъ зданій [1]).

Недавно одинъ изъ этихъ неизвѣстныхъ городовъ страны лакандоновъ былъ открытъ на лѣвомъ берегу Усумасинты, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ часто бывали во время своихъ поѣздокъ гватемальскіе и кампешскіе купцы; но объ этомъ городѣ они давали лишь весьма смутныя свѣдѣнія. Это развалины Мен..., описанныя въ первый разъ Суарецемъ въ 1868 году, а затѣмъ въ 1881 г. ихъ посѣтилъ Рокстро, а въ 1882 г.—Модслей и Ш...нэ: этотъ послѣдній путешественникъ далъ древнему городу названіе Лорильярдъ, въ честь американскаго мецената его экспеди... Мѣсто, занимаемое разрушеннымъ городо..., находится на мысѣ, окруженномъ рѣкой, ...же впаденія Окосинго и выше пороговъ, и...щихъ до Теносикве. Кучи камней, возвыш...щіяся на берегу, походятъ на каменные ус... обрушившагося моста, но это не что иное, к... остатки стѣны, поддерживавшей основа... цѣлаго амфитеатра домовъ и храмовъ; до ...мой вершины откосы высѣчены ступенями ... обложены каменною обшивкою, теперь у... потрескавшеюся и поросшею большими деревьями, которыя выросли прямо изъ трещи...; строительные матеріалы здѣсь совершенно такіе же, какъ и въ Паленке [2]). Главн... фасадъ храма отчасти скрытъ подъ переп...тающимися вѣтвями: это зданіе, въ три ...полныхъ этажа, сохранило еще слѣды покр...вавшихъ его нѣкогда штукатурки и живопи...; верхній этажъ раздѣленъ на правильныя ...большія камерки, изъ которыхъ каждая бы... украшена скульптурою. Одна изъ притолокъ изображаетъ двухъ лицъ, несущихъ «латинскіе кресты», а на дворѣ виднѣется идолъ со скрещенными ногами, съ руками, лежащими на камняхъ, и съ огромнымъ головнымъ уборомъ, изображающимъ діадему изъ драгоцѣнныхъ камней и перьевъ: это изображеніе, спокойное и важное, единственное во всемъ Новомъ Свѣтѣ, которое своею внѣшностью напоминаетъ Будду крайняго Востока; по бокамъ идола стоятъ горшки со смолистымъ веществомъ, которое, вѣроятно, какъ ѳиміамъ, еще недавно лакандоны воскуряли въ честь своего бога.

Небольшое мѣстечко Теносике, лежащее ниже пороговъ, при входѣ въ равнины, деревня Баланканъ, рынокъ Пализада, на рѣчномъ рукавѣ того же названія,—главныя поселенія на нижнемъ теченіи Усумасинты; един-

---

[1]) H. H. Bancroft, „The Native Races“, томъ IV, „Antiquities“.

[1]) Brasseur de Bourbourg, „Recherches sur les Ruines de Palenqué“;—D. Charnay, „Cités et Ruines américaines“.

[2]) Désiré Charnay, „Anciennes villes de Nouveau Monde“;—A. P. Maudslay, цитирован. сочиненіе.

ственный городъ этой части дельты, Карменъ, расположенъ уже внѣ рѣчной области, на проливѣ, соединяющемъ лагуну Терминосъ съ моремъ; портъ извѣстенъ морякамъ также подъ названіемъ Лагуна. Карменъ, построенный близъ основанія полуострова Юкатана, въ штатѣ Кампешъ, занялъ мѣсто его главнаго города какъ портъ, откуда вывозятъ красильное дерево, которое, впрочемъ, теперь становится уже рѣдкостью; кромѣ того, онъ ведетъ небольшую каботажную торговлю съ прибрежными деревнями лагунъ и дельты; но онъ можетъ жить только подвозомъ продуктовъ извнѣ, такъ какъ его островъ представляетъ собою лишь длинный пляжъ, негодный для культуры.

Цѣнность торговаго обмѣна въ Карменѣ въ теченіе фискальнаго 1885—1886 г.: 5.500.000 франковъ; движеніе судоходства въ 1886 г.: 2[illegible]9 парусныхъ судовъ, вмѣстимостью въ 3[illegible].086 тоннъ.

Мѣстечко Чампотонъ, находящееся на сѣверо-востокѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ берегъ начинаетъ принимать сѣверное направленіе, утратило свое прежнее значеніе; но оно имѣетъ мѣсто въ исторіи: здѣсь, въ 1517 г., произошло первое столкновеніе между испанскими солдатами и туземцами, и нападающіе вынуждены были очень скоро сѣсть обратно на суда,—отсюда и произошло названіе Мала-Пелеа или «Mal Estrif», которымъ нѣкогда обозначали эту бухту на морскихъ картахъ [1]). Въ слѣдующемъ году Грихальва отомстилъ, но съ большими потерями, за неудачу своего предшественника. Кое-какія развалины древнихъ майскихъ сооруженій разсѣяны по окрестнымъ холмамъ. Съ другой стороны пролива, на твердой землѣ, въ эпоху завоеванія находилось индѣйское мѣстечко Хиколанго, или «Городъ Т[illegible]квъ», гдѣ сосредоточивалась въ то время торговля лагуны и дельты: по мнѣнію Шарансе, это городъ Хибальба древнихъ майяскихъ лѣтописей.

Кампешъ (Кампече по-испански), живописный городъ, съ неправильными улицами и разнообразными домами, осѣненными кокосовыми деревьями, окруженъ валами, основанія которыхъ омываются водами; надъ городомъ господствуютъ небольшіе холмы, съ находящимися на нихъ фортами. Это—одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Мексики, но онъ уже не имѣетъ нынѣ того относительно важнаго значенія, какое имѣлъ въ эпоху торговой монополіи. Подъ испанскимъ владычествомъ Кампешъ, вмѣстѣ съ Вера-Круцемъ и Санъ-Жуаномъ-де-Никарагуа, былъ, на восточномъ берегу, къ сѣверу отъ Даріенскаго перешейка, однимъ изъ трехъ городовъ, открытыхъ для испанской торговли, и эта привилегія обезпечивала ему значительныя сношенія съ внутренней страной. Въ то время Кампешъ былъ не только складочнымъ мѣстомъ для всего Юкатана, но служилъ также портомъ для торговли Табаско, Чіапаса и даже Гватемалы; по Усумаситѣ ходили вереницами барки съ товарами. Въ настоящее время всѣ эти области имѣютъ свои прямые торговые пути, и даже въ самомъ Юкатанѣ, Мерида отправляетъ всѣ свои товары черезъ ближайшіе прибрежные пункты, въ томъ числѣ и «кампешское дерево», пригоняемое по рѣкамъ и лагунамъ, а отправляемое болѣе удобнымъ путемъ черезъ портъ Карменъ. Еслибы Кампешъ обладалъ настоящимъ портомъ, онъ сосредоточивалъ бы въ себѣ по крайней мѣрѣ бо́льшую часть торговли полуострова, но его рейдъ, съ очень пологимъ дномъ, вполнѣ открытъ страшнымъ сѣвернымъ вѣтрамъ; молъ, выступающій въ открытое море, не доходитъ до той глубины, гдѣ бы во всякое время могли приставать нагруженныя барки, и только на разстояніи 8 километровъ отъ нея могутъ бросать свой якорь суда 4-хъ-метровой осадки. Кокосовые орѣхи, отчасти лѣсъ, сахаръ, кожа и соль служатъ предметами незначительной торговли Кампеша; въ 1864 г., одинъ морской разбойникъ, по имени Гранмонъ, овладѣвъ врасплохъ городомъ, устроилъ здѣсь, изъ чувства тщеславія, колоссальную иллюминацію, во время которой сжегъ на милліонъ слишкомъ красильныхъ деревъ [1]).

Движеніе судоходства въ портѣ Кампешъ въ 1886 г.: 79 судовъ, вмѣстимостью въ 66.669 тоннъ, изъ которыхъ 38 пароходовъ, вмѣстимостью въ 56.151 тонну; обороты внѣшней торговли: 686.000 франковъ.

Подъ домами, въ известковомъ грунтѣ, тянется цѣлый лабиринтъ галлерей: тамъ не видно никакихъ слѣдовъ человѣческаго пребыванія, и полагаютъ, что это были подземныя кладбища [2]). Въ окрестностяхъ города, въ тѣни лѣсовъ, разсѣяны дачи. Желѣзная дорога соединяетъ Кампешъ съ Лермой, небольшимъ рыбачьимъ мѣстечкомъ и купальнымъ курортомъ, расположеннымъ на 6 километровъ южнѣе; болѣе значительная желѣзнодорожная линія направляется на сѣверо-западъ черезъ низкій кустарникъ, къ Меридѣ.

При взглядѣ на большую карту Юкатана, невольно поражаешься пустынностью его морскаго побережья, гдѣ населенныя мѣста, даже деревни и поселки, не говоря уже о городахъ, встрѣчаются очень рѣдко. Незначительная населенность прибрежнаго пояса объясняется отчасти отсутствіемъ надежнаго пристанища на берегахъ и обиліемъ прибрежныхъ болотъ, а отчасти и набѣгами морскихъ разбойниковъ,

---

[1]) Bernal Diaz del Castillo, „Conquête de la Nouvelle-Espagne“.

[1]) A. Morelet, цитированное сочиненіе.
[2]) Norman, „Rambles in Jucatan“.

которымъ береговые жители подвергались въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ [1]). Англійскіе пираты, высаживаясь неожиданно въ какой-нибудь береговой бухточкѣ, проникали далѣе внутрь страны, убивали по дорогѣ мужчинъ, похищали женщинъ и предавали города и деревни грабежу и пожарамъ. Въ настоящее время этихъ вторженій опасаться нечего, но еще никакой спеціальный промыселъ, никакое естественное богатство не могли привлечь въ этотъ относительно пустынный край эмигрантовъ изнутри страны, и только около Мериды, т. е. въ той области, которая была наиболѣе населена еще во времена завоеванія, жители скучились болѣе плотною массою.

Мерида, столица штата Юкатана и прежній главный городъ всего полуострова, построенъ на мѣстѣ древняго Хо или Ти-хоо, т. е. «Города» по преимуществу: названіе Мерида, данное ему завоевателями, обязано своимъ происхожденіемъ, какъ говоритъ Бьенвенеда, многочисленнымъ памятникамъ, которые возвышались въ индѣйскомъ городѣ, какъ въ столицѣ иберійской Эстремадуры. Большая часть этихъ зданій состояла изъ пирамидальныхъ построекъ, на верхнихъ террасахъ которыхъ помѣщались храмы или дворцы: всѣ они были разрушены, и камни ихъ пошли на постройку нынѣшнихъ домовъ, украшенныхъ всюду древнею скульптурою, вдѣланною прямо въ стѣны. Остатки пирамидъ попадаются только за городомъ: одна изъ нихъ, на которой недавно находился францисканскій монастырь, съ его пристройками и фруктовыми садами, представляетъ площадь приблизительно въ два гектара: ея живописныя развалины образуютъ нѣчто въ родѣ крѣпости. Согласно старинному майяскому обычаю, нѣкоторыя изъ городскихъ улицъ еще обозначены на концахъ скульптурнымъ изображеніемъ какого-нибудь символическаго животнаго, которому посвящается улица, какъ, напримѣръ, фламинго или ястреба [2]). Бѣлые дома, съ террасами и мавританскими дворами, походятъ на дома въ Андалузіи; но въ предмѣстьяхъ, гдѣ жилыя постройки окружены лѣсами и садами, онѣ строятся еще въ майяскомъ стилѣ: это каменные или плетеные изъ бамбука домики, стоящіе на цоколѣ, высотой въ полъ-метра надъ панелью улицы и имѣющіе только одинъ входъ [3]). Въ центральной части города существуетъ еще «дворецъ» съ гербомъ, построенный по приказанію Монтехо, основателя испанскаго города въ 1542 г. Въ небольшомъ музеѣ находятся кое-какія археологическія достопримѣчательности. Мерида считается однимъ изъ литературныхъ центровъ Мексиканской республики.

Мерида, обогащающаяся главнымъ образомъ продажею генекена, или волоконъ агавы, которыхъ ежегодно вывозится отсюда отъ сорока до шестидесяти тысячъ тоннъ, сдѣлалась центромъ, гдѣ сходятся нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ, которыя постепенно покроютъ своею сѣтью весь полуостровъ, и сооруженіе которыхъ ведется самими юкатанцами, безъ содѣйствія иностранныхъ капиталовъ; однако, въ настоящее время городъ соединенъ еще только шоссейною дорогою со своимъ старинымъ портомъ, небольшимъ городкомъ Сисалемъ, расположеннымъ около сѣверо-западнаго угла Юкатана. Этой-то гавани, изъ которой вывозятъ генекенъ, это растеніе и обязано своимъ англійскимъ названіемъ *Сисаль-хемпъ*, или «конопля изъ Сисаля», подъ которымъ она и извѣстна въ торговлѣ. Цѣна этого продукта, поддерживаемая монополіей сѣверо-американской компаніи, увеличилась въ шесть разъ съ половины этого столѣтія. Рейдъ Сисаля, впрочемъ, опасный вслѣдствіе сѣверныхъ шкваловъ, былъ съ 1871 г. покинутъ, и морская пристань Мериды основалась на сѣверъ отъ этого города, въ разстояніи отъ него около 36 километровъ, куда теперь проложена желѣзная дорога, проходящая по плотинѣ надъ береговой лагуной. Новый городъ, построенный на мѣстѣ индѣйской деревни Туксулу и справедливо получившій имя Прогрессо, имѣетъ, впрочемъ, передъ Сисалемъ только то преимущество, что расположенъ сравнительно ближе; въ качествѣ же якорной стоянки судовъ онъ не лучше Сисаля; большія суда должны останавливаться въ открытомъ морѣ, на разстояніи 5—9 километровъ отъ берега, и только баркасы съ небольшою осадкою могутъ подходить къ пляжу. Рейдъ настолько неудобенъ и такъ открытъ для шкваловъ, что суда каждую минуту должны быть наготовѣ къ отплытію въ открытое море: ежедневно, послѣ одиннадцати часовъ, всякія сношенія судовъ съ берегомъ становятся почти невозможными, вслѣдствіе сильнаго волненія, производимаго вѣтромъ, дующимъ съ залива. Тѣмъ не менѣе, торговля Прогрессо очень значительна, и въ гавани его всегда стоитъ цѣлый рядъ пароходовъ.

Движеніе заграничнаго судоходства въ Прогрессо въ 1886 г.: пароходовъ—392, вмѣстимостью въ 552.450 тоннъ; парусныхъ судовъ—243, вмѣстимостью въ 30.970 тоннъ; всего судовъ 635, вмѣстимостью въ 583.420 тоннъ.

Обороты внѣшней торговли въ Прогрессо въ 1886 г.: 14.725.000 франковъ.

Возрастающее значеніе Мериды отразилось на ея портѣ, изъ котораго теперь вывозятъ не только волокна агавы, соль и красильное дерево, но и другіе товары. Равнина, лежащая вокругъ Мериды, совершенно голая, но каж-

---

[1]) C. Carillo y Ancora, „Boletin de la Sociedad de Geografia la Republica Mexicana". 1878 г.

[2]) Frederick Ober, „Travels in Mexico".

[3]) Brasseur de Bourbourg, „Archives de la Commission Scientifique du Mexique". Томъ I.

дая деревня окружена настоящимъ оазисомъ большихъ деревьевъ; даже во Франціи немного найдется такихъ селеній, которыя по

Индѣйцы племени текпанъ, въ Гватемалѣ.

замѣчательной чистотѣ и благоустройству могли бы сравниться съ деревнями Мериды. Лучшія дачи меридскихъ купцовъ сгруппированы на восточной сторонѣ города, около деревни Тиксокобъ, извѣстной знаменитою битвой 1541 г. между испанцами и соединенными силами маяйскаго народа. Мѣстный промыселъ главнымъ образомъ заключается въ плетеніи гамаковъ, которые вывозятся преимущественно въ Соединенные Штаты.

Въ 80 километрахъ къ востоку отъ Мериды,

считая извилины дороги, около границы населенныхъ областей, стоитъ городъ Изамаль, названный такъ по имени Ицматула или Иценматула, «Бога, дающаго росу». Это—древняя столица, которая, впрочемъ, была совершенно разрушена во времена испанскаго завоеванія, сохранивъ лишь за собою роль религіозной метрополіи: пилигримы стекались сюда со всѣхъ сторонъ по четыремъ дорогамъ, идущимъ съ сѣвера, юга, востока и запада. Надъ городомъ нѣкогда возвышались двѣнадцать пирамидальныхъ или коническихъ монументовъ, на которыхъ красовались храмы или дворцы, теперь же отъ нихъ остались лишь безформенные холмики, торчащіе надъ густою зеленью садовъ [1]). Шарнэ открылъ тамъ стѣнную живопись, которая знакомитъ насъ съ декоративною системою майя. Какъ это обыкновенно бываетъ со всѣми священными городами, Изамаль обратился въ ярмарочный городъ, благодаря массовому стеченію пилигримовъ; священниковъ смѣнили торговцы. Между Изамалемъ и Меридой уцѣлѣли самые лучшіе остатки старинныхъ мощеныхъ дорогъ, которыя археологами сравниваются съ Аппіевой дорогой. Юкатеки сами разрушили ихъ, чтобы остановить движеніе испанскихъ завоевателей; съ тѣхъ поръ дѣло разрушенія ихъ шло очень быстро, такъ какъ матеріалъ этотъ стали употреблять на постройку зданій, на ограды полей и настилку новыхъ дорогъ. Возвышаясь надъ равниной, иногда затопляемой дождями, эти дороги имѣютъ слегка выпуклую форму и окаймлены тротуарами; цементъ, покрывающій мостовую, образуетъ кору, почти въ 40 сантиметровъ толщины, и такую твердую, что подъ ней можно рыть на большую глубину, какъ подъ твердымъ слоемъ плотной скалы. По словамъ Ланда, этотъ цементъ состоитъ изъ извести, смоченной настоемъ коры одного дерева: составъ этотъ теперь неизвѣстенъ болѣе туземцамъ.

Въ этой области попадается масса развалинъ. Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ считается пирамида Аке́, находящаяся почти на половинѣ пути между Меридой и Изамалемъ: это одно изъ самыхъ древнихъ юкатекскихъ сооруженій, судя по поддерживающимъ его столбамъ, которые состоятъ изъ огромныхъ неотесанныхъ камней, положенныхъ одинъ на другой безъ всякаго скрѣпленія цементомъ; по внѣшнему виду своему эта развалина вполнѣ напоминаетъ собою циклопическую постройку. На 30 километровъ южнѣе Мериды находится Майяпанъ,—майяскій «штандартъ»,—бывшій долгое время столицей, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ самое его названіе; въ немъ тоже сохранились кое-какіе остатки храмовъ, между прочимъ, одинъ павильонъ конической формы, покрытый агавой и другими растеніями; кромѣ того, виднѣются еще развалины одной каменной ограды, около 5 километровъ протяженія. Послѣ разрушенія Майяпана въ XV-мъ столѣтіи, резиденція майяскихъ правителей была перенесена южнѣе, въ городъ Мани, который, въ свою очередь, былъ тоже разрушенъ испанцами, а въ 1550 г., какъ говорятъ, въ немъ, по приказанію епископа Ланда, было произведено ауто-да-фе юкатекскихъ рукописей. Скромная деревня, въ которую обратилась столица, была, въ воспоминаніе ея прежняго величія, долгое время извѣстна подъ названіемъ «Корона Реаль».

Самые многочисленные майяскіе памятники находятся на юго-западѣ и на югѣ Мериды, расположенные вдоль небольшой цѣпи известковыхъ холмовъ, идущихъ съ юго-востока на сѣверо-западъ по направленію къ углу Юкатана. Самою замѣчательною мѣстностью въ этой группѣ по богатству своихъ построекъ считаетсяУксмаль, или «Былыя Времена», расположенный у сѣверо-западной оконечности этого ряда возвышенностей, надъ подземными колодцами прѣсной воды. Однимъ изъ такихъ зданій является такъ называемый «домъ Губернатора»,—сохранившійся лучше прочихъ майяскихъ дворцовъ; своимъ четырехстороннимъ, узкимъ и длиннымъ фасадомъ онъ можетъ служить типомъ многихъ другихъ развалинъ Юкатана: внутреннее его устройство состоитъ изъ двойнаго ряда аппартаментовъ, которые раздѣлены корридорами съ наклонными стѣнами; зданіе покрыто горизонтальною кровлею. Верхній этажъ очень богато украшенъ въ греческомъ стилѣ полумѣсяцами, ромбами и другими всевозможными орнаментами, свидѣтельствующими о тонкомъ вкусѣ строителей; одно изъ наружныхъ украшеній было признано нѣкоторыми археологами за изображеніе слоноваго хобота. Другой изъ наиболѣе значительныхъ дворцовъ, «Домъ монахинь», отдѣланъ еще роскошнѣе: ни въ какихъ другихъ разрушенныхъ монументахъ Юкатана нельзя найти такого разнообразнаго и удачнаго сочетанія орнаментовъ. Цѣлая масса нагроможденныхъ камней, насыпей и пирамидъ, обратившихся въ лѣсистые холмы, попадается по пути между Уксмалемъ, Тикулемъ, Текаксомъ и по обоимъ склонамъ возвышенной цѣпи, тянущейся къ юго-востоку, а именно въ Нохпатѣ, Сакбе, Кабахѣ, Санакте, Лабнѣ и Цайи. Развалины этой послѣдней деревни считаются одними изъ самыхъ большихъ въ Юкатанѣ, и туземцы даже не осмѣливаются приближаться къ нимъ; они говорятъ, что по временамъ между камнями раздается таинственная музыка [1]). Къ югу

[1]) Brasseur de Bourbourg, цитированное сочиненіе.

[1]) Stephens;—Brasseur de Bourbourg;—Charnay;—Bancroft, и т. д.

отъ цѣпи холмовъ развалины разсѣяны до основаннаго недавно города Итурбиде, лежащаго на границѣ между культурнымъ Юкатаномъ и землями, населенными дикими индѣйцами. Несомнѣнно, что и дальше, около Гватемалы, археологи откроютъ другіе памятники мѣстопребыванія майяскихъ населеній.

Въ восточной части Юкатана главный городъ, прежде называвшійся Заси, или «Бѣлая Глина», соединенный желѣзной дорогой съ Меридой, носитъ испанское названіе Вальядолидъ. Онъ расположенъ въ центрѣ довольно плодородной культивированной области, отличающейся здоровымъ климатомъ, вслѣдствіе чего сюда часто посылаютъ изъ Кампеша и Мериды чахоточныхъ больныхъ; но, подобно многимъ другимъ городамъ Юкатана, онъ болѣе интересенъ своими окрестными развалинами, чѣмъ новѣйшими постройками, и къ тому же, какъ пограничный городъ, онъ былъ почти совсѣмъ обезлюденъ во время войны противъ возмутившихся майя: его бумажныя фабрики болѣе не существуютъ [1]). Древній Чиченъ-Ица, гдѣ имѣли резиденцію правители изъ рода Ица, расположенъ въ 32 километрахъ на западъ отъ Вальядолида. Обратившись въ простую деревню, онъ усѣянъ развалинами, которыя, во время завоеванія, служили сначала индѣйцамъ, а затѣмъ и испанцамъ валами и крѣпостями. На пирамиду Чиченъ-Ица, еще довольно хорошо сохранившуюся, ведетъ монументальная лѣстница, окаймленная деревьями и оканчивающаяся у основанія двумя колоссальными головами змѣй съ открытою пастью. Стефенсъ открылъ въ одномъ зданіи, названномъ имъ «гимназіей», живопись, которую онъ признаетъ «самымъ драгоцѣннымъ туземнымъ произведеніемъ искусства на всемъ континентѣ Америки»; но краски почти совсѣмъ стерлись отъ дѣйствія времени и посѣтителей. Одна изъ этихъ декорацій изображала большое судно съ поднятымъ носомъ и кормой, снабженное рулемъ и палубой. Въ этомъ же городѣ, подъ цѣлою грудою развалинъ, наваленныхъ на 8 метровъ высоты, археологъ Ле-Плонжонъ открылъ прекраснѣйшую статую нахуатльской скульптуры, выставленную въ настоящее время въ музеѣ города Мексико; статуя эта изображаетъ короля Чакъ-Мооля, «Короля-Тигра», лежащаго на спинѣ и смотрящаго вбокъ, въ правую сторону: его голова, съ правильными чертами лица, украшена повязками, по египетскому обычаю. Величественная простота этой статуи представляетъ странный контрастъ съ слишкомъ вычурными статуями другихъ лицъ, встрѣчающимися во многихъ храмахъ Мексики, Табаско и Чіапаса. Сенотъ, отъ котораго Чиченъ-Ица и получилъ свое названіе, означающее «Устье источниковъ», имѣетъ зловѣщій видъ: это широкій колодецъ, около 150 метровъ въ окружности, стѣны котораго окружены круглыми валами, образовавшимися изъ выступающихъ слоевъ; вода его, зеленая и глубокая, находящаяся на глубинѣ 20 метровъ отъ утеса, отражаетъ склонившіяся надъ берегомъ деревья и фестоны висячихъ ліанъ. Еще въ 1560 г. туда бросали въ жертву богамъ живыхъ людей [1]).

Къ сѣверо-востоку отъ Вальядолида, въ округѣ Тизиминъ, изобилующемъ хлопкомъ, тоже встрѣчается много развалинъ: изъ нихъ особенно замѣчательны по своей стѣнной живописи развалины Экъ-Баламъ, или «Чернаго Тигра», открытыя Шарнэ. На восточномъ берегу попадается много древнихъ памятниковъ на мысахъ: на мысѣ Каточе цѣлый городъ покрытъ низкимъ кустарникомъ [2]); далѣе на югъ слѣдуютъ Эльмеко и Канкунъ, противъ острова Мухересъ, Паалмуль, Памаль на берегахъ пролива, отдѣляющаго островъ Козумель отъ материка, и Тулумъ, лежащій еще южнѣе, на вершинѣ одного утеса. Этотъ послѣдній былъ, кажется, могущественной столицей: со стороны материка онъ былъ защищенъ отъ враговъ тремя сторонами каменной стѣны, еще и до сихъ поръ совершенно крѣпкой; стоящія по бокамъ этого вала башни, тоже хорошо сохранившіяся, по всей вѣроятности, — тѣ самыя, о которыхъ говорятъ первые мореплаватели. Архитектура Тулумскихъ зданій имѣетъ особый характеръ, что заставляетъ предполагать о смѣшеніи цивилизацій въ этой отдаленной части страны майя. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ храмовъ поражаютъ своими крошечными размѣрами: двери въ нихъ дотого узки и малы, что человѣку съ трудомъ можно протискаться въ нихъ, и Ле-Плонжонъ говоритъ, что эти зданія, должно быть, были «построены для карликовъ». Часть побережья, гдѣ находится Тулумъ, принадлежитъ теперь свободнымъ индѣйцамъ, и въ этомъ округѣ воздвигнутъ «священный крестъ», передъ которымъ они собираются, чтобы услышать «гласъ Божій», исходящій изъ камня, обставляя эту церемонію большимъ торжествомъ; согласно указанію этого «голоса», происходитъ назначеніе начальниковъ, объявленіе мира или войны, осужденіе или оправданіе преступниковъ. Когда одинъ католическій священникъ дерзнулъ проникнуть въ страну, его привели къ этому кресту, по гласу котораго онъ и былъ преданъ смерти [3]).

Что касается острова Мухересъ, одной изъ земель, опоясывающихъ сѣверо-восточный уголъ Юкатанскаго полуострова, то онъ остал-

[1]) Frederick A. Ober, цитированное сочиненіе.

[1]) Désiré Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde“.

[2]) Norman, „Rambles in Jucatan“.

[3]) William Miller, „Proceedings of the R. Geographical Society“. Январь 1889 г.

ся, подобно другимъ островамъ, во власти мексиканскихъ юкатековъ. Само его названіе, «островъ Женщинъ», свидѣтельствуетъ о той національной роли, которую онъ игралъ въ религіи майя: къ его храму собирались цѣлыми толпами, чтобы поклониться женскимъ божествамъ Юкатана[1]). Въ настоящее время онъ населенъ нѣсколькими сотнями рыбаковъ—негровъ и метисовъ,—которые ведутъ непосредственно торговлю съ Гаванной. Большой островъ Козумель, лежащій южнѣе, въ двадцати километрахъ отъ берега, тоже былъ очень оживленнымъ мѣстомъ, куда массами стекались богомольцы: это древній Ахкузамилъ, или островъ «Ласточекъ», въ храмѣ котораго дѣйствительно находилось изображеніе одного бога съ ногами ласточки. Островъ, покрытый растительностью, еще не былъ изслѣдованъ; однако, тамъ поселились испанцы еще до завоеванія Юкатана, и построили церковь, развалины которой существуютъ еще до сихъ поръ: изслѣдователи, открывшіе ее въ кустарникѣ и нашедшіе въ ней алтарь и крестъ, полагали, что имѣютъ передъ собою остатки христіанской цивилизаціи, предшествовавшей эпохѣ завоеванія. На островѣ существуютъ еще кое-какіе слѣды мощеной дороги, которая пересѣкаетъ островъ съ сѣвера на югъ; ее перерѣзываютъ нѣсколько другихъ дорогъ. Во время разграбленія Вальядолида индѣйцами изъ Санта-Круцъ, этотъ островъ былъ снова колонизованъ бѣглецами, которые основали тамъ двѣ деревни и занялись воздѣлываніемъ маиса и хлопчатника на распаханной ими же землѣ.

Южная часть морскаго берега, отъ Тулума до бухты Четумалъ, населена слабо, и ея рѣдкіе жители всѣ до одного индѣйцы, еще не смѣшавшіеся съ испанцами и вполнѣ сохранившіе свой языкъ, нравы и дѣйствительную независимость: «Южная линія», т. е. цѣпь укрѣпленныхъ постовъ, идущая около 20-го градуса широты черезъ Пето, Иксмуль и Тихосуко, ограничиваетъ на сѣверѣ территорію кочевки свободныхъ майя. Прежде они часто переходили эту линію и опустошали страну до Вальядолида и Текакса: говорятъ даже, что они убили въ этомъ городѣ ударами манжеты[2]) болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Въ настоящее время промежуточная «мархія» раздѣляетъ покоренныхъ юкатековъ отъ ихъ независимыхъ собратьевъ, и эти послѣдніе не осмѣливаются ее перейти. Во время жестокой войны, не такъ давно свирѣпствовавшей между испанцами и майя, совершались всевозможныя злодѣйства. Мексиканцы продавали своихъ плѣнниковъ гаванскимъ плантаторамъ, беря за каждаго отъ 2.500 до 3.000 франковъ, не въ качествѣ рабовъ, а какъ «заложниковъ, отданныхъ на десятилѣтній срокъ», что означало, хотя и подъ другимъ названіемъ, то же самое рабство[1]). Съ другой стороны инсургенты оставляли плѣнныхъ у себя, чтобы утилизировать ихъ въ качествѣ быковъ во время боя на аренѣ. Несмотря на всю свою жестокость, майя, имѣвшіе большую склонность къ музыкѣ, щадили, говорятъ, тѣхъ плѣнниковъ, которые умѣли играть на какомъ-нибудь инструментѣ, и охраняли ихъ, какъ своихъ увеселителей во время праздниковъ. Одна изъ ихъ деревень населена объиспанившимися майя. Бѣглецы изъ цивилизованныхъ областей приходятъ иногда къ нимъ просить убѣжища, и майя всегда радушно принимаютъ ихъ.

Этихъ майя называютъ обыкновенно дикарями, а между тѣмъ они не меньше цивилизованы, чѣмъ другіе; они такимъ же способомъ обработываютъ свои поля и такъ же содержатъ свои дороги; они выдѣлываютъ свои собственные «манжеты», въ формѣ широкой сабли изъ желѣза, которое они вывозятъ изъ Белиза; изъ этого же англійскаго города они выписываютъ для себя ружья. Хотя по большей части довольно тщедушные на видъ, майя являются недурными воинами; движенія у нихъ отличаются точностью и оружіе всегда въ исправности. Никто изъ нихъ не умѣетъ ни читать, ни писать, а обряды католической религіи совсѣмъ забыты ими; однако они строятъ хижины, которымъ даютъ названіе церквей, и которыя служатъ караван-сараями для путешественниковъ; по дорогамъ тамъ и сямъ можно встрѣтить водруженные кресты. Ихъ касикъ занимаетъ въ то же время и санъ верховнаго жреца, властвуя, по праву сильнаго, до тѣхъ поръ, пока другой начальникъ не пріобрѣтетъ достаточнаго количества приверженцевъ, чтобы, съ помощью ихъ, отнять у него власть.

Городокъ Санта-Круцъ, построенный на равнинѣ, къ западу отъ бухты Асенсіонъ, представляетъ собою ихъ главный городъ, гдѣ въ 1871 году они мужественно защищались противъ посланнаго противъ нихъ изъ Мериды войска. Еще недавно этотъ городокъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ Чанъ, или «Маленькій» Санта-Круцъ; въ настоящее время это названіе сохраняется за однимъ разрушеннымъ городомъ, расположеннымъ гораздо южнѣе. Бакаларъ или, скорѣе, Бахалалъ, что означаетъ «Тростниковый Палисадникъ», лежитъ на болотистомъ берегу одного озера, которое имѣетъ выходъ въ бухту Четумалъ; нѣкогда онъ былъ испанской колоніей, основанной въ 1544 г. подъ названіемъ Саламанка. Разрушенный пиратами въ 1633 г., онъ былъ

---

[1]) Brasseur de Bourbourg, „Archives Scientifiques du Mexique". Томъ II.

[2]) Такимъ выраженіемъ жители Гаити офранцузили испанское слово machete, означающее родъ сабли, посредствомъ которой въ тропической Америкѣ расчищаютъ кустарникъ.

[1]) Désiré Charnay, „Ruines et Cités americains".

возстановленъ въ 1730 г. и заново укрѣпленъ; еще недавно онъ велъ довольно оживленную торговлю съ англійскимъ городомъ Белизъ; но взбунтовавшіеся индѣйцы захватили его и истребили все населеніе. Теперь это не больше, какъ остовъ прежняго города[1]): древняя церковь наполнена черепами. Военный постъ майя основанъ за чертой стараго города.

Главные и историческіе города Восточной Мексики, съ ихъ муниципальнымъ населеніемъ въ 1877 г.:

Штатъ Чіапасъ: Тукстла-Гутіеррецъ—21.995, Санъ-Кристобаль-Ласъ-Казасъ — 12.580, Чіапа—12.460, Комитанъ—10.250, Симоховель—9.900, Паленке—9.875, Тонала—6.620, Тапачула (Соконуско)—4.710 жителей.

Штатъ Табаско: Санъ-Жуанъ-Баутиста (1895 г.) — 27.000, Комалкалко — 8.280, Гуимангильо—7.450, Теапа—6.075, Фронтера (Гвадалупе) — 2.160 жителей.

Штатъ Кампешъ: Кампешъ (1895 г.)—17.000, Карменъ — 7.390, Калкини — 4.200, Чампотонъ—1.650 жителей.

Штатъ Юкатанъ: Мерида (собственно городъ, въ 1895 г.)—37.000, Изамаль—25.610, Вальядолидъ—18.475, Тиксокобъ—17.760, Эспита—11.620, Прогрессо (1895 г.)—5.000 жителей.

[1]) William Miller, цитированное сочиненіе.

IV. Общая статистика Мексиканскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Населеніе Мексики далеко не увеличилось въ той же пропорціи, какъ въ большинствѣ другихъ американскихъ странъ; кровопролитная война за независимость, продолжавшаяся два года, военныя смуты, мѣстныя революціи, разжигаемыя личнымъ честолюбіемъ, но происходившія, собственно говоря, отъ кастовой и расовой ненависти, крайняя бѣдность крестьянъ, которымъ не хватаетъ земли, хищническіе набѣги дикихъ индѣйцевъ, апачей, команчей и майя на сѣверной и южной границахъ, наконецъ, двѣ внѣшнія войны, одна съ Соединенными Штатами, другая съ Франціей,—все это значительно уменьшило нормальный процентъ прироста народонаселенія; тѣмъ не менѣе численность мексиканцевъ увеличилась болѣе, чѣмъ вдвое съ начала этого столѣтія.

Пулькеро.

Въ 1808 г. Гумбольдтъ, на основаніи тщательнаго изученія статистическихъ данныхъ, имѣвшихся въ главномъ управленіи Новой Испаніи, опредѣлилъ все населеніе въ 5.837.100 человѣкъ, изъ которыхъ 5.767.000 приходилось на ту часть территоріи, которая составляетъ нынѣшнюю Мексику. Въ 1888 г., т. е. восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Гумбольдта, перепись, произведенная въ Мексиканской республикѣ, опредѣлила населеніе въ 11.395.712 человѣкъ; а по послѣдней всенародной переписи, произведенной 20 октября 1895 г., оказалось 12.619.959 жителей. Конечно, въ сравненіи съ европейскими государствами, особенно съ промышленными округами Западной Европы, Мексика населена еще очень слабо; тѣмъ не менѣе ее слѣдуетъ причислить къ тѣмъ странамъ Новаго Свѣта, гдѣ населеніе относительно наиболѣе плотное, и поставить ее тотчасъ же вслѣдъ за Соединенными Штатами.

Сравнительная плотность населенія въ 1890 г.: вся Америка—41.830.000 кв. кил., 122.000.000 жит., 3 чел. на кв. кил.; Англо-Саксон. Соед. Штаты—9.331.360 кв. кил., 63.500.000 жит., 6,8 чел. на кв. кил.; Мексиканскіе Соед. Штаты—1.987.063 кв. кил., 11.600.000 жит., 5,8 чел. на кв. кил.

Центральная часть республики, отъ Пуэблы до Гвадалахары и отъ Санъ-Луисъ-Потози до Морелоса, представляетъ собою, какъ извѣстно, самую населенную область, благодаря климату и относительно удобнымъ путямъ сообщенія. Въ то время, какъ въ большинствѣ случаевъ равнины населены всегда плотнѣе возвышенностей, въ Мексикѣ наблюдается какъ разъ обратное явленіе.

Иммиграція, имѣвшая такое важное экономическое значеніе для Соединенныхъ Штатовъ, Канады и Аргентины, здѣсь, въ Мексикѣ, довольно слабо отразилась на ростѣ населенія и на его экономическомъ положеніи. Не трудно понять, почему эмигранты Стараго Свѣта довольно вяло наводняютъ Мексику. Въ этой странѣ незанятыми остались только безплодныя сѣверныя равнины, еще недавно подвергавшіяся набѣгамъ дикихъ индѣйцевъ, и лѣсныя южныя области, большею частью затопляемыя и крайне вредныя для бѣлаго человѣка по своему климату: въ Чигуагуа, также какъ и въ Табаско, европейскіе труженики могутъ надѣяться на успѣхъ развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. А въ тѣхъ областяхъ, гдѣ земля уже раздѣлена, и подавно немыслима никакая конкурренція: европейскіе эмигранты во всякомъ случаѣ дешево свой трудъ не могутъ цѣнить; гдѣ же имъ конкуррировать съ чистокровными индѣйцами или метисами, которые довольствуются самой ничтожной платой, а зачастую работаютъ даже совсѣмъ почти задаромъ, въ качествѣ настоящихъ крѣпостныхъ, подавленныхъ тяжестью долговъ. Въ Мексиканской территоріи, раздѣленной на большія помѣстья, почти уже не находится мѣста для мелкихъ земледѣльцевъ, которые въ другихъ странахъ составляютъ армію иммигрантовъ; различныя попытки правительства и частныхъ лицъ заселить земли иностранными работниками, итальянцами или другими,—за рѣдкими исключеніями, къ которымъ принадлежитъ французская колонія Хикалтепекъ,—не имѣли никакого успѣха, такъ что колонисты разсѣивались, предоставляя свое мѣсто мексиканцамъ. Въ 1888 году всѣ въ совокупности двадцать «колоній» мексики насчитывали 6.319 жителей, изъ которыхъ 1.411 были туземцы. Недавно образовалась одна американская компанія, задавшаяся цѣлью учредить въ южныхъ штатахъ негритянскія колоніи. Съ другой стороны, китайскіе капиталисты предполагаютъ создать тамъ колоніи своихъ соотечественниковъ.

Но если земледѣліе не въ состояніи привлечь въ Мексику массы эмигрантовъ, то промышленность и торговля усиливаютъ изъ года въ годъ наплывъ иностранцевъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и заводовъ привлекла въ Мексику цѣлыя тысячи сѣверо-американцевъ — механиковъ, инженеровъ и ремесленниковъ; изъ Италіи стекаются простые рабочіе и торговцы подержанными вещами, а общность языка облегчаетъ водвореніе испанцевъ въ этой странѣ, которую открыли ихъ предки. Въ концѣ 1887 года количество «Полуостровитянъ» (т. е. испанцевъ съ Пиренейскаго полуострова), занесенныхъ въ консульскія книги, превосходило 9.500 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе 7.500 было мужчинъ и около 2.000 женщинъ; но дѣйствительное количество ихъ гораздо большее, такъ какъ эмигранты, особенно женщины, не считаютъ за нужное являться къ консулу, или просто желаютъ избѣжать униженія быть причисленными къ гачупиносамъ, противъ которыхъ еще сохранился остатокъ національнаго предразсудка. Послѣ испанцевъ, въ Мексикѣ больше всего французовъ и итальянцевъ.

Подобно другимъ странамъ, гдѣ замѣчалось быстрое увеличеніе населенія, здѣсь также земледѣліе и промышленность возросли еще въ гораздо большихъ пропорціяхъ. Главное хлѣбное растеніе, воздѣлываемое во всемъ умѣренномъ поясѣ и даже на плоскогорьяхъ у испано-мексиканцевъ, какъ и у прежнихъ ацтековъ,—кукуруза; излюбленное мѣстное кушанье, надъ приготовленіемъ котораго ежедневно занимаются болѣе милліона женщинъ, составляютъ и до сихъ поръ еще молочные блины изъ маисовой муки или, какъ ихъ называютъ, *тортилья*; ежегодная цѣнность сбора кукурузы достигаетъ, въ среднемъ, 550—600 милліоновъ франковъ. Пшеница, которую

сѣютъ въ «холодной землѣ», на-ряду съ кукурузой, имѣетъ гораздо меньшее значеніе въ хозяйствѣ страны, и сборъ ея не превышаетъ четырехъ милліоновъ гектолитровъ. Производство ячменя еще меньше, а рисъ сѣется только въ низкихъ областяхъ, вмѣстѣ съ маніокомъ, на обоихъ склонахъ, обращенныхъ къ Великому и Атлантическому океанамъ. *Фрижолесы*, или фасоль, тоже служитъ пищевымъ продуктомъ у большинства мексиканцевъ, и ежегодно ихъ собираютъ, вмѣстѣ съ горохомъ, бобами и чечевицей, на сумму свыше 50 милліоновъ франковъ. Картофель очень мало цѣнится на своей родинѣ, и послѣ маиса и фасоли мексиканцы всего старательнѣе разводятъ азіатское растеніе бананы. Въ самыхъ теплыхъ мѣстахъ умѣренныхъ земель одинъ пучокъ бананов, въ четыре или пять стеблей, даетъ въ среднемъ отъ 15 до 18 стеблей, т. е. приблизительно 620—720 плодовъ; а двѣнадцать банановъ въ день совершенно достаточно, чтобы насытить человѣка: для пропитанія туземца вполнѣ хватаетъ пространства земли въ 15 квадратныхъ метровъ, если оно засажено бананами, тогда какъ для того, чтобы получить такой же результатъ отъ посѣва пшеницы, требуется площадь по крайней мѣрѣ въ 120 квадратныхъ метровъ [1]). Какихъ только плодовъ нѣтъ у мексиканца на столѣ! Тамъ можно сразу найти всѣ продукты тропическаго и умѣреннаго поясовъ: апельсины и кокосовые орѣхи, виноградъ и чиримойа. Трудно встрѣтить еще гдѣ-либо на свѣтѣ такіе разнообразные фруктовые рынки, какъ въ Мексико и въ другихъ городахъ плоскогорья.

Обычный напитокъ мексиканцевъ приготовляется не изъ винограда, который, впрочемъ, произрастаетъ съ удивительнымъ успѣхомъ въ различныхъ частяхъ Мексики, особенно въ Чиуагуа и въ другихъ сѣверныхъ штатахъ, отъ Закатекаса до американской границы; дѣйствительно, производство вина, уже въ 18?8 году исчисленное въ 47.000 гектолитровъ, годъ отъ году увеличивается, но вино является еще здѣсь предметомъ роскоши. Національный напитокъ приготовляется изъ растенія магейи, или *agave americana*, которой земледѣльцы знаютъ до тридцати разновидностей. Магейю разводятъ на высокихъ склонахъ умѣренныхъ земель и въ холодныхъ земляхъ, главнымъ же образомъ на песчаной и легкой почвѣ плоскогорья, на высотѣ между 1.800 и 2.400 метровъ; магейевыя поля занимаютъ цѣлыя тысячи квадратныхъ километровъ между Тлаксналой, Пачукой и Мексико. *Пулькеро* добываетъ магейевое вино, отнимая посредствомъ «кастраціи» воспроизводительные органы растенія въ тотъ моментъ, когда оно находится во всей своей силѣ и когда древко начинаетъ быстро вытягиваться въ вышину. Сокъ, который служилъ бы для образованія этого высокаго канделябра, съ его боковыми цвѣтами, наполняетъ глубокую впадину, образовавшуюся послѣ кастраціи, изъ которой во все время цвѣтенія выливаютъ содержимое отъ двухъ до девяти разъ въ день, смотря по разновидности растенія и по урожаю: иное растеніе даетъ въ одинъ сезонъ до 1.000 и даже до 2.000 килограммовъ соку, или *агваміеля*, который можно уже пить, слегка разбавивъ его водою. Но обыкновенно этотъ напитокъ подвергаютъ броженію, послѣ чего онъ превращается въ *пульке*, который тотчасъ же потребляютъ на мѣстѣ, или большою скоростью отправляютъ въ свѣжемъ видѣ на окрестные рынки. Большая желѣзнодорожная линія, идущая отъ Оризабы до Мексико, и другія желѣзныя дороги плоскогорья имѣютъ отдѣльные ежедневные поѣзда, нагруженные пульке, и такимъ образомъ этотъ напитокъ развозится цѣлыми сотнями тоннъ. До сихъ поръ не могли объяснить, почему мексиканскіе испанцы приняли арауканское названіе *пульке* для этого магейскаго напитка, который прежде былъ извѣстенъ у мексиканцевъ подъ названіемъ *октли* [1]). Натурально, ацтекская легенда приписывала открытіе этого напитка одному принцу, за что король вознаградилъ его, отдавъ ему свою дочь.

На первыхъ порахъ напитокъ пульке возбуждаетъ у иностранцевъ отвращеніе, такъ какъ онъ пахнетъ тухлой говядиной, или старымъ сыромъ; но затѣмъ къ нему обыкновенно очень скоро привыкаютъ, и гигіенисты прославляютъ его полезныя для желудка свойства: своими составными частями онъ очень близко подходитъ къ кобыльему молоку, и изъ бродящихъ напитковъ Стараго Свѣта онъ больше всего напоминаетъ киргизскій кумысъ [2]); если пульке пить въ большомъ количествѣ, то онъ опьяняетъ, подобно вину, и говорятъ, что послѣдствія такого опьяненія весьма непріятны, такъ какъ оно возбуждаетъ къ придирчивости и буйству. Кромѣ пульке, изъ агавы приготовляютъ и другіе напитки, какъ сладкіе, такъ и кислые, слабые или крѣпкіе, между прочимъ, также водку, извѣстную подъ названіемъ *мекскаль* и *текила* (Mexican brandy). По статистикѣ Эмиліано Бусто, въ различныхъ штатахъ Мексики приготовляется болѣе семидесяти семи сортовъ спиртныхъ напитковъ, не считая тѣхъ, которые привозятся изъ Соединенныхъ Штатовъ и изъ Стараго Свѣта. Изъ ячменя приготовляютъ нѣчто вродѣ пива; плоды кактуса опунціи, или «Бер-

[1]) J. W. Müller, „Reisen in Mexico“.—По А. Гумбольдту, разница въ „питательной силѣ“ между почвой, засѣваемой бананами, и хлѣбнымъ полемъ, въ три раза больше той, которую опредѣлилъ Мюллеръ.

[1]) Clavigero;—Brasseur de Bourbourg, „Histoire des nations civilisées du Mexique“.

[2]) „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“

берійской смоковницы», идутъ на приготовленіе напитка *колонче*, который по внѣшнему воду похожъ на кровь; кромѣ того, водку выдѣлываютъ изъ гуявы, ананасовъ, маиса, сахарнаго тростника, изъ пальмоваго сока и даже изъ мецкитоваго стручка. Въ Чіапасѣ и Табаско главнымъ блюдомъ одновременно въ качествѣ напитка и пищи служитъ родъ маисовой каши, называемой *позоле*. Ярочосы восточнаго берега употребляютъ въ пищу также *чиче*, тягучее вещество, добываемое изъ молочнаго сока растенія запоте (achras mammosa) [1].

Магейя, которую мексиканцы называютъ planta de las maravillas («чудесное растеніе»), подобно тому, какъ въ другихъ мѣстахъ такъ называютъ кокосовое дерево, доставляетъ, кромѣ пульке и мекскалы, еще и другіе продукты; древнимъ ацтекамъ она давала бумагу, а ихъ потомству—родъ растительнаго клея, мыло и особенно свои волокна, изъ которыхъ дѣлаютъ различныя примѣненія, смотря по разновидностямъ растенія, употребляя ихъ то на выдѣлку щетокъ и веревокъ, то на нитки и ткани. Небольшія разновидности магейи, называемыя *икстли* и *лечугилья* (avage heteracantha), значительно способствуютъ обогащенію Санъ-Луи-Потози и Валлеса, а оахакскіе запотеки вывозятъ всевозможные предметы, приготовленные изъ волоконъ *пита* (bromelia silvestris). *Генекенъ* (agave sisalensis) еще болѣе оказалъ услугъ въ этомъ смыслѣ Юкатану, и какъ разъ самыя безплодныя области страны оказались, благодаря этому кактусу, наиболѣе доходными для ихъ владѣльцевъ. Изъ волоконъ этого растенія выдѣлываютъ канаты, веревки и грубое полотно, которое, хотя и уступаетъ въ прочности пеньковому, но всетаки имѣетъ большой спросъ въ промышленности, особенно въ Сѣверной Америкѣ: это генекенъ способствовалъ тому, что Юкатанъ въ самое короткое время покрылся сѣтью желѣзныхъ дорогъ, огородился насыпями по морскимъ берегамъ и обогатился быстрымъ приростомъ населенія. Въ каждой гасіендѣ имѣется своя паровая машина для рѣзки кактусовыхъ листьевъ и для очистки волоконъ.

Изъ предметовъ вывоза кошениль и индиго утратили здѣсь свое прежнее важное значеніе, вслѣдствіе конкуренціи съ одной стороны канаріотской кошенили, а съ другой гангескаго индиго; къ тому же эти красильныя вещества замѣняются теперь отчасти минеральными красками. Особенно упала торговля кошенилью. Еще въ 1870 г. изъ Оахаки, бывшей нѣкогда центромъ этого производства, кошенили было вывезено полъ-милліона килограммовъ, тогда какъ въ 1877 г. весь сборъ ея равнялся всего пятидесятой долѣ этого количества, и всюду расходы по производству превысили выручку: оттого нопалъ (cactus coccinifera), листья котораго питали это насѣкомое, почти повсюду замѣненъ другими растеніями, въ особенности кофейными деревьями [1]. Въ 1860 г. изъ Мексики было вывезено кошенили 1.000.000 килограммовъ, а въ 1882 г. всего только 11.850 килограммовъ.

[1]) Lucien Biart, „La Terre Chaude".

Но есть еще другой сортъ кошенили, который начинаютъ теперь разводить: это axe или *аксинъ* (llaveia axin), или «жирная кошениль», очень распространенная во всѣхъ жаркихъ и умѣренныхъ мѣстностяхъ Южной Мексики. Взрослыя самки насѣкомаго, сваренныя въ металлическомъ сосудѣ, даютъ около 27 процентовъ (отъ своего вѣса) жира, аксина, который имѣетъ консистенцію коровьяго масла: это маслянистое вещество изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ имѣетъ наиболѣе высушивающее свойство. Юкатеки пользовались имъ прежде для окраски своихъ жилищъ; сѣверо-американцы тоже начинаютъ вводить его въ употребленіе. Каждое дерево, населенное axe, можетъ легко доставить отъ 10 до 12 килограммовъ насѣкомыхъ, т. е. 3 килограмма жира [2]).

Мексика поставляетъ на міровой рынокъ нѣкоторую часть земледѣльческихъ продуктовъ, но ни одинъ изъ предметовъ ея вывоза не достигъ такого развитія, чтобы отвести ей одно изъ первыхъ мѣсъ. Хлопокъ, котораго особенно много собираютъ въ сѣверныхъ штатахъ, пограничныхъ съ Сѣверо-Американской республикой, и въ штатахъ Герреро и Вера-Круцъ, идетъ большею частью на внутреннее потребленіе; сахарный тростникъ, введенный въ Мексикѣ Фернандомъ Кортесомъ и разводимый въ южныхъ штатахъ, въ Морелосѣ, Пуэблѣ, Кампешѣ и Юкатанѣ, почти исключительно удовлетворяетъ лишь мѣстному потребленію; какао, произрастающее особенно успѣшно на нижнихъ склонахъ горъ Соконуско и даже внутри Чіапаса, растетъ въ слишкомъ рѣдко населенныхъ областяхъ, чтобы ежегодный сборъ его могъ быть значительнымъ. Въ качествѣ мѣстнаго продукта и какъ предметъ вывоза, болѣе важное экономическое значеніе имѣетъ кофе: въ 1887 г., въ Оахакѣ было уже 3 милліона кофейныхъ деревьевъ; кромѣ того, обширныя кофейныя плантаціи находятся въ умѣренныхъ земляхъ штата Вера-Круцъ, подъ изотермами 17—20° по стоградусному термометру; но болѣе всего цѣнится уруапанскій кофе изъ Мичоакана (средній годовой сборъ кофе достигаетъ 40 милліон. кило; вывозъ въ 1893 г. составлялъ 145.000 центнеровъ). Табакъ съ береговъ Папалоапама, съ вулкани-

[1]) „Informes y documentos revativos à Comercio", 1887, № 20.

[2]) La Llave;—Signoret;—A. Dugès;—R. Blanchard, и т. д.

ческаго массива Тукстлы и съ предгорій Табаско почти не уступаетъ по аромату гаванскому; послѣ республиканскаго возстанія на о. Кубѣ въ 1868 г., изгнанные оттуда плантаторы перенесли свою промышленность въ Мексику. Ваниль также съ успѣхомъ произростаетъ въ земляхъ, одновременно теплыхъ и сырыхъ, какія находятся на первыхъ подъемахъ почвы, у подошвы восточной Сіерра-

Видъ съ озера Атитланъ.

Мадре, особенно въ окрестностяхъ Папантлы; прежде Мексика вывозила этотъ продуктъ въ гораздо большемъ количествѣ, теперь же ее въ этомъ отношеніи значительно опередилъ небольшой французскій островъ Реюньонъ. Тутовыя плантаціи, разведенныя, какъ говорятъ, уже Фернандомъ Кортесомъ, долгое время не имѣли серьезнаго значенія; но за послѣдніе годы шелководство стало быстро

развиваться. Земледѣльцы дѣлали попытки къ разведенію джута (corchorus capsularis) и раміи (bœhmiria nivea).

Главныя сельско-хозяйственныя произведенія Мексики въ 1897 г.: рисъ—21.136 тоннъ; маисъ—42.954.684 гектолитровъ; пшеница—263.987 тоннъ; хлопокъ—32.915 тоннъ; сахаръ—65.803 тоннъ; патока —44.827 тоннъ; генекенъ — 50.226 тоннъ; кофе —21.838 тоннъ; табакъ — 8.956 тоннъ; кампешевое дерево—75.638 тоннъ; водка —5.474.450 гектолитровъ; ромъ —812.690 гектолитровъ.

Лучшіе виды хиннаго дерева отлично произростаютъ на восточныхъ склонахъ Оризабы и сосѣднихъ горъ, которыя были уже почти совсѣмъ обезлѣсены, и повсюду въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предпріимчивые колонисты Чіапаса и Табаско насадили каучуковыя деревья (castilloa elastica), чтобы положить предѣлъ истребленію лѣсовъ, производство значительно возрасло.

Однимъ изъ важныхъ промысловъ въ Мексиканской республикѣ является скотоводство: въ нѣкоторыхъ гасіендахъ относительно безплодныхъ сѣверныхъ областей и въ сырыхъ саваннахъ нѣкоторыхъ округовъ штатовъ Вера-Круцъ и Табаско, населеніе состоитъ почти исключительно изъ *вакеросовъ*, которые имѣютъ подъ своимъ наблюденіемъ, каждый, цѣлыя сотни рогатаго скота или отъ 8 до 10 *атахосовъ* (табуновъ), т. е. болѣе 200 лошадей. Въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ содержится до тридцати тысячъ головъ скота. Цѣнность мексиканскаго скота опредѣлилась въ 1888 году въ 400.000.000 франковъ.

Пастухи стадъ и табуновъ, по большей части индѣйцы и метисы, не походятъ на другихъ мексиканцевъ: полу-дикари, умѣющіе однимъ ударомъ лассо останавливать дикую лошадь или опрокидывать быка, они настоящіе центавры, которыхъ романисты выводятъ въ своихъ произведеніяхъ, прославляя ихъ любовныя похожденія, битвы и геройскіе подвиги. Но поколѣнія смѣняются, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняются и промыслы. Въ былыя времена быки и лошади жили на свободѣ, подобно зубрамъ и бизонамъ, и вакеросы были скорѣй охотниками, чѣмъ пастухами: поймавъ дикое животное, они отмѣчали на его бедрахъ иниціалы владѣтеля и оставляли его въ саваннахъ до тѣхъ поръ, пока не являлась надобность снова поймать его, чтобы зарѣзать или продать покупателю. Даже совершенно одичавшія лошади, *мустанги* или *ладиносы*, жили въ кустарникахъ, вдали отъ текущихъ водъ, и лѣтомъ, когда всѣ болота высыхали, утоляли жажду тѣмъ, что объѣдали лопаточки неколючихъ кактусовъ [1]). Въ настоящее время на многихъ мызахъ занимаются раціональнымъ скотоводствомъ, улучшая породы посредствомъ скрещиванія, особаго корма и объѣзживанія; кромѣ того, выписываютъ европейскій, американскій и даже азіатскій скотъ, выращиваютъ новыя, небывалыя тамъ до сихъ поръ породы: такимъ образомъ на мексиканскихъ скотныхъ дворахъ появились индійскіе зебу и филиппинскіе буйволы, или *карабао*, которые весьма удачно акклиматизировались здѣсь. Андалузскія лошади, которыя были введены здѣсь испанцами еще въ эпоху завоеванія и отличаются высокими качествами— ретивостью, силой и выносливостью, также подверглись скрещиванью съ другими породами. Такимъ образомъ, молодцоватые мексиканскіе всадники могутъ теперь гарцовать на дѣйствительно прекрасныхъ, породистыхъ коняхъ и рисоваться своею посадкою, нарядным расшитымъ костюмомъ съ золотыми шнурами и своей ловкостью въ умѣніи управлять лошадью или пускать ее во всю прыть черезъ скалы и рытвины. Мелкій скотъ, овцы и козы, менѣе цѣнятся скотоводами, но въ нѣкоторыхъ штатахъ, особенно въ Мексико и Халиско, многочисленныя стада свиней пасутся на поляхъ и въ лѣсахъ.

Когда испанцы прибыли въ страну со своими традиціонными понятіями о собственности, они совсѣмъ не поняли общиннаго режима, существовавшаго у туземцевъ: они смотрѣли на Монтезуму, какъ на императора, видѣ ихъ собственнаго, и полагали, что государственные сановники были его вассалами, получившими въ ленное владѣніе обширныя помѣстья. Они думали, что имъ достаточно занять мѣсто мексиканскихъ государей, и Фернандъ Кортесъ первый далъ тому примѣръ, захвативъ обширныя владѣнія, каковы округъ Куернавака и ла-Валле, или «долина Оахаки», съ находившимся тамъ населеніемъ. Почти вся страна была такимъ образомъ раздѣлена между завоевателями, и жители, которые раньше не вѣдали, что почва можетъ быть присвоена кѣмъ бы то ни было въ личную собственность, сами сдѣлались такою же собственностью, какъ и земля [1]); однако, имъ обыкновенно оставляли въ пользованіе небольшой участокъ въ районѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ вокругъ церкви. Въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ округахъ, особенно на югѣ, племена владѣютъ еще своимъ *кальпулли* на общинныхъ началахъ; каждый имѣетъ свою часть, а въ случаѣ отсутствія одного изъ общинниковъ, или когда поле останется необработаннымъ, приступаютъ къ передѣлу земли. Но индѣйцамъ удается отстаивать этотъ первоначальный режимъ только тамъ, гдѣ они почтительно, но твердо отклоняютъ всякое посѣщеніе бѣлыхъ

[1]) A. Uhde, „Die Länder am untern Rio Bravo del Norte“.

[1]) Bandelier, „On the Tenure of Lands among the Ancient Mexicans“.

и метисовъ. Въ прежнія времена они принимали священника только разъ въ годъ, для общей исповѣди и очищенія грѣховъ [1].

Война за независимость изгнала испанцевъ, но система крупнаго землевладѣнія, введенная ими, удержалась въ странѣ и послѣ нихъ. Гасіенды представляютъ собою не мызы, а территоріальныя дѣленія, обнимающія пространство цѣлаго кантона или даже округа; какъ мѣра поверхности, гасіенда есть площадь въ 88 квадратныхъ километровъ, но на сѣверѣ республики встрѣчаются гасіенды во сто разъ обширнѣе, которыя можно сравнить развѣ только съ однимъ изъ большихъ департаментовъ Франціи; такъ, напримѣръ, все пространство земли отъ Сальтильо до Закатекаса, тянущееся на 300 километровъ, принадлежитъ всего только тремъ лицамъ [2]. Въ центрѣ такой гасіенды, гдѣ только небольшіе участки земли подвергаются обработкѣ, находится укрѣпленное зданіе, вокругъ котораго располагается деревня служащихъ и людей, зависимыхъ отъ владѣльца гасіенды, и которое служитъ также цитаделью или военнымъ постомъ во время междоусобныхъ войнъ. Къ резиденціи помѣщика сходятся проѣзжія дороги, и по сосѣдству съ нею находятся рынки; такимъ образомъ, всѣ путешественники должны останавливаться въ гасіендѣ, либо для ночлега, либо для того, чтобы достать новыхъ лошадей и съѣстныхъ припасовъ; по близости гасіенды находятся обширныя огороженныя пространства, гдѣ пасутся стада подъ наблюденіемъ вакеросовъ, которые должны зорко охранять ихъ отъ бродягъ-индѣйцевъ и хищныхъ животныхъ. Но, оставляя такія громадныя пустоши вокругъ гасіендъ, богатые гасіендадосы облегчали тѣмъ самымъ вторженія грабителей, и слѣдствіемъ такого режима было то, что еще недавно апачи и команчи могли совершать свои дерзкіе грабежи внутри республики. Гумбольдтъ около вѣка тому назадъ такими словами характеризовалъ внутреннее устройство этой страны: «Мексика—страна неравенства; нигдѣ въ свѣтѣ нельзя встрѣтить болѣе ужасной неравномѣрности въ распредѣленіи богатствъ».

Вѣроятная цѣнность сельскихъ и городскихъ движимыхъ имуществъ въ Мексикѣ въ 1890 г.: 16.000.000.000 франковъ.

Въ половинѣ этого столѣтія переписи насчитывали болѣе тринадцати милліоновъ *ранчо* или мелкихъ земельныхъ владѣній, гдѣ центромъ была «хижина»; но всѣ эти ранчо, если бы даже они были безспорной собственностью свободныхъ крестьянъ, составляли лишь незамѣтную часть національнаго богатства. Съ того времени обширныя пространства національныхъ земель были кадастрированы и сданы въ оброкъ или проданы; но треть этихъ земель была отдана даромъ межевымъ компаніямъ, а значительная часть оставшейся была уступлена другимъ финансовымъ обществамъ или частнымъ лицамъ участками въ 2.500 гектаровъ [1]. Крестьяне же получили въ надѣлъ только самую незначительную часть.

Земли, кадастрированныя межевыми компаніями на 1-го апрѣля 1889 г., равнялись 33.811.524 гектарамъ; изъ этого количества 11.036.407 гектаровъ были уступлены межевымъ компаніямъ, 10.132.671 гектаровъ остались за государствомъ; 12.642.446 гектаровъ были отчуждены или проданы; изъ нихъ 64.468 гектаровъ — крестьянамъ.

Масса мексиканскаго населенія состоитъ изъ людей, живущихъ на жалованьи у рудныхъ концессіонеровъ или у землевладѣльцевъ. Изъ нихъ самыми независимыми могутъ считаться рудокопы, благодаря близости городовъ, возникшихъ возлѣ большихъ горныхъ промысловъ; но деревенскіе рабочіе, получающіе очень скудное жалованье и вѣчно находящіеся въ зависимости отъ помѣщиковъ, развѣ только однимъ названіемъ отличаются отъ настоящихъ крѣпостныхъ: лишенные необходимыхъ ресурсовъ, они могутъ одолжаться только у своего управляющаго, и эти займы, состоящіе изъ съѣстныхъ припасовъ и разныхъ товаровъ, отпускаемыхъ имъ подъ ростовщическіе проценты, уплачиваются будущей работой, законтрактованной за нѣсколько лѣтъ впередъ. Изъ году въ годъ они видятъ, какъ перспектива освобожденія убѣгаетъ передъ ними, и подавляющій долгъ переходитъ отъ отца къ сыну. По актамъ Конгресса, конечно, всякій мексиканецъ считается человѣкомъ свободнымъ: ни одинъ помѣщикъ не имѣетъ права ни закрѣпощать задолжавшаго ему *пеона*, ни продавать его другому землевладѣльцу за уплату всего или части его дѣйствительнаго или фиктивнаго долга; сынъ, по закону, не отвѣтствуетъ за долги отца; законъ запрещаетъ также связывать задатками будущность несовершеннолѣтнихъ. Но во многихъ отдаленныхъ отъ главныхъ городовъ округахъ и особенно въ юго-восточныхъ областяхъ, законъ остается мертвой буквой; говорятъ, бывали даже случаи, что туземцевъ продавали тайкомъ гаванскимъ плантаторамъ [2]. Фактически рабство существуетъ и до сихъ поръ, какъ въ первыя времена завоеванія: оно есть естественное слѣдствіе порядка землевладѣнія. Быть порабощеннымъ, умереть рабомъ въ такой прекрасной странѣ!

[1]) Brantz Mayer, „Mexico as it was and as it is".
[2]) Louis Posselt, „Kreuz-und Querzüge durch Mexiko".

[1]) Francis Denys, „Mexico, Report on the Finances and System of Land-tenure". „Foreign Office". Annual series. 1890, № 637.
[2]) Désiré Charnay, „Cités et Ruines américaines".

Ah! que el mundo es bonito! Lastima es que yo me muera!

(Ахъ! какъ прекрасенъ міръ! Неужели я долженъ умереть!).

Такую пѣснь можно постоянно слышать въ деревняхъ Табаско. «Проѣзжающему по странѣ путешественнику не забыть», — говоритъ Мореле,—«жалобной поэзіи этихъ звуковъ, носящихся постоянно въ воздухѣ около населенныхъ мѣстностей».

Въ началѣ этого столѣтія главное богатство Мексики, послѣ кукурузы, магейи и другихъ пищевыхъ продуктовъ первой необходимости, состояло въ драгоцѣнныхъ металлахъ, и вывозная торговля питалась исключительно добычей рудниковъ. Правда, добыча эта, даже не принимая въ разсчетъ огромныхъ суммъ, вывозившихся въ Европу контрабандою, въ которыхъ казна не имѣла своей доли, представляла собой поразительные итоги. Мексика владѣетъ многочисленными золотоносными жилами, но главное ея богатство заключается въ серебряныхъ рудахъ, которыя со времени открытія Америки принесли ей цѣлые миллиарды: добытое въ Мексикѣ золото представляетъ только трехсотую часть добычи серебра [1]). По изслѣдованіямъ Гумбольдта, общая сумма добытыхъ въ металлоносныхъ мѣсторожденіяхъ Новой Испаніи золота и серебра достигла 10 милліардовъ 647 милліоновъ франковъ со времени завоеванія до 1803 года. Сетберъ, Дель Маръ, Нейманнъ и другіе экономисты считали эти цифры немного преувеличенными, но, и по ихъ исчисленіямъ, общая сумма доставленныхъ Мексикой до 1890 г. драгоцѣнныхъ металловъ достигаетъ громаднаго итога, а именно болѣе двадцати милліардовъ франковъ; это составляетъ болѣе, чѣмъ пятую часть добытаго во всемъ свѣтѣ количества впродолженіи четырехъ столѣтій, протекшихъ со времени путешествія Христофора Колумба.

Съ 1492 г. по 1885 г., по Нейману-Спаларту, было добыто въ Мексикѣ благородныхъ металловъ: золота—на 38.835.000.000, серебра—48.790.000.000, на всего 87.625.000.000 франковъ (до 1890 г. 91.000.000.000 фр.).

Въ 1850 г., прежде чѣмъ начали эксплоатировать руды въ Калифорніи, Аризонѣ, въ Новой Мексикѣ и во всѣхъ прочихъ странахъ, принадлежавшихъ прежде къ Новой Испаніи, участіе Мексики въ общей суммѣ добытыхъ со времени Колумба драгоцѣнныхъ металловъ было гораздо больше, именно на цѣлую треть. Мексика всего болѣе способствовала распространенію монеты въ качествѣ мѣноваго знака, между тѣмъ еще недавно тамъ вмѣсто мелкихъ денегъ были въ ходу бобы какао, кубики мыла и другіе общеупотребительные предметы.

Въ Мексикѣ было добыто золота и серебра:
Въ періодъ съ 1526 до 1893 года общая добыча золота въ этой странѣ—286.525, серебра—88.202.146 килограм.

Цѣнность добытаго	золота.	серебра.	итого.
съ 1521—1885 г. .	850.000.000 фр.	19.500.000.000 фр.	20.350.000.000 фр
съ 1885—1890 г. .	50.000.000 „	800.000.000 „	850.000.000 „
Итого съ 1521 г. по 1890 г.	900.000 000 фр.	20.300.000.000 фр.	21.200.000.000 фр.

Производительность мексиканскихъ рудниковъ не только не уменьшилась въ теченіе этого столѣтія, но, напротивъ, еще возрасла, несмотря на революціи, войны и потерю затопленныхъ рудниковъ. Улучшеніе транспортныхъ дорогъ и введеніе лучшаго способа эксплоатированія съ избыткомъ компенсировали выгоды, которыми страна обладала въ ту эпоху, когда драгоцѣнные металлы имѣли большую относительную цѣнность. Поворотъ въ торговлѣ, благопріятный для развитія горнаго промысла, имѣлъ бы слѣдствіемъ увеличеніе въ огромныхъ размѣрахъ добычи серебра въ Мексикѣ, такъ какъ тамъ существуютъ тысячи уже изслѣдованныхъ залежей, но которыя еще не разрабатываются по ихъ относительной скудости или за недостаткомъ дорогъ; кромѣ того, извѣстно, что лежащія вокругъ заводовъ груды шлаковъ содержатъ отъ 25 до 30% металла, т. е. по крайней мѣрѣ на шесть милліардовъ франковъ; въ одномъ только 1889 г. было 2.077 заявокъ относительно новыхъ рудниковъ. Ежегодно добываютъ золота на сумму около 10 милліоновъ, а серебра на сумму около 160 милліоновъ франковъ; въ 1899 г. общая сумма добытаго металла превысила 200 милліоновъ. Для эксплоатаціи золотоноснаго песку, въ безводныхъ странахъ, каковы Нижняя Калифорнія, прежде употребляли воздуходувный способъ за недостаткомъ струи воды: мелкія песчинки уносились, а частицы золота, за исключеніемъ самыхъ тонкихъ блестокъ, оставались въ пробиркѣ [1]).

Общее пространство, занимаемое рудниками въ Мексикѣ, такъ велико, что его опредѣляютъ въ четыре пятыхъ всей территоріи. Главный металлоносный поясъ находится въ Сіерра-Мадре, отъ границъ Аризоны до Теуантепекскаго перешейка; другая Сіерра-Мадре тоже очень богата рудами, въ особенности въ штатахъ Санъ-Луисъ - Потози и Гидальго. Кромѣ золота и серебра, въ горахъ Мексики находятся рудныя мѣсторожденія ртути,—ме-

[1]) Santiago Ramirez, „Riqueza mineral de México“.

[1]) E. Guillemin, „Archives de la Commission scientifique du Mexique“. Томъ III.

талла очень цѣннаго, какъ амальгама, употребляемаго на литейныхъ заводахъ,—платины, мѣди, свинца, желѣза и марганца. Пласты каменнаго угля были найдены въ Сонорѣ, на берегахъ ріо-Браво, въ сіеррѣ Тамаулипасъ и въ южныхъ горахъ; сѣру собираютъ въ кратерахъ дѣйствующихъ или потухшихъ вулкановъ; около Тукспана бьютъ ключи нефти; въ слояхъ почвы попадаются сѣрнокислая соль и углекислый натръ, селитра и морская соль. Въ 1886 г. въ Мексикѣ было добыто каменной и морской соли 11.600 тоннъ. Кромѣ того, въ этой странѣ есть каменоломни мрамора, оникса, яшмы, базальта и обсидіана, а нѣкоторыя породы изобилуютъ драгоцѣнными камнями: первые изслѣдователи часто говорятъ о великолѣпныхъ *чалчигуитахъ*, нефритахъ или изумрудахъ, которыми украшали го-

Эскуинтла.

судари какъ себя самихъ, такъ и своихъ боговъ. Къ богатствамъ Мексики нужно причислить также янтарь, неизвѣстнаго растительнаго происхожденія, добываемый въ Оахакѣ и въ сосѣднихъ съ нею штатахъ: онъ замѣчательно прозраченъ и прекраснаго золотистаго цвѣта и, разсматриваемый на свѣтъ, сверкаетъ флуоресцирующими отблесками; въ нѣкоторыхъ частяхъ внутри страны его находятъ въ такомъ большомъ количествѣ, что туземцы пользуются имъ въ видѣ топлива; посланные въ Европу образцы этого вещества добыты съ морскаго берега, гдѣ янтарь встрѣчается въ пескѣ [1]). Въ Мексикѣ насчитываютъ около сотни горныхъ округовъ, а число рудниковъ, эксплоатируемыхъ большею частію англійскими капиталистами, достигало въ 1897 году 989. Общая производительность горной промышленности Мексики (металлы, земли, камни, минеральное топливо) въ 1890 году простиралась до 350 милліоновъ франковъ.

Крупная промышленность, которая, впрочемъ, была уже представлена въ Мексикѣ, даже во время испанскаго владычества, горными и литейными заводами, также возникла въ странѣ введеніемъ мануфактурнаго производства. Хлопокъ, составляющій одинъ изъ главнѣйшихъ земледѣльческихъ продуктовъ страны, всецѣло употребляется на мексиканскихъ бумагопрядильныхъ фабрикахъ; своего хлопка даже не хватаетъ, и фабриканты массами выписываютъ его изъ другихъ странъ Америки: болѣе пятидесяти тысячъ семействъ живутъ этимъ хлопчатобумажнымъ промысломъ, обработывая сырой матеріалъ на сотнѣ фабрикъ, которыя поглощаютъ его ежегодно до 13 милліоновъ килограммовъ. Штаты Пуэбла, Мексико, Кверетаро, Гуанахуато, Халиско и Коагуила доставляютъ мексиканскимъ потребителямъ болѣе всего тканей, въ видѣ *мантаса, сарапеса, ребоцоса* и другихъ частей одежды мексиканцевъ и мексиканокъ; анагуакскіе мастера также очень искусны въ выдѣлкѣ сѣделъ, сбруи, позументовъ, столь цѣнимыхъ щеголеватыми мексиканскими всадниками: полный костюмъ, включая всю сбрую, стоитъ не одну тысячу франковъ. Всѣ крупныя европейскія отрасли промышленности, даже и тѣ изъ нихъ, которыя требуютъ основательнаго знанія научныхъ способовъ производства, также способствуетъ преобразованію экономическихъ условій страны. Кромѣ того, въ Мексикѣ существуетъ еще масса мѣстныхъ промысловъ; такъ, въ Мичоаканѣ индѣйцы еще до сихъ поръ занимаются выдѣлкою издѣлій изъ перьевъ, которыми такъ любовались испанскіе завоеватели во дворцахъ Монтезумы; а макстекскія женщины продолжаютъ еще ткать матеріи изъ грубаго на-ощупь шелка, добываемаго изъ мѣстнаго кокона-шелкопряда; матеріи не изящны на видъ, но отличаются замѣчательною прочностью, а потому цѣнятся туземцами. Гончарное ремесло въ большей части областей осталось въ томъ же положеніи, какъ и во время эпохи завоеванія. Индѣйцы вообще превосходные фабричные рабочіе, столь же терпѣливые, аккуратные и исправные, какъ и машины, которыми работаютъ; при этомъ у нихъ нѣтъ недостатка и въ иниціативѣ, когда работа того требуетъ. Они очень талантливые рисовальщики и лѣпщики, легко копируютъ всякіе предметы и лѣпятъ изъ воска съ замѣчательнымъ искусствомъ. Въ нихъ сказывается геній ихъ предковъ, такъ искусно умѣвшихъ украшать скульптурными работами фасады своихъ храмовъ, вырѣзывать іероглифы, рисовать и расписывать карты своей страны.

Прогрессивное развитіе культуры и болѣе умѣлое и болѣе дѣятельное утилизированіе продуктовъ естественно должны были быстро поднять мексиканскую торговлю. Въ началѣ столѣтія, во время испанскаго режима, ежегодный оборотъ мѣновой торговли, которая велась исключительно черезъ Вера-Круцъ, достигалъ почти 200 милліоновъ франковъ. Въ настоящее время, удвоившись и даже въ 1890 году утроившись, онъ превышаетъ полъ-милліарда; еще недавно драгоцѣнные металлы составляли семь восьмыхъ всей экспортной торговли, а теперь всего двѣ трети и даже половину.

Изъ Мексики въ 1898—99 г. вывезено (по спеціальной торговлѣ): драгоцѣнныхъ металловъ на 75.181.600 доллар.; лѣсу, разныхъ товаровъ и земледѣльческихъ продуктовъ на—63.296.537 доллар. Цѣнность ввоза въ 1898—99 году около 51.000.000 доллар.

Красильное и другія деревья составляютъ значительную часть экспортной торговли; кромѣ того изъ Мексики вывозятъ шкуры, кожу, колоніальные товары: кофе, ваниль, табакъ, каучукъ, сахаръ и индиго. Помимо этого Мексика въ изобиліи снабжаетъ Соединенные Штаты своими фруктами; зато всѣ мануфактурныя издѣлія остаются внутри страны: промышленность здѣсь еще не особенно развита и не успѣла еще настолько спеціализироваться, чтобы находить себѣ потребителей заграницей. Поэтому предметы ввоза состоятъ здѣсь преимущественно изъ выдѣланныхъ товаровъ; между ними первое мѣсто занимаютъ различныя матеріи, затѣмъ машины и снаряды, разныя желѣзныя и мѣдныя вещи, бумага, химическіе продукты, хрустальныя и фаянсовыя издѣлія. Мексика покупаетъ еще, кромѣ того, муку и другіе пищевые продукты.

Положеніе Мексики на границѣ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ и множество желѣзнодорожныхъ линій, соединяющихъ оба эти

[1]) Kunz, „Nature". Февраль 20, 1890 г.

государства, доставили англо-американской республикѣ первое мѣсто въ торговомъ движеніи ея южной сосѣдки; оттого въ мексиканскихъ портахъ почти всѣ морскіе документы пишутся на англійскомъ языкѣ [1]). Великобританія по значенію своей торговли съ Мексикой идетъ послѣ Соединенныхъ Штатовъ, и затѣмъ уже третье мѣсто занимаетъ Франція. За этими тремя державами, которымъ принадлежитъ 9/10 всего торговаго обмѣна, слѣдуетъ Германія, торговыя сношенія которой мало-по-малу разростаются, особенно вдоль берега Великаго океана, и Испанія, бывшая метрополія, нѣкогда монополизировавшая всю торговлю. Что касается оффиціальной цѣнности торговыхъ оборотовъ съ Гватемалой, имѣющей очень длинную границу съ Мексикой на востокѣ Чіапаса и Табаско и на югѣ Юкатана, то онѣ совершенно ничтожны, не достигая даже пятидесяти тысячъ въ годъ; это объясняется, съ одной стороны, однородностью произведеній по ту и другую сторону границы, а съ другой стороны — малонаселенностью этихъ лѣсистыхъ мѣстъ, гдѣ такъ легко обмануть таможенный дозоръ, вслѣдствіе чего почти вся мѣстная торговля должна ускользать отъ статистики. Купля и продажа между Мексикой и южными республиками Центральной Америки тоже самая ничтожная.

Цѣнность заграничной торговли Мексики въ 1895—96 гг. по странамъ назначенія, въ тысячахъ песо (1 песо=2,66 франк.): Соединенные Штаты: ввозъ (въ Мексику)—20.146, вывозъ (изъ Мексики)—79.652; Великобританія: ввозъ—7.905, вывозъ—16.467; Франція: ввозъ — 6.099, вывозъ — 2.081; Германія: ввозъ—4.363, вывозъ—2.969; Испанія: ввозъ—2.[illegible]4; вывозъ—813; другія страны ввозъ—1.[illegible]7, вывозъ 2.035.

Мексика, подобно Соединеннымъ Штатамъ, оградила свою промышленность оплотомъ таможенныхъ пошлинъ, которыми обложена большая часть привозимыхъ изъ-за границы товаровъ: въ среднемъ пошлины, собранныя въ портахъ или на границѣ территоріи, составляютъ 38% констатированной стоимости товаровъ. Контрабанда, которая занимается главнымъ образомъ ввозомъ американскихъ бумажныхъ тканей, составляетъ въ Мексикѣ одинъ изъ процвѣтающихъ промысловъ, особенно въ «свободномъ поясѣ», на границѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ 850 таможенниковъ, распредѣленныхъ по линіи въ 2.700 километровъ,—т. е. по одному человѣку на 3 километра,—должны наблюдать за всѣмъ торговымъ обмѣномъ. Нѣкоторые предметы, считающіеся полезными для промышленнаго или научнаго развитія страны, ввозятся безпошлинно. Въ 1889 г. для иностранной торговли были открыты только двадцать четыре порта, не считая «сухопутныхъ портовъ» на сѣверной и южныхъ границахъ. Эти мексиканскіе посты несомнѣнно разростутся по мѣрѣ увеличенія торговаго движенія и сообразно нуждамъ разныхъ мореходныхъ компаній, которыя ищутъ фрахта и легко доступныхъ мѣстъ вдоль береговъ. Нѣкоторыя изъ наилучше защищенныхъ гаваней, намѣченныхъ какъ конечные пункты междуокеанскихъ желѣзныхъ дорогъ, закрыты для заграничной торговли, такъ какъ окрестныя мѣстности почти совсѣмъ еще незаселены; таковы порты Тополобампо въ шт. Синалоа и Сигуантанехо въ шт. Герреро. Въ 1889 г. двѣнадцать правильныхъ пароходныхъ линій касались мексиканскихъ портовъ, изъ нихъ шесть въ прямомъ сообщеніи съ Европой, Антильскими островами или восточными Соединенными Штатами, два—съ Калифорніей, и четыре обслуживающихъ порты побережья. Для перевозки товаровъ фрахтуются преимущественно пароходы, на которыхъ и совершается почти половина всей торговли республики, несмотря на то, что парусныхъ судовъ, плавающихъ большею частью подъ національнымъ флагомъ, оборачивается въ портахъ въ четыре раза больше, чѣмъ пароходовъ.

Движеніе судоходства въ мексиканскихъ портахъ въ 1898 г.: въ приходѣ 10.527 судовъ, вмѣстимостью въ 4.085.200 тоннъ; въ отходѣ—10.452 судна, вмѣстим. въ 3.880.940 тоннъ.

Каботажная торговля ведется исключительно мексиканскими судами.

По сооруженію желѣзныхъ дорогъ Мексика на цѣлую четверть вѣка отстала отъ цивилизованныхъ странъ Западной Европы. Первая желѣзная дорога, построенная въ 1850 году, соединила Вера-Круцъ съ его предмѣстьемъ; въ 1857 году была построена вторая линія, между Мексико и святыми мѣстами Гвадалупе; но эта линія скорѣй служила предметомъ любопытства или забавы для столичныхъ жителей, чѣмъ дѣйствительно полезнымъ для торговли трактомъ. Но когда попытка монархической реставраціи потерпѣла неудачу, и Мексиканская республика окончательно завоевала свою независимость, различные давно выработанные планы постройки желѣзнодорожной сѣти вмѣсто грунтовыхъ дорогъ и тропъ—стали постепенно приводиться въ исполненіе: съ помощью англійскихъ капиталовъ, а также отчасти и сѣверо-американскихъ, было приступлено къ дѣлу, при чемъ для земляныхъ работъ пользовались даже солдатами; такимъ образомъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, Мексика въ отношеніи протяженія своей желѣзнодорожной сѣти, могла сравниться съ многими европейскими странами.

---

[1]) Ricordo de Mario Campos, „Informes y documentos relativos à Comercio".

Главнымъ препятствіемъ для развитія новаго способа сообщенія послужило то обстоятельство, что для проведенія первой линіи между Вера-Круцомъ и Мексико пришлось бороться съ большими трудностями. Прежде всѣхъ другихъ препятствій надо было открыть большой торговый путь, который поставилъ бы столицу республики въ прямое сообщеніе съ другими портами Соединенныхъ Штатовъ, Англіи, Франціи, съ Антильскими островами и съ Южной Америкой; но для достиженія этой цѣли пришлось положить массу труда, такъ какъ потребовались такія огромныя работы, о которыхъ въ Европѣ не имѣютъ даже понятія: пришлось взбираться на горы вдвое выше самыхъ высокихъ Альпійскихъ туннелей, перѣзать постепенно всѣ три пояса: теплый, умѣренный и холодный, и достигнуть такимъ образомъ области снѣговъ, придерживаясь при этомъ кратчайшаго разстоянія, т. е. избѣгая безконечныхъ извивовъ въ боковыя долины. Это колоссальное предпріятіе было удачно доведено до конца: «мексиканская» желѣзная дорога, состоящая изъ цѣлаго ряда мостовъ, віадуковъ, туннелей, закругленій и подъемовъ, представляетъ удивительное сочетаніе всѣхъ этихъ сооруженій; однако, одна часть этой дороги представляетъ большое затрудненіе для движенія поѣзда, и пассажиры, при подняти и спускѣ въ этомъ мѣстѣ, невольно испытываютъ нѣкоторое безпокойство: это всходъ изъ Мальтраты на Бока-дель-Монте, гдѣ дорога вступаетъ на край Анагуакскаго плоскогорья. Всходъ этотъ имѣетъ въ общемъ не менѣе 1.197 метровъ высоты на 26 километровъ длины по прямой линіи. Чтобы уменьшить крутизну всхода, дорога поднимается здѣсь кривыми на линіи, развернутая длина которой превышаетъ 40 километровъ; средній уклонъ—три метра на сто, но въ самомъ крутомъ мѣстѣ онъ достигаетъ 42 тысячныхъ [1]). На самомъ высокомъ порогѣ, близъ вулкана Малинче, дорога идетъ на высотѣ 2.533 метровъ надъ уровнемъ моря, и, чтобы избѣгнуть еще болѣе высокаго перевала черезъ снѣговую цѣпь горъ, она огибаетъ на сѣверѣ этотъ хребетъ и перерѣзываетъ наискось всю «долину» Мексико. Мексиканцы справедливо говорятъ объ этомъ грандіозномъ сооруженіи, какъ о памятникѣ человѣческаго генія.

Легче было соединить столицу съ сѣтью дорогъ Соединенныхъ Штатовъ. Склонъ Анагуакскаго плоскогорья идетъ съ юга на сѣверъ, безъ крутыхъ уступовъ, и на большей части пути отъ Мексики до ріо-Браво-дель-Норте можно было обойтись безъ большихъ сооруженій. Въ 1884 г., т. е. черезъ два года послѣ того, какъ американцы достигли этой рѣки у Лоредо, мексиканцы открыли свою линію до Нуево-Лоредо на противоположномъ берегу. Въ томъ же году они открыли другую дорогу, которая идетъ параллельно западной Сіерра-Мадре до Пазо-дель-Норте: такимъ образомъ, паровое сообщеніе сдѣлалось съ этихъ поръ непрерывнымъ между Мексико и Санъ-Франциско, Санъ-Луисомъ и Нью-Іоркомъ, и по этой послѣдней желѣзной дорогѣ въ 1889 г. можно было совершить въ одиннадцать дней прямой переѣздъ изъ Мексико на всемірную выставку въ Парижъ [1]). Другая желѣзная дорога переходитъ ріо-Браво, между Эль-Пазо и Лоредо, у Пьедрасъ-Неграсъ; а четвертая линія, пересѣкающая Сонору, соединяетъ американскую границу съ портомъ Гуаймасомъ. Но всѣ эти желѣзныя дороги, облегчающія сѣверо-американцамъ и ихъ товарамъ входъ въ Среднюю Мексику, и сходящіяся къ центру страны, представляютъ серьезную опасность въ политическомъ отношеніи: онѣ открываютъ границу могущественному сосѣду, который уже овладѣлъ половиной территоріи и нѣсколько разъ грозилъ распространить дальше еще своихъ завоеваній. Тѣмъ важнѣе для Мексики расширить сѣть желѣзнодорожныхъ линій, которыя спускаются съ высокихъ земель къ прибрежью и связываютъ ихъ такимъ образомъ посредствомъ торговли со всѣми чужеземными странами, безъ особой привилегіи Соединеннымъ Штатамъ. Къ Вера-Круцской желѣзной дорогѣ уже прибавилась, на покатости Мексиканскаго залива, линія, идущая изъ Санъ-Луи-Потози въ Тампико; но на тихоокеанской покатости, менѣе оживленной, чѣмъ побережье, обращенное къ Европѣ, желѣзныя дороги еще строятся и не доведены еще до нѣкоторыхъ портовъ, какъ Алтата, Мацатланъ, Сигуантанейо, Акапулко, Гуатулко. На этой сторонѣ плоскогорья для проведенія дорогъ встрѣчаются такія же большія трудности, какъ и со стороны Вера-Круца; къ западу отъ Мексико, желѣзная дорога, переходящая гребень Ахуско въ Кумбрѣ-де-ласъ-Круцесъ, около Салацара, переваливаетъ на высотѣ 3.041 метра, т. е. на 800 метровъ выше столицы: это самое высокое мѣсто во всей мексиканской сѣти дорогъ.

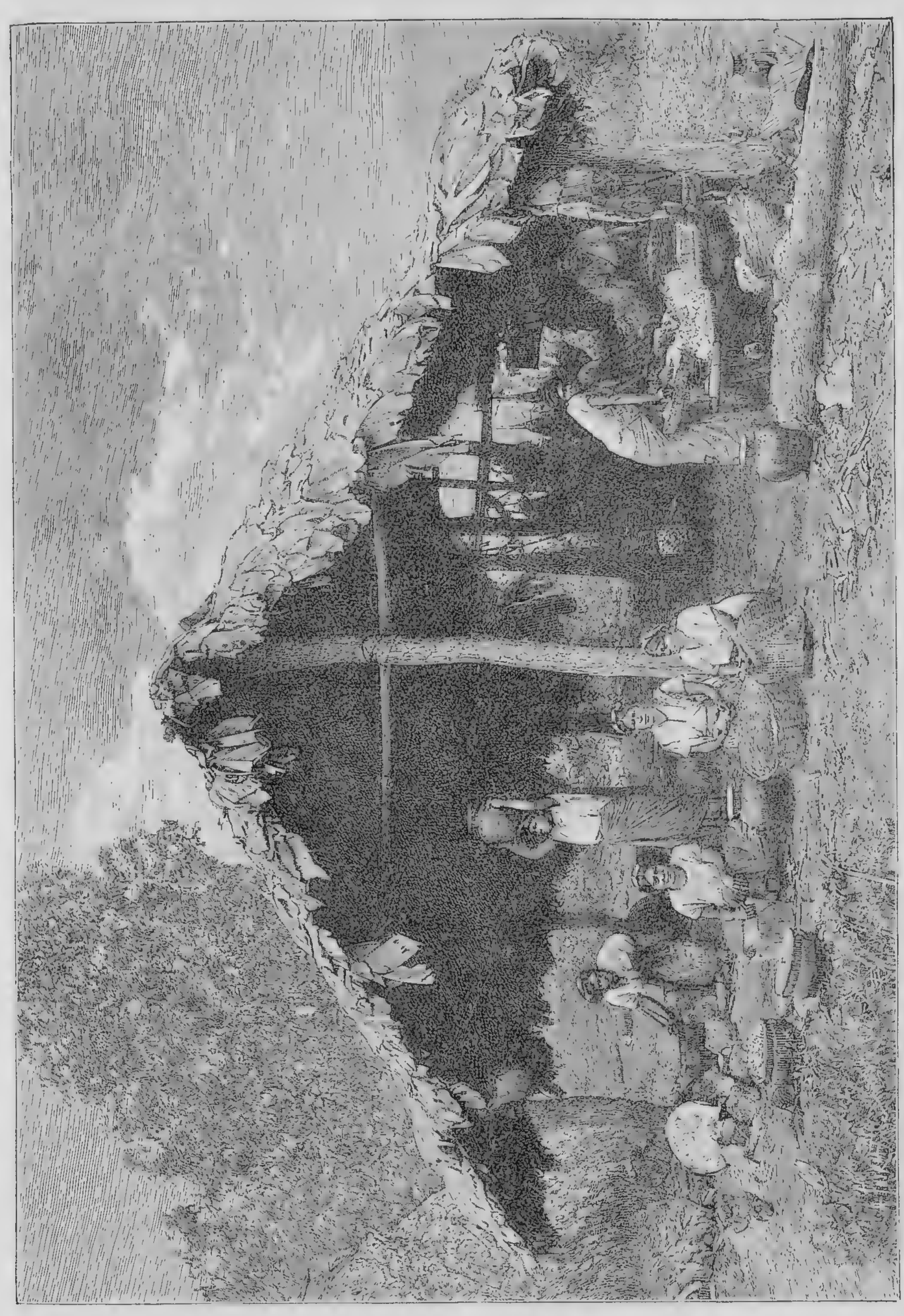
Самые высокіе проходы желѣзныхъ дорогъ: въ Европѣ—Фрежюсъ (Моданъ-Бардонешъ)—1.250 метровъ; въ Азіи—Дарджилингъ (Индостанъ)—2.250; въ Соедин. Штатахъ—Ущелье Сангре-де-Кристо (Колорадо)—2.846; въ Перу — (Туннель Пьедра-Парада) — 4.769; въ Мексикѣ — Кумбре-де-ласъ-Круцесъ — 3.041 метръ.

По окончаніи, эти главныя линіи западнаго склона дополнятъ собой сѣть большихъ дорогъ собственно Мексики, и останется толь-

[1]) Luis Salazar, „Anales del Ministerio del Fomento". Томъ VIII. 1887.

[1]) M. Paynó, „Barcelona y Mexico".

ко, посредствомъ побочныхъ вѣтвей, тѣснѣе сблизить разъединяющіе ихъ промежутки между второстепенными станціями. Въ Юкатанѣ уже приступили къ соединенію между собою городовъ маленькими боковыми линіями; но между Кампешемъ и портомъ Альварадо, въ штатѣ Вера-Круцъ, остается еще пробѣлъ въ 800 километровъ, и на всемъ этомъ пространствѣ нѣтъ другой желѣзной дороги, кромѣ той, которая идетъ отъ Гоатцакоалалкоса до порта Салина-Круцъ, на Тегуантепекскомъ перешейкѣ. Изъ числа многихъ проектовъ путей между двумя морями эта дорога есть единственная, открытая для движенія.

Индѣйскія работницы «Теплыхъ Земель» у Тихаго океана.

Вся сѣть мексиканскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1898 году составляла 12.403 километра, не считая 489 километровъ трамваевъ. Коли-

чество перевезенныхъ пассажировъ въ 1896 году:—26.081.000; количество перевезеннаго груза 5.084.000 тоннъ; валовой доходъ желѣзныхъ дорогъ въ 1896 году—30.231.000 долларовъ.

Уже въ 1774 г. инженеръ Крамеръ, которому было поручено изслѣдованіе перешейка, заявилъ, что прорытіе судоходнаго канала между двумя морями не представитъ ни особаго затрудненія, ни безмѣрно большихъ расходовъ, и въ своемъ докладѣ онъ представилъ даже планъ канала. Но тогда этимъ все дѣло и окончилось: къ прорытію канала даже не приступали. Въ 1811 году испанскіе кортесы также декретировали прорыть каналъ, но это постановленіе могло быть только простымъ желаніемъ, внушеннымъ боязнью потерять Индѣйскую имперію. Тотчасъ же послѣ преобразованія Новой Испаніи въ независимую республику, снова принялись за географическое изученіе страны, но проекты прорытія канала приняли опредѣленную форму только въ 1842 году, когда Хозе-де-Гарай предложилъ взять на себя эти работы. Однако, онъ не могъ найти необходимыхъ капиталовъ, а американская компанія, которой, въ 1867 г., было концессіонировано это предпріятіе, послѣ паденія Максимиліана, чувствовала себя также безсильной въ денежномъ отношеніи. Такимъ образомъ проектъ междуокеанскаго канала пришлось временно отложить, и на мѣсто его народился проектъ желѣзной дороги, для перевозки судовъ, составленный по плану дороги на перешейкѣ Шигнекто, въ Новой Шотландіи, но въ гораздо болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Понятно, какое громадное значеніе имѣла бы подобная дорога, какъ для судоходства вообще, такъ и для Соединенныхъ Штатовъ въ особенности. Съ точки зрѣнія всемірной торговли, лучшимъ мѣстомъ для соединенія двухъ океановъ былъ бы Панамскій перешеекъ, такъ какъ онъ находится на дорогѣ изъ Англіи въ Перу, Чили, въ Австралію и въ Инсулиндъ; но для сѣверо-американцевъ было бы выгоднѣе проводить суда возможно ближе къ ихъ собственной территоріи. Главное движеніе происходитъ между Нью-Іоркомъ и Санъ-Франциско, и на этомъ трактѣ Тегуантепекскій путь на 1.400 километровъ короче Никарагуасскаго и на 2.300 килом. короче Панамскаго. Проектированная американцемъ Идсъ, инженеромъ, который открылъ судамъ Южный проходъ миссисипской дельты, постройка Тегуантепекской судоперевозной дороги должна была, слѣдовательно, прежде всего служить американскимъ интересамъ, и будущій тарифъ былъ составленъ въ такомъ же благопріятномъ смыслѣ для портовъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ и для Мексики. Впрочемъ, Мексика предоставляла этому предпріятію большія преимущества, между прочимъ, освобожденіе на 99 лѣтъ отъ налоговъ и отчужденіе въ пользу дороги около полумилліона гектаровъ земли. Предварительная смѣта опредѣлила издержки въ 375 милліоновъ франковъ: самымъ значительнымъ сооруженіемъ этой дороги, протяженіемъ около 240 километровъ, былъ бы переходъ черезъ раздѣльный порогъ посредствомъ траншеи въ 760 метровъ длины и 95 метровъ наибольшей глубины; самые большіе подъемы пути не превышали бы 2-хъ метровъ на сто. Смерть инженера помѣшала осуществленію этого предпріятія.

Телеграфная сѣть быстро покрыла все пространство Мексиканскихъ Соединенныхъ Штатовъ; въ послѣднее десятилѣтіе она утроилась и пополнилась подводными кабелями, которые соединяютъ Гальвестонъ съ мексиканскимъ берегомъ и портъ Вера-Круцъ съ сѣверными и южными гаванями; другой подводный телеграфъ соединяетъ Салина-Круцъ, Тегуантепекскій портъ, съ гаванями Центральной Америки, находящимися на Великомъ океанѣ. Большая часть линій принадлежитъ федеральному правительству; штаты, желѣзнодорожныя компаніи и частныя общества также имѣютъ часть сѣти.

Сѣть мексиканскихъ телеграфовъ въ 1[illegible] году—67.819 километр., изъ которыхъ 2.926 километровъ—подводныхъ.

Телефонная сѣть—12.014 километровъ.

Впродолженіи восьми лѣтъ, съ 1880 по 1888 г., телеграфное и почтовое движеніе увеличилось болѣе, чѣмъ вчетверо; тѣмъ не менѣе на каждаго человѣка приходится всего лишь по 3 отправленія, что доказываетъ, при сравненіи съ Западной Европой, незначительную еще просвѣщенность мексиканскаго народа. Движеніе почтовой корреспонденціи въ 1898 году—112.750.000 писемъ.

Однако, народное образованіе распространяется въ Мексикѣ и идетъ быстрыми шагами впередъ. Въ большинствѣ штатовъ въ принципѣ установлено обязательное и безплатное первоначальное обученіе для всѣхъ дѣтей, но статистическія цифры показываютъ, что общественное мнѣніе еще не вполнѣ санкціонировало эти законы. Впрочемъ, нельзя указать точное число дѣтей, посѣщающихъ школы, такъ какъ губернаторы штатовъ не всѣ аккуратно доставляютъ федеральной администраціи ежегодные отчеты. Но во всякомъ случаѣ можно констатировать тотъ фактъ, что съ каждымъ десятилѣтіемъ прогрессъ становится все замѣтнѣе: почти двадцатая часть мексиканскаго населенія приходится на учащуюся молодежь, при чемъ учениць значительно меньше, чѣмъ учениковъ; въ штатахъ Кверетаро, Гуанахуто и Чіапасѣ больше встрѣчается людей безъ всякаго образованія.

Статистика мексиканскихъ начальныхъ школъ въ 1897 году: 10.298; среднее число посѣщавшихъ школы дѣтей—462.994, изъ нихъ: 293.732 мальчиковъ и 169.262 дѣвочекъ.

Почти во всѣхъ городахъ начальное образованіе лежитъ на обязанности муниципалитета; но нѣкоторое количество учебныхъ заведеній было основано или правленіями штатовъ, или, наконецъ, частными обществами. Число учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ опредѣляютъ въ 21.000. Въ нѣкоторыхъ городахъ имѣются лицеи для молодыхъ дѣвушекъ. Но въ отдаленныхъ округахъ придется еще много поработать надъ распространеніемъ образованія, особенно между индѣйскими племенами: еще въ 1874 году въ одной деревнѣ штата Вера-Круцъ были сожжены два колдуна, мать съ сыномъ, обвиненные въ порчѣ одного молодаго человѣка. Что касается до разбоевъ, то они естественно должны были исчезнуть съ тѣхъ поръ, какъ желѣзныя дороги и телеграфы изборездили всю страну: разбойники, промышлявшіе на большихъ дорогахъ, принялись за другія ремесла. Прошло то время, когда атаманы разбойничьихъ шаекъ предостерегали путешественниковъ посредствомъ особенныхъ объявленій, развѣшанныхъ на всѣхъ перекресткахъ Мексико, о томъ, чтобы они запасались деньгами, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, быть исколоченными или оставленными безъ носа и ушей.

Любовь къ чтенію еще не особенно развита, библіотекъ мало, да и тѣ, какія имѣются, не богаты, хотя научная литература мексиканцевъ имѣетъ уже серьезное значеніе и заключаетъ въ себѣ нѣсколько капитальныхъ произведеній, идя вровень съ замѣчательнымъ картографическимъ предпріятіемъ, которое превзойдетъ подобныя работы въ Соединенныхъ Штатахъ,—это изданіе всей топографіи Мексики на тысячахъ листовъ. Популярная литература состоитъ главнымъ образомъ изъ повременныхъ изданій, которыхъ въ концѣ 1888 года насчитывалось 385, при чемъ 120 приходилось на Федеральный округъ (въ 1896 г. газетъ выходило 531). Мексика — одна изъ странъ испанской Америки, гдѣ говорятъ на лучшемъ кастильскомъ діалектѣ.

Образъ правленія и администрація.

Мексиканская республика, конституированная по образцу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, состоитъ изъ независимыхъ и державныхъ штатовъ, соединенныхъ въ одну федерацію, по соглашенію, установленному въ 1857 году. Каждый штатъ представляетъ собою, такъ сказать, въ миніатюрѣ конфедерацію, со своими собственными палатами и губернаторомъ, законами и бюджетомъ. Но его постановленія и дѣйствія не могутъ выходить за предѣлы круга, начерченнаго общею конституціею республики. Онъ не имѣетъ права ни объявить войны, ни заключать мира; всѣ его сношенія съ иностранными государствами должны совершаться через посредство федеральнаго правительства. Каковы бы ни были конституціонныя формулы, несомнѣнно то, что мексиканцы различныхъ штатовъ, въ былыя времена имѣвшіе между собою очень мало солидарности и національнаго единства, теперь составляютъ довольно сплоченный политическій организмъ. Въ 1848 г., во время войны съ сѣверо-американцами, не проявлялось никакого народнаго движенія противъ завоевателей, и два штата, Вера-Круцъ и Закатекасъ, въ силу своихъ автономныхъ правъ, даже не хотѣли принимать ни малѣйшаго участія въ войнѣ Мексики противъ Сѣверо-Американской республики [1]). Гораздо живѣе выразилось національное чувство во время нашествія французовъ и возведенія на престолъ Максимиліана, и, когда наконецъ Мексика вышла побѣдительницей изъ этого страшнаго испытанія, радость побѣды и сознаніе возродившейся силы переродили мексиканцевъ въ настоящій народъ. Тогда-то, собственно говоря, и началась дѣйствительная исторія современной Мексики. Духъ національной солидарности до того сталъ силенъ въ мексиканцахъ, что они, такъ сказать, перескакиваютъ черезъ исторію порабощенія испанцами и въ лицѣ запотека Хуареса видятъ мстителя за ацтека Монтезуму. Благодарное отечество воздвигаетъ памятники не Кортесу, а Куаухтемоку или Гуатимозину.

Присоединеніе Мексики къ могущественной республикѣ Сѣвера,—событіе, которое столькими политиканами предсказывалось, какъ близкое къ осуществленію, становится все менѣе вѣроятнымъ, по мѣрѣ возрастанія населенія и богатства этой страны. Центры тяжести мексиканскихъ штатовъ и англо-саксонской республики всегда будутъ находиться по крайней мѣрѣ на разстояніи 2.500 километровъ, а промежуточное пространство большею частью состоитъ изъ безплодныхъ областей, съ очень рѣдкимъ населеніемъ. Группы диссидентскихъ штатовъ, которые американскіе авантюристы пытались образовать на сѣверѣ, отъ Соноры до Тамаулипаса, съ цѣлью раздробить республику и присоединить ее къ себѣ по частямъ, снова заняли свои соотвѣтственныя мѣста въ совокупности націи. Такимъ образомъ Мексика и Соединенные Штаты должны оставаться владѣніями, этнологически различными, и сѣверные эмигранты быстро измѣ-

[1]) F. Ratzel, „Aus Mexico".

няются подъ мексиканскимъ климатомъ. Къ тому же и стремленія мексиканцевъ далеки отъ политическаго слiянія съ Соединенными Штатами. Конечно, Мексика можетъ быть покорена, но она никогда не будетъ ассимилирована.

Каждый мексиканскій гражданинъ считается свободнымъ человѣкомъ, имѣющимъ право разъѣзжать безъ паспорта, выбирать себѣ резиденцію, гдѣ ему заблагоразсудится, устраиваться, какъ угодно, выражать свою мысль какъ словомъ, такъ и посредствомъ печати, носить оружіе. Никакіе титулы дворянства, никакія наслѣдственныя прерогативы не признаются; всѣ граждане, въ силу конституціи и законовъ, считаются равноправными по отношенію одинъ къ другому. Всѣ они имѣютъ право быть избирателями, съ единственнымъ условіемъ подписывать своимъ именемъ бюллетени голосованія. Даже иностранцы становятся гражданами въ тѣхъ случаяхъ, когда пріобрѣтаютъ въ странѣ какую-нибудь собственность или когда у нихъ родятся дѣти, если только, по истеченіи восьми мѣсяцевъ, они не заявятъ о своемъ рѣшительномъ желаніи сохранить свою первобытную національность.

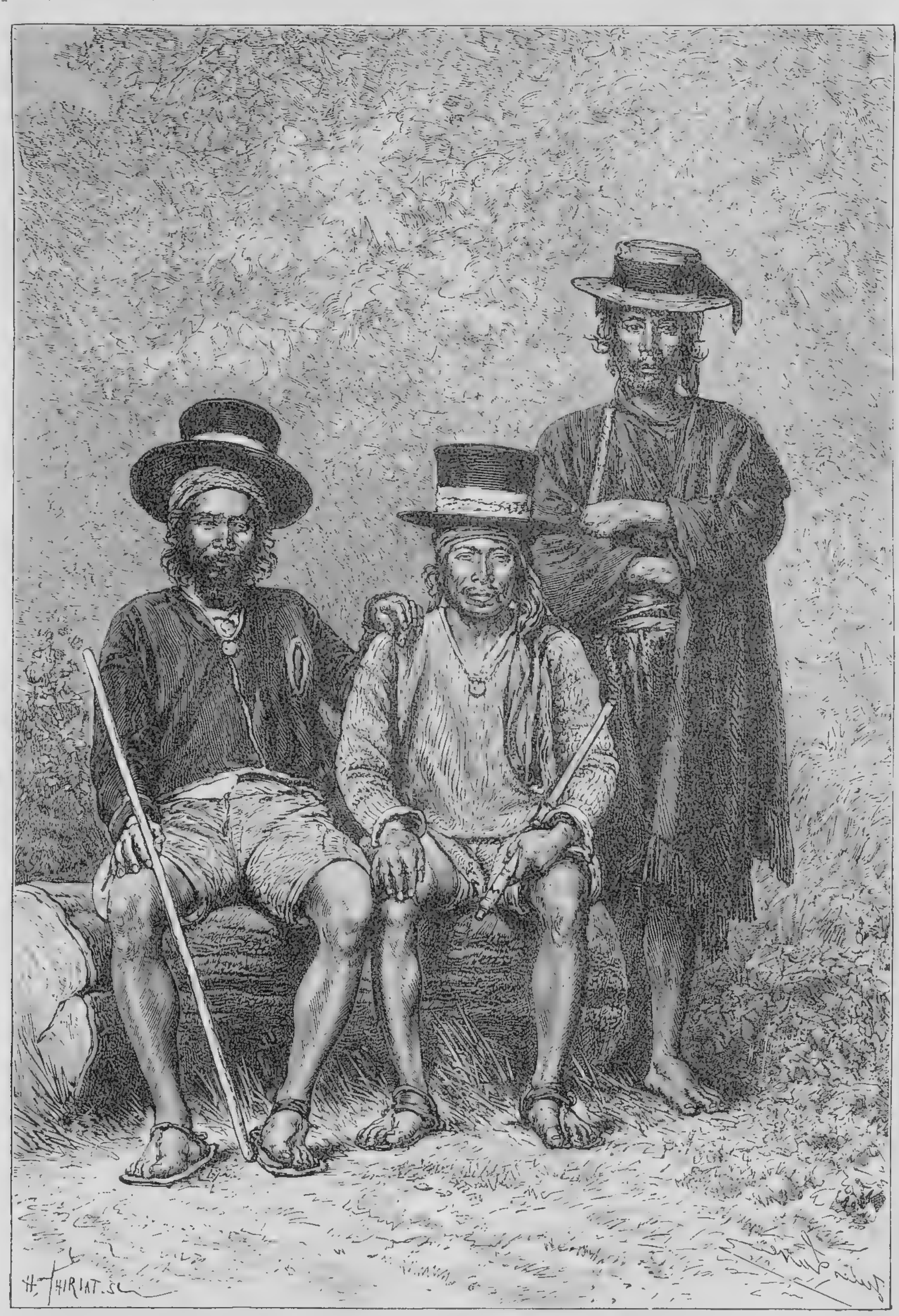
Число представителей въ Палатѣ Депутатовъ возрастаетъ, по мѣрѣ увеличенія населенія (нынѣ 227): каждый штатъ дѣлится на нѣсколько избирательныхъ коллегій, при чемъ каждые 40.000 жителей имѣютъ свою коллегію, а каждая коллегія посылаетъ своего представителя срокомъ на два года. Сенаторы, долженствующіе имѣть не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду, выбираются по второй степени на четыре года и по два отъ каждаго штата: всего ихъ 56 на 27 штатовъ и двѣ территоріи; каждые два года половина состава всего сената подвергается вторичному выбору. Конгрессъ, т. е. обѣ Палаты вмѣстѣ, имѣетъ ежегодно двѣ очередныхъ сессіи, составляющихъ въ общемъ по крайней мѣрѣ сорокъ пять засѣданій: депутаты и сенаторы получаютъ опредѣленный годовой окладъ. Постоянная делегація Конгресса засѣдаетъ во время вакацій. Столица, мѣстопребываніе Конгресса, находится не на территоріи какого-нибудь штата, а на нейтральной почвѣ, въ «Федеральномъ округѣ», занимающемъ «двѣ мили» или 10 километровъ окружности около центральнаго мѣста.

Президентъ Мексиканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, выбираемый на 4 года тайнымъ и непосредственнымъ народнымъ голосованіемъ, долженъ имѣть не менѣе 35 лѣтъ отъ роду. Онъ пользуется такимъ авторитетомъ, что, съ соизволенія Конгресса или постоянной делегаціи, можетъ отмѣнять конституціонныя гарантіи «въ случаѣ вторженія иноземцевъ, важныхъ внутреннихъ смутъ или общественной опасности». Онъ самъ выбираетъ своихъ министровъ или статсъ-секретарей, завѣдующихъ министерствами: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, финансовъ, прогресса или *фоменто*,—т. е. главнымъ образомъ общественныхъ работъ. Судебная власть сосредоточена въ уѣздныхъ и окружныхъ судахъ; кромѣ того есть еще верховный судъ, члены котораго избираются на шести - лѣтній срокъ. Гражданскіе и уголовные законы одинаковы во всѣхъ штатахъ, исключая Вера - Круца и Тласкалы. Тюрьма для несостоятельныхъ должниковъ уничтожена, и республика обязалась отвергать всякій трактатъ о выдачѣ политическихъ преступниковъ. Десятичная система сдѣлалась общепринятой системой вѣсовъ, мѣръ и монетъ.

Во время колоніальнаго режима духовенство играло большую роль въ управленіи страны: огромные доходы, въ соединеніи съ религіознымъ авторитетомъ, дававшимъ ему право окрывать или закрывать небесныя врата, обезпечивали ему безспорную власть надъ индѣйскимъ населеніемъ: нѣкоторые изъ прелатовъ владѣли милліонною рентою; по словамъ Луки Аламана, имущество духовенства составляло добрую половину всего состоянія Мексики. Война за независимость поколебала богатства и власть этихъ высокихъ сановниковъ, но все же вліяніе духовенства осталось очень сильнымъ, потому что креолскіе священники, принявшіе участіе въ возстаніи противъ испанцевъ и даже возмущавшіе противъ нихъ народъ, какъ напримѣръ, Гидальго и Морелосъ, заставили забыть о главахъ Церкви, которые подвергли мятежниковъ отлученію отъ церкви; еще въ срединѣ XIX-го вѣка Лердо-де-Техада вычислилъ, что земли, принадлежащія духовенству, составляютъ треть всей поземельной собственности Мексики. Вмѣстѣ съ доходами, обезпеченными ипотечными обязательствами и правомъ взиманія десятины, которымъ духовенство, вопреки закона, еще пользовалось, это огромное состояніе увеличивалось еще ежегодною рентою, почти въ 100 милліоновъ франковъ. Въ 1855 году численность мексиканскаго духовенства не превышала 4.615 человѣкъ, изъ которыхъ большинство были бѣдные священнослужители, а меньшинство—прелаты, богато дотированные.

Первый ударъ могуществу католической Церкви былъ нанесенъ самими же испанцами, въ 1767 году, когда всѣ живущіе въ Мексикѣ іезуиты были заключены въ тюрьмы, лишены своихъ владѣній и затѣмъ изгнаны. Революція совершилась около вѣка спустя, въ 1857 году, изданіемъ закона о немедленной продажѣ церковныхъ имуществъ; но партіонная борьба изъ-за вліянія не ослабѣвала, и высшее духовенство признало себя побѣжденнымъ

только послѣ паденія Максимиліана, ухода французскихъ войскъ и окончательнаго тріумфа республиканцевъ. Церковныя имущества договоромъ. Учрежденіе духовныхъ корпорацій или конгрегацій было запрещено. Наконецъ, съ 1873 г. Церковь совершенно отдѣ-

Гватемальскіе алькады.

были отобраны, и священники лишились права надзирать за школами и публично справлять свои обряды; бракъ пересталъ быть таинствомъ и сдѣлался простымъ гражданскимъ лилась отъ государства, которое держится полнѣйшаго нейтралитета относительно различныхъ культовъ. Въ Мексико и въ остальныхъ городахъ было построено болѣе ста проте-

стантскихъ храмовъ, принадлежащихъ двѣнадцати различнымъ сектамъ и основанныхъ почти исключительно американскими миссіонерами; въ 1866 г. въ одной только столицѣ насчитывалось 37 протестантскихъ школъ съ 1.340 воспитанниками. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ округахъ, гдѣ населеніе чисто-индѣйское, наблюдается быстрое забвеніе католическихъ обрядовъ. Многіе приходы пустуютъ безъ священниковъ, и туземцы отвыкаютъ отъ исполненія какихъ бы то ни было внѣшнихъ обрядностей[1]); за исключеніемъ Мичоакана, почти во всѣхъ городахъ можно найти прежнія церкви обращенными въ заводы, казармы, въ пакгаузы и даже въ цирки тореадоровъ [2]), такъ какъ бой быковъ, послѣ временнаго запрета, снова разрѣшенъ для развлеченія толпы.

Мексиканская республика имѣетъ свое небольшое войско, впрочемъ относительно все же болѣе многочисленное, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ 1897 г. мексиканская армія состояла изъ 32.143 человѣкъ, включая 2.038 офицеровъ; но съ резервами численность войска доходила до 160.000 человѣкъ. По родамъ оружія: пѣхоты—22.605 чел.; кавалеріи — 7.249; артиллеріи и проч.—2.289 человѣкъ.

Кромѣ того Мексика владѣетъ флотомъ, состоящимъ изъ пяти судовъ, съ 18 пушками (въ постройкѣ: 5 миносокъ 1-го класса) въ Мацатланѣ и въ Кампешѣ основано по одному морскому училищу. Правда, военныя силы Мексики можно назвать незначительными въ сравненіи съ громадными вооруженіями большихъ военныхъ державъ; но даже и при такой малочисленности, содержаніе войска ложится тяжелымъ бременемъ на мексиканскій бюджетъ: оно составляетъ ежегодно болѣе четверти всѣхъ расходовъ, или около 60 милліоновъ франковъ.

Финансы республики долгое время были въ самомъ плачевномъ состояніи, особенно въ ту эпоху, когда иностранные купцы располагали услугами дипломатіи своихъ государствъ, чтобы объявлять себя кредиторами на фиктивныя суммы и заставлять мексиканское правительство платить имъ изъ таможенныхъ сборовъ. Но съ того времени доходы Мексиканской республики быстро увеличились. Болѣе половины доходовъ получается отъ собираемыхъ въ портахъ пошлинъ, все почти на привозные товары. Гербовый сборъ составляетъ четвертую часть ежегоднаго бюджета, тогда какъ податной и патентный сборы гораздо менѣе значительны: прямые налоги составляютъ двадцатую часть доходовъ.

Бюджетъ фискальнаго 1899 — 1900 года: приходъ — 54.913.000, расходъ — 54.886.000 долларовъ.

Федеральное правительство извлекаетъ также небольшую часть своихъ доходовъ изъ лотереи, впрочемъ весьма незначительную въ сравненіи съ тѣми огромными суммами, которыя расточаются ежегодно во всевозможныхъ играхъ; наконецъ, оно получаетъ кое-какой барышъ отъ чеканки монетъ, которая пріобрѣла въ Мексикѣ такое огромное распространеніе: различные монетные дворы въ общемъ отчеканили около восемнадцати милліардовъ золота и серебра со времени ихъ основанія. Къ національному бюджету надо прибавить бюджеты штатовъ, составляющіе въ совокупности около 15 милліоновъ долларовъ въ годъ, и бюджеты муниципалитетовъ, составляющіе въ общемъ 12 милліоновъ долл. Что касается національнаго долга, относительно меньшаго, чѣмъ онъ былъ въ половинѣ этого столѣтія, то онъ равнялся въ концѣ 1898 году 211 милліонамъ долларовъ.

Въ слѣдующей таблицѣ показаны названія штатовъ и территорій съ ихъ пространствомъ и цифрой населенія (по результатамъ всенародной переписи 20 октября 1895 года), число округовъ, называемыхъ также *партидосами*, и имена главныхъ городовъ.

[1]) Woeikof, „Petermann's Mittheilungen". 1879. Тетрадь VI.

[2]) Conkling, „Mexico and the Mexicans".

Штаты и территоріи.	Пространство въ квадратн. километрахъ.	Населеніе жителей.	Километрич. населеніе.	Число округовъ.	Столицы.
Нижняя Калифорнія (территорія) . .	151.109	42.245	0,3	3	Ла-Пацъ.
Сонора	199.224	191.281	0,9	9	Гермозильо.
Синалоа	87 231	258.845	3,0	0	Куліаканъ.
Чигуагуа	227.468	266.831	1,1	21	Чигуагуа.
Дуранго	98.470	294.366	3,0	13	Дуранго.
Коагуила	161.550	235.638	1,4	5	Салтильо.
Новый-Леонъ	62.998	309.252	4,7	10	Монтерей.
Тамаулипасъ	84.394	208.102	2,5	5	Сіудадъ-Викторія.
Закатекасъ	64.138	452.720	7,1	12	Закатекасъ.
Агуасъ-Каліентесъ	7.644	103.645	13,6	4	Агуаскаліентесъ.
Санъ-Луисъ-Потози	65.586	570.814	8,7	13	Санъ-Луисъ.
Гуанахуато	29.458	1.047.238	35,6	6	Гуанахуато.
Халиско	82.503	1.107.263	13,5	11	Гвадалахара.

Штаты и территоріи.	Пространство въ квадратн. километрахъ.	Населеніе жителей.	Километрич. населеніе.	Число округовъ.	Столицы.
Тепикъ (территорія)	29.211	148.776	5,0	5	Тепикъ.
Колима	5.887	55.677	9,4	2	Колима.
Мичоаканъ.	59.261	889.795	15,0	15	Морелія.
Керетаро.	9.215	227.233	25,0	6	Керетаро.
Мексико	23.957	837.368	35,0	15	Толука.
Федеральный округъ	1.200	487.608	--	5	Мексико.
Тласкала	4.132	166.803	41 7	5	Тласкала.
Гидальго	23.101	548.039	23,7	14	Пачука
Пуэбла	31.616	979.723	31,0	21	Пуэбла.
Вера-Круцъ	75.651	855.975	11,4	18	Оризаба.
Морелосъ.	7.184	9.800	22,2	5	Куернавака.
Герреро	64.756	417.621	6,4	13	Чилпансинго.
Оахака.	91.664	882.529	9,1	26	Оахака.
Чіапасъ	70.524	315.120	4,5	11	С.-Кристобаль.
Табаско	26.094	134.794	5,2	12	С. - Жуанъ - Баутиста.
Кампешъ.	46.855	88.121	1,9	5	Кампешъ.
Юкатанъ.	91.201	298.039	3,3	15	Мерида.
Мексика.	1.983.282	12.578.861	6,3	315	Мексико.

Глава III

Британскій Гондурасъ.

(Британскій Гондурасъ или Белизъ).

Это колоніальное владѣніе Великобритании, одно изъ самыхъ маловажныхъ громадной имперіи, представляетъ собою, съ географической точки зрѣнія, не что иное, какъ кусокъ земли, произвольно вырѣзанный въ Юкатанскомъ полуостровѣ. Впрочемъ, на сѣверѣ, на границахъ Мексики, Гондурасъ ограничивается южными берегами бухты Четумалъ и теченіемъ ріо-Хондо. На югѣ, у Гватемалы, другая рѣка, Сарстунъ (Sarstoon), была избрана политической раздѣльной линіей, до пороговъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Грасіасъ-а-Діосъ. Отъ этого мѣста фиктивная раздѣльная линія направляется нѣсколько къ сѣверу, къ другому водопаду Гарбёттъ-Фольсъ, на Мопанѣ, къ ріо-Віехо или Белизе, и оттуда идетъ до того мѣста, гдѣ встрѣчается съ ріо-Хондо: эта линія, опредѣленная трактатомъ 1860 г., но не подвергавшаяся еще точному измѣренію, считается приблизительно совпадающею съ 89°30′ зап. долготы (отъ Гринвичскаго меридіана).

Будучи естественной составной частью Юкатана, англійская территорія Гондураса и съ исторической точки зрѣнія должна бы была принадлежать тоже Мексикѣ: и только по давности она продолжаетъ еще оставаться иностраннымъ владѣніемъ, конечно, до того лишь дня, когда испано-американцы сдѣлаются достаточно сильными, чтобы вернуть эту часть своихъ владѣній и дать восторжествовать доктринѣ Монро: «Америка американцамъ!» Въ 1506 или 1508 г. Яньесъ Пинсонъ и Жуанъ-Діацъ-де-Солисъ впервые увидѣли берега Белиза, и съ тѣхъ поръ вся эта страна считалась испанской. Въ концѣ XVII вѣка англійскіе пираты овладѣли островомъ Карменомъ, замыкающимъ на половину большую внутреннюю лагуну Терминосъ, и оставались на нихъ хозяевами до 1717 г. Изгнанные съ этого острова прибывшей изъ Вера-Круца флотиліей, они укрылись на другой сторонѣ Юкатанскаго полуострова и основали тамъ лагерь, который отъ имени ихъ начальника Валлиса сталъ извѣстенъ подъ названіемъ Балисе или Белизе (Balice, Belize). Стоя во главѣ индѣйцевъ и негровъ-метисовъ, они постепенно захватывали окрестныя области и легко тамъ водворялись, благодаря ихъ отдаленному положенію отъ центра испанскаго владычества. Но въ 1730 г. противъ нихъ была составлена большая экспедиція; суда ихъ были забраны, а хижины и груды лѣса преданы огню; но какъ только испанцы ушли, они снова возвратились изъ лѣсовъ, въ которыхъ укрывались. Новая экспедиція обратила ихъ во

вторичное бѣгство; но, послѣ этого, вернувшись опять на старое гнѣздо, они воздвигли при входѣ въ рѣки укрѣпленные посты и съ того времени были защищены отъ всякихъ нападеній [1]). Въ 1763 г. Парижскій трактатъ даровалъ имъ, наконецъ, право пользованія захваченной территоріей, но съ исключительною цѣлью эксплоатаціи и торговли лѣсовъ; они принуждены были сломать свои крѣпостцы и ограды; всякое окончательное поселеніе для цѣлей культуры, основаніе муниципальныхъ городовъ, организація вооруженной силы были имъ запрещены, и страна въ политическомъ отношеніи продолжала оставаться владѣніемъ Испаніи. Версальскій трактатъ 1783 г. подтвердилъ эти условія, увеличивъ вмѣстѣ съ тѣмъ пространство лѣсной дачи, предоставленной въ пользованіе потомкамъ пиратовъ. Однако, Англія имѣла силу, и состояніе войны, въ которомъ находились обѣ націи, въ концѣ прошлаго столѣтія, а также маленькое морское сраженіе въ 1798 г., позволили англичанамъ присвоить себѣ по праву завоеванія территорію, которою они владѣли по милостивой концессіи: такимъ образомъ они могли присвоить себѣ права полнаго суверенитета, которыя, впрочемъ, и оспариваются-то у нихъ только для формы. Кромѣ того, колонисты мало-помалу захватывали земли, лежащія за границами ихъ прежнихъ владѣній, и такимъ образомъ съ годами значительно расширили эту территорію, такъ что раздѣльная линія, которою прежде служила ріо-Сибунъ, отодвинулась на 180 километровъ южнѣе, до береговъ залива Аматикъ.

Въ нынѣшнихъ своихъ предѣлахъ, Британскій Гондурасъ занимаетъ площадь въ 21.475 кв. километр., но населенъ онъ весьма слабо: въ концѣ 1897 г. число жителей его опредѣляли въ 34.000 чел., что составитъ полтора человѣка на 1 кв. километръ. Изъ всѣхъ странъ Центральной Америки Белизъ имѣетъ самое рѣдкое населеніе. Слѣдовательно, въ этой части земнаго шара англо-саксы не имѣютъ права противоставлять свою побѣдоносную энергію и любовь къ прогрессу лѣности испано-американцевъ. Впрочемъ, они здѣсь съ трудомъ приспособляются къ средѣ: во всей колоніи ихъ насчитывается не болѣе 400 человѣкъ, т. е. значительно меньше, чѣмъ испанскихъ метисовъ и потомковъ политическихъ эмигрантовъ, пришедшихъ изъ республикъ Центральной Америки. Главная часть городскаго населенія состоитъ изъ болѣе или менѣе смѣшавшихся африканцевъ, а въ разбросанныхъ деревушкахъ—изъ караибовъ, т. е. изъ индѣйцевъ, имѣющихъ дѣйствительно кровное родство съ ссыльными изъ Сентъ-Винцента, которыхъ англичане сослали, въ 1797 г., на острова Бухты. Въ пятидесяти километрахъ выше города Белизъ, рѣка окаймлена цѣлымъ рядомъ искусственныхъ холмиковъ, еще не изслѣдованныхъ, но которые, по всей вѣроятности, были либо могилами, либо временными поселеніями, гдѣ жители спасались во время половодья; они свидѣтельствуютъ по крайней мѣрѣ о томъ, что страна не всегда была пустыней [1]).

Хотя Белизъ и находится на разстояніи всего только восемнадцати дней пути отъ Великобританіи, но внутренность его менѣе изслѣдована, чѣмъ Центральная Африка [2]). А между тѣмъ это одна изъ самыхъ счастливыхъ мѣстностей въ свѣтѣ по богатству своихъ естественныхъ произведеній: на одной и той же землѣ, немного возвышающейся надъ золотистымъ прибрежнымъ поясомъ, плантаторы воздѣлываютъ одновременно маисъ, рисъ и маніокъ, хлопокъ, алоэ, кофе, какао и апельсины, бананы, пальмы и каучуковыя деревья.

Въ южной части территоріи склонъ, почти надлежащій Великобританіи, имѣетъ небольшую ширину, и возвышающіеся тамъ холмы по большей части — передовые отроги гватемальскихъ горъ Вера-Пацъ: самыя высокія вершины, видныя съ моря въ этихъ еще не изслѣдованныхъ областяхъ, превышаютъ 300 метровъ; небольшой отдѣльный массивъ песчаниковыхъ скалъ, которому англичане дали названіе Севенъ-Хильсъ, или «Семь холмовъ», достигаетъ 143 метровъ; крайнимъ пунктомъ этой группы небольшихъ горъ является мысъ, ограничивающій заливъ Аматикъ. На сѣверѣ побережье представляетъ собою высокій крутой берегъ, покрытый соснами и нѣсколько отступающій отъ края моря, такъ что образуетъ какъ бы второй берегъ надъ низкими землями.

Самыя высокія горы Британскаго Гондураса называются Кокскомбъ-Маунтэнсъ, или «горы Пѣтушинаго Гребня». Онѣ соединяются съ боковой цѣпью Гватемальской системы, но ихъ высочайшія вершины находятся на англійской территоріи. Главный кряжъ идетъ по направленію съ запада на востокъ, и съ его сѣверныхъ склоновъ сбѣгаютъ ручьи, питающіе рѣку Белизъ. Эти горы, нижніе склоны которыхъ покрыты густымъ лѣсомъ, тогда какъ на скатахъ вершинъ встрѣчаются только рѣдкія сосны,—состоятъ отчасти изъ гранита, о чемъ свидѣтельствуютъ глыбы, скатившіяся въ русло горныхъ стремнинъ; изслѣдователи обратили особенное вниманіе на твердый известнякъ, съ прожилинами кварца и сланца, подъемъ на который очень труденъ: это, по

[1]) Orozco y Berra, „Apuntes para la Historia de la Geografia en México“.

[1]) Henderson, „Account of the district Settlement of Honduras“. 1811 г.

[2]) J. Bellami, „Proceedings of the R. Geographical Society“. Сентябрь 1889 г.

всей вѣроятности, тѣ *педерналесы*, на которые въ 1524 г. отрядъ Кортеса взбирался цѣлые двѣнадцать дней во время своей удивительной экспедиціи въ Гондурасъ. Самая высокая вершина Кокскомба, которую первый добравшійся до нея человѣкъ, согласно обычаю англійскихъ изслѣдователей, не преминулъ назвать «пикомъ Викторія», достигаетъ 1.127 метровъ высоты надъ уровнемъ моря; другія остроконечныя вершины, изъ которыхъ одна носитъ названіе путешественника Белламп (823 метра), идутъ по направленію къ востоку, затѣмъ горная цѣпь довольно круто понижается, имѣя предгорьями только небольшіе холмы. Кульминаціонную точку представляетъ игла, недоступная съ виду, до которой добирались съ помощью канатовъ, и откуда взоръ охватываетъ обширный горизонтъ, до горъ Омоа, болѣе чѣмъ въ 150 километровъ по направленію къ юго-западу, въ республикѣ Гондурасъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣется безпредѣльное пространство горныхъ вершинъ и долинъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ; ни одной открытой равнины, ни одного изъ тѣхъ озеръ, про которыя говорили туземцы и которыхъ можно было ожидать въ этой области. Геологи открыли въ Кокскомбѣ и въ пограничныхъ съ нимъ Гватемальскихъ городахъ рудныя мѣсторожденія желѣза и свинца, а также слѣды серебра и золота [1]; но когда эти горы будутъ связаны съ прибрежными портами, онѣ получатъ большую цѣну въ особенности для земледѣльцевъ, благодаря своимъ плодороднымъ долинамъ и болѣе здоровому климату, чѣмъ на равнинахъ. Со временемъ здѣсь будетъ, вѣроятно, основана санаторія Белиза.

Поля этой области орошаются обильными дождями, излишекъ которыхъ сбѣгаетъ къ морю по многочисленнымъ и могучимъ рѣкамъ. Рѣка Сарстунъ, составляющая южную границу территоріи, имѣетъ при устьѣ 600 метровъ ширины, и около 2 метровъ воды на барѣ: лодки, переходящія черезъ ея порогъ, находятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубину въ 11 и даже 13 метровъ. Рѣки, текущія къ сѣверу отъ Сарстуна, и большая часть которыхъ уступаетъ въ длинѣ этой рѣкѣ, начинающейся далеко внутри Гватемалы, по судоходству также значительны, какъ и Сарстунъ. Нѣкоторыя изъ нихъ настолько многоводны, что наполняютъ по обѣ стороны береговыя лагуны и выдвигаютъ далеко въ море двѣ аллювіальныя губы. Одною изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ этого берега считается Сибунъ, который впадаетъ въ море на нѣсколько километровъ южнѣе столицы, перерѣзавъ область известковыхъ холмовъ, просверленныхъ подземными галлереями. Онъ получаетъ часть водъ, сбѣгающихъ съ Кокскомба, но значительно меньше, чѣмъ рѣка, извѣстная вообще у англичанъ подъ названіемъ Белизъ: это Мопанъ, который беретъ начало къ юго-востоку отъ озера Ица или Петенъ, въ Гватемалѣ, и извивается затѣмъ по направленію къ сѣверо-востоку. У Гарбеттскихъ водопадовъ онъ входитъ въ британскую территорію и мѣняетъ свое прежнее названіе на испанское, протекая уже подъ названіемъ ріо-Віехо, или «Старой Рѣки», вѣроятно, потому, что уже до прибытія англійскихъ пиратовъ эта рѣка была утилизирована. Она приноситъ весьма значительное количество осадковъ въ неглубокую часть моря, куда впадаетъ, образуя длинный аллювіальный полуостровъ за нормальной линіей береговъ. Къ сѣверу отъ этого могучаго воднаго потока нѣтъ больше рѣки, достойной такого названія, до юго-западнаго угла Четумалской бухты, куда изливаются двѣ рѣки, Нуево и Хондо; эта послѣдняя заслуживаетъ названія «Глубокой», такъ какъ она судоходна на большей части своего теченія, служащаго границей между англійской территоріей и странами, хотя и принадлежащими оффиціально Мексикѣ, но занятыми еще независимыми индѣйцами. Рѣки Нуево и Хондо протекаютъ по низкимъ областямъ, усѣяннымъ неглубокими озерами, которыя соединяются протоками съ измѣнчивымъ русломъ этихъ рѣкъ.

Отъ входа въ бухту Аматикъ до самой бухты Четумалъ, на пространствѣ около 250 километровъ, континентальный берегъ, изрѣзанный устьями рѣкъ, окаймленъ во всю длину другимъ берегомъ, состоящимъ изъ мелей и коралловыхъ рифовъ, на которомъ тамъ и сямъ виднѣются подводные камни и лѣсистые острова и островки: даже на подводной почвѣ образуются ряды корнепусковъ. Пространство земли, заключенное между двумя берегами, имѣетъ не менѣе 30 километровъ въ ширину и въ большей части своего протяженія занято мелями, покрытыми слоемъ воды всего только въ нѣсколько метровъ; тѣмъ не менѣе идущіе параллельно берегу, между коралловыми массивами, излучистые каналы, гдѣ суда вполнѣ защищены отъ морской зыби, представляютъ для каботажнаго плаванія отличную линію внутренняго судоходства. Издали эта цѣпь буруновъ, отдѣляющая береговыя лагуны отъ глубокаго моря, кажется непереходимой и, дѣйствительно, тамъ нельзя пройти безъ лоцмана, даже запасшись лучшими картами. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ брешей имѣютъ очень глубокую воду: такова брешь Белизъ, гдѣ суда находятъ глубину въ 14 — 55 метровъ; зато другія настолько мелки, что рыбаки могли бы переходить ихъ въ бродъ: между островомъ Амбергрисъ, самою длинною мелью, и твердымъ берегомъ Юкатана проходъ дотого мелокъ, что тамъ могутъ плавать только лодки, имѣю-

[1] Fowler, „Proceedings of the R. Geographical Society“. 1880.

щія не болѣе 70 сантиметровъ осадки. Четумалская бухта, которую Амбергрисъ отдѣляетъ отъ моря, представляетъ то же явленіе, какъ и двѣ юкатанскія бухты Эспириту-Санто и Асенсіонъ, лежащія сѣвернѣе; но она значительно обширнѣе, занимая пространство въ тысячу квадратныхъ километровъ. Этотъ громадный бассейнъ есть, такъ сказать, лабораторія коралловой жизни: рифы, еще не совсѣмъ сформировавшіеся, сидятъ подъ водою приблизительно на 3 — 5 метровъ. У самаго входа бухты они всего выше; ростъ ихъ значительно замедляется по мѣрѣ углубленія залива, такъ что тамъ встрѣчаются впадины въ 7—8 метровъ. Одни только плоскодонныя суда, грузящіяся лѣсомъ при устьяхъ рѣкъ, отваживаются входить въ этотъ обширный внутренній заливъ.

Замѣчательно, что два берега,—берегъ твердой земли, уже окрѣпшій, и цѣпь cayos,—почти параллельны одинъ другому, и послѣдній берегъ какъ разъ служитъ продолженіемъ восточнаго берега Юкатана. Это еще не все: долина, по которой протекаетъ ріо-Віехо, или рѣка Белизъ, выше своего большаго изгиба, продолжается на сѣверъ лагунами и другой долиной, долиной рѣки Нуево (New river), которыя всѣ расположены по одной оси и образуютъ, вмѣстѣ съ западнымъ берегомъ Четумалской бухты, одному линію, параллельную, линіи обоихъ береговъ. Русло ріо Хондо имѣетъ то же направленіе, какъ будто оно идетъ вдоль основанія утеса, бывшаго нѣкогда также берегомъ. Кромѣ того, внутри Юкатана двѣ соединяющіяся лагуны, Марискаль и Бакаларъ, тянутся по тому же направленію и, если карты этой британской части Юкатана вѣрны, и другія лагуны, Агуада-Санъ-Педро, Агуада-Консепсіонъ, Агуада-Каролина, расположены въ длину по направленію общей оси, которая, повидимому, есть ось послѣдовательнаго образованія береговъ. Геологическое изслѣдованіе внутренней страны дастъ возможность провѣрить точность этой гипотезы, если подтвердитъ предположеніе, что берега лагунъ и параллельныхъ рѣкъ въ этомъ краю состоятъ изъ коралловыхъ скалъ, образующихъ, по направленію отъ востока къ западу, серію террасъ, вродѣ лѣстницы съ очень удлиненными ступенями. Это будетъ явленіе, аналогичное съ тѣмъ, какое представляютъ собою концентрическіе берега Флориды, постепенно построенные морскими полипами въ теченіе вѣковъ. Острова залива, лежащіе за цѣпью подводныхъ рифовъ, также расположены по длинѣ параллельно оси береговъ и принадлежатъ къ той же формаціи. Острова Турнеффъ (Tierra nueva), букеты зелени, лежащіе передъ Белизомъ, покоятся на цоколѣ изъ рифовъ, каналы которыхъ, частью засыпанные пескомъ, служатъ для рыбаковъ естественными резервуарами рыбы и черепахъ. Турнеффъ можетъ быть разсматриваемъ какъ большой островъ, лежащій на одной линіи съ банкою Чинчорро и островомъ Козумель, въ прибрежной части моря, омывающаго Юкатанъ. Это какъ бы фундаментъ будущаго берега. Еще дальше въ открытомъ морѣ рифы Гловеръ и Лайтъ-Хоусъ возвѣщаютъ другой берегъ въ періодѣ образованія.

Британскій Гондурасъ, простое черезполосное владѣніе у основанія Юкатанскаго полуострова, лежащее между Мексикой и Гватемалой, мало отличается отъ послѣднихъ по климату. Средняя температура въ Белизѣ отъ 26 до 27 градусовъ по стоградусному термометру; лѣтомъ она не подымается выше 30 градусовъ, но часто бываетъ тягостна, вслѣдствіе чрезмѣрнаго скопленія влаги въ атмосферѣ. Въ этомъ городѣ, окруженномъ водой, рѣками, болотами и лагунами, часто бываютъ туманы и обильныя росы; на ясномъ небѣ рѣдко можно видѣть луну и звѣзды; когда дуетъ западный вѣтеръ, то вмѣстѣ съ болотными испареніями появляются москиты и въ то же время начинаются перемежающіяся лихорадки. Лучшимъ временемъ года считается зима, когда преобладаютъ сѣверные вѣтры; издали доносится въ это время непрерывный гулъ волнъ, разбивающихся о цѣпь подводныхъ камней, тогда какъ передъ Белизомъ водное пространство остается ненарушимо спокойнымъ и гладкимъ. Флора и фауна въ Белизѣ такія же, какъ и въ Юкатанѣ, но здѣсь во всѣхъ долинахъ, не содержащихъ въ своей почвѣ известняка и хорошо орошаемыхъ, лѣса гораздо обширнѣе и гуще. Внутри страны они чередуются съ пастбищами, какъ въ Петенѣ, и здѣсь можно бы было разводить цѣлыя сотни тысячъ головъ скота, если бы не бичъ *нигуа*, или нарывная блоха (pulex penetrans), недавно проникшая сюда съ востока. Моря Британскаго Гондураса изобилуютъ рыбой, а также черепахами, которыя идутъ на Лондонскій рынокъ.

Городъ, который носитъ еще въ испанской формѣ Белизе имя своего основателя, пирата Валлиса, расположенъ на берегу внутренней лагуны, на землѣ, лежащей въ уровень съ водою и орошаемой рѣкою Мопанъ, Белизе или ріо-Віехо: въ устьѣ рѣки съ одной стороны городской набережной на другую перекинутъ деревянный мостъ. Почва, содержимая въ замѣчательной чистотѣ, дотого низка, что ее пришлось искусственно поднимать посредствомъ судоваго балласта и попорченныхъ деревьевъ, и при всемъ томъ достаточно, чтобы приливъ былъ немного сильнѣе обыкновеннаго, — хотя меньше даже полуметра, — чтобы дома были затоплены. Впрочемъ дома эти очень легкіе, почти все деревянные или стоящіе на сваяхъ: ни камень, ни кирпичъ не годятся здѣсь, какъ

строительный матеріалъ, такъ какъ они осѣдали бы въ топкой почвѣ. Тотчасъ за городомъ тянутся пруды и болота съ построенными черезъ нихъ дамбами, которыя соединяютъ съ берегомъ разбросанные домики; на островахъ рейда, считающихся болѣе здоровыми, чѣмъ

самый берегъ, находится нѣсколько загородныхъ виллъ. Морское дно служитъ продолженіемъ низкаго берега: портъ можетъ принимать только суда незначительной осадки; кромѣ того, онъ открытъ восточнымъ вѣтрамъ, но волны разбиваются о прибрежные островки

Вулканъ Илопанго.

и о находящіеся въ открытомъ морѣ рифы. Крѣпость, построенная въ уровень съ водою, защищаетъ проходъ.

Для продовольствія своихъ жителей, Белизе имѣетъ только рыбу и раковины изъ сосѣдняго моря, такъ какъ культура почти невозможна на заливаемой почвѣ окрестностей; прежде почти всѣ съѣстные продукты приходили изъ Бакалара, на Юкатанѣ, черезъ Четумалскую бухту; но со времени упадка этого города ввозъ жизненныхъ припасовъ производится черезъ различные береговые пункты, главнымъ же образомъ они привозятся изъ Соединенныхъ Штатовъ черезъ Мексиканскій заливъ. Хотя Белизе и окруженъ водою, но онъ не можетъ пользоваться ею изъ р. Мопана: городъ снабжается водою посредствомъ цистернъ. Въ ту эпоху, когда сосѣдніе лѣса изобиловали крупными красными, кампешскими и кедровыми деревьями, которыя легко сплавлялись на плотахъ, неудобство мѣстоположенія этого города не мѣшало его жителямъ быстро обогащаться. Въ настоящее же время недостатокъ большихъ деревьевъ принудилъ жителей, состоящихъ большею частью изъ черныхъ и мулатовъ, измѣнить свой промыселъ: торговля Белизе состоитъ главнымъ образомъ во ввозѣ продуктовъ и товаровъ изъ Соединенныхъ Штатовъ и Великобританіи, которые отсюда расходятся по всѣмъ атлантическимъ портамъ Гватемалы и Гондураса. Пароходъ, совершающій рейсы между Новымъ Орлеаномъ и Белизе, служитъ самымъ дѣятельнымъ посредникомъ въ этой торговлѣ; вывозъ состоитъ главнымъ образомъ изъ фруктовъ.

Торговое движеніе въ Брит. Гондурасѣ въ 1897 г.: привозъ — 1.422.097, вывозъ — 1.404.387 доллар.; въ томъ числѣ привозъ изъ Англіи—486.463, вывозъ въ Англію—769.867 долл.

Движеніе судоходства: въ приходѣ—641 судно, въ 194.144 тонны; въ отходѣ—633 судна, въ 196.189 тон.

Городское населеніе, состоявшее въ 1844 г. изъ 10.800 жителей, въ 1887 г. не превышало 5.800 человѣкъ, а когда между портами Центральной Америки и Европы, а также Соединенныхъ Штатовъ установятся болѣе частыя прямыя сообщенія, населеніе Белизе еще уменьшится, если только не разовьется культура сахарнаго тростника, кофе, банановъ, апельсинныхъ и каучуковыхъ деревьевъ, генекена, если на сухой почвѣ внутри страны не будутъ устроены загоны для скота и если британскій портъ останется несоединеннымъ правильными путями сообщенія съ округомъ Петенъ и Юкатаномъ (въ 1887 г. въ этой колоніи было обработанной земли: 17.840 гектаровъ; необработанной 1.940.700 гектаровъ). Но такая будущность еще очень далека, потому что нигдѣ монополія не развита такъ сильно, какъ здѣсь, въ пользу нѣсколькихъ постоянно отсутствующихъ землевладѣльцевъ: одна земельная компанія владѣетъ болѣе, чѣмъ третью всей колоніальной территоріи, хотя не можетъ утилизировать и сотой части своего имѣнія.

Портъ Коросаль, или «Пальмовникъ», занимаетъ очень счастливое положеніе, при устьѣ ріо-Нуево и по сосѣдству съ ріо-Хондо: это — естественное складочное мѣсто лѣса, срубленнаго на берегахъ этихъ двухъ рѣкъ. Разрушеніе Бакалара, находившагося въ пятидесяти километрахъ къ сѣверо-западу, при лагунѣ того же названія, послужило къ благополучію Коросаля; бѣглецы, избѣгнувшіе ярости индійцевъ, массами двинулись къ британской территоріи. Этотъ городъ, почти испанскій, имѣющій 5.000 жителей, занимаетъ по значенію второе мѣсто въ англійской колоніи: онъ окруженъ сахарными плантаціями. Другія мѣстности представляютъ изъ себя только плантаціи или группы хижинъ. Санъ-Педро, рыбачья деревня на островѣ Амбергрисъ ведетъ торговлю съ Белизе, пользуясь для перевозки товаровъ небольшими шкунами. Наиболѣе значительными по торговлѣ прибрежными гаванями являются деревни Стонъ-Крикъ и Пунта-Горда, населенныя караибами-землепашцами, которые воздѣлываютъ обширныя пространства земли и снабжаютъ Белизе скотомъ, фруктами и овощами. Пришедшіе изъ Южныхъ Соединенныхъ Штатовъ негры поселились, въ количествѣ семисотъ человѣкъ, въ пятнадцати километрахъ отъ Пунта-Горда и основали городъ Толедо; они занимаются главнымъ образомъ культурой сахарнаго тростника. На островѣ Турнеффѣ находится всего только одно небольшое рыбачье селеніе; но раскопки показали, что прежде этотъ островъ былъ гораздо населеннѣе, чѣмъ теперь.

Британскій Гондурасъ — «коронная колонія», т. е. непосредственное владѣніе государства: онъ управляется губернаторомъ, которому помогаетъ законодательный совѣтъ, состоящій изъ десяти членовъ. Ежегодный бюджетъ, превышающій милліонъ франковъ, заключаетъ въ себѣ пособіе отъ Великобританіи, но главные его доходы получаются отъ таможенныхъ пошлинъ. Продажа земель, стоящихъ здѣсь относительно въ высокой цѣнѣ, по 25 франковъ за гектаръ, даетъ весьма небольшую поддержку правительству: ни одинъ бѣднякъ колонистъ - землепашецъ и не думаетъ селиться по сосѣдству съ могущественными финансовыми компаніями. Небольшое войско, отряженное съ Ямайки, стоитъ гарнизономъ въ Белизе и въ другихъ мѣстахъ колоніи. Въ 1872 г. это войско должно было защищать границу отъ набѣговъ индѣйцевъ племени майя. Чернокожіе жители Белизе пользуются привилегіей самоуправленія; во время возни-

кающихъ между собою распрей, они обращаются къ посредничеству избранной ими королевы, которую они съ большимъ торжествомъ возводятъ на тронъ.

Глава IV
Центральная Америка.

I. Общее обозрѣніе.

Длинная полоса земель, заключающаяся всецѣло въ тропическомъ поясѣ, которая тянется съ сѣверо-запада на юго-востокъ, между Тегуантепекскимъ перешейкомъ и долиной рѣки Атрато, представляетъ область, совершенно отличную отъ двухъ континентальныхъ массъ Новаго Свѣта, Сѣверной и Южной Америкъ; однако, ее обыкновенно причисляютъ къ Сѣверной Америкѣ, потому что она постепенно съуживается, приближаясь къ андскому материку. Въ предшествующій геологическій періодъ эта область была не что иное, какъ цѣпь острововъ, подобная Антильскимъ. Такъ какъ изслѣдованіе этихъ странъ пока еще производилось отрывочно и бѣгло, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга округовъ, то нельзя съ точностью опредѣлить, какая была форма островной цѣпи до того времени, когда закрылись проливы. Впрочемъ, вѣроятно, и не было точнаго совпаденія для эпохъ закрытія, и иной проходъ, быть можетъ, продолжалъ существовать еще въ теченіе цѣлыхъ земныхъ періодовъ, въ то время, какъ другіе проходы были уже завалены наносною землею или эруптивными скалами. Между этими древними путями сообщенія между двумя океанами есть такіе, первоначальные берега которыхъ можно еще до сихъ поръ ясно распознать: таковы Тегуантепекскій и Никарауаскій проливы. Полуострова Коста-Рика и Панамскій соединяются съ материкомъ посредствомъ перешейковъ, въ которыхъ также легко признать характеръ засыпанныхъ проливовъ. Другіе проходы труднѣе отыскать; однако, не подлежитъ сомнѣнію, что въ давнюю эпоху море занимало также среднюю низменность Гондураса, у пороговъ Гуажока и Ранчо-Чикито, и впадину центральнаго плоскогорья Коста-Рики, около ущелья Очомого. Другіе проходы открывались между бухтами Чирикуи и Давидъ; Панамскій и Даріенскій каналы были предуказаны естественными путями, а долина Атрато занимаетъ мѣсто длиннаго морскаго пролива[1]).

[1]) H. Pittier, рукописныя замѣтки. — „Bulletin de la Société de Géographie de Neuchâtel“. 1890.

Самая узкая часть перешейковъ, при политическихъ раздѣлахъ, отошла къ одному государству Южной Америки. Но оффиціальныя разграниченія не согласуются съ раздѣльными линіями, ясно начертанными самой природою. Граница Центральной Америки все-таки опредѣленно отмѣчена въ колумбійской территоріи теченіемъ р. Атрато, лѣсистыми болотами ея береговъ и низменностью, которая соединяетъ этотъ рѣчной бассейнъ съ бассейномъ рѣки Санъ-Жуанъ. Впрочемъ, чисто географическій фактъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія для группировки этническихъ элементовъ: они группируются по своему желанію, согласно своимъ интересамъ и симпатіямъ.

Центральная Америка, взятая въ самомъ тѣсномъ политическомъ значеніи, т. е. какъ область перешейковъ, безъ Чіапаса, принадлежащаго Мексикѣ, и безъ двойной дуги Панамы, составляющей одну изъ провинцій Колумбіи, часто образовывала оффиціально одно политическое цѣлое. Подъ испанскимъ владычествомъ королевская Аудіенція Гватемалы, въ составъ которой входилъ также Соконуско, сдѣлавшійся современемъ мексиканскимъ простиралась на югъ до бухты Чирикуи. Въ 1823 г., во время провозглашенія гватемальской независимости, южныя провинціи продолжали составлять часть государства, столицей котораго была Гватемала; но въ 1838 г., послѣ многочисленныхъ междоусобицъ, федеральная республика, которую онѣ составляли вмѣстѣ съ сѣвернымъ округомъ, окончательно распалась, и Центральная Америка раздѣлилась на пять автономныхъ государствъ Гватемалу, Гондурасъ, Сальвадоръ, Никарагуа и Коста-Рику. Однако, эти небольшія разлучившіяся и зачастую враждебныя другъ другу республики всегда смотрѣли на себя какъ на особую семью въ совокупности испано-американскихъ обществъ, и для возстановленія политическаго единства дѣлались разныя попытки, какъ миролюбиваго, такъ и насильственнаго характера. Жители этихъ раздробленныхъ республикъ, столь слабыхъ въ сравненіи съ большими государствами, оспаривающими другъ у друга политическое преобладаніе на берегахъ аме-

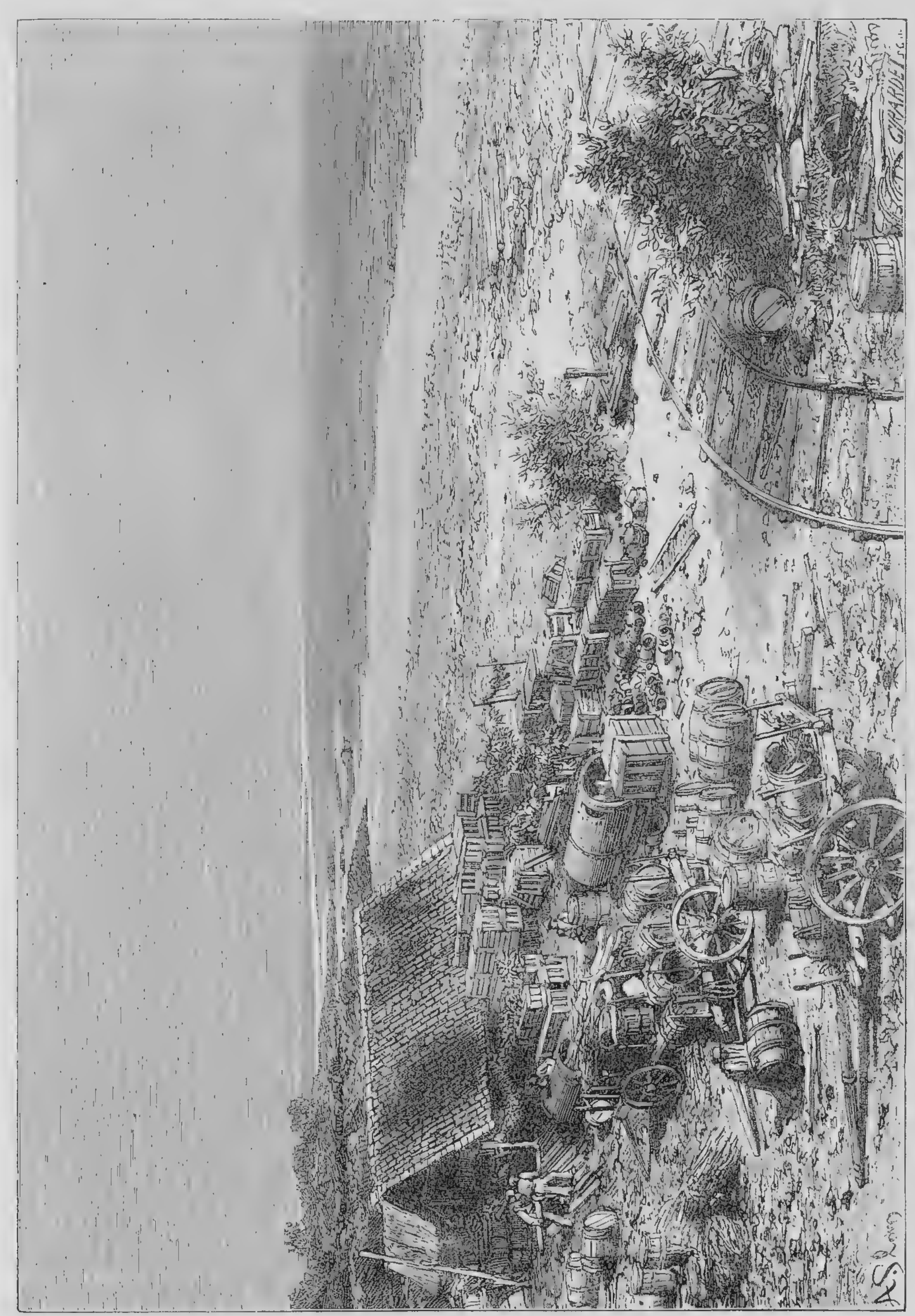
риканскаго Средиземнаго моря, чувствуютъ себя униженными своимъ безсиліемъ и разсчитываютъ современемъ занять лучшее положеніе, когда явятся тѣсно сплотившейся націей въ количествѣ болѣе трехъ милліоновъ человѣкъ.

Уже въ 1879 г. конституція Гватемалы предвидѣла, что рано или поздно между различными республиками установится тѣсный политическій союзъ, и обѣщала сохранять и поддерживать съ ними «родственныя и дружественныя отношенія»; кромѣ того, она объявила о желаніи народа сплотиться снова въ болѣе обширную національность Центральной Америки: всякій уроженецъ одной изъ сосѣднихъ республикъ становился по праву гватемальскимъ гражданиномъ, если выражалъ о томъ свое желаніе. Правда, что ко всѣмъ этимъ законодательнымъ актамъ собратства присоединились военныя приготовленія, чтобы принудить къ союзу другія республики, если бы онѣ не осуществили его добровольно. Въ 1886 г., Гватемала предложила созвать конгрессъ для подготовленія новой федераціи, а въ слѣдующемъ году было постановлено, что всякія распри между республиками будутъ впредь рѣшаться не войной, а третейскимъ судомъ: чтобы постановленіе это подтвердить примѣромъ, Коста-Рика и Никарагуа, спорившія въ то время изъ-за границъ, обратились къ суду президента Соединенныхъ Штатовъ. Наконецъ, собравшійся въ 1889 г. въ городѣ Санъ-Сальвадорѣ конгрессъ заключилъ договоръ о союзѣ, по которому пять республикъ соединяются въ федерацію, подъ названіемъ Центро-Америки, пока на десятилѣній срокъ. По этому оффиціальному проекту, время искуса должно окончиться въ 1900 г., когда будетъ вотирована окончательная конституція; каждый годъ представители различныхъ федеральныхъ штатовъ должны собираться въ одной изъ пяти столицъ, назначаемыхъ поочередно по жребію. Таможни упразднены на соотвѣтственныхъ границахъ, а публичныя службы, какъ, напримѣръ, почта и телеграфъ, становятся общими для всей Центральной Америки. Но едва былъ подписанъ договоръ о союзѣ, какъ тотчасъ же обманутыя честолюбія уничтожили его, вызвавъ войну между Сальвадоромъ и Гватемалой.

Говоря о разъединеніи республикъ перешейка, обыкновенно обвиняютъ, и совсѣмъ несправедливо, безпокойный и воинственный духъ туземцевъ, которымъ, будто бы, нравится воевать безъ цѣли. Между тѣмъ, географическое положеніе страны даетъ объясненіе этому политическому дробленію. Провинціи могли оставаться соединенными подъ общимъ давленіемъ въ то время, когда монополія и инквизиція держали всѣхъ въ оцѣпенѣніи; но какъ только проснулась мѣстная инціатива, населенія, столь отдаленныя другъ отъ друга, какъ націи Центральной Америки, лишенной въ то время всякихъ скорыхъ путей сообщенія, не могли приноровиться къ режиму крайней централизаціи: образованіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ сдѣлалось неизбѣжнымъ явленіемъ, политическое единство свободныхъ общинъ не могло существовать тамъ, гдѣ не было никакого географическаго единства. Альтосы Гватемалы и плоскогорья, продолжающія ихъ къ юго-востоку, плодородныя равнины Сальвадора, долины Гондураса, низменность, простирающаяся отъ бухты Фонсека до озера Никарагуа, наконецъ плоскогорье, лежащее на половинѣ высоты вулканической цѣпи Коста-Рики,—всѣ эти области представляютъ собою центры самостоятельной жизни, не имѣющіе почти никакихъ естественныхъ отношеній между собою.

Самая длиннота Центральной Америки, простирающейся почти на 1.200 километровъ при весьма незначительной средней ширинѣ, казалось, впередъ уже указывала на то, что между различными этническими элементами этого края долженъ быть разрывъ. Но зона населенія еще гораздо уже, чѣмъ самая полоса земель: почти всѣ культурные народы, испанцы или метисы, поселились вдоль берега Великаго океана, тогда какъ на противоположномъ склонѣ бассейны большихъ гватемальскихъ рѣкъ, сѣверные лѣса Гондураса, почти неизслѣдованныя долины Москитіи, являются, такъ сказать, пустынными областями, рѣдкое населеніе которыхъ находится еще наполовину въ дикомъ состояніи. Культурное населеніе, образовавшееся въ республиканскихъ штатахъ, сосредоточено только въ узкой цѣпи городовъ и деревень этой и самой по себѣ уже узкой территоріи Центральной Америки. Этотъ этническій контрастъ между двумя морскими покатостями объясняется главнымъ образомъ различіемъ почвы и климата: въ поясѣ, сосѣднемъ съ Южнымъ моремъ, находятся самыя плодородныя и не столь сырыя мѣстности, гдѣ климатъ представляетъ болѣе правильные переходы между сухимъ временемъ года и сезономъ дождей. Но существуютъ еще и другія причины относительной безлюдности атлантическихъ береговъ. Колумбъ первый увезъ оттуда людей, а по его примѣру тамъ же стали запасаться рабами антильскіе плантаторы. Вся зона земель, доступныхъ съ моря и съ рѣкъ, была опустошена, и прибрежные жители, которые могли спастись отъ торговцевъ живымъ товаромъ, убѣжали далеко внутрь страны. Съ своей стороны, испанскіе колонисты не могли устраивать торговыя факторіи и плантаціи въ странѣ, лишенной населенія и культуры. Между тѣмъ имъ во что бы то ни стало требовались укрѣпленные посты, чтобы поддерживать сообщенія съ метрополіей; но когда пираты и

корсары различныхъ національностей завладѣли, послѣ испанцевъ, антильскими морями, они зачастую нападали на эти посты и захватывали ихъ. Изъ двухъ побережій Центральной Америки то, которое обращено къ Европѣ, было «мертвымъ» берегомъ, а идущее вдоль огромныхъ пространствъ Великаго океана было «живымъ берегомъ». Всѣ новости передавались чрезъ западное побережье до Акапулко или Санъ-Бласа и, такимъ образомъ, хотя и съ трудомъ, поддерживались сношенія между двумя «Испаніями» Стараго и Новаго Свѣта.

Либертадъ. Портъ Санъ-Сальвадора.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Центральная Америка перестала принадлежать отдаленной державѣ, обстоятельства существенно измѣнились. Прежде всего населеніе увеличилось болѣе, чѣмъ въ три раза: во время переписи 1778 г.

«королевство» Гватемала, за исключеніемъ Чіапаса, имѣло 847.000 жителей, а общая численность подданныхъ, которыхъ испанская корона потеряла во время провозглашенія Гватемалою независимости въ 1821 г., опредѣлялось въ милліонъ человѣкъ. Населеніе пяти республикъ съ этой эпохи увеличилось болѣе, чѣмъ втрое; группы населенія, нѣкогда изолированнаго, постепенно соединялись между собою промежуточными колоніями, и атлантическій склонъ, охваченный культурою, имѣетъ уже свои города и порты. Благодаря заселенію, которое здѣсь идетъ относительно быстрѣе, чѣмъ въ Мексикѣ, Центральная Америка созрѣла уже для политическаго единенія; но главной причиной близкаго къ осуществленію соединенія пяти республикъ является уменьшеніе разстояній.* Съ 1897 г. республики эти образуютъ союзное государство подъ именемъ «большой республики Центральной Америки» (republica mayor de Centro-America).

Пространство и населеніе Центральной Америки, включая Британскій Гондурасъ и Панаму:

	Кв. кил.	Жителей.		На кв. кил. жит.
Британскій Гондурасъ	21.475	34 277	(1897 г.)	1,6
Гватемала	125.100	1.535.632	(1897 „)	12
Гондурасъ	119.820	400.000	(1898 „)	3
Сальвадоръ . . .	21.070	803.534	(1894 „)	38
Никарагуа	123.950	380 000	(1895 „)	2,5
Коста-Рика . . .	52.570	253.040	(1894 „)	4,7
Панама	82.600	300.000	„	4*

Въ ту эпоху, когда прибрежное плаваніе происходило исключительно на парусныхъ судахъ, взаимныя сообщенія народовъ были рѣдки и непостоянны; они зависѣли отъ времени года и вѣтровъ, и даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ совершались гораздо медленнѣе, чѣмъ теперь, при услугахъ пара. Правильные рельсы пакеботовъ сократили болѣе, чѣмъ на девять десятыхъ размѣры Центральной Америки, если ихъ считать не километрами, а временемъ, употребляемымъ на переѣздъ; кромѣ того, обыкновенныя и желѣзныя дороги, проведенныя между двумя морями, почти совсѣмъ сблизили берега, прежде находившіеся другъ отъ друга на разстояніи нѣсколькихъ дней или даже недѣль пути.

По благоустройству эту страну нельзя сравнивать съ Соединенными Штатами и Европой. Даже предварительныя работы по географическому изслѣдованію страны еще не окончены, и нѣкоторыя области, хорошо извѣстныя въ прежнія времена, какъ, напримѣръ, рудная область Даріена, снова пришли въ забвеніе. Въ необитаемыхъ мѣстностяхъ дороги, идущія черезъ болота, и горы, поросшія густыми лѣсами, представляютъ такія большія препятствія, что всякая экспедиція, если она недостаточно многочисленна, подвергается большой опасности, не считая всѣхъ неудобствъ влажнаго и жаркаго климата: проводники должны прокладывать путь черезъ деревья и сцѣпившіяся ліаны ударами маншеты; при этомъ необходимо, чтобы они умѣли обходить дѣвственныя чащи, слишкомъ крутые спуски, обваливающіеся крутые берега, овраги съ водопадами, наконецъ, грязныя топи, изъ которыхъ невозможно выбраться. Часто случалось, что изслѣдователи, даже при лучшемъ составѣ проводниковъ и рабочихъ, несмотря на всѣ усилія, не могли сдѣлать въ день болѣе одного или двухъ километровъ; иногда даже имъ приходилось отказываться отъ борьбы и возвращаться назадъ, чтобы испробовать другой маршрутъ. Наконецъ, въ исторіи путешествій, предпринятыхъ съ цѣлью изысканія путей для будущихъ каналовъ и дорогъ, бывали примѣры, что путешественники умирали отъ голода въ виду того или другаго моря, гдѣ стояли суда съ провіантомъ.

Общая сложность труда, потраченнаго въ продолженіе четырехъ вѣковъ для изысканія и проведенія въ этой области перешейковъ между-океанскихъ дорогъ, столь велика, что его, конечно, хватило бы для выполненія какого-либо капитальнаго въ экономіи земнаго шара предпріятія. Первая попытка принадлежала Колумбу, который въ 1502 и 1503 годахъ проплылъ вдоль береговъ Центральной Америки, отъ Гондураса до Верагуа, всюду ища прохода, который привелъ бы его къ «устьямъ Ганга»: неизвѣстно даже, узналъ ли онъ въ это свое путешествіе, что въ небольшомъ разстояніи на западъ разстилались воды другаго моря. Десять лѣтъ спустя, Нуньесъ де-Бальбоа, въ сопровожденіи около восьми сотъ человѣкъ испанскихъ солдатъ и индѣйскихъ носильщиковъ, прокладывалъ путь черезъ болота, рѣки, лѣса и земли, населенныя вражескими племенами. Послѣ двадцати трехъ дней упорнаго труда и борьбы, ему удалось перейти перешеекъ, ширина котораго въ этомъ мѣстѣ достигаетъ 66 километровъ, и увидѣть передъ собой заливъ, которому онъ далъ названіе Санъ-Мигуэль. Войдя, вооруженный, въ поднимающуюся волну прилива, онъ вступилъ во владѣніе новымъ океаномъ, «со всѣми его странами, берегами, портами и островами, отъ сѣвернаго полюса до южнаго, въ предѣлахъ и за предѣлами обоихъ тропиковъ, отнынѣ и во вѣки, до скончанія міра и до втораго пришествія»[1]. Но проливъ все еще оставалось открыть: въ 1523 г. императоръ Карлъ Пятый повелѣлъ искать его къ западу отъ Антильскаго моря, въ то время, когда Магелланъ уже открылъ его, но на югѣ американскаго континента.

Когда убѣдились, что между Караибскимъ и

[1] Oviedo y Valdez, „Histoira general y natural de las Indias“;—Oscar Peschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“.—Paul Gaffarel, „Nunez de Balboa“.

Южнымъ морями не существуетъ судоходнаго пути, тогда, весьма естественно, должна была родиться мысль о проложеніи искусственнаго черезъ тотъ или другой узкій перешеекъ, раздѣляющій два океана. Подобное предпріятіе было не по силамъ оскудѣвшей Испаніи; тѣмъ не менѣе, время отъ времени все-таки предпринимались экспедиціи съ цѣлью прорытія канала на Тегуантепекскомъ перешейкѣ, на берегахъ Санъ-Жуана и озера Никарагуа, въ Панамѣ, на Даріенскомъ перешейкѣ. Но со времени утвержденія независимости колоній Центральной Америки, проекты междуокеанскаго канала быстро нарождались одинъ за другимъ, имѣя въ своемъ основаніи личныя или коллективныя изысканія, путешествія или ...жныя экспедиціи, правительственные вызовы или концессіи, или даже начавшіяся уже работы по грандіозному предпріятію. Лѣтописи Средней Америки перечисляютъ около сотни различныхъ плановъ и смѣтъ относительно прорытія перешейковъ съ тѣхъ поръ, какъ въ 1825 г. мексиканскій Конгрессъ постановилъ снова измѣрить Тегуантепекскій порогъ и при лучшихъ условіяхъ дать новый ходъ проекту, представленному Орбегсзо въ 1771 г. Нужно также присоединить къ суммѣ затратъ, сдѣланныхъ въ видахъ прорытія перешейка, расходы по снаряженію экспедицій, крейсированію, блокадамъ, бомбардировкамъ, которыя англійское и американское правительства предпринимали въ различное время на берегахъ Центральной Америки. Подобно Константинополю и Александріи, Панама является обязательнымъ мѣстомъ перехода для постоянно возрастающей міровой торговли, и если когда-нибудь, до эры общаго умиротворенія, народы придутъ къ мысли о нейтрализаціи жизненныхъ центровъ, необходимыхъ для благоденствія человѣческаго рода, то американскіе перешейки безспорно станутъ въ ряду этихъ священныхъ мѣстъ.

II. Гватемала.

Эта республика, самая важная въ области перешейковъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ около половины всего населенія этого края, все еще извѣстна, какъ и Мексика, ея сѣверная сосѣдка, подъ нахуатльскимъ названіемъ; это названіе Гватемалы—Кваутемалланъ—означаетъ, какъ объясняютъ нѣкоторые переводчики, «Страну Орловъ». Есть еще другое, менѣе поэтическое, толкованіе этого имени: «Земля Полѣнницъ» [1]. Нѣкоторые этимологи пишутъ У-ха-тец-ма-ла, т. е. группу слоговъ, означающихъ «Гора, выбрасывающая воду», такъ что вся страна, будто бы, называется по имени одной изъ самыхъ высокихъ своихъ горъ—вулкана Агуа (Водяного).

Гватемала приблизительно соотвѣтствуетъ двумъ прежнимъ испанскимъ провинціямъ Квецалтенанго и Гватемала, но границы ея во многихъ мѣстахъ перемѣстились, а въ нѣкоторыхъ областяхъ даже никогда и не были опредѣлены. Тѣ границы, которыя были, наконецъ, приняты оффиціальнымъ образомъ, не совпадаютъ ни съ географическими естественными дѣленіями края, ни съ распредѣленіемъ народностей. Такъ, весь Соконуско и часть Чіапаса, по естественному дѣленію, должны были бы принадлежать Гватемалѣ, которой они служатъ орографическимъ продолженіемъ, тогда какъ Петенъ, населенный, какъ и Юкатанъ, племенемъ майя, и вообще имѣющій съ этой областью много общаго по свойству почвы и по своимъ продуктамъ, долженъ бы состоять въ политической зависимости отъ Юкатана, а не принадлежать къ Гватемалѣ, отъ которой его отдѣляетъ крутая кордильера [1]): правда, первые фонды, необходимые правительству Петена, исходили изъ гватемальской канцеляріи, такъ что при распредѣленіи завоеванныхъ земель деньги взяли перевѣсъ надъ правомъ перваго занятія, которое принадлежало юкатекамъ. Со стороны Британскаго Гондураса, какъ извѣстно, граница образуетъ прямую линію, направляющуюся черезъ горы и долины, отъ одного водопада къ другому; естественной чертой граница обозначена только въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее начертало русло рѣки Сарстунъ до ея впаденія въ заливъ Аматикъ. На востокѣ территорія республики ограничена извилистой линіей, которая направляется съ сѣверо-востока на юго-западъ, отъ устья ріо-Тинто въ Атлантическомъ океанѣ до устья ріо-Пица—въ Великомъ. Эта линія въ большой части своего протяженія идетъ по горнымъ хребтамъ, но во многихъ мѣстахъ ея начертанія чисто условны. Въ общемъ Гватемала, исключая ея сѣверныя равнины, имѣетъ форму треугольника, основаніемъ котораго служитъ побережье Великаго океана, тогда какъ вершина обращена къ Гондурасской бухтѣ.

Самая значительная часть территоріи, составляющей нынѣ республику Гватемалу, была еще независимой отъ испанцевъ въ концѣ XVII столѣтія, сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ завоеванія Юкатана. По словамъ хроники, одинъ изъ главныхъ вождей племени итца, изгнанный изъ Майяпана, древней столицы майя, приблизительно въ 1320 г. или въ 1440 г., эмигрировалъ, вмѣстѣ со своимъ народомъ, на югъ, а затѣмъ, послѣ долгаго странствованія, поселился, наконецъ, въ лѣсахъ, на островѣ одного большого озера, которому онъ

[1]) Otto Stol, „Guatemela", 1878—1883.

[1]) Arthur Morelet, „Voyage dans l'Amérique Central".

далъ названіе Петенъ-Итца, или «островъ Итца», и это названіе перешло впослѣдствіи на всю страну, расположенную на югъ отъ Юкатана. Благодаря счастливому стратегическому положенію этого острова и плодородію прибрежныхъ къ озеру земель, бѣглые итца благоденствовали въ своей новой резиденціи, и слава объ ихъ могуществѣ и богатствѣ распространилась на далекое разстояніе: объ ихъ островномъ городѣ ходили даже сказочные слухи, будто надъ нимъ возвышаются куполы и башни, золотыя крыши которыхъ освѣщаютъ небо. Во время своего полнаго приключеній путешествія въ Гондурасъ, Кортесу пришлось проходить черезъ этотъ край, и миссіонеры разсказываютъ, что онъ долженъ былъ оставить свою лошадь у итца, и тѣ чтили ее какъ бога, пробовали кормить цвѣтами и дичью, а затѣмъ, послѣ ея смерти, сдѣлали въ память ея идола, повелѣвающаго бурямъ [1]). Послѣ Кортеса, первые испанцы, которые пытались было проникнуть въ область Итцу, въ 1662 г., были захвачены врасплохъ индѣйцами и всѣ до послѣдняго перебиты. Въ 1696 и слѣдующемъ годахъ предпринимались новыя экспедиціи изъ Гватемалы, но онѣ тоже не достигли таинственнаго озера: только въ 1697 г. Мартинъ де-Уруса, послѣ долгаго приготовленія средствъ атаки, при чемъ была даже проложена черезъ лѣсъ дорога, повелъ свое небольшое войско изъ Кампеша на берега озера Петена и, благодаря пушкѣ и мушкетамъ, обратилъ въ бѣгство тысячи итца, защищавшихъ свою островную крѣпость.

Индѣйцы, лакандоны и другіе, живущіе въ высокихъ долинахъ Усумасинты и ея притоковъ, не имѣли крѣпости, какъ итца, и испанцамъ не было надобности ихъ разгонять; но зато имъ легче было сохранить свою независимость, безпрепятственно перемѣщаясь съ одной лѣсной прогалины на другую. Хотя завоеватели и проходили черезъ эту территорію, но не основывались тамъ прочнымъ образомъ, и когда они уходили, то ихъ временныя жилища быстро исчезали, унося вмѣстѣ съ собою и самое воспоминаніе объ ихъ нашествіи. О направленіи горъ и теченіи рѣкъ имѣлись крайне смутныя и разнорѣчивыя свѣдѣнія, такъ что оригинальныя карты значительно отличались одна отъ другой, да и теперь еще многія подробности гидрографической сѣти находятся подъ сомнѣніемъ. Но ученые путешественники, каковы Рокстро и Модслэй, начали изслѣдовать эти области Сѣверо-Западной Гватемалы и покрываютъ ее сѣтью своихъ маршрутовъ. Что касается до населенной области, гдѣ находятся города и деревни, то кадастръ и размежевки связываютъ ихъ все болѣе и болѣе съ областью точной картографіи.

[1]) Villaguttiere, „Historia de la Conquista de la provincia de el Itzá“.

Рельефъ Гватемалы очень простъ въ своемъ общемъ строеніи. Высокая часть плоскогорья идетъ вдоль берега Великаго океана, въ среднемъ на разстояніи отъ него 80—100 километровъ, и съ этой стороны представляетъ болѣе крутой и ровный склонъ, тогда какъ отлогость, обращенная къ Атлантическому океану, втрое или вчетверо длиннѣе и тѣмъ не менѣе болѣе неудобная для прохода, вслѣдствіе своихъ крутыхъ овраговъ и глубокихъ ущелій, прорѣзанныхъ рѣками. Гватемальскій выступъ не оканчивается острымъ ребромъ: напротивъ, къ вершинѣ онъ притупляется и расширяется въ гранитныя плато различной величины, которыя мѣстами образуютъ нѣчто вродѣ «столовъ» или *mesas*, какъ въ Апагуакѣ. Самыя большія неправильности этой сіерры происходятъ оттого, что вулканы возвышаются на хребтѣ этихъ горъ, а не въ томъ направленіи, какъ въ цѣпи, служащей имъ пьедесталомъ. У границы Чіапаса и въ Альтосахъ Кветцальтенанго могущественные вулканическіе конусы возвышаются какъ разъ на верхнемъ краѣ плоскогорья, и ихъ склоны совпадаютъ со склонами пьедестала, который ихъ поддерживаетъ; но дальше, у Сальвадора, ось вулкановъ, идущая почти прямо къ юго-востоку, уже расходится съ осью сіерры, которая направляется дальше на сѣверъ, и высокія пирамиды возвышаются на полусклонѣ, впереди цѣпи, окаймленныя бахромой овраговъ [1]). Однако, путешественнику, плывущему въ открытомъ морѣ вдоль гватемальскаго берега, ихъ вершины, которыя онъ замѣчаетъ время отъ времени надъ горизонтомъ, кажутся какъ бы выходящими изъ самаго гребня горъ.

Высота края возвышенности, тянущагося надъ южными берегами Гватемалы, постепенно уменьшается съ сѣверо-запада на юго-востокъ, отъ границъ Чіапаса къ Сальвадору. Въ западной части Гватемалы, называемой Альтосами, или «Высотами», плоскогорья превышаютъ 2.000 метровъ; Тотоникапамъ достигаетъ даже 2.500 метровъ, а главныя вершины еще на тысячу метровъ выше. Большая Гватемальская равнина, расположенная въ центральной части страны, на вершинѣ раздѣльной линіи склоновъ, представляетъ среднюю высоту въ 1.500 метровъ; надъ нею господствуютъ вдвое болѣе высокія вулканическія горы Антигуаскаго округа. Наконецъ, въ восточной части средняя высота не превышаетъ 1.000 метровъ; горныя цѣпи прерываются многочисленными брешами, занятыми озерами или рѣчными долинами, которыя во многихъ мѣстахъ утилизируются въ качествѣ границъ между двумя республиками: Гватемалой и Сальвадоромъ.

Къ юго-востоку отъ дѣйствующаго вулкана

[1]) Dollfus et de Mont-Serrat, „Voyage géologique dans le Guatemala et le Salvador“.

Такана, который выбрали за пограничный столбъ между Мексикой и Гватемалой, первый вулканъ—Тажомулко, высота котораго тоже превосходитъ 3.500 метровъ: онъ возвышается надъ плоскогорьемъ въ видѣ большаго, совершенно правильнаго конуса, покрытаго у основанія густыми лѣсами. Индѣйцы находятъ въ немъ массу сѣры, что дало поводъ Дольфюсу и Монъ-Серрату предполагать, что фумароллы безпрестанно пополняютъ тамъ эксплоатируемый слой; впрочемъ, Бернулльи ясно видѣлъ на горѣ, въ 1863 г., «пламя». За Тажомулко нѣтъ другихъ дѣйствующихъ вулкановъ, до массива Квецалтенанго, состоящаго изъ трехъ

Бамбуковый лѣсъ въ южной Гватемалѣ.

вулкановъ, расположенныхъ по направленію съ юга на сѣверъ. Сѣверный конусъ, возвышающійся въ 17 километрахъ сѣвернѣе города, представляетъ собою только незначительный холмъ, всего въ 200 метровъ высоты; южный вулканъ, называемый Санта-Марія, величественный конусъ (3.500 метровъ) котораго, гармонически сливающійся своими склонами со склонами сіерры, виденъ съ моря,—считается одной изъ величественныхъ горъ Гватемалы: какъ и сѣверный холмъ, онъ потухъ уже съ незапамятныхъ временъ, и теперь густой лѣсъ покрываетъ ихъ склоны и кратеръ. Въ большей части вулканическихъ группъ Центральной Америки дольше всѣхъ остаются дѣйствующими южные вулканы, но въ этомъ массивѣ не такъ: здѣсь въ періодѣ изверженія находится средняя гора, Серро-Квемадо, или «Горѣлая гора», называемая также вулканомъ Квецалтенанго. Будучи гораздо ниже остроконечной горы Санта-Марія, Серро-Квемадо (3.110 метровъ) не имѣетъ классическаго вида вулкана: причина этого кроется несомнѣнно въ послѣднемъ большомъ изверженіи 1785 года, которое разрушило весь верхній конусъ горы, оставивъ на мѣстѣ кратера обширную неправильную равнину, покрытую цѣлымъ хаосомъ глыбъ, между которыми бьютъ фумароллы. Такъ какъ послѣ этого изверженія «Горѣлая гора» не извергала больше пепла, то конусъ не могъ возстановить своего нормальнаго профиля изъ круговыхъ откосовъ [1]).

Къ востоку отъ Серро-Квемадо, съ другой стороны глубокаго ущелья, по которому струится рѣка Самала́, возвышается другая гора, называемая туземцами «вулканомъ»: это—Зуньиль. Однако, всякая память объ изверженіяхъ этого массива изгладилась, и ни одинъ путешественникъ не открылъ еще въ его густыхъ лѣсахъ того мѣста, откуда извергалась лава: какъ и другія окрестныя вершины, эта гора состоитъ изъ трахитоваго порфира. Но въ тридцати километрахъ дальше, на продолженіи оси вулканическихъ горъ, у юго-западнаго угла озера Атитлана, возвышается потухшій вулканъ Санъ-Педро (2.500 метровъ), а еще далѣе въ 15 километрахъ тянутся съ сѣвера на югъ, пересѣкая ось горной цѣпи, три другихъ вулкана, соединяющихся у основанія. Сѣверные вулканы, возвышающіеся почти на 3.000 метровъ, имѣютъ очень небольшіе кратеры, покрытые растительностью: дѣятельность подземнаго очага проявляется еще только въ высокомъ южномъ вулканѣ (3.572 метра), извѣстномъ вообще подъ именемъ вулкана Атитланъ. Въ эпоху завоеванія онъ находился въ изверженіи, и, когда до слуха индѣйцевъ доходилъ подземный ревъ, протяжный, словно призывъ, они бросали въ кратеръ молодую дѣвушку для умиротворенія скрытаго чудовища [1]). Въ 1828 и въ 1833 гг. вулканъ находился еще въ дѣйствіи, и съ того времени изъ расщелинъ его вершины всегда въ изобиліи выдѣлялись пары. Въ 1866 г., когда Дольфюсъ и Монъ-Серратъ совершили восхожденіе на него, кратеръ представлялъ изъ себя только красную «чашу», около 800 метровъ въ окружности и 50 метровъ глубины, образующую совершенно правильный сферическій сегментъ. На южномъ склонѣ Атитлана, сливающемся со склономъ самаго плоскогорья, открывается одна изъ самыхъ грозныхъ барранокъ Гватемалы, вырытая водами въ грудахъ пепла до живой скалы.

Самыми знаменитыми вулканами въ этой странѣ считаются тѣ, которые возвышаются въ центральной части плоскогорья, по сосѣдству съ послѣдовательными гватемальскими столицами. Когда съ высоты хорошенькаго городка Антигуа, утопающаго въ садахъ, посмотришь на югъ, въ великолѣпную аллею обработанныхъ равнинъ, гдѣ горные откосы перекрещиваются своими послѣдними скатами, небо представляется ограниченнымъ съ той и другой стороны гармоническимъ профилемъ горъ, вздымающихся на двѣ тысячи метровъ выше: съ одной стороны—цѣпь, оканчивающаяся вулканомъ Фуего, или «Огонь», съ другой—гора Агуа, или «Вода». Восточная цѣпь, гдѣ еще дымится одна вершина, сама по себѣ есть не что иное, какъ простая выпуклина, на вершинѣ которой поднимаются нѣсколько вулканическихъ конусовъ. Дольфюсъ и Монъ-Серратъ насчитываютъ ихъ не менѣе девяти, расположенныхъ по направленію съ сѣвера на югъ. Всѣ сѣверные кратеры потухли и покрылись растительностью; даже самые высокіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, кратеръ вулкана Акатенанго, называемаго также Пико-Майоръ или Падре-дель-Волканъ, такъ какъ онъ дѣйствительно гораздо выше (4.150 метровъ), чѣмъ вулканъ Огня; это самая высокая гора во всей Центральной Америкѣ. Одинъ только Вильдъ-де-Дуэньясъ, въ 1868 г., всходилъ на ея вершину; онъ видѣлъ тамъ только три конечныя впадины, почти уже изгладившіяся, но одна изъ нихъ была еще съ трещиной, откуда выходили сѣрнистые газы. На югѣ вулкана Акатенанго открывается глубокій оврагъ, который отдѣляетъ его отъ южной группы. Первый кратеръ огромныхъ размѣровъ, но, поврежденный въ своей южной части, образуетъ Меcсета, главный контрфорсъ этой группы; затѣмъ идетъ вулканъ Фуего (4.001 метръ), высшій конусъ котораго, куда взошли впервые въ 1860 году Шнейдеръ и Вешоръ, оканчивается узкою чашею около 25 метровъ глубины; сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ на югѣ открывается страшная,

[1]) A. Dollfus et E. de Mont-Serrat, цитированное сочиненіе.

[1]) Von Scherzer, „Das Tropische America“.

почти совсѣмъ круглая пропасть, которая имѣетъ не менѣе 600 метровъ глубины, на 200 метровъ болѣе своего діаметра. Это—воронка, оканчивающаяся вертикальнымъ колодцемъ: во всей Центральной Америкѣ нѣтъ другой болѣе ужасной пропасти. Вулканъ Огня былъ въ полномъ дѣйствіи во время прибытія въ страну испанцевъ, и страхъ, который онъ внушалъ индѣйцамъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ прежнія времена бывали изверженія лавы. Съ тѣхъ поръ изверженія были заурядным явленіемъ, и зачастую окрестныя страны покрывались пепломъ. Туземцы отказываются восходить на него и даже не произносятъ его имени изъ страха оскорбить грозное божество. Они считаютъ его матерью-создательницей всей страны и почитаютъ какъ свою *кати* или «бабушку», но они говорятъ о немъ не иначе, какъ вполголоса, называя особымъ ласкательнымъ именемъ испанскаго происхожденія *Нана Катарина* [1]).

Вулканъ Воды, который, съ другой стороны долины, соотвѣтствуетъ вулкану Огня, далеко не такъ высокъ; онъ имѣетъ всего лишь 3.753 метра; но его совершенно изолированное положеніе придаетъ ему замѣчательно величественный видъ. Если смотрѣть на него изъ Эскуинтлы, т. е. съ южнаго основанія, то, по словамъ восходившихъ на него Дольфюса и де-Монъ-Серрата, «по красотѣ нѣтъ ничего съ нимъ равнаго въ свѣтѣ»; взоръ скользитъ по совершенно правильной кривой откосовъ, не встрѣчая ни одного выступа, а склоны конуса покрыты разнообразною растительностью, культурами, густыми лѣсами, сосновыми рощами, лаская взоръ всевозможными зелеными оттѣнками, отъ самаго темнаго до ярко-изумруднаго. Какчиквелы называютъ его Кахолъ-Тунъ, «Отшельникъ», «Дѣвственникъ», синонимъ «Безподобнаго» [2]). Что бы ни говорили, вулканъ Воды не имѣлъ изверженій съ эпохи завоеванія: катастрофа, отъ которой онъ получилъ свое названіе, произошла вслѣдствіе прорыва стѣны кратера, которая сдерживала конечное озеро на вершинѣ горы. Чтобы достигнуть вершины пика, проходятъ обыкновенно черезъ брешь, которая открылась для выхода замкнутыхъ водъ, и тутъ только можно составить себѣ понятіе объ огромной массѣ воды, заключавшейся въ этомъ висящемъ надъ равнинами бассейнѣ. Если допустить, что резервуаръ, глубиною въ 70 метровъ, до верху былъ наполненъ водою, и такимъ образомъ имѣлъ у верхняго края 500 метровъ въ окружности, а на днѣ 230 метровъ, то и тогда вмѣстимость его была не меньше милліона кубическихъ метровъ; когда въ одинъ ужасный день 1541 г. стѣнка кратера подалась, образовавшееся отверстіе пришлось какъ разъ надъ столицею, которую только-что построили испанцы-завоеватели въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится мѣстечко Сіудадъ-Віеха: лавина воды низверглась со склона горы, взрывая землю, снося на своемъ пути деревья и скалы и затопивъ городъ подъ кучами грязи. Въ настоящее время дождевая вода и та, которая образуется отъ таянья земнихъ снѣговъ, тихо течетъ по расходящимся оврагамъ, избороздившимъ склоны горы. Незначительное количество снѣга сохраняется лѣтомъ только кое-гдѣ въ низкихъ ложбинахъ.

Глубокая долина, по которой протекаетъ рѣка Мичатойа, отдѣляетъ вулканъ Агуа отъ группы вулканическихъ остроконечныхъ вершинъ Пакайя, названныхъ такъ отъ одной породы пальмы съ съѣдобными цвѣтами, которая растетъ у ихъ подножія [1]). Вблизи, Пакайя кажется массивомъ съ неправильными вершинами: весьма возможно, что верхній конусъ исчезъ во время изверженія, имѣвшаго мѣсто въ доисторическія времена. Самая высокая изъ этихъ небольшихъ горъ, находящаяся еще въ состояніи дѣйствія, имѣетъ всего только 2.550 метровъ, т. е. около тысячи метровъ надъ плоскогорьемъ; сбоку возвышается покрытая лѣсомъ остроконечная вершина, и обѣ эти горы заключены въ зубчатой оградѣ обширнаго кратера, въ нѣсколько километровъ въ окружности; наконецъ, на сосѣдней террасѣ открываются два другихъ кратера, изъ которыхъ одинъ заключаетъ въ себѣ озеро чистой воды: это *кальдера*, или «котелъ», какъ его называютъ туземцы; изъ другаго кратера еще выдѣляются легкіе пары. По преданію, дымящійся пикъ Пакайя впервые проявилъ свою дѣятельность въ 1565 г., и съ тѣхъ поръ онъ постоянно извергалъ пепелъ или дымъ и даже изливалъ лаву; въ послѣднюю половину XVII-го столѣтія изверженія происходили почти безпрестанно: ни одинъ изъ гватемальскихъ вулкановъ не имѣетъ такого кипучаго очага.

Прочія огнедышащія горы Гватемалы, въ восточной части территоріи, давно уже не имѣли изверженій. Двѣ такихъ горы стоятъ въ небольшомъ разстояніи на востокъ отъ Пакайя, надъ деревней Серро-Редондо, или «Круглая Гора», которая получила свое названіе отъ одной изъ этихъ горокъ. Далѣе показывается другой вулканъ, указываемый лишь путешественниками; затѣмъ поперечная расщелина перерѣзываетъ подъ прямымъ угломъ нормальную цѣпь вулкановъ и продолжается съ юго-запада на сѣверо-востокъ на протяженіи слишкомъ 100 километровъ. Она начинается недалеко отъ моря остроконечной вершиной Мойюта или Мойютла, расположенной значительно южнѣе главной оси, и продолжается съ другой

[1]) Otto Stoll, цитированное сочиненіе.
[2]) Otto Stoll, „Guatemala".

[1]) Arthur Morelet, цитированное сочиненіе.

стороны горами Амайо, Кума или Колума, Санта-Катарина или Сучитепекъ, Ипала,—самымъ высокимъ пикомъ (1.660 метровъ) въ этомъ поперечномъ ряду: на одномъ изъ склоновъ Ипала, который имѣетъ въ своемъ кратерѣ [1]) озеро, выросъ другой вулканическій конусъ, Монте-Рико. На Сучитепекѣ, вѣроятно, было сильное изверженіе до прибытія испанцевъ; оно оставило послѣ себя громадные потоки лавы, растекшейся по всѣмъ сторонамъ вулкана. Близъ границы, крайнимъ межевымъ столбомъ ряда гватемальскихъ вулкановъ служитъ гора Чинго, поразительно симметричный конусъ которой возвышается на 2.000 метровъ на продолженіи главной цѣпи. Этотъ вулканъ считаютъ совершенно потухшимъ; между тѣмъ Дольфюсъ и Монъ-Серратъ видѣли, по ихъ увѣренію, дымокъ, исходившій изъ его вершины; если вѣрить туземцамъ, то Чинго, какъ и Ипала, имѣетъ въ своемъ кратерѣ озеро. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что землетрясенія, представляющія такое частое и грозное явленіе въ Гватемалѣ, распространяются обыкновенно по направленію съ юго-запада на сѣверо-востокъ, т. е. перпендикулярно главной оси вулкановъ и параллельно поперечной оси, по направленію которой идетъ цѣпь Ипала [2]).

На сѣверѣ Гватемальскаго плоскогорья земли, разрѣзанныя рѣками на многочисленные массивы, представляютъ во многихъ мѣстахъ хаотическій видъ, особенно у расходящихся истоковъ Мотагуа, Усумасинты и Грихальвы, съ ихъ тысячью притоковъ. Въ этой области горы составляютъ центральный узелъ, отъ котораго расходятся высокіе хребты; самый высокій изъ нихъ, вѣроятно, находится на сѣверѣ Гуегуетенанго, близъ границы мексиканскаго штата Табаско; онъ извѣстенъ подъ разными именами, между прочимъ, подъ именемъ Альтосъ Кучуматанесъ, но обыкновенно его называютъ Сіерра-Мадре, несмотря на то, что онъ отдѣленъ отъ другихъ гватемальскихъ цѣпей глубокою долиной Усумасинты. Къ востоку отъ этого могучаго воднаго потока горные кряжи идутъ въ большинствѣ случаевъ по направленію съ запада на востокъ, постепенно понижаясь: въ общемъ весь этотъ атлантическій склонъ Гватемалы, ограничиваемый съ юга высокимъ валомъ главной цѣпи, можетъ быть сравненъ съ моремъ, которое разбивается на параллельныя волны.

Одинъ изъ этихъ большихъ хребтовъ, состоящій изъ слюдянаго сланца, тянется къ сѣверу отъ р. Мотагуа; имя его, сіерра-деласъ-Минасъ, которымъ онъ обязанъ золотоноснымъ мѣсторожденіемъ, измѣняется далѣе въ сіерра-дель-Мико, или «цѣпь Обезьяны»; онъ оканчивается на берегу моря между Гольфетте и бухтой Санто-Томасъ, коническою горою Серро-де-Санъ-Жилъ, которую туземцы называютъ «вулканомъ» [1]): въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога пересѣкаетъ цѣпь, въ ста километрахъ отъ его восточной оконечности, высота его надъ уровнемъ моря достигаетъ тысячи метровъ. Хребетъ, виднѣющійся въ сѣверномъ направленіи отъ рѣки Полочикъ, принимаетъ названіе сіерра-Кахабонъ въ округѣ Альта-Вера-Пацъ; далѣе онъ называется сіерра-де-Санта-Круцъ и образуетъ мысъ, который отдѣляетъ Гольфете отъ залива Аматикъ. Послѣднею большою цѣпью на сѣверѣ Гватемалы является хребетъ Чама; онъ изгибается къ сѣверо-востоку, обходя ріо-дела-Пасьонъ, и невысокими оврагами соединяется съ горами Кокскомбъ въ Британскомъ Гондурасѣ. Проходы черезъ этотъ кряжъ весьма неудобны и затруднительны, не столько вслѣдствіе ихъ высоты, сколько отъ цѣлаго ряда камней съ острыми ребрами: это тѣ самыя горы, которыя пришлось переходить Кортесу съ его бандой во время экспедиціи въ Гондурасъ, и переходъ по которымъ измучилъ даже этихъ закаленныхъ людей, умѣвшихъ бороться съ усталостью. На сѣверѣ отъ сіерра-де-Чама тянутся саванны, простирающіяся до Юкатана, но эта равнина усѣяна отдѣльными холмами, имѣющими однообразный лѣсистый видъ, которые появляются словно острова среди моря травъ: повсюду видишь вокругъ себя эти холмики, обрисовывающіеся на горизонтѣ своими неравными конусами [2]).

Въ общемъ вся южная и центральная Гватемала почти сплошь покрыта пемзовыми туфами: гранитныя скалы, слюдяный сланецъ или порфиръ встрѣчаются только въ очень немногихъ мѣстахъ, въ самыхъ возвышенныхъ частяхъ плоскогорій и горъ, или въ глубокихъ оврагахъ, омываемыхъ рѣками. Количество пемзы, выброшенной вулканами, было громадное, такъ какъ пласты накопившихся во всей странѣ обломковъ имѣютъ 150 или даже 200 метровъ толщины, и нѣтъ, такъ сказать, «ни одной долины, которая бы не была хотя отчасти завалена этими обломками, ни одного плоскогорья, которое бы не было нивелировано ими». Надъ кучами пемзы лежитъ слой желтоватой глины (въ 4 или 5 метровъ средней толщины), образовавшейся, вѣроятно, путемъ поверхностнаго разложенія подлежащихъ горныхъ породъ: въ этомъ-то слоѣ глины и непосредственно подъ нимъ, въ пемзѣ, попадаются остатки мастодонтовъ и слона Elephas Colombi, животныхъ, жившихъ въ по-третичную эпоху: къ тому же

[1]) G. Bernouilli, „Mittheilungen von Petermann". 1874. Тетрадь VIII.

[2]) Dollfus и de Mont-Serrat, цитированное сочиненіе.

[1]) G. Bernouilli, „Mittheilungen von Petermann". 1875 Тетрадь IX. Dolfus и de Mont-Serrat, цитированное сочиненіе.

[2]) Arthur Morelet, „Voyage dans l'Amérique Centrale".

времени относятся самыя сильныя изверженія гватемальскихъ вулкановъ.

Въ Гватемалѣ выпадаетъ вполнѣ достаточное количество дождя, чтобы питать ея многочисленные водные потоки; но настоящія рѣки имѣются только въ покатости Атлантическаго океана, гдѣ расположеніе почвы и длина склона даютъ возможность текущимъ водамъ разливаться въ обширное развѣтвленіе. На склонѣ, обращенномъ къ Великому океану и представляющемъ собою узкую полосу земли, сразу спускающуюся къ морю, ручьи быстро струятся по параллельнымъ оврагамъ, бороздящимъ склоны горъ; почти безводныя въ сухое время года и сильно разливающіяся зимой, эти рѣчки теряются въ прибрежныхъ лагунахъ. Большая часть этихъ рѣкъ не прямо впадаютъ въ море, а, дойдя до края морскаго берега, онѣ перегораживаются длиннымъ побережнымъ кордономъ; вдоль него они текутъ на разстояніи нѣсколькихъ километровъ до тѣхъ поръ, пока не найдутъ выходную брешь, которая часто мѣняется отъ приливовъ и бурь. Если судить по направленію тѣхъ песчаныхъ стрѣлъ, которыя нанесены, передъ рѣчными устьями, волнами, ударяющимися непрерывно о берега, то теченіе вдоль Гватемальскаго берега имѣетъ направленіе главнымъ образомъ съ юго-востока на сѣверо-западъ. Уже констатировано, что пляжъ поднялся въ весьма недавній періодъ: находящіяся въ Чамперико устричныя мели, вполнѣ похожія на современныя образованія того же рода, окаймляютъ берегъ далеко за морскою чертою прилива[1]).

Сучіате, служащій границей между Гватемалой и Мексикой, есть одинъ изъ горныхъ потоковъ, имѣющихъ наиболѣе обширный бассейнъ. Еще значительнѣе потокъ Самала, вытекающій съ «Высотъ» Квецалтенанго и Тотоникапама. Рѣка Ицтакапа не столь многоводна, хотя и получаетъ избытокъ воды изъ Атитланскаго озера, которое не имѣетъ видимаго истока, но воды котораго просачиваются подъ землею сквозь шлаки равнины Санъ-Лукасъ, находящейся на его южномъ берегу. Это обширное озеро, площадью около 160 квадратныхъ километровъ, залегаетъ на высотѣ 1.158 метровъ, въ видѣ неправильнаго полумѣсяца вокругъ контрфорсовъ большаго вулкана Атитланъ или «около Воды», который возвышается на югѣ, и безъ сомнѣнія былъ причиною образованія озера, заваливъ долины. Воды, удерживаемыя наростающими откосами изъ пепла и лавы, постепенно поднимались и, наконецъ, наполнили этотъ обширный Атитланскій бассейнъ, который, по словамъ Жуарроса, имѣетъ болѣе 500 метровъ глубины: точнѣе сказать, глубина воды, хотя дѣйствительно очень значительная, не была еще вымѣрена. Вода этого озера, постоянно возобновляемая скрытымъ теченіемъ, совершенно прѣсная и чистая.

Другой резервуаръ, расположенный далѣе къ востоку, образовался при подобныхъ же условіяхъ: это—значительно меньшее Аматитланское озеро, лежащее на высотѣ 1.189 метровъ къ югу отъ столицы; вулканъ Пакайя постепенно поднялъ его, воздвигая къ югу запруду изъ лавы и шлака; прежде это озеро было гораздо обширнѣе; до сихъ поръ еще ясно видны слѣды его прежняго уровня, до разстоянія въ нѣсколько километровъ отъ нынѣшняго берега[1]). Вода Аматитлана, глубина котораго превосходитъ «двѣсти саженъ», такая жэ прѣсная, какъ и въ Атитланѣ, но не такая чистая, и во многихъ мѣстахъ у береговъ имѣетъ высокую температуру, что происходитъ отъ горячихъ ключей, бьющихъ со дна; около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ одинъ доминиканскій монахъ, по имени Томасъ Гажъ, говорилъ про воду этого озера, что она «немного соленая» и что прибрежные жители собираютъ по берегамъ соль. Въ настоящее время этого нѣтъ: натровая и магнезіальная соли, содержащіяся въ водѣ и придающія ей слегка слабительное свойство, нисколько не портятъ ея вкуса, но насыщаютъ воздухъ по берегамъ особеннымъ запахомъ, особенно ощутительнымъ во время мелководья; скотъ съ жадностью щипетъ растущую по берегамъ озера траву. Со времени пришествія въ страну испанцевъ, озеро два раза лишалось рыбы, такъ что приходилось снова разводить ее тамъ[2]). Весьма вѣроятно, что Аматитланъ питается подземными притоками, такъ какъ тѣ незначительные ручьи, которые впадаютъ въ него, не въ состояніи бы были образовать выходную рѣку. Излишекъ озерныхъ водъ выливается съ юго-восточной стороны въ рѣку Мичатойа, или «Рыбную», которая спускается съ плоскогорья видимымъ теченіемъ, проходя по дну ущелья, лежащаго на глубинѣ 200 метр.; затѣмъ, около Санъ-Педро-Мартиръ, рѣка ниспадаетъ со скалы, высотою въ 60 метровъ, и, наконецъ, вливается въ береговыя лагуны немного восточнѣе гавани Санъ-Хозе. Этотъ-то истокъ и доставилъ озеру какчиквельское названіе, означающее «Мать Океана».

Третье озеро, Аярза или Аярсесъ, занимаетъ далѣе на востокѣ впадину плоскогорья, у южнаго основанія горъ Матакескуинтла (2.500 метровъ), но это гватемальское озеро, принадлежитъ своимъ истокомъ Остуа къ рѣчному бассейну ріо-Лемпа, большой сальвадорской рѣки. Точно также на атлантическомъ склонѣ вся западная и сѣверная часть территоріи, по крайней мѣрѣ половина поверхности Гватемалы, принадлежитъ къ бассейну

[1]) Otto Stoll, цитир. сочиненіе.

[1]) Dollfus и de Mont-Serrat, цитиров. сочиненіе.

[2]) Arthur Morelet, цитиров. сочиненіе.

Усумасинты, которая по своему нижнему теченію и устьямъ есть мексиканская рѣка. Самой значительной рѣкой, бассейнъ которой весь находится въ предѣлахъ Гватемалы, является Мотагуа, называемая также «Ріо-Гранде», подобно многимъ другимъ рѣкамъ испанской Америки. Она начинается въ центральномъ массивѣ горъ Тотоникапамъ, переплетая свои верхніе притоки съ притоками Усумасинты, а далѣе на востокѣ принимаетъ въ себя ручьи, спускающіеся съ главной линіи Гватемальскихъ водораздѣльныхъ высотъ, образующей во многихъ мѣстахъ лишь узкій кряжъ, початый тамъ и сямъ глубокими оврагами; но долина—не простой ровъ, размытый водами: она очень древняго происхожденія и принадлежитъ къ первоначальной структурѣ страны.

Соединившись съ большой рѣкой, вытекающей съ горъ Эскипуласъ и Чикимула, Мотагуа становится достаточно глубокой для судоходства и извивается къ сѣверо-востоку, проходя по прекрасной долинѣ между лѣсистыхъ горъ, которыя сопровождаютъ ее до самаго моря; во время половодья эта рѣка становится очень широкой и глубокой, такъ что переправляться черезъ нее не всегда бываетъ безопасно. Судоходная часть рѣки занимаетъ болѣе 160 километр., при 500 километр. общаго протяженія; но на барѣ главнаго устья дельты обыкновенно не бываетъ даже и одного метра воды. Другія устья тоже недоступны для судовъ глубокой осадки; впрочемъ, посѣщеніе этой низменной страны, отложенной блуждающими рукавами рѣки, почти такъ же опасно сухимъ путемъ, какъ и моремъ; это—область болотъ и ложныхъ рѣкъ, окаймленныхъ корнепусками. Бухта, находящаяся на задней сторонѣ длиннаго полуострова Тресъ-Пунтасъ, выдвинутаго на сѣверо-западъ, къ залину Анатикъ, называется Госпитальной бухтой, и не безъ основанія, такъ какъ вредныя испаренія ея грязныхъ береговъ губительно дѣйствуютъ на здоровье пріѣзжающихъ; тѣмъ не менѣе эта бухта соединена съ русломъ рѣки каналомъ, часть котораго прорыта искусственно. Настоящій портъ долины Мотагуа не находится въ дельтѣ этого воднаго потока, но за нею, у подножія послѣднихъ контрфорсовъ сіерро-дель-Мико: это бухта Санто-Томасъ, лучшая гавань на всемъ Атлантическомъ берегу Центральной Америки. Обогнувъ опасную песчаную банку, суда по узкому фарватеру входятъ въ круглый бассейнъ, окруженный амфитеатромъ лѣсистыхъ холмовъ: площадь якорной стоянки, съ глубинами отъ 4, 5 до 9 метровъ, обнимаетъ пространство въ 15 квадратныхъ километровъ; тутъ могутъ пріютиться цѣлыя сотни кораблей, въ полной защитѣ отъ какого бы то ни было вѣтра, и надо удивляться, что такой удобный портъ до сихъ поръ остается почти безполезнымъ въ торговомъ отношеніи. Центральная гватемальская желѣзная дорога должна кончаться тамъ, въ мѣстѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Пуерто-Барріосъ.

Рѣка Полочикъ, бассейнъ которой, какъ и бассейнъ рѣки Мотагуа, всецѣло принадлежитъ Гватемалѣ, уже не столь многоводна; тѣмъ не менѣе для плоскодонныхъ судовъ она судоходна почти на такомъ же протяженіи. Начинаясь въ горахъ Кобанъ, ограниченныхъ съ запада долиной Усумасинты, она течетъ прямо на востокъ и соединяется съ рѣкой Кохабонъ, выходящей съ горъ Чама̀. Подобно р. Мотагуа, она развѣтвляется при своемъ устьѣ на нѣсколько рукавовъ, и пороги, покрытые очень тонкимъ слоемъ воды, закрываютъ доступъ всякимъ судамъ, за исключеніемъ плоскодонныхъ челновъ. Она впадаетъ не въ океанъ, а во внутреннее море, Гольфо-Дульсе, называемое также озеромъ Изабаль. Это дѣйствительно скорѣе озеро съ прѣсной водой, чѣмъ морской заливъ: въ немъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ соли, и, въ сезонъ рѣчного половодья, уровень его поднимается почти на одинъ метръ; его средняя глубина имѣетъ всего 11 — 13 метровъ, что̀, впрочемъ, вполнѣ достаточно для большихъ судовъ; такимъ образомъ это озеро, занимающее площадь въ 630 квадратныхъ километровъ, могло бы быть доступно для флота всего свѣта, но каналъ, посредствомъ котораго оно сообщается съ моремъ, слишкомъ мелокъ для большихъ судовъ. Въ сѣверо-восточной оконечности Гольфо-Дульсе теченіе, совершенно незамѣтное въ обширномъ бассейнѣ, становится ощутительнымъ; низкіе и болотистые въ этомъ мѣстѣ берега постепенно сближаются: это уже больше не «заливъ», а просто «рѣка», ріо-Дульсе, глубина которой не превышаетъ трехъ съ половиной метровъ. Еще ниже воды Дульсе становятся понемногу солоноватыми и вступаютъ въ бассейнъ, составляющій часть моря, вслѣдствіе обильнаго содержанія въ водѣ соли: это Гольфете, или «Заливчикъ». Далѣе берега снова суживаются, поднимаются высокими откосами и утесами, съ которыхъ ліаны, обвивающія вѣтви большихъ деревьевъ, свѣшиваютъ свои зеленыя нити въ свѣтлыя волны. Воды пролива, обращающагося въ часы морскаго отлива въ быстрый потокъ, смѣшиваются съ морскими водами посредствомъ скалистаго ущелья, имѣющаго около 200 метровъ глубины, но на барѣ котораго слой воды не достигаетъ даже 2 метровъ. Отъ устья Полочика до ріо-Дульсе голеты могутъ ходить внутрь страны на протяженіи почти 100 километровъ.

Къ сѣверу отъ Гольфо-Дульсе и его проливовъ, территорія Гватемалы орошается только одной значительной рѣкой, Сарстуномъ,

которая нижнею частью своего течения служитъ границею Британскаго Гондураса. Еще дальше на сѣверъ четырехугольное пространство Гватемалы, заключенное между Табаско, Юкатаномъ и Белизе, раздѣляется между двумя склонами Усумасинты, Мопана и Ріо-Хондо; въ сѣверныхъ саваннахъ разбросано только нѣсколько озеръ. Самое обширное изъ нихъ—это озеро Итцаль или Итца, названное такъ потому, что въ XV в. народцы, населявшіе Юкатанъ, нашли тамъ убѣжище; кромѣ того, оно называется еще озеромъ Петенъ, или «Островъ», вслѣдствіе находящагося на немъ островнаго холма, на которомъ посели-

Гондурасскій пейзажъ.

лись новые пришельцы. Озеро это имѣетъ форму полумѣсяца съ двумя неровными отрогами, выпуклая сторона котораго обращена на сѣверо-западъ; полуостровъ, раздѣляющій его на два бассейна, соединяется съ южнымъ берегомъ. Заключенное между известковыми берегами незначительной высоты, озеро Итцаль постоянно колеблется въ своемъ уровнѣ на нѣсколько метровъ, смотря по сезону; но берега его довольно крутые и быстро спускаются въ глубину бассейна, которая въ среднемъ превосходитъ 55 метровъ; нѣкоторыя бухточки его до того мелки, что на нихъ произрастаетъ даже водяной лопушникъ, сѣмена котораго, во время неурожая, перемалываютъ въ муку и приготовляютъ изъ нея нѣчто вродѣ хлѣба, впрочемъ мало питательнаго и вяжущаго на вкусъ. Въ настоящее время это озеро представляетъ собою замкнутый бассейнъ, но въ былыя времена, кажется, оно было связано посредствомъ другихъ озеръ, разсѣянныхъ на западѣ и востокѣ саваннъ, съ одной стороны съ ріо-Педро, притокомъ Усумасинты, а съ другой—съ ріо-Хондо, которая прямо впадаетъ въ Гондурасскую бухту; въ дождливое время года, впрочемъ, эти озера, слѣдующія одно за другимъ, сливаются въ одинъ общій бассейнъ; цѣлый рядъ болотъ, которыя было бы легко соединить каналомъ, во время большихъ половодій тоже сливаются, способствуя такимъ образомъ возобновленію воды въ озерномъ бассейнѣ. Но уже нѣкоторыя известковыя равнины Петенской области указываютъ на сосѣдство Юкатана. Вода, стекающая въ трещины почвы, не удерживается на поверхности, и ее нужно искать въ глубокихъ *сенотахъ*.

Раздѣленіе земель на зоны различной температуры гораздо яснѣе выражено въ южной части Гватемалы, чѣмъ въ Мексикѣ и даже въ области, лежащей между столицей и Вера-Круцомъ. Правильная стѣна горъ, тянущихся по Гватемальскому побережью, представляетъ почти одинаковыя географическія условія на всемъ своемъ протяженіи, и поясы теплыхъ, умѣренныхъ и холодныхъ земель идутъ послѣдовательно отъ основанія горъ до ихъ вершинъ, характеризуясь различными, присущими имъ, породами растительности. Выше холодныхъ земель, лежащихъ на окраинѣ плоскогорья, наблюдается даже зона «морозовъ», зона высокихъ вершинъ, одѣтыхъ на короткое время въ году снѣгомъ. Этотъ высокій поясъ необитаемъ; низкій поясъ «теплыхъ земель» также почти ненаселенъ, особенно его избѣгаютъ европейскіе колонисты: средняя температура колеблется тамъ между 25—29 градусами по сто-градусному термометру, и 40-градусныя жары тамъ вовсе нерѣдкость; почва на берегахъ Великаго океана состоитъ изъ длиннаго ряда песчаныхъ земель, окаймляющихъ зловонныя лагуны; прибрежныя деревни населены только небольшою горстью людей, занимающихся охраненіемъ товаровъ, которыми нагружаютъ и разгружаютъ суда. Что касается двухъ промежуточныхъ зонъ—пояса умѣренныхъ земель, благопріятнаго для культуры банановъ, сахарнаго тростника и кофейныхъ деревьевъ, и пояса холодныхъ земель, гдѣ съ успѣхомъ произрастаютъ хлѣбныя растенія и европейскія фруктовыя деревья, то они занимаютъ самую незначительную часть Гватемальской территоріи, гдѣ населеніе европейскаго происхожденія или метисы размножаются такъ же успѣшно, какъ и туземныя племена. Въ особенности умѣренныя земли, заключающіяся, въ среднемъ, между 500 и 1.500 метровъ высоты надъ уровнемъ моря, занимаютъ въ общемъ очень значительное пространство: можно даже сказать, что въ отношеніи промышленной культуры Гватемала расположена гораздо благопріятнѣе, чѣмъ Мексика, гдѣ холодныя земли и неплодородныя пространства сравнительно гораздо обширнѣе. Характернымъ растеніемъ умѣреннаго пояса, произрастаніе котораго вполнѣ ограничивается этою зоною, является бананъ, главный пищевой продуктъ этого края.

Расположенная, подобно Мексикѣ, въ районѣ пассатныхъ вѣтровъ, Гватемала находится преимущественно подъ вліяніемъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, которые господствуютъ на высокихъ склонахъ главной цѣпи и, проходя черезъ вершины вулкановъ, снова спускаются на покатость Великаго океана. Но этотъ правильный вѣтеръ часто отклоняется отъ своего нормальнаго хода, и нерѣдко *норты*, т. е. сѣверные вѣтры, срываясь съ горъ, съ яростью низвергаются въ низкія долины. Берега Гватемалы подвержены также сильнымъ «кордонасамъ», т. е. береговымъ вѣтрамъ, которые являются, вѣроятно, продолженіемъ юго-восточныхъ пассатовъ, увлекаемыхъ въ сѣверное полушаріе въ сезонъ дождей, когда облака и морскія теченія слѣдуютъ за солнцемъ по направленію къ сѣверу. Эти порывы юго-западныхъ вѣтровъ сопровождаются обыкновенно бурями. Гватемала, подобно другимъ тропическимъ странамъ, не имѣетъ ни зимы, ни лѣта, или по крайней мѣрѣ эти разграниченія времени года не имѣютъ здѣсь того значенія, какъ въ умѣренной Европѣ, такъ какъ они относятся къ періодамъ дождей, которые дѣлятся на полугодія, какъ разъ на противоположныя настоящимъ зимѣ и лѣту. Средняя температура держится почти одинаковою впродолженіи круглаго года; разница между крайними жарами и крайними холодами не превышаетъ 25 градусовъ.

Температура въ Гватемалѣ (за пять лѣтъ) на высотѣ 1.480 метровъ надъ уровнемъ моря, по Корнетту (Дольфюсъ и Монъ-Серратъ):

средняя температура 17°,8 (18°,6 Гузо). Самый холодный мѣсяцъ (январь), 16°,4 (16°,7 Гузо). Крайній холодъ, 5°,3. Самый теплый мѣсяцъ (май), 19°,3 (20°,3 Гузо). Крайняя жара, 30°,4 (31°,8 Рокстро).

Снѣгъ выпадаетъ только на вершинахъ высокихъ вулкановъ и на западныхъ Альтосахъ, но и на этихъ высокихъ равнинахъ хлопья снѣга быстро таютъ. О печахъ въ Альтосахъ и понятія не имѣютъ: еще недавно во всемъ краѣ имѣлась одна только печь, именно на фермѣ Аргуета, между Тотоникапамомъ и Солола, находящейся на высотѣ 3.000 метровъ надъ уровнемъ моря [1].

Выпаденіе дождей весьма неравномѣрно въ различныхъ частяхъ Гватемалы. Атлантическій склонъ, понятно, орошается всего обильнѣе, такъ какъ господствующій тамъ вѣтеръ приноситъ водяные осадки съ Мексиканскаго залива и Антильскаго моря: жители Изабаля говорятъ, что «дождь идетъ у нихъ тринадцать мѣсяцевъ въ году». Туманы тамъ бываютъ такіе же густые, какъ на Британскихъ островахъ, а на высотахъ смежныхъ плоскогорій наблюдали даже иней и дождь, смѣшанный со снѣгомъ, хотя подъ этими широтами банан еще приноситъ плоды [2]). Но и на склонахъ Великаго океана не замѣчается недостатка во влажности: особенно умѣренныя земли орошаются обильными дождями. У подошвы вулкана Агуа можно видѣть среди дня, какъ около вершины собираются тонкимъ вѣнчикомъ небольшія облачка, какъ этотъ вѣнчикъ постепенно сгущается, превращаясь въ завѣсу, которая заволакиваетъ сначала долину, а потомъ, мало-по-малу, и всю гору, и наконецъ разражается сильнымъ дождемъ.

Сезонъ проливныхъ дождей длится въ этомъ поясѣ океаническаго склона шесть или даже семь мѣсяцевъ; иногда, правда, бываютъ маленькіе перерывы во время *verano de agosto*, т. е. «августовскаго лѣта», происходящіе оттого, что поясъ облаковъ идетъ вслѣдъ за солнцемъ далѣе на сѣверъ, къ тропику Рака. Даже въ сезонъ засухи рѣдко бываетъ, чтобы хоть одинъ мѣсяцъ прошелъ безъ дождя, дѣйствіе котораго прямо изумительное, принимая во вниманіе плодородіе этихъ вулканическихъ земель; туманы здѣсь тоже не рѣдкость, такъ что и это, въ свою очередь, способствуетъ процвѣтанію флоры. Въ холодномъ поясѣ дожди идутъ почти столь же продолжительное время, какъ и въ умѣренныхъ земляхъ, но они не столь обильны, и во время сезона засухи небо остается совершенно яснымъ: въ большей части этихъ областей атмосферной влаги выпадаетъ недостаточно для процвѣтанія культуры, и на этой почвѣ успѣшно произростаютъ только лѣса, дубы и шишконосныя деревья. Среднее выпаденіе дождевой воды извѣстно только для столицы, гдѣ оно опредѣляется въ 1м, 371, считая 141 дождливыхъ дней въ году (впродолженіи 1879 г. дождя выпало 1м,544); на низкихъ склонахъ умѣренныхъ земель, напримѣръ на плантаціяхъ Бока-Коста, на полусклонахъ большихъ вулканическихъ питоновъ, общее количество выпадающаго дождя превышаетъ 2 метра, а на Альтосахъ Квецалтенанго оно едва достигаетъ полу-метра [1]).

Въ извѣстное время года дожди сопровождаются ежедневными грозами, которыя бываютъ иногда съ градомъ, что влечетъ за собою большія бѣдствія. Иногда одновремено съ воздушными грозами слышенъ подземный шумъ *retumbos*, который раздается не только въ вулканическихъ горахъ, но также и въ осадочныхъ породахъ. Этотъ подземный гулъ, похожій на далекіе раскаты грома, приписываютъ обыкновенно запертымъ парамъ; однако, ни передъ нимъ, ни послѣ не наблюдается землетрясеній, и онъ происходитъ только тогда, когда горы окутаны густыми тучами. Дольфюсъ и Монъ-Серратъ предполагаютъ, что эти ретумбосы порождаются электричествомъ, подобно молніи, которая разрываетъ тучи и отдается долгимъ эхомъ.

Гранича съ Восточной Мексикой,—Чіапасомъ, Табаско и Юкатаномъ,—Гватемала походитъ на нее своей флорой и фауной. Въ лѣсахъ ея также ростутъ вперемѣшку различныя породы дуба и сосны: среди этихъ шишконосныхъ деревьевъ попадаются очень высокія, метровъ въ 50 высоты. Во многихъ областяхъ Гватемалы, особенно на сѣверѣ, можно подумать, что находишься въ пиньядасахъ Ландовъ или въ лѣсахъ Помераніи; одна порода сосны, называемая у испанцевъ *pino colorado* (красная сосна), содержитъ необычайно большое количество смолы. Въ низкихъ областяхъ, прилегающихъ къ Великому океану, бамбукъ растетъ лѣсами (достигая 30 метровъ высоты), которые при вѣтрѣ колышутся, словно нива, и гдѣ дикія животныя прокладываютъ себѣ узкія и мрачныя галлереи. Гигантомъ Гватемальской флоры, какъ и въ Табаско, является *сейба*, или пирамидальный бавольникъ: по сосѣдству со своими деревнями индѣйцы, населяющіе плоскогорья и склоны горъ, обыкновенно оставляютъ вокругъ сейбы большое пустопорожнее пространство, чтобы ничто не мѣшало дереву распростирать въ ширь свои вѣтви и чтобы придать болѣе величественный видъ этому колоссу съ гладкимъ и блестящимъ стволомъ, у подножія котораго собирается почитающій его народъ. Какъ и въ

[1]) A. Woeikoff", „Petermann's Mittheilungen", 1879. Тетрадь V.

[2]) Arthur Morelet, цитированное сочиненіе.

[1]) A. Dollfus и de Mont-Serrat, цитированное сочиненіе.

Южной Мексикѣ, ліаны сплошной крышей покрываютъ волнующуюся поверхность лѣса: съ вершины скалы можно видѣть сѣть *antigona cinerescens*, оплетающаго своими ярко-красными нитями громадное зеленое пространство. Въ Вера-Пацѣ для заборовъ употребляютъ древовидную крапиву, стволы которой, быстро вытягиваясь, сростаются и сплетаются между собою, такъ что образуется нѣчто вродѣ сѣрыхъ стѣнъ, обвитыхъ мхомъ и папоротникомъ, которые перемѣшались съ широкими листьями этого растенія. Лѣса теплыхъ земель, около Раталхулеу и по берегамъ Полочика, славятся своими великолѣпными орхидеями. Въ Гватемалѣ есть одна порода растеній, которую индѣйцы отличаютъ по особой теплотѣ, выдѣляемой его цвѣткомъ въ моментъ оплодотворенія: отсюда происходитъ и названіе этого растенія—*flor de la calentura*, или «цвѣтокъ лихорадки», которое ему дали испанцы. На стволахъ старыхъ деревьевъ, въ вулканическомъ поясѣ, часто замѣчаются особые наросты, симметрично расположенные въ видѣ розы или тюльпана; мѣстное названіе этихъ наростовъ—*flores de palo*, или «древесные цвѣты» [1]).

Въ лѣсахъ Гватемалы также живутъ тапиры, мексиканскіе кабаны и нѣкоторыя другія млекопитающія; новыя породы открыты только въ отрядѣ низшихъ животныхъ. Крокодилы и различныя рыбы Петенскаго озера, въ количествѣ тридцати разныхъ видовъ, открыты тамъ только со времени путешествія Мореле. Въ Гватемалѣ была найдена одна новая порода ядовитыхъ змѣй, именно чернохвостый гремучникъ, каскавелла, который служитъ дополненіемъ къ цѣлому ряду змѣеобразныхъ, живущихъ между Гвіаною и Южной Каролиной. Область Вера-Пацъ—настоящая обѣтованная земля для орнитологовъ: тамъ можно еще встрѣтить дивную райскую птицу quezal, или «трогонъ блистательный» (trogon pavorinus или pharomacrus paradiseus). Самецъ имѣетъ великолѣпное шелковистое опереніе блестящаго изумрудно-зеленаго цвѣта, съ золотистымъ отливомъ на спинѣ; грудь и остальныя нижнія части яркаго пурпурно-краснаго цвѣта; хвостъ его имѣетъ не менѣе одного метра въ длину: Гватемальская республика выбрала эту красивую птицу для изображенія своего герба. Во времена ацтековъ эту птицу никогда не убивали, а, поймавъ ее въ силки, вырывали у нея только рулевыя перья, которыя шли на изготовленіе роскошныхъ плащей [2]); въ настоящее время съ этою драгоцѣнной птицей поступаютъ болѣе безцеремонно: счастье еще, что самка лишена украшенія и потому щадится охотниками, что спасаетъ отъ вымиранія эту чудную породу пернатыхъ.

[1]) Osbert Salvin, „Ibis", 1864 г.

[2]) Arthur Morelet,—Otto Stoll, цитированныя сочиненія.

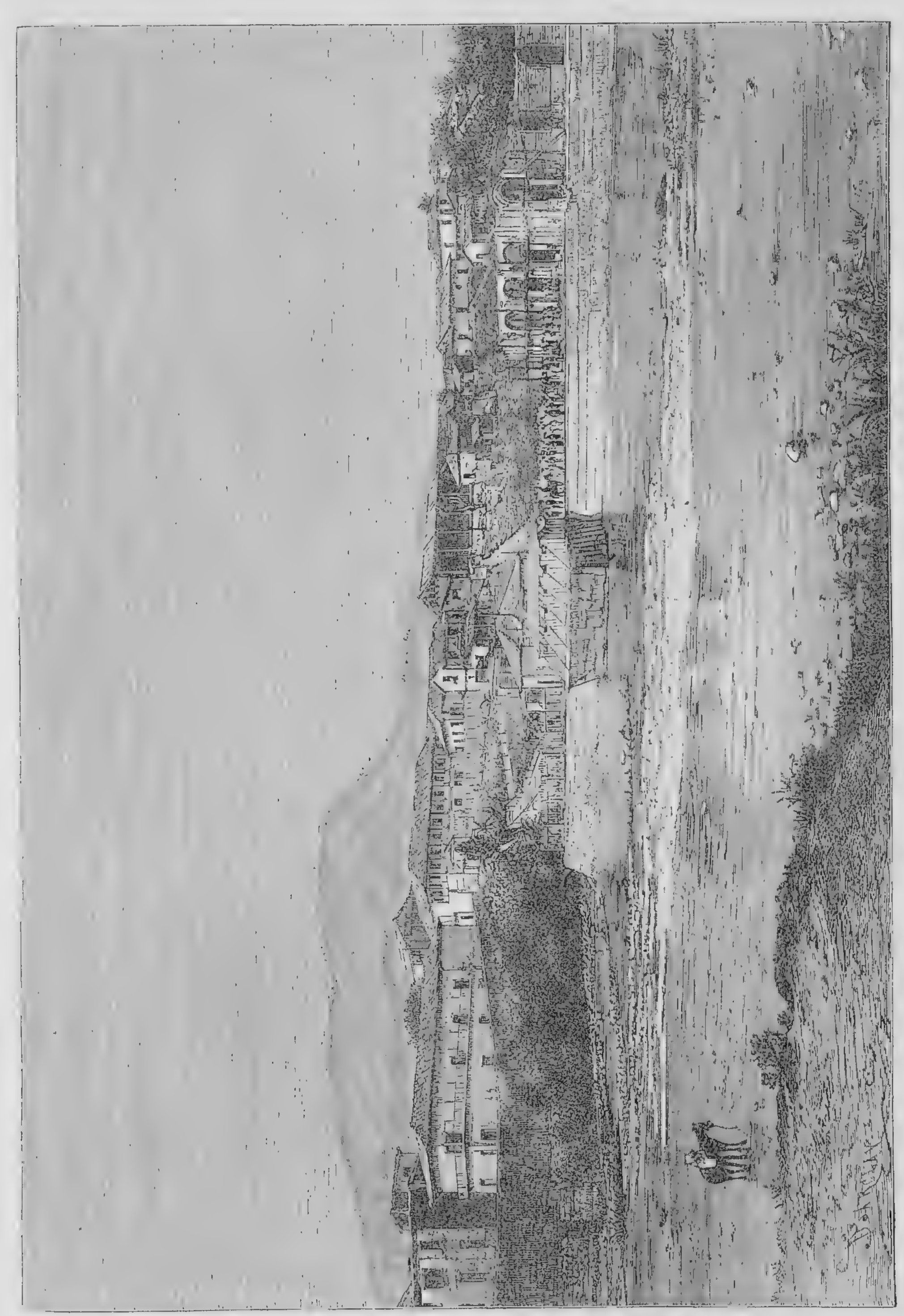
Общая граница между Гватемалою и Мексикою пересѣкаетъ страны, населеніе которыхъ, какъ по ту, такъ и по другую сторону, одинаковаго происхожденія и говоритъ на однихъ и тѣхъ же языкахъ. Въ Гватемальскомъ Петенѣ, какъ и въ Юкатанѣ, живутъ майя; какъ съ восточной, такъ и съ западной стороны Усумасинты расположились лакандоны; чолы, тцендалы и мамé живутъ на возвышенностяхъ и по обоимъ склонамъ какъ въ Альтосахъ, такъ и въ Соконуско. Но въ центральной и восточной Гватемалѣ группируются этническіе элементы, совершенно отличные отъ народовъ Мексиканскаго Союза. Брассеръ-де-Бурбургъ, Берендтъ, Бринтонъ, Штолль и Шарансэ пытались сгруппировать эти различныя народности по сходству ихъ нравовъ и нарѣчій, но начатая ими работа еще далека до приведенія къ концу, и языки, на которыхъ говорили еще въ началѣ этого столѣтія, теперь уже не существуютъ. Элементы изученія быстро исчезаютъ, такъ какъ племена, державшіяся прежде въ сторонѣ отъ испанцевъ, въ смѣшанной массѣ гватемальскаго населенія все болѣе и болѣе поглощаются *ладиносами*, а языки постепенно портятся и замѣняются, наконецъ, испанскимъ: къ востоку отъ меридіана Гватемалы нѣтъ болѣе индѣйцевъ, говорящихъ еще на своемъ первоначальномъ нарѣчіи; почти всѣ сдѣлались *ладиносами* [1]). По словамъ Штолля, въ 1883 г. въ Гватемалѣ говорили еще на восемнадцати самостоятельныхъ языкахъ, не считая кастильскаго діалекта [2]).

Ацтеки, туземный народъ, господствующій на Анагуакскомъ плоскогорьѣ, представлены въ Гватемалѣ всего лишь одной группой, именно пипилями, которые живутъ не по сосѣдству съ мексиканской границей, а въ Восточной Гватемалѣ, около своихъ соплеменниковъ, поселившихся въ Сальвадорѣ. Во времена завоеванія пипили занимали гораздо бóльшую территорію, чѣмъ теперь, но могущество ихъ постепенно утрачивалось, по мѣрѣ возроставшаго господства другихъ народностей, которыя вытѣсняли изъ употребленія ихъ языкъ; такимъ образомъ имъ пришлось поступиться не только въ пользу испанскаго языка, но также и въ пользу другихъ туземныхъ нарѣчій, каковы—качкиквель и покоманъ. Въ настоящее время глоссологическая площадь раздѣлена на двѣ части: одна приходится на Саламу и на оба берега ріо-Гранде или Мотагуи, другая на Эсквинтлу и Куажиникилапу, въ бассейнахъ Гуакалате и Мичатойи. Ка-

[1]) G. Bernouilli. 1874 г. Тетрадь VIII.

[2]) „Zur Ethnographie der Republik Guatemala."

кимъ образомъ эти нахуа, родственные мексиканскимъ нахуа, очутились на такомъ большомъ разстояніи отъ главной массы своей расы? Испанскіе завоеватели были очень удивлены такимъ совпаденіемъ, и Жуарросъ даетъ этому факту очень наивное объясненіе, которое не основывается, вѣроятно, ни на какой легендѣ. По его словамъ, тенохтитланскій король Ахуитсотлъ снарядилъ въ эти южныя страны, далеко за предѣлы своего царства, цѣлыя колоніи купцовъ, съ цѣлью подготовить путь къ завоеванію; эти купцы такъ быстро сдѣлались родоначальниками новыхъ народностей,

Тегучигалпа. Видъ изъ города Консепсіона.

что скоро цѣлая нація разселилась вокругъ тѣхъ городовъ, гдѣ тенохтитланскіе делегаты нашли себѣ гостепріимство [1]). По мнѣнію дру-

[1]) „Compendio de la Historia de la Ciudad de Guatemala".

*

гихъ историковъ, пипили составляли часть бѣглыхъ тольтековъ, которые, послѣ разрушенія ихъ царства чичимекскими завоевателями, бросились въ южныя области. Дѣйствительно, весьма возможно, что нахуатльскіе пипили—эмигранты, поселившіеся здѣсь съ древнихъ временъ, по всей вѣроятности, еще за нѣсколько вѣковъ до испанскаго завоеванія. Туземныя слова, вошедшія въ кастильскій языкъ Гватемалы, почти всѣ заимствованы отъ пипилей. Здѣсь встрѣчается масса нахуатльскихъ географическихъ названій въ тѣхъ областяхъ, гдѣ уже не говорятъ на языкѣ пипиль, какъ, напримѣръ, во всемъ районѣ Эсквинтлы.

По Жуарросу, названіе пипиль означаетъ «Дѣти», и было, будто-бы, дано этому народу мексиканцами за незнаніе хорошаго языка. Другая этимологія объясняетъ это названіе иначе, видя въ пипиляхъ Гватемалы и другихъ перешейковыхъ республикъ древнихъ пипилтиновъ, имя которыхъ означаетъ «Главные», «Лучшіе», т. е. самыхъ благородныхъ изъ всѣхъ ацтековъ. Это названіе они дали себѣ сами, водворившись среди менѣе цивизизованныхъ народовъ. Какъ бы то ни было, сравнительные словари ацтекскаго и пипильскаго нарѣчій, изданные Штоллемъ, показываютъ, что эти идіомы очень близки другъ къ другу, и что достаточно было посвятить изученію ихъ нѣсколько недѣль, чтобы понимать какъ тотъ, такъ и другой народъ. Послѣ долгаго, можетъ-быть, тысячелѣтняго періода разлученія ацтековъ и пипилей, различіе ихъ нарѣчій оказывается очень незначительнымъ и состоитъ главнымъ образомъ въ выпущеніи гласныхъ и сокращеніяхъ въ языкѣ пипиль. Народъ этотъ внесъ съ собою въ свое новое отечество и нахуатльское искусство, такъ что и въ странѣ какчикведовъ, гдѣ жили еще недавно пипили, находятъ любопытные памятники, стиль которыхъ приближается къ ацтекскому [1]).

Огромное большинство гватемальскихъ индѣйцевъ принадлежитъ къ тому корню, отъ котораго происходятъ гуакстеки мексиканскихъ горъ и майи Юкатана: оттого совокупности населеній, говорящихъ этими языками, даютъ названіе расы майя-квичуé, по двумъ самымъ могущественнымъ націямъ этой группы—майевъ юкатанскихъ равнинъ и квичуе гватемальскихъ плоскогорій. Въ самыхъ предѣлахъ Гватемалы майя въ тѣсномъ смыслѣ занимаютъ очень обширную территорію, а именно округъ Петена и почти всю область, ограниченную съ юга ріо-де-ла-Пасіонъ и ріо-Мопанъ. Нація майя даже представлена въ этой странѣ однимъ изъ наиболѣе чистыхъ племенъ—племенемъ итца; благодаря своему пребыванію на островѣ, или *петенъ*, большаго

[1]) Habel, „Smithsonian Contributions". 1879. „The Sculptures of Santa-Lucia Cozumalhuapa".

озера, лежащаго въ саваннахъ, они долго могли сохранять свою независимость, также какъ чистоту нравовъ и крови. Лакандоны, живущіе западнѣе, между Петенскимъ озеромъ и рѣкой Усумасинтой,—тоже чистые майя, оставшіеся свободными, хотя испанцы и сами майя часто называютъ ихъ караибами [1]). Они принимаютъ иностранцевъ, но не подчиняются ихъ приказамъ и считаютъ себя хозяевами страны; впрочемъ, число ихъ очень незначительно, не больше четырехъ или пяти тысячъ, по исчисленію побывавшихъ у нихъ путешественниковъ. Вообще, тѣло у нихъ дряблое, и на видъ они анемичны, что, быть можетъ, обусловливается ихъ образомъ жизни, которая почти цѣликомъ проходитъ въ сыромъ сумракѣ дремучихъ лѣсовъ. Хотя это народъ земледѣльческій, но это не мѣшаетъ ему вести полу-кочевой образъ жизни; собравъ жатву, они перебираются на новое мѣсто и тамъ съизнова принимаются за распашку другаго клочка лѣса. Невольно является вопросъ, говоритъ Воейковъ, «дѣйствительно ли дикіе лакандоны менѣе «цивилизованы», чѣмъ покоренные индѣйцы сосѣднихъ странъ. Они сѣютъ кукурузу и приготовляютъ свои *тортильи* совершенно такимъ же способомъ подобно тѣмъ индѣйцамъ, они употребляютъ, вмѣсто глиняной посуды, тыквы; кромѣ того, они болѣе искусные охотники и отличаются болѣе благороднымъ и болѣе независимымъ духомъ. Они выучились всему тому, что можно было заимствовать у сосѣдей, и если имъ еще неизвѣстно искусство выдѣлывать бронзу и желѣзо, то вѣдь и «цивилизованные» индѣйцы не знакомы съ этимъ искусствомъ. По крайней мѣрѣ лакандоны, хотя и продолжаютъ еще употреблять, въ качествѣ оружія, каменные топоры, но уже вступили въ «вѣкъ бутылочнаго стекла», ибо посредствомъ битаго бутылочнаго стекла, получаемаго ими въ промѣнъ въ окрестныхъ селеніяхъ, они оттачиваютъ концы своихъ стрѣлъ [2])». Общій всѣмъ лакандонамъ костюмъ состоитъ просто изъ длинной бѣлой туники, украшенной у предводителей красными крапинками, которыя они дѣлаютъ посредствомъ сока одной ягоды [3]).

Мопаны, которыхъ встрѣчаютъ разсѣянными группами на югѣ Петенскаго озера и въ высокой долинѣ Мопана или ріо-Белизе, также принадлежатъ къ племени майя; это народъ почти независимый, впрочемъ, мало извѣстный; полагаютъ, однако, что ихъ языкъ отличается отъ языка итца и лакандоновъ. Чолы, или «Люди» [4]), ихъ южные сосѣди, раз-

[1]) Désiré Charnay, „Les Anciennes villes du Nouveau Monde".

[2]) „Petermann's Mittheilungen". 1879. Тетрадь VI.

[3]) Désiré Charnay „Bulletin de la Société de Géographie". Подробные отчеты № 21, 1882 г.

[4]) Brasseur de Bourbourg, „Recherches sur les Ruines de Palenqué".

сѣянные въ саваннахъ между Усумасинтой и Гольфо-Дульсе, принадлежатъ къ туземцамъ майяской расы, которыхъ Фернандъ Кортесъ встрѣтилъ во время своей экспедиціи въ Гондурасъ; онъ могъ объясняться съ ними, благодаря посредничеству донны-Марины, которая сама говорила по-чонталезски: оба эти языка, происшедшіе отъ языка майя, были все еще довольно близки одинъ другому. Весьма вѣроятно, что чолы были однимъ изъ самыхъ цивилизованныхъ народовъ страны, которая впослѣдствіи стала Гватемалой, судя по тому, что на ихъ территоріи находятся прекрасныя развалины Квиригуа; но представителей этой расы въ настоящее время осталось такъ мало, что можно опасаться въ близкомъ будущемъ совершеннаго исчезновенія этого народа и его языка. Почти полное отсутствіе индѣйскаго населенія на Атлантическомъ побережьѣ между Юкатаномъ и Никарагуа должно быть приписано испанскимъ торговцамъ живымъ товаромъ. Когда туземцы Кубы и Эспаньолы были истреблены землевладѣльцами, а негро-торговля еще не доставляла достаточнаго количества работниковъ, плантаторы этихъ острововъ старались набирать свою челядь путемъ привоза «караибовъ», т. е. всѣхъ индѣйцевъ разныхъ расъ, которые населяли острова и материкъ и которыхъ обвиняли во всевозможныхъ преступленіяхъ и людоѣдствѣ, чтобы оправдать въ собственныхъ глазахъ ихъ порабощеніе. Охота на человѣка производилась главнымъ образомъ вдоль береговъ Гондурасскаго залива, между мысами Пунточе и Грасіасъ-а-Діосъ: эти земли въ нѣсколько десятилѣтій были совершенно обезлюдены, и торговцы живымъ товаромъ, не найдя тамъ болѣе жертвъ, стали подниматься вверхъ по теченію рѣкъ и опустошать прибрежныя долины, захватывая мѣстныхъ жителей. Изъ сочиненія Берналя Діаца видно, что въ то время, когда Кортесъ совершалъ свою экспедицію въ Гондурасъ, берега Гольфо-Дульсе, нынѣ совершенно пустынные, были во многихъ мѣстахъ оживлены деревнями и засѣянными полями. Послѣ этого становится понятнымъ прозвище «истребителей людей», которое было дано бѣлымъ какчиквелами. При приближеніи всякаго европейца матери кричатъ своимъ дѣтямъ: «Бѣгите скорѣй, вонъ идутъ люди, которые хотятъ васъ съѣсть!» Таковы воспоминанія, оставленныя завоеваніемъ [1]). Затѣмъ, когда испанцы прекратили свои набѣги, насталъ чередъ пиратовъ, которые мѣшали бѣлымъ колонизировать страну и повсюду селились сами, продолжая со своей стороны охоту за туземцами.

Къ югу отъ нѣсколькихъ поселеній чоловъ, существующихъ еще въ верхнемъ бассейнѣ ріо-де-ла-Пасіонъ, на территоріи, гдѣ р. Полочикъ развѣтляется на множество рукавовъ, находятся земли квекчей и покончей, которые также происходятъ отъ майя, но составляютъ особую группу. Прежде ихъ страна была извѣстна подъ названіемъ Тецулутланъ, или «Страна Войны», такъ какъ испанцы часто спускались сюда съ плоскогорій, чтобы воевать съ туземцами, которыхъ все-таки не могли покорить. Покореніемъ Гватемальскаго народа испанцы обязаны знаменитому епископу Чіапаса Бартоломею де-ласъ-Казасъ и доминиканскимъ миссіонерамъ, сопутствовавшимъ ему. Подъ условіемъ, чтобы доступъ въ край былъ воспрещенъ ихъ соотечественникамъ, гражданскимъ и военнымъ, впродолженіи пяти лѣтъ, миссіонеры, подъ предводительствомъ епископа, явились сюда съ мирными цѣлями просвѣтить туземный народъ, озаривъ его свѣточемъ новой религіи. Справляя на глазахъ изумленнаго народа свои церковныя празднества, обставляя ихъ возможнымъ великолѣпіемъ и устраивая, при стройномъ пѣніи католическаго катехизиса, различныя религіозныя процессіи, къ участію въ которыхъ привлекались и индѣйцы, миссіонеры скоро успѣли завоевать себѣ симпатіи восхищеннаго народа. Въ нѣсколько лѣтъ они пріобрѣли неограниченную власть надъ туземцами, и страна, называвшаяся прежде «Страною Войны», получила названіе Вера-Пацъ, или «Прочный Миръ». Сдѣлавшись добровольными рабами доминиканскихъ священниковъ, квекчи и покончи тѣмъ не менѣе только внѣшнимъ образомъ обратились въ христіанство; нравы же ихъ остались по-прежнему языческими. Браки зачастую совершаются у нихъ въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ, еще до наступленія половой зрѣлости. Обыкновенно мать выбираетъ своей дочери мужа, а отецъ—жену для сына, и новая семья поселяется въ домѣ родителей, устроившихъ ихъ бракъ; религіозный же обрядъ бракосочетанія совершается только тогда, когда мужу исполнится пятнадцать лѣтъ; сплошь и рядомъ молодые, не дождавшись церковнаго брака, расходятся, и тогда родители, добромъ или силою, должны возвратить полученное за невѣстой приданое. Часто случается, что мужъ становится супругомъ своихъ свояченицъ, а жена его находится въ сожительствѣ со своими деверями: это еще остатки прежнихъ обычаевъ поліандріи и полигаміи, существовавшихъ, по словамъ Рокстро, у независимыхъ лакандоновъ.

Одною изъ главнѣйшихъ индѣйскихъ націй, живущей на территоріи, гдѣ была основана нынѣшняя столица республики, являются покоманы. Народъ этотъ извѣстенъ лучше другихъ, такъ какъ, живя по сосѣдству съ столицей, въ городѣ Миксно, эти индѣйцы каждое утро привозятъ въ Гватемалу дрова и разные

[1]) Otto Stol, „Guatemala".

съѣстные продукты. Они также принадлежатъ къ племени майя и, подобно своимъ соплеменникамъ, проявляютъ необыкновенную силу сопротивленія. Они-то и оттѣснили постепенно народъ пипиль и, завоевавъ у нихъ область, составляющую раздѣльную возвышенность, разрѣзали ихъ такимъ образомъ на два звена. Ихъ восточные сосѣди, чорти, проникшіе далеко вглубь Гондураса, родственны имъ по языку. Нарѣчіе чорти еще неизвѣстно: Стефенсу удалось записать всего лишь нѣсколько словъ; если археологи захотятъ когда-нибудь разобрать іероглифы, начертанные на камняхъ Копана, на территоріи чорти, тотчасъ за Гватемальской границей, то какъ они достигнутъ этого, если не будутъ знать языка, которымъ выражалось это символическое письмо? Но надо торопиться, такъ какъ первобытныя нарѣчія, вытѣсняемыя распространеніемъ школъ и печати, исчезаютъ въ этой странѣ съ неимовѣрною быстротою.

Квиче́, или «Люди Большаго Лѣса», по этимологіи Брассера-де-Бурбургъ, были, наравнѣ съ ацтеками и майя, во время пришествія испанцевъ, самымъ цивилизованнымъ народомъ Средней Америки. Они, какъ говорятъ, были очень многочисленны: лѣтописи опредѣляютъ численность ихъ въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ; въ настоящее же время ряды ихъ значительно порѣдѣли, но они продолжаютъ занимать почти ту же самую территорію, какъ и въ ту эпоху, когда банды Альваредо явились покорять ихъ; во многихъ округахъ, особенно въ Тотоникапамѣ, они энергично защищаютъ свой языкъ противъ испанскаго; тѣмъ не менѣе оффиціальный языкъ, рано или поздно, одержитъ верхъ надъ туземнымъ нарѣчіемъ въ городахъ, оставивъ его въ достояніе немногочисленнымъ потомкамъ этого народа, живущимъ въ деревняхъ. Глоссологическая область языка квиче́ обнимаетъ въ особенности Альтосы Квезалтенанго и Тотоникапама, но простирается на сѣверъ и сѣверо-востокъ къ высокимъ бассейнамъ Усумасинты и Мотагуа, тогда какъ на югѣ она доходитъ по склону главной цѣпи до самаго моря: побережье принадлежитъ ему на протяженіи слишкомъ 100 километровъ, къ югу отъ Реталхулеу и Мацатенанго. Языкъ прежнихъ властителей страны, квиче, есть одинъ изъ рѣдкихъ индѣйскихъ идіомовъ, имѣющихъ если не литературу, то по крайней мѣрѣ письменность. Popol-Vuh, «Книга Исторіи», которую одинъ квичейскій патріотъ написалъ вскорѣ послѣ завоеванія страны испанцами, взамѣнъ утраченнаго бытописанія, представляетъ собою одинъ изъ драгоцѣнныхъ источниковъ для познанія миѳовъ и легендъ Центральной Америки: въ началѣ XVIII вѣка она была переведена доминиканцемъ Хименесомъ на испанскій языкъ, а затѣмъ издана во французскомъ переводѣ Брассеромъ-де-Бурбургъ, но въ ней много еще встрѣчается совершенно темныхъ для нашего пониманія мѣстъ, которыя, можно надѣяться, со временемъ будутъ истолкованы спеціалистами, хорошо знакомыми съ гватемальскими нарѣчіями, традиціями и нравами.

Языкъ какчикель, на которомъ тоже говорятъ на плоскогорьѣ, между Соломою и Чималтенанго и Антигуа, т. е. въ поясѣ, заключающемся между территоріями квиче́ и покомановъ, есть, какъ и квиче́, языкъ литературный. Брассеръ-де-Бурбургъ указываетъ на одинъ, написанный на этомъ нарѣчіи, историческій документъ, повѣствующій объ исторіи какчикельскаго народа, начиная съ сотворенія міра, въ которомъ есть много мѣстъ, общихъ съ Popol-Vuh. Языки какчикель, квичуэ и цутужиль, которымъ говорятъ въ небольшой энклавѣ, къ югу отъ озера Атитланъ, испанскіе грамматики называютъ «столичными языками», потому что каждый изъ нихъ былъ придворнымъ языкомъ въ королевской резиденціи. Эти идіомы очень схожи между собою. Что касается до нарѣчія мемъ или маме, языка «Заикъ», которое господствуетъ во всей западной территоріи, включая сюда округи Гуегуетенанго и Санъ-Маркосъ, а также въ Соконуско и въ мексиканскомъ Чіапасѣ, то оно значительно отличается отъ квиче́, хотя тоже происходитъ отъ языка майя: квиче́ и какчикелы дали маме это названіе «Заикъ» потому, что съ трудомъ ихъ понимали [1]). Маме составляетъ особую группу вмѣстѣ съ нарѣчіями икосиль и агвакатанъ, а можетъ быть также и съ другими еще неизслѣдованными идіомами, на которыхъ говорятъ народы, живущіе по верховью Усумасинты.

Между языками, близкими къ исчезновенію, Штолль упоминаетъ нарѣчіе, которымъ говорятъ жители Санъ-Мигуэль-Успантана, деревни, расположенной на сѣверной окраинѣ земли квиче́. Мужчины этого округа берутъ себѣ женъ исключительно изъ селеній въ окрестностяхъ Тотоникапама и, благодаря этой постоянной иммиграціи квичейскихъ женщинъ, которыя сохраняютъ свой костюмъ и языкъ, этническое сліяніе совершается съ замѣчательною быстротою. Въ теченіе этого столѣтія языкъ алагвилакъ, идіомъ нахуатльскаго происхожденія, на которомъ говорили въ Санъ-Кристобаль-Акасагуастлапѣ, на р. Мотагуа, и который мало отличается отъ пипиля Эсквинтлы, совершенно вышелъ изъ употребленія, уступивъ мѣсто испанскому; отъ него остались только отдѣльныя слова, фразы да нѣсколько страницъ изъ бумагъ, хранившихся въ общинныхъ архивахъ. Вѣроятно, та же участь постигнетъ въ скоромъ времени языки синка и

---

[1]) Brasseur de Bourbourg, „Le Mexique et l'Amérique Centrale“.

пупулука, на которыхъ еще говорятъ въ разныхъ мѣстахъ юго-восточнаго края Гватемалы, на границѣ въ Сальвадоромъ. Пупулуки, т. е. «Иностранцы» или «Варвары»

Вулканъ Момбако и берега озера Никарагуа.

по-ацтекски и пипильски, говорятъ подобно мексиканскимъ пополока, особымъ нарѣчіемъ, непонятнымъ ихъ сосѣдямъ; по словамъ Ороцко-и-Берра, они запотекскаго происхожденія, а не майяскаго и не мексиканскаго [1]). Синка, имѣвшіе обыкновеніе воевать при звонѣ колокольчиковъ, вѣроятно, для того, чтобы звономъ отвратить злой рокъ, были тѣмъ не менѣе одними изъ самыхъ несчастныхъ туземныхъ народцевъ: въ наказаніе за оказанное ими со-

[1]) Geografia de las lenguas y carta etnográfica de México.

противленіе, они получили названіе Esclavos, «рабовъ», которое перешло и на самую рѣку, по берегамъ которой они живутъ; ихъ языкъ, подобно идіому пупулука, не имѣетъ ничего общаго съ языками сосѣднихъ населеній [1]).

Почти всѣ туземные языки, на которыхъ говорятъ въ предѣлахъ Гватемалы, принадлежатъ къ майяской семьѣ. Кромѣ пипильскаго, алагуилакскаго, пупулукскаго и синка, нужно изъ этого числа исключить также караибскій языкъ, который сохранился еще у рыбаковъ и дровосѣковъ, потомковъ тѣхъ индѣйцевъ, которые были перевезены англичанами на Атлантическое побережье, въ концѣ прошлаго столѣтія. Штолль пытался построить генеалогическое древо майяскихъ языковъ, чтобы показать, въ какомъ послѣдовательномъ порядкѣ отдѣлились различные идіомы одного и того же корня. Гуакстекскій языкъ первый отпалъ отъ своего первоначальнаго ствола и тѣмъ болѣе отдалился отъ него, что къ перемѣнамъ, производимымъ самимъ временемъ, присоединились еще тѣ измѣненія, которыя вносятся постороннею средою, при общеніи съ народами другихъ нравовъ, говорящими на иныхъ языкахъ. Затѣмъ глоссологическое древо раздвоилось на два самостоятельные ствола— языкъ майя и квиче́; отъ перваго пошли вѣтви: мексиканская, тцендальская, тцоцильская и чольская, тогда какъ отъ языка квиче́ отдѣлились нарѣчія: покомановъ и поконьчи, какчикель и современное квиче́, иксиль и маме [2]). Во всѣхъ этихъ языкахъ разговорная рѣчь даетъ первенствующее мѣсто женскому роду, когда рѣчь идетъ одновременно о лицахъ обоего пола [3]).

Чистые индѣйцы, составляющіе болѣе двухъ третей всего населенія, очень схожи между собою по наружности, каковъ бы ни былъ языкъ, на которомъ они говорятъ; контрасты происходитъ отъ различія климатовъ, между холодными и теплыми землями; но большая часть индѣйцевъ населяютъ плоскогорья и склоны умѣренныхъ земель. Племя какчикель, которое можно взять за типъ гватемальскихъ туземцевъ, представляетъ собою людей средняго или небольшаго роста (145 — 155 сантиметровъ), но широкоплечихъ и коренастыхъ, съ выразительными чертами лица, густыми бровями, косыми глазами, выдающимися скулами, прямымъ носомъ и своевольнымъ складомъ рта; черные волосы ихъ падаютъ густыми, прямыми космами на низкій лобъ, сдавленный ремнемъ ихъ ноши; они никогда не сѣдѣютъ [4]) и до преклоннаго возраста сохраняютъ свои ослѣпительно-бѣлые зубы и свою сильную мускулатуру, не знающую ожирѣнія; индѣйцы эти неутомимые ходоки, обладающіе красивыми стройными ногами, съ выдающимися икрами. Ежедневно можно видѣть, какъ женщины, съ ношею въ 40—50 килограммовъ на головѣ и съ груднымъ младенцемъ за спиною, ходятъ на рынокъ, дѣлая въ часъ по шести километровъ. Индѣйцы плоскогорій имѣютъ въ общемъ болѣе темный цвѣтъ лица, чѣмъ туземцы теплой земли. Что касается до майяскаго обычая придавать дѣтскимъ черепамъ пирамидальную форму, со лбомъ откинутымъ назадъ, то онъ удержался, кажется только у лакандоновъ Усумасинты [1]); Штолль не видѣлъ слѣдовъ его у индѣйцевъ возвышенностей. Одежда индѣйцевъ очень проста: панталоны, рубашка и блуза, какъ у ладиносовъ; въ отдаленныхъ отъ городовъ округахъ теплыхъ и умѣренныхъ земель женщины носятъ обыкновенно только одну юбку; въ кофты онѣ наряжаются только для ладиносовъ или когда выходятъ куда-нибудь изъ дома. На плоскогорьяхъ богатыя индіанки носятъ рубашки съ широкими рукавами пестрыхъ цвѣтовъ, украшенныя вышивкой; кромѣ того, въ холодную погоду онѣ надѣваютъ на голову нѣчто вродѣ капюшона, плотно прилегающаго къ лицу. Квечи зачесываютъ свои волосы назадъ въ видѣ хвоста, перевязаннаго красной лентой.

У гватемальскихъ индѣйцевъ очень распространена геофагія, т. е. привычка ѣсть землю. Съѣдобной землей, которую употребляютъ обыкновенно какъ приправу, считается вулканическій пепелъ желто-сѣраго цвѣта, съ сильнымъ запахомъ: въ книгѣ «Popol-Vuh» уже упоминается объ этомъ обычаѣ при описаніи обѣда двухъ волшебниковъ. Паломники, посѣщающіе святыя мѣста, тоже ѣдятъ разныя фигурки изъ земли, которыя они достаютъ на мѣстѣ, и употребляютъ, какъ цѣлительное средство отъ всякихъ болѣзней. Это извращеніе вкуса оказываетъ вредное вліяніе только на дѣтей и на тѣхъ взрослыхъ, особенно женщинъ, которыя пристращиваются къ ѣдѣ мѣла, штукатурки и толченаго кирпича: Гажъ зналъ креолокъ, которыя ѣли землю «цѣлыми пригоршнями» для того, чтобы сдѣлать лицо бѣлѣе. Чахотка здѣсь обыкновенная болѣзнь, даже на плоскогорьяхъ, несмотря на «вѣчную весну» и всегда ровный климатъ; вихри пыли, которую малѣйшій вѣтеръ поднимаетъ съ земли, состоящей изъ пепла, могутъ быть одною изъ отягчающихъ причинъ легочныхъ болѣзней. Но самое большое число жертвъ уноситъ оспа. Кромѣ того, жители Гватемалы часто подвергаются заболѣванію особою болѣзнью кожи, tina или «пеструхою», которая особенно распространена на западѣ страны,

[1]) D. G. Brinton, „On the Xinca Indians of Guatemala“.
[2]) Otto Stol, „Für Ethnographie der Republik Guatemala“.
[3]) Brasseur de Bourbourg, „Popol-Vuh“.
[4]) Arthur Morelet, цитиров. сочиненіе.

[1]) A. P. Maudslay, „Proceedings of the R. Geographical Society“, апрѣль 1883.

хотя все же встрѣчается здѣсь рѣже, чѣмъ въ Мексикѣ: по словамъ Штолля, который самъ врачъ, чистокровные индѣйцы чаще страдаютъ отъ нея, чѣмъ метисы. Зобъ является эндемической болѣзнью въ нѣкоторыхъ долинахъ, лежащихъ по близости къ Великому океану, отъ Альтосовъ до Никарагуа, и передается изъ рода въ родъ, безъ различія расы, зачастую осложняясь еще кретинизмомъ. Туземцы быстро старѣютъ, конечно, отъ крайняго однообразія ихъ жизненнаго склада, которое не даетъ пищи для развитія любознательности и притупляетъ мысль, не получающую обновленія. Въ тридцать лѣтъ они уже подвергаются полному застою, не имѣя никакого матерьяла для освѣженія умственной и физической дѣятельности [1]).

Современныя жилища туземцевъ въ деревняхъ остались тѣми же, какими они были до эпохи завоеванія, и представляютъ простые домики съ глиняными стѣнами, крытые листьями или тростникомъ. Даже большія селенія и мѣстечки состоятъ исключительно изъ подобныхъ построекъ, если не считать церквей и зданія муниципалитета. Прежде индѣйцы жили большею частью отдѣльными дворами, каждая семья возлѣ своего мильпа или маисоваго поля. Нигдѣ дома не группировались въ деревни, только изрѣдка попадались форты, гдѣ помѣщалось начальство и войско. Когда испанцы сдѣлались хозяевами этой страны, они стали собирать вокругъ своихъ гасіендъ сосѣднихъ индѣйцевъ, сдѣлавшихся ихъ рабами; духовенство, въ свою очередь, также желало имѣть прихожанъ для своихъ церквей, и такимъ образомъ устраивались деревни; но въ началѣ было очень трудно заселить эти деревни: индѣйцы разбѣгались, скучая по своей вольной жизни въ лѣсахъ, а иногда и для того, чтобы подготовить нападеніе. Даже и въ наше время достаточно самой ничтожной политической вспышки или вообще какого-нибудь волненія, чтобы деревни совершенно опустѣли; случалось нерѣдко, что простое объявленіе о предстоящей ревизіи или предчувствіе новыхъ налоговъ разгоняло цѣлое населеніе.

Индѣйцы, живущіе въ близкомъ сосѣдствѣ съ ладиносами, часто имѣютъ какой-то особенный отпечатокъ грусти и озабоченности; зато въ тѣхъ округахъ, гдѣ населеніе состоитъ изъ почти чистокровныхъ индѣйцевъ, они сохранили присущую имъ веселость, а также сердечность и изысканную вѣжливость въ обращеніи. Церемоніалъ визитовъ опредѣленъ во всѣхъ подробностяхъ. Появляясь на порогѣ дома своего знакомаго, гость кланяется «папочкѣ», проситъ позволенія войти; затѣмъ онъ освѣдомляется о здоровьѣ всѣхъ домочадцевъ, при чемъ имя Божіе,—введенное изъ испанскаго діалекта въ туземные языки,—безпрестанно повторяется въ формулахъ вѣжливости,—приходится ли благодарить или просить о чемъ-либо; при встрѣчѣ съ старикомъ, индѣецъ, по обычаю, возвысивъ голосъ, проситъ его дотронуться до его головы пальцемъ, какъ бы для того, чтобы ему сообщилась святая благодать. У индѣйцевъ весьма распространены музыкальныя собранія: достаточно малѣйшаго предлога, чтобы устроить пиршество, на которое любезно приглашается всякій встрѣчный; такимъ предлогомъ въ особенности служитъ смерть ребенка, «который становится на небѣ ангеломъ». У индѣйцевъ вообще, а у петенскихъ майя въ особенности, замѣчательно развитъ музыкальный вкусъ: въ этомъ отношеніи они, говорятъ, стоятъ выше испанцевъ. Пѣніе ихъ отличается стройностью и разнообразіемъ оригинальныхъ мотивовъ; по отзыву Мореле, въ ихъ пѣсняхъ много «жизни и блестящаго эффекта», что совершенно отличаетъ ихъ отъ жалобной мелодіи ладиносовъ. Этотъ же путешественникъ приписываетъ многимъ музыкальнымъ инструментамъ мѣстное происхожденіе; таковы, напримѣръ, *чиримійя*, имѣющая нѣкоторое сходство съ кларнетомъ, и *маримба;* послѣдній инструментъ состоитъ изъ цѣлаго ряда вертикальныхъ деревянныхъ трубочекъ, сдѣланныхъ изъ неодинаковой величины тыковника; эти трубочки устроены, какъ у пастушеской свирѣли: онѣ просверлены на нижнемъ концѣ и полу-прикрываются тонкой перепонкой; деревянныя клавиши, находящіяся надъ верхними отверстіями трубочекъ, и одинаковыя съ ними по размѣрамъ, служатъ клавіатурой, по которой музыкантъ ударяетъ палочками, производя необыкновенно сильный звукъ, похожій, по словамъ Мореле, на «сухой тонъ фортепіано». Брассёръ-де-Бурбургъ и фонъ-Темпскій [1]) считаютъ также маримбу инструментомъ индѣйскимъ, но доказано, что она африканскаго происхожденія. Маримба извѣстна въ бассейнахъ Нигера и Конго до самой земли Кафровъ: это негры-рабы научили индѣйцевъ искусству дѣлать маримбу, но здѣсь ее дѣлаютъ изъ другаго дерева, чѣмъ въ Гвинеѣ, хотя по совершенно такой же модели [2]). Самое названіе инструмента, бантускаго происхожденія, употребляется безъ измѣненія почти на всѣхъ индѣйскихъ нарѣчіяхъ.

Индѣйцы, хотя и считаются болѣе усердными католиками, чѣмъ ладиносы, тѣмъ не менѣе, подъ новымъ культомъ они продолжаютъ сохранять старый. Во многихъ мѣстахъ идолы прежнихъ боговъ сберегаются въ церквахъ спрятанными подъ алтарями, и молитвы ин-

---

[1]) Jagor von Sievers, „Guatemala".

[1]) Mitla, „A Narrative of incidents and adventures in Mexico, Guatemala and Salvador".

[2]) Otto Stoll, цитиров. сочиненіе;—D. Charnay, „Les Anciennes villes du Nouveau Monde"; — Raumond Pilet, „Congrès Américanistes". 1890; — Deniker, рукописныя замѣтки.

дѣйцевъ обращаются одновременно къ обоимъ патронамъ; преклоняя колѣна передъ святымъ Михаиломъ, они ставятъ сразу двѣ свѣчи, одну дракону, другую архангелу [1]). Новая религія дала имъ только новыя имена, а боги остались прежніе: вѣруя въ Бога-Отца, индѣйцы видятъ въ немъ свое прежнее божество—Солнце, отъ котораго исходятъ милости; Дѣва Марія представляетъ для нихъ богиню Луну, а святые—Звѣздъ-покровительницъ. Въ нахуатльскомъ календарѣ, сохраняющемся еще во многихъ округахъ, двадцать дней каждаго изъ восемнадцати мѣсяцевъ раздѣляются на дни счастливые, несчастливые и обыкновенные. Большинство индѣйцевъ вѣруютъ, что существуютъ два Бога, изъ которыхъ одинъ, *Діосъ-де-ла-Монтанья*, или «Богъ Лѣса», занимается спеціально туземной расой, не заботясь ни о бѣлыхъ, ни о ладиносахъ. Его часто называютъ *Dueño del Palo*, или «Господь Дерева», потому что онъ живетъ въ стволѣ сеиба, и у подножія гигантскаго дерева, въ прогалинѣ лѣса, приносятся въ даръ этому богу первые плоды и первая дичь, при воскуреніи ѳиміама. Кромѣ того, боготворятъ еще Землю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боятся ея, такъ какъ она олицетворяетъ злую стихію.

Въ каждой деревнѣ туземцы группируются въ *confradias* или «братства», подобныя древнимъ *кальпулли* народа нахуа; каждое изъ этихъ братствъ имѣетъ своего святаго, праздникъ котораго справляется съ большимъ великолѣпіемъ. Капитаны и капитанши собираютъ съ общества необходимыя деньги на костюмы, свѣчи, декоративныя украшенія и музыку; иногда расходы по устройству праздника бываютъ такъ велики, что община потомъ цѣлые мѣсяцы уплачиваетъ долги; но тѣмъ не менѣе святаго всегда чествуютъ съ помпой. Устраиваются мимическіе танцы, изображающіе драмы, космогоническія или историческія, но болѣе или менѣе видоизмѣненныя введеніемъ новыхъ легендъ испанскаго происхожденія. Такъ, пляшутъ «Мавританскій балъ», главными дѣйствующими лицами котораго являются Карлъ Великій и Тамерланъ, «Балъ Негровъ» и даже «Балъ Завоеванія». Лицедѣи, въ деревянныхъ маскахъ и въ одеждѣ изъ листьевъ и травы, или въ какихъ-либо причудливыхъ костюмахъ, доходятъ въ своей экзальтаціи прямо до изступленія. Праздникъ переходитъ въ настоящую вакханалію, такъ что, глядя на изступленныхъ танцоровъ, не трудно представить себѣ прежнія религіозныя церемоніи, когда вѣрующіе бросались на окровавленныя тѣла и пожирали ихъ мясо [2]). Еще во времена Гажа, т. е. въ XVII-мъ вѣкѣ, бывали примѣры, что во время такихъ празднествъ индѣйцы, переряженные въ шкуры дикихъ звѣрей, приходили въ страшное изступленіе и, на глазахъ толпы, разрывали своими крѣпкими зубами на части несчастныхъ жертвъ.

Въ пѣніи и молитвахъ гватемальскихъ индѣйцевъ всюду сохранились слѣды прежняго культа: такъ, напримѣръ, квиче до сихъ поръ еще взываютъ «къ святымъ душамъ, которыя сопровождаютъ появленіе зари и послѣдніе лучи угасающаго дня». При крещеніи каждый квичейскій ребенокъ получаетъ имя какого-нибудь животнаго, которое становится его *нагуалемъ* или «патрономъ» на всю жизнь; но зачастую такое имя сохраняется въ строгой тайнѣ, дабы враги не провѣдали о немъ, иначе, если они сдѣлаютъ «покровителю» какое-нибудь зло, то пострадаетъ также и носитель его имени [1]). Этотъ терминъ *нагуаль* или нахуатль, употребляющійся иногда въ хорошемъ значеніи слова, какъ геній-покровитель, иногда же въ дурномъ смыслѣ *захорина* или колдуна, напоминаетъ о временахъ древней нахуатльской цивилизаціи, которую такъ грубо попрали испанцы въ эпоху своихъ завоеваній [2]). Вообще подъ названіемъ нахуализма подразумѣваютъ всѣ суевѣрія, предшествовавшія введенію католическаго культа.

Сознавая силу въ своей численности, индѣйцы, въ сердцахъ которыхъ накипѣла злоба за всѣ бѣдствія рабства, не слились еще съ ладиносами, и глубокая ненависть между расами неоднократно проявлялась рѣзней во время борьбы, возбужденной честолюбцами, добивавшимися власти. Въ 1838 г., когда индѣйское войско, подъ предводительствомъ пастуха Рафаэля Каррера, побѣдоносно вторглось въ столицу, можно было опасаться, что эти мстители, «призванные Дѣвой Маріей истребить бѣлыхъ, иностранцевъ и еретиковъ», приведутъ въ исполненіе свои угрозы; но даже и въ своихъ побѣдахъ они подчинялись превосходству болѣе цивилизованныхъ ладиносовъ, съ которыми, впрочемъ, у нихъ годъ отъ году умножаются точки соприкосновенія и сліянія. Подобно тому, какъ ладиносамъ, которые всѣ смѣшаннаго происхожденія, иногда даютъ названіе «бѣлыхъ», такъ точно нерѣдко называютъ чистокровными индѣйцами толпу деревенскихъ жителей, въ жилахъ которыхъ течетъ доля не-американской крови. На плантаціяхъ постоянно происходили скрещенія между классомъ господъ и классомъ служителей, и чернокожіе невольники, которыхъ доминиканцы ввели въ страну для обработки ихъ земель, прибавили новый элементъ къ этому смѣшенію расъ. Можно сказать, что въ Гватемалѣ нѣтъ болѣе негровъ, хотя черты ихъ, болѣе или ме-

[1]) K. von Scherzer, „Natur-und Völkerleben im tropischen America".

[2]) Lucien Biart, „La terre Chaude";—H. H. Bancroft, „Native Races".

[1]) Brasseur de Bourbourg;— Otto Stoll, цитированное сочиненіе.

[2]) A. Réville, „Les Religions au Mexique".

нѣе видоизмѣненныя, легко узнать въ цѣлыхъ населеніяхъ.

Главной причиной разъединенія «индѣйцевъ» и ладиносовъ является не столько различіе расы, сколько соціальное положеніе. Ладиносы пользуются относительнымъ образованіемъ, и благодаря родственнымъ связямъ имъ не трудно добиться мѣстъ и должностей на общественной службѣ. Для индѣйцевъ же не существуетъ иной карьеры, кромѣ тяжелаго физическаго труда, и это дѣйствительно настоящіе работники, отличающіеся рѣдкимъ трудолюбіемъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится работать на пользу другихъ. Занимаясь преимущественно земледѣліемъ, они толково обрабатываютъ землю и никогда не отказываются отъ новой культуры, если опытъ доказалъ ея цѣлесообразность. Всякія ремесла даются имъ очень легко; въ городахъ индѣйцы работаютъ въ качествѣ каменщиковъ, плотниковъ и очень искусныхъ столяровъ-мебельщиковъ; извѣстные прежде, какъ замѣчательные художники по части работъ изъ перьевъ, они и до сихъ поръ сохранили за собою славу настоящихъ артистовъ по выдѣлкѣ различныхъ художественныхъ вещей; во время доминиканскаго правленія у нихъ составилась цѣлая школа рѣзьбы по дереву, и этими замѣчательными работами еще до сихъ поръ можно любоваться въ мѣстныхъ церквахъ: нѣкоторыхъ изъ этихъ художниковъ-мастеровъ посылали даже въ Европу [1]). Кромѣ того, индѣйцы занимаются торговлей въ разносъ, которая у нихъ идетъ очень бойко, благодаря ихъ терпѣнію, трезвости и энергіи, что помогаетъ имъ бороться съ самыми сильными утомленіями: имъ ничего не стоитъ пройти сотню километровъ, чтобы перенести по ту сторону оврага или горнаго кряжа тяжелую корзину съ фруктами, съ сѣменами или какіе-нибудь другіе продукты ихъ промышленности. Отхожіе промыслы у нихъ очень развиты: каждый годъ составляются *квадрильясы* или «компаніи» индѣйцевъ, которые, одѣваясь въ свои *suyucal*, или плащи изъ пальмовыхъ листьевъ, уходятъ изъ холоднаго пояса Альтосовъ въ города или на плантаціи низменности и работаютъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего возвращаются домой, принося семьямъ заработанныя деньги. Честность караванщиковъ прямо изумительная. Случается, что вьючныя животныя въ дорогѣ околѣваютъ или получаютъ какія-нибудь тяжелыя увѣчья, которыя мѣшаютъ имъ продолжать путь; тогда весь грузъ складывается на краю дороги и покрывается просто вѣтками: конвоиры могутъ быть совершенно спокойны, что, возвратясь, они найдутъ его въ полной неприкосновенности.

Хотя обыкновенно ладиносы и относятся къ индѣйцамъ презрительно, но это не они, а индѣйцы способствуютъ обогащенію Гватемалы; даже и въ нравственномъ отношеніи будущее страны находится въ рукахъ туземцевъ, а не ладиносовъ. Индѣйцы сильны лучшею національною добродѣтелью—своею солидарностью. Во всѣхъ деревняхъ, гдѣ туземцы остались собственниками, они, кромѣ своихъ частныхъ садовъ, обрабатываютъ также общинную *мильпа*, т. е. землю, принадлежащую всѣмъ жителямъ, и доходомъ съ которой пользуется всякій, имѣющій на это право своимъ участіемъ въ работѣ: каждое воскресенье по улицамъ города расхаживаетъ кто-нибудь изъ дѣтей, барабаннымъ боемъ сзывая народъ, чтобы въ присутствіи всѣхъ назначить выборныхъ, которые впродолженіи слѣдующей недѣли должны работать на общину. Индѣецъ способенъ къ самой тѣсной дружбѣ и умѣетъ цѣнить ее, платя благодарностью и беззавѣтною преданностью; его жизнь чужда тѣхъ треволненій, которыя мутятъ душу ладиноса, и въ семьѣ его царитъ полное безмятежіе; индѣецъ не паразитъ, не прихлебатель, а главный кормилецъ своихъ гордыхъ согражданъ, которые погибли бы безъ этихъ терпѣливыхъ тружениковъ.

Гватемальское населеніе сгруппировалось преимущественно въ холодныхъ и умѣренныхъ земляхъ горной цѣпи, идущей вдоль побережья Великаго океана: горный поясъ является наиболѣе населеннымъ, и всѣ болѣе или менѣе значительные города расположены на возвышенности, между прибрежными равнинами океана и верхними долинами рѣкъ Усумасинты и Мотагуа.

Ближайшій къ мексиканской границѣ городъ плоскогорья—Санъ-Маркосъ, находящійся въ холодной зонѣ, на возвышенности, откуда открывается обширный видъ на лежащее внизу пространство, сплошь покрытое кофейными плантаціями. Въ сосѣдней равнинѣ расположенъ индѣйскій городъ Санъ-Педро-Сакатепеквесъ, жители котораго не говорятъ болѣе на мамѐ, древнемъ языкѣ Западной Гватемалы: не очень давно оффиціальнымъ декретомъ они были объявлены ладиносами, что повело за собою расширеніе автономіи на пользу ихъ интересовъ. Санъ-Маркосъ значительно обогатился продажей своего кофе, отличающагося превосходнымъ качествомъ; но населеніе этого округа еще довольно рѣдкое, и деревень здѣсь немного.

Естественнымъ портомъ Санъ-Маркоса и окрестныхъ плантацій является лиманъ Окосъ, находящійся въ 80 километрахъ къ юго-западу, при устьѣ Окоса, на лагунѣ, въ которую впадаетъ также ріо-Наранхо, усиливаемая многими другими рѣками. Равнины, окаймляющія въ этомъ мѣстѣ побережье, представляютъ собою обширныя, часто затопляемыя саванны,

[1]) Arthur Morelet, цитированное сочиненіе.

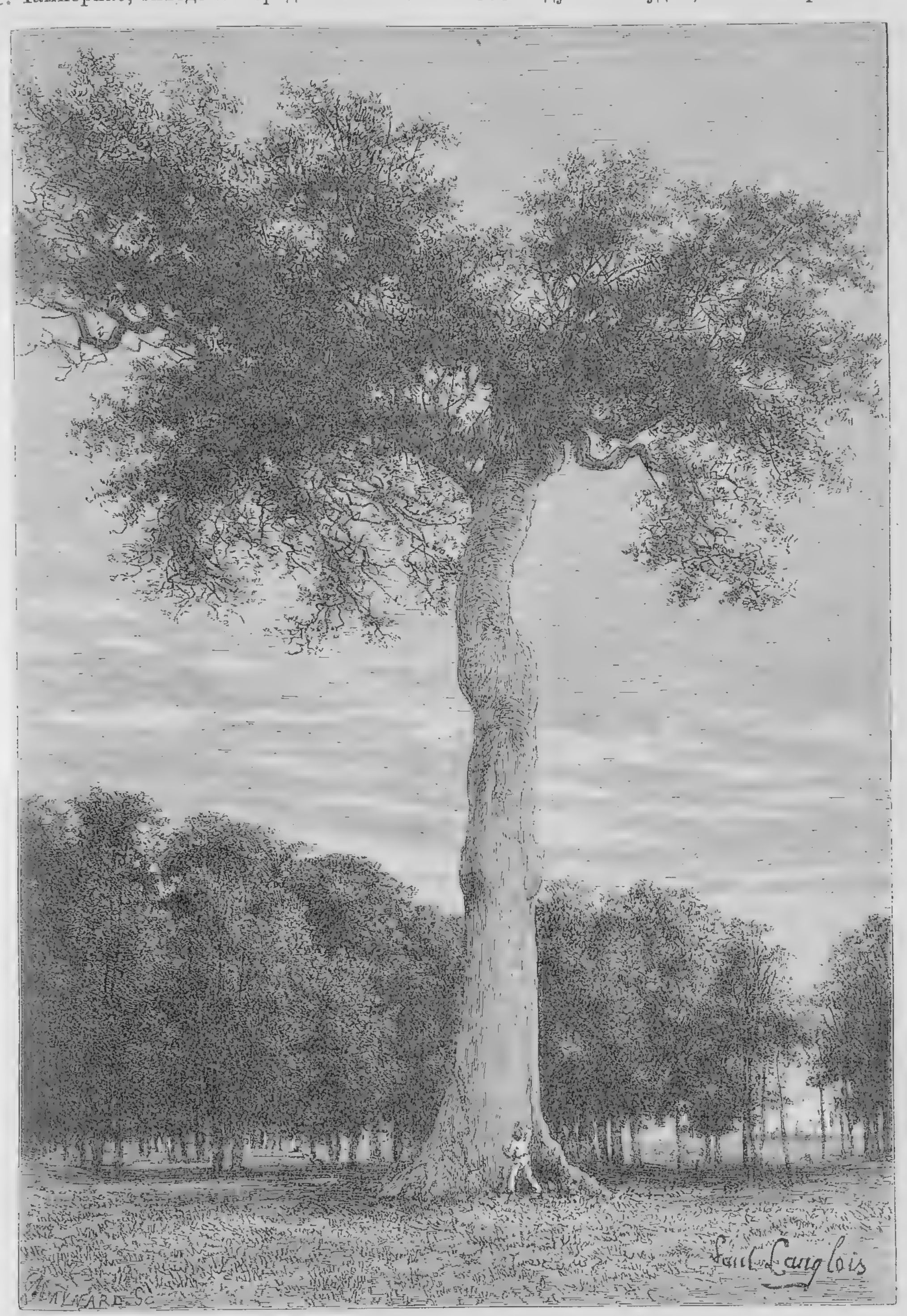
усѣянныя лагунами и островными лѣсами. Въ апрѣлѣ здѣсь бываетъ ярмарка, на которую съѣзжаются торговцы и плантаторы мексиканскаго Соконуско и Западной Гватемалы, и гдѣ совершаются обыкновенно значительныя торговыя сдѣлки. Многіе изъ пріѣхавшихъ на ярмарку привозятъ съ собою сѣти и ружья, и развлекаются рыбной ловлей и охотой, такъ какъ эти лагуны кишатъ рыбой, а окрестные лѣса изобилуютъ пернатыми. Закинувъ невода, индѣйцы сами бросаются въ воду и, расхаживая по дну, загоняютъ рыбу въ сѣти. Они охотятся также за крокодилами, мясо которыхъ очень цѣнится въ странѣ; ранивъ животное, индѣйцы безстрашно бросаются въ самую лагуну и кортикомъ наносятъ послѣдній ударъ крокодилу [1]). Лиманъ Окосъ долгое время считался границей между Мексикой и Гватемалой; съ тѣхъ поръ, какъ граница была перенесена дальше, въ Сучіате, портъ Окосъ, открытый для внѣшней торговли, получилъ нѣкоторое значеніе по экспорту кофе. На западѣ пограничнымъ постомъ служитъ деревня Аютла, мѣсто паломничества, излюбленное индѣйцами Соконуско.

Въ пятидесяти километрахъ къ юго-востоку отъ Санъ-Маркоса расположенъ Квецалтенанго, вторая столица республики и главный городъ Альтосовъ; онъ занимаетъ, на высотѣ 2.346 метровъ надъ уровнемъ моря, обширное пространство на гористомъ плоскогорьѣ, на югѣ котораго возвышается еще дымящаяся вершина Серро-Кемадо, или «Пылающая Гора»; въ 1838 г. этотъ городъ былъ столицей штата, въ составъ котораго входили три восточныя провинціи, Тотоникапамъ, Квецалтенанго и Солола. Дома въ этомъ городѣ выстроены изъ глыбъ лавы, каменоломни которой находятся у подошвы вулкана; построенный довольно неправильно вслѣдствіе неровностей почвы, этотъ городъ довольно живописенъ, и различные кварталы его представляютъ не такой шаблонный видъ, какъ въ большей части другихъ американскихъ городовъ. Въ Квецалтенанго много учебныхъ заведеній, среднихъ и начальныхъ, и образованіе тамъ очень распространено, даже среди индѣйцевъ квичè: въ этомъ отношеніи городъ Альтосовъ можетъ считаться первымъ во всей Гватемалѣ. Мѣстная промышленность заключается въ производствѣ льняныхъ и бумажныхъ матерій, красильняхъ и кожевняхъ; спеціальность квичейскихъ ремесленниковъ—выдѣлка шитыхъ золотомъ плащей, шляпъ изъ перьевъ и масокъ, которыя индѣйцы носятъ во время своихъ баловъ, процессій и театральныхъ представленій. Но эти драгоцѣнные предметы рѣдко можно найти въ продажѣ; обыкновенно ихъ за большіе проценты отдаютъ на прокатъ на весь праздникъ; такіе костюмы развозятся по всѣмъ окрестностямъ, даже въ самыя дальнія деревни, находящіяся на границѣ дѣвственнаго лѣса. Въ прежнія времена эти издѣлія изъ перьевъ были гораздо болѣе роскошныя, чѣмъ фабрикуемыя нынѣ; они выдѣлывались изъ перьевъ рѣдкихъ птицъ, тогда какъ въ настоящее время часто ограничиваются перьями индюковъ, которыя поддѣлываютъ искусственной раскраской подъ перья рѣдкихъ птицъ. По всей вѣроятности, отъ этого перьянаго промысла произошло и самое мексиканское названіе этого города—Квецалтенанго, что̀ значитъ «мѣсто Зеленыхъ Перьевъ», а не «мѣсто Птицъ Квецаль», какъ это часто повторяютъ, тѣмъ болѣе, что этой породы птицъ вовсе нѣтъ въ этихъ краяхъ. Квичейское названіе этого города—Ксе-алухъ, т. е. «подъ Десятью»: судя по испанскимъ лѣтописямъ, укрѣпленный городъ, разрушенный побѣдителями и находившійся прежде по сосѣдству съ нынѣшнимъ, раздѣлялся на десять кварталовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего начальника. Это названіе сохранилось и до сихъ поръ, несмотря на разрушеніе древняго города. Квецалтенанго изобилуетъ горячими ключами, бьющими у подошвы вулкана; самые знаменитые изъ нихъ, куда больше всего стекается народу, это—источники Альмолонга, которые текутъ по глубокому оврагу у подошвы вулкана Зуниль.

Столица Альтосовъ служитъ резиденціей большинства крупныхъ землевладѣльцевъ, плантаціи которыхъ покрываютъ Коста-Куку, на полу-склонѣ покатости Великаго океана; въ этомъ городѣ много также купцовъ и ростовщиковъ, которые, собственно говоря, и владѣютъ землями. Они предпочитаютъ жить въ этой здоровой мѣстности, а не въ городѣ Реталхулеу, который, хотя и находится гораздо ближе къ зонѣ главной культуры, но считается однимъ изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстъ Гватемалы. Реталхулеу, что̀ значитъ «Сигналъ», расположенъ на высотѣ всего 415 метровъ надъ уровнемъ моря, то есть въ поясѣ «теплыхъ земель», гдѣ средняя температура равняется 28—29 градусамъ по стоградусному термометру; это древній рынокъ, основанный, вѣроятно, квичейскими королями для того, чтобы удобнѣе было доставать нужные имъ запасы какао и хлопчатой бумаги. Городъ ладиносовъ и его индѣйское предмѣстье Санта-Катарина купаются въ зелени банановъ и тамариндовъ, но издали виденъ только лѣсъ высокихъ кокосовыхъ пальмъ, покачивающихъ свои вѣерообразныя короны надъ чащей другихъ деревьевъ. До недавняго времени главную культуру въ Реталхулеу составляло какао; нынѣ культура кофейнаго дерева и пищевыхъ растеній, необходимыхъ для рабочихъ на плантаціяхъ, замѣнила культуру какао, и портъ

[1]) Otto Stoll, „Guatemala“.

Чамперико, соединенный желѣзной дорогой съ Реталхулеу, не вывозитъ почти ничего, кромѣ кофе. Чамперико, гнѣздо лихорадокъ въ сезонъ

Дерево сеиба.

дождей, обитаемъ только въ сухое время года, и особенно въ апрѣлѣ и ноябрѣ, въ пору нагрузки судовъ, изъ которыхъ почти всѣ—сѣверо-американскія: половина грузовщиковъ состоитъ изъ мексиканскихъ иммигрантовъ. Движеніе судоходства въ портѣ Чамперико въ 1888 году: 272 судна, изъ которыхъ 256 паровыхъ и 16 парусныхъ, общею вмѣстимостью въ 404.600 тоннъ.

Портъ этотъ открывается на береговую ла-

гуну, изъ которой добываютъ соль, также какъ и изъ всѣхъ лагунъ, разсѣянныхъ по юго-восточному побережью до устья Салама, рѣки, спускающейся съ Альтосовъ черезъ города Тотоникапамъ, Квецалтенанго и Реталхулеу.

Тотоникапамъ, построенный на двадцать километровъ сѣверо-восточнѣе Квецалтенанго и на томъ же самомъ плато, имѣетъ еще болѣе холодный климатъ: онъ лежитъ на высотѣ 2.484 метровъ, т. е. почти на 140 метровъ выше своего сосѣда и на 200 метровъ выше Мексико. Это—хорошенькій городокъ, по крайней мѣрѣ если смотрѣть на него съ вершины горы, возвышающейся надъ нимъ, или съ окрестныхъ холмовъ: окружающіе его зеленые сады совершенно скрываютъ жилые дома, выставляя лишь бѣлые купола храмовъ. Названіе города ацтекское, хотя взято оно съ древняго квичейскаго названія Ксе-мѐ Кен-я, что̀ означаетъ «Около Теплыхъ Водъ»: и дѣйствительно по сосѣдству съ этимъ городомъ много теплыхъ ключей. Населеніе Тотоникапама состоитъ главнымъ образомъ изъ квичѐ, которые продолжаютъ говорить на языкѣ своихъ предко̀въ и составляютъ какъ бы аристократію города, отнюдь не считающую себя ниже ладиносовъ. Впрочемъ, большинство изъ нихъ происходятъ отъ тласкальскихъ «кациковъ», которые нѣкогда были спутниками Альварадо и за свои заслуги получили дворянскія привилегіи, между прочимъ, освобожденіе отъ податей [1]); лучшія городскія постройки принадлежатъ этимъ тласкаланцамъ. Тотоникапамъ, какъ и его сосѣдка-столица,—городъ преимущественно промышленный; здѣсь выдѣлываютъ сукна, глиняную посуду, мебель, гитары, маримбы и другіе музыкальные инструменты. Два раза въ недѣлю на базарной площади происходитъ ярмарка, куда съѣзжаются цѣлыя толпы крестьянъ-индѣйцевъ. Въ нѣсколькихъ километрахъ на юго-западъ находится ладинская деревня Сахкадже, которая въ настоящее время не имѣетъ большаго значенія, но у нея есть историческое прошлое, такъ какъ это первое поселеніе, основанное Альварадо въ 1524 г., а церковь ея, во имя Св. Дѣвы-Побѣдительницы, сдѣлалась извѣстнымъ мѣстомъ паломничества. Большинство сахкаджаскихъ жителей переселилось впослѣдствіи въ Квецалтенанго. Оба города раздѣлены рѣчкою Олинтепекве, которую туземцы называютъ Ксиквижиль, или «Кровавая Рѣка» съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь пролилась кровь не одной тысячи квичѐ, убитыхъ Альварадо въ рѣшительномъ сраженіи, доставившемъ ему владычество надъ страной.

Другой историческій городъ—Санта-Круцъ-Квиче или просто Квиче (Киче); онъ сохранилъ еще названіе той націи, столицей которой нѣкогда былъ, хотя въ настоящее время тамъ нѣтъ почти другихъ жителей, кромѣ ладиносовъ. Онъ расположенъ (1.887 метровъ) въ сорока километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Тотоникапама, въ поясѣ умѣренныхъ земель, на равнинѣ, гдѣ протекаетъ одинъ изъ первыхъ притоковъ ріо-Гранде-де-Мотагуа. Но вокругъ равнины зіяютъ огромные овраги, раздѣляющіе террасы, гдѣ находились прежде постройки Утатлана («Маисовыя Скирды») [1]), резиденціи древнихъ квичейскихъ королей. Терраса акрополя, окруженная пропастями, изъ которыхъ южная имѣетъ 400 метровъ глубины, на протяженіи почти 400—500 метровъ представляетъ собою ровное пространство и соединяется со смежными землями опасною дорогою, которую охраняли укрѣпленные за̀мки [2]). Утатланскій дворецъ, такой же грандіозный, какъ и дворецъ Монтезумы, по словамъ лѣтописцевъ, былъ такъ великъ, что въ немъ могъ помѣститься цѣлый народъ съ женщинами, слугами и войскомъ; школа вмѣщала въ себѣ болѣе пяти тысячъ дѣтей, воспитывавшихся на счетъ государя, а когда этому послѣднему пришлось собрать на площади свое войско, чтобы мобилизовать его противъ испанцевъ, то на смотру прошло 72.000 человѣкъ. Пирамида, извѣстная подъ названіемъ *Санктификатаріо*, сохраняетъ еще довольно правильные контуры и слѣды прежнихъ ступеней. За акрополемъ, на склонахъ холмовъ, на окрестныхъ возвышенностяхъ и на равнинахъ, всюду видны развалины прежнихъ построекъ, хотя культура завоевала уже значительную часть этого пространства: между камнями тамъ и сямъ растетъ маисъ. Благодаря раскопкамъ, которыя время отъ времени здѣсь производятся, были открыты статуи, барельефы и масса разныхъ орнаментовъ. На юго-востокъ, на окраинѣ плоскогорья, лежитъ благодатный въ санитарномъ отношеніи городокъ Санъ-Томасъ Чичикастенанго, населенный еще потомками древнихъ благородныхъ квичѐ; доминиканецъ Хименесъ сдѣлалъ тамъ удачную находку: онъ обрѣлъ «книгу Миѳовъ» или Popol-Vuh.

Къ западу отъ Квиче главные истоки Мотагуи переплетаются съ истоками Усумасинты въ департаментѣ Гуегуетенанго, одномъ изъ наименѣе населенныхъ во всей республикѣ. Гуегуетенанго, или «Городъ Древнихъ», возникъ тоже на развалинахъ древняго города индѣйцевъ, Закулеу, или «Бѣлая Земля», который, говорятъ, былъ столицей народа мамѐ. Современный городъ лежитъ въ поясѣ умѣренныхъ земель, гдѣ произростаютъ европейскіе и тропическіе фрукты; рѣка, орошающая его поля, спускается къ сѣверо-западу и соединяется затѣмъ съ Грихальвою. По сосѣдству находится

[1]) Domingo Juarras, цитированное сочиненіе.

[1]) Torquemada;—Fuentes;—Juarras и т. д.

[2]) Cezar et Marcel Doly. Congrès des Américanistes, происходившій въ Парижѣ въ 1890 г.

цвѣтущій городокъ Чіантла, монастырь котораго былъ прежде однимъ изъ самыхъ роскошныхъ въ Новомъ Свѣтѣ, благодаря дарамъ, которые ежегодно приносились цѣлой толпой паломниковъ, теперь менѣе многочисленныхъ. Благоденствію мѣстныхъ доминиканцевъ немало способствовали также руды сребороносного свинца, которыя прежде эксплоатировали. Кромѣ того, утилизировались и другія минеральныя богатства, между прочимъ, соляные ключи Икстатана, которые находятся недалеко отъ мексиканской границы: они доставляли очень чистую соль, которую туземцы продавали въ Квецалтенанго.

На верховьи ріо-Чихой, которая составляетъ верхнее теченіе Усумасинты, существуетъ всего лишь одинъ городъ—Сакапуласъ, населенный индѣйцами племени квиче; онъ построенъ на высотѣ 1.166 метровъ, занимая высокій правый берегъ рѣки, нѣсколько ниже сліянія ріо-Негро и ріо-Бланко. Тутъ же подъ городомъ, прямо въ гранитѣ, бьютъ горячіе ключи, температура которыхъ, смотря по источникамъ, варьируетъ между 40—70 градусами стоградуснаго термометра. Вода въ нихъ горько-соленая, напоминающая вкусомъ морскую, что происходитъ отъ одновременнаго присутствія хлористаго натра и магнезіальной сѣрно-кислой соли. Другіе ключи, находящіеся восточнѣе, содержатъ уже менѣе солей, хотя туземцы не пренебрегаютъ и ими для извлеченія соли. Они вырыли въ пескѣ равнины небольшія камерки, куда проведена вода, идущая тонкою струею, что даетъ ей возможность испаряться подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей [1]): это въ миніатюрѣ тотъ же самый способъ добыванія, который практикуется въ салинахъ по берегамъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана. Главная салина страны теперь—солеварня Магдалена, устроенная въ пятнадцати километрахъ къ сѣверо-западу отъ Сакапуласа, по другую сторону крутыхъ возвышенностей: два могучихъ источника, изъ которыхъ одинъ даетъ 120 литровъ въ секунду и содержитъ 4% чистой соли, бьютъ фонтаномъ у подошвы горы, совершенно обезлѣсенной со времени сооруженія солянаго завода; ежедневно добывается три тонны соли. Индѣйцы были испоконъ-вѣковъ нераздѣльными собственниками этихъ источниковъ, но концессіонеръ прогналъ съ равнины всѣхъ туземцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые остались у него рабочими, разбивъ ихъ кувшины ружейными выстрѣлами [2]). Древнія могилы, встрѣчающіяся во множествѣ въ окрестностяхъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что прежде эта страна была многолюдна; въ настоящее время она почти совсѣмъ заброшена, хотя Сакапуласъ все еще служитъ важною станціею для каравановъ, развозящихъ товары между Альтосами и Вера-Пацъ. Къ сѣверу отъ Магдалены, въ сіерра-де-Небахъ, существуетъ всего лишь три индѣйскія деревни, съ наполовину покореннымъ населеніемъ, принадлежащимъ къ майяскому племени иксиль и говорящимъ на совершенно другомъ языкѣ, чѣмъ прочіе гватемальцы. Деревня Санъ-Мигуель-Успантанъ, расположенная далѣе на востокъ, въ долинѣ притока Чихоя, тоже составляла глоссологическую энклаву, гдѣ, впрочемъ, языкъ жителей мало отличается отъ квиче.

Салама, главный городъ департамента Баха-Вера-Пацъ, тоже расположенъ въ бассейнѣ верхней Усумасинты, на восточномъ притокѣ Чихоя, на высотѣ 871 метра надъ моремъ, слѣдовательно, въ поясѣ тропическихъ культуръ. Мѣстечко Санъ-Жеронимо, основанное доминиканцами и лежащее на нѣсколько километровъ восточнѣе, сдѣлалось центромъ одной изъ важнѣйшихъ сахарныхъ плантацій, продукты которой, несмотря на неудобство путей сообщенія, вывозятся даже въ отдаленныя мѣста. Виноградники, недавно разведенные въ окрестностяхъ Салама, принялись здѣсь довольно удачно. Эта область Вера-Пацъ, которая была «страной Войны» впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ вторженія въ нее испанцевъ, обладаетъ многочисленными развалинами. Нѣкогда могущественные города представляютъ собою въ настоящее время только груды обломковъ, погребенныхъ подъ растительностью. Выше Санъ-Іеронимо находится Пуэбло-Віехо, или «Старый Городъ»; это—древній Хубабалъ. Деревня Рабиналь лежитъ дальше къ западу на притокѣ Чихоя, среди плантацій банановъ, апельсиновъ и сахарнаго тростника, произрастающихъ на мѣстѣ прежнихъ могильныхъ кургановъ [1]); на сѣверѣ виднѣются остатки крѣпости, а въ десяти километрахъ къ сѣверо-западу обрисовываются на вершинѣ холма развалины Нимъ-Покома (т. е. «Большая ломка туфа»), который былъ нѣкогда столицей покомановъ и, какъ говоритъ легенда, имѣлъ сто тысячъ жителей. Нарѣчіе покоманъ или нимъ-покомъ [2]), перестало быть языкомъ этого края: оно было оттѣснено къ востоку идіомомъ квиче, языкомъ населеній, которыя до прибытія испанцевъ постепенно пріобрѣли политическій перевѣсъ. Почти на всѣхъ возвышенностяхъ въ странѣ Рабиналь виднѣются старинные укрѣпленные замки, поросшіе теперь дикой травой, а противъ мѣста сліянія рѣкъ Рабиналь и Чихой, въ долинѣ ріо Пакалахъ, расположены ярусами живописнѣйшія развалины Вера-Паца—храмы, дворцы и форты города Кагуиналя. Въ Рабиналѣ Брассеръ-де-Бурбургъ нашелъ

[1]) Ch. Brasseur de Bourbourg, „Histoire des nations civilisées du Mexique“. Томъ II.

[2]) Otto Stoll, цитированное сочиненіе.

[1]) Ch. Brasseur de Bourbourg, „Le Mexique et l'Amérique Centrale“.

[2]) Brasseur de Bourbourg, цитированное сочиненіе.

квичейскую драму «Zahohtun», представляющую одну изъ самыхъ драгоцѣнныхъ остатковъ гватемальской литературы. Въ большомъ городѣ Санта-Катарина-Истлаваканъ, или «Женская нога», расположенномъ въ восточной части Альтосовъ, путешественникъ Шерцеръ собралъ любопытныя легенды, молитвы и древнія пѣсни.

Хотя города, расположенные на плоскогорьяхъ и горахъ къ востоку отъ Кведалтенанго и Тотоникапама, находятся въ довольно высокой мѣстности, но они не считаются принадлежащими къ области Альтосовъ или «Высотъ». Солола, именемъ которой называется одинъ изъ департаментовъ республики, лежитъ на высотѣ 2.146 метровъ; городъ расположенъ на террасѣ изъ порфировыхъ обломковъ, покрытой желтоватой глиной и представляющей со стороны Атитлантскаго озера вертикальный утесъ, почти въ 600 метр. высоты; справа и слѣва, два глубокихъ оврага образуютъ изъ цоколя Солола великолѣпный мысъ, соединяющійся съ остальнымъ плоскогорьемъ только съ сѣверной стороны. Миновавъ послѣдніе дома Солола, сразу очутишься на краю обрыва этихъ стѣнъ, состоящихъ изъ скалъ и нагроможденныхъ другъ на друга большихъ камней, связанныхъ лишь глинистымъ цементомъ: кажется, что вотъ-вотъ громадная руина обрушится въ голубое озеро, ограниченное съ сѣверной стороны — крутыми утесами, съ южной — мягкими и зеленѣющими склонами, поднимающимися красивыми изгибами къ конической вершинѣ Атитлана. Отъ Солола внизъ идетъ тропинка, высѣченная зигзагами въ туфахъ и скалахъ откоса; она ведетъ къ самому берегу озера и приозерной деревнѣ Панихачель, именемъ которой называютъ иногда и самый озерной бассейнъ; изъ узкой разсѣлины, открывающейся на плоскогорьѣ, изливается въ Атитланское озеро небольшая рѣчка [1]).

Солола, древняя столица какчиквеловъ, населенная еще до сихъ поръ потомками этого народа, промышленными и гордыми индѣйцами, носитъ еще другое названіе, Текпанъ-Атитланъ, или «Обширный Атитланскій Дворецъ», данное ей въ отличіе отъ Атитлана ладиносовъ, который стоитъ напротивъ, на южномъ берегу озера, и нѣкогда также былъ столицей Тзутужильскаго королевства; его жители говорятъ еще «столичнымъ» языкомъ. Легко переходимый порогъ между двумя вулканами, Атитланомъ и Санъ-Педро, спускается къ богатымъ плантаціямъ Коста-Гранде, покрывающимъ нижніе склоны горъ; но пристань Текожате, самое близкое прибрежное мѣсто, слишкомъ опасна для того, чтобы вывозимые заграницу продукты избрали этотъ путь; они обыкновенно отправляются черезъ Чамперико. Дорога, частью удобная для проѣзда, соединяетъ берега Атитланскаго озера съ Реталхулеу черезъ Мазатенанго: оба эти города имѣютъ одинъ и тотъ же внѣшній видъ, одинаковый климатъ и одинаковую культуру; кофе изъ Мазатенанго высоко цѣнится на европейскихъ рынкахъ.

На возвышенныхъ плоскогоріяхъ, отдѣляющихъ склонъ Атитланскаго озера отъ склона ріо-Мотагуа, виднѣются остатки одного изъ многочисленныхъ городовъ, носившихъ имя Квауктемаланъ или Гватемала, сдѣлавшееся впослѣдствіи названіемъ всей страны. Этотъ городъ, бывшій столицей какчиквеловъ, которые называли его Иксимче, занималъ пространство въ «три мили» окружности, на террасѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ пропастями; по словамъ хроники сюда можно было подступать только съ одной стороны, гдѣ находился входъ, ворота котораго были приперты камнемъ обсидіаномъ. Завоеватель Альварадо устроилъ здѣсь свою резиденцію въ 1524 году и далъ ей названіе Сантъ-Яго. Кромѣ акрополя, отъ котораго существуютъ еще развалины, кишащія змѣями, на днѣ одного ущелья помѣщался древній храмъ, куда авгуры и судьи приходили вопрошать черный просвѣчивающій камень, на которомъ они читали рѣшенія и предвѣщанія, начертанныя рукой боговъ. Стефенсъ и Катервудъ видѣли аспидную пластинку, которая служила нѣкогда этимъ пророческимъ камнемъ. Вторая Гватемала возвышается на отрывкѣ плоскогорья, сосѣдняго съ Иксимче: Это Текпанъ-Гватемала, или «Общинный дворецъ Гватемалы». Въ тридцати километрахъ къ востоку, на террасѣ, занимающей южную сторону долины Мотагуа, виднѣются другія знаменитыя развалины—развалины Микско, которыя покоманскіе воины мужественно защищали противъ испанцевъ; послѣ взятія города, они массами были изгнаны, вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми, въ новый Микско, основанный близъ столицы Гватемалы [1]).

Чималтенанго, «Городъ Щитовъ», названный такъ, по всей вѣроятности, потому, что жители его занимались прежде выдѣлкою этого предмета вооруженія, теперь главный городъ департамента того же имени, который соотвѣтствуетъ приблизительно древней странѣ какчикеловъ. Городъ расположенъ на высотѣ почти 1.800 метровъ, какъ разъ на линіи водораздѣла между Атлантическимъ и Великимъ океанами, недалеко отъ сѣверной оконечности цѣпи вулкановъ, которая оканчивается на югѣ пикомъ Фуего; по своей тор-

---

[1]) A. Dollfus и E. de Mont-Serrat, цитированное сочиненіе.

[1]) Brasseur de Bourbourg, „Mexique et Amérique Centrale“.

говлѣ онъ находится уже въ поясѣ притяженія желѣзной дороги, которая идетъ отъ Гватемалы къ Эсквинтлѣ и Санъ-Хозе. Между Чималтенанго и Гватемалой, но ближе къ по-

Главная улица города Леонъ

слѣдней, находится въ настоящее время индѣйскій городъ Микско т. е. «Въ Облакахъ», гдѣ были нѣкогда водворены плѣнные, изгнанные изъ древняго города того же названія. Микскіе покоманы живутъ главнымъ образомъ произведеніями своихъ садовъ, которыя они ежедневно носятъ продавать въ Гватемалу, дѣлая такимъ образомъ по два конца въ 15 километровъ каждый, при чемъ приходится пересѣкать глубокую долину, раздѣляющую оба города. Микскіе ладиносы почти всѣ занимаются извозомъ, отдавая въ наемъ лошадей и муловъ для перевозки товаровъ.

Первая Гватемала, основанная испанцами

и смѣнившая двѣ другія Гватемалы какчикельскаго происхожденія, есть тотъ самый городъ, который теперь называютъ Сіудадъ-Віехо, или «Старый Городъ». Альварадо основалъ ее, въ 1527 г., въ прелестной долинѣ Альмалонга, или «Гора съ Источниками», на берегахъ ріо-Пенсативо, впадающей въ Великій океанъ черезъ Гвакалате; равнина эта была прежде озеромъ. Трудно найти болѣе очаровательную мѣстность съ болѣе ровнымъ и мягкимъ климатомъ, съ болѣе плодородной и лучше орошаемой почвой, съ болѣе грандіозными пейзажами, чѣмъ долина между вулканами Фуего и Агуа. Однако, городъ просуществовалъ всего лишь семнадцать лѣтъ. Въ 1541 г., послѣ продолжительныхъ дождей, стѣнка верхняго озера, висящаго надъ городомъ въ кратерѣ Агуа, вдругъ уступила напору водъ: городъ затопило, и почти всѣ жители, въ томъ числѣ и жена Альварадо, Донна Беатриса *Sin-Ventura* («Неудачливая»), потонули или погибли подъ развалинами. Осталось только одно исполинское дерево, подъ сводомъ котораго испанцы собирались до постройки города. Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится маленькая деревня изъ нѣсколькихъ домиковъ, разбросанныхъ среди плантацій.

Во избѣжаніе на будущее время подобной катастрофы, которая, впрочемъ, не могла бы повториться такимъ же образомъ, рѣшили перевести городъ болѣе къ сѣверу, и въ 1542 г. Альварадо вторично основалъ столицу—Сантъ-Яго-де-лосъ-Кабальеросъ, Нуева или «Новая», которая теперь извѣстна подъ названіемъ Антигуа, или «Древняя», въ отличіе отъ новой Гватемалы. Городъ быстро разросся и въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался самымъ населеннымъ во всей Центральной Америкѣ, несмотря на цѣлый рядъ бурь, наводненій, землетрясеній и болѣзней, которыя постигали этотъ городъ. Жители его, по выраженію Гажа, живутъ между «двухъ горъ», которыя держатъ народъ въ вѣчномъ страхѣ относительно завтрашняго дня: вулканъ Агуа угрожаетъ имъ наводненіемъ, а Фуего раскрываетъ на нихъ свою адскую пасть. Нѣсколько разъ жители Сантъ-Яго приготовлялись бѣжать изъ города, но опасность проходила, и они оставались на мѣстѣ, ограничиваясь лишь починкою своихъ домовъ; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ 1773 г. ужасное землетрясеніе не разрушило почти всѣ дома. Тогда было рѣшено выбрать новое, уже третье мѣсто для столицы; выборъ остановился на небольшой деревушкѣ Эрмита, лежавшей на высокомъ плоскогорьѣ де-ласъ-Вакасъ («Коровье»), въ сорока километрахъ на сѣверо-востокъ, какъ на самомъ благопріятномъ мѣстѣ для основанія новаго города. Заселеніе этого плоскогорья началось тотчасъ же послѣ катастрофы въ Антигуа, но оффиціальное переселеніе столицы состоялось только въ 1779 г. Первый домъ въ новой Гватемалѣ, гасіенда-Виргенъ, существуетъ и по сейчасъ, фигурируя въ глазахъ иностранцевъ въ качествѣ историческаго памятника. Несмотря на перенесеніе столицы, Антигуа все-таки продолжала существовать, и въ настоящее время она по числу жителей—пятый городъ въ республикѣ; населеніе ея не только не уменьшается, но годъ отъ году возрастаетъ, такъ какъ горячіе ключи привлекаютъ массу больныхъ; къ тому же она служитъ дачною мѣстностью для жителей Гватемалы; все это способствуетъ процвѣтанію города, который отстроенъ совершенно за-ново. Прежнія лучшія зданія, каковы—каѳедральный соборъ, монастырь св. Франциска и губернаторскій дворецъ, сохраняются въ живописныхъ развалинахъ, красота которыхъ еще болѣе выигрываетъ отъ деревьевъ, растущихъ изъ расселинъ и обвивающихся своими корнями вокругъ скульптурныхъ украшеній. Антигуаскіе торговцы собираютъ снѣгъ, отлагающійся зимой въ высокихъ разсѣлинахъ вулкана Агуа, и продаютъ его въ столицѣ.

Эта третья Гватемала, самый населенный городъ во всей Центральной Америкѣ, расположена на небольшой покатости, въ повышеніи плоскорья, имѣющаго 1.500 метровъ средней высоты и служащаго раздѣльнымъ хребтомъ между склонами двухъ морей. Надъ городомъ возвышается небольшой порфировый холмикъ, серро-дель-Карменъ, гдѣ находится древній эрмитажъ, которому городъ и обязанъ своимъ названіемъ Эрмита, существующимъ еще у какчикеловъ; съ этого обсерваціоннаго пункта виденъ весь городъ, раскинувшійся на очень большомъ пространствѣ. Въ общемъ пейзажъ имѣетъ печальный видъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія деревьевъ на «Коровьемъ хребтѣ», покрытомъ низкимъ кустарникомъ и служащемъ уже около трехъ съ половиной вѣковъ пастбищемъ для скота; тѣмъ не менѣе, обширная панорама, ограниченная съ юга двумя большими вулканическими конусами, представляетъ по-истинѣ грандіозный видъ; во всемъ свѣтѣ нѣтъ столицы, которая занимала бы болѣе центральное положеніе, господствующее надъ областями, лежащими у ея подножія и уходящими вдаль. Внутренній видъ Гватемалы, построенной по образцу совершенно правильной распланировки, представляетъ довольно однообразное зрѣлище. По первоначальному уставу, внушенному воспоминаніемъ объ антигуаской катастрофѣ, архитекторамъ воспрещено было строить дома выше двадцати футовъ или 6 метровъ: теперь это постановленіе больше не соблюдается, и мѣстныя церкви строятся, какъ и вездѣ, съ куполами и колокольнями; но большая часть зданій—очень низкія, такъ что, наверстывая

недостатокъ высоты, тянутся больше въ ширину и въ длину: такимъ образомъ населеніе разсѣялось по большому пространству и только въ предмѣстьяхъ нѣсколько болѣе скучено, потому что тамъ въ каждой тѣсной хижинѣ живетъ по семьѣ индѣйцевъ. Въ серединѣ столѣтія, когда Гватемала была вдвое менѣе населена, чѣмъ теперь, путешественники сравнивали ее съ «некрополемъ». Говорили также, что это не что иное, «какъ большой монастырь, гдѣ дома служатъ кельями». Женщинъ въ Гватемалѣ гораздо больше, чѣмъ мужчинъ, вслѣдствіе большаго наплыва служанокъ, которыя приходятъ сюда изъ окрестныхъ деревень.

Прежде всѣ большія зданія Гватемалы были монастырями. Іезуитскій монастырь преобразованъ въ національный институтъ, гдѣ помѣщается теперь обсерваторія; въ городѣ имѣются, кромѣ того, политехническій институтъ, учительскій институтъ, нѣсколько другихъ заведеній университетскаго характера, ученыя общества, музей и библіотеки. Промышленность имѣетъ значеніе только для мѣстнаго потребленія; съѣстные припасы привозятся большею частью изъ окрестныхъ деревень и плантацій океаническаго склона. Вода тоже получается издалека: она идетъ изъ Микско и Пинулы по двумъ водопроводамъ, которые нуждаются въ реставрированіи, такъ какъ достаточно уже засорились. Самые ближніе родники находятся на сѣверѣ города, въ глубокомъ оврагѣ, откуда вода струится въ притокъ Мотагуа; но самомъ плоскогорьѣ, поверхностный слой почвы котораго состоитъ изъ вулканическаго пепла, имѣющаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до двухъ сотъ метровъ толщины, дождевая вода не держится, а стекаетъ внизъ, въ отдаленныя долины; но за то этому-то отсутствію стоячей воды Гватемала, можетъ-быть, и обязана тѣмъ, что совершенно обезпечена отъ тифозныхъ эпидемій [1]). Тѣмъ не менѣе городъ нельзя считать безусловно здоровымъ, такъ какъ столбы пыли, поднимающіеся при вѣтрѣ отъ этого вулканическаго пепла, вызываютъ весьма опасныя болѣзни дыхательныхъ путей. Вслѣдствіе этого большинство людей зажиточнаго класса въ сухое время года выѣзжаютъ изъ столицы и переселяются въ другую дачную мѣстность, гдѣ и проводятъ *темпораду* въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ; излюбленными дачными мѣстностями являются южные города и деревни, находящіеся въ окрестностяхъ Антигуа. Покоманская деревня Чинаутла, лежащая на сѣверъ отъ Гватемалы, въ великолѣпной тѣнистой мѣстности, у выхода крутаго оврага, спускающагося къ р. Мотагуа, между двумя скатами вулканическаго песка, также привлекаетъ теперь много дачниковъ. Чинаутла славится во всей Гватемалѣ своею глиняною посудою, которая отличается какъ прочностью, такъ и изяществомъ фасона; спеціальный промыселъ жителей мѣстечка Пинулы—выдѣлка шляпъ изъ волоконъ королевской пальмы (*palma real*); городъ Палинъ снабжаетъ столичный рынокъ своими прекрасными ананасами. На югѣ, пригородъ Гварда-Віехо, соединенный съ Гватемалой желѣзной дорогой, лежитъ на перекресткѣ дорогъ, идущихъ къ Великому океану: въ этой части плоскогорья разсѣяна масса могильныхъ кургановъ.

Желѣзная дорога, идущая изъ Гватемалы, удаляется отъ Антигуаской долины, направляясь къ югу, къ озеру Аматитланъ, которое она огибаетъ съ западной стороны. Городъ Аматитланъ, расположенный на рѣкѣ Мичатойа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она вытекаетъ изъ озернаго бассейна, былъ прежде большой гасіендой доминиканскихъ монаховъ, раздробленныя владѣнія которыхъ превратились въ огромный садъ. Надъ базарной площадью распростеръ свои вѣтви великолѣпный хлопчатникъ (сеиба). Въ то время, когда кошениль стояла въ высокой цѣнѣ, Аматитланъ былъ центромъ культуры кошенильнаго кактуса (opuntia coccinellifera), и населеніе его быстро возрастало; въ 1865 г. въ немъ было 13.000 жителей. Оставленіе прежнихъ красильныхъ способовъ было гибелью для этого округа: правда, опунцію замѣнили кофейнымъ деревомъ, но глинистая почва Аматитлана была не такъ благопріятна для этого деревца, какъ почва другихъ земледѣльческихъ округовъ умѣреннаго пояса. При взглядѣ на туземцевъ, отличающихся сильной мускулатурой, можно предположить, что чернокожіе рабы были преобладающею массою населенія на прежнихъ доминиканскихъ плантаціяхъ. Въ этой мѣстности не мало сохранилось разныхъ археологическихъ предметовъ и вазъ чудесной работы,—остатки покоманскихъ издѣлій [1]); но въ настоящее время все это погребено подъ водами и озерными наносами.

Эсквинтла, древній нахуатльскій Итцквинтланъ, служитъ главной станціей между Аматитланомъ и моремъ: до эпохи испанскихъ завоеваній она была столицей пипильскаго народа. Расположенная на высотѣ всего 442 метровъ надъ уровнемъ моря, она находится уже въ поясѣ «теплыхъ земель», и мѣстная флора, произростающая на хорошо орошаемой вулканической почвѣ, надъ которой возвышается конусъ Агуа, поражаетъ своимъ богатствомъ. До проведенія желѣзной дороги богатые гватемальскіе жители, въ зимніе мѣсяцы, отъ декабря до февраля, большею частью пе-

[1]) Otto Stoll, цитиров. сочиненіе.

[1]) Otto Stoll, „Guatemala“.

реселялись въ Эсквинтлу, гдѣ климатъ гораздо мягче, чѣмъ на плоскогорьяхъ: у каждой семьи былъ свой домикъ, въ которомъ она проводила *темпораду*, въ тѣни деревьевъ, на берегу журчащихъ ручейковъ. Но лихорадки, свирѣпствующія иногда въ Эсквинтлѣ въ злокачественной формѣ, подорвали славу этого прелестнаго города, какъ дачной мѣстности. Въ томъ же поясѣ по климату и растительности, на сорокъ километровъ западнѣе, находится большое мѣстечко Санта-Люсія-Козумалхуапа, прославившееся среди археологовъ открытіемъ статуй и интересныхъ барельефовъ, изображающихъ «короля ястребовъ» или *sarcoramphus papa*; судя по этимъ раскопкамъ, нахуатльскіе мастера стояли ничуть не ниже ацтекскихъ и майяскихъ скульпторовъ.

Конечная станція желѣзной дороги, Санъ-Хозе, подобно всѣмъ прочимъ портамъ Гватемальскаго побережья на Великомъ океанѣ, представляетъ собою только грузовую гавань, въ которой вѣчно плещутъ волны открытаго моря; желѣзный молъ, по которому проходитъ желѣзная дорога и установлены журавли для нагрузки и выгрузки судовъ, выдвинутъ на 300 метровъ въ открытое море, подходя такимъ образомъ къ судамъ, которыя не могутъ войти въ гавань. Движеніе судоходства въ Санъ-Хозе въ 1888 г. по входу и выходу судовъ: 314 пароходовъ и 30 парусныхъ судовъ, общею вмѣстимостью въ 490.390 тоннъ.

Положеніе рейда указывается издали стоящими вблизи берега двумя вулканами, Агуа и Фуего, а вблизи—брешью въ сплошномъ лѣсу корнепусковъ, окаймляющемъ побережье, надъ которымъ тамъ и сямъ возвышаются короны пальмъ. Самое мѣстечко Санъ-Хозе представляетъ собою только небольшую группу хижинъ; съ 1860 г. оно, въ качествѣ морской пристани Гватемалы, смѣнило другую группу хижинъ, деревню Истапа, лежащую на пятнадцать километровъ восточнѣе, близъ мѣняющихся устьевъ Мичатойи, на берегу, о который вѣчно бьются грозныя морскія волны. Этотъ пустынный берегъ, совершенно покинутый теперь вслѣдствіе свирѣпствующихъ тамъ въ опасной формѣ лихорадокъ, игралъ нѣкогда въ исторіи Новаго Свѣта немаловажную роль: тамъ снаряжались кастильскіе флоты и происходила высадка войскъ.

Къ департаментамъ Аматитланъ и Эсквинтла съ восточной стороны прилегаетъ департаментъ Санта-Роза. Здѣсь нѣтъ большихъ городовъ, а имѣется только одно торговое мѣстечко Куажиникилапа, находящееся по дорогѣ въ Сальвадоръ съ западной стороны глубокой долины, по которой протекаетъ ріо-делосъ-Эсклавосъ; это названіе рѣка получила отъ ея береговаго населенія, состоящаго почти исключительно изъ синка, или «рабовъ»; чрезъ эту широкую рѣку перекинутъ мостъ на одиннадцати аркахъ, построенный испанцами въ XVII вѣкѣ и считающійся однимъ изъ лучшихъ памятниковъ инженернаго искусства во всей Центральной Америкѣ. На юго-восточной оконечности Гватемалы находится департаментъ Жутіапа, съ главнымъ городомъ того же имени, расположенный среди обширныхъ пастбищъ: это—земледѣльческій центръ, пріобрѣтающій съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе важное торговое значеніе по своимъ ярмаркамъ, по продажамъ скота, индиго и другихъ продуктовъ въ сосѣднюю республи...

Въ Восточной Гватемалѣ, принадлежащей къ бассейну Мотагуа, нѣкоторыя другія мѣстечки обратились въ настоящіе города. Тако... напримѣръ, Жалапа (Халапа), лежащая на высотѣ 1.700 метр., въ циркѣ горъ, и славящая... плодородіемъ своихъ окрестностей. Городъ Эсквипуласъ, тоже стоящій на притокѣ Мотаг..., но близъ порога, откуда дорога спускается къ истокамъ сальвадорской рѣки Лемпа,—по... весь годъ остается пустыннымъ: въ его разсѣя...ныхъ домишкахъ живетъ не болѣе двухъ тыс... индѣйцевъ; но 15-го января, въ день празд...ка Нуестро-Сеньоръ де-Эсквипуласъ, сюда с...кается масса народу, и на улицахъ и пло...дяхъ, гдѣ раскинуты временныя палат..., происходитъ невообразимая толкотня. Бо...ные и разные несчастные простираются ... землѣ передъ чернымъ изображеніемъ Хр...ста, принося ему всякія жертвы деньгам..., перьями, рѣзнымъ деревомъ и соломой. Рел...гіозный праздникъ совпадаетъ съ мѣстною ярмаркой, и до половины этого столѣтія, имен...но до постройки Панамской желѣзной дорог..., торговцы-богомольцы стекались сюда изъ Гв...темалы, изъ Сальвадора и даже изъ Мексик...; иногда случалось, говоритъ Жуарросъ, что на Эсквипуласской равнинѣ собиралось до восьмидесяти тысячъ народу. Вблизи города стоитъ пышная церковь, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ храмовъ во всей Центральной Америкѣ [1]). Къ югу отъ Эсквипуласа, въ сосѣдней долинѣ, находятся Алотепекскіе серебряные рудники, самые богатые изъ всѣхъ эксплоатируемыхъ въ республикѣ.

На берегахъ горнаго потока, спускающагося изъ Эсквипуласа къ р. Мотагуа, расположены Чиквимула и Закапа, главные города одноименныхъ департаментовъ; въ будущемъ, съ заселеніемъ страны, они должны пріобрѣсти важное значеніе, такъ какъ оба эти города стоятъ на линіи желѣзной дороги, идущей изъ Гватемалы въ Пуерто-Барріосъ на Атлантическомъ океанѣ. Почти на половинѣ этой дороги рѣка Копанъ сливается съ рѣкой Эсквипуласъ, оросивъ передъ тѣмъ поля Комотана и Жокотана, которыя прежде были заня-

---

[1]) Bernouilli;—Stoll;—Stephens;—Laferriere, и т. д.

ты плантаціями кошенильной опунціи и индиго, а нынѣ производятъ табакъ въ большомъ количествѣ. Ключи сѣрной воды наполняютъ небольшое озеро на югѣ Жокотана.

Въ двѣнадцати километрахъ ниже Закапы и ея табачныхъ плантацій, воды, орошающія долину, впадаютъ въ Мотагуа, которая становится судоходной для пароходовъ еще нѣсколько ниже — или въ Гуаланѣ въ періодъ половодья, или въ Барбаско въ сухое время года. Къ сѣверо-востоку отъ этого послѣдняго мѣстечка, въ лѣсахъ сіерры-дель-Мико, находятся многочисленныя пирамиды и очень красивыя развалины; между ними особенно замѣчательны высѣченные столбы изъ цѣльнаго камня, покрытые іероглифами и изображающіе человѣческія лица, черепахъ, броненосцевъ и другихъ животныхъ; эти развалины указываютъ мѣсто нахожденія индѣйскаго города, отъ котораго не сохранилось даже и названія: обыкновенно ихъ называютъ развалинами Квиригуа, по деревнѣ, расположенной въ 8 километрахъ оттуда [1]). До 1839 г., когда Стефенсъ и Кэтервудъ предприняли свое путешествіе для археологическаго изслѣдованія Центральной Америки, никто и не зналъ о существованіи этихъ развалинъ, такъ что путешественники проѣзжали въ нѣсколькихъ километрахъ отъ этого мѣста, не видя ихъ; здѣсь въ то время знали только покинутый индѣйскій городъ Копанъ, находившійся какъ разъ за гватемальской границей, у начала Комотанской долины. По словамъ Штолля, Квиригуаскія развалины поражаютъ зрителя въ особенности своимъ удивительно хорошо сохранившимся видомъ, несмотря на то, что онѣ состоятъ изъ матеріала, не отличающагося особенною прочностью, и къ тому же подвергаются вліянію самаго разрушительнаго климата, одновременно слишкомъ влажнаго и теплаго; мало того — при разлитіи, Мотагуа доходитъ иногда до самыхъ полей, гдѣ стоятъ развалины, и потоки воды подмываютъ почву. На основаніи этого, Штолль считаетъ немыслимымъ, чтобы эти памятники могли принадлежать отдаленной эпохѣ, и полагаетъ, что они были еще въ исправномъ состояніи даже во время прибытія испанцевъ въ страну. Очень можетъ быть, что и разрушителями этихъ индѣйскихъ городовъ были тѣ самые работорговцы, которые опустошали этотъ край, вербуя работниковъ для плантацій Кубы и Санъ-Доминго [2]). Модслэй, напротивъ, полагаетъ, что эти зданія были уже разрушены во время путешествія Кортеса. Розыскивая повсюду жизненные припасы, чтобы не умереть съ голоду, завоеватель навѣрно побывалъ бы въ Квиригуа, если бы этотъ значительный городъ существовалъ въ ту эпоху. Развалины Чапулко, находящіяся, какъ говорятъ, на югѣ долины Мотагуа, противъ Квиригуа, еще не изслѣдованы. Въ лѣсахъ тамъ и сямъ видны мощеныя дороги и древнія могилы.

[1]) A. P. Maudslay, „Proceedings of the R. Geographical Society", сентябрь 1886.

[2]) Otto Stoll, „Guatemala".

Въ настоящее время дорога, идущая изъ Гватемалы къ Атлантическому океану, обходитъ долину Мотагуа у Барбаско и пересѣкаетъ горную цѣпь Мико въ небольшомъ разстояніи на востокъ отъ Квиригуа, а затѣмъ спускается въ Изабаль, нездоровое мѣстечко, лежащее на южномъ берегу Гольфо-Дульсе. Во время испанскаго владычества этотъ портъ, обладающій тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что находится въ ста километрахъ внутри земель, но въ который не заходятъ суда глубокой осадки, не могъ вести никакой торговли, вслѣдствіе неблагонадежности сосѣднихъ морей, кишѣвшихъ пиратами. Послѣ провозглашенія независимости, онъ почти всецѣло монополизировалъ внѣшнюю торговлю Гватемалы, впрочемъ, довольно незначительную; затѣмъ открытіе калифорнійскаго золота и установленіе пароходнаго сообщенія между Панамой и Санъ-Франциско заставили, такъ сказать, Гватемалу повернуться лицомъ на западъ, къ Великому океану. Вся торговля направилась въ эту сторону, и портъ Изабаль очутился почти въ полномъ запустѣніи: по его улицамъ разрослись цѣлыя чащи мимозы чувствительной. Улучшеніе путей сообщенія и заселеніе или, вѣрнѣе, возстановленіе прежней населенности атлантическаго склона, конечно, возвратятъ порту на Гольфо-Дульсе его прежнее торговое значеніе и даже поднимутъ его: этотъ естественный выходъ плодородной долины Полочика, безъ сомнѣнія, воспользуется всякимъ прогрессомъ, какой совершится въ этомъ краѣ.

Аванпортъ Изабаля, находящійся при морскомъ устьѣ ріо-Дульсе, на западномъ мысѣ пролива, носитъ англійское имя Ливингстона, данное ему въ честь законовѣда, который составилъ для Гватемалы сводъ законовъ: первое семейство колонистовъ водворилось здѣсь въ 1806 г. Населенный караибами, земледѣльцами, рыбаками или моряками, ведущими прибрежную торговлю съ Белизе и Гондурасомъ, портъ Ливингстонъ, недавно открытый, какъ порто-франко, иностранной торговлѣ, часто посѣщается американскими судами, привозящими водку и нагружающимися здѣсь бананами и другими плодами. Это третій портъ Гватемалы, послѣ Санъ-Хозе и Чамперико. Движеніе судоходства въ 1888 г. въ Ливингстонѣ и Изабалѣ: 203 судна, изъ которыхъ 184 пароходовъ, общею вмѣстимостью въ 120.686 тоннъ.

По сосѣдству, на восточномъ берегу ріо-Дульсе, около нынѣшней деревни Санъ-Жиль, стоялъ могущественный городъ Нито, кото-

рый былъ завоеванъ Олидомъ, намѣстникомъ Кортеса, мечтавшимъ сдѣлать изъ него столицу независимаго государства. На восточномъ мысѣ, возвышающемся на берегу озера, при выходѣ ріо-Дульсе, находится цитадель Санъ-Фелиппе, одна изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстностей на всемъ этомъ побережьѣ, вслѣдствіе чего правительство обратило ее въ мѣсто ссылки преступниковъ.

Другой пунктъ Гватемальскаго побережья уже давно намѣченъ какъ будущій портъ для внѣшней торговли. На мѣстѣ небольшой приморской деревушки, съ нѣсколькими рыбацкими хижинами, носящей еще названіе Пуерто-Барріосъ, по имени одного диктатора Гватемалы, на берегахъ замѣчательной гавани Санто-Томасъ, несомнѣнно возникнетъ большой городъ, какъ только линія трансконтинентальной желѣзной дороги будетъ доведена до конца. Нѣсколько разъ дѣлались попытки заселенія этой мѣстности, но все безуспѣшно. Область, которую сами же испанцы систематически вели къ запустѣнію, не могла давать никакого матеріала для торговли, и иностранные колонисты были бы обречены на голодную смерть. Въ 1605 г., когда кормчій Франциско Наварро, которому колоніальное правительство поручило обслѣдовать морскіе берега, открылъ эту глубокую безопасную бухту, около деревни Аматикъ, отъ которой получила свое названіе и эта часть Гондурасскаго залива, было признано необходимымъ устроить у входа въ нее укрѣпленія и поставить тамъ гарнизонъ; но постъ этотъ скоро былъ покинутъ изъ боязни пиратовъ, грабившихъ въ то время Вестъ-Индію, и испанское правительство рѣшило устроить атлантическій портъ Гватемалы не на берегу моря, а вдали отъ него, внутри страны, на берегу Гольфо-Дульсе. Съ теченіемъ времени забыли даже о существованіи бухты Санто-Томасъ, и когда бельгійская компанія обратилась къ Гватемальской республикѣ съ ходатайствомъ о концессіи на эксплоатированіе этой бухты, то это было какъ бы совершенно новое географическое открытіе. Компаніи былъ уступленъ не только портъ, но также и смежное съ нимъ пространство въ 360.000 гектаровъ, т. е. цѣлая половина французскаго департамента, съ условіемъ устроить тамъ дороги, мосты и заселить въ теченіе десяти лѣтъ не менѣе, какъ тысячью семействъ колонистовъ. Но, подобно многимъ другимъ колонизаторскимъ обществамъ, компанія Санто-Томасъ занималась больше финансовыми спекуляціями, чѣмъ самымъ дѣломъ, и когда въ 1843 году въ портъ прибыли первые колонисты, то нашли тамъ всего лишь одно жилое помѣщеніе, а обработанной земли всего одинъ гектаръ: за первое пятилѣтіе было построено не больше пятидесяти хижинъ и распахано всего шесть гектаровъ. Треть эмигрантовъ погибла, а другіе разбрелись [1]).

Обширная провинція Альта-Вера-Пацъ, принадлежащая большею частью къ бассейну Полочика и Гольфо-Дульсе, имѣетъ главнымъ городомъ Кобанъ, расположенный на высотѣ 1.328 метровъ, въ самой здоровой мѣстности Гватемалы, одной изъ самыхъ цвѣтущихъ и плодородныхъ: климатъ тамъ ровный и мягкій. Хотя Кобанъ стоитъ на возвышеніи, но его почти не видно: всѣ дома съ ихъ садами, дворами и полями совершенно скрыты за стѣною высокихъ деревьевъ и кустарниковъ. Это одинъ изъ благоденствующихъ городовъ республики, и населеніе его быстро увеличивается: въ 1890 г. онъ имѣлъ 28.000 жителей, цифру весьма внушительную для города, столь отдаленнаго отъ торговыхъ путей; въ числѣ жителей насчитывается до сотни европейцевъ. Населеніе Кобана состоитъ преимущественно изъ индѣйцевъ племени квекчи; это народъ весьма трудолюбивый; они сѣютъ на своихъ поляхъ маисъ и бобы, которыхъ родится такъ много, что ими снабжаютъ даже другія области Гватемалы. Но главный промыселъ Кобана состоитъ въ культурѣ кофейныхъ деревьевъ, которыя съ успѣхомъ произрастаютъ на плантаціяхъ Вера-Пацъ; впрочемъ, плантаторы жалуются на недостатокъ свободныхъ земель, что вынуждаетъ ихъ вести постоянную борьбу съ индѣйцами, которые благоразумно отказываются продавать свои мильпа, сознавая, что, потерявъ свои хозяйства, они вынуждены будутъ работать по найму у тѣхъ же плантаторовъ. Другимъ предметомъ культуры съ 1873 г. стало хинное дерево, которое отлично привилось здѣсь. Наконецъ, съ половины этого столѣтія стали заниматься культурою восковаго куста (myrica ceriferas). Въ окрестностяхъ Кобана скалы прорѣзаны многочисленными пещерами, которыя сверху прикрыты растительностью, такъ что здѣсь нерѣдки случаи гибели скота, проваливающагося въ эти бездны [2]). Самая знаменитая изъ этихъ пещеръ носитъ названіе Санъ-Агостинъ-Ланквинъ, изъ которой вытекаетъ небольшая рѣчка, притокъ Полочика.

Жители Кобана, или кобанеросы, по имени которыхъ языкъ квекчи называется *кобанера*, и сосѣдніе индѣйцы изъ большаго мѣстечка Санъ-Педро-Карча занимаются также различными ремеслами и, подобно альтосскимъ индѣйцамъ, ходятъ на заработки къ ладиносамъ плоскогорій, въ качествѣ плотниковъ, ткачей, портныхъ и торговцевъ перьями птицы кезаль. Будучи неутомимыми ходоками, они странствуютъ съ товаромъ не только въ Альтосахъ Квезалтепанго, но даже въ Никарагуѣ,

[1]) Arthur Morelet, „Voyage dans l'Amérique Centrale".
[2]) A. Dollfus и G. de Mont-Serrat цитиров. сочиненіе.

гдѣ они торгуютъ гамаками, сплетенными изъ волоконъ агавы и раскрашенными въ яркіе цвѣта. Торговлѣ много способствуетъ хорошая проѣзжая дорога, идущая сначала на юго-

Вершина Иразу.

востокъ, а потомъ на востокъ, черезъ деревни Тактикъ, Тамару, Тукуру и Телеманъ; она оканчивается у рѣчнаго порта Панцосъ, откуда небольшіе пароходы, ходящіе по извилистому Полочику, транспортируютъ товары къ Гольфо-Дульсе. Въ настоящее время не осталось даже и слѣдовъ отъ прежняго города Нуева-Севилья, который испанцы основали въ 1544 г. при устьѣ Полочика; четыре года спустя, доминиканскіе монахи заставили покинуть этотъ городъ, потому что жители устроили тамъ рынокъ для продажи туземцевъ [1]); въ 1825 г.

[1]) Domingo Juarras, цитированное сочиненіе.

англичане основали въ этомъ мѣстѣ колонію Абботсвилль, или Бока-Нуева, которой посчастливилось не больше, чѣмъ Новой Севильѣ. Мѣстечки Чичекъ и Чааль были основаны бѣжавшими отъ тяжелой работы индѣйцами вдали отъ Кобана, въ просѣкѣ, между густыми лѣсами; но правительственные фискалы сумѣли добраться до нихъ и тамъ [1]): ежегодно, когда лѣтнее солнце высушитъ дороги, алькадъ совершаетъ тамъ объѣздъ, чтобы собрать подати, обвѣнчать по закону соединившіяся пары и окрестить народившихся за это время дѣтей.

Какъ ни отдаленъ Кобанъ отъ многолюдной области Гватемалы, но главный городъ Петенскаго департамента находится еще вдвое дальше отъ столицы: между Гватемалой и Либертадомъ считается болѣе 300 километровъ по гористой и тяжелой дорогѣ. Этотъ нарождающійся городъ, извѣстный болѣе подъ своимъ индѣйскимъ названіемъ Саклюкъ, расположенъ среди саваннъ, на одномъ изъ притоковъ ріо-де-ла-Пасьонъ, главнаго рукава рѣки Усумасинты. Рѣдкое населеніе этого мѣстечка и сосѣднихъ деревень занимается почти исключительно однимъ скотоводствомъ. Обширныя сѣверныя саванны, прорѣзанныя лѣсами и усѣянныя озерами, покрывающія сѣверную часть Гватемалы у Юкатана, являются по преимуществу райономъ жвачныхъ животныхъ: трава тамъ всегда въ изобиліи, и пастбища покрываются новою зеленью по нѣскольку разъ въ годъ. Большіе хищные звѣри довольно рѣдки въ тѣхъ мѣстахъ, а прежде и человѣкъ щадилъ мирныхъ животныхъ: религія итца запрещала преслѣдованіе скота, пасущагося на лугахъ. Вслѣдствіе этого, по словамъ конкистадора Берналя-дель-Кастильо, животныя эти сдѣлались настолько ручными, что новые хозяева страны, испанцы, могли брать косуль прямо руками [2]).

Саклюкъ пріобрѣлъ рангъ главнаго города въ этой странѣ пастбищъ, тогда какъ оно должно бы по праву принадлежать другому, болѣе прославившемуся городу — древнему Тайязалю, который теперь называется Флоресомъ, въ честь одного героя павшаго жертвой междоусобной войны 1826 г. Амфитеатръ домовъ поднимается отлогимъ скатомъ и завершается известковой платформой; почва усѣяна камнями, оставшимися отъ разрушенныхъ построекъ итца. Испанскій городъ, замѣнившій древній Петенъ, расположилъ вдоль берега кругъ своихъ домовъ, тогда какъ одна улица, высѣченная въ скалѣ въ видѣ лѣстницы, поднимается на вершину холма, гдѣ стоятъ церковь и *кабильдо*, воздвигнутыя на развалинахъ древняго майяскаго храма. Съ высокой террасы открывается прекрасный видъ на острова, мысы, раскинувшіеся лѣса и голубыя воды. На противоположномъ берегу виднѣются два большихъ индѣйскихъ селенія, Санъ-Андресъ и Санъ-Хозе, расположенныя на склонѣ холмовъ. Петенская территорія отличается замѣчательнымъ плодородіемъ: обыкновенный маисъ родится тамъ безъ всякаго удобренія самъ-двѣсти; какао, кофе, табакъ и ваниль славятся рѣдкимъ качествомъ; наконецъ, чудные окрестные луга даютъ полную возможность разводить старинную, очень цѣнную породу лошадей, копыта которыхъ отличаются такой крѣпостью, что не нуждаются въ ковкѣ. По Мореле, въ озерѣ Итца водятся совершенно особые виды рыбъ, которые только и свойственны этому обширному бассейну: легенда говоритъ, что въ прежнія времена, т. е. до пришествія испанцевъ, рыбы эти были гораздо крупнѣе, чѣмъ теперь, такъ какъ индѣйцы имѣли обыкновеніе бросать въ озеро своихъ покойниковъ на съѣденіе его обитателямъ. Продуктивность Петена несомнѣнно еще больше разовьется, когда этотъ край очутится въ центрѣ скрещиванія четырехъ большихъ естественныхъ путей сообщенія, имѣющихъ соединить Юкатанъ, Табаско, Белизе и Гватемалу. Когда желѣзныя дороги свяжутъ между собою республики Центральной Америки, одною изъ важнѣйшихъ линій будетъ та, которая соединитъ Гондурасъ съ Мексикой, проходя по южной четырехсторонней территоріи Юкатана, черезъ луговыя равнины Сѣверной Гватемалы. Но еще недавно Флоресъ занималъ такое изолированное положеніе, что политическія событія, совершавшіяся въ нагорной странѣ, становились извѣстными въ этомъ городѣ только черезъ три съ половиною мѣсяца. Въ серединѣ прошлаго столѣтія испанское правительство стянуло къ Петену войска, съ цѣлью нападенія на англійскія поселенія въ Белизе; но полное отсутствіе торговли заставило впослѣдствіи забыть о самомъ существованіи этого порта, такъ что когда въ 1820 г. нѣсколько жителей петенскаго округа, предпринявшихъ поѣздку на востокъ, по рѣкѣ Мопану, неожиданно прибыли въ этотъ англійскій городъ, то они думали, что имъ удалось сдѣлать чудесное открытіе [1]). Въ лѣсныхъ прогалинахъ, къ сѣверу отъ озера, у границъ Юкатана, разсѣяно много городовъ. Изслѣдованъ только одинъ изъ нихъ, Тикаль, находящійся въ 32 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Петена, замѣчательный своей высокой пирамидой, покрытой ліанами: это самое грандіозное изъ всѣхъ майяскихъ сооруженій, какія только Модслэй встрѣчалъ во время своего путешествія по Центральной Америкѣ. Бернульи открылъ тамъ двѣнадцать іероглифическихъ до-

[1]) Maudslay, „Proceedings of the R. Geographical Society“, сентябрь 1886 г.

[2]) Arthur Morelet, цитированное сочиненіе.

[1]) Arthur Morelet, цитированное сочиненіе.

сокъ изъ дерева запоте, находящихся теперь въ Базельскомъ музеѣ.

Гватемальское населеніе съ каждымъ годомъ значительно возрастаетъ, почти единственно вслѣдствіе преобладанія рождаемости надъ смертностью: эмиграція оказываетъ на это лишь весьма незначительное вліяніе, такъ какъ число иностранцевъ въ Центральной Америкѣ, т. е. европейцевъ, сѣверо-американцевъ и китайцевъ, составляло, въ 1893 г., всего только 11.330 чел. Больше всего такъ называемыхъ *Tiroleses*, или «Тирольцевъ», т. е. сѣверныхъ итальянцевъ, пьемонтцевъ и ломбардцевъ; все это—люди очень трудолюбивые; между ними много садовниковъ, каменщиковъ, пирожниковъ, носильщиковъ, однимъ словомъ, — это народъ, который не брезгаетъ никакой работой, что поставило его довольно низко во мнѣніи индѣйцевъ, которые привыкли видѣть въ бѣлыхъ только праздныхъ господъ. Во время переписи 1778 г. Гватемала имѣла всего лишь 2[illegible].000 жителей; въ настоящее время (1898 г.) их 1.536.000, т. е. почти вшестеро больше. Ежегодный прирость населенія наблюдается во всѣхъ округахъ, даже на нездоровомъ побережьѣ: исключенія случаются иногда только въ сѣверныхъ округахъ, омываемыхъ Атлантическимъ океаномъ.

Въ теченіе шести лѣтъ съ 1884 г. по 1[illegible] г.: рожденій—364.579; смертныхъ случаевъ—182.873; излишекъ рождаемости надъ смертностью — 181.706, или, въ среднемъ, около 30.000 въ годъ.

Въ 1897 г.: родившихся — 71.353, умершихъ—43.892.

При этомъ надо замѣтить, что статистическія свѣдѣнія, получаемыя изъ отдаленныхъ отъ столицы округовъ, не отличаются образцовою точностью[1]). Между дѣтьми число незаконнорожденныхъ весьма значительно: у «цивилизованныхъ», или ладиносовъ, почти половина новорожденныхъ записана въ метрическія книги какъ незаконнорожденные, между тѣмъ какъ у индѣйцевъ, у которыхъ семьи устроены на болѣе твердыхъ началахъ и освящены бракомъ, количество незаконныхъ дѣтей не составляетъ даже и четверти всего числа.

Рождаемость въ Гватемалѣ въ 1888 году: у ладиносовъ: законныхъ дѣтей—9.866, незаконныхъ—8.786, или 47%; у индѣйцевъ: законныхъ дѣтей — 31.477, незаконныхъ — 10.085, или 24%. Въ общемъ: законныхъ дѣтей — 41.343, незаконныхъ — 18.871, или 31%.

Какъ въ Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и здѣсь больше рождается младенцевъ мужскаго пола, но зато и смертность развита больше среди мальчиковъ, такъ что въ общемъ количество женщинъ превосходитъ численность мужчинъ. Въ 1888 г. въ Гватемалѣ родилось: мальчиковъ — 31.312, дѣвочекъ—28.902; слѣдовательно, въ отношеніи 108 къ 100.

Земледѣльческихъ продуктовъ въ Гватемалѣ вполнѣ достаточно для прокормленія населенія, хотя пшеницы, которую сѣютъ на Альтосахъ, не хватаетъ для мѣстнаго потребленія. Ежегодное производство пшеницы въ Гватемалѣ равнятся 200.000 гектолитровъ. Подобно мексиканскому индѣйцу, туземецъ умѣреннаго пояса Гватемалы питается почти исключительно маисомъ, бобами и бананами; только въ рѣдкихъ случаяхъ онъ позволяетъ себѣ роскошь въ видѣ куска *tasajo*, т. е. ломтика вяленой говядины. Въ праздничные дни онъ къ своему столу прибавляетъ свинину; общеупотребительнымъ напиткомъ служитъ вода, но въ дни получки жалованья употребляется разбавленная водка, носящая здѣсь перувіанское названіе *чича*, или какіе-нибудь другіе крѣпкіе напитки, какъ *тисте* и *пульк̀ве*, похожіе на табаскское позоле, т. е. родъ мѣсива съ водкой. Пульк̀ве, которое прежде приготовляли въ округѣ Антигуа, было однимъ епископомъ запрещено къ употребленію, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, какъ слишкомъ опьяняющій напитокъ, и съ тѣхъ поръ оно совсѣмъ вышло изъ употребленія. Если въ той или другой провинціи и случается иногда недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, то причина этого кроется вовсе не въ скудости почвы, а въ алчности крупныхъ землевладѣльцевъ, которые большую часть своихъ земель отводятъ подъ промышленныя культуры: колоніальные продукты продаются на иностранные рынки по дорогой цѣнѣ, тогда какъ обильный урожай кукурузы не принесъ бы имъ почти никакой выгоды.

Въ то время, когда Гватемала провозгласила свою независимость, ея роль въ международной торговлѣ была самая ничтожная; но скоро кошениль опунціи, растенія, которому почва и климатъ въ Гватемалѣ столь же благопріятны, какъ и въ Оахакѣ, стала довольно важнымъ предметомъ экспортной торговли. Культура опунціи и развивающагося на ней насѣкомаго послужила, какъ извѣстно, къ процвѣтанію Аматитлана и пограничныхъ съ нимъ мѣстностей: такъ, въ 1827 г. изъ Гватемалы было вывезено семь тысячъ килограммовъ кошенили, и постепенно, въ серединѣ столѣтія, вывозъ ея возвысился почти до милліона килограммовъ; но эта отрасль промышленности пришла въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ открыты краски, добываемыя изъ каменнаго угля, и плантаціи опунціи стали рѣдки. Къ тому же этою культурою могли заниматься только бо-

[1]) Pedrosa, „Informes de la direccion general de Estadistica“. 1888.

гатые землевладѣльцы, такъ какъ она вызывала большіе расходы: приходилось платить огромное жалованье спеціалистамъ, которые знали уходъ за этими цѣнными насѣкомыми, умѣли излѣчивать ихъ отъ паразитныхъ болѣзней и примѣнять къ нимъ правильную смѣну режима, т. е. держать ихъ на открытомъ воздухѣ въ сухое время года и подъ навѣсомъ—въ дождливое.

Кошениль, въ качествѣ главнаго предмета культуры и вывоза, смѣнилъ кофе; во многихъ мѣстахъ плантаціи опунціи были замѣнены кофейными, и на склонахъ кордильеръ внизу распаханы огромныя пространства земли для культивировки драгоцѣннаго дерева. Въ той части Гватемалы, гдѣ культивируютъ кофейное дерево, т. е. въ Бока-Коста, простирающейся отъ Реталхулеу до Эсквинтлы, и въ округахъ Антигуа, Петапа и Аматитланъ, оно съ успѣхомъ произрастаетъ даже на высотѣ 600 метровъ, но въ такомъ случаѣ непремѣнно должно быть защищено густыми деревьями; выше же 800 или отъ 1.000 метровъ до 1.300 и даже 1.500 метровъ его можно разводить прямо на солнцѣ. Гватемальскій кофе высоко цѣнится, несмотря на конкурренцію другихъ производящихъ этотъ продуктъ странъ; во всякомъ случаѣ гватемальскимъ плантаторамъ есть полный разсчетъ поддерживать эту промышленность, которая здѣсь не рискуетъ погибнуть отъ разнаго рода бичей, какъ въ другихъ краяхъ: здѣсь не было также надобности замѣнять аравійское дерево либерійскимъ. Вывозъ гватемальскаго кофе начался въ 1859 г., съ каждымъ десятилѣтіемъ онъ быстро возрастаетъ, и, несмотря на временныя колебанія въ торговлѣ, культура его не перестаетъ развиваться: сборъ 1890 года, полученный болѣе, чѣмъ съ пятидесяти милліоновъ деревьевъ, составлялъ 30.000 тоннъ, на сумму почти въ 75 милліоновъ франковъ.

Въ той части Гватемалы, которая находится въ умѣренномъ поясѣ, разводятъ также сахарный тростникъ, но этой относительно бѣдной странѣ немыслимо выдержать конкурренцію въ этой отрасли промышленности съ такими богатыми странами, какъ островъ Куба, Луизіана и Бразилія, гдѣ культура сахарнаго тростника поддерживается громадными капиталами, поставлена на широкихъ началахъ, со всѣми усовершенствованіями, данными современною наукою. Здѣсь сахарный тростникъ разводятъ въ Коста-Кука и Коста-Гранде, но почти исключительно только для мѣстнаго потребленія,—около пяти-шести тысячъ тоннъ,—и для приготовленія водки. Каждый плантаторъ имѣетъ право перегонять патоку, но это облагается слишкомъ высокимъ налогомъ; правительство держитъ даже спеціальныхъ агентовъ, на обязанности которыхъ лежитъ объѣзжать плантаціи для провѣрки перегонныхъ кубовъ и контролированія отчетности. Владѣлецъ водочнаго завода не имѣетъ права произвольно распоряжаться продажею водки; онъ обязанъ сдавать все выработанное количество ея въ общественный складъ, откуда уже она и продается за его счетъ. Благодаря всѣмъ этимъ формальностямъ, дѣло до такой степени громозится, что развѣ только занимающіеся имъ контрабандою могутъ разсчитывать на вѣрное обогащеніе.

Культура какаоваго дерева, или *theobroma*, здѣсь весьма ограничена, такъ что почти не составляетъ предмета вывоза, хотя гватемальское какао отличается превосходнымъ качествомъ. Во времена испанскаго владычества какао Западной Гватемалы и Сокониско предназначалось исключительно для Мадридскаго двора; въ настоящее время оно распространено не больше прежняго и идетъ только для мѣстнаго потребленія, вѣроятно, вслѣдствіе своей дороговизны, такъ какъ даже на мѣстѣ оно продается дороже, чѣмъ самое лучшее привозное какао въ Европѣ. Упадокъ этой отрасли промышленности объясняется главнымъ образомъ большими трудностями и расходами, сопряженными съ культивированіемъ этого растенія; оно требуетъ большаго ухода, частаго пересаживанія и осмотра, тогда какъ за всѣ положенные на него труды вознаграждаютъ первымъ сборомъ не раньше, какъ на шестой годъ; къ тому же наиболѣе подходящими для разведенія какао мѣстностями считаются какъ разъ наиболѣе теплыя, влажныя и потому самыя нездоровыя. Индиго, разведеніемъ котораго прежде очень дѣятельно занимались въ округѣ Реталхулеу, теперь тоже заброшено землевладѣльцами, но это растеніе очень живуче, а потому еще и до сихъ поръ держится во многихъ мѣстахъ, даже на тѣхъ поляхъ, которыя заняты подъ другую культуру: на это растеніе, нѣкогда столь цѣнимое, смотрятъ теперь, какъ на сорную траву. Культура хлопчатника тоже находится теперь въ совершенномъ забросѣ; ею занимаются только индѣйцы теплыхъ земель; дешевизна иностранныхъ бумажныхъ издѣлій лишаетъ туземцевъ возможности выдерживать непосильную конкурренцію съ мануфактурными странами, гдѣ занимаются этою спеціальностью.

Кромѣ того, кое-гдѣ попадаются еще плантаціи каучуковыхъ деревьевъ (castilloa elastica), но эта культура, распространенная въ умѣренныхъ земляхъ, повидимому, неособенно здѣсь привилась: для этого дерева нужна такая же почва, какъ и для какаоваго, слѣдовательно, оно можетъ успѣшно произростать только въ болотистыхъ и теплыхъ мѣстахъ побережья. Каучуковые промышленники продолжаютъ еще рыскать по лѣсамъ и срубать всѣ кастиллоа, какія попадутся, но деревья эти даютъ продуктъ невысокаго качества. Са-

мымъ спеціализированнымъ здѣсь растеніемъ, опредѣляющимъ характеръ мѣстности, является кокосовое дерево, которымъ засажены всѣ окрестности городовъ и мызъ побережья и первыхъ склоновъ, какъ, напримѣръ, Реталхулеу; но эта пальма цѣнится здѣсь, повидимому, только за свою красоту, а не за плоды, которыхъ не утилизируютъ даже на масло; волокна ея тоже никуда не идутъ, и только листья употребляются на покрышку хижинъ и шалашей. Гватемала, подобно большинству другихъ гористыхъ странъ тропическаго пояса, принялась за культуру хиннаго дерева, которое разводятъ главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Кобана и на покатости Великаго океана: въ 1884 г. въ различныхъ плантаціяхъ Гватемалы насчитывалось болѣе 1.550.000 этихъ деревьевъ; кромѣ того, всюду въ городахъ можно встрѣтить цѣлыя рощи и аллеи эвкалиптусовъ, которые произростаютъ здѣсь рядомъ съ разными другими деревьями. Наконецъ, въ Гватемалѣ пытаются также распространить культуру кустарника кока (Erythroxylon Coca).

Обширныя пространства земли, нѣкогда покрытыя дѣвственнымъ лѣсомъ, теперь вырублены, но не для какой-либо культуры въ тѣсномъ смыслѣ слова, а для саваннъ, на которыхъ пасутся различныя животныя, утопающія въ высокой травѣ: одна только *сеиба* шатромъ раскидываетъ свой широкій зеленый куполъ, подъ сѣнью котораго стада собираются отдыхать въ жаркіе полуденные часы. Въ благоустроенныхъ мѣстностяхъ плантаторы имѣютъ еще, кромѣ того, искусственные луга, такъ называемые *potreros* или *sacatales*, занятые исключительно подъ покосною травою. Гватемальскій скотъ ничѣмъ не разнится отъ европейскаго; но его здѣсь не хватаетъ для пропитанія населенія, такъ что является необходимость ежегодно привозить скотъ изъ Гондураса и Мексики и платить за него весьма высокую цѣну. Въ однихъ только мулахъ относительно нѣтъ недостатка, и ословъ держатъ здѣсь исключительно только для разведенія этихъ сильныхъ вьючныхъ животныхъ. Козы здѣсь меньше цѣнятся, чѣмъ овцы, несмотря на то, что условія этого края, гдѣ нѣтъ недостатка ни въ скалахъ, ни въ макѣ, вполнѣ благопріятны для ихъ разведенія. Овцеводствомъ занимаются исключительно на Альтосахъ, гдѣ овечья шерсть идетъ на выдѣлку грубыхъ тканей.

Состояніе скотоводства въ Гватемалѣ въ 1895 г.: лошадей—62.000; муловъ—42.000; крупнаго рогатаго скота—около 500.000 гол.; овецъ и козъ (1890 г.)—490.000 гол.

Въ Гватемалѣ, какъ и въ Мексикѣ, большая часть индѣйцевъ, работающихъ на плантаціяхъ ладиносовъ или иностранныхъ землевладѣльцевъ, находится въ состояніи совершеннаго порабощенія, благодаря тѣмъ авансамъ или *habilitaciones*, съ которыми они никогда не могутъ расквитаться и въ залогъ которыхъ отдаютъ напередъ весь свой будущій трудъ. Вслѣдствіе этого теперь, какъ и во времена рабства, у каждаго плантатора есть свои дозорные и гонцы, на обязанности которыхъ лежитъ слѣдить за рабочими, ловить бѣглыхъ и возвращать ихъ по принадлежности [1]). Несмотря на запрещеніе законовъ, барщина и сѣченіе плетьми продолжаютъ еще примѣняться, и алькады въ данномъ случаѣ всегда на сторонѣ землевладѣльцевъ. Однако, индѣйское населеніе многихъ округовъ состоитъ изъ свободныхъ людей, имѣющихъ свои собственныя земли. Недавно вышедшее постановленіе [2]) закона повелѣваетъ всѣмъ мэрамъ, или *jefes politicos*, муниципалитетовъ Альта-Вера-Пацъ,—страны, гдѣ больше всего цивилизованныхъ индѣйцевъ—надѣлить «каждаго туземца землею, въ количествѣ 3.600 кв. метровъ», на правахъ собственности, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что впродолженіи первыхъ десяти лѣтъ надѣляемый не имѣетъ права ни продать, ни отдать въ аренду, ни закладывать отведенной земли.

Впрочемъ, это слишкомъ незначительное возмѣщеніе за земли, которыя были отняты у туземцевъ. Не обезпечивъ себя надлежащими документами, въ которыхъ ихъ предкамъ не было необходимости, такъ какъ имъ никто не препятствовалъ обработывать ихъ *мильпа*, индѣйцы очутились подъ полнымъ произволомъ каждаго спекулятора, который могъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, указать властямъ на землю индѣйца, какъ на неимѣющую владѣльца, и перевести ее на свое имя съ разрѣшенія правительства [3]). Въ настоящее время остаются еще незанятыми обширныя пространства земель (*baldios*), которыя считаются принадлежащими государству и могутъ быть уступлены, проданы или отданы въ наемъ по усмотрѣнію правительства; но эта часть національнаго богатства крайне необезпечена. Значительная часть этихъ владѣній обращена уже въ собственность отдѣльныхъ лицъ, у которыхъ «преданность интересамъ страны» выражается прежде всего захватомъ общественнаго имущества. Чтобы сохранить остатокъ свободныхъ земель, было рѣшено, что надѣлы земли, какъ даровые, такъ и платные, отводимые для культуры или скотоводства, не будутъ превышать 1.350 гектаровъ—пространства, слишкомъ достаточнаго для одного лица. Кромѣ того, концессіонеръ долженъ быть природнымъ или натурализованнымъ гватемальскимъ гражданиномъ, и при всякомъ требованіи предъ-

[1]) Otto Stoll, цитиров. сочиненіе.
[2]) Декабрь 1889 г.
[3]) N. Polakowsky, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, № 146, 1890.

являть свои документы на владѣніе, подъ страхомъ конфискаціи имущества. Недавно вышло новое постановленіе, по которому всякій иностранецъ, проработавшій годъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, получаетъ въ полную собственность «четверть caballerio», т. е. 11 гектаровъ и 25 аровъ земли, въ одной изъ почти пустынныхъ сѣверныхъ провинцій.

Гватемала въ сравненіи съ Мексикой очень бѣдна рудными мѣсторожденіями. Но все-таки Атлантическое побережье, въ районѣ Изабаля, было, какъ говорятъ, очень богато золотоносными жилами; отсюда происходитъ и его названіе «Золотой Берегъ», которое ему часто давали въ документахъ XVII-го вѣка. Испанскіе жители Гватемалы совсѣмъ не эксплоатировали этихъ сокровищъ; единственными эксплоататорами ихъ были англичане, которые, по преданію, извлекли изъ нѣдръ земли такъ много металла, «что могли бы на него купить королевство Испанію». Чтобы остановить этотъ наплывъ иностранцевъ, испанское правительство наложило запретъ на разработку рудъ, и каждому иностранцу угрожала смертная казнь въ случаѣ нарушенія этого запрещенія [1]). Въ послѣдніе годы вмѣсто англичанъ явились американцы съ цѣлью изслѣдованія этого «Золотаго Берега». И дѣйствительно, они открыли тамъ существованіе драгоцѣннаго металла въ наносахъ рѣкъ; но цѣнность добываемаго ими впродолженіи года металла не превышаетъ 150.000 франковъ. На плоскогорьяхъ Гуегуетенанго существуютъ еще ртутные рудники, и индѣйцы время отъ времени продаютъ этотъ металлъ въ чистомъ состояніи; но они никому не хотятъ открыть тайны нахожденія этихъ рудъ [2]). Гажъ разсказываетъ, что около Гватемалы, въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Агуа-Каліенте, «индѣйцы имѣли очень богатый рудникъ и ежегодно аккуратно уплачивали за него десятину, но что испанцы, крайне алчные до золота, умертвили туземцевъ за то, что тѣ не хотѣли показать имъ мѣста, откуда они добывали золото, и такимъ образомъ они одновременно утратили и индѣйцевъ, и ихъ сокровище» [3]). По словамъ геолога Мано, одна изъ сѣверныхъ горъ, въ Кумбре-де-Чихой, содержитъ массу свинцовой руды, исчисляемую болѣе, чѣмъ въ одинъ милліонъ кубическихъ метровъ, съ содержаніемъ свыше трехъ четвертей чистаго металла.

Внѣшняя торговля Гватемалы еще очень незначительна въ сравненіи съ Западной Европой и Сѣверной Америкой: хотя она годъ-отъ-году быстро возрастаетъ, но все-таки на каждаго жителя приходится всего только около 136 франковъ годоваго оборота.

[1]) Pedrosa, „Informes de Estadistica", 1887.
[2]) Otto Stoll, „Guatemala".
[3]) „Nouvelle Relation des Indes Occidentales".

Обороты внѣшней (спеціальной) торговли Гватемалы въ 1897 г.: ввозъ—108.625.000 франк.; вывозъ—100.125.000 франковъ.

Почти девять десятыхъ всей экспортной торговли состоитъ изъ кофе; другими предметами вывоза, по порядку ихъ значенія, служатъ: сахаръ, сахарный песокъ, сырая и выдѣланная кожа, каучукъ, серебро и бананы. Главнымъ торговымъ кліентомъ Гватемалы является Великобританія, а затѣмъ Соединенные Штаты, Франція и Германія. Въ общемъ навигаціонное движеніе во всѣхъ четырехъ портахъ Гватемалы, открытыхъ для иностранной торговли, опредѣляется ежегодно количествомъ отъ пятисотъ до шестисотъ судовъ, почти исключительно паровыхъ. Преимущество остается за американскими судами; французскихъ судовъ почти никогда не встрѣтишь въ гватемальскихъ портахъ; это объясняется тѣмъ, что вся торговля, ведущаяся между Гватемалой и Франціей, совершается черезъ посредство иностранныхъ судовъ.

Движеніе навигаціи Гватемалѣ въ 189[illegible] г.: въ приходѣ—573 паровыхъ судна, вмѣстимостью въ 1.027.500 тоннъ.

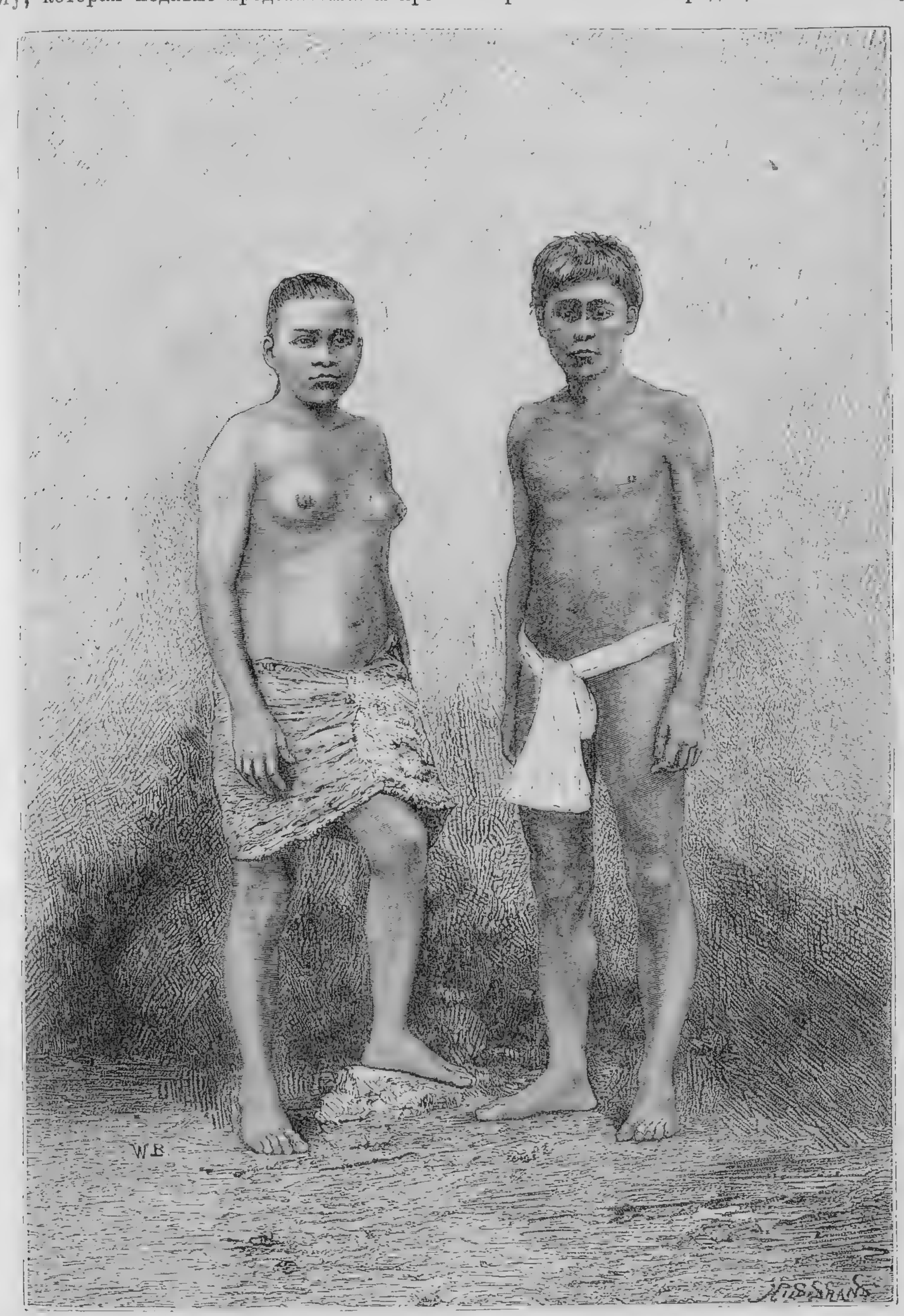
Гватемала еще не послѣдовала примѣру своей могущественной сосѣдки, Мексики, въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ. Она владѣетъ всего двумя болѣе или менѣе значительными желѣзнодорожными линіями: одна идетъ изъ Санъ-Хозе въ г. Гватемалу, и другая изъ Чамперико въ Реталхулеу; впрочемъ, нужно прибавить, что первая изъ этихъ линій проложена по весьма трудному пути: сначала она идетъ по покатости, а затѣмъ поднимается на плоскогорье, на высоту 1.500 метровъ. Для Гватемалы является неизбѣжною необходимостью продолжить желѣзную дорогу до Атлантическаго океана, чтобы съ одной стороны соединить между собою океаны, а съ другой развить торговыя сношенія какъ съ Нью-Іоркомъ, Лондономъ и Бордо, такъ и съ Санъ-Франциско и Мельбурномъ. Пуерто-Барріосъ, лежащій въ бухтѣ Санто-Томасъ, избрали конечнымъ пунктомъ между-океанической дороги, и близъ этой великолѣпной гавани уже построена часть пути; но спускъ съ плоскогорья, пересѣченіе рѣки Мотагуа и другія трудности сооруженія этой желѣзной дороги, исчисленной въ 299 километровъ длины, ожидаютъ еще энергичной работы инженеровъ.

Общее протяженіе желѣзныхъ дорогъ въ Гватемалѣ въ 1897 г.: 542 километра.

Хорошія проѣзжія дороги и мосты встрѣчаются тоже очень рѣдко: единственный мостъ, существовавшій на ріо-Гранде-де-Мотагуа, былъ снесенъ во время одного половодья; онъ замѣненъ *garucha*, т. е. кресломъ, двигающимся по блоку на канатахъ, протянутыхъ съ одного берега рѣки на другой.

Всѣ товары, отправляемые изъ Гватемалы

къ Атлантическому океану, перевозятся на мулахъ; хорошо еще, что теперь исправили дорогу, которая недавно представляла непрерывный рядъ опасныхъ топей и рытвинъ. Прежде купеческіе караваны рисковали потерять въ дорогѣ всѣхъ своихъ вьючныхъ животныхъ, такъ какъ путешествіе длилось иногда два, даже три мѣсяца. Въ почти пустынныхъ внутреннихъ областяхъ, гдѣ деревни разсѣяны очень рѣдко, почтовая служба отправляется еще до сихъ поръ, какъ во времена Монтезумы, курьерами, которые ходятъ отъ станціи до станціи, разнося письма или передавая устно какія-либо извѣстія: этотъ

Индѣйцы племени таламанкасъ.

способъ почтовыхъ сообщеній извѣстенъ подъ названіемъ *cordillera*, т. е. «веревочка», понимая подъ этимъ нить, которая связываетъ отдаленныя окраины республики съ правильно организованной почтовой сѣтью. Быстрота передачи просто изумительная: несмотря на дурное состояніе дорогъ, на подъемы и спуски каменистой почвы, не взирая на цѣлые вихри пыли, курьеръ проходитъ въ среднемъ ежедневно около 90 километровъ [1]). Но постепенное распространеніе телеграфной и даже телефонной сѣтей повлечетъ за собою скорое уничтоженіе «веревочки».

Въ 1898 г. длина телеграфной сѣти: 5.035 километр.; число переданныхъ телеграммъ: въ 1897 г. 664.000; по почтѣ переслано 9.700.000 отправленій.

Изъ этого видно, что почтовая и телеграфная корреспонденціи еще весьма незначительны, такъ какъ ежегодно на каждаго жителя приходится всего только четыре письма; но нужно принять во вниманіе крайнюю отсталость населенія въ образовательномъ отношеніи. Согласно конституціи, должно бы было существовать по школѣ на каждую группу изъ 800 индѣйцевъ или 300 ладиносовъ, но этотъ законъ еще не соблюдается; въ Миксо, индѣйскомъ городѣ съ восьмитысячнымъ населеніемъ въ 1884 г., состоялъ всего одинъ подписчикъ на мѣстный оффиціальный листокъ [2]). Въ 1891 г. на всемъ протяженіи республики насчитывалось всего лишь 1.288 начальныхъ школъ, съ 65.332 учащихся: это менѣе половины всего дѣтскаго населенія школьнаго возраста (143.453), т. е. отъ шести до четырнадцати лѣтъ, которые, по закону, должны бы были обязательно посѣщать школу. Среднеобразовательныхъ заведеній было 16 съ 3.736 учащихся, изъ которыхъ одна треть приходится на дѣвушекъ. Изученіе англійскаго языка обязательно въ высшихъ классахъ.

Гватемальская конституція мѣнялась много разъ: то причисленная къ какому-нибудь болѣе значительному государству, то составлявшая независимую республику, попеременно управляемую консерваторами и либералами, то подвергавшаяся тиранніи Каррера или жестокостямъ Барріоса, гватемальская нація должна была мѣнять свой политическій строй при всякой новой революціи; но всѣ эти пертурбаціи бороздили Гватемалу, такъ сказать, только по поверхности; массы туземцевъ, гнѣздившіяся въ нѣдрахъ ея, оставались все въ прежнемъ угнетенномъ положеніи. Послѣдняя конституція была издана въ 1879 г. и дополнена въ 1889 г.: могущее случиться вступленіе Гватемалы въ конфедерацію Центральной Америки и болѣе близкія отношенія съ родственными республиками, которыя установятся сами собою при улучшеніи путей сообщенія, повлекутъ за собою новыя измѣненія въ управленіи республикой, скопированномъ, впрочемъ, отчасти съ конституціи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

Законодательная власть принадлежатъ палатѣ депутатовъ, которая возобновляется въ своемъ половинномъ составѣ каждые два года и составляется посредствомъ выборовъ, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ граждане, умѣющіе читать и писать: народные представители, въ числѣ 69 человѣкъ, т. е. по одному на каждыя 20.000 жителей, назначаются въ особыхъ округахъ, которые, смотря по количеству населенія, имѣютъ право выбирать одного, двухъ или трехъ членовъ. Исполнительная власть ввѣрена президенту, избираемому на шесть лѣтъ; сотрудниками его являются Государственный Совѣтъ и шесть министровъ, изъ которыхъ каждый завѣдуетъ особымъ вѣдомствомъ: иностранными и внутренними дѣлами, общественными работами, военнымъ, финансами и народнымъ просвѣщеніемъ. Наконецъ, судебная власть отправляется верховнымъ судомъ, который рѣшаетъ въ послѣдней инстанціи всѣ дѣла, разбиравшіяся низшими судами; все вѣдомство юстиціи состоитъ изъ людей выборныхъ; никто не можетъ быть заключенъ въ тюрьму за долги, ни даже за преступленіе, ни содержимъ подъ арестомъ долѣе пяти дней—безъ предъявленія обвинительнаго акта. Жилище и письма считаются неприкосновенными; личныя права могутъ быть пріостановлены только въ случаѣ иноземнаго вторженія или войны.

Въ департаментахъ и общинахъ, *ayuntamientos* конституируются посредствомъ народнаго голосованія; но за правительствомъ сохраняется право распускать эти выборныя собранія и замѣнять ихъ судьей. Кромѣ того, центральное управленіе назначаетъ въ каждый департаментъ «политическаго начальника» (jefe politico), который всегда выбирается изъ военныхъ, хотя ему ввѣряется гражданская администрація. Въ этомъ лицѣ сосредоточивается главное начальство, и власть его надъ индѣйцами почти безгранична; въ каждой общинѣ есть свой *comisionado politico* или *gobernador*, избираемые зачастую изъ среды потомковъ древнихъ касиковъ [1]); онъ подчиненъ политическому начальнику и передаетъ его приказы алькадамъ, которыхъ бываетъ два или три, смотря по численности населенія; въ ихъ распоряженіи состоитъ нѣсколько жандармовъ, *mayores*, вооруженныхъ кожаною плетью. «Первый алькадъ» имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи только ладиносовъ, а «второй»—исключительно индѣйцевъ; тотъ и дру-

---

[1]) Otto Stoll, „Guatemala“.

[2]) Rober Marlov, рукописныя замѣтки.

[1]) A. Dollfus и E. de Mont-Serrat, цитиров. сочиненіе.

гой, въ качествѣ традиціонныхъ знаковъ своей власти, носятъ форменную шляпу съ шарфомъ и жезлъ съ крестомъ или съ серебрянымъ набалдашникомъ. Еще недавно эти посохи украшались эмблематическою рѣзьбою: по всей вѣроятности, это были уменьшенныя фигуры тѣхъ украшеній, которыя попадаются на вколоченныхъ столбахъ или камняхъ во всей Сѣверной Америкѣ, отъ Аляски до Гондураса [1]). Обыкновенно алькады широко пользуются своею властью: они рѣшаютъ споры, назначаютъ штрафы, присуждаютъ даже къ тюремному заключенію и къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ смѣшанныхъ общинахъ, состоящихъ изъ ладиносовъ и индѣйцевъ, граждане выбираютъ также два различныхъ муниципалитета. Правда, что министръ однимъ почеркомъ пера можетъ упразднить индѣйскій муниципалитетъ, возведя туземцевъ на степень ладиносовъ.

Церковь, долгое время царившая въ Гватемалѣ, не пользуется теперь никакой привилегіей. По конституціи, ни одинъ культъ не имѣетъ «преимущества»; хотя къ 1890 году была всего только одна протестантская церковь, именно въ столицѣ, но оффиціально признается свободнымъ исповѣданіе всѣхъ религій, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы духовенство не вмѣшивалось въ политическія и гражданскія дѣла. «Учрежденія, имѣющія совершенно свѣтскій характеръ, не позволяютъ служителямъ церкви ни подъ какимъ предлогомъ давать совѣты или какимъ бы то ни было образомъ вмѣшиваться въ дѣло-народнаго образованія». Въ 1767 г. въ первый разъ были изгнаны іезуиты. Въ 1829 г. революція отняла имущества у духовныхъ общинъ, которыя впослѣдствіи вернули часть ихъ, но не возстановивъ своего прежняго вліянія. Іезуитскіе монастыри были окончательно упразднены въ 1871 г., а собственность ихъ конфискована, монастыри же другихъ орденовъ въ слѣдующемъ году были объявлены декретомъ «національными»; въ 1874 г. послѣдовало наложеніе запрещенія также и на женскія общины, за исключеніемъ одной. Нѣкоторые монастыри были утилизированы для школъ или пакгаузовъ; но большинствомъ имѣній, отобранныхъ отъ церкви, воспользовались недобросовѣстные политиканы, сразу сдѣлавшіеся владѣтелями громадныхъ богатствъ. Во внутреннихъ приходахъ до сихъ поръ еще существуетъ обычай платить десятину, которую индѣйцы охотно приносятъ священникамъ въ видѣ плодовъ, яицъ и разной живности; квиче еще до сихъ поръ называютъ приходскихъ священниковъ на своемъ языкѣ «куроѣдами» [2]). Въ прежнія времена существовалъ обычай, по которому каждый помолвленный индѣецъ долженъ былъ работать для *padre*, и срокъ этой барщины опредѣлялся самимъ священникомъ по усмотрѣнію, т. е. искусъ продолжался до тѣхъ поръ, пока *padre* находилъ жениха достаточно просвѣщеннымъ въ пониманіи «святыхъ догматовъ».

Оффиціально «всѣ» гватемальцы, отъ восемнадцатилѣтняго до пятидесятилѣтняго возраста, обязаны нести воинскую повинность; но по закону отъ этой повинности освобождаются единственные сыновья вдовъ и людей бѣдныхъ, профессора и ученики правительственныхъ школъ, высшіе чиновники и, наконецъ, всѣ тѣ, которые могутъ откупиться ежегоднымъ взносомъ пятидесяти піастровъ. Освобожденіе отъ военной повинности, слѣдовательно, является привилегіей богатаго класса. Чистокровные индѣйцы не подлежатъ рекрутскому набору; но во время войны ихъ вербуютъ въ войска для перевозки обозовъ и запасовъ: на нихъ-то и возлагаются самыя трудныя работы во время кампаніи. Однихъ бѣлыхъ и ладиносовъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, вполнѣ достаточно, чтобы сформировать весьма значительную армію, которая, по закону 1893 г., состоитъ изъ милиціи дѣйствующей (56.915 чел.) и резерва (29.439 чел.). Въ 1896 г. составъ войска по штатамъ мирнаго времени: 7.000 чел. Солдатамъ вмѣнено въ обязанность, по крайней мѣрѣ оффиціально, посѣщать вечернія школы, но въ общемъ ихъ содержатъ довольно плохо. Съ 1871 г. тѣлесныя наказанія отмѣнены, и законъ воспрещаетъ офицерамъ наказывать солдатъ «полевыми колодками»: наказаніе это состояло въ томъ, что виновнаго сажали на корточки и просовывали ему ружье между поджилками и локтями, сковывая такимъ образомъ его члены, а затѣмъ принимались катать его по землѣ, какъ неодушевленную массу [1]).

Главный источникъ государственныхъ доходовъ составляютъ таможенныя пошлины, которыя налагаются чуть не на всѣ иностранные товары, получаемые изъ прочихъ странъ, кромѣ республикъ Центральной Америки; налоги съ фабрикаціи и продажи спиртныхъ напитковъ приносятъ наиболѣе крупный доходъ среди второстепенныхъ налоговъ; затѣмъ слѣдуетъ 0,3 проц. сборъ, который получается съ недвижимаго имущества, превосходящаго стоимостью 1.000 піастровъ, и различные другіе налоги. Кромѣ монополіи питей, правительство сохранило за собой монополію пороха и селитры; но культура табаку и торговля имъ, нѣкогда составлявшія монополію правительства, въ настоящее время снова сдѣлались свободными промыслами. Что касается

[1]) César и Marsel Daly, рукописныя замѣтки.

[2]) Karl von Scherzer, „Natur und Völkerleben im tropischen America".

[1]) Otto Stoll, „Guatemala".

расходовъ, то главная часть ихъ поглощается военнымъ бюджетомъ; на народное образованіе, по бюджету 1897—98 г., было назначено полтора милліона песо (pesos). Въ 1898 г. національный долгъ равнялся 133.250.000 франковъ.

Бюджетъ фискальнаго 1898—1899 года: Доходы: около 50.000.000 франковъ; расходы: около 69.000.000 франковъ. Болѣе половины долга находится въ рукахъ англійскихъ кредиторовъ.

Слѣдующая таблица даетъ имена 23 департаментовъ республики, расположенныхъ по порядку важности, съ ихъ пространствомъ, населеніемъ въ 1889 г. и главными городами.

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	Пространство, квадратныхъ километровъ.	Населеніе къ 1-му января 1889 г., жителей.	Километрич. плотность населенія.	ГЛАВНЫЕ ГОРОДА.	[illegible]
Тотоникапамъ	1.430	158.419	110,8	Тотоникапамъ (1893 г.)	25.000
Гватемала	2.410	141.701	59,8	Гватемала (1893 г.)	72.000
Геугуетенанго	14.740	133.173	9,0	Гуегуетенанго	5.000
Альта-Вера-Пацъ	17.200	107.403	6,2	Кобанъ (1893 г.)	24.000
Кезалтенанго	2.480	104.800	42,3	Кезалтенанго (1893 г.)	22.000
Санъ-Маркосъ	5.170	90.323	17,4	Санъ-Маркосъ	3.000
Квиче	4.450	87.929	19,7	С.-а Круцъ-Квиче	[illegible]
Солола	1.790	83.804	46,8	Солола	[illegible]
Чиквимула	3.560	64.733	18,2	Чиквимула	[illegible]
Чималтенанго	2.150	59.335	27,6	Чималтенанго	[illegible]
Байя-Вера-Пацъ	5.320	49.822	9,3	Салама	[illegible]
Жутіапа	4.050	48.461	11,9	Жутіапа	[illegible]
Закапа	3.500	43.045	12,3	Закапа	[illegible]
Сакатепекесъ	790	42.852	54,2	Ла-Антигуа	[illegible]
Санта-Роза	2.900	37.499	12,9	Санта-Роза	[illegible]
Сучитепекесъ	2.570	36.182	14,1	Мазатенанго	4.000
Аматитланъ	1.200	35 626	29,8	Аматитланъ	[illegible]
Хлапа	2.980	35.020	11,7	Хлапа	4.500
Эсквинтла	6.060	30 973	5,1	Эсквинтла	5.500
Реталхулеу	1.750	24.431	14,0	Реталхулеу	[illegible]
Петенъ	23.600	8.480	0,3	Ла-Либертадъ Саклюкъ)	600
Изабаль	6.600	5.105	0,5	Изабаль	[illegible]
Ливингстонъ	4 380			Ливингстонъ	[illegible]
	121.140	1.429.116			

По даннымъ 1898 г., пространство: 125.100 кв. килом.; народонаселеніе: 1.535.632 жит.

III. Сальвадоръ.

Сальвадоръ—самая маленькая изъ республикъ Центральной Америки, но зато она гораздо богаче и населеннѣе другихъ относительно занимаемаго пространства, которое составляетъ всего лишь 21.070 квадратныхъ километровъ, т. е. равно почти тремъ французскимъ департаментамъ; Сальвадоръ меньше даже Британскаго Гондураса, зато населеніе его почти въ двадцать четыре раза многочисленнѣе. Кромѣ того, Сальвадоръ, въ сравненіи, напримѣръ, съ Гватемалой, пользуется огромнымъ преимуществомъ—однородностью своего населенія, которое въ недавней войнѣ сумѣло выдержать борьбу безъ большаго для себя ущерба. Индѣйцы здѣсь болѣе ассимилированы съ цивилизованными ладиносами, и поэтому нѣтъ причинъ опасаться, что междоусобія когда-нибудь обратятся въ этой странѣ въ расовыя войны.

Сальвадоръ представляетъ собою довольно узкій поясъ земли, четырехсторонней формы, расположенный вдоль Великаго океана и занимающій только часть южнаго склона средней цѣпи, другой, болѣе обширный склонъ которой принадлежитъ Гондурасу: средняя ширина Сальвадора на протяженіи съ сѣвера на югъ не превышаетъ 80 километровъ, при длинѣ почти въ 300 километровъ. Почти вся материковая окружность этой страны имѣетъ границы либо чисто условныя, либо обозначенныя только теченіемъ рѣкъ, оба берега которыхъ населены народомъ одного и того же племени. Со стороны, обращенной къ Гватемалѣ, линія раздѣла идетъ, какъ извѣстно, по теченію небольшой рѣки Паца, затѣмъ, обогнувъ вулканъ Чинго, пересѣкаетъ озеро Гуиха и наконецъ заворачиваетъ на востокъ, образуя границу съ южной частью Гондураса, идущую черезъ горы и долины. На этомъ незначительномъ пространствѣ этническія области столь же мало приняты во вниманіе, какъ и естественныя черты: линія раздѣла пересѣкаетъ территоріи пупулуковъ, пиплей и покомановъ. На сѣверѣ границей между двумя государствами избранъ не хребетъ сіерры, а рѣка Сумпуль, притокъ ріо-Лемпа, ниже мѣ-

ста слiянiя ея съ первой рѣкой и еще третья рѣка того же бассейна. Съ восточной стороны республику Сальвадоръ ограничиваетъ Гоаскоронъ, который оставляетъ ей лишь незначительную часть побережья, начиная съ бухты Фонсека.

Главная цѣпь горъ и цѣпь вулкановъ, раздвоившiяся уже въ Гватемалѣ, идутъ по направленiю къ востоку на значительномъ разстоянiи одна отъ другой. Первая изъ нихъ вздымаетъ всѣ свои пики въ Гондурасѣ; вторая же принадлежитъ цѣликомъ Сальвадору; впрочемъ, она имѣетъ крайне неправильное направленiе и состоитъ изъ различныхъ массивовъ, расположенныхъ на сѣверъ и на югъ отъ прямолинейнаго очага, откуда извергается пепелъ. Между формацiями этой страны преобладаютъ лавы, но многiя горы, которыя прежде были вулканами, теперь трудно узнать вслѣдствiе того, что кратеры ихъ изгладились и самые склоны совершенно покрыты сѣрой, бѣлой или желтоватой глиной, подобной той, которая покрываетъ горы Мексики и Гватемалы; эта глина происходитъ несомнѣнно отъ мелкой вулканической пыли, наносимой вѣтромъ и въ теченiе вѣковъ постепенно скопившейся. Почва равнинъ, надъ которыми возвышаются вулканическiе конусы, состоитъ до большой глубины изъ пепла и пемзы, поверхностный слой которыхъ, разлагаясь на воздухѣ, образуетъ замѣчательно плодородную растительную землю. Во всемъ свѣтѣ найдется немного странъ, которыя, по богатству самородной флоры и производительности культуры, могли бы сравниться съ Сальвадоромъ.

Въ восточной части Гватемалы главная цѣпь — крутыя горы Матапанъ (1.500 метровъ), которыя возвышаются на сѣверо-восточной сторонѣ озера Гуиха и кажутся издали неприступными. Тамъ нѣтъ вулканическихъ отверстiй. Дѣятельность внутреннихъ очаговъ проявляется только близъ морскаго побережья, значительно южнѣе непрерывной цѣпи горъ. Между городомъ Ахуачапамъ и деревней Санъ-Жуанъ-де-Дiосъ, лежащей отъ него въ тридцати километрахъ къ сѣверо-востоку, идетъ поперекъ оси вулкановъ цѣлый рядъ сальсъ (грязевыхъ вулкановъ) и фумароллъ. Во многихъ мѣстахъ эта расщелина выдѣляетъ цѣлыя массы газа, но самая замѣчательная группа сальсъ, извѣстныхъ въ странѣ подъ названiемъ *ausoles*, находится у самыхъ воротъ Ахуачапама, около большой дороги, соединяющей Гватемалу съ Санъ-Сальвадоромъ. Явленiя вулканическихъ выдѣленiй представляютъ здѣсь всевозможныя промежуточныя степени, начиная обыкновенной фумароллой и кончая горячимъ источникомъ. Въ одномъ мѣстѣ пары клубами вырываются изъ длинныхъ щелей; дальше—изъ открытыхъ разсѣлинъ въ порфировой скалѣ пробиваются струи источниковъ, которыя соединяются затѣмъ въ дымящiеся ручейки; въ иномъ мѣстѣ изъ отложенiй источниковъ образовались конусы въ одинъ или два метра высоты, откуда вода струится по склонамъ; нѣкоторые грязевые вулканы состоятъ изъ тѣстообразной массы и осѣдаютъ при малѣйшемъ давленiи; иные холмики—вязкiе; наконецъ, есть и совершенно твердыя горки. Въ долинахъ разсѣяны большiя озера грязи, клокочущей отъ дѣйствiя паровъ. Глина, отлагаемая аусолесами, окрашена во всевозможные цвѣта — бѣлый, зеленый, желтый или красный: причина этого кроется, очевидно, въ измѣненiи желѣзистыхъ скалъ, гдѣ есть примѣсь квасцовъ и сѣры [1]): мѣстные жители добываютъ отсюда минеральныя краски [2]). Судя по описанiямъ прежнихъ путешественниковъ, Монтгомери, въ началѣ этого столѣтiя, и Стефенса, въ 1840 г., аусолесы много потеряли въ дѣятельности и температурѣ. Туземцы говорятъ, что въ десяти километрахъ на сѣверо-востокъ отъ Ахуачапама находится бывшая сальса, высотой около 40 метровъ, сплошь покрытая тонкимъ слоемъ бѣловатой глины и теперь уже не извергающая грязи изъ верхняго отверстiя.

Далѣе на востокъ, въ горномъ массивѣ встрѣчаются вершины, достигающiя 1.700 и даже 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Этотъ массивъ называютъ иногда Мадре-дель-Волканъ, или «Мать Вулкана», и жители Сонсонате, не располагая точными свѣдѣнiями, всѣ пики этого массива считаютъ настоящими вулканами; таковы — Апанека, Лаунита или Лагунита, Санъ-Хуанъ, Агвила, Наранжо и другiе. Дольфюсъ и Монъ-Серратъ, напротивъ, полагаютъ, что всѣ эти горы не вулканы въ тѣсномъ значенiи слова, а массы трахитоваго порфира, покрытыя желтой глиной и пепломъ, выброшеннымъ изъ отдаленныхъ вулкановъ; однако, вѣроятно, среди горъ, называемыхъ туземцами «вулканами», нѣкоторыя дѣйствительно заслуживаютъ этого наименованiя; таковъ, напримѣръ, вулканъ Санта-Ана (2.016 метровъ), объ изверженiяхъ котораго разсказывала легенда, если не исторiя, и который еще недавно снова обильно извергалъ пепелъ. Конечный кратеръ этой горы очень глубокъ, и еще ни одинъ путешественникъ не спускался въ него; въ сосѣдней впадинѣ, говорятъ, находится круглая лагуна, наполненная «уксусной водой». Величественный видъ вулкана Санта-Ана доставилъ ему у туземцевъ прозвище Ламатепекъ, т. е. «Вулканъ-Отецъ» [3]).

---

[1]) Dollfus и E. de Mont-Serrat, цитированное сочиненiе.

[2]) Brasseur de Bourbourg, „Le Mexique et l'Amérique Centrale".

[3]) David J. Guzman, „Apuntamientos sobre la topografia fisica del Salvador".

Въ томъ же массивѣ, гдѣ находится Санта-Ана, существуетъ еще болѣе знаменитая гора, хотя и меньшей высоты, это—вулканъ Изалько, родившійся, какъ и мексиканскій Хорульо, уже послѣ прибытія испанцевъ въ Новый Свѣтъ: полученное имъ названіе происходитъ отъ деревни, лежащей въ двадцати километрахъ отъ него къ юго-западу. Въ началѣ XVII столѣтія, если не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возвышается теперь гора, то по крайней мѣрѣ по сосѣдству, около Сонсонате, существовали фумароллы и грязевые вулканы, подобные ausoles Ахуачапама; но, кажется, эти «адскія пасти», о которыхъ говоритъ Гажъ [1]), закрылись впослѣдствіи.

Въ 1769 г. у подошвы горы Санта-Ана, разстилалась саванна, на которой пасся скотъ. Страшные подземные раскаты, сильныя сотрясенія и изверженія паровъ обратили въ бѣгство тѣхъ немногихъ жителей, которые ютились въ окрестностяхъ. 23-го февраля 1770 г. земля неожиданно разверзлась, и оттуда въ изобиліи хлынула лава. Вулканъ началъ высовываться изъ своей трещины, и съ того времени онъ постоянно росъ. Первыя изверженія были почти единственными, когда выбрасывался расплавленный камень: съ того времени вулканъ Изалько извергалъ только пепелъ. Прежде изверженія пара и мелкихъ каменьевъ происходили почти безпрестанно, черезъ каждыя двѣ минуты, какъ говорятъ нѣкоторые путешественники. Самые большіе промежутки между ними были не болѣе четверти часа. По ночамъ моряки, проходившіе мимо Сонсонате, постоянно видѣли красные пары, клубившіеся надъ горой: отъ этого происходитъ названіе этого вулкана «Фаро-дель-Сальвадоръ». Но все-таки Изалько въ теченіе этого столѣтія иногда успокаивался: Дольфюсъ и Монъ-Серратъ могли подняться на него въ 1866 г., во время короткаго періода его отдохновенія. Они опредѣлили тогда его высоту надъ уровнемъ моря въ 1.825 метровъ, изъ которыхъ около 400 метровъ приходились надъ *malpais* его основанія: они констатировали, что верхняя часть вулкана содержитъ три кратера, изъ которыхъ одинъ оканчивается вертикальнымъ колодцемъ, откуда со свистомъ и грохотомъ вырывались столбы дыма: тысячи сѣрныхъ фонтановъ били изъ вершины горы. Конусъ Изалько, постоянно выравниваемый мелкимъ пепломъ, скатывающимся по его склонамъ, поражаетъ своею замѣчательно правильною формою, «словно выточенный». Ни одна былинка не зеленѣетъ на его поверхности; на однообразно буромъ или красноватомъ колоритѣ только кое-гдѣ рѣзкимъ контрастомъ выступаютъ бѣловатыя пятна квасцовъ [2]).

[1]) „Nouvelle Relation des Indes Occidentales“.
[2]) A. Dollfus и E. de Mont-Serrat, цитиров. сочиненіе.

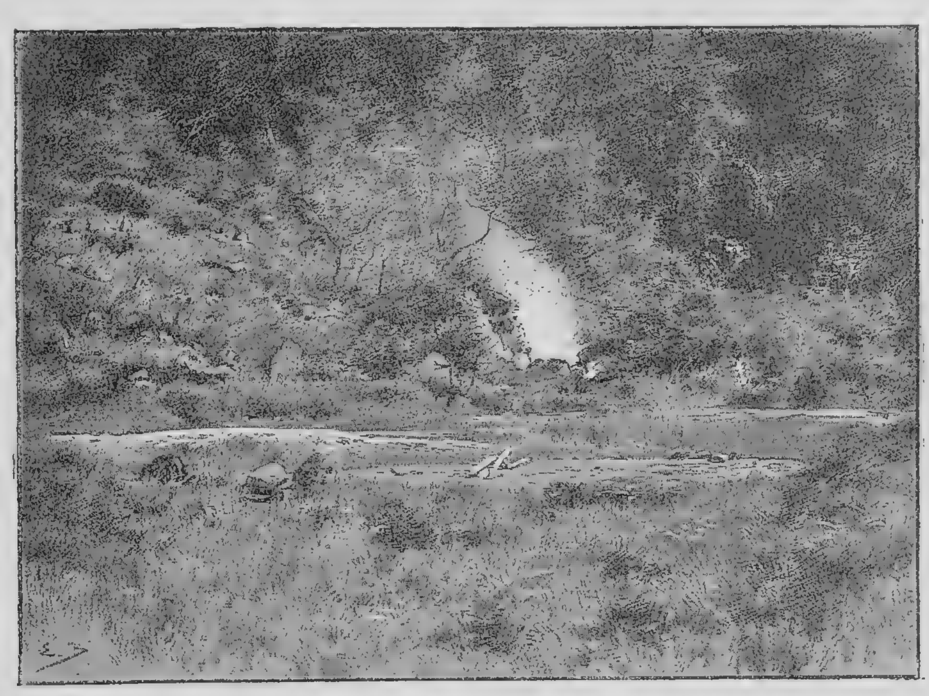
Вулканъ Санъ-Сальвадовъ, возвышающійся въ двѣнадцати километрахъ на сѣверъ отъ столицы, достигаетъ 1.879 метровъ и находится въ состояніи покоя, повидимому, съ очень давняго времени, еще до эпохи завоеванія. Если смотрѣть на него издали, то онъ не имѣетъ опредѣленнаго рельефа вулканическаго конуса. Это продолговатый массивъ съ неправильнымъ основаніемъ, покрытый лѣсомъ почти до самой вершины. Но въ самой верхней его части открывается обширный кратеръ почти круглой формы, который называютъ *boqueron*; въ нѣдрахъ его находится глубокое озеро съ зеленою и прозрачною водой: это громадное круглое углубленіе, имѣющее около 5 километровъ въ окружности и 200 метровъ глубины. На склонахъ горы находится аусоль, откуда постоянно вылетаютъ пары, а у сѣвернаго основанія виднѣются нѣсколько придаточныхъ конусовъ, изъ которыхъ одинъ, вулканъ Кезалтепеке, имѣлъ небольшое изверженіе въ началѣ этого столѣтія. У подошвы вулкана бьютъ горячіе ключи, при чемъ выдѣляется масса угольной кислоты: иногда даже приходилось прерывать полевыя работы вслѣдствіе удушливыхъ газовъ, выходящихъ изъ почвы. Наконецъ, среди холмовъ съ кратерами находится, въ 12 километрахъ на западъ отъ столицы, пропасть, называемая Хойя, или «Ро[illegible]», прежнее вулканическое жерло, открывающееся въ уровень съ землей чрезъ толстые пласты вулканическаго песку: на днѣ этого потухшаго кратера прежде находилось озеро Кускатланъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно опорожнилось, и теперь на мѣстѣ прежнихъ водъ раскинулись сахарныя плантаціи.

Такимъ образомъ внѣшнія проявленія вулканической дѣятельности не имѣли большаго значенія въ области, центръ которой занимаетъ Санъ-Сальвадоръ; но сотрясенія почвы случались здѣсь часто, и при томъ въ ужасной формѣ: въ этомъ отношеніи найдется немного странъ въ цѣломъ свѣтѣ, которыя бы подвергались такимъ сильнымъ землетрясеніямъ. Названіе Кускатланъ, относящееся также къ лагунѣ и къ окрестной равнинѣ, а на туземномъ нарѣчіи даже и къ самому городу, вмѣстѣ съ нѣсколькими деревнями, напоминаетъ о многочисленныхъ колебаніяхъ земной поверхности: это нахуатльское слово, по объясненію нѣкоторыхъ этимологовъ, значитъ «Долина Гамаковъ» [1]). Опаснымъ землетрясеніямъ способствуетъ особое свойство почвы, на которой построенъ городъ Санъ-Сальвадоръ: эта почва, состоящая изъ бѣловатаго туфа, образовавшагося изъ разложившейся пемзы, очень легкая и подвижная, такъ сказать, «плавучая» въ углубленіяхъ твердой коры, не составляю-

[1]) Страна „Драгоцѣнностей“ или „Богатствъ“, по Сквайру.

щей съ нею одного цѣлаго; при подземныхъ сотрясеніяхъ слои пепла и всѣ постройки, стоящія на землѣ, подбрасываются кверху, вмѣсто того, чтобы колебаться вмѣстѣ съ глубокими, болѣе или менѣе упругими, слоями почвы [1]). Впродолженіи трехъ послѣднихъ вѣковъ Санъ-Сальвадоръ разрушался не менѣе семи разъ, и семь разъ его снова отстраивали на томъ же самомъ мѣстѣ, среди плодородныхъ земель, приносящихъ обильный урожай. Катастрофа 1854 г., разразившаяся совершенно неожиданно, погребла массу жертвъ; землетрясеніе 1873 года, еще болѣе сильное и разрушительное для города, по крайней мѣрѣ предвѣщалось подземнымъ гуломъ и предварительными колебаніями почвы, что заставило принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, такъ что когда почувствовался сильный толчокъ, все населеніе, и здоровые и больные, были уже на площадяхъ и ожидали тамъ катастрофы. Ночь была очень темная, и только при свѣтѣ пожара, пожиравшаго нагроможденныя груды развалинъ, жители могли понять всю безмѣрность постигшаго ихъ бѣдствія.

Землетрясеніе, разрушившее столицу, главнымъ центромъ колебаній имѣло озеро Илопанго или Апуло, глубокій резервуаръ воды, лежащій въ десяти километрахъ на востокъ отъ Санъ-Сальвадора, на высотѣ 483 метровъ надъ уровнемъ моря, и окруженный крутыми стѣнами утесовъ. Это озеро, поверхность котораго составляетъ около 60 квадратныхъ километровъ, нѣсколько разъ мѣняло свой уровень, и туземцы приписывали эти движенія «чудовищу» или «сиренѣ», живущей въ глубинѣ озера. Во время землетрясенія и сильнаго волненія воды, въ жертву озеру приносили цвѣты и плоды, а потомъ, если грозныя явленія все-таки не прекращались, въ него, въ минуты наибольшей опасности, бросали живыхъ животныхъ и даже дѣтей. Въ серединѣ XVIII столѣтія это озеро было значительно ниже; но, вслѣдствіе спалзыванія почвы, ручей, выходящій съ восточной стороны озера и впадающій по глубокому оврагу въ рѣку Жибоа, притокъ Великаго океана, встрѣтилъ преграду, и вслѣдствіе обратнаго теченія его въ бассейнъ значительно повысился уровень озера. Во время землетрясенія въ 1873 г. озеро страшно волновалось и поднялось почти на цѣлый метръ выше обыкновеннаго уровня: мѣстами оно клокотало, и изъ глубины его исходилъ ревъ. Въ 1879 г. это волненіе возобновилось, сопровождаемое изверженіемъ паровъ; вода въ озерѣ стала быстро подыматься и достигла 1,22м выше прежняго уровня; затѣмъ вдругъ, вышедши изъ береговъ, воды съ страшной силой ринулись черезъ выходной порогъ, быстро прорыли себѣ канаву, и озеро стало убывать. Въ теченіе трехъ часовъ уровень его опустился на 2,50м; въ 54 дня общее пониженіе уровня достигло 10,49м, а объемъ вылившейся воды превышалъ 635 мил-

Грязевой вулканъ въ Ахуачапамѣ.

[1]) Poulett Scrope;—Dollfus и de Mont-Serrat, и т. д.

*

ліоновъ кубическихъ метровъ [1]): въ одну секунду потокъ несъ 1.277 метровъ воды, т. е. болѣе, чѣмъ Гаронна или Луара. Послѣ этого пониженія озернаго бассейна вновь обнажились стволы деревьевъ, покрытые толстымъ слоемъ известняка, который въ предшествующую эпоху осаждался на берегу; маленькіе островки, прежде отдаленные отъ берега, теперь соединились съ нимъ и образовали мысы. При самомъ сильномъ пониженіи уровня озеро опустилось до 35 метровъ [2]). Послѣ зловонныхъ изверженій газа, поднимавшихся изъ глубины воды, послѣдовали изверженія лавы, и надъ кипящею поверхностью озера постепенно возникали цѣлые островки изъ лавы и пепла; въ концѣ концовъ остался только одинъ холмъ твердой лавы, возвышающійся на 50 метровъ; въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этою скалою лотъ показалъ глубину въ 209 метровъ. Во время эруптивнаго періода геологъ Гудиръ насчиталъ не менѣе 440 сильныхъ сотрясеній. Говорятъ, что прежде въ озерѣ Илопанго, «опустошенномъ чудовищемъ», совсѣмъ не было рыбы, но колонисты быстро развели ее тамъ. Во время нарожденія островнаго вулкана отъ сѣрныхъ газовъ и слишкомъ высокой температуры погибли милліоны органическихъ существъ, которыя потомъ отложились на потопленныхъ берегахъ: чтобы предохранить мѣстность отъ чумной заразы, пришлось отрядить цѣлыя сотни рабочихъ для закапыванія въ землю этой массы разлагающихся организмовъ. Когда озеро начало высыхать, рыбаки предались полному отчаянію и, стоя на берегу, оглашали воздухъ стенаніями: «останься, наша кормилица, не покидай насъ [3])!»

Къ сѣверо-востоку отъ озера Илопанго высятся контрфорсы вулкана Кожутепека (1.035 метровъ), который въ историческую эпоху не имѣлъ изверженій, но на которомъ еще виденъ небольшой правильный кратеръ. Еще дальше стоитъ другой вулканъ, самый высокій во всемъ Сальвадорѣ (2.400 метровъ), который туземцы называли Чичонтепекъ, т. е. «Гора о двухъ пикахъ», а испанцы—Санъ-Висенте. Эта гора находится въ бездѣйствіи, и лѣсная растительность покрыла ея склоны до самой вершины: подобно гватемальскому вулкану Агуа, на вершинѣ Санъ-Висенте находилось озеро, которое, вслѣдствіе сильныхъ и продолжительныхъ ливней, пробило одну изъ своихъ стѣнъ и разлилось по равнинѣ, прорывъ овраги въ склонахъ горы; счастье еще, что городъ Санъ-Висенте не стоялъ на этомъ пути разлитія грязной лавины. Съ вершины горы можно созерцать прекраснѣйшую во всемъ Сальвадорѣ панораму, обнимающую озеро Илопанго, богато культивированные склоны, спускающіеся къ побережью Великаго океана, и глубокую долину ріо-Лемпа. У основанія вулкана, съ сѣверо-восточной его стороны, находится оврагъ почти съ вертикальными стѣнами, заключающій въ себѣ горячіе и минеральные ключи, которые съ пронзительнымъ шумомъ выбрасываютъ пары: это—*infiernillos*, или «маленькіе ады», какихъ немало въ Центральной Америкѣ.

Ровъ, по дну котораго протекаетъ ріо-Лемпа, спускающаяся къ Великому океану, прерываетъ цѣпь вулкановъ и рядъ высотъ, который тянется параллельно берегу океана. Вулканическая цѣпь возстановляется съ другой стороны долины вулканомъ Текапа, въ кратерѣ котораго, какъ говорятъ туземцы, находится довольно обширная лагуна, воды которой «въ одной сторонѣ холодныя, а въ другой—теплыя». Дальше идутъ горы Усулутанъ, образовавшіяся также изъ лавы, и четыре вершины Чинамека (1.500 метровъ). Подобно Санъ-Висенте, Текапѣ и Усулутану, Чинамека давно ужъ не имѣлъ изверженій, и его обширный кратеръ, въ 1.500 метровъ въ окружности, теперь совершенно закрытъ; но въ 2-хъ километрахъ отъ большаго мѣстечка Чинамека, пріютившагося у подножія горы, сѣрные газы со свистомъ извергаются изъ *hervedor*, *boqueron* и другихъ менѣе значительныхъ расщелинъ; надъ горными трещинами постоянно клубятся густыя облака пара.

Санъ-Мигуэль, одинъ изъ самыхъ высокихъ пиковъ Сальвадора (2.153 метра), есть въ то же время и одинъ изъ самыхъ величественныхъ: его изолированность, обширность основанія, крутизна склоновъ, правильное усѣченіе верхняго конуса,—все это дѣлаетъ его горой, не имѣющей соперниковъ; съ вершины его открывается прекраснѣйшій горизонтъ: вокругъ разстилается громадный поясъ низменностей, море, долины ріо-Лемпа и ея притоковъ, а дальше ровъ, по которому струится ріо-Санъ-Мигуэль, и бухта Фонсека, развѣтвляющаяся на второстепенные заливы. Вулканъ дѣйствовалъ нѣсколько разъ въ теченіе исторической эпохи: въ 1844 г. четырнадцать жерлъ, зіяющихъ на полусклонѣ, извергли цѣлыя рѣки лавы, растекшіяся по всѣмъ направленіямъ, а одно изъ нихъ, находящееся на сѣверномъ склонѣ, выбросило громадный потокъ, который направился къ городу Санъ-Мигуэль, расположенному въ пятнадцати километрахъ на сѣверо-востокъ, и остановился лишь у порога первыхъ хижинъ предмѣстья. Кратеръ вулкана, одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ Центральной Америкѣ, имѣетъ три километра въ окружности и 150 метровъ глубины; но главный очагъ газовыхъ изверженій часто мѣняетъ мѣсто и образуетъ второстепен-

[1]) Ortega Rockstroh, „Informe de la Comision cientifica del Instituto nacional de Guatemala“.
[2]) David J. Guzman, цитированное сочиненіе.
[3]) Ortega Rockstroh, цитированное сочиненіе.

ные кратеры, надъ которыми пары вьются бѣлыми клубами: невозможно спуститься въ эту равнину фумароллъ, наполненную удушливымъ воздухомъ. Изъ всѣхъ вулкановъ области Перешейковъ Санъ-Мигуэль отличается наибольшею эруптивною дѣятельностью: по всѣмъ окрестностямъ горы расползлись красные или черные потоки лавы, похожіе на гигантскихъ змѣй.

Разстилающаяся къ востоку отъ Санъ-Мигуэля и рѣки того же названія равнина проявляетъ еще кое-какіе слѣды вулканической дѣятельности въ формѣ ausoles или озеръ, изъ которыхъ извергаются сѣрные газы; но цѣпь оканчивается у самой бухты Фонсека вулканомъ съ двойной вершиной, подошва котораго выдвигается мысомъ въ воду: это—вулканъ Кончагуа, частью покрытый лѣсомъ, отчего самой высокой его оконечности (1.236 метровъ) и дано названіе Серро-дель-Окоте, или «Сосновая Гора». Склоны вулкана настолько отлоги, что по нимъ можно подниматься на лошади. Главный кратеръ, неопредѣленной формы, повидимому, заключалъ въ себѣ прежде озеро, которое вылилось, вѣроятно, вслѣдствіе землетрясенія. Кончагуа считался совершенно потухшей горой, какъ вдругъ, въ 1868 г., на его склонѣ разверзлась трещина, что сопровождалось сильными сотрясеніями, изверженіями пара и лавинами обвалившихся скалъ. Кончагуа принадлежитъ, слѣдовательно, къ числу дѣйствующихъ вулкановъ,—пятый въ Сальвадорѣ,—къ которымъ слѣдуетъ причислить также и аусолесы, разсѣянные въ равнинахъ среди огнедышащихъ горъ.

Груды лавы, отлагавшіяся параллельно берегу Великаго океана, способствовали, конечно, измѣненію гидрографіи этой страны, загораживая русла рѣкъ и принуждая ихъ такимъ образомъ или прорывать себѣ новыя долины, или разливаться въ обширные озерные бассейны. Цѣпь вулкановъ съ промежуточными порогами сдѣлалась линіей водораздѣла: со стороны моря текутъ быстрые потоки, которые лѣтомъ или совсѣмъ высыхаютъ, или по крайней мѣрѣ сильно мелѣютъ; рѣки, протекающія съ другой стороны, по болѣе длинному склону, соединяются между собою и сливаются въ одну большую рѣку—Лемпа, текущую параллельно оси вулкановъ и главной горной цѣпи Гондураса. Лемпа, одна изъ главныхъ рѣкъ Центральной Америки, беретъ свое начало на Гватемальской территоріи, образуясь изъ нѣсколькихъ ручьевъ, изъ которыхъ одинъ вытекаетъ близъ Эсквипуласа, прославленнаго какъ мѣсто паломничества: благоговѣйное чувство, которое народы всегда испытывали къ раздѣльнымъ порогамъ между текущими водами, заставило смотрѣть на это мѣсто какъ на святое. Вначалѣ ріо-Лемпа течетъ по направленію къ юго-востоку по глубокому рву, прорытому водами въ толстомъ слоѣ лавы, и входитъ въ предѣлы Сальвадора, гдѣ она принимаетъ въ себя desagüe, или «истокъ» большаго озера Гунжа, питаемаго водами рѣки Остуа и другихъ многочисленныхъ рѣчекъ, сбѣгающихъ съ амфитеатра окрестныхъ горъ. Озеро Гунжа, лежащее на высотѣ почти 600 метровъ, представляетъ собою, по всей вѣроятности, одинъ изъ тѣхъ бассейновъ, которые образовались вслѣдствіе загражденія прямаго стока къ морю глыбами лавы и грудами пепла. Это—очень глубокій резервуаръ; въ центрѣ своемъ онъ имѣетъ, по изслѣдованіямъ Гусмана, 84 метра глубины.

Ниже слiянія, долина Лемпы продолжаетъ слѣдовать параллельно морю, и справа и слѣва принимаетъ въ себя ручьи, выходящіе съ двухъ горныхъ цѣпей; главный притокъ ея, Сумпулъ, вытекаетъ изъ продольной долины, доминируемой съ сѣвера горами Гондураса. На встрѣчу ріо-Лемпа течетъ другая рѣка, Торола, долина которой составляетъ восточное продолженіе Лемпы, и обѣ эти рѣки, соединившись въ одну, открываютъ себѣ выходъ черезъ плоскогорья, на которыхъ тянется цѣпь вулкановъ. У Ла-Барки, мѣста переправы, гдѣ проходитъ главная дорога Сальвадора, эта рѣка, удаленная еще отъ океана на 60 километровъ, на высотѣ нѣсколькихъ метровъ надъ уровнемъ моря, катитъ свои желтыя воды, имѣющія въ сухое время года три метра глубины. Во время половодья глубина достигаетъ 6 и даже 8 метровъ; но у самаго устья рѣка загромождена «непроходимымъ» баромъ, гдѣ толщина слоя воды не превышаетъ двухъ метровъ. Эта могучая рѣка, длина которой опредѣляется въ 300 километровъ, съ площадью бассейна въ 14.700 квадратныхъ километровъ и съ расходомъ воды, по различному опредѣленію, отъ 496 до 714 кубическихъ метровъ въ секунду [1]), все-таки недоступна для морскаго судоходства; но рѣчные пароходы могутъ ходить по Лемпѣ во всей нижней части ея теченія за крутымъ поворотомъ русла къ югу. Нижнее теченіе Лемпы можно было бы соединить съ ея боковыми рукавами, окаймляющими берегъ, на востокѣ—съ Жикилиско, на западѣ—съ Жалтепекомъ, и пріобрѣсти такимъ образомъ новую линію судоходства, вполнѣ защищенную прибрежнымъ валомъ отъ морскаго волненія. Рѣка Санъ-Мигуэль, которая течетъ на востокѣ и своей глубокой долиной пересѣкаетъ заднюю часть плоскогорья съ расположенными на немъ вулканами, могла бы тоже сообщаться съ Лемпой черезъ лиманъ рукава Жикилиско.

Въ своей совокупности океанскій берегъ Сальвадора гораздо выше, чѣмъ въ Гватемалѣ, если не считать дельту Лемпы, съ ея двумя

[1]) Max von Sonnenstern;—E. G. Squier, „Notes on Centrale America";—John Power, „Journal of the R. Geographical Society", 1858.

рукавами, Жикилиско и Жалтепекомъ. На востокѣ, со стороны бухты Фонсека, берегъ поднимается красноватыми утесами, изрытыми у основанія пещерами. На западѣ, коста-дель-Бальзамо, или «Бальзамическій берегъ», лежащій между Либертадомъ и Акажутлой, представляетъ собою рядъ скалистыхъ мысовъ и отвѣсныхъ утесовъ, раздѣленныхъ бухточками, съ плоскимъ песчанымъ берегомъ. Тамъ и сямъ, тотчасъ надъ самымъ моремъ, поднимаются лѣсистые склоны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ береговыя террасы покрыты *sacate*, т. е. высокой, густой травой, луга которой въ сухое время года кажутся издали созрѣвшими хлѣбными полями. Передъ наступленіемъ дождливаго времени года, эту траву обыкновенно сжигаютъ, и красная земля принимаетъ тогда видъ вулканической скалы; но послѣ первыхъ же грозъ она принимаетъ блѣдно-зеленый колоритъ, вродѣ того, какой имѣютъ поля съ молодыми побѣгами сахарнаго тростника [1]). Сальвадорскій берегъ, подобно гватемальскому, неоднократно подвергался перемѣнамъ въ относительномъ уровнѣ земли и моря: современныя раковистыя банки, находящіяся въ настоящее время въ нѣкоторомъ разстояніи отъ океана, доказываютъ, что или берегъ Сальвадора сталъ выше, или уровень моря понизился.

Пересѣкаемый съ запада на востокъ 14 градусомъ широты и наклоненный съ сѣвера на югъ къ полуденному солнцу, Сальвадоръ, подобно Южной Гватемалѣ, которой онъ служитъ восточнымъ продолженіемъ, представляетъ собою страну съ очень высокой температурой въ сосѣдствѣ морскаго берега: несмотря на освѣжающія бризы, дующія съ моря, порты его находятся подъ изотермами 26—28 градусовъ по стоградусному термометру. Но береговая область населена всего слабѣе: населеніе группируется въ высокомъ поясѣ, гдѣ находятся вулканы и плодородныя долины; въ этой-то зонѣ, которая лежитъ на высотѣ между 500 и 1.000 метровъ надъ уровнемъ моря, и находится большая часть городовъ, гдѣ сосредоточивается почти вся торговля республики. Средняя температура этой области отъ 21 до 26 градусовъ въ различныхъ городахъ. Далѣе на сѣверъ, въ низкой долинѣ, орошаемой рѣкою Лемпа, куда не проникаютъ свѣжія морскія бризы, климатъ болѣе жаркій и менѣе здоровый, но и населеніе тамъ довольно рѣдкое. Что касается дождей, то количество ихъ значительнѣе на наружномъ склонѣ горъ, идущихъ вдоль берега Великаго океана,— тамъ дожди начинаются съ середины мая, по мѣрѣ того, какъ солнце приближается къ сѣверному тропику; но «облачный» мѣсяцъ проходитъ, и въ концѣ іюня сальвадорцы наслаждаются обыкновенно нѣсколькими прекрасными днями, которые они называютъ *veranillo de San-Juan* (Иванова весна). Затѣмъ дожди возобновляются и продолжаются до сентября, приносимые всегда южными вѣтрами, извѣстными подъ названіемъ *vendavales* или «низовыхъ вѣтровъ»; иногда они сопровождаются бурями, даже циклонами, которые называются здѣсь *chubascos*. Въ сухой сезонъ, когда дуютъ сѣверные вѣтры, т. е. пассаты, болѣе или менѣе уклонившіеся отъ своего нормальнаго теченія, бури разражаются также и на морскомъ прибрежьѣ, главнымъ образомъ въ февралѣ и мартѣ: это такъ называемыя *terrales*, которыхъ очень боятся рыбаки [1]).

Растительныя и животныя породы Сальвадора ничѣмъ не отличаются отъ флоры и фауны Гватемалы; но среди растеній есть мало такихъ, предѣлы большой производительности которыхъ довольно ограничены. Таково, напримѣръ, Сальвадорское бальзамное дерево (myrospermum salvatorense), отъ котораго получила свое названіе одна часть побережья между Акажутлой и Либертадомъ, и эксудатъ котораго прежде назывался «перувіанскимъ бальзамомъ», потому что во времена колоніальнаго режима его отправляли сначала въ Каллао, а затѣмъ уже въ Испанію. Сальвадоръ особенно богатъ лѣкарственными растеніями и камедными деревьями; но, какъ и въ сосѣднихъ странахъ, земледѣльцы предпочитаютъ заниматься культурою кормовыхъ и промышленныхъ растеній. Въ послѣднее время въ Сальвадорѣ бывали случаи нашествія саранчи.

Пипиль, т. е. ацтеки, распространившіеся въ одной части Гватемалы и сохранившіеся до нашего времени въ видѣ отдѣльной націи, занимали также Западный Сальвадоръ, въ эпоху, когда явились испанцы-завоеватели, какъ о томъ свидѣтельствуютъ названія мѣстностей; центръ ихъ могущества находился въ Сучитото, т. е. въ мѣстности, лежащей къ сѣверу отъ нынѣшней столицы республики. Берналь-Діацъ-дель-Кастильо, которому пришлось видѣть кускатланскихъ нахуа, говоритъ, что ихъ соціальный, религіозный и политическій бытъ совершенно таковъ, какъ у мексиканцевъ. У нихъ были храмы, гдѣ они поклонялись солнцу; приносились также и человѣческія жертвы, которыя выбирались преимущественно среди дѣтей; жрецы вырывали сердце изъ трепещущей еще груди и кровью кропили на всѣ четыре стороны свѣта; время отъ времени дѣлались воинственные набѣги, чтобы забирать плѣнныхъ, которыхъ и приносили въ жертву богамъ. Съ сѣверной и восточной сторонъ границей ихъ территоріи служила ріо-Лемпа; впо-

[1]) A. Pailhès, „Instructions nautiques sur les côtes ouest du Centre-Amerique et du Mexique".

[1]) David J. Guzman, цитиров. сочиненіе

слѣдствіи эта же рѣка долго задерживала испанцевъ, которые въ 1524 г. завоевали Кускатланъ и больше всего заботились о порабощеніи населенія. Предводителя индѣйцевъ хонталесовъ, который оказалъ самое энергичное сопротивленіе завоевателямъ, звали Лемпира; его именемъ, въ сокращенной формѣ, назвали и рѣку, на берегахъ которой жилъ этотъ касикъ.

Четырехстороннее пространство, ограниченное съ сѣвера рѣкою Лемпа, а съ юга океаномъ, напередъ принадлежало побѣдителю, который бы занялъ центральную позицію Кускатлана Оттого индѣйцы пипиль, владѣвшіе этой территоріей, были въ нѣсколько лѣтъ низведены до положенія крѣпостныхъ или даже заклеймены, какъ рабы. Во все продолженіе испанскаго режима они оставались тѣмъ, чѣмъ были ихъ мексиканскіе собратія, т. е. толпой «неразумныхъ людей»; но какъ и въ Мексикѣ, они понемногу ассимилировали себѣ своихъ господъ чрезъ скрещиванія. Когда, въ 1821 г., была провозглашена независимость Гватемалы, часть которой составлялъ Сальвадоръ, то число сальвадорскихъ метисовъ уже значительно превосходило число бѣлыхъ: населеніе превратилось въ «ладиносовъ». Четыре пятыхъ всѣхъ жителей Сальвадора, благодаря смѣшенію, принадлежатъ одновременно къ двумъ расамъ. Тѣмъ не менѣе все-таки есть еще группа индѣйцевъ, если и не совершенно чистокровныхъ, то во всякомъ случаѣ достаточно самобытныхъ, чтобы составить отдѣльныя общины. Такими можно считать пипилей Изалько, которые говорятъ еще на древне-мексиканскомъ нарѣчіи, и еще нѣсколько группъ индѣйцевъ, деревни которыхъ разсѣяны по южному склону вулкана Санъ-Висенте, и которые въ 1832 г. вели расовую войну съ бѣлыми и метисами[1]. Но менѣе всѣхъ подверглись вліянію испанской цивилизаціи и сумѣли сохранить свой языкъ и свои нравы жители Бальзамнаго берега, территорія которыхъ лежитъ къ югу отъ исторической дороги, идущей вдоль цѣпи вулкановъ, которою слѣдовали переселенцы, завоеватели и паломники.

Эти индѣйцы строили обыкновенно свои деревни на террасахъ и вершинахъ холмовъ, которые образуютъ въ этомъ мѣстѣ побережья отдѣльный массивъ; ихъ жилища представляютъ собою низкія хижины, крытыя пальмовыми листьями, или сокате, а единственными дорогами въ этомъ мѣстѣ служатъ узкія тропинки. Они сѣютъ кукурузу, но ограничиваются засѣваніемъ незначительнаго пространства земли, такъ чтобы урожая хватило лишь для годоваго прокормленія; кромѣ того, они собираютъ плоды бальзамнаго дерева и продаютъ ихъ въ портахъ; деньги, полученныя

[1]) E. G. Squier, цитированное сочиненіе.

отъ продажи, они употребляютъ на украшенія своихъ церквей и на шумныя празднества въ честь своихъ святыхъ, такъ какъ, продолжая оставаться язычниками, они въ то же время сдѣлались католиками. Суровые и молчаливые, они на первый взглядъ кажутся не столь развитыми, какъ индѣйцы киче или какчиквелы, что объясняется, по всей вѣроятности, крайнею сдержанностью ихъ въ отношеніи иностранцевъ. Съ физической стороны они также отличаются отъ своихъ гватемальскихъ сосѣдей: они немного смуглѣе, а женщины ихъ гораздо меньше ростомъ. Браки рѣшаются всегда родителями и заключаются въ очень ранней молодости, между двѣнадцатью и четырнадцатью годами; первые годы новобрачные должны жить въ домѣ родителей мужа и работать въ ихъ пользу; нерѣдко можно встрѣтить семьи, состоящія изъ трехъ послѣдовательныхъ поколѣній, которыя всѣ живутъ подъ главенствомъ патріарха.

Будучи очень послушными, ацтеки Бальзамнаго берега повинуются своимъ *ahuales*, или старѣйшинамъ, которымъ отдаютъ всѣ свои сбереженія, идущія на устройство праздниковъ въ честь мѣстныхъ святыхъ. Ахуалесы собираются ночью, всегда при свѣтѣ священнаго огня, который зажигается въ углу комнаты и вѣроятно служитъ символомъ божественнаго пламени, озаряющаго людей во время ихъ совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, эти старики всячески воздерживаются отъ всякой, хотя бы малѣйшей оппозиціи центральному правительству: во время выборовъ они получаютъ приказы изъ Санъ-Сальвадора, сообразно которымъ и подаютъ свои голоса[1]). Однако, старые нравы постепенно измѣнились со времени наплыва иностранцевъ въ портовые города, постройки дорогъ и открытія школъ въ деревняхъ. Изданный въ 1882 г. законъ повелѣваетъ продажу *ejidos* и *comunidades*,—т. е. общинныхъ земель, которыя обрабатывались прежде на общую пользу всѣхъ жителей одной и той же общественной группы, и «справедливое» распредѣленіе ихъ между всѣми членами общины. Этими мѣрами надѣются ослабить авторитетъ касиковъ и развить индивидуальную инициативу у прежнихъ общественниковъ; но, съ другой стороны, можно опасаться, что болѣе легкое сконцентрированіе капиталовъ поведетъ за собою быструю скупку земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе пауперизма въ Сальвадорѣ, гдѣ еще недавно нищета была совершенно неизвѣстна.

Первый городъ, близъ Гватемальской границы,—Ахуачапанъ, прославившійся своими грязевыми вулканами: это, можетъ-быть, тотъ

[1]) E. G. Squier, цитированное сочиненіе.

самый городъ Паца или Пацако [1]), по имени котораго была названа рѣка Паца, избранная политической границей между двумя республиками, Гватемалой и Сальвадоромъ, и которую зачастую, по непроизвольной игрѣ словъ, называли ріо-де-ла-Пацъ, т. е. «рѣка Мира». Ахуачапанъ, какъ и нѣкоторые города,—Атиквисайя, Чалчуапа, Санта-Ана — лежитъ въ баснословно плодородной равнинѣ, гдѣ культивируютъ преимущественно сахарный тростникъ и кофейное дерево, но которая, во время частыхъ войнъ Гватемалы съ Сальвадоромъ, постоянно служила полемъ сраженія. Въ Чалчуапѣ диктаторъ Гватемалы, Руфино Барріосъ, палъ въ 1885 г., послѣ предпринятаго имъ кровопролитнаго штурма; это событіе положило конецъ гегемоніи Гватемалы надъ другими республиками Центральной Америки. Жители равнины—въ большой части индѣйцы, потомки одного нахуатльскаго племени, бывшій укрѣпленный городъ котораго, Апанека, построенный далѣе къ сѣверу, у подошвы одноименнаго съ нимъ вулкана, представляетъ теперь лишь бѣдную, почти совершенно покинутую деревушку: при раскопкахъ здѣсь были открыты многочисленныя гробницы съ золотыми и серебряными украшеніями, а также драгоцѣнная глиняная посуда. Городъ Сонсонате, или «Четырехъ сотъ Ключей», домики котораго группируются подъ сѣнью пальмъ, имѣетъ еще лучшее мѣстоположеніе, чѣмъ Ахуачапанъ: онъ расположенъ среди хорошо орошаемыхъ, вѣчно зеленыхъ полей, доминируемыхъ амфитеатромъ горъ и освѣщаемыхъ по ночамъ естественнымъ «маякомъ» Изалько. Сонсонате славится своими великолѣпными фруктами, особенно ананасами; въ былыя времена его какао конкурировало съ соконускимъ, но теперь культура этого дерева почти прекратилась.

Сонсонате, бывшій прежде важнѣйшимъ городомъ Западнаго Сальвадора, уступилъ первенство городу Санта-Ана, который расположенъ къ сѣверу отъ вулкана того же названія, въ умѣренномъ поясѣ и на большой дорогѣ между Гватемалой и Санъ-Сальвадоромъ; со времени землетрясеній, дважды разрушившихъ столицу, Санта-Ана, хотя и не занималъ центральнаго положенія, сдѣлался самымъ населеннымъ городомъ республики; это — очень важный земледѣльческій рынокъ, близъ котораго находится округъ Метапанъ, омываемый озеромъ Гунжа и извѣстный своими рудными залежами — желѣзомъ, мѣдью, серебромъ и цинкомъ, которыя теперь дѣятельно эксплоатируются. Морской гаванью для этой западной области Сальвадора служитъ деревня Акажутла, лежащая въ глубинѣ широкой бухты, открытой западнымъ и южнымъ вѣтрамъ. Въ лучшее время года, когда дуютъ сѣверные вѣтры, якорная стоянка вполнѣ безопасна, но баръ всегда опасенъ, и зачастую разгрузка судовъ производится посредствомъ мѣстныхъ *lanchas*. Несмотря на свои неудобства, Акажутла—важнѣйшій торговый портъ республики: отсюда преимущественно вывозится кофе, а главнымъ предметомъ ввоза служатъ иностранныя мануфактурныя произведенія (обороты внѣшней торговли въ Акажутлѣ составляли въ 1888 г. 19.370.000 франковъ). Ея пристань служитъ исходнымъ пунктомъ первой желѣзной дороги, которая была выстроена въ Сальвадорѣ: по длиннымъ бульварамъ, обсаженнымъ кокосовыми деревьями, дорога эта подымается во внутреннія долины, пересѣкаетъ Сонсонате и Арменіо, древній Гуаймоко, и въ недалекомъ будущемъ должна соединиться съ главной линіей, идущей изъ Мексико въ Панаму, связавъ между собою всѣ города, лежащіе вдоль цѣпи вулкановъ; кромѣ того, одна вѣтвь, уже начатая, пройдетъ длинною дугою на сѣверъ къ равнинѣ Санта-Ана, съ ея многочисленными кофейными плантаціями. Гварумальское ущелье, близъ котораго происходитъ бифуркація, и чрезъ которое дорога вступаетъ въ равнину Санъ-Сальвадора, есть, на всемъ протяженіи главнаго пути республики, замѣчательнѣйшая мѣстность по богатству и разнообразію растительности. Въ дождливое время года по дну его бѣжитъ горный потокъ, и тогда дорога становится почти непроѣзжей.

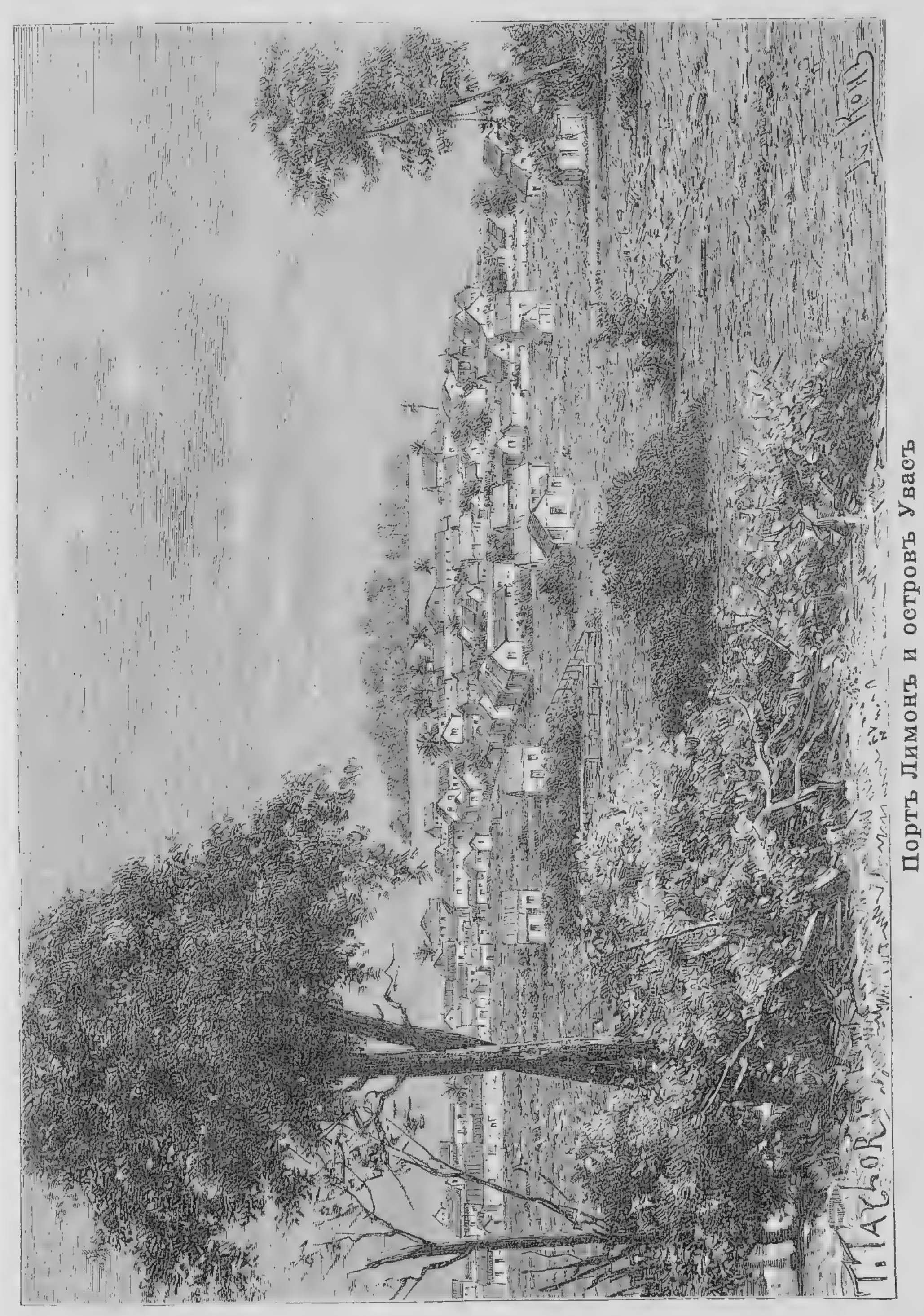
Санъ-Сальвадоръ, столица штата, былъ основанъ уже въ 1525 г., но не на томъ мѣстѣ, которое занимаетъ въ настоящее время: онъ находился значительно сѣвернѣе, въ долинѣ Сучитото [1]). Современный городъ построенъ на высотѣ 692 метровъ надъ уровнемъ моря, занимая живописное мѣстоположеніе на одной изъ плодороднѣйшихъ равнинъ восточнаго склона вулкана Санъ-Сальвадоръ, спускающагося къ озеру Илопанго; окрестности его, покрытыя кофейными и другими плантаціями, орошаются Азельгуатою, южнымъ притокомъ ріо-Лемпы, а съ южной стороны его омываютъ другія рѣчки, сбѣгающія по параллельнымъ долинамъ къ Великому океану. Такимъ образомъ городъ этотъ стоитъ на вершинѣ раздѣла; кромѣ того, онъ имѣетъ то преимущество въ политическомъ отношеніи, что находится почти въ самомъ центрѣ штата; онъ имѣетъ даже естественныя укрѣпленія въ видѣ широкихъ и глубокихъ овраговъ, разрѣзывающихъ отрывки плато на трудно доступные редюиты. Но извѣстно, что почва Санъ-Сальвадора очень часто подвергается дѣйствію

---

[1]) Brasseur de Bourbourg, „Histoire du Mexique et de l'Amérique Centrale".

[1]) Herrera;—Palacio;—Brasseur de Bourbourg, „Histoire des nations civilisées du Mexique".

подземныхъ силъ; въ этомъ городѣ нерѣдки землетрясенія, и два раза въ теченіе этого вѣка онъ былъ совершенно разрушенъ. Два раза жители его переселялись въ другіе города республики, а именно въ Санта-Теклу, расположенную въ пятнадцати километрахъ на сѣверо-западъ, въ болѣе умѣренномъ поясѣ. Городъ этотъ, сдѣлавшійся на время столицей, получилъ даже названіе Нуева-Санъ-Сальвадоръ; но, тоже подверженный проявленіямъ вулканической дѣятельности, какъ изверженіямъ, такъ и землетрясеніямъ, онъ былъ не надежнѣе Санъ-Сальвадора; тѣмъ временемъ этотъ послѣдній, вновь отстроенный уже изъ дерева, по системѣ упругихъ рамъ, снова занялъ свое мѣсто правительственной резиденціи, и численность его населенія уже достигла пятидесяти тысячъ. Въ Санъ-Сальвадорѣ на-

Портъ Лимонъ и островъ Увасъ

ходится университетъ. Хорошая удобная дорога соединяетъ городъ съ его портомъ Либертадъ, открытымъ всѣмъ вѣтрамъ и потому часто очень опаснымъ: большія суда должны бросать якорь на разстояніи болѣе километра отъ берега, при постоянной боковой качкѣ. Тѣмъ не менѣе Либертадъ является главнымъ портомъ республики по ввозу иностранныхъ товаровъ для всей республики; по вывозу же онъ значительно уступаетъ Акажутлѣ. Движеніе внѣшней торговли въ Либертадѣ въ 1888 г.: 15.630.000 франковъ.

Къ востоку отъ Санъ-Сальвадора главный путь проходитъ по сѣверной сторонѣ озера Илопанго, затѣмъ мимо Кожутепека, по имени котораго часто называютъ самое озеро. Этотъ городъ, населенный индѣйцами, тоже удостоился чести, послѣ разрушенія столицы въ 1854 г., быть избраннымъ временно въ главные города Сальвадора, и надежда, впослѣдствіи обманутая, сохранить свое первенство [1]) возбудила въ немъ нѣкоторую ревность по отношенію къ своей соперницѣ. Главнымъ промысломъ жителей является фабрикація сигаръ. За Кожутепекомъ слѣдуютъ города Жибоа, затѣмъ, Санъ - Висенте, основанный въ 1638 г. на западномъ притокѣ нижней Лемпы и смѣнившій ацтекскій городъ Тегуаканъ. Подобно одноименному съ нимъ городу въ Анагуакѣ, Тегуаканъ занималъ чудное мѣстоположеніе: развалины его, извѣстныя подъ названіемъ Опико, еще видны на боковой террасѣ вулкана Санъ-Висенте, откуда открывается обширный видъ на прибрежныя равнины и на долину Лемпы. Санъ - Висенте, какъ и Санъ-Сальвадоръ, имѣетъ на морѣ свой портъ, надѣленный звучнымъ названіемъ — Конкордія; онъ расположенъ при устьѣ ріо-Жибоа и возлѣ лагунъ Халтепекъ, сообщающихся съ ріо-Лемпа. Дорога изъ Санъ-Висенте къ его морскому порту идетъ у самаго основанія контрфорса, гдѣ находится Опико, и черезъ городъ Сакатеколука, окруженный богатыми плантаціями.

Большая рѣка Лемпа, раздѣляющая округи Санъ - Висенте и Санъ-Мигуэль, не имѣетъ по берегамъ своимъ значительныхъ городовъ. Въ другомъ климатѣ населеніе массою устремилось бы въ эту плодородную долину и усѣяло бы ея берега разнородною культурою, но въ тропическомъ поясѣ, напротивъ, избѣгаютъ такихъ долинъ, зачастую болотистыхъ и недостаточно провѣтриваемыхъ. Самые близкіе къ рѣкѣ города Сучитото, Илобаско и Сенсунтепекъ построены на мысахъ, гдѣ температура не столь жаркая и дуютъ болѣе прохладные вѣтры, чѣмъ въ низкой долинѣ. Чалатенанго, единственный городъ въ Сальвадорѣ, находящійся въ сѣверной области, т. е. между Лемпой и Сумпуломъ,—сооруженъ тоже вдали отъ главной долины. Что касается главнаго мѣста переправы, Ла - Барки, то это не болѣе, какъ деревушка, населенная перевозчиками, которые переправляютъ на паромѣ путешественниковъ.

[1]) Laferrière, „Notes de voyages au Centre-Amérique“.

Къ востоку отъ ріо-Лемпы самымъ населеннымъ мѣстомъ является Чинамека, жители которой принадлежатъ къ метисамъ и индѣйцамъ; главный ихъ промыселъ заключается въ земледѣліи и садоводствѣ, которымъ они занимаются на сѣверныхъ склонахъ вулкана Чинамека, имѣющаго также свои древнія развалины, какъ и Санъ-Висенте. Несмотря численность жителей, Чинамека считается по рангу ниже города Санъ-Мигуэль, гдѣ населеніе состоитъ изъ бѣлыхъ и ладиносовъ Санъ-Мигуэль — городъ цивилизованный; жизненные припасы онъ получаетъ главнымъ образомъ отъ индѣйцевъ изъ Чинамеки. Онъ пользуется особеннымъ значеніемъ, благодаря своимъ ярмаркамъ, извѣстнымъ во всемъ Сальвадорѣ, куда народъ стекается со всей Центральной Америки и Мексики; санъ-мигуэльскія цѣны регулируютъ стоимость товаровъ на всѣхъ другихъ рынкахъ республики. Къ несчастью, этотъ городъ — одинъ изъ самыхъ нездоровыхъ въ Сальвадорѣ.

Морская пристань Санъ-Мигуэля, Ла-Уніонъ, лежитъ не на южномъ берегу, подобно другимъ портамъ Сальвадора, а на одномъ изъ заливовъ, развѣтвляющихся на западной сторонѣ бухты Фонсека. Этотъ портъ есть одна изъ многочисленныхъ гаваней-убѣжищъ, образуемыхъ заливомъ и его архипелагами. Онъ лежитъ на оконечности второстепеннаго залива, который врѣзывается внутрь Сальвадора, у сѣвернаго края вулкана Кончагуа; въ заливъ этотъ впадаютъ Гоаскоранъ и другія рѣки. Суда находятъ здѣсь вполнѣ обезпеченную якорную стоянку, но только на разстояніи 2-хъ километровъ отъ берега; при отливѣ, пляжъ изъ мягкаго ила далеко выступаетъ въ море. Въ прежнее время портъ Ла-Уніонъ имѣлъ болѣе важное торговое значеніе, когда чрезъ него проходило все движеніе торговли съ Гондурасомъ и Восточнымъ Сальвадоромъ; но и теперь портъ этотъ все еще важенъ, какъ соединительный пунктъ для сношеній между бухтой Фонсека и долиной ріо-Лемпа. Движеніе торговли въ Ла-Уніонѣ въ 1888 г.: 7.556.000 франк.

Несмотря на внѣшнія войны, междоусобія и соперничество искателей власти, Сальвадоръ представляетъ собою цвѣтущую страну, о чемъ можетъ свидѣтельствовать быстрое возрастаніе его населенія, безъ содѣйствія иммиграціи: иностранный элементъ въ Сальвадорѣ представленъ лишь незначительнымъ числомъ негоціантовъ. Въ 1778 г. во время переписи въ провинціяхъ Гватемалы, въ составъ которой входила тогда вся Централь-

ная Америка, на долю Сальвадора приходилось 117.436 жителей. Весьма вѣроятно, что населеніе его на самомъ дѣлѣ было больше, около 150.000, но и сравнительно съ этой цифрой оно увеличилось по меньшей мѣрѣ въ четыре раза въ теченіе одного столѣтія. Перепись 1 января 1886 г. опредѣлила число жителей въ 651.130 человѣкъ,—318.329 мужчинъ и 332.801 женщина, — а въ концѣ 1890 г., по оффиціальному исчисленію, оно составляло 803.534 души или, въ среднемъ, 38 жителей на квадратный километръ: это крайне высокая пропорція для американской страны. При такой километрической плотности на долю Соединенныхъ Штатовъ приходилось бы отъ 340 до 350 милліоновъ жителей.

Недавно Сальвадоръ доказалъ свою живучесть той легкостью, съ какою совершился въ немъ экономическій переворотъ. Еще въ недавнее время страна владѣла, такъ сказать, единственнымъ продуктомъ для вывоза, къ которому сводились всѣ ея доходы: это было индиго. Но европейская промышленность, имѣющая теперь въ своемъ распоряженіи красильныя вещества, извлекаемыя изъ каменного угля, все болѣе и болѣе игнорируетъ индиго, такъ что сальвадорскіе плантаторы вынуждены были бросить свою прежнюю культуру и замѣнить ее новой.

Вывозъ изъ Сальвадора до упадка индиговыхъ плантацій, въ 1865 г. былъ: индиго—на 1.000.000 франк.; другихъ продуктовъ—на 1.140.200 франк.

Въ большинствѣ случаетъ индиго замѣнили кофе, извѣстнымъ нѣкогда въ торговлѣ подъ названіемъ «Коста-Рика», но теперь вездѣ уже утвердившимся подъ своимъ настоящимъ названіемъ; кромѣ того, сальвадорцы расширили плантаціи сахарнаго тростника, и всѣ эти земледѣльческія реформы не только не поколебали благоденствія страны, но еще повели за собою быстрый прогрессъ во всей производительности. Эксплоатація серебряныхъ рудъ помогаетъ отчасти расплачиваться за привозимый изъ-за границы товаръ, а именно: за ткани, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, за муку и напитки. Торговля ведется почти исключительно прежде всего съ Соединенными Штатами, затѣмъ съ Великобританіей, Франціей и германскими портами.

Внѣшняя торговля Сальвадора въ 1896 г.: ввозъ — около 13.000.000, вывозъ — около 10.000.000 доллар. Главные предметы экспорта: кофе—на 7.500.000, индиго—на 2.000.000, табаку—на 100.000 доллар.

Несмотря на свое незначительное территоріальное пространство, Сальвадоръ снабжаетъ Коста-Рику рисомъ, бобами, табакомъ и даже мануфактурными издѣліями, какъ напримѣръ, поясами или *rebozos*. Въ три порта, открытыхъ для иностранной торговли, Акажутлу, ла-Либертадъ и ла-Уніонъ, заходитъ ежегодно до восьми сотъ судовъ.

Развитію внутренней торговли значительно способствуютъ удобныя колесныя дороги, общая длина которыхъ въ 1889 г. равнялась 3.400 километрамъ; желѣзныхъ дорогъ въ республикѣ въ 1897 г. было 117 километровъ. По озеру Илопанго ходитъ всего одинъ пароходъ. Телеграфныя и почтовыя учрежденія находятся, такъ сказать, еще въ зачаточномъ состояніи. Въ 1897 г. длина телеграфныхъ проводовъ: 2.903, длина телефоновъ: 961 километръ. Писемъ было переслано въ 1897 г. около 1.600.000, такъ что на каждаго жителя въ годъ приходится только два письма. Однако, народное образованіе, по закону безплатное и обязательное, дѣлаетъ большіе успѣхи: въ 1893 г. было 585 начальныхъ школъ, съ 29.427 учащихся; кромѣ того, было 18 среднихъ учебныхъ заведеній (изъ которыхъ 2 нормальныхъ и 3 техническихъ школы), съ 1.200 учениками, а 180 молодыхъ людей слушали лекціи въ національномъ университетѣ. Въ 1893 г. выходило 13 періодическихъ изданій.

Сальвадоръ сталъ отдѣльной и независимой республикой только съ 1859 г. По конституціи, часто измѣнявшейся, форма правленія здѣсь представительная; но до сихъ поръ это было чисто военное губернаторство, ограничиваемое инсуррекціями. Въ принципѣ законодательная власть принадлежитъ національному собранію, состоящему изъ 42 членовъ, избираемыхъ ежегодно народнымъ голосованіемъ, а исполнительная власть находится въ рукахъ президента, избираемаго также народомъ, но всего на четыре года; президентъ уже самъ назначаетъ министерство, которое состоитъ изъ четырехъ государственныхъ секретарей. Постоянное войско не превышаетъ численностью 4.000 человѣкъ, а милиція состоитъ изъ 18.000 человѣкъ; совокупность военныхъ силъ, дѣйствовавшихъ недавно въ Гватемалѣ, состояла болѣе, чѣмъ изъ 10.000 человѣкъ. Судебная власть сосредоточивается въ вѣдѣніи верховнаго суда, засѣдающаго въ Санъ-Сальвадорѣ; вся территорія дѣлится на три судебныхъ округа, Западный, Центральный и Восточный, съ апелляціонными судами, собирающимися въ Санта-Ана, Кожутепекѣ и Санъ-Мигуэлѣ; каждый округъ имѣетъ свой судъ первой инстанціи, а каждый городъ или деревня—своего мироваго судью.

Какъ и въ большей части другихъ американскихъ странъ, государственные доходы главнымъ образомъ состоятъ изъ пошлинъ, взимаемыхъ съ иностранныхъ товаровъ. Монополія на табакъ и водку составляетъ треть ежегоднаго бюджета. Что касается расходовъ, то военныя силы республики поглощаютъ всего лишь пятую часть ихъ, что составляетъ

весьма незначительную пропорцію въ сравненіи съ тѣми огромными суммами, которыя расходуются европейскими государствами на содержаніе войска и флота: Сальвадоръ больше расходуетъ на народное образованіе и общественныя работы, чѣмъ на содержаніе военныхъ силъ. Весь національный долгъ немного менѣе общей суммы доходовъ за два года.

Бюджетъ 1898 г.: доходы—4.609.630; расходы—5.266.638 доллар. Національный долгъ: внѣшній—726.420 фунт. стерл.; внутренній—около 8.000.000 доллар.

Во время испанскаго режима Сальвадоръ состоялъ изъ четырехъ провинцій вице-королевства Гватемалы: Сонсонате, Санъ-Сальвадора, Санъ-Висенте и Санъ-Мигуэля. Въ настоящее время республика дѣлится на четырнадцать департаментовъ, управляемыхъ губернаторами, назначаемыми исполнительной властью; департаменты, въ свою очередь, подраздѣляются на округи. Въ 1889 г. число городовъ, возведенныхъ въ рангъ ciudades, было—27, а число муниципалитетовъ—230.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ департаментовъ и округовъ Сальвадора, съ ихъ пространствомъ, общимъ населеніемъ въ 1890 г. и муниципальнымъ населеніемъ главныхъ городовъ:

	Департаменты.	Пространство въ квадр. километр.	Населеніе.	Главные города округовъ.	Городское населе[ніе].
Западные.	Ахуачапамъ	1.100	37.880	Ахуачапамъ	11.72[illegible]
				Атикизайя	7.73[illegible]
	Санта-Ана	1.770	75.764	Санта-Ана	30.42[illegible]
				Матапанъ	13.86[illegible]
				Чалчуапа	12.92[illegible]
	Сонсонате	1.200	44.467	Сонсонате	8.69[illegible]
				Изалько	8.96[illegible]
Центральные.	Ла-Либертадъ	1.150	49.956	Санта-Текла	13.71[illegible]
				Опико	6.890
	Санъ-Сальвадоръ	1.100	73.245	Санъ-Сальвадоръ (97 г.)	50.000
				Апопа	6.63[illegible]
				Санто-Томасъ	2.04[illegible]
	Чалатенанго	1.700	54.790	Чалатенанго	5.98[illegible]
				Тежутла	2.250
	Кускатланъ	900	61.069	Кожутепекъ	7.950
				Сучитото	13.820
	Ла-Пацъ	1.200	38.340	Сакатеколука	5.210
				Олокуитла	3.170
	Санъ-Висенте	1.200	39.370	Санъ-Висенте	8.750
				Санъ-Себастіанъ	4.630
Восточные.	Кабаньясъ	500	33.940	Сенсунтепекъ	9.450
				Илобаско	8.990
	Усулутанъ	1.700	39.300	Усулутанъ	6.85[illegible]
				Улукуапа	4.500
	Санъ-Мигуэль	1.800	59.207	Санъ-Мигуэль	23.800
				Чинамека	8.460
	Моразанъ	1.200	37.270	Готера	2.200
				Осикала	1.810
				Эль-Розаріо	950
	Ла-Уніонъ	1.200	39.620	Ла-Уніонъ	2.880
				Санта-Роза	4.300
	Итого	18.720	684.218		

По исчисленію въ концѣ 1894 г., пространство—21.070 кв. километр.; народонаселеніе—803.534 души.

IV. Гондурасъ.

Названіе Гондурасъ напоминаетъ времена открытія, когда кормчіе, осторожно и неувѣренно пробиравшіеся вдоль береговъ, нашли *honduras*, или «глубокія мѣста» въ прибрежныхъ водахъ внутри бухты. Первымъ изслѣдователемъ этого края былъ Колумбъ, который въ 1502 г. первый проникъ въ эту часть Антильскаго моря и, подвергая свой флотъ страшному риску быть разбитымъ о береговые рифы, мели и подводные камни, обслѣдовалъ цѣлую половину береговой линіи между двумя мысами, Пунта-де-Кахинасъ (Гондурасъ) и Грасіасъ-à-Діосъ; эта прибрежная область была самой природой указана, какъ надежная якорная стоянка въ такомъ опасномъ пространствѣ моря. Однако, не этому великому мореплавателю материкъ обязанъ своимъ названіемъ, которое вполнѣ оправдываютъ подводные рифы смежнаго моря: Бартоломе-де-ласъ-Казасъ въ своемъ сочиненіи «Открытіе Западной Индіи испанцами», упоминая о странѣ «Hondure», говоритъ, что это имя ея—туземнаго происхожденія. Двадцать два года послѣ Колумба, когда Фернандъ Кортесъ совершилъ свою уди-

вительную экспедицію въ Гондурасъ, эта область была извѣстна у испанцевъ подъ именемъ «страны Тыквъ», Хибуерасъ или Хигуерасъ. Въ воспоминаніе объ Испаніи ее называли также «Новой Эстремадурой».

Территорія Гондураса, бывшая вначалѣ одной изъ провинцій вице-королевства Гватемалы, послѣ трехъ вѣковъ колоніальной зависимости, отдѣлилась вмѣстѣ со всей Центральной Америкой отъ своей метрополіи и въ настоящее время представляетъ одну изъ пяти родственныхъ республикъ. Съ перваго взгляда казалось бы, что ея завидное положеніе въ центрѣ области Перешейковъ, прекрасные порты, которыми она обладаетъ на обоихъ моряхъ, здоровый климатъ и въ то же время вполнѣ доступныя плоскогорья должны были обезпечить ей первенствующее мѣсто среди государствъ Средней Америки; въ дѣйствительности же Гондурасъ далеко не занимаетъ перваго мѣста среди пяти союзныхъ республикъ, и прогрессивное развитіе его идетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ этихъ странахъ. Такая отсталость обусловливается главныхъ образомъ самими этими преимуществами его. Во время испанскаго режима его порты и плантаціи его атлантическаго берега привлекали пиратовъ, которые мало-по-малу совершенно опустошали береговыя мѣстности; другое же побережье Гондураса—со стороны Великаго океана, хотя и не подвергалось такимъ опасностямъ, но оно слишкомъ незначительно по своему пространству. Теперь страна снова заселяется, но плотность населенія пока еще не превышаетъ 3-хъ человѣкъ на квадратный километръ.

Конфигурація Гондураса представляетъ совершенную противоположность Гватемалѣ: оба государства расположены треугольникомъ, но одно изъ нихъ имѣетъ основаніемъ побережье Великаго океана, а вершиной—узкую прибрежную полосу на бухтѣ Атлантическаго океана, тогда какъ другое широко раскинулось вдоль берега этого послѣдняго океана и оканчивается въ Южномъ морѣ узкою цѣпью полуостровов и островковъ, занимающихъ глубину залива. Впрочемъ, границы этого государства, почти на всемъ своемъ протяженіи, обозначены не геометрическими, чисто условными линіями, но естественными чертами, т. е. рѣками и горами. Съ сѣверо-западной стороны страна отдѣлена отъ Гватемалы извилистой границей, которая, правда, присвояетъ Гондурасу гватемальскую долину рѣки Копана, но которая, въ общемъ, совпадаетъ съ гребнями горъ Мерендонъ, Эспириту-Санто и Грита, и оканчивается теченіемъ небольшой рѣки Тинто, впадающей въ одну изъ второстепенныхъ бухтъ Гондурасскаго залива. Общую границу Гондураса и Сальвадора образуетъ въ особенности теченіе рѣкъ Сумпула, Лемпы, Торола и Гоаскорана; наконецъ, со стороны Никарагуа, граница отмѣчена, на покатости бухты Фонсека, небольшой рѣкой Негро; затѣмъ, значительный массивъ горъ, кордильера Дипильто, составляетъ въ одно и то же время и политическій рубежъ, и водораздѣлъ между бассейномъ Чолутеки, впадающей въ Южное море, и бассейномъ Окатала, текущаго, черезъ рѣку Сеговію, въ Атлантическій океанъ. Эта послѣдняя рѣка считается обыкновенно принадлежащею одновременно обѣимъ пограничнымъ республикамъ; между тѣмъ владѣнія Гондураса во время испанскаго правленія доходили только до рѣки Патука, и международная коммиссія, созванная въ 1870 г., предложила въ качествѣ границы линію, которая бы начиналась у хребта Дипильто, проходила по раздѣльному гребню рѣкъ Патукаи и Сеговія и оканчивалась у кабо-Фальсо, или «Ложнаго Мыса», между лагуной Каратаска и «настоящимъ мысомъ» Граціасъ-á-Діосъ[1]). Но этотъ проектъ не былъ утвержденъ конгрессами республикъ.

Внутренняя часть Гондураса, вдали отъ городовъ и проѣзжихъ дорогъ, еще очень мало изслѣдована, такъ что предстоитъ немало открытій въ этомъ районѣ. Въ общемъ можно сказать, что страна эта, раздѣленная на два очень неравныхъ склона хребтомъ *Сіерра-Мадре*, тянется параллельно прибрежью Великаго океана, на разстояніи, въ среднемъ, около ста километровъ отъ моря. Эта «главная цѣпь» гораздо круче съ южной стороны, обращенной къ Великому океану, чѣмъ съ противоположной, обращенной къ Антильскому морю: южную покатость можно скорѣе принять за склонъ плоскогорья, разрѣзаннаго рѣками на отдѣльные массивы; къ тому же она очень неравномѣрна и, хотя издали имѣетъ видъ сплошнаго вала, но, въ дѣйствительности, прерывается, если не брешами, то по крайней мѣрѣ глубокими сѣдловинами. На западѣ, около границы Гватемалы, она отдѣляется отъ массива Мерендона подъ названіемъ сіерры Пакайя (2.000 метровъ) и, постепенно повышаясь, образуетъ другой горный узелъ, сіерру Селаке, вокругъ котораго текущія воды расходятся по всѣмъ направленіямъ: здѣсь-то, по всей вѣроятности, и находятся самыя высокія вершины Гондураса, поднимающіяся выше 3.000 метровъ. Послѣ того рельефъ понижается и образуетъ кривую линію, затѣмъ снова возвышается по направленію съ запада на востокъ и образуетъ горы Опалака и сіерра-де-Санъ-Жуанъ. На оконечности этой цѣпи открывается большая соединительная долина между двумя рѣчными склонами—ріо-Гумуйи на сѣверѣ и ріо-Гоаскорана на югѣ: гребень раздѣла обозначенъ только незначительными порогами, проходами Гуажока (696 метровъ)

[1]) Paul Lévy, „Nicaragua";—Désiré Pector, рукописныя замѣтки.

и Ранчо-Чикито (726 метровъ), гдѣ уже проложена колесная дорога и предполагается соорудить желѣзную, которая пойдетъ по легкому пути безъ туннелей. Горныя породы третичной формаціи, которая лежитъ здѣсь на базисѣ еще болѣе древняго происхожденія, напоминаютъ о существованіи одного изъ тѣхъ проливовъ, которые соединяли два моря въ эпоху, когда Центральная Америка представляла собою рядъ островов, а не сплошной перешеекъ.

Съ другой стороны пороговъ главная цѣпь тянется подъ названіемъ сіерра-Лепатерикъ. Она скоро раздваивается: сѣверный отрогъ соединяется съ горами, направляющимися къ сѣверо-востоку, чтобы окончиться мысомъ Грасіасъ-á-Діосъ, тогда какъ южный, называемый сіерра-де-Уле, или «Гора Каучука», направляется къ юго-востоку и входитъ въ Никарагуа, гдѣ и образуетъ главную ось; однако, около границы онъ прорѣзанъ глубокимъ оврагомъ, по которому протекаетъ рѣка Чолутска, данникъ Великаго океана. На материкѣ Гондураса нѣтъ и слѣдовъ той цѣпи вулкановъ, которая проходитъ по Сальвадору и Никарагуа между Сірра-Мадре и океаническимъ побережьемъ; но она снова появляется на Гондурасскихъ островахъ въ бухтѣ Фонсека: незначительное повышеніе морскаго дна связало бы эти острова съ континентомъ, и, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ самый обширный изъ нихъ, Сакате-Гранде, будетъ соединенъ съ берегомъ посредствомъ желѣзно-дорожнаго віадука. Базальтовые питоны Сакате-Гранде, возвышающіеся на 600 метровъ надъ уровнемъ моря, покрыты *sacate*, на которыхъ пасутся тысячи головъ скота; по окончаніи сезона засухи эти луга сжигаютъ, чтобы на пастбищахъ выросла новая, еще болѣе нѣжная трава. Островъ Тигра, расположенный южнѣе, вздымаетъ свою правильную круглую вершину изъ древней лавы на 789 метровъ высоты.

Горы атлантическаго склона не представляютъ собою уединенныхъ пиковъ, подобно вулканическимъ утесамъ Сакате и Тигра; онѣ принадлежатъ къ отрогамъ Сіерра-Мадре. На западѣ массивъ Мерендонъ выдвигаетъ къ сѣверо-западу, между Гватемальской долиной Мотагуа и Гондурасской долиной Чамеликонъ, длинный хребетъ Эспириту-Санто и кряжъ Грита, средняя высота которыхъ превышаетъ 2.000 метровъ. Горы Омоа, образующія конечную границу по сосѣдству съ заливомъ и портомъ того же названія, достигаютъ, можетъ-быть, 3.000 метровъ; эти пики—одни изъ самыхъ высокихъ въ Гондурасѣ и имѣютъ тѣмъ болѣе грандіозный видъ, что всѣ цѣликомъ видны съ моря вмѣстѣ со своимъ поясомъ лѣсовъ, состоящихъ изъ различныхъ древесныхъ породъ. Другая цѣпь, сѣверный отрогъ горъ Опалака, оканчивается громаднымъ, почти изолированнымъ массивомъ, горой Пука, окруженной со всѣхъ сторонъ рѣками. Горы Санъ-Жуанъ, возвышающіяся надъ долиной, гдѣ проходитъ междуокеаническая дорога, тоже продолжаются къ сѣверу—горами Монтецилло и сіеррою Канчіа, стоящими какъ разъ противъ горъ Камаягуа, расположенныхъ на востокѣ, съ другой стороны долины. Горы Лепатерикъ соединяются на востокѣ съ сіеррою-де-Чиле, составляющею центральный узелъ, откуда цѣпи, раздѣленныя глубокими долинами, расходятся въ разныя стороны. Наконецъ, границею раздѣла между Гондурасомъ и Никарагуа служитъ важнѣйшій изъ горныхъ хребтовъ, кордиллера Дипильто, идущій до самаго угла континента между двумя прямолинейными берегами Гондураса и Москитіи. Другой хребетъ, называемый Мисоко, направляется прямо къ сѣверо-востоку, и очень можетъ быть, что гора Пайя (1.130 метровъ), возвышающаяся около мыса Камаронъ, на берегу Атлантическаго океана, принадлежитъ къ отрогамъ этихъ горъ. Массивы Сулако и Пажа, стоящіе въ центрѣ страны, на цоколѣ высокихъ земель, имѣющихъ по крайней мѣрѣ 1.000 метровъ высоты надъ уровнемъ моря, тоже связаны съ узломъ Чиле; ихъ вершины не были измѣрены, но мореплаватели опредѣлили приблизительно высоту питоновъ Конгрехой, которые ограничиваютъ съ сѣверной стороны край Гондурасскаго плоскогорья и образуютъ какъ бы отдѣльную цѣпь, параллельную островамъ, называемымъ «Острова бухты». Самая высокая вершина въ цѣпи Конгрехой достигаетъ 2.450 метровъ. Нѣкоторыя изъ внутреннихъ горъ называли вулканами, но это не доказано, такъ какъ никто не видѣлъ ихъ изверженій и ни одинъ геологъ не поднимался на нихъ. Такова, среди этихъ мнимыхъ вулкановъ, гора Теапасими (900 метровъ), которая находится въ кордиллерѣ Дипильто, почти на половинѣ разстоянія между двумя морями; таковы также вершины Гуаймака и Бокеронъ въ горной цѣпи Мисоко [1]).

Гондурасъ, получающій со стороны Атлантическаго океана обильное количество дождей, изрѣзанъ многочисленными водными потоками, и въ этой странѣ совсѣмъ нѣтъ закрытыхъ бассейновъ, гдѣ бы терялись рѣки, какъ это наблюдается въ Мексикѣ и Гватемалѣ. На западѣ, первой большой рѣкой является Чамеликонъ, называемый также Чамлико; онъ беретъ начало въ горахъ Мерендонъ и течетъ параллельно гватемальской рѣкѣ Мотагуа, отъ которой его отдѣляютъ горныя цѣпи Эспириту-Санто и Грита: пройдя разстояніе болѣе 250 километровъ, на которомъ его перерѣзываютъ многочисленные пороги, Чамеликанъ оканчи-

[1]) Stieler's Hand-Atlas, Petermenn's West-Indien. № 82; Carte marine anglaise. West-India. Islands and caribbean Sea. Sheet III.

вается дельтой, одинъ рукавъ которой изливается въ лагуну Пуерто-Кабальосъ, тогда какъ другой, чтобы достигнуть моря, огибаетъ изолированный конусъ въ 194 метра высоты. Бассейнъ Чамеликона, стиснутый горами,— слишкомъ незначительной ширины, чтобы принимать въ себя большіе притоки; его самого можно считать за притокъ большой рѣки Улуа, такъ какъ все его нижнее теченіе, на протяженіи пятидесяти километровъ, проходитъ параллельно этой рѣкѣ, по той же низкой долинѣ, и, прорывъ небольшой каналъ въ наносныхъ земляхъ, легко было бы соединить обѣ эти рѣки: образующіеся во время половодья заливчики и временные потоки смѣшиваютъ между собою эти два рѣчныхъ бассейна. И безъ Чамеликона Улуа представляетъ собою самую большую рѣку Гондураса: его пріемный бассейнъ, занимающій около трети страны, захватываетъ на югѣ обширное пространство, начиная отъ горъ Мерендонъ до горъ Чиле: съ запада въ нее впадаютъ Сантъ-Яго, или Вента, усиливаемая рѣкою Санта-Барбара и различными истоками большаго озера Іожоа; съ юга, съ порога Комаягуа, течетъ Гумуйя, которая можетъ считаться главной вѣтвью, если не по своей водной массѣ, то по общему направленію долины; съ востока впадаетъ Сулако.

Озеро Іожоа или Таулебе, излишекъ водъ котораго изливается въ Улуа, дѣлая ее такимъ образомъ величественной рѣкой, имѣетъ конфигурацію горной долины и изгибается въ видѣ полумѣсяца съ юга на сѣверъ: это — *bolson*, или «мѣшокъ», подобный многимъ другимъ долинамъ высокихъ гондурасскихъ областей, окруженный со всѣхъ сторонъ известковыми скалами. Другіе больсоны Гондураса уже опорожнились, но озеро Іожоа продолжаетъ существовать. Эдвардсъ считаетъ его очень глубокимъ, тогда какъ, по свѣдѣніямъ другихъ изслѣдователей, оно имѣетъ въ самой серединѣ всего 6—7 метровъ глубины [1]); во всякомъ случаѣ уровень воды значительно колеблется и показываетъ большую разницу между зимнимъ и сухимъ сезонами. Въ сухое время года Іожоа не имѣетъ видимаго истока; но съ повышеніемъ уровня дождевою водою, изъ его юго-восточной оконечности выходитъ рѣка Жаитике, впадающая въ рѣку Санта-Барбара. Но это еще не все: другіе истоки ниспадаютъ въ *pozos*, глубокія ямы прибрежныхъ равнинъ, и пройдя подъ пластами известняка сосѣднихъ скалъ, выходятъ съ другой стороны на поверхность въ видѣ ручьевъ, которые впадаютъ въ Санта-Барбару. По словамъ Стантона и Эдвардса, кромѣ Жаитика, существуетъ еще не менѣе девяти другихъ подземныхъ потоковъ, уносящихъ въ море посредствомъ рѣки Улуа излишекъ водъ, скопляющихся въ озерѣ Іожоа въ сезонъ дождей [1]). Расположенное на высотѣ слишкомъ 600 метровъ, озеро это лишь съ большимъ трудомъ могло бы быть связано съ общею навигаціонною сѣтью, но все низовье Улуа судоходно для барокъ и небольшихъ пароходовъ; во время половодья они могли бы подниматься даже до мѣста сліянія ея съ Сулако. При устьѣ, выдвигающемся далеко въ море между двумя наносными губами, Улуа имѣетъ на барѣ не болѣе метра воды, и морскія суда должны бросать якорь въ открытомъ морѣ; однѣ только барки могутъ доходить до лѣсныхъ пристаней, устроенныхъ выше пороговъ. Во время *nortes*, т. е. сѣверныхъ вѣтровъ, суда подвергаются большимъ опасностямъ.

Къ востоку отъ Улуа и широкой низкой равнины Сула, которая, повидимому, есть не что иное, какъ засыпанный заливъ, съ горъ Конгрехой сбѣгаетъ нѣсколько маленькихъ рѣчекъ: болѣе или менѣе значительные потоки снова появляются лишь за мысомъ Гондурасъ, или Пунта-Кахинасъ, открытымъ еще Колумбомъ. Рѣка Агуанъ, или ріо-Ромона, изливается въ море посредствомъ двухъ рукавовъ, болѣе доступныхъ, чѣмъ Улуа, но всегда опасныхъ. Эта рѣка, пересѣкающая одну изъ лѣсистыхъ областей Гондураса, изобилующихъ золотоноснымъ пескомъ, имѣетъ, какъ говорятъ, 200 километровъ длины, но количествомъ катимой воды она уступаетъ рѣкѣ Патука, многочисленные притоки которой, получающіе начало въ горахъ Мисоко и Чиле, соединяются выше грознаго ущелья, называемаго Порталь-дель-Инфіерно, т. е. «Врата Ада»; по разсказамъ первыхъ мореплавателей, этотъ порталъ дѣйствительно былъ естественной аркой, имѣющей около 500 метровъ длины. Стиснутая въ этомъ ущельи рѣка представляетъ большія затрудненія для подъема вверхъ, вслѣдствіе слишкомъ сильнаго теченія и *chiflones* или водоворотовъ, которые крутятъ воду. Но все-таки она судоходна до бара, который представляетъ тѣ же опасности, какъ и другіе пороги рѣчныхъ устьевъ Гондураса; впрочемъ, въ сезонъ дождей на немъ бываетъ отъ 2 съ половиною до трехъ метровъ глубины. Обильные наносы ріо-Патука, желтящіе морскую воду на далекое разстояніе, образовали у самаго устья рѣки длинную стрѣлку; но направо и налѣво прежнія морскія пространства остались заключенными въ предѣлахъ прибрежныхъ кордоновъ и образуютъ въ настоящее время большія, но мелкія береговыя лагуны, сообщающіяся съ моремъ посредствомъ протоковъ, куда проникаетъ слабый приливъ

[1]) H. Polakowsky, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin". 1889 г.

[1]) E. G. Squier, „Petermann's Mittheilungen". 1859 г. Тетрадь V.

залива. Къ западу тянется лагуна Брусъ, (Брюэръ), а къ востоку—Каратаска или Картаго, болѣе значительная лагуна, въ центрѣ которой бываетъ до 5 метровъ глубины. Берегъ ея продолжается саваннами, усѣянными сосновыми и другими рощами; можно подумать, что находишься въ какомъ-нибудь англійскомъ паркѣ. За Каратаской берегъ изгибается къ юго-западу, а затѣмъ къ югу: уголъ континента образуютъ мысъ Грасіасъ-а-Діосъ и устье рѣки Сеговіи.

Все Атлантическое побережье Гондураса омывается доступными для судоходства водами, хотя близъ материка толщина водной массы не превышаетъ 100 метровъ. Подводный обрывъ, гдѣ лотъ опускается почти сразу со 100 на 1.000 метровъ, тянется вдоль берега почти въ 30 километрахъ средняго разстоянія, и на этомъ подводномъ цоколѣ лежатъ банки, рифы и даже островки. За мысомъ Камаронъ, это плоскогорье каменныхъ подводныхъ рифовъ быстро отдаляется отъ береговъ и охватываетъ обширную мель Москитіи или Москито-Банкъ, которая выступаетъ въ открытое море болѣе, чѣмъ на 200 километровъ, по направленію къ Ямайкѣ. Это подводное плоскогорье, глубина воды на которомъ, въ среднемъ, около 40 метровъ, представляетъ, къ востоку отъ Гондураса и Никарагуа, ту же формацію, какую имѣетъ подводная терраса Юкатана. Это тоже обширное известняковое плато, гдѣ цѣпью или архипелагомъ тянутся коралловыя группы, о которыя разбивается морской прибой.

Только одно изъ этихъ образованій мели Москито заслуживаетъ названіе острова, именно Утила, которая въ то же время составляетъ часть архипелага, носящаго спеціальное названіе Исласъ-де-ла-Бахіа или Бай-Айлендсъ. Утила, занимающая западную оконечность этого коралловаго архипелага, находится какъ разъ на краю банки, гдѣ глубина воды сразу мѣняется: ея сѣверный берегъ очень крутой, и лотъ опускается тамъ болѣе, чѣмъ на 400 метровъ, тогда какъ на югѣ проливъ, находящійся между островомъ и материкомъ, усѣянъ каменными подводными рифами и въ самомъ глубокомъ мѣстѣ имѣетъ не болѣе 55 метровъ. Что касается до другихъ острововъ, Роатанъ, Елена, Барбарета или Борбурата и Бонака, расположенныхъ на одной линіи по направленію съ запада-юго-запада къ востоко-сѣверо-востоку, то они всѣ лежатъ на открытомъ морѣ: въ десяти километрахъ на сѣверо-западъ отъ Роатана глубина достигаетъ уже 3.485 метровъ; южнѣе—глубина около тысячи метровъ. Роатанъ, самый значительный изъ многочисленныхъ острововъ этого побережья, имѣетъ 50 километровъ длины, и продолженіемъ его служатъ два островка, Елена и Барбарета, стоящіе на томъ же коралловомъ цоколѣ; но все это островное пространство очень узко, не болѣе одного или двухъ километровъ въ мѣстахъ суженія острова. Однако Роатанъ, подробная карта котораго существовала уже у англійскихъ пиратовъ XVII вѣка, не рифъ, выступившій съ морскаго дна; на немъ находится нѣсколько холмовъ, и одинъ изъ нихъ, около западной оконечности, достигаетъ 244 метровъ. Самый же дальній отъ берега островъ, лежащій совсѣмъ въ открытомъ морѣ, Бонака, называемый также Гуаная,—наиболѣе крутой; гранитная скала, возвышающаяся въ срединѣ острова, имѣетъ 360 метровъ высоты; она покрыта сосновымъ лѣсомъ, гдѣ водятся кабаны; благодаря этимъ дремучимъ лѣсамъ, Колумбъ назвалъ Бонаку Исла-де-Пиносъ («Сосновый островъ»); теперь это названіе осталось за большимъ кубанскимъ островомъ, лежащимъ въ южной части залива Батабоно.

Самыми многоводными рѣками южнаго склона Гондураса являются Гоаскоранъ, низовье котораго служитъ границей съ Сальвадоромъ, и Чолутека, весь бассейнъ которой принадлежитъ Гондурасской республикѣ. Чолутека, болѣе обильная изъ этихъ двухъ рѣкъ, беретъ начало на сѣверномъ склонѣ горъ Лепатеріасъ и описываетъ большую дугу къ сѣверу отъ главной цѣпи; затѣмъ пересѣкаетъ горный хребетъ цѣлымъ рядомъ ущелій и, вступивъ въ равнины, окаймляющія берегъ Великаго океана, вливается широкимъ лиманомъ въ бухту Фонсека. Туземныя суда ходятъ вверхъ по рѣкѣ во всѣхъ частяхъ ея теченія, которое поддерживается водами морскаго прилива.

Бухта или, скорѣе, заливъ, которому Жиль Гонзалесъ-де-Авила далъ въ 1522 г., названіе Фонсека въ честь грознаго прелата, преслѣдовавшаго Кортеса своимъ гнѣвомъ, представляетъ собою обширный бассейнъ площадью слишкомъ въ 2.000 квадратныхъ километровъ; входъ въ заливъ между двумя внѣшними оконечностями—Косегуиною и Амапалою, имѣетъ 37 километровъ ширины. Изъ четырехъ проливовъ, по которымъ суда входятъ внутрь бухты, самый узкій, находящійся между вулканическими вершинами Кончагуа и Кончагуита, имѣетъ болѣе 3 километровъ, и средняя глубина его достигаетъ почти 12 метровъ. Слѣдующій проходъ, съ восточной стороны, имѣетъ 20 метровъ глубины, а два широкихъ восточныхъ пролива, съ обѣихъ сторонъ подводныхъ рифовъ Фаральонесъ, еще глубже. Внутри этихъ входовъ, отмѣченныхъ еще издали вулканическими конусами, разстилается обширный бассейнъ, изрѣзанный прибрежными бухточками и извилистыми рейдами его острововъ и увѣнчанный правильнымъ конусомъ Изола-дель-Тигре. Второстепенныя бухты развѣтвляются внутри континента, и двѣ самыя большія изъ нихъ, на юго-востокѣ—Эстеро-Реаль въ Никарагуа, а на сѣверо-за-

падѣ—де-ла-Уніонъ въ Сальвадорѣ, оріентированы совершенно такъ же, какъ главная цѣпь, ось вулкановъ и побережье Великаго океана: очевидно, бассейнъ Фонсека составляетъ часть гуа и Никарагуа, лежатъ на продолженіи той же долины; наконецъ, въ центрѣ, бухта Фонсека была, по всей вѣроятности, тоже озеромъ [1]); но, если вѣрно то, что вулканическія

Панамскій пейзажъ.

той длинной впадины, которая раздѣляетъ двѣ кордильеры—срединную и береговую вулканическую. На сѣверо-западѣ, длинныя долины рѣкъ Лемпы и Торолы обозначаютъ сгибы земной коры; на юго-востокѣ, два озера, Манасилы воздвигли нѣкогда на этомъ мѣстѣ валъ изъ лавы и обломковъ, то можно предположить, что эта стѣна, состоявшая главнымъ образомъ

[1]) Squier, цитированное сочиненіе.

изъ пепла, въ концѣ концовъ уступила напору океанскихъ волнъ. Такова, какова она есть теперь, бухта Фонсека недостаточно глубока для того, чтобы ее можно было считать рукавомъ Великаго океана, врѣзавшимся въ материкъ; это просто трещина почвы, заполненная водою, достаточной глубины, чтобы пропускать суда средней осадки, хотя толщина водной массы нигдѣ не превышаетъ 20 метровъ. Нужно уплыть по крайней мѣрѣ на 100 километровъ въ открытое море, чтобы достигнуть тѣхъ морскихъ пространствъ, гдѣ лотъ показываетъ 200 метровъ глубины.

Значительная высота Гондураса, представляющаго совокупность плоскогорій, склоновъ и долинъ, по крайней мѣрѣ, въ 1.000 метровъ высоты, сильно умѣряетъ климатъ; но въ низкихъ мѣстностяхъ побережья онъ очень жаркій и вредный для всѣхъ другихъ жителей, кромѣ «чернокожихъ» караибовъ. Особенно нездорова мѣстность по берегамъ Атлантическаго океана, по причинѣ большаго количества дождей, которое приносятъ сюда пассатные вѣтры, насыщенные парами. Средняя температура въ атлантическихъ портахъ Гондураса колеблется между 24 и 28 градусами по стоградусному термометру, тогда какъ внутри страны, въ городѣ Комаягуа, стоящемъ на высотѣ 610 метровъ, термометръ показываетъ годовую температуру на 2 или на 3 градуса ниже; въ Тегусигальпѣ, столицѣ, лежащей на высотѣ 1.032 метра надъ уровнемъ моря, средняя температура равняется приблизительно 20 градусамъ, а въ зимніе мѣсяцы температура настолько понижается, что туземцы даже жалуются на стужу. Впрочемъ, прибрежные жители страдаютъ также въ декабрѣ и январѣ, когда сильные сѣверные вѣтры дуютъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ черезъ Юкатанскій проливъ, и когда термометръ показываетъ всего 16—17 градусовъ.

Годовая температура при устьѣ ріо-Негро (15°55′ сѣверной широты):

Крайній холодъ: 16°,66; крайняя жара: 30°; средняя: 24° (Томасъ Юнгъ; Сквайръ). По Сквайру, слой дождевой воды, выпадающей на склонѣ горъ, обращенныхъ къ Атлантическому океану, достигаетъ почти 3 метровъ.

Флора и фауна Центральной Америки почти совершенно такія же, какъ на Тегуантепекскомъ и Даріенскомъ перешейкахъ, съ небольшою разницею только въ подробностяхъ; но мѣстами наблюдаются рѣзкіе переходы отъ вида къ виду, и въ нѣкоторыхъ областяхъ второстепенныя границы между различными органическими формами очень многочисленны. Особенно это замѣтно въ средней части Гондураса. Съ перваго взгляда кажется, что главныя линіи раздѣла между различными поясами флоры и фауны должны бы совпадать съ мѣстами суженія перешейковъ и съ рѣчными долинами, а главнымъ образомъ съ впадиной, гдѣ находится озеро Никарагуа, и откуда вытекаетъ ріо-Санъ-Жуанъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Преграда, поставленная узкимъ интерваломъ въ нѣсколько сотъ метровъ между лѣсами Коста-Рика и Никарагуа, недостаточна для того, чтобы мѣшать распространенію растительныхъ и животныхъ видовъ. Настоящая граница находится гораздо сѣвернѣе и какъ разъ въ одномъ изъ самыхъ широкихъ мѣстъ Центральной Америки, тамъ, гдѣ лѣса Москитія и по ріо-Сеговія уступаютъ мѣсто саваннамъ и травянымъ горамъ внутренняго Гондураса: долины Хумуйя и Гоаскорана съ промежуточнымъ порогомъ представляютъ естественную линію раздѣла; по ту и другую сторону флора и фауна разнообразіемъ своихъ формъ представляютъ разительные контрасты [1]. Одно изъ характеристическихъ деревьевъ Гондураса составляетъ сосна, которую встрѣчаютъ во всѣхъ высокихъ мѣстахъ страны и даже на обоихъ склонахъ почти до самаго сосѣдства съ моремъ, на берегу Великаго океана; однако, она не растетъ здѣсь ниже 400 метровъ высоты надъ уровнемъ моря, тогда какъ на склонахъ, обращенныхъ къ Атлантическому океану, а именно въ равнинѣ Сулы, она попадается на высотѣ 80 метровъ; а вдоль рѣкъ и ручьевъ Трухильо она даже усѣиваетъ саванны, на подобіе деревьевъ въ англійскомъ паркѣ [2]. Въ этихъ лѣсахъ гнѣздятся миріады ласточекъ. На утренней зарѣ онѣ спиралеобразно вьются въ воздухѣ такими густыми массами, что походятъ на столбы дыма, а по вечерамъ онѣ шумно, подобно урагану, спускаются снова на деревья. По словамъ Сквайра, въ горахъ Мерендона попадается еще рѣдкая птица—кезаль.

По болѣе или менѣе приблизительной статистикѣ гондурасскаго населенія, три четверти жителей составляютъ ладиносы, и главный процентъ прироста падаетъ на этотъ элементъ испанскихъ метисовъ: чистокровные индѣйцы или, вѣрнѣе, тѣ, которые живутъ отдѣльными становищами, или по сосѣдству съ культурнымъ населеніемъ, или изолированно въ горахъ, не достигаютъ своею численностью даже 70-ти тысячъ. Впрочемъ, всѣ туземцы, какъ «прирученные», такъ и «дикіе», живутъ въ мирѣ со своими испанскими властителями и признаютъ ихъ авторитетъ. Совмѣстныя работы на плантаціяхъ, въ портахъ и на дорогахъ, а также торговля золотымъ пескомъ, лѣсомъ, продуктами охоты и рыбной ловли, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сближаютъ между собою нѣкогда враждебныя расы и способ-

[1]) Salvin, Ibis, іюнь, 1872 г.; Thomas-Belt, „The Naturalist in Nicaragua“;—Hemsley, „Biologia centrali-americana“.

[2]) G. Squier, „Notes on Central America“.

ствуютъ образованію изъ нихъ одного народа. Во время прибытія испанцевъ гондурасскіе туземцы оказали, при большой храбрости, самое упорное сопротивленіе; по крайней мѣрѣ внутри страны они не были искоренены, тогда какъ на морскомъ побережьѣ и на берегахъ судоходныхъ рѣкъ пираты, какъ извѣстно, похищали жителей, чтобы продавать ихъ въ качествѣ рабовъ на плантаціи Антильскихъ острововъ, гдѣ всѣ они были обречены на гибель.

Въ западной части республики живутъ индѣйцы, говорящіе на томъ же языкѣ, какъ и племена Гватемалы: таковы Копанскіе хорти, родственные покоманамъ и, подобно имъ, принадлежащіе къ майяскому племени; самыя замѣчательныя въ Гондурасѣ доисторическія развалины были найдены на ихъ территоріи, и предполагаютъ, что строителями этихъ зданій были предки индѣйцевъ, живущихъ еще и теперь сейчасъ въ странѣ. Весьма возможно, что хорти, по цивилизаціи, не уступали ацтекамъ и майя, но другіе туземцы Гондураса не оставили послѣ себя подобныхъ памятниковъ; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что всѣ они были земледѣльцами и знали разнообразныя ремесла. Различныя географическія имена ацтекскаго происхожденія, примѣняемыя къ мѣстностямъ Южнаго Гондураса, свидѣтельствуютъ о томъ, что мексиканскій языкъ считался въ этой странѣ по преимуществу нарѣчіемъ людей цивилизованныхъ. Туземцы Гондураса извѣстны теперь подъ общимъ названіемъ ленка. Деревни, населенныя исключительно ими, разсѣяны по всей центральной части плоскогорья, даже около обѣихъ столицъ—Комаягуя и Тегусигальпы. Ксикаки или ксикакосы, пайя и тоака сѣвернаго склона и береговъ Атлантическаго океана принадлежатъ къ тому же племени.

Наружностью они всѣ похожи между собою: коренастые, небольшаго роста, но обладающіе огромной силой и выносливостью въ ходьбѣ и переноскѣ тяжестей, они въ общемъ еще характернѣе мексиканцевъ служатъ прототипомъ покорной кротости и меланхолической доброты. Самые надменные изъ нихъ—тоака, живущіе на верхнихъ притокахъ рѣки Патуки и занимающіеся строеніемъ легкихъ и крѣпкихъ *пипантесовъ* изъ кедроваго дерева, употребляемыхъ для плаванія по этой быстрой и опасной рѣкѣ; тоакскіе ткачи очень искусны въ изготовленіи различныхъ тканей, какъ изъ хлопка, такъ и изъ шелка-сырца, смѣшаннаго съ птичьимъ пухомъ. Они говорятъ на особомъ языкѣ, отличномъ отъ нарѣчія другихъ ленка. У ксикаковъ тоже есть свой собственный идіомъ; это почти пятитысячное населеніе держится въ сторонѣ отъ бѣлыхъ и поддерживаетъ сношенія съ ними лишь чрезъ посредство касиковъ; но иногда касикамъ удается привлекать эти племена къ земледѣльческимъ работамъ у иностранныхъ плантаторовъ [1]). Пайя или пойя на ріо-Негро, живущіе по сосѣдству съ мысомъ Камаронъ, сохранили еще патріархальные нравы; подобно пуэблосамъ Соединенныхъ Штатовъ, они живутъ въ большихъ общинныхъ домахъ, овальной формы, имѣющихъ около 25 метровъ длины, при 10 метрахъ ширины, гдѣ каждому семейству отводится отдѣльное помѣщеніе; въ концѣ жилища находится особое отдѣленіе, отгороженное завѣсою изъ зеленыхъ вѣтвей, которое предназначается для больныхъ женщинъ или родильницъ [2]). Изъ смѣси маніоковой муки съ маисомъ пойя приготовляютъ крѣпкій напитокъ. Они называютъ себя католиками, подобно другимъ индѣйцамъ Гондураса, но эта религія является у нихъ лишь актомъ подчиненія господствующей расѣ бѣлыхъ, или *cristianos*.

Послѣ истребленія или оттѣсненія внутрь страны индѣйцевъ, жившихъ на побережьѣ, преобладающею расою на берегахъ Гондураса сдѣлались негры. Разсказываютъ, что въ началѣ XVII вѣка у мыса Грасіасъ-а-Діосъ потерпѣло крушеніе одно большое судно, торговавшее невольниками, и тѣ негры, которымъ удалось спастись отъ крушенія, основали здѣсь небольшую независимую республику. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились бѣглые негры съ Ямайки и другихъ Антильскихъ острововъ; затѣмъ англійскіе плантаторы привезли сюда рабовъ и основали деревни, въ надеждѣ завоевать страну; первые резиденты—свободные негры, служили имъ въ качествѣ охотниковъ для ловли другихъ людей или для обложенія ихъ налогами. Это населеніе черныхъ эмигрантовъ, черезъ смѣшеніе съ другими расами, постепенно преобразованное, состояло въ концѣ прошлаго столѣтія изъ однихъ только *sambos* или метисовъ, происшедшихъ отъ смѣшенія негровъ съ индѣйцами. Особенно много ихъ было по берегамъ нижней Патуки и въ сосѣднихъ саваннахъ лагуны Брусъ и Каратаски; однако новое нашествіе оттѣснило почти всѣхъ ихъ въ Никарагуа, на берега Москитіи.

Завладѣтели были тоже изгнанники: въ этой непрерывной борьбѣ народовъ и расъ чернокожіе были привозимы съ африканской территоріи, также какъ караибы принуждены были покинуть свой родной Антильскій островъ Сентъ-Винцентъ. Чтобы освободить землю для бѣлыхъ, явившихся сюда въ сопровожденіи порабощенныхъ негровъ, пять тысячъ караибовъ были посажены, въ 1796 г., на англійскія суда и отвезены на берегъ Роатана, главнаго острова Гондурасской бухты. Предполагали, что эта массовая высылка цѣлаго

[1]) Edwards;—E. G. Squier, „Nouvelles Annales des Voyages", ноябрь, 1858 г.

[2]) Thomas Young;—E. G. Squier, „The States of Central America".

народа неизбѣжно приведетъ къ искорененію караибской расы; но, напротивъ, послѣ первыхъ затрудненій изгнанія новые резиденты вполнѣ освоились съ тою мѣстностью, гдѣ имъ приходилось жить: многіе изъ нихъ остались на Роатанѣ, гдѣ стали заниматься рыболовствомъ и садоводствомъ, другіе поселились на западныхъ островахъ архипелага, но большинство изъ нихъ приняло предложеніе испанскаго правительства переселиться на материкъ Гондураса, гдѣ имъ отвели земли въ окрестностяхъ Трухильо. Понемногу преобладающимъ населеніемъ не только на островахъ залива, но и на всемъ Гондурасскомъ и Гватемальскомъ побережьѣ, а также и во всей южной части Британскаго Гондураса, сдѣлались караибы, потомки изгнанниковъ съ о. Сентъ-Винцента. Ихъ насчитываютъ до двадцати тысячъ. Они замѣстили здѣсь индѣйцевъ, увезенныхъ работорговцами, и на нихъ возлагаются всѣ надежды по развитію мѣстной промышленности: будучи по преимуществу земледѣльцами и садоводами, они занимаются, кромѣ того, рубкой въ лѣсахъ краснаго дерева и сплавленіемъ его по рѣкамъ, рыболовствомъ, судостроеніемъ, перевозкою товаровъ, а также торговой агентурой по сношеніямъ съ иностранными негоціантами. Многіе изъ нихъ имѣютъ сахарныя и табачныя плантаціи и являются инціаторами мѣстныхъ промысловъ.

Большинство сентъ-винцентскихъ изгнанниковъ были «черные караибы», т. е. уже смѣшанные съ африканскимъ элементомъ, и со времени ихъ пребыванія въ Гондурасѣ помѣсь выразилась еще рѣзче. Разнородныя помѣси, а также разность занятій и среды породили большія отклоненія отъ первоначальнаго типа; но въ общемъ эти «черные индѣйцы» отличаются высокимъ ростомъ, хорошимъ сложеніемъ, замѣчательной мускульной силой, необыкновенной ловкостью и дѣятельностью въ работѣ. Подобно всѣмъ креоламъ Антильскихъ острововъ, они любятъ наряжаться и очень чистоплотны, какъ по отношенію къ самимъ себѣ, такъ и въ домашнемъ обиходѣ: не только ихъ жилища, но и улицы въ деревняхъ поражаютъ своей чистотой; во многихъ мѣстахъ свиньи держатся въ очень далекомъ разстояніи отъ плантацій и домовъ, чтобы по сосѣдству не было никакой грязи; оттого караибскія деревни, расположенныя обыкновенно на мысахъ и открытыя морскимъ бризамъ, представляютъ мѣстности гораздо болѣе здоровыя, сравнительно съ ладиносскими *пуэблосами*. По словамъ Сквайра и Мореле, караибы обладаютъ даже качествомъ, отсутствующимъ у большинства цвѣтныхъ людей: они предусмотрительны и заботятся о будущемъ въ виду попеченія, которое они должны имѣть о своихъ старыхъ родителяхъ и о своемъ многочисленномъ потомствѣ.

Почти всѣ караибы говорятъ болѣе или менѣе хорошо на трехъ языкахъ: на идіомѣ своихъ предковъ съ Антильскихъ острововъ, по-англійски и по-испански, и можно предсказать, что не далеко то время, когда ихъ родной языкъ совсѣмъ выйдетъ изъ употребленія. Караибы постепенно смѣшиваются съ европейскими окрестными жителями; но все-таки есть еще немало гондурасскихъ караибовъ, которые, выдавая себя за *cristianos* и католиковъ, сохраняютъ нравы языческой эпохи, гдѣ страннымъ образомъ смѣшиваются прерогативы мужчины и женщины. Мужчина имѣетъ право брать себѣ нѣсколько женъ, но съ обязательствомъ обезпечить каждую изъ нихъ домомъ и садомъ и обращаться со всѣми одинаково. Поселившись въ своемъ домикѣ, женщина считаетъ себя полной его собственницей; продукты ея сада принадлежатъ исключительно ей, и она можетъ продавать ихъ на рынкѣ въ свою пользу. Если мужъ прислуживаетъ своей женѣ въ качествѣ носильщика или перевозчика, то трудъ его оплачивается наравнѣ съ трудомъ другихъ рабочихъ [1]). Но тотъ же мужъ, состоящій работникомъ у своей жены, ни за что не согласится нести какую-нибудь ношу, когда идетъ въ сопровожденіи жены: эта работа возлагается на нее, такъ какъ считается эмблемой женской порабощенности.

На атлантическомъ берегу Гондураса самыми многочисленными среди бѣлыхъ и метисовъ европейскаго происхожденія являются англичане, и ихъ языкъ, въ болѣе или менѣе искаженной формѣ, преобладаетъ во многихъ мѣстахъ. Это преобладаніе британскаго элемента объясняется отчасти сосѣдствомъ Белизе; но оно происходитъ также и оттого, что въ теченіе болѣе полутора вѣка англійское правительство нѣсколько разъ пыталось завладѣть этой частью испано-американской территоріи, посылая туда своихъ солдатъ и колонистовъ. Въ прошломъ столѣтіи ямайскіе пираты овладѣли долиною ріо-Негро (Тинто) или Пайя, устроили тамъ плантаціи и лагерную стоянку, защитивъ ихъ крѣпостью, которую имъ пришлось очистить въ 1783 г., въ силу Версальскаго трактата; но они дѣлали неоднократныя попытки вернуться туда, какъ вернулись въ Белизе. Будучи хозяевами острововъ залива, на которые они сослали караибовъ, они говорили о Роатанѣ какъ о «Новомъ Гибралтарѣ», какъ о «Ключѣ къ испанской Америкѣ»; и этотъ опорный пунктъ долженъ былъ служить англійскимъ спекуляторамъ для попытокъ къ завоеванію материка. Въ 1819 г. сэръ Грегоръ Макъ-Грегоръ, сдѣлавшись «милостью Божіей и волею народа» пайяскимъ кацикомъ, поселился на ріо-Негро и основалъ тамъ мнимое королевство, охватывавшее зна-

---

[1]) Young;—Morelet;—Squier, цитированныя сочиненія.

чительную часть Гондураса и Никарагуа. Въ 1839 г., одна англійская компанія, замѣстившая этого шотландскаго кацика, пыталась присвоить себѣ атлантическій склонъ Гондураса, основавъ тамъ новую провинцію «Викторію», какихъ впослѣдствіи появилось много въ колоніальныхъ владѣніяхъ Англіи; городъ Фортъ-Веллингтонъ, столица территоріи, былъ основанъ противъ островов залива. Нашествія англичанъ на материкъ и фиктивное властвованіе Великобританіи на островахъ прекратились лишь въ 1850 г. вслѣдствіе вмѣшательства Соединенныхъ Штатовъ. Эти спорныя владѣнія были возвращены Гондурасской республикѣ.

Самый западный департаментъ республики— Копанскій, который, по своему географическому положенію, долженъ бы принадлежать Гватемалѣ, потому что его воды текутъ отчасти черезъ Гуаланъ въ рѣку Мотагуа. Городъ Копанъ, давшій свое названіе этому административному дѣленію, не будучи, однако, его столицей, прославился своими развалинами различныхъ памятниковъ изъ эпохи, предшествовавшей завоеванію. Объ этихъ развалинахъ давно уже имѣлись указанія въ смутныхъ разсказахъ туземцевъ, и въ 1576 г. Паласіо описалъ ихъ въ своемъ рапортѣ Филиппу II; потомъ о нихъ забыли, и только въ нынѣшнемъ столѣтіи онѣ были снова посѣщены и описаны, прежде всего Галиндо [1]), а затѣмъ Стефенсомъ и Катервудомъ. Главное зданіе, расположенное на самомъ берегу рѣки Копана, въ разстояніи 1.200 метровъ на востокъ отъ мѣстечка, имѣетъ 20, даже 32 метра высоты и 190 метровъ длины. Очевидно, рѣчной потокъ перемѣнилъ свое русло; протекая нѣкогда ниже, онъ направился впослѣдствіи къ основанію зданія, каменный фундаментъ котораго онъ прорѣзалъ въ формѣ утеса [2]). Изъ расщелинъ растутъ деревья, гребень стѣны весь покрытъ листвой; сквозь брешь, отъ которой этотъ монументъ и получилъ свое испанское названіе Вентанасъ, или «Окна», виднѣется густой лѣсъ, покрывающій паперть и дворы древняго храма. Другія стѣны ограды, болѣе неправильныя, чѣмъ стѣна со стороны берега, фланкированы пирамидами и прерываются широкими лѣстницами, плиты которыхъ приподняты и опрокинуты корнями деревьевъ. Многочисленные идолы также были передвинуты или даже полузакрыты густой растительностью: они представляютъ собою монолиты изъ песчаника, изваянные съ такимъ обиліемъ деталей, подобное которому можно встрѣтить развѣ только у художниковъ индусскихъ храмовъ. Средняя фигура, колоссальныхъ размѣровъ и моделированная очень тщательно, изображаетъ человѣческое существо съ сложенными на груди руками; вокругъ этой центральной фигуры тѣснятся всевозможные барельефы, орнаменты, символы и іероглифы, мало отличающіеся по формѣ отъ украшеній на майяскихъ монументахъ. Большіе камни, которымъ дали названіе алтарей, орнаментированы въ большинствѣ случаевъ менѣе обильно, чѣмъ вертикальные стэли идоловъ, но что дѣлаетъ ихъ болѣе любопытными, это—типъ, воспроизведенный на большинствѣ изваяній: онъ имѣетъ удивительное сходство съ фигурами, украшающими храмы Табаско и Юкатана: тѣ же высокія головы, съ выступающими челюстями и откинутымъ назадъ лбомъ [1]). Еще замѣчательнѣе полусферическій жертвенникъ, котораго Галиндо и Катервудъ дали неполное изображеніе, но о которомъ теперь имѣются болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, благодаря одному французскому офицеру, посѣтившему эти мѣста въ 1884 г. Это *таи-ки*, одинъ изъ самыхъ почитаемыхъ у китайцевъ символовъ, тотъ, въ которомъ они видятъ «великое начало всего», «полюсъ міра», соединеніе силы и матеріи, принципъ вѣчности [2]). Совокупность копанскихъ развалинъ, составлявшихъ, очевидно, центръ цивилизаціи области Перешейковъ, покрываетъ, вдоль рѣки, пространство въ нѣсколько километровъ; на вершинѣ одной горы въ 600 метровъ, возвышающейся съ другой стороны ріо-Копана, тоже находятся развалины, а въ окрестныхъ каменоломняхъ валяются огромныя глыбы, которыя должны были служить для новыхъ сооруженій. Деревня Качапа, находящаяся въ 12 километрахъ выше Копана, тоже занимаетъ мѣстоположеніе разрушеннаго города.

Высокая долина Сенсенти, окруженная амфитеатромъ горъ, Мерендонъ, Пакайя и Селаке, представляетъ чудную равнину, высота которой надъ уровнемъ моря исчислена Сквайромъ въ 850 метровъ; она отличается замѣчательнымъ плодородіемъ почвы, которая даетъ одновременно продукты какъ тропическаго, такъ и умѣреннаго поясовъ. Вслѣдствіе этого, край этотъ былъ нѣкогда густо населенъ, и здѣсь-то Лемпира, туземный кацикъ, оказавшій такое энергичное сопротивленіе завоевателямъ, могъ собрать свою огромную армію, численность которой превосходила все нынѣшнее населеніе этой страны. Протекающая по Сенсенти ріо-Вента, или Сантъ-Яго, западный рукавъ Улуа, орошаетъ поля Санта-Розы, главнаго города Копанскаго департамента откуда вывозятъ лучшій гондурасскій табакъ.

[1]) „Bulletin de la Société de Géographie". 1836.

[2]) Cézar et Marzel Daly, рукописныя замѣтки;—A. L. Maudslay. „Proceedings of the R. Geographical Society". Сентябрь 1886 г.

[1]) Stephens and Catherwood, „Travels and Adventures."

[2]) L. Adam;—Hamy, „Société de Géographie". Засѣданіе 2-го іюля 1886 г.

Другой рукавъ Улуа, Меджокоте, пересѣкаетъ Грасіасъ, тоже главный городъ одного изъ богатѣйшихъ по руднымъ залежамъ департамента. Грасіасъ принадлежитъ къ числу первыхъ городовъ, основанныхъ испанцами: Чавецъ, намѣстникъ Альварадо, поселился тамъ въ 1536 г.

Санта-Барбара, лежащая тоже въ бассейнѣ ріо-Венты, на ея боковомъ притокѣ,—главный городъ привилегированнаго департамента, обладающаго богатой равниной Сула, аллювіальными землями нижняго Улуа и Чамеликона и лучшими портами на атлантическомъ берегу. Но мѣстность Сула, до эпохи завоеванія густо заселенная, въ настоящее время почти безлюдна и вновь заселяется крайне медленно. Городъ Санъ-Педро-де-Сула, расположенный въ западной части равнины, давшей ему свое названіе, на скатѣ къ лѣвому берегу Чамеликона, представляетъ собою важнѣйшій земледѣльческій центръ въ краѣ. Въ настоящее время жители его не довольствуются прежними, примитивными промыслами, какъ-то: рубкой и сплавкой краснаго дерева, собираніемъ въ лѣсахъ сассапареля, дикаго какао и другихъ дикихъ растеній, но занимаются новою культурою—разводятъ кокосовыя и камедныя рощи, или *castilloas*, а также плантаціи сахарнаго тростника и кофейнаго дерева. Въ саваннахъ занимаются скотоводствомъ и продаютъ скотъ англичанамъ въ Белизе; кромѣ того, здѣсь развитъ и кустарный промыселъ, который тоже немало способствуетъ процвѣтанію торговли; мѣстные кустари, особенно изъ окрестностей озера Іожоа, славятся выдѣлкою шляпъ изъ волоконъ *palmilla*.

Портами департамента Санта-Барбара и всего атлантическаго склона до Камаягуа служатъ Пуерто-Кортесъ и Омоа, расположенные оба на западѣ низкихъ земель бассейновъ Улуа и Чамеликона. Пуерто-Кортесъ дѣйствительно обязанъ своимъ названіемъ завоевателю Мексики, который основалъ этотъ постъ во время своей гондурасской экспедиціи; но, несмотря на это, долгое время наиболѣе употребительнымъ его названіемъ было Пуерто-Кабальосъ, или «Конный Портъ». Эта гавань, которую длинная коса земли, идущая съ востока на западъ, защищаетъ отъ морскихъ вѣтровъ, очень обширна и глубока; въ нее могутъ входить даже большія суда и принимать грузъ почти у самаго берега. Кромѣ того, ее легко увеличить обширнымъ бассейномъ, такъ какъ лагуна Альварадо, съ которой она соединяется каналомъ около 2-хъ метровъ глубины, имѣетъ въ своей средней части впадину въ 18 метровъ глубины, склоны которой возвышаются постепенно: здѣсь свободно могли бы помѣститься цѣлыя сотни судовъ. Несмотря на всѣ эти преимущества, Пуерто-Кабальосъ долго оставался безъ вниманія: для защиты этого порта отъ пиратовъ необходимо бы было во многихъ мѣстахъ соорудить укрѣпленія, тогда какъ въ другомъ портѣ—Омоа, открывающемся въ видѣ узкаго протока въ десяти километрахъ на западъ, достаточно было для защиты якорной стоянки одного форта, стоящаго у входа въ каналъ. Съ тѣхъ поръ, какъ корсары перестали разорять эти мѣста, морская торговля опять стала пользоваться портомъ Кортесъ; тѣмъ не менѣе Омоа удержала за собой часть внѣшней торговли Гондураса, и въ будущемъ, когда промышленность разовьется, несомнѣнно примутся за эксплоатацію залежей бѣлаго мрамора, которыя открыты въ сосѣдней съ гаванью горѣ. Преобладаніе Пуерто-Кортеса обезпечено желѣзной дорогой, которая начинается у самой пристани и направляется сначала на югъ, къ Санъ-Педро-де-Сула, потомъ къ Комаягуа и къ склону Великаго океана. Въ Пуерто-Кортесъ больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ Гондураса, можно встрѣтить иностранцевъ—англичанъ и сѣверо-американцевъ. По сосѣдству съ нимъ, может быть, у устьевъ Чамеликона, находился древній городъ Нако, пріобрѣвшій извѣстность въ эпоху завоеванія.

Сосѣдніе порты, находящіеся къ востоку отъ р. Улуа, Пуерто-Саль и Тріунфо-де-ла-Круцъ, не принадлежатъ къ числу оживленныхъ; сюда рѣдко заходятъ суда, по причинѣ частыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, которые заставляютъ суда сниматься съ якоря. Дальше, длинный пляжъ Сеиба, изгибающійся съ восточной стороны мыса Конгрехой, получилъ нѣкоторое торговое значеніе, какъ морская пристань департамента и деревни Іоро, расположенной въ ста километрахъ отъ берега внутри страны: суда средней осадки грузятся здѣсь бананами и другими продуктами. Гораздо болѣе оживлена гавань Прогрессо, образуемая выемкой южнаго берега острова Роатана; она прекрасно защищена и совершенно недоступна вѣтрамъ; но эта выгода покупается цѣною зараженія воздуха. Отсутствіе атмосфернаго движенія дѣлаетъ климатъ дотого вреднымъ, что пріѣзжающіе уже черезъ нѣсколько дней схватываютъ злокачественную лихорадку и гибнутъ, если не спасутся во-время бѣгствомъ изъ этой чумной мѣстности. Что касается Трухильо, основаннаго въ первыя времена испанской оккупаціи, въ 1524 г. и выбраннаго въ столицы новаго департамента Колонъ, а ранѣе бывшаго главнымъ городомъ всей страны, то онъ обладаетъ всѣми условіями, необходимыми для торговаго порта: подобно Омоа и Пуерто-Кортесу, онъ защищенъ отъ пассатныхъ вѣтровъ длинною косою полуострова, оріентированною съ востока на западъ, и въ его глубокомъ, хорошо защищенномъ рейдѣ могутъ бросать якорь самыя боль-

шія суда. Въ другихъ странахъ Трухильо сдѣлался бы мѣстомъ схожденія многихъ навигаціонныхъ линій; а между тѣмъ этотъ городъ представляетъ собою жалкую деревушку, насчитывающую всего нѣсколько сотъ жителей, почти исключительно караибовъ; вся экспортная торговля ограничивается вывозомъ краснаго дерева, добываемаго въ лѣсахъ Іоро, сассапарели, скота, кожи и металловъ, которые привозятся сюда караванами изъ провинціи Оланчо, черезъ долину Агуана или ріо-Романо. На протяженіи почти 200 километровъ этотъ торговый путь тянется черезъ пустыни, гдѣ не встрѣтишь ни одного селенія.

Этотъ край Оланчо принадлежитъ къ числу тѣхъ уголковъ земнаго шара, которые вполнѣ заслуживаютъ названіе «Рая», хотя въ Гондурасѣ это названіе присвоено другой провинціи. Климатъ этихъ высокихъ равнинъ необыкновенно благопріятный, почва отличается замѣчательнымъ плодородіемъ; саванны здѣсь чередуются съ лѣсами, пастбища—съ пахатными землями; всѣ долины, надъ которыми господствуютъ живописныя, лѣсистыя горы, орошаются обильными рѣками, пески которыхъ эксплоатируются золотопромышленниками. На золотоносномъ притокѣ рѣки Патуки стоитъ небольшой городокъ—Жутигальпа, населенный испанскими метисами, а по сосѣдству съ нимъ расположенъ индѣйскій городъ Капакаросъ, дѣятельное и промышленное населеніе котораго всегда отличалось необыкновенной покорностью. Изъ Оланчо товары отправляются или по трухильской дорогѣ, или другимъ, западнымъ путемъ, по горнымъ тропинкамъ, спускающимся къ долинѣ Чолутека, или, наконецъ, по рѣкѣ Патукѣ, по которой караибскія лодки ходятъ вверхъ до Пуерто-де-Делонъ, находящагося въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Жутигальпы; и несмотря на всѣ эти преимущества, этотъ чудный край почти еще совсѣмъ пустынный. По переписи, въ департаментѣ Оланчо значится немного болѣе тридцати тысячъ жителей; а въ департаментѣ Колонъ, занимающемъ, начиная отъ Трухильо, весь сѣверо-западный уголъ Гондураса, не насчитывается, вмѣстѣ со столицей, даже и трехъ тысячъ туземцевъ, цивилизованныхъ и дикихъ. Тамъ свободно могли бы жить милліоны людей, не тѣснясь какъ на островахъ Мартиникѣ и Барбадосѣ, лежащихъ подъ той же широтой.

Департаментъ Комаягуа, вмѣстѣ съ департаментомъ Ла-Пацъ, можетъ быть разсматриваемъ какъ раздѣльный хребетъ между покатостями Атлантическаго и Великаго океановъ, хотя и тотъ и другой орошаются рѣкой Гумуйей, одной изъ главныхъ вѣтвей ріо-Улуа; въ ихъ территоріи находятся удобные проходы отъ одного моря къ другому. Комаягуа, или «Плато Источниковъ», главный городъ одноименнаго департамента и прежняя столица республики, расположена на высотѣ 610 метровъ надъ уровнемъ моря, въ обширной равнинѣ, находящейся приблизительно на одинаковомъ разстояніи между обоими морями: Алонцо Касересъ, основавшій его, въ 1540 г., въ самомъ дѣлѣ получилъ порученіе «найти хорошее мѣстоположеніе для города, воздвигаемаго на полпути между двумя океанами». До 1827 г. Комаягуа, который тогда назывался Новымъ Вальядолидомъ, былъ весьма значительнымъ, въ сравненіи съ другими городами Центральной Америки: онъ имѣлъ восемнадцать тысячъ жителей; но ему пришлось выдержать осаду, а затѣмъ полный разгромъ со стороны гватемальцевъ, и съ тѣхъ поръ онъ такъ и не могъ подняться. Большая часть окрестныхъ деревень и городовъ, особенно въ департаментѣ де-ла-Пацъ, населены потомками индѣйцевъ ленка, и нигдѣ въ другихъ мѣстахъ страны не встрѣтишь столько древнихъ разрушенныхъ городовъ, какъ здѣсь. Сквайръ называетъ множество такихъ древнихъ городовъ: самый интересный изъ нихъ—Тенампуа, называемый обыкновенно Пуебло-Віехо, или «Старый городъ». Онъ расположенъ на правильной террасѣ высокаго холма, возвышающагося въ тридцати километрахъ къ юго-востоку отъ Комаягуа и господствующаго надъ всей равниной. Плоскогорье, укрѣпленное природой и трудами рукъ человѣческихъ, соединяется съ другими возвышенностями только узкимъ кряжемъ, унизаннымъ стѣнами и башнями: внутри городской ограды всѣ постройки, какъ кажется, религіознаго происхожденія, состоятъ изъ пирамидъ и ступенчатыхъ террасъ; какъ и въ другихъ индѣйскихъ городахъ, тамъ были найдены изваянія и разрисованная глиняная посуда.

Къ западу отъ департамента Ла-Пацъ, главный городъ котораго, носящій въ настоящее время время такое же названіе, есть прежній ласъ-Пьедрасъ, находится другой гондурасскій округъ, Интибукатъ, лежащій въ горахъ, на покатости ріо-Лемпы, по сосѣдству съ Сальвадоромъ; главный городъ Интибуката, Эсперанца, построенъ на высотѣ 1.585 метровъ, въ умѣренномъ поясѣ, гдѣ воздѣлываютъ маисъ и пшеницу. Въ этой части Гондураса, именно въ Эрандике, находятся богатыя залежи опала. Около деревни Виртудъ, расположенной въ той же горной области, струится изъ грота знаменитая «Агуа-де-Сангре», «Кровяная вода», красная жидкость, которая, падая, свертывается и разлагается, распространяя вокругъ запахъ крови: насѣкомыя кладутъ въ ней свои личинки, а собаки и птицы питаются этою массою. Цвѣтомъ своимъ и свойствами эта вода обязана растущимъ въ ней водорослямъ и различнымъ животнымъ организмамъ, населяющимъ ее [1]).

[1]) E. G. Squier, „Notes on Central America“.

Самая населенная часть Гондураса — бассейнъ рѣки Чолутеки, впадающей въ Великій океанъ: эта область, составляющая восточное продолженіе Сальвадора, тянется до густо населенныхъ мѣстностей Южнаго Никарагуа. Верхній бассейнъ рѣки занятъ департаментомъ Тегусигальпа. Главный городъ этой провинціи и всего государства, носящій то же имя (Тегусигальпа) и въ мѣстныхъ лѣтописяхъ съ 1762 г., почти вдругъ пріобрѣлъ важное значеніе, какъ центръ области, очень богатой золотыми и серебряными рудами. Съ 1778 г. по 1819 г. ежегодная цѣнность доставляемыхъ сюда благородныхъ металловъ колебалась между двадцатью и двадцатью пятью милліонами франковъ: впродолженіи этого періода округъ Тегусигальпа доставилъ этой отрасли торговли около милліарда. Войны, революціи, затѣмъ колебанія цѣнъ руды сильно уменьшили вывозъ ея изъ Тегусигальпы; но послѣ временнаго кризиса рудная промышленность снова поднялась. Этотъ городъ, избранный съ 1880 г. мѣстопребываніемъ конгресса и намѣченный уже какъ будущій главный городъ пяти республикъ Центральной Америки, представляетъ самый многолюдный центръ Гондураса, и населеніе его годъ отъ году увеличивается. Онъ расположенъ амфитеатромъ у подножія крутой горы и господствуетъ надъ правымъ берегомъ Чолутеки, черезъ которую перекинутъ мостъ на десяти аркахъ: находящійся на противоположномъ берегу городъ Консепсіонъ составляетъ одно цѣлое съ Тегусигальпой.

Въ бассейнѣ Чолутеки находятся еще два департамента, тоже очень богатые рудными залежами; одинъ изъ нихъ, съ главнымъ городомъ Юскараномъ, основаннымъ въ серединѣ XVIII вѣка, носитъ заслуженное названіе Параисо, или «Рай»; другой имѣетъ одинаковое названіе съ рѣкой, его орошающей, и съ индѣйскимъ племенемъ, живущимъ на ея берегахъ. Главный городъ Чолутека, построенный на лѣвомъ берегу лимана, прежде назывался Хересъ-де-ла-Фронтера; мелкія суда могутъ подниматься вверхъ по рѣкѣ до самаго города. Въ городѣ Накаоме, лежащемъ на небольшой одноименной съ нимъ рѣкѣ, тоже впадающей въ бухту Фонсека, но значительно западнѣе, находятся очень цѣнимые минеральные источники, которые въ другомъ, не столь жаркомъ, климатѣ привлекали бы большое число посѣтителей. Портомъ этого города служитъ Санъ-Лоренцо, лежащій у сѣверной оконечности бухты того же названія: довольно значительная глубина его, 7 метровъ, даетъ возможность судамъ подходить почти къ самому берегу. Одна изъ проектированныхъ линій междуокеанической желѣзной дороги оканчивается въ портѣ Санъ-Лоренцо; другая пересѣкаетъ ріо-Накаоме у самаго ея устья, затѣмъ идетъ черезъ болотистыя лагуны, отдѣляющія острова Гуеженси и Сакате-Гранде отъ материка, и оканчивается на западномъ пляжѣ этого острова, передъ обширнымъ рейдомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ землями, низкими равнинами материка и островными вулканами бухты: бассейнъ якорной стоянки занимаетъ площадь въ 50 квадратныхъ километровъ, а около конечной пристани глубина воды достигаетъ 10—15 метровъ. Въ ожиданіи окончанія постройки желѣзной дороги, портъ Гондураса на Великомъ океанѣ учрежденъ напротивъ Сакате-Гранде, на сѣверо-западномъ берегу острова Тигре, прежняго притона пиратовъ: онъ получилъ названіе Амапала по Сальвадорійскому мысу, находящемуся у входа въ бухту Фонсека, и до недавняго времени былъ порто-франко. У подошвы древняго вулкана пріютилась небольшая деревенька, окруженная воздѣланными полями. Острова архипелага Фонсека, Сакате-Гранде и Тигре, принадлежали прежде Сальвадору [1]), но въ 183. г. они были уступлены Гондурасу, въ видѣ благодарности за его военную помощь. Великобританія и республика Соединенныхъ Штатовъ оспаривали другъ у друга въ серединѣ столѣтія владѣніе этимъ островомъ, который, наконецъ, былъ отданъ, въ 1850 г., Центральной Америкѣ.

Хотя цѣлая половина Гондураса представляетъ, такъ сказать, еще обширную пустыню, однако населеніе его значительно увеличилось: съ начала вѣка оно по крайней мѣрѣ утроилось. По первой переписи, произведенной въ 1791 г., по приказанію гондурасскаго епископа, на территоріи, сдѣлавшейся впослѣдствіи республикой, числилось 95.500 жителей. Послѣдняя народная перепись отъ 15-го іюня 1887 г., произведенная, повидимому, весьма тщательно, опредѣлила цифру населенія въ 331.917 человѣкъ, изъ которыхъ почти три четверти ладиносовъ. Такъ же, какъ въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ, число женщинъ превосходитъ численность мужчинъ, хотя рождаемость мальчиковъ значительнѣе, чѣмъ дѣвочекъ.

Ладиносовъ—263.045; индѣйцевъ—68.872; мужчинъ—163.075; женщинъ—168.842.

Иммиграція сводится почти къ нулю. По послѣднему исчисленію (1898 г.) ладиносовъ и индѣйцевъ—380.000, негровъ—около 10.000, бѣлыхъ—около 6.000. Свыше 350.000 жит. Гондураса принадлежатъ къ мѣстнымъ уроженцамъ: вмѣстѣ съ ладиносами, уроженцами другихъ республикъ Центральной Америки, иммигранты—«англичане» изъ Белизе или съ Ямайки.

Гондурасъ—странал непромышленная, даже почти и не земледѣльческая, такъ какъ его продукты идутъ только для мѣстнаго потребленія: банановыя, кофейныя и каучуковыя

[1]) José-Maria Cáceres, „Geografia de Centro-America".

плантаціи пріобрѣли значеніе лишь въ послѣдніе годы, хотя табакъ изъ Копана и Санта-Розы давно уже находитъ себѣ должную оцѣнку. Часть индиго, поступающая на сальвадорскія ярмарки, именно въ Чалатенанго, Санъ-Мигуэлѣ и Сенсунтепекѣ, доставляется Западнымъ Гондурасомъ. Обыкновенные мѣстные сыры, называемые *mantequilla*, въ большинствѣ случаевъ привозятся оттуда же [1]).

Послѣ золота и серебра, главнымъ предметомъ экспортной торговли Гондураса былъ еще недавно лѣсъ, преимущественно красное дерево (swietenia mahagony). Лѣса Гондураса славятся этимъ деревомъ, но теперь лучшіе экземпляры уже вырублены; они находились на сѣверныхъ аллювіальныхъ земляхъ, орошаемыхъ рѣками и байю, доступными для судоходства. Теперь для рубки краснаго дерева съ каждымъ годомъ приходится углубляться дальше внутрь страны, вслѣдствіе чего эксплоатація его затрудняется длинными дорогами. Легко предвидѣть, что въ недалекомъ будущемъ красное и другія цѣнныя деревья станутъ большою рѣдкостью, такъ какъ въ пользованіи этими лѣсами не придерживаются никакихъ правилъ разумнаго лѣснаго хозяйства, а между тѣмъ вычислено, что потребуется около трехъ вѣковъ, чтобы новыя насажденія краснаго дерева достигли желаемыхъ размѣровъ. Въ лѣсахъ, гдѣ много красныхъ деревьевъ, устраивается временный лагерь, и съ августа мѣсяца, когда начинается работа дровосѣковъ, вплоть до апрѣля или мая рѣки загромождены плотами этого дерева, а на пристаняхъ кипитъ дѣятельная работа по нагрузкѣ судовъ.

Торговое движеніе Гондураса оцѣнивается въ тридцать милліоновъ франковъ въ годъ; предметами вывоза служатъ минеральные и земледѣльческіе продукты, а также скотъ, тогда какъ ввозятъ почти исключительно мануфактурныя издѣлія.

Внѣшняя торговля Гондураса въ 1898 г. выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: привозъ—1.166.441, вывозъ—1.235.952 золотыхъ песо. Около пяти шестыхъ торговли производится съ Соединенными Штатами, несмотря на близость Белизе, англійской колоніи, и на господство Великобританіи надъ островами бухты и почти надъ всѣмъ Атлантическимъ побережьемъ; скотъ вывозится въ сосѣднія республики и на островъ Кубу. Ежегодное возрастаніе торговли весьма значительно, хотя въ точности размѣры его не извѣстны, такъ какъ таможенныя пошлины въ различныхъ портахъ отданы на откупъ негоціантамъ, которымъ, разумѣется, выгодно не оглашать свои барыши.

Имя Гондураса—одно изъ самыхъ извѣстныхъ въ финансовомъ мірѣ, такъ какъ во всемъ свѣтѣ нѣтъ маленькаго народа, который бы болѣе безцеремонно обирался спекуляторами. Уже съ середины вѣка, благодаря трудамъ Сквайра, стало извѣстно, что порогъ Комаягуа представляетъ собою одно изъ благопріятнѣйшихъ мѣстъ во всей Центральной Америкѣ для проведенія междуокеанской желѣзной дороги, и аферисты тотчасъ же воспользовались случаемъ, чтобы ввергнуть Гондурасъ въ бездну долговъ. Въ 1867 г. первый призывъ фондовъ доставилъ спекуляторамъ 25 милліоновъ франковъ; затѣмъ, въ 1869 и въ 1870 г.г., новые выпуски акцій дали 56 и 62 милліона франковъ. Въ 1871 г., подъ тѣмъ предлогомъ, что дорога будетъ преобразована въ путь для перевозки судовъ, открыли подписку на заемъ въ 375 милліоновъ; но послѣ этого пылъ мелкихъ капиталистовъ ослабѣлъ, и заемъ слѣдующаго года ограничился 50 милліонами, да и тотъ не былъ покрытъ. Такимъ образомъ въ относительно короткое время Гондурасъ былъ обремененъ долгомъ болѣе чѣмъ въ 130 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ развѣ только 17 милліоновъ пошло дѣйствительно на постройку желѣзной дороги. Понятно, что даже при самыхъ благихъ намѣреніяхъ Гондурасъ поставленъ въ полную невозможность разсчитываться по своимъ обязательствамъ: съ 1873 года кредиторы не получали никакихъ процентовъ.

Внѣшній долгъ Гондураса въ 1899 г., съ причитающимися процентами, составлялъ 17.834.894 фунт. стерл. Внутренній долгъ къ 1-му августа 1899 г. простирался до 5.518.822 серебрян. песо.

Правда, доходы Гондураса ежегодно увеличиваются, въ 1899—900 г. они превысили 12.125.000 франковъ; но изъ этой суммы надо отчислить проценты, слѣдуемые мѣстнымъ кредиторамъ; къ тому же доходы, получающіеся отъ таможенныхъ пошлинъ и отъ монополіи пороха, водки и табака, увеличиваются относительно медленно, соотвѣтственно съ торговлей и населеніемъ страны. Долгъ Гондураса, равняющійся нормальному доходу страны болѣе чѣмъ за 40 лѣтъ, при поголовномъ распредѣленіи его, выражается весьма крупною цифрою: на каждаго человѣка приходится почти 1.000 франковъ,—больше, стало быть, чѣмъ во Франціи; а извѣстно, что населеніе Гондураса, впрочемъ, одно изъ самыхъ честныхъ въ Центральной Америкѣ [1]), состоитъ главнымъ образомъ изъ пастуховъ, дровосѣковъ и банановыхъ плантаторовъ. Земля, остающаяся, почти на всемъ своемъ протяженіи, въ первобытномъ состояніи, тоже находится въ залогѣ у капиталистовъ, по 3.000 франковъ за квадратный километръ.

Желѣзная дорога, послужившая предлогомъ

---

[1]) Désiré Pector, рукописныя замѣтки.

[1]) Thomas Belt, „Nicaragua“;—Désiré Pector, рукописныя замѣтки.

къ созданію такого колоссальнаго долга, еще далеко не закончена: единственная существующая линія, имѣющая (1897 г.) всего 92 километра длины, т. е. четверть всего протяженія, выходитъ изъ Пуерто-Кортесъ и все время идетъ по низкой равнинѣ Сулы, гдѣ для проложенія ея не требовались никакія особенныя работы. Для продолженія этой линіи необходимо было образовать новую компанію, начать новыя развѣдки и составить новыя смѣты, а главное сдѣлать новый заемъ; во всякомъ случаѣ сумма въ 200 милліоновъ, опредѣленная предварительной смѣтой, какъ для этой линіи, такъ и для другихъ проектированныхъ отъ Пуерто-Кортесъ до Трухильо и отъ Трухильо до Жутигальпы,—еще не собрана. Въ ожиданіи этого устраиваютъ пока колесныя дороги, для перевозки тяжелыхъ товаровъ въ гористыхъ областяхъ, между бассейнами рѣкъ двухъ противоположныхъ склоновъ. Двѣ главныя дороги Гондураса, отъ которыхъ пойдутъ уже другія вѣтви, слѣдующія: междуокеаническая желѣзная дорога, идущая черезъ Комаягуа, и другая линія, идущая отъ Сенсенти въ Жутигальпу черезъ Интибунатъ, Ла-Пацъ и Тегусигальпу; находящаяся еще въ проектѣ перешейковая желѣзная дорога соединитъ сальвадорскій городъ Санъ-Мигуэль съ никарагуаскимъ Леономъ, огибая бухту Фонсека. Колесная дорога, соединяющая столицу съ ея портомъ на заливѣ противъ Амапала, имѣетъ 258 километровъ длины. Почтовая и телеграфная службы находятся еще въ зачаточномъ состояніи въ сравненіи съ Мексикой; да иначе и не могло быть въ такой странѣ, гдѣ дорогъ очень мало, торговля вялая, и гдѣ главная масса населенія еще неграмотна.

* Въ 1898 г. переслано по почтѣ: внутренней корроспонденціи—около 642.000 отправленій, заграничной—около 300.000 отправленій. Длина телеграфной сѣти—4.400 километровъ; передано депешъ—459.000. Начальныхъ школъ 683, съ 23.667 учащихся; среднихъ учебныхъ заведеній 23, съ 1.588 учащихся. Университетъ въ Тегусигалапѣ, юридическій факультетъ въ Корнаягуа и пр. *

Въ 1887 году періодическая пресса состояла изъ четырехъ газетъ.

Образъ правленія въ Гондурасѣ такой же, какой и въ другихъ республикахъ Центральной Америки, съ небольшою разницею въ деталяхъ. Здѣсь тоже дѣйствуютъ парламентскія учрежденія, часто измѣняемыя государственными переворотами: съ 1824 по 1883 г. смѣнилось сорокъ восемь представителей верховной власти, управлявшихъ страною подъ разными титулами. Въ нормальное время президентъ республики избирается на четыре года всеобщимъ голосованіемъ и управляетъ черезъ посредство совѣта изъ семи министровъ: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ, общественныхъ работъ, военнаго, финансовъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи. Законодательная власть принадлежитъ конгрессу, состоящему изъ 43 членовъ (по одному отъ каждыхъ 10.000 жителей). Военную службу обязаны нести по закону всѣ холостые граждане въ возрастѣ отъ двадцати одного года до двадцати пяти лѣтъ: численность войска вмѣстѣ съ резервомъ опредѣляется въ 25.000 человѣкъ; однако, на дѣйствительной службѣ находится не больше пяти сотъ солдатъ.

Слѣдующая таблица показываетъ названія тринадцати департаментовъ Гондураса, съ ихъ населеніемъ и числомъ жителей главныхъ городовъ въ 1889 г..

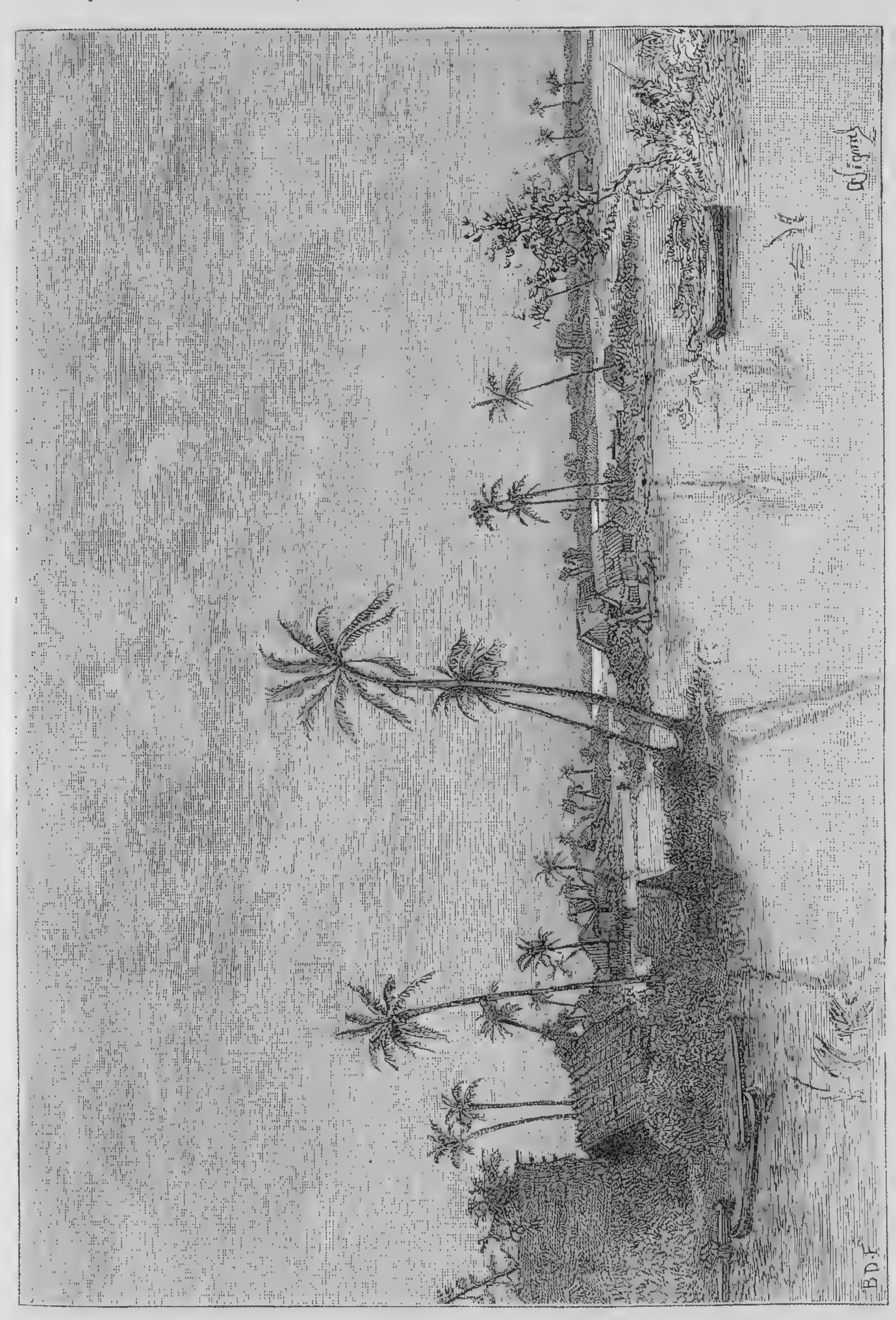
Департаменты.	Пространство, въ квадратн. километр.	Населеніе въ 1889 г. жителей,	изъ	котор.	ладиносовъ.	Главн. города.
Копанъ	7.500	36.744	„	„	32 946	Санта-Роза.
Грасіасъ	7.680	27.816	„	„	15.906	Грасіасъ.
Санта-Барбара	11 000	32 634	„	„	28.051	Санта-Барбара.
Іоро	15.000	13.996	„	„	11.391	Іоро.
Исласъ-де-ла-Бахіа	400	11.474	„	„	8.615	Прогрессо.
Оланчо	27.000	31.132	„	„	24.673	Жутигальпа.
Колонъ	25.000	2.825	„	„	2.261	Трухилльо.
Комаягуа	4.000	16.739	„	„	15.839	Комаягуа (3.000 ж.).
Ле-Пацъ	2.000	18.800	„	„	9.353	Ла-Пацъ.
Интибукатъ	1 600	17.942	„	„	10.554	Ла-Эсперанца.
Тегусигальпа	9.000	60.170	„	„	46 570	Тегусигальпа (15.000 ж.).
Эль-Парайсо	5.000	18.057	„	„	17.863	Луксарапъ.
Чолутека	5.000	43.588	„	„	39.023	Чолутека.
Итого	120.180	331 917	„	„	263.045	

* По даннымъ 1899 года, пространство: 119.820 километр.; населеніе: около 407.000 душъ. *

V. Никарагуа.

Республика Никарагуа, испанское названіе которой, быть-можетъ, воспроизводитъ имя касика, встрѣченнаго завоевателями, есть самое значительное изъ пяти государствъ Центральной Америки, хотя населена она, относительно занимаемой поверхности, рѣже другихъ; тѣмъ не менѣе въ ея территоріи нахо-

дится настоящій центръ области Перешейковъ и одна изъ главныхъ сценъ исторіи Новаго Свѣта. Эта привилегированная страна состоитъ изъ узкой полосы земли, заключенной между берегами озеръ Манагуа и Никарагуа и берегомъ Великаго океана: здѣсь именно и царствовалъ знаменитый кацикъ Никарао, ставшій патрономъ испано-американской республики.

Жилища индѣйцевъ на островахъ Сантъ-Бласскаго залива.

Подобно Гондурасу, атлантическій склонъ Никарагуа тоже страдалъ отъ набѣговъ корсаровъ, и Великобританія, преемница пиратовъ, домогалась обладанія этою разоренною страною: она потребовала себѣ во владѣніе берегъ, называемый Москитіей или Москитовымъ, и если бы не вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ, то все пространство, заключенное между рѣкой Никарагуа и Гондурасской бухтой,

сдѣлалось бы британской территоріей, какою теперь является страна Белизе. Въ силу доктрины Монроэ: «Америка—американцамъ», побережье Карибскаго моря было возвращено Никарагуаской республикѣ; тогда ея независимости стали угрожать другіе враги, такъ называемые истые американцы, какъ они сами себя величаютъ, и въ 1855 году она дѣйствительно находилась въ неизбѣжной опасности. Нѣкій авантюристъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, одинъ изъ тѣхъ людей, какъ говоритъ одинъ исторіографъ, «которые имѣютъ всѣ необходимыя качества для трона или висѣлицы», именно Уокеръ, представитель одной изъ партій, оспаривавшихъ въ то время другъ у друга власть, ввелъ постепенно въ страну болѣе двѣнадцати тысячъ «флибустьеровъ» изъ Сѣверной Америки, которымъ, въ награду за ихъ будущія побѣды, нужно было обѣщать большіе участки земли. Его первое нападеніе на городъ Ривасъ было отбито, но во вторую кампанію онъ овладѣлъ транзитной дорогой, затѣмъ Гранадой, главнымъ городомъ республики, и назначилъ правительство чрезъ своихъ солдатъ; въ скоромъ времени, посредствомъ комедіи выборовъ, онъ сдѣлался президентомъ Никарагуа. Онъ старался возстановить рабство и усиленно привлекалъ въ эту страну плантаторовъ, чтобы обратить ее въ область крупной культуры, по образцу «хлопчатобумажныхъ штатовъ», въ родѣ Миссисипи или Южной Каролины, и даже посулилъ своимъ новымъ подданнымъ осчастливить ихъ «благами» негроторговли. Но уже всѣ народы Центральной Америки поняли грозящую имъ опасность порабощенія, и противъ флибустьеровъ образовался союзъ: съ юга поднялись костариканцы, съ сѣвера гватемальцы, и наконецъ сами никарагуасцы, такъ что Уокеръ, разбиваемый при всѣхъ стычкахъ, былъ вынужденъ запереться въ Ривасѣ, гдѣ, наконецъ, и сдался, въ 1857 году, послѣ четырехъ мѣсяцевъ осады. Его помиловали, оставивъ ему жизнь, и онъ воспользовался ею для двукратной попытки снова вернуться въ Центральную Америку; наконецъ, въ 1860 г., попавъ въ руки гондурасцевъ, въ Трухильо, онъ былъ казненъ, какъ пиратъ.

Неудача флибустьеровъ въ Никарагуа имѣла значеніе не только какъ исключительно мѣстное событіе, и даже ставка этой войны была больше, чѣмъ судьба всей Центральной Америки. Въ дѣйствительности дѣло шло объ участи Соединенныхъ Штатовъ и всего Новаго Свѣта. Рабовладѣльческіе штаты, которые до того времени главнымъ образомъ руководили американской политикой, но которымъ все больше и больше угрожалъ экономическій перевѣсъ свободныхъ штатовъ, должны были сдѣлаться завоевателями, чтобы возстановить равновѣсіе въ свою пользу: имъ нужна была «великая Индѣйская Имперія», т. е. Куба и Антильскіе острова, Мексика и Центральная Америка. Если бы имъ удалось вовлечь въ свою завоевательную политику своихъ сѣверныхъ соотечественниковъ, то они сдѣлались бы безспорными господами въ Вашингтонѣ, и междоусобная война была бы избѣгнута. Именно, въ Ривасѣ, въ Никарагуа, рабовладѣльцы Сѣверной Америки и потеряли свое первое и рѣшительное сраженіе. «Я отстаивалъ ихъ дѣло въ чужой странѣ», — сказалъ Уокеръ, умирая,—«а теперь имъ скоро придется защищать его у себя дома, на своихъ сахарныхъ и хлопковыхъ плантаціяхъ». Почему бы имя Риваса не могло стоять въ исторіи человѣчества рядомъ съ именемъ Мараѳона? Перипетіи американской борьбы были не менѣе трогательны, чѣмъ столкновеніе между Европой и Азіей, и дѣло, которое восторжествовало, было не менѣе велико.

Со времени этого критическаго періода своей исторіи Никарагуа развивалась болѣе спокойно, чѣмъ родственныя ей республики; въ общемъ она прогрессировала въ народонаселеніи и богатствѣ, безъ того, чтобы внутренніе раздоры имѣли слѣдствіемъ важные перевороты. Даже вопросы о границахъ, обыкновенно возбуждающіе такую вражду между народами, здѣсь только подали поводъ къ дипломатическимъ переговорамъ, обмѣну нотъ и попыткамъ рѣшенія спора третейскимъ судомъ. Этотъ вопросъ о границахъ, впрочемъ, мало-важный между странами, которыя называютъ себя союзными, былъ окончательно улаженъ арбитражемъ Соединенныхъ Штатовъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ деталей, границами большаго никарагуаскаго четырехсторонника признаны двѣ рѣзкія черты на картѣ, именно: съ одной стороны теченіе ріо-981Сеговіа, съ другой—южный берегъ озера Никарагуа и русло Санъ-Жуана.

Главная горная цѣпь, проходящая по Никарагуа, есть та самая, которая начинается въ Гондурасѣ высокими горами Чиле и тянется на юго-востокъ параллельно берегу Великаго океана. Большая часть ея остроконечныхъ вершинъ превосходитъ 1.000 метровъ высоты, а самые высокіе пики имѣютъ даже 1.200 метровъ, но эта цѣпь постепенно понижается, и около озера Никарагуа средняя ея высота не превышаетъ 200 или 250 метровъ надъ этимъ бассейномъ. Въ своей совокупности эта неправильная цѣпь должна быть разсматриваема какъ закраина бывшаго плоскогорья, представляющаго съ западной стороны крутыя стѣны, а съ восточной спускающагося къ Атлантическому океану, длиннымъ скатомъ, разрѣзаннымъ многочисленными, расходящимися долинами: въ то время, какъ въ Сѣверномъ Никарагуа долины направляются къ сѣверо-востоку, параллельно ріо-Сеговіа,

центральныя идутъ прямо на востокъ, а долины Южнаго Никарагуа, вмѣстѣ съ долиной ріо-Санъ-Жуана, оріентированы въ юго-восточномъ направленіи. Отрывки плоскогорья, разрѣзанные рѣками, имѣютъ во многихъ мѣстахъ видъ отдѣльныхъ сіерръ: такова на сѣверѣ сіерра Іелука, и на югѣ Іолайна, оканчивающаяся въ морѣ острымъ мысомъ Пунта-Мико, называемымъ англичанами Монкей-пойнтъ. Между различными восточными отрогами главной цѣпи особенно интересенъ одинъ, о которомъ не упоминалъ ни одинъ географъ, ни даже Поль Леви, и который, впервые указанный въ 1874 году натуралистомъ Бельтомъ, тотчасъ же привлекъ къ себѣ вниманіе географовъ сходствомъ своего названія съ именемъ, которое обычай упрочилъ за Новымъ Свѣтомъ: это небольшой массивъ Америка, находящійся вблизи Либертада и замѣчательный своими перпендикулярными стѣнами, обелисками и большими изолированными скалами. Извѣстно, что Жюль Марку связываетъ названіе континента съ этими, прежде неизвѣстными, горами. Почти за четыре вѣка до Бельта, говоритъ онъ, Америго Веспуччи, также какъ его спутники и другіе мореплаватели, вѣроятно, слышали отъ туземцевъ объ этомъ массивѣ, какъ о странѣ сокровищъ, и весь этотъ край сталъ извѣстенъ у моряковъ подъ тѣмъ же названіемъ: тогда-то у Америго явилась мысль утилизировать для собственной славы сходство этого имени съ его собственнымъ [1]). Сіерра Америка, называемая также Америска [2]) и Амерриска по народцу, который нѣкогда, говорятъ, былъ могущественнымъ [3]), находится на территоріи древнихъ ленка, какъ о томъ свидѣтельствуетъ окончаніе *рике* или *рика*, обыкновенное въ областяхъ Гондураса, обитаемыхъ индѣйцами этого племени.

Несмотря на незначительную высоту Никарагуаскихъ горъ и на высокую температуру тропическаго пояса, въ которомъ онѣ находятся, дѣйствіе древнихъ глетчеровъ, въ сѣверныхъ массивахъ Никарагуа, а особенно на равнинахъ горъ, окружающихъ долину Окоталь, столь же явственно, какъ въ ущельяхъ Валлиса и Шотландіи. Оно обнаруживается здѣсь присутствіемъ боковыхъ и переднихъ моренъ, эрратическихъ камней, глетчерной грязи: недостаетъ только на откосахъ долинъ, по которымъ прежде протекали ледяныя рѣки, бороздъ, начерченныхъ движеніемъ скалъ, но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ поверхность камня подвергалась постоянному дѣйствію непогодъ [4]). Движеніемъ ледниковъ Бельтъ объясняетъ скудость золотыхъ блестокъ въ аллювіальныхъ пескахъ, тогда какъ кварцъ скалъ содержитъ въ себѣ прожилины, богатыя металломъ. Такое же явленіе наблюдается въ Новой Шотландіи, и тамъ дѣйствіе льдовъ обнаруживается вполнѣ ясно: они обтесываютъ скалу, проталкивая впередъ всѣ обломки, оторванные отъ горъ, а послѣ прохода льдовъ пески остаются сильно оскудѣвшими.

Къ западу отъ главной цѣпи Никарагуа часть страны, обращённая къ Великому океану, представляла первоначально большую низкую равнину, но силою вулканической дѣятельности на ней образовалось два ряда холмовъ или даже горъ, изъ которыхъ однѣ стоятъ изолированно, а другія тянутся настоящими цѣпями. Первый изъ этихъ рядовъ почти незамѣтенъ, и если глядѣть съ равнины, то кажется, будто онъ сливается съ цѣпью, гребень которой вырисовывается съ восточной стороны. Это оттого, что вулканы выдвинулись изъ почвы на самыхъ бокахъ плоскогорья. Такъ, вулканъ Гуисисиль (1.370 метровъ) поднялся возлѣ горъ Матагальпа и, загородивъ дорогу водамъ, текущимъ на западъ, заставилъ ихъ принять восточное направленіе и изливаться прямо въ Атлантическій океанъ черезъ ріо-Гранде. Къ юго-востоку отъ Гуисисиля, самаго высокаго въ этой цѣпи вулкановъ, другіе конусы возникли вдоль впадины, занятой озерами Манагуа и Никарагуа. Около восточнаго берега большаго резервуара тянутся вулканическіе холмики: серро-де-ла-Пальма, Кунсалтепе, серро-Жунгальпа, Платотепе, Панъ-де-Азукаръ, Жаёнъ, Пикара, Вентанильясъ.

Въ исторіи страны гораздо большее геологическое значеніе имѣютъ пики главнаго ряда, продолжающіе собою цѣпь сальвадорійскихъ вулкановъ. Эта цѣпь начинается въ Никарагуа усѣченнымъ конусомъ Косегуина, который возвышается у южнаго входа въ бухту Фонсека, противъ Кончагуа. Съ открытаго моря видны его величественные круглые валы темно-краснаго цвѣта и наклонная плоскость его обширнаго кратера, усаженнаго круглыми горками, изъ которыхъ самая высокая, по Бельхеру, возвышается на 1.169 метровъ: прежде этотъ правильный конусъ достигалъ по крайней мѣрѣ вдвое большей высоты. До взрыва Кракатау, Косегуина, вмѣстѣ съ Тимборо въ Сумбавѣ, была горой, которую приводили въ примѣръ самыхъ страшныхъ катастрофъ, причиняемыхъ внезапнымъ освобожденіемъ запертыхъ газовъ. 20-го января 1835 г. вершина Косегуины вдругъ взлетѣла на воздухъ: на

[1]) Jules Marcou, „Bulletin de la Société de Géographie“, 3-e trimestre 1888.

[2]) Désiré Pector, „Congrès des Américanistes“, Paris. 1890.

[3]) J. D. Rodriguez, „Lettre à Jules Marcou“, 12 января 1888 г.

[4]) Belt, „The Naturalist in Nicaragua“, p. 260 и т. д.

нѣсколько сотъ километровъ въ окружности распространился мракъ, море покрылось густымъ слоемъ пепла и шлака, затормозившихъ движеніе судовъ, и на разстояніи болѣе 40 километровъ отъ вулкана вся зелень исчезла подъ слоемъ пыли, по крайней мѣрѣ въ 5 метровъ толщины; берегъ выдвинулся въ море и въ бухту Фонсека. На западѣ, пассатный вѣтеръ гналъ пыль на протяженіи болѣе 2.200 километровъ; на востокѣ контръ-пассатъ разносилъ ее по Гондурасу, Юкатану и Ямайкѣ, а боковые воздушные токи переносили ее до Новой Гранады: грохотъ разбившейся горы былъ слышенъ на высокихъ плоскогорьяхъ Боготы, на разстояніи 1.650 километровъ по прямой линіи. Общее протяженіе поверхности, покрытой пепломъ, исчислено въ 4 милліона квадратныхъ километровъ, а разбросанная по воздуху масса—въ пятьдесятъ милліардовъ кубическихъ метровъ. Взрывъ продолжался сорокъ три часа, но при наступленіи длинной ночи жители окрестныхъ селеній разбѣжались, ища спасенія отъ душившаго ихъ пепла, а за ними послѣдовали и животныя, какъ домашнія, такъ и дикія, обезьяны, змѣи, птицы, полагаясь на высшій разумъ человѣка.

Потухшіе вулканы Чонко и Віехо, или «Старый» (1.909 метровъ), возвышаются двойнымъ массивомъ въ пятидесяти километрахъ къ юго-востоку отъ Косегуины; затѣмъ идетъ рядъ Маррабіосовъ, основанія которыхъ соединены такимъ образомъ, что образуютъ какъ бы настоящую сіерру, крутую съ юго-западной стороны и отлогую съ сѣверо-восточной: большинство питоновъ не превышаютъ тысячи метровъ; только Телика, находящаяся въ серединѣ цѣпи, достигаетъ 1.277 метровъ высоты. Нѣсколько восточнѣе оси Маррабіосъ рядъ вулкановъ продолжается величественнымъ конусомъ Момотомбо (1.865 метровъ), основаніе котораго образуетъ полуостровъ въ озерѣ Манагуа; подлѣ него стоитъ островной конусъ Момотомбито (850 метровъ), прижавшійся, какъ дитя къ своей матери. Момотомбо имѣлъ нѣсколько изверженій послѣ пришествія испанцевъ, но затѣмъ вулканъ этотъ долгое время пребывалъ въ покоѣ, какъ вдругъ въ 1852 г. снова воспламенился. Въ прежнее время миссіонеры крестили вулканы, чтобы отвратить пламя ихъ кратеровъ, но Момотомбо не давалъ себя освятить: никто не запомнитъ, чтобы духовныя особы, взявшіяся водрузить тамъ крестъ, возвратились оттуда невредимыми [1].

Другой вулканъ, Чилтепекъ (850 метровъ), образовался въ водахъ озера Манагуа. Дальше къ юго-востоку, небольшіе конусы стоятъ уже на материкѣ, но рядомъ съ прудами, которые несомнѣнно въ прежнюю эпоху составляли часть Манагуа. Приблизительно на полпути между двумя озерами, на цоколѣ почти въ 300 метровъ, возвышается знаменитая гора Мазайя (851 метръ); испанцамъ она была извѣстна нѣкогда подъ названіемъ Инфіерно—«Адъ», а нахуа называли ее Попокатепетль, или «Дымящаяся Гора», подобно большому вулкану въ Мексикѣ. Названіе Мазайя, мангскаго происхожденія, имѣетъ почти то же значеніе [1]: это «Горящая Гора». Овіедо первый совершилъ восхожденіе на вулканъ Мазайя и видѣлъ очагъ кипящей въ кратерѣ лавы. Въ ту эпоху изверженія «Дьявольскаго Жерла» происходили почти съ правильными промежутками. Огромные пузыри лавы, поднимавшіеся со дна «Ада» и выбрасывавшіе цѣлые снопы раскаленныхъ до-бѣла камней, лопались въ воздухѣ черезъ каждыя четверть часа. Находясь подъ обаяніемъ сокровищъ, которыя приманивали къ себѣ столькихъ испанцевъ, два монаха, въ компаніи трехъ товарищей-соотечественниковъ и нѣсколькихъ индѣйцевъ, вздумали черпать изъ вулкана жидкое золото, блескъ котораго они, казалось, видѣли на днѣ кратера, но всѣ ихъ попытки не привели ни къ чему. Тогда явилась другая мысль, и Жуанъ Альваресъ, деканъ капитула въ Леонѣ, придумалъ прорыть въ горѣ туннель, чтобы сразу опорожнить ее отъ драгоцѣннаго металла, заключеннаго внутри нея; но оказалось, что серьезно начать подобныя работы невозможно. Въ 1772 г. послѣ страшнаго изверженія лавы, которая разлилась въ видѣ обширнаго хаоса красныхъ камней среди зеленѣющей равнины, Адъ Мазайи утихъ, и только въ 1852 г. снова вышелъ изъ своего бездѣйствія, на этотъ разъ ограничившись, впрочемъ, однимъ выдѣленіемъ паровъ [2]. Въ 1856 г. Нindири, боковая «опухоль» вулкана Мазайя, раскрылась въ видѣ обширнаго цирка, откуда вырвались цѣлые клубы дыма [3].

На одномъ цоколѣ съ вулканомъ Мазайя, но на сѣверо-западномъ берегу озера Никарагуа, стоитъ вулканъ Момбачо (1.393 метра), давно уже потухшій, но нѣкогда очень дѣятельный, судя по его потокамъ и по архипелагамъ островковъ эруптивнаго происхожденія, los Corales, окружающихъ подводную часть подножія. Къ юго-востоку отъ этой горы цѣпь вулкановъ продолжается въ самомъ озерѣ, сначала въ видѣ небольшаго пригорка Запатера въ 600 метровъ высоты, а затѣмъ въ видѣ большаго острова съ двойнымъ конусомъ. Главный вулканъ двойнаго острова (1.630 метровъ) неправильно носитъ названіе Ометепе, потому

[1] Squier;—Victor Hugo, „Les Raisons du Momotombo". Въ «Легендѣ Вѣковъ».

[1] Oviedo y Valdés, „Histoire du Nicaragua";—G. Froebel, „A travers l'Amerique";—Désiré Pector, рукописныя замѣтки.

[2] Belly, „L'Isthme de Nicaragua".

[3] Dollfus и E. de Mont-Serrat, цитированныя сочиненія.

что это названіе, нахуатльскаго происхожденія,—Оме-тепетль — значитъ «Двѣ горы», и примѣнялось дѣйствительно къ двумъ пикамъ—сѣверо-западному и юго-восточному. Послѣдній, меньшей высоты (1.277 метровъ), названъ испанцами Мадера, или «Лѣсъ». Вершина Ометепе имѣетъ большой кратеръ, заключающій въ себѣ озеро, а на склонѣ горы открывается другой, болѣе обширный кратеръ, но совершенно скрытый подъ растительностью. Съ высоты этой горы видны у ея подножія все озеро, узкій перешеекъ, отдѣляющій его отъ Великаго океана, и амфитеатръ возвышенностей, развертывающійся на половинѣ горизонта.

Къ западу отъ двухъ озеръ, перешеекъ, который собственно и составляетъ Никарагуа, тоже имѣетъ свою береговую цѣпь, впрочемъ, невысокую и изрѣзанную многочисленными бухтами: самая высокая горка на этой узкой полосѣ земли, Вентуронъ, имѣетъ 240 метровъ; самый низкій порогъ не превышаетъ 7 — 8 метровъ надъ уровнемъ озера, а въ самой узкой его части насчитываютъ всего 21 километръ отъ моря до моря. Во многихъ мѣстахъ почва этого перешейка состоитъ исключительно изъ туфовъ вулканическаго происхожденія. Во время бывшихъ изверженій лава разливалась по разнымъ направленіямъ, соотвѣтственно внутреннему давленію; но пепелъ, выбрасывавшійся изъ кратера, ложился постоянно по одному направленію, именно на юго-западъ, сообразно пассатному вѣтру, который гналъ въ эту сторону его столбы. Эти пласты обломковъ, извѣстные въ Никарагуа подъ древнимъ нахуатльскимъ названіемъ *талпетате* или *тепстате*, покрываютъ почти всю прибрежную область Великаго океана. Они-то и послужили причиной того, что эта область совсѣмъ лишена ручьевъ и источниковъ: вся дождевая вода, просачиваясь сквозь камешки и пепелъ, быстро исчезаетъ въ нѣдрахъ почвы. Жители вынуждены сохранять въ цистернахъ необходимую для питья воду, а растенія находятъ потребную для своего произрастанія влагу лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода, задерживаемая потоками лавы, сохраняется на поверхностныхъ пластахъ почвы. Зато быстрое исчезновеніе водъ имѣетъ ту выгоду, что въ перешейковой области не могутъ образоваться настоящія болота.

Хотя осевая цѣпь Никарагуаскихъ горъ тянется на востокъ отъ озерныхъ впадинъ, и понижающаяся почва представляетъ на берегахъ океана слегка волнистую равнину, тѣмъ не менѣе настоящею вершиною водораздѣла служитъ узкая полоса земли, ограничивающая съ запада озеро Никарагуа. Воды, спускающіяся съ западнаго склона Чонталесскихъ горъ, вливаются не въ Великій океанъ, а, напротивъ, описавъ нѣсколько извилинъ, впадаютъ въ Караибское море: это можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, насколько несостоятельно составившееся убѣжденіе, что линіи раздѣла должны совпадать съ направленіемъ горныхъ хребтовъ. Впрочемъ, раздѣльный порогъ, образуемый перешейкомъ, выпускаетъ изъ своего западнаго склона только маленькіе ручейки. Единственныя рѣки, текущія изъ Никарагуаскаго озера въ Великій океанъ, берутъ свое начало на другой сторонѣ Маррабіосовъ и впадаютъ въ бухту Фонсека. Эти рѣки—Эстеро-Реаль, получающая свое начало близъ озера Манагуа, а сѣвернѣе—ріо-Негро, служащая границею между двумя республиками, Гондурасомъ и Никарагуа, часто мѣняли свое теченіе вслѣдствіе изверженій пепла, который заваливалъ русла, образуя въ нихъ острова и полуострова; можетъ-быть, что и колебанія почвы также способствовали перемѣщенію рѣчныхъ ложъ. Со времени изверженія Косегуины въ 1835 г. ріо-Негро четыре раза мѣняла свое русло; своими боковыми байу она изливается теперь въ ту же дельту, какъ и Эстеро-Реаль. Оттого двѣ сосѣднія республики, оффиціальной границей которыхъ было бродячее русло этой рѣки, установили болѣе точную границу, начертавъ ее по мысленной оси долины [1].

Самая многоводная рѣка Сѣвернаго Никарагуа, пересѣкающая всю территорію въ самой широкой ея части и впадающая въ Атлантическій океанъ близъ мыса Грасіасъ-а-Діосъ, получаетъ начало въ горахъ Матагальпа, откуда, съ другаго ихъ склона, вытекаютъ притоки Эстеро-Реаль. Во всей испанской Америкѣ нѣтъ другой рѣки, которая имѣла бы такое множество именъ, какъ эта. У самыхъ верхнихъ истоковъ, всего въ 89 километрахъ отъ береговъ Великаго океана, она извѣстна сначала подъ названіемъ Соморо, затѣмъ—Кабругаль или Кабуллаль; ниже, это уже ріо-Коко или Кокосъ, Оро, Іоро или Яре, Портильо-Лисо, Тапакакъ, Энкуентро, Пантасма или же Сеговіа; это послѣднее названіе она заимствуетъ отъ лежащаго на ея берегахъ города и отъ провинціи, которую она орошаетъ; кромѣ того, ее называютъ еще Грасіасъ или Капъ-Риверъ, по имени низкаго полуострова, который она образуетъ при впаденіи въ море; наконецъ, ее называютъ еще Эрбіасъ, а англичане прозвали ее Ванксъ или Янкесъ. Это разнообразіе названій происходитъ не только отъ различія прибрежнаго населенія, говорящаго на разныхъ языкахъ, но и вслѣдствіе отсутствія историческаго единства страны: въ то время, какъ испанскіе колонисты селились въ верхнихъ долинахъ ріо-Сеговіа, иностранные мореплаватели и пираты всякой національности ходили вверхъ по нижнему теченію рѣки. Стиснутый справа и слѣва

---

[1]) Désiré Pector, рукописныя замѣтки.

горами, бассейнъ этой рѣки довольно узокъ, но, выставленная дѣйствію влажныхъ вѣтровъ, несущихъ дождь, ріо-Сеговіа становится могучимъ потокомъ, и ниже пороговъ, прерывающихъ ея теченіе, она вполнѣ судоходна для пипантъ и даже для небольшихъ пароходовъ, на протяженіи почти 275 километровъ. При устьѣ эта рѣка имѣетъ широкую дельту, которая уходитъ далеко въ море между берегами изъ красноватаго аллювія, приносимаго съ верхнихъ долинъ. Одинъ изъ рукавовъ обязанъ своимъ происхожденіемъ лѣсопромышленникамъ, которые устроили себѣ такимъ образомъ болѣе удобный выходъ изъ боковой бухты въ главное русло рѣки; но этотъ проходъ тоже засаривается, и глубина воды на барѣ достигаетъ всего какихъ-нибудь 1—1½ метра, смотря по высотѣ воды въ рѣкѣ и по состоянію вѣтровъ, а также морскихъ приливовъ и отливовъ. А между тѣмъ въ этихъ опасныхъ водахъ Колумбъ нашелъ себѣ убѣжище, почему и далъ мысу названіе Грасіасъ-а-Діосъ («Благодареніе Богу»). Гидрологія ріо-Сеговіа: длина теченія—650 килом.; поверхность бассейна—28.000 кв. километр.; средній расходъ воды въ секунду—500 кубич. метр.

Другія значительныя рѣки текутъ къ югу отъ ріо-Сеговіа въ Атлантическій океанъ, но онѣ орошаютъ земли почти необитаемыя, и извѣстны только своими устьми, вѣтвями дельтъ и прибрежными лагунами. Самая большая изъ этихъ рѣкъ между ріо-Сеговіа и Санъ-Жуаномъ, — та, которая, кромѣ многихъ другихъ названій, носитъ вполнѣ заслуженное ею наименованіе ріо-Гранде. Вѣроятно, ея главная вѣтвь, ріо Матагальпа, текла прежде на западъ, къ озеру Манагуа; но послѣ того, какъ вулканъ Гуасисиль загородилъ ей дорогу своими шлачными конусами, она должна была повернуть на югъ и искать себѣ другой выходъ; найдя его у порога Тамариндо или Эсквипуласа, она взяла прямое направленіе къ Атлантическому океану, проложивъ русло по слегка наклоннымъ равнинамъ. Въ одной части своего теченія рѣка Матагальпа извѣстна подъ названіемъ Бульбуль, тогда какъ устье ея москитоскіе самбосы называютъ Ауалтара. Боковые байу соединяютъ устье ріо-Гранде съ устьями другихъ рѣкъ: по картѣ Леви, отъ мыса Грасіасъ-а-Діосъ до лагуны Блюфильдсъ, на протяженіи около 400 километровъ, даже тянется непрерывный рядъ ложныхъ рѣкъ, каналовъ и лагунъ, отдѣленныхъ отъ моря валомъ песчанаго пляжа и полосами корнепусковъ. Лагуны, лежащія между ріо-Гранде и ріо-Сеговіа, въ большинствѣ случаевъ узки и загромождены островами, между тѣмъ какъ къ югу отъ ріо-Гранде лагуны де-ласъ-Перласъ и Блюфильдсъ,—названныя такъ, говорятъ, по имени одного голландскаго пирата, Блейфельдта,—представляютъ собою настоящія внутреннія моря, размѣры которыхъ все болѣе и болѣе суживаются отъ корнепусковъ, но которыя все еще открываютъ обширное пространство для свободнаго плаванія. Въ эту лагуну вливается рѣка Блюфильдсъ, называемая также, въ средней части своего теченія, ріо-Эскондидо, или «Скрытая рѣка», потому что эта область Никарагуа была еще недавно совсѣмъ неизвѣстна.

Съ геологической точки зрѣнія, нынѣшній морской берегъ, начиная отъ мыса Грасіасъ-а-Діосъ до Пунта-Мико, указываетъ на переходное состояніе между прежнимъ побережьемъ, составляющимъ теперь западный берегъ лагуны, и краемъ большой мели Москито, выдвигающейся въ море на разстояніе отъ 50 до 150 километровъ и заключающей съ себѣ массу рифовъ, какъ подводныхъ, такъ и наружныхъ. Одинъ изъ этихъ рифовъ, Кей-Москито, сообщилъ свое имя всей мели, а затѣмъ оно было распространено на весь восточный берегъ Никарагуа, вмѣстѣ съ его населеніемъ. Между островами наружнаго края мелей встрѣчаются настолько большіе и выдающіеся надъ водой, что тамъ могли основаться даже колоніи; таковы острова: Віеха-Провиденсія и Санъ-Андреасъ, принадлежащіе въ политическомъ отношеніи къ Колумбійской республикѣ, островки дель-Маисъ, называемые англичанами Корнъ-Айлендсъ, и Жемчужные (де-ласъ-Перласъ), расположенные на самомъ рифѣ и принадлежащіе республикѣ Никарагуа.

Къ югу отъ Пунта-Мико, узкій склонъ горъ посылаетъ нѣсколько рѣкъ къ Караибскому морю, и одна изъ нихъ, ріо-Индіо, смѣшиваетъ иногда свои воды, на морской поверхности, съ водами большой рѣки Санъ-Жуанъ, самой обильной во всей Никарагуаской территоріи, которая, впрочемъ, владѣетъ частью ея бассейна: наибольшую массу воды доставляютъ этой рѣкѣ сѣверные склоны вулканической цѣпи Коста-Рика, совершенно открытые пассатнымъ вѣтрамъ. Санъ-Жуанъ получаетъ свое начало, какъ извѣстно, на западѣ главной Никарагуаской горной цѣпи, во впадинѣ, гдѣ образовались два большихъ озера: въ настоящее время водораздѣломъ служитъ небольшая возвышенность въ сосѣдствѣ; но многочисленные признаки позволяютъ думать, что тамъ гидрологическія явленія тоже совершенно измѣнились, вслѣдствіе колебаній почвы и вулканическихъ изверженій. Было время, когда та разсѣлина, черезъ которую въ настоящее время пробивается ріо-Санъ-Жуанъ, направляясь къ Атлантическому океану, еще не существовала, и когда воды большаго озера Никарагуа, въ прежнія времена болѣе высокаго, чѣмъ теперь, и заключавшаго въ своемъ бассейнѣ также воды озера Манагуа, изливались въ бухту Фонсека. Тогда Чонталесская цѣпь дѣйствительно была осью раздѣла между двумя скло-

нами. Несомнѣнно, къ этой эпохѣ и относится появленіе морскихъ видовъ, которые приспособились къ прѣснымъ водамъ Никарагуаскаго озера.

По народнымъ сказаніямъ, послѣдніе слѣды древняго положенія вещей изгладились лишь въ очень недавнее время. Туземцы увѣряли *descubridor'a* Жиль Гонзалеса-де-Авила, что озеро Ксолотланъ, нынѣшнее Манагуа, изливалось, посредствомъ небольшой рѣчки, прямо въ «Заливъ Чоротега», т. е. въ бухту Фонсека, но что эта рѣчка была заграждена потоками лавы, вылившимися изъ Момотомбо. Первоначальный истокъ, засоренный въ верхней своей части, все-таки сохранилъ свое русло: это нынѣшняя Эстеро-Реаль; но озеро Манагуа должно было искать себѣ выходъ съ южной стороны и излиться въ озеро Никарагуа: такимъ-то образомъ изъ данника Великаго океана оно обратилось въ данника Атлантическаго океана [1]). Впрочемъ, такъ какъ ежегодный притокъ воды весьма незначительно превышаетъ количество воды испаряющейся, то достаточно было бы самаго ничтожнаго подъема береговъ, чтобы резервуаръ Манагуа не имѣлъ истока. Въ сезонъ дождей излишекъ озерной воды питаетъ выходной источникъ и образуетъ, въ *salto* Типитапа, красивый водопадъ въ $5^1/_2$ метровъ высоты; но въ сухое время года рѣка не имѣетъ даже непрерывнаго теченія и во многихъ мѣстахъ медленно струится черезъ пески и трещины въ камняхъ. Тутъ *ріо* прекращается: она совершенно пересыхаетъ и образуетъ интервалъ почти въ 7 километровъ, который отдѣляетъ выходной источникъ озера Манагуа отъ *эстеро* Пиналойя; послѣдній имѣетъ видъ рѣки, но на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ небольшой заливчикъ съ тихими водами, сообщающійся съ озеромъ Никарагуа [2]); въ дождливое время года скалы, заграждающія Типитапу, дѣлаютъ ее даже совершенно неудобной для судоходства: чтобы переправить лодку изъ одного озера въ другое, Бельхеру, въ 1836 г., пришлось протащить ее по землѣ. Странно, поэтому, что прожектеры, совершенно незнакомые съ страной, изображали ріо-Типитапа естественнымъ продолженіемъ проектируемаго междуокеанскаго канала, тогда какъ на самомъ дѣлѣ придется прорыть шлюзованный ровъ между двумя бассейнами. Само озеро Манагуа, несмотря на свою обширную поверхность, имѣющую болѣе тысячи квадратныхъ километровъ, усѣяно мелями, которыя дѣлаютъ его судоходнымъ только для судовъ небольшаго водоуглубленія, примѣрно въ одинъ или два метра. Его средняя водная площадь находится на высотѣ42 метр. надъ уровнемъ моря.

[1]) Paul Lévy, цитированное сочиненіе.
[2]) Calderon, „Bulletin de la Société Géologique de France", 1882.

При уровнѣ около $8^1/_2$ метровъ, т. е. возвышающемся на $33^1/_2$ метра надъ уровнемъ сосѣднихъ морей, озеро Никарагуа, Каснболко аборигеновъ, покрываетъ, въ среднемъ, площадь въ 9.000 квадратныхъ километровъ, но не имѣетъ такихъ пучинъ, какъ альпійскія озера: въ самомъ глубокомъ мѣстѣ оно имѣетъ всего 82 метра и, слѣдовательно, опускается ниже уровня моря, съ которымъ это озеро прежде сообщалось, что доказывается животными морскаго происхожденія, населяющими его; таковы—*pristis antiquorum* и одна акула, *eulamia nicaraguensis* [1]). Нѣкоторыя части бассейна, особенно на юго-востокѣ, по сосѣдству съ мѣстомъ выхода Санъ-Жуана, имѣютъ весьма незначительную глубину. Въ зависимости отъ смѣны дождей и засухи разница высоты уровня колеблется въ предѣлахъ двухъ метровъ; но нельзя сомнѣваться, что водная поверхность была нѣкогда значительно выше, потому что островки, разсѣянные къ югу отъ вулкана Запатера, покрыты слоями пепла, заключающими въ себѣ прѣсноводныя раковины, похожія на тѣ, которыя находятъ теперь на сосѣднихъ берегахъ. Восточная и западная стороны озера подвержены различнымъ вліяніямъ вѣтровъ и теченій; въ то время, какъ восточная часть, защищенная горами, имѣетъ почти всегда спокойную поверхность, на западномъ берегу пассатный вѣтеръ постоянно волнуетъ воду, заставляя ее съ силою разбиваться о берегъ. Почти ежедневно уровень озера у береговъ находится въ колебаніи, то подымаясь, то опускаясь на 60 сантиметровъ, а иногда даже и на цѣлый метръ, что зависитъ отъ силы пассатнаго вѣтра, увеличивающейся во время дневной жары и уменьшающейся съ наступленіемъ ночной прохлады: такова причина явленія, которое испанскіе писатели смѣшивали прежде съ приливомъ и отливомъ. Берега тоже представляютъ рѣзкій контрастъ: западный берегъ, о который постоянно ударяются волны, покрытъ пескомъ и булыжникомъ или титановыми крупинками, притягиваемыми магнитомъ, тогда какъ восточный пляжъ—низкій и болотистый. На этомъ побережьѣ эруптивный пепелъ во многихъ мѣстахъ такъ смѣшался съ горными наносами, что образовалось нѣчто вродѣ клейкой массы. Въ дождливое время года обширныя пространства земли обращаются въ *cienagas*, совершенно непроходимыя топи; спускающаяся съ высотъ вода всасывается въ вязкую почву на значительную глубину: вся равнина представляетъ тогда сплошное море грязи. Впродолженіи сухаго сезона застоявшаяся въ обширныхъ бассейнахъ вода постепенно испаряется, почва осѣдаетъ, трескается по всѣмъ направле-

[1]) Th. Gill and J. Bransford, „Proceedings of the Academy of National Sciences". Philadelphia, 1877.

ніямъ, но не даетъ изъ себя растительности. Чтобы землю эту превратить въ плодородныя поля, надо ее осушить дренажемъ отъ воды, насыщающей ее въ сезонъ дождей [1]).

Озеро имѣетъ много притоковъ, и нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на слабое теченіе, пріобрѣли извѣстность, такъ какъ русла ихъ могутъ служить проходомъ для междуокеаническаго канала: таковы, на перешейкѣ Ривасъ, рѣки Сапоа и де-ласъ-Лажасъ. Изъ всѣхъ данниковъ Никарагуа больше всего катитъ воды ріо-Фріо, которую питаютъ потоки, спускающіеся съ высокихъ горъ Коста-Рика; вмѣстѣ съ тѣмъ она же больше всего способствуетъ засоренію озера пепломъ, который приноситъ изъ вулканической области и настилаетъ цѣлыми мелями: рано или поздно вся эта часть бассейна выйдетъ изъ воды, подобно тому какъ выступили многочисленные островки архипелага Солентинаме, опирающіеся, впрочемъ, на вулканическое ядро новѣйшаго происхожденія; ріо-Фріо сдѣлается со временемъ данникомъ не озера, а Санъ-Жуана, постепенно удлиняющагося въ своей верхней части, въ аллювіальныхъ земляхъ. Когда откроютъ судоходный каналъ, эта мутная рѣка будетъ однимъ изъ главныхъ препятствій, которыя придется устранять для обезпеченія правильной глубины каналу, вырытому въ низкихъ водахъ.

Санъ-Жуанъ вытекаетъ изъ озера немного ниже устья ріо-Фріо и сначала течетъ медленно, затѣмъ скорость его мало-по-малу увеличивается въ выходномъ потокѣ; онъ болѣе извѣстенъ здѣсь подъ названіемъ Дезагвадеро. Дѣйствительно, верхняя часть Санъ-Жуана скорѣе озерной разливъ, чѣмъ настоящая рѣка, такъ какъ уровень его почти не подвергается колебаніямъ, вслѣдствіе чего его называютъ въ этомъ мѣстѣ Aguas Muertas, или «Мертвыя воды»; рѣчной характеръ онъ принимаетъ лишь нѣсколько выше Кастильо, небольшой крѣпостцы, примостившейся на откосѣ праваго берега, въ 65 километрахъ отъ выхода, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ излишекъ озерной воды находитъ себѣ выходъ чрезъ цѣпь сланцевыхъ скалъ, соединяющихъ Чонталесскія горы съ контрфорсами Коста-Рики: выше этой бреши разсѣяно нѣсколько каменныхъ глыбъ, принадлежащихъ къ образованіямъ озерной окружности. У Кастильо, Санъ-Жуанъ спускается порогами, за которыми, въ двадцати километрахъ ниже, слѣдуетъ водопадъ *raudal* Мачука, названный такъ по имени перваго европейца, изслѣдовавшаго Санъ-Жуанъ; рѣка до сихъ поръ еще не выровняла этой части своего русла, и брешь сохраняетъ видъ прорѣза. Ниже, въ нее впадаетъ рѣка Санъ-Карлосъ, которая спускается съ высокихъ горъ Коста-Рики и катитъ почти такое же количество воды, какъ и Санъ-Жуанъ. Ріо-Сарапикуи, питаемая также многочисленными потоками, бѣгущими съ коста-рикскихъ вулкановъ, присоединяется къ общей артеріи этого бассейна въ недалекомъ разстояніи выше дельты: ее можно назвать настоящею рѣкою какъ по объему водной массы, такъ и по общему направленію ея долины. Но, подобно Санъ-Карлосу, она наноситъ такое огромное количество аллювія, что пришлось отложить всякую мысль объ утилизированіи прямо Санъ-Жуана въ этой части его теченія при устройствѣ большаго навигаціоннаго канала. Тѣмъ не менѣе мелкія гребныя суда неоднократно поднимались по теченію, а гоэлеты и даже пароходъ входили изъ моря въ озеро, хотя и съ большимъ трудомъ, такъ какъ выше пороговъ судно приходится тянуть бечевой.

Дельта Санъ-Жуана часто мѣняла форму своихъ развѣтвленій. Туда же впадаетъ ріо-Колорадо, спускающаяся съ вершинъ Коста-Рики, Иразу и Туріальбы, и смѣшивающая свои живые и мертвые рукава съ рукавами Санъ-Жуана. Въ серединѣ XIX в. почти вся водная масса этихъ соединенныхъ рѣкъ изливалась въ море у города Санъ-Жуанъ-дель-Норте, и могучая водная площадь прорыла широкій портъ, куда легко входили суда средней осадки Но открытіе Хименеса, рукава Санъ-Жуана, соединяющагося съ ріо-Колорадо и носящаго обыкновенно то же названіе, отвело значительную часть водъ; другіе банки уносили по временамъ остальную воду, такъ что гавань, наполовину засыпанная, осталась почти безъ сообщенія съ рѣкой.

Гидрологія ріо-Санъ-Жуана: отъ истока ріо-Санъ-Рафаэль до озера Манагуа—150 километровъ; поперечная поверхность озера Манагуа—45; ріо Типитапа—30; поперечная поверхность озера Никарагуа—140; Дезагвадеро (средняя ширина 126 метровъ)—200; итого—565 километровъ.

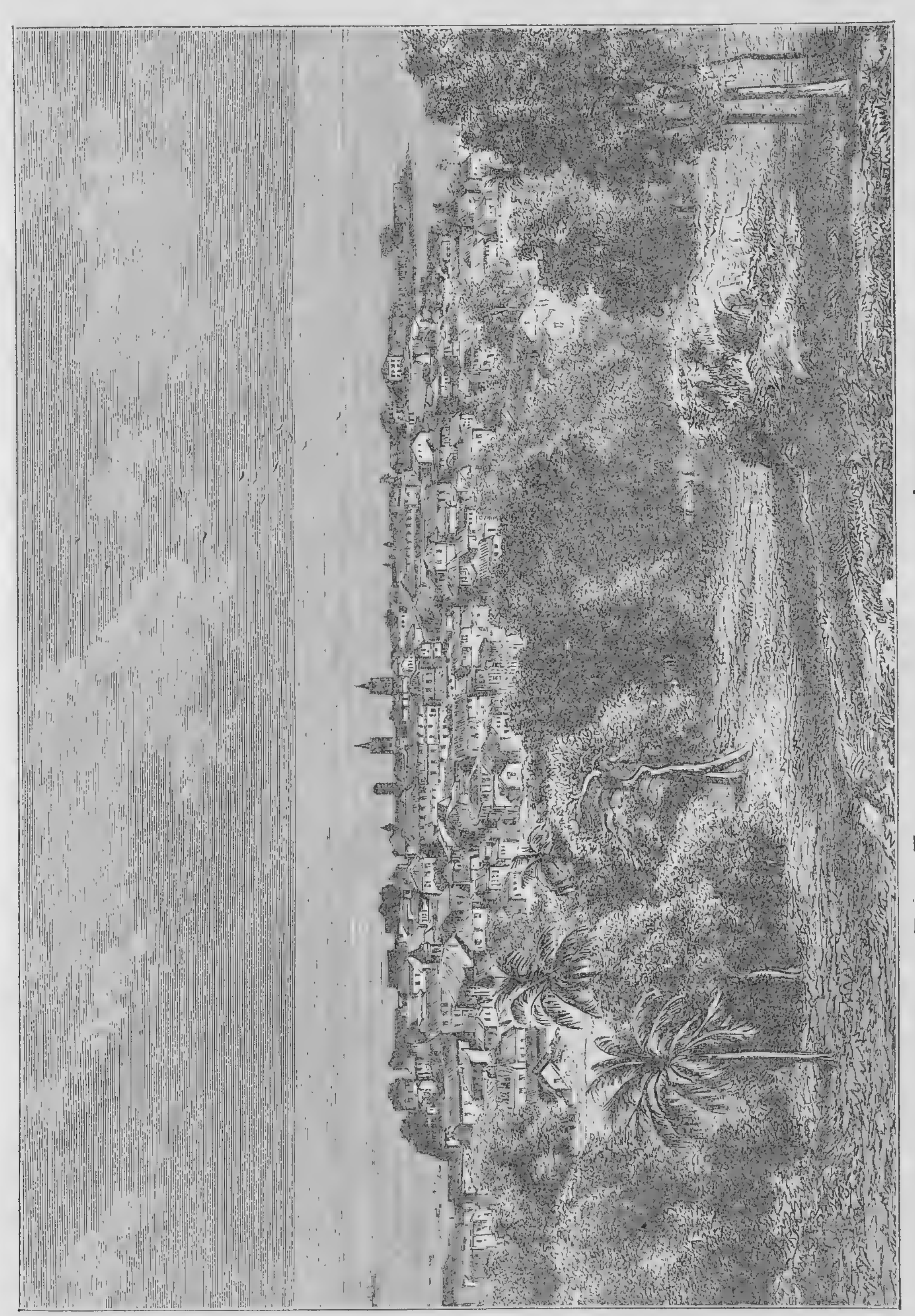
Поверхность бассейна, включая сюда Колорадо, по Бальи—39.700 кв. килом.; дебитъ Дезагвадеро при выходѣ изъ озера (261 метръ при мелководьи)—348 куб. метровъ; дебитъ Дезагвадеро при раздвоеніи дельты, по Чайльду и Уесту—638; дебитъ Дезагвадеро во время половодья, по Бэдфорду Пиму—1.500 куб. метровъ въ секунду.

Суда должны бросать якорь въ открытомъ морѣ, за баромъ, переплывать который очень трудно и даже опасно: временами портъ совершенно закрывался, и всякое судоходство становилось тогда невозможнымъ. Предполагали перенести портъ къ устью Колорадо, но баръ, гдѣ водная толща достигаетъ 3—5 метровъ, часто мѣняетъ свою глубину, а дующіе тамъ сѣверные вѣтры чрезвычайно опасны; къ тому же и берега этой рѣки столь же непостоянны, какъ и у Санъ-Жуана, такъ что

[1]) Belt;—Lévy;—Belly, цитированныя сочиненія.

теченіе будетъ перемѣщаться съ одного устья на другое. Въ недавнее время къ этимъ физическимъ препятствіямъ прибавились еще политическія затрудненія, которыя тормозили работы окончательнаго устройства порта: въ самомъ дѣлѣ, Колорадо принадлежитъ Коста-Рикѣ, но въ этой мѣняющейся дельтѣ какой рукавъ считать за первоначально принятую границу между двумя провинціями прежняго вице-королевства Гватемалы?

Свойства почвы и климата раздѣляютъ Никарагуа на три пояса—восточный, средній и западный,—весьма различные между собою по всѣмъ явленіямъ жизни: по самородной флорѣ, по культурѣ, по населенію, по соціальному состоянію и по исторіи.

Видъ Панамы со стороны горы Анконъ.

Древнія сланцевыя, кварцевыя и долеритовыя скалы, образующія плоскогорья и горы атлантическаго склона, орошаются обильными дождями и туманами, которые приносятся сюда правильнымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ. Благодаря такому излишку влаги, эти области покрыты сплошными лѣсами, прерываемыми только руслами рѣкъ, болотами и саваннами: это тѣ самые безпредѣльные лѣса, которые, по мнѣнію Колумба, доставили срубы для Соломонова храма. Здѣсь произрастаютъ всѣ породы строеваго, столярнаго и красильнаго лѣса, свойственныя также флорѣ Гондураса и Южной Мексики,—кедръ, красное дерево, бакаутъ (желѣзное дерево). Самое замѣчательное дерево, быть можетъ,—кортесъ (Tecoma sideroxylon): древесина его такъ же тверда, какъ и черное дерево, но главная его прелесть заключается въ великолѣпныхъ золотисто-желтыхъ цвѣткахъ, которыми дерево сплошь покрывается въ концѣ марта, послѣ опаденія зеленыхъ листьевъ; ихъ яркій, золотистый блескъ, рѣзко выдѣляющійся на темномъ фонѣ лѣса, можно видѣть за нѣсколько миль разстоянія; вблизи это дерево ослѣпительно. Эта область дождливаго склона не можетъ быть здоровой; если не обиліе дождей, то во всякомъ случаѣ водонепроницаемость почвы ускоряетъ разложеніе растеній: несмотря на быстрое истеченіе большей части водъ, много ихъ остается въ поверхностной корѣ скалъ. Вода скопляется также въ лощинахъ и въ мертвыхъ рукавахъ рѣкъ: воздухъ здѣсь постоянно сырой, и населеніе, вообще очень рѣдкое, состоящее изъ индѣйцевъ и метисовъ, ютится только въ узкихъ просѣкахъ; въ своей совокупности, зона эта не имѣетъ культуры.

Граница атлантическихъ дождей, служащая въ то же время и границей нездоровыхъ лѣсовъ, начертана замѣчательно ясно: зачастую дождь впродолженіи цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ идетъ въ Либертадѣ, на восточномъ склонѣ горъ, тогда какъ въ тотъ же самый сезонъ въ Жунгальпѣ небо остается все время совершенно безоблачнымъ; рѣка, орошающая воздѣланныя земли этого города, содержитъ круглый годъ воду только благодаря тому, что нѣкоторые изъ ея истоковъ питаются дождями атлантическаго бассейна. Въ восточныхъ областяхъ дожди начинаются въ маѣ и продолжаются до января: хорошая погода стоитъ всего три мѣсяца, т. е. съ февраля до мая; впрочемъ, иногда и въ теченіе октября выдаются ясные дни. Самые сильные дожди идутъ въ іюлѣ и августѣ; въ это время потоки становятся непереходимыми, и пребываніе въ болотистыхъ мѣстностяхъ сопряжено съ большою опасностью для здоровья.

Тамъ, гдѣ кончаются лѣса, начинаются саванны средняго пояса Никарагуи, на которыхъ пасется скотъ, охраняемый пастухами. Хотя эта область, въ сравненіи съ ея громадными рессурсами, населена еще очень слабо, тѣмъ не менѣе трудъ человѣка способствовалъ уже въ нѣкоторой степени перемѣщенію прежнихъ границъ двухъ поясовъ. Саванны захватываютъ на востокѣ часть лѣсной области. Съ высоты травяныхъ вершинъ, гдѣ тамъ и сямъ высится гигантъ сейба, подъ которымъ укрываются стада, видишь у себя подъ ногами темную опушку лѣса, извивающуюся неправильными изгибами въ долинахъ и по склону горъ; рѣки совершенно исчезаютъ въ этомъ таинственномъ мракѣ, и вся картина рѣзко мѣняется, какъ только вступаешь подъ своды вѣтвей, перевитыхъ ліанами. Но отчего происходитъ такой неожиданный контрастъ? Почему лѣсъ не завоевалъ себѣ всѣхъ склоновъ, которые вполнѣ достаточно орошаются атлантическими дождями? Потому что трудъ индѣйскихъ земледѣльцевъ, продолжавшійся въ теченіе многихъ вѣковъ, то здѣсь, то тамъ, одерживалъ побѣду надъ лѣсомъ. Лѣсную опушку въ первый разъ выжигаютъ подъ культуру маиса, и когда черезъ нѣсколько лѣтъ она снова начинаетъ выростать, принимаются за вторичную распашку почвы, и на этотъ разъ лѣсъ уступаетъ свое мѣсто самородной флорѣ саваннъ; съ другой стороны, въ дѣлѣ истребленія лѣсныхъ опушекъ человѣкъ нашелъ себѣ энергичныхъ помощниковъ въ особой породѣ муравьевъ—такъ называемыхъ зонтичныхъ (occodoma cephalotes), которые не трогаютъ травы, а нападаютъ только на молодую листву деревьевъ, которую прогрызаютъ своими острыми челюстями [1]).

По словамъ Бельта, эти муравьи—сущіе «земледѣльцы»: они выгрызаютъ на молодыхъ листьяхъ кружки, которыми пользуются не для ѣды, какъ думали прежде, а для унавоживанія ими подземныхъ грибныхъ плантацій, продукты которыхъ и составляютъ ихъ главную пищу. Тотъ же естествоиспытатель разсказываетъ о замѣчательной смѣтливости другой породы муравьевъ—эцитоновъ. Однажды онъ наблюдалъ походъ цѣлой колоніи этихъ муравьевъ изъ вида *eciton hamata*, которой приходилось переправляться черезъ лужу, гдѣ, въ качествѣ мостика, лежала тоненькая вѣточка. Муравьи сообразили, что, пробираясь по такому узкому мосту вереницей, по одиночкѣ, имъ придется употребить на переправу слишкомъ много времени; тогда нѣкоторые самоотверженные муравьи прицѣпились къ вѣткѣ съ каждой ея стороны въ два ряда и, расширивъ такимъ образомъ мостъ, дали возможность товарищамъ сдѣлать переходъ по-трое въ рядъ и тѣмъ ускорить его. Какъ на одно изъ замѣчательныхъ явленій въ фаунѣ

---

[1]) Thomas Belt, „The Naturalist in Nicaragua“.

этой зоны возвышенностей, Бельтъ указываетъ еще на пролотъ бабочекъ (timetes chiron), которыя летятъ несмѣтными полчищами надъ холмами постоянно въ юго-восточномъ направленіи. Никогда ему не случалось подмѣтить ихъ обратнаго движенія: миріады этихъ бабочекъ, несущихся, можетъ-быть, изъ дальнихъ лѣсовъ Гондураса или Гватемалы, стремятся, словно увлекаемыя какимъ-то непреодолимымъ потокомъ, поперекъ направленію пассатнаго вѣтра, къ берегамъ Москитіи.

Третій поясъ, состоящій изъ озерныхъ равнинъ и побережья Южнаго моря, составляетъ собственно Никарагуа, «Магометовъ Рай» [1], по выраженію испанскихъ завоевателей,—привилегированную страну, отъ которой естественно зависятъ двѣ другія зоны. Это въ одно и то же время самый плодородный край, гдѣ можетъ процвѣтать всякая культура, и самый здоровый, такъ какъ дождевая вода, совершивъ свое великое дѣло оплодотворенія земли, быстро исчезаетъ въ пористой почвѣ; но морское побережье подвержено сильнымъ западнымъ шкваламъ, хорошо извѣстнымъ морякамъ на всемъ западномъ берегу Средней Америки и Мексики подъ названіемъ *papagayos*; это названіе дано ему въ честь Никарагуаскаго залива Папагайо, представляющаго береговую воронку, гдѣ находятся бухты Салинасъ и Санта-Елена. Несмотря на это неудобство, туземное населеніе сгруппировалось на перешейкѣ, въ тѣсно скученныхъ другъ подлѣ друга городахъ, и преобразовало всю окрестность въ сплошной садъ. Мѣстная флора состоитъ главнымъ образомъ изъ культурныхъ и сопутствующихъ имъ растеній.

Уменьшеніе населенія въ Никарагуа совершилось въ болѣе значительныхъ пропорціяхъ, чѣмъ въ остальной Центральной Америкѣ, потому что въ этой культивированной области перешейковъ жители не имѣли никакого убѣжища. Чѣмъ многочисленнѣе были индѣйцы, тѣмъ больше опустошеній производила среди нихъ рѣзня. Даже въ восточномъ Накарагуа, находящемся по сосѣдству съ Караибскимъ моремъ, индѣйскія племена густо населяли многія мѣстности, впослѣдствіи обезлюденныя пиратами. Такъ, на пространствѣ между Мико и лиманомъ Блюфильдсъ попадаются древнія кладбища, черепки глиняной посуды, каменныя изваянія и даже человѣческія изображенія: испанскія жилища, встрѣчающіяся внизъ по теченію рѣки Мико, построены изъ обломковъ прежнихъ индѣйскихъ построекъ [2].

Въ настоящее время западные индѣйцы, т. е. индѣйцы Никарагуа въ собственномъ смыслѣ, встрѣчаются лишь въ видѣ метисовъ или *ладиносовъ*, и происхожденіе ихъ приходится возстановлять путемъ исторіи. Чолутеки Гондурасской республики принадлежатъ къ той же самой расѣ, какъ и индѣйцы Сѣверо-Западнаго Никарагуа, но эти послѣдніе извѣстны подъ другими названіями, именно мангов, награнданов, диріановъ и оратиньяновъ: обычное названіе—чоротега или чоротеганосы—мало отличается отъ наименованія гондурасскихъ индѣйцевъ, и, по словамъ Бринтона, имѣетъ то же значеніе «Изгнанники». Брассеръ-де-Бурбуръ и другіе ученые думаютъ, что чоротеги происходятъ отъ того же родоначальника, какъ и чіапанеки Восточной Мексики, и нѣкоторыя слова, встрѣчающіяся еще въ магическихъ формулахъ туземцевъ мангскаго происхожденія, свидѣтельствуютъ объ этомъ древнемъ родствѣ. Валентини видитъ въ нихъ майя, изгнанныхъ изъ Чолулы до ацтекскаго періода: они назывались олмеками, какъ предки мексиканскихъ нахуа на Анагуакскомъ плоскогорьѣ, и принадлежали, по всей вѣроятности, къ той же расѣ [1]. Конечные слоги названій мѣстностей въ различныхъ частяхъ Никарагуа указываютъ несомнѣнно на пребываніе того или другаго народа. Окончаніе *galpa*—ацтекскаго происхожденія; *rique* обозначаетъ города и возвышенности по обѣ стороны Гондурасской границы; въ долинѣ ріо-Сеговіа названія мѣстностей оканчиваются на *li* или *gnina*; въ Чонталесѣ окончаніе *apo* или *apa*—наиболѣе распространены [2].

Когда испанцы прибыли въ страну, хозяевами ея были уже не чоротеги. Тѣ же самые нахуа, которые побѣдили чіапанековъ и распространились на плоскогорьяхъ Гватемалы, Сальвадора и Гондураса, явились въ качествѣ побѣдителей и въ Никарагуа, по крайней мѣрѣ за вѣкъ до появленія иноземцевъ изъ-за моря. Это тотъ народъ нахуатльскаго племени, которому дали или, вѣрнѣе сказать, который самъ присвоилъ себѣ названіе никирановъ или никарао; это самое названіе, судя по одной изъ многочисленныхъ гипотезъ, относящихся къ происхожденію слова Никарагуа, и вошло въ корень наименованія испано-американской республики [3]. Подобно мексиканскимъ нахуа, никарагуаскіе тоже имѣли свой городъ Толу или Тулу; они также умѣли передавать свои мысли и писать приказы на кожѣ и на листахъ бумаги; они вырѣзывали іероглифы на скалахъ, ваяли статуи, строили храмы, не уступавшіе мексиканскимъ и юкатанскимъ ни по размѣрамъ, ни по орнаментаціи и богатству. Названіе мѣстностей нахуатльскаго происхожденія доказываетъ, что вліяніе этихъ ацтековъ распространилось почти по всему Никарагуа; но

[1] Thomas Gage, „Nouvelle Relation des Indes Occidentales“.
[2] Thomas Belt, цитиров. сочиненіе.

[1] Philipp Valentini, „The Olmeces and the Toltecas“.
[2] Thomas Belt, цитированное сочиненіе.
[3] Désiré Pector, „Archives de la Société Américaine de France“. Сентябрь 1888 г.

въ настоящее время нахуатльскій языкъ пересталъ быть обычной рѣчью даже на перешейкѣ Ривасъ, гдѣ эти пришедшіе съ сѣвера индѣйцы группировались во множествѣ. Теперь господствующимъ сдѣлался испанскій языкъ, съ примѣсью мексиканскихъ выраженій; однако, по разсказамъ, въ различныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ индѣйцы продолжаютъ еще въ тайнѣ поклоняться языческимъ идоламъ и говорятъ на какомъ-то таинственномъ нарѣчіи, вѣроятно, на языкѣ своихъ предковъ [1]). Въ ихъ сценическихъ представленіяхъ, изображающихъ миѳы, историческія событія или религіозныя драмы, авторы употребляютъ особый жаргонъ, въ которомъ нахуатльское нарѣчіе перемѣшивается съ испанскимъ; большая часть никарагуаскихъ театральныхъ пьесъ сопровождаются танцами, и потому ихъ называютъ *bailes* или «балы» [2]). Почти всѣ музыкальные инструменты, которыми пользовались на своихъ праздникахъ чоротеги и никираны, продолжаютъ существовать еще до сихъ поръ у ихъ потомковъ смѣшанной крови.

Въ Никарагуа, какъ и въ Анагуакѣ, завоеватели поспѣшили уничтожить памятники туземной цивилизаціи. Такъ, въ 1524 г., миссіонеръ Бобадилла устроилъ на площади Манагуа костеръ, на которомъ велѣлъ сжечь всѣ карты, картины религіознаго или историческаго содержанія, календари и всѣ другіе нахуатльскіе и чоротегскіе документы, какіе только можно было собрать [3]). Храмы были разрушены, идолы низвергнуты, а кладбища срыты, но все-таки въ половинѣ этого столѣтія можно было встрѣтить еще много каменныхъ изваяній, особенно на островахъ Никарагуаскаго озера, которые испанцы перестали посѣщать послѣ истребленія ихъ жителей. На одномъ только островѣ Момотомбито Сквайръ видѣлъ болѣе пятидесяти гигантскихъ монолитовъ изъ цѣльнаго базальта, изображающихъ человѣческія фигуры и напоминающихъ собою чудовищныя статуи острова Пакъ. На островахъ Сенба, Пенсакола и Запатера [4]) тоже было найдено много древностей, высѣченныхъ камней и надписей на стѣнахъ скалъ. Нѣкоторыя мѣстности въ Ометепе, гдѣ нахуатльское населеніе сохранилось въ своей первобытной чистотѣ, служили кладбищами для при-озерныхъ жителей: одинъ только изслѣдователь Брансфордъ вывезъ оттуда въ Вашингтонскій музей восемьсотъ драгоцѣнныхъ предметовъ, главнымъ образомъ погребальныя урны, заключавшія въ себѣ трупы въ сидячемъ положеніи, обвѣшенные разными украшеніями. Дальнѣйшія раскопки вокругъ древнихъ индѣйскихъ городовъ, подъ слоями эруптивнаго пепла, дадутъ, безъ сомнѣнія, будущимъ археологамъ много сокровищъ. Американецъ Флинтъ сдѣлалъ во время своихъ изысканій весьма интересную находку: подъ слоями позднѣйшихъ изверженій вулкана Мазайа онъ открылъ на пластахъ желтаго пепла слѣды тысячъ человѣческихъ ногъ [1]).

Смѣшеніе расъ и политическія перемѣны такъ сильно измѣнили нравы, что невозможно точно установить различіе между кастильскимъ или индѣйскимъ происхожденіемъ различныхъ обычаевъ. Однако, старинныя хроники позволяютъ иногда прослѣдить происхожденіе того или другаго обычая. Такъ, по словамъ Паскуаля-де-Андагоя, въ области, лежащей между двумя озерами, главенство въ семьѣ принадлежало женщинамъ: онѣ были законными хозяйками супружескаго жилища и имѣли право не только бить, но даже прогонять своихъ мужей. Мазайяскія индіанки и доселѣ, послѣ замужества, сохраняютъ право владѣнія всѣмъ своимъ прежнимъ дѣвическимъ имуществомъ, и мужья могутъ пользоваться ихъ состояніемъ только съ формальнаго разрѣшенія на то жены [2]). Никарагуаскіе индѣйцы, также какъ родственные имъ народы остальной Центральной Америки, очень любятъ цвѣты, душистые кусты и птицъ. Съ замѣчательнымъ терпѣніемъ они умѣютъ приручать даже самыхъ непокорныхъ дикихъ животныхъ. Въ одномъ изъ древнихъ никарагуаскихъ городовъ, Кондега, расположенномъ на югѣ отъ Окаталя, главнаго города верхняго бассейна ріо-Сеговія, индѣйцы справляютъ еще праздникъ природы по древнему нахуатльскому обычаю. Въ ночь, предшествующую празднику, они садятъ противъ церкви стебли маиса, риса, бобовъ и всѣхъ другихъ воздѣлываемыхъ ими растеній, затѣмъ загоняютъ сюда домашній скотъ, развѣшиваютъ клѣтки съ птицами, приводятъ на цѣпи дикихъ животныхъ, иногда даже ягуаровъ, и ждутъ восхода праздничнаго солнца, которое должно пролить свои лучи на весь этотъ животный и растительный міръ въ миніатюрѣ [3]).

Гористыя области водораздѣла, между покатостью озеръ и покатостью Атлантическаго океана, населены индѣйскимъ народомъ, извѣстнымъ подъ именемъ чонталесовъ, или «варваровъ», какъ и различныя туземныя племена юго-восточной Мексики. Еще до прибытія испанцевъ эти восточные индѣйцы находились въ презрѣніи у просвѣщенныхъ нахуа западныхъ равнинъ; а между тѣмъ развалины городовъ и многочисленные слѣды всякаго рода построекъ, а также шоссейныхъ дорогъ, ука-

---

[1]) G. Brinton, „The Güegüence a comedy ballet in the nahuatle-spanish dialect of Nicaragua“.
[2]) Paul Lévy, цитированное сочиненіе.
[3]) Oviedo y Valdes, „Histoire du Nicaragua“.
[4]) Bovallius, „Nicaraguan Antiquities“;—Désiré Pector, цитированное сочиненіе.

[1]) Brinton, „American Philosophical Society“. Nov. 1 8 1889;—„Nature“, March. 10, 1888.
[2]) Th. Belt, цитированное сочиненіе.
[3]) Th. Belt;—J. Froebel, цитированныя сочиненія.

зываютъ на то, что эти мнимые варвары были довольно свѣдущи въ искусствахъ цивилизованныхъ народовъ. Вытѣсняемые понемногу ладиносами, потомками бѣлыхъ и индѣйцевъ другой расы, чонталесы, сливающіеся на востокѣ съ зумами (Sooms) или симу, съ пополаками или вайкна, т. е. «Людьми» [1]), быстро уменьшаются въ числѣ; во многихъ округахъ остались только ихъ могилы, расположенныя обыкновенно обширнымъ кругомъ вокругъ жилищъ; тамъ, подъ развалинами кухонъ, попадаются предметы домашней утвари, вродѣ тѣхъ, какіе туземцы употребляютъ еще въ настоящее время. Чонталесы родственны, повидимому, гондурасскимъ ленка: языкъ ихъ не похожъ ни на нахуатльскій, ни на майяскій. Общую ихъ численность опредѣляютъ въ тридцать тысячъ; въ частности они носятъ названіе, соотвѣтственное бассейну той рѣки, на берегахъ которой живутъ; впрочемъ, есть народцы и съ самостоятельными названіями, таковы: пантасма на верховьяхъ ріо-Сеговіа; кукра, живущіе на югѣ отъ первыхъ, въ бассейнѣ ріо-Гранде; карка, улуа или вульва (Wulwa), ламаны, мельхора, сиквіа и рама, живущіе по ріо-Мико—самые дикіе изъ всѣхъ туземныхъ народцевъ. Одно изъ племенъ, населяющее берега ріо-Гранде, присвоило себѣ названіе Монтезумы, сдѣлавшееся для всѣхъ жителей какъ Центральной Америки, такъ и Мексики, синонимомъ прежней независимости; но этотъ народъ скорѣе караибскаго происхожденія, нежели ленкаскаго [2]). Къ тому же названіе «караибы», въ формѣ карабизи, встрѣчалось въ странѣ гораздо раньше водворенія сенъ-винцентскихъ караибовъ [3]). Говоря объ языкахъ страны, Херрера прежде всего упоминаетъ объ языкѣ индѣйцевъ-карабизи: это—нынѣшніе зума и вайкна.

Дикіе индѣйцы, живущіе въ Никарагуа, отличаются большею частью красивымъ сложеніемъ, но среди нихъ нерѣдко встрѣчаются калѣки и хромоногіе, вѣроятно, вслѣдствіе сырости ихъ мѣстожительствъ; *пинтосы*, съ бѣлыми пятнами на темномъ фонѣ кожи, встрѣчаются цѣлыми семействами. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, на головѣ у него дѣлается насѣчка, чтобы спасти его отъ злаго рока: это одинъ изъ рѣдкихъ религіозныхъ обычаевъ, оставшійся еще у этихъ индѣйцевъ. У нѣкоторыхъ народцевъ этого племени женщины имѣютъ обыкновеніе сплющивать головы своихъ новорожденныхъ [4]) посредствомъ дощечки, къ которой подвѣшиваютъ раковины, чтобы ими отвлечь хоть немного несчастнаго ребенка отъ производимой надъ нимъ пытки; эта варварская операція нерѣдко влечетъ за собою смерть. Прежде голову у грудныхъ младенцевъ сдавливали, чтобы образовать на ней «два бугра по бокамъ, а посрединѣ впадину»; по ихъ мнѣнію, лицо принимало отъ этого «болѣе благородное выраженіе», а голова дѣлалась крѣпче для ношенія тяжестей [1]). Мужчины, особенно молодые люди, отличаясь крайнею выносливостью и нечувствительностью къ болевымъ ощущеніямъ, часто вызываютъ другъ друга на пари, чтобы убѣдиться, кто изъ нихъ дольше стерпитъ палочные удары или прижиганія; случается, что они умираютъ подъ ударами, не испустивъ ни одного стона [2]). Свадьбы происходятъ обыкновенно безъ всякихъ церемоній: всѣ дѣти, мальчики и дѣвочки, заранѣе уже обручены своими родителями и занимаются вмѣстѣ съ ними рыбною ловлею и охотою; достигнувъ зрѣлаго возраста, они выстраиваютъ себѣ собственную хижину въ любой лѣсной просѣкѣ. Полигамія здѣсь очень распространена, но вторыя жены почти всѣ берутся изъ вдовъ, сиротъ или бѣглыхъ, ищущихъ себѣ покровителя. Послѣ смерти мужа, жены обрѣзаютъ свои волосы и сжигаютъ все, что принадлежало покойному; срубаютъ даже фруктовыя деревья, которыя тотъ самъ садилъ.

Главный промыселъ туземныхъ индѣйцевъ составляютъ земледѣліе, охота и рыболовство; но сады ихъ содержатся очень плохо и зарастаютъ сорною травою. Кромѣ banановъ и маиса, ихъ главныхъ пищевыхъ продуктовъ, они разводятъ преимущественно ачіотъ или орлеанъ, изъ котораго добываютъ краску, служащую имъ для разрисовыванія тѣла разными причудливыми узорами; кромѣ того, они воздѣлываютъ растенія, плоды которыхъ идутъ на приготовленіе крѣпкихъ напитковъ. Во время своихъ продолжительныхъ оргій они предпочтительно пьютъ густую водку, приготовленную изъ маиса: это такъ называемый *ulung*, бурда, употребленіе которой сокращаетъ жизнь и портитъ расу [3]). Несмотря на свои земледѣльческія занятія, индѣйцы, будучи полукочевымъ народомъ, часто мѣняютъ свои временныя жилища или уходятъ въ дальнія охотничьи экскурсіи. Такъ, напримѣръ, индѣйцы племени карка цѣлой бандой отправляются ежегодно на ловлю игуанъ въ лѣса атлантическаго склона, къ сухимъ косогорамъ, окаймляющимъ большое озеро; они подцѣпляютъ этихъ ящерицъ съ вѣтвей деревьевъ посредствомъ петли, подвѣшенной на концѣ длиннаго шеста; свалилвъ животное на землю, они отламываютъ у него по пальцу на каждой ногѣ, связываютъ члены и зашиваютъ ротъ несчастнаго пресмы-

[1]) E. G. Squier, цитированное сочиненіе.—Bedford Pim, „The Gate of the Pacific“.
[2]) Paul Lévy, „Bulletin de la Société de Géographie“. Juillet 1871.
[3]) E. G. Squier, цитированное сочиненіе.
[4]) Bedfold Pim, цитированное сочиненіе.

[1]) Oviego y Valdès, „Histoire du Nicaragua“.
[2]) Ch. Belt, „Journal of the Geographical Society of London“, 1862.
[3]) Paul Lévy, цитированное сочиненіе.

кающагося, которое несутъ къ себѣ домой и сохраняютъ живымъ до того дня, когда оно понадобится на обѣдъ [1]). Между орудіями, употребляемыми еще до сихъ поръ *уллеросами* (ulleros) или искателями каучука, Бельтъ обратилъ вниманіе на каменный топоръ, топорище котораго устроено совершенно такимъ же образомъ, какъ это видимъ на уксмальскихъ и паленквескихъ изваяніяхъ.

Что касается такъ называемыхъ «караибовъ» побережья, извѣстныхъ болѣе подъ именемъ москосъ, москитосъ или «москитовъ», то это просто самбосы или метисы, помѣсь индѣйцевъ съ неграми, представляющіе также нѣкоторую примѣсь европейской крови, отъ пиратовъ, дѣлавшихъ набѣги на эти берега. Большое число жителей въ провинціяхъ Сеговіа и Матагальпа имѣютъ свѣтлые волосы и голубые глаза: по мнѣнію натуралиста Бельта, происхожденіе этого характернаго признака относится къ XVI и XVII вѣкамъ, когда креолы стали скрещиваться съ французскими и англійскими пиратами, водворившимися на материкѣ. Въ 1687 году 280 корсаровъ, подъ предводительствомъ «сира» Равено де-Люссанъ, оставивъ свои суда въ бухтѣ Фонсека, пустились внутрь страны на перерѣзъ континента, который въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около 500 километровъ ширины, и слѣдуя долиной ріо-Сеговіа, достигли Атлантическаго океана; послѣ того и другіе пираты поднимались по этой рѣкѣ, такъ что ріо-Сеговіа сдѣлалась «главной дорогой между двумя океанами».

Перешейковая зона между озерами и вдоль Великаго океана должна была естественно сдѣлаться для испанцевъ-завоевателей излюбленной землей, такъ какъ она соединяла въ себѣ всѣ выгоды: плодородіе почвы, легкость доступа, здоровый климатъ, относительную цивилизацію населенія. Почти всѣ испанскіе города выросли на мѣстѣ бывшихъ индѣйскихъ городовъ или по крайней мѣрѣ въ близкомъ сосѣдствѣ съ ними. Но до новѣйшаго времени иберійская кровь, вмѣстѣ съ кровью африканскихъ невольниковъ, ввезенныхъ нѣкогда на плантаціи, была единственная, смѣшивавшаяся съ кровью туземцевъ. Почти всѣ бѣлые, населявшіе Никарагуа, принадлежали къ сильной расѣ галлегосовъ или галисійцевъ, и ихъ типъ сохранился еще до сихъ поръ, но ихъ испанскій патуа содержитъ уже лишь небольшое число словъ, заимствованныхъ изъ галисійскаго нарѣчія [2]). Не-испанскіе иммигранты—французы, итальянцы, англичане и сѣверо-американцы—стали появляться здѣсь только въ серединѣ XIX вѣка, и притомъ или по одиночкѣ, или небольшими отдѣльными группами. Между тѣмъ европейскіе рабочіе отлично могли бы акклиматизироваться, сотнями тысячъ, во многихъ округахъ, особенно въ Матагальпѣ. Близъ этого города образовывается нѣмецкая колонія земледѣльцевъ и мельниковъ [1]).

Чинандега, сѣверо-западный городъ Никарагуа, по дорогѣ въ Гондурасъ, состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ мѣстечекъ: стараго города, называемаго просто Эль-Віехо, построеннаго на скатѣ вулкана того же имени, и новаго города,—который собственно и есть настоящій Чинандего,—расположеннаго въ нѣсколькихъ километрахъ къ юго-востоку, ближе къ морю, и гораздо болѣе населеннаго, чѣмъ старый. Онъ имѣлъ даже періодъ процвѣтанія, когда былъ необходимымъ складочнымъ мѣстомъ для всей торговли, производившейся на сѣверѣ—черезъ Эстеро-Реаль и портъ Темписке, на западѣ—черезъ гавань Реалехо, основанную Альварадой, въ 1534 г.; но его гавани съ теченіемъ времени пришли въ запустѣніе, вслѣдствіе ихъ постепеннаго обмелѣнія. Нигдѣ такъ наглядно не выразилось торжество дѣятельности корнепусковъ на пользу материка, какъ здѣсь: на самомъ деревѣ плоды пускаютъ корни различной длины, отъ полуметра до цѣлаго метра, и когда эти плоды отдѣляются, то ихъ длинные придатки держатъ ихъ въ плавучемъ положеніи на поверхности грязной воды, и они колышатся на ней подъ вліяніемъ прилива и отлива до тѣхъ поръ, пока не прикрѣпятся въ илу и не дадутъ зародыша новыхъ корнепусковъ; Поль Леви говоритъ, что постоянное приращеніе берега въ лиманѣ Реалехо можно вычислить почти съ математической точностью. Нынѣшній портъ Коринто, расположенный на низкомъ полуостровѣ морскаго побережья, защищенъ еще, кромѣ того, островкомъ Кардонъ и имѣетъ прекрасную якорную стоянку на протяженіи болѣе 7 километровъ въ длину и одного километра въ ширину: во время отлива глубина воды достигаетъ почти 7 метровъ, а во время прилива увеличивается до 12 метровъ. Это самый дѣятельный торговый портъ Никарагуа на Великомъ океанѣ и главнѣйшій пунктъ вывоза красильнаго дерева. Средняя годовая цѣнность торговаго обмѣна въ Коринто: 10.000.000 франковъ.

Леонъ, главный городъ республики, служитъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ Коринто. Преимущества его положенія между озеромъ Манагуа и двумя лиманами Коринто и Эстеро-Реаль, въ замѣчательно плодородной равнинѣ, такъ велики, что ожидаешь найти здѣсь наиболѣе густое населеніе во всей Центральной Америкѣ: уже въ тѣ времена, когда испанскіе завоеватели вторглись въ Никарагуа, въ индѣйскомъ городѣ Субіаба насчитывалось до ста тысячъ жителей. Первый испанскій городъ этого округа былъ основанъ въ 1523 г., но не

[1]) Thomas Belt, цитированное сочиненіе.
[2]) Paul Lévy, цитированное сочиненіе.

[1]) Désiré Pector, рукописныя замѣтки.

въ равнинѣ, съ восточной стороны которой возвышаются вулканы Маррабіосъ, а въ Имбитѣ, на сѣверо-западномъ берегу озера Манагуа. Разныя, слѣдовавшія одна за другой, невзгоды заставили колонію перемѣститься въ непосредственное сосѣдство съ Субтіабой, городомъ награнданова. Новый городъ, сдѣлавшійся мѣстопребываніемъ главнаго управленія провинціи Никарагуа, быстро достигъ цвѣтущаго состоянія, и въ 1680 г. пираты, предавшіе этотъ городъ пламени и разграбленію, нашли тамъ огромныя богатства. Въ концѣ XVIII вѣка Леонъ и Субтіаба имѣли вмѣстѣ, какъ говорятъ, болѣе пятидесяти тысячъ жителей; но въ теченіе этого столѣтія населеніе сильно уменьшилось, въ особенности вслѣдствіе войнъ. Въ 1811 г. Леонъ поднялся противъ испанцевъ; затѣмъ, послѣ провозглашенія независимости, наступили междоусобія; честолюбцы не преминули воспользоваться вѣчнымъ соперничествомъ чолутековъ равнины, или награндоновъ, и чолутековъ возвышенности, или диріановъ, представленныхъ въ расѣ «Клерикальнымъ Леономъ» и «Либеральною Гранадою» [1]). Съ того времени, какъ рангъ столицы наслѣдовалъ третій городъ, лежащій между двумя враждебными городами, взаимная ревность улеглась, и Леонъ снова оправился: желѣзная дорога соединяетъ его съ Коринто и съ другими городами перешейковой области. Городъ снабжается чистой ключевой водой изъ окрестныхъ овраговъ, а вокругъ вулкановъ находятся горячіе ключи, пока еще мало утилизируемые, по той причинѣ, что внѣ Леона край представляетъ почти совершенную пустыню. Главный мѣстный бичъ—наводненія: дождевая вода скопляется въ безлѣсныхъ оврагахъ вулкановъ и низвергается цѣлыми потоками прямо на городъ; улицы, вымощенныя булыжникомъ, съ покатостью къ срединѣ, представляютъ собою въ это время настоящіе ручьи, а низкіе дома, стоящіе по краямъ ихъ, заливаются водой почти до самой крыши.

Манагуа, нынѣшняя столица республики, въ серединѣ этого столѣтія была простою деревушкою, построенною на мѣстѣ одного индѣйскаго города, въ ста метрахъ выше озера того же названія; береговые утесы, покрытые зеленью, ограничиваютъ террасу города. По сосѣдству находятся небольшія озера безъ истеченія, Тискапа, Нехапа, Асососка и Апойо, бывшіе вулканическіе пузыри, которые, лопнувши, наполнились водою, съ различнымъ содержаніемъ солей, смотря по составу земель и лавы. На стѣнахъ озера Нехапы видны слѣды индѣйскихъ надписей. Сдѣлавшись столицей, временной резиденціей конгресса и правительственныхъ учрежденій, Манагуа стала соперникомъ двухъ городовъ—Леона и Гранады. Окрестности ея были нѣкогда очень богаты хлопчатникомъ; въ настоящее время онѣ засажены кофейными плантаціями. За мѣстечкомъ Типитапа и временной рѣкой того же названія, тянутся лѣса, изобилующіе бразильскимъ деревомъ (caesalpinia crispa). Восточные берега озера Марагуа отдѣлены отъ предгорій Чонталесовъ черными болотистыми землями, называемыми *jicarales*, отъ преобладающаго тамъ дерева *jicaro* (тыквенное дерево), плоды котораго доставляютъ туземцамъ почти всю необходимую для нихъ посуду.

Гранада, прогрессивный городъ Никарагуа, есть, какъ и Леонъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ страны. Онъ былъ построенъ въ 1523 году Франциском де-Кордоба, близъ индѣйскаго города Салтеба или Жалтеба, обратившагося теперь въ его предмѣстье. Необычайное богатство его полей и пріобрѣтенная имъ въ Вестъ-Индіи извѣстность служили приманкой для пиратовъ, которые три раза совершали свои набѣги на этотъ городъ; въ 1665 и въ 1670 г.г. они явились сюда со стороны озера Никарагуа, поднявшись вверхъ по теченію Санъ-Жуана, и, ограбивъ городъ, предали его огню; пятнадцать лѣтъ спустя другая банда англійскихъ и французскихъ корсаровъ нагрянула со стороны Великаго океана и снова обложила городъ, но большинство жителей успѣли укрыться на архипелагахъ Никарагуаскаго озера, захвативъ съ собою наиболѣе цѣнныя вещи. Наконецъ, въ 1856 г. флибустьеръ Уокеръ, послѣ неудачной попытки сдѣлаться властелиномъ Центральной Америки, покинулъ Гранаду только послѣ того, какъ сжегъ ее. Городъ расположенъ на склонѣ плоскогорья, возвышающагося на сѣверо-западной сторонѣ озера Никарагуа: передъ нимъ правильнымъ полукругомъ разстилается бухта, дуга которой оканчивается на южной сторонѣ великолѣпнымъ мысомъ вулкана Момбачо. Справа и слѣва открываются глубокіе овраги, естественные рвы, придающіе Гранадѣ характеръ сильно укрѣпленнаго военнаго поста, что и было одной изъ главныхъ причинъ его частыхъ несчастій. Неудобство покатой почвы выкупается мощеными рампами, которыя устроены съ нѣкоторыми промежутками между площадками: иногда бываетъ очень опасно ѣздить по скользкому плитняку, который всегда гладко выметенъ вѣтромъ или чисто вымытъ дождемъ. Общественныя зданія Гранады не щеголяютъ никакими архитектурными красотами; зато этотъ городъ имѣетъ важное значеніе, какъ центръ просвѣщенія, промышленности и торговли. По сосѣднему побережью, подъ надежною защитою островковъ, Ислетасъ, слѣдуетъ, одна за другою, нѣсколько пристаней для нагрузки судовъ. Единственная небольшая бухта, заслуживающая названія порта, гдѣ можетъ помѣститься флотилія судовъ,

[1]) J. Froebel, цитированное сочиненіе.

находится гораздо южнѣе: это—Чарко-Муерто, защищенная отъ пассатныхъ вѣтровъ островомъ Запатера.

Департаментъ Гранада,—самый населенный въ республикѣ, заключаетъ въ себѣ много городовъ и значительныхъ мѣстечекъ. Центромъ мѣстной промышленности и, такъ сказать, образцомъ всѣхъ прочихъ городовъ служитъ Мазайя, населенный исключительно индѣйцами метисами, въ количествѣ около пятнадцати тысячъ. Онъ расположенъ къ сѣверо-западу отъ Гранады на плоскогорьѣ, надъ которымъ, съ западной стороны, господствуетъ одноименный съ нимъ вулканъ; городъ стоитъ какъ разъ на краю громаднаго обвала, зіяющаго у основанія этой горы. Мазайя и его сосѣдка, прелестная Ниндири, настоящій «садъ Гесперидъ», положительно купаются въ зелени; при каждомъ домѣ имѣется огородъ, прекрасно воздѣланный и доставляющій въ изобиліи цвѣты, овощи и фрукты. Владѣльцы, пользующіеся скромнымъ достаткомъ, увеличиваютъ свои доходы разными мелкими промыслами, занимаясь тканьемъ, производствомъ горшечныхъ, сапожныхъ, кожевенныхъ и сѣдельныхъ издѣлій, а также гамаковъ и массы другихъ предметовъ для мѣстнаго потребленія. Мазаяскій табакъ вывозится и заграницу. Городъ снабжается водой прямо изъ озера посредствомъ паровой машины, доставляющей воды въ пять разъ больше, чѣмъ сколько добывали прежде, когда четыре тысячи женщинъ и дѣтей ежедневно два раза ходили на озеро за водой по тропинкѣ, спускающейся извилинами по откосу.

Жинотепе, городъ возвышенностей, расположенный на высотѣ 766 метровъ надъ уровнемъ моря, къ юго-западу отъ Мазайи, обогащается отъ своихъ многочисленныхъ кофейныхъ плантацій; другой городъ, Нандаиме, лежащій въ прекрасной долинѣ, спускающейся къ бухтѣ Чарко-Муерто, служитъ центромъ роскошныхъ какаовыхъ плантацій; по близости отъ него находится знаменитое имѣніе Валь-Менье, продукты котораго продаются въ самомъ Никарагуа, такъ какъ цѣна ихъ слишкомъ высока, чтобы они могли служить матеріаломъ для приготовленія обыкновеннаго шоколада. Въ 8 километрахъ къ западу отъ Нандаиме, виднѣются развалины Нандаиме-Віехо, который, какъ полагаютъ, былъ разрушенъ землетрясеніемъ.

Ривасъ, находящійся въ самой узкой части перешейка, отдѣляющаго озеро Никарагуа отъ Южнаго моря, имѣлъ бы полное право называться «метрополіей» республики. Онъ былъ нѣкогда резиденціей начальника никирановъ, кацика Никарао, отъ имени котораго, по свидѣтельству большей части лѣтописей, получила свое названіе и вся страна; это былъ исходный пунктъ дѣла обращенія туземцевъ въ христіанство и завоеванія: Бабадилла окрестилъ здѣсь впродолженіи девяти дней болѣе 29.000 человѣкъ [1]). Однако, ни одного испанскаго города не основалось въ этой прекрасной странѣ, и индѣйская деревня Никарао-Калли была возведена въ рангъ города лишь въ 1720 г., къ большому неудовольствію жителей ея соперницы Гранады. Этотъ новоиспеченный городъ долгое время назывался «Никарагуа», но съ начала этого вѣка за нимъ утвердилось имя Риваса. Индѣйское населеніе смѣшанной крови, состоящее изъ садовниковъ и мелкихъ земледѣльцевъ и группирующееся преимущество въ центральныхъ кварталахъ и въ предмѣстьяхъ, придаетъ городу пріятный сельскій характеръ: улицы и переулки проложены между изгородей изъ кактусовъ, фруктовыхъ садовъ и плантацій; со всѣхъ сторонъ городъ охватываютъ зеленѣющіе сады. За предмѣстьями Ривасъ продолжается еще рядомъ деревень, съ разбросанными домиками, Ображе, Потози, Буенайре, которыя тянутся на нѣсколько миль; на востокъ городъ спускается съ своей террасы къ Санъ-Жоржу, своему порту на озерѣ Никарагуа. Противъ Риваса, на равнинѣ, которою оканчиваются на сѣверѣ высокіе острова-близнецы Ометепе, виднѣются нѣсколько деревень и небольшое мѣстечко Альта-Грасіа.

Лежащія на берегу Великаго океана деревушки Брито и Санъ-Жуанъ-дель-Суръ, называемая также Конкордіей, напоминаютъ проекты прорытія Никарагуаскаго канала; рано или поздно открытіе междуокеанской дороги сдѣлаетъ имя Брито столь же громкимъ, какъ имена Суэца и Панамы; однако, ея портъ, площадью всего только въ 27 гектаровъ, защищенъ плохо и нуждается въ большихъ волнорѣзахъ. Великолѣпная гавань, находящаяся въ бухтѣ Салинасъ, принадлежащая какъ Никарагуа, такъ и Коста-Рикѣ, утилизируется лишь для эксплоатаціи салинъ въ Боланьосѣ и не имѣетъ ни одного города на своихъ берегахъ. Это почти круглый бассейнъ, вѣчно спокойный, имѣющій болѣе 50 квадратныхъ километровъ протяженія, съ непостоянною глубиною отъ 12 до 27 метровъ. Еслибы прорыть каналъ черезъ песчаный перешеекъ, что здѣсь сдѣлать очень легко, то бухта Салинасъ была бы соединена съ другой бухтой, Санта-Елена, лежащей нѣсколько южнѣе и тоже хорошо защищенной. За нею начинается уже Коста-Рикское побережье. «Транзитная дорога», проходившая къ югу отъ Риваса, отъ бухты Виргенъ къ порту Санъ-Жуанъ-дель-Суръ, заброшена съ тѣхъ поръ, какъ сѣверо-американцы соединили желѣзной дорогой Калифорнію прямо съ Атлантическимъ побережьемъ.

Въ сравненіи съ западнымъ склономъ, вос-

---

[1]) Oviedo y Valdès, „Histoire du Nicaragua, collection Ternaux-Compans“.

точный, можно сказать, почти необитаемъ, и все цивилизованное населеніе, имѣющее въ себѣ примѣсь европейской крови, сгруппировалось на возвышенностяхъ, около вершины водораздѣла. На всемъ протяженіи обширной долины ріо-Сеговіа имѣется всего одинъ городъ, Окоталь или «Сосновка», называемый такъ отъ обилія сосновыхъ лѣсовъ, покрывающихъ окрестныя горы; это главный городъ департамента Сеговіа. У Окоталя было нѣсколько предшественниковъ, которые играли роль главныхъ городовъ этой уединенной области, но всѣ они были разрушены пиратами. Первая Сеговіа, основанная въ 1524 г., быстро достигла цвѣтущаго состоянія, благодаря промыслу промывки золотоносныхъ песковъ, которымъ занимались во всѣхъ окрестныхъ долинахъ. «Истребитель» Морганъ, знаменитѣйшій изъ корсаровъ на Антильскомъ морѣ, разрушилъ этотъ городъ въ 1654 г. Его снова выстроили позади прежняго, въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, но москитскіе пираты и туда нашли дорогу: пришлось строиться въ третій разъ, а затѣмъ и въ четвертый, отодвигаясь все дальше отъ моря. Такимъ образомъ нынѣшняя «Сеговіа», извѣстная болѣе подъ именемъ Окоталя,—еще городъ новый; она расположена на высотѣ 615 метровъ надъ уровнемъ моря, на лѣвомъ берегу многоименной рѣки, впадающей въ море около мыса Грасіасъ-а-Діосъ. Окрестная область чрезвычайно богата рудными залежами: золотомъ, серебромъ, мѣдью, желѣзомъ и оловомъ. Отъ перваго города, разрушеннаго пиратами, осталась одна только церковь, вокругъ которой бѣдные негры выстроили свои хижины. Ниже по рѣкѣ слѣдуютъ, одно за другимъ, нѣсколько небольшихъ индѣйскихъ поселеній. Одно изъ нихъ, Коомъ, лежащее у самаго рѣчнаго устья, служило резиденціей одного самбоскаго «короля».

Верхняя долина ріо-Гранде населена немного плотнѣе и обработана лучше, чѣмъ долина ріо-Сеговіа. Матагальпа, главный городъ, имѣетъ то преимущество, что находится въ очень доступной долинѣ, открытой со стороны Никарагуаскаго озера, хотя воды ея текутъ къ Атлантическому океану. Городъ находится въ цвѣтущемъ состояніи, благодаря быстрому разростанію кофейныхъ плантацій. Хинотега, расположенная, съ другой стороны горы, на одномъ изъ притоковъ ріо-Гранде, тоже годъ отъ году развивается, и культура ея долины прогрессируетъ въ ущербъ сосновымъ лѣсамъ. Горы этой области, подобно окатальскимъ, изобилуютъ драгоцѣнными металлами, и около индѣйскаго города Себако, пріютившагося на высокой скалѣ и извѣстнаго своею храброю защитою противъ испанцевъ, виднѣются многочисленныя галлереи, откуда туземцы извлекли огромное количество золота, которымъ впослѣдствіи и откупились. Существуетъ нѣкоторое иммиграціонное движеніе къ Матагальпѣ, и недавно еще тамъ водворилась цѣлая колонія европейскихъ рабочихъ; но другая колонія, основанная на берегахъ рѣки, среди лѣса и вдали отъ испанскихъ деревень, погибла, вслѣдствіе крайне нездороваго климата и недостатка жизненныхъ средствъ. Послѣ этого возникли новыя колоніи на нижнемъ теченіи рѣки, которыя держатся довольно прочно, благодаря карибамъ и ямайскимъ неграмъ, главному составному элементу своего населенія. Золотоносные пески Принсаполки привлекли много эмигрантовъ въ землю зумовъ, на притоки ріо-Гранде [1]).

Акойапа, или Санъ-Себастіанъ, скромная столица департамента Чонталесъ, построенная на мѣстѣ древняго, очень населеннаго города, есть не болѣе, какъ мѣстечко, лежащее среди болотъ, близъ восточнаго берега Никарагуаскаго озера, на которомъ оно имѣетъ портъ—Санъ-Убальдо. Въ томъ же прибрежномъ районѣ, но значительно сѣвернѣе, у основанія бѣлыхъ утесовъ сіерры Америка, находится другой городъ, Жуигальпа,—что значитъ по-ацтекски «Большой Городъ»; онъ, повидимому, дѣйствительно былъ центромъ многочисленнаго населенія, если судить по его развалинамъ, по найденнымъ при раскопкахъ идоламъ и по различнымъ надписямъ, покрывающимъ окрестныя скалы, но до сихъ поръ еще не разобраннымъ; въ чонтальской землѣ могильные курганы располагались вокругъ домовъ, такъ что служили для нихъ какъ бы оградами. Съ другой стороны цѣпи, на атлантической покатости, лежитъ Либертадъ, главный городъ очень богатаго рудами, но крайне опаснаго для здоровья округа, гдѣ климатъ отличается чрезмѣрною сыростью; самыми энергичными рабочими, но въ то же время и самыми отчаянными головорѣзами являются иммигранты изъ Гондураса.

Къ востоку отъ этихъ рудниковъ, расположенныхъ въ бассейнѣ рѣки Блюфильдсъ, страна почти необитаема до большой одноименной съ рѣкой лагуны, которую аллювіи постепенно съуживаютъ и на берегу которой находится деревня Блюфильдсъ, бывшій притонъ пиратовъ и резиденція Москитскаго короля,—вдвойнѣ короля, судя по обычному названію его *rey-king*, въ одно и то же время испанскому и англійскому [2]). Этотъ царекъ, состоявшій подъ покровительствомъ Великобританіи, а теперь подвластный республикѣ Никарагуа, которая и оплачиваетъ расходы по его содержанію, управляетъ отъ имени республики всѣми деревнями на берегу Москитовъ, лежащими между ріо-Хуезо и ле-Рама, на протяженіи почти 250 километровъ по на-

[1]) Désiré Pector, „Compte rendu de la Société de Géographie“, засѣданіе 11 апрѣля 1890 года.
[2]) Thomas Belt, цитированное сочиненіе.

правленію съ сѣвера на югъ. Блюфильдсъ служитъ также центромъ протестантской миссіи и англійскихъ школъ на побережьѣ. Мѣстечко окружено обширными банановыми и другими плантаціями, которыя съ 1883 г. питаютъ большую торговлю фруктами, бананами, кокосовыми орѣхами, ананасами, апельсинами, съ Новымъ Орлеаномъ и Балтиморомъ. Блюфильдскіе бананы высоко цѣнятся на рынкахъ Соединенныхъ Штатовъ. Берега лагуны де-ласъ-Перласъ и острововъ Маисовыхъ, или Корнъ-Айлендсъ, тоже сдѣлались мѣстами культуры. Въ береговыхъ лагунахъ водится много устрицъ, а между тѣмъ въ кухонныхъ отбросахъ, находимыхъ огромными кучами въ прибрежныхъ лѣсахъ и состоящихъ почти исключительно изъ различныхъ раковинъ, совсѣмъ не содержится этихъ двустворчатыхъ: въ этихъ Kjökkenmöddinger находили глиняную посуду и человѣческія фигурки[1]).

Санъ-Карлосъ, расположенный на лѣвомъ берегу Дезагвадеро, какъ разъ у мѣста ея истока изъ озера, представляетъ собою лишь небольшую группу хижинъ, надъ которыми господствуютъ развалины древняго форта: это та самая деревушка, въ которой Белли видѣлъ будущій Константинополь американскаго Босфора и которую въ своихъ надеждахъ, впослѣдствіи обманутыхъ, онъ окрестилъ именемъ Фелисіа, т. е. «Счастливый Городъ». Другой постъ, Кастильо—самое значительное изъ поселеній, лежащихъ ниже по рѣкѣ, до города Санъ-Жуанъ-дель-Норте, или Грейтауна, какъ его часто называютъ съ того времени, когда онъ былъ во владѣніи англичанъ. Этотъ городъ, прославившійся въ исторіи войнъ между испанцами и пиратами и междоусобій между англичанами и американцами, служитъ, несмотря на отсутствіе въ немъ порта, единственнымъ, на Атлантическомъ побережьѣ Никарагуа, мѣстомъ входа торговыхъ судовъ. Его деревянные домики, окрашенные въ бѣлый цвѣтъ, окружены прелестными садами, осѣненными пальмами, хлѣбными и другими деревьями, замѣчательными своими цвѣтами, плодами или запахомъ; стѣны обвиты вьющимися растеніями, которыя унизываютъ ихъ благоухающими букетами. Расположенный въ сосѣдствѣ болотъ и потоковъ, то наполненныхъ водою, то совершенно сухихъ или полныхъ жидкой грязи, затопляемый впродолженіи девяти мѣсяцевъ въ году проливными дождями, городъ этотъ долженъ бы быть, повидимому, гнѣздомъ всякаго рода заразы; онъ и дѣйствительно подвергается различнымъ болѣзнямъ, но, если вѣрить не прожектерамъ, ратующимъ за или противъ прорытія канала, а безпристрастнымъ путешественникамъ, Санъ-Жуанъ все-таки—одинъ изъ наименѣе нездоровыхъ городовъ побережья. Причина этого лежитъ въ особомъ свойствѣ проницаемости вулканическаго песка, наносимаго рѣкой, который тотчасъ же всасываетъ въ себя дождевую воду, поглощая вмѣстѣ съ нею всѣ нечистоты съ поверхности земли. Кромѣ того берегъ совершенно открытъ вліянію сильнаго сѣверо-восточнаго пассатнаго вѣтра, который дуетъ здѣсь постоянно, унося на далекое разстояніе испаренія почвы[1]).

Отсутствіе порта въ Санъ-Жуанъ-дель Норте побудило инженеровъ, строителей Никарагуаскаго канала, открыть искусственную гавань на сѣверо-западѣ. Сооруженіемъ плотины, упирающейся въ материкъ и выступающей въ море на 1.300 метровъ, слабому рѣчному теченію помогли смывать пески, благодаря чему постепенно образовался фарватеръ въ 2 метра глубины. Нѣсколько домовъ, размѣстившихся на пляжѣ, указываютъ мѣстонахожденіе будущаго города Америка, торжественно основаннаго 1-го января 1890 г. Самою лучшею якорною стоянкою на сѣверномъ побережьѣ считается Пунта-Мико, находящійся между рѣками Блюфильдсъ и Рама; оттого Бедфордъ Пимъ предлагалъ избрать этотъ пунктъ конечной станціей трансконтинентальной желѣзной дороги, черезъ раздѣльный хребетъ между Атлантическимъ океаномъ и озеромъ Никарагуа. Концессіонеры Никарагуаскаго канала строятъ желѣзную дорогу, которая соединитъ долину Рама съ портомъ Санъ-Жуанъ. Такимъ образомъ предпріятіе будетъ располагать двумя портами и областью для заселенія и культуры.

Хотя число жителей въ сравненіи съ обширнымъ пространствомъ пахатной земли очень незначительно, но оно несомнѣнно увеличивается въ Никарагуа, какъ и въ другихъ испано - американскихъ республикахъ. По переписи вице-королевства Гватемалы въ 1778 г., на провинцію Никарагуа приходилось около 132.000 жителей. Въ 1813 году, по новому исчисленію, населеніе увеличилось всего на 17.000 человѣкъ, но, начиная съ этой эпохи, численность населенія стала прогрессировать болѣе быстро, несмотря на междоусобія и набѣги: въ 1846 г. въ Никарагуа насчитывалось уже 257.000 жителей, а въ 1890 г.—375.000, т. е. на каждый квадратный километръ приходилось 3 человѣка: по плотности населенія Никарагуа стоитъ ниже другихъ родственныхъ ей республикъ. Въ среднемъ, рождаемость въ два раза превосходитъ смертность. * По исчисленію 1895 г., населеніе въ Никарагуа 380.000, а со включеніемъ

[1]) Ch. Belt, „Journal of the R. Geographical Society“. 1862.

[1]) J. Frobel, цитирован. сочиненіе.

нецивилизованныхъ индѣйцевъ—около 420.000 душъ*.

Главное производство въ Никарагуа составляютъ земледѣльческіе продукты, и обиліе вободныхъ земель даетъ этому промыслу возможность постоянно развиваться. Самымъ прибыльнымъ предметомъ вывоза является кофе, доставляемый исключительно провинціей Гранада; затѣмъ слѣдуетъ каучукъ, собираемый

Работы на Панамскомъ перешейкѣ у кузницъ Санъ-Пабло.

не съ культивированныхъ растеній, а съ самородныхъ деревьевъ, которыя срубаются лѣсопромышленниками-караибами въ большихъ лѣсахъ атлантическаго склона. Банановыя плантаціи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распространяются, благодаря возрастающему спросу на этотъ продуктъ въ Соединенныхъ Штатахъ: въ 1887 г. стоимость вывезенныхъ банановъ достигала 1.350.000

франковъ. Никарагуаскіе плантаторы разводятъ также для отпускной торговли какаовыя деревья и сахарный тростникъ, но культура индиго почти совсѣмъ заброшена. Изъ европейскихъ деревьевъ они разводятъ апельсинныя и лимонныя деревья, которыя не вошли еще въ составъ самородной флоры Центральной Америки, такъ какъ встрѣчаются только около человѣческихъ жилищъ; другое европейское растеніе, лимонное дерево (citrus limonum) совершенно натурализовалось здѣсь, вѣроятно, потому, что его кислый сокъ служитъ ему предохранительнымъ средствомъ противъ нападеній муравьевъ [1])

Скотоводство также составляетъ одно изъ богатствъ страны: крупнаго скота насчитывается въ Никарагуа около 1.200.000 головъ; его вывозятъ отсюда въ Коста-Рику, черезъ Гуанакасте, и въ Гондурасъ, черезъ Экоталь; травяныя плато въ области Чонталесъ могли бы питать милліоны животныхъ. Нѣкоторые крупные землевладѣльцы владѣютъ стадами въ нѣсколько тысячъ головъ; встрѣчаются также большія имѣнія въ собственно земледѣльческихъ областяхъ, но вообще въ Никарагуа не преобладаетъ порядокъ крупнаго землевладѣнія, благодаря легкости свободнаго существованія. Каждый гражданинъ всегда можетъ найти въ свободныхъ земляхъ небольшой участокъ и устроить на немъ свой *milpa* и *chagüite*, т. е. маисовое поле и банановую плантацію, и этого для него вполнѣ достаточно. Поэтому онъ не видитъ необходимости идти въ работники къ крупнымъ землевладѣльцамъ, а если и идетъ, то не иначе, какъ за хорошее жалованіе, несмотря на то, что жизненные припасы крайне дешевы. Въ Никарагуа система закрѣпощенія рабочихъ посредствомъ ихъ невольной задолженности не свирѣпствуетъ такъ тяжело, какъ въ Мексикѣ.

Рудныя богатства страны очень велики, но эксплоатація ихъ находится еще въ зачаточномъ состояніи: наиболѣе искусно управляемые рудники—чонтальскіе, издавна принадлежащіе англійскимъ владѣльцамъ; что касается до промывки золота на берегахъ рѣкъ атлантическаго склона, то этимъ занимаются почти исключительно прибрежные индѣйцы и самбосы. Но даже въ настоящемъ своемъ положеніи горный промыселъ—самый дѣятельный въ Никарагуа. Здѣсь насчитываютъ сотнями людей, именующихъ себя «инженерами», но фабрикъ и заводовъ совсѣмъ нѣтъ, и, кромѣ мебели и грубыхъ тканей, всѣ мануфактурные товары получаются изъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ. Даже шарфы, которые ткутся въ странѣ, дѣлаются изъ шелка, привозимаго изъ-за границы; шедевры никарагуаской промышленности — издѣлія изъ глины, которыми занимаются въ Сомотильо, у границы Гондураса, гамаки въ Субтіабѣ и Мазайѣ, тыквенная посуда въ Ривасѣ, съ разными рельефными украшеніями.

Внѣшняя торговля еще очень незначительна въ этой странѣ, которой, однако, кажется, суждено быть мѣстомъ транзита для торговаго обмѣна между двумя частями свѣта: на каждаго жителя ежегодно приходится около 50 франковъ. Первое мѣсто въ этой торговлѣ принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, затѣмъ идутъ Великобританія и Германія; Франція занимаетъ лишь четвертое мѣсто въ движеніи обмѣна.

Торговое движеніе въ Никарагуа въ 1898 году: ввозъ—579.236; вывозъ—636.710 фунт. стерлинговъ.

Изъ двухъ торговыхъ портовъ Никарагуа, Санъ-Жуанъ-дель-Норте—на Атлантическомъ океанѣ и Коринто—на Великомъ океанѣ, послѣдній играетъ первенствующую роль (въ 1898 году въ этомъ портѣ было въ приходѣ: 78 океанскихъ судовъ, вмѣстимостью 114.1[illegible] тонна, и 104 каботажныхъ, вмѣстим. 62.8[illegible] тоннъ). Внутренняя торговля увеличивается соотвѣтственно расширенію сѣти желѣзныхъ и колесныхъ дорогъ, а также и телеграфныхъ линій.

Желѣзныхъ дорогъ въ 1897 г.—146 километровъ; телеграфныхъ линій въ 1896 г.—2.006 километровъ; переслано по почтѣ писемъ и пр. въ 1896 г.—2.619.242.

Промышленное и торговое развитіе пойдетъ гораздо быстрѣе, если будетъ наконецъ прорытъ каналъ, такъ давно существующій лишь въ проектѣ. Несомнѣнно, что если бы только не проектъ безшлюзнаго канала, оставившій преимущество за Панамскимъ перешейкомъ, то Никарагуаскій перешеекъ давно бы ужъ былъ прорытъ, потому что онъ представляетъ наиболѣе удобное мѣсто для сооруженія канала со шлюзами, такъ какъ здѣсь ступени пониженія идутъ весьма незамѣтно: путь самъ себя указываетъ черезъ озеро Никарагуа и его *desaguadero*. Такія завидныя условія породили даже смѣлый проектъ воспользоваться Никарагуаскою впадиною,—самымъ низкимъ мѣстомъ во всей области Перешейковъ,—для устройства въ ней безшлюзнаго рва отъ одного моря до другаго, причемъ уровень воды въ озерѣ понизился бы болѣе чѣмъ на половину, и вмѣстѣ съ тѣмъ освободилось бы нѣсколько сотъ тысячъ гектаровъ земли для культуры въ центральномъ бассейнѣ страны [1]); но прорытіе рва болѣе чѣмъ въ 350 километровъ длиною и къ тому же въ странѣ съ такимъ климатомъ оказалось не по силамъ современной индустріи. Что касается

[1]) Thomas Belt, цитированное сочиненіе.

[1]) Virlet d'Aoust, „Congrès international de Géographie Commerciale“, Paris 1878.

до простыхъ проектовъ канала, то перечислять ихъ всѣхъ было бы слишкомъ долго. О каналѣ заговорили вскорѣ послѣ завоеванія страны, и еще во время испанскаго владычества пиратъ Эдвардсъ Давидъ предлагалъ прорѣзать порогъ между «Гранадскимъ озеромъ» и Южнымъ моремъ. Въ 1730 г. инженеръ Мартинъ де-ла-Бастидъ представилъ проектъ канала, и въ слѣдующемъ же году мадридское правительство приказало приступить къ первой нивеллировкѣ мѣстности, намѣченной для устройства канала; въ 1814 г., когда уже колоніальная имперія ускользала изъ рукъ испанцевъ, кортесы вотировали прорытіе Никарагуаскаго перешейка. По возстановленіи независимости Центральной Америки, новая республика тотчасъ же сама декретировала исполненіе этого дѣла; но одного декрета было слишкомъ мало для осуществленія предпріятія: только въ 1843 г., послѣ многочисленныхъ проектовъ и контръ-проектовъ, появилась первая смѣта, составленная Бономъ Бальи, по сооруженію канала, конечнымъ пунктомъ котораго назначался Санъ-Жуанъ-дель-Суръ.

Начиная съ этой эпохи серьезные планы, основанные на наблюденіяхъ и нивеллировкахъ, слѣдовали одинъ за другимъ, но для практическаго осуществленія предпріятія не находилось необходимыхъ капиталовъ; даже проектъ Феликса Белли, сдѣлавшійся предметомъ конвенціи между двумя пограничными республиками—Никарагуа и Коста-Рика, не могъ быть выполненъ. Неудача Панамскаго предпріятія оживила надежды спекуляторовъ, которые предложили провести междуокеанскую дорогу черезъ озеро Никарагуа, и работы по прорытію канала дѣйствительно были начаты въ концѣ 1889 года, но не на счетъ сѣверо-американскаго правительства, какъ на то надѣялись финансисты. Смѣта была исчислена въ 375 милліоновъ франковъ, по [Вайзу (Le Canal de Paname), была бы необходима двойная сумма], и болѣе или менѣе основательныя обѣщанія инженеровъ опредѣляли окончаніе работы въ шестилѣтній срокъ. Общее протяженіе пути будетъ имѣть 273 километра, изъ которыхъ 228 километровъ приходится на рѣки и озера и только 45 на самый каналъ. Для прохода изъ одного океана въ другой, самому большому океанскому судну, говорятъ, потребуется всего 30 часовъ. Каналъ можетъ пропускать ежедневно 32 судна, въ годъ, стало быть, 11.680, вмѣстимостью приблизительно 12 милліоновъ тоннъ.

Рѣка Санъ-Жуанъ катитъ массу воды, которая могла бы питать сотни каналовъ; но теченіе ея слишкомъ непостоянно, и русло слишкомъ засорено наносами, чтобы можно было утилизировать ея ложе и приспособить его къ большому плаванію. Поэтому каналъ слѣдуетъ вести помимо нижняго теченія рѣки, куда впадаютъ мутные притоки изъ Коста-Рики, и довести его до спокойной части теченія Санъ-Жуана: въ этомъ искусственномъ каналѣ, около 40 километровъ протяженія, будутъ устроены три шлюза по 167 метровъ длины каждый, которые будутъ поднимать суда до уровня Никарагуаскаго озера, т. е. выше, чѣмъ на 33 метра противъ уровня низкаго моря; глубина канала будетъ имѣть 8 съ половиною метровъ, а минимальная ширина дна 24 метра; побочные обходные пути будутъ прорыты около самыхъ узкихъ проходовъ. Пройдя верхній шлюзъ, который придется отдѣлить плотиной отъ устья Санъ-Карлосъ [1]), суда направятся вверхъ по рѣкѣ, затѣмъ пересѣкутъ вкось озеро Никарагуа, у котораго придется углубить юго-восточную часть канала, и вступять въ нижній каналъ, откуда уже спустятся въ Великій океанъ по искусственному озеру и по долинѣ небольшой рѣки, которая называется ріо - Гранде только по сравненію съ другими маленькими рѣчками перешейка. Двѣ громадныя плотины превратятъ нѣкоторыя части канала въ озера, воды которыхъ будутъ изливаться въ портъ Брито. Таковъ грандіозный проектъ, составленный предварительно Толіе де-Гамономъ въ 1858 г., а затѣмъ пересмотрѣнный и дополненный другими инженерами и главнымъ образомъ Менокалемъ; но милліоны, которыхъ требуютъ инженеры, будутъ ли доставлены акціонерами? Наконецъ, достаточно ли будетъ тѣхъ колоссальныхъ суммъ, которыя показаны въ смѣтѣ, чтобы довести до конца это грандіозное предпріятіе, требующее такихъ обширныхъ работъ, какъ постройка гигантскихъ шлюзовъ, сооруженіе огромныхъ портовъ среди буйнаго моря, поддержаніе одинаковой глубины въ каналѣ, постоянно засоряемомъ наносами? Во всякомъ случаѣ расширяющаяся съ каждымъ годомъ торговля и слишкомъ осязательная необходимость имѣть навигаціонный путь, сокращающій для тысячи судовъ обходъ въ 15.000 километровъ вокругъ Южной Америки, дѣлаютъ осуществленіе этого предпріятія все болѣе и болѣе вѣроятнымъ.

Однако, самый успѣхъ полонъ угрозъ для страны, въ которой откроется новый Босфоръ. Уже Колумбійская республика ссылается на королевскую хартію 1803 г., чтобы предъявивить притязаніе на весь берегъ Москито, бывшую Тологальпу, или «Страну Птицъ», и такимъ образомъ сдѣлаться обладательницей однихъ воротъ Никарагуаскаго канала, какъ она уже сдѣлала относительно междуокеанской желѣзной дороги и неоконченнаго Панамскаго канала? Но, даже оставляя въ сторонѣ,

---

[1]) Polakowsky, „Petermann's Mittheilungen", 1887 Heft V.

эту дипломатическую претензію, не оправдываемую настоящимъ положеніемъ вещей, Никарагуа не должна ли предвидѣть другія, болѣе серьезныя, опасности, грозящія съ сѣвера? Безъ сомнѣнія, манагуаское правительство не поставило себя въ оффиціальную зависимость отъ Соединенныхъ Штатовъ по постройкѣ междуокеанскаго канала, и актъ концессіи, данной частной компаніи, ставитъ условіемъ, чтобы она не имѣла права ни передавать своихъ правъ, ни продавать какому-либо другому правительству всѣхъ или только части уступленныхъ ею земель; крайніе порты и воды канала будутъ открыты для всѣхъ націй и объявлены нейтральными. Но контракты сами по себѣ, а факты своимъ чередомъ: когда Никарагуаскій каналъ откроетъ великій водный путь изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско, когда компанія захватитъ въ свои руки всю торговлю и силою капитала станетъ властительницею городовъ и портовъ, когда въ ея распоряженіи будетъ огромный механизмъ и цѣлая армія служащихъ, — какимъ образомъ маленькой Никарагуаской территоріи, съ ея рѣдкимъ населеніемъ, удастся сохранить свою экономическую независимость, рядомъ съ такой могущественной ассоціаціей? Не слѣдуетъ ли опасаться, что послѣ полувѣковаго интервала другіе сѣверо-американцы, уже не поборники рабства, а купцы возьмутъ реваншъ за Ривасъ?

* Въ настоящее время работы на этомъ каналѣ пріостановлены; законопроекты относительно его сооруженія разсматриваются въ Соединенныхъ Штатахъ. Конвенціей между Великобританіей и Соединенными Штатами, подписанной 5 февраля 1900 года, постановлено, что каналъ можетъ быть построенъ подъ покровительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, но долженъ быть свободенъ и открытъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, торговымъ и военнымъ судамъ всѣхъ націй, на условіяхъ полнаго равенства *.

* По новой конституціи, обнародованной въ іюлѣ 1894 года, законодательная власть принадлежитъ конгрессу, члены котораго избираются всеобщимъ голосованіемъ *. Президентъ республики пользуется своими полномочіями четыре года; совѣтъ состоитъ изъ четырехъ министровъ — внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и общественныхъ работъ. * Военныя силы состоятъ изъ дѣйствующей арміи, резерва и національной гвардіи; къ первой принадлежатъ всѣ граждане въ возрастѣ отъ 18 до 35 лѣтъ; ко второму — всѣ граждане отъ 36 до 45 лѣтъ; къ третьей — граждане въ возрастѣ отъ 46 до 65 лѣтъ. Число войска на дѣйствительной службѣ временное, но не должно превышать 3.500 человѣкъ *. Финансы республики, какъ и въ сосѣднихъ государствахъ, основываются главнымъ образомъ на монополіи водки, табаку и пороха, и таможенныя пошлины и нѣкоторые другіе незначительные налоги дополняютъ доходы; что касается до расходовъ, то самая значительная часть ихъ поглощается общественными работами, народнымъ образованіемъ (въ 1892 г. въ Никарагуа было 1.020 школъ съ 20.000 учащихся), почтою и телеграфомъ; военный бюджетъ въ общемъ составляетъ лишь пятнадцатую часть всего національнаго бюджета. Государственный долгъ, внѣшній, въ іюлѣ 1899 г., составлялъ 286.000 фунтовъ стерлин., внутренній въ 1898 г.—7.500.000 долларовъ.

Бюджетъ Никарагуа въ 1897 г.: доходовъ—4.688.061 долл., расходовъ—3.852.750 долл.

Слѣдующая таблица указываетъ административныя подраздѣленія республики, съ ихъ пространствомъ и вѣроятнымъ населеніемъ въ 1890 г.

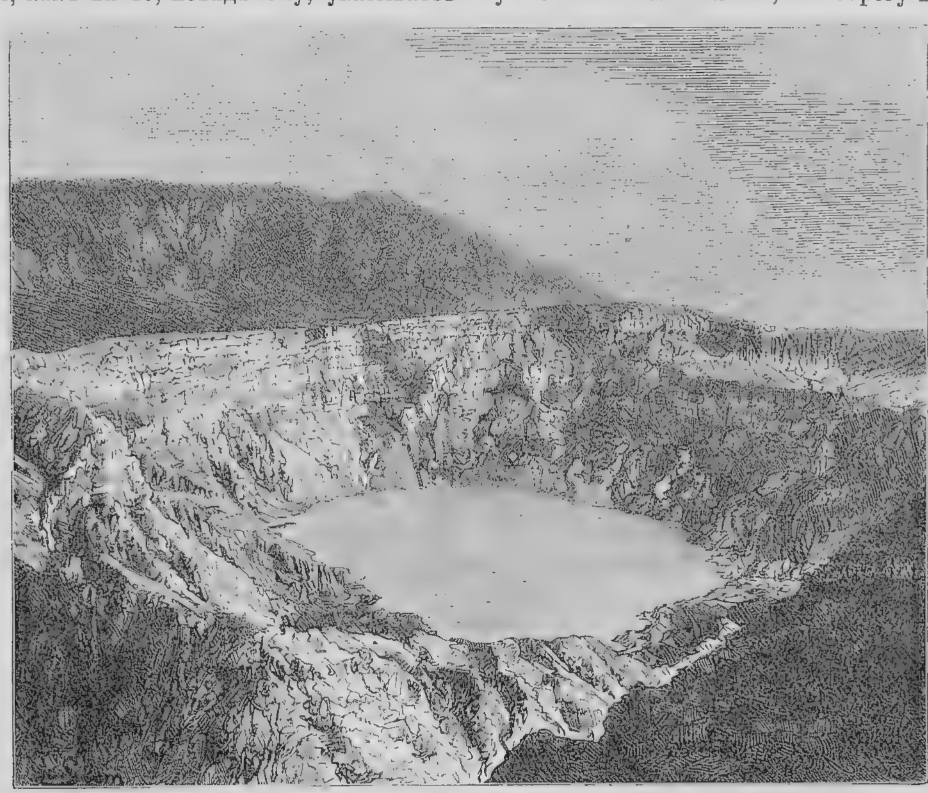
Территоріи.	Пространство. въ квадратн. километр.	Населеніе.	Километрич. плотность.	Главные и значительные города.	
		жителей.	жителей.		жителей.
Чинандега	5.260	40.000	8	Чинандега	8.000
Леонъ	8.124	65.000	8	Леонъ	34.000
Манагуа и Гранада	6.698	90.000	13	Манагуа	20.000
				Гранада	15.000
				Мазайя	14.000
Ривасъ	2.798	45.000	15	Ривасъ	12.900
Сеговія (Окоталь)	41.730	35.000	1	Окоталь	5.000
Матагальпа	21.000	40.000	2	Матагальпа	9.000
Чонталесъ	19.500	40.000	2	Акойапа	2.000
Резерва Москита	20.620	20.000	1	Блюфильдсъ	1.000
Пространство	125.950	375.000	2,5		

Коста-Рика.

Южная республика болѣе или менѣе фиктивнаго союза Центральной Америки, Коста-Рика, пространствомъ превосходитъ только одинъ Сальвадоръ, а по населенію уступаетъ всѣмъ прочимъ республикамъ американскаго перешейка; можно даже сказать, что Коста-Рика въ собственномъ смыслѣ сводится къ

очень узкому поясу территоріи, образующему террасу между двумя морями на полу-высотѣ вулканической цѣпи. Но это плоскогорье, лежащее, въ среднемъ, на высотѣ слишкомъ тысяча метровъ, населено народомъ, отличающимся нѣкоторою своебразностью среди испано-американскихъ обществъ: онъ лучше слился въ нераздѣльное національное цѣлое, прогрессивное его развитіе менѣе прерывалось внѣшними войнами и междоусобіями. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Коста-Рика—образцовая республика Центральной Америки. Она также одна изъ самыхъ цвѣтущихъ, и главнымъ источникомъ ея богатства служатъ не рудники, какъ на то, повидимому, указываетъ ея имя, а земледѣльческій промыселъ. Названіе «Богатый Берегъ», данное нѣкогда всему юго-западному побережью Антильскаго моря, т. е. всѣмъ берегамъ залива Колумбъ или Москитіи, примѣняется въ настоящее время почти только къ одной Колумбійской области Верагуа, благодаря обилію въ ней золота; но Коста-Рика въ собственномъ смыслѣ, извѣстная въ началѣ подъ названіемъ Нуева-Картаго, такъ мало обогатила своихъ первыхъ жителей, что, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, названіе «Богатый Берегъ» было сохранено за ней лишь какъ антифраза. Неясныя понятія о географіи страны заставили, такъ сказать, блуждать это названіе до тѣхъ поръ, пока оно окончательно не утвердилось за территоріей нынѣшней республики, которая, по обилію металлоносныхъ жилъ, не можетъ сравниться ни съ Гондурасомъ, ни даже съ Чирикуи [1]).

Подобно другимъ родственнымъ республикамъ, Коста-Рика постоянно вела дипломатическіе споры со своими сосѣдками относительно границъ, хотя ея собственная территорія еще слишкомъ обширна для того, чтобы какъ слѣдуетъ эксплоатировать ее и культивировать. Самые серьезные споры, сопровождавшіеся иногда даже кровавыми схватками, происходили съ Никарагуа. Округи Никойя и Гуанакасте, составляющіе теперь самую значительную область Коста-Рики, на берегу Великаго океана, прежде входили въ составъ провинціи Никарагуа: естественной границей между двумя странами считался заливъ Никойя. Но въ первые годы независимости политическіе раздоры въ Никарагуа дотого обострились, что два юго-западныхъ округа ея требовали отъ правительства Центральной Америки своего присоединенія къ Коста-Рикѣ, пока въ Никарагуа не будетъ возстановленъ порядокъ. Присоединеніе состоялось и, согласно желанію народа, мало-по-малу утвердилось, а затѣмъ договоромъ между двумя пограничными рес-

Одинъ изъ трехъ кратеровъ вулкана Поасъ.

[1]) J. Bernardo-Calvo, „Apuntamientos geograficos sobre Costa-Rica“;—Leon-Fernandez, „Collecciones de documentos para la historia de Costa-Rica“.

публиками было признано оффиціальнымъ образомъ.

Но съ другой стороны перешейка, въ бассейнѣ Санъ-Жуана, столкновеніе было серьезнѣе, такъ какъ эта рѣка служитъ естественнымъ путемъ для торговли той и другой республики, и всякая раздѣльная линія, которая заперла бы для Коста-Рики эти ворота ея владѣній, сильно повредила бы ея интересамъ. Трактатъ 1858 г., утвержденный въ 1888 г. третейскимъ судомъ президента Соединенныхъ Штатовъ, уладилъ этотъ вопросъ. По этому трактату, къ южной республикѣ отходитъ правый берегъ рѣки, отъ устья Санъ-Жуана почти до укрѣпленій Кастильо (граница не доходитъ до укрѣпленій три мили или $5^1/_2$ километровъ); затѣмъ пограничная линія огибаетъ этотъ фортъ въ 8 миляхъ на югѣ и востокѣ, описываетъ всѣ изгибы рѣки и озера Никарагуа, проходя отъ нихъ въ $2^1/_2$ миляхъ разстоянія, и продолжается до устья ріо-де-ла-Флоръ, которая соединяется съ Великимъ океаномъ немного сѣвернѣе бухты Салинасъ.

Со стороны Колумбіи споры относительно границъ были менѣе серьезны, потому что для Коста-Рики спорныя области не имѣютъ особеннаго интереса, такъ какъ самыя переднія ея колоніи еще далеко не доходятъ до оспариваемой границы. На югѣ, со стороны Великаго океана, длинный мысъ Пунта-Бурика ясно указываетъ границу, тогда какъ на сѣверѣ, на Караибскомъ морѣ, Коста-Рика требуетъ возвращенія себѣ бухты Чирикуи и ея острововъ, включая сюда и Эскудо-де-Верагуа; съ своей стороны, Колумбія захватываетъ въ свои владѣнія всю бухту Чирикуи и даже дель-Альмиранте, до Бока-дель-Драго, или «Пасти дракона». Вопросъ былъ представленъ на третейскій судъ Испаніи, но дипломатическіе архивы имѣютъ въ этомъ отношеніи менѣе значенія, чѣмъ голосъ народа: жители оспариваемой территоріи считаютъ себя колумбійцами, тогда какъ сѣверное населеніе состоитъ изъ коста-риканцевъ и никарагуасцевъ.

Въ своей совокупности Коста-Рика можетъ быть названа высокою террасою, возвышающеюся надъ котловиной, которую наполняютъ воды Никарагуаскаго озера. На югъ отъ этого обширнаго бассейна ярусами громоздятся горы, поднимаясь до самой вершины вулканической кордильеры, тянущейся съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Не больше какъ въ тридцати километрахъ къ югу отъ узкой полосы земель, лежащей между бухтой Салинасъ и озеромъ Никарагуа, возвышается двойной вулканъ Орози (2.638 метровъ), изъ кратера котораго, покрытаго растительностью, вырываются горячіе пары: фумароллы окружены цвѣтущими кустами [1]). За Орози слѣдуетъ почти изолированный вулканъ Ринконъ-де-ла-Віеха, или «уголокъ Старухи», названный такъ, безъ сомнѣнія, потому, что считается заколдованнымъ мѣстомъ: это могущественный массивъ, съ четырьмя остроконечными вершинами, на сѣверо-восточномъ склонѣ котораго открывается громадный кратеръ, откуда, съ небольшими промежутками, вырываются, какъ ракеты, шипящіе пары. Затѣмъ, въ томъ же направленіи, т. е. съ сѣверо-запада на юго-востокъ, слѣдуетъ пикъ Мираваль (1.4[illegible] метра), конусъ правильной формы, оканчивающійся двумя небольшими горами, между которыми лежитъ широкая впадина, бывшая прежде, по всей вѣроятности, кратеромъ. Конечная часть потухшей горы покрыта дремучимъ лѣсомъ, который сильные сѣверо-восточные вѣтры наклонили или, вѣрнѣе сказать, пригнули къ землѣ: взбираясь по склонамъ, нѣтъ никакой возможности проходить подъ вѣтвями, а нужно карабкаться прямо по нимъ, какъ въ другихъ мѣстахъ по могучимъ корнямъ сеиба или чернаго дерева. Нижніе склоны Мираваля, напротивъ того, покрыты лишь травой, вѣроятно, потому, что эруптивная лава не успѣла еще настолько разложиться, чтобы могла питать лѣсную растительность; повсюду, гдѣ почва состоитъ изъ пепла, превратившагося отъ времени въ черноземъ, плодородіе ея прямо поразительное. У основанія вулкана бьютъ горячіе источники и сѣрные пары Хорнильосовъ, или «Малыхъ печей». Изъ этой горы выходитъ ручей, имѣющій фіолетовую воду, что объясняется присутствіемъ въ ней марганца и мѣди [1]). Сосѣдняя гора Хедіонда, или «Зловонная», обязана своимъ названіемъ тоже выдѣленіямъ сѣрнистаго газа.

За Миравалемъ и сосѣднимъ съ нимъ Тенорію въ юго-восточномъ направленіи тянется на пространствѣ ста километровъ горный хребетъ лосъ-Серросъ-де-лосъ-Гватузосъ, покрытый лѣсами; во всей этой цѣпи не встрѣчается ни одного вулкана. Первая курящаяся гора находится уже въ центрѣ перешейка: это— вулканъ Поасъ (2.644 метра), простой бугоръ на вершинѣ плоскогорья, содержащій въ одномъ изъ своихъ трехъ кратеровъ озеро съ глубокой водой, изливающееся, посредствомъ ріо-Анжель, въ Сарапикуи: верхній кратеръ заключаетъ въ себѣ озерко горячей воды, откуда по-временамъ выходятъ пары, которые подымаются на сотни метровъ вверхъ, расплываясь по воздуху затѣйливыми клубами [2]). Прежде этотъ вулканъ назывался Вотосъ, или «Обѣтный», можетъ-быть, потому, что онъ въ 1815 г. былъ торжественно окрещенъ и «посвященъ» Жуану де-Діосъ, или, вѣрнѣе, по-

[1]) Moritz Wagner und Carl Scherzer, „Die Republik Costa-Rica“.

[1]) Valentini, „Petermann's Mittheilungen“, 1861, Heft. IX.

[2]) H. Pittier, „Informe sobre el actual estado del volcan Poàs“, 1890.

тому, что индѣйцы племени вотосъ скитались по лѣсамъ его сѣверныхъ склоновъ; настоящее его названіе Поасъ тоже происходитъ отъ одного индѣйскаго племени. Девятнадцать лѣтъ спустя послѣ его освященія, вулканъ имѣлъ первое изверженіе, которое истребило всѣ окрестные лѣса и пастбища [1]. Восточный сосѣдъ Поаса, Барба, представляетъ собою уже успокоившійся вулканъ, кратеръ котораго обратился въ озеро, немного выше Поаса (2.835 метровъ); еще дальше высится гигантъ коста-рикскихъ вулкановъ, Иразу. А между тѣмъ эта гора, возвышающаяся сѣвернѣе Картаго, со стороны плоскогорья вовсе не имѣетъ того величественнаго вида, который подобалъ бы господствующей вершинѣ, откуда открывается видъ сразу на оба океана и на все пространство Коста-Рики, отъ горы Орози до Ровало. Изъ Картаго его едва различишь среди другихъ вершинъ, и склонъ его такъ отлогъ, что по немъ можно, сидя на мулѣ, спокойно добраться до самой высокой точки. Эти склоны покрыты полями маиса, табака и картофеля, а выше тянутся пастбища; затѣмъ идетъ конечный поясъ дубовыхъ лѣсовъ. Иразу, по всей вѣроятности, немного ниже, чѣмъ его считали еще недавно, согласно измѣреніямъ Габба: онъ не достигаетъ 3.500 метровъ. Питтьеръ установилъ для всѣхъ растительныхъ поясовъ горной окружности болѣе низкія границы, чѣмъ ихъ опредѣлилъ американскій ученый: культура маиса доходитъ на склонахъ до 2.235 метровъ, а картофельныя поля—до 2.700 метровъ высоты. Послѣднія строенія, дома деревушки Биррисъ, самаго высокаго поселенія во всей республикѣ, находятся на высотѣ 2.843 метровъ; послѣдніе дубы виднѣются на высотѣ 3.171 метра, а самая высокая изъ трехъ вершинъ достигаетъ 3.414 метровъ.

Шестой и послѣдній вулканъ восточной окраины, Туріальба (3.325 метровъ), не имѣетъ величественнаго вида пика Тейде или Котопахи: съ плоскогорья онъ кажется простой насыпью изъ гравія, которая сливается съ общей поверхностью страны посредствомъ незамѣтной волнистости; но изъ всѣхъ Коста-Рикскихъ вулкановъ Туріальба, своими взрывами, наиболѣе способствовалъ измѣненію общаго рельефа страны. Начиная съ 1866 г., онъ не переставалъ выбрасывать обильные пары, съ незначительнымъ количествомъ пепла. По Францiусу, настоящее названіе вулкана—Турріальба, отъ *turris alba*, т. е. «Бѣлая Башня», такъ какъ края его кратера бѣловаты; но Тьель и Питтьеръ доказали, что это названіе туземнаго происхожденія [2]. У сѣвернаго основанія этихъ Коста-Рикскихъ горъ въ аллювіальныхъ равнинахъ, орошаемыхъ притоками Санъ-Жуана, возвышается нѣсколько островныхъ холмовъ: таковъ Тортугуеро, конусъ почти въ 200 метровъ высоты, окруженный болотистыми аллювіальными землями [1].

Цѣпь Коста-Рикскихъ вулкановъ идетъ не параллельно побережью Великаго океана; она образуетъ немного косую линію съ главною осью этой части перешейка. Въ общемъ она описываетъ даже дугу, выпуклость которой обращена къ югу, а самая высокая ея часть идетъ поперекъ, въ направленіи къ Атлантическому океану. Наблюденія Питтьера привели его къ выводу, что самые древніе вулканы Коста-Рики начали извергаться въ первые вѣка вторичной эры: въ эту эпоху рядъ конусовъ возвышался среди моря, по тому же направленію, какъ и островные вулканы архипелага Гавайи; осадочные слои, наполняющіе промежутки между вулканами и покрывающіе ихъ основанія, служатъ доказательствомъ дѣйствительнаго существованія этого архипелага. Тотъ же авторъ говоритъ, что ни одинъ изъ Коста-Рикскихъ вулкановъ не имѣлъ изверженій лавы въ историческій періодъ, но Туріальба и Иразу нѣсколько разъ выбрасывали огромное количество пепла, который ложился по направленію къ западу-юго-западу отъ вулканическихъ жерлъ, гонимый въ эту сторону движеніемъ пассатнаго вѣтра [2]. Плоскогорья, лежащія къ югу отъ цѣпи вулкановъ и изборожденныя мѣстами рѣками, имѣли прежде въ своихъ впадинахъ озера: котловины Алажуела, Санъ-Жозе и Картаго были озерными бассейнами. Постепенное разрушеніе стѣнъ мало-по-малу осушило ихъ [3].

Землетрясенія здѣсь очень часты, но обыкновенно они проявляются въ довольно легкой формѣ и только по близости вулкановъ. Въ концѣ же 1888 года было очень сильное землетрясеніе, совпавшее съ грязевыми и водяными изверженіями Поаса и Иразу; послѣдствіемъ его было поврежденіе многихъ зданій въ сосѣднихъ городахъ и разрушеніе нѣсколькихъ деревень. Изучивъ статистику сеизмическихъ явленій въ Коста-Рикѣ за семнадцать послѣдовательныхъ лѣтъ и сравнивъ ее съ таблицей дождевыхъ осадковъ за то же время, Питтьеръ пришелъ къ заключенію, что усиленная дѣятельность вулкановъ и явленія землетрясеній стоятъ въ прямой зависимости отъ просачиванія до самыхъ вулканическихъ очаговъ дождевой воды, въ изобиліи выпадающей въ маѣ и сентябрѣ [4].

---

[1]) Frantzius, „Petermann's Mittheilungen", 1861, Heft X.

[2]) H. Pittier, „Observaciones y exploraciones efectuados en el ano de 1888".

[1]) Frantzius, „Petermann's Mittheilungen", 1862 Heft III.

[2]) H. Pittier, рукописныя замѣтки;—„Bulletin de la Société de Géographie de Neuchatel". 1890.

[3]) G. Atwood, „Quaterly Journal of the Geological Society". Aug. I 1882.

[4]) H. Pittier, рукописныя замѣтки.

*

Къ югу отъ цѣпи Коста-Рикскихъ вулкановъ горы прерываются: двѣ рѣки, ріо-Гранде-де-Тарколесъ, текущая къ Великому океану, и Ревентазонъ, впадающая въ Антильское море, переплетаются своими истоками въ ущельѣ Очомого (1.545 метровъ), которое въ предшествующую геологическую эпоху было однимъ изъ соединительныхъ проливовъ между двумя океанами. Эта брешь, которая для мѣстныхъ жителей стала естественной дорогой отъ одного моря къ другому, составляетъ, такъ сказать, истинную Коста-Рику: на сѣверѣ, склоны вулканической цѣпи, обращенные къ долинѣ Санъ-Жуана, покрыты цѣлымъ моремъ зелени, и тамъ живутъ только дикіе индѣйцы; на югѣ же, до границъ Колумбіи, простирается еще мало извѣстная область, очень богатая естественными произведеніями. Нѣкоторымъ изъ путешественниковъ, напримѣръ Габбу, Бовалліусу и Тьелю, удалось проникнуть въ глубь этого обширнаго лѣсистаго массива, занимающаго площадь въ 20.000 квадр. километровъ; но еще недавно эти горы изображались на картѣ только по профилямъ, начерченнымъ моряками, въ сосѣдствѣ обоихъ побережій; природа же ихъ оставалась совершенно неизвѣстной, и многіе изъ пиковъ были приняты за вулканы только вслѣдствіе остроконечной формы ихъ вершинъ.

Въ той части Коста-Рики, которая лежитъ къ югу отъ ущелья Очомого, совсѣмъ не встрѣчается курящихся горъ. Гора Херрадура или Турубалесъ, образующая южный пилонъ при входѣ въ заливъ Никойя, по своей формѣ походила бы на Везувій, опоясанный оградою Соммы, если бы не была покрыта лѣсами до самой вершины. Туземцы разсказываютъ, что иногда видѣли выходившій изъ ея вершины легкій дымокъ, а Монтессю-де-Балльоръ утверждаетъ даже, что издали примѣтилъ изверженіе паровъ; болѣе того—говорятъ, что тамъ часто слышится съ правильными промежутками исходящій изъ горы глухой гулъ, никогда, однако, не сопровождаемый изверженіемъ паровъ или шлака [1]. Однако Питтьеръ сомнѣвается въ вѣрности этихъ разсказовъ и утверждаетъ, что эта остроконечная гора даже не вулканъ [2]. Боковой кряжъ соединяетъ Херрадуру съ горами Дота—отрывкомъ средней цѣпи, которая тянется по Коста-Рикѣ въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ морей. Цѣпь Дота изображаютъ различно: то въ видѣ центральнаго массива, отъ котораго расходятся отроги меньшей высоты, то какъ часть главнаго хребта, господствующаго надъ Южной Коста-Рикой; по наблюденіямъ Питтьера, эта послѣдняя гипотеза ближе къ истинѣ, чѣмъ всѣ другія. Въ этой цѣпи мѣстами возвышаются высокія вершины: серро-Чирипо, въ землѣ Кабекаръ, гора Уюмъ (2.940 метровъ), Нему, Комукъ или пико-Бланко (2.914 метровъ), на которомъ, какъ говорили прежде, иногда, будто бы, появлялись снѣжныя полосы,—явленіе необычайное подъ девятымъ градусомъ сѣверной широты,— и наконецъ, пикъ Ровало (2.1?7 метровъ), высящійся подлѣ колумбійской границы. Пико-Бланко прежде считали вулканомъ, но изысканія Габба показали, что это гранитный питонъ, пробившійся сквозь пласты міоценовой эпохи.

Кромѣ горъ, расположенныхъ въ собственно континентальной части Коста-Рикскаго перешейка, существуетъ еще цѣпь полуостровныхъ возвышенностей, идущая вдоль берега Великаго океана. При взглядѣ на карту, сразу бросается въ глаза поразительное сходство, если не по величинѣ, то по формѣ, между двумя полуостровами Никойя и Гольфо-Дульсе. Оба они состоятъ изъ цѣпи высотъ, идущей параллельно материку и отдѣленной отъ него узкой полосой низкихъ земель. Но эти два полуострова—не единственные: мысъ Пунта-Бурика, гдѣ проходитъ граница, отдѣляющая Коста-Рику отъ Колумбіи, принадлежитъ своею оконечностью къ той же линіи возвышенностей, продолжающейся на югѣ Панамы островомъ Коиба, большимъ полуостровомъ Азуэро и архипелагомъ де-ласъ-Перласъ. Эти цѣпи и эти отдѣльные массивы, какъ полуостровные, такъ и островные, описываютъ своею совокупностью правильную дугу почти въ 900 километровъ длиною, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ дугообразному очертанію самаго материка между озеромъ Никарагуа и заливомъ Панама. Самая высокая коста-рикская вершина этой наружной цѣпи достигаетъ у южной оконечности полуострова 600 метровъ высоты. Первые мореплаватели такъ были поражены этою островною формою континентальныхъ вырѣзокъ западнаго побережья, что на своихъ картахъ отдѣляли ихъ отъ материка «Сомнительнымъ проливомъ», *Estrecho dudoso* [1].

Коста-Рика имѣетъ слишкомъ узкіе склоны на обоихъ моряхъ, чтобы на материкѣ ея могли развернуться болѣе или менѣе значительныя рѣки. Даже самые многоводные ея потоки не имѣютъ, такъ сказать, имени: такъ, рѣки Санъ-Карлосъ и Сарапикуи утрачиваютъ свои названія, слившись съ Санъ-Жуаномъ, которому онѣ доставляютъ значительнѣйшую часть его водъ. Колорадо, которая, напротивъ, сама получаетъ почти всѣ воды Санъ-Жуана,—тоже коста-рикская рѣка и сливается съ Сарапикуи посредствомъ рукавовъ ріо-Сусіо, или «Грязной рѣки», которая то и дѣло мѣняетъ свое русло и внутреннія дельты, вслѣдствіе нано-

[1]) Moritz Wagner und Carl Scherzer, цитирован. сочиненіе.
[2]) Рукописныя замѣтки.

[1]) Manuel de Peralta, „Costa-Rica, Nicaragua y Panamá en el siglo XVI".

совъ песку, глины и даже цѣлыхъ деревьевъ, пригоняемыхъ сюда наводненіями. Самые обильные дожди выпадаютъ на томъ склонѣ высокихъ горъ, который обращенъ на сѣверо-

Антильскій пейзажъ у Святыхъ острововъ.

востокъ, т. е. стоитъ какъ разъ подъ прямымъ угломъ къ пассатнымъ вѣтрамъ; вслѣдствіе этого и рѣки этой покатости значительно обильнѣе водою. Ріо-Парисмина или Ревентазонъ, принадлежащая къ другому бассейну, чѣмъ Санъ-Жуанъ, находится на томъ же дождевомъ склонѣ и изливаетъ гораздо большее количество воды, чѣмъ можно бы было ожидать, судя по незначительной длинѣ ея теченія. Съ той же стороны, изливается рядъ другихъ рѣкъ, между прочимъ, ріо-Сиксола, или рѣка «Банановъ», и Тилоріо или Чангинола, которая, по Мануэлю Перальта, есть прежняя ріо-дела-Эстрелла, стяжавшая легендарную извѣст-

ность своими золотоносными песками [1]). То же названіе ріо-Эстрелла дали другому, менѣе обильному водному потоку, который протекаетъ сѣвернѣе, около мыса Кахуита, и гдѣ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ добываютъ золотой песокъ.

На тихоокеанской покатости, лишенной правильнаго выпаденія дождей, рѣки, въ отношеніи своей длины, не отличаются обиліемъ водъ. Тѣмъ не менѣе три изъ нихъ носятъ названіе ріо-Гранде, или «Большой Рѣки»: ріо-Гранде-де-Терраба, впадающая въ море на сѣверѣ залива Дульсе; ріо Гранде-де-Пиррисъ, протекающая на югѣ горной области, въ которой Херрадура образуетъ западный мысъ, и наконецъ, ріо-Гранде-де-Тарколесъ, получающая свое начало на порогѣ Очомого, какъ и Ревентазонъ, но изливающаяся въ противоположную сторону, пройдя по глубокому ущелью у подошвы порфировыхъ откосовъ горы Агвакате. Ріо-Гранде-де-Тарколесъ, увеличенная впаденіемъ Тириби, которая, по количеству воды, можетъ считаться главной рѣкой [2]), вливается въ море противъ южной оконечности полуострова, образуемаго заливомъ Никойя, тогда какъ другая рѣка, Темписке, впадаетъ въ сѣверный лиманъ залива, перерѣзавъ низкій перешеекъ, который служилъ узкимъ проходомъ между полуостровомъ Никойя и материкомъ. Всѣ эти рѣки вносятъ въ заливъ свою долю осадковъ, но главною причиною засариванія и обмелѣнія залива служитъ юго-восточный притокъ, который течетъ вдоль побережья и, входя въ бухту, пригоняетъ къ сѣверо-западному краю залива весь соръ, захваченный по пути, включая сюда трупы животныхъ и обломки растеній, скопляющіеся на пляжахъ [3]). Средняя глубина бассейна не достигаетъ даже 20 метровъ.

Заливъ Никойя, названный такъ по имени одного туземнаго предводителя, котораго испанцы склонили на свою сторону, вмѣстѣ съ шестью тысячами его подданныхъ,—очертаніями своими и конфигураціей горъ представляетъ прекраснѣйшее сочетаніе пейзажей, какое можно встрѣтить развѣ только въ Неаполитанскомъ заливѣ, на Босфорѣ или въ проливѣ Симоносеки; но не велико еще число счастливцевъ, которые могутъ любоваться этими чудными картинами природы: деревушки и города, лежащіе на этихъ берегахъ, не изъ тѣхъ, имя которыхъ прославилось въ исторіи. На водахъ залива разбросано множество острововъ большихъ и малыхъ, высокихъ и низкихъ, которые темною зеленью своей лѣсной растительности представляютъ эффектный контрастъ съ лазурью отдаленныхъ горъ. Самый близкій островъ къ Пунтаренасу, порту республики на Южномъ морѣ, своими очертаніями напоминаетъ отчасти островъ Капри: это островъ Санъ-Лукасъ, изъ котораго сдѣлали мѣсто ссылки. Онъ извѣстенъ въ Центральной Америкѣ сложившеюся про него легендою объ огромномъ кладѣ, зарытомъ въ его нѣдрахъ корсарами, потерпѣвшими кораблекрушеніе у его береговъ: немало находилось искателей легкой добычи, которые изрыли островъ во всѣхъ направленіяхъ, въ надеждѣ найти кладъ; но всѣ ихъ поиски остались безуспѣшными. Гольфо-Дульсе, значительно болѣе глубокій, чѣмъ Никойя, совсѣмъ не имѣетъ въ своемъ бассейнѣ острововъ.

Подобно Мексикѣ и Гватемалѣ, Коста-Рика представляетъ послѣдовательные переходы трехъ зонъ: «теплой», «умѣренной» и «холодной»; только мѣстный климатъ и группировка растительныхъ породъ различаются между собою въ тысячѣ мелочей, смотря по высотѣ, мѣстоположенію и относительному сосѣдству. Впрочемъ, климатическія условія Коста-Рики точно изучены только въ одной мѣстности, именно въ столицѣ Санъ-Жозе; правда, что скучено болѣе четверти всего коста-рикскаго населенія въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ, а девять десятыхъ всѣхъ жителей республики сгруппировались въ умѣренномъ поясѣ, на плоскогорьѣ, окаймляющемъ съ южной стороны цѣпь вулкановъ. Въ общемъ климатъ Коста-Рики существенно морской, ровный, благодаря вѣтрамъ, дующимъ то съ одного, то съ другаго океана. Въ Санъ-Жозе средняя годовая температура превышаетъ 20 градусовъ по стоградусному термометру, тогда какъ на побережью она, нечувствительными переходами, поднимается до 26 градусовъ, а къ вершинамъ горъ постепенно понижается. На высотѣ 2.800 метровъ надъ уровнемъ моря Питтьеръ находилъ тонкую ледяную пленку по берегамъ ручьевъ, а на вершинѣ Иразу, т. е. на 600 метровъ еще выше, видѣлъ даже иней, покрывавшій почву.

При одинаковой высотѣ, температура Антильскаго склона ниже, чѣмъ на склонѣ Великаго океана: свѣжіе пассатные вѣтры, дующіе съ открытаго моря, и бо́льшая влажность атмосферы, въ видѣ дождей или тумановъ, умѣряютъ жару, но въ то же время дѣлаютъ климатъ сырымъ и неблагопріятнымъ. Въ то время, какъ на западномъ склонѣ времена года смѣняются безъ рѣзкихъ переходовъ, и дожди идутъ исключительно въ теченіе семи мѣсяцевъ съ мая до ноября, а три мѣсяца въ году, январь, февраль и мартъ, бываютъ совершенно сухими,—на Атлантическомъ склонѣ сезонъ дождей длится, можно сказать, весь годъ; но и тамъ самымъ дождливымъ временемъ надо считать то, когда солнце находится въ зенитѣ: годовое выпаденіе дождей подымаетъ по край-

[1]) Manuel de Peralta, цитированное сочиненіе.
[2]) Paul Biolley, „Costa-Rica et son avenir".
[3]) G. Atwood, „Quarterly Journal of the Geological Society", Aug. 1, 1882.

ней мѣрѣ на 3 метра обычный уровень бассейновъ Ревентазона и Колорадо. Пассатные вѣтры, приносящіе на этотъ склонъ зимніе дожди, а на противоположный—рѣзкіе, сухіе шквалы, прибываютъ на берега съ восточной, сѣверо-восточной и даже съ сѣверной сторонъ; муссоны же, благодаря которымъ, съ мая по ноябрь, орошаются долины Тихо-океанскаго склона, приходятъ съ запада и дуютъ обыкновенно по нормали къ берегу; но они не такъ сильны и менѣе регулярны, чѣмъ пассатные вѣтры.

Метеорологическія условія въ Санъ-Жозе:

Широта.	Высота.	Температура. Максимальн.	Минимальн.	Средняя.	Дождл. дней.	Высота дождей.
9°,56′	1.135 метр.	29°,75	11°,75	21°,91	151	1м,768

Климатъ Коста-Рики—одинъ изъ самыхъ здоровыхъ во всей Центральной Америкѣ, какъ для туземца, такъ и для иностраннаго колониста; тѣмъ не менѣе и на этихъ высотахъ случаются эпидемическія болѣзни: холера, корь и коклюшъ уносятъ тысячи жертвъ, зато чахотка составляетъ совсѣмъ рѣдкое явленіе. Въ сырыхъ долинахъ женщины часто страдаютъ зобомъ, а въ низкихъ областяхъ побережья свирѣпствуютъ лихорадки. Иностранцы, живущіе на плоскогорьѣ, сплошь и рядомъ подвергаются ревматизму, который является результатомъ слишкомъ сыраго воздуха, но, примѣнившись къ климату, они обыкновенно свопваются съ нимъ и почти уже не подвергаются серьезнымъ заболѣваніямъ; для работы на открытомъ воздухѣ и для прогулокъ имъ приходится пользоваться утрами, потому-что даже въ дождливое время года эти ранніе дневные часы отличаются сухостью и ясностью, и природа представляется во всемъ блескѣ своей красоты и свѣжести.

Несмотря на то, что флора Коста-Рики имѣетъ большое общее сходство съ флорою другихъ странъ Центральной Америки, ботаники констатируютъ рѣзкій контрастъ между растительными видами, такъ какъ разрѣзъ, представляемый Никарагуаскою котловиною и долиною Санъ-Жуана, даетъ вполнѣ точную, естественную линію раздѣла: большіе лѣса дѣлятъ флору и фауну, подобно морскимъ рукавамъ. Такъ, на сотню видовъ папоротниковъ, собранныхъ Леви въ Никарагуа, всего только три или четыре встрѣчаются въ 36 породахъ, коллекцію которыхъ Поляковскій собралъ въ Коста-Рикѣ. Это—замѣчательное доказательство необыкновеннаго различія между этими двумя флорами: даже флоры Россіи и Испаніи не представляютъ большей разности [1]. Другіе виды растительности представляютъ тоже значительные контрасты, хотя и не въ такой рѣзкой степени. Кактусы, занимающіе во многихъ областяхъ Мексиканскаго плоскогорья обширныя пространства, съ исключеніемъ всякихъ другихъ растеній, едва представлены на плоскогорьѣ Санъ-Жозе и являются тамъ въ видѣ весьма незначительныхъ представителей, а хвойныя, преобладающія деревья холодныхъ областей Мексики, не встрѣчаются на возвышенностяхъ Картаго. Въ Коста-Рикѣ проходитъ естественная граница южно-американской флоры: въ лѣсахъ встрѣчается множество видовъ, принадлежащихъ Колумбіи, между прочимъ, нѣсколько породъ лжехиннаго дерева, которыя будущимъ плантаторамъ легко будетъ замѣнить видами, имѣющими экономическую цѣнность. Древовидные папоротники растутъ на высокихъ склонахъ до 2.300 метровъ и выше, а бананы останавливаются на 300 метровъ ниже [1]).

¹) Wagner und Scherzer, „Costa-Rica“.

Склоны горъ, обращенные къ центральному плоскогорью, и даже нѣкоторыя части территоріи, простирающейся южнѣе, были обезлѣсены до послѣдней степени; но все-таки можно сказать, что «дѣвственный» лѣсъ существуетъ еще въ большей половинѣ Коста-Рики, обращенной къ водамъ Атлантическаго океана. Всѣ горные склоны между вулканами и теченіемъ Санъ-Жуана покрыты моремъ деревьевъ, которыхъ перевившіяся вѣтви ліанъ соединили въ одну общую массу. Разнообразіе породъ прямо изумительное: въ этой части Коста-Рики на пространствѣ ста квадратныхъ метровъ встрѣчаешь больше разнообразныхъ типовъ деревьевъ, чѣмъ на поверхности въ 250 квадратныхъ километровъ въ Сѣверной Канадѣ [2]). Группировка этихъ деревьевъ чрезвычайно разнообразна, какъ и самые виды. Подъ сводомъ зелени, раскинувшей свои вѣтви съ одного берега на другой, протекаютъ въ видѣ галлереи ручьи. Въ западныхъ саваннахъ, особенно въ Гуанакасте, разсѣяны острова деревьевъ, которые придаютъ ландшафту особую прелесть, хотя въ величіи и уступаютъ дѣвственному лѣсу. Однимъ изъ характерныхъ деревьевъ этихъ островныхъ группъ является одинъ видъ мимозъ, называемый *guanacaste* [3]), отъ котораго получила наиме-

¹) „Petermann's Mittheilungen“. 1877. Heft VII.

²) Moritz Wagner, „Die Republik Costa-Rica“; — Polakowsky, „Jahresbericht des Vereins für Erdkunde zu Dresden“, 1879.

³) Куаухъ—накацли, или орлиное ухо (Buschmann, „Aztekische Ortsnamen“, — Pector, цитированное сочиненіе).

нованіе и самая провинція: длинныя вѣтви этой мимозы, съ нѣжной листвой, служатъ обезьянамъ любимыми мѣстами отдохновенія. Вдоль дорогъ, проложенныхъ по плоскогорью, тянутся прямыми рядами аллеи мексиканскихъ тополей, листва которыхъ зимой опадаетъ, какъ и у европейскихъ тополей. По сообщенію Питтьера, вся Коста-Рикская флора, въ своей совокупности, заключаетъ въ себѣ по крайней мѣрѣ 2.200 видовъ.

Подобно флорѣ, и фауна Коста-Рики отличается необыкновеннымъ богатствомъ въ сравненіи съ другими странами жаркаго пояса. Главною причиною такого разнообразія служитъ изобиліе растительной пищи, но послѣдовательное расположеніе поясовъ Сѣверной и Южной Америкъ выражается и въ Коста-Рикѣ въ распредѣленіи какъ животнаго, такъ и растительнаго царствъ; несмотря на незначительную ширину перешейка, между обоими берегами морей два раза проходятъ всѣ переходныя ступени климатовъ, начиная отъ теплыхъ болотъ побережья до сверкающихъ инеемъ горныхъ луговъ: если бы даже Коста-Рика имѣла протяженіе Анагуакскаго плоскогорья, и тогда климатическія условія не могли бы быть болѣе разнообразными. Такъ, въ этой перешейковой области можно встрѣтить животныхъ, вывезенныхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, на-ряду съ другими породами, происходящими изъ Бразиліи, но преобладаютъ все-таки южныя породы. Въ саваннахъ Гуанакасте сплошь и рядомъ попадаются койоты сѣверныхъ прерій, а самымъ обыкновеннымъ животнымъ изъ отряда грызуновъ является здѣсь бѣлка: она прыгаетъ по вѣтвямъ деревьевъ рядомъ съ обезьянами, которыхъ тоже здѣсь можно найти въ изобиліи [1]).

Кромѣ того, Коста-Рика обладаетъ нѣсколькими собственными породами: таковы, напримѣръ, обезьяна ревунъ, отличная отъ гвіанскихъ цѣпкохвостыхъ, тапиръ (elasmognatus), который отличается отъ колумбійскаго тапира своимъ своеобразнымъ сопѣніемъ. Изъ семейства рукокрылыхъ здѣсь водятся особыя летучія мыши, такъ называемые вампиры или упыри, чрезвычайно опасные для скота, у котораго они высасываютъ кровь. Въ равнинахъ Пирриса, окаймляющихъ западное побережье, къ югу отъ горы Геррадура, совершенно неожиданно появился особый коста-рикскій видъ вампировъ, которые наводнили страну цѣлыми милліонами. Эти рукокрылыя съ остервенѣніемъ набрасываются на домашнихъ животныхъ, начиная съ куръ, кошекъ и собакъ и кончая быками и лошадьми. Завидя прилетъ вампировъ, туземные жители спѣшатъ выбраться въ другую долину, забравъ съ собою весь скотъ, который иначе сдѣлается жертвою кровососовъ [1]). Хотя часто называли басней разсказы о вампирахъ, которые сосутъ кровь у спящаго человѣка, навѣвая прохладу на лицо мѣрнымъ размахиваніемъ своихъ крыльевъ, но факты эти не представляются сомнительными для путешественниковъ и натуралистовъ, посѣтившихъ страны Центральной Америки [2]); указываютъ цѣлыя деревни, которыя были покинуты жителями только изъ-за вампировъ; инженеръ Бруксъ, одинъ изъ изслѣдователей Панамскаго канала, умеръ отъ укушеній такого вампира.

[1]) Carl Scherzer, цитиров. сочиненіе.

Поразительное богатство коста-рикской жизни особенно ярко проявляется въ царствѣ пернатыхъ. Въ 1885 г. въ каталогѣ Вашингтонскаго національнаго музея насчитывалось уже 692 породы коста-рикскихъ птицъ, принадлежащихъ къ 394 родамъ. Два года спустя натуралисты открыли еще шесть новыхъ породъ; такимъ образомъ общая численность ихъ достигаетъ почти семисотъ, «т. е. вдвое больше», по словамъ Зеледона, «чѣмъ во всей Европѣ». Семейства попугаевъ и куриныхъ птицъ необычайно богаты количествомъ видовъ и числомъ особей. Кромѣ того, въ Коста-Рикѣ было открыто до 132 породъ пресмыкающихся, а между тѣмъ еще многія области въ прибрежныхъ болотахъ и въ чащахъ лѣсовъ остаются совсѣмъ неизслѣдованными. Прибрежныя моря также изобилуютъ животною жизнью, а въ рѣкахъ, впадающихъ въ Атлантическій океанъ, еще до сихъ поръ во множествѣ водятся ламантины, животныя почти уже исчезнувшія на всемъ пространствѣ Антильскаго моря. Заливъ Никойя, какъ и Тегуантепекскій, изобилуетъ пурпуровыми раковинами (*murex*), а также устрицами и перламутровыми раковинами, которыхъ здѣсь такъ же много, какъ и въ Багряномъ морѣ.

Коста-рикскіе аборигены-индѣйцы были почти совершенно вытѣснены цивилизованнымъ населеніемъ испанскаго происхожденія, хотя они все-таки держались еще довольно долго послѣ открытія бѣлыми Верагуа, въ 1502 г. Только черезъ двадцать два года на берегахъ залива Никойя былъ основанъ Хернандесомъ-де-Кордова первый коста-рикскій городъ, Бруселасъ, который, впрочемъ, существовалъ не долго. Въ 1540 г., на противоположномъ берегу, при устьѣ Сиксолы, въ землѣ таламанковъ, возникъ другой городъ—Бадахосъ, которому также суждено было скоро исчезнуть; четыре года спустя, именно въ 1544 г., близъ Картаго произошло первое столкновеніе между индѣйцами плоскогорья и испанцами, и только въ 1563 г. началось окончательное завоеваніе экспедиціями Васкеца-де-Коронадо. Онъ прочно

[1]) J. B. Calvo, „Apuntamientos geograficos sobre Costa-Rica“.

[2]) Thomas Gage;—Morelet;—Bernouilli;—Armand Reclus;—Lucien Wyse и т. д.

утвердился на плоскогорьяхъ, гдѣ въ настоящее время группируется почти все населеніе, говорящее на испанскомъ языкѣ, и проникъ даже въ южныя области, которыя и доселѣ остаются почти еще совсѣмъ неизслѣдованными. Онъ дошелъ почти до самаго Гольфо-Дульсе и здѣсь сразился съ индѣйцами области Кото, народомъ воинственнымъ и очень искуснымъ въ фортификаціонномъ искусствѣ, такъ что побѣда надъ нимъ стоила испанцамъ большихъ потерь; со стороны индѣйцевъ дрались не только мужчины, но и женщины, которыхъ хроники называли «амазонками». Васкецъ-де-Коронадо также предпринималъ походы на восточный склонъ, въ землю таламанковъ, и во время этой экспедиціи ему удалось совершить переходъ черезъ высокія горы, откуда сразу можно было видѣть оба моря: онъ достигъ такимъ образомъ бухты дель-Альмиранте и области Гуайми и открылъ золотоносныя мѣстности по ріо-де-ла-Эстрелла.

Индѣецъ гватузо.

Въ эту эпоху индѣйское населеніе нынѣшней Коста-Рика простиралось по меньшей мѣрѣ до шестидесяти тысячъ человѣкъ. Таламанковъ насчитывалось до двадцати пяти тысячъ; три тысячи воиновъ, представлявшихъ націю въ 12 или 15 тысячъ душъ, защищали укрѣпленные города области Кото; собственно плоскогорье и всѣ его сѣверные склоны были усѣяны деревнями, въ которыхъ насчитывалось болѣе одиннадцати тысячъ индѣйцевъ [1]), а сколько еще оставалось племенъ, численность которыхъ была неизвѣстна! Что касается испанцевъ, то въ 1675 г., т. е. по прошествіи болѣе вѣка послѣ завоеванія страны, ихъ насчитывалось всего пятьсотъ человѣкъ; всѣ они сгруппировались вокругъ двухъ единственныхъ городовъ на плоскогорьѣ, Картаго и Эспарца: индѣйцы, работавшіе у нихъ на плантаціяхъ, постепенно слились, и число ихъ сократилось до нѣсколькихъ сотенъ. Не имѣя въ своемъ районѣ открытыхъ или годныхъ къ эксплоатаціи золотыхъ рудниковъ, затерявшаяся на возвышенности среди лѣсовъ, куда, за недостаткомъ удобныхъ дорогъ, трудно даже было добраться, и управляемая издали разнорѣчивыми регламентами, маленькая испанская колонія Коста-Рики не могла, конечно, разсчитывать ни на какую свободную

[1]) Peralta, „Costa-Rica, Nicaragua y Panamà en el siglo XV".

иммиграцію или внѣшнюю помощь; ея торговля была такъ незначительна, что даже въ 1718 г. тамъ не было ни одной лавки, и вся мѣновая торговля велась черезъ посредство странствующихъ купцовъ. Въ теченіе XVII вѣка пираты совершали частые набѣги на Коста-Рику, но эта страна была слишкомъ бѣдна, чтобы заманивать ихъ дальше Картаго: если бы ихъ привлекали сюда не грабежи, а притязанія на политическое владычество, то достигнуть этого не представляло бы большаго труда: стоило имъ только овладѣть естественною крѣпостью Коста-Рики, господствующей надъ обоими морями, и испанскому могуществу несомнѣнно грозила бы большая опасность. Въ концѣ колоніальнаго режима Коста-Рикская провинція «королевства» Гватемалы, несмотря на свое стратегическое значеніе, имѣла населенія всего 47.000 человѣкъ, смѣшаннаго происхожденія. Обыкновенно повторяютъ, что коста-риканцы — испанской расы, въ огромномъ большинствѣ галлегосы; но на самомъ дѣлѣ этой чистоты расы не существуетъ, такъ какъ завоеватели-испанцы поженились на туземныхъ женщинахъ, а остальное туземное населеніе постепенно ассимилировалось. Что правда, такъ это то, что несмотря на преобладаніе индѣйской крови, коста-рикскіе ладиносы совершенно объиспанились въ языкѣ, нравахъ и національномъ духѣ; что касается доли скрещенія съ неграми, то она очень незначительна, такъ какъ коста-риканцы колоніальной эпохи были слишкомъ бѣдны для того, чтобы обзаводиться большимъ количествомъ рабовъ: въ 1824 г., во время оффиціальной отмѣны невольничества, этихъ послѣднихъ было всего двѣсти человѣкъ.

Число дикихъ индѣйцевъ (*bravos*) опредѣляютъ разно, отъ 3.500 до 6.000 человѣкъ; еще недавно они жили совершенно особнякомъ отъ культурнаго населенія. Самое извѣстное ихъ племя—гватузо, кочующее въ лѣсахъ сѣвернаго склона, обращеннаго къ Санъ-Жуану, преимущественно по долинѣ ріо-Фріо, называемой также *Bolson-de-los-Guatusos*; въ настоящее время они цѣлыми толпами стекаются на рынокъ Санъ-Жозе и приносятъ подарки католическимъ священникамъ, «братьямъ Солнца», какъ они ихъ называютъ [1]).

Въ прежнихъ описаніяхъ гватузо представлены блондинами, съ европейскимъ типомъ лица: Габбъ [2]) даже приписывалъ этотъ бѣлый цвѣтъ лица помѣси гватузо съ англійскими пиратами; другіе писатели признавали ихъ за аборигеновъ города Эспарца, которые, послѣ разграбленія ихъ роднаго города корсарами, бѣжали оттуда и ассимилировались съ индѣйцами. Эти утвержденія, основанныя, вѣроятно, на какой-нибудь ошибочной легендѣ, произошли, быть-можетъ, оттого, что названія *guatuso* и *guatusa* принадлежатъ также животному агути (desyprocta cristata), изъ отряда грызуновъ, отличающемуся свѣтлою шерстью: подобныя заблужденія весьма обычны во всякой странѣ, гдѣ несвѣдущіе люди ищутъ объясненія вещей въ созвучіи названій [1]). Гватузы, которые были приведены въ Санъ-Карлосъ изъ Никарагуа лѣсопромышленниками, и тѣ, которые добровольно посѣщаютъ Санъ-Жозе и другіе города Коста-Рикскаго плоскогорья, имѣютъ черные волосы, темный цвѣтъ лица и выдающіяся скулы никарагуаскихъ индѣйцевъ — чонталесовъ, вѣроятно родственныхъ имъ по происхожденію [2]): по Берендту, словарь языка гватузо доказываетъ, что гипотеза о нахуатльскомъ происхожденіи этихъ туземцевъ не основательна. Они отличные земледѣльцы, содержащіе свои банановые, какаовые и пальмовые *milpas* въ образцовомъ порядкѣ. Браки у нихъ совершаются зачастую посредствомъ похищенія невѣсты; если похищенная дѣвушка возвращается въ родительскій домъ, то съ ней поступаютъ какъ съ виновной и бьютъ ее по головѣ дубиной до тѣхъ поръ, пока покажется кровь; но при этомъ строго воздерживаются отъ убійства, такъ какъ это считается уже преступленіемъ и наказывается лишеніемъ жизни. Въ такихъ же условіяхъ находятся дерущіеся на дуэляхъ, которые не должны доводить поединокъ до смертоубійства. Гватузо не охотятся на крупныхъ животныхъ и не ѣдятъ ихъ мяса, такъ какъ держатся того вѣрованія, что души умершихъ переходятъ въ тѣла дикихъ животныхъ. Этимъ туземцамъ вовсе не свойственна та свирѣпость, которую имъ нѣкогда приписывали: бѣлый человѣкъ, вооруженный своей дальнобойной винтовкой, гораздо опаснѣе для нихъ, чѣмъ они сами—для европейцевъ, со своимъ примитивнымъ оружіемъ и каменными топорами. Ulleros, или искатели каучука, какъ никарагуасцы, такъ и коста-риканцы, сдѣлавшись преслѣдователями индѣйцевъ, почти совсѣмъ истребили расу: по сообщенію Тьеля, сотни ихъ были оставлены въ Никарагуа въ качествѣ рабовъ. Недавно еще стоимость одного гватузо опредѣлялась въ пятьдесятъ піастровъ.

Туземцы коста-рикскаго юга, отрѣзанные отъ всякаго непосредственнаго сообщенія съ гватузо, извѣстны подъ общимъ именемъ таламанка, хотя у каждаго народца этого племени есть свое особое названіе, и группы ихъ еще не классифицированы вполнѣ по происхожденію и языку. Тѣ, которыхъ видѣли Габбъ, Тьель и Бовалліусъ, на Атлантическомъ склонѣ, именно чиррипо, кабекары, висента, бриб-

[1]) Bernard Thiel;—Leon Fernandez;—Polakowsky, „Petermann's Mittheilungen“ 1885.
[2]) „American Philosophical Society“. 1875.

[1]) Thomas Belt, „Nicaragua“;—Leon Fernandez, „Documentos para la historia de Costa-Rica“.
[2]) Carl Bovallius, „Nicaraguan Antiquities“.

ри и тирибіе, продолжаютъ еще украшать себя коронами изъ перьевъ и ожерельями изъ зубовъ и жемчуга; кромѣ того, они всегда носятъ при себѣ дротики и сарбаканы, живутъ все еще по-старому въ *palenque*, т. е. въ хижинѣ съ соломенной крышей, спускающейся до самой земли; они славятся искусствомъ строить *barbaccas*, или висячіе мосты на столбахъ изъ вѣтвей ліанъ [1]). На тихо-океанской покатости живутъ другія племена, именемъ которыхъ называются и деревни; таковы борука или брунка и терраба: эти послѣдніе, по Фернандецу, — выходцы племени тирибіе. Чиррипо и кабекары, живущіе ближе другихъ къ Картаго, обращены уже въ христіанство; другіе прибрежные таламанки, живущіе между Пуэрто-Лимонъ и бухтой дель-Альмиранте, еще раньше, повидимому, огуломъ, были обращены въ католичество, такъ какъ многія ихъ обрядности и даже слова—испанскаго происхожденія; но натуралистическая основа измѣнилась весьма мало. Свои праздники они справляютъ въ лунные мѣсяцы: предметами ихъ поклоненія служатъ солнце и звѣзды, скалы и вѣтры, ручейки и море. Различіе въ воззваніяхъ и молитвахъ обусловливается различіемъ мѣстожительства и образа жизни: горные охотники поклоняются иному Богу, чѣмъ прибрежные рыболовы. Бланкосы, народецъ кабекарскаго и брибрійскаго происхожденія, въ землѣ которыхъ находится пикъ того же названія, не погребаютъ своихъ покойниковъ въ землю, а оставляютъ ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ на курганахъ въ метръ или два вышиною, подъ крышею изъ пальмовыхъ вѣтвей, и закапываютъ ихъ только по прошествіи этого срока, когда трупъ обратится вполнѣ въ сухую мумію. Въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ пищу и разныя драгоцѣнности. У тирибіе существовалъ обычай зажигать подлѣ могильнаго склепа священный огонь, который поддерживался впродолженіи девяти дней, при чемъ строго запрещалось пользоваться этимъ огнемъ для домашняго обихода [2]).

Въ этихъ древнихъ могилахъ были найдены замѣчательныя по работѣ золотыя фигурки, свидѣтельствующія о древней цивилизаціи туземцевъ и о плачевномъ упадкѣ ея со времени вторженія ихъ самозванныхъ «просвѣтителей»: множество изъ этихъ произведеній туземнаго искусства, представляющихъ высокій интересъ въ археологическомъ отношеніи, было переплавлено и обращено въ коста-рикскія монеты; нефриты и другіе зеленые камни, называющіеся по-мексикански *chalchihuites*, добываются главнымъ образомъ въ Гуанакасте и на полуостровѣ Никойя; нѣкоторые изъ нихъ попадаются въ полуобработанномъ видѣ, что заставляетъ предполагать о существованіи въ этомъ краѣ гранильныхъ и шлифовальныхъ мастерскихъ. Еще недавно среди изслѣдователей держалось убѣжденіе, что въ сѣверной части Коста-Рики очень рѣдко можно встрѣтить предметы до-колумбійской культуры; но это мнѣніе оказалось совершенно ошибочнымъ, такъ какъ раскопки дали цѣлыя тысячи разныхъ археологическихъ сокровищъ, добытыхъ главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Картаго, гдѣ находилась древняя столица Пурапура [1]).

Область Гуанакасте, составляющая предметъ спора между Никарагуа и Коста-Рикой, долгое время оставалась почти совершенно пустынной, подобно большинству политическихъ мархій; но съ половины XIX вѣка населеніе ея увеличилось въ четыре раза. Ея обширныя саванны, на которыхъ могли бы питаться милліоны скота, ея лѣса, изобилующіе строевымъ и столярнымъ деревомъ, ея заливъ и порты, наконецъ, самое ея положеніе на обязательной линіи сообщенія между перешейкомъ Никарагуа и плоскогорьемъ Коста-Рики,— все это заранѣе обезпечиваетъ этой провинціи важное значеніе. Столица ея Либерія— прежде Гуанакасте,—расположена у южнаго основанія вулкановъ Орози, около середины плодородной низменности, отдѣляющей отъ материка полуостровъ Никойя: этотъ городъ населенъ метисами, испанцами, индѣйцами и неграми, очень похожими на никарагуаскихъ ладиносовъ. Внутри полуострова находятся два многолюдныхъ мѣстечка, Санта-Круцъ и Никойя, уютные домики которыхъ группируются подъ тѣнью деревьевъ; главное изъ нихъ, Никойя, было резиденціей начальника края, который оказалъ гостепріимство испанскимъ завоевателямъ и крестился со всѣмъ своимъ народомъ. На берегахъ залива находится нѣсколько рыбачьихъ деревень, жители которыхъ занимаются собираніемъ жемчужныхъ раковинъ и устрицъ, изъ которыхъ послѣднія считаются лучшими на всемъ западномъ берегу Америки [2]). При раскопкахъ здѣсь сдѣланы важныя археологическія находки, на кабо-Бланко, конечномъ мысѣ полуострова, и на островѣ Чира, самомъ большомъ изъ островoвъ залива, на сѣверной оконечности этого обширнаго бассейна.

Городъ Пунтаренасъ (Пунта-Аренасъ), или «Песчаная Стрѣлка», дѣйствительно построенъ на песчаномъ мыскѣ небольшой рѣчи Барранки, которая внесла въ заливъ Никой цѣлыя массы вулканическаго пепла, образовавшаго большія кучи недалеко отъ входа. Одни только гребныя суда съ незначительной осадкой могутъ входить въ *estero*, или рѣчной залив-

---

[1]) Carl Bovallius, „Ymer“, 1885.
[2]) Leon Fernández, цитированное сочиненіе.

[1]) Polakowsky, „Altertümer aus Costa-Rica“;—Congrès Américanistes. Berlin. 1888.
[2]) Moritz Wagner und Karl Scherzer, „Costa-Rica“.

чикъ, открывающійся между песчаной стрѣлкой и материкомъ; большія суда останавливаются въ открытомъ морѣ и сообщаются съ пристанью посредствомъ ланцонъ и габаръ. Съ 1814 года Пунтаренасъ служитъ портомъ Коста-Рики, черезъ который ведется вся тихоокеанская внѣшняя торговля; иногда даже торговля, направлявшаяся къ Атлантическому океану, была столь незначительна, что Пунтаренасу принадлежала дѣйствительная монополія. Въ настоящее время этотъ городъ раздѣляетъ торговое движеніе съ Лимономъ, портомъ Атлантическаго океана: прогрессивнымъ развитіемъ своего населенія и промышленности Коста-Рика обязана исключительно этому порту, такъ какъ онъ является единственнымъ торговымъ портомъ республики на западномъ ея побережьѣ.

Цѣнность внѣшней торговли въ Пунтаренасѣ въ 1889 г.: 22 милліона франковъ. Въ Пунтаренасъ привозятся изъ Никойи и другихъ окрестныхъ поселеній цѣлыя массы кедроваго дерева, изъ котораго выдѣлываютъ ящики для сигаръ и карандаши.

Въ 1814 г. пристань, гдѣ грузились товары, находилась въ десяти километрахъ южнѣе, около горячихъ источниковъ Кальдера, или «Большой Котелъ», между устьями двухъ рѣкъ, Барранки и Іезусъ-Марія. До постройки желѣзной дороги, конечной станціей которой является Пунтаренасъ, не разъ поднимался вопросъ объ открытіи порта на южной сторонѣ устья ріо-Гранде, въ прелестной бухтѣ Тарколесъ, открывающейся у основанія двойной горы Херрадура: это значительно облегчило бы транспортъ товаровъ, такъ какъ суда, поднимаясь вверхъ по рѣкѣ, могли бы подниматься внутрь страны на двадцать километровъ отъ моря; но опасности, представляемыя мелями, и нездоровый климатъ Тарколеса, сравнительно съ Пунтаренасомъ, послужили препятствіемъ къ осуществленію этого проекта. Значеніе Тарколеса объясняется его передовымъ положеніемъ въ отношеніи колонизаціи западнаго берега: во время переписи 1883 года цивилизованное населеніе Тарколеса и всей юго-западной территоріи до колумбійской границы, т. е. Террабы, Боруки и Гольфо-Дульсе, состояло всего только изъ 1.231 человѣка, но съ тѣхъ поръ замѣчается нѣкоторый прогрессъ, такъ какъ въ 1888 г. въ одномъ только округѣ Гольфо-Дульсе насчитывалось уже 1.340 человѣкъ. Находящіяся тамъ мощныя антрацитовыя залежи поднимутъ современемъ значеніе этой южной области.

Желѣзная дорога, поднимающаяся отъ Пунтаренаса вверхъ на плоскогорье, достигаетъ города Эспарца, расположеннаго на высотѣ 219 метровъ, на первыхъ выпуклостяхъ гористой почвы: названіе свое онъ получилъ въ 1578 г. отъ своего основателя, наваррійца, родившагося въ деревнѣ того же имени, находящейся около Пампелуны. Справедливѣе бы было и оставить за Эспарцою это имя, имѣющее историческое основаніе; но чтобы польстить жителямъ, преобразившимся такимъ образомъ въ «спартанцевъ», правительство переименовало городъ, существующій уже болѣе трехъ вѣковъ, и теперь онъ называется Эспартой. Дальше, на всходѣ плоскогорья (725 метровъ), находится другая станція съ греческимъ именемъ: это станція Атенасъ, или «Аѳины», окруженная маисовыми и рисовыми полями и лугами. Затѣмъ, черезъ 5 километровъ, слѣдуетъ Гарита, или «Ведетъ», стоящій на краю плоскогорья, на террасѣ, откуда открывается видъ на всѣ нижнія равнины ріо-Гранде. Гора Агуакате суживаетъ въ этомъ мѣстѣ долину, которая открывается въ видѣ широкой пропасти на южной сторонѣ извивающейся грунтовой дороги, которую вскорѣ дополнитъ рельсовый путь. Слои кварца, содержащіеся въ порфировой массѣ горы, заключаютъ въ себѣ золотыя и серебряныя рудныя мѣсторожденія, гдѣ были открыты въ теченіе этого столѣтія самые производительные рудники республики; по Кальво, съ 1821 г. рудники эти ежегодно доставляли металла на сумму около милліона франковъ; изъ добываемаго тамъ золота въ Санъ-Жозе чеканятъ монету.

Алажуела, или «Драгоцѣнность» (915 метровъ), городъ, болѣе новый, чѣмъ Эспарца, превзошла, однако, эту послѣднюю по степени важности: она возникла въ концѣ прошлаго столѣтія изъ нѣсколькихъ хижинъ, разсѣянныхъ въ гасіендѣ съ небольшими участками культуры. Плодородіе почвы, состоящей въ большой части изъ выброшеннаго вулканомъ Барба пепла, быстро обогатило новый городъ. Провинція, въ которой Алажуела — административный центръ, занимаетъ по количеству населенія второе мѣсто послѣ провинціи Санъ-Жозе. Второстепенные города этой провинціи, между которыми одинъ носитъ классическое названіе Греція, тоже быстро возрастаютъ. Санъ-Рамонъ занимаетъ выгодное положеніе у самаго прохода въ горной цѣпи, гдѣ пройдетъ впослѣдствіи дорога, имѣющая соединить этотъ городъ съ долиною ріо-Санъ-Жуана черезъ Санъ-Карлосъ.

Эредіа (Heredia), восточная сосѣдка Алажуелы, расположенная тоже у подножія вулкана Барба, среди кофейныхъ и другихъ плантацій, подобно Санъ-Рамону, занимаетъ выгодное положеніе у перевала Дезенганьо (1.831 метръ), черезъ который проходитъ дорога къ Санъ-Жуану: правда, дорога эта не изъ удобныхъ, такъ какъ только небольшая ея часть, ниже ущелья, доступна для проѣзда, а дальше приходится пробираться черезъ дѣвственный лѣсъ, вѣчно сырой, по болотистой почвѣ отъ постоянныхъ дождей, пока достиг-

нешь *muelle*, т. е. пристани на Сарапики, гдѣ начинается судоходство. Деревушка Санъ-Мигуэль и *ranchos*, т. е. простыя хижины, разсѣянныя тамъ и сямъ, служатъ единственными пристанищами для путешественника на этомъ длинномъ и трудномъ пути. Но настанетъ время, когда эта, въ настоящее время глухая, дорога сдѣлаетъ изъ Эредіа одни изъ торговыхъ воротъ республики: это Кубужуки индѣйцевъ, одинъ изъ древнихъ городовъ и, можетъ-быть, самый пріятный городъ въ Коста-Рикѣ.

Нынѣшняя столица, Санъ-Жозе, или Санъ-Хосе, была въ серединѣ XVIII столѣтія простою деревушкою, которая носила названіе Виллита, но она всегда имѣла передъ Картаго то преимущество, что находится, такъ сказать, въ центрѣ разселенія всего коста-рикскаго народа; вслѣдствіе этого, прогрессивное развитіе ея двигалось быстрыми шагами. Съ паденіемъ испанскаго режима, между городами Санъ-Жозе и Картаго началось соревнованіе изъ-за первенства, и побѣда осталась за республиканскимъ Санъ-Жозе, населеніе котораго отличалось смѣлостью и предпріимчивостью, тогда какъ картагенцы были завзятые консерваторы. Санъ-Жозе занимаетъ прекрасное мѣстоположеніе среди Коста-Рикскаго плоскогорья, на средней высотѣ 1.135 метровъ надъ уровнемъ моря, въ живописной, холмистой мѣстности, орошаемой двумя небольшими рѣками, на сѣверѣ — Торресомъ, на югѣ — Маріа-Агвиларомъ; обѣ эти рѣки — притоки Великаго океана, въ который вливаются посредствомъ ріо-Гранде-де-Тарколесъ. Составляя политическій центръ Коста-Рики, Санъ-Жозе вмѣщаетъ въ себѣ всѣ главныя общественныя учрежденія страны; кромѣ того, въ немъ находится университетъ, нормальная школа, музей и метеорологическая обсерваторія. Хозяйственная сторона города находится въ идеальномъ порядкѣ: чистота улицъ образцовая, и по обилію годной для питья воды Санъ-Жозе стоитъ впереди всѣхъ Коста-Рикскихъ городовъ; съ 1887 г. онъ освѣщается электричествомъ. Въ торговомъ отношеніи Санъ-Жозе находится тоже въ очень благопріятныхъ условіяхъ, располагая желѣзными дорогами, направляющимися къ обоимъ морямъ, и вѣтвью—Карильо, начинающейся на противоположномъ склонѣ вулканической цѣпи, чтобы соединиться впослѣдствіи съ навигаціонною системою Санъ-Жуана.

Аппаратъ для отдѣленія кофейныхъ зеренъ отъ шелухи.

Картаго, развѣнчанная столица, остается все-таки метрополіей Коста-Рики: изъ существующихъ городовъ, это—самый древній, такъ какъ онъ построенъ въ 1564 г. Васкецомъ-де-Коронадо: почти всѣ правящія фамиліи Коста-Рики родомъ изъ Картаго. Этотъ городъ подвергался частымъ бѣдствіямъ. Ему нѣсколько разъ приходилось выдерживать набѣги корсаровъ; затѣмъ въ 1723 г. часть его была разрушена изверженіемъ Иразу, у подошвы котораго онъ стоялъ, а въ 1814 г., одинъ изъ всѣхъ городовъ Коста-Рики, онъ сдѣлался жертвою ужаснаго землетрясенія, не оставив-

шаго въ немъ, какъ говорится, камня на камнѣ. Картаго сердится еще на своего соперника Санъ-Жозе, которому до сихъ поръ не можетъ простить побѣды, отнявшей у него первенство. Жители его болѣе недовѣрчивы, болѣе домосѣды, менѣе дѣятельны; по улицамъ города толкается масса нищихъ, а около древняго чудотворнаго храма, усердно посѣщаемаго богомольцами, ихъ собираются цѣлыя толпы. Постройка желѣзной дороги, которая соединитъ Картаго прямо съ Лимономъ, портомъ на Атлантическомъ океанѣ, несомнѣнно окажетъ благопріятное вліяніе на этотъ старинный городъ, пользующійся завиднымъ для торговли положеніемъ: онъ стоитъ у самаго раздѣльнаго порога между двумя океанами, какъ разъ у восточнаго входа плоскогорья, гдѣ группируется почти все населеніе Коста-Рики. На атлантическомъ перевалѣ желѣзной дороги замѣчательна станція—Ангостура, названная такъ отъ одной «тѣснины» въ долинѣ Ревентазона; она извѣстна въ Европѣ по неудачной попыткѣ нѣмцевъ основать земледѣльческую колонію въ этомъ мѣстѣ, въ то время затерянномъ среди необъятныхъ чащей дѣвственнаго лѣса; теперь культура мало-помалу распространяется вокругъ поселеній, ютящихся по склону горъ. Мѣстечко Матина окружено какаовыми деревьями. Съ середины XVII вѣка испанскіе плантаторы стали водворять рабовъ на поляхъ Матины, продукты которыхъ вывозились по рѣкѣ того же названія [2]).

Лимонъ, послѣдній изъ ряда городовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ поперекъ Коста-Рикскаго перешейка, основанъ сравнительно недавно: несмотря на преимущества своего порта, лучшаго на всемъ Коста-Рикскомъ побережьѣ Атлантическаго океана, этотъ городъ возвысился лишь послѣ постройки доступныхъ дорогъ на плоскогорьѣ. Благодаря желѣзной дорогѣ, Лимонъ вдругъ поднялся до равенства съ Пунтаренасомъ въ торговомъ отношеніи; онъ вывозитъ не только кофе съ плантацій плоскогорья, но также поставляетъ на рынокъ Соединенныхъ Штатовъ бананы, которые въ изобиліи производятъ новыя плантаціи, разведенныя по сосѣдству съ нимъ.

Обороты внѣшней торговли въ Лимонѣ въ 1889 г.: 23 милліоновъ франковъ. Сооруженіе Лимонской желѣзной дороги стоило большихъ трудовъ, такъ какъ ее приходилось прокладывать черезъ болота и лагуны побережья, особенно близъ Муана, гдѣ велась прежде небольшая контрабандная торговля по ввозу англійскихъ товаровъ.

Къ югу отъ Лимона, во всей *tierra adentro*, спускающейся къ Атлантическому океану, есть одна только колонія цивилизованныхъ коста-

[1]) Wagner und Scherzer, „Costa-Rica".

риканцевъ, именно Санъ-Бернардо, находящаяся въ странѣ таламанковъ, около Пуерто-Віехо: также какъ постъ Чиррипо, она не достигла цвѣтущаго состоянія главнымъ образомъ по причинѣ своего изолированнаго положенія; что касается «города» Сантъ-Яго-де-Таламанка, построеннаго на берегу Сиксолы, то въ 1610 г. онъ былъ сожженъ возмутившимися индѣйцами. Часто говорили о богатыхъ испанскихъ поселеніяхъ на берегахъ рѣки Эстреллы или Чангвинолы, и тамошніе золотые рудники, въ настоящее время заброшенные, сравнивали съ «Потози», но всѣ эти разсказы основываются на ошибкѣ, сдѣланной Алцедо въ его знаменитомъ словарѣ [1]), которую впослѣдствіи буквально воспроизвели и многіе другіе авторы. Онъ далъ этимъ Эстрельскимъ рудникамъ названіе Тизингаль (Тинзигаль, Тизіагаль), которое оказывается сокращеннымъ названіемъ Тегучигальпы, что видно изъ подробнаго описанія путешествія по ріо-Сеговіа корсара Равенау-де-Люссанъ. Этотъ золотоносный берегъ, гдѣ, впрочемъ, не сохранилось ни одного преданія относительно мнимаго города Эстреллы, не привлекалъ къ себѣ колонистовъ [2]): его даже избѣгали, по причинѣ его подводныхъ рифовъ и вообще негостепріимныхъ береговъ. По словамъ Колумба, чаще всего этотъ берегъ называли *Costa-de-los-Contrastes*, или «Берегъ Препятствій» [3]).

Матеріальное преуспѣяніе Коста-Рики, если и не отличается такой быстротой, какъ въ другихъ испано-американскихъ республикахъ, то по крайней мѣрѣ идетъ правильнымъ и постояннымъ ходомъ. Объ этомъ можно судить по увеличенію населенія: съ 80.000 жителей въ 1844 г. оно увеличилось въ 1864 г. до 120.500, въ 1883 г. до 182.000 человѣкъ, а по исчисленію въ началѣ 1894 г., цифра его достигла 253.000 душъ, въ томъ числѣ 220 т. креоловъ, 20 т. индѣйцевъ, 2 т. негровъ, 1 т. китайцевъ и пр. Ежегодный приростъ исчисленъ въ два съ половиною процента, т. е. отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ. Число иностранцевъ незначительно: въ 1892 г. ихъ насчитывалось всего 6.289. Иммигранты въ собственномъ смыслѣ состоятъ прежде всего изъ ямайскихъ негровъ, затѣмъ изъ испанцевъ, канарійцевъ или Isleños, нѣмцевъ, китайцевъ, французовъ, англичанъ и сѣверо-американцевъ. *Съ 1894 г. средняя цифра иммиграціи составляетъ около 1.000 въ годъ*.

Значеніе Коста-Рики въ міровой торговлѣ опредѣляется почти исключительно доставкою

[1]) „Diccionario geografico-historico de las Indias Occidentales".
[2]) Von Frantzius, „Acerca del verdadero sitio de las ricos minas de Tisingal"; Leon Fernandez, „Colleccion de documentos para la historia de Costa-Rica".
[3]) Adolf Bastian, „Der Isthmus und Guatemala"

кофе, который стали разводить здѣсь съ 1817 г. и сначала не особенно успѣшно, такъ какъ въ 1833 г. было собрано всего десять тоннъ. Главною потребительницею коста-рикскаго кофе является Великобританія. Въ плодородные годы вывозъ достигаетъ 15.000 тоннъ, а въ неурожайные—меньше 10.000 тоннъ, на сумму почти въ 12 милліоновъ франковъ. Въ 1899 г. вывезено кофе 19.486.125 килограм.

Въ 1891 г. сборъ кофе въ Коста-Рикѣ составлялъ 36.367 тоннъ. Кромѣ того, Коста-Рика доставляетъ сахаръ, каучукъ, какао, кожу и лѣсъ, но съ нѣкоторыхъ поръ всѣ эти предметы торговли стали уступать въ цѣнности бананамъ, которые вывозятся въ Соединенные Штаты.

Въ 1892 г. изъ Коста-Рики было вывезено банановъ на сумму 2.829.000 франковъ.

Кромѣ того, въ Коста-Рикѣ, даже на индѣйскихъ мильпа, сѣютъ квиквиске, или австралійское таро, молодые стебли котораго идутъ въ пищу [1]).

На возвышенностяхъ плантаторы занимаются исключительно культурой кофе, вслѣдствіе чего хлѣба не хватаетъ для мѣстнаго потребленія, и муку привозятъ изъ Чили. Убойнаго скота у нихъ тоже мало, несмотря на обиліе пастбищъ; а овцы и козы здѣсь большая рѣдкость.

Въ 1892 году въ Коста-Рикѣ было: рогатаго скота 345.665, лошадей 77.043, овецъ 2.765 головъ. Главное преимущество Коста-Рики передъ Никарагуа, Гватемалой и Мексикой заключается въ томъ, что въ ней половина земледѣльцевъ состоитъ собственниками, за исключеніемъ только округа Гуанакасте; вся территорія, которая, даже во время испанскаго режима, обработывалась почти вездѣ свободными рабочими, раздѣлена на мелкіе участки, что даетъ возможность и прямой интересъ каждому владѣльцу заниматься культурою. Въ 1886 г. во всей странѣ насчитывалось 57.639 *fincas* или отдѣльныхъ участковъ [2]), общею стоимостью въ 38.807.500 піастровъ, но на которыхъ лежитъ ипотечный долгъ въ 7.905.000 піастровъ. Земля, занятая подъ культурою, составляетъ всего лишь двадцатую часть всей поверхности страны.

Съ половины этого столѣтія торговля увеличилась въ четыре раза: раньше она опредѣлялась почти въ десять милліоновъ франковъ, теперь же, смотря по годамъ, она даетъ отъ трпдцати до сорока милліоновъ, что составляетъ на каждаго коста-риканца отъ 150 до 200 франковъ; нужно еще принять въ разсчетъ контрабандную торговлю, которая производится по рѣкамъ Санъ-Жуану и Сарапикуи, и главнымъ образомъ распространяется на табакъ и порохъ.

Внѣшняя торговля Коста-Рики въ 1898 г.: ввозъ—4.258.896, вывозъ—5.659.219 золот. песо или долларовъ.

Государства, съ которыми Коста-Рика ведетъ торговлю, слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Великобританія, Соединенные Штаты, Франція и Германія. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ торговомъ движеніи является желѣзная дорога, которая съ 1890 года окончательно соединила столицу съ ея Атлантическимъ склономъ, перерѣзавъ порогъ Очомого. Желѣзно-дорожная компанія, ради которой правительство заключило внѣшній заемъ, получила, кромѣ того, еще пространство земли въ сотни тысячъ гектаровъ, подъ условіемъ, что земли будутъ проданы или отданы въ наймы впродолженіи двадцати лѣтъ: часть этого обширнаго владѣнія уже отдана колонистамъ для культуры или для пастбищъ. Проектируютъ построить еще другія желѣзныя дороги для соединенія Коста-Рики съ Никарагуа и его будущимъ каналомъ, и выработаны уже планы и смѣты для урегулированія рѣкъ Фріо, Санъ-Карлосъ, Сарапикуи и Сусіо въ цѣляхъ пароходства. Строители Никарагуаскаго канала предполагаютъ воздвигнуть на рѣкѣ Санъ-Карлосъ плотину, которая подниметъ ея уровень на 16 метровъ и тѣмъ дастъ возможность судамъ глубокой осадки ходить по ней до самой подошвы горъ.

Что касается междуокеанской дороги между двумя портами, Гольфо-Дульсе и Чирикуи, концессія на которую дана еще въ 1849 г., то она еще не начата постройкою, хотя концессіонеры получили въ залогъ надѣлъ въ 244 кв. миль «съ рѣками, озерами, горами и рудами».

Политическое устройство Коста-Рики скопировано, за немногими деталями, съ конституцій другихъ испано-американскихъ государствъ. Законодательная власть принадлежитъ конгрессу, члены котораго назначаются по выбору на четыре года; исполнительною властью руководитъ президентъ, избираемый тоже на четыре года, такимъ же образомъ, какъ и члены конгресса; ко вторичной службѣ онъ не допускается; въ помощь ему назначается трое «товарищей», которые избираются одновременно и на одинъ срокъ съ президентомъ, и могутъ замѣщать его въ случаѣ необходимости. Президентъ назначаетъ государственныхъ секретарей, окружныхъ и военныхъ начальниковъ и политическихъ вождей для каждаго кантона; муниципалитетъ избирается народными представителями. Органами судебной власти служатъ мировые судьи и конституціонные алькады, засѣдающіе въ каждомъ кан-

[1]) Bernardo Thiel, цитируемый Поляковскимъ;—„Petermann's Mittheilungen", 1885, Heft VI.

[2]) J. B. Calvo, цитированное сочиненіе;—Gabb, „Petermann's Mittheilungen", 1887, Heft X;—Biolley, „Costa-Rica et son avenir".

тонѣ; въ качествѣ высшихъ инстанцій являются областные суды и кассаціонная палата. Судъ присяжныхъ функціонируетъ въ уголовныхъ процессахъ. Какъ смертная казнь, такъ и всѣ другія позорныя наказанія совершенно отмѣнены. Женщина пользуется гражданскими правами, а всѣ граждане располагаютъ полною иниціативою завѣщаній. Свобода вѣроисповѣданій, провозглашенная въ 1870 г., фактически существовала уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, а десятина была отмѣнена съ первыхъ временъ независимости. Монастыри и монашескіе ордена упразднены на всемъ пространствѣ Коста-Рикской территоріи.

Дѣло народнаго образованія стояло прежде очень плохо: еще въ 1883 году число грамотныхъ достигало всего 12%; но когда начальное образованіе обоихъ половъ сдѣлалось обязательнымъ и безплатнымъ, оно стало быстро распространяться въ этой странѣ, гдѣ города и поселенія сгруппированы довольно тѣсно. Въ 1897 г. въ Коста-Рикѣ было 327 начальныхъ школъ съ 22.000 учащихся. Во время испанскаго режима и до 1830 г. въ Коста-Рикѣ не было ни одной типографіи; а въ 1887 г. ихъ насчитывалось уже десять. Въ 1811 году общее число отправленныхъ почтою писемъ опредѣлялось шестью стами, а въ 1898 г. оно превышало 2.500.000, къ которымъ надо еще прибавить 382.000 телеграммъ, отправленныхъ по сухопутному и подводному телеграфамъ.

Длина желѣзныхъ дорогъ въ Коста-Рикѣ: 372 километра; длина телеграфной линіи: 1.413 километровъ. Хотя Коста-Рика, въ собственномъ смыслѣ, представляетъ собою только узкую полосу земли, на южной сторон[е] вулканической цѣпи, тѣмъ не менѣе въ сово[]купности средне-американскихъ республик[ъ] она пользуется виднымъ положеніемъ и в[ъ] отношеніи нѣкоторыхъ сторонъ национальна[]го могущества занимаетъ далеко не послѣдне[е] мѣсто.

Республики Центральной Америки по поряд[]ку ихъ сравнительнаго могущества:

	1-ое мѣсто.	2-ое мѣсто.	3-ое мѣсто.	4-ое мѣсто.	5-ое мѣсто.
Пространство	Никарагуа.	Гватемала.	Гондурасъ.	Коста-Рика.	Сальвадоръ.
Населеніе	Гватемала.	Сальвадоръ.	Гондурасъ.	Никарагуа.	Коста-Рика.
Километрич. плотность	Сальвадоръ.	Гватемала.	Коста-Рика.	Гондурасъ.	Никарагуа.
Пропорція ладиносовъ.	Коста-Рика.	Сальвадоръ.	Никарагуа.	Гватемала.	Гондурасъ.
Внѣшняя торговля. .	Сальвадоръ.	Гватемала.	Коста-Рика.	Гондурасъ.	Никарагуа.
Народное образованіе	Коста-Рика	Сальвадоръ.	Гватемала	Гондурасъ.	Никарагуа.
Финансовое положеніе	Никарагуа.	Гватемала.	Сальвадоръ.	Коста-Рика.	Гондурасъ.

Было время, когда Коста-Рика одна, если не считать Сербію, во всемъ свѣтѣ могла похвалиться неимѣніемъ національнаго долга. Теперь она этого сказать про себя не можетъ: маленькая испано-американская республика послѣдовала примѣру своихъ большихъ сестеръ и пошла по скользкому пути займовъ съ такою же неосторожностью: въ 1871 и 1872 г.г. она сдѣлала заемъ въ 80 милліоновъ франковъ, отъ которыхъ сама не попользовалась и третьей частью. Конверсія этого долга стоила большихъ убытковъ, и теперь доходы республики надолго закрѣпощены одной компаніею, которая наложила свою руку на таможенныя пошлины и захватила въ свою пользу на 99-лѣтній срокъ двѣ трети всѣхъ акцій Лимоно-Алажуельской желѣзной дороги; кромѣ того, она располагаетъ значительнымъ пространствомъ земель.

Долгъ Косга-Рики въ 1899 г.: внѣшній—2.090.000 фунт. стерл.; внутренній—2.922.221 кредитн. песо.

Государственный бюджетъ уравновѣшивается почти ежегодно приходами и расходами; значительная часть доходовъ получается отъ таможенныхъ пошлинъ и монополіи водки и табаку; что касается до расходовъ, то почти шестая часть ихъ идетъ на уплату долга, а восьмая—на содержаніе войска, состоящаго изъ постоянной арміи въ 600 человѣкъ и милиціи въ 12.000 чел.

Бюджетъ фискальнаго 1898—1899 г.г.: доходовъ — 8.413.199; расходовъ — 8.069.748 песо.

Коста-Рика раздѣлена на пять провинцій и два округа, или *comarcas*, неравной величины и подраздѣленныхъ на болѣе мелкіе уѣзды. Слѣдующая таблица даетъ списокъ областей и комарокъ, съ ихъ кантонами и населеніемъ, по переписи 1888 г.:

Провинціи и комарки.	Кантоны.	Населеніе.	Главн. города.	Ихъ населеніе, безъ городс. округовъ
Санъ-Жозе	6	64.846	Санъ-Жозе	14.448
Алажуела.	7	51.087	Алажуела.	3.842
Картаго	3	33.887	Картаго.	4.575
Эредія.	5	29.409	Эредія	4.332
Гуанакасте.	5	16.323	Либерія.	1.782
(Комарка) Пунтаренасъ.	3	8.409	Пунтаренасъ.	2.116
(Комарка) Лимонъ	1	1.770	Лимонъ	637
(Пространство 51.760 кв. килом. . .	30	205.731		

Въ 1897 г. народонаселеніе: 295.000 душъ; число жителей въ Санъ-Жозе—25.000.

Глава V

Панама.

Будучи составною частью Колумбіи, въ силу своего политическаго разграниченія, и безъ сомнѣнія, согласно желанію своихъ жителей, провинція Панама, съ географической точки зрѣнія, цѣликомъ заключается въ Центральной Америкѣ, и даже по своей формѣ узкаго перешейка, змѣеобразно извивающагося между двумя континентами, составляетъ ея типическую часть. Исторія ея открытія, происхожденіе ея туземнаго и иммиграціоннаго населенія, наконецъ, вопросы общественныхъ работъ и торговли, вызванные проблемой прорытія междуокеанскаго канала, также поставили Панаму въ одно общее цѣлое съ перешейковыми государствами Центральной Америки.

Политическія границы между республикой Коста-Рика и Колумбіей окончательно еще не опредѣлены; но въ ожиданіи, пока вопросъ этотъ будетъ оффиціально рѣшенъ третейскимъ судомъ, онъ уже самъ собою разрѣшился добровольнымъ движеніемъ населеній. Въ то время, какъ коста-риканцы, сгруппировавшіеся почти исключительно въ сѣверной части своихъ владѣній, предоставили всю южную часть территоріи индѣйскимъ племенамъ,—колонизованныя пространства оспариваемой страны, расположенныя по берегамъ бухтъ Давида и Чирикуи и во внутреннихъ долинахъ, заняты колумбійцами, имѣющими притягательными центрами города провинціи Панамы: имъ-то и принадлежитъ сила экспансивности, и множество колумбійскихъ семействъ поселилось въ Коста-Рикѣ, по ту сторону границы, на которую заявляетъ притязаніе правительство Колумбіи. Такимъ образомъ, при опредѣленіи поверхности Панамы, пока надо принять границы, намѣченныя колумбійскими картами, почти по прямой линіи, идущей отъ оконечности Пунта-Бурика до западнаго мыса Бокадель-Драго, при входѣ въ Бахіа-дель-Альмиранте. Большая часть «герцогскаго» Верагуа, пожалованнаго Луису Колону, принадлежитъ Колумбіи, тогда какъ «королевское» Верагуа, продолжающееся къ сѣверу, сдѣлалось Коста-Рикской территоріей [1]).

Что касается административныхъ границъ Панамы со стороны Южной Америки, то онѣ проходятъ черезъ пустыни и не совпадаютъ съ естественной линіей раздѣла, какъ и политическая граница со стороны Коста-Рики. Въ географіи другихъ странъ немного можно встрѣтить такихъ ясныхъ разрѣзовъ, какъ на южно-американскомъ континентѣ, въ его сѣверо-западномъ углу: тамъ, гдѣ пропадаютъ послѣдніе холмы перешейковой цѣпи, между долинами Атрато и Санъ-Жуана,—кончается Средняя Америка и начинается Южная; но линія оффиціальнаго раздѣла проходитъ гораздо сѣвернѣе, черезъ небольшіе прибрежные массивы. Въ нынѣшнихъ своихъ предѣлахъ провинція Панама имѣетъ пространство въ 81.000 квадратныхъ километровъ. За неимѣніемъ подробныхъ переписей, населеніе приблизительно можно опредѣлить въ 300.000 человѣкъ: такимъ образомъ, эта Колумбійская провинція имѣетъ почти такую же плотность населенія—4 человѣка на квадратный километръ,—какъ и Коста-Рика, но, въ отношеніи своего протяженія, она гораздо менѣе населена, чѣмъ Гватемала и Сальвадоръ.

Коста-рикская горная цѣпь продолжается и въ Панамѣ очень высокими горами. Пикачо, стоящій у самой границы, имѣетъ 2.150 метровъ высоты, но это лишь второстепенный пикъ въ сравненіи съ своимъ восточнымъ сосѣдомъ, потухшимъ вулканомъ Чирикуи, правильнымъ конусомъ, съ послѣдовательными поясами растительности на склонахъ, который высится во всемъ своемъ величіи надъ южными равнинами; мореходныя карты опредѣляютъ высоту этого вулкана въ 3.434 метра. У его восточнаго основанія въ цѣпи открывается брешь всего въ 1.110 метровъ; далѣе къ востоку идетъ другой порогъ въ 1.206 метровъ [1]), а Морицъ Вагнеръ упоминаетъ, по словамъ путешественника Мореле, еще объ одномъ проходѣ въ 1.104 метра [2]): по всей вѣроятности, этимъ-то брешамъ промежуточная вершина, высотою почти въ 2.000 метровъ, и обязана своимъ названіемъ серро Оркета, или «гора Ущелья»; нѣкоторые путешественники, между прочимъ Уилрайтъ, упоминаютъ о болѣе низкихъ проходахъ, не превышающихъ 50 метровъ, но эти указанія не подтверждены картами. Далѣе, кордильера, подступающая гораздо ближе къ сѣверному берегу, чѣмъ къ Великому океану, снова поднимается до высоты слишкомъ 2.500 метровъ. Эти горы сто-

[1]) Manuel Peralta;—Polakowsky, „Petermann's Mittheilungen". 1884

[1]) Alphonse Pinart, „Bulletin de la Société de Géographie". 1885.

[2]) „Die Provinz Chiriqui".

ятъ на цоколѣ высокихъ земель, изрѣзанномъ глубокими долинами, и возвышающемся, въ среднемъ, на тысячу метровъ. Но по направленію съ сѣвера на югъ онъ представляетъ весьма незначительную ширину, всего около сорока километровъ; съ одной стороны, на склонѣ Великаго океана, открывается амфитеатръ обширной равнины Давида; съ другой стороны, Антильское море врѣзывается внутрь перешейка большою бухтою или «лагуною» Чирикуи. Въ этой части своего протяженія кордильера носитъ то же названіе, что и лагуна.

Слѣдующая часть кордильеры, развертывающаяся красивою, правильною дугою, выпуклость которой обращена къ югу, извѣстна обыкновенно подъ названіемъ цѣпи Верагуа: она немного ниже Чирикуи, несмотря на то, что начинается на западѣ великолѣпной горой Сантъ-Яго (1.900 метровъ) и имѣетъ нѣсколько пиковъ, высотою болѣе 1.200 метровъ. Въ этой части провинціи перешеекъ во всю ширину занятъ горами или холмами: отроги ихъ выдвигаются на сѣверѣ до самыхъ береговъ Атлантическаго океана, а на югѣ одинъ отрогъ выступаетъ далеко въ открытый океанъ и образуетъ тамъ широкій массивный полуостровъ ласъ-Пальмасъ, къ западу отъ залива Монтихо. Но четыреугольный полуостровъ Азуэро, образующій выступъ южнаго берега и ограничивающій съ юго-западной стороны заливъ Панама, своимъ рельефомъ рѣзко отличается отъ кордильеры Верагуа: онъ отдѣленъ отъ этой кордильеры долинами и высокими саваннами въ 150 метровъ, на которыхъ возвышаются отдѣльные холмы, и имѣетъ свою небольшую орографическую систему, самая высокая вершина которой, находящаяся у юго-западнаго мыса, немного больше 900 метровъ. Извѣстно, что полуостровъ Азуэро составляетъ часть почти совершенно подводной цѣпи, идущей параллельно извилистой кордильерѣ перешейковъ и охватывающей полуострова Никойя, Гольфо-Дульсе и Бурика, островъ Коиба и архипелагъ ласъ-Перласъ.

Къ сѣверо-востоку отъ цѣпи Верагуа, какъ разъ тамъ, гдѣ Панамскій перешеекъ изгибается замѣчательно правильною дугою, горный рельефъ становится весьма измѣнчивъ какъ въ своемъ направленіи, такъ и въ высотѣ; онъ распадается на нѣсколько отрывковъ, въ которыхъ первоначальный порядокъ почти неузнаваемъ. Массивъ Капира, самый высокій въ этой области (1.500 метровъ), стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ средней цѣпи, и скаты его погружаются, на югѣ, въ бухту Панама, и даже выдвигаютъ въ море небольшой полуостровъ серро-Чаме. Раздѣльнымъ хребтомъ, который можно считать продолженіемъ главной цѣпи и который стоитъ ближе къ южному берегу, чѣмъ къ атлантическому, служитъ холмъ Ахога-Іегуасъ; самая высокая его часть не превышаетъ 212 метровъ, а брешь его имѣетъ всего 115 метровъ высоты. Дальше открывается еще болѣе низкій проходъ Кулебра, или «Змѣиный», лежащій всего на 87 метровъ надъ уровнемъ обоихъ морей, разстояніе между которыми въ этомъ мѣстѣ по прямой линіи не болѣе 56 километровъ. Многіе изъ этихъ низкихъ выступовъ и вершинъ усѣяны большими бѣловатыми каменными глыбами, которыя составляютъ контрастъ съ краснымъ колеромъ почвы и принимались прежде за морены; но въ дѣйствительности это—твердое ядро скалъ, не успѣвшее еще преобразоваться въ глину подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей.

Геологическое строеніе земель перешейка доказываетъ, что различныя части его образовались не одновременно: въ то время, какъ кордильера Верагуа состоитъ главнымъ образомъ изъ первобытныхъ породъ, гранита и сіенита, гнейса и сланца, панамскіе холмы состоятъ изъ долерита и трахита, разложившихся на поверхности [1]), и которые можно «рѣзать лопатой, какъ сыръ». Выступы покрыты слоемъ глины и земли, имѣющимъ, въ среднемъ, десять метровъ [2]) толщины, но эти возвышенности вулканическаго происхожденія совсѣмъ не имѣютъ вида эруптивныхъ конусовъ, выбрасывавшихъ пепелъ и шлакъ: туфы и конгломераты походятъ на осадочные слои такого же образованія, покрывающіе склоны и подошву подводныхъ вулкановъ [3]). Изверженія, очевидно, имѣли мѣсто въ ту эпоху, когда воды двухъ океановъ соединялись проливомъ; болѣе или менѣе кольцеобразное расположеніе вершинъ тоже напоминаетъ форму эруптивныхъ холмовъ, которые возвышаются на окружности океанскихъ плоскогорій. Слои известняковъ, встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ частяхъ перешейка, наполнены ископаемыми, которыя жили, по всей вѣроятности, въ океанѣ въ первые вѣка, третичной эпохи, и представители которыхъ находятся еще во множествѣ въ сосѣднихъ моряхъ. Проливъ едва замкнулся, и инженеры, хотя пока еще безуспѣшно, пытаются снова открыть его. По крайней мѣрѣ брешью между двумя океанами воспользовались для проведенія грунтовой и желѣзной дорогъ.

За порогомъ Кулебра снова начинаются горныя цѣпи, постепенно повышающіяся къ востоку. Холмы Марія-Энрикесъ достигаютъ 400 метровъ, а восточное продолженіе ихъ, холмы Пакора, переходятъ за 500 метровъ; затѣмъ, по сосѣдству съ заливомъ Санъ-Бласъ, возвышается горный узелъ, къ которому примыкаетъ береговая цѣпь, тянущаяся съ запада на вос-

---

[1]) De Boucheporn, „Bulletin de la Société Géologique de France“, 1 série, vol. XV.

[2]) J. Marcou, „Bibliothèque universelle et Revue Suisse“, septembre 1879.

[3]) L. B. Wyse, „Le canal de Panama“.

токъ, вдоль Атлантическаго океана: одна изъ ея вершинъ, находящаяся на востокъ отъ Пуерто-Бело, достигаетъ 915 метровъ. Эти двѣ соединившіяся цѣпи продолжаются кордильерой съ крутыми склонами, отъ 150 до 180 метровъ высоты, которая раздѣляетъ своей неравной стѣной двѣ океанскія покатости. Это какъ разъ самое узкое мѣсто американскаго перешейка: разстояніе между двумя морями опредѣляется здѣсь въ 50 километровъ по прямой линіи, а между заливомъ Санъ-Бласъ и излучиною рѣки Байано, куда достигаетъ приливная волна Великаго океана, разстояніе не превышаетъ 28 километровъ. Это суженіе перешейка Санъ-Бласъ указывалось какъ удобное мѣсто для прорытія судоходнаго канала; но гребень кордильеры, откуда изливаются воды Байано, превышаетъ 300 метровъ, и инженерамъ пришлось бы прорыть въ горѣ туннель по крайней мѣрѣ въ 12 километр. длины, и настолько высокій, чтобы имъ могли проходить самыя большія суда [1].

Кордильера Санъ-Бласъ или Чепо, состоящая изъ метаморфическаго гнейса и сланца, тянется, подъ разными названіями, въ видѣ краевой цѣпи Атлантическаго океана до входа въ заливъ Ураба, гдѣ страна называется уже Даріенскимъ перешейкомъ. Горный узелъ Ганди, высотою въ 900 метровъ, а дальше массивъ Турганти указываютъ мѣсто поворота цѣпи, которая затѣмъ тянется прямо на югъ, съ западной стороны рѣки Атрато. Она понижается у ущелья Тихуль, гдѣ высота ея всего 142 метра; это мѣсто тоже было намѣчено какъ удобное для прорытія междуокеанскаго канала, который замѣнилъ бы прежній проливъ двумя рѣками: Атрато — на востокѣ и Туира — на западѣ. Дальше цѣпь возобновляется, но уже безъ значительныхъ выступовъ, и своими боковыми отрогами присоединяется къ другому хребту, къ горамъ Баудо, которыя тянутся по самому берегу Великаго океана. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ горы высятся круто надъ самымъ океаномъ и выдвигаютъ мысы, окруженные рифами. Въ общемъ сіерра-Баудо, имѣющая протяженіе съ сѣвера на югъ почти въ 200 километровъ, представляетъ скорѣе простую холмистость, чѣмъ горную цѣпь: это прямо высокій берегъ, на которомъ кое-гдѣ возвышаются массивы относительно значительной вышины, каковъ, напримѣръ, Баудо, имѣющій 1.816 метровъ [2]. Но эта сіерра также прерывается широкими брешами, которыя были изслѣдованы инженерами наравнѣ съ перешейками: Панамскимъ, Санъ-Бласъ и Даріенскимъ, такъ какъ они тоже могли бы служить мѣстами прохода между Великимъ океаномъ и рѣкою Атрато; одна изъ этихъ брешей, Купика, имѣетъ всего 300 метровъ высоты надъ уровнемъ моря. Послѣднія волнообразныя возвышенія плоскогорья сливаются съ равниной на сѣверѣ устья Санъ-Жуана.

За исключеніемъ Атрато, которая принадлежитъ провинціи Панама только своими боковыми притоками, и нѣсколькихъ рукавовъ дельты, на перешейкѣ нѣтъ большихъ рѣкъ, если не считать разлива тамошнихъ рѣкъ послѣ исключительно сильныхъ дождей; хотя многія изъ нихъ имѣютъ довольно значительное теченіе, благодаря расположенію ихъ долинъ, идущихъ параллельно, а не перпендикулярно къ берегамъ, но ихъ бассейны не настолько обширны, чтобы изливать въ океанъ большой излишекъ рѣчной воды. Если эти рѣки пріобрѣли громкое имя, то это только благодаря своему положенію въ сосѣдствѣ или на проходѣ междуокеанскихъ путей сообщенія, эксплоатируемыхъ или проектируемыхъ. Такъ, рѣка Чагресъ, названіе которой, по словамъ Пинара, означаетъ на языкѣ муои «Большая Рѣка», и которая, однако, есть лишь незначительный притокъ Караибскаго моря, прославилась гораздо болѣе, чѣмъ Ванксъ и другія большія рѣки почти неизслѣдованныхъ областей Москитіи.

Ріо-Чагресъ зарождается почти въ центрѣ Панамскаго перешейка и вначалѣ течетъ по направленію къ юго-западу, параллельно океаническимъ берегамъ перешейка. У Крусесъ, гдѣ она уже получаетъ всѣ свои верхніе притоки, рѣка становится настолько многоводною, что дѣлается доступною для судоходства. Немного ниже, въ Матачинѣ, гдѣ уровень ея во время мелководья всего только на 14 метровъ выше уровня Атлантическаго канала, она принимаетъ въ себя Обиспо, спускающуюся съ массива Кулебра, и которая, по направленію своей долины, есть главная вѣтвь, такъ какъ ниже сліянія обѣ соединившіяся рѣки текутъ въ поперечномъ направленіи къ береговымъ цѣпямъ и вливаются въ Антильское море, пересѣкши баръ, гдѣ средняя глубина немного болѣе 3 метровъ. Въ самой рѣкѣ глубина воды колеблется между 4 и 12 метрами во время мелководья, но внезапное половодье, являющееся результатомъ проливныхъ дождей, поднимаетъ иногда рѣчной уровень на 12 метровъ; неожиданное поднятіе на 6 метровъ случается сплошь и рядомъ; мосты, построенные для желѣзной дороги, были превзойдены на 4, даже на 6 метровъ во время такихъ наводненій. Дебитъ ріо-Чагресъ варьируетъ отъ 10 до 1.930 метровъ въ секунду [1]; но обыкновенная разница составляетъ всего только 21 метръ при низкой водѣ и 75 метровъ при высокой: среднее количество катимой воды очень зна-

[1] L. B. Wyse, цитированное сочиненіе.
[2] J. T. Vergara, „Geografia de Colombia".

[1] Garella; — Menocal; — Armand Reclus, рукописныя замѣтки.

чительно въ сравненіи съ европейскими рѣками. Поверхность рѣчнаго бассейна исчисляется въ 2.650 квадратныхъ километровъ [1]), а длина теченія около 125 километровъ.

Рѣка Байано, называемая также Чепо, отъ расположеннаго на ея берегу города этого имени, немного длиннѣе ріо-Чагресъ, и бассейнъ ея обширнѣе; но количество катимой ею воды меньше, потому что она принадлежитъ къ тому склону океана, который господствующіе восточные и сѣверо-восточные вѣтры не столь обильно орошаютъ дождями. Подобно Чагресу, она течетъ сначала въ продольной долинѣ, параллельной береговымъ горамъ, затѣмъ круто поворачиваетъ на югъ, чтобы спуститься прямо къ морю; поворотъ этотъ происходитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теченіе рѣки, уже тихое, поддерживается морскимъ приливомъ. Рѣка оканчивается на Великомъ океанѣ широкимъ лиманомъ, который загроможденъ баромъ, гдѣ при отливѣ нѣтъ даже полуметра воды; глубокія мѣста Панамскаго залива, могущія служить якорною стоянкою судовъ, отстоятъ очень далеко отъ берега, такъ что глубину въ $8^1/_2$ м. можно найти только въ разстояніи $8^1/_2$ километровъ отъ устья, и это представляетъ одно изъ важнѣйшихъ препятствій для прорытія большаго судоходнаго канала черезъ перешеекъ Санъ-Бласъ.

Изъ рѣкъ Панамы наиболѣе обширное развѣтвленіе представляетъ Туира, также притокъ Великаго океана. Это происходитъ оттого, что долевая долина, въ которой собираются ея воды, гораздо длиннѣе долинъ Байано и Чагреса: она тянется на пространствѣ болѣе 150 километровъ, параллельно кордильерѣ Даріенскаго перешейка и даетъ проходъ двумъ рѣкамъ, текущимъ навстрѣчу одна другой: на сѣверо-западѣ—рѣкѣ Чукунакве, на юго-востокѣ — верхней Туирѣ, берега которыхъ окаймлены густыми лѣсами; во многихъ мѣстахъ, гдѣ рѣчное русло имѣетъ даже болѣе 40 метровъ ширины, деревья обоихъ береговъ переплетаются между собою вѣтвями, образуя, по мѣстному выраженію, *pasos de monos*, «живые мосты для обезьянъ» [2]). Ниже каждой быстрины рѣка образуетъ длинные водовороты, въ которыхъ кружатся стволы деревьевъ. Еще не вырвавшись изъ области горъ, каждая изъ этихъ двухъ рѣкъ уже смѣшиваетъ свои воды съ морскимъ приливомъ: въ зонѣ встрѣчи рѣчнаго теченія съ приливомъ деревья, гонимыя водоворотами, скучиваются въ естественныя плотины, которыя загораживаютъ русло во всю ширину, едва давая возможность байдаркамъ пробиваться черезъ нихъ. Наконецъ, выйдя изъ верхнихъ равнинъ, Туиръ и Чукунакве соединяются въ прекрасный каналъ, около 300 метровъ ширины и 10 метровъ глубины, имѣющій въ среднемъ 32 кубическихъ метра истеченія въ секунду [1]). Берега этого канала покрыты болотами—прежними рѣчными руслами, которыя дѣлаютъ подступъ къ нему съ суши почти невозможнымъ. Дальше рѣка постепенно обращается въ лиманъ, а лиманъ—въ заливъ. Прекрасный портъ, такъ называемая Даріенская гавань, представляетъ собою безподобныя ворота для будущей междуокеанской дороги; онъ соединяется съ заливомъ Санъ-Мигуэль посредствомъ двухъ проливовъ, Бока-Гранде и Бока-Чика,—«устій», гдѣ теченія при входѣ и выходѣ достигаютъ иногда очень большой быстроты [2]). Мысы покрыты роскошною растительностью. Берегъ довольно высокаго мыса Гарачинъ совершенно исчезаетъ подъ деревьями, вышиною въ тридцать метровъ, стволы которыхъ, въ видѣ прямыхъ бѣлыхъ колоннъ, поддерживаютъ сводъ изъ темной зелени: «ни одна ліана, ни одинъ эпифитъ не нарушаютъ этой грандіозной, великолѣпной симметріи [3])».

На атлантическомъ берегу Панамы самымъ глубокимъ изсѣченіемъ являются двѣ бухты или «лагуны», Альмиранте и Чирикуи, въ которыя ведутъ изъ открытаго моря три главныхъ прохода: Бока-дель-Драго, Бока-дель-Торо и Бока-дель-Тигре; всѣ они настолько глубоки, что даютъ свободный проходъ самымъ большимъ судамъ; бухта «Адмиралъ» получила свое названіе въ честь Колумба, который 1503 г. посѣтилъ эти мѣста; точно также островъ или, вѣрнѣе, лѣсистый холмъ, служащій продолженіемъ материка между «Устьемъ Дракона» и «Устьемъ Быка», называется Исла-Колонъ (Колумбъ), а небольшой островокъ внутри бухты—Исла-Кристобаль. Бухта Адмиралъ представляетъ обширную совокупность портовъ, какъ лагуна Чирикуи, внутреннее море, площадью около 800 квадратныхъ километровъ. Острова и островки, лежащіе у входа, расположены такимъ образомъ, что служатъ какъ бы продолженіемъ линіи континентальныхъ береговъ, какъ будто нѣкогда они были частью берега, который размыли морскія волны. Полуостровъ Валіенте или, скорѣе, Валіентесъ, который съ восточной стороны полузакрываетъ лагуну Чирикуи,—представляетъ собою одинъ изъ рѣдкихъ пляжей съ чистымъ бѣлымъ пескомъ, между устьями ріо-Чагресъ и никарагуасскаго Санъ-Жуана [4]); въ другихъ мѣстахъ берегъ состоитъ изъ темнаго, почти чернаго песку и содержитъ въ себѣ такъ много крупинокъ же-

[1]) Louis Verbrugghe, „A travers l'isthme de Panama“.
[2]) Armand Reclus, „Société de Géographie commerciale de Paris“ 28 janvier 1879.

[1]) V. Celler;—Lucien Wyse, „Le canal de Panama“.
[2]) T. Flachat, „Étude du bassin du Darien, au point de vue de la communication interocéanique“.
[3]) Armand Reclus, „Panama et Darien“.
[4]) Sallot des Noyers, „Mer des Antilles et Golfe du Mexique“.

лѣза, что во многихъ мѣстахъ магнитный желѣзнякъ тотчасъ же облѣпливается имъ.

Къ востоку отъ Чирикуи, морской берегъ продолжается на нѣсколько километровъ въ море подводнымъ плато, усѣяннымъ банками и островками, глубина воды на которомъ не достигаетъ даже 50 метровъ; среди этихъ острововъ извѣстенъ Эскудо-де-Верагуа, о которомъ часто упоминается въ дипломатическихъ документахъ, какъ о предметѣ спора между Коста-Рикой и республикой Колумбія. Островъ покрытъ деревьями, которыя морской вѣтеръ словно подстригъ всѣ подъ одинъ ростъ. Съ восточной стороны островъ оканчивается вертикальными утесами въ 12—15 метровъ высоты, состоящими изъ красноватаго камня, заключающаго въ себѣ морскія раковины: волны обтесали эти утесы въ видѣ колоннъ и арокъ, которымъ зеленыя кущи и завѣсы придаютъ особенную прелесть, несвойственную обыкновенно скалистымъ откосамъ береговъ. Эта мѣстность дотого обильно орошается дождями, что въ пескахъ струятся ручьи на южной сторонѣ острова; тѣмъ не менѣе, черепахоловы, занимающіеся своимъ промысломъ на Эскудо-де-Верагуа, часто ощущаютъ недостатокъ въ прѣсной водѣ и вынуждены выкапывать на пляжѣ колодцы.

Заливъ Санъ-Бласъ, открывающійся на Атлантическомъ берегу въ самомъ узкомъ мѣстѣ американскаго перешейка, походитъ, какъ и лагуна Чирикуи, на брешь, промытую моремъ въ прежнемъ очертаніи берега. Полуостровъ Санъ-Бласъ, ограничивающій заливъ съ сѣверной стороны, представляетъ отрывокъ этого первоначальнаго берега и продолжается къ востоку въ видѣ цѣлыхъ сотенъ рифовъ и островковъ, которые образуютъ архипелагъ Мулетасъ или Мулатасъ. Ни на одномъ изъ этихъ *cayes* нѣтъ ни холмовъ, ни скалъ: это песчаные пляжи, выступающіе изъ воды всего на нѣсколько футовъ или метровъ, и покоящіеся на коралловомъ основаніи. Они группируются большею частью кругами или овалами, представляя собою неправильные атоллы, между которыми проходятъ узкіе, но глубокіе проливы, гдѣ суда находятъ себѣ надежную якорную стоянку, вполнѣ защищенную отъ вѣтра. Несмотря на свои незначительные размѣры, многіе изъ этихъ островковъ обладаютъ источниками чистой воды, такъ что индѣйцы имѣли возможность устроить здѣсь свои деревни. Каждый островокъ архипелага Мулетасъ представляетъ собою, если не лѣсъ, то во всякомъ случаѣ лѣсокъ, или кокосовую рощу: издали земли совсѣмъ не видно, а зеленѣютъ лишь вѣерообразные листья пальмъ, издали похожіе на стаю гигантскихъ птицъ.

За Мулетасомъ островки разбросаны безъ всякой правильности вдоль берега; но до самаго Пуерто-Эскосесъ эта арматура изъ рифовъ защищастъ побережье. Море становится свободнымъ только у залива Ураба, гдѣ начинается новая формація аллювіальныхъ земель, нанесенныхъ на морское дно устьями Атрато. Во всемъ свѣтѣ едва-ли есть морскія пространства, гдѣ бы кривыя соприкасанія между моремъ и землей видоизмѣнялись болѣе быстро; контуры пляжа мѣняются здѣсь, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, и морскія карты слѣдовало бы передѣлывать каждый годъ. Въ заливѣ Ураба наблюдается, только еще въ гораздо большей степени, то же явленіе постепеннаго закрытія, какъ и въ Смирнскомъ заливѣ. Въ этой Мало-Азіатской бухтѣ рѣка Гедизъ или Гермосъ, выдвигая свои наносы къ противоположному берегу, угрожаетъ совсѣмъ закрыть каналъ, ведущій къ порту и въ восточную глубь морскаго пространства, сдѣлавшагося здѣсь озернымъ; точно такъ и въ заливѣ Ураба могучая рѣка, дельта которой окаймляетъ, словно бахрамой, перешейковый берегъ, все далѣе и далѣе выдвигаетъ свои наносные пляжи къ южно-американскому побережью и скоро отдѣлитъ отъ открытаго моря южную часть залива, или *culata*.

Контрастъ между берегами Атлантическаго и Великаго океановъ происходитъ главнымъ образомъ отъ морскихъ приливовъ и отливовъ, которые съ одной стороны имѣютъ весьма малую разность уровней, а съ другой—значительную амплитуду. При устьѣ ріо-Чагресъ и въ бухтѣ Колонъ море подымается, въ среднемъ, на 38 сантиметровъ, а въ бухтѣ Чирикуи только на 30 сантиметровъ, но эта разница въ высотѣ между приливомъ и отливомъ не подчинена никакимъ законамъ періодичности; она обусловливается главнымъ образомъ направленіемъ и силою атмосферныхъ теченій: по временамъ морская поверхность держится на одномъ уровнѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней; обыкновенно два суточныхъ прилива и отлива противодѣйствуютъ другъ другу такимъ образомъ, что обнаруживается только одно поднятіе и одинъ спадъ воды впродолженіи сутокъ. Напротивъ, на Тихоокеанскомъ берегу приливы и отливы происходятъ правильно. Въ Панамской бухтѣ наименьшая амплитуда морскаго прилива, въ маѣ и іюнѣ, имѣетъ 2 м. 42сант., тогда какъ наибольшая разность уровней, въ ноябрѣ и декабрѣ, достигаетъ 6 м. 88 сант.: среднее годовое колебаніе уровня опредѣляется почти въ 4 метра. Вслѣдствіе такого чередованія, морскаго прилива, прибрежная водная плоскость Великаго океана бываетъ то выше, то ниже уровня Атлантическаго океана: самая большая разница между тѣмъ и другимъ океанами бываетъ въ 3 м. 24 с. Еслибы черезъ Панамскій перешеекъ существовалъ открытый судоходный каналъ, то теченіе въ немъ было бы перемѣнное, то въ одну, то въ другую сторону, смотря по высотѣ морскихъ бассей-

новъ, и такимъ образомъ въ каналѣ была бы постоянная смѣна притока и убыли воды. Но въ этомъ безпрерывномъ движенiи компенсацiя не была бы равная, такъ какъ средній выводъ колебаній показываетъ уровень Великаго океана на нѣсколько сантиметровъ выше уровня Атлантическаго океана въ бухтахъ Колонъ и Каледонiи. Къ тому же поднятiя и пониженiя воды совершаются въ обоихъ океанахъ въ различные часы: прикладной часъ въ Колонѣ запаздываетъ на девять часовъ противъ Панамы.

Другимъ слѣдствiемъ контраста между приливами и отливами двухъ сосѣднихъ морей является различiе въ очертанiи береговъ. Берега Атлантическаго океана узки, тогда какъ на Великомъ океанѣ они, въ среднемъ, шире, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже образуютъ безконечную ленту бѣлыхъ пляжей. Кромѣ того, береговыя пространства Южнаго моря менѣе богаты кораллами, чѣмъ Антильское море. Дѣйствительно, сильныя суточныя колебанiя морскаго уровня отражаются пагубно на существованiи большинства полиповъ: они не могутъ успѣшно произрастать на рифахъ, которые бываютъ то совершенно сухи, подъ жгучими солнечными лучами, то покрыты толстымъ слоемъ воды. Напротивъ, они чувствуютъ себя въ своей настоящей стихiи въ водахъ Колумбова моря, гдѣ приливы и отливы гораздо равномѣрнѣе, на краяхъ островковъ, которые постоянно обвѣваются пассатнымъ вѣтромъ.

Промѣрное плато, т. е. цоколь подводныхъ береговъ, на которомъ покоятся надводныя земли перешейка, служитъ также основанiемъ для острововъ, разсѣянныхъ въ водахъ Великаго океана, въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ побережья. Коиба, Себако и другiе болѣе мелгiе острова, лежащiе въ морѣ между мысомъ Бурика съ западной стороны и полуостровомъ Азуэро—съ восточной, принадлежатъ къ тому географическому цѣлому, часть котораго составляетъ материкъ. Точно также всѣ острова обширнаго полукруглаго амфитеатра Панамскаго залива лежатъ, какъ и самъ перешеекъ, на подводномъ плоскогорьѣ, гдѣ глубина не достигаетъ и 50 метровъ: край этого плоскогорья тянется, отъ стрѣлки до стрѣлки, до самаго входа въ заливъ. Большiе острова этой бухты, вмѣстѣ съ сотнею маленькихъ островковъ, составляютъ цѣлый архипелагъ, который называется ласъ-«Перласъ», хотя его жемчужные промыслы почти совершенно истощились. Къ востоку отъ этой группы бугристыхъ, но не высокихъ островововъ открывается глубокая выемка залива Санъ-Мигуэль, гдѣ суда повсюду находятъ глубину по крайней мѣрѣ въ 10 метровъ.

Климатъ Панамскаго перешейка отличается отъ климата западныхъ перешейковъ лишь легкими переходами, что обусловливается меньшею широтою континентальной полосы и близостью обширнаго южно-американскаго материка, съ его высокими плоскогорiями и многосложными рядами горъ. Средняя годовая температура равняется 26—27 градусамъ по стоградусному термометру; на Атлантическомъ побережьѣ она немного выше, вслѣдствiе влiянiя морскихъ теченiй, которыя въ Антильскомъ морѣ теплѣе, чѣмъ въ океанѣ. Ежегодныя колебанiя температуры отъ одной крайности къ другой никогда не превышаютъ 17 градусовъ, отъ 18 до 35, и когда, впродолженiи одного и того же дня, измѣненiе температуры перейдетъ за 6 градусовъ, достигнетъ, напримѣръ 8°, т. е. если съ 30-ти градусной дневной жары температура понизится ночью до 22°,—то уже жалуются на «рѣзкую» перемѣну погоды. Такимъ образомъ климатъ Панамы можно назвать однимъ изъ самыхъ постоянныхъ [1]).

Вѣтры дуютъ обыкновенно тоже съ большою правильностью: главнымъ образомъ преобладаютъ пассатные вѣтры, которые въ этихъ мѣстахъ, гдѣ обширный материкъ Южной Америки отклоняетъ ихъ немного съ ихъ естественнаго пути, дуютъ скорѣе съ сѣвера, чѣмъ съ сѣверо-востока. Ежедневно они усиливаются постепенно по мѣрѣ возрастанiя дневной жары и затѣмъ понемногу стихаютъ, такъ что ночи зачастую бываютъ совершенно тихими. Въ зимнiе мѣсяцы, т. е. съ мая по ноябрь, на побережьяхъ преобладаютъ *vendavales* или «низовые вѣтры», т. е. юго-восточные пассаты, переходящiе въ муссоны. Рѣзкiе порывы вѣтра, столь грозные для мореплавателей Мексиканскаго залива, на прибрежьѣ перешейковъ представляютъ меньше опасности, но и здѣсь не проходитъ ни одного года безъ того, чтобы буря не разражалась въ бухтѣ Колонъ, при томъ почти всегда самымъ неожиданнымъ образомъ [2]). Что касается ургановъ въ собственномъ смыслѣ, то сложилось мнѣнiе, будто эти грозные метеоры неизвѣстны на перешейкѣ; однако, октябрьскiй шквалъ 1865 года, который, налетѣвъ съ юго-запада, пронесся надъ Панамскимъ перешейкомъ, затѣмъ надъ Колономъ и всѣмъ побережьемъ Москитiи, и, обогнувъ Мексиканскiй заливъ, разсѣялся, наконецъ, въ океанѣ, у мыса Гаттерасъ, имѣлъ всѣ признаки настоящаго циклона. Этотъ ураганъ двигался съ поразительною медленностью: пространство отъ Колона до полуострова Флориды онъ прошелъ только въ 4 дня. Въ 1885 г. другой порывъ *norte* (норда) потопилъ въ портѣ Колонъ (Колумба) восемнадцать парусныхъ судовъ.

[1]) Verniol, „Acclimatement dans l'isthme de Panama." Антропологическое общество, засѣданiе 7-го февраля 188 г.

[2]) Lucien B. Wyse, „Le Canal de Panama".

Годовое выпаденіе дождей такъ же правильно, какъ и движеніе вѣтровъ. Запаздывая на одинъ мѣсяцъ или на шесть недѣль противъ движенія солнца, дожди выпадаютъ тогда, когда облачное кольцо переходитъ въ сѣверное полушаріе, а когда это же кольцо переходитъ черезъ экваторъ къ югу, снова наступаетъ ясная погода; кромѣ того *veranito*, или «малое лѣто», сезонъ засухи, настаетъ съ Иванова дня и продолжается весь іюль мѣсяцъ, когда облачная зона простирается надъ Мексикой и Кубою. Въ выпаденіи дождей, какъ

Типы обитателей о. Мартиники.
Охотникъ за змѣями и негритянка-угольщица.

во многихъ другихъ явленіяхъ, наблюдается контрастъ между берегами Атлантическаго и Великаго океановъ: сѣверные берега, подвергающіеся вліянію пассатныхъ вѣтровъ, приносящихъ дождь, получаютъ по крайней мѣрѣ вдвое больше влаги, чѣмъ южные, обращенные къ муссонамъ. Количество дождевой воды, выпадающей на сѣверныхъ склонахъ возвышенностей, исчисляютъ въ три слишкомъ метра [1]). На обсерваторіи Гамбоа, расположенной на высотѣ 30 метровъ надъ уровнемъ моря, средняя гигрометрическая равна 0,96 въ сезонъ дождей и 0,88 въ такъ называемое «сухое» время года.

Жаркая, постоянно насыщенная паромъ, зараженная болотными испареніями, атмосфера перешейка не такова, чтобы бѣлый рабочій могъ долгое время дышать ею безопасно. Первые европейцы, испанцы, поселившіеся въ Панамѣ, дали ей названіе *Sepultura de Vivos* [2]), (Могила живыхъ). Оттого иммигранты изъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, привлекаемые сюда предпріятіями по постройкѣ желѣзной дороги и прорытію канала, оставили за собой управленіе, надзоръ, прибыльныя профессіи, не требующія никакого физическаго усилія; имъ больше всего слѣдуетъ опасаться болѣзней печени, почекъ, накожныхъ, а также желтой лихорадки въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ пребыванія въ этомъ краѣ; по прошествіи этого срока они въ отношеніи этой болѣзни такъ же акклиматизированы, какъ и индѣйцы [3]). У мѣстныхъ уроженцевъ наибольшая смертность происходитъ отъ чахотки. Тяжелая физическая работа была достояніемъ туземцевъ смѣшанной расы, ново-гренадинцевъ и ямайскихъ негровъ—послѣдніе преобладали громаднымъ большинствомъ: ихъ было четыре пятыхъ; и этотъ тяжелый трудъ поглотилъ больше человѣческихъ жизней, при прочихъ равныхъ условіяхъ, чѣмъ сколько поглощаетъ работа по распашкѣ земель и на верфяхъ въ умѣренномъ поясѣ. Впрочемъ, въ настоящее время трудно имѣть вполнѣ точныя свѣдѣнія о вліяніи климата, такъ какъ статистическіе документы изданы компаніями капиталистовъ, прямымъ разсчетомъ которыхъ было представить положеніе вещей въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. Достовѣрно, что до попытки прорытія междуокеанскаго канала ходили сильно преувеличенные разсказы относительно смертности рабочихъ, ирландцевъ, негровъ и китайцевъ, которые работали надъ постройкою желѣзной дороги. Часто повторяемая поговорка «каждая желѣзнодорожная шпала стоила жизни одного человѣка» служитъ лишь образнымъ выраженіемъ громадной смертности среди рабочаго населенія. Самоубійства, вызываемыя особенно среди китайскаго населенія страхомъ передъ заболѣваніями или непосильною работою, а главнымъ образомъ тоскою по родинѣ, увеличиваютъ на нѣсколько сотенъ количество смертей: несчастные вѣшаются или бросаются на плоскій морской берегъ, чтобы сдѣлаться жертвами морскаго прилива. Что касается прорытія канала, то, повидимому, эти работы обошлись дешевле въ смыслѣ человѣческихъ жертвъ, такъ какъ, если вѣрить оффиціальнымъ отчетамъ, ежегодная смертность среди рабочихъ не превышала двадцатой части: по другимъ источникамъ она была значительно больше [1]).

Въ провинціи Панама и особенно на Даріенскомъ перешейкѣ средне-американская флора достигла своего наибольшаго могущества: здѣсь встрѣчаются флоры Южной Мексики и Колумбіи; кромѣ того, имѣется множество видовъ спеціально панамской флоры, которые, по словамъ Шерцера, составляютъ двадцать вторую часть всей растительности страны. Эта переплетающаяся растительность покрываетъ землю такой сплошной массой стволовъ, вѣтвей, листьевъ, ліанъ и чужеядныхъ, что путешественникъ нигдѣ не находитъ свободнаго прохода. Береговые мысы не имѣютъ вида утесовъ или косогоровъ, такъ какъ почва ихъ совершенно скрыта подъ густою листвою; можно подумать, что холмъ есть не что иное, какъ гигантское дерево, выросшее въ морѣ и поднимающее свою величественную пирамиду, высотою въ двѣсти метровъ. Внутри страны, въ глубинѣ темныхъ галлерей, струятся ручьи и рѣчки, осѣняемые сводомъ перевившихся вѣтвей, и потокъ поминутно исчезаетъ—здѣсь подъ плотами изъ скучившихся стволовъ, тамъ подъ слоемъ нитчатокъ и другихъ водяныхъ растеній, по которымъ, словно по ковру, скользятъ лодки, не касаясь воды. Одна порода пальмы, *chamaedorea pacaya*, растетъ на высотѣ 2.100 метр. надъ уровнемъ моря, на-ряду съ дубомъ и ольхой. Въ прибрежномъ поясѣ Великаго океана растительность уже не такая роскошная, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большіе лѣса чередуются съ саваннами или *catingas*'ами, на которыхъ деревья растутъ только кое-гдѣ отдѣльными группами или рощами. Причина такого контраста происходитъ отъ меньшаго количества дождей на тихоокеанскомъ берегу.

Еще рѣзче разница между обоими побережьями перешейка выражается въ океанической фаунѣ. Оба моря населены совершенно различными породами рыбъ и другихъ животныхъ формъ, несмотря на то, что въ началѣ

[1]) Дожди въ Колонѣ въ 1887 г.: 2 м, 887 въ 228 дней (отъ мая до декабря).

[2]) Manuel de Peralta, „Costa-Rica, Nicaragua y Panama en el siglo XVI."

[3]) Verniol, цитированное сочиненіе.

[1]) Смертность среди рабочаго населенія въ Панамѣ въ теченіе двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ: 5.200 т. е. 7 въ день, или 98 на 1.000 (Nicolas, „Chantiers et terrassements en pays paludiens").

третичной эпохи моря эти соединялись между собою широкими проливами, открывавшими свободный проходъ для всѣхъ водныхъ животныхъ; въ то время фауна была одинаковая какъ на востокѣ, такъ и на западѣ острововъ Средней Америки. На многочисленныхъ породахъ лучистыхъ животныхъ обоихъ морей замѣчаютъ, что если виды ихъ и разнятся между собою, то во всякомъ случаѣ почти всѣ они принадлежатъ къ одному и тому же роду, такъ что съ перваго взгляда ихъ нетрудно смѣшать. Очевидно, различіе произошло съ третичной эпохи, т. е. послѣ образованія континентальной полосы. Появленіе перешейка поставило животныхъ въ другія условія существованія, вслѣдствіе чего фауны постепенно обособились [1]: изъ 1.500 родовъ моллюсковъ, принадлежащихъ морской фаунѣ Антильскаго моря, и изъ 1.340 родовъ панамской территоріи, общихъ для обоихъ побережій не наберется даже 50 видовъ [2]). Земная фауна тоже разнится на обоихъ склонахъ перешейка. Она содержитъ нѣсколькихъ животныхъ, не встрѣчающихся въ другихъ мѣстахъ: такова обезьяна саймири (*chrysothrix*), живущая только въ предѣлахъ Чирикуи и которая не выживаетъ даже на сосѣднихъ берегахъ, напримѣръ, въ Картагенѣ [3]). Въ рѣкѣ Туира водится одна замѣчательная рыба, которую отмѣтилъ еще Геррера подъ названіемъ *roncador*, «мычащая», такъ какъ она издаетъ ревъ, похожій на мычаніе молодаго быка [4]). Искатели жемчуга очень боятся одной породы акулъ, называемой *tintorera*, довольно обыкновенной въ Панамскомъ заливѣ: эта акула имѣетъ около 15 метровъ длины, и замѣчательна тѣмъ, что пасть ея открывается на концѣ головы, а не подъ мордой, какъ у другихъ акулъ [5]).

Населеніе провинціи Панамы, какъ и въ другихъ сосѣднихъ областяхъ Центральной Америки, представляетъ въ огромномъ большинствѣ смѣшанную расу, состоящую изъ испанцевъ, индѣйцевъ и негровъ; но доля африканскаго элемента здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ въ населеніи остальныхъ пяти республикъ. Со времени уничтоженія невольничества, Ямайка не переставала присылать на берега перешейка иммигрантовъ, негровъ и мулатовъ; затѣмъ начались работы по постройкѣ желѣзной дороги и прорытію канала, которыя тоже привлекали ямайцевъ цѣлыми тысячами; впослѣдствіи большинство этихъ землекоповъ остались въ странѣ въ качествѣ мелкихъ торговцевъ или земледѣльцевъ, найдя здѣсь съ одной стороны вполнѣ подходящій для себя климатъ, а съ другой весьма выгодныя условія землевладѣнія, такъ какъ здѣсь достаточно было самому распахать новину, чтобы оффиціально сдѣлаться законнымъ владѣтелемъ этой земли. Во многихъ деревняхъ Атлантическаго побережья ямайцы составляютъ господствующее населеніе, и даже вообще въ странѣ они могутъ быть разсматриваемы во многихъ отношеніяхъ какъ элементъ цивилизующій, такъ какъ это они поддерживаютъ движеніе, они разносятъ товары, новости, идеи, они наиболѣе дѣятельно способствуютъ измѣненію обычаевъ иноземцевъ. Они же научаютъ прибрежныхъ жителей жаргону, представляющему смѣсь испанскаго языка съ англійскимъ, жаргону, необходимому въ обычныхъ торговыхъ сдѣлкахъ съ моряками каботажныхъ судовъ.

Нѣкоторые туземные народцы еще сохранили, если не полную чистоту расы, то по крайней мѣрѣ первоначальный наружный видъ, нравы и языкъ. Таковы, между прочимъ, гуайми, или «люди», живущіе въ западной части штата; они сгруппировались главнымъ образомъ въ высокой долинѣ Миранда, горномъ циркѣ, гдѣ единственнымъ сообщеніемъ съ прибрежными равнинами лагуны Чирикуи служитъ трудно проходимое ущелье: замкнувшись въ этомъ уединенномъ бассейнѣ, лежащемъ на высотѣ почти 400 метровъ надъ уровнемъ моря, они могли избѣжать всякихъ сношеній съ испанцами и сохранить свою независимость; они допускаютъ къ себѣ только тѣхъ иноземцевъ, какъ негровъ, такъ и бѣлыхъ, которые успѣли заручиться покровительствомъ какого-нибудь могущественнаго главаря. Главное ихъ племя извѣстно подъ названіемъ валіентесъ, или «храбрецовъ»; эту славу они стяжали главнымъ образомъ своими отчаянными поединками, которыми разрѣшалась у нихъ всякая, даже малѣйшая обида, или оскорбительное слово: прежде рѣдко можно было встрѣтить валіенте, тѣло котораго не было бы покрыто шрамами [1]). Эти индѣйцы принадлежатъ къ тому же племени, какъ и коста-рикскіе таламанки, и, по всей вѣроятности, происходятъ отъ тѣхъ туземцевъ, которымъ они присвоиваютъ символическія фигуры, высѣченныя на скалахъ и золотыя украшенія, найденныя въ могилахъ, или *Guacas*. Въ прежнія времена они были несомнѣнно цивилизованнѣе, но сношенія съ бѣлыми убили ихъ промыслы: одѣваясь по-европейски, они покупаютъ прямо готовую

---

[1]) Alex. Agassiz. „Bulletin of the Museum of Comparative Zoology“, Кэмбриджъ. Мартъ 1869 г.

[2]) C. B. Adams;—Thomas Belt, „The Naturalist in Nicaragua“.

[3]) Moritz Wagner, „Peterman's Mittheilungen“, 1863.

[4]) „Historia de las Indias Occidentales“;—De Puydt, „Isthmus of Darien“

[5]) G. Chierchia, „The Voyage of the“. Vettor Pisani, „Nature“. Августъ 14, 1884 г.

[1]) Roberts, „Voyages and Excursions on the East Coast and the interior of Central America“. 1827.

одежду, вслѣдствіе чего совершенно разучились ткать и окрашивать ткани; хлопчатникъ же, который они продолжаютъ еще садить около своихъ хижинъ, растетъ безъ всякой пользы; пріобрѣтая чугунные котлы, они окончательно забросили горшечный промыселъ; оружіе и всякіе инструменты они тоже покупаютъ, такъ какъ не въ состояніи выдѣлывать у себя дома; что касается издѣлій изъ серебра и золота, то это искусство утратилось у нихъ, вѣроятно, еще въ первыя времена испанской оккупаціи. Политическое устройство гуайми тоже измѣнилось: они повинуются главнымъ начальникамъ, сосредоточившимъ въ своихъ рукахъ власть; одинъ изъ нихъ претендуетъ даже на происхожденіе отъ Монтезумы, имя котораго индѣйцы узнали, очевидно, отъ бѣлыхъ, и которымъ они пользуются, чтобы выразить свое право перваго занятія на владѣніе землей.

Гуайми, малорослые, коренастые, съ большой головой и плоскимъ лицомъ, неутомимые ходоки и носильщики, походятъ на мексиканскихъ отоми. Подобно гватемальскимъ квиче и какчикveламъ, они имѣютъ свой тотемъ, т. е. покровителя изъ животныхъ, чаще всего, по словамъ Пинара, одну породу маленькаго попугая. При вступленіи въ юношескій возрастъ, каждый гуайми, вмѣстѣ съ своими сверстниками, подвергается суровымъ испытаніямъ и проводитъ время искуса въ лѣсахъ, вдали отъ родителей; старики, съ разрисованнымъ пестрыми красками тѣломъ, въ маскахъ и въ вѣнцѣ изъ листьевъ, знакомятъ его съ преданіями своего народа и поучаютъ пѣснямъ, которыя составлены на особомъ, таинственномъ, священномъ нарѣчіи: только послѣ всего этого юноша можетъ быть принятъ въ среду мужчинъ, а когда онъ настолько закалитъ себя, что сдѣлается нечувствительнымъ ко всякаго рода страданіямъ, ему даютъ уже уже окончательное имя. Что касается дѣвушекъ, то ограничиваются празднованіемъ ихъ совершеннолѣтія, послѣ чего ихъ тотчасъ же выдаютъ замужъ или вѣрнѣе продаютъ. Главный праздникъ, называемый испанцами *balzeria*, происходитъ обыкновенно въ началѣ сухаго сезона, въ день, указанный количествомъ сучковъ на ліанѣ, которая посылается въ каждое семейство. Послѣ общаго омовенія, женщины посвящаютъ нѣсколько часовъ на разрисовываніе тѣла мужчинъ голубой и красной красками и на расписываніе ихъ лицъ арабесками и причудливыми узорами, похожими на рисунки, которыми расписывали старинную глиняную посуду; послѣ того всѣ они наряжаются въ древній костюмъ, передникъ изъ коры и шкуру животнаго. Тогда начинается оргія, сопровождаемая танцами мужчинъ и маханіемъ *balza*, палки изъ легкаго дерева, которою танцоры перекидываются, стараясь въ это время кого-нибудь свалить на землю: при этомъ часто приходится уносить раненаго. Религія гуайми цѣликомъ основана на страхѣ: всякій шумъ ихъ пугаетъ, такъ какъ онъ, по ихъ мнѣнію, производится злымъ духомъ, котораго заклинаютъ при помощи чародѣевъ и умиряютъ дарами. Когда больной находится при послѣднемъ издыханіи, родственники уносятъ его въ лѣсъ и оставляютъ его тамъ на произволъ судьбы, снабдивъ только тыквенною чашею съ водой и нѣсколькими бананами. Послѣ смерти тѣло его выставляютъ на подмосткахъ, а черезъ годъ кости трупа очищаютъ и, сложивъ ихъ въ мѣшокъ, погребаютъ на семейномъ кладбищѣ [1]).

По словамъ Пинара, историка народца гуайми, этихъ индѣйцевъ наберется еще около 4 тысячъ; но въ 1883 г. одно изъ ихъ племенъ, муои, состояло уже всего только изъ трехъ человѣкъ. На южномъ склонѣ цѣпи, число дорасковъ, отдѣльнаго племени, говорящаго на особомъ нарѣчіи, сократилось до тринадцати или четырнадцати человѣкъ. Что касается индѣйцевъ племени сегуа—слово, означающее на языкѣ терраба «чужеземцевъ»—то испанцы называли ихъ также мексиканцами или чичимеками. Это были нахуа, болѣе или менѣе «дикіе», которыхъ Васкецъ-де-Коронадо встрѣтилъ въ одной долинѣ лагуны Чирикуи, и съ которыми ему пришлось объясняться посредствомъ мексиканскаго переводчика. Теперь трудно даже достовѣрно указать ту часть территоріи, гдѣ они жили: разнообразные источники, къ которымъ прибѣгалъ Пинаръ для разслѣдованія этого вопроса, привели его къ тому заключенію, что сегуасы жили прежде въ долинѣ рѣки Ровало, впадающей въ западную часть бухты; имъ-то онъ и приписываетъ самыя лучшія глиняныя издѣлія и металлическія вещи рѣдкостной чеканки, которыя были открыты въ странѣ [2]). Наконецъ, на востокѣ отъ кордильеры Чирикуи, до перешейка Санъ-Бласъ, всѣ индѣйскія племена исчезли: отчасти были перебиты, отчасти смѣшались съ метисами испанскаго языка. Отдѣльныя туземныя племена встрѣчаются только въ восточной части провинціи, на берегахъ залива и на островахъ Санъ-Бласъ, въ бассейнахъ рѣкъ Байано, Туиры и Атрато. Но эти индѣйцы не составляютъ уже сплоченной націи, сохранившей, вмѣстѣ съ независимостью, историческія преданія и память о своихъ предкахъ; они не помнятъ господства древнихъ папаровъ или даріеновъ, имя которыхъ перешло на восточную часть американскаго перешейка, и которые принадлежали, вѣроятно, къ той же расѣ, какъ куева или куевасы, о которыхъ сообщаютъ Овидо-и-Валь-

[1]) W. Gabb, „Proceedings of the Philosophical Society“, Филадельфія, 1876 г.;—Pinart и т. д.
[2]) „Revue d'Ethnographie de Hamy“, 1887.

десъ и другіе испанскіе писатели первыхъ временъ завоеванія [1]).

За исключеніемъ чоко, живущихъ въ южныхъ массивахъ и примыкающихъ къ населеніямъ Колумбіи, различныя индѣйскія племена Даріена принадлежатъ, несмотря на различіе нарѣчій, къ одной и той же націи [2]) куна или куна-куна, называющейся также *Ti*, или «Рѣчные люди», вслѣдствіе того, что ихъ изолированныя хижины или деревни строятся всегда на берегу водъ: такъ, въ бассейнѣ Атрато, индѣйцы племени чоко называются *Do*,—слово, которое на ихъ языкѣ означаетъ то же самое [3]). Какъ куна, такъ и большинство другихъ народцевъ, сами себя называютъ туле, т. е. «Люди» по преимуществу. Ихъ считаютъ караибской расой, и наиболѣе гордые изъ нихъ, энергичнымъ образомъ отстаивавшіе свою независимость и живущіе у истоковъ рѣкъ Чукунакве и Каньяза, притока Байано, признаются за иммигрантовъ гоаджировъ, пришедшихъ съ полуострова, лежащаго между Колумбіей и Венецуэлой; но не происходитъ ли это произвольное уподобленіе двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга племенъ просто оттого, что куна на Чукунакве, подобно гоаджирскимъ индѣйцамъ, сумѣли сохранить свою свободу и пріобрѣсти уваженіе своихъ враговъ?

Въ общемъ, куна малорослы, коренасты и съ большой наклонностью къ тучности: они очень походятъ на гуайми, отъ которыхъ отличаются только болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Между ними, говорятъ, альбиносы не рѣдкость; встрѣчаются также люди съ бѣлой кожей и рыжими волосами, что̀ свидѣтельствуютъ о частыхъ и долгихъ посѣщеніяхъ ихъ страны пиратами. Обыкновенный же типъ—брюнеты, съ совершенно черными и густыми волосами, которые, такъ сказать, не выпадаютъ съ годами и рѣдко сѣдѣютъ; но бороды у нихъ нѣтъ; глаза немного скошенные. Прежде они татуировались; теперь они ограничиваются смазываніемъ своего тѣла черноватымъ сокомъ растенія *jagua* (genipa americana), который способствуетъ свѣжести кожи, а въ большіе праздники они расписываютъ себѣ лицо красными узорами посредствомъ орлеана (bixa orellana) [4]). Рѣчь ихъ—пѣвучая; послѣ каждой фразы слѣдуетъ пауза, которою собесѣдники пользуются для выраженія протяжнаго поддакиванія. Въ языкѣ куна система счисленія двадцатеричная, какъ и въ ацтекскомъ нарѣчіи, изъ чего, повидимому, можно заключить, что вліяніе нахуатльской цивилизаціи нѣкогда проникало даже въ эту окраинную область Перешейковъ.

Нравы и обычаи куна мало отличаются отъ гуайямскихъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ прямыхъ сношеній съ «испанцами», объиспаниваются; всѣ они занимаются торговлею, въ качествѣ экспедиторовъ или продавцевъ зеренъ дикаго какао, кокосовыхъ орѣховъ, каучука, растительной слоновой кости, или *tagua*, и эта торговля все больше и больше вводитъ въ страну иностранныхъ товаровъ. Одежда, инструменты и оружіе, — все постепенно измѣняется; епископъ Тьель, который посѣтилъ индѣйцевъ куна черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Вигіе, Уайза и Армана Реклю и обратилъ большинство ихъ въ христіанство [1]), не нашелъ уже этихъ туземцевъ такими, какъ ихъ описывали Вагнеръ [2]) и французскіе изслѣдователи. Каждая группа домовъ имѣла своего кацика или капитана и своего *lélé*, который былъ въ одно и то же время жрецомъ, костоправомъ и колдуномъ. Третьимъ лицомъ въ общинѣ былъ *comotaro*, оффиціальный музыкантъ, хормейстеръ и церемоніймейстеръ; что̀ касается до *urumia*, то это былъ стражъ, отправлявшій одновременно обязанности полицейскаго агента и полеваго сторожа. Во время родовъ женщины удаляются въ отдѣльную хижину, гдѣ остаются подъ надзоромъ старухи, которая, выкупавъ мать и новорожденнаго въ рѣкѣ, отводитъ ихъ къ леле, чтобы тотъ окурилъ ихъ табакомъ и отвратилъ такимъ образомъ злой рокъ. Какъ и у гуайми, возмужалость дѣвушки даетъ поводъ къ празднеству; тутъ въ первый разъ она получаетъ публичное имя и другое—секретное, и со слѣдующаго года имѣетъ право выйти замужъ по своему выбору. У куна не рѣдко случается, что братъ женится на сестрѣ: по словамъ Армана Реклю, подобные браки совершаются даже чаще другихъ; за мужемъ признается право обладать всѣми женщинами, съ которыми онъ породнится черезъ свою женитьбу [3]). Тѣмъ не менѣе, нравы ихъ отличаются крайнею строгостью; незаконнорожденныхъ дѣтей заживо зарываютъ въ землю или бросаютъ въ рѣку, а всякій посторонній свидѣтель женскихъ родовъ наказывается смертью. Обычай такъ называемаго «высиживанія» (кувады) существуютъ у всѣхъ племенъ расы [4]); впрочемъ, бѣлые и негры Ново-Гренадинскаго побережья раздѣляютъ болѣе или менѣе суевѣріе, по которому мужъ воображаетъ себя участвующимъ въ страданіи родильницы: родовымъ болямъ супруги, *ma*-

[1]) Berendt, „American Record and Repertory of Notes and Queries“. 1874.
[2]) Alph. Pinart;—Viguier, „Mémoires de la Société d'Anthropologie“, 1878.
[3]) Alph. Pinart;—Armand Reclus;—Lucien B. Wyse, цитированныя сочиненія.
[4]) Alph. Pinart, „Revue d'Ethnographie“ 1887;—Lucien B. Wyse, „Le Canal de Panama“.

[1]) Polakowsky, „Petermann's Mittheilungen“. 1887.
[2]) Moritz Wagner „Petermann's Mittheilungen“. 1862.
[3]) C. Viguier, цитированное сочиненіе
[4]) L. B. Wyse, цитированное сочиненіе.

drejon, соотвѣтствуетъ *padrejon*, родовыя боли супруга. Когда куна умираетъ, на хижинѣ его вѣшаютъ клювъ перцеяда, вѣроятно, для того, чтобы птица сопровождала умершаго въ другой міръ, а въ могилу его кладутъ провизію для загробнаго путешествія. У нѣкоторыхъ народцевъ покойниковъ кладутъ въ гамакъ и вѣрятъ, что души ихъ до тѣхъ поръ мыкаются въ царствѣ тѣней, пока не разорвутся веревки гамака[1]).

Торговля едва только еще завязывается на атлантическомъ побережьѣ, между Чагресомъ и бухтой Чирикуи. «Городъ» Кастильо-де-Аустрія, основанный въ первыя времена завоеванія на ріо-Чирикуи-мула (Крикамаула), или ріо-Гуайми, существовалъ очень не долго и исчезъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда; еще въ началѣ этого вѣка страна не имѣла другихъ жителей, кромѣ индѣйцевъ, когда негры съ острововъ Віеха-Провиденсіа и Санъ-Андресъ высадились на берегахъ Чирикуи [2]), на островѣ дель-Драго или Колонъ и въ другихъ мѣстахъ архипелага, откуда ихъ потомство постепенно распространилось по всей окружности бухты. Эти иммигранты африканскаго происхожденія и были основателями значительнѣйшаго въ настоящее время города Бока-дель-Торо, названнаго такъ потому, что онъ стоитъ на берегу одноименнаго съ нимъ пролива, на островѣ Колонъ, при входѣ въ лагуну Чирикуи; въ 1883 году въ этомъ городѣ насчитывалось около пятисотъ жителей, почти все мулатовъ, которые вели довольно значительную торговлю кокосами, черепахой, сассапарелью и красильнымъ деревомъ. Портъ Бока-дель-Торо, хорошо защищенный сосѣдними островами, достаточно глубокъ для судовъ большой осадки; противъ него, на западномъ берегу острова Бастиментосъ, называемаго по-англійски Провиженъ-Айлендъ (островъ Провизіи), находится деревня, вся утопающая въ садахъ, которые дѣйствительно доставляютъ бананы, пататы, ямсъ и другіе жизненные припасы для продовольствія проходящихъ мимо судовъ. Возникающій городъ Бока-дель-Торо можетъ разсчитывать на счастливое будущее, такъ какъ современемъ онъ сдѣлается гаванью для вывоза угля изъ береговыхъ мѣстъ, фосфорно-кислой соли изъ Эскудо-де-Верагуа и колоніальныхъ товаровъ изъ внутреннихъ областей. Что касается золота, то до сихъ поръ не отысканы рудники, разрабатывавшіеся во время путешествія Колумба, который сумѣлъ, «безъ скандала, лишить верагуаскаго царька всѣхъ его золотыхъ песчинокъ».

На материкѣ главное торговое поселеніе—Гобранте, лежащій на рѣкѣ Чирикуи-мула, въ начальномъ пунктѣ судоходства, и, можетъ-быть, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда завоеватели построили Кастильо-де-Аустрія. Отъ Гобранте трудная тропинка поднимается къ долинѣ Миранда, населенной индѣйцами гуайми, а затѣмъ къ гребню Кордильеры, чтобы затѣмъ спуститься въ равнины Давидъ; болѣе удобная дорога, доступная даже для лошадей, начинается гораздо западнѣе, на «Французской» бухтѣ, и проходитъ черезъ перевалъ въ сосѣдствѣ горы серро-Хоркета (Оркета): рано или поздно этотъ путь сдѣлается одною изъ международныхъ дорогъ американскаго перешейка. Давидъ, административный центръ департамента Чирикуи, представляетъ собою небольшой городокъ, расположенный въ двадцати километрахъ отъ Великаго океана, въ равнинѣ, изрѣзанной оврагами, которые дѣлятъ ее такимъ образомъ на естественныя ограды для скота, составляющаго главное богатство страны; на сѣверѣ возвышается великолѣпный конусъ Чирикуи, первые склоны котораго покрыты кофейными плантаціями. Небольшіе сосѣдніе порты, Педрегаль, Каньяфистола, даютъ доступъ судамъ небольшой осадки, которые нагружаются здѣсь продуктами для города Панамы. Въ двадцати километрахъ къ западу лежащая при ріо-Чико скромная деревенька Аланже представляетъ теперь жалкіе остатки прежней столицы и торговаго мѣста на дорогѣ каравановъ, ходившихъ нѣкогда изъ Гватемалы въ Панаму.

Дальше, въ Бугабитѣ, близъ деревни Бугаба, были открыты *guacas*, или могилы, съ богатыми золотыми украшеніями; благодаря этимъ первымъ находкамъ 1860 г., страна Чирикуи стяжала себѣ временную славу, столь же громкую, какъ и Калифорнія [1]): въ этой области собралось заразъ до полутора тысячъ золотоискателей; часть ихъ взобралась на верхніе склоны вулкана, гдѣ Морицъ Вагнеръ также открылъ доисторическое кладбище, изобиловавшее золотыми и мѣдными фигурками, изображавшими животныхъ и главнымъ образомъ лягушекъ. Очевидно, это были амулеты, которые носили на себѣ туземцы; всѣ эти фигурки имѣютъ колечки для подвѣшиванія [2]). Въ общемъ на двадцать или двадцать пять раскопанныхъ могилъ одна приходилась съ подобными драгоцѣнностями; оттого, разрывъ всѣ могильные курганы и собравъ болѣе одного милліона франковъ, искатели покинули страну. Область Давидъ считается гораздо здоровѣе Панамскаго перешейка въ собственномъ смыслѣ; однако, бѣлые все-таки не могутъ здѣсь вполнѣ акклиматизироваться и потому не основываютъ прочныхъ колоній. Основанная око-

[1]) A. Pinart;—B. Thiel;—Polakowsky, цитированныя сочиненія.

[2]) A. Pinart, „Bulletin de la Société de Géographie“. 1885.

[1]) A. Pinart, „Bulletin de la Société de Géographie“, 1885.

[2]) Moritz Vagner, цитированное сочиненіе.

ло Бугаба нѣмецкая колонія скоро разбрелась.

Ната или Сантъ-Яго-де-лосъ-Кабальеросъ—одинъ изъ древнихъ городовъ Америки. Страна, въ которой онъ находится, была открыта Алонсо-де-Ожедой, въ 1510 г., а черезъ два года основанъ и городъ; въ эту эпоху въ Европѣ не было еще извѣстно даже самое имя Мексики. Расположенная на ріо-Чико, около ея устья въ бухтѣ Парита, западной оконечности обширнаго полукруглаго бассейна Панамскаго залива, Ната господствуетъ надъ равнинами, простирающимися между кордильерой Верагуа и полуостровомъ Азуэро: подобно Давиду, она имѣетъ обширныя саванны, населенныя лошадьми и рогатымъ скотомъ. Гончарные заводы Наты снабжаютъ своими издѣліями городъ Панаму и почти всѣ округа провинціи. Кромѣ того, Ната славится плетеніемъ изъ волоконъ jipijapa (carludovica palmata) гибкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прочныхъ *sombreros*, извѣстныхъ въ торговлѣ подъ названіемъ «Панамскихъ шляпъ».

Знаменитый городъ, давшій свое названіе заливу, перешейку и всей провинціи, первоначально былъ основанъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь. Въ 1518 г., когда Педраріасъ-де-Авила перенесъ столицу съ Атлантическаго побережья на берегъ Южнаго моря, онъ избралъ пляжъ, расположенный при устьѣ небольшой рѣки, Амарробо, которая изливается въ бухту въ томъ мѣстѣ, гдѣ дуга залива образуетъ наибольшую выпуклость, обращенную къ сѣверу. Этотъ городъ Панама, основанный на мѣстѣ одноименной съ нимъ деревни, въ теченіе полутора вѣка держалъ въ своихъ рукахъ торговую монополію перешейка. Здѣсь испанскія суда выгружали всѣ товары, все золото, вывозимое изъ Перу: болѣе двухъ тысячъ муловъ работало при транспортѣ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Панамы въ Пуерто-Бело, гдѣ они нагружались на галіоны испанскаго короля. Но эти сокровища не могли ускользнуть отъ пиратовъ. Въ 1670 г. Морганъ «Истребитель» атаковалъ Панаму во главѣ тысячи ста человѣкъ, и ужасъ, наведенный карсарами, былъ такъ великъ, что испанцы не осмѣлились даже отстаивать перешейковый проходъ; послѣ небольшой попытки къ защитѣ, передъ самыми воротами города, они бѣжали, оставивъ свои пушки и часть богатства; галіоны же съ остальными драгоцѣнностями успѣли отплыть въ море [1]). Панама была предана огню, и испанцы, изъ опасенія новой атаки, уже больше не возвращались сюда: отъ этого перваго города остались лишь безформенныя развалины двухъ церквей, почти совершенно заросшія кустарникомъ.

Нынѣшній городъ построенъ въ десяти километрахъ западнѣе, у подошвы Анкона, изолированной горы въ 170 метровъ вышиною, и при устьѣ рѣки, называемой «ріо-Гранде». Собственно городъ, или Санъ-Фелипе, окруженъ еще до сихъ поръ стѣнами въ три метра толщины, изъ которыхъ одна, господствующая надъ моремъ, образуетъ великолѣпный бульваръ де-ласъ-Бодасъ. Предмѣстья продолжаются далеко за черту города по пляжу и сосѣднимъ горнымъ склонамъ. Подобно древнему городу, и въ новомъ имѣются также свои развалины, оставшіяся послѣ пожара; кромѣ того, сохранились памятники, которые находятся въ отличномъ состояніи, какъ напримѣръ—каѳедральный соборъ, двѣ башни котораго служатъ маяками, и различные монастыри, преобразованные въ жилые дома или въ заводы. Хотя Панама удостоилась въ 1824 г. быть мѣстомъ засѣданія конгресса испано-американскихъ республикъ, а затѣмъ столицей въ въ то время, когда Колумбія представляла конфедерацію штатовъ, образовавшихъ теперь провинціи «единой инераздѣльной» республики, — она, однако, маловажна какъ центръ населенія и мѣстной торговли: здѣсь не плетутъ больше знаменитыхъ шляпъ «панама», которыя, впрочемъ, уже вышли изъ моды. Все значеніе Панамы обусловливается ея положеніемъ въ мѣстѣ прохода изъ одного океана въ другой, въ самой узкой части континента; поэтому и исторія ея представляетъ поразительныя превратности, совершая быстрые скачки отъ прогресса къ упадку, въ зависимости отъ направленія торговаго обмѣна.

Панама была въ цвѣтущемъ состояніи въ тотъ періодъ времени, когда командовала торговлей Перу и Чили; послѣдовавшая затѣмъ утрата монополіи почти совершенно лишила ее населенія; устремленіе рудокоповъ къ Калифорніи вызвало въ этомъ городѣ прежнее оживленіе, вернувъ ему населеніе, и въ такомъ состояніи онъ продержался до самаго открытія трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ Соединенныхъ Штатовъ, которыя отклонили отъ Панамы наплывъ путешественниковъ и товаровъ. Работы по прорытію канала, когда въ спискахъ компаніи числилось около двадцати тысячъ рабочихъ, въ третій разъ подняли Панаму, а теперь она уже снова начинаетъ приходить въ упадокъ. Впрочемъ, городъ этотъ всегда останется однимъ изъ вибрирующихъ узловъ въ міровыхъ торговыхъ линіяхъ, благодаря желѣзной дорогѣ, пересѣкающей въ этомъ мѣстѣ перешеекъ, и торговымъ судамъ, заходящимъ въ его заливъ, по пути изъ Австраліи, изъ Сѣверной и Южной Америки. Къ сожалѣнію, его рейдъ не можетъ служить хорошей якорной стоянкой, такъ какъ сѣверные вѣтры постоянно производятъ здѣсь волненіе: большія суда броса-

[1]) A. Oexmelin, „Histoire des Aventuriers".

ли якорь въ 18 километрахъ южнѣе города, подъ защитою острова Табога. По проекту, каналъ долженъ былъ пройти между плотинами въ открытое море до небольшой группы островковъ, гдѣ начинается глубина въ восемь съ половиною метровъ; узкій проливъ соединяетъ уже эту якорную стоянку съ берегомъ. Острова, производящіе ананасы, служатъ санаторіями для жителей Панамы и для иностранцевъ; надъ Панамой и ея рейдомъ, съ вершины склоновъ Анкона, господствуетъ грандіозное зданіе госпиталя.

Простая, удобная лишь для проѣзда на мулахъ, дорога, идущая черезъ лѣсъ къ гавани Пуерто-Бело, открывающейся почти прямо на сѣверѣ Атлантическаго берега между двумя зеленѣющими мысами,—служила единственнымъ путемъ сообщенія между двумя океанами во время испанскаго владычества. На склонѣ Великаго океана попадаются еще кое-какіе остатки мощеной дороги, но, къ сѣверу отъ рѣки Чагресъ, все исчезло подъ низкимъ кустарникомъ: плиты были сдвинуты, раздроблены и съѣдены корнями [1]). Что касается прежней атлантической гавани, Пуерто-Бело, которую защищали поросшія теперь лѣсомъ укрѣпленія, то она представляетъ въ настоящее время лишь незначительную деревню, населенную нѣсколькими сотнями негровъ, ведущихъ небольшую торговлю съ Колономъ, Колумбіей и Ямайкой. Портъ превосходенъ, глубокъ и хорошо защищенъ отъ вѣтровъ, но берега его очень нездоровы, именно вслѣдствіе недостаточнаго провѣтриванія. Знаменитый мореплаватель и пиратъ Френсисъ Дрэкъ умеръ внезапно, въ 1595 г., въ виду Пуерто-Бело, не успѣвъ предать разграбленію этотъ торговый портъ, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ съ городами континентальнаго берега [2]).

Городъ Чагресъ, расположенный при устьѣ одноименной съ нимъ рѣки, на правомъ ея берегу, наслѣдовалъ Пуерто-Бело въ качествѣ конечнаго пункта прохода на сѣверѣ Панамы; это самое оживленное мѣсто рѣки: цѣлая флотилія судовъ снуетъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ между Чагресомъ и мѣстечкомъ Матачинъ, откуда не больше 23-хъ километровъ по прямой линіи до Великаго океана. Но Чагресъ, подобно Пуерто-Бело, очень нездоровое мѣсто, и свирѣпствующія на Атлантическомъ океанѣ ужасныя болотныя лихорадки извѣстны даже по названію этого города: «Чагресскія лихорадки». Вслѣдствіе этого, населеніе его быстро уменьшилось, какъ только выбрали для гавани другое мѣсто на Атлантическомъ океанѣ, именно небольшой коралловый островъ Манзанильо, расположенный къ сѣверо-востоку отъ бухты Лимонъ, между Чагресомъ и Пуерто-Бело. Тамъ-то, на илистомъ грунтѣ, среди грязей, скопившихся между корнями мангиферъ, былъ построенъ новый городъ, названный Колономъ, въ честь мореплавателя, открывшаго эту бухту въ 1502 г.; его называли также Эспинваленъ, по имени одного изъ капиталистовъ, котораго обогатила постройка желѣзной дороги черезъ перешеекъ. Это—городъ, построенный изъ желѣза и дерева, съ колоннадами и верандами, привезенными въ готовомъ видѣ изъ Соединенныхъ Штатовъ; его окружаютъ набережныя и свайные мосты; станція обсажена нѣсколькими кокосовыми пальмами; на берегу моря красуется статуя Колумба работы Каррьера Беллёза. Колонъ недавно выгорѣлъ и теперь долженъ выстроиться по болѣе обширному плану и на лучше осушенной почвѣ; матерьялъ для построекъ будетъ доставленъ порфировыми каменоломнями, находящимися по сосѣдству, въ Бахіо-Солдадо.

Въ Колонѣ не существуетъ никакой промышленности; главные рессурсы жителей—путешественники и пріемъ товаровъ, доставляемыхъ сюда тысячью судовъ; благодаря плантаціямъ на рѣкѣ Чагресъ, Колонъ принимаетъ также участіе въ разростающейся торговлѣ бананами, которую вся Центральная Америка ведетъ съ Соединенными Штатами. Хотя суда и находятся подъ защитою недавно выстроеннаго валганга, тѣмъ не менѣе безопасность ихъ не вполнѣ обезпечена при устьѣ канала, такъ что парусныя суда укрываются иногда въ рейдѣ Пуерто-Бело.

Съ 1835 г., въ то время, когда въ Англіи, Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ только-что еще вводились желѣзныя дороги, американецъ Биддль предпринялъ свое изслѣдованіе Панамскаго перешейка въ видахъ постройки желѣзной дороги; но само предпріятіе осуществилось только пятнадцать лѣтъ спустя, въ тотъ періодъ лихорадочной дѣятельности, когда богатства Калифорніи привлекали въ это Эльдорадо массы рудокоповъ: открытіе дороги состоялось въ 1855 г. Проведеніе линіи черезъ болота и лѣса, рѣки и гребни водораздѣла, при крайне опасномъ климатѣ, стоило много человѣческихъ жизней, а расходы, по полумилліону франковъ на каждый километръ, превысили впятеро стоимость такихъ же сооруженій въ Соединенныхъ Штатахъ. Коммерческая польза этой дороги, которой была предоставлена монополія транспорта между двумя морями, на пространствѣ 150 километровъ, вправо и влѣво, вначалѣ была очень значительная по перевозкѣ пассажировъ и предметовъ роскоши.

Движеніе на Панамской желѣзной дорогѣ во время работъ по сооруженію канала, въ

[1]) Armand Reclus, „Panama et Darien".
[2]) Justo Zaragoza, „Piraterias de los Ingleses en la America Espanola".

1888 г.: перевезено пассажировъ—1.300.000; товаровъ (въ 1886 г.)—320.971 тонна.

Что касается исторической важности этой дороги, то она неисчислима: благодаря Панамской дорогѣ, западное побережье Америки сдѣлалось вдругъ на нѣсколько тысячъ километровъ ближе къ Европѣ; вслѣдствіе этого, измѣнилась сѣть важнѣйшихъ дорогъ человѣчества, а вмѣстѣ съ этимъ и торговое равновѣсіе земли. По замѣчанію Гумбольдта, Китай и Японія обязаны сохраненіемъ своей независимости, по всей вѣроятности, существованію Панамскаго перешейка.

Городъ Матанзасъ.

Однако, постройка желѣзной дороги, какъ бы ни была велика ея польза, особенно до открытія трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ Соединенныхъ Штатовъ, должна имѣть значеніе только предварительной, такъ ска-

зать, выжидательной работы. Главнымъ дѣломъ остается возстановленіе между двумя океанами того пролива, который существовалъ въ третичную эпоху, и въ существованіе котораго вѣрили еще многіе годы послѣ кругового плаванія по Антильскому морю. Хотя самъ Колумбъ, плавая вдоль побережья, и не нашелъ прохода, тѣмъ не менѣе умеръ съ увѣренностью, что черезъ посѣщенную имъ страну долженъ быть водный путь въ другое море. Фактъ существованія пролива былъ настолько для всѣхъ очевиденъ, что до 1540 г. этотъ проливъ помѣчался на картахъ; это заблужденіе, занесенное разсказами и на дальній Востокъ, наглядно выразилось на китайской картѣ 1820 г., гдѣ два американскихъ материка изображены раздѣленными другъ отъ друга тремя междуокеанскими каналами [1]). «Загадка пролива», которую, въ 1534 году, Карлъ V поручилъ разрѣшить Кортесу, доказываетъ, что онъ тоже думалъ объ этомъ навигаціонномъ пути, но такъ какъ пролива не находили, то явилась мысль открыть его силою, что дало сигналъ къ предъявленію цѣлаго ряда проектовъ о прорытіи канала въ то время, когда самая область не была еще изслѣдована. Филиппъ II запретилъ, наконецъ, составленіе новыхъ плановъ, потому что «воля Божія ясно выразилась въ созданіи сплошнаго перешейка»; но съ тѣхъ поръ, какъ латинская Америка освободилась отъ испанской зависимости, честолюбіе снова охватило умы, и въ 1825 г. Боливаръ велѣлъ приступить къ нивеллировкѣ Панамскаго перешейка.

Между проектами канала, основанными на мѣстныхъ изысканіяхъ, самыми замѣчательными въ исторіи Панамы были проекты Гарельи, въ 1843 г., и Лулла, въ 1875 г.; но эти инженеры считали осуществимымъ только шлюзный каналъ, поднимающійся уступами съ одного склона на другой. Наконецъ, болѣе подробное изученіе мѣстности, по которой долженъ былъ пройти каналъ, дало возможность Уайзу и А. Реклю представить, въ 1879 г., свой планъ и смѣту канала, пересѣкающаго перешеекъ по ровной плоскости изъ одного моря въ другое, и предложенія ихъ, разсмотрѣнныя на конгрессѣ инженеровъ, ученыхъ и финансистовъ, собравшихся въ Парижѣ, были приняты: поразительный успѣхъ прорытія Суэзскаго канала и ежегодное разростаніе навигаціоннаго движенія между Европой и западнымъ берегомъ Америки говорили въ пользу этого грандіознаго проекта; по разсчетамъ, отъ трехъ и даже до пяти процентовъ всей міровой торговли должно было перенестись къ порогу Панамы.

Торговое движеніе между Атлантическими берегами и западнымъ побережьемъ Новаго Свѣта въ 1879 г. было опредѣлено Эмилемъ Левассёромъ въ 4.830.000 тоннъ. Итоги за 1889 г. показаны имъ же въ 7.249.000 тоннъ. Цифровыя данныя за 1884 г., составленныя экономистомъ Молинари, показываютъ это движеніе въ 9.304.000 тоннъ.

По первоначальному плану, Колонскій каналъ долженъ былъ имѣть въ длину 73 километра, при направленіи по долинамъ ріо-Гранде на склонѣ Великаго океана; линія пересѣканія гребня приходилась подъ горою Кулебра и должна была идти или по туннелю въ 39 метровъ высоты, или по траншеѣ подъ открытымъ небомъ. Резервуары предполагалось оградить плотинами, въ которыхъ задерживались бы воды во время разлитія Чагреса и его притоковъ. Совокупность всѣхъ землекопныхъ работъ, намѣченная, по предварительному плану, въ 47 милліоновъ, опредѣлилась впослѣдствіи, со включеніемъ сюда туннеля въ 6 километровъ [1]), въ 72 милліона кубическихъ метровъ, т. е. немного только менѣе, чѣмъ при прорытіи Суэзскаго перешейка; общая же смѣта расходовъ, при томъ и при другомъ варіантѣ, считая съ процентами и при условіи открытія канала въ 1888 г., назначена была въ 658 милліоновъ франковъ [2]).

Извѣстно, что прорытіе Панамскаго канала, ввѣренное дипломату, который въ народномъ мнѣніи олицетворялъ собою счастливое осуществленіе грандіознаго предпріятія по прорытію Суэзскаго канала, кончилось финансовымъ крахомъ, и въ настоящее время, будучи еще далеко неоконченнымъ, оно въ главной части своего протяженія находится все еще въ подготовительномъ періодѣ проектовъ и контръ-проектовъ. Выполненную часть работы исчисляютъ различно—то въ одну треть, то всего лишь въ одну пятую; оффиціально же она опредѣлена въ одну треть, потому что колумбійское правительство отдало компаніи канала тѣ 150.000 гектаровъ земли, которые ей слѣдовало получить по окончаніи этой части работъ. По Колонскому каналу могутъ ходить небольшіе пароходы на протяженіи шестнадцати километровъ, а гребныя суда поднимаются вверхъ по каналу еще на шесть километровъ дальше [3]). Объемъ вырытой земли равняется донынѣ 30 милліонамъ кубическихъ метровъ, а то, что остается еще вырыть для канала, сооружаемаго съ довольно наклонными откосами, представляетъ по крайней мѣрѣ 150 милліоновъ кубическихъ метровъ, такъ какъ ось проектированнаго канала проходитъ не по самому низкому мѣсту ущелья де-ла-Кулебра;

[1]) E. Uricoechea, „Mapoteca Colombiana“.

[1]) „Exposé succinct des divers projets“, 15-го мая 1879 г.
[2]) „Bulletin interocéanique“ 15-го марта 1880 г.
[3]) Salles, „Autour de la mer des Antilles“. Club Alpin-Français. 1889.

явилась необходимость измѣнить первоначальный планъ, чтобы удлиннить изгибы; такимъ образомъ почву придется прорыть на 100, въ центрѣ канала на 110, а на одномъ берегу даже на 150 метровъ глубины, чтобы выкопать траншею и сдѣлать ее на 10 метровъ ниже уровня моря, давъ откосамъ болѣе отлогій склонъ, чѣмъ это предполагалось по первымъ смѣтамъ. Израсходованная сумма, изъ которой, правда, большая часть была поглощена вовсе не работами по прорытію [1]), дошла до полутора милліарда франковъ, и эксперты опредѣляютъ дальнѣйшіе расходы по окончанію начатаго предпріятія въ три милліарда, включая въ эту сумму и тѣ 450 милліоновъ, которые пойдутъ на покупку уже совершенныхъ работъ, моловъ и набережныхъ, отрывковъ канала, траншей, плотинъ и другихъ сооруженій: одна траншея обойдется, по всей вѣроятности, въ 1.300 милліоновъ. Между актомъ концессіи и катастрофой прошло десять лѣтъ, и очевидно, что окончаніе этого предпріятія потребуетъ по крайней мѣрѣ двадцать лѣтъ непрерывныхъ работъ: колумбійское правительство назначило открытіе канала для общаго пользованія 31-го января 1893 г. Компанія же обѣщала окончить работы къ тому же числу 1887 г. [2]).

Конечно, еслибы всѣ націи соединились въ одномъ дружескомъ союзѣ и принялись сообща за осуществленіе этого великаго предпріятія, то выполненіе его оказалось бы совершенно шуточнымъ дѣломъ; къ сожалѣнію, при настоящемъ положеніи вещей, когда «цивилизованныя» государства тратятъ ежегодно на одно содержаніе и вооруженіе войска вдвое больше милліардовъ, чѣмъ ихъ потребно для прорытія канала, господствующее между двумя націями соревнованіе заставляетъ ихъ отступать передъ совокупными затратами, выгода которыхъ для одной страны окажется значительнѣе, чѣмъ для другой. Новые, относительно скромные проекты предлагаютъ прорытіе судоходнаго пути эшелонами, поддерживаемыми на каждомъ склонѣ шлюзами, но при этомъ важнымъ препятствіемъ является излишекъ воды, который можетъ хлынуть въ каналъ, выкопанный на одномъ уровнѣ между двумя морями, и будетъ постоянно грозить разрушеніемъ шлюзныхъ сооруженій: придется, придерживаясь плана первыхъ инженеровъ, нѣсколько измѣненнаго за послѣднее время, отвести воды разлива въ обширныя запруды, могущія удержать до 300 милліоновъ кубическихъ метровъ. Такія запруды превратятъ всю среднюю долину Чагреса до самого Круцеса въ цѣлый рядъ озеръ; чтобы защитить каналъ на время наводненія, предполагали отвести русло рѣки въ какой-нибудь, еще не намѣченный, туннель, черезъ который бы она и вливалась въ Панамскій заливъ [1]). Такимъ образомъ даже для простаго шлюзнаго канала потребуются все-таки колоссальныя работы, и чѣмъ выше будетъ гребень, который придется пересѣчь, тѣмъ больше окажется преимуществъ на сторонѣ будущаго Никарагуаскаго канала, высота котораго будетъ меньше 34 метровъ надъ уровнемъ моря, что, конечно, значительно поколеблетъ экономическое значеніе Панамскаго канала. Каждая лишняя ступень канала лишитъ его сотни тысячъ тоннъ въ пользу трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ. Уже открытіе американскихъ желѣзныхъ дорогъ изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско уменьшило въ десять лѣтъ болѣе, чѣмъ на девять десятыхъ, торговое движеніе Панамской желѣзной дороги [2]).

Каковы бы ни были шансы того или другаго проекта, предпріятіе это рано или поздно должно осуществиться, если только не послѣдуютъ другія открытія, которыя сдѣлаютъ безполезнымъ прорытіе этого навигаціоннаго канала. Нужно надѣяться, что столько человѣческихъ жизней, столько изощреній талантливыхъ умовъ, столько потраченнаго труда на пользу устроенія планеты не останутся напрасными жертвами. Гигантскія машины, собранныя на этомъ жизненномъ пунктѣ земнаго шара, несомнѣнно будутъ утилизированы, и эти огромныя траншеи, на которыя нельзя смотрѣть безъ изумленія, откроютъ современемъ проходъ соединеннымъ водамъ двухъ океановъ. Быстрое развитіе промышленности и ежегодное увеличеніе торговаго движенія на противуположныхъ портахъ перешейка обезпечиваютъ вѣроятность полнаго осуществленія Панамскаго дѣла. Но очень можетъ быть, что наступившій перерывъ продлится много лѣтъ, такъ какъ между прежними концессіонерами и конгрессомъ Колумбіи не могло установиться соглашенія.

* Въ 1894 г. образовалась новая компанія, и работы по устройству канала были возобновлены; но на общемъ собраніи акціонеровъ этой компаніи, происходившемъ въ Парижѣ 30 декабря 1899 г., совѣтъ директоровъ въ полномъ составѣ вышелъ въ отставку, вслѣдствіе разногласія мнѣній по вопросу о томъ, должна ли компанія соединиться съ другой, американской, компаніей, учрежденной для окончанія предпріятія. Годовой отчетъ за 1899 годъ говоритъ, что каналъ со шлюзами могъ бы быть доконченъ въ 10 лѣтъ, съ затратой суммы въ 512 милліоновъ франковъ. *

[1]) Расходы, употребленные исключительно на работы по прорытію канала, равнялись 443.171.000 франковъ (Monchicourt, „Rapport de liquidation“).

[2]) „Bulletin interocéanique“. 1-го февраля 1880 г.

[1]) „Rapport de le Commission d'études envoyée à Panama“.

[2]) Nimmo, „Weekly Times“, 14-го сентября 1880 г.

Къ востоку отъ Пуерто-Бело, на Атлантическомъ берегу Панамы нѣтъ больше деревень, гдѣ индѣйцы не составляли бы главной части населенія. Колонія Номбре-де-Діосъ, основанная въ 1510 г. Никуезой, не оставила послѣ себя никакихъ слѣдовъ, и неизвѣстно даже ея мѣстоположеніе: вѣроятно, она занимала берегъ одной изъ бухтъ, расположенныхъ между вершиной Манзанильо и полуостровомъ Санъ-Бласъ, на сѣверной выпуклости перешейка: лѣсная тропинка соединяла ее съ Панамой. Въ глубинѣ залива Санъ-Бласъ, этого обширнаго бассейна, гдѣ бы свободно могли помѣститься десять тысячъ судовъ, разбросано, подъ группою кокосовыхъ пальмъ, лишь нѣсколько деревушекъ индѣйцевъ куна. Индѣйцы Санъ-Бласкаго архипелага, до сихъ поръ свободные отъ всякой зависимости отъ Колумбіи, торгуютъ продуктами своихъ какаовыхъ и пальмовыхъ рощъ, а также черепаховой оболочкой, которую они добываютъ своеобразнымъ способомъ, снимая этотъ цѣнный панцырь со спины животнаго посредствомъ подпаливанія, нимало не вредя самому животному; тщательно оберегая это пресмыкающееся отъ вымиранія, они зорко слѣдятъ за неприкосновенностью черепашьихъ яицъ[1]).

Одно время это узкое мѣсто перешейка, какъ разъ противъ острововъ Санъ-Бласъ, находили удобнымъ для устройства навигаціоннаго канала. По крайней мѣрѣ существовало множество проектовъ по прорытію междуокеанскаго канала именно въ этомъ мѣстѣ. Макъ-Дугаль первый въ 1864 г., а затѣмъ Сельфриджъ Уайзъ и А. Реклю, въ различное время, изслѣдовали эту страну: благодаря имъ, стало извѣстнымъ, что по плану этотъ каналъ долженъ бы былъ имѣть 53 километра въ длину, изъ которыхъ болѣе 10 километровъ по глубокому руслу рѣки Байано; зато здѣсь есть другое неудобство, представляемое высотою кордильеръ; хотя путешественникъ Кулленъ и указывалъ на какія-то бреши, спускающіяся будто бы почти до самаго морскаго берега, но на самомъ дѣлѣ даже наиболѣе низкія ущелья и тѣ превышаютъ 300 метровъ высоты, такъ что каналъ долженъ бы былъ проходить по туннелю, длиной, по различнымъ исчисленіямъ, отъ 11 до 15 километровъ. Главнымъ городомъ на склонѣ Великаго океана считается Чепо, окруженный саваннами и ведущій торговлю съ Панамой, съ одной стороны—посредствомъ плохой дороги, а съ другой—по нижнему теченію Байано, по которой суда могутъ подниматься вверхъ до порта Капитана. На востокѣ страна защищалась нѣкогда отъ индѣйцевъ крѣпостью Террабле, въ настоящее время разрушенной. Населеніе Чепо и окрестныхъ деревень состоитъ изъ негровъ, почти не ассимилировавшихся съ бѣлыми или индѣйцами.

Бухта Каледонія, открывающаяся на Атлантическомъ побережьѣ, почти въ 200 километрахъ къ юго-востоку отъ залива Санъ-Бласъ и недалеко отъ Путриканти, самой населенной деревни индѣйскаго племени куна, напоминаетъ о прежнихъ колонизаторскихъ попыткахъ. Одна гавань, въ той же вырѣзкѣ побережья, носитъ названіе Пуерто-Эскосесъ, или «Шотландскій Портъ», данное ей въ честь группы шотландцевъ, которые, подъ предводительствомъ финансиста Паттерсона, водворились здѣсь въ 1698 г.: онъ называлъ это мѣстомъ «Ключемъ міра», и Пуерто-Эскосесъ дѣйствительно могъ бы сдѣлаться таковымъ, если бы великобританское правительство пришло на помощь своимъ соплеменникамъ, защитивъ ихъ отъ испанцевъ и индѣйцевъ и соорудивъ имъ дорогу черезъ перешеекъ; но климатъ и тоска по родинѣ скоро сгубили шотландскихъ колонистовъ, а тѣ изъ нихъ, которые остались еще въ живыхъ, были разсѣяны въ 1700 г. испанскимъ флотомъ; въ 1827 г. развалины крѣпости Паттерсонъ еще существовали. Недалеко отъ этого мѣста находится портъ Каретто, который въ 1513 году принималъ у себя болѣе знаменитыхъ путешественниковъ, Нуньеца-де-Бальбоа и его спутниковъ; эта славная экспедиція отправлялась на открытіе Южнаго моря, котораго она счастливо и достигла черезъ двадцать три дня послѣ того. Въ ту эпоху испанскимъ постомъ на Атлантическомъ побережьѣ было мѣстечко Санта-Марія, построенное, какъ «метропольный городъ», на берегахъ залива Ураба, въ сосѣдствѣ устьевъ Атрато; но съ 1526 г. эта колонія была переведена въ Панаму, и Санта-Марія, постепенно заросшая кустарникомъ, получила прозваніе Антигуа. Даріенъ назывался тогда «Золотой Кастиліей», и дѣйствительно золотые пріиски эксплоатировались въ Канѣ, у истоковъ Тунры, въ землѣ индѣйцевъ чоко. До конца XVII-го вѣка изъ этого «Эльдорадо» добывалось нѣкоторое количество драгоцѣннаго металла; но когда пираты узнали дорогу къ рудникамъ, правительство, чтобы удалить этихъ непрошенныхъ гостей, не нашло ничего лучшаго, какъ упразднить эксплоатацію этихъ рудъ. Его политикой было разрушать свои собственныя колоніи, чтобы не давать поживиться другимъ.

Атлантическое побережье Даріена, съ его кордильерой, круто поднимающейся надъ моремъ, повидимому, неудобно для сооруженія въ этомъ мѣстѣ междуокеанскаго канала; между тѣмъ эта область подвергалась неоднократнымъ изслѣдованіямъ именно въ видахъ прорытія здѣсь канала, и нѣкоторые изъ первыхъ путешественниковъ указывали на су-

[1]) Orlando Roberts, „Voyage to Nicaragua".

ществованіе очень низкихъ пороговъ тамъ, гдѣ въ дѣйствительности настоящія горы возвышали свои питоны, покрытые дремучими лѣсами: въ 1854 году на берегахъ бухты Каледоніи высадился американскій лейтенантъ Стрэнъ, съ двадцатью восемью человѣками экипажа. Въ концѣ концовъ, послѣ 63-хъ дневнаго перехода, онъ достигъ береговъ Великаго океана, но многіе изъ его спутниковъ умерли отъ изнеможенія и голода.

Уайзъ, А. Реклю и Соза также изучали для этой области проектъ междуокеанскаго канала въ 125 километровъ общаго протяженія; изъ нихъ 37 километровъ приходилось бы на подземный проходъ, который такимъ образомъ превышалъ бы длиною извѣстные туннели въ горахъ Фрежюсъ и Сенъ-Готардъ. Входнымъ портомъ на Атлантическомъ океанѣ предполагалось сдѣлать гавань Аканти, названіе которой, подобно всѣмъ наименованіямъ, оканчивающимся на *canti* и *gandi*, указываетъ на мѣстопребываніе или на близкое сосѣдство индѣйцевъ племени куна: это первый портъ на сѣверѣ илистыхъ устьевъ Атрато, гдѣ суда могутъ останавливаться въ чистой водѣ. Съ другой стороны туннеля каналъ долженъ бы спускаться по долинѣ Тупизы въ равнину приморской Туиры, которая входитъ далеко внутрь континента и сообщается съ океаномъ посредствомъ гавани Даріенъ, одного изъ самыхъ надежныхъ и обширныхъ портовъ въ свѣтѣ; она продолжается въ морѣ широкой воронкой залива Санъ-Мигуэль. По берегамъ рѣкъ и лимана расположенъ рядъ деревень, Явиза, Пиногана, Чепигана и др., общая численность населенія которыхъ достигаетъ 2.000 человѣкъ. Индѣйцы перекочевываютъ внутрь страны, гдѣ растетъ пальма (phytelephas), дающая растительную слоновую кость,— одинъ изъ главныхъ предметовъ ихъ торговли.

Другой проектъ междуокеанскаго навигаціоннаго канала, представленный г.г. Гогорца и Лашармомъ, которые, какъ имъ казалось, нашли въ этомъ мѣстѣ порогъ всего въ 55 метровъ высоты, тоже имѣлъ въ виду утилизировать превосходный Даріенскій портъ; но направленіе этого канала было начертано гораздо южнѣе, по высокой долинѣ Туиры и нижнему теченію Атрато; однако, изслѣдованія Уайза показали, что этой котловины вовсе не существуетъ, и ущелье Тихуле, самое низкое во всей горной цѣпи, лежитъ надъ уровнемъ моря почти втрое выше показаннаго порога. По этому плану, каналъ долженъ былъ имѣть 235 километровъ протяженія, на которомъ предполагалось устроить 22 шлюза и 1 туннель, въ 2 километра длиною; кромѣ того, требовались работы по углубленію устья Атрато; но эта послѣдняя часть проектируемаго дѣла принадлежитъ къ числу такихъ, передъ которыми современная индустрія еще не всемогуща; нигдѣ, ни въ лиманѣ Кляйды и Тайны, ни въ южномъ рукавѣ Миссисипи, т. е. тамъ, гдѣ инженеры достигли наибольшаго успѣха, не удалось еще устроить правильный фарватеръ въ 9 метровъ нормальной глубины.

Всѣ прочіе проекты междуокеанскаго канала въ этой области встрѣчаютъ одно и то же препятствіе: невозможность окончить каналъ въ Атлантическомъ океанѣ могущественнымъ теченіемъ Атрато, которая, хотя и катитъ массу воды, вполнѣ достаточную для самыхъ большихъ судовъ, но отдѣляется отъ моря илистымъ баромъ. Одинъ изъ этихъ проектовъ былъ изучаемъ, въ 1852 г., Траутвайномъ, затѣмъ другими инженерами, Портеромъ, Кеннишемъ, Мичлеромъ, Кравеномъ: онъ заимствуетъ теченіе Труандо, западнаго притока Атрато, чтобы по двумъ туннелямъ перейти кордильеру и направиться къ маленькой бухтѣ Паракучичи. По аналогичному проекту, составленному Сельфриджемъ, Лулломъ и Коллинсомъ, каналъ идетъ вверхъ по Атрато, Напипи и его притоку Догвадо, затѣмъ пересѣкаетъ цѣпь по шлюзамъ и туннелю на высотѣ 200 метровъ и выходитъ въ Великій океанъ у бухты Чири-Чири, гавани широкаго залива Купика. Въ другомъ проектѣ, разработанномъ тѣми же американскими инженерами, количество шлюзовъ уменьшено.

Главные проекты междуокеанскихъ каналовъ въ провинціяхъ Панама и Чоко:

	Атлантическій портъ.	Порты на Великомъ океанѣ.	Длина. километровъ.	Шлюзы.	Туннели.	Составители проектовъ.
Панама	Колонъ	Панама	73	—	—	Уайзъ и А. Реклю
„	„	„	73	—	—	Луллъ, Бойэ, Сотеро и др.
Санъ-Бласъ	Санъ Бласъ	Чепилльо	53	—	15	Макъ-Дугаль, Уайзъ, А. Реклю.
Даріенъ	Аканти	Даріенъ	125	—	17	Келли, Уайзъ, А. Реклю.
„	Сліяніе Каквирри	„	255	22	2	Уайзъ, А. Реклю.
Чоко	„ Труандо	Паракучичи	210	—	11	Траутвайнъ, Гюртеръ, Мичлеръ и т. д.
„	„ Напипи	Чири-Чири	290	22	6	Сельфриджъ, Луллъ, Коллинсъ.
„	„ „	„	„		211	Сельфриджъ, Луллъ, Коллинсъ.

Наконецъ, еще южнѣе, каналъ Распадура, называемый также «Каналомъ священника», о которомъ Гумбольдтъ первый упомянулъ, какъ о пути сообщенія, открытомъ въ 1788 году между двумя океанами [1],—вовсе не каналъ: А. Реклю говоритъ даже, что его не существуетъ [2]). Во всякомъ случаѣ нельзя считать каналомъ простой демаркаціонный ровъ, почти въ 5 километровъ длины, выкопанный какъ разъ на порогѣ водораздѣла между рѣкою Распадурою, притокомъ Атрато, и р. Перико, вливающеюся въ Санъ-Жуанъ, а черезъ него и въ Великій океанъ. Иногда въ сезонъ дождей случается, что траншея совершенно заполняется водой, и тогда ею могутъ пользоваться пироги для переправы съ одного склона на другой; но этотъ случайный проходъ не можетъ быть уподобленъ серьезному плаванію [3]), и до сихъ поръ еще не было сдѣлано ни одного изслѣдованія для выработки проекта правильнаго пути черезъ водораздѣльный порогъ. Разстояніе между океанами, отъ устьевъ Атрато до устьевъ Санъ-Жуана, равняется 362 километрамъ.

Департаментъ Панама, который, до 1885 года, былъ однимъ изъ союзныхъ государствъ Колумбіи, представляетъ теперь не болѣе, какъ одну изъ девяти провинцій централизированной республики, и губернаторъ его, выбиравшійся прежде всеобщею подачею голосовъ, теперь назначается прямо президентомъ республики. Политическія, административныя и судебныя учрежденія Панамы ничѣмъ не отличаются отъ подобныхъ же учрежденій въ другихъ колумбійскихъ провинціяхъ. По прежнему дѣленію, въ составъ этого департамента входитъ шесть провинцій: Чирикуи или Давидъ, Коклэ или Пеномене, Колонъ, Панама, лосъ-Сантосъ и Верагуа. Кромѣ того, три округа, Бальбоа, Даріенъ и Каналь, имѣютъ совершенно особое управленіе.

Главные города Панамскаго перешейка, съ цифрой ихъ населенія: Панама—30.000 жит.; Колонъ—2.000 жит.; Давидъ—5.000 жит.

Глава VI

Американское Средиземное море.

Мексиканскій заливъ и Антильское море.

Средиземное море, раздѣляющее два американскихъ материка, хотя гораздо болѣе открыто, чѣмъ Средиземное море, находящееся между Европой и Африкой, есть тѣмъ не менѣе ясно отграниченный морской бассейнъ, представляющій совокупность явленій, которыя дѣлаютъ изъ него особую естественную область на земной поверхности: Линія раздѣла между внутреннимъ моремъ Новаго Свѣта и Атлантическимъ океаномъ — на самомъ дѣлѣ даже гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда, потому что острова, составляющіе ея полукружіе передъ Антильскимъ моремъ, а равно и тѣ, которые загораживаютъ большую часть входа въ Мексиканскій заливъ, лежатъ на подводной мели, склоны которой круто спускаются въ Атлантическій океанъ на глубину болѣе 4.000 метровъ. Багамскіе и Малые Антильскіе острова представляютъ собою плато или питоны, выступающіе съ мелей, или по крайней мѣрѣ съ цоколей, возвышающихся между двумя морскими пучинами. Единственными проходами въ 1.000 метровъ глубины, которые позволяютъ соединяться водамъ Атлантическаго океана и Американскаго Средиземнаго моря, служатъ—проливъ, извивающійся между двумя большими островами, Кубой и Гаити, и нѣсколько проливовъ въ цѣпи Малыхъ Антильскихъ острововъ.

Совокупность внутреннихъ водъ дѣлится естественно на два бассейна, границы которыхъ обозначены полуостровомъ Юкатаномъ и островомъ Кубою: это Мексиканскій заливъ и Карибское или Антильское море. Но каждый изъ этихъ бассейновъ подраздѣляется, въ свою очередь, на двѣ отдѣльныя части. Мексиканскій заливъ, отличающійся замѣчательно правильными очертаніями и ровнымъ дномъ, имѣетъ своимъ наружнымъ преддверіемъ треугольное море, заключенное между Кубой, полуостровомъ Флоридою и Багамскими островами и банками. Точно также Антильское мо-

[1]) „Essai sur la Nouvelle-Espagne". Томъ I.
[2]) „Panama et Darien".
[3]) Louis Verbrugghe, „Le Canal interocéanique de Panama".

ре, оканчивающееся на юго-востокѣ обширнымъ овальнымъ амфитеатромъ, съ глубокими водами, ограниченными берегами Ямайки, Гаити, Порто-Рико, Малыхъ Антильскихъ острововъ и континентомъ Венецуэлы, соединяется на сѣверо-западѣ съ Мексиканскимъ заливомъ, между Кубой, Гондурасомъ и Юкатаномъ, посредствомъ очень неправильной морской области, съ изрѣзанными берегами и съ неровнымъ дномъ, усѣяннымъ порогами и изрытымъ пропастями. Главная ось обоихъ морей проходитъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, между параллельными линіями Центральной Америки и Малыхъ Антильскихъ острововъ.

Эти американскія моря являются одними изъ наиболѣе извѣстныхъ на нашей планетѣ. Систематическое обслѣдованіе Мексиканскаго залива и Караибскаго моря началось въ 1872 году на западныхъ берегахъ Флориды экспедиціей американскихъ офицеровъ *Coast-Survey*. Ховель, Пурталесъ, Александръ Агассицъ, Бартлеттъ, Хильгардъ, Сигсби, Бэрдъ и другіе изслѣдовали во всѣхъ отношеніяхъ талассографію этихъ морскихъ пространствъ, и начатое ими дѣло продолжается все болѣе и болѣе детально. Результатомъ всѣхъ этихъ методическихъ изслѣдованій явилось не только точное опредѣленіе глубины и рельефа морскаго дна, но также и множество другихъ открытій: съ помощью новыхъ, наиболѣе чувствительныхъ инструментовъ, могли опредѣлить температуры различныхъ водныхъ слоевъ, совершающіяся въ нихъ перемѣны и перемѣщенія, изучили ихъ теченія, какъ на поверхности, такъ и на глубинѣ, мѣняющіяся соотвѣтственно количеству соли въ водѣ и термометрическихъ колебаній,—обогатили естественныя науки новыми цѣнными свѣдѣніями, ознакомивъ міръ съ тѣми животными организмами, которые населяютъ морскія воды до самыхъ глубокихъ пропастей, а также сдѣлали массу замѣчательныхъ открытій, благодаря которымъ развернулась новая чудесная перспектива на отдаленную эпоху жизни земнаго шара.

Внѣшнее море, заключающееся между Кубой, Багамскими островами и Флоридой, черезъ которое выходятъ воды Гольфстрема, относительно не глубоко: оно почти все занято банками, между которыми открываются проходы, гдѣ толща водной массы равняется пяти или шести стамъ метровъ; только на юго-востокѣ такъ называемый «Старый Багамскій каналъ» врѣзывается длиннымъ языкомъ вдоль сѣверныхъ береговъ Кубы, имѣя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубину болѣе 2.000 метровъ. При входѣ въ «Новый Багамскій каналъ», какъ разъ на сѣверѣ Гаванны, лотъ показываетъ 1.568 метровъ. Но въ кругломъ бассейнѣ Мексиканскаго залива морское ложе понижается значительно глубже: обширныя пространства морскаго дна въ 3.000 метровъ глубины, суживаемыя только на востокѣ прибрежными рифами, окаймляющими полуострова Флориду и Юкатанъ, занимаютъ всю центральную часть залива, т. е. почти половину всей водной поверхности. Около средины впадины, на протяженіи болѣе 2-хъ километровъ, разстилается обширная подводная равнина, оріентированная съ сѣверо-востока на юго западъ, глубина водъ въ которой достигаетъ 4.000 метровъ.

Юкатанскій каналъ или проливъ, соединяющій Мексиканскій заливъ съ Караибскимъ моремъ, имѣетъ только половину глубины смежныхъ морскихъ бассейновъ: между подводными банками, образующими цоколь Юкатана и продолжающими западную оконечность Кубы, глубокая котловина пролива имѣетъ болѣе 2.000 метровъ глубины. Непосредственно за порогомъ море образуетъ другой кюветъ треугольной формы, ограниченный съ юга подводнымъ валомъ, который начинается у мыса ла-Круцъ на островѣ Куба и тянется къ берегамъ Британскаго Гондураса, неся на своемъ гребнѣ группу Каймановыхъ острововъ и мель Мистеріоза, покрытую водою лишь на 16 метровъ. Ровное дно этого кювета, который извѣстенъ подъ названіемъ «Юкатанскаго рва», почти вездѣ имѣетъ болѣе 4.500 метровъ глубины, а наибольшая измѣренная тамъ до сихъ поръ глубина достигаетъ 4.710 метровъ. Къ югу отъ Кайманскаго вала другой очень длинный кюветъ, называемый «рвомъ Бартлетта», по имени одного изъ усерднѣйшихъ изслѣдователей американскихъ морей, занимаетъ всю ширину морскаго бассейна, на пространствѣ почти 1.500 километровъ, отъ мелей «острововъ Бухты», около Гондурасскаго берега, до Виндъ-Уарда, раздѣляющаго два большихъ антильскихъ острова, Кубу и Гаити: эта-то узкая пропасть Бартлеттскаго рва и представляетъ самую глубокую впадину во всемъ американскомъ Средиземномъ морѣ. Эта котловина, имѣющая 6.269 метровъ глубины, находится всего лишь въ 36-ти километрахъ къ югу отъ острова Грэтъ - Кайманъ, крайняго плато огромной подводной горы. Это единственный примѣръ на земномъ шарѣ, гдѣ оказывается такая огромная разность уровня между двумя столь близкими другъ къ другу пунктами. Къ югу отъ Сіерры-Маэстра-де-Куба, вершина которой поднимается на высоту 2.560 метровъ надъ уровнемъ моря, впадина морскаго дна имѣетъ около 6.000 метровъ глубины: на разстояніи 90 километровъ между кубанской горой и морской пропастью, вся отлогость имѣетъ около 8.500 метровъ; это—высота горы Кинчинжинга. Почти подводная горная цѣпь Каймана ограничена у южнаго своего

основанія долиной въ 6.000 метровъ глубины [1]).

Къ югу отъ Бартлеттскаго рва—новый порогъ на половину заграждаетъ море между крайнею оконечностью Ямайки и мысомъ Грасіасъ-а-Діосъ на материкѣ, а болѣе трехъ четвертей промежуточнаго пространства заняты банками Москито, Розалиндъ и Педро, покрытыми весьма незначительною толщею воды. Въ самомъ глубокомъ мѣстѣ пролива, въ 200 километрахъ къ юго-западу отъ Ямайки, глубина достигаетъ 1.225 метровъ. Другія банки, Серранилла, Нью-Боръ и Комбей, загораживаютъ отчасти южный входъ въ проливъ, но за ними развертывается уже огромное открытое пространство Карибскаго моря. Ограниченное съ западной стороны банкою Москито, ея островками и выступающими рифами, Санъ-Андріосъ, Ольдъ-Провиденсъ, Квита-Суеньо, или «Потерянный сонъ», островкомъ Серрана и банкою Ронкадоръ, или «Ревущій», это внутреннее море по направленію къ востоку становится постепенно все глубже, достигая 2.000, 3.000, 4.000 и 5.000 метровъ, а къ сѣверу отъ голландскихъ острововъ Венецуэльскаго берега образуетъ даже пропасти въ 5.200 метровъ; затѣмъ, по направленію къ банкѣ острова Авесъ, лежащаго на одной параллели съ цѣпью Малыхъ Антильскихъ острововъ, морское дно снова повышается. Въ раздѣльной впадинѣ, оріентированной съ юга на сѣверъ, между плато Авесъ и Малыми Антильскими островами, лотъ опускался на глубину 3.100 метровъ.

Острова, составляющіе наружный оплотъ Антильскаго моря, возвышаются въ видѣ развалинъ мостовыхъ быковъ, между которыми протекаютъ воды Атлантическаго океана и американскаго Средиземнаго моря. Большинство Антильскихъ острововъ соединены между собою подводными порогами, выступы которыхъ скрываются на нѣсколько сотъ метровъ подъ водой: всего три бреши, двѣ на сѣверѣ и югѣ Мартиники, а третья между Сомбреро и Дѣвичьими островами, имѣютъ глубину болѣе тысячи метровъ. Что касается внѣшняго края мели, составляющаго закраину Антильскаго цоколя, возвышающагося надъ группами Атлантическаго океана, то онъ тянется въ небольшомъ разстояніи отъ цѣпи острововъ. Особенно на сѣверо-востокѣ Багамскихъ острововъ онъ очень близко подходитъ къ банкамъ кораллового происхожденія: глубину въ 4.000 метровъ можно найти почти всюду, не болѣе какъ въ 30 километрахъ разстоянія отъ берега; мореплаватель Броунсонъ нашелъ глубину въ 3.582 метра даже на разстояніи 4.627 м. отъ острововъ [2]). Стѣна Атлантическаго бассейна представляетъ въ этихъ морскихъ пространствахъ наклонъ въ 35 градусовъ, при вертикальной высотѣ болѣе, чѣмъ въ три съ половиной километра: такой же откосъ, только съ немного болѣе значительнымъ наклономъ, встрѣчается лишь на востокѣ Флориды, поперекъ мыса Каньявераль, но тамъ вертикальная высота между двумя ближайшими точками составляетъ всего лишь 1.098 метровъ [1]). Самою глубокою впадиною Атлантическаго океана, изъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ пространствъ, считается та, которая находится у подножія антильскаго края мели, какъ разъ къ сѣверу отъ острова Порто-Рико, и имѣетъ 8.431 метръ глубины; но недавно лотъ указалъ самое глубокое мѣсто въ Атлантическомъ океанѣ на югѣ Нью-Фаундленда.

Мексиканскій заливъ и Карибское море имѣютъ неодинаковую величину. Сравнивая одну только правильную часть овала обоихъ бассейновъ, безъ Багамскаго моря и Бартлеттскаго рва, съ окружающими его банками, Карибское море почти на одну шестую обширнѣе Мексиканскаго залива; но если принять въ разсчетъ глубину, то разница между двумя бассейнами выразится совершенно иначе, такъ какъ, въ среднемъ, толща воды значительно меньше въ Мексиканскомъ заливѣ, и еслибы вдругъ уровень этого моря понизился на 180 метровъ, то къ окружности береговъ сразу прибавилось бы пространство болѣе, чѣмъ на 500.000 километровъ, т. е. болѣе трети всей водной поверхности.

Поверхность и вмѣстимость двухъ главныхъ бассейновъ Американскаго Средиземнаго моря:

	Поверхность. кв. кил.	Вмѣстимость кв. кил.
Мексиканскій заливъ ...	1.536.326	1 340.000
Антильское море........	1.869.226	5.600.080

Если же сравнивать оба бассейна съ прибавкой къ нимъ площадей истеченія впадающихъ рѣкъ, то преимущество въ отношеніи поверхности кювета и покатостей окажется на сторонѣ Мексиканскаго залива. Рельефъ Сѣверной Америки, съ его двумя наружными каймами горъ и большою срединною низменностью, имѣетъ съ гидрографической точки зрѣнія слѣдствіемъ то, что воды изливаются главнымъ образомъ по направленію меридіана, на сѣверѣ—къ Ледовитому океану и Гудсонову заливу, на югѣ—къ Мексиканскому заливу. Самая могущественная рѣка Сѣверной Америки, Миссисипи, изливается въ Мексиканское море, и, благодаря этому даннику, поверхность морскаго бассейна становится вдвое больше; кромѣ того, площадь истеченія заключаетъ въ себѣ всѣ рѣки южной части Соединенныхъ Штатовъ, отъ Западной Флориды до Техаса, ріо-Браво-дель-Норте и рѣки восточнаго склона

[1]) Bartlett;—Alexander Agassiz, „Cruise of the Blake".
[2]) A. Agassiz. цитиров. сочиненіе.

[1]) Graren;—J. C. Kohl, „Geschichte des Golfstrom".

Мексики и Южнаго Юкатана до лагуны Терминосъ. Въ Караибское море вливаются относительно обильныя рѣки, протекающія по области Перешейковъ, но южный материкъ, хотя построенный по тому же плану, какъ и сѣверный, не имѣетъ на востокѣ такой правильной каймы горъ, вслѣдствіе чего сѣть текущихъ водъ, менѣе сдерживаемая на востокѣ, направляется къ сѣверу лишь незначительной частью. Въ Антильское море изъ большихъ южно-американскихъ рѣкъ впадаютъ только Атрато, ріо-Магдалена и ріо-Зуліа, изливающаяся въ лагуну Маракаибо. Какъ ни значительны онѣ по массѣ катимой воды,—особенно Атрато,—но всѣ три рѣки, взятыя вмѣстѣ, имѣютъ лишь весьма небольшую площадь истеченія въ сравненіи съ Миссисипи. Что касается до Ориноко, одной изъ самыхъ большихъ американскихъ рѣкъ, то она изливается прямо въ Атлантическій океанъ, помимо острова Тринидата и цѣпи Антильскихъ острововъ.

Поверхность Американскаго Средиземнаго моря, вмѣстѣ съ покатостями его притоковъ, безъ острововъ:

Моря.	Поверхность. кв. кил.	Покатости притоковъ. кв. кил.
Багамское море.	439.750	
Мексиканскій заливъ.	1.536.328	5.500.000
Кайманское море . .	708.834	900 000
Антильское море	1.869.226	
Итого	4.554.138	6.400.000

Загражденія, образуемыя островами почти на всей окружности Американскаго Средиземнаго моря, сильно видоизмѣняютъ явленіе морскихъ приливовъ и отливовъ. Во-первыхъ, разность уровня между высокой и низкой водой очень невелика, какъ и въ Средиземномъ морѣ, лежащемъ между Африкой и Европой. Даже подъемъ водъ тамъ значительно слабѣе: въ то время, какъ въ Тунисскомъ заливѣ Малаго Сырта, у береговъ острова Джерба, средняя амплитуда морскаго прилива равняется 3-мъ метрамъ, самые высокіе приливы въ Мексиканскомъ заливѣ во время полнолунія имѣютъ 1 м. 22 с. близъ флоридскаго города Апалачикола; въ Антильскомъ морѣ наибольшая разность уровней прилива и отлива еще меньше; она достигаетъ 1 м. 60 с. въ портѣ острова Роатана, въ томъ мѣстѣ Гондурасскаго залива, гдѣ приливъ распространяется всего быстрѣе. Впрочемъ, рѣдко случается, чтобы попеременное поднятіе и пониженіе воды происходило съ нормальной правильностью; перемѣщеніе, продолжительность или даже временный перерывъ въ морскихъ приливахъ и отливахъ зависятъ отъ измѣняющагося направленія морскихъ и атмосферныхъ теченій. Даже на большей части окружности двойнаго Американскаго Средиземнаго моря, вслѣдствіе перекрещиванія и интерференціи волнъ, происходящихъ отъ различныхъ теченій въ островныхъ проливахъ, два полусуточныхъ прилива и отлива сливаются въ одинъ суточный; воды подымаются и спадаютъ лишь по одному разу въ день. Контрасты въ суточномъ и полусуточномъ режимѣ колебаній происходятъ въ очень близко лежащихъ другъ къ другу бухтахъ: въ то время, какъ на западномъ берегу Флориды приливъ продолжается въ теченіе шести часовъ, въ бухтѣ Апалачикола онъ длится двѣнадцать часовъ, а у береговъ Техаса онъ снова принимаетъ свое нормальное движеніе [1]).

Антильское море и Мексиканскій заливъ имѣютъ довольно широкихъ воротъ въ океанъ, чтобы ихъ теченія принадлежали къ великому круговороту атлантическихъ водъ; но контртеченія и водовороты тамъ многочисленны, по причинѣ неправильности береговъ. Огромная масса экваторіальнаго теченія, которое движется непрерывно съ востока на западъ, съ среднею скоростью 4—5 километровъ, и которое ударяется о берега Бразиліи, Гвіанъ и Антильскихъ острововъ, не вполнѣ уклоняется къ сѣверу, такъ какъ оно находитъ проходы, чтобы продолжать свой ходъ въ западномъ направленіи. Въ то время, какъ большая часть водъ направляется на сѣверъ, вдоль наружнаго края цоколей, на которыхъ стоятъ Малые Антильскіе и Багамскіе острова, меньшая часть, несущая, впрочемъ, все-таки милліоны кубическихъ метровъ воды въ секунду, вливается въ Антильское море. Масса воды, входящая въ воронку, образуемую заливомъ Паріа, между островомъ Тринидадъ и материкомъ Венецуэлы, достаточно могущественна для того, чтобы нейтрализировать приливное теченіе и усилить морской отливъ, сообщая ему иногда болѣе 9 километровъ скорости въ часъ: на поворотахъ, сталкивающіяся частныя теченія производятъ страшное волненіе, поднимающее со дна песокъ и илъ; море тогда на большомъ пространствѣ окрашивается въ красный цвѣтъ. Названіе Бока-дель-Драго, или «Пасть дракона», которое Колумбъ далъ проливу, открывающемуся между сѣверо-западною оконечностью Тринидада и полуостровомъ Паріа, ратифицируется всѣми моряками, пускающимися въ этотъ опасный проходъ. Къ сѣверу отъ Тринидада, въ проливѣ Тобаго, воды экваторіальнаго теченія движутся тише, съ среднею скоростью 1.850 метровъ въ часъ, но иногда она увеличивается вдвое, даже втрое. Далѣе къ сѣверу, до Мартиники, главнымъ образомъ между этимъ островомъ и островомъ св. Люсіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ морское дно представляетъ впадину, слишкомъ въ 1.000 метровъ глубины, проливы пропускаютъ также боковыя теченія великой морской рѣки.

Эти развѣтвленія экваторіальнаго теченія, соединившись въ Антильскомъ морѣ, замед-

---

[1]) Franklin Bache, „Coast Survey".

ляютъ свое движеніе, разливаясь по обширному пространству; даже расплываясь на морской поверхности, часть теченія возвращается въ Атлантическій океанъ черезъ проходъ Мона, открывающійся между Порто-Рико и Санъ-Доминго. Обыкновенное движеніе водъ Антильскаго моря по направленію съ востока на западъ совершается со скоростью отъ 18 до 32 километровъ въ день [1]); но теченіе занимаетъ не всю ширину бассейна: образуются боковые водовороты и контръ-теченія, перемѣщающіеся въ обратную сторону: такъ, изъ Колона въ Картагену суда могутъ отдаться на волю теченія, движущагося съ запада на востокъ съ средней скоростью одной мили въ часъ. По выходѣ изъ Караибскаго моря черезъ проливъ Банокъ, между Ямайкой и рифами Москито, теченіе снова ускоряется, затѣмъ, по вступленіи въ ровъ Бартлетта, оно принимаетъ въ себя притокъ, приходящій черезъ Виндъ-Уардъ. Водная масса, изливающаяся въ Мексиканскій заливъ черезъ Юкатанскій проливъ, очень значительна, и потокъ вторгается черезъ это отверстіе съ быстротой 3—4 километровъ въ часъ. Тамъ-то и начинается собственно «Заливное теченіе», болѣе извѣстное подъ англійскимъ названіемъ Гольфстрема (Gulf-stream).

Въ началѣ это теченіе раздѣляется на двѣ водныя площади, изъ которыхъ одна, идя вдоль сѣвернаго берега Кубы, устремляется въ проливъ Флориды, а другая расплывается по широкому бассейну залива, окаймляемая по краямъ контръ-теченіями. Около середины этого почти круглаго бассейна, воды находятся, повидимому, въ состояніи равновѣсія, тогда какъ на окружности, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, онѣ движутся параллельно берегамъ: къ югу отъ миссисипскихъ проходовъ, голубыя воды морскаго теченія оттѣсняютъ желтыя воды рѣки на востокъ, гоня ихъ по совершенно прямой линіи, безъ всякаго изгиба. Наконецъ, весь излишекъ водной массы, гонимый Антильскимъ моремъ въ заливъ черезъ Юкатанскій проливъ и подымающійся, вслѣдствіе давленія постоянно надвигающейся массы, на цѣлый метръ выше средняго уровня океана [2]), устремляется въ Атлантическій океанъ черезъ проливъ Флориды, въ которомъ теченіе суживается до ширины рѣчнаго. Въ самомъ узкомъ проходѣ, между Багамскимъ Мемори-рокъ и Флоридскимъ Юпитеръ-инлетъ, каналъ имѣетъ 89 километровъ ширины, и наибольшая глубина его 796 метровъ: разрѣзъ его русла равенъ 43 квадратнымъ километрамъ. Быстрота водъ, болѣе сильная по направленію оси узкаго прохода, чѣмъ у береговъ, измѣняется въ этомъ проливѣ: иногда она не превышаетъ 3 километровъ, но случается, что достигаетъ и девяти; средняя скорость теченія 5 километровъ въ часъ, а расходъ, по Бартлетту, составляетъ 5 милліардовъ кубическихъ метровъ въ секунду, или 436 трилліоновъ въ день. Трудно представить себѣ размѣры этого движущагося моря, такъ какъ оно равняется 300.000 такихъ рѣкъ, какъ Миссисипи, но все-таки оно много уступаетъ тому огромному количеству относительно теплой воды, которая разливается по поверхности сѣверной части Атлантическаго океана. Гольфстремъ, выходящій изъ Флоридскаго пролива, доставляетъ лишь незначительную часть водъ этого потока съ высокой температурой; теченіе, которое всего болѣе способствуетъ нагрѣванію сѣверныхъ морей, до Шпицбергена и Новой Земли, это—экваторіальная вѣтвь, которая проходитъ по краю Малыхъ Антильскихъ и Багамскихъ острововъ, чтобы на югѣ Бермудскаго архипелага соединиться съ Гольфстремомъ [1]).

При своемъ входѣ въ Караибское море, вѣтры имѣютъ не совсѣмъ то же среднее направленіе, какъ океанское теченіе: въ то время, какъ воды движутся съ юго-востока на сѣверо-западъ, пассатные вѣтры дуютъ почти всегда съ востока на сѣверо-востокъ, и штили случаются очень рѣдко; далѣе, около центра бассейна, они становятся болѣе обыкновенными. Точно также въ Мексиканскомъ заливѣ атмосфера чаще всего бываетъ спокойна около середины этой почти круглой водной площади. Что касается до девіацій пассатнаго вѣтра, то онѣ происходятъ главнымъ образомъ по сосѣдству съ берегами, вслѣдствіе нагрѣванія земли солнечными лучами; отклоненный отъ своего правильнаго пути, вѣтеръ дуетъ обыкновенно въ сторону ближайшаго побережья. Вблизи материка Венецуэлы сѣверо-восточный пассатъ сохраняетъ свое направленіе, тогда какъ вдоль Центральной Америки онъ часто переходитъ прямо въ восточный, а у береговъ Ямайки и Кубы дуетъ съ юго-востока. На окружности Мексиканскаго залива бахрома береговыхъ вѣтровъ часто оріентируется по линіямъ, перпендикулярнымъ къ побережью, дуя съ юга на берега Соединенныхъ Штатовъ, а съ сѣвера—на берега Юкатана; но самое большое нарушеніе правильнаго порядка вѣтровъ производятъ внезапные порывы сѣвернаго вѣтра, который спускается прямо съ полярныхъ областей по Миссисипской долинѣ, увлекая съ собою всю массу воздуха. Вѣтеръ этотъ имѣетъ большое сходство съ *bora* Адріатическаго моря и съ мистралемъ французскаго Средиземнаго моря: то же сѣверное происхожденіе, та же внезапность появленія, та же сила, та же учащенность въ зимніе мѣсяцы года.

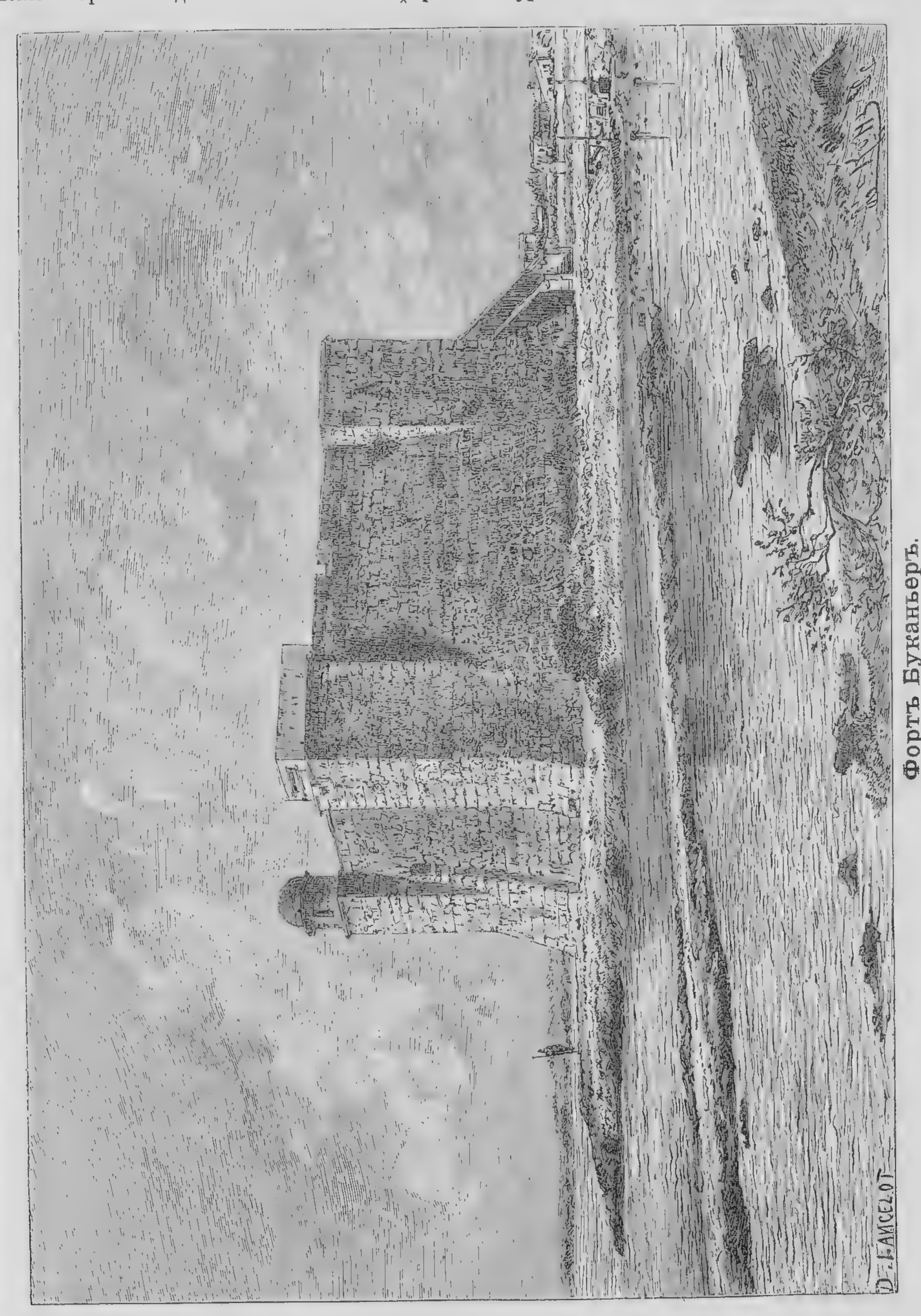
Ураганы также принадлежатъ къ числу явле-

[1]) Sallot des Noyers, „Mer des Antilles et Golfe du Mexique".

[2]) Hilgard;—Alex. Agassiz, цитированное сочиненіе.

[1]) Alexander Agassiz, цитированное сочиненіе.

ній Американскаго Средиземнаго моря, и самое названіе ихъ (*hurakan, huiranvucan*), карибскаго происхожденія, доказываетъ, что европейскіе моряки видѣли въ нихъ атмосферическое волненіе, свойственное спеціально Антильскому морю. Главный путь этихъ метеоровъ почти совпадаетъ съ цѣпью Малыхъ Антильскихъ и Багамскихъ острововъ; но, достигнувъ крайней выпуклости своей дуги въ юго-восточной области Соединенныхъ Штатовъ, они направляются къ сѣверо-востоку и разсѣиваются по Европѣ въ болѣе слабой формѣ. Обыкновенная ось урагана въ Антильскихъ моряхъ сливается съ линіей безъ склоненія магнитной стрѣлки, направляющейся отъ Гвіаны къ Южной Каролинѣ черезъ Сентъ-Винцентъ и Порто-Рико; быстрота, съ которой метеоръ проносится надъ Антильскимъ моремъ, колеблется между двумя

Фортъ Буканьеръ.

и четырьмя днями. Самыми отдаленными отъ этой оси частями американскаго Средиземнаго моря являются тѣ морскія пространства, гдѣ ураганы составляютъ рѣдкое явленіе: часто повторяютъ, что Тринидадъ, южные Антильскіе острова, принадлежащіе голландцамъ, берегъ материка и заливы Перешейковъ, Гондураса и Вера-Круцъ находятся внѣ зоны ургановъ; но это не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ въ портахъ Панамы, Колона и около Блюфильдса не разъ бывали кораблекрушенія; эти катастрофы случаются здѣсь все-таки довольно рѣдко. Говорятъ также, что ураганы бываютъ только въ концѣ лѣта и въ началѣ осени, въ то время, когда сильно нагрѣтая поверхность Южной Америки привлекаетъ къ себѣ болѣе холодный и плотный воздухъ сѣвернаго материка. Дѣйствительно, августъ можетъ считаться по преимуществу мѣсяцемъ ураганов, и болѣе двухъ третей этихъ воздушныхъ круговоротовъ приходится на время отъ іюля до октября, но эти явленія наблюдались также и въ другіе мѣсяцы. Рѣдко случается, чтобы годъ прошелъ безъ бѣдствія въ томъ или другомъ мѣстѣ обычной области ураганов, о которыхъ очевидцы разсказываютъ ужасныя исторіи. Дома срываются съ земли, словно деревья, крѣпости разрушаются, суда выбрасываются на землю, а на обработанныя поля низвергаются груды камней; разбитые островки превращаются въ рифы, а нагроможденные другъ на друга кайосы—въ островки. «Великій ураганъ» 10 октября 1786 года сокрушилъ многіе города, потопилъ цѣлые флоты и, общностью несчастія, помирилъ французовъ и англичанъ, приготовлявшихся вступить другъ съ другомъ въ рѣзню.

Движенія вѣтровъ и морскихъ теченій, постоянно смѣшивающихъ воды Атлантическаго океана съ водами американскаго Средиземнаго моря, не уравновѣшиваютъ, однако, въ нихъ ни содержимости соли, ни температуры. Кружась въ Антильскихъ моряхъ, какъ въ огромномъ котлѣ, теченіе, задерживаемое промежуточными мысами и порогами, а потому дольше остающееся подъ тропическимъ поясомъ, должно имѣть болѣе высокую температуру, чѣмъ воды открытаго океана; испаренія тамъ относительно болѣе сильныя, вслѣдствіе чего увеличивается и соленость воды. Сравненія, сдѣланныя между водами Юкатанскаго пролива и Атлантическаго океана, подъ той же широтой, внѣ цѣпи Антильскихъ острововъ, доказали, что въ водахъ внутренняго моря температура выше, а содержимость соли больше; то же самое наблюдается въ пространствахъ Антильскаго моря и Мексиканскаго залива, которымъ Сентъ-Клэръ Девилль далъ названіе «тепловыхъ полюсовъ», такъ какъ вода, нейтрализуемая противными теченіями, сохраняется тамъ относительно въ спокойномъ состояніи и нагрѣвается болѣе, чѣмъ сосѣднія воды. Но между Атлантикой и Антильскимъ Средиземнымъ моремъ разница въ температурѣ воды главнымъ образомъ наблюдается на глубинахъ: это то же самое явленіе, которое замѣтно въ Средиземномъ морѣ Стараго Свѣта. Проходя через пороги, отдѣляющіе океанъ отъ боковыхъ бассейновъ, океанская водная масса стремится въ глубины сосѣдняго моря, сохраняя при этомъ ту же самую температуру, какую имѣла при своемъ входѣ. Подъ толщей же въ 1.460 метровъ водные слои Атлантики имѣютъ опредѣленную температуру въ 4°,16: такую же температуру находятъ на самой большой глубинѣ Антильскаго моря и даже во рву Бартлетта, т. е. на глубинѣ болѣе чѣмъ въ 6.000 метровъ, тогда какъ въ Атлантикѣ, гдѣ холодныя полярныя воды текутъ подъ тепловатыми водами поверхности и покоятся на морскомъ ложѣ, температура въ глубинѣ его понижается до 3°, 2° и даже до 1°,67 по стоградусному термометру [1]).

Въ отношеніи флоры Антильское Средиземное море отличается поразительнымъ обиліемъ саргассовыхъ водорослей, которымъ дали названіе «тропическаго винограда». Онъ покрываетъ воды безконечною сѣтью, которая колышется вмѣстѣ съ водами морскихъ приливовъ и отливовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ надъ «впадиной Дѣвъ» или у Порто-Рико, онъ разросся на такомъ огромномъ пространствѣ, что эти мѣста справедливо называютъ «морскими лугами». Растеніе это не исключительно морскаго происхожденія,—оно растетъ также на скалахъ Антильскихъ и Багамскихъ острововъ и на рифахъ Флориды; но ботаники, изслѣдовавшіе «Саргассовое море», не могли точно опредѣлить способъ его размноженія; повидимому, оно развивается отростками, отрываемыми отъ растенія-матери движеніемъ волнъ.

Еще недавно морская фауна антильскихъ водъ считалась извѣстной въ главныхъ чертахъ. Натуралисты описывали китообразныхъ, рыбъ, черепахъ, ракообразныхъ, моллюсковъ и другія животныя формы поверхностныхъ водъ, начиная съ ламантиновъ (Manatus americanus) и кончая аргонавтами или «португальскими кораблями»; но они утверждали, что въ мрачныхъ глубинахъ морскихъ пучинъ органическая жизнь отсутствуетъ. Новѣйшія изслѣдованія, предпринятыя съ цѣлью изученія американскихъ береговъ, значительно обогатили знанія зоологовъ, пополнивъ коллекцію многими новыми экземплярами. Такъ, въ половинѣ этого столѣтія были извѣстны только 20 породъ ракообразныхъ животныхъ, принадлежащихъ антильскимъ водамъ, а экскурсіи корабля *Blake*, дѣлавшаго изслѣдованія

---

[1]) Alexander Agassiz, цитиров. сочиненіе

морскаго дна на глубинѣ болѣе 4.000 метровъ, дали наукѣ 40 новыхъ родовъ, заключающихъ себѣ 150 видовъ. Пурталесъ первый изучилъ фауну въ глубинахъ скалистаго плато, на которомъ стоятъ рифы Флориды и которому даютъ теперь названіе этого изслѣдователя; эта фауна поражаетъ богатствомъ своихъ формъ, отчасти сходныхъ съ ископаемыми предшествующей геологической эпохи, и заключаетъ въ себѣ множество фосфоресцирующихъ видовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ морское ложе сплошь покрыто живыми организмами; въ проливахъ Малыхъ Антильскимъ острововъ, близъ Гваделупы и острововъ Святыхъ, Санъ-Винцента, Барбадоса, тянутся настоящіе лѣса *pentacrini*, колышащіеся на днѣ, подобно воднымъ растеніямъ на болотѣ. Единственныя подводныя пространства, откуда батометръ не приноситъ никакихъ животныхъ, это—дно проливовъ, выметаемыхъ сильными теченіями; таковы Флоридскій каналъ и проливъ «Виндъ-Уардъ». Контрастъ между фаунами поверхности и глубины американскаго Средиземнаго моря гораздо разительнѣе, чѣмъ это наблюдается въ холодныхъ или даже въ умѣренныхъ моряхъ. Это обусловливается большою разностью между температурами поверхности и дна: въ морѣ замѣчается такое же распредѣленіе породъ ярусами, какъ и на склонахъ высокихъ горъ жаркаго пояса [1]).

Природа дна и береговъ американскаго Средиземнаго моря представляетъ гораздо больше разнообразія, чѣмъ въ Атлантическомъ океанѣ, такъ какъ тамъ условія среды разнообразнѣе. Илистые осадки, занимающіе среднюю часть обоихъ бассейновъ, состоятъ главнымъ образомъ изъ остатковъ птероподовъ, тогда какъ землистые слои преобладаютъ на окружности побережья; нѣкоторые берега окаймлены также кремнистымъ пескомъ, а коралловый илъ и известнякъ окружаютъ рифы и служатъ продолженіемъ многихъ полуострововъ, между прочимъ—Юкатана и Флориды. Кораллы отвоевали себѣ огромное пространство, которое можетъ быть исчислено въ одну четверть всей морской поверхности; ихъ-то неустанной работѣ и слѣдуетъ приписать образованіе тѣхъ известняковыхъ плато, которыя съ обѣихъ сторонъ суживаютъ проливы, а равно и тѣхъ площадей, которыя затопляются высокими приливами, и присутствіе которыхъ обнаруживаютъ лишь песчаныя дюны, какъ Соляной островокъ, или бордюры изъ корнепусковъ, какъ Анегада и опасный рифъ Подковы, соединяющій ее съ Дѣвичьими островами. Болѣе половины кубанскихъ береговъ, разные архипелаги Багамскихъ острововъ, восточные земли Микро-Антилій, выставленныя морской зыби, и наконецъ Бермудскіе острова, лежащіе въ открытомъ океанѣ,—все это продукты труда кораллов.

Земная флора и фауна Большихъ и Малыхъ Антильскихъ острововъ представляютъ для натуралистовъ большой интересъ, съ одной стороны—своими контрастами и сходствами, наблюдаемыми на смежныхъ островахъ, а съ другой—выводами, которые онѣ позволяютъ сдѣлать относительно прежняго состоянія ближайшихъ другъ къ другу земель, т. е. были ли послѣднія первоначально сплошными или раздѣльными. Большое различіе видовъ на различныхъ островахъ признавалось за доказательство продолжительной разобщенности антильскихъ земель: каждый островъ имѣетъ свои особенныя растительныя и животныя формы, и если характерные типы трехъ Америкъ: Сѣверной, Южной и Центральной, встрѣчающіеся на этихъ земляхъ, и свидѣтельствуютъ о существовавшемъ нѣкогда сообщеніи черезъ перешейки, то во всякомъ случаѣ переселенія растеній и животныхъ должны были происходить до третичной эпохи; и если Антильскій архипелагъ и былъ когда-нибудь перешейкомъ, соединявшимъ сѣверный и южный континенты, то развѣ только въ теченіе короткаго промежутка времени, а не цѣлаго геологическаго періода. Специальная фауна каждаго острова главнымъ образомъ отличается необыкновеннымъ развитіемъ земныхъ моллюсковъ: въ этомъ отношеніи Антильскіе острова представляютъ единственную область въ мірѣ. Можно сказать, что каждый изъ острововъ сдѣлался для этихъ животныхъ формъ особымъ центромъ творенія; однако, Большіе Антильскіе острова, до Дѣвичьихъ острововъ, должны были въ отдаленную эпоху соединяться съ Мексикой, тогда какъ Малые Антильскіе свидѣтельствуютъ о давнихъ сообщеніяхъ сухимъ путемъ, съ одной стороны, съ Венецуэлой, а съ другой—съ Гвіанами [1]).

Птицы, которыя, по большей части, благодаря крыльямъ, легко переходятъ проливы, могли распространяться съ одного острова на другой, обнимая большую область распространенія. Бывали даже примѣры, что иные виды пернатыхъ переносились ураганами черезъ широкіе морскіе заливы: такъ по единогласному свидѣтельству рыбаковъ, неизвѣстные на о. Гваделупѣ до 1685 г. пеликаны были занесены туда ураганомъ, захватившимъ ихъ въ своемъ вихрѣ [2]). Что касается до птицъ слабаго полета, такъ называемыхъ порхающихъ, то онѣ имѣютъ на Антильскихъ островахъ особыхъ представителей. Если есть такіе виды антильскихъ колибри, которые лѣ-

---

[1]) Alexander Agassiz, „Cruise of the „Blake".

[1]) Bland, „Geology and Physical Geographie of the West Indies";—Thomas Belt, „The Naturalist in Nicaragua".

[2]) Caspari, „Revue Maritime et Coloniale". Октябрь, 1877.

томъ долетаютъ даже до Соединенныхъ Штатовъ и Канады, то встрѣчаются, въ свою очередь, и такіе, которые не попадаются нигдѣ, кромѣ родныхъ имъ острововъ. На Антильскихъ островахъ встрѣчается пятнадцать самостоятельныхъ видовъ этихъ птицъ, принадлежащихъ къ восьми различнымъ родамъ, изъ которыхъ пять не имѣютъ своихъ представителей даже на сосѣднемъ континентѣ; Багамскимъ островамъ свойственны два особыхъ вида колибри [1]), которыхъ не находятъ даже во Флоридѣ, несмотря на близость разстоянія. Въ своей совокупности фауна птицъ на Антильскихъ островахъ имѣетъ южно-американскій характеръ. Что касается до земныхъ пресмыкающихся, то ихъ типъ приближается къ однороднымъ животнымъ Центральной Америки и Мексики; но замѣтили очень интересные примѣры спеціализаціи: таковы, между прочимъ, одинъ видъ игуаны, встрѣчающійся исключительно на Гаити и на небольшомъ островѣ де-ла-Наваца, и одинъ видъ копьеголовыхъ змѣй, куфія, живущій на Санта-Люсіи, Санъ-Винцентѣ [2]), Мартиникѣ и на Малой Мартиникѣ, но на другихъ Антильскихъ островахъ неизвѣстный. Немногочисленныя млекопитающія животныя, найденныя во время завоеванія на Большихъ Антильскихъ островахъ и на сосѣднихъ съ ними архипелагахъ, также были виды, свойственные этимъ областямъ, грызуны, принадлежащіе къ характернымъ группамъ Южной Америки; живущій на островѣ Куба такъ называемый щелезубъ (almiqui, solenodon cubanus) принадлежитъ къ семейству насѣкомоядныхъ, имѣющему другихъ представителей только на Мадагаскарѣ [3]).

Изъ совокупности наблюденій надъ антильской флорой и фауной выходитъ, что Большіе Антильскіе и Багамскіе острова составляютъ часть той же области, какъ и Южная Флорида до Эвергледскихъ болотъ, но имѣютъ очень мало сродства съ Соединенными Штатами въ собственномъ смыслѣ: аналогія констатирована съ Мексикой, Гондурасомъ и другими территоріями Центральной Америки. Подобнымъ же образомъ и подводная фауна въ глубинахъ Антильскаго моря имѣетъ болѣе аналогіи съ фауной Великаго океана, чѣмъ съ фауной Атлантическаго: если проходы, существующіе теперь черезъ цѣпь Малыхъ Антильскихъ острововъ, способствуютъ смѣшенію поверхностной фауны смежныхъ острововъ, то фауна глубинъ доказываетъ, что до мѣловаго періода различные острова, составляющіе въ настоящее время длинную ленту Центральной Америки, раздѣлялись широкими морскими заливами и болѣе глубокими брешами.

[1]) Alfred R. Wallace, „Humming-birds“, Fortnightly Review, 1-го декабря 1877 г.
[2]) Owen Bulkeley, „The Antilles“.
[3]) Alexander Agassiz, цитиров. сочиненіе.

Происхожденіе имени Антильскихъ острововъ, даннаго землямъ, растянувшимся по одной линіи между двумя континентами Сѣверной и Южной Америкъ, восходитъ къ эпохѣ, предшествовавшей открытію Новаго Свѣта. Антиліей называли одинъ изъ острововъ Темнаго океана, изображавшійся то въ видѣ архипелага, то въ видѣ сплошной большой земли, который блуждалъ на картахъ между Канарскими островами и Индіей Юго-Восточной Азіи. По мѣрѣ расширенія изслѣдованнаго пространства, Антилія была отодвигаема дальше къ западу: путешествіе Христофора Колумба и появленіе Новаго Свѣта по ту сторону Атлантическаго океана фиксировали мѣстоположеніе этихъ блуждавшихъ острововъ, и съ тѣхъ поръ въ этихъ разсѣянныхъ земляхъ «Западной Индіи» стали признавать Антильскіе острова. Это несомнѣнно «передовые острова» Америки, допуская, вмѣстѣ съ большинствомъ этимологовъ, что имя Антилія дѣйствительно имѣетъ этотъ смыслъ; но невѣжественные моряки придали ему другое значеніе, руководясь исключительно созвучіемъ словъ. На многихъ старыхъ картахъ острова американскаго Средиземнаго моря обозначены подъ названіемъ «Лантиль», что означаетъ «Чечевицы», и многіе необразованные люди считали это названіе болѣе вѣрнымъ, принимая во вниманіе относительно незначительные размѣры и огромное количество острововъ, островковъ и рифовъ, усѣивающихъ голубыя воды моря.

Подобно различнымъ видамъ животныхъ, и люди, населявшіе Антильскіе острова въ 1492 г., во время прибытія Христофора Колумба, состояли изъ иммигрантовъ, пришедшихъ сюда съ трехъ континентовъ—сѣвернаго, западнаго и южнаго. Хотя эти населенія уже исчезли, за исключеніемъ караибовъ, смѣшанные потомки которыхъ обитаютъ на Гондурасскомъ побережьѣ, но не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно многообразнаго происхожденія первобытныхъ островитянъ, различавшихся по островамъ и соотвѣтственно ихъ близости къ материку: нѣкоторые признаки, разсказы и описанія испанскихъ лѣтописцевъ, преданія и нравы туземцевъ и дошедшія до нашего времени кое-какія свѣдѣнія объ ихъ идіомахъ, позволили этнологамъ возстановить, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ Антильскихъ острововъ, исторію доисторическихъ переселеній ихъ обитателей.

Современное населеніе Антильскихъ острововъ, въ главныхъ своихъ элементахъ,—очень смѣшаннаго происхожденія. Заселенію этихъ острововъ еще больше, чѣмъ Америка, способствовали Европа, Африка и Азія: китайцы и индусы, которыхъ Колумбъ предполагалъ встрѣтить въ Новомъ Свѣтѣ, дѣйствительно, пришли туда, и почти на каждомъ островѣ суще-

ствуетъ ихъ колонія. Африканцы, составляющіе численное большинство въ новомъ населеніи Антильскихъ островов, принадлежатъ ко всѣмъ народамъ «чернаго» материка; невольничьи суда всевозможныхъ національностей, торговавшія неграми, похищенными или купленными на африканскихъ побережьяхъ, всѣ имѣли свой спеціальный рынокъ, а торговля и войны представляли достаточно случаевъ для привлеченія къ побережью негровъ изнутри страны. Со своей стороны, и бѣлые, поработившіе это невольничье населеніе и образовавшіе, посредствомъ помѣсей, господствующую на Антильскихъ островахъ расу, явились сюда изъ различныхъ частей Европы. Кастильянцы и андалузцы, потомки первыхъ завоевателей и колонистовъ, встрѣчаются здѣсь въ значительномъ числѣ, на-ряду съ эмигрантами изъ Каталоніи, изъ баскскихъ провинцій и Галисіи. Англичане, шотландцы и ирландцы, пришедшіе изъ Соединеннаго королевства, нашли здѣсь американскихъ лойялистовъ, эмигрировавшихъ послѣ провозглашенія независимости Соединенныхъ Штатовъ. Французы, голландцы, датчане, пріобрѣтя себѣ доли антильскаго міра, тоже имѣютъ своихъ представителей въ большомъ числѣ. Кромѣ того, вербовали «наемниковъ», т. е. бѣлыхъ, закрѣпощенныхъ на временное рабство, которымъ давали особыя названія соотвѣтственно продолжительности контракта: на Гаити, напримѣръ, ихъ называли «Тридцати-шести-мѣсячные». Флибустьеры, или люди «легкой наживы» [1]), морскіе разбойники, совершавшіе набѣги на испанскіе острова съ цѣлью захвата скота на пустынныхъ пляжахъ,—всѣ эти бродяги безъ страха и упрека долго господствовали въ моряхъ Вестъ-Индіи, безпрестанно пополняя свои ряды новыми грабителями, которыхъ въ насмѣшку называли «Береговыми братьями».

Политическое и соціальное устройство антильскихъ областей въ теченіе трехъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за открытіемъ Новаго Свѣта, находилось въ состояніи полнаго хаоса: между всевозможными искателями приключеній, купцами, плантаторами и солдатами, происходила жестокая борьба; человѣческая жизнь и свобода не имѣли никакой цѣны. На одномъ и томъ же островѣ враги занимали сосѣдніе мысы и, вѣчно готовые на рѣзню, зорко слѣдили другъ за другомъ, выжидая удобнаго момента для нападенія. Торговыя суда днемъ скрывались въ уединенныхъ бухточкахъ, за завѣсой корнепусковъ, а ночью робко отваживались выходить въ открытое море: всякій далекій парусъ считался подозрительнымъ, такъ какъ всѣ были пиратами по отношенію другъ къ другу. Между державами, оспаривавшими другъ у друга владѣніе Антильскими островами, почти всегда оффиціально была война, но даже, когда онѣ считались находящимися въ мирѣ, флибустьеры различныхъ націй, тѣмъ не менѣе, разоряли страну своими набѣгами для личной поживы: послѣ ихъ посѣщеній оставались только тлѣющія развалины и опустошенныя поля. И все-таки, несмотря ни на что, высокая цѣнность сахара, кофе, табака и другихъ колоніальныхъ товаровъ, доставлявшихъ вѣрные шансы на быстрое обогащеніе, постоянно привлекали сюда новыхъ спекуляторовъ, несмотря на огромный рискъ, представлявшійся для жизни въ этомъ опасномъ климатѣ, подъ вѣчнымъ страхомъ войны и мятежа. Для распашки земель и для обработки полей подъ культуру они уже не могли пользоваться услугами туземцевъ, такъ какъ туземцы эти были истреблены еще съ первыхъ лѣтъ завоеванія; въ качествѣ работниковъ, они держали невольниковъ, которые должны были работать подъ надзоромъ вооруженнаго плетью прикащика; этихъ несчастныхъ привозили изъ Африки, какъ скотъ, нагруженными, какъ сельди въ боченкѣ, въ трюмѣ судовъ; въ результатѣ такого обращенія являлась страшная смертность среди этихъ невольныхъ пассажировъ, погибавшихъ жертвой свирѣпствовавшаго тифа; въ концѣ-концовъ, душный воздухъ трюмовъ, изъ которыхъ трупы умершихъ выбрасывались на съѣденіе акуламъ, становился достаточнымъ для дыханія тѣхъ немногихъ остававшихся въ живыхъ, которые доѣзжали до мѣста.

Мало-по-малу изъ этого хаоса войнъ и рабства возникли колоніи съ миролюбивымъ населеніемъ, разнообразные первоначальные элементы котораго слились въ небольшое число типовъ; большинство принадлежатъ къ новой подрасѣ цвѣтныхъ людей, т. е. потомковъ европейцевъ и африканскихъ негритянокъ; между этими двумя расами, которыя, казалось, составляли два разныя человѣчества, произошло смѣшеніе, и дотого полное, что изъ пяти милліоновъ антильцевъ по крайней мѣрѣ три милліона являются представителями этого новаго типа: они происходятъ одновременно отъ господъ и рабовъ и самымъ существованіемъ своимъ примиряютъ эти два враждебные элемента. А между тѣмъ правительства строгими законами пытались предотвратить возможность образованія этой смѣшанной расы, населяющей въ настоящее время Антильскіе острова: хотѣли всѣми силами препятствовать заключенію этихъ союзовъ, которые дѣлали рабство еще болѣе чудовищною аномаліей и порождали новыя опасности возстанія. Французское правительство издало въ своихъ Антильскихъ колоніяхъ такое постановленіе противъ этихъ смѣшанныхъ союзовъ: каждый европеецъ, уличенный въ рожденіи ребенка-мулата, присуждался къ крупному штрафу, а самихъ дѣтей отбирали въ пріюты, безъ права выкупа или

[1]) E. Littré, „Dictionnaire de la langue française".

освобожденія ихъ [1]). Тѣ, которые пытались спастись бѣгствомъ, сажались въ тюрьмы; въ случаѣ вторичнаго проступка, имъ обрѣзали уши, а послѣ третьей попытки къ бѣгству подсѣкали поджилки [2]).

Порабощенные негры происходили изъ разныхъ странъ и слишкомъ разнились между собою въ нравахъ, языкѣ и традиціяхъ, чтобы слиться на новой землѣ въ тѣсныя группы, которыя могли бы хоть съ нѣкоторымъ успѣхомъ бороться противъ притѣсненій. Искусные въ дѣлѣ угнетенія, плантаторы заботились о томъ, чтобы партіи невольниковъ, предлагаемыя имъ негроторговцами, состояли изъ людей различныхъ по языку и происхожденію [3]): такимъ образомъ возстанія были почти невозможны, такъ какъ невольники не понимали другъ друга, или, бывшіе враги, вспоминали о прежней борьбѣ. Поступивъ на плантацію покупщика, негры обязаны были выучиться тому языку, на которомъ говорилъ ихъ хозяинъ: среди товарищей по рабству они не находили себѣ друзей или такихъ людей, съ которыми бы ихъ связывало нѣчто большее, чѣмъ общность несчастія; имъ приходилось или умирать отъ тоски, или приноравливаться къ новой жизни. Эти пріемы порабощенія объясняютъ, почему въ антильскихъ говорахъ такъ рѣдко попадаются слова африканскаго происхожденія. Но если негры не могли трудиться на пользу своей эмансипаціи, какъ отдѣльная нація, то они постепенно сплотились въ солидарное между собою сословіе, и въ 1790 г., когда мулаты Санъ-Доминго были призваны, въ качествѣ избирателей, къ осуществленію своихъ политическихъ правъ, негры почувствовали себя достаточно сильными, чтобы потребовать признанія также ихъ человѣческихъ правъ: послѣ двухлѣтней борьбы, они вынудили у метрополіи декретъ объ освобожденіи, который, восемь лѣтъ спустя, Бонапартъ пытался, но тщетно, разорвать. Это было началомъ новой эры для Антильскихъ острововъ. Послѣдовательно невольничество было отмѣнено на всѣхъ островахъ Вестъ-Индіи: въ 1832 г.—въ британскихъ колоніяхъ, въ 1848 г.—во французскихъ; заключительный актъ экономическаго преобразованія Антильскихъ острововъ свершился въ 1886 г., когда на Кубѣ былъ освобожденъ послѣдній невольникъ.

Несмотря на различіе происхожденія, «креолы» Антильскихъ острововъ, т. е. всѣ тѣ бѣлые или мулаты, которые родились на этихъ островахъ, имѣютъ между собою нѣкоторое сходство, обусловливаемое общею средою. Они обыкновенно хорошо сложены и высокаго роста, сильны и ловки, смѣлы, оживленны и умны, обладаютъ живымъ воображеніемъ и богатою фантазіею, а иногда также поражаютъ непостоянствомъ, тщеславіемъ и пустотою. Мѣстный патріотизмъ зачастую сближалъ между собою креоловъ всевозможныхъ оттѣнковъ кожи, для борьбы противъ новыхъ пришельцевъ изъ Европы. Замѣчателенъ фактъ, констатированный многими путешественниками, что негры и мулаты на каждомъ отдѣльномъ островѣ брали себѣ за образецъ своихъ прежнихъ властителей, съ которыми и раздѣляютъ хорошія качества и недостатки. Между голландскими, англійскими, французскими и испанскими неграми наблюдаются тѣ же самые контрасты, какіе существуютъ и между народами, отъ которыхъ они заимствовали языкъ и съ которыми все болѣе и болѣе сливались въ традиціяхъ и образѣ мыслей. Мартиникандца ничто не связываетъ съ Африкой: онъ болѣе французъ, чѣмъ даже тѣ кровные французы, которые уцѣлѣли еще въ нѣкоторыхъ уединенныхъ горныхъ долинахъ. Что касается языка, то онъ несомнѣнно французскій, хотя новые эмигранты вначалѣ совсѣмъ его не понимаютъ: въ своей рудиментарной формѣ онъ сводится къ нѣсколькимъ словамъ, наивно приставляемымъ одно къ другому, безъ флексіи, и всегда произносимымъ нѣжно и шепеляво. По крайней мѣрѣ онъ свидѣтельствуетъ, въ особенности въ своихъ пословицахъ,—объ удивительной наблюдательности и тонкой ироніи. Англійскій языкъ негровъ менѣе благозвученъ, чѣмъ французскій креоловъ, но онъ тоже отличается остроуміемъ и сжатостью: за исключеніемъ нѣкоторыхъ очень простыхъ фразъ, чистокровный англичанинъ тоже никогда не узнаетъ своего языка въ нарѣчіи островитянъ, живущихъ на Ямайкѣ или на Барбадосѣ. Наименѣе чистымъ жаргономъ на Антильскихъ островахъ считается *papamiento* венецуэльскихъ береговъ; главные его элементы голландскаго и испанскаго происхожденія, но въ немъ попадаются еще нѣкоторыя слова изъ карaибскаго и гоаджирскаго языковъ.

Населеніе Антильскихъ острововъ довольно значительно, и относительно пространства въ три или четыре раза больше, чѣмъ въ Мексикѣ и въ Центральной Америкѣ. Несмотря на непрерывныя войны и рабство, которое убиваетъ всякую инициативу у хозяевъ и рабовъ, Антильскіе острова представляли для коммерсантовъ и мореплавателей такія выгоды, что они должны были быстро войти въ кругъ притяженія Европы. Другія страны Новаго Свѣта, которыя тоже могли бы снабжать европейскихъ потребителей тропическими товарами, находились въ большинствѣ случаевъ гораздо дальше и отдѣлялись отъ моря низкими и небезопасными пляжами: хотя Антильскіе острова по занимаемому пространству и

[1]) Code Noir. Статья IX.

[2]) Labat, „Nouveau Voyage aux îles"; — Lepelletier de Saint-Remy, „Saint-Domingue".

[3]) Daniel Mac-Kinnen, „A Tour through the British West-Indies".

уступаютъ континентальнымъ областямъ, окружающимъ Мексиканскій заливъ и Караибское море, но очертаніе ихъ береговъ имѣетъ столь же значительное протяженіе; на нихъ есть много портовъ и хорошо защищенныхъ якорныхъ стоянокъ, и всѣ плантаціи находятся у самыхъ береговъ, такъ что суда могли брать грузы въ виду мѣста производства продуктовъ. До сооруженія грунтовыхъ и желѣзныхъ дорогъ и до установленія пароходства по рѣкамъ, продукты внутреннихъ странъ континента не могли конкурировать съ подобными же продуктами Антильскихъ острововъ. Наконецъ, эти острова разбросаны на слишкомъ большомъ пространствѣ, чтобы испанцы могли запретить къ нимъ доступъ и учредить тамъ такую же монополію, какою они оградили свои владѣнія на материкѣ. До конца XVIII-го вѣка Антильскіе острова были одной изъ наиболѣе посѣщаемыхъ европейскими судами частей Новаго Свѣта; въ настоящее же время они, хотя и отстали въ этомъ отношеніи отъ Соединенныхъ Штатовъ, Бразиліи и Аргентинской республики, но тѣмъ не менѣе имѣютъ большое торговое движеніе, исчисляемое болѣе чѣмъ въ полмилліарда франковъ.

Цѣнность мѣновой торговли между Антильскими островами и остальнымъ свѣтомъ въ 1890 г.:

Гаити и Санъ-Доминго—95.000.000 франк., испанскіе Антильскіе острова—300.000.000, англійскіе Антильскіе острова—155.000.000, французскіе Антильскіе острова—80.000.000, другіе Антильскіе острова—30.000.000 франковъ. Итого—660.000.000 франковъ.

Пароходныя сообщенія связываютъ эти острова другъ съ другомъ густой сѣтью линій, а главные изъ нихъ соединены съ американскимъ континентомъ и съ Европой посредствомъ подводныхъ кабелей.

Политическое распредѣленіе Антильскихъ острововъ совершилось не согласно съ естественной ихъ группировкой. Двѣ независимыя республики, Гаити и Санъ-Доминго, занимаютъ большой центральный островъ, отдаленный отъ республиканскихъ государствъ материка; Испанія удержала за собою Кубу, отъ которой Порто-Рико и смежные острова отдѣлены островомъ Санъ-Доминго; англійскія владѣнія расположены по обѣ стороны Кубы: съ одной—Ямайка и Кайманскіе острова, а съ другой—Багамскіе и Бермудскіе, лежащіе въ открытой Атлантикѣ; кромѣ того, у Англіи есть нѣсколько острововъ среди Малыхъ Антильскихъ; нѣкоторые острова той же цѣпи принадлежатъ Франціи; Данія владѣетъ нѣкоторыми изъ Дѣвичьихъ острововъ, а Нидерланды пріобрѣли владѣнія въ группѣ Малыхъ Антильскихъ острововъ и въ цѣпи, прилегающей къ Венецуэльскому побережью. Что касается до административнаго устройства, то оно разнится, соотвѣтственно сюзеренной націи, отъ которой зависятъ острова. Такъ, испанскія и французскія земли уподобляются въ этомъ отношеніи метрополіи, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это позволяетъ дальность разстоянія; но ни одна изъ англійскихъ колоній Антильской области не пользуется политической автономіей, дарованной Канадѣ и штатамъ Австраліи: англійскіе Антильскіе острова составляютъ владѣнія Великобританіи, изъ которыхъ одни имѣютъ представительную форму правленія и пользуются правомъ подавать петиціи и ремонстраціи, а другія лишены даже и этой фикціи свободы, и всѣ управляются неотвѣтственными учрежденіями, зависящими отъ воли королевы. Неограниченное право плантаторовъ надъ своими рабами перешло, въ нѣсколько смягченной формѣ, къ британскому правительству.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ Антильскихъ острововъ,—безъ Тринидада, Тобаго и венецуэльскихъ острововъ, съ—ихъ политическимъ режимомъ:

Острова.	Государства и владѣнія.	Политическое правленіе.
Независимые острова	Гаити.	Республика.
	Санъ-Доминго.	„
Испанскіе острова	Куба, Пуэрто-исла-де-Пиносъ, Пуэрто-Рико, и пр.	Ассимилированныя колоніи.
Англійскіе острова	Бермудскіе, Багамскіе; Турецкіе, Сентъ-Кильтъ и Невисъ, Антигуа, Доминика, Сентъ-Винцентъ, Грепада и Гренадины, Барбадосъ и Ямайка.	Съ представительными учрежденіями, но безъ отвѣтственнаго правительства.
	Дѣвичьи острова, Монсерратъ, Санта-Люсія.	Безъ представительныхъ учрежденій.
Французскіе острова	Сенъ-Бартелеми. Гваделупа и др. Мартиника.	Ассимилированныя колоніи.
Раздѣленный островъ	Сентъ-Мартинъ. (Франція и Нидерланды).	Смѣшанная система.
Нидерландскіе острова	Св. Евстафія. Саба.	Безъ отвѣтственнаго правительства.
Датскіе острова	Св. Ѳомы. Св. Іоанна. Св. Креста.	Безъ отвѣтственнаго правительства.

Глава VII

Куба.

Этотъ островъ, самый большой изъ всѣхъ Антильскихъ острововъ, занимающій господствующее географическое положеніе между Мексиканскимъ заливомъ и Караибскимъ моремъ, представляетъ собою первую крупную территорію, которую Колумбъ открылъ въ Новомъ Свѣтѣ; впрочемъ, онъ съ необыкновеннымъ упорствомъ считаетъ этотъ островъ полуостровомъ Стараго Свѣта, таинственнымъ Зипанго крайней Азіи. Гдѣ высадился Колумбъ,—точнымъ образомъ не извѣстно, такъ какъ его путевой дневникъ даетъ объ этомъ весьма неопредѣленныя указанія, а такъ какъ истинное положеніе Гуанахани, откуда онъ отправился къ большому острову, неизвѣстно, то невозможно съ увѣренностью начертить тотъ маршрутъ, котораго держался великій мореплаватель. По сообщеніямъ Ласъ-Казаса и Херреры, какъ разъ у восточной оконечности острова, именно въ Баракоа, Колумбъ впервые и увидѣлъ «прекраснѣйшія изъ всѣхъ земель, какія представлялись когда-либо человѣческимъ взорамъ»; Наваррета предполагаетъ, что первымъ кубанскимъ портомъ, куда вошли каравеллы Колумба, была гавань Ниnе, а Вашингтонъ Ирвингъ, ища еще западнѣе, указываетъ на портъ Нуевитасъ, какъ на первую станцію Колумбовой экспедиціи [1]. Какъ бы то ни было, Колумбъ въ 1492 г., во время своего перваго путешествія, открылъ значительную часть сѣверо-восточнаго берега; затѣмъ, во вторичную экспедицію, въ 1494 г., онъ объѣхалъ южное побережье со всѣми его заливами и входами до бухты, носящей въ настоящее время названіе Кортесъ и находящейся недалеко отъ западной оконечности острова. Здѣсь-то именно, всего въ какихъ-нибудь ста километрахъ отъ крайняго мыса, Колумбъ собралъ весь свой экипажъ, чтобы заручиться его свидѣтельствомъ, что Куба не островъ, а часть материка. Тѣмъ не менѣе ему все-таки нѣкоторая часть экипажа отвѣчала сомнѣніями, такъ что онъ прибѣгнулъ даже къ угрозѣ: всякое противорѣчащее ему мнѣніе могло стоить матросу потери ушей или языка. Такимъ образомъ, по приказу адмирала, Куба значилась азіатскимъ полуостровомъ до 1508 г., т. е. до той эпохи, когда Окампо, плавая вдоль сѣверныхъ береговъ Кубы, достигъ мыса Санъ-Антоніо и объѣхалъ вокругъ острова черезъ Юкатанскій проливъ. Три года спустя испанцы овладѣли Кубой и основали тамъ первый городъ—Баракоа: тогда, для довершенія открытія, оставалось только изслѣдовать внутреннія части острова. Мало-по-малу наблюденія мореплавателей дали возможность сдѣлать правильное, опредѣленное очертаніе островныхъ береговъ; а затѣмъ съ начавшеюся культурою, постройкою городовъ и проложеніемъ путей сообщенія,—что требовало частныхъ плановъ и кадастра,—составилась болѣе или менѣе точная карта самаго острова, хотя не было еще приступлено къ геодезическимъ работамъ, необходимымъ для составленія топографической карты, какою владѣетъ Западная Европа. Въ первые годы открытія островъ перемѣнилъ много названій, какъ-то: Жуана, Фернандина, Сантъ-Яго, Аве-Марія, Альфа-и-Омега; но всѣ они забыты, а упрочилось одно только туземное названіе Кубанаканъ, подъ которымъ была извѣстна одна часть центральной области въ нынѣшнемъ округѣ «Пяти Городовъ» [1]; впослѣдствіи это названіе приняло испанское окончаніе Куба, но флибустьеры долгое еще время называли островъ на французскій ладъ—Кувъ (Couve) или Кубъ (Coube). Точно также въ географической номенклатурѣ страны сохранилась большая часть прежнихъ наименованій округовъ и провинцій, полученныхъ отъ первобытныхъ, теперь уже исчезнувшихъ, народовъ, населявшихъ острова.

По своей конфигураціи Куба является единственнымъ островомъ среди всей американской группы: испанскіе географы часто сравнивали его съ «языкомъ птицы». Отъ мыса Пунта-де-Маиси до мыса Санъ-Антоніо онъ описываетъ кривую въ 1.450 километровъ, не включая сюда тысячи извилинъ берега, обращеннаго своей выпуклостію къ сѣверу; ширина же его въ среднемъ не превышаетъ ста километровъ. Но характерной чертой географіи этого острова является контрастъ его береговъ: одинъ изъ нихъ, который можно бы было назвать фундаментомъ острова, тянется съ востока на западъ отъ Пунта-де-Маиси до мыса де-Круцъ, параллельно горной цѣпи Сіерра-Маэстра, образующей костякъ острова;

[1]) Miguel Rodriguez-Ferrer, „Naturaleza y Civilizacion de La grandiosa isla de Cuba".

[1]) Pichardo;—Ramon de la Sagra;—Fr. Coello;—Justo Zaragoza и др.

другой обнимаетъ все остальное побережье, какъ сѣверное, такъ и южное, и имѣетъ въ общемъ весьма перемѣнчивый и неопредѣленный характеръ, вслѣдствіе своихъ рифовъ, мелей, прибрежныхъ островов и островковъ. Фундаментальный берегъ отличается прямолинейностью своей оси; продолженіе его образуетъ въ морѣ острова Кайманъ, а затѣмъ цѣлый рядъ банокъ Мистеріоза и глубокій порогъ между двумя рвами, Бартлеттскимъ—съ юга и Юкатанскимъ — съ сѣвера: даже главную цѣпь Британскаго Гондураса, горы Кокскомбъ, можно считать за составную часть этой прямой линіи кубанскаго рельефа. Что касается до другихъ береговъ большаго острова, то они нигдѣ не имѣютъ прямолинейнаго очертанія, а напротивъ извиваются неправильными кривыми линіями и образуютъ неровную бахрому; во многихъ мѣстахъ берегъ, окаймленный кораллами или болотами, представляетъ такую неясную линію, что ее невозможно даже было начертать точнымъ образомъ. Общую длину линіи кубанскихъ береговъ, не считая тысячи мелкихъ изсѣченій и внѣшней каймы рифовъ, Пихардо опредѣляетъ въ 3.500 километровъ, такъ что протяженіе ея равно разстоянію отъ Парижа до Баку, по прямой линіи: на большой картѣ Эстебана Пихардо, состоящей изъ 22 листовъ, вся окружность [1]), по тщательному измѣренію, превышаетъ 11.000 километровъ. Поверхность Кубы опредѣленно измѣрена Коелло въ 112.191 квадратный километръ; съ двойнымъ островомъ де-Пиносъ и другими небольшими островами обоихъ побережій она занимаетъ 118.833 квадратныхъ километра, т. е. почти такое же пространство, какъ всѣ остальные Антильскіе острова, взятые вмѣстѣ: островъ Куба по величинѣ превосходитъ Португалію и представляетъ почти четвертую часть всей Испаніи.

Будучи по объему самымъ большимъ островомъ изъ всей группы Антильскихъ островов, Куба по высотѣ уступаетъ нѣкоторымъ другимъ: Санъ-Доминго имѣетъ болѣе высокія вершины, и общій его рельефъ гораздо значительнѣе кубанскаго. Куба имѣетъ лишь одну горную цѣпь: это—Сіерра-Маэстра, или «Главная цѣпь», которая круто вздымается надъ волнами въ юго-восточной части острова, къ сѣверу отъ широкаго пролива, отдѣляющаго Кубу отъ Ямайки. Она начинается острымъ мысомъ де-Круцъ и, быстро вздымаясь террасами, достигаетъ и даже превосходитъ, въ Ойо-дель-Торо, или «Источникѣ Быка», высоту въ тысячу метровъ. Далѣе цѣпь подымается еще выше, и самая высокая ея вершина, извѣстная подъ именемъ Пико-де-Таркино, можетъ-быть, вѣрнѣе Туркино, т. е. «Голубая Гора»)[1]), имѣетъ, по различнымъ исчисленіямъ географовъ и мореплавателей, высоту отъ 2.089 до 2.560 метровъ [2]). Въ этой кульминаціонной своей части горы, очень крутыя со стороны моря, опираются внутри острова на широкое плоскогорье, склонъ котораго, изрытый оврагами, спускается въ долину Кауто; послѣ того главная цѣпь, получающая, благодаря своимъ руднымъ залежамъ, названіе Сіерры-дель-Кобре, или «Мѣдной», суживается и понемногу понижается; къ сѣверу отъ города Сантъ-Яго-де-Куба, она развертывается амфитеатромъ и оканчивается въ болотахъ Гуантанамо. Одна изъ горъ Сіерры-дель-Кобре носитъ названіе Гранъ-Пьедра (1.580 метровъ), отъ глыбы конгломерата, нависшей на ея вершинѣ, надъ обрушившимися слоями. Горы Сіерра-Маэстра состоятъ изъ діорита и порфира, покрытыхъ скалами третичной формаціи, а около Сантъ-Яго встрѣчаются также трахитъ и базальтъ, но нигдѣ не видно ни недавней лавы, ни пепла, ни пемзы, ни кратеровъ. Въ этой части острова землетрясенія бываютъ всего чаще и колеблютъ почву всего сильнѣе.

Поперечная впадина отдѣляетъ остальной островъ отъ Сіерры-Маэстра и плоскогорья, служащаго ей подножіемъ; горы, возвышающіяся безпорядочными массами на восточной оконечности Кубы, составляютъ отдѣльный массивъ. Менѣе правильныя въ своемъ направленіи, эти горы, начинающіяся на самомъ концѣ мыса Маиси, разрѣзаны рѣками на нѣсколько второстепенныхъ группъ, образующихъ во многихъ мѣстахъ узкіе хребты, «ножи», или *cuchillas*. Нѣкоторыя вершины своими мощными массами выступаютъ за зубчатый профиль болѣе низкихъ кряжей. Неподалеку отъ конечнаго мыса возвышается великолѣпный усѣченный конусъ *Yunque*, или «Наковальня», Баракоа, высотою въ тысячу метровъ. Затѣмъ горы продолжаются неправильными массивами, оріентированными параллельно сѣверному берегу острова: повсюду виднѣются гранитныя скалы, освободившіяся отъ известняковыхъ пластовъ, нѣкогда покрывавшихъ ихъ, но нигдѣ онѣ не образуютъ величественныхъ пиковъ. Въ своей совокупности горный рельефъ понижается постепенно къ западу, и въ серединѣ острова почва уже не имѣетъ никакой выпуклости: корпусъ острова, суживающійся въ этомъ мѣстѣ всего до 75 километровъ ширины, занятъ отчасти прибрежными болотами, съ промежуточными низкими равнинами. До сооруженія желѣзной дороги, соединившей оба берега, проложенная черезъ лѣсъ «тропа» или *trocha* считалась раздѣльной линіей между двумя половинами

[1]) D. Aitoff, рукописн. замѣтки.

[1]) Poey, „Memorias sobre la historia natural de la isla de Cuca".

[2]) Miguel Rodriguez-Ferrer, цитированное сочиненіе.

Кубы; во время возстанія, вслѣдствіе котораго островъ едва не былъ отнятъ у испанцевъ, войска метрополіи загородили тропу рядомъ небольшихъ крѣпостей для того, чтобы закрыть республиканцамъ восточнаго массива дорогу въ западные города и плантаціи.

За этою среднею впадиною снова начинаются горы или, скорѣе, холмы, имѣющіе лишь незначительную высоту: большинство хребтовъ и питоновъ возвышаются всего на двѣсти или триста метровъ, но ихъ крутые откосы и глубокія разсѣлины въ скалахъ придаютъ величественный видъ этимъ массивамъ, раздѣленнымъ холмистыми равнинами; по Родригецу Феррера, самая высокая оконечность этой центральной области Кубы—пико-де-Потрерильо (908 метровъ)—находится къ сѣверо-западу отъ Тринидада, въ округѣ Сипко-Вильясъ на южномъ берегу острова. Если бы островъ понизился на сотню метровъ, то онъ раздѣлился бы на нѣсколько отдѣльныхъ цѣпей, подобно цѣпи Багамскихъ острововъ, и одною изъ главныхъ была бы группа земель, лежащихъ къ западу отъ центральнаго пониженія Сипко-Вильясъ.

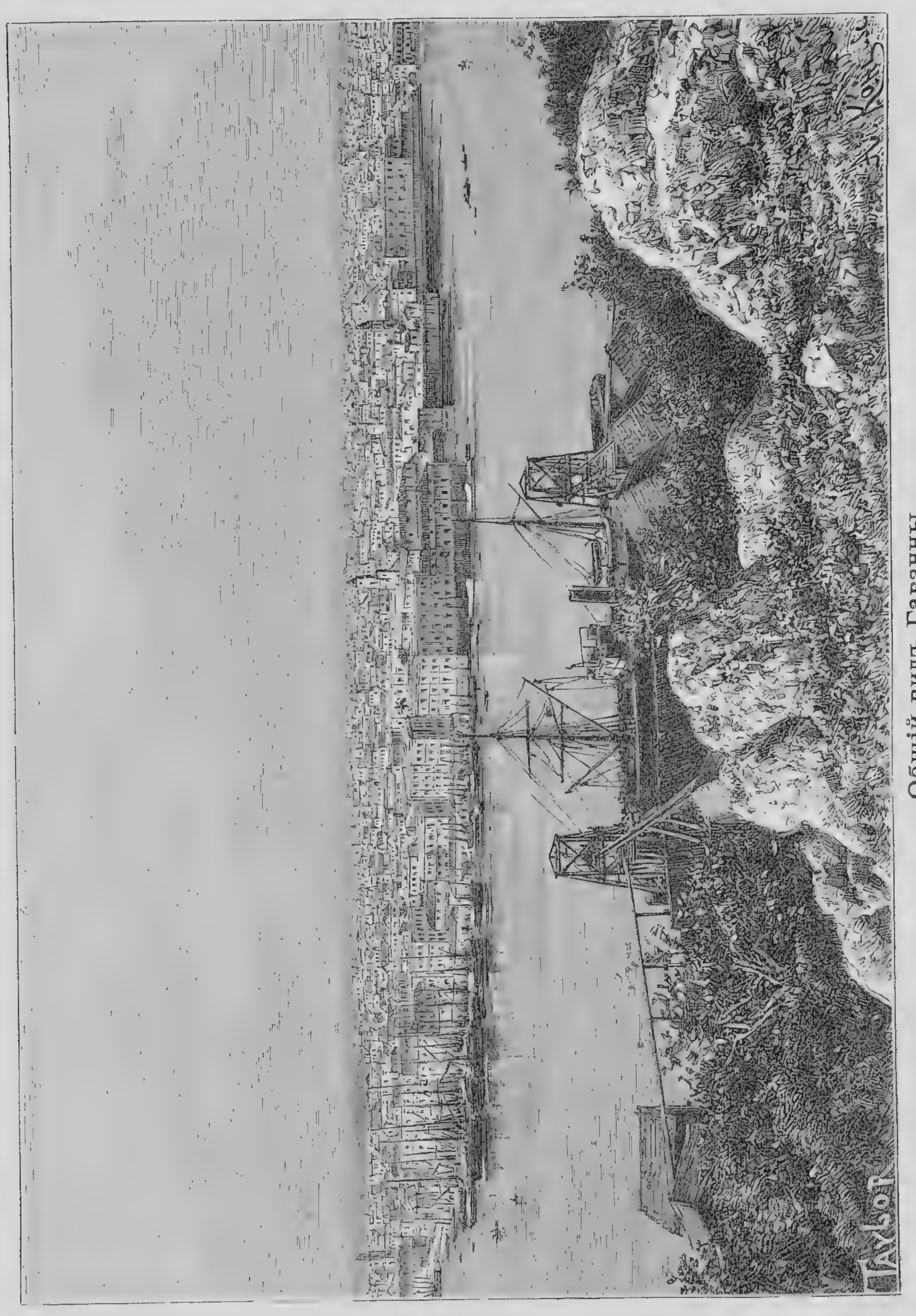
Возвышенности западной области образуютъ первый массивъ между Матанзасомъ и Гаванной, довольно близкій къ сѣверному берегу и содержащій, неподалеку отъ перваго изъ этихъ городовъ, пикъ-Панъ-де-Матанзасъ, въ 390 метровъ высоты. Второй массивъ, начинающійся къ западу отъ Гаванны и имѣющій со стороны моря видъ настоящей цѣпи, кордильера-де-лосъ-Органосъ, представляетъ болѣе высокія горы: Панъ-де-Гуайабонъ имѣетъ 585 метровъ высоты. Эта крайняя цѣпь выдвигаетъ свой послѣдній мысъ къ сѣверу отъ бухты, называемой Гвадіана: за нею островъ продолжается къ Юкатанскому проливу низменнымъ полуостровомъ и оканчивается пляжемъ мыса Санъ-Антоніо, который загибается на концѣ рогомъ, обращеннымъ на сѣверъ. Вся эта западная часть Кубы носитъ обыкновенно названіе *Vuelta-de-Abajo*, соотвѣтствующее французскому выраженію «Нижняя Земля», въ смыслѣ области, расположенной «съ подвѣтренной стороны». *Vuelta-de-Arriba*, т. е. областью, обращенной прямо къ пассатнымъ вѣтрамъ, должна была бы быть восточная часть острова; но относительно жителей Гаванны внутреннія части острова расположены уже съ «навѣтренной стороны», такъ что ихъ-то и называютъ Vuelta-de-Arriba, или «Верхняя Земля».

Почти всѣ горныя породы Кубы, за исключеніемъ только возвышенной области, состоятъ изъ известняковъ, которые отлагались, повидимому, такимъ же образомъ, какъ и нынѣшніе береговые рифы, потому что представляютъ совершенно такія же неровности, трещины и глубокія пещеры, какъ и эти послѣдніе. Въ этихъ скалахъ такое множество скрытыхъ галлерей, что весь островъ представляетъ собою какъ бы огромный сводъ, подъ которымъ протекаютъ ручьи и скапливаются стоячія воды. Многіе путешественники и ученые пробирались въ многочисленные гроты этихъ скалъ, лабиринты которыхъ изслѣдованы только мѣстами, и каждый годъ дѣлались открытія новыхъ подземныхъ ходовъ. Во многихъ мѣстахъ ручьи поглощаются почвой, а затѣмъ снова пробиваются наружу настоящими потоками, усиливающимися вслѣдствіе притока новыхъ скрытыхъ водъ; въ Вуельтѣ-де-Абахо, около Пинаръ-дель-Ріо, одна рѣка протекаетъ подъ великолѣпной аркой, похожей на мостъ; въ другихъ мѣстахъ воды прокрадываются по узкимъ шлюзамъ, стѣны которыхъ сближаются и соединяются во многихъ мѣстахъ надъ потокомъ. Изъ всѣхъ гротовъ Кубы чаще всего посѣщаются гроты въ горахъ Либано, находящіеся къ сѣверу отъ Гуантанамо; въ одной стѣнѣ восточнаго полуострова, около мыса Маиси, на самомъ концѣ острова, также существуетъ знаменитая пещера, въ которой были найдены кости.

Рѣки острова Кубы, отличающіяся почти всѣ медленнымъ теченіемъ и узкимъ бассейномъ, относительно многоводны. Самая могучая изъ нихъ, рѣка Кауто, протекаетъ въ продольной долинѣ, перерѣзывающей сіерру-Маэстра, и направляется къ сѣверу отъ этой цѣпи, принимая въ себя многочисленные притоки, сбѣгающіе съ сѣверныхъ и южныхъ горъ. Длина ея теченія отъ сіерры дель-Кобре до бухты Манзанильо,—около 212 километровъ, и почти половина всего протяженія доступна для судоходства небольшихъ судовъ; суда же, вмѣстимостью въ 50 тоннъ, поднимаются вверхъ по рѣкѣ до деревни Кауто, называемой «Амбаркадеро». Въ своемъ нижнемъ теченіи рѣка раздѣляется на два главныхъ рукава, а во время половодья—на множество малыхъ потоковъ, протекающихъ по низкимъ землямъ аллювіальнаго происхожденія: земли эти продолжаются даже въ морѣ, въ видѣ длиннаго болотистаго полуострова, раздѣляющаго заливъ на двѣ второстепенныя бухты. Въ XVI-мъ вѣкѣ баръ, говорятъ, выступалъ значительно менѣе, чѣмъ въ настоящее время, что способствовало большому оживленію торговли на нижнемъ теченіи рѣки; но въ 1816 году большое наводненіе перемѣстило этотъ баръ, и рѣчное устье совершенно закрылось; эта катастрофа погубила тридцать три судна, которыя были брошены моряками, а многія семьи, разоренныя прекращеніемъ торговли, должны были переселиться въ Гаванну [1]). Въ половинѣ этого столѣтія изъ ила Кауто были извлечены пушки одного линейнаго корабля, завязнувшаго здѣсь во время роковаго наводненія.

[1]) Miguel Rodriguez-Ferrer, цитированное сочиненіе.

Другія рѣки Кубы, даже двѣ самыя извѣстныя на сѣверномъ берегу, Сагуа-ла-Гранде и Сагуа-ла-Чика, менѣе обильны, чѣмъ Кауто, но многія изъ нихъ замѣчательны своими водопадами, подземнымъ теченіемъ или лиманами. Не всѣ онѣ доходятъ до моря: нѣкоторыя изъ нихъ теряются въ болотахъ, въ которыхъ прѣсныя воды смѣшиваются съ солеными. Всего больше болотъ на югѣ, гдѣ они тянутся вдоль всего южнаго берега: большая *cienaga* Запата, на югѣ округа Матанзасъ, окаймляетъ побережье на протяженіи болѣе ста километровъ, между двумя бухтами или *encenadas*, Броа и Кочиносъ. Это обширное пространство едва возвышается надъ морскимъ уровнемъ, но, несмотря на свою почти горизонтальную плоскость, представляетъ все-таки очень разнообразный видъ; прибрежные кордоны состоятъ

Общій видъ Гаванны.

*

изъ песковъ, которые задерживаютъ внутреннія стоячія воды; другіе покрыты корнепускамп, съ переплетающимися корнями; среди тростниковъ извиваются стоячіе *байю*, остатки прежнихъ рѣкъ; тамъ и сямъ на солнцѣ сверкаютъ открытыя озера, тогда какъ другіе бассейны прячутъ свои воды подъ пеленою круглолистныхъ ненуфаровъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются островки, поросшіе рощицами, въ другихъ же тянутся саванны, на которыхъ, съ рискомъ когда-нибудь провалиться, пасется скотъ; но большая часть болотъ представляютъ топкіе луга или трясины, по которымъ нельзя ходить ни людямъ, ни животнымъ. Названіе *savana-la-mar*, примѣняющееся ко многимъ мѣстамъ на побережьяхъ Антильскихъ острововъ, напоминаетъ о первоначальномъ видѣ саваннъ, затопляемыхъ морскими водами.

Островки и рифы, лежащіе въ открытомъ морѣ, составляютъ, подобно внутреннимъ болотамъ, среднюю зону между землей и моремъ. Около половины островнаго побережья окаймлено, такимъ образомъ, ложнымъ берегомъ, который дѣлаетъ доступъ къ Кубѣ очень опаснымъ; но, съ другой стороны, суда могутъ найти здѣсь отличное убѣжище, если только имъ удастся благополучно обойти или пройти черезъ линію буруновъ. Эти рифы и острова, словно бахрамой окаймляющіе побережье, всѣ состоятъ изъ известняка недавней формаціи: своимъ происхожденіемъ они обязаны тѣмъ же гнѣздамъ морскихъ полиповъ, которые видны сквозь прозрачную воду на днѣ морскаго ложа, обвивающими скалу или песокъ своими волнующимися разноцвѣтными снопами. Выходящія изъ воды береговыя скалы съ ихъ гротами, гдѣ раздается гулъ волнъ, представляютъ собою, въ безпрестанныхъ измѣненіяхъ земной поверхности, тотъ періодъ исторіи земнаго шара, который слѣдовалъ за образованіемъ внутреннихъ известняковыхъ слоевъ, изрытыхъ пещерами, съ струящимися въ нихъ ручьями. Но онѣ отлагаются медленнѣе, чѣмъ Флоридскіе и Багамскіе рифы, омываемые морскимъ прибоемъ: кораллотворныя животныя гнѣздятся болѣе въ открытыхъ мѣстахъ побережья, избѣгая защищенныхъ, тихихъ бухтъ [1]). Ростъ береговыхъ рифовъ на сѣверномъ побережьѣ Кубы происходилъ настолько медленно, что рѣки могли сохранить свои лиманы въ формѣ лагунъ, по мѣрѣ того, какъ горныя породы отлагались на обоихъ берегахъ: отсюда такое множество хорошихъ портовъ на кубанскихъ берегахъ.

Нѣкоторыя изъ прибрежныхъ «cayos» (рифовъ) приняли уже значительные размѣры и образуютъ настоящіе острова; иные изъ нихъ даже обитаемы, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на поверхности ихъ имѣется прѣсная вода, или гдѣ изъ скалы бьютъ ключи. Такъ, кайо-дель-Сабиналь, кайо-Гуахаба, кайо-Романо и кайо-дель-Коко, раздѣленные узкими проходами, тянутся впереди кубанскаго берега, въ видѣ втораго внѣшняго берега, на пространствѣ слишкомъ 200 километровъ: кайо-Романо, самый большой изъ этихъ возвышающихся рифовъ, занимаетъ пространство въ 440 квадратныхъ километровъ, поверхность котораго разнообразится тремя горками. На берегу этого и сосѣднихъ островковъ образовались естественныя салины: это впадины въ 30—40 сантиметровъ глубины, отдѣленныя отъ моря каймой коралловъ; въ зимніе мѣсяцы, сильные вѣтры перебрасываютъ волны черезъ край коралловаго борта, и воды образуютъ внутри островка обширныя озера спокойной воды; затѣмъ, съ наступленіемъ жаркаго времени, вода испаряется, оставляя на днѣ и по краямъ своихъ бассейновъ пласты бѣлой, отлично кристаллизованной соли, которую собираютъ для соленій; «солончаки» одного только кайо-Романо могли бы доставить соли гораздо большее количество, чѣмъ сколько нужно для потребленія всѣхъ кубанцевъ.

Цѣпь кайосовъ, тянущаяся между Сабиналемъ и Коко, представляетъ такую правильную линію и перерѣзана такими узкими протоками, что можетъ быть разсматриваема какъ длинный полуостровъ, расположенный параллельно островному берегу; но далѣе къ западу она продолжается рядомъ рифовъ, раздѣленныхъ широкими брешами, который тянется въ незначительномъ разстояніи отъ нынѣшняго побережья: это—какъ бы будущій берегъ, уже частью соединившійся, между Карденасомъ и Матанзасомъ, съ островомъ, посредствомъ правильной стрѣлки, называющейся Пунта-Икакосъ. Съ этимъ западнымъ рядомъ островковъ и рифовъ весь внѣшній берегъ Кубы въ длину превышаетъ 500 километр. Къ западу отъ Гаванны, отъ Бахія-Хонда до мыса Санъ-Антоніо, на пространствѣ почти 225 километровъ, берегъ обрамленъ другимъ рядомъ рифовъ. Они лежатъ на коралловомъ ложѣ незначительной глубины, которая позволяетъ видѣть открывающуюся подъ судами измѣнчивую панораму водорослей, коралловъ и раковинныхъ банокъ.

На южномъ берегу Кубы рифы и островки еще болѣе многочисленны, чѣмъ на сѣверномъ, но они не имѣютъ здѣсь той правильности и не тянутся параллельнымъ къ берегу рядомъ; это происходитъ, по всей вѣроятности, оттого, что теченія идутъ здѣсь не вблизи земель и не очищаютъ дна отъ миріадъ органическихъ строителей. Коралловые массивы могли разростись на югѣ острова только на большомъ разстояніи отъ берега, во всѣхъ морскихъ пространствахъ, гдѣ относительно спокойная вода не возобновляется безпрестанно новыми теченіями. Такимъ образомъ рифовъ относительно

[1]) Alexander Agassiz, „Cruise of the Blake“.

немного въ той части берега, которая омывается глубокими водами Виндъ-Уарда, между мысомъ Маиси и мысомъ де-Круцъ; ихъ нѣтъ также въ серединѣ южнаго побережья, тамъ, гдѣ кончается глубокій Юкатанскій ровъ и гдѣ воды боковаго теченія кружатся длинными водоворотами; тѣмъ болѣе ихъ не могло образоваться у западной оконечности, въ бухтѣ, носящей мѣткое названіе Корріентесъ, которое дано ей потому, что въ ней сталкиваются нѣсколько «теченій», расходящихся отсюда къ западу, въ Юкатанскій каналъ. Бухта Манзанилла, напротивъ того, болѣе, чѣмъ на половинѣ всего своего пространства усѣяна рифами, продолжающимися къ западу въ видѣ красиво изгибающейся цѣпи, подъ названіемъ кайосъ-де-ласъ-Досе-Легуасъ или «кайосовъ въ Двѣнадцать Миль», и Сосновый островъ (исла-де-Пиносъ) соединяется съ архипелагомъ скалъ и островковъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны острова Жардинесъ и Жардинильосъ, лежащіе къ югу отъ болотъ Запаты. Нѣкоторые изъ этихъ островковъ, зеленыя рощи среди голубыхъ водъ, дѣйствительно представляютъ цвѣтущіе и благоухающіе «сады» и «садики», украшенные еще стаями птицъ, которыя кружатся около деревьевъ. Въ архипелагѣ Садовъ (Жардинесъ), посреди соленыхъ водъ, бьютъ ключомъ источники прѣсной воды, притекающей сюда, вѣроятно, съ Кубы.

Островъ Сосновый, или исла-де-Пиносъ, лежащій на югѣ Кубы и на одномъ съ нимъ плато подводныхъ скалъ, занимаетъ одинъ гораздо большее пространство, чѣмъ тысяча триста другихъ островковъ или островковъ, составляющихъ часть кубанской агломераціи. Онъ состоитъ изъ двухъ земель, раздѣленныхъ извилистымъ рукавомъ, представляющимъ наполовину каналъ, наполовину болото, который извивается съ запада на востокъ, имѣя почти вездѣ одинаковую ширину, около пяти километровъ: это такъ называемая «Соленая рѣка», вродѣ той, которая протекаетъ по Гваделупѣ; испанцы называютъ ее Сіенага, или «Болото». Нѣкоторыя скалы, лежащія вровень съ водою, были утилизированы въ восточной части потока для постройки «каменной дороги» (camino de piedras) между двумя островами.

Поверхность острова Пиносъ, по исчисленію Алехо Эльвежіо Ланьера:

сѣверная земля—1.330 кв. килом.; южная земля—780, всего—2.110 кв. килом.

Между этими двумя землями контрастъ поразительный. Первая усѣяна горными массивами, группами холмовъ, уединенными остроконечными горками, и одинъ изъ ея пиковъ, въ сіеррѣ де-ла-Каньяда, достигаетъ 468 метровъ высоты; вторая же земля на всемъ своемъ протяженіи представляетъ низменность, хотя кое-гдѣ остроконечныя скалы, изрѣзанныя трещинами, усѣянныя ямами, *seborucos*, прерываютъ болота, саванны и топкіе луга, по которымъ почти совсѣмъ невозможно ходить. Весьма возможно, что эта часть острова возникла относительно недавно, такъ какъ уже въ историческій періодъ не разъ наблюдалось явленіе сростанія береговыхъ островковъ въ цѣлыя земли посредствомъ постепеннаго захвата мангиферами проливовъ и мелей; иной маленькій архипелагъ, обозначенный на старинныхъ картахъ, состоитъ въ настоящее время изъ меньшаго числа островковъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ соединились между собою; въ другихъ мѣстахъ мели превратились въ островки [1]. Впрочемъ, на окружности острова Кубы есть много примѣровъ этого явленія; по словамъ геолога Сіа, нѣкоторыя банки мертваго коралла, совершенно похожія по своимъ организмамъ на мели живаго коралла, находящіяся еще подъ водою, поднялись въ настоящее время болѣе, чѣмъ на 9 метровъ надъ уровнемъ моря [2]. Холмы, находящіеся въ окрестностяхъ Гаванны, были прежде, безъ сомнѣнія, рифами: теперь они возвышаются болѣе чѣмъ на 300 метровъ надъ уровнемъ моря.

Главный корпусъ Кубы весь лежитъ въ тропическомъ поясѣ. Климатъ здѣсь такой же, какъ и на морѣ, омывающемъ островъ. Совокупность всѣхъ атмосферныхъ явленій представляетъ необыкновенную правильность, которая значительно облегчаетъ изученіе общей метеорологіи: въ этихъ-то областяхъ, у исходнаго пункта Гольфстрема и воздушныхъ теченій, очищающихъ Западную Европу, можно наблюдать въ ихъ первоначальномъ зародышѣ многія явленія климата сѣвернаго умѣреннаго пояса. Однако, островъ Куба такъ обширенъ и тянется съ востока на западъ, отъ Атлантики къ Юкатану, на такомъ значительномъ пространствѣ, что въ различныхъ его частяхъ можно наблюдать довольно значительные климатическіе контрасты. По всему острову сѣверные вѣтры дуютъ главнымъ образомъ зимой, а дожди обильнѣе всего выпадаютъ въ лѣтній сезонъ, въ то время, когда солнце проходитъ черезъ зенитъ; но, въ среднемъ, дожди, приносимые пассатными вѣтрами, выпадаютъ чаще и обильнѣе на восточной оконечности острова, чѣмъ на западной, и на сѣверномъ берегу больше, чѣмъ на южномъ. Градъ здѣсь рѣдкое явленіе, хотя грозы довольно обыкновенны. Говорятъ также, что выпаденіе дождей уменьшилось на всемъ островѣ, вслѣдствіе обезлѣсенія, особенно въ центрѣ и на востокѣ, внѣ горной области; кромѣ того, зимній сезонъ запаздываетъ, и дожди, вмѣсто того, чтобы начаться въ апрѣлѣ и маѣ, выпадаютъ правильно только въ іюнѣ и іюлѣ; среднее количество

---

[1]) Alejo Helvegio Lanier, „Geografia de la isla de Pinos".

[2]) Miguel Rodriguez-Ferrer, цитированное сочиненіе.

выпадающихъ въ Гаваннѣ дождей немного превышаетъ одинъ метръ. Даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ земля остается сухою, влажность воздуха очень значительна, выражаясь, въ среднемъ, 85%, и эта сырость воздуха, въ соединеніи съ необыкновеннымъ размноженіемъ мелкихъ разрушительныхъ организмовъ, дѣлаетъ почти невозможнымъ сохраненіе архивовъ въ подобномъ климатѣ [1]). На всемъ островѣ, даже на западной его оконечности, нѣтъ ни одного мѣста, которое находилось бы въ сторонѣ отъ прохожденія ураѓановъ, и на Кубѣ дѣлались чаще всего самыя точныя наблюденія надъ этими грозными метеорами. Ураганъ 1846 года, разрушившій въ Гаваннѣ около двухъ тысячъ домовъ и болѣе пяти тысячъ попортившій, потопившій въ портѣ 235 судовъ и 48 повредившій, часто называли «типичнымъ», по силѣ вихря; счастье еще, что онъ развертывалъ свою грозную спираль на незначительной ширинѣ, исчисленной всего въ 34 километра.

Метеорологическія условія Кубы:

	Гаванна.	Сантъ-Яго-де-Куба.
Средняя температура..	25°,4	27°
Максимумъ въ іюлѣ...	27°,8	28°,4
Минимумъ въ декабрѣ.	22°,8	23°,2
Крайности температуры на островѣ......	отъ 0° до	34° (Мореле).

«Перлъ Антильскихъ острововъ» заслужилъ это прозвище главнымъ образомъ за богатство и разнообразіе его растительныхъ видовъ: флора его на незначительной ширинѣ, какую занимаетъ островъ, заключаетъ почти всѣ растенія, которыя произрастаютъ на другихъ Антильскихъ островахъ и на всей огромной окружности американскаго Средиземнаго моря, отъ полуострова Флориды до устьевъ рѣки Ориноко: проливы, отдѣляющіе Кубу отъ континентальнаго берега, не настолько широки, чтобы большинство сѣмянъ не могло быть перенесено черезъ нихъ морскими теченіями или вѣтрами, или, наконецъ, на лапахъ, крыльяхъ и въ пометѣ птицъ. Всѣ большія деревья Мексиканскаго побережья, отличающіяся величественнымъ видомъ, красотою листвы, великолѣпіемъ или запахомъ цвѣтовъ, произрастаютъ и на берегахъ Кубы; болѣе тридцати породъ пальмъ простираютъ свои вѣерообразные листья надъ другими деревьями или кустарникомъ, а на-ряду съ ними можно встрѣтить, къ великому удивленію, такія деревья, которыя, казалось бы, должны быть чужды жаркому поясу, какъ, напримѣръ, сосны, давшія свое названіе двойному острову «Пиносъ», въ которомъ онѣ растутъ въ перемежку съ пальмами и съ *caobas*, «краснымъ деревомъ». Въ 1876 г. въ каталогѣ однихъ только явнобрачныхъ растеній Кубы, не считая тѣхъ, которыя были введены европейцами въ садахъ, или на поляхъ, значилось 3.350 породъ [2]), и, конечно, болѣе подробныя изслѣдованія еще во многомъ пополнятъ это солидное количество. Но если современная флора обогащается новыми видами, культивируемыми садоводами и земледѣльцами, то несомнѣнно и то, что многія породы совершенно исчезли вслѣдствіе обезлѣсенія, которое съ начала вѣка обнажило большую часть островной поверхности, измѣнивъ въ то же время условія почвы и климата. Лѣса замѣнились *yarey*, или рощами дикаго терновника *chamaerops*, и чащами низкихъ кустарниковъ, ліанъ и терна *manigua*, куда нельзя проникнуть иначе, какъ вооружившись маншетой. Даже до истребленія большихъ деревьевъ, въ различныхъ округахъ, въ особенности на южномъ побережьѣ, существовали уже огромныя пространства, саванны или топи, гдѣ деревья росли только на берегу рѣкъ, осѣняя воды своими развѣсистыми вѣтвями: отсюда и произошло названіе cejas, или «брови», которое даютъ этимъ шпалерамъ изъ лѣсной растительности.

Извѣстно, что до путешествія Колумба на островѣ не было другихъ млекопитающихъ, кромѣ летучихъ мышей и мелкой породы грызуновъ, между которыми замѣчательна гуакипайп, или «нѣмая собака»: это, по всей вѣроятности, былъ енотъ, ракунъ, *racoon* сѣвероамериканцевъ (procyon lotor). На побережьяхъ, ламантинъ, который и нынѣ еще приплываетъ на водопой къ прѣсноводнымъ ключамъ, бьющимъ въ морѣ около Жардинильоса[1]), прежде былъ очень обыкновененъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ названія заливовъ, бухтъ и многихъ пляжей. Енотъ и два или три другихъ вида первобытныхъ животныхъ совершенно исчезли съ острова; съ другой стороны, завезенныя сюда европейцами домашнія животныя обратились въ одичалое состояніе таковы: кабанъ, который встрѣчается въ различныхъ частяхъ острова, и собака, которая въ саваннахъ наводитъ страхъ на пастуховъ; косуля также вывезена изъ Европы. На Кубѣ перемѣна среды рѣзче всего выразилась въ собачьей породѣ, вслѣдствіе чего составились разныя помѣси, начиная съ крошечной «гаванки», которую дамы носятъ обыкновенно въ муфтахъ, до страшнаго майконга, котораго еще недавно употребляли для погони за бѣглыми индѣйцами и неграми. Большая часть птицъ, встрѣчающихся на островѣ Кубѣ, принадлежатъ къ сѣверо-американской фаунѣ, и только одинъ видъ колибри свойственъ спеціально этому острову [3]). Точно также пресмыкающіяся, живущія на

[1]) Alexander Agassiz, „Cruise of the Blake“.

[1]) Miguel Rodriguez-Ferrer, цитиров. сочиненіе.
[2]) Alex. de Humboldt, цитированное сочиненіе.
[3]) Felipe Poey, „Memorias sobre la historia natural de la isla de Cuba“.

Кубѣ, принадлежатъ къ породамъ сосѣднихъ континентовъ, но странно то, что между кубанскими змѣями нѣтъ ни одной ядовитой: мѣстные писатели указываютъ на этотъ фактъ съ нѣкоторою гордостью, презрительно осмѣивая Ламартина, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій упоминаетъ о гремучникѣ, какъ о змѣѣ, принадлежащей къ кубанской фаунѣ. Они утверждаютъ даже, не подтверждая своихъ словъ доказательными фактами, будто ядовитыя породы, завезенныя на Кубу, теряютъ въ концѣ концовъ свой ядъ: такъ, напримѣръ, укушеніе скорпіона вызываетъ здѣсь будто-бы только легкое раздраженіе. Земныя черепахи принадлежатъ къ собственной фаунѣ острова, и моллюски, являющіяся здѣсь въ нѣсколькихъ сотняхъ видовъ, какъ и на всѣхъ другихъ Антильскихъ островахъ, принадлежатъ по большей части къ особымъ породамъ, отличнымъ отъ континентальныхъ [1]). Одинъ изъ курьезовъ кубанской фауны—«прозябающая» оса, особый видъ картонницы (*polistes*), въ тѣлѣ которой растетъ паразитный грибокъ изъ рода *clavaria*: это явленіе аналогично тому, которое представляетъ ново-Зеландская гусеница (sphaeria Robertsi). Ископаемыя животныя, найденныя въ міоценовыхъ породахъ Соединенныхъ Штатовъ, каковы мелагониксъ, слоны и гиппопотамы, были открыты также и въ кубанскихъ пластахъ того же періода. Изъ этого заключаютъ, что антильская земля была нѣкогда соединена съ сосѣднимъ материкомъ. Въ ту эпоху Гольфстремъ имѣлъ другое направленіе [1]).

Несомнѣнно, что островъ Куба обитаемъ уже съ древнѣйшихъ временъ; тамъ открыли, особенно въ восточной части острова, въ окрестностяхъ Байамо, топоры изъ діорита и изъ серпентина, принадлежащіе къ эпохѣ шлифованнаго камня; подобно европейскимъ крестьянамъ, туземцы называли ихъ «каменными стрѣлами», и прежде они употреблялись гладильщицами бѣлья для прессовки складокъ на бѣльѣ. Археологи находили во многихъ мѣстахъ *caneyes*, т. е. кучи человѣческихъ костей, а въ 1849 г. Родригецъ-Ферреръ открылъ на одномъ кайо, лежащемъ къ югу отъ Пуерто-Принсипе, человѣческую челюсть, которую комиссія испанскихъ ученыхъ признала за ископаемую; позднѣе, при раскопкахъ одного подземнаго кладбища, находящагося близъ мыса Маиси, этотъ же изслѣдователь нашелъ черепа первобытныхъ жителей, отличающіеся искусственно вдавленнымъ лбомъ: это, повидимому, черта сходства съ человѣческими фигурами, изображенными на стѣнахъ Паленкве, и, быть-можетъ,

Ананасная плантація.

[1]) Arthur Morelet, „Voyage dans l'Amérique Centrale, Cuba et le Jucatan".

[1]) F. de Castro; — Alex. Agassiz; — Fr. Foula, „Behm's Jahrbuch", 1887.

тѣ и другіе принадлежали къ одной и той же расѣ.

Вопросъ о происхожденіи тѣхъ индѣйцевъ, которыхъ Христофоръ Колумбъ засталъ на островѣ въ 1492 году, остается еще открытымъ. Достовѣрно только то, что, за исключеніемъ дикихъ гуонатавейсовъ, обитавшихъ на западномъ полуостровѣ, около мыса Санъ-Антоніо [1]), кубанцы говорили на томъ же языкѣ, какъ и багамскіе юкайосы и туземцы островов Гаити и Ямайки; а такъ какъ названія мѣстъ, перечисляемыя завоевателями на Эспаньолѣ, отчасти аруаканскія, то изъ этого заключили, что жители Большихъ Антильскихъ островов были въ большинствѣ аруаки, пришедшіе изъ Южной Америки [2]), гдѣ ихъ родичи обитаютъ еще и нынѣ на берегахъ Эссеквибо и Суринама, а также и въ верхнихъ долинахъ Сіерры-Невады де-Санта-Марта. Съ другой стороны, во время экспедиціи Грихальвы на берега Юкатана, его сопровождали кубанскіе переводчики, которые свободно объяснялись съ туземцами, что служитъ доказательствомъ, если не принадлежности ихъ къ той же расѣ, то по крайней мѣрѣ частыхъ торговыхъ съ ними сношеній: майя, которые называли себя «происшедшими изъ моря», вѣрили въ свое родство съ сосѣдними островитянами; извѣстна гипотеза Орозко- и- Берра, который видитъ въ нихъ иммигрантовъ, пришедшихъ изъ Флориды черезъ Багамскіе острова и Кубу.

Какъ бы то ни было, между юкатанскими майя и сибунейсами сосѣдняго острова существовало большое сходство, судя по описаніямъ историковъ эпохи завоеванія. Тѣ и другіе были коренасты, съ широкимъ лицомъ и грудью, темнокожіе и съ вдавленнымъ искуссственно лбомъ; тѣ и другіе были миролюбивы и одинаково любили свою свободу. Однако, сибунейсы далеко уступали майя въ цивилизаціи. Нигдѣ на всемъ островѣ не нашли памятниковъ, которые могли бы сравниться съ памятниками въ Паленкве, Уксмалѣ и Чиченъ-Итцѣ; нѣсколько грудъ камней, могилы да безформенные барельефы на скалахъ—вотъ единственные остатки, приписываемые первобытнымъ жителямъ; особенно замѣчательны грубыя изображенія ламантиновъ, совершенно схожія съ тѣми, которыя были найдены американскими археологами въ *mounds* Огіо [3]), что заставляетъ предполагать о родственной близости между собою этихъ расъ. Ихъ жилища имѣли разнообразное устройство, смотря по племенамъ и положенію лицъ; обыкновенно это были *barahagues*, обширныя зданія, построенныя изъ вѣтвей и тростника, въ которыхъ могли помѣщаться сотни человѣкъ; кромѣ того, у нихъ были широкія ладьи, въ которыхъ они выплывали далеко въ море. Сибунейсы занимались земледѣліемъ и рыболовствомъ: разсказываютъ, что они посредствомъ длинной веревки умѣли ловко управлять рыбой прилипало-лоцманомъ, *pegador* или *reves* (echeneis naucrates); они направляли эту рыбу на морскихъ черепахъ, и какъ только прилипало присасывался къ черепахѣ, они вытягивали веревку и доставали сразу и рыболова и его добычу [1]).

Въ три года, съ 1512 по 1515, вся внутренняя часть острова была обслѣдована, и покоренное населеніе за это время во многихъ округахъ уже исчезло: индѣйцы не сопротивлялись, а просто умирали. Одинъ только кацикъ Хатуей, пришедшій изъ Гаити въ восточную часть Кубы, пытался вступить въ открытую борьбу: это тотъ самый кацикъ, который даже подъ пыткой отказался креститься, чтобы не очутиться послѣ смерти на одномъ небѣ съ «добрыми» испанцами. Въ 1524 году кубанскихъ индѣйцевъ было уже на двѣ трети меньше прежняго: одни умирали отъ пытокъ, другіе сами ускоряли свой конецъ, питаясь землею и булыжникомъ, или же маніокомъ, мука котораго имѣла ядовитый сокъ. Въ 1532г., по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ на Кубѣ насчитывалось не болѣе 4.000 индѣйцевъ: двадцати одного года оказалось вполнѣ достаточнымъ для полнаго почти истребленія расы; тѣмъ не менѣе точныя названія различныхъ народцевъ и занимаемыхъ ими земель были хорошо извѣстны. Въ 1554 году шестьдесятъ семействъ первобытныхъ жителей, бродившихъ въ западной части острова, были собраны въ родъ лазарета [3]), въ Гуанабакоа, около Гаванны, но кое-какіе остатки племенъ пережили въ горахъ восточной области. Еще въ 1847 г. Родригецъ-Ферреръ посѣтилъ близъ Тигуабо, въ одной изъ долинъ Сіерры-Маэстра, спускающейся къ бухтѣ Гуантанамо, семейство чистокровныхъ индѣйцевъ, заключавшее въ себѣ болѣе ста человѣкъ, вмѣстѣ съ сыновьями, внуками и правнуками. Въ той же области многія другія семейства считаются индійскаго происхожденія, но смѣшенія съ неграми и бѣлыми измѣнили видъ расы. Такія помѣси происходили чаще, чѣмъ это обыкновенно думаютъ: такъ какъ почти всѣ женщины индіанки были взяты въ жены испанцами, то родившіяся отъ нихъ дѣти считались уже принадлежащими къ расѣ побѣдителей, хотя по крови матери они происходили отъ побѣжденныхъ.

Негры, которыхъ плантаторы привезли на

[1]) Bernal Diaz del Castillo, „Historia verdadera della conquista de Nueva-Espana“.

[2]) Robert Schomburgk, „Nouvelles Annales de Voyages“, T. III; — Brinton, „Année Geographique“. 1872.

[3]) Rodriguez-Ferrer, цитированное сочиненіе.

[1]) Gomara; — Oviedo; — Pedro Martyr; —Humboldt; — Poey;—Rodriguez-Ferrer, цитированныя сочиненія.

[2]) Hererra, „Descripcion universal de las Indias“.

островъ для замѣны истребленныхъ туземцевъ и которыхъ покупали на «вѣсъ золота» во время снаряженія экспедиціи Кортесомъ для завоеванія Мексики, весьма медленно увеличивались въ своей численности, такъ что рѣдѣющіе ряды этихъ каторжниковъ должны были безпрестанно пополняться новыми грузами; еще въ половинѣ этого столѣтія, вопреки подписанной конвенціи съ Великобританіей, которая откупила этотъ торгъ невольниками за 10 милліоновъ, вопреки законамъ, запрещающимъ покупку негровъ подъ страхомъ самыхъ строгихъ наказаній, невольничьи суда все-таки ежегодно доставляли на берегъ отъ тридцати до пятидесяти транспортовъ *bozales*, или «грубыхъ негровъ», которыхъ наперерывъ покупали эксплоататоры, съѣзжавшіеся нарочно для этой цѣли на уединенномъ берегу, гдѣ и происходила торговая сдѣлка. Насчитываютъ [1]) до полу-милліона число несчастныхъ, вывезенныхъ тайнымъ образомъ на Кубу со времени оффиціальнаго уничтоженія торга въ 1820 г.: за каждаго привезеннаго невольника судно выручало одну унцію золота, или 84 франка. Даже въ то время, когда торгъ производился открыто, количество привозимыхъ рабовъ не превышало этой цифры. Ввозъ негровъ съ 1521 г. по 1821 г. по Гумбольдту 413.500, а по Зарагозѣ, 372.450 чел.

Численность негритянскаго населенія на островѣ стала прогрессировать только въ концѣ прошлаго столѣтія, когда число женщинъ настолько увеличилось, что стало возможно образованіе семей. Въ концѣ-концовъ число невольниковъ превзошло число свободныхъ людей: въ 1791 году первыхъ уже насчитывалось немного болѣе половины всего населенія; но окончательное прекращеніе невольничьяго торга, затѣмъ американская междоусобная война, окончившаяся отмѣной рабства въ преобразованной республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, сдѣлали невозможнымъ сохраненіе невольничества и на испанскомъ островѣ: во время возстанія восточныхъ округовъ возмутившіеся плантаторы сами отпустили на волю своихъ невольниковъ и вооружили ихъ противъ испанскихъ войскъ. Правительство метрополіи, хотя все еще преданное интересамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, поняло, наконецъ, необходимость уступки, и декретомъ 1880 года постановило постепенное упраздненіе рабства. Семь лѣтъ спустя, въ 1886 году, была объявлена окончательная эмансипація для тѣхъ 25.000 негровъ, которые оставались еще въ рабствѣ. Но эта эмансипація на плантаціяхъ была болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная: негры, вчерашніе невольники, продолжали работать, у плантаторовъ какъ наемные рабочіе; разница выражалась въ томъ, что, вмѣсто прежняго готоваго содержанія, они стали получать жалованье деньгами [1]). Впрочемъ, даже и во время фактическаго рабства кубанскіе негры менѣе страдали отъ него, чѣмъ чернокожіе другихъ колоній: за ними все-таки признавалось «четыре права»: жениться по личному выбору, переходить къ другому хозяину, если первый оказывался слишкомъ жестокимъ, выкупать личную свободу работой, и, наконецъ, пріобрѣтать земельную собственность, которая позволяла имъ, въ случаѣ надобности, освобождать свое семейство.

Свободное и невольничье населеніе Кубы въ различныя времена до освобожденія.

Годы.	Бѣлыхъ.	Проц. отношеніе.	Свободн. негровъ.	Проц. отнош.	Негровъ-рабовъ.	Проц. отнош.	Всего.
1774	96.440	56,2	30.849	17,9	44.333	25,9	171.622
1792	133.559	49,2	54.152	20,3	84.590	30,5	272.301
1817	239.830	43,4	114.058	20,6	199.145	36	553.033
1846	895.767	65	149.226	10,9	323.759	21.1	1.368.752
1875	915.000	67,8	220.000	46,2	235.000	16,6	1.360.000

По оффиціальной статистикѣ, количество бѣлыхъ на островѣ Кубѣ превышаетъ численность негровъ и мулатовъ. Впрочемъ, это вполнѣ естественно: такъ какъ болѣе или менѣе темный цвѣтъ кожи служилъ прежде основаніемъ свободнаго или рабскаго положенія, то каждый свободный кубанецъ старался, если не побѣлѣть, то, по крайней мѣрѣ, оффиціально числиться въ классѣ бѣлокожихъ. Благодаря снисходительности казны, количество такихъ ложно-бѣлыхъ не переставало увеличиваться между мулатами: во время путешествія Гумбольдта, это «оффиціальное обѣлѣніе» случалось рѣдко, но съ теченіемъ времени подобнаго рода перемѣны получили большое значеніе. Вольноотпущенные, желавшіе вписаться въ «кавказскую расу», должны были только перенести актъ о своемъ крещеніи изъ приходской книги *pardos* въ книгу бѣлыхъ, что обставлялось различными формальностями, стоившими отъ восьми до десяти золотыхъ унцій, т. е. отъ 680 до 850 франковъ [2]), и съ этого момента статистика зачисляла ихъ подъ рубрику бѣлыхъ. Такимъ образомъ, элементъ чистокровныхъ европейцевъ на Кубѣ нельзя назвать преобладающимъ, если не считать городовъ, гдѣ недавно иммиграція испанцевъ была весьма значительна.

[1]) Ad. de Fontpertuis, „États Latins de l'Amérique".

[3]) Froude, „The English in the West-Indies".

[2]) G. d'Hespel d'Harponville, „La Reine des Antilles".

Когда кубанскіе плантаторы поняли, что рано или поздно ихъ рабы будутъ освобождены, они начали ввозить въ страну новыхъ работниковъ. Въ то время, какъ въ англійскихъ и французскихъ колоніяхъ землевладѣльцы стали вербовать въ работники главнымъ образомъ наемныхъ индѣйцевъ, кубанцы обращались къ торговцамъ Макао и Кантона и пріобрѣтали черезъ нихъ китайскихъ «наемниковъ», временныхъ крѣпостныхъ, которые нанимались для работы на опредѣленное число лѣтъ. Но численность азіатскаго населенія, живущаго на островѣ въ настоящее время, много уступаетъ совокупности всѣхъ наемниковъ, водворившихся здѣсь съ половины столѣтія; такъ же, какъ прежде негры bozales, китайскіе кули, одни—украденные, другіе — заманенные ложными обѣщаніями, никогда не были привозимы семьями; подрядчики, поставлявшіе работниковъ-мужчинъ, очень рѣдко приводили женщинъ, и такіе наемники, заранѣе отданные въ жертву противоестественнымъ порокамъ, почти всѣ умирали, не оставивъ послѣ себя потомства: немногіе изъ нихъ сходились съ женщинами другихъ расъ. Во время переписи 1877 года на Кубѣ насчитывалось 43.811 китайцевъ, изъ которыхъ почти всѣ были холостяками, хотя и въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ: на островъ ихъ было вывезено сто двадцать тысячъ, но болѣе шестнадцати тысячъ, т. е. почти 12%, умерло въ дорогѣ. Юкатекская иммиграція доставила кубанскимъ плантаціямъ тоже нѣсколько тысячъ работниковъ. Майя пашутъ землю рядомъ съ китайцами, и, когда они одѣты одинаково, то ихъ легко смѣшать, какъ людей, принадлежащихъ къ одной расѣ; но, вглядѣвшись внимательнѣе, скоро можно замѣтить, что юкатеки не такъ пропорціонально сложены, какъ китайцы, что лицо у нихъ болѣе широкое и круглое, и что верхнее вѣко у нихъ не такъ скошено.

Два испанскихъ острова, Куба и Пуэрто-Рико, могутъ служить примѣромъ тѣхъ тропическихъ странъ, гдѣ окончательно совершилась акклиматизація бѣлой расы. Правда, бѣлые острова Кубы въ огромномъ большинствѣ — испанскаго происхожденія, т. е. въ одно и то же время южнаго и съ примѣсью мавританскихъ элементовъ. Одна Куба имѣетъ въ десять разъ больше испанцевъ, чѣмъ всѣ великобританскія колоніи въ Вестъ-Индіи насчитываютъ англичанъ [1]). Въ началѣ самыми многочисленными колонистами были андалузцы и кастильянцы, затѣмъ пришли баски и каталонцы. Канаріоты или исленьосы, которые не чистокровные испанцы, такъ какъ по матерямъ они представляютъ первобытный элементъ гуанчей, тоже прибывали тысячами, тѣмъ болѣе привлекаемые къ большому американскому острову, что имъ тѣсно на своемъ маленькомъ архипелагѣ, и что имъ нечего бояться перемѣны климата: переселяясь съ одного берега Атлантическаго океана на другой, они едва замѣчаютъ разницу среды. Въ послѣднія десятилѣтія *Gallegos*, или галисіяне, родившіеся по большей части въ высокихъ долинахъ страны, гдѣ зимой очень холодно, тоже доставили Кубѣ значительное количество ея иммигрантовъ, и, по единогласному свидѣтельству резидентовъ, эти новые пришельцы очень легко здѣсь акклиматизировались: около половины всѣхъ работниковъ на плантаціяхъ сахарнаго тростника и на сахарныхъ заводахъ принадлежатъ къ бѣлой расѣ [1]). Всѣ эти колонисты составляютъ классъ земледѣльцевъ, такъ называемыхъ *blancos de la tierra* или *Goajiros*; однако, въ нѣкоторыхъ семействахъ этихъ бѣлыхъ земледѣльцевъ замѣчается примѣсь негритянской крови. Каталонцы и баски живутъ главнымъ образомъ въ городахъ, въ качествѣ рабочихъ, служащихъ и торговцевъ:—это самые дѣятельные, энергичные и промышленные иммигранты, которымъ Куба обязана своимъ матеріальнымъ прогрессомъ; они много способствовали сохраненію колоніи за Мадридскимъ правительствомъ, благодаря той заклятой непріязни, какую они питали по отношенію мѣстныхъ уроженцевъ, ихъ конкуррентовъ по торговлѣ. Кромѣ того, на кубанскихъ плантаціяхъ временно работаютъ солдаты, которыхъ отпускаютъ на работы въ страдную пору [2]).

Между бѣлыми неиспанскаго происхожденія самые многочисленные—французскіе колонисты, прибывшіе, однако, не прямо изъ Европы, а черезъ Санъ-Доминго: это—потомки бѣглыхъ плантаторовъ, которые, спасшись отъ преслѣдованія, поселились въ Баракоа, въ Сантъ-Яго-де-Куба, въ Гуантанамо и Сіенфуегосѣ. Многіе изъ этихъ эмигрантовъ впослѣдствіи, именно во время наполеоновскихъ войнъ, были изгнаны, но большинство все-таки осталось въ этой странѣ, которую они усѣяли своими плантаціями; въ нѣкоторыхъ округахъ ихъ языкъ долгое время былъ преобладающимъ. Женщины Сантъ-Яго обязаны своею красотою, тонкостью чертъ и изяществомъ походки именно этому смѣшенію французской крови съ испанскою [3]): въ Сѣверной Африкѣ, въ Оранѣ, смѣшеніе было не менѣе счастливо. Другіе иностранцы, англичане, сѣверо-американцы, нѣмцы, разселились главнымъ образомъ по торговымъ городамъ сѣвер-

[1]) Froude, „The English in the West Indies“.

[1]) Stassano, „Bolletino della Società Geografica Italiana“. Декабрь 1889 г.

[2]) „Report of the Consul of the Unided States“. Сентябрь 1889 г.

[3]) Esteban Pichardo, „Géografia de la isla de Cuba“.

наго берега, въ Гаваннѣ, Матанзасѣ, Карденасѣ, и многіе кубанцы, несмотря на свою природную живость, стараются подражать холоднымъ, флегматичнымъ манерамъ этихъ новыхъ пришельцевъ.

Акклиматизація для европейцевъ болѣе или менѣе трудна, соотвѣтственно разности между климатами ихъ родины и острова Кубы. Желтая лихорадка, бичъ Антильскихъ острововъ, поражаетъ главнымъ образомъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ изъ сѣверныхъ странъ. По словамъ историковъ острова, эта страшная болѣзнь имѣла менѣе острую форму въ первые два вѣка колонизаціи: даже по названію она смѣшивалась съ «Сіамскою болѣзнью» и другими лихорадками болѣе или менѣе тифознаго характера, и только въ 1761 г. ее впервые описываютъ какъ особую болѣзнь, съ симптомами, которые она представляетъ нынѣ. Впрочемъ, бѣлое населеніе, единственное, среди котораго эта ужасная болѣзнь свирѣпствовала въ злополучные годы, было въ то время малочисленнѣе, и страна, покрытая почти на всемъ своемъ протяженіи лѣсами, должна была имѣть нѣсколько иной климатъ. Послѣ желтой лихорадки, болѣе всего жертвъ среди бѣлыхъ похищаетъ диссентерія, а для негровъ и китайцевъ опаснѣе всего холера. Кромѣ того, эти послѣдніе подвержены одной спеціальной болѣзни, такъ называемой «сахарно-заводской», преимущественно рабочіе, занимающіеся обработкой сиропа на заводахъ. Первые симптомы этой болѣзни выражаются въ крайней слабости и въ потерѣ аппетита, и результатомъ недостаточнаго питанія является обыкновенно смерть: эти внѣшніе признаки болѣзни дѣлаютъ ее очень похожею на свирѣпствующую на Инсулиндѣ берибери [1]). Самая здоровая часть на островѣ Кубѣ, это—возвышенная зона Восточной провинціи; внизу же, по низкимъ, худо провѣтриваемымъ берегамъ бухтъ, глубоко врѣзывающихся въ берегъ, тянутся самыя нездоровыя, лихорадочныя мѣстности, зачастую окутанныя густымъ туманомъ, какъ бы «погребальнымъ покровомъ савановъ». Несмотря на свои мели, болота, затопленныя земли, корнепусковыя заросли по берегамъ, островъ де-Пиносъ, или Сосновый, считается гораздо болѣе здоровымъ, чѣмъ главный антильскій островъ, къ которому онъ принадлежитъ: на немъ никогда не бывало эпидемій, что обусловливается, безъ сомнѣнія, пассатными вѣтрами, которые постоянно дуютъ здѣсь, унося съ собою почвенныя испаренія; къ тому же и населеніе этого острова слишкомъ еще незначительно, чтобы деревни могли служить очагами заразы. Каждый годъ много кубанцевъ и сѣверо-американцевъ проводятъ лѣтній сезонъ на этомъ островѣ.

[1]) Mahé, „Géographie médicale";—H. Dumont, „Archives de la Commission scientifique du Mexique".

Вопреки «доктринѣ Монроэ» и часто провозглашаемому принципу «Америка американцамъ!», островъ Куба продолжаетъ еще находиться во владѣніи потомковъ его завоевателей, испанцевъ, хотя всѣ бывшія испанскія колоніи на самомъ материкѣ и даже одно островное владѣніе сдѣлались давно независимыми. Однако, Куба часто подвергалась набѣгамъ англійскихъ и французскихъ пиратовъ, и еще до сихъ поръ существуютъ небольшія крѣпостцы, называемыя на простонародномъ языкѣ—основательно или нѣтъ—«Башнями Морскихъ Разбойниковъ». Два раза Гавана была занимаема британскими войсками, но кубанцы всегда мужественно защищались противъ иностранцевъ, и лишь въ началѣ этого столѣтія, послѣ войны за американскую независимость, послѣ французской и санъ-домингской революцій и вторженія въ Испанію французскихъ войскъ, среди кубанскихъ креоловъ впервые обнаружились поползновенія къ возстанію противъ метрополіи. Какъ и въ Мексикѣ, «полуостровитяне», пропорціонально гораздо болѣе многочисленные на Кубѣ, относились къ креоламъ презрительно и устраняли ихъ отъ всякаго участія въ управленіи. Креолы мстили испанцамъ каррикатурами и пасквилями: они называли испанцевъ *Godos*, или «готы», синонимъ варваровъ, еще погруженныхъ въ суевѣрія давнихъ временъ. Кастовая ненависть доходила до того, что распространялась даже на женщинъ: въ то время, какъ женщины *godos*'овъ носили густую шевелюру, кубанки ходили съ короткими волосами, вслѣдствіе чего испанцы прозвали ихъ *pelonas*, что значитъ «плѣшивыя». Шестьдесятъ лѣтъ спустя у креолокъ, принадлежащихъ къ партіи независимости, появилась другая мода: онѣ стали носить распущенные волоса [1]).

Несмотря на недовольство кубанскихъ креоловъ, возстанія все-таки не произошло; даже болѣе того: между бѣлыми двухъ различныхъ кастъ неожиданно состоялось примиреніе въ 1812 г., когда дошло до свѣдѣнія, что между неграми восточнаго округа начались бунты близъ Холгуина и Байамо; плантаторы Пуерто-Принсипе, во главѣ своихъ вѣрныхъ рабовъ, пустились въ погоню за бѣглыми неграми, настигали ихъ въ лѣсахъ и убивали; предводитель же ихъ, Апонте, вмѣстѣ съ восемью товарищами, былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Рабство, т. е. вынужденное соучастіе испанцевъ и креоловъ въ преступленіяхъ по торгу и эксплоатаціи негровъ, служило узами, связывавшими «всегда вѣрный островъ» съ его метрополіей. Но важныя политическія и соціальныя перемѣны постепенно нарушили равновѣсіе Новаго Свѣта: въ 1819 г. испанскія владѣнія во Флоридѣ,

[1]) Justo Zaragoza, „Las Insurrecciones en Cuba".

лежащія вдоль Мексиканскаго залива, были уступлены Соединеннымъ Штатомъ, а многія провинціи материка, находящіяся въ Центральной и Южной Америкахъ, преобразовались въ независимыя республики, послѣ кровавыхъ стычекъ, въ которыхъ принимали участіе многіе кубанскіе волонтеры. Торгъ невольниками былъ воспрещенъ, затѣмъ было отмѣнено рабство въ англійскихъ колоніяхъ, а позднѣе и на французскихъ островахъ, и однако положеніе дѣлъ на Кубѣ оставалась безъ перемѣнъ. Правительство метрополіи даровало - было островитянамъ право имѣть своихъ представителей въ Кортесахъ, но затѣмъ опять отняло его; въ дѣйствительности кубанцы жили въ осадномъ положеніи, и главный начальникъ былъ облеченъ такою же властью, какъ комендантъ осаждаемой крѣпости. Но этотъ полновластный диктаторъ былъ таковымъ лишь по виду; въ дѣйствительности же онъ былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ тайной власти «испанскаго клуба», т. е. общества крупныхъ рабовладѣльцевъ. Благодаря богатству своихъ членовъ, этотъ комитетъ могъ безъ труда добиваться изданія желательныхъ ему законовъ и нарушать тѣ, которые его стѣсняли, подкупалъ губернаторовъ, дѣйствовавшихъ въ его интересахъ, и вытѣснялъ тѣхъ изъ нихъ, которые относились къ нему враждебно. Клубъ этотъ, тѣмъ болѣе грозный, что онъ былъ безотвѣтственный и безымянный, преслѣдовалъ одну лишь цѣль—сохраненіе невольничества и негроторговли.

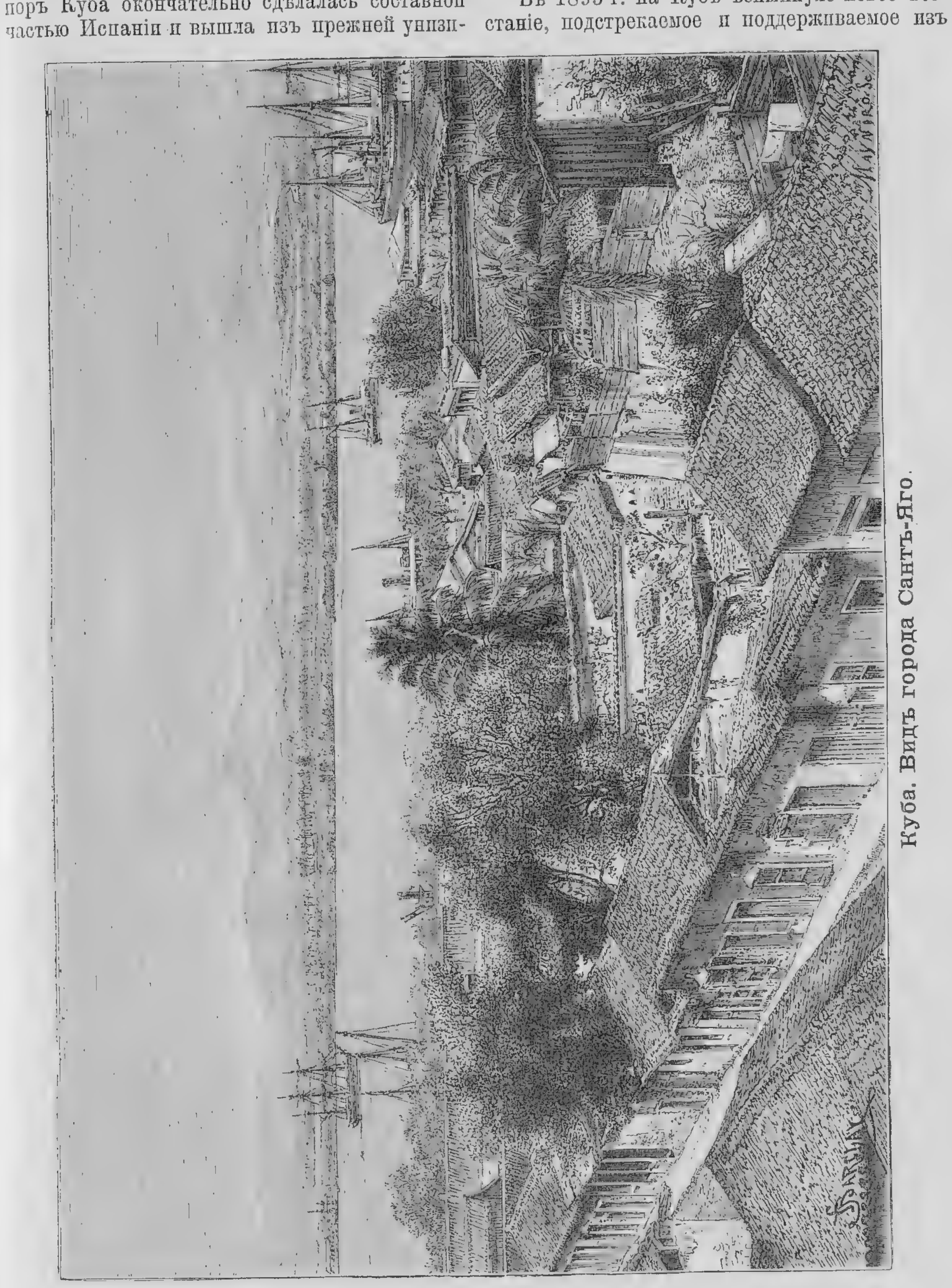
Оттого первое возстаніе, происшедшее въ революціонный періодъ половины этого столѣтія, не было направлено къ уничтоженію рабства: напротивъ того, оно имѣло цѣлью присоединить Кубу, эту одинокую «звѣзду» (*Lone Star*) къ другимъ американскимъ «звѣздамъ», и такимъ образомъ прибавить полмилліона невольниковъ и могущественную группу кубанскихъ плантаторовъ къ политическому царству Южныхъ Штатовъ. Вашингтонское правительство, въ которомъ тогда преобладала партія рабовладѣльцевъ, умышленно не обращало вниманія или даже покровительствовало экспедиціямъ, организовавшимся въ его портахъ; однако, эти экспедиціи были неудачны. Лопецъ и его «флибустьеры» не могли продержаться и двухъ дней въ Карденасѣ, куда они высадились въ 1851 г.; вторая попытка, сдѣланная въ области Вуельта-де-Абахо, тоже не удалась, и Лопецъ съ пятьюдесятью своими товарищами былъ растрѣлянъ. Тѣмъ не менѣе революція обратилась, такъ сказать, въ постоянное явленіе, вслѣдствіе безпрестанныхъ заговоровъ, замышляемыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ бѣлыми и изгнанниками, и дипломатическихъ затрудненій, возбуждаемыхъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ: это послѣднее желало окончательно рѣшить дѣло покупкою Кубы, и президентъ Букананъ предложилъ Испаніи за островъ милліардъ, который однако былъ съ негодованіемъ отвергнутъ кастильянскими патріотами. Впрочемъ, вскорѣ послѣ того разразилась опустошительная война, и Сѣверо-Американская республика, подъ угрозой своего исчезновенія, должна была бросить свои мечты о присоединеніи новыхъ штатовъ.

Большое кубанское возстаніе вспыхнуло, наконецъ, въ 1868 г. въ Яра, въ томъ же восточномъ округѣ, въ которомъ и прежде зачастую происходили революціонныя движенія. На этотъ разъ возмущеніе бѣлыхъ дополнилось эмансипацией негровъ. Извѣстно, что плантаторы начали отпускать на волю своихъ невольниковъ, и мятежъ сталъ быстро распространяться отъ помѣстья къ помѣстью, находя уже наготовѣ свои войска. Новая республика неразъ охватывала болѣе половины всего острова, отъ Сіерры-Маэстра до Пуерто-Принсипе, и, несмотря на большія стратегическія преимущества, которыя географическое положеніе Кубы обезпечивало испанцамъ, владѣвшимъ берегами, главными городами, большими торговыми складами и сѣтью западныхъ желѣзныхъ дорогъ, инсургенты выдерживали кампанію въ теченіе десяти лѣтъ, такъ что противъ нихъ приходилось посылать армію за арміей. Совокупность военныхъ силъ, выставленныхъ Испаніею противъ *mambi*—народное прозвище инсургентовъ — превзошла 145.000 человѣкъ, изъ которыхъ около ста тысячъ погибло, какъ говорятъ, отъ болѣзней, изнуренія и ранъ. На эту тягостную и безславную войну Испанія издержала цѣлый милліардъ, т. е. ту самую сумму, которую она отказалась принять отъ Сѣверо-Американскаго правительства.

Однако, инсургенты, окруженные войсками и съ трудомъ поддерживавшіе опасныя сношенія съ за-границей, которыя велись черезъ ряды непріятельскихъ войскъ, годъ отъ году уменьшались въ своей численности, изнуренные не только пораженіями, но даже и своими побѣдами. Новая республика безуспѣшно взывала къ другимъ республикамъ Новаго Свѣта о совмѣстномъ союзѣ, и предводители ея напрасно ждали поддержки отъ Соединенныхъ Штатовъ. Подобно президенту Буканану, послѣдніе предлагали Испаніи свою подпись для нахожденія выкупа за независимость Кубы; но было уже слишкомъ поздно, и въ 1878 г., послѣ десятилѣтней борьбы, остававшіеся инсургенты должны были сдаться. Впрочемъ, даже пораженіе это все-таки окончилось ихъ торжествомъ, и въ началѣ 1880 г. негры и китайцы, входившіе въ составъ арміи инсургентовъ, получили, наконецъ, полную свободу, и даже для тѣхъ округовъ, гдѣ вовсе не было возстанія, правительство вынуждено было во-

тировать законъ о постепенной эмансипаціи, безъ вознагражденія рабовладѣльцевъ. Съ этихъ поръ Куба окончательно сдѣлалась составной частью Испаніи и вышла изъ прежней унизительной административной зависимости. Интересы метрополіи и колоніи сдѣлались болѣе солидарными, благодаря путямъ сообщенія, облегчившимъ ихъ матеріальное сближеніе. Въ настоящее время Испаніи угрожаетъ гораздо менѣе опасности потерять свой «перлъ», чѣмъ это было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

*Въ 1895 г. на Кубѣ вспыхнуло новое возстаніе, подстрекаемое и поддерживаемое изъ Сѣверной Америки, и приведшее къ тому, что въ 1897 г. острову была дана автономія (рядомъ съ генералъ-губернаторомъ, назначаемымъ Испаніей, собственное министерство и парламентъ изъ двухъ палатъ); но въ слѣдую-

Куба. Видъ города Сантъ-Яго.

щемъ году Соединенные Штаты вмѣшались открыто и объявили Испаніи войну, якобы для освобожденія острова отъ испанскаго ига, и хотя по парижскому мирному трактату 10 декабря 1898 г. Испанія отказалась отъ обладанія Кубой, такъ что послѣдняя пріобрѣла независимость, признанную и конгресомъ С.Ш., однако,сѣверо-американское правительство держитъ островъ въ военной оккупаціи, занимая его своими войсками и введя на немъ военное управленіе.*

Главный городъ Кубы, Габана или Гаванна, т. е. «Саванна», по объясненію Берналя Діаца, былъ не первымъ городомъ, основаннымъ здѣсь испанцами, и даже занимаетъ нынѣ уже не то мѣсто, на которомъ былъ первоначально построенъ. Прибывъ изъ Эспаньолы, завоеватели должны были водвориться на восточной оконечности острова, гдѣ они и избрали для этой цѣли Баракоа, около мыса Маиси; затѣмъ, направляясь къ западу, они нашли болѣе удачно расположенный портъ Сантъ-Яго-де-Куба, который потомъ замѣнили, въ качествѣ столицы, внутреннимъ городомъ Байамо, гдѣ климатъ гораздо здоровѣе. Гаванна, расположенная въ западной части острова, на бухтѣ Броа, къ востоку отъ пляжа, на которомъ находится теперь мѣстечко Батабано, была уже четвертою по порядку столицею Кубы; но доступъ къ ней былъ очень трудный, и почва болотистая. Резиденція была перенесена на сѣверный берегъ: это произошло въ 1519 г., всего семь лѣтъ послѣ основанія Баракоа. Первые дома были построены при устьѣ живописной рѣчки Чорреры, или «Оврага», называемой также Альмендаресъ, или «Миндальныя деревья» на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается крѣпость «Морскихъ Разбойниковъ»; впослѣдствіи возродившійся городъ былъ перенесенъ далѣе на востокъ, на полуостровъ, отдѣляющій море отъ бассейна Каренасъ, гдѣ Себастіанъ-де-Окампо, первый мореплаватель, объѣхавшій вокругъ острова, тимберовалъ свои суда, пользуясь при этомъ источникомъ горной смолы; въ настоящее время этого источника уже нѣтъ, если это только не тотъ фонтанъ, который находится довольно далеко отъ берега въ Гуанабакоа [1]). Новая столица, называвшаяся сначала Санъ-Кристобаль, пріобрѣла съ теченіемъ времени имя Габана, которое носила окрестная мѣстность.

Много было сдѣлано предварительныхъ пробъ, прежде чѣмъ не остановились окончательно на Гаваннѣ, какъ на будущей столицѣ; выборъ дѣйствительно оказался очень удачнымъ. Гаванна занимаетъ чрезвычайно благопріятное для торговли положеніе: уже мѣстныя преимущества очень велики, такъ какъ портъ ея обширенъ и отлично защищенъ, полуостровъ находится въ прекрасныхъ стратегическихъ условіяхъ, а окрестныя плодородныя поля доставляютъ въ большомъ изобиліи всѣ необходимые жизненные припасы; но главное преимущество Гаванны заключается въ ея географическомъ положеніи относительно другихъ жизненныхъ пунктовъ земной поверхности. Находясь въ серединѣ Новаго Свѣта, въ центрѣ большаго американскаго Средиземнаго моря, она стоитъ какъ разъ у самаго исхода Гольфстрема, а слѣдовательно и у исходнаго пункта естественной дороги изъ Антильскихъ острововъ въ Западную Европу. Въ то же время она расположена въ мѣстѣ соединенія нѣсколькихъ навигаціонныхъ линій, которыя направляются къ выходному пункту со всей окружности залива. Дельта Миссисипи, т. е. весь самый населенный бассейнъ Соединенныхъ Штатовъ, открывается прямо противъ Гаванны; наконецъ, въ силу замѣчательнаго контраста, этотъ испано-американскій городъ, передовой стражъ латинскаго континента, обращенъ фасомъ какъ разъ на англо-американскій материкъ. Изъ всего этого понятно, почему Гаванна присвоила себѣ названіе *Llave del Nuevo Mundo*, или «Ключъ Новаго Свѣта», и почему она имѣетъ въ своемъ гербѣ ключъ. Чтобы занять первое мѣсто среди коммерческихъ городовъ, ей недоставало только свободы, охраняющей ее отъ произвола и фискальныхъ требованій отдаленнаго правительства. Но хотя развитіе Гаванны и сильно затормозилось сначала набѣгами французскихъ и англійскихъ корсаровъ, а потомъ политическимъ и административнымъ режимомъ, но тѣмъ не менѣе это во всѣхъ отношеніяхъ первый городъ всѣхъ Антильскихъ острововъ: Англія, соперничающая съ Испаніей своими антильскими владѣніями, не имѣетъ ни на Ямайкѣ, ни на Барбадосѣ ни одного города, который, хотя бы отчасти, могъ сравниться съ Гаванной.

Главный корпусъ города занимаетъ полуостровъ, оріентированный съ запада на востокъ и оканчивающійся мысомъ Морро, возвышающимся надъ самымъ входомъ въ узкое мѣсто пролива, имѣющаго здѣсь всего 340 метровъ ширины. Съ другой стороны прохода возвышаются холмы Кабаньясъ, сильно укрѣпленные форты, не уступающіе крѣпости Принсипе, охраняющей городъ съ западной стороны: кромѣ того, вокругъ порта расположены еще другія военныя укрѣпленія. За полуостровомъ, въ юго-западномъ направленіи, тянутся новые кварталы города, а на высотахъ громоздятся амфитеатромъ все болѣе и болѣе разростающіяся предмѣстья. Гаванская агломерація имѣетъ болѣе четверти милліона жителей, т. е. около шестой части всего островнаго населенія. Съ внѣшней стороны Гаванна не бросается въ глаза ни красотою своихъ зданій, ни

[1]) Alex. de Humboldt, „Histoire politique de Cuba“.

распланировкою ихъ, но въ общемъ этотъ городъ производитъ пріятное впечатлѣніе веселымъ и оживленнымъ видомъ своихъ набережныхъ и улицъ. Дома, въ большинствѣ случаевъ низкіе, окрашены въ яркіе цвѣта—желтый, розовый, зеленый и голубой; Гаванна напоминаетъ испанцамъ Кадиксъ въ ихъ отчизнѣ: площади засажены пальмами, кварталы отдѣлены одинъ отъ другаго широкими бульварами съ густыми деревьями. Какъ во всякой столицѣ, въ Гаваннѣ имѣются грандіозные и роскошные памятники, церкви, дворцы, университетъ и другія высшія учебныя заведенія. Въ Гаванскомъ соборѣ хранятся останки Колумба, хотя тѣ же самые останки великаго мореплавателя составляютъ также гордость жителей Санъ-Доминго, оспаривающихъ у гаванцевъ честь храненія реликвій. У каждаго изъ этихъ городовъ имѣются свои данныя для подтвержденія истины оффиціальными документами; такимъ образомъ ничего болѣе не остается, какъ признать, что Христофоръ Колумбъ похороненъ сразу въ двухъ городахъ, точно такъ же, какъ и родился онъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ [1]. *Теперь останки Колумба перевезены въ Севилью.*

Гаванна—городъ нездоровый и часто опустошаемый эпидеміями; тѣмъ не менѣе тысячи больныхъ пріѣзжаютъ сюда на зиму изъ Соединенныхъ Штатовъ, несмотря на то, что городъ только недавно еще пересталъ нуждаться въ питьевой водѣ. Для водопровода воспользовались частью рѣки Альмендаресъ, которая протекаетъ на западной сторонѣ города и спускается прелестными каскадами къ Пуэнтесъ-Грандесъ, чтобы, обогнувъ холмъ форта Принсипе, излиться въ море по восхитительной долинѣ, защищенной у ея выхода красивою башнею. Въ настоящее время водопроводъ доставляетъ ключевую воду, которая была найдена значительно дальше, въ Венто, верхнемъ притокѣ Альмендареса, и даетъ ежедневно 150.000 кубическ. метровъ воды; протекая подъ землею, вода наполняетъ бассейны, находящіеся на 35 метровъ выше самыхъ высокихъ кварталовъ города. Что касается до нечистотъ, то онѣ выбрасываются въ море и способствуютъ засоренію одной части порта, который вслѣдствіе этого обмелѣлъ въ своихъ переднихъ бухточкахъ, такъ что суда не могутъ въ нихъ входить: винты пароходовъ достаютъ дно и поднимаютъ оттуда зловоніе. Но какъ бы то ни было, этотъ портъ все-таки всегда останется одной изъ лучшихъ гаваней въ свѣтѣ, такъ какъ поверхность его якорной стоянки обнимаетъ нѣсколько квадратныхъ километровъ: одновременно въ немъ могутъ помѣститься тысячи судовъ. Торговля, обороты которой простираются до двухъ сотъ милліоновъ франковъ, и которая обслуживается большею частію сѣверо-американскими судами, состоитъ преимущественно въ вывозѣ трехъ главныхъ продуктовъ Кубы—сахара, табака и кофе; навигаціонное движеніе въ порту опредѣляется двумя тысячами судовъ, не считая тѣхъ гребныхъ, парусныхъ и паровыхъ судовъ, которыя безпрерывно совершаютъ рейсы между берегами. По улицамъ города двигается болѣе шести тысячъ каретъ.

Движеніе навигаціи въ Гаваннѣ въ 1888 г.: прибыло — 1.058 судовъ, вмѣстимостью въ 1.266.104 тонны; вышло—1.121 суд., вмѣстимостью 1.330.403 тон.; итого—2.178 суд., вмѣстимостью въ 2.596.507 тоннъ.

Три главныхъ линіи желѣзныхъ дорогъ забираютъ земледѣльческіе продукты и развозятъ иностранные товары во всѣ стороны западной и центральной части острова. Подводные кабели соединяютъ Гаванну черезъ Кейвестъ съ Соединенными Штатами и съ Европой, а черезъ Вера-Круцъ—съ Мексикой и Центральной Америкой.

Нѣсколько небольшихъ портовъ, замѣчательныхъ по аналогіи своего образованія, расположены по побережью къ западу отъ Гаванны: это—Маріель, Кабаньясъ, Бахіа-Хонда. Самые населенные города западной оконечности острова или области Вуельта де-Абахо находятся внутри земель: Гуанахай, окруженный кофейными плантаціями, и Пинаръ-дель-Ріо, центръ табачныхъ плантацій, производящихъ лучшій въ свѣтѣ табакъ. Значительнѣйшая часть этого табаку вывозится на гаванскія фабрики по желѣзной дорогѣ, но кромѣ того Пинаръ-дель-Ріо имѣетъ также на южномъ берегу два небольшихъ порта—Колома и Кортесъ; изъ послѣдняго порта Фернандо Кортесъ, въ честь котораго и названъ этотъ городъ, отправился на завоеваніе Мексики. Къ сѣверо-востоку отъ Пинаръ-дель-Ріо, въ живописной долинѣ де-лосъ-Органосъ, бьютъ минеральные источники Санъ-Діего, куда стекаются лѣтомъ цѣлыя толпы больныхъ.

Города обширнаго столичнаго округа, очень населенные въ жаркое время года, группируются къ югу и востоку отъ Гаванны, окруженные полями, среди которыхъ раскиданы дачи. Самый большой изъ этихъ городовъ—Гуанабакоа, стоящій на холмѣ, на юго-востокъ отъ Гаванны; отсюда открывается великолѣпный видъ на рейдъ и столицу; у подошвы этого холма расположено торговое мѣстечко Регла, которое соединяется съ Гаванной постояннымъ движеніемъ пароваго парома. На югѣ, за красивымъ кварталомъ Эль-Серро, по которому проходитъ водопроводъ изъ Альмендареса, расположены города Сантъ-Яго, Бежукаль, Санъ-Антоніо. Земледѣльческимъ центромъ южныхъ полей столичнаго округа

[1]) Jimènez Marcos de la Espada, рукописныя замѣтки.

является городъ лосъ-Гуинесъ, построенный при входѣ въ долину, изъ которой вытекаетъ ріо-Маябекъ, изливающаяся въ прибрежныя болота. Прямо на югъ отъ Гаванны лежитъ береговое мѣстечко Батабано; его небольшой портъ, или *surgidero*, можетъ считаться дополненіемъ столичной гавани, съ которой его соединяетъ желѣзная дорога, а между тѣмъ, къ удивленію, городокъ этотъ не достигъ сколько-нибудь важнаго торговаго значенія: еслибы воды этихъ морскихъ пространствъ были достаточно глубоки, то нѣтъ сомнѣнія, что торговля Гаванны съ южными испано-американскими республиками направилась бы по этому пути, избавляющему отъ кружнаго плаванія мимо мыса Санъ-Антоніо. Инженеры неоднократно предлагали прорыть судоходный каналъ между Гаванной и Батабано, но первые проекты имѣли въ виду лишь узкій судоходный каналъ, со шлюзами, а современная торговля не могла бы удовлетвориться подобными работами. Судя по мѣстному преданію, которое приводитъ Гумбольдтъ, сосѣдніе берега постепенно захватываются водами моря, и «дно опускается», какъ говорятъ моряки. Лежащій противъ Батабано островъ Пиносъ началъ заселяться только въ послѣдніе годы XVIII столѣтія; въ 1828 г. тамъ была основана военная колонія для защиты Гаванны съ южной стороны.

Матанзасъ, второй городъ и коммерческій портъ Кубы, занимаетъ такое же мѣстоположеніе, какъ и Гаванна, на берегахъ глубокой бухты сѣвернаго берега: входъ въ портъ также защищенъ крѣпостью. Этотъ городъ, названіе котораго, «Бойня», замѣняющее оффиціальное Санъ-Карлосъ-Альказаръ, напоминаетъ объ избіеніи индѣйцевъ, не принадлежитъ къ числу древнихъ городовъ Кубы. Въ XVI вѣкѣ жители Гаванны имѣли тамъ свиные заводы и маніоковыя плантаціи [1]), но самый городъ былъ построенъ только въ 1693 г., на мысѣ Юкайо, у оконечности бухты, между двумя рѣками Юмури и Санъ-Жуанъ. Матанзасъ далеко растянулся за предѣлы полуострова и образовалъ на лѣвомъ берегу Юмури красивое мѣстечко Версаль (Versalles), а на востокѣ, за Санъ-Жуаномъ,—промышленные кварталы Пуебло-Нуево, въ которыхъ находятся пакгаузы и главная станція. На большой площади Матанзаса, въ 1844 г., былъ разстрѣлянъ поэтъ Пласидо, обвиненный въ возмущеніи негровъ. Съ сѣверной стороны надъ городомъ господствуетъ горный хребетъ Кумбре, съ котораго взорамъ открывается величественная панорама города и порта.

Область, лежащая къ югу и къ востоку отъ Матанзаса, по направленію къ Карденасу, считается самой плодородной на Кубѣ: здѣсь находятся самые большіе сахарные и рафинадные заводы; оттого этотъ городъ сдѣлался независимымъ въ торговомъ отношеніи отъ Гаванны и ведетъ прямую торговлю съ цѣлымъ свѣтомъ и главнымъ образомъ съ Соединенными Штатами; изъ всѣхъ кубанскихъ городовъ Матанзасъ отличается наиболѣе предпріимчивымъ населеніемъ, подражающимъ примѣру сѣверо-американцевъ. Къ несчастію, самый портъ большею частью обмелѣлъ отъ наносовъ, и суда глубокой осадки принуждены бросать якорь на рейдѣ, въ открытомъ морѣ. Около Матанзаса, какъ въ Гаваннѣ и въ другихъ пунктахъ берега, находятся великолѣпныя купанья, для которыхъ утилизировали гроты, открывающіеся у подошвы береговыхъ утесовъ: своды скалъ защищаютъ купальщиковъ отъ солнца, а проволочныя рѣшетки, поставленныя при входѣ, задерживаютъ акулъ, не останавливая и не разбивая пѣнящихся волнъ, которыя съ шумомъ катятся подъ глубокими галлереями.

На востокъ отъ Матанзаса лежитъ новый городъ Карденасъ, основанный всего въ 1828 г.; несмотря на свою молодость, этотъ городъ быстро разросся и, подобно Матанзасу, вошелъ въ прямыя сношенія съ иностранными портами по экспорту сахара и патоки. Онъ расположенъ на берегу обширной бухты, защищенной съ сѣверо-западной стороны длиннымъ полуостровомъ Пунта-Икакосъ; одно время существовалъ проектъ перерѣзать этотъ полуостровъ у его основанія и такимъ образомъ сократить на пятьдесятъ километровъ дорогу въ Матанзасъ, избѣгнувъ опаснаго плаванія черезъ цѣпь рифовъ. Подобно своему сосѣду, Карденасъ тоже соединенъ съ сѣтью кубанскихъ желѣзныхъ дорогъ, а правильно организованное судоходство связываетъ его со всѣми прибрежными городами. Внутри острова самымъ оживленнымъ по сахарной промышленности рынкомъ считается городъ Колонъ, извѣстный прежде подъ названіемъ Нуева-Бермеха.

За этими округами кончается, такъ сказать, жизнь сѣвернаго берега Кубы: островъ какъ бы мѣняетъ свой фасадъ, и центръ притяженія торговли переносится на южный берегъ. Правда эта область, въ теченіе трехъ вѣковъ оставалась почти необитаемой. Сіенфуегосъ, названный такъ въ честь одного кубанскаго губернатора, городъ новый, хотя чудесный портъ его былъ посѣщенъ Колумбомъ, а затѣмъ, въ 1508 г., вполнѣ обслѣдованъ Окампо. Такъ какъ первоначальная численность испанцевъ была слишкомъ незначительна для правильнаго заселенія всего острова, то они и не могли основать колоніи на берегахъ этой гавани, называемой Жагуа, которая, по словамъ Херреры, «не имѣетъ себѣ подобной въ цѣломъ свѣтѣ»; вслѣдствіе этого,

[1]) Bernal Diaz, цитированное сочиненіе.

пираты, контрабандисты и англійскіе корсары вполнѣ безбоязненно могли располагаться здѣсь для починки своихъ судовъ или для подготовленія экспедицій. Городъ основался только въ 1819 году, по иниціативѣ луизіанскаго плантатора Луи Клуэ, который явился сюда въ сопровожденіи колонистовъ изъ Беарна, Гаскони и изъ страны басковъ и выходцевъ съ о. Санъ-Доминго, что составило въ общемъ около сорока семействъ. Портъ Сіенфуегосъ не самый обширный на Кубѣ, хотя онъ занимаетъ поверхность въ 65 квадратныхъ километровъ, но онъ считается лучшимъ изъ всѣхъ тамошнихъ портовъ, и торговля его прогрессируетъ очень быстро. Въ настоящее время черезъ него ведется значительнѣйшая часть торговли всего округа Синко-Вильясъ, т. е. «Пяти городовъ», хотя теперь это уже не «Пять», а «Шесть» городовъ съ того времени, какъ основанъ Сіенфуегосъ. Этотъ послѣдній городъ, сдѣлавшійся вторымъ портомъ на островѣ, далеко оставилъ за собою Тринидадъ, который имѣетъ не менѣе трехъ портовъ и превосходный рейдъ на южномъ берегу. Лежащая между двумя городами равнина Маникарагуа производитъ отличный табакъ, который почти не уступаетъ лучшимъ сортамъ области Вуельта-де-Абахо.

Тринидадъ, одинъ изъ старѣйшихъ между «Пятью» или «Шестью» городами, основанъ былъ уже въ первыя времена завоеванія, вмѣстѣ съ Санто-Спириту (Санти-Спириту), лежащимъ внутри острова, и Ремедіосомъ (Санъ-Жуанъ-де-лосъ-Ремедіосъ), называемымъ въ общежитіи *Cayo*, такъ какъ первыя поселенія, переведенныя впослѣдствіи на самый островъ Кубу, были построены на островкѣ у сѣвернаго побережья. Набѣги французскихъ и англійскихъ пиратовъ, а главнымъ образомъ вторженіе грознаго Олоннэ принудили туземцевъ бѣжать дальше внутрь острова и основать (въ 1690 г.) другой городъ, Санта-Клара, называемый обыкновенно Вилла-Клара: губернаторъ приказалъ сжечь соломенныя хижины жителей, которые отказывались покинуть родное мѣсто [1]). Наконецъ, пятый городъ, Сагуа-ла-Гранде, названный такъ по обилію распространеннаго здѣсь растенія этого наименованія, выросъ въ двадцати километрахъ отъ моря, на одноименной съ нимъ рѣкѣ, замѣстивъ постепенно прежнюю группу хижинъ, расположенную въ головѣ рѣчнаго судоходства. Находящіеся по сосѣдству съ городомъ нефтяные источники снабжаютъ Сагуа-ла-Гранде необходимымъ для освѣщенія улицъ газомъ. Въ округѣ Синко-Вильясъ находятся золотоносные пески, успѣшно эксплоатировавшіеся завоевателями: въ настоящее время эти пріиски очень обѣднѣли.

[1]) Justo Zaragoza, „Las Insurrecciones en Cuba".

Узкая часть Кубы, называемая Моронъ, гдѣ соединяются двѣ половины острова, раздѣляетъ провинціи Санта-Клара и Пуерто-Принсипе. Столицей этой послѣдней и главнымъ городомъ центральной области Кубы служитъ древній Камагуей индѣйцевъ, городъ *criollissima*, т. е. «по преимуществу креольскій», и жители любятъ называть себя камагуейяносами: это самые красивые, сильные и независимые изъ всѣхъ кубанскихъ креоловъ; во время большаго возстанія сотни ихъ воевали въ рядахъ инсургентовъ. Пуерто-Принсипе—самый населенный изъ внутреннихъ городовъ, ибо, судя по его названію «портъ», можно подумать, что онъ построенъ у морской гавани или въ горномъ ущельѣ; совсѣмъ напротивъ: этотъ городъ широко раскинулся среди сплошной равнины. Его морскою гаванью, которая лежитъ на сѣверномъ берегу, служитъ обширный бассейнъ Нуевитасъ, открытый Колумбомъ въ 1492 г.; этотъ мореплаватель и далъ ему названіе Пуерто-Принсипе, перенесенное впослѣдствіи на внутренній городъ. Портъ Нуевитасъ, отлично защищенный мысами острова и кайосомъ Сабиналь, занимаетъ площадь въ 148 квадр. километровъ, но онъ усѣянъ рифами, и устье его, узкое и извилистое, открыто всей силѣ пассатныхъ вѣтровъ. Далѣе къ востоку лежитъ Пуерто-Падре, откуда вывозится горная смола.

Въ рѣчномъ бассейнѣ Кауто главнымъ городомъ, основаннымъ уже въ первыя времена завоеванія, является Байамо, расположенный на южномъ притокѣ: около этого города, къ юго-западу отъ него, находится Яра, гдѣ въ 1868 г. вспыхнуло революціонное возстаніе; въ слѣдующемъ году, когда испанскія войска вошли въ городъ, жители сами подожгли свои дома. Всѣ города этой области, Холгуинъ, ласъ-Тунасъ, или «Индѣйскія Смоковницы», Гуаймаро, неоднократно подвергались осадамъ и штурмамъ; въ послѣднемъ изъ нихъ, въ 1868 г., была провозглашена федеральная республика и эмансипація рабовъ. Во время войны почти всѣ мѣстныя плантаціи были уничтожены, а сама страна—обезлюдена; такимъ образомъ обѣ половины острова, восточная и западная, отдѣлились одна отъ другой пустынною *manigua*. Въ настоящее время города отстраиваются, а поля распахиваются за-ново; портъ Манзанильо, лежащій къ югу отъ устьевъ Кауто, ведетъ обширную торговлю табакомъ, сахаромъ, воскомъ, медомъ и другими земледѣльческими продуктами.

Столица восточнаго департамента Кубы, самый многолюдный городъ и самый дѣятельный портъ этой провинціи—Сантъ-Яго-де-Куба, который обыкновенно называютъ просто Куба, какъ и весь островъ. Онъ расположенъ на берегу одной изъ тѣхъ прекрасныхъ гаваней, которыя открываются въ цѣпи рифовъ,

окаймляющихъ Кубу, и сообщаются съ моремъ лишь узкимъ проливомъ. Гавань Сантъ-Яго имѣетъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ входнаго канала всего лишь 160 метровъ ширины, но внутри твердой земли она разстилается въ видѣ великолѣпнаго бассейна, изрѣзаннаго бухточками, гдѣ могли бы помѣститься всѣ корабли острова. Городъ, защищенный, подобно Гаваннѣ, *morro* и передовыми фортами, ютится на сѣверо-восточной оконечности бассейна, въ кругообразной котловинѣ, и поднимается уступами по склону горъ. Его низкіе дома, раскрашенные въ разнообразные цвѣта, его бульвары, сады и великолѣпный горизонтъ окружающихъ горъ, дѣлаютъ Кубу однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ на прекрасныхъ Антильскихъ островахъ; но страшная жара, скопляющаяся въ почти неподвижномъ воздухѣ глубокой котловины, и происходящая отъ этого нездоровость климата отклонили отъ этого города торговлю: Сантъ-Яго теперь уже занимаетъ третье мѣсто между портами Кубы. Кромѣ того, стѣна Сіерры-Маэстра, возвышающаяся между Сантъ-Яго и остальной частью острова, какъ бы отрѣзала этотъ городъ, сдѣлавъ сообщенія съ нимъ слишкомъ трудными; городъ не соединенъ еще съ главною сѣтью желѣзныхъ дорогъ и пользуется только небольшими спеціальными вѣтвями, изъ которыхъ одна соединяетъ небольшую гавань Юліанъ, на противоположномъ берегу рейда, съ городомъ Кобре, мѣстомъ паломничества и центромъ мѣдно-рудныхъ промысловъ въ Сіеррѣ-Маэстра. Въ этой же горной области находится Каней—«Могила» на языкѣ аборигеновъ,—бывшая индѣйская деревня, вокругъ которой богатые негоціанты построили свои дачи. Желѣзныя рудники Хурагуа, дѣятельно разрабатываемые, принадлежатъ сѣверо-американскимъ промышленникамъ Пенсильваніи. Самые богатые изъ нихъ, на которыхъ работаютъ до 1.200 рабочихъ, находятся въ 27 километрахъ къ востоку отъ Сантъ-Яго и соединены съ этимъ городомъ посредствомъ желѣзной дороги. Въ 1888 г. изъ Сантъ-Яго было вывезено желѣзной руды 230.040 тоннъ.

Куба служитъ телеграфнымъ центромъ, откуда расходятся подводные кабели, въ западный департаментъ и Мексику, на Ямайку и въ Южную Америку, на Гаити, Порто-Рико и Малые Антильскіе острова. Съ восточной стороны, на полпути отъ мыса Маиси, открывается другой портъ, еще болѣе обширный, чѣмъ Куба, но остающійся почти безполезнымъ въ торговомъ отношеніи: это—бассейнъ Гуантанамо, который наносы нѣкоторыхъ рѣкъ все болѣе и болѣе суживаютъ; гребныя суда могутъ еще ходить вверхъ по одной изъ этихъ рѣкъ до мѣстечекъ Сальтадеро и Санта-Каталина.

Баракоа, ближайшій къ восточной оконечности Кубы городъ, былъ первой испанской колоніей, и въ немъ сохранились еще развалины дома Діего-Веласкеца; это тотъ самый Пуерто-Санто, который, принималъ у себя экспедицію Колумба. Однако, новый городъ не достигъ цвѣтущаго состоянія: онъ занимаетъ положеніе, слишкомъ удаленное отъ центра острова и отличается очень сырымъ климатомъ, повидимому, однимъ изъ самыхъ нездоровыхъ на всей Кубѣ; кромѣ того, портъ его расположенъ очень невыгодно, потому что его узкій входъ вполнѣ открытъ пассатнымъ вѣтрамъ, такъ что парусныя суда тамъ какъ бы блокированы и могутъ выйти изъ этого положенія только съ помощью вѣтра, дующаго съ материка [1]). Въ началѣ этого столѣтія Баракоа заселился бѣглыми французами изъ Санъ-Доминго; они окружили городъ садами и кофейными плантаціями, но вторженіе Наполеона въ Испанію возбудило населеніе противъ этихъ французскихъ колонистовъ, и они были вскорѣ изгнаны, а Баракоа снова сдѣлался почти пустыннымъ. Въ настоящее время онъ ведетъ довольно большую торговлю бананами, кокосовыми орѣхами и другими тропическими продуктами съ Соединенными Штатами, при чемъ перевозка производится главнымъ образомъ на норвежскихъ судахъ. Баракоа соединенъ съ Сантъ-Яго живописнѣйшею во всей Кубѣ дорогою, которая проложена черезъ бреши неровныхъ горъ де-ласъ-Кучильясъ, образующихъ семь отдѣльныхъ хребтовъ.

Несмотря на революціи, войны и эпидеміи, населеніе острова Кубы быстро увеличивается: количество его жителей по крайней мѣрѣ ушестерилось съ конца послѣдняго столѣтія. Вынужденная иммиграція бѣлыхъ наемниковъ, африканскихъ негровъ, китайцевъ и юкатековъ давно уже прекратилась, такъ что увеличеніе кубанскаго населенія нужно приписать съ одной стороны свободной иммиграціи, которую поощряетъ само правительство уступкою земель, а съ другой—что еще важнѣе—преобладаніемъ рождаемости надъ смертностью. Реестры гражданскаго сословія и демографическія вѣдомости еще не настолько обстоятельны, чтобы можно было представить въ этомъ отношеніи точныя данныя для всего острова, но результаты, достигнутые послѣдовательными переписями, позволяютъ установить тотъ фактъ, что прироcтъ семей совершается съ извѣстной правильностью въ пользу испанской расы, и что африканскій элементъ постепенно исчезаетъ вслѣдствіе смѣшеній. Болѣе ста тысячъ кубанскихъ жителей родились въ Испаніи или за границей. Ежегодный приростъ кубанскаго населенія въ мирное время можно считать въ пятнадцать или два-

[1]) Miguel Rodriguez-Ferrer, цитированное сочиненіе.

дцать тысячъ человѣкъ, такъ что періодъ удвоенія будетъ около полувѣка.

Населеніе Кубы въ 1895 г.: 2.018.000; въ 1899 г.: 1.318.000 жит.

Главные города Кубы, съ ихъ населеніемъ, ванскій городской округъ) — 29.790; Регла (Гаванск. округъ)—11.280; Матанзасъ (Санъ-Карлосъ)—87.760; Пинаръ-дель-Ріо—21.770; Колонъ (Нуева-Бермеха) — 20.400; Карденасъ—17.550; Гуинесъ—14.720 жит.

Пейзажъ на Ямайкѣ.

включая городской округъ или дистриктъ, въ 1877 г.:

Западный департаментъ: Гаванна (Санъ-Кристобаль)—198.720 жит.; Гуанабакоа (Гаванскій городской округъ) — 29.790; Регла (Гаванск. округъ)—11.280; Матанзасъ (Санъ-Карлосъ)—87.760; Пинаръ-дель-Ріо—21.770; Колонъ (Нуева-Бермеха) — 20.400; Карденасъ—17.550; Гуинесъ—14.720 жит.

Центральный департаментъ: Пуерто-Принсипе—46.640 жителей; Сіенфуегосъ—65.070; Санкти-Спириту—32.600; Тринидадъ—27.640; Санта-Клара (Вилла-Клара) — 22.780; Реме-

діосъ (Санъ-Жуанъ или Кайо)—13.930; Сагуа-ла-Гранде—13.600 жит.

Восточный департаментъ: Сантъ-Яго-де-Куба (Куба)—71.300 жителей; Холгуинъ—34.760; Манзанильо—23.200; Гуантанамо — 17.200; Байамо—13.400; Баракоа—12.480; Каней—10.480 жит.

Населеніе Кубы, по переписи или исчисленію, въ различныя времена: въ 1774 году—171.620 жителей; въ 1811 г.—600.000; въ 1841 г.—1.007.000; въ 1862 г., до возстанія—1.359.238; въ 1877 г., послѣ возстанія — 1.405.268; въ 1887 г.—1.631.687 жит.

Во время режима абсолютной монополіи островъ Куба, сдѣлавшійся впослѣдствіи такимъ богатымъ, находился въ крайне бѣдственномъ положеніи, такъ что его города, укрѣпленія, порты и дороги приходилось сооружать на деньги Мексики. Первый толчекъ на путь прогресса былъ данъ колоніи однимъ случаемъ, который съ внѣшней стороны можно было назвать несчастіемъ. Въ 1805 г., англійскій флотъ оказалъ Кубѣ услугу, отдѣливъ ее отъ метрополіи и освободивъ такимъ образомъ отъ испанской монополіи и отъ произвола казны. Островъ сдѣлался открытымъ для общей торговли, и портъ Гаванна, куда до того въ среднемъ заходило въ годъ отъ десяти до двѣнадцати судовъ, принадлежавшихъ привилегированной Севильской компаніи, сразу оживился, такъ что въ теченіе десяти мѣсяцевъ тамъ перебывало болѣе тысячи судовъ [1]); культура и торговля развились точно какимъ чудомъ. Правда, испанское правительство, снова сдѣлавшись хозяиномъ Кубы, возстановило прежній режимъ, но въ 1818 г. торговля была объявлена, наконецъ, свободной, и, вмѣсто того, чтобы жить на счетъ подачекъ Мексики, островъ Куба вскорѣ получилъ возможность доставлять испанской казнѣ доходы и съ своей стороны. Въ нормальные годы Испанія, живущая паразитомъ на счетъ своей колоніи, получала съ Кубы до 150 милліоновъ франковъ [2]).

Вспаханныя поля и луга, пригодные для скотоводства, занимаютъ на Кубѣ немного болѣе четверти всего островнаго пространства, и все земледѣльческое богатство Кубы опредѣляется въ пять милліардовъ. Главную культуру этого острова составляетъ сахарный тростникъ: въ годовомъ производствѣ этого продукта, считающагося, по мѣстной поговоркѣ, «королемъ страны», на долю Кубы приходится почти четвертая часть количества, производимаго на всемъ земномъ шарѣ. Въ этой отрасли промышленности Куба занимаетъ первое мѣсто, хотя многія другія тропическія страны владѣютъ еще болѣе обширными пространствами земли, благопріятной для этой культуры: Ява, напримѣръ, занимаетъ уже второе мѣсто. Съ включеніемъ свеклович. сахара, итогъ всей сахарной промышленности въ 1887 г. составлялъ 5.187.000 тоннъ, стоимостью въ 2 милліарда. Ежегодная цѣнность сахара, доставляемаго кубанскими заводами, достигаетъ въ среднемъ 250 милліоновъ франковъ, не включая въ эту сумму ромъ и патоку; но эти доходы сосредоточиваются въ рукахъ незначительнаго числа лицъ, такъ какъ сахарныя плантаціи, занимающія здѣсь 3.400 квадратныхъ километровъ, представляютъ нераздробленныя, обширныя владѣнія, и многія изъ нихъ, въ особенности въ округахъ Матанзасъ, Карденасъ, Сипко-Вилласъ и Гуантанамо, производятъ ежегодно до 5.000 тоннъ сахара; фабрики на этихъ плантаціяхъ пользуются самыми лучшими машинами, изготовленными на европейскихъ и сѣверо-американскихъ заводахъ: на Кубѣ, именно на ея поляхъ, а не въ городахъ, можно видѣть самыя грандіозныя произведенія новѣйшей промышленности. Около половины всѣхъ рабочихъ на сахарныхъ заводахъ состоитъ изъ бѣлыхъ. *Производство сахара на Кубѣ въ 1894—95 гг. простиралось до 1.004.264 тоннъ, но затѣмъ постепенно уменьшалось, и въ 1898—99 гг. упало до 25.098 тоннъ.*

Во время открытія Новаго Свѣта Колумбовы посланцы замѣтили, что кубанскіе индѣйцы имѣли обыкновеніе держать въ одной рукѣ зажженную головешку, а въ другой—свернутые сухіе листья, и что время отъ времени они ихъ зажигали, подносили ко рту и вдыхали дымъ черезъ ротъ и носъ. Эти листья были листьями табака, которые съ тѣхъ поръ получили такую широкую извѣстность во всѣхъ остальныхъ четырехъ частяхъ свѣта; но все-таки первенство въ этомъ отношеніи осталось за Кубою. Хотя культура табака на островѣ и не достигла того значенія, какъ сахарное производство, но по качеству своему табакъ изъ Вуельты-де-Абахо считается лучшимъ во всемъ свѣтѣ. Что касается до валоваго количества годоваго сбора, то Кубу опередили въ этомъ отношеніи не только Соединенные Штаты и Инсулиндъ, но даже и большинство другихъ производительныхъ странъ, напримѣръ, Франція, а въ испанской колоніи дальняго Востока Манилья сдѣлалась опасной соперницей Гаванны.

Табачныхъ плантацій на Кубѣ въ 1895 г.: 9.487; въ 1899 г.: 1.250.

Значительнѣйшая часть табака съ другихъ Антильскихъ острововъ отправляется для обработки на кубанскія фабрики [1]).

Кофе, по своей цѣнности, занимаетъ въ островной промышленности третье мѣсто; нѣкогда ему принадлежало первое мѣсто, именно въ то время, когда на Кубѣ поселились бѣжавшіе съ Санъ-Доминго французскіе план-

[1]) Jerolim von Benko, „Reise des Schiffes Zrinyi".
[2]) Mayer y Roz, „Cuba y sus partidos politicos".

[1]) Jerolim von Benko, цитированное сочиненіе.

таторы. Благодаря этой культурѣ, кубанскія поля въ то время имѣли совсѣмъ иной видъ, чѣмъ теперь: такъ какъ кофейное дерево любитъ тѣнь, то такія плантаціи представляли собою тѣнистые сады и преимущественно фруктовые. Эти прекрасные сады пересѣкались аллеями, надъ которыми свѣшивались вѣтви деревьевъ, отягченныя цвѣтами и плодами. Но развитіе сахарнаго производства повело за собой уничтоженіе этихъ роскошныхъ садовъ съ ихъ чудными фруктовыми деревьями, на мѣстѣ которыхъ выросли заводы съ паровыми машинами. Страна приняла фабричный видъ, сильно обезобразившій ея внѣшность. Эта-то вульгаризація земель послужила одной изъ причинъ, которыя увеличили эмиграціонное движеніе крупныхъ землевладѣльцевъ; почти всѣ они переселились въ кубанскіе города и за границу, оставивъ свои обширныя имѣнія на попеченіи управляющихъ [1]). Кромѣ сахару и табаку, островъ производитъ также хлопчатникъ, хлѣбъ, маніокъ и фрукты, но все это въ очень незначительномъ количествѣ сравнительно съ потребностями населенія: большой Антильскій островъ не въ состояніи продовольствовать своихъ собственныхъ жителей. Раздѣленная на обширныя помѣстья, въ которыхъ весь трудъ направленъ на пользу экспортной торговли, Куба должна покупать на сторонѣ рисъ, хлѣбъ, муку, мясо, свиное сало и другіе предметы продовольствія. Хотя невольничество отмѣнено на Кубѣ, но экономическій строй, соотвѣтствующій этому институту, не переставалъ преобладать на островѣ.

Домашнія животныя, завезенныя на островъ еще въ первыя времена оккупаціи, нашли тамъ благопріятныя для себя условія; но, не переставая размножаться на Кубѣ, они всетаки болѣе или менѣе видоизмѣнились. Кубанскія лошади, принадлежащія къ андалузской породѣ, потеряли въ ростѣ и въ ширинѣ груди, зато выиграли въ выносливости, въ силѣ и въ долговѣчности. До большаго возстанія 1868 года ихъ было такое множество на всемъ островѣ, и главнымъ образомъ въ центральныхъ и восточныхъ областяхъ, что никто не ходилъ пѣшкомъ: всѣ инсургенты, и бѣлые, и негры, были кавалеристами, и это позволяло имъ иногда дѣлать въ день по 80 километровъ и укрываться отъ преслѣдованія; они неожиданно появлялись въ совершенно противуположныхъ пунктахъ и тѣмъ обманывали непріятеля относительно своей настоящей численности; а такъ какъ военная рутина запрещала испанскимъ пѣхотинцамъ обращаться въ кавалеристовъ, хотя бы для преслѣдованія своихъ неуловимыхъ противниковъ [2]), то возстаніе только благодаря лошади и могло такъ долго продержаться при такихъ значительныхъ военныхъ силахъ, какими владѣли испанцы, и на такомъ узкомъ островѣ, который легко можно было блокировать съ обоихъ береговъ. Въ настоящее время количество верховыхъ животныхъ сильно уменьшилось сравнительно съ населеніемъ, и нигдѣ уже нельзя встрѣтить дикихъ лошадей, какъ прежде на кайо Сомано, въ саваннахъ Нипе и въ другихъ отдаленныхъ областяхъ. Ословъ очень мало, и ихъ держатъ на большихъ плантаціяхъ только для племени, такъ какъ отъ помѣси ихъ съ мулами получается очень выносливая порода, успѣшно примѣняемая для перевозки тяжести въ горахъ. Верблюдъ, привезенный на Кубу съ Канарскихъ островов, не могъ здѣсь акклиматизироваться, вслѣдствіе укусовъ блохи нигвы (pulex penetrans), которая вонзается прямо въ ноги животнаго. Въ нѣкоторыхъ частяхъ острова, главнымъ образомъ въ округѣ Баракоа, гдѣ Кортесъ разводилъ скотъ, въ качествѣ вьючныхъ и ѣздовыхъ животныхъ употребляютъ воловъ, какъ это дѣлаютъ въ Южной Африкѣ. Козы и овцы хуже привились на Кубѣ, чѣмъ свиньи и крупный скотъ: коза утратила свою живость, а овца, вслѣдствіе плохаго ухода, замѣнила свое пушистое шелковистое руно грубымъ шерстистымъ покровомъ. Главныя неудобства кубанскаго землевладѣнія состояли еще недавно въ невозможности размежевки, такъ какъ земли жаловались круглыми участками, промежутки между которыми оставались безъ законныхъ владѣльцевъ; вслѣдствіе этого, происходили постоянные захваты сосѣднихъ владѣній. Это странное подраздѣленіе земли на круглые *hatos* произошло оттого, что первыя концессіи были даны для разведенія скота, который днемъ разсѣивается во всѣ стороны, а вечеромъ снова стекается къ центру. Во избѣжаніе нескончаемыхъ тяжбъ, зачастую приходилось прямо отказываться отъ всякихъ разслѣдованій относительно правъ того или другаго лица на захваченную землю. Тѣмъ не менѣе, кое-гдѣ еще сохранились прежнія разграниченія, къ выгодѣ законниковъ: уже давно на Кубѣ не соблюдается болѣе указъ Фердинанда, запрещающій посылать въ «Индію» какихъ бы то ни было законовѣдовъ, изъ боязни, чтобы въ Новомъ Свѣтѣ не расплодились тяжбы, порождающія распри и раздоры [1]).

Какъ страна крупнаго землевладѣнія и крупнаго производства, Куба почти вовсе не имѣетъ мануфактурной промышленности, такъ что почти всѣ мануфактурныя произведенія привозятся изъ-за границы. Но эта бѣдность въ заводахъ,—за исключеніемъ сахарныхъ и табачныхъ фабрикъ,—равно какъ и нужды народ-

[1]) Dana, „Tour du Monde“, 1860.
[2]) Miguel Rodriguez-Ferrer, цитированное сочиненіе.

[1]) Montaigne, „Essais“. Книга III. Глава XIII.

наго продовольствія вызываютъ весьма оживленную торговлю островитянъ съ земледѣльческими и промышленными странами; розничная же торговля цѣликомъ сосредоточилась въ рукахъ каталонцевъ: слова «бакалейщикъ» и «католонецъ» сдѣлались на Кубѣ синонимами[1]). Мѣновая торговля съ заграницей,— исчисляемая въ среднемъ въ 400 милліоновъ франковъ, — составляетъ почти 250 франковъ на каждаго жителя; впрочемъ, она подвергалась сильнымъ колебаніямъ, вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ тарифа. Въ распоряженіи торговаго движенія находятся тысячи судовъ, поддерживающихъ правильное сообщеніе съ главными портами американскаго Средиземнаго моря и Атлантическаго океана, но преимущественно съ Соединенными Штатами.

*Торговля Кубы съ Соединенными Штатами, по сѣверо - американскимъ статистическимъ даннымъ, за годы, оканчивающіеся 30-го іюня: вывозъ съ Кубы въ Соединенные Штаты въ 1895 г.—52.871.259, въ 1899 г.—25.411.410 доллар.; ввозъ на Кубу изъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1895 г.—12.807.661, въ 1899 г.— 18.615.707 д. Общій вывозъ Кубы со 100 мил. въ 95 г. сократился до 20 мил. дол. въ 99 г. *

Въ торговомъ движеніи Кубы Испанія занимаетъ второе мѣсто, хотя острову было бы выгоднѣе дѣлать свои закупки въ болѣе близкихъ странахъ: Испанія, такъ сказать, принуждаетъ дифференціальными пошлинами закупать необходимые для колоніи товары въ портахъ Полуострова; черезъ эти порты идетъ даже мука, которую закупаютъ въ Сѣверной Америкѣ и перепродаютъ на Кубѣ: для многихъ предметовъ торговли, Испанія не имѣетъ другихъ кліентовъ, кромѣ кубанцевъ, которыхъ она вынуждаетъ обращаться къ ней. Каботажная торговля производится по всей окружности острова, занимая для этой цѣли нѣсколько тысячъ небольшихъ судовъ, вмѣщающихъ не болѣе 50 тоннъ груза; что касается такихъ пароходовъ, которые сами имѣютъ вѣсу около трети всей вмѣстимости, то это—огромныя суда, употребляемыя почти исключительно для заграничной торговли.

Коммерческій флотъ Кубы въ 1886 году: 7.218 парусныхъ судовъ, вмѣстимостью въ 77.564 тонны; 76 пароходовъ, вмѣстимостью въ 31.639 тоннъ; итого 7.295 судовъ, вмѣстимостью въ 109.203 тонны.

Постройка желѣзныхъ дорогъ на Кубѣ началась съ 1837 г.; главною ея цѣлью было соединить Гавану съ производительными мѣстностями ея окрестностей, и сѣть, очень неправильная, покрыла только западную часть острова; въ восточной же части попадаются только кое-какія отрывочныя вѣтви будущихъ большихъ линій. Разразившееся возстаніе остановило дальнѣйшую постройку желѣзныхъ дорогъ на цѣлыя десять лѣтъ, и «центральная дорога», которая въ недалекомъ, вѣроятно, будущемъ, разрѣжетъ весь островъ въ длину, отъ мыса Санъ-Антоніо до мыса Маиси, находится еще пока въ состояніи проекта. Что касается до телеграфныхъ линій, то онѣ покрываютъ своими проволоками весь островъ и посредствомъ подводныхъ кабелей соединяются съ общей телеграфной сѣтью всего свѣта.

Длина желѣзныхъ дорогъ на Кубѣ въ 1896 г.: 1.731 километръ; длина телеграфныхъ линій въ 1894 г.—3.711 километровъ (5.555 километр. проводовъ).

Представителемъ власти метрополіи на Кубѣ является генералъ-губернаторъ, имѣющій резиденцію въ Гаваннѣ и командующій сухопутными и морскими военными силами острова; ему подчинены шесть гражданскихъ губернаторовъ остальныхъ провинцій Кубы. По избирательному закону, избиратели большаго Антильскаго острова, пользующіеся свободой по крайней мѣрѣ десять лѣтъ и платящіе ежегодный цензъ въ 125 франковъ, посылаютъ въ Сенатъ метрополіи шестнадцать выборныхъ,— трехъ отъ Гаванны, двухъ отъ каждой изъ провинцій: Матанзасъ, Пинаръ-дель-Ріо, Пуерто-Принсипе, Санта-Клара и Сантъ-Яго-де-Куба, одного отъ гаванскаго университета и спеціальныхъ высшихъ училищъ и, наконецъ, совмѣстно съ Порто-Рико, одного отъ различныхъ «экономическихъ обществъ». Народные представители назначаются въ количествѣ одного депутата на 40.000 жителей. Каждая провинція имѣетъ также свои собранія выборныхъ, а муниципалитеты управляются совѣтниками, количество которыхъ зависитъ отъ численности населенія общины. Школьное образованіе обязательно для всѣхъ дѣтей отъ шести до девяти лѣтъ. Войско, заключающее въ себѣ также батальонъ негровъ, состоитъ въ мирное время изъ 19.000 человѣкъ, содержащихся на бюджетъ Кубы. Колонія имѣетъ также свой собственный флотъ. Кубанскій бюджетъ, независимый отъ метропольнаго, главнымъ образомъ пополняется таможенными пошлинами на иностранные ввозные товары, и пятая часть всѣхъ расходовъ идетъ на уплату процентовъ по долгу, который достигаетъ почти одного милліарда.

*Исчисленные по росписи на 1898—1899 годъ доходы и расходы балансируются въ суммѣ около 26 милліоновъ песо. *

Куба раздѣлена оффиціально на шесть провинцій, подраздѣленныхъ, въ свою очередь (1884), на 36 *partidos*, или судебныхъ округовъ, и на 134 *ayuntamientos*, или муниципалитетовъ, которые называются также *términos municipales*. Одинъ и тотъ же городъ можетъ быть главнымъ городомъ нѣсколькихъ судебныхъ округовъ: такъ, столица, Гаванна,

[1]) Hippolyte Pirou, „L'île de Cuba".

заключаетъ въ себѣ восемь такихъ партидосовъ. Слѣдующая таблица даетъ списокъ областей и округовъ, съ числомъ ихъ муниципалитетовъ:

	Провинціи.	Поверхн. въ квадр. километр.	Населеніе.	Килом. населеніе.	Судебные округа.
Западъ.	Пинаръ-дель-Ріо.	14.967	182.204	12,2	Пинаръ-дель-Ріо, Санъ-Кристобаль, Гуанахай (25 муниципій).
	Гаванна........	8.610	435.896	50,6	Гаванна, Гуанабакоя, Жаруко, Санъ-Антоніо-де-лосъ-Баньосъ, Бежукалъ, Гуинесъ (36 муниципій).
	Матанзасъ	8.486	283.121	33,4	Матанзасъ, Карденасъ, Альфонсо XII, Колонъ (24 муниципій).
	Санта-Клара....	23.083	321.397	13,9	Санта-Клара, Сагуа-ла-Гранде, Ремедіосъ, Сіенфуегосъ, Тринидадъ, Санто-Спириту (29 муниципій).
Центръ.	Пуерто-Принсипе.	32.341	69.245	2,1	Пуерто-Принсипе, Санто-Спириту-Эсте (5 муниципій).
Востокъ.	Сантъ-Яго-де-Куба	35.119	229.821	6,5	Сантъ-Яго-де-Куба, Манзанильо, Байамо, Холгуинъ, Баракоа (15 муниципій).

Глава VIII

Ямайка (Jamaica).

Ямайка, принадлежащая къ Большимъ Антильскимъ островамъ, по своему пространству занимаетъ третье мѣсто, но много уступаетъ въ этомъ отношеніи Кубѣ и Санъ-Доминго. Въ отношеніи населенности разница между этими островами меньше, такъ какъ километрическая плотность на Ямайкѣ—значительнѣе. Ямайка сама по себѣ составляетъ около трети всей поверхности англійскихъ Антильскихъ острововъ и вмѣщаетъ въ себѣ почти половину всѣхъ британскихъ подданныхъ, живущихъ въ Вестъ-Индіи.

Поверхность и населеніе Ямайки въ 1898 г.: 10.860 кв. килом.; 727.636 жителей; 66,2 жит. на кв. километръ.

Съ перваго взгляда имя Ямайка кажется словомъ европейскаго происхожденія: «островъ Хайме (Жайме) или Джемса»—таковъ смыслъ, который можно на первый взглядъ придать ему, приписывая это наименованіе лести. На самомъ дѣлѣ это слово—индѣйскаго происхожденія: Хаймака на языкѣ исчезнувшихъ аборигеновъ означаетъ «Островъ Источниковъ» или «Потоковъ». Когда Колумбъ открылъ этотъ островъ въ 1494 г., во время своего втораго путешествія, онъ назвалъ его Сантъ-Яго; но это названіе вскорѣ было забыто. Испанцы поселились на Ямайкѣ въ началѣ слѣдующаго вѣка, въ 1509 г., и основали тамъ нѣсколько постовъ, вокругъ которыхъ сгруппировались туземцы, покоренные безъ всякаго кровопролитія. Но первому губернатору, Эскивелю, человѣку мягкому и доброму, наслѣдовали люди жестокіе, такъ что историческая роль этихъ завоевателей ограничилась почти исключительно истребленіемъ туземцевъ: въ 1655 году, полтора вѣка спустя послѣ оккупаціи, когда флотъ, посланный Кромвелемъ противъ Санъ-Доминго, но отраженный отъ этого острова, вознаградилъ себя за неудачу захватомъ Ямайки, на послѣдней оказалось всѣхъ жителей, какъ свободныхъ, такъ и рабовъ, только 3.000; изъ нихъ полторы тысячи было испанцевъ, которые большею частью ушли на островъ Кубу. Завоеванная англичанами земля была заселена въ слѣдующемъ году всякимъ сбродомъ, взятымъ съ Антильскихъ острововъ и съ береговъ Шотландіи и Ирландіи. Благодаря дарованнымъ привилегіямъ, среди явившихся эмигрантовъ было много европейскихъ купцовъ. Ямайка сдѣлалась центромъ морскихъ грабежей и невольничьяго торга: это въ Портъ-Роялѣ Морганъ снаряжалъ свои экспедиціи, и этотъ же городъ былъ главнымъ рынкомъ, откуда рабы, вывезенные изъ Африки, распредѣлялись на другихъ Антильскихъ островахъ и на материкѣ.

Въ цѣломъ Ямайка представляетъ возвышенную землю, средняя высота которой значительно больше высоты Кубы. На англійскомъ островѣ почти совсѣмъ нѣтъ прибрежныхъ болотъ, окаймленныхъ корнепусками, и

внѣшнихъ береговъ изъ сплошнаго ряда рифовъ, которыхъ такъ много на Кубѣ: берегъ почти всюду крутой, и на всей окружности острова, длиной почти въ 800 километровъ, береговые утесы занимаютъ значительныя пространства. Такъ же, какъ и на Кубѣ, самыя высокія возвышенности находятся здѣсь въ восточной части острова; онѣ носятъ названіе «Голубыхъ Горъ» (*Blue Mountains*). Дѣйствительно, съ судовъ, плавающихъ по близости береговъ, эти горы, возвышающіяся почти на равномъ разстояніи отъ обоихъ береговъ, кажутся, вслѣдствіе отдаленности, всегда лазуревыми, но довольно близкими, однако, чтобы можно было различать зеленыя долины, оттѣнки которыхъ мѣняются отъ разнообразія ихъ культуръ и растительныхъ зонъ. Самая высокая вершина этой горной цѣпи, съ очень неровными зубцами, Кольдъ-риджъ или «Холодный гребень», достигаетъ 2.262 метра, по измѣреніямъ Галля [1]): на вершину ведетъ недавно проложенная дорога, которая живописно извивается узкою лентою. Но общее протяженіе Голубыхъ Горъ не превышаетъ шестидесяти километровъ: къ западу отъ пика Екатерины (*Catherinehill*), высотою въ 1.362 метра, горная ось прерывается брешью; а неправильные выступы, возвышающіеся тамъ и сямъ въ видѣ отдѣльныхъ хребтовъ, массивовъ или плоскогорій, только на нѣкоторыхъ изолированныхъ пунктахъ достигаютъ болѣе километра высоты. Въ общемъ они представляютъ настоящій лабиринтъ, устроенный работою рѣкъ, которыя прорыли въ нихъ небольшія бреши и долины, то въ видѣ широкихъ бассейновъ, то въ видѣ узкихъ проходовъ: нѣкоторые изъ этихъ отдаленныхъ отъ гористой области амфитеатровъ называются англичанами *cockpits*, т. е. «аренами пѣтушинаго боя» [2]). Южная оконечность острова, удлиняющаяся въ видѣ полуострова, Портландъ-риджъ, представляетъ невысокій хребетъ, соединяющійся низкими землями съ главнымъ корпусомъ; прежде это былъ отдѣльный островокъ. Что касается до западной оконечности Ямайки, округляющейся въ видѣ «головы дельфина», то надъ ней господствуетъ великолѣпная гора, высотою въ 1.052 метра, которую моряки дѣйствительно назвали Дольфинсъ-хэдъ. Массивъ, оканчивающійся этою горою, почти совершенно отдѣленъ отъ центральнаго корпуса Ямайки впадиной, въ которой протекаетъ одна изъ самыхъ значительныхъ на островѣ рѣкъ, называющаяся Грэтъ-Риверъ, или «Большая Рѣка». Ямайка, какъ и другіе крупные Антильскіе острова, не имѣетъ дѣйствующихъ вулкановъ, но около города Спанишъ-таунъ виднѣются остатки прежнихъ изверженій, и землетрясенія здѣсь далеко не рѣдкое явленіе. Въ концѣ августа 1883 г. на островахъ Кайманъ слышались продолжительные раскаты, похожіе на отдаленный громъ. Предполагаютъ, что этотъ шумъ, наведшій страхъ на туземцевъ, происходилъ отъ взрыва Кракатау и распространился съ Зондскихъ острововъ до Антильскихъ черезъ всю толщу планеты [1]).

Къ востоку отъ Грэтъ-Риверъ, на пространствѣ ста километровъ, сѣверный склонъ горъ состоитъ, также какъ и рифы, изъ известняковъ, которые изрыты безчисленными пещерами, гдѣ протекаютъ воды: во многихъ мѣстахъ поверхность камня всегда остается сухою, независимо отъ времени года и отъ обилія дождей. Этою своею частью Ямайка походитъ на Юкатанъ а еще болѣе на Карніолію, по причинѣ неровности ея рельефа. Во всемъ свѣтѣ немного найдется еще странъ, которыя были бы такъ богаты воронками и подземными потоками; по всей окружности известковаго округа воды снова выходятъ на поверхность въ видѣ источниковъ. Множество обваловъ, пещеръ и ручьевъ свидѣтельствуютъ о скрытыхъ рѣкахъ и ихъ истокахъ, ясно показывая ихъ направленіе; зачастую склонъ наклоняется въ сторону, обратную поверхностнымъ скатамъ. Озера, какъ наружныя, такъ и тѣ, которыя лежатъ въ глубинахъ, образуются выше скалистыхъ пороговъ.

«Черная рѣка» (*Black river*), изливающаяся въ юго-западное море, представляетъ собою одинъ изъ потоковъ, бассейнъ которыхъ заключаетъ въ себѣ наибольшее число подземныхъ притоковъ. Это также единственная рѣка на островѣ, по которой плоскодонныя гребныя суда могутъ ходить на пятьдесятъ километровъ внутрь материка. Другія рѣки несудоходны, даже тѣ двѣ рѣки, которыя имѣютъ наиболѣе обширную поверхность истеченія, именно ріо-Миньо, или Драй-Риверъ (Сухая рѣка), и Кобре: и та, и другая орошаютъ южный склонъ острова, который представляетъ наибольшую ширину, но получаетъ меньшее количество воды, такъ какъ не обращенъ въ сторону пассатныхъ вѣтровъ. Во время половодья Кобре катитъ иногда воды 2.200 кубическихъ метровъ въ секунду, нормальный же дебитъ его составляетъ всего только около 11 метровъ, а во время мелководья еще уменьшается на четверть [2]). Подобно сѣверо-западнымъ рѣкамъ, Кобре тоже имѣетъ свои подземныя галлереи, свои пропадающіе и вновь появляющіеся источники.

Климатъ Ямайки такой же, какъ на Кубѣ: онъ представляетъ тѣ же контрасты между противоположными берегами, между равнинами и горами, между верховой и низовой сто-

[1]) „Proceedings of the R. Geographical Society“, сентябрь 1887 года.

[2]) F. Stewart, „A. View of the island of Jamaica“.

[1]) Edmond Boulet;—F. A. Forel, „Nature“, мартъ 26 1885 года.

[2]) Jerolim von Banko, цитированное сочиненіе.

роной. Отчасти защищенная отъ дождевыхъ вѣтровъ Кубою и Санъ-Доминго, Ямайка получаетъ поэтому меньше влаги, хотя находится также въ зонѣ тропическихъ ливней и

Гаити.

ураганов: на сѣверо-восточныхъ склонахъ Голубыхъ Горъ дождя выпадаетъ до 2 съ половиною метровъ въ годъ, тогда какъ въ равнинахъ Спанишъ-тауна, бывшей Веги, дождей иногда совершенно не бываетъ.

Метеорологическія условія Кингстона (наблюденія за 19 лѣтъ): средняя температура, 23°,9; максим. темп., 33°,9; миним. темп., 19°,4; разность, 10°. Среднее количество дождей въ теченіе десяти лѣтъ: на всемъ островѣ, 1^{м}·69; въ сѣверо-восточной области, 2^{м}·19; въ Кингстонѣ (южная область), 1^{м}·10.

По самородной флорѣ и по эндемической фаунѣ Ямайка ничѣмъ не разнится отъ сво-

ихъ обоихъ сосѣдей. Нѣсколько растительныхъ породъ были завезены изъ Африки невольничьими судами: одна изъ нихъ, «лошадиный бобъ» (canavalia ensiformis), была, вѣроятно, занесена неграми-колдунами, такъ какъ плодъ ея ядовитъ и употребляется при колдовствѣ; кромѣ того, это растеніе употребляется въ качествѣ предохранительнаго средства отъ воровъ, и негры называютъ его *overlook*, что означаетъ «караульщикъ», поручая ему охрану своихъ хижинъ и садовъ [1]). Другое растеніе, называемое «труба», утилизируется неграми для музыкальнаго инструмента: изъ его скважистыхъ сучьевъ они дѣлаютъ флейты короманти, нѣчто вродѣ гобоя, съ нѣжными, чувствительными звуками [2]).

Писатели XVI-го вѣка упоминаютъ въ числѣ животныхъ Ямайки *alco*, или кубанскую «нѣмую собаку», которая, по всей вѣроятности, была вовсе не собака, а енотъ (*procyon lotor*); они говорятъ также, что въ лѣсахъ этого острова водилось нѣсколько породъ мелкихъ обезьянъ. Наиболѣе интереснымъ животнымъ, обратившимъ на себя вниманіе первыхъ колонистовъ Ямайки, является земной краббъ (cancer ruricola), который живетъ въ горахъ, а яйца кладетъ на берегу моря, и который водится также на другихъ Антильскихъ островахъ, но какъ тамъ, такъ и здѣсь ему, угрожаетъ близкое исчезновеніе. Когда эти краббы выползаютъ изъ разсѣлинъ скалъ, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, они покрываютъ почву миллiардами, направляясь по прямой линіи къ берегу подъ предводительствомъ цѣлаго батальона самцовъ, на которыхъ возлагается обязанность по изслѣдованію пути. Достигнувъ берега, они спускаются къ самой водѣ и, освобожденные отъ яичекъ ударомъ набѣгающей волны, закапываютъ ихъ въ песокъ: едва вылупившись, безчисленные меленькіе краббы начинаютъ свое восхожденіе на горы, и, безпрестанно сокращаемые въ числѣ птицами, пресмыкающимися, муравьями, прибываютъ все-таки несмѣтными процессіями въ свое убѣжище среди скалъ [3]). Самымъ страшнымъ бичемъ для плантацій является крыса, которая распложается въ неимовѣрномъ количествѣ: напрасно плантаторы прибѣгали къ разнаго рода отравамъ, ловушкамъ и даже къ собакамъ, съ цѣлью избавиться отъ этого зла; всѣ эти средства помогали только въ слабой степени; столь же безуспѣшно работала противъ этого врага и гвіанская жаба, привезенная съ острова Мартиники; пробовали напускать на этихъ грызуновъ одну породу муравьевъ (formica omnivora), завезенную съ Кубы, и наконецъ прибѣгли къ помощи одного хищника изъ породы мангустъ—мунго (herpetes griseus), вывезеннаго изъ Остъ-Индіи; но онъ оказалъ плохую услугу островитянамъ: расплодившись здѣсь миріадами, онъ не ограничился свободною охотою на крысъ, змѣй и птицъ, но сталъ нападать и на курятники, гдѣ производилъ гибельныя опустошенія, пожирая не только живность, но и яйца; такимъ образомъ изъ союзника земледѣльцевъ онъ обратился въ ихъ заклятаго врага [1]).

Ямайка не менѣе Гаити представляетъ рѣзкій контрастъ съ испанскимъ островомъ Кубой по составу своего населенія, почти исключительно африканскаго происхожденія: кромѣ городовъ, бѣлыхъ не встрѣтишь почти нигдѣ. Завладѣвъ островомъ, англичане изгнали оттуда испанскихъ землевладѣльцевъ, но удержали невольниковъ, не успѣвшихъ бѣжать съ плантацій, и усердно старались объ увеличеніи ихъ числа. Бристольскіе и ливерпульскіе купцы, въ сообществѣ съ великобританской короной, имѣли съ того времени складъ, гдѣ могли держать свой живой товаръ, въ ожиданіи покупателей съ другихъ Антильскихъ острововъ. Брайанъ Эдвардсъ насчитываетъ до 2.130.000 африканцевъ, привезенныхъ въ Новый Свѣтъ на англійскихъ невольничьихъ судахъ; изъ нихъ 610.000 были доставлены одному только острову Ямайкѣ въ теченіе болѣе ста лѣтъ, именно съ 1680 по 1786 гг.; но эта торговля велась англійскими негроторговцами уже съ 1628 г. Такимъ образомъ, въ теченіе полутора вѣка, протекшаго между англійскимъ завоеваніемъ и отмѣной торга въ 1807 г., Ямайка пріобрѣла около милліона негровъ, половина которыхъ, быть-можетъ, осталась работать на плантаціяхъ острова. Но въ 1833 г., когда состоялось освобожденіе рабовъ, на Ямайкѣ насчитали всего лишь 309.000 негровъ: это объясняется тѣмъ, что привезенные негры умирали, не оставляя послѣ себя потомства; челядь пополнялась ежегодно новыми работниками въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Семьи образовывались тѣмъ труднѣе, что даже и въ неволѣ полигамическіе нравы продолжали сохраняться: негры, «управители» плантацій, еще въ началѣ этого столѣтія имѣли право брать себѣ отъ двухъ до четырехъ женъ, смотря по ихъ рангу [2]), отчего между простыми рабочими увеличивалось число холостяковъ. Древніе африканскіе обычаи очень долго сохранялись между неграми: ихъ маги умилостивляли жертвами Туніу, бога зла, который ниспосылалъ грозы, и приносили благодарственныя молитвы Наксіу, богу добра, дарующему смерть, которая воз-

---

[1]) G. Schweinfurt, „Petermann's Mittheilungen", 1886 г." Тетрадь XII.

[2]) W. Beckfort, „Vues pittopesques de la Jamaique".

[3]) Du Tertre, „Histoire générale des Antilles";—Labat;—Bryan Edwards, и т. д.

[1]) Schmarda, „Behm's Jahrbuch", 1887 г., томъ XI.

[2]) R. C. Dallas, „The History of the Maroons".

вращала несчастныхъ рабовъ въ ихъ отечество. Во время судебныхъ процессовъ выкапывали яму и брали оттуда немного земли, которою и натирали губы обвиняемаго; легенда говоритъ, что какъ только земля эта касалась губъ клятвопреступника, животъ его разверзался и изъ него вываливались внутренности.

Ямайскіе плантаторы обращались съ рабами крайне жестоко, руководясь болѣе строгими законами, чѣмъ какіе существовали на другихъ Антильскихъ островахъ [1]): многіе плантаторы выжигали на кожѣ рабовъ свои иниціалы посредствомъ каленаго желѣза [2]); строптивый негръ, два раза уличенный въ нанесеніи побоевъ кому-нибудь изъ бѣлыхъ, подвергался четвертованію или сжиганію на медленномъ огнѣ, начиная съ ногъ. Вольноотпущеннымъ гражданскія права давались не прежде, какъ въ третьемъ поколѣніи, и только въ такомъ случаѣ, если въ жилахъ ихъ было не менѣе семи восьмыхъ бѣлой крови; въ уголовныхъ дѣлахъ они не имѣли права быть свидѣтелями противъ бѣлыхъ, а ихъ права на наслѣдство и владѣніе были ограничены до послѣдней степени. Но сосѣдство лѣсистыхъ горъ, съ ихъ лабиринтами долинъ и цирковъ, дало возможность бѣглымъ неграмъ находить себѣ тамъ надежное убѣжище, а быстрая распашка земли и культура ямса, вмѣстѣ съ охотою на дикихъ кабановъ, доставляли необходимыя средства къ пропитанію. Со времени своего прибытія на островъ англичане тщетно пытались завладѣть всѣми рабами; въ лѣсахъ образовывались маленькія независимыя республики, мало-помалу возраставшія, особенно благодаря бѣгству негровъ кру или короманти, самыхъ гордыхъ изъ всѣхъ африканцевъ, поработить которыхъ было труднѣе всѣхъ прочихъ негровъ: ихъ-то идіомъ, въ смѣси съ англійскимъ, сдѣлался общимъ языкомъ у всѣхъ бѣглыхъ негровъ; отъ него сохранилось еще до сихъ поръ нѣсколько словъ, преимущественно ласкательныхъ. Благодаря ихъ знанію мѣста и «барабанному бою», которымъ они пользовались для распространенія новостей съ одного холма на другой, подобно своимъ африканскимъ соплеменникамъ дуалла, они имѣли постоянныя сношенія съ окраинами острова и, поддерживая дружескія отношенія съ неграми плантацій, доставали себѣ боевые припасы. Ихъ банды, сгруппировавшіяся преимущественно въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Сухой, въ центрѣ Ямайки, наводили постоянный страхъ на плантаторовъ, которые вынуждены были укрѣплять свои жилища и держаться вѣчно насторожѣ: на опасныхъ мѣстахъ былъ выставленъ караулъ, а иногда правительству приходилось даже обращаться за помощью къ союзникамъ на материкѣ. Такимъ-то образомъ между Великобританіей и москитоскими индѣйцами Никарагуа завязались дружественныя отношенія, которыми англичане думали воспользоваться для пріобрѣтенія себѣ «протектората» и власти надъ жителями всего побережья, отъ Юкатана до устья ріо-Санъ-Жуанъ.

Въ концѣ концовъ ямайскіе плантаторы вынуждены были просить мира, и въ 1739 г. республики бѣглыхъ негровъ канституировались оффиціально въ независимую территорію, но, слишкомъ довѣрчивые, онѣ приняли на себя также обязательство построить у себя дороги, чтобы сдѣлать свою страну доступною. Болѣе того,—по мирному договору, бѣглые негры должны были, въ воздаяніе за дарованную имъ землю и политическую независимость, признать установленные бѣлыми законы, и даже обязались выдавать «мертвыми или живыми» всѣхъ негровъ, которые, въ свою очередь, попытались бы бѣжать отъ своихъ господъ: этимъ они заранѣе лишили себя союзниковъ въ предстоящей окончательной борьбѣ. Выдавая бѣглыхъ, приходившихъ искать у нихъ убѣжища, негры свободныхъ деревень дѣйствительно возвращали ихъ настоящимъ хозяевамъ, тогда какъ послѣдніе, постепенно расширяя свои плантаціи, суживали кругъ обложенія африканскихъ республикъ. Наконецъ, въ 1795 г. вспыхнуло возстаніе. Двое бѣглыхъ негровъ изъ Трелауней-тауна, уличенныхъ въ кражѣ свиньи, были осуждены на публичное наказаніе плетьми. Товарищи страшно возмутились противъ такого произвола: «вы могли обезглавить воровъ»,—говорили негры,—«и мы бы ничего не имѣли противъ этого, но вы присудили ихъ къ такому унизительному наказанію, которое присуще только рабамъ, и этимъ нарушили договоръ». Они жаловались, кромѣ того, на то, что у нихъ отняли земли и назначили имъ начальниковъ, которыхъ они вовсе не избирали. Тотчасъ же было провозглашено военное положеніе на островѣ, и англійскія войска, въ союзѣ съ бандой бѣглыхъ негровъ, вторглись въ территорію Трелауней-таунъ; но, потерпѣвъ позорное пораженіе, экспедиція преобразовалась въ блокаду. Если бы въ это время возмутились также негры плантацій, то могуществу бѣлыхъ на Ямайкѣ насталъ бы конецъ, какъ это случилось на Гаити, но невольники, привыкшіе видѣть въ бѣглыхъ неграхъ своихъ опасныхъ враговъ, соучастниковъ ихъ хозяевъ, не пошевелились, и всѣ бѣлые, вооруженные, съ помощью двухсотъ договъ, выписанныхъ съ Кубы [1]), легко могли поддерживать блокаду

[1]) Alex. de Humboldt, „Histoire politique de Cuba“.
[2]) Bryan Edwards, „West-Indies“.

[1]) Dallas, „History of the Maroon Rebellion“;—J. Steward, цитированное сочиненіе.

возмутившейся территоріи и довести бѣглыхъ негровъ до полнаго изнеможенія. Наконецъ, послѣдніе, въ количествѣ тысячи четырехъ сотъ человѣкъ, послѣ семимѣсячнаго сопротивленія, сдались на капитуляцію, выговоривъ себѣ право жить и владѣть землею, но островное правительство не замедлило нарушить этотъ договоръ, и несчастные плѣнники были сосланы въ Новую Шотландію, гдѣ и до сихъ поръ еще живутъ цѣлыя тысячи ихъ потомковъ. Для большинства ссыльныхъ этотъ сѣверный полуостровъ былъ только первымъ этапомъ, такъ какъ въ концѣ концовъ мѣстопребываніемъ имъ былъ назначенъ Сіерра-Леоне, отечество ихъ предковъ.

Когда, послѣ жестоко укрощенныхъ возстаній рабовъ, была вотирована отмѣна невольничества въ 1833 г., и когда затѣмъ въ 1838 г. оно было окончательно упразднено, экономическія перемѣны приняли характеръ настоящей революціи. Торговыя сдѣлки съ Великобританіей и остальнымъ свѣтомъ сразу уменьшились, а это повело за собою и уменьшеніе числа бѣлыхъ на островѣ. Этотъ внезапный кризисъ легко объясняется порядкомъ землевладѣнія. Сдѣлавшись, благодаря своимъ богатствамъ, важными особами,—ямайскіе плантаторы вернулись большею частью въ Англію, оставивъ свои помѣстья на рукахъ управляющихъ; но расточительный образъ жизни, который они повели въ Англіи, скоро поколебалъ ихъ финансы; это повело къ тому, что они должны были заложить свои земли и проживать тѣ деньги, которыя были получены отъ правительства за выкупъ невольниковъ. Общая стоимость выкупа негровъ на Ямайкѣ равнялась—146.349.375 франковъ.

Разорившись, благодаря своей расточительности, ямайскіе плантаторы не замедлили обвинить въ этомъ аболиціонистовъ: никогда не было болѣе благопріятнаго случая, чтобы свою вину свалить на другихъ. Плантаціи оставались въ рукахъ управляющихъ, которые не располагали достаточнымъ капиталомъ; усадьбы постепенно обратились въ развалины, и дикія травы, кусты и деревья скоро заполонили культуры. Большая часть старинныхъ европейскихъ семействъ, остававшихся еще въ странѣ, эмигрировали вслѣдъ за разорившимися плантаторами: докладная записка одиннадцати резидентовъ, поданная въ 1852 г. губернатору Ямайки, констатируетъ тотъ фактъ, что они управляли 123 плантаціями, отчасти въ качествѣ собственниковъ, отчасти какъ приказчики.

Со времени освобожденія невольниковъ бѣлое населеніе уменьшилось на одну четверть, тогда какъ число негровъ почти удвоилось. Численное отношеніе бѣлыхъ и цвѣтныхъ людей на Ямайкѣ: 1830 годъ: 20.000 бѣлыхъ; 324.000 негровъ и мулатовъ; всего: 344.000; отношеніе 1 : 16.

1890 годъ: 15.000 бѣлыхъ; 620.009 негровъ и мулатовъ; всего: 630.000; отношеніе 1 : 44.

Изъ этого поспѣшили вывести заключеніе, что такая разность обусловливается главнымъ образомъ климатомъ, гибельнымъ для людей бѣлой расы, въ особенности для сѣверянъ, и, напротивъ, благопріятнымъ для развитія африканской расы. Несомнѣнно, что въ этомъ есть извѣстная доля правды; хотя можно привести множество примѣровъ англичанъ, пользовавшихся совершеннымъ здоровьемъ во время долгой трудовой жизни, но все-таки раса, взятая въ цѣломъ, находится на этомъ островѣ не въ соотвѣтственной средѣ. Однако, главною причиною уменьшенія числа бѣлыхъ на Ямайкѣ нужно считать эмиграцію, особенно эмиграцію женщинъ: большая часть молодыхъ дѣвушекъ уѣзжаютъ, для полученія образованія, въ Англію, и многія изъ нихъ не возвращаются оттуда. Такимъ образомъ не климатическія, а экономическія условія вліяютъ на уменьшеніе количества бѣлыхъ. Самой нездоровой для англичанъ мѣстностью на Ямайкѣ считается южный полуостровъ, лежащій въ бассейнѣ «рѣки Сухой». Желтая лихорадка, поражающая почти исключительно однихъ бѣлыхъ, свирѣпствуетъ только въ низкихъ мѣстахъ острова: такъ же, какъ въ штатѣ Вера-Круцъ, на Ямайкѣ этотъ бичъ рѣдко поражаетъ мѣстности, лежащія выше 400 метровъ, а на высотѣ 750 метровъ надъ уровнемъ моря о немъ даже никогда не слыхивали. Нѣкогда очень опасная болѣзнь, называвшаяся «сухія колики», теперь почти совсѣмъ исчезла; наконецъ, чахотка уноситъ среди англичанъ, живущихъ на островѣ, гораздо меньше жертвъ, чѣмъ въ ихъ отечествѣ, а въ горныхъ санаторіяхъ даже совсѣмъ излѣчивается; особенно благопріятными для чахоточныхъ больныхъ мѣстами считаются хинные лѣса въ Копъ-гарднѣ и на холмахъ Ньюкэстля, гдѣ на высотѣ 1.158 метровъ надъ уровнемъ моря устроили даже гарнизонный лагерь [1]). Хвалятъ также климатъ города Мандевилля, находящагося въ центрѣ острова.

Убыль бѣлой расы и пріумноженіе африканской совпали на Ямайкѣ съ кореннымъ измѣненіемъ въ эксплоатаціи и производительности земель. Большія сахарныя плантаціи, которыхъ въ 1805 г. насчитывалось до 859-ти, къ 1865 г. уменьшились до трехсотъ, а вывозъ сахару въ тотъ же промежутокъ времени съ 137.000 бочекъ спустился на 23.750; производство кофе тоже упало съ 10.000 на 1.350 тоннъ. Но если крупные плантаторы уѣхали,

[1]) Jerolim von Benko, цитированное сочиненіе.

побросавъ свои помѣстья, то прежніе рабы становились постепенно землевладѣльцами, раздѣливъ на небольшія поля тѣ самыя плантаціи, на которыхъ отцы ихъ работали подъ ударами плетей. Нынѣ лишь немногіе негры соглашаются работать на бѣлыхъ, даже когда имъ предлагаютъ высокую плату: они предпочитаютъ терпѣливо выносить неосновательныя обвиненія въ лѣности, которая, будто бы, заставляетъ ихъ забывать дорогу на заводы, и ограничиваются обработываніемъ земли только въ окрестностяхъ своихъ хижинъ. Впродолженіи первыхъ восьми лѣтъ послѣ освобожденія ямайскіе негры пріобрѣли въ личную собственность болѣе 40.000 гектаровъ и основали двѣсти деревень. Какъ бы желая освободиться отъ тягостныхъ воспоминаній о недавнемъ рабствѣ, они не носятъ болѣе прежнихъ именъ

Черепашій островъ при устьѣ трехъ рѣкъ.

и выбрали себѣ другія, заимствовавъ ихъ изъ календаря, исторіи и миѳологіи: все измѣнилось въ новомъ мірѣ [1]). Въ большихъ уцѣлѣвшихъ еще имѣніяхъ, плантаторы пользуются теперь трудомъ наемниковъ, вывезенныхъ изъ Индіи, вмѣстѣ съ нѣсколькими сотнями китайцевъ и юкатековъ [2]), но съ 1886 г. ввозъ азіатовъ прекратился.

Прежняя земледѣльческая культура на островѣ имѣла цѣлью лишь удовлетвореніе прихотей небольшой горсти богатыхъ людей, въ настоящее же время жители обрабатываютъ землю главнымъ образомъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, и въ этомъ отношеніи они замѣтно преуспѣваютъ; главные продукты мѣстнаго земледѣлія: кукуруза, ямсъ, бананы и другіе плоды, особенно апельсины. Для поддержанія небольшой экспортной торговли, разводятъ, кромѣ того, табакъ, инбирь, кофейное дерево, а также занимаются пчеловодствомъ. Культура хиннаго дерева введена съ 1868 г. въ Голубыхъ Горахъ, и негры тщательно ухаживаютъ за нарождающимися лѣсами этого цѣннаго дерева [3]); въ томъ же округѣ съ успѣхомъ произрастаютъ чайныя деревца. Нѣкоторые негры стали разводить сахарный тростникъ за собственный счетъ и иное бывшее имѣніе замѣнено теперь десятками тремя маленькихъ плантацій, съ отдѣльной мельницей при каждой изъ нихъ. Другіе, болѣе предпріимчивые земледѣльцы соединились въ общества и совмѣстно покупаютъ цѣнныя машины, чтобы увеличить производство или улучшить качество продуктовъ.

Раздѣленіе земельной собственности на островѣ Ямайкѣ въ 1884 г.:

Владѣнія величиной менѣе 40 аровъ—10.536; отъ 40 аровъ до 2 гектаровъ—28.302; отъ 4 до 8 гектаровъ—11.379; отъ 8 до 40 гектаровъ—3.063; отъ 40 до 200 гектаровъ—1.516; свыше 200 гектаровъ—472.

Число имѣній—55.268.

Общая поверхность обработанныхъ земель въ 1888 году: 240.000 гектаровъ.

Туземное населеніе вообще пользуется благосостояніемъ: его ежегодный приростъ довольно значительный, доходя въ среднемъ до 8.000 въ годъ, а въ 1888 г. онъ превысилъ десять тысячъ [4]). Примѣръ Ямайки, слѣдовательно, выбранъ неудачно экономистами, которые считаютъ уменьшеніе внѣшней торговли доказательствомъ упадка народнаго хозяйства. Островъ сдѣлался центромъ цивилизаціи, особенно для побережья Центральной Америки, отъ Юкатана до Даріена: ямайскіе эмигранты много способствовали развитію торговли, культуры и промышленности въ этихъ странахъ. Въ этомъ отношеніи Ямайка больше всѣхъ другихъ Антильскихъ острововъ благотворно вліяетъ на общій прогрессъ американскаго населенія.

Ямайскіе негры, хотя и освобожденные отъ подневольной работы на заводахъ, все-таки не пріобрѣли политической независимости и соціальнаго равенства, какъ это доказала въ 1865 году кровавая стычка между бѣлыми и неграми восточнаго округа острова, близъ Морантъ-бай. При этомъ дѣлѣ восемнадцать бѣлыхъ было убито, а тридцать одинъ ранено, но правительство жестоко отомстило неграмъ за эти жертвы: оффиціальныя свѣдѣнія констатировали впослѣдствіи, что 439 мулатовъ были казнены смертью, болѣе 600 наказаны плетьми или палочными ударами и тысяча домовъ преданы огню. По отчету коммиссіи, это возмущеніе, подавленное такимъ ужаснымъ образомъ, безъ сомнѣнія, никогда бы не вспыхнуло, если бы чернокожіе крестьяне этого округа получили тѣ земли, на которыя они имѣли право, и если бы они не были во многихъ случаяхъ обижены несправедливыми рѣшеніями судовъ. Хотя составляющіе нынѣ ничтожное меньшинство, бѣлые плантаторы, тѣмъ не менѣе, имѣютъ притязаніе управлять еще, по своему капризу, населеніемъ, которое прежде было имъ порабощено.

Столица Ямайки, Кингстонъ, лежитъ на южномъ побережьѣ, на берегу большой внутренней бухты, которая отдѣляется отъ моря длинной песчаной косой. Это—городъ съ низкими домами, наполовину скрытыми за выступающими стѣнами, съ пыльными улицами, но съ обширными садами, которые занимаютъ огромное пространство на оконечности равнины, съ сѣверной стороны которой возвышается «Длинная Гора» и холмы Лигуанеа (Лигани), снабжающіе городъ водой своихъ ключей. Кингстонъ сдѣлался главнымъ портомъ острова только съ 1693 г., послѣ землетресенія, разрушившаго городъ Портъ-Рояль, построенный на краю косы «Палисадникъ», развернувшейся въ видѣ неправильнаго полумѣсяца на южной сторонѣ бухты. Эта катастрофа была одной изъ самыхъ ужасныхъ въ исторіи землетрясеній. Подземный ударъ поднялъ громадныя волны, и суда были выброшены въ городъ, залитый водою до самыхъ крышъ: большинство несчастныхъ, которымъ удалось спастись на плавучихъ обломкахъ, были подобраны на бортъ фрегата, который былъ взброшенъ волнами на разрушенные дома. Землетрясеніе произвело также большія опустошенія и внутри земель: такъ, рѣка Кобре была

[1]) Salles, „Autour de la mer des Antilles".
[2]) Индусскихъ наемниковъ на Ямайкѣ въ 1888 г. 13.006.
[3]) Производство хинной коры въ 1888 г. 2.700 килограммовъ.
[4]) 24.025 рожденій; 13.696 смертей (Blue Book for 1887—88).

загромождена кучами осыпавшейся земли, и все нижнее русло до самаго моря долгое время оставалось сухимъ; затѣмъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой катастрофы явились злокачественныя лихорадки, которыя нѣкоторые округа на островѣ почти совсѣмъ опустошили[1]).

Въ 1772 году Портъ-Рояль былъ второй разъ разрушенъ циклономъ; кромѣ того, онъ не разъ страдалъ отъ сильныхъ пожаровъ. Теперь онъ представляетъ собой не больше, какъ аванпостъ Кингстона, гдѣ имѣютъ пребываніе военныя и морскія власти, тогда какъ столица служитъ средоточіемъ торговли и промышленности. Входный каналъ, огибающій полуостровъ Портъ-Рояль и защищенный недавно сооруженными фортами, имѣетъ 8 метровъ глубины, при довольно значительной ширинѣ: самый узкій его проходъ имѣетъ не менѣе 50 метровъ; внутри бухты суда находятъ болѣе 10 метровъ глубины. Многія линіи пакеботовъ выбрали Кингстонъ за центральный узелъ своихъ маршрутовъ въ Антильскомъ морѣ; почти все движеніе торговаго обмѣна Ямайки съ Великобританіей, Канадой, Соединенными Штатами и другими странами совершается черезъ этотъ портъ, который служитъ также однимъ изъ соединительныхъ пунктовъ для электрическихъ подводныхъ кабелей; изъ Кингстона выходитъ желѣзная дорога въ Спанишъ-таунъ, которая потомъ раздѣляется на отдѣльныя вѣтви, идущія въ сѣверныя и западныя части острова.

Цѣнность внѣшней (спеціальной) торговли на Ямайкѣ въ 1898—99 г.: привозъ—45.875.000, вывозъ—40.125.000 франковъ.

Длина желѣзнодорожной сѣти на Ямайкѣ въ 1898 г.: 297 километровъ.

Спанишъ-таунъ, или «Испанскій Городъ», который сохранялъ за собою оффиціальный титулъ столицы до 1869 года, есть бывшій Сантъ-Яго-де-ла-Вега, или городъ «Св. Якова», основанный Діего Колумбомъ, въ 1525 г.; въ немъ живетъ много французскихъ семействъ, бѣжавшихъ съ Санто-Доминго. Его портъ, расположенный на юго-западной сторонѣ острова, при бухтѣ, усѣянной островами и защищенной отъ вѣтровъ полуостровомъ Портландъ, извѣстенъ у англичанъ подъ названіемъ Ольдъ-Гарборъ, или «Старая Гавань»: въ настоящее время онъ почти забытъ. Ирригаціонные каналы, устроенные на протяженіи 52 километровъ, разносятъ по равнинѣ воды рѣки Кобре. Равнины, окружающія Кингстонъ и Спанишъ-таунъ, печальны и однообразны, вслѣдствіе отсутствія лѣсовъ; но въ недалекомъ разстояніи къ сѣверу, холмы и горы покрыты великолѣпными плантаціями и парками, изъ которыхъ нѣкоторые составляютъ общественную собственность: здѣсь есть нѣсколько ботаническихъ садовъ и акклиматизаціонные лѣса, откуда свыше сотни древесныхъ породъ и другихъ полезныхъ растеній, какъ напримѣръ, хлѣбное дерево, были распространены съ прошлаго столѣтія по всему острову, а отсюда и по другимъ Антильскимъ островамъ. Ньюкэстльская гора, съ которой видны лежащіе у ея подошвы равнина Кингстона и длинный пляжъ «Палисадниковъ»—полоса зелени, между голубыми водами моря,—тоже окружена новыми плантаціями.

Далѣе, за Ольдъ-Гарборомъ, на южномъ берегу нѣтъ болѣе настоящихъ портовъ, а попадаются только опасныя якорныя стоянки въ открытомъ морѣ противъ прибрежныхъ мѣстечекъ, какъ Блэкъ-риверъ-вилледжъ и Савана-ла-Маръ. Западная оконечность острова имѣетъ только небольшія бухточки Негриль; но на сѣверо-западѣ открываются надежныя бухты Лусеа и Москито, за которой на востокѣ слѣдуетъ другая бухта, Монтего, не столь хорошо защищенная, но болѣе излюбленная каботажными судами: этимъ портомъ пользовались въ прошломъ столѣтіи «бѣглые негры» небольшой республики Трелауней-таунъ, называвшейся также Маррунъ-таунъ. Другой портъ, Фальмутъ, лежащій далѣе къ востоку, при устьѣ рѣки Марта-Бреа, тоже ведетъ довольно оживленную торговлю, но суда, имѣющія болѣе 4-хъ метровъ осадки, не могутъ переходить баръ устья.

Первое поселеніе, основанное испанцами на Ямайкѣ, была Севилья, лежащая около середины сѣвернаго побережья, на разстояніи 1 километра отъ того мѣста, гдѣ находится въ настоящее время небольшой портъ Сентъ-Аннъ, прежняя Санта-Глоріа: на мѣстѣ испанскаго города виднѣются еще до сихъ поръ развалины одной церкви. За Сентъ-Аннъ идутъ, въ сѣверо - восточномъ направленіи, Портъ - Марія и Аннотта, затѣмъ слѣдуетъ Портъ-Антоніо, главный рынокъ банановъ для всей Ямайки: негры этого округа обогатились вывозомъ плодовъ, которые они отправляютъ прямо въ порты Соединенныхъ Штатовъ.

Главные города Ямайки съ ихъ населеніемъ въ 1891 г.: Кинстонъ—47.000 жит.; Портъ-Ройяль—15.000; Спанишъ-таунъ, съ Ольдъ-Гарборъ—5.000; Портъ-Марія—5.000; Монтего—5.000; Фальмутъ—3.000 жит.

Гавань Морантъ-таунъ, расположенная на половинѣ пути между Кингстономъ и крайнимъ мысомъ острова, Морантъ-пуантъ, тоже привлекаетъ къ себѣ покупателей фруктовъ: ямайскіе апельсины цѣнятся на американскомъ рынкѣ дороже всѣхъ другихъ. Это названіе Морантъ, подъ которымъ извѣстны деревня, мысъ, бухта и портъ,—испанскаго происхожденія («задержка») и указываетъ на то, что

[1]) Dallas, цитиров. сочиненіе.

парусным судам, пришедшим с южной стороны острова, часто приходится долго ждать, прежде чем удастся обогнуть крайній мыс, лавируя против правильных восточных вѣтров [1]).

Въ теченіе болѣе полутора вѣка, колонія эта пользовалась почти полной политической автономіей, въ томъ смыслѣ, что плантаторы, господа невольниковъ, были также господами и по отношенію другихъ жителей острова, «мелкаго люда изъ бѣлыхъ» и освобожденныхъ цвѣтныхъ людей: администрація безпрепятственно дѣйствовала сообразно ихъ интересамъ. Но послѣ эмансипаціи, негры, освобожденные по закону, на дѣлѣ же еще остававшіеся въ рабствѣ, подвергавшіеся жестокимъ притѣсненіямъ со стороны прежнихъ своихъ хозяевъ, лишенные къ тому же всякой надежды на заступничество со стороны суда, державшаго руку плантаторовъ, тщетно пытались заявлять свои права на участіе въ соціальной и политической жизни: попытки эти тотчасъ же подавлялись,—извѣстно, съ какою жестокостью было усмирено Морантъ-байское возстаніе. Такъ называемая колоніальная автономія Ямайки представляла собою въ дѣйствительности не что иное, какъ безконтрольное владычество бѣлой аристократіи надъ чернокожимъ народомъ, такъ что великобританское правительство, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, вынуждено было положить конецъ этому скандалу. Но вмѣсто того, чтобы дать кое-какія права цвѣтнымъ людямъ, оно просто-на-просто отмѣнило для всѣхъ ямайцевъ, какъ для бѣлыхъ, такъ и для негровъ, всякое участіе въ управленіи ихъ собственными дѣлами. Губернаторъ и шестнадцать членовъ совѣта, должностныя лица и нотабли, одинаково назначались верховной властью, и Ямайка сдѣлалась коронным владѣніемъ.

Съ 1884 г., этотъ политическій режимъ нѣсколько измѣнился: въ законодательный корпусъ, помимо членовъ, назначаемыхъ верховною властью, стали допускаться также выборные отъ народа; назначаемыхъ правительствомъ членовъ всего пять, а остальные девять—являются представителями народа; и въ каждомъ изъ четырнадцати «приходовъ» избиратели—какъ негры, такъ и бѣлые,—(въ 1887 году въ количествѣ почти 27.000 человѣкъ),—назначаютъ совѣтниковъ, на которыхъ возлагается управленіе мѣстными дѣлами. Ямайское законодательное собраніе почти единодушно отказалось отъ предложенія соединиться съ Канадой въ политическую и торговую конфедерацію. Интересы острова скорѣе связываютъ его съ Соединенными Штатами.

Церковь отдѣлилась отъ государства, и, на зло своимъ бывшимъ властителямъ, большая часть негровъ измѣнила англиканской религіи, сдѣлавшись баптистами, методистами и пресвитеріанами; въ настоящее время половина издающихся на островѣ журналовъ посвящены религіознымъ вопросамъ. Образованіе сдѣлалось общимъ, и въ 1890 г. на островѣ насчитывалось уже 867 начальныхъ школъ, посѣщаемыхъ 75.600 учениками, что составляетъ почти девятую часть всего населенія. Армія, содержимая на счетъ правительства, заключаетъ въ себѣ слишкомъ 1.600 человѣкъ, къ которымъ надо прибавить около тысячи констэблей и полицейскихъ. Правосудіе отправляется судьями, имѣющими пребываніе въ каждомъ приходѣ, но болѣе важныя дѣла разсматриваются окружными судами или судебной палатой. Бюджетъ колоніи въ 1898—99 гг.: приходъ—19.000.000; расходы—19.250.000; долгъ—53.625.000 франковъ.

Мели и островки ямайскихъ морскихъ пространствъ, каковы Морантъ-Кей—на юго-востокѣ, и банки Педро—на югѣ, составляютъ естественную принадлежность Ямайки: рыбаки ѣздятъ туда для собиранія черепашьихъ и птичьихъ яицъ. Два островка, Кайманъ-Бракъ и Малый Кайманъ, а также островъ Большой Кайманъ, которые, по своему расположенію на продолженіи мыса Круцъ, географически принадлежатъ къ Кубѣ, въ политическомъ и административномъ отношеніи составляютъ часть Ямайки; тѣмъ не менѣе эти земли все-таки представляютъ собою небольшіе отдѣльные міpки, настолько изолированные, что образуютъ какъ бы независимыя республики: въ совокупности, они имѣютъ около 4.000 жителей, почти исключительно рыбаковъ. Острова эти, нѣкогда часто посѣщавшіеся пиратами и уже съ 1744 года правильно колонизуемые, отличаются необыкновенно здоровымъ климатомъ: въ 1888 году рождаемость тамъ въ семь разъ превысила смертность, выразившись въ отношеніи 180 къ 25.

Лежащіе по ту сторону Санто-Доминго, острова Турецкіе и Каикосъ, составляющіе, очевидно, часть на-половину выступившаго изъ-подъ воды плато Багамы, тоже оффиціально были присоединены къ колоніальной области Ямайки.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ трехъ графствъ и четырнадцати приходовъ острова съ ихъ населеніемъ, по переписи 1881 года:

Графства.	Приходы.	Поверхность въ кв. килом.	Число жителей.
Восточное, или Сёррей	Кингстонъ	18,9	38.566
	Сентъ-Андрю.....	438,8	34.982
	Сентъ-Томасъ Восточный........	724,3	33 945
	Портландъ	804,5	28.901

[1]) Daniel Mac-Kinnen, „A Tour through the British West-Indies“.

Графства.	Приходы.	Поверхность въ кв. килом.	Число жит.	Графства.	Приходы.	Поверхность въ кв. килом.	Число жит.
Среднее или Миддльсексъ	Сентъ-Катеринъ ..	1.165	61.110	Западное или Корнуэлль........	Сентъ-Елизабетъ..	1.219,4	54.375
	Сентъ-Мэри	592,0	39.696		Вестморландъ . ..	798,7	49.035
	Сентъ-Аннъ	1.201,2	46.584		Ганноверъ........	429,7	29.567
	Кларендонъ......	1.209	49.845		Сентъ-Джэмсъ	589,6	33.625
	Манчестеръ	802,2	48.458		Трелауней........	860,1	32.115
					Итого........	10.864,8	580.804

Населеніе въ 1898 году: 728.000 душъ.

Глава IX

Островъ Санто-Доминго.

Гаити и Санто-Доминго.

I. Общее обозрѣніе.

Санто-Доминго—если это названіе примѣнить ко всему острову—занимаетъ среди Антильскихъ острововъ второе мѣсто по поверхности и населенію, и первое—по высотѣ рельефа, разнообразію формъ, красотѣ горизонтовъ и естественному плодородію долинъ. Это къ тому же единственный изъ острововъ американскаго Средиземнаго моря, который не зависитъ въ политическомъ отношеніи ни отъ какой европейской державы. Либо соединенныя въ одно государство, либо, что бывало чаще,—образующія отдѣльныя республики,—двѣ половины Санто-Доминго сумѣли сохранить свою независимость. Если бы эта независимость была провозглашена въ пользу бѣлыхъ креоловъ, то политическая автономія острова представляла бы въ новѣйшей исторіи лишь второстепенное явленіе; она имѣла бы такое же значеніе, какъ и эмансипація материковыхъ колоній, сбрасывавшихъ съ себя одна за другой иго зависимости, какъ только ихъ населенія почувствовали себя созрѣвшими; но мятежники на Гаити, заставившіе своихъ прежнихъ властителей признать совершившійся фактъ освобожденія, были негры, невольники и сыновья невольниковъ, которыхъ гордые бѣлые считали низшими существами, не принадлежащими къ человѣческому роду. Эмансипація Гаити, совершившаяся среди Антильскаго міра, гдѣ невольничество царило во всей своей жестокости, показалась плантаторамъ противуестественнымъ явленіемъ: всѣ рабовладѣльцы,—французы, англичане, испанцы, голландцы, датчане, американцы,—испытывали чувство ужаса. Самое имя Гаити подверглось запрету на плантаціяхъ, какъ принадлежащее проклятой землѣ. А между тѣмъ несомнѣнно, что этотъ примѣръ общества негровъ, отвоевавшихъ себѣ политическую свободу и самоуправленіе путемъ восторжествовавшей революціи, имѣлъ косвеннымъ слѣдствіемъ ускореніе эмансипаціи на другихъ окрестныхъ Антильскихъ островахъ: боязнь катастрофы, подобной той, которая разразилась надъ домингскими плантаторами, не могла не дѣйствовать на умы. Правда, что двѣ республики, Гаити и Санто-Доминго, часто подвергавшіяся внѣшней войнѣ и угрозамъ со стороны иностранныхъ государствъ, раздираемыя междоусобіями, эксплоатируемыя личными честолюбіями, еще не пріобрѣли выдающагося положенія между націями; но важно уже и то, что онѣ уцѣлѣли среди всѣхъ опасностей, осаждавшихъ ихъ въ теченіе почти цѣлаго вѣка!

Самое имя «Гаити», часто примѣняемое къ этому большому острову, служитъ указаніемъ перемѣнъ, происшедшихъ со времени рабовладѣльческаго режима. Это имя, обозначающее на языкѣ туземцевъ «Страну горъ», вышло изъ употребленія, какъ и названіе Квисквейа, «Большая земля» или «Мать земель», подъ которымъ, по словамъ Шарлевуа, тоже былъ извѣстенъ этотъ Антильскій островъ: патріоты, мечтающіе о соединеніи двухъ республикъ въ одну, даютъ ему названіе «Квисквейской конфедераціи». Колумбъ, открывшій этотъ островъ въ 1492 г., назвалъ его Эспаньолой, или «Маленькой Испаніей», въ честь страны, давшей ему средства переплыть Атлантическій океанъ; но это названіе скоро исчезло и замѣнилось постепенно названіемъ столицы Санто-Доминго, или «св. Доминика», которое въ настоящее время, въ формѣ «Доминиканія», примѣняется спеціально къ восточной части острова. По реакціи противъ воспоминанія о ненавистныхъ

временахъ рабства, негры западной части острова, сдѣлавшись свободными, возстановили для своего отечества имя Гаити, которое употреблялось древними арауаками, и которое, впрочемъ, вполнѣ оправдывается самой природой страны.

Разсматриваемый въ его соотношеніяхъ съ другими Антильскими островами, Санто-Доминго составляетъ, очевидно, часть опредѣленно охарактеризованнаго географическаго пѣлаго. Служа продолженіемъ оси Пуэрто-Рико, островъ этотъ постепенно расширяется по направленію къ западу и раздѣляется на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна простирается къ острову Кубѣ, а другая—къ острову Ямайкѣ. Къ тому же изученіе подводныхъ глубинъ ясно показываетъ, что Пуэрто-Рико представляетъ собою корень, а Гаити—стволъ, отъ котораго отдѣляются двѣ вѣтви: Куба и Ямайка, такъ какъ пороги, образовавшіеся между глубокими морскими пропастями, соединяютъ островъ съ островомъ черезъ проливы. Между Пуэрто-Рико и Санто-Доминго проливъ Мона нигдѣ не достигаетъ тысячи метровъ глубины; въ каналѣ Виндъ-Уардъ, между Гаити и Кубой, глубина болѣе значительна, но и тамъ порогъ имѣетъ форму вала между двумя рвами; въ Ямайскомъ проливѣ наблюдается подобное же строеніе дна, между мысами Тибуронъ и Морантъ.

Въ отношеніи своего рельефа Санто-Доминго раздѣляется естественнымъ образомъ на рѣзко разграниченныя орографическія области: можно сказать, что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ продольныхъ острововъ, соединенныхъ промежуточными равнинами. Пониженіе почвы раздѣлило бы его на четыре части, оріентированныя съ востока на западъ въ расходящемся направленіи, подобно прутьямъ раскрывающагося вѣера. Большая равнина, простирающаяся отъ бухты Самана къ бухтѣ Манзанильо, ясно отдѣляетъ сѣверный отрывокъ; полоса гористыхъ земель, пересѣкающая островъ по діагонали отъ Мыса Энганьо до Мола св. Николая, составляетъ второй орографическій островъ, самый значительный по протяженію; третій островъ возвышенностей ограниченъ съ сѣвера рѣкой Артибонитъ, съ востока—рѣкой Неиба, или Якуп-Чико, а съ юга—цѣпью озеръ; наконецъ, длинный юго-западный полуостровъ и горы, въ которыя онъ укореняется, образуютъ четвертый островъ группы Гаити.

Сѣверная цѣпь сама состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ земель, неодинаковыхъ размѣровъ. Полуостровъ Самана на своей восточной оконечности несомнѣнно былъ, даже еще въ очень недавнюю эпоху, отдѣльнымъ островомъ; въ началѣ этого столѣтія рукавъ Юны, извѣстный подъ названіемъ Гранъ-Эстеро [1]), еще сообщался въ восточной части полуострова съ бухтой Эскосеза: хотя русло байу совершенно засорено иломъ, но его легко еще можно расчистить и преобразовать въ судоходный каналъ. Однако, сѣверная цѣпь Гаити начинается на этомъ прежнемъ островѣ крутой вершиной въ 590 метровъ высоты, Пилонъ-де-Ацукаромъ, или «Сахарною головою», которая издали уже указываетъ морякамъ подходы бухты. Ближайшая къ ней вершина, нѣсколько меньшая, носитъ названіе Монте-Діабло; за нею, далѣе къ западу, тянется плоскогорье, оканчивающееся на югѣ красноватыми утесами, о которые разбиваются волны. На большой землѣ возвышенности снова появляются и образуютъ береговую цѣпь, которая тянется по направленію къ западо-сѣверо-западу, на протяженіи почти 220 километровъ: эта цѣпь носитъ названіе Монте-Кристи отъ скалы, которая кончаетъ ея западную оконечность; она цѣликомъ проходитъ по Домингской территоріи. Первые выступы хребта имѣютъ около 400 метровъ, но боковые отроги придаютъ довольно большой діаметръ гористой области, и съ сѣвера на югъ лабиринтъ долинъ имѣетъ почти 50 километровъ ширины. Послѣ того, цѣпь суживается и вмѣстѣ съ тѣмъ повышается, образуя въ промежуткахъ нѣсколько отдѣльныхъ массивовъ съ круглыми вершинами, каковы Квита-Эспуела и Пало-Квемадо: въ одномъ изъ этихъ массивовъ высшая вершина называется Діего-Кампо (1.220 метровъ). Еще дальше сіерра понижается, и послѣдней ея вершиной служитъ Селла-де-Кабальо, или «Лошадиное сѣдло» (1.188 метровъ), которая опирается на широкіе контрфорсы; одинъ изъ нихъ представляетъ плоское плато, носящее спеціальное названіе Монте-Кристи, которое ему далъ Христофоръ Колумбъ: его откосы спускаются прямо въ море, лежащее на 240 метровъ ниже. Подобно небольшой цѣпи Самана, цѣпь, составляющая ея продолженіе на большомъ островѣ, до Монте-Кристи, имѣетъ самыя большія крутизны на южномъ склонѣ; противоположный пологій скатъ спускается на сѣверѣ къ Атлантическому океану и оканчивается известковыми скалами, окаймленными коралловыми рифами, которые воспроизводятъ всѣ контуры мысовъ и долинъ.

Главная цѣпь, начинающаяся на восточной оконечности, у мыса Энганьо, и оканчивающаяся у Мола св. Николая, въ разстояніи 550 километровъ, представляетъ вначалѣ, въ своей узкой части, до сѣвернаго угла Санто-Доминго, лишь длинный хребетъ, изрытый текущими водами и нигдѣ не превышающій 300 метровъ. Но около середины острова рельефъ возрастаетъ и расширяется, затѣмъ дѣлится на двѣ отрасли, представляя такимъ образомъ своей формой какъ бы начальное основаніе главныхъ контуровъ островнаго корпуса. Изъ этихъ двухъ отроговъ болѣе зна-

[1]) „Большая бухта“. Испанское слово estero, соотвѣтствующее, смотря по мѣстностямъ, англійскимъ словамъ *inlet* и *sound*, на Гаити приняло французское окончаніе sterre.

чительный тотъ, который идетъ къ сѣверо-западу и продолженіемъ котораго, за Виндъ-Уардомъ, служитъ полумѣсяцъ Кубы. Эта главная ось орографической системы Гаити, центральный остовъ, представляетъ собою совокупность хребтовъ и вершинъ, которая получила отъ древнихъ гаитійцевъ названіе Сибао, т. е. «Скала» или «Гора». Средняя высота срединнаго хребта превосходитъ 2.000 метровъ, а нѣкоторыя остроконечныя вершины, какъ Энтре-лосъ-Ріосъ, Галло и Жикоме, достигаютъ 2.500 метровъ, но это еще не самыя высокія части острова.

Портъ-о-Пренсъ.

Двѣ главныя вершины стоятъ внѣ оси Сибао. Ближайшая изъ нихъ — пико-де-Якуи; часто ее называютъ Русильо, «Сѣрая», по причинѣ пояса облаковъ, обыкновенно окружающаго вершину. Геологъ Габбъ тщетно

пытался взойти на эту гору: густыя заросли папоротника помѣшали ему подняться выше 1.670 метровъ. Значительно южнѣе выступаетъ мысомъ другой высокій пикъ, Лома-Тина, гора съ очень длиннымъ скатомъ, круто обрывающаяся на противоположной сторонѣ. Мѣстные жители говорятъ, что Лома-Тина такъ же недоступна, какъ и Якуи: ліаны и папоротники затянули своими цѣпкими вѣтвями всѣ свободныя пространства между стволами деревьевъ, и проложить себѣ дорогу можно лишь ударами манпеты, ползя на рукахъ и на колѣняхъ, съ рискомъ при каждомъ шагѣ выколоть себѣ глаза [1]). Цифровыя данныя о высотѣ этихъ двухъ главныхъ вершинъ, показанныя нѣкоторыми географами, разнятся между собою: весьма вѣроятно, что высота ихъ достигаетъ почти 3.000 метровъ, и что Якуи, болѣе центральный пикъ, является и болѣе высокимъ. Что касается до сѣверо-западной оконечности цѣпи Сибао, то она прерывается широкими брешами и развѣтвляется на отроги, идущіе направо и налѣво отъ ряда холмовъ, врѣзывающагося въ море «Моломъ» Санъ-Николасъ, длиннымъ валомъ съ горизонтальной поверхностью, дѣйствительно похожимъ на громадный молъ. Знаменитый островъ Тортуга также перерѣзанъ по всей длинѣ становымъ хребтомъ, оріентированнымъ въ томъ же направленіи, какъ и цѣпь главнаго острова.

Отрасль горъ, отдѣляющаяся отъ оси Сибао къ серединѣ острова, совершенно прерывается широкимъ бассейномъ рѣки Неиба или Якуи, такъ что западныя цѣпи могутъ считаться какъ бы независимой горной системой. Менѣе высокія, чѣмъ горы Сибао, онѣ вздымаютъ на востокѣ свой первый массивъ, съ вершинами Лома-Пасіенсія или Панса (1.900 метровъ) и Лома-Барранка (2.285 метровъ); затѣмъ онѣ понижаются къ западу, и рѣки раздѣляютъ ихъ съ обѣихъ сторонъ на неравные отрывки. Съ залива Портъ-о-Пренсъ видны на сѣверѣ нѣкоторыя вершины этой цѣпи, какъ, напримѣръ, Апельсинная гора и Pensez-y-bien; эти горы тянутся къ югу отъ рѣки Артибонитъ, параллельно горамъ Кахосъ, которыя господствуютъ надъ противоположнымъ склономъ долины и соединяются съ сѣверной цѣпью посредствомъ отрога Черныхъ Горъ. Точно также островъ де-ла-Гонавъ, лежащій при входѣ въ заливъ, есть выступившая изъ воды цѣпь холмовъ, по оріентаціи и общему направленію похожая на береговыя цѣпи большаго сосѣдняго острова.

Юго-западная часть Гаити, отъ бухты Неиба до мыса Тибуронъ, составляетъ четвертый орографическій островъ, совокупность котораго сгруппировалась такъ, что образуетъ весь островной организмъ: заключенная почти цѣликомъ въ предѣлахъ республики Гаити, она начинается на Домингоской территоріи, около бухты Неиба, и представляется сначала въ видѣ огромнаго массива, занимающаго треугольное пространство, которое оканчивается на югѣ мысомъ Беата, по сосѣдству съ островомъ того же названія. Въ этой гористой области, покрытой густыми лѣсами и не посѣщенной еще изслѣдователями, береговую цѣпь на сѣверномъ склонѣ составляетъ хребетъ Бабуруко (Бахуруко), который врѣзывается въ Гаитійскую территорію горою Комиссеръ, затѣмъ достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта въ горѣ Ла-Селль, возвышающейся на 2.715 метровъ: одинъ изъ ея отроговъ направляется къ бухтѣ Портъ-о-Пренса и господствуетъ надъ этимъ городомъ Черной Горой, иначе называемой пикомъ Пренсъ (1.522 метра). Далѣе почва понижается, и оба моря приближаются къ основанію полуострова, затѣмъ снова появляются горы, образуя величественную цѣпь Ла-Хоттъ, высшая вершина которой достигаетъ 2.255 метровъ. Мысъ Тибуронъ, или мысъ «Акулъ», представляетъ собою гору (869 метровъ), круто обрывающуюся надъ моремъ: здѣсь оканчивается южная цѣпь, имѣющая общее протяженіе въ 380 километровъ. Внѣ центральнаго хребта, на полуостровѣ возвышаются тамъ и сямъ отдѣльные пики, или «тапіоны», а вдоль берега тянутся параллельные отроги. Въ общемъ откосы, обращенные къ Антильскому морю, круче и представляютъ у своего основанія менѣе широкія равнины, чѣмъ равнины на противоположномъ берегу. Острова фланкируютъ оба берега: на сѣверѣ—группа Кайемитовъ и почти островная земля Бекъ-а-Марсуэнъ, на югѣ—гористый островъ Ла-Вашъ.

Гаити орошается весьма обильно, такъ какъ дожди здѣсь еще болѣе часты, чѣмъ на двухъ западныхъ Антильскихъ островахъ, а ноздреватый известнякъ, который поглощаетъ водные потоки, встрѣчается здѣсь гораздо рѣже, чѣмъ на Ямайкѣ. Всѣ гаитійскія земли имѣютъ свои источники и рѣки, и ирригація могла бы всю территорію обратить въ сплошные сады, которые давали бы пропитаніе милліонамъ людей. Средній хребетъ Сибао, вокругъ котораго скопляются облака, пригоняемыя пассатнымъ вѣтромъ, даетъ наибольшее количество текущихъ водъ, и между этими горами пикъ Якуи является, благодаря своей высотѣ и относительной изолированности, главнымъ центромъ гидрографической системы Гаити. Съ его склоновъ сбѣгаютъ двѣ рѣки: Сѣверная Якуи, или Большая Якуи, самая многоводная рѣка на всемъ сѣверномъ склонѣ, но соединяющаяся съ моремъ посредствомъ нѣсколькихъ устій, блуждающихъ въ аллювіальной равнинѣ; и Неиба или Якуи-Чико, Малая

---

[1]) William M. Gabb, „Transactions of the American Philosophical Society". 1873.

Якуи, которая имѣетъ самое сильное теченіе изъ всѣхъ рѣкъ южнаго склона. Одна изъ главныхъ вѣтвей Артибонита (Атибонико индѣйцевъ), главной рѣки на западѣ и въ то же время на всемъ островѣ, также вытекаетъ изъ горъ Сибао; когда этотъ потокъ, получивъ всѣ свои притоки, сбѣгающіе съ возвышенностей, входитъ на территорію Гаити, онъ является уже настоящею рѣкою и даже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья—судоходною. На западной покатости острова самый обширный бассейнъ имѣетъ рѣка Юна, впадающая въ бухту Самана, и наносы которой понемногу захватываютъ неглубокія воды этой бухты. Равнина, орошаемая Юной, составляетъ одну и ту же низменность съ равниной рѣки Большой Якуи; съ обѣихъ сторонъ она правильно ограничена горами, и неопредѣленный раздѣльный порогъ между двумя склонами не достигаетъ даже 200 метровъ надъ уровнемъ моря. Это великолѣпная мѣстность, которой Колумбъ далъ названіе «Королевская» Вега-Реаль.

Между второстепенными рѣками Гаити одна изъ самыхъ обильныхъ—Озама, которая соединяетъ сѣть всѣхъ своихъ притоковъ немного выше Санто-Доминго, столицы испанской республики: одинъ изъ этихъ притоковъ, какъ кажется, есть одинъ изъ рѣдкихъ подземныхъ потоковъ на Гаити — ріо-Бружуеласъ, или рѣка «Вѣдьмъ», которая, не доходя около двадцати километровъ до моря, вдругъ низвергается въ воронку, остановленная въ своемъ теченіи длинною скалою, окаймляющей известковый берегъ [1]). Небольшія озера, разсѣянныя по равнинѣ, образовались отъ дождевыхъ водъ, не находящихъ себѣ стока. Вся область, простирающаяся къ востоку отъ Санто-Доминго до восточной оконечности острова, была, очевидно, въ прежнія времена занята водами; это—льяносы Сейбо, саванна вдали отъ рѣкъ и лѣсъ вдоль текущихъ водъ. Какъ и на Кубѣ, крутые берега осѣнены большими деревьями, *cejas* или «рѣсницами»: почти всюду травяныя степи, какъ прежде водная площадь, проникаютъ внутрь земель до основанія холмовъ.

Гаити сохранилъ озера только въ той низменности, которая, къ сѣверу отъ горъ Ла-Селль и Бабуруко, соединяетъ бухту Портъ-о-Пренсъ съ бухтой Нейба. Средній уровень этой равнины, бывшей прежде проливомъ, настолько ровенъ, что тамъ не могъ еще образоваться рѣчной бассейнъ, и воды остаются безъ стока. Самое большое озеро, уровень котораго находится на высотѣ почти 90 метровъ, протянулось почти около середины перешейка. Его старое индѣйское названіе — Ксарагуа, а испанцы называютъ его обыкновенно Энрикильо, или «Маленькій Генрихъ», по имени индѣйскаго предводителя, который долго сопротивлялся завоевателямъ, укрывшись на озерномъ островкѣ, гдѣ теперь живутъ однѣ только дикія козы, что и дало поводъ назвать островокъ «Козьимъ», Кабритосъ. Французскіе негры зовутъ это озеро «Солянымъ прудомъ», и дѣйствительно вода его, стекающая съ горъ, богатыхъ соляными залежами, содержитъ много соли, хотя кайманы, избѣгающіе обыкновенно моря, населяютъ, вмѣстѣ съ акулами и морскими свиньями, этотъ закрытый бассейнъ, прежній заливъ океана. Вода въ этомъ озерѣ «очень глубока» и простирается на пространствѣ 418 кв. километровъ. Послѣ большихъ дождей случается иногда, что Соляный прудъ соединяется въ одинъ общій бассейнъ съ другимъ прудомъ—«Сомашъ», или Солоноватымъ озеромъ (иначе Азуай или лагуна Фондо), которое служитъ его сѣверо-западнымъ продолженіемъ, по направленію къ бухтѣ Портъ-о-Пренсъ: эти два соединившіеся бассейна имѣютъ тогда около 100 километровъ длины, при пятнадцати километрахъ ширины: по площади они превосходятъ Женевское озеро. По Типпенгауеру, прудъ Сомашъ почти не оправдываетъ своего названія: вода его вполнѣ пригодна для питья, такъ какъ соленость ея едва ощутима [1]); онъ становится «солоноватымъ» только при временныхъ разлитіяхъ Солянаго пруда. На югѣ, въ той же низменности, но на болѣе высокомъ уровнѣ, находится прѣсноводное озеро Икотеа-де-Лимонъ, въ которое вливаются ручьи, текущіе съ горъ Бабуруко: излишекъ свой это озеро изливаетъ, по всей вѣроятности, въ Соляный прудъ по подземной галлереѣ. Наконецъ, еще одно озеро, расположенное на одной линіи съ Солоноватымъ и Солянымъ прудами и съ солеными пластами прежней, высохшей теперь лужи, сообщается съ дельтой Якуи-Чико: это Ринконъ, или «Угловое озеро». «Раки», т. е. болотистыя земли продолжаютъ къ морю озерную низменность.

Берега Санто-Доминго во многихъ мѣстахъ окаймлены подводными камнями, но въ общемъ они гораздо доступнѣе, чѣмъ берега Кубы, и не удваиваются параллельнымъ рядомъ рифовъ, образующимъ наружный берегъ. Такой передовой берегъ, сооруженный полипами-строителями, встрѣчается въ особенности внутри бухтъ: такъ, бухта Самана болѣе чѣмъ на половину загромождена рифами, особенно въ южной части, а бухта Манзанильо—въ сѣверной, и весь этотъ обширный «садъ» островковъ, рифовъ и банокъ служитъ продолженіемъ горной цѣпи Монте-Кристи; восточный заливъ, оканчивающійся бухтой Портъ-о-Пренсъ, тоже захваченъ полипниками, а

[1]) Stuart, „Journal of the R. Geographical Society“, 1878.

[1]) „Deutche Rundschau für Geographie und Statistik“ Декабрь 1884 г.

островъ де-ла-Гонавъ, съ двухъ сторонъ соединяется съ островнымъ берегомъ изъ рифовъ, кое-гдѣ только перерѣзанными брешами; дуга побережья, передъ которой лежитъ островъ Ла-Вашъ, тоже окаймлена цѣлымъ лабиринтомъ коралловъ, а на восточной оконечности Гаити островъ Саона или Адаманай, какъ и мысъ Энганьо, окружены настоящею коралловою бахрамою. Необыкновенная чистота воды по сосѣдству съ этими рифами происходитъ, быть-можетъ, оттого, что эти маленькіе строители очищаютъ воду отъ всѣхъ плавающихъ частицъ, чтобы вырабатывать свои известковыя выдѣленія. Во многихъ мѣстахъ можно ясно различить предметы, лежащіе на днѣ, на глубинѣ болѣе 20 метровъ.

Наружная кайма рифовъ не позволяетъ съ точностью опредѣлить береговую окружность острова, такъ какъ береговая линія обнаруживается весьма неясно въ тѣхъ частяхъ побережья, которыя еще только созидаются, а потому то заливаются, то снова обнажаются при слабыхъ приливахъ и отливахъ Антильскаго моря или Атлантическаго океана. Приблизительно, всю линію береговъ можно считать въ 3.000 километровъ, что соотвѣтствуетъ почти ширинѣ Атлантическаго океана между Исландіей и Нью-Фаундлендомъ. На самомъ дѣлѣ окружность острова гораздо значительнѣе, если принять въ разсчетъ подводный цоколь, который продолжаетъ большую часть полуострововъ, особенно южный полуостровъ, къ югу отъ мыса Беата. Пропасти, глубина которыхъ превосходитъ 3.000 метровъ, встрѣчаются у береговъ по близости юго-западнаго выступа, затѣмъ на сѣверо-западѣ, около Виндъ-Уарда, а главнымъ образомъ вдоль пролива, отдѣляющаго Санто-Доминго отъ южныхъ банокъ багамскаго плато.

Находясь въ такихъ же климатическихъ условіяхъ, какъ и сосѣднія земли, островъ Санто-Доминго особенно поражаетъ контрастами между равнинами и горами, между «capesterre», или навѣтреннымъ берегомъ, и «basseterre», или подвѣтреннымъ. Занимая болѣе океаническое положеніе, чѣмъ два большіе западные острова, Санто-Доминго находится и подъ болѣе правильнымъ вліяніемъ сѣверо-восточнаго вѣтра; онъ орошается также всего больше со стороны, обращенной къ Атлантическому океану; но въ мѣстностяхъ, загражденныхъ горами, особенно на плоскогорьѣ Азуа, дожди выпадаютъ очень рѣдко, и почва овлажняется почти однѣми только обильными утренними росами. Самая сухая мѣстность находится подъ вѣтромъ горъ Сибао, около внутреннихъ береговъ залива Портъ-о-Пренсъ. Тамъ дуютъ муссоны, т. е. періодическіе возвратные вѣтры, которые, обогнувъ крайніе мысы, возвращаются къ землѣ въ видѣ влажныхъ бризъ, приносящихъ дожди.

Метеорологическія условія Гаити. Портъ-о-Пренсъ: крайнія температуры: 36°,7 и 14°,9; разность: 21°,8. Портъ-о-Пренсъ (за 4 года) дожди: 1м,55 въ 152 дня. Капъ-Гаити (за 4 года) дожди: 2м,09.

Исторія Гаити повѣствуетъ о бѣдствіяхъ, причиненныхъ ураганами, которые слѣдовали одинъ за другимъ черезъ промежутки болѣе значительные, чѣмъ на Малыхъ Антильскихъ островахъ. Въ различныя эпохи происходили здѣсь также сильныя землетрясенія: въ 1564 г. былъ разрушенъ г. Консепсіонъ-де-ла-Вега; черезъ два вѣка послѣ того, въ 1751 г., землетрясеніе истребило г. Азуа, а въ 1760 г. нарождавшійся городъ Портъ-о-Пренсъ былъ превращенъ въ груду развалинъ; въ 1842 г. такой же участи подвергся городъ Капъ-Гаити. Что касается легкихъ колебаній почвы, то они повторяются здѣсь довольно часто. Говорятъ, что въ равнинѣ Кюль-де-Сакъ, которая простирается на юго-востокъ отъ Портъ-о-Пренса, слышится по временамъ, особенно весною и осенью, глухой подземный гулъ, сопровождающійся легкимъ сотрясеніемъ. Этотъ шумъ,—извѣстный у негровъ подъ названіемъ «бездна», какъ будто бы въ глубинѣ, подъ содрогающейся корой, разверзается пропасть,—представляетъ явленіе, аналогичное *retumbos*, раскаты котораго слышатся иногда въ горахъ Гватемалы [1]).

Лучше орошаемый и съ гораздо болѣе разнообразнымъ рельефомъ, островъ Санто-Доминго отличается еще бо̀льшимъ богатствомъ растительныхъ видовъ, чѣмъ чудная Куба; онъ первый изъ всѣхъ Антильскихъ острововъ получалъ изъ Стараго Свѣта новые виды растеній. Внутренность острова еще не обезлѣсена, и лѣса, покрывающіе склоны горъ на тысячи квадратныхъ километровъ, изобилуютъ драгоцѣнными «островными деревьями»—розовымъ, желѣзнымъ, атласнымъ, краснымъ, сосной, дубомъ. Кромѣ того, на плантаціяхъ были введены всѣ плодовыя тропическія деревья: миртовое дерево, вывезенное съ Ямайки въ 1791 г., разрослось въ густыя чащи [2]). Какъ и на Кубѣ, на Гаити нѣтъ ядовитыхъ змѣй, но одинъ видъ пауковъ, каката, внушаетъ страхъ туземцамъ. Въ рѣкахъ и озерахъ водятся двѣ породы ящеровъ. Птицы цѣлыми тучами гнѣздятся на наружныхъ островахъ Алтавела, Беата, Наваца, де-ла-Гонавъ и Тортуга, богатыхъ гуано и фосфорнокислою известковою солью.

Въ то время, когда испанцы высадились на островѣ, населеніе его по плотности не

[1]) Stuart, цитированное сочиненіе.
[2]) Tippenhauer, цитированное сочиненіе.

уступало, можетъ-быть, нынѣшнему: по словамъ Колумба, оно составляло около милліона душъ; Ласъ-Казасъ, увлеченный, вѣроятно, къ преувеличенію чувствомъ ужаса, которое внушало ему «истребленіе Индіи», исчисляетъ въ три милліона число жертвъ, павшихъ на этомъ островѣ отъ руки алчныхъ и жестокихъ завоевателей. Какъ бы то ни было, Эспаньола уже съ давнихъ поръ была колонизована населеніями различнаго происхожденія; она имѣла свое историческое и доисторическое прошлое, свои миѳы, относящіеся къ долгому періоду еще малосознательнаго существованія. Отъ этихъ отдаленныхъ временъ сохранились еще находимые тамъ и сямъ топоры изъ зеленоватаго камня, которые колдуны-негры употребляютъ при своихъ чародѣйствахъ для увеличенія своего обаянія. Жители Гаити считали себя родившимися изъ земли и праздновали сотвореніе міра въ пещерахъ [1]). Еще до сихъ поръ показываютъ много такихъ гротовъ, особенно въ западной части острова, и большинство изъ нихъ расположено отверстіемъ на востокъ, такъ что въ пещеру проникаютъ лучи нарождающагося дня [2]). По вѣрованію сѣверо-западныхъ негровъ, первый человѣкъ появился на землѣ внезапно, въ сопровожденіи солнца и луны, у входа въ пещеру Мингэ, которая находится недалеко отъ Дондона, къ югу отъ города Капъ-Гаити. Священный гротъ имѣетъ видъ средняго пространства церкви, фланкированнаго низкими боковыми стѣнами, отъ которыхъ оно отдѣлено неправильными столбами сталактитовъ. Въ концѣ грота возвышается нѣчто вродѣ жертвенника, на которомъ туземцы, подъ благословеніемъ жрецовъ или *butios*, торжественно приносили жертвы земнымъ и небеснымъ богамъ: въ тотъ моментъ, когда луна появлялась на горизонтѣ, они бросались вонъ изъ грота и привѣтствовали ночное свѣтило, соблаговолившее взять ихъ подъ свое покровительство [3]). Налипшій известнякъ закрылъ фигуры животныхъ, лягушекъ, черепахъ, скорпіоновъ и крокодиловъ, которые себунейскіе художники вырѣзывали на стѣнахъ. На островѣ Ла-Вашъ, въ бухтѣ Самана и въ горахъ Сибао были открыты также статуи, грубо высѣченныя изъ камня.

Почти всѣ туземцы Гаити, себунейсы западной части острова, родственные кубанцамъ, и арауаки, обитатели средней и восточной областей, говорили нарѣчіями одного общаго языка и имѣли одинаковые обычаи и нравы: они принадлежали, по всей вѣроятности, къ одной и той же расѣ, и при случаѣ соединялись для борьбы противъ общихъ враговъ, грозныхъ караибовъ, которые часто высаживались на восточныхъ берегахъ, избивали мужчинъ и съѣдали ихъ, а женщинъ забирали себѣ въ качествѣ женъ или рабынь. Хотя испанцы почти не имѣли времени ознакомиться съ этими туземцами,—такъ быстро совершилось ихъ исчезновеніе,—тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ индѣйцевъ Антильскихъ острововъ они были наилучше описаны. Большинство ихъ были малорослы, и кожа у нихъ была не темнѣе кожи европейцевъ, которые пришли ихъ поработить; они расписывали себѣ лицо и татуировали иногда на тѣлѣ изображенія своихъ геніевъ-покровителей, тотемовъ своего семейства или племени. Матери манипулировали головы своихъ дѣтей, чтобы придать имъ болѣе красивую форму и укрѣпить кости черепа. Нравы отличались миролюбіемъ: простая палка ограждала собственность противъ всякаго покушенія, и очень рѣдко бывала война между пятью королевствами, названія и границы которыхъ приведены у лѣтописцевъ; подданные съ полною покорностью подчинялись своимъ кацикамъ; послѣ смерти кацика за нимъ должны были слѣдовать въ могилу двѣ его вдовы. Почтеніе гаитійцевъ къ умершимъ доходило до того, что на лучшіе плоды покойника налагалось табу для живыхъ: плоды эти помѣщали на могилѣ.

Колумбъ говоритъ объ этомъ народѣ въ выраженіяхъ, которыя рѣдко примѣнялись къ другимъ людямъ. «Они любятъ своихъ ближнихъ, какъ самихъ себя», — говоритъ онъ; — «ихъ рѣчь, всегда любезная и ласковая, сопровождается улыбкой». И, однако, даже этотъ человѣкъ, давшій о нихъ такой лестный отзывъ, принялся порабощать этихъ индѣйцевъ хитростью и насиліемъ; его товарищи и преемники превзошли его въ жестокости: нерѣдко случалось, что испанцы ради пустой забавы натравляли на туземцевъ своихъ бульдоговъ, которые разрывали ихъ живьемъ. Напрасно несчастные пробовали возмущаться: война только ускорила избіенія. Разсказываютъ, что для скорѣйшаго избавленія отъ своего жалкаго существованія, гаитійцы, доведенные до отчаянія, поклялись не производить болѣе потомства. Это было самоубійство цѣлой расы. Въ какіе-нибудь полвѣка нація, найденная на островѣ испанцами, которые сгорали отъ желанія «обратить ее въ истинную вѣру», если не исчезла совершенно съ лица земли, то, по крайней мѣрѣ, своимъ небольшимъ остаткомъ смѣшалась съ другими этническими элементами—неграми или бѣлыми. Почти на полпути между г. Санто-Доминго и бухтой Самана, въ лѣсистой горной долинѣ, находится деревня Боя, гдѣ пріютились послѣдніе изъ туземныхъ гаитійцевъ послѣ почти полнаго истребленія ихъ расы. Тутъ ихъ больше не преслѣдовали, ихъ главарь получилъ даже титулъ дона, и ему раз-

[1]) Pierre Martyr d'Anghiera, „Revue de Géographie". Мартъ 1885 г., переводъ Gaffarel et Louvet.

[2]) Descourtilz, „Voyages d'un naturaliste".

[3]) Moreau de Saint-Mery, „Description de la partie française de Saint-Domingue".

рѣшено было величать себя «кацикомъ острова Гаити»; утомившіеся рѣзней испанцы оставили, наконецъ, эту горсть туземцевъ въ покоѣ. Но индѣйская раса, ассимилировавшись съ сосѣдними народами, вскорѣ потеряла свою чистоту, такъ что въ настоящее время въ ней трудно признать гаитійскихъ аборигеновъ: главнымъ ихъ отличительнымъ признакомъ служатъ длинные, гладкіе и очень черные волосы. Тѣмъ не менѣе эта исчезнувшая съ острова Эспаньолы раса внесла, по свидѣтельству Гумбольдта, много своихъ словъ въ языкъ завоевателей, изъ котораго они проникли и въ другіе европейскіе языки. Таковы, напр., слова: patate (картофель), cassave (маніоковый хлѣбъ), gayac (бакаутъ), маисъ, табакъ, игуана, canot (челнокъ), кацикъ и, можетъ-быть, также гамакъ. Нѣкоторыя же гаитійскія слова, войдя въ испанскій языкъ, не привились во французскомъ.

Съ первыхъ временъ завоеванія негры сопровождали испанцевъ, и въ 1505 г. испанскіе негроторговцы продавали Санто-Домингскимъ рудокопамъ африканскихъ невольниковъ; но эта торговля вполнѣ урегулировалась только въ 1517 г. съ обнародованіемъ королевскаго указа о разрѣшеніи ежегоднаго ввоза на островъ Гаити 4.000 негровъ съ береговъ Африки. Монополія торга была устроена въ пользу одного камергера Карла V-го, который ее перепродалъ генуэзскимъ купцамъ. Но все-таки ввозъ негровъ былъ слишкомъ недостаточенъ, чтобы компенсировать огромную смертность индѣйцевъ: цѣлыя области обращались въ пустыни. Не имѣя болѣе рабовъ для разработки рудъ и для земледѣльческихъ работъ, испанцы, сами не работавшіе, очутились въ ужасномъ положеніи людей, которымъ угрожала близкая перспектива голодной смерти на этомъ богатомъ и плодородномъ островѣ: вслѣдствіе этого, многіе колонисты Эспаньолы бросились къ другимъ завоеваніямъ, и когда до острова дошли удивительныя вѣсти о Мексикѣ и Перу, эмиграція приняла колоссальные размѣры. Санто-Доминго былъ бы совершенно обезлюденъ, если бы губернаторъ насильно не удерживалъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, находившихся на островѣ. Обстоятельства сложились очень благопріятно для всѣхъ искателей приключеній, англичанъ или французовъ, которые скитались по сосѣдству съ испанскими колоніями: никакая непріятельская сила не препятствовала имъ высаживаться на незанятыхъ частяхъ острова и охотиться тамъ на быковъ, лошадей и кабановъ, пасшихся въ саваннахъ [1]. Флибустьеры сдѣлались вскорѣ настолько многочисленными, что дерзнули напасть на испанцевъ и отогнать ихъ къ столицѣ: возгорѣлась безпощадная война между новоприбывшими и первыми завоевателя острова. Впрочемъ, морскіе разбойники не имѣли опредѣленнаго мѣстопребыванія; они устроили только нѣсколько лагерей, служившихъ имъ для сходокъ и какъ складочныя мѣста для звѣриныхъ шкуръ, которыя они продавали мимо проходившимъ судамъ.

Однимъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ велась контрабандная торговля, служила гавань острова Тортуга, расположенная на проливѣ, который отдѣляетъ эту длинную гору отъ большаго острова. Считая себя достаточно сильными для основанія здѣсь прочной колоніи, флибустьеры, при содѣйствіи французскихъ жителей Санъ-Кристофа, построили на островѣ Тортуга магазины и дома и принялись за распашку земли для плантацій, которыя вскорѣ прославились своимъ табакомъ. Испанцы поняли, что ихъ могущество пошатнулось бы на островѣ Санто-Доминго, еслибы они допустили морскихъ разбойниковъ основать солидную колонію рядомъ съ ихъ владѣніемъ, и потому въ 1638 г. они неожиданно напали на лагерь и пакгаузы, устроенные на островѣ Тортуга. Но какъ только они удалились, пираты снова вернулись, и въ 1641 г. отважились даже построить на мысѣ крѣпость. Послѣ многочисленныхъ стычекъ, они были вторично прогнаны въ 1654 г. небольшою испанскою арміею. На этотъ разъ флибустьеры нашли себѣ убѣжище на большомъ островѣ, въ Пети-Гоавѣ и, живя республикой, безъ всякаго начальства и законовъ, сгруппировались въ гористыхъ областяхъ юго-западнаго полуострова: портъ Пети-Гоава, болѣе значительный, чѣмъ была пристань на островѣ Тортуга, сдѣлался одною изъ оживленнѣйшихъ гаваней на Антильскомъ морѣ по торговлѣ табакомъ и кожами. Впрочемъ, Тортуга былъ въ 1659 г. обратно взятъ французами, но такъ какъ земли его были почти совсѣмъ истощены, то колонисты эмигрировали большею частью на противоположный берегъ Санто-Доминго, гдѣ воздвиглась крѣпость Портъ-де-Пе, окруженная плантаціями. Французская колонія окончательно основалась въ западной части большаго острова [1], и понемногу тамъ началась правильная культура, впрочемъ, часто прерывавшаяся войной между колонистами различныхъ націй.

Заселеніе деревень отборными неграми сдѣлалось тогда главнымъ дѣломъ. Въ то время, какъ въ большой части другихъ Антильскихъ колоній составъ невольничьяго населенія долженъ былъ пополняться, по причинѣ недостатка женщинъ, вновь купленными неграми, на Санто-Доминго дѣло обстояло иначе; здѣсь флибустьеры, болѣе заботившіеся о добычѣ, чѣмъ о земледѣльческихъ работахъ, прежде всего позаботились о ввозѣ негритянокъ, за-

---

[1]) Th. Gage, цитиров. сочиненіе.

[1]) Labat, „Nouveau voyageis aux isles de l'Amérique“.

хваченныхъ на островахъ и на невольничьихъ судахъ. Во время переписи 1687 г. цвѣтное населеніе французскаго Санто-Доминго, составлявшее приблизительно половину всего населенія, имѣло болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ, такъ что приростъ населенія шелъ нормальнымъ путемъ посредствомъ перевѣса рожденій. Перепись на французскомъ Санто-Доминго въ 1687 г. 7.993 жит., въ томъ числѣ бѣлыхъ—4.411 жит.; негровъ и мулатовъ (мужчинъ: 1.542; женщинъ: 1.561; дѣтей: 459)—3.582 жит.

Правда, впослѣдствіи агенты Сенегальской компаніи и другихъ обществъ, имѣвшихъ привилегію на захватъ и продажу «индѣйскихъ головъ», привозили главнымъ образомъ работниковъ мужскаго пола, но все-таки разница между численностью половъ никогда не была такъ значительна на Санто-Доминго, какъ на

Группа жителей Гаити.

другихъ островахъ, и въ теченіе XVIII вѣка обогатившіеся отъ производства индиго, а затѣмъ сахара, плантаторы имѣли возможность окружить себя дѣйствительно образцовымъ по крѣпости и красотѣ негритянскимъ персоналомъ. На рынкахъ Антильскихъ острововъ отборные мужчины назначались для «колоній» Санто-Доминго, тогда какъ бракованные негры оставлялись для менѣе богатыхъ покупателей Малыхъ Антильскихъ островов. Посредствомъ подбора, подобнаго тому, какой практикуется у скотоводовъ, европейскіе гаитійцы получили для культуры своихъ земель и для службы на сахарныхъ плантаціяхъ такую породу негровъ, какой нѣтъ ни на одномъ изъ другихъ островов. Но очень можетъ быть, что этотъ-то старательный подборъ «красивыхъ и сильныхъ негровъ» и былъ главною причиною пораженія и избіенія бѣлыхъ землевладѣльцевъ. Здоровые «рабочіе» негры, набранные въ невольники, образовали мало-по-малу крѣпкую физически, энергичную расу, вполнѣ созрѣвшую для независимости. Гаитійскій негръ, вскармливаемый всегда родною матерью и выростающій на открытомъ воздухѣ, отличается большимъ ростомъ, физическою силою и крѣпкою мускулатурой; онъ имѣетъ обыкновенно широкій лобъ, пріятную улыбку и гордый взглядъ.

Наканунѣ французской революціи рабы-негры французскаго Санто-Доминго насчитывались въ количествѣ полумилліона, тогда какъ ихъ властителей-бѣлыхъ было немного болѣе тридцати тысячъ человѣкъ; промежуточный классъ мулатовъ, почти все вольноотпущенныхъ, состоялъ всего лишь изъ двадцати шести—двадцати семи тысячъ. Въ той части острова, которая была подчинена Испаніи, населеніе было малочисленнѣе, и разница между двумя этническими элементами была не столь велика: это объясняется худшимъ состояніемъ земледѣльческой промышленности, которая значительно уступала производительности французскаго Санто-Доминго, вслѣдствіе чего тамъ было менѣе спроса на рабочихъ для расширенія культуръ. Плантацій на испанской территоріи было около 5.500, тогда какъ во французскихъ колоніяхъ ихъ насчитывалось по крайней мѣрѣ вдвое больше, и болѣе половины всего количества хлопчатой бумаги и сахара, потребляемаго ежегодно въ Европѣ, доставлялось изъ французской части острова. Оттого плантаторы, опьяненные быстрымъ обогащеніемъ, только и думали что объ увеличеніи своихъ владѣній и численности рабовъ: пользуясь своимъ вліяніемъ при дворѣ и связями черезъ браки съ знатными фамиліями Франціи, они добились того, что торгъ невольниками поощрялся освобожденіемъ отъ сборовъ и разными льготами; помимо продажной цѣны за своихъ плѣнниковъ, негро-торговцы получали еще «изъ королевской казны» премію въ два ливра за каждаго высаженнаго въ колонію негра, а капитанъ невольничьяго корабля награждался особо за услуги, оказанныя отечеству.

Количество негровъ, вывезенныхъ изъ Африки въ 1789 г. [1]): англичанами—38.000; французами — 20.000; португальцами — 10.000; голландцами и датчанами—6.000; итого—74.000.

Французскій городъ Бордо, черезъ который велась торговля Санто-Доминго съ Старымъ Свѣтомъ, занималъ въ то время первое мѣсто между европейскими портами по размѣрамъ торговаго обмѣна, но, какъ ни велико было его участіе въ торговлѣ неграми, его все-таки превзошелъ въ этомъ отношеніи британскій его соперникъ—Ливерпуль.

Перевороты, слѣдующіе за продолжительными періодами постепенныхъ или скрытыхъ преобразованій, кажутся, послѣ промежутка въ нѣсколько поколѣній, происшедшими внезапно; а между тѣмъ они развивались на Гаити медленно и могли бы совершиться мирно безъ посторонняго вмѣшательства. Послѣ 1789 г., когда кличъ свободы впервые раздался за моремъ, прошло пятнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ гаитійское населеніе провозгласило свою независимость, и сколько разъ въ теченіе этихъ пятнадцати лѣтъ негры и мулаты заявляли и словомъ и дѣломъ о своемъ горячемъ желаніи остаться политически соединенными съ Франціей! Событія порождали новыя событія, давая исторіи непредвидѣнный ходъ.

Вначалѣ негры, сжившіеся съ рабствомъ, совсѣмъ не думали о томъ, чтобы сдѣлаться хозяевами той земли, которую они обработывали, и равными въ политическомъ отношеніи съ французскими плантаторами. Только «европейская мелюзга», т. е. бѣдные европейцы или ихъ дѣти, составлявшіе нѣчто вродѣ презираемаго мѣщанства, и свободные мулаты, на которыхъ, благодаря темному цвѣту ихъ кожи, смотрѣли какъ на отверженныхъ, заявляли о своихъ правахъ на политическое и соціальное равенство. Но эти бѣлые и мулаты составляли двѣ враждебныя одна другой касты; первая изъ нихъ гордилась бѣлымъ цвѣтомъ своей кожи, а вторая—мѣстнымъ происхожденіемъ и благосостояніемъ, такъ что между этими двумя группами населенія происходили постоянныя стычки. Съ другой стороны, Національное Собраніе, страшась посягательствъ на имущества крупныхъ землевладѣльцевъ, которые въ самомъ Парижѣ составляли могущественную корпорацію, колебалось предпринимать рѣшительныя мѣры; несмотря на требованіе «Друзей Негровъ» уничтожить рабство, оно ограничи-

[1]) Bryan Edwards.

лось робкимъ изданіемъ, въ 1790 г., избирательнаго закона, гдѣ даже не было опредѣленно признано избирательное право мулатовъ. Однако, мулаты рѣшились потребовать себѣ этого права: представителемъ ихъ интересовъ выступилъ Винцентъ Оже, который, однако, въ своей прокламаціи объявилъ себя безучастнымъ къ «судьбѣ негровъ, живущихъ въ рабствѣ». Но, потерпѣвъ неудачу, онъ принужденъ былъ, вмѣстѣ въ прочими, скрыться на испанской территоріи, откуда его забрали, чтобы казнить колесованіемъ. Возбужденіе бѣлаго населенія возросло еще болѣе съ того времени, когда декретомъ Конституціоннаго Собранія, въ 1791 г., мулатамъ, «родившимся отъ свободныхъ родителей», было пожаловано право засѣдать въ колоніальныхъ собраніяхъ. Тогда-то господствующій классъ населенія въ большей части округовъ пошелъ на разрывъ съ метрополіей, всѣ акты которой казались ему «напередъ оскверненными декларацiей правъ человѣка» [1]). Не разсчитывая болѣе на Францію, плантаторы обратились тогда къ Англіи, и коммиссары, одѣтые въ англійскіе мундиры, отправились вымаливать помощи у Ямайскаго правительства.

Но негры успѣли уже увлечься революціоннымъ движеніемъ, и тогда-то вспыхнула расовая война. Вліяніе духовенства на рабовъ оставалось неотразимымъ, и негры, повинуясь тому же самому побужденію, подъ вліяніемъ котораго дѣйствовали возставшіе Вандейскіе крестьяне, взялись за оружіе какъ «Gens du Roi». Запахъ крови заставилъ вскорѣ позабыть о судьбѣ дальней монархіи, и война сдѣлалась скоро какъ съ той, такъ и съ другой стороны простою охотою на людей. Недосягаемые въ области горъ, негры убивали бѣлыхъ поселянъ, зато и сами дѣлались ихъ жертвами, когда, опьяненные какимъ-нибудь успѣхомъ, осмѣливались близко подходить къ городамъ. Плѣнныхъ не дѣлали, и часто захваченные въ плѣнъ умирали подъ пытками. Военные лагери, какъ у бѣлыхъ, такъ и у негровъ, были окружены либо трупами, висѣвшими на деревьяхъ, либо головами, насаженными на колья. Но, какъ обыкновенно говорилъ впослѣдствіи Туссэнъ-Лувертюръ, бѣлые терялись среди негровъ, какъ двѣ-три крупинки риса въ чашѣ, наполненной чернымъ маисомъ, и рѣзня еще болѣе увеличила разницу въ пользу африканской расы. Кромѣ того, эмиграція бѣлыхъ на Ямайку, Кубу, Пуерто-Рико, въ испанскую Флориду и Соединенные Штаты превратилась въ настоящее бѣгство. Разорившіеся или предусмотрительные плантаторы покидали страну и переносили свою промышленность въ сосѣднія страны.

Призванные бѣлыми и половиною цвѣтнаго населенія, сопровождаемые компаніями дворянъ, эмигрировавшихъ изъ Франціи, англичане дѣйствительно явились на островъ, съ цѣлью овладѣть роскошною колоніею, которую добровольно отдавали имъ въ руки. Моль-Сенъ-Никола, главный арсеналъ Санто-Доминго, и главный городъ, Портъ-о-Пренсъ, очутились во власти англичанъ. Съ другой стороны, испанцы, представлявшіе Бурбонскую монархію, приняли къ себѣ на службу «людей короля», Gens du Roi, т. е. возмутившихся негровъ, и вторглись внутрь бывшей французской территоріи: отъ прежней колоніи остались только два или три военныхъ поста, на сѣверѣ и на югѣ острова, какъ разъ тамъ, гдѣ морскіе разбойники начали свое дѣло завоеванія. Тогда-то коммиссаръ Сонтонаксъ, понимая всю безвыходность положенія, провозгласилъ освобожденіе рабовъ и заставилъ признать его тѣми плантаторами, которые остались вѣрными своему отечеству. Правда, что инниціатива освобожденія принадлежала самимъ неграмъ: большая часть изъ нихъ были уже свободными, когда эта свобода была объявлена оффиціально, но надо было признать совершившійся фактъ, и Національное Собраніе, декретомъ 16 плювіоза II-го года (4-го февраля 1794 г.), провозгласило равноправность между людьми различныхъ расъ.

Нравственное дѣйствіе этого событія было огромное, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль матеріальное положеніе измѣнилось совершенно. Рабочіе возмутились, и по кличу Сонтонакса, которому дали прозвище «Добраго Бога», собралась цѣлая армія. Чернокожіе инсургенты, сражавшіеся во имя испанскаго короля, перемѣнили знамя и обратились въ волонтеровъ Французской республики. Сражаясь противъ вчерашнихъ союзниковъ, они оттѣснили ихъ въ восточную часть острова, а затѣмъ отобрали постепенно западные города, занятые англійскими гарнизонами. Негритянскій предводитель Туссэнъ Бреда перемѣнилъ свою фамилію на Лувертюръ, желая этимъ показать, что открылась новая эра: и дѣйствительно, начался совершенно новый порядокъ вещей. На поляхъ снова закипѣла работа, теперь уже не только въ пользу нѣсколькихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, но также и для толпы свободныхъ людей, и въ деревняхъ возстановился прежній достатокъ. Въ слѣдующемъ году, по Базельскому трактату, Франціи была уступлена испанская часть Санто-Доминго, и французская республика сдѣлалась такимъ образомъ оффиціальной владѣтельницей колоніи въ гораздо большихъ границахъ, чѣмъ какія она унаслѣдовала отъ монархіи. Однако, надо было завоевать эту территорію, которую Испанія от-

---

[1]) Постановленіе прихода Гро-Морнъ. (Pamphile de la Croix, „Memoires pour servir à l'histoire de la révolution de Saint-Domingue“).

дала Франціи, и этой обширной страной овладѣли опять-таки освобожденные негры, и почти безъ всякаго кровопролитія.

Такимъ образомъ колонія продолжала быть французской территоріей, но со стороны самой Франціи послѣдовали такія рѣшительныя дѣйствія, которыя разрушили политическую связь между двумя странами. Ниспровергнувъ республику и возстановивъ въ другомъ видѣ прежній режимъ, первый консулъ Бонапартъ хотѣлъ совершить на Гаити то же самое, что ему уже удалось сдѣлать во Франціи. Въ началѣ 1802 г. значительная армія высадилась у города Капъ-Гаити. Застигнутые врасплохъ, негры не знали, покориться ли имъ или сопротивляться, такъ какъ въ новоприбывшихъ они видѣли своихъ собратьевъ по языку и отечеству, да къ тому же и прокламаціи, привезенныя имъ, обѣщали сохраненіе свободы. Они сражались очень вяло, въ особенности, когда потеряли своего вождя, Туссэна Лувертюра, заманеннаго измѣнническимъ образомъ на судно, которому поручено было захватить его въ плѣнъ. Но мало-по-малу правда всплыла наружу: на островѣ провѣдали о существованіи декрета, которымъ возстановлялось рабство и невольничій торгъ на Антильскихъ островахъ, и воочію увидѣли публичную продажу, въ качествѣ рабовъ, привезенныхъ изъ Гваделупы мулатовъ. Армія мулатовъ немедленно отдѣлилась, и война возобновилась. Это была ужасная война: Дессалинъ приказалъ убивать всѣхъ бѣлыхъ, сжигать ихъ города и плантаціи. Съ своей стороны, и французы не знали пощады: они привели даже съ собой на осаду Леожана двѣсти кубанскихъ собакъ, «которыхъ кормили мясомъ негровъ, доводя ихъ предварительнымъ голодомъ до крайней прожорливости» [1]). Но климатъ, на который главнымъ образомъ и разсчитывали гаитійцы, обезпечилъ въ концѣ концовъ побѣду за ними: страшная эпидемія желтой лихорадки почти совершенно истребила иноземное войско. Изъ 35.131 человѣка, высадившихся на островъ, 24.000 были похищены эпидеміей, и во время окончательнаго очищенія страны отъ войска отъ него осталось лишь не болѣе 2.200 здоровыхъ солдатъ [2]). Съ этого времени раздѣлъ сталъ совершившимся фактомъ, и 1-го января 1804 г. на площади Гонаивъ была провозглашена независимость. Впослѣдствіи часто перефразировывали слова Дюпона и Робеспьера, сказанныя ими въ 1791 г.: «Скорѣй пусть погибнутъ колоніи, чѣмъ принципъ!», и изъ этого обыкновенно дѣлали тотъ выводъ, что глупо соблюдать мораль въ политикѣ; но если колонія Санто-Доминго пропала, то это потому, что метрополія, не дерзавшая даже видѣть принципъ въ человѣческой свободѣ, оставила въ рабствѣ «несвободныхъ» жителей Санто-Доминго, а затѣмъ и освобожденныхъ снова ввергла въ неволю.

Хотя нынѣ независимое государство, бывшая колонія представляетъ въ своихъ лѣтописяхъ замѣчательную параллельность съ исторіей новѣйшей Франціи. Послѣ пятнадцатилѣтняго революціоннаго періода, Гаити тоже образовала имперію, затѣмъ она имѣла свои монархіи и конституціонныя президентства до новой имперіи, учрежденіе которой по времени (1849 г.) почти совпало съ возстановленіемъ второй имперіи во Франціи, чѣмъ и воспользовались старики для легкихъ сравненій между двумя императорами [1]). Возстановленіе республики совершилось при звукахъ *Марсельезы*, и Портъ-о-Пренсъ, подобно Парижу, праздновалъ юбилей взятія Бастиліи [2]).

Въ 1843 г. союзъ, навязанный испанскому населенію острова силою оружія, былъ расторгнутъ, и послѣ того всѣ попытки связать между собою двѣ республики не привели ни къ чему. Это разъединеніе объясняется, впрочемъ, различіемъ языка, традицій и расы. Въ то время, какъ негры господствуютъ въ республикѣ Гаити, мулаты составляютъ значительное большинство въ Санто-Доминго; первые говорятъ по-французски или на креольскомъ патуа французскаго происхожденія, и все прошлое связываетъ ихъ съ Франціей для вторыхъ; роднымъ языкомъ служитъ испанскій, и самыя тѣсныя отношенія они имѣли съ испано-американскими республиками. Изъ двухъ смежныхъ государствъ слабѣйшее по населенію, торговлѣ и военной силѣ именно то, въ которомъ преобладаетъ бѣлая раса: ему зато и болѣе приходилось опасаться за свою независимость. Его тѣснила не только западная республика, но даже и сама метрополія; такъ, въ 1861 г. островъ былъ занятъ испанскими войсками и вновь присоединенъ оффиціальнымъ образомъ къ колоніальной имперіи прежней метрополіи: жителямъ Санто-Доминго удалось возвратить себѣ автономію только въ 1865 г. Затѣмъ въ 1869 г. сѣверо-американское правительство дѣлало неоднократныя попытки къ вовлеченію Санто-Доминго въ свою политическую орбиту и нѣкоторое время даже владѣло бухтой Самана. Соединенные Штаты, слѣдовавшіе рабовладѣльческой политикѣ, были послѣднимъ государствомъ, признавшимъ независимость Гаити (въ 1862 г.).

Границы между двумя колоніями, французской и испанской, а затѣмъ между двумя независимыми государствами, подвергались частымъ измѣненіямъ. Въ настоящее время общая граница съ сѣвера на югъ представляетъ

---

[1]) Jurien de la Gravière, „Souvenirs d'un amiral“.
[2]) Pamphile de la Croix, цитиров. сочиненіе.

[1]) Gustave d'Alaux, „Soulouque á son empire“,
[2]) Salles, рукописныя замѣтки.

крайне неправильную линію, и каждое изъ двухъ государствъ претендуетъ на верхній бассейнъ Артибонита; по трактату, заключенному въ 1876 г., спорная территорія признана доминиканской провинціей, но гаитійцы тоже могутъ ею пользоваться, уплативъ 150.000 піастровъ и, кромѣ того, допустивъ безпошлинный ввозъ товаровъ изъ Санто-Доминго. На этомъ островѣ, какъ и во многихъ другихъ странахъ, разграниченіе сдѣлано не соотвѣтственно естественнымъ границамъ, а силою взаимнаго давленія со стороны плантаторовъ обѣихъ націй. Исторія завоеванія, колонизаціи и войнъ объясняетъ происхожденіе нынѣшней границы.

Приблизительныя данныя относительно пространства и населенія двухъ республикъ острова Гаити:

Гаити—28.876 кв. кил., 960.000 жит., 33 жит. на кв. килом.; Доминго—48.577 кв. кил., 417.000 жит., 8,5 жит. на кв. килом.

II. Республика Гаити.

На Гаити нѣтъ почти ни одного города, названіе котораго не вызывало бы воспоминаній объ осадѣ, сраженіи или рѣзнѣ,—дотого сильно обагрился кровью этотъ несчастный островъ. Перечисленіе этихъ событій при описаніи гаитійскихъ городовъ и мѣстечекъ было бы только повтореніемъ уже сказаннаго. Даже рѣка, отдѣляющая Санто-Доминго отъ республики Гаити, на сѣверной границѣ, названа рѣкой «Рѣзни», въ воспоминаніе о стычкахъ между испанцами и туземцами. Первый городъ Гаити къ западу отъ этой рѣки носитъ, со времени войны за независимость, названіе фортъ Либертэ, вмѣсто прежняго Портъ-Дофинъ. Это лучшій портъ во всемъ Гаити: его обширная гавань, съ превосходнымъ дномъ, имѣетъ повсемѣстно 8—20 метровъ глубины, и къ тому же отлично защищена отъ вѣтровъ; но парусныя суда входятъ туда съ трудомъ, такъ какъ входный проходъ, длиною въ 1.500 метровъ, довольно узокъ и извилистъ. Благодаря пароходамъ, Либертэ пріобрѣлъ въ послѣдніе годы важное значеніе, какъ мѣсто вывоза красильнаго дерева, которое привозятъ сюда изъ внутреннихъ округовъ Тру и Уанаминте (Гванаминто арауковъ).

Главною сѣверною гаванью остается попрежнему Капъ-Франсе, переименованный теперь въ Капъ-Гаити или просто Ле-Капъ, — городъ, который до войны называли за его пышность «Санъ-Домингскимъ Парижемъ». Здѣсь была провозглашена отмѣна невольничества, здѣсь высадились французскія войска для вторичнаго завоеванія Гаити, и отсюда же небольшой оставшейся горсти ихъ снова пришлось отплывать. Неоднократно подвергавшійся пожарамъ и почти совершенно разрушенный землетрясеніемъ 1842 г., Капъ-Гаити не имѣетъ болѣе замѣчательныхъ монументовъ; но издали его прекрасные сады и господствующія надъ нимъ крутыя горы (mornes) придаютъ ему величественный видъ. Портъ его, представляющій скорѣе защищенную рифами бухту, считается вторымъ въ республикѣ по движенію заграничной торговли: главными предметами вывоза служатъ кофе и тафія, привозимыя сюда изъ Сѣверной Равнины, изъ Лимонада, изъ Большой Рѣки, Дондона и другихъ городовъ «Сѣверной» области.

Обороты внѣшней торговли въ Капъ-Гаити въ 1886 г.: 6.057.000 франковъ. Близъ мѣстечка Милотъ, расположеннаго въ 15 километрахъ къ югу отъ Капъ-Гаити, находятся самыя величественныя развалины Гаити, замокъ Санъ-Суси, который приказалъ выстроить для себя генералъ Христофъ, сдѣлавшійся Сѣвернымъ королемъ, подъ именемъ Генриха I-го: стража его была составлена изъ дагомейцевъ, которыхъ онъ навербовалъ за большія деньги на берегу Гвинеи. Надъ замкомъ господствовала цитадель Лаферрьеръ, гордо возвышающаяся на вершинѣ Бонне-à-л'Евекъ; съ этой горы, высотой въ 708 метровъ, можно обозрѣвать великолѣпный горизонтъ отъ моря до горъ: эта живописная мѣстность, перерѣзанная извилистыми рѣчками, есть одна изъ наилучше воздѣланныхъ во всемъ Гаити.

Къ западу отъ Ле-Капа по берегу слѣдуютъ нѣсколько небольшихъ портовъ: бухта Акуль, откуда вывозятся произведенія городовъ Сѣвернаго Акуля, Лимбе и Плезанса, далѣе Портъ-Марго, Портъ-Борнь и Портъ-де-Пе, который былъ названъ Колумбомъ Вальпарайзо. Эта пристань, самая сѣверная на Гаитійской территоріи, но значеніе которой постепенно уменьшалось въ пользу ея восточной сосѣдки, Капъ-Франсе,—лежитъ противъ острова Тортуга, гдѣ морскіе разбойники основали колонію, сдѣлавшуюся, послѣ Портъ-Марго, исходнымъ пунктомъ французскихъ завоеваній; сюда впослѣдствіи стали выселять больныхъ проказою. Къ западу отъ Портъ-де-Пе находится устье рѣки Труа-Ривьеръ, вытекающей съ Черныхъ Горъ и орошающей своимъ теченіемъ многолюдныя общины Мармеладъ, Плезансъ и Гро-Морнъ.

Городъ Молъ-Сенъ-Никола, находящійся близъ западной оконечности Сѣвернаго полуострова, также пришелъ въ упадокъ съ прошлаго столѣтія. Первый пунктъ побрежья, у котораго присталъ Христофоръ Колумбъ вовремя открытія Эспаньолы, Молъ, названный такъ отъ длиннаго мыса, защищающаго портъ въ видѣ жете, сдѣлался въ 1693 г. главною крѣпостью, «Гибралтаромъ» французскаго Санто-Доминго; но всѣ его укрѣпленія, повреж-

денныя уже бомбардированіемъ и пожарами, обратились послѣ землетрясенія 1842 г. въ кучу безформенныхъ развалинъ. Хотя этотъ портъ во всѣхъ отношеніяхъ можно назвать прекраснымъ, но онъ не принадлежитъ къ числу дѣятельныхъ, что объясняется безплодностью окрестныхъ земель, не дающихъ товаровъ для вывоза; но какъ морская станція, господствующая надъ проливами, Молъ неоцѣнимъ, вслѣдствіе чего республика Соединенныхъ Штатовъ часто подозрѣвалась въ желаніи овладѣть имъ. Въ 1764 г., во время «большаго разоренія», четыреста акадійцевъ получили земли въ сосѣдствѣ съ Моломъ, но этотъ климатъ, столь разнящійся отъ ихъ роднаго, такъ дурно повліялъ на переселенцевъ, что они быстро стали вымирать, а оставшіеся въ живыхъ просили перевести ихъ въ Луизіану. Около того же времени 2.400 нѣмцевъ, обратившихся къ французскому правительству за дозволеніемъ эмигрировать въ Санъ-Доминго, тоже высадились у Мола-св. Николая. Имъ роздали земли на внутреннемъ плато, гдѣ основалась деревня Бомбардополисъ или Бомбардъ, названная такъ въ честь одного капиталиста. Два года спустя послѣ ихъ прибытія, отъ несчастныхъ эмигрантовъ осталась всего лишь треть, а спустя еще два года—лишь шестая часть всего числа; впрочемъ, въ этомъ краѣ еще до сихъ поръ уцѣлѣла горсть потомковъ этихъ эмигрантовъ, уже перемѣшавшихся съ неграми; другіе, слѣдуя примѣру акадійцевъ, переселились въ Луизіану, именно въ Миссисипскую дельту, гдѣ одна изъ лагунъ носитъ даже ихъ названіе—«озеро Нѣмцевъ» [1]). Къ югу отъ высокихъ террасъ Бомбардополиса, заросшіе кактусами овраги, «Сады Дьявола», окружаютъ прекрасную отвѣсную скалу, называемую моряками «Платформой».

Портъ Гонаивъ стоитъ въ глубинѣ залива, куда впадаютъ двѣ рѣки того же имени и Артибонитъ. Этотъ городъ, представляющій большую кучу соломенныхъ хижинъ, есть, благодаря своему центральному положенію между сѣверными и западными провинціями, одно изъ тѣхъ мѣстъ, вокругъ которыхъ происходила исторія острова: отсюда Туссэнъ Лувертюръ отправился во Францію, и здѣсь именно была провозглашена независимость Гаити. Портъ этотъ ведетъ довольно дѣятельную торговлю, которая обѣщаетъ еще болѣе разростись съ проведеніемъ желѣзной дороги; эта послѣдняя пойдетъ на сѣверо-востокъ къ Гро-Морнъ, а впослѣдствіи будетъ продолжена до Капъ-Гаити; спекуляторы добиваются концессіи на лѣсъ, который тянется по обѣимъ сторонамъ дороги, на протяженіи 10 километровъ. На юго-западѣ небольшая долина въ горахъ Кахосъ занята мѣстечкомъ Маршанъ, бывшей резиденціей Дессалина, который впослѣдствіи царствовалъ подъ именемъ Іакова I-го.

Городъ Сенъ-Маркъ, расположенный у основанія мыса, замыкающаго съ юга заливъ Гонаивъ, стоитъ у торговаго выхода большой Артибонитской долины; эта долина—богатѣйшая во всемъ Гаити—заключаетъ въ своемъ верхнемъ бассейнѣ великолѣпныя пастбища общинъ Санъ-Рафаэль, Санъ-Мишель д'Атале и Гинше; далѣе, по среднему теченію, тянутся лѣса краснаго дерева, въ округѣ Ласъ-Каобасъ, и разнообразныя плантаціи округа Мирбале; наконецъ, въ нижнихъ равнинахъ долины, находятся плантаціи и сады общинъ Верретъ и Петитъ-Ривьеръ. Мѣстечко, расположенное при устьѣ Артибонита, называется Грандъ-Салинъ, по причинѣ находящихся въ сосѣдствѣ солончаковъ, очень производительныхъ, какъ и солончаки Гонаива. Уединенный холмъ на правомъ берегу есть знаменитый Кретъ-а-Пьерро, который былъ укрѣпленъ англійскими инженерами, и который негры такъ храбро защищали во время войны за независимость.

Къ юго-востоку отъ мыса Санъ-Маркъ идетъ рядъ прибрежныхъ деревень—Монъ-Руи, Левазъ, Аркахайе, славящаяся своими теплыми источниками, Букассинъ и др.; онѣ слѣдуютъ одна за другою до самаго Портъ-о-Пренса, столицы Гаити. Этотъ городъ, сдѣлавшійся столицей благодаря своему счастливому торговому положенію, не принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ колоніи: онъ былъ основанъ лишь въ 1749 г., подъ названіемъ л'Опиталь, и неизвѣстно, въ честь какого «принца» онъ носитъ свое настоящее названіе. Ежегодное движеніе внѣшней торговли въ Портъ-о-Пренсѣ: отъ 50 до 60 милліоновъ франковъ. Въ городѣ не сохранилось ни одного сколько-нибудь значительнаго памятника, такъ какъ онъ не разъ подвергался пожарамъ; онъ состоитъ изъ низкихъ домовъ, деревянныхъ или каменныхъ, съ галлереями и верандами, расположенныхъ въ видѣ правильныхъ островковъ между проспектами, обсаженными деревьями. Портъ-о-Пренсъ не имѣетъ недостатка въ водѣ, которая разносится по городу по водопроводнымъ трубамъ, проложеннымъ по всѣмъ улицамъ; въ предмѣстьяхъ города находится нѣсколько заводовъ, которые соединяются съ портомъ посредствомъ небольшой сѣти желѣзныхъ дорогъ. Форты, построенные на окрестныхъ горахъ, служили прежде защитою какъ для города, такъ и для рейда. За городомъ тянутся деревни, которыя служатъ продолженіемъ Портъ-о-Пренса, къ берегу моря до Бизотона и до плодородной равнины Кюль-де-Сакъ: на возвышенностяхъ ютятся виллы и дачи. Однимъ изъ передовыхъ пригородовъ Портъ-о-Пренса, съ сѣверо-восточной стороны, является Круа-де-Буке, часто под-

---

[1]) Rameau, „Acadiens et Canadiens".

вергавшійся осадамъ и штурмамъ во время возстаній. Тюржо и Петіонвиль, извѣстный прежде подъ названіемъ ла-Купъ, служатъ излюбленными резиденціями и санаторіями для гаитійскихъ негоціантовъ и дипломатовъ, которые по вечерамъ спасаются здѣсь отъ вреднаго ночнаго воздуха Портъ-о-Пренса. Дачи разбросаны по холмамъ среди садовъ: видъ во всѣ стороны очаровательный; съ одной стороны, разстилается голубое море и островъ де-ла-Гонавъ, кажущійся темнымъ отъ покрывающаго его лѣса, съ другой—чудныя равнины, культурныя поля и озеро Сомашъ, въ своей прекрасной аллеѣ горъ. Деревня Книскофъ, лежащая на высотѣ 1.350 метровъ надъ уровнемъ моря, занимается культурою европейскихъ растеній умѣреннаго пояса и снабжаетъ овощами рынокъ Портъ-о-Пренса.

Юго-западный полуостровъ Гаити, отъ Портъ-о-Пренса до озера Тибуронъ, окаймленъ городами и торговыми мѣстечками; каждая бухта имѣетъ свою группу жилищъ, на половину скрытыхъ подъ кущами большихъ деревьевъ. Мѣстечко Са-Ира, лежащее на той части побережья, которую рядъ рифовъ соединяетъ съ Гонавомъ, служитъ портомъ важному городу Леогану (по-индѣйски Ягуана), господствующему надъ моремъ съ высоты плодородной террасы; до Портъ-о-Пренса этотъ городъ былъ столицей французскаго Санто-Доминго. Далѣе слѣдуютъ Гранъ-Гоавъ и Пети-Гоавъ; изъ этихъ двухъ городовъ, раздѣленныхъ высокимъ «тапіономъ», послѣдній населеннѣе и дѣятельнѣе въ торговомъ отношеніи; за ними идетъ процвѣтающій Мирагоанъ, построенный частью на грунтѣ насыпи, выступающей далеко въ море. Слѣдующіе порты: Ниппъ, Ансъ-а-Во, Пети Тру, Барадеръ менѣе важны въ торговомъ отношеніи; достаточно бы было небольшаго прокопа въ 200 метровъ черезъ низкій перешеекъ, чтобы соединить бухту Барадеръ съ рейдомъ группы Кайемитъ. За Бекъ-а-Марсуэнъ и двумя островами, Большимъ и Малымъ-Кайемитъ, два города, Пестель и Карайль, населенные главнымъ образомъ рыбаками и строителями гоэлетъ, служатъ аванъ-портами для Жереми, главнаго города на полуостровѣ, не имѣющаго, однако, хорошей якорной стоянки, и сѣверные вѣтры тамъ очень опасны. Окружающая мѣстность, прекрасно воздѣланная, доставляетъ кофе, водку и лучшее на островѣ какао. Въ Жереми находится родовая усадьба семейства Александра Дюма.

Нѣсколько маленькихъ городовъ разсѣяны по берегамъ бухтъ, открывающихся на самой оконечности полуострова: Тру-Бонбонъ, Абрико, расположенный, какъ говоритъ легенда, въ Раѣ индѣйцевъ, куда старики приказывали относить себя, чтобы тамъ умереть въ полномъ одиночествѣ и спокойно вернуться въ Великое Все [1]); Дамъ-Мари, имя котораго, постепенно мѣняясь, превратилось въ Дальмари; Ансъ-д'Эно; Ле-з-Ируа, названный такъ отъ «ирландцевъ», водворившихся тамъ въ прошломъ столѣтіи; Тибуронъ, расположенный въ самомъ углу острова, на томъ мѣстѣ, гдѣ суда должны мѣнять свои паруса. На южной сторонѣ полуострова, до мыса Абаку, лучшею гаванью считается Кото; однако, берегъ, омываемый бурными волнами, представляетъ очень мало убѣжищъ, и даже Портъ-Салю не даетъ надежной якорной стоянки; но на востокѣ заливъ Кайосъ, хорошо защищенный окружающими «кайосами» (рифами) и островомъ Ла-Вашъ, окаймленъ превосходными гаванями, вполнѣ пригодными для судовъ небольшой осадки. Городъ Кайосъ, лежащій недалеко отъ того мѣста, гдѣ возвышался Сальватьерра, основанный Обандо, въ 1503 г., представляетъ собою одну изъ коммерческихъ гаваней республики; но, построенный при устьѣ рѣки, часто выступающей изъ береговъ, онъ отличается крайне нездоровымъ климатомъ. Торговое движеніе Кайоса въ 1886 г.: 2.060.000 франковъ.

Окрестныя мѣстечки, Торбекъ, Кавальонъ и далѣе къ востоку Сенъ-Луи и Акэнъ (прежде Якупно), имѣютъ кое-какую промышленность; главнымъ образомъ жители ихъ занимаются выдѣлкою шляпъ. Въ портѣ Акэнъ англичане, посланные, въ 1655 г., Кромвелемъ, потерпѣли пораженіе, послѣ котораго они обратили всѣ свои силы на завоеваніе Ямайки; а въ портѣ Кайосъ Симонъ Боливаръ организовалъ, въ 1816 г., экспедицію, которая привела къ низверженію испанскаго режима въ Южной Америкѣ.

Островъ Ла-Вашъ, замыкающій наполовину бухту Кайосъ, служилъ мѣстомъ ссылки для 450 американскихъ негровъ. Когда тысячи невольниковъ, освобожденныхъ войною, укрылись, въ 1863 г., вокругъ крѣпости Монроэ, въ Виргиніи, подъ защитою федеральныхъ войскъ, вашингтонское правительство, желавшее избавиться отъ нихъ, отправило ихъ, въ качествѣ колонистовъ, за предѣлы территоріи республики, въ различныя мѣстности Антильскихъ острововъ и Центральной Америки. Рѣшено даже было, что 5.000 этихъ освобожденныхъ будутъ перевезены на островъ а-Вашъ, или «Ла-Вашъ», который гаитійцы уступили американцамъ, какъ «опытное поле»; но первый опытъ былъ очень неудачный: эпидеміи, голодъ и тоска по родинѣ погубили вскорѣ болѣе трети эмигрантовъ, а остальныхъ несчастныхъ пришлось вернуть на родину. Въ настоящее время островъ усѣянъ цвѣтущими банановыми плантаціями, плоды которыхъ вывозятся въ Соединенные Штаты.

[1]) Moreau de Saint-Méry, цитир. сочин.; — Edgar Selve, „Le Pays des Negres".

Жакмель, лежащій у самаго начала изгиба, который дѣлаетъ береговая линія для образованія полуострова Беата, пользуется въ торговомъ отношеніи большимъ преимуществомъ, такъ какъ стоитъ очень близко къ столицѣ Гаити, хотя моремъ разстояніе отъ одного города до другаго превышаетъ 450 километровъ. Жакмель сдѣлался бы внѣшней гаванью Портъ-о-Пренса, если бы черезъ основаніе полуострова была проложена желѣзная дорога; теперь онъ служитъ пока пристанью, гдѣ высаживаются путешественники, не желающіе утомлять себя безполезнымъ плаваніемъ вокругъ юго-западной части полуострова. Съ стратегической точки зрѣнія Жакмель тоже имѣетъ большое значеніе, такъ какъ онъ защищаетъ столицу съ южной стороны. Къ востоку отъ этого города, у доминго-ской границы, лежатъ два небольшихъ порта, Кайосъ-де-Жакмель и Саль-Тру (Грязная Яма), имя котораго изъ вѣжливости къ жителямъ часто пишутъ слитно (Saltrou) Сальтру. Легенда, по которой, будто бы, бѣглые негры, одичавшіе, живутъ еще въ сосѣднихъ горахъ, не заслуживаетъ, повидимому, никакого довѣрія [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что, въ періодъ революціонныхъ смутъ и войны за независимость, населеніе значительно уменьшилось, хотя не имѣется ни одного документа, который бы точно опредѣлялъ размѣры этого уменьшенія. Большинство бѣлыхъ было перебито; тѣ же, которые убѣжали на Кубу, Пуерто-Рико, Ямайку, въ Соединенные Штаты, успѣли большею частью распродать своихъ рабовъ или забрали ихъ съ собою среди негровъ и мулатовъ множество погибло въ сраженіяхъ, пожарахъ и массовыхъ утопленіяхъ. Весьма возможно, что гаитійское населеніе уменьшилось наполовину за время пятнадцатилѣтней революціи: съ шестисотъ тысячъ оно упало почти до трехсотъ тысячъ или даже, по исчисленію нѣкоторыхъ писателей, до двухсотъ шестидесяти тысячъ душъ.

По словамъ Неккера, цитированнаго Гумбольдтомъ («Essai politique sur la Nouvelle Espagne»), населеніе французской части Санто-Доминго состояло въ 1789 г. изъ 520.000 жителей, изъ которыхъ было 40.000 бѣлыхъ, 28.000 вольноотпущенныхъ и 452.000 невольниковъ.

Съ той эпохи бывали междоусобицы, но онѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ охватывали все населеніе: внутри страны преобладало мирное настроеніе, что при плодовитости негритянской расы увеличило населеніе въ теченіе полувѣка почти вдвое. Даже въ нездоровомъ городѣ Портъ-о-Пренсѣ рождаемость въ два раза превосходитъ смертность. Естественное движеніе населенія въ Портъ-о-Пренсѣ въ 1888 г.: родившихся—1.987; умершихъ—853. По всей вѣроятности, гаитійцевъ въ настоящее время по крайней мѣрѣ милліонъ: въ 1863 г. президентъ Жеффрардъ показывалъ численность населенія въ 900.000 человѣкъ; въ 1888 г. Дантесъ Фортунатъ остановился на приблизительномъ числѣ 960.000; рукописная перепись, доставленная въ 1889 г. Саллю, опредѣляетъ число гаитійцевъ въ 994.000 человѣкъ. Километрическая плотность населенія приблизительно наполовину меньше, чѣмъ во Франціи: это слишкомъ мало для такой плодородной страны.

Часто повторяли, но безъ доказательствъ, что на Гаити, какъ и на Кубѣ, пропорція женщинъ на много превышаетъ пропорцію мужчинъ въ семьяхъ. Несомнѣнно только то, что населеніе по цвѣту кожи становится все болѣе и болѣе африканскимъ: «всѣ гаитійцы—*sacatra*», говоритъ Жанвье, чтобы опредѣлить однимъ словомъ, теперь уже вышедшимъ изъ употребленія, смѣсь кровей, въ которой преобладаетъ африканская кровь [1]). Да иначе и быть не могло. Цвѣтные люди не составляли даже одного на десять въ началѣ революціи, а расовыя войны постоянно увеличивали разность въ пользу негровъ, которые составляютъ нынѣ огромное большинство жителей: съ тѣхъ поръ какъ бѣлые сдѣлались лишь временными гостями, а не постоянными жителями этого острова, скрещиванія все больше и больше снова приводятъ типъ націи къ негритянскому типу. Но если кожа у большинства гаитійцевъ черная или очень темная, то черты лица очень мало напоминаютъ чисто-африканскій типъ уолофа или серера: новая среда преобразила черты лица и очень приблизила ихъ къ европейскому типу. Иммиграція лишь въ очень слабой мѣрѣ способствуетъ увеличенію гаитійскаго населенія. Сѣверо-американскіе негры, поселившіеся въ странѣ, трудно сближаются съ гаитійскими креолами, такъ какъ между ними слишкомъ велика разница въ языкѣ, религіи и нравахъ. Изъ иммигрантовъ всего лучше принимаютъ въ Гаити переселенцевъ съ французскихъ Антильскихъ острововъ, Мартиники и Гваделупы, переселенцевъ, которые поддерживаютъ сношенія съ Франціей. Ямайцевъ очень много въ Портъ-о-Пренсѣ: почти всѣ извощики — иммигранты съ англійскаго острова. Что касается до эмиграціи, то она незначительна и направляется главнымъ образомъ въ Доминиканію и Венецуэлу.

Въ первые годы гаитійской независимости успѣхи въ земледѣліи и промышленности были весьма слабы; причиной тому былъ порядокъ землевладѣнія, оставшійся въ наслѣдіе отъ

[1]) Spenser Saint John, „Haiti or the Blake Republic".

[1]) Louis-Joseph, „Les Détracteurs de la Race Noire".

временъ невольничества. Ничто не измѣнялось въ дѣленіи земель, пока продолжалась опасность порабощенія: каждая плантація была какъ бы лагерь, обитатели котораго составляли роту или батальонъ, имѣвшій своего военачальника [1]. Послѣ отступленія французовъ, такое положеніе вещей сохранялось въ интересахъ мулатовъ, которые явились на смѣну бѣлымъ, въ качествѣ помѣщиковъ. Какъ и во Франціи, покупатели или концессіонеры національныхъ имуществъ образовали новый классъ, тѣмъ болѣе упорный въ защитѣ своихъ пріобрѣтеній, что боялся потерять ихъ. Изъ опасенія, чтобы не образовалась мелкая земельная собственность на его счетъ, онъ добился того, что было запрещено продавать имѣнія площадью

Пуэрто-Рико.

[1]) Louis-Joseph Janvier, „Les Affaires d'Haïti".

менѣе 25 гектаровъ. Изъ всѣхъ главъ государства одинъ только Петіонъ раздавалъ земли, правда, главнымъ образомъ своимъ офицерамъ и высшимъ чиновникамъ, но также военнымъ ветеранамъ и простымъ солдатамъ. Это было слабое начало аграрной революціи, необходимаго дополненія эмансипаціи невольниковъ; но главная масса крестьянъ осталась безъ земли, и для пріобрѣтенія ея часто происходили бунты: бѣдные гаитійцы всегда были готовы подняться, въ надеждѣ, постоянно обманываемой, достигнуть, наконецъ, обладанія землею, которое одно только могло сдѣлать ихъ свободными: Гаити имѣлъ свои крестьянскія войны или «пикетныя». Таково же, полагаютъ, было и во Франціи происхожденіе слова «*péquin*», измѣненнаго въ *pékin*, которымъ находящіеся на дѣйствительной службѣ солдаты называютъ статскихъ или ратниковъ[1]), т. е. людей, вооруженныхъ просто «пеками», или пиками, оружіемъ, безсильнымъ противъ ружей и пушекъ[2]). Охотно повторяли, что подобные бунты, почти всегда оканчивавшіеся рѣзнею, порождались расовою ненавистью между неграми и мулатами; но вопросъ о землѣ имѣлъ въ этомъ случаѣ болѣе важное значеніе, чѣмъ вопросъ о цвѣтѣ кожи.

Наконецъ въ 1883 г., спустя восемьдесятъ лѣтъ послѣ провозглашенія независимости, былъ изданъ законъ, вынужденный предшествовавшими смутами, которымъ разрѣшается раздача земель изъ состава государственныхъ имуществъ, участками отъ полутора до двухъ съ половиной гектаровъ, всѣмъ гражданамъ, которые обяжутся заняться на этой землѣ культурой кофе, сахара или какого-либо другаго экспортнаго товара. Если эта аграрная реформа въ пользу крестьянъ не затормозится какими-либо неожиданными препятствіями, то она можетъ дать такіе же серьезные результаты, какъ и на островѣ Ямайкѣ; но до сихъ поръ мелкое землевладѣніе представляетъ на Гаити лишь исключительное явленіе, если не считать нѣкоторыхъ отдаленныхъ горныхъ округовъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ всякихъ путей сообщенія. Плодородная равнина почти вездѣ раздѣлена на большія плантаціи, и мелкіе земельные участки воздѣлываются въ видѣ фермъ или мызъ.

Составляя законы въ пользу сохраненія режима крупной собственности, въ ущербъ мелкому негритянскому населенію, помѣщики старались, кромѣ того, еще обезпечить свои земли противъ захватовъ со стороны бѣлыхъ, кто бы они ни были, французы, англичане или американцы; въ конституціи республики имѣется даже специальная статья, именно седьмая, которая безусловно запрещаетъ продавать иностранцамъ національную землю даже въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Эта статья часто служила поводомъ къ препирательствамъ, такъ какъ иностранцы видѣли въ ней личное оскорбленіе; они утверждали, что если бы иностраннымъ капиталистамъ было предоставлено право пріобрѣтать земли, то они вскорѣ вернули бы странѣ то благосостояніе, какое царило нѣкогда въ Санто-Доминго. Это возможно, но они сдѣлали бы это въ ущербъ негритянскому населенію, которое снова могло бы попасть въ рабство, только подъ другимъ ярмомъ. Впрочемъ, надо опасаться, чтобы не произошелъ скупъ земли въ пользу иноземныхъ банкировъ, такъ какъ законъ 1883 г. даетъ «привилегію гражданства анонимнымъ акціонернымъ обществамъ, учрежденнымъ для крупной эксплоатаціи государственныхъ земель». Благоденствіе гаитійскаго населенія не могло бы создаться путемъ реорганизаціи «земледѣльческихъ мастерскихъ».

Культура сахарнаго тростника, имѣвшая нѣкогда важнѣйшее значеніе, почти совсѣмъ исчезла, какъ крупная промышленность: въ настоящее время это растеніе разводится только для мѣстнаго потребленія и для приготовленія рома.

Производство сахара въ 1791 г.: 73.532.350 килограммовъ.

Колоніальнымъ товаромъ, имѣющимъ наибольшую цѣнность въ земледѣльческой промышленности Гаити, является кофе. Можетъ-быть, въ общемъ культура этого боба и не такъ значительна, какъ это было во времена процвѣтанія французскихъ плантаторовъ, но все-таки она значительно поднялась послѣ періода упадка, наступившаго вслѣдъ за войною за независимость.

Производство кофе на Гаити въ различныя времена: 1789 г. (французскій режимъ) — 43.000.000 килограммовъ; 1888 г.—36.000.000 килограммовъ; 1897—98 гг.—67.437.593 англ. фунтовъ.

Европейскіе путешественники, которые думаютъ возвеличить себя, унижая гаитійскихъ негровъ, часто повторяли, что гаитійскіе крестьяне ограничиваются въ настоящее время собираніемъ тѣхъ бобовъ, которые падаютъ съ кофейныхъ деревьевъ, посаженныхъ еще въ эпоху невольничества. Это—грубая ошибка, если не клевета. Съ прошлаго столѣтія, посадка этихъ деревъ возобновлялась по крайней мѣрѣ три раза[1]), и только путемъ упорнаго труда удалось отростками старыхъ деревъ развести правильныя плантаціи. Во время сѣвероамериканской междоусобной войны гаитійцы также сумѣли приняться за культуру хлопчатника, и сборы хлопка быстро прогрессировали

[1]) Darnaud, рукописныя замѣтки.
[2]) Louis-Joseph Janvier, „Le Vieux Piquet".

[1]) Spencer Saint-John, „Hayti or the Black Republic", trad. par J. West.

до того времени, когда эта промышленность возобновилась въ Соединенныхъ Штатахъ и снова сдѣлала невозможною всякую конкурренцію. Культура какао идетъ здѣсь весьма успѣшно, и ежегодный сборъ этого продукта увеличился по крайней мѣрѣ вчетверо противъ того, какимъ онъ былъ во время колоніальнаго режима. Табакъ тоже принадлежитъ къ числу продуктовъ, культура которыхъ замѣтно развивается.

Ежегодное производство табаку на всемъ островѣ: 1 милліонъ килогр.

Сборъ фруктовъ и пищевыхъ продуктовъ также годъ отъ году увеличивается. Красное и красильное деревья, особенно кампешское, первые отростки которыхъ были введены на островѣ въ 1730 г., близъ города Моль-Санъ-Николасъ [1]), принадлежатъ къ числу наиболѣе цѣнныхъ предметовъ отпускной торговли.

Вывозъ кампешскаго дерева въ 1888 г.: 103.500 тоннъ.

Во время войны за освобожденіе вся торговля пришла въ крайній упадокъ, послѣ котораго она не можетъ оправиться еще до сихъ поръ, представляя лишь десятую долю того, что было въ дореволюціонныя времена. На Гаити, какъ и на Ямайкѣ, трудъ цѣликомъ примѣнялся прежде къ производству вывозныхъ товаровъ, тогда какъ въ настоящее время онъ сосредоточивается главнымъ образомъ на производствѣ жизненныхъ припасовъ, необходимыхъ вдвое увеличившемуся населенію. Система монополіи для выгоды плантаторовъ и откупщиковъ была такова, что торговля Санто-Доминго съ Франціей составляла тогда двѣ трети всѣхъ торговыхъ оборотовъ метрополіи.

Вывозъ изъ Санто-Доминго въ 1789 г.: 203.370.067 колоніальныхъ ливровъ (около 135.580.000 франковъ).

Такой ненормальный режимъ, которому все было принесено въ жертву, не могъ бы служить образцомъ для современнаго Гаити. Впрочемъ, многіе писатели давали невѣрныя статистическія свѣдѣнія, крайне преувеличивавшія прежнее торговое процвѣтаніе Санто-Доминго, потому-что колоніальный ливръ составлялъ всего двѣ трети турскаго ливра, обращавшагося во Франціи [2]). Въ настоящее время дѣйствительное движеніе гаитійской внѣшней торговли гораздо значительнѣе, чѣмъ это значится въ таможенныхъ отчетахъ; такъ какъ по крайней мѣрѣ пятая часть всей торговли производится контрабандой, которая ведется моремъ, а съ Доминго также и сухимъ путемъ. Самыя большія торговыя сношенія Гаити имѣетъ съ Соединенными Штатами и Великобританіей. Франція, прежняя метрополія, занимаетъ лишь третье мѣсто.

Торговое движеніе республики Гаити въ 1897 г.: вывозъ—12.549.848 доллар.; ввозъ—6.363.788 доллар.

Съ недавняго времени близъ нѣкоторыхъ городовъ и особенно въ предмѣстьяхъ Пети-Гоава, стали строить большіе сахарные заводы

Въ отношеніи общественныхъ работъ Гаити находится еще въ весьма жалкомъ состояніи. Дороги содержатся дурно, мостовъ очень мало, да и тѣ плохіе; тѣмъ не менѣе употребленіе легкихъ экипажей американской конструкціи все болѣе и болѣе распространяется, что свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ улучшеніи дорогъ, по которымъ еще недавно можно было проѣзжать только верхомъ. Столица не соединена съ другими гаитійскими городами ни одной желѣзной дорогой; городскія улицы страшно пыльныя, съ кучами сора въ сухое время года, съ непролазною грязью зимою, когда онѣ превращаются въ настоящія рытвины. Пожары, являющіеся слѣдствіемъ поджоговъ со стороны политическихъ бунтовщиковъ, уничтожили большую часть зданій, построенныхъ въ различное время на общественный счетъ; города и селенія представляютъ собою группы соломенныхъ хижинъ и деревянныхъ домишекъ; но внутри ихъ зато можно повсюду встрѣтить самое искреннее радушіе.

Провозгласить въ конституціи обученіе безплатнымъ и обязательнымъ ровно ничего не стоитъ, и Гаити, подобно многимъ другимъ государствамъ, провозгласилъ этотъ законъ, не имѣя возможности привести его въ исполненіе.

Начальныхъ школъ въ Гаити 400 (не считая частныхъ) и 5 лицеевъ.

За отсутствіемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, приходится ограничиться признаніемъ вообще того факта, что число образованныхъ негровъ весьма невелико, и значительная масса населенія коснѣетъ въ глубокомъ невѣжествѣ. Суевѣрія, оставленныя въ наслѣдіе европейцами, царятъ еще до сихъ поръ на-ряду съ грубыми предразсудками, занесенными изъ Африки. Гаитійскіе негры вѣрятъ въ оборотней совершенно также, какъ и многіе французскіе крестьяне; во многихъ мѣстахъ существуетъ обожаніе змѣй или «культъ Воду», который практикуется въ странѣ Аджуда, на Гвинейскомъ берегу. Несмотря на декреты Туссэнъ-Лувертюра и другихъ главъ государства, чародѣи-жрецы, *obi*, папы-короли и мамы-короли (*papolois* и *mamanlois*) зарѣзываютъ пѣтуховъ и бѣлыхъ козлятъ, чтобы пить ихъ кровь; въ жертву приносились даже «безрогіе козлята», иначе говоря—дѣти [1]). Колдуньи и колдуны продолжаютъ

[1]) Moreau de Saint-Méry, цитированное сочиненіе.
[2]) De Wimpfen, „Voyage à Saint-Domingue“;—Lepelletier de Saint-Remy, „Saint-Domingue“.

[1]) Relation des visites pastorales de Monseigneur Hillion, „Cap-Haïtien et Port-de-Paix“. 1880—1882.

заниматься приготовленіемъ разныхъ чаръ, любовныхъ напитковъ и отравы; многія церемоніи перемѣшались съ католическими обрядами, и иногда цѣлыя толпы, охваченныя религіознымъ экстазомъ, плясали съ бѣшеными криками и катались по землѣ съ дикими воплями. «Moanes-pouvoir», т. е. люди, приписывающіе себѣ сверхъестественную силу, навлекаютъ порчу на своихъ враговъ и входятъ въ сношенія съ невидимымъ міромъ, говоря хриплымъ голосомъ какія-то непонятныя для профана слова, въ которыхъ преобладаетъ звукъ *zib*, *zib*, *zib*, и которыя они сопровождаютъ раскачиваніемъ головы, туловища и рукъ, подобно кружащимся дервишамъ.

Но какъ бы низко ни стояли гаитійскіе негры въ отношеніи образованія, въ нихъ все-таки слѣдуетъ признать народъ замѣчательно умный, разсудительный и наблюдательный. Они относятся съ большимъ уваженіемъ къ людямъ образованнымъ, и даже въ самыхъ глухихъ округахъ, гдѣ нѣтъ по близости никакихъ школъ, старики стараются передать дѣтямъ хоть тѣ скудныя свѣдѣнія, какими сами обладаютъ. Въ отношеніи численности всего населенія количество гаитійскихъ дѣтей, отправляемыхъ въ школы во Францію, очень значительно, и участіе Гаити въ возрастаніи литературы превосходитъ участіе многихъ французскихъ округовъ такой же величины по занимаемому пространству. По языку Гаити совершенно французская страна: онъ имѣетъ массу своихъ историковъ, публицистовъ и въ особенности поэтовъ, и иныя изъ ихъ одъ или элегій составляютъ образцовыя произведенія, принадлежащія отнынѣ къ сокровищницѣ языка. Нѣтъ пѣсенъ болѣе мелодичныхъ и отличающихся болѣе наивной прелестью, чѣмъ пѣсни, сложенныя на восхитительномъ креольскомъ патуа, столь нѣжно ласкающемъ слухъ, и ни одинъ народъ не имѣетъ пословицъ, показывающихъ болѣе тонкую наблюдательность: всѣ пословицы эти свидѣтельствуютъ о трезвомъ умѣ, который прекрасно сочетается съ наивнымъ добродушіемъ офранцузившагося африканца, никогда не поднимаясь до высокихъ метафизическихъ умозрѣній [1]). Гаитіецъ вполнѣ сознаетъ солидарность, связывающую его со Франціей, благодаря общности ихъ языка. Оттого, гордящійся своей политической независимостью, онъ не менѣе гордится узами, связывающими его съ прежней метрополіей, и старается закрѣпить ихъ, подражая всему, что̀ исходитъ изъ Франціи, и заимствуя оттуда пѣсни, празднества, моды, учрежденія и нравы. Конечно, эти подражанія не всегда были удачны, и съ другой стороны люди, выступающіе въ роли инціаторовъ въ Портъ-о-Пренсѣ, очень часто давали своимъ послѣдователямъ прискорбные примѣры.

[1]) John Bigelow, „Wit and Wisdom of the Haytians“.

Конституціи Гаити такъ часто мѣнялись, а враждующія партіи такъ безцеремонно нарушали ихъ, руководясь своими интересами или просто капризомъ, что было бы совершенно излишнимъ перечислять ихъ статьи. Достаточно сказать, что, по хартіи 1867 года, правительственный механизмъ заключаетъ въ себѣ, какъ и въ государствахъ Западной Европы, законодательный корпусъ, состоящій изъ сената и палаты общинъ, и главу исполнительной власти или президента, управляющаго при содѣйствіи шести министровъ. Депутаты, по одному отъ каждой общины, три—отъ столицы и по два отъ каждаго главнаго города департамента и отъ городовъ Жакмель, Жереми и Сенъ-Маркъ, избираются всеобщимъ голосованіемъ на три года. Составъ сената, въ который входятъ 39 членовъ, возобновляется въ одной трети каждые два года; члены его выбираются не народомъ, а Нижнею Палатою по двумъ спискамъ, представляемымъ избирательными коллегіями и исполнительною властью. Палаты соединяются въ Національное Собраніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ конституціей, а главнымъ образомъ для избранія президента республики. Судебная іерархія составлена по образцу французскихъ судовъ. Въ Гаити не существуетъ государственной религіи, хотя большинство жителей исповѣдываютъ католическую; съ 1861 года нѣтъ ни одного священника гаитійскаго происхожденія: всѣ они, въ количествѣ почти ста человѣкъ, французы. Ученія методистовъ и баптистовъ, занесенныя сѣверо-американскими миссіонерами, привлекли къ себѣ нѣсколько тысячъ адептовъ въ Портъ-о-Пренсѣ и въ сѣверныхъ округахъ. Законы Гаити признаютъ законными дѣтей, родившихся отъ брака, оффиціально не утвержденнаго.

Войско состоитъ изъ семи-восьми тысячъ человѣкъ, волонтеровъ или набранныхъ по жребію рекрутовъ, хотя въ принципѣ каждый гаитіецъ, обязанный нести воинскую повинность впродолженіи четырехъ лѣтъ, числится, въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ, въ спискахъ національной гвардіи; генераловъ насчитываютъ сотнями. При малѣйшей междоусобицѣ волонтеры стекаются массами, потому что, хотя гаитійцы отъ природы народъ и миролюбивый, но они страстно любятъ перемѣны, и никакіе уроки не «отвадили ихъ отъ этой страсти». Въ Гаити есть также свой флотъ, состоящій изъ нѣсколькихъ судовъ. Война, алчность нѣкоторыхъ президентовъ, а въ особенности полутораста-милліонный выкупъ, уплаченный бывшимъ плантаторамъ, привели національный бюджетъ въ то плачевное состояніе, отъ котораго онъ не можетъ оправиться и до сего времени: государственный долгъ равнялся къ 1 января 1899 г. 135,5 милліоновъ франковъ; но зато государство владѣетъ обширными

площадями земли, могущими быть проданными. Государственный бюджетъ, питаемый почти исключительно таможнями, которыя взимаютъ около 50% отъ стоимости товаровъ, балансировался въ 1898—99 г. въ суммѣ 40.250.000 франковъ.

Республика дѣлится на пять департаментовъ, подраздѣленныхъ, въ свою очередь, на 24 округа, 75 общинъ и 504 сельскихъ участковъ. Слѣдующая таблица даетъ списокъ департаментовъ и округовъ съ ихъ главными городами и общиннымъ населеніемъ, не по переписи, а по исчисленію:

Департаменты.	Округа.	Населеніе главныхъ городовъ, жителей.	Другія главнѣйшія общины.	Общинное населеніе, жителей.
Сѣверный (250.000 жит.).	Капъ-Гаити	35.000	Акуль дю-Норъ	7.000
			Лимонадъ	8.000
	Тру	15.000		
	Фортъ-Либерте	15.000	Уанаминте	10.000
	Грандъ-Ривіеръ дю-Норъ	25.000	Дондонъ	10.000
	Лимбе	20.000	Плезансъ	10.000
	Борнъ	15.000	Портъ-Марго	8.000
Сѣверо-западный (70.000 жит.).	Портъ-де-Пе	25.000	Сенъ-Луи-дю-Норъ	10.000
	Моль-Санъ-Николасъ	15.000		
Артибонитъ (125.000 жит.).	Гонаивъ	18.000	Гро-Морнъ	9.000
	Сенъ Маркъ	12.000	Верретъ	1.000
	Десалинъ (Маршанъ)	10.000	Петитъ-Ривіеръ	11.000
	Мармеладъ	10.000		
			С-тъ-Мишель де л'Атале	18.000
			Хиншъ	10.000
Западный (350.000 жит.).	Портъ-о-Пренсъ	95.000	Петіонвилль	12.000
			Круа-де-Буке	30.000
	Леоганъ	20.000	Пети-Гоавъ	20.000
			Гранъ-Гоавъ	10.000
			Бенэ	12.000
	Жакмель	40.000		
	Саль-Тру	7.000		
	Мирбале	20.000		
	Ласъ-Каобасъ	25.000		
Южный (200.000 жителей).	Кайосъ	20.000	Торбекъ	8.000
			Портъ-Салю	7.000
	Ле-Кото	9.000	Кавальонъ	9.000
	Акуинъ	12.000	Сенъ-Луи	9.000
	Тибуронъ	9.000		
	Грандъ-Ансъ (Жереми)	40.000	Корайль	9.000
	Ниппъ (Мирагоанъ)	10.000	Ансъ-а-Во	10.000
			Барадеръ	5.000

III. Доминиканія или Санто-Доминго.

Республика Санто-Доминго представляетъ въ своей исторіи менѣе драматическаго единства, чѣмъ та часть острова, которая принадлежитъ неграмъ, говорящимъ на французскомъ языкѣ. Она пріобрѣла свою независимость гораздо позже, и до 1809 г. въ предѣлахъ Санто-Доминго оставался французскій гарнизонъ. Затѣмъ вторглись англичане, а послѣ нихъ—испанцы. Возстаніе противъ метрополіи произошло только въ 1821 г., но уже подъ колумбійскимъ знаменемъ; однако, Боливаръ, которому доминицы и гаитійцы послали рекрутовъ и деньги, находился слишкомъ далеко и настолько былъ стѣсненъ испанцами, что не имѣлъ возможности придти, въ свою очередь, на помощь антильской республикѣ, такъ что эта послѣдняя должна была соединиться съ Гаити въ одно государство. Съ 1844 г. она возвратила себѣ автономію, но эта автономія была слишкомъ непрочна, и ей не разъ угрожала то Франція, то Испанія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

При взглядѣ на карту, можетъ показаться, что главный городъ республики Санто-Доминго долженъ находиться на берегу одного изъ заливовъ-двойниковъ—де-Нейба или де-Окоа, которые открываются въ центрѣ южнаго побережья; здѣсь именно находится лучшее мѣсто на берегу, гдѣ оканчивается низменность, западную оконечность которой занимаетъ Портъ-о-Пренсъ, и долина рѣки Нейба, естественный путь къ западному морю черезъ бассейнъ Артибонита. Но война часто опустошала эту мархію между двумя половинами острова, французской и испанской, и заселеніе края не могло состояться. По побережью были раскинуты только небольшія селенія и деревушки, и лишь въ недавнее время Барахона, расположенная у выхода дороги изъ Портъ-о-Пренса, пріобрѣла нѣкоторое значеніе. Главный городъ этого округа, Азуа, построенъ въ здоровой мѣстности, на террасѣ, въ десяти ки-

лометрахъ къ сѣверу отъ бухты Окоа. Въ 1504 г. Діего Колономъ былъ основанъ нѣсколько южнѣе городъ подъ названіемъ Компостелла, но землетрясеніе разрушило его, и тогда его отстроили на рѣкѣ Віа, на нынѣшнемъ его мѣстѣ. Земледѣліе въ провинціи Азуа составляетъ лишь побочное занятіе жителей; главнымъ же образомъ тамъ развита эксплоатація каменной соли и солончаковъ, затѣмъ источниковъ горной смолы и минеральныхъ водъ, что обѣщаетъ странѣ великое будущее; скотоводство также занимаетъ здѣсь не послѣднее мѣсто: рогатый скотъ и лошади пасутся въ обширныхъ саваннахъ верхней Неибы и верхняго Артибонита, и главнымъ образомъ около городовъ Баника и Санъ-Жуанъ-де-Магуана, который сохранилъ названіе бывшаго гаитійскаго королевства. Въ Санъ-Жуанѣ Шомбуркъ открылъ замѣчательнѣйшіе предметы до-колумбійской цивилизаціи, между прочимъ кругъ изъ гранитныхъ глыбъ, въ которомъ предполагали изображеніе змѣи, кусающей себѣ хвостъ, т. е. символъ вѣчности.

Санто-Доминго, столица, давшая свое имя всей республикѣ,—древнѣйшій изъ существующихъ еще городовъ, построенныхъ европейцами на почвѣ Новаго Свѣта. Она смѣнила въ 1596 г. постъ Нативидадъ, учрежденный Христофоромъ Колумбомъ, на бухтѣ Каракаль, въ сѣверо-западной части острова. Построенная сначала на лѣвомъ берегу Озамы Варѳоломеемъ Колумбомъ, она была перенесена вскорѣ послѣ того на другой берегъ рѣки: сосѣдство золотыхъ рудниковъ доставило Санто-Доминго привилегированное положеніе притягательнаго центра и политическаго средоточія страны, хотя быстрое истребленіе аборигеновъ и заставило временно пріостановить работы по эксплоатаціи рудъ, но впослѣдствіи онѣ были возобновлены при участіи рабочихъ-рабовъ. Къ сожалѣнію, портъ столицы, отдѣленный отъ моря баромъ р. Озамы, можетъ принимать суда только небольшой осадки: всѣ приходящія суда принадлежатъ къ иностранному флоту.

Годовая цѣнность внѣшней торговли въ Санто-Доминго, въ среднемъ, около 12.000.000 франковъ. Городъ, окруженный еще испанскими укрѣпленіями, доминируемый куполами и колокольнями церквей, представляетъ очень красивое зрѣлище; подобно Гаваннѣ, онъ претендуетъ на обладаніе останками Колумба, будто бы, покоящимися въ его грандіозномъ каѳедральномъ соборѣ: во время оффиціальнаго перенесенія праха въ 1781 г. останки Христофора Колумба, говорятъ, были замѣнены останками Діего Колона. Одно изъ предмѣстій населено почти исключительно эмигрантами съ Канарскаго архипелага, которыхъ насчитываютъ около одной тысячи. Вокругъ столицы ютится множество небольшихъ городковъ—Санъ-Карлосъ, Розаріо, Пахарито, Санъ-Лоренцо, и дороги, изъ которыхъ одна даже желѣзная, идутъ по разнымъ направленіямъ внутрь страны, соединяя съ Санто-Доминго рудники и плантаціи. На западѣ, Бени, Санъ-Кристобаль, съ многочисленными дачами,—главные города провинціи; на востокѣ простираются лѣсныя пространства и саванны, среди которыхъ расположены города Лосъ-Льяносъ, Ато-Майоръ, Санта-Круцъ-дель-Сейбо, Сальвалеонъ-де-Игуэй, входящіе въ составъ автономной провинціи Сейбо. Суровые сейбаносы, восточные пастухи, держали французовъ въ осадѣ въ Санто-Доминго въ первые годы этого столѣтія. Плантаторы французскаго происхожденія, поселившіеся въ окрестностяхъ города, разсѣялись внутри страны, гдѣ они еще и въ настоящее время составляютъ классъ аристократіи. Больше всего ихъ въ Санъ-Кристобалѣ, названномъ такъ его основателемъ Христофоромъ Колумбомъ.

По ту сторону горъ, ограничивающихъ Сейбо, округъ Самана занимаетъ сѣверо-восточный уголъ острова. Чудесная бухта Самана, конфигурація которой даетъ почти точную копію рельефа полуострова, настолько обширна, что можетъ вмѣстить въ себѣ цѣлые флоты, и отлично приспособлена для защиты противъ внѣшнихъ нападеній. Стрѣлка Икако, на южномъ берегу бухты Самана, вблизи бухты де-ла-Гина, далеко выступаетъ въ море, доходя почти до островковъ, расположенныхъ близъ берега у сѣвернаго входа. Внутрь бухты ведутъ два канала: главный изъ нихъ имѣетъ не болѣе 1.500 метровъ ширины, а второй настолько узокъ, что парусныя суда могутъ ходить по немъ не иначе, какъ съ помощью лоцмановъ. Военная держава могла бы устроить на бухтѣ Самана сильныя укрѣпленія и совершенно загородить эти порты внутреннихъ водъ, воздвигнувъ форты на рифахъ; кромѣ того, по сосѣдству она имѣла бы богатыя угольныя копи, еще до сихъ поръ эксплоатируемыя весьма мало.

Въ серединѣ XVIII-го вѣка губернаторъ Санто-Доминго получилъ приказъ соорудить въ Самана военныя укрѣпленія и основать подъ ихъ охраной торговый городъ. Онъ немедленно же приступилъ къ работамъ и выписалъ нѣсколько сотенъ канаріотовъ, которые водворились на пляжѣ Санта-Барбара; но эта маленькая колонія оказалась слишкомъ ничтожною для того, чтобы привлечь торговлю къ Самана, представлявшему собою совершенную пустыню. Въ лучшее время своего процвѣтанія французскіе плантаторы распространили свои владѣнія до берега бухты, и при Луи-Филиппѣ съ Доминиканской республикой велись переговоры объ уступкѣ полуострова Самана Франціи [1]). Въ 1869 г. за эту мысль

[1]) Lepelletier de Saint-Remy, „Saint-Domingue".

ухватилось также правительство Соединенныхъ Штатовъ и предлагало республикѣ ежегодно 750.000 франковъ за право устроить въ бухтѣ Самана морскую станцію; затѣмъ одна американская компанія выхлопотала себѣ привилегію на торговую монополію и право на политическую власть въ этой части Доминиканской территоріи, и три расположенные у входа острова, Паскаль, Алевантадо и Арона, были отданы въ аренду флоту Соединенныхъ Штатовъ, въ качествѣ морскихъ станцій. Къ счастью для независимости республики Санто-Доминго, спекулятивные планы сѣверо-американской компаніи не удались, и она въ скоромъ времени распалась; а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратился и протекторатъ Соединенныхъ Штатовъ.

Находящійся на оконечности полуострова портъ де-ласъ-Флечасъ, или «Стрѣлъ», названный такъ отъ первой стычки, которую Колумбъ имѣлъ здѣсь съ туземцами, теперь почти совсѣмъ заброшенъ и замѣненъ портомъ Санта-Барбара, который извѣстенъ также подъ названіемъ Самана, какъ и самый полуостровъ. Онъ недоступенъ для судовъ, имѣющихъ болѣе 3-хъ метровъ осадки; но все-таки это не помѣшало образоваться здѣсь небольшой торговой колоніи, состоящей изъ разныхъ иностранцевъ—сѣверо-американцевъ, англичанъ, итальянцевъ. Негры, эмигрировавшіе изъ Соединенныхъ Штатовъ, поселились, въ 1824 г., въ С. Барбара, гдѣ до сихъ поръ живутъ ихъ потомки, говорящіе всегда на англійскомъ языкѣ и исповѣдывающіе весліянскую религію; рѣдко случается, чтобы кто-нибудь изъ этихъ негровъ женился на женщинѣ испанскаго языка. Къ западу отъ полуострова Самана, берега рѣки Язики тоже большею честью обрабатываются неграми сѣверо-американскаго происхожденія; они были ввезены въ страну флоридскимъ плантаторомъ Кинслеемъ, который придумалъ для своей невольничьей колоніи сложный планъ постепеннаго освобожденія. Но, едва высадившись на островъ, негры сами себя освободили и, выбравъ земли, принялись культивировать ихъ за свой собственный счетъ. *Kinsley boys*, «Кинслеевы парни», какъ ихъ обыкновенно называютъ, сдѣлались въ этомъ округѣ очень многочисленными и слывутъ самыми дѣятельными и благоденствующими земледѣльцами: ихъ плантаціи сахарнаго тростника и рощи какаовыхъ деревьевъ не имѣютъ, какъ говорятъ, себѣ подобныхъ на всемъ островѣ, какъ по внѣшней красотѣ, такъ и по обилію продуктовъ [1]. Въ этихъ округахъ охотятся еще на дикую свинью, происходящую отъ свиней, выпущенныхъ Колумбомъ. Жемчужный промыселъ, которымъ нѣкогда туземцы занимались около Сабана-ла-Маръ, въ Санъ-Лоренцо, теперь заброшенъ [1].

Бассейнъ рѣки Юны, покатый съ запада на востокъ къ бухтѣ Самана, и по которому въ настоящее время проходитъ желѣзная дорога, представляетъ самую богатую мѣстность на всемъ островѣ, которая одна могла бы прокормить больше народа, чѣмъ его есть въ обѣихъ республикахъ: это знаменитая Вега, или «Кампанья», которая дала свое имя Консепсіону-де-ла-Вега, ея главному городу. Къ числу городовъ равнины принадлежатъ также: Мока, Котуи, Санъ-Франциско-де-Макорисъ, значеніе которыхъ какъ культурныхъ центровъ быстро возрастаетъ. Сантъ-Яго-де-лосъ-Кабальеросъ, лежащій въ той же равнинѣ, но близъ раздѣльнаго порога, на томъ склонѣ, по которому текутъ воды Якуи, данника бухты Манзанильо,—тоже административный центръ провинціи; это положеніе между двумя бассейнами, на поперечной оси, соединяющей Санто-Доминго съ Пуэрто-Плата, доставило ему первое мѣсто среди другихъ городовъ острова по количеству населенія и цѣнности оборотовъ торговли: это центръ табачной культуры и фабрикаціи сигаръ, которыя отсюда вывозятся въ Гамбургъ. Его портъ на Атлантическомъ океанѣ, Пуэрто-Плата, не можетъ похвалиться своимъ рейдомъ, который часто подвергается волненію отъ сѣверныхъ вѣтровъ; но обиліе продуктовъ, которые доставляются сюда изъ провинцій Ла-Вега и Сантъ-Яго, привлекаетъ массу судовъ въ эту плохо защищенную гавань; она замѣнила портъ Изабеллу, основанный Колумбомъ съ цѣлью сдѣлать изъ него столицу Новаго Свѣта. Движеніе на рейдѣ Пуэрто-Платы, въ 1889 г., по приходу и отходу: 1.221 судно, вмѣстимостью въ 94.380 тоннъ. Цѣнность торговыхъ оборотовъ въ 1889 г.: 5.850.000 франковъ.

Портъ Монте-Кристи, расположенный на оконечности одноименной съ нимъ горной цѣпи, къ сѣверу отъ устьевъ Якуи, почти не имѣетъ торговаго движенія. Съ этой стороны пограничная зона между Гаити и республикой Санто-Доминго представляетъ почти пустынную мѣстность. Въ горахъ, возвышающихся къ югу отъ Ла-Вега, путешественникъ Эггерсъ открылъ недавно жилыя деревни, о самомъ существованіи которыхъ не было даже извѣстно въ Санто-Доминго: онѣ занимаютъ круглыя долины, обставленныя со всѣхъ сторонъ крутыми горами.

Доминиканія находится на пути быстраго прогресса, благодаря большому проценту рождаемости, продолжительному миру, царившему во всемъ государствѣ въ послѣдніе годы, и значительной иммиграціи съ густонаселенныхъ

[1] Stuart, цитированное сочиненіе.

[1] „Report of the Commission of Inquiery the Santo Domingo", 1871.

островов Ямайки и Порто-Рико. Въ большей части документовъ, относящихся къ Санто-Доминго, численность населенія показана въ 300.000 человѣкъ, но оффиціальное исчисленіе, сдѣланное въ 1888 г., подняло ее до 610.000 человѣкъ, и можно допустить, что эта цифра не преувеличена, такъ какъ рождаемость значительно превосходитъ смертность: нерѣдко бывало, что первая въ три раза превосходила вторую. Жители Санто-Доминго въ огромномъ большинствѣ смѣшанной расы, такъ какъ скрещиванія начались еще въ концѣ XV вѣка, и въ этомъ смѣшеніи европейскій элементъ представленъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на Гаити: онъ еще возрастаетъ годъ отъ году, благодаря иммиграціи, и, по всей вѣроятности, будетъ постепенно видоизмѣнять также населенія франко-африканской республики, такъ какъ сношенія съ одной стороны границы на другую становятся все болѣе и болѣе оживленными.

Санто-Доминго представляетъ собою не столь исключительно земледѣльческую страну, какъ Гаити. Восточная республика заключаетъ въ себѣ эксплоатируемыя металлоносныя жилы, между прочимъ, золотые и серебряные рудники, въ которыхъ завоеватели погубили на работѣ все туземное населеніе острова; она обладаетъ также обширными саваннами, естественными пастбищами, на которыхъ домингцы могли бы разводить столько лошадей и рогатаго скота, что ихъ хватило бы для всѣхъ Антильскихъ островов. Первое мѣсто въ земледѣліи Санто-Доминго занимаетъ культура сахарнаго тростника, въ которой здѣсь не видятъ, какъ въ Гаити, живаго символа невольничьяго режима; растеніе это утилизируютъ не только для фабрикаціи тафіи, но также для производства сахара и сахарнаго песка. Производство сахарнаго тростника въ Санто-Доминго въ 1887 г.: 18.683 тонны сахару; 21.939 тоннъ патоки. Въ исторіи Санто-Доминго сохранились имена Педро д'Эсенсіа (или д'Атенса), который въ 1506 г. первый привезъ сюда сахарный тростникъ съ Канарскихъ островов, и двухъ плантаторовъ, Баллестро и Велосо, которые первые распространили въ странѣ этотъ тростникъ. Кофе составляетъ крупную статью вывоза, какъ и въ западной республикѣ, а культура табака значительно увеличилась въ послѣдніе годы подъ наблюденіемъ кубанскихъ плантаторовъ, главнымъ образомъ на сіеррѣ, называемой по роду ея продуктовъ—Табако: это—группа холмовъ изъ краснаго гравія, отдѣляющихся отъ горъ Сибао, между рѣками Гурабо и Капа, притоками рѣки Якуи. Вывозъ табаку изъ Доминиканіи въ 1898 г.: 7.535 тоннъ.

Расширеніе собственно земледѣльческой культуры уменьшило въ такой же мѣрѣ эксплоатацію лѣсовъ, въ которыхъ рубятъ красное и красильное деревья. Въ силу закона, изданнаго въ 1876 г., свободныя земли распредѣлены небольшими участками между гражданами и эмигрантами-колонистами, которые обязываются на извѣстныхъ условіяхъ обрабатывать ихъ.

Внѣшняя торговля Санто-Доминго, по размѣрамъ стоящая гораздо ниже, чѣмъ въ Гаити, производится главнымъ образомъ съ Соединенными Штатами и складами на датскомъ островѣ св. Ѳомы.

Цѣнность заграничной торговли Доминиканіи въ 1898 г.: ввозъ—1.696.280 доллар. золотомъ; вывозъ—5.789.997 доллар.

Движеніе торговаго обмѣна значительно усилилось со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ: первая линія, проложенная отъ Лавега къ бухтѣ Самана, на протяженіи 116 километровъ, оказала уже значительную услугу по вывозу домингскихъ товаровъ. Телеграфная сѣть тянется отъ одного моря до другаго, захватывая значительнѣйшіе города государства (длина ея въ 1897 г. 690 километр.) Число открытыхъ и закрытыхъ писемъ, и другихъ отправленій по почтѣ составляло въ 1897 г. 628.000. Около 300 школъ посѣщались въ 1890 году, съ 10.000 учащихся.

Конституція, дѣйствующая въ Доминиканіи съ 1844 г., т. е. съ той эпохи, когда эта республика отдѣлилась отъ Гаити, много разъ подвергалась измѣненіямъ, а впродолженіи двухъ лѣтъ во время испанскаго нашествія даже совсѣмъ была пріостановлена. По послѣднему учредительному акту, изданному въ 1880 г., законодательная власть принадлежитъ національному конгрессу, состоящему изъ народныхъ представителей, выбираемыхъ ограниченнымъ голосованіемъ на два года, по два отъ каждой провинціи или округа. Президентъ республики избирается тоже народнымъ голосованіемъ и управляетъ страною при содѣйствіи совѣта шести министровъ, завѣдующихъ каждый отдѣльною частью. Каждая провинція имѣетъ свое автономное законодательное собраніе, но представителемъ центральнаго правительства является тамъ губернаторъ, назначаемый президентомъ. Такъ же точно общины и кантоны имѣютъ свои выборныя учрежденія. Католичество по-прежнему есть государственная религія, но и другія вѣроисповѣданія не воспрещены. Доминиканія имѣетъ свое небольшое войско въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, сильно обременяющее государственный бюджетъ, составлявшій въ 1897 году около 8.375.000 франковъ; главный источникъ доходовъ даютъ таможенныя пошлины, которыя, впрочемъ, отданы на откупъ одному финансовому обществу. Государственный долгъ равняется (1897 г.) 121 милліону франк.

Территорія республики состоитъ изъ пяти

провинцій и пяти приморскихъ округовъ, указанныхъ въ нижеслѣдующей таблицѣ, вмѣстѣ съ количествомъ ихъ общинъ и численностью населенія, а также числомъ жителей ихъ главныхъ городовъ:

	Провинціи и округа.	Населеніе.	Общины.	Главные города.	Населеніе.
Провинціи.	Азуа-де-Компостелла	50.000	6	Азуа	14.000
	Санто-Доминго	134.000	10	Санто-Доминго	25.000
	Сейбо	56.000	3	Сейбо	12.000
	Вега	132.000	9	Вега	11.000
				Мако	18.000
	Сантъ-Яго-де-лосъ Кабальеросъ	40.000	3	Сантъ-Яго	32.000
Округи.	Барахона	20.000	3	Барахона	5.000
				Нейба	12 000
	Педро-де-Макорисъ	40.000	2	Санъ-Педро-де-Макорисъ	7.000
	Самана	18.000	6	Санта-Барбара-де-Самана	5.000
	Пуэрто-Плата	40.000	2	Пуэрто-Плата	15.000
	Монте-Кристи	40.000	4	Монте-Кристи	1.500

Глава X

Пуэрто-Рико.

Четвертый изъ Большихъ Антильскихъ острововъ по пространству, но первый по плотности населенія и благосостоянію, Пуэрто-Рико (Боринкуенъ арауаковъ) кажется, въ сравненіи съ Кубой, весьма незначительною частью прежней колоніальной имперіи испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ; но если судить не по километрической поверхности, а по числу жителей, по производительности и по торговому значенію, разность между этими островами меньше, чѣмъ можно бы было предполагать.

Пуэрто-Рико продолжаетъ съ запада на востокъ прямую линію, образуемую Ямайкой и южнымъ побережьемъ Гаити. Форма его почти геометрически правильна: это — параллелограммъ, имѣющій длину почти втрое больше, чѣмъ ширину, и обращенный своими четырьмя сторонами на всѣ четыре стороны свѣта; только двѣ его стороны, оріентированныя по градусамъ широты, нѣсколько сближаются у восточной оконечности. Многія части побережья, на сѣверѣ и на югѣ, изсѣчены зазубринами, а на юго-западѣ берегъ, слегка поднимающійся надъ уровнемъ моря, усѣянъ лужами; но эти неправильности въ деталяхъ совершенно ускользаютъ въ общемъ видѣ Пуэрто-Рико. Даже островъ и островки, разсѣянные на востокѣ, составляютъ какъ бы выступившее наполовину изъ воды продолженіе островнаго массива, съ его геометрической окружностью. Островъ де-Віекесъ, или «Крабовъ», кажется продолженіемъ южнаго хребта Пуэрто-Рико, а островъ Кулебра лежитъ въ морѣ какъ краеугольный камень, ожидающій выступленія наружу окружающихъ пространствъ морскаго дна. Что касается до острова Мона, лежащаго къ западу отъ западнаго побережья, среди канала, отдѣляющаго Пуэрто-Рико отъ Санто-Доминго, то онъ также находится на томъ же подводномъ цоколѣ, какъ и большой островъ, къ которому онъ причисляется политически. Раздѣльный порогъ между Атлантическимъ океаномъ и Антильскимъ моремъ продолжается на западъ и на востокъ отъ Пуэрто-Рико, чтобы соединить эту землю съ одной стороны съ Гаити, а съ другой—съ Виргинскими, или Дѣвичьими островами; но на сѣверѣ и на югѣ подводные скаты спускаются правильно къ глубинамъ въ двѣ, три и четыре тысячи метровъ, а со стороны океана даже до $8^1/_2$ километровъ.

Испанскіе острова группы Пуэрто-Рико: собственно Пуэрто-Рико — 9.144 кв. километр.; другіе острова: Мона, Віекесъ, Кулебра и проч.—476; всего—9.620 кв. километр.

Рельефъ Пуэрто-Рико много уступаетъ по высотѣ рельефу другихъ Большихъ Антильскихъ острововъ, и даже нѣкоторые изъ Малыхъ Антильскихъ имѣютъ вершины, могущія поспорить своей высотой съ пуэрто-риканскими. Однако, Пуэрто-Рико не имѣетъ гладкой, какъ столъ, поверхности, которая соотвѣтствовала бы прямоугольнику его окружности: тамъ есть холмы и горы, возвышающіеся въ видѣ массивовъ и цѣпей, но въ общемъ расположенные безъ какого-либо опредѣленнаго по-

рядка. Самая высокая вершина—Юнке («Наковальня») де-Лукилльо, называемая также просто Лукильо, какъ и городъ, лежащій у ея подошвы. Она возвышается не въ центрѣ острова, а въ его сѣверо-восточномъ углу. Отъ этой береговой вершины, высотою въ 1.119 метровъ, отроги расходятся между ея бассейнами истеченія, разрѣзанные рѣками на извилистые хребты, но главный выступъ остается въ южной части острова, представляя для текущихъ водъ скатъ, значительно болѣе отлогій на сѣверномъ склонѣ. Около западной своей оконечности горная цѣпь, состоящая главнымъ образомъ изъ известняковыхъ скалъ, дѣлится на расходящіеся отроги, изъ которыхъ иные выдвинулись, въ видѣ мысовъ, въ самое море. Долины, орошаемыя, каждая своей рѣкой, спускаются, по всей окружности острова, перпендикулярными къ берегу впадинами; нѣкоторыя изъ нихъ тянутся болѣе, чѣмъ на сто километровъ, и многія изъ рѣкъ, вырывшихъ эти долины, носятъ названіе «ріо-Гранде». И они вполнѣ его заслуживаютъ, во-первыхъ, по своей длинѣ, сравнительно съ рѣками южнаго склона, а во-вторыхъ, и по количеству катимой воды, которую въ избыткѣ доставляютъ обильные дожди, приносимые на этотъ склонъ пассатными вѣтрами.

Туземцы Пуэрто-Рико, не имѣвшіе недоступныхъ убѣжищъ въ горахъ своей страны, быстро исчезли послѣ завоеванія, несмотря на ихъ многочисленность: по свидѣтельству лѣтописи, ихъ было около милліона человѣкъ, которые находились подъ властью одного касика. Предполагаютъ, что они составляли часть той же расы, какъ и туземцы Гаити: власть у нихъ переходила отъ дяди къ племяннику, сыну сестры. Земледѣльцы зачастую находятъ въ землѣ оружія и украшенія, которыя свидѣтельствуютъ о самобытности боринкенской цивилизаціи: это—ожерелья или, скорѣе, латы изъ сіенита или другихъ массивныхъ камней, не встрѣчающихся внѣ Пуэрто-Рико и сѣверныхъ Малыхъ Антильскихъ острововъ; однако, довольно похожіе предметы находятъ въ странѣ гуакстековъ и тотонаковъ, въ Мексикѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ пуэрто-риканскихъ латъ, вѣсящія до 27 килограммовъ, имѣютъ правильную форму и почти безъ всякихъ украшеній, тогда какъ другія заканчиваются бляхой. Большинство археологовъ видятъ въ нихъ подобіе тѣхъ деревянныхъ ошейниковъ, которые носятъ китайцы; Гами полагаетъ, что главари, въ извѣстную пору года, обязаны были надѣвать эти ошейники и исполнять въ нихъ передъ народомъ пляску, чтобы показать, что они вполнѣ сохранили физическую крѣпость [1]). Какъ и на другихъ Антильскихъ островахъ, краснокожая раса была замѣнена черною для трудныхъ земледѣльческихъ работъ по культурѣ; но колонизація совершалась медленнѣе, чѣмъ въ Эспаньолѣ, золотоносныя мѣсторожденія которой привлекали къ себѣ завоевателей. Въ 1509 г. Понсе-де-Леонъ основалъ на островѣ первое поселеніе, Капарра, отъ котораго остались лишь однѣ развалины, лежащія къ югу отъ нынѣшней столицы, близъ деревни, получившей названіе Пуебло-Віехо, или «Старый городъ».

Начало колонизаціи было крайне трудное, такъ какъ ураганы, нашествіе караибовъ и истребленіе первой культуры муравьями заставили жителей покинуть островъ, который послѣ того заселялся чрезвычайно медленно. Въ 1700 г. на Пуэрто-Рико было всего три селенія. Но въ послѣднія сто лѣтъ этотъ островъ сдѣлался одною изъ странъ, гдѣ населеніе увеличивается съ наибольшею правильностью и постоянствомъ. Въ 1765 г. первая перепись [1]) опредѣлила населеніе всего острова въ 44.843 человѣка, распредѣлявшихся въ двадцати-четырехъ округахъ. Послѣ этого прирость продолжался въ нормальной прогрессіи, изъ году въ годъ, за исключеніемъ 1855 г., когда холерная эпидемія унесла въ могилу 30.000 человѣкъ [2]). Въ настоящее время цифра населенія превышаетъ, вѣроятно, 820.000 человѣкъ: въ общемъ каждыя тридцать лѣтъ населеніе увеличивалось вдвое; такой быстрый прирость наблюдался только во французской Канадѣ, которую выставляютъ всегда какъ образецъ. Въ отношеніи своей поверхности Пуэрто-Рико принадлежитъ къ самымъ населеннымъ островамъ: онъ имѣетъ, сравнительно, гораздо больше жителей, чѣмъ три другихъ Большихъ Антильскихъ острова, и по километрической плотности превосходитъ даже свою метрополію; въ Европѣ и въ Новомъ Свѣтѣ найдется немного странъ, которыя въ этомъ отношеніи превосходили бы этотъ четвертый Антильскій островъ.

Сравнительная таблица населенія Пуэрто-Рико и другихъ странъ.

	Поверхность въ кв. километрахъ.	Число жителей въ 1890 г.	Километ. населеніе, жителей.
Пуэрто-Рико и т. д.	9.620	820.000	85
Другіе Большіе Антильскіе острова. .	206.846	3.735.000	18
Мексика	1.987.063	11.600.000	5,8
Соединен. Штаты	9.331.960	62.500.000	6,7
Испанія.	501.113	17.000.000	34

Въ среднемъ, рождаемость почти вдвое больше смертности. Такое необыкновенно быстрое заселеніе Пуэрто-Рико въ теченіе этого столѣтія объясняется отчасти естественнымъ пло-

[1]) „Congrès international des Américanistes". Berlin. 1888.

[1]) Alejandro O'Reylly, „Memoria sobre la isla de Puerto-Rico".

[2]) Jimeno Agius, „Poblacion y Comercio de la isla de Puerto-Rico".

дородіемъ почвы и однообразіемъ ея рельефа; кромѣ того, съ 1810 по 1825 годъ на островъ прибыло много испанскихъ эмигрантовъ, которые волей или неволей должны были покинуть возмутившіяся страны Новаго Свѣта. Въ то время между Пуэрто-Рико и странами Южной Америки, въ особенности съ Венецуэлой, происходили частыя сношенія, и, подобно своимъ собратьямъ по расѣ, антильскіе островитяне хотѣли завоевать себѣ независимость. Они возстали въ 1867 г. съ криками: «Да здравствуетъ независимость Боринкена!»; но землетрясеніе навело ужасъ на заговорщиковъ, и въ слѣдующемъ году новое возмущеніе было быстро подавлено [1]). Съ этого времени не проявлялось больше никакой попытки на завоеваніе себѣ независимости.

Видъ на островѣ Святаго Креста.

[1]) Justo Zaragoza, „Las Insurrecciones de Cuba“.

Настоящее процвѣтаніе острова объясняется различными причинами, имѣющими важное значеніе. Жители его не обладали ни золотоносными рудниками, ни какими бы то ни было исключительными привилегіями, которыя бы возбуждали алчныя желанія въ ихъ сосѣдяхъ; живя въ отдаленіи отъ Соединенныхъ Штатовъ, имъ нечего было бояться, подобно Кубѣ, разныхъ посягательствъ со стороны сѣверо-американскихъ авантюристовъ; наконецъ, Пуэрто-Рико долгое время былъ заселенъ почти исключительно земледѣльцами андалузскаго происхожденія, *jivaros* или *goajiros*, которые сами обработывали свои земли, занимались скотоводствомъ и располагали лишь весьма небольшимъ числомъ невольниковъ. Въ 1765 г., во время первой переписи, невольничья часть населенія составляла около восьмой доли, а черезъ сто почти лѣтъ, т. е. въ 1860 г., по послѣднему счисленію, произведенному до освобожденія негровъ, значилось около 42.000 рабовъ, при 583.000 общаго населенія; такимъ образомъ, пропорція людей, лишенныхъ свободы, равнялась всего лишь одной четырнадцатой. Оттого испанскіе кортесы, не имѣя передъ собой въ Пуэрто-Рико затрудненій, подобныхъ тѣмъ, какія существовали на Кубѣ, гдѣ командовало тайное правительство землевладѣльцевъ, провозгласили здѣсь отмѣну рабства гораздо раньше, именно въ 1873 г. Плантаторы Пуэрто-Рико, располагая достаточнымъ количествомъ работниковъ, не ввозили на свой островъ индусскихъ или китайскихъ кули, какъ это дѣлали жители другихъ Антильскихъ островов.

По переписи, Пуэрто-Рико стоитъ въ числѣ тѣхъ рѣдкихъ странъ тропической Америки, въ которыхъ живетъ больше бѣлыхъ, чѣмъ людей другой расы. Еще въ прошломъ столѣтіи дѣло обстояло иначе: въ 1775 году на островѣ было всего 29.000 бѣлыхъ и болѣе 50.000 жителей чисто африканскаго или смѣшаннаго происхожденія. Въ 1830 г. два этническихъ элемента приблизительно уравновѣсились, и во время переписи 1887 г. довольно значительный перевѣсъ оказался уже въ пользу бѣлыхъ.

Бѣлыхъ пуэрто-риканцевъ въ 1887 г.—474.933; мулатовъ пуэрто-риканцевъ — 323.622; итого, вмѣстѣ съ неклассифицированнымъ населеніемъ,—806.708 душъ.

Впрочемъ, за безусловную вѣрность этихъ статистическихъ данныхъ ручаться нельзя, такъ какъ возможно, что составители переписи, изъ любезности, въ рубрику «бѣлыхъ» внесли порядочное число островитянъ, цвѣтъ кожи которыхъ заставлялъ скорѣе предполагать у нихъ смѣшанное происхожденіе. Трудно установить истину въ подобномъ дѣлѣ; изъ чувства личнаго тщеславія, большая часть тѣхъ, въ жилахъ которыхъ трудно предположить благородную «голубую кровь», пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы причислить себя къ чистокровной кастильской расѣ. Во всякомъ случаѣ нельзя не удивляться этому преобладанію бѣлой расы надъ мулатами въ климатѣ, столь благопріятномъ для людей африканскаго происхожденія: позволительно видѣть въ этихъ цифрахъ не выраженіе этническаго явленія, а выраженіе національной причуды.

Пропорція бѣлыхъ и мулатовъ на Пуэрто-Рико по переписи: въ 1877 г.:—562 бѣлыхъ на 438 мулатовъ; въ 1887 г.: —595 бѣлыхъ на 405 мулатовъ.

Впрочемъ, разность эта не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ и бѣлые, и негры принимаютъ одинаковое участіе въ общемъ движеніи цивилизаціи и все болѣе и болѣе сближаются между собою по понятіямъ и нравамъ. Замѣчателенъ только тотъ антропологическій фактъ, подтвержденный послѣдними переписями, что въ бѣломъ населеніи мужской элементъ по численности преобладаетъ надъ женскимъ, въ противоположность тому, что наблюдается во всѣхъ странахъ Европы.

Населеніе Пуэрто-Рико въ 1887 г. по цвѣту и полу, не включая сюда той части населенія, которая переписана огуломъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Итого.
Бѣлыхъ	239.400	245.533	474.933
Мулатовъ	159.621	164.011	323.632
	399.021	399.544	798.565

Явленіе это объясняется иммиграціей, которая на Пуэрто-Рико, какъ и въ другихъ странахъ Новаго Свѣта, состоитъ главнымъ образомъ изъ мужчинъ; въ самый годъ переписи въ странѣ насчитывалось 5.616 иностранцевъ изъ бѣлыхъ, между которыми значительную долю составляли майоркскіе чуетасы израильскаго происхожденія [1]).

Санъ-Жуанъ-Баутиста-де-Пуэрто-Рико, столица острова, наслѣдовавшая Капаррѣ и Пуебло-Віехо, стоитъ не на самой островной землѣ, а на островѣ кораллового происхожденія, который образуетъ наружный берегъ передъ извилистой лагуной; съ главнымъ корпусомъ Пуэрто-Рико она соединяется мостомъ. Закладка этого города относится къ 1511 г.; съ 1534 г. начали возводить укрѣпленія, которыя придаютъ городу живописный видъ; впрочемъ, имъ же столица обязана была частыми атаками во время колоніальныхъ войнъ, атаками, которыя, несмотря на удачное отраженіе, все же имѣли вліяніе на уменьшеніе значенія Санъ-Жуана сравнительно съ другими городами Пуэрто-Рико, сдѣлавшимися гораздо населеннѣе. Портъ его, достаточно глу-

[1]) Jerolim von Benco, „Reise des Schiffes Zrinyi".

бокій для большихъ судовъ, сообщается съ открытымъ моремъ посредствомъ извилистаго, трудно проходимаго канала, куда нельзя пускать суда безъ надежнаго лоцмана. Къ западу отъ лагунъ, которыя продолжаютъ бассейнъ порта, рѣка Байяманъ выдвинула наносный полуостровъ, который постепенно заваливаетъ боковыя бухты. Самый значительный городъ этой долины, носящій одинаковое съ рѣкою названіе, Байяманъ, есть центръ отлично обработанной земледѣльческой области и главный городъ департамента. Городъ Ріо-Пьедрасъ и мѣстечко Сантурсе, находящіеся въ той же провинціи, замѣчательны какъ главныя дачныя мѣстности въ окрестностяхъ Санъ-Жуана: виллы разсѣяны здѣсь среди рощъ, на берегу ручьевъ и рѣчекъ.

Аресибо, тоже главный городъ департамента, по числу жителей превосходитъ Санъ-Жуанъ, несмотря на то, что стоитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, на несудоходной рѣкѣ, и что его открытый рейдъ опасенъ въ бурную погоду для судовъ. Ріо-Гранде д'Аресибо орошаетъ своимъ теченіемъ плодородныя окрестности двухъ городовъ—Аджунтаса и Утуадо, лежащихъ въ гористой области. Въ департаментѣ Аресибо открыли множество сталактитовыхъ пещеръ

На западномъ берегу лежитъ Агуадилья, которая, благодаря своей широкой бухтѣ, хорошо защищенной отъ пассатныхъ вѣтровъ, ведетъ довольно значительную торговлю: черезъ эту гавань вывозятся сахаръ и кофе изъ Лареса, Пепино, Мока и другихъ мѣстъ долины Колубринасъ; какъ показываетъ само названіе, этотъ городъ былъ прежде меньше другаго, болѣе древняго, города Агуады, лежащаго внутри острова, но въ настоящее время это уменьшительное имя Агуадилья неумѣстно, такъ какъ онъ значительно опередилъ своего предшественника и по количеству населенія, и по дѣятельности. Нѣсколько южнѣе, но на томъ же берегу, т. е. «съ подвѣтренной стороны», находится другая бухта, Маягуэсъ, гдѣ каботажныя суда и даже паровые пакетботы грузятся апельсинами, бананами и кофе: земледѣльцы Маягуэса и другихъ окрестныхъ городовъ—Аньясо, Кабо-Рохо, Санъ-Германъ,—говорятъ, что они получаютъ лучшіе на всемъ Пуэрто-Рико урожаи. Островъ Мона, или «Генона», со своимъ Монито, или «Маленькой обезьяной», далъ свое имя проливу, открывающемуся между Пуэрто-Рико и Санто-Доминго. Этотъ островъ, изобилующій гуано, принадлежитъ къ департатенту Маягуэсъ. На его западномъ мысу возвышается нависшая громадная скала, которую моряки прозвали «Caigo ò no Caigo», т. е. «Упаду или не упаду»?

Самый западный портъ на южномъ берегу—Гуаника. Это лучшій изъ портовъ Пуэрто-Рико, а между тѣмъ суда избѣгаютъ его, потому что онъ продолжается внутрь острова болотами и низкими пляжами, очень неудобными для сообщенія; черезъ эту гавань ведутъ небольшую торговлю только ближайшіе города—Санъ-Германъ, Сабана-Гранде и Яуко. Затѣмъ, по направленію къ востоку, слѣдуютъ бухта Гуаянилья и бухта Понсе, или ла-Плайа, лежащая въ 5 километрахъ къ югу отъ главнаго города острова, настоящей его столицы, хотя оффиціально онъ и не носитъ этого титула. Городъ этотъ широко раскинулся въ прекрасной равнинѣ, среди садовъ и плантацій; онъ славится своими теплыми водами. Морская пристань ла-Плайи занята огромными складочными магазинами для товаровъ, привозимыхъ въ этотъ торговый центръ острова. Послѣ города Понсе, самые многолюдные города департамента—Яуко и Жуана-Діацъ, расположенные у южнаго основанія сіерры.

Восточная область Пуэрто-Рико населена менѣе западной; она представляетъ также менѣе выгодъ въ торговомъ отношеніи, потому что лежитъ «на вѣтру», и суда съ трудомъ находятъ тамъ пристанище. Всѣ главные города находятся внутри острова или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря. Кайей, Кагуасъ, Санъ-Лоренцо, или Хато-Гранде, лежащіе въ гористой области, обладаютъ богатыми кофейными плантаціями и обширными пастбищами для скотоводства. Губернскіе города Гуайама и Гумакао были основаны въ приморской области, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ берега. Въ сѣверо-восточномъ углу прибрежные острова и островки, цѣпи рифовъ и изсѣченія берега представляютъ убѣжища, гдѣ гоэлеты могутъ укрыться въ дурную погоду. Портъ маленькаго острова Кулебры посѣщается главнымъ образомъ рыболовами и лѣсопромышленниками. Островъ Віекесъ, удлиняющійся въ видѣ копья по направленію къ сѣверо-востоку, имѣетъ всего лишь одну деревню, Изабель-Сегунда (Изабелла II), находящуюся на сѣверномъ берегу; у французскихъ моряковъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ острова Крабовъ. Кулебра и Віекесъ называются также исласъ-дель-Пазахе, по причинѣ ихъ положенія у берега большаго «канала» Дѣвичьихъ острововъ.

Пуэрто-Рико почти во всемъ сдѣлалъ такіе же успѣхи, какъ въ заселеніи острова. Съ половины прошлаго столѣтія соціальное положеніе жителей совершенно измѣнилось. Въ ту эпоху совсѣмъ не было городовъ, и поселяне только по праздникамъ сходились въ центрѣ своего прихода. Они жили въ простыхъ лачугахъ, безъ оконныхъ рамъ и створчатыхъ дверей, и не имѣли другой посуды, кромѣ тыквъ: если случалось, что въ домъ къ кому-нибудь попадала бутылка, то она, какъ драгоцѣнный

предметъ, передавалась по завѣщанію самому любимому сыну. Въ настоящее время болѣе половины всѣхъ пуэрто-риканцевъ живутъ въ городахъ, преимущественно приморскихъ, и торговыя сношенія ознакомили ихъ со всѣми современными изобрѣтеніями. Въ 1772 г. историкъ острова, Иньиго Абадъ, говорилъ, что торговые обороты Пуэрто-Рико «сводятся къ нулю». Кое-какой обмѣнъ товарами въ единственной гавани, оффиціально открытой для внѣшней торговли, да нѣсколько тайныхъ рынковъ въ другихъ бухтахъ,—вотъ и все тогдашнее торговое движеніе, которое не достигало даже десяти тысячъ піастровъ въ годъ. Съ тѣхъ поръ производство сахара, кофе, табака и, въ меньшихъ размѣрахъ, воска и меда настолько обогатило Пуэрто-Рико, что дало ему возможность покупать всѣ нужные товары изъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ.

Производство трехъ главныхъ продуктовъ Пуэрто-Рико:

Годы.	Сахару.	Кофе.	Табаку.
1783....	130 тоннъ,	560 тоннъ.	350 тоннъ.
1824....	8.970 „	3.500 „	328 „
1888....	61.987 „	23.225 „	1.518 „

Большая часть торговаго обмѣна совершается съ Сѣверо-Американскою республикою; она снабжаетъ пуэрто-риканцевъ мукой, соленой свининой и лѣсомъ, а получаетъ отъ нихъ сахаръ, патоку и кофе.

Цѣнность внѣшней торговли Пуэрто-Рико въ 1895 г.: ввозъ—17.446.000 франковъ; вывозъ—15.799.000 франковъ.

Движеніе судоходства въ портахъ Пуэрто-Рико въ 1895 г.: въ приходѣ—1.077 судовъ, общею вмѣстимостью въ 1.079.036 тоннъ; въ отходѣ—1.070 судовъ, въ 900.379 тоннъ.

Прямыя сношенія Франціи съ Пуэрто-Рико совсѣмъ ничтожны. Движеніе судоходства весьма дѣятельное, но участіе островитянъ въ торговомъ флотѣ самое незначительное; пуэрто-риканцы не моряки.

Флотилія пуэрто-риканскихъ арматоровъ въ 1886 г.: парусныхъ судовъ—1.759, вмѣстимостью—7.893 тонны; паровыхъ судовъ—9, вмѣстимостью—3.976 тонны; всего—1.768, вмѣстимостью—11.869 тоннъ.

По части путей сообщенія Пуэрто-Рико можетъ назваться однимъ изъ образцовыхъ между Антильскими островами. Всѣ города соединены между собою большими дорогами, и на окружности большаго четырехсторонника дороги образуютъ другой четыреугольникъ, стороны котораго соединены чрезъ извѣстные промежутки поперечными эшелонами. Въ настоящее время строится желѣзная дорога, которая охватитъ кольцомъ все побережье острова, на протяженіи 496 километровъ; отъ этой главной линіи пойдутъ побочныя вѣтви, которыя соединятъ города съ ихъ морскими пристанями и внутренними рынками. Что касается до телеграфной сѣти, то всѣ главныя ея линіи уже окончены.

Общая длина желѣзн. дор. въ Пуэрто-Рико въ 1897 г.: 195 килом.; общая длина телеграф. линій въ Пуэрто-Рико въ 1892 г.: 778 килом.

Населеніе, седьмая только часть котораго въ 1887 г. была грамотна, не можетъ еще въ должной мѣрѣ пользоваться почтой и телеграфомъ, но за послѣдніе годы народное образованіе быстро шагнуло впередъ.

Въ административномъ отношеніи Пуэрто-Рико считается не колоніей, а провинціей Испаніи, наравнѣ съ другими провинціями. Представитель монархіи, генералъ-губернаторъ острова, есть въ то же время главнокомандующій войсками. Въ каждомъ главномъ городѣ также есть воинскій начальникъ, а въ каждомъ мѣстечкѣ—свой алькадъ, назначаемый центральной властью. Провинціальная депутація избирается народнымъ голосованіемъ въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ Испаніи. Гарнизонъ состоитъ изъ 3.000 человѣкъ; годовой бюджетъ простирается до двадцати милліоновъ. Счетъ финансоваго 1894—95 года: приходъ—4.454.958, расходы—3.903.667 песо.

По парижскому мирному трактату 1898 г., Пуэрто-Рико былъ уступленъ Испаніей Соединеннымъ Штатомъ С. Америки, которые присоединили островъ къ своимъ владѣніямъ въ качествѣ колоніи и ввели на немъ военное управленіе.

Нижеслѣдующая таблица даетъ списокъ семи департаментовъ, съ числомъ ихъ общинъ и населеніемъ самыхъ большихъ городовъ; слѣдуютъ оговориться, что показанныя цифры жителей относятся не къ городу въ тѣсномъ смыслѣ, а къ муниципальной «юрисдикціи». Столичный округъ находится въ департаментѣ Байамона, но оффиціально не составляетъ его части:

Департаменты.	Населеніе въ 1887 г. жит.	Общины.	Главные города.	Населеніе въ 1887 г. жит.
Столичный округъ и Байамонъ.	131.116	14	Санъ-Жуанъ.	27.327
			Байамонъ . .	15.316
			Ріо-Пьедрасъ.	11.042
Аресибо. . . .	124.835	9	Аресибо . . .	29.722
			Утуадо. . . .	31.292
Агуадилья. .	86.551	7	Агуадилья. .	16.306
			Ларесъ. . . .	17.163
Маягуэсъ. .	116.982	7	Маягуэсъ . .	28.246
			Санъ - Германъ	19.933
Понсе. . . .	160.140	11	Кабо-Ройо. .	16.844
			Понсе	42.705
			Яуко.	24.411
			Жуана-Діацъ.	21.032
			Аджунтасъ. .	16.321
Гуайама . .	98.814	11	Гуайама. . .	13 648
			Кагуасъ . . .	15.031
Гумакао . . .	88.270	10	Гумакао. . .	14.936

Глава XI

Дѣвичьи острова (Virgin Islands) и Санта-Круцъ.

«Дѣвичьи» острова были такъ названы Колумбомъ потому, что они усѣиваютъ море своими островами и островками длинною вереницею, напоминая процессію «Одиннадцати тысячъ Дѣвъ» (*совершившихъ, по словамъ легенды, подъ предводительствомъ св. Урсулы, паломничество въ Римъ и на обратномъ пути перебитыхъ войскомъ гунновъ, осаждавшимъ Кельнъ*). Эта вереница острововъ составляетъ продолженіе большаго острова Пуэрто-Рико, но, изгибаясь немного къ сѣверо-востоку, прежде чѣмъ соединиться съ цѣпью Малыхъ Антильскихъ острововъ. Дѣвичьи острова образуютъ, такъ сказать, ключъ свода обширнаго полукруга, который описываютъ всѣ антильскія земли въ совокупности; по своимъ подводнымъ цоколямъ, а равно и по оси своего оріентированія, они скорѣе принадлежатъ къ группѣ Большихъ Антильскихъ острововъ, чѣмъ къ Микро-Антиліи: съ восточной стороны раздѣльный проливъ имѣетъ болѣе 2.000 метровъ глубины, а разстояніе между ближайшими островами двухъ островныхъ группъ превышаетъ 400 километровъ. Что касается до острова Санта-Круцъ, въ политическомъ отношеніи принадлежащаго къ группѣ Дѣвичьихъ острововъ, то онъ, съ географической точки зрѣнія, составляетъ отдѣльную землю. «Океанская коса» отдѣляетъ его отъ сѣверной цѣпи, а подводною своею частью онъ образуетъ какъ бы передовой мысъ Малыхъ Антильскихъ острововъ; такимъ образомъ двѣ островныя системы пересѣкаются своими оконечностями.

Пространство и вѣроятное населеніе въ 1890 г. Дѣвичьихъ острововъ и о. Санта-Круцъ (св. Креста), не включая сюда острововъ, принадлежащихъ Испаніи:

		кв. кил.	жителей.	жит. на кв. кил.
Датскіе острова.	Св. Ѳомы (Санктъ-Томасъ).	86	14.390	167,5
	Св. Іоанна (С. Янъ).	55	950	18
	Св. Креста (С. Круцъ)	218	18.430	84
	Итого . .	359	33.770	33
Англійск. острова.	Тортола. . . . . . ; Вирджинъ-Горда . ; Анегада и др. . .	165	5.200	94

Острова Кулебра и Віекесъ, лежащіе по сосѣдству съ Пуэрто-Рико, принадлежатъ уже къ группѣ Дѣвичьихъ острововъ, хотя въ политическомъ отношеніи находятся въ зависимости отъ Пуэрто-Рико. Средніе острова, Санктъ-Томасъ (св. Ѳомы) и св. Іоанна (Сантъ-Янъ, Сентъ-Джонъ), принадлежатъ Даніи, равно какъ и уединенный южный островъ св. Креста; наконецъ, восточные острова до рифовъ и длиннаго вала Анегады, или «Затопленнаго острова», составляютъ часть колоніальной имперіи Великобританіи.

Островъ Санктъ-Томасъ (св. Ѳомы), несмотря на свою незначительную величину, былъ прежде самымъ важнымъ изъ всѣхъ Антильскихъ острововъ, какъ главное складочное мѣсто въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Вестъ-Индіей. Вначалѣ этотъ островъ служилъ сборнымъ пунктомъ для флибустьеровъ, а потомъ, подъ управленіемъ финансовой компаніи, во главѣ которой стоялъ курфюрстъ Бранденбургскій, и которой наслѣдовалъ король датскій, сдѣлался главнымъ центромъ контрабандной торговли съ испанскими колоніями и однимъ изъ крупныхъ рынковъ по торговлѣ неграми, привозимыми изъ Африки. Во время войнъ, наполнявшихъ первые годы XIX вѣка, Санктъ-Томасъ, какъ нейтральный островъ, долженъ былъ привлекать къ себѣ коммерсантовъ; затѣмъ, послѣ уничтоженія невольничьяго торга и провозглашенія независимости въ испано-американскихъ странахъ, значеніе этого острова еще болѣе возросло, какъ вольнаго порта (порто-франко); въ его складахъ, которые находились въ рукахъ евреевъ, плантаторы Антильскихъ острововъ получали всѣ необходимые предметы: жизненные припасы, ткани, машины, а также самыя роскошныя произведенія европейской промышленности. Свобода торговли закрѣпила за Санктъ-Томасомъ тѣ преимущества, которыми его наградила уже сама природа, помѣстивъ его на высшей точкѣ большой Антильской дуги, въ томъ пунктѣ, откуда всего легче можетъ производиться распредѣленіе товаровъ во всѣ части архипелаговъ. Кромѣ того, Санктъ-Томасъ обладаетъ превосходнымъ портомъ, хотя неособенно большимъ и глубокимъ, но очень удобнымъ: это почти круглый бассейнъ, открывающійся на югѣ острова, съ хорошимъ входомъ и выходомъ, хорошо защищенный отъ пассатныхъ вѣтровъ съ одной стороны косою, съ другой—островкомъ; однако, случалось, что въ этомъ амфитеатрѣ кружились ураганы, какъ это бывало и

въ портѣ Гаванны, и въ 1819 г. всѣ суда, стоявшія на рейдѣ, за исключеніемъ пяти, были выброшены на берегъ, такъ что пляжъ былъ усѣянъ трупами и обломками. Въ 1837 и въ 1867 гг. островъ и портъ тоже были опустошены циклономъ.

Паръ измѣнилъ торговый режимъ Антильскихъ острововъ. Пакетботы, совершающіе правильные рейсы между островами, безъ всякой зависимости отъ вѣтра, доставляютъ товары прямо потребителямъ, вслѣдствіе чего прекратилась надобность въ общемъ складочномъ мѣстѣ, и Санктъ-Томасъ утратилъ свою монополію. Тѣмъ не менѣе портъ, носящій оффиціальмое названіе Шарлота-Амалія, попрежнему посѣщается судами, такъ какъ по старой привычкѣ городъ все-еще продолжаетъ служить складочнымъ пунктомъ; въ немъ насчитывается около двѣнадцати тысячъ жителей. Въ 1889 г. въ этотъ портъ было ввезено товаровъ на сумму 5.630.000 франковъ. На Санктъ-Томасѣ говорятъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ: на испанскомъ, датскомъ, голландскомъ, французскомъ, но главнымъ образомъ—на англійскомъ; креольское нарѣчіе, которое имѣло цѣлую духовную литературу [1]), почти совершенно исчезло. Протестантскіе эмигранты Южной Франціи, прибывшіе изъ Голландіи послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, жили прежде въ Бранденбургскомъ кварталѣ, за чертою города [2]). Главная торговая улица тянется по берегу на протяженіи двухъ съ половиною километровъ, а строенія возвышаются амфитеатромъ по склонамъ порфировой горы; на холмахъ и въ тѣнистыхъ лощинахъ разсѣяны виллы. Съ высшаго пункта острова (474 метра) открывается видъ сразу на оба моря, на безплодные острова, съ кое-гдѣ зеленѣющими долинами, и на бѣлые рифы, уходящіе вдаль синяго моря, усѣяннаго парусами. Въ первые годы торговаго упадка датское правительство предложило Соединеннымъ Штатамъ купить у него острова Санктъ-Томасъ и Сентъ-Джонъ за 5 милліоновъ піастровъ, на что спрошенное населеніе дало свое единодушное согласіе. Однако, сѣверо-американская республика отклонила это невыгодное предложеніе. Бюджетъ Санктъ-Томаса въ 1889 г.: доходы—670.000 франковъ; расходы—943.550 франковъ.

Санктъ-Томасъ былъ родиною Ш. Сентъ-Клеръ-Девиля.

Островъ Сентъ-Джонъ (Сантъ-Янъ), или св. Іоанна, ближайшій восточный сосѣдъ Санктъ-Томаса, лежитъ въ сторонѣ отъ мореходнаго пути, вслѣдствіе чего его восточный портъ, бухта Кораль, считающаяся надежнѣйшею якорною стоянкою во время ургановъ [3]), посѣщается только шлюпками да рыбацкими судами. У англичанъ этотъ островъ извѣстенъ подъ именемъ Кроль-бай, происходящимъ отъ испанскаго слова Корраль, «Ограда», или, можетъ-быть, отъ слова «Кораллъ», такъ какъ бухта его окружена рифами. Главный городъ острова, лежащій на сѣверо-западномъ берегу, представляетъ собою не что иное, какъ скромную деревню.

Третій датскій островъ, св. Креста, или Сантъ-Круцъ, какъ его назвалъ Христофоръ Колумбъ во время своего втораго путешествія, былъ въ тѣ времена населенъ караибами. Такъ какъ на немъ не оказалось драгоцѣнныхъ металловъ, то иностранцы скоро покинули его, не загубивъ ни одной туземной души на урочной работѣ. Но за испанцами слѣдовали англійскіе пираты, а затѣмъ въ 1650 г. явились французы, которые продали островъ Мальтійскимъ рыцарямъ; переходя изъ рукъ въ руки, бывшій Айай караибовъ, первоначальное населеніе котораго, порабощаемое временными хозяевами острова, постепенно вымерло, попалъ, наконецъ, во власть датскаго правительства, купившаго его у Франціи за 750.000 ливровъ. Санта-Круцъ, плантаторы котораго были очень богаты въ періодъ рабства, считался однимъ изъ лучшихъ Антильскихъ острововъ по своей культурѣ. Весь островъ былъ покрытъ плантаціями до самыхъ вершинъ его холмовъ; распаханныя алыя поля, видныя уже издалека, красиво чередовались съ зеленѣющими плантаціями склоновъ. Лучше орошаемый, чѣмъ Дѣвичьи острова, островъ св. Креста имѣетъ также болѣе красивую волнистую поверхность; скалы нигдѣ не помѣшали обработкѣ почвы; южная часть острова представляетъ слегка покатую равнину, покоящуюся на известковомъ грунтѣ; возвышенности, занимающія сѣверо-западную часть побережья, имѣютъ въ самой высокой своей вершинѣ, Маунтъ-Игль, или «Орлиной горѣ», не больше 400 метровъ высоты,

Главный городъ, Бассейнъ, или на оффиціальномъ языкѣ Христіанстедъ, лежитъ на берегу широкаго залива, въ сѣверной части острова, и прекрасныя дороги, обсаженныя пальмами, соединяютъ его со всѣми деревнями и плантаціями. Большинство Санта-Круцкихъ негровъ, руководимыхъ впродолженіи уже нѣсколькихъ поколѣній миссіонерами, которые сами владѣли черными рабами, принадлежатъ къ сектѣ «Гернгутеровъ» [1]), сильно измѣнившейся съ той эпохи, когда первые миссіонеры, Леонардъ Доберъ и Товій Лейпольдъ [2]), добровольно продали себя въ рабство, чтобы имѣть возможность проповѣдывать Евангеліе своимъ товарищамъ-невольникамъ. Эманспа-

[1]) Hermann E. Ludewig, „The Literature of American Aborigine Languages".
[2]) Labat, „Nouveau voyage aux îles de l'Amérique".
[3]) „Letters from the Islands". London, 1843.

[1]) Victor Schoelcher „Les Colonies étrangères et Haiti".
[2]) Bacot, „The Bahamas, a Sketch".

ція негровъ состоялась здѣсь только въ 1848 г.; уже съ предыдущаго года дѣти рождались свободными. Но освобожденные жалуются, что они не получили обѣщанныхъ земель; результатомъ этого были неоднократныя частныя возстанія, которыя подавлялись съ безпощадною жестокостью. Въ 1878 г. возмутившіеся негры сожгли городъ Фредерикстедъ, построенный на западномъ берегу, въ кокосовой рощѣ

Островъ Абаго (Абако). Городъ Гоптаунъ.

Въ послѣдніе годы эмиграція была очень значительна: въ теченіе одного десятилѣтія, съ 1871 по 1881 г., Санта-Круцъ потерялъ почти пятую часть своего населенія; эта эмиграція, вызванная обѣднѣніемъ Санктъ-Томаса и пониженіемъ цѣны на земледѣльческіе продукты, объясняетъ отчасти сильное численное преобладаніе женскаго элемента надъ мужскимъ на датскихъ островахъ.

Губернаторъ живетъ попеременно то на о. Санта-Круцъ, то на о. св. Ѳомы, по полугоду на каждомъ [1]).

Тортола, самый большой изъ англійскихъ Дѣвичьихъ островов, расположенъ, въ формѣ полумѣсяца, къ сѣверо-востоку отъ о. Сентъ-Джона. Это—высокій островъ, значительно уступающій Санта-Круцу какъ по величинѣ, такъ и по культурѣ: самый высокій его пикъ имѣетъ слишкомъ 540 метровъ высоты надъ уровнемъ моря, и горный хребетъ тянется съ одного конца острова до другаго. Дуга островковъ и рифовъ, начинающаяся къ сѣверу отъ Тортолы островомъ Жозе-Ванъ-Дикъ, примыкаетъ къ острову св. Ѳомы; другой барьеръ идетъ отъ Сентъ-Джона къ Верджинъ-Горда, опоясывая, вмѣстѣ съ Тортолою, морскую аллею, обширный рейдъ съ спокойными водами: обыкновенно этому внутреннему морю даютъ названіе «улица Дѣвъ». Плывя по этому почти замкнутому морскому пространству, вдали отъ большой зыби океана, видишь въ просвѣтахъ между береговыми утесами островов перспективу отдаленнаго моря и бурную линію прибоя. Бывшій нѣкогда притономъ пиратовъ, о. Тортола имѣлъ потомъ среди своихъ землевладѣльцевъ нѣкоторое число квакеровъ, которые освободили своихъ рабовъ и надѣлили ихъ пахотной землей; къ сожалѣнію, они не нашли себѣ подражателей, такъ что, когда было отмѣнено невольничество, освобожденные негры плантацій толпою покинули островъ, устремившись на Санктъ-Томасъ и другіе Антильскіе острова. Разорившіеся бѣлые тоже уѣхали: съ одиннадцати тысячъ жителей населеніе уменьшилось въ скоромъ времени до четырехъ тысячъ. Главный городъ острова, Родъ-таунъ, лежитъ на берегу одной бухточки въ «улицѣ Дѣвъ»; главный промыселъ жителей—культура ананасовъ.

Далѣе на востокъ слѣдуетъ островъ Верджинъ-Горда, или «Большая Дѣва», названный моряками Спанишъ-таунъ,—слово, которое негры передѣлали въ Пеннистонъ. Его долины, плохо орошаемыя, представляютъ собою почти совершенную пустыню; одинъ изъ его перешейковъ, черезъ который легко было бы проникнуть въ «улицу Дѣвъ», былъ еще недавно защищенъ крѣпостью. Сѣверо-восточная оконечность о. Верджинъ-Горда продолжается къ сѣверу цѣпью рифовъ, которые выступаютъ полукруглой стѣной среди глубокихъ водъ океана и оканчиваются длинною косою Анегады, или «Затопленнаго» острова. Это дѣйствительно очень плоская и низкая земля, большая часть которой во время приливовъ, нагоняемыхъ бурею, находится подъ водою; но средняя часть острова, поросшая мангиферами, повидимому, никогда не затопляется. Рифы, окружающіе Анегаду, часто служили причиною кораблекрушеній, и несчастнымъ, выброшеннымъ на эти скалы, рѣдко удавалось спастись. Разсказываютъ, что одинъ испанскій галіонъ, нагруженный золотомъ и серебромъ, погибъ у этого острова, и что сокровище было сложено нѣкоторыми пережившими эту катастрофу матросами въ пещерѣ внутри острова: легенда эта заставляла многихъ сосѣднихъ островитянъ и флибустьеровъ не разъ раскапывать почву Анегады, въ которой предполагали найти груды серебра и золота, но всѣ эти труды пропадали безплодно [1]).

Дѣвичьи острова составляютъ «коронную колонію», т. е. находятся въ прямой зависимости отъ британскаго правительства.

Глава XII

Багамскіе острова.

Морское плато, покрытое островами и сохранившее свое индѣйское имя Багама, извѣстно также подъ названіемъ Лукайскаго,—слово, которое производятъ отъ испанскаго *cayos*, или «рифы», но которое тоже туземнаго происхожденія: одинъ изъ двухъ большихъ сѣверныхъ островов, Абако, называется Юкайя или Лукайя, и это-то имя и было примѣнено ко всей этой группѣ островов [2]). Багамскіе острова тянутся съ сѣверо-запада на юго-востокъ, отъ морей Флориды до водъ Санто-Доминго, на пространствѣ болѣе 1.300 километровъ. Англичане, владѣльцы этихъ островов, подразумѣваютъ подъ названіемъ Багама только сѣверный и средній архипелаги, исключая изъ нихъ группы островов Каикосъ и Турецкихъ, составляющихъ южную часть кораллового плато; но это раздѣленіе ничѣмъ не оправдывается: Багамскіе острова,

[1]) C. de Molinari, „A Panama“.

[2]) Mac-Kinnen, „A Tour through the Brirish West-Indies.

[1]) Labat, цитированное сочиненіе.

называемые такъ оффиціально, составляютъ, вмѣстѣ съ Каикосъ и Турецкими, одно географическое, совершенно особое цѣлое, имѣющее одно и то же происхожденіе и одинъ и тотъ же видъ. Въ своей совокупности Багамскіе острова занимаютъ немного большее пространство, чѣмъ Ямайка. Невозможно сказать точное число всѣхъ острововъ, входящихъ въ составъ этого архипелага, такъ какъ оно мѣняется въ зависимости отъ приливовъ и отливовъ, а также и бурь: во время высокой воды одинъ островъ раздѣляется цѣлой сѣтью проливовъ на нѣсколько отдѣльныхъ островковъ, другой—совершенно исчезаетъ подъ водою; а во время отливовъ земли выступаютъ изъ воды, и архипелаги соединяются въ одинъ островной корпусъ. По Бакоту [1]), Багамскіе

Бермудскій архипелагъ.

[1]) „The Bahamas, a Sketch“.

острова, не считая группъ Каикосъ и Турецкихъ, состоятъ изъ 690 островковъ и островковъ и 2.387 уединенныхъ скалъ, и занимаютъ въ совокупности пространство въ 13.960 квадратныхъ километровъ. Если же считать южные архипелаги, то число острововъ дойдетъ до 3.200. Въ 1890 г. тридцать одна изъ этихъ земель были обитаемы.

Пространство и населеніе Багамскихъ островововъ, вмѣстѣ съ группами Каикосъ и Турецкихъ островововъ: 14.353 квадратн. колометр.; 54.000 жит.; 4 жит. на квадр. килом.

Багамскіе острова были первые острова Новаго Свѣта, открытые Колумбомъ. Извѣстно, что онъ присталъ къ о. Гванахани, названному имъ Санъ-Сальвадоромъ; но онъ не указалъ мѣстоположеніе этого острова достаточно точно, такъ чтобы можно было съ увѣренностью отыскать его. Испанцы, торопившіеся найти сокровища, не останавливались на этихъ коралловыхъ островахъ и продолжали свои поиски къ «Индіи», надѣясь собрать тамъ груды золота и алмазовъ. Между тѣмъ среди новыхъ пришельцевъ распространилась молва, что одинъ изъ Багамскихъ островововъ обладаетъ другимъ, болѣе, чѣмъ золото и серебро, желаннымъ кладомъ, а именно чудодѣйственнымъ «источникомъ вѣчной юности», который возвращаетъ старикамъ прежнюю бодрость и здоровье. Во всѣ времена этотъ миѳъ живительной воды, могущей возвращать молодость, возбуждалъ народное воображеніе, затѣмъ, благодаря поэтамъ и художникамъ этого историческаго періода, который тоже былъ эпохой возрожденія, существованіе таинственнаго источника приняло какъ бы реальную форму: оставалось только открыть его настоящее мѣстонахожденіе, и не должно ли было казаться вполнѣ естественнымъ, что люди, которые только-что открыли новый міръ, были предназначены самой судьбой довершить свое удивительное дѣло этимъ послѣднимъ и чудеснымъ завоеваніемъ? Языческія и христіанскія идеи перемѣшались въ ихъ умѣ: Колумбъ думалъ, что обрѣлъ Рай, а Понсе-де-Леонъ мечталъ открыть источникъ вѣчной жизни, о которомъ говорится во всѣхъ миѳологіяхъ. Въ 1512 г. онъ отправился изъ Пуэрто-Рико съ тремя кораблями бродить въ лабиринтѣ Багамскихъ островововъ въ поискахъ чудодѣйственнаго источника. Онъ искалъ его долго, но безуспѣшно, а когда его преемникъ Пересъ-де-Ортубіа достигъ, наконецъ, искомаго островка, одной изъ скалъ Бемини, окаймляющихъ съ восточной стороны каналъ Флоридскій, то струйка воды, бьющая изъ камня, оказалась необладающей никакой живительной силой.

Эти люди, мнившіе себя избранниками неба, призванными возвратить потерянный рай, имѣли очень странныя понятія объ этомъ блаженномъ мѣстопребываніи, такъ какъ они начали свое дѣло порабощеніемъ и истребленіемъ туземцевъ. Они не пожелали поселиться на низменныхъ Багамскихъ островахъ, но предпочли воспользоваться ихъ населеніемъ, которое перевезли на плантаціи и въ рудники другихъ Антильскихъ островововъ. Въ 1509 г. король Фердинандъ даровалъ право на торгъ лукейцами, и сряду послѣ этого на несчастныхъ началась охота, какъ за дичью; ихъ травили даже бульдогами, такъ что острова въ нѣсколько лѣтъ были совершенно опустошены. Европейцы главнымъ образомъ надѣялись эксплоатировать замѣчательныя водолазныя способности туземцевъ Багамскихъ островововъ, которыми они обладали въ такой же степени, какъ и жители Микронезіи; раковины, которыя зоркіе лукейцы высматривали на днѣ прозрачной воды, служили главнымъ предметомъ ихъ пропитанія; передъ каждымъ обѣдомъ и ужиномъ они отправлялись на берегъ и собирали эти раковины на морскомъ пескѣ, между кораллами и водорослями. Вслѣдствіе этого, туземцы Багамскихъ островововъ имѣли большую цѣнность въ глазахъ испанцевъ съ жемчужныхъ береговъ Куманы, на южно-американскомъ побережьѣ, и они назначали высокую плату за этихъ водолазовъ: за одного такого туземца платили до 150 дукатовъ; но черезъ нѣсколько лѣтъ не осталось болѣе ни одного лукайца [1]). Въ настоящее время открываютъ лишь кое-какіе слѣды ихъ пребыванія. Во время своего прибытія на острова Каикосъ англійскіе колонисты откопали въ одной пещерѣ нѣсколько череповъ индѣйцевъ; они нашли также различные предметы древней промышленности, преимущественно глиняную посуду, кромѣ того, одинъ каменный топоръ, на которомъ была высѣчена въ рельефѣ голова дельфина. На островѣ Крукедъ въ большомъ количествѣ было найдено другое каменное оружіе, сдѣланное изъ кремнистой горнокаменной породы, какой вовсе нѣтъ на Багамскихъ островахъ: очевидно, туземцы пріобрѣтали это оружіе посредствомъ торговли съ жителями другихъ Антильскихъ островововъ или сосѣдняго континента, что предполагаетъ уже довольно высокую степень цивилизаціи.

Послѣ увоза туземцевъ, острова оставались пустынными въ теченіе цѣлаго столѣтія, числясь за Испаніей. Но съ тѣхъ поръ, какъ англійскіе колонисты поселились на берегахъ Каролины, они стали смотрѣть на Багамскіе острова какъ на естественную принадлежность ихъ материковыхъ владѣній, и лабиринтъ островововъ и рифовъ казался имъ весьма благопріятнымъ для захвата проходящихъ испанскихъ кораблей, нагруженныхъ слитками серебра или товарами. Проливы кишѣли вся-

[1]) Mac-Kinnen, цитированное сочиненіе.

кими искателями приключеній, и *wreckers* (*rakers*), «кораблекрушители» или «грабильщики», сдѣлали центромъ своихъ промысловыхъ операцій портъ Нью-Провиденсъ, «провиденціально» помѣщенный въ мѣстѣ скрещиванія двухъ океаническихъ дорогъ. Время отъ времени испанцы съ Кубы приходили вооруженною силою разрушать это гнѣздо пиратовъ, но стоило имъ только удалиться, какъ появлялись новыя банды и по-прежнему грабили проходящія суда. Окончательная оккупація острововъ регулярными войсками англійскаго правительства состоялась только въ 1718 г., а культура стала развиваться правильно лишь послѣ войны за американскую независимость, когда плантаторы «лойялисты», бѣжавъ изъ мятежной страны, эмигрировали вмѣстѣ съ невольниками, для колонизаціи британской территоріи.

Пока лабиринтъ Багамскихъ острововъ находился во власти пиратовъ и кораблекрушителей, настоящая форма архипелага не могла быть извѣстна въ точности: она выяснилась только со времени преобладанія мирной торговли, когда появились отличныя морскія карты этихъ острововъ. Въ настоящее время извѣстны во всѣхъ подробностяхъ очертанія каждаго острова и подводнаго цоколя, на которомъ лежатъ эти острова. Въ своей совокупности банка Багамскихъ острововъ можетъ быть сравнена съ островомъ Кубою, который она значительно превосходитъ пространствомъ. Это—тоже островной корпусъ, очень длинный и относительно узкій, окаймленный безчисленнымъ количествомъ рифовъ и изсѣченный глубокими зазубринами. Геологическое образованіе ихъ одинаково, съ тою только разницею, что Куба уже старый островъ, и приращеніе его массы идетъ уже медленно, тогда какъ его двойникъ растетъ на нашихъ глазахъ, благодаря непрерывной работѣ кораллов. Тѣ изъ Лукайскихъ земель, которыя выступаютъ изъ воды, состоятъ всѣ изъ беловатаго известняка, превратившагося въ однородную массу и разнящихся только возрастомъ отъ ломаныхъ береговыхъ коралловъ, смѣшанныхъ съ пескомъ и обломками раковинъ. Скала безпрерывно растетъ на своей океанической поверхности, благодаря работѣ маленькихъ животныхъ, постройки которыхъ постепенно возвышаются и укрѣпляются посредствомъ известковаго цемента, склеивающаго переломы. Такъ, англійскій фрегатъ *Severn*, потерпѣвшій въ 1793 году кораблекрушеніе на одномъ рифѣ Туркскихъ острововъ, лежитъ теперь покрытый каменистой оболочкой еще живаго коралла: странное ископаемое готовится для изслѣдователей грядущихъ вѣковъ.

По сосѣдству съ тѣми же островами и въ другихъ мѣстахъ вокругъ мелей, нѣкоторые рифы, извѣстные подъ названіемъ *coral-heads*, или «коралловыя головы», имѣютъ странную форму: они походятъ своимъ профилемъ на громадные грибы, выходящіе со дна моря: стволы или корешки этихъ рифовъ, въ 10—15 метровъ высоты и въ 5 метровъ средней толщины, поддерживаютъ широкія платформы, до ста метровъ въ окружности, которыя при отливахъ выступаютъ изъ воды. Такъ какъ приливъ и отливъ имѣютъ въ этихъ моряхъ весьма незначительную амплитуду, то кораллы, живущіе на окружности этихъ скалъ, мало-по-малу увеличиваютъ ихъ безъ всякой помѣхи со стороны волнъ, которыя не трогаютъ этихъ построекъ. Въ концѣ концовъ эти каменныя плато сростаются между собою, образуя внизу гроты и подводные проходы, откуда вода, которая низверглась туда, толкая передъ собой столбъ воздуха, снова выходитъ на поверхность широкимъ пѣнистымъ водопадомъ. Уилль разсказываетъ, что одинъ раненый китъ ушелъ, нырнувъ съ одной стороны рифа и вынырнувъ уже на другой, проплывши значительное разстояніе подъ водою.

Съ тѣхъ поръ, какъ безконечныя миріады маленькихъ животныхъ трудятся надъ созданіемъ Багамскихъ острововъ, относительный уровень земель и морей измѣнился очень мало, такъ какъ средняя высота острововъ надъ приливами и отливами Атлантическаго океана почти не превышаетъ двухъ метровъ. Только нѣкоторые острова представляютъ въ своемъ рельефѣ легкую волнистость, или ступенчатыя террасы, оканчивающіяся утесами, которые указываютъ на существованіе прежняго берега. Самый высокій холмъ во всей багамской системѣ, на островѣ Катъ («Кошачій», Cat-island) достигаетъ 120 метровъ. Но если внѣшняя поверхность острововъ обрисовывается въ видѣ плоскости съ весьма незначительнымъ возвышеніемъ надъ уровнемъ моря, то подводная ихъ часть, напротивъ, представляетъ чрезвычайно высокія кручи относительно дна Атлантическаго океана: въ этомъ отношеніи Багамскіе острова почти не имѣютъ себѣ подобныхъ во всемъ свѣтѣ; они поднимаются стѣнами съ крутизной въ 50 и даже въ 35 градусовъ, воздвигаясь надъ пропастями въ 4.000 и 5.000 метровъ глубины. Океаническій бассейнъ повсюду рѣзко ограниченъ этимъ коралловымъ валомъ. Теченія Атлантическаго океана, задерживаемыя обширнымъ цоколемъ скалъ, образующимъ передовой веркъ Новаго Свѣта, должны отклоняться къ сѣверо-западу, и несомнѣнно, что Багамскіе острова и окружающіе ихъ рифы обязаны своей формой длинной цѣпи, тянущейся съ юго-востока на сѣверо-западъ, именно этому главному движенію океанскихъ водъ, увлекающихъ за собой пески, живые организмы и всѣ прочія вещества, которыми пользуются

кораллы для созиданія своихъ построекъ: жизнь идетъ вслѣдъ за волной. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бреши даютъ проходъ теченіямъ, водная плоскость вторгается причудливыми извивами внутрь архипелага и образуетъ тамъ либо сквозные проливы, какъ, напримѣръ, каналъ Провиденсъ и далѣе къ югу—проливы острововъ Крукедъ, Каикосъ, Турксъ, Мушуаръ-Карре, либо безвыходные заливы, каковы бухта Эксума и Тонгъ-овъ-Ошенъ («языкъ океана»), съ восточной стороны острова Андросъ. Эти прямыя линіи твердыхъ скалъ, форма и оріентація которыхъ зависитъ отъ текущихъ водъ, представляютъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій физической географіи.

По направленію отъ востока къ западу, отъ Атлантическаго океана къ Мексиканскому заливу, подводная поверхность Багамской банки постепенно понижается, острова появляются рѣже, а мели становятся обширнѣе; наконецъ, вся совокупность банки отдѣляется отъ Гаити и Кубы глубокимъ рвомъ, имѣющимъ на восточной сторонѣ глубину болѣе 4.000 метровъ, но къ западу онъ постепенно повышается и образуетъ Старый Багамскій каналъ, затѣмъ проливъ Сантаренъ и новый Багамскій каналъ, или проливъ Флоридскій. Къ западу отъ пролива Сантаренъ, находится, какъ передовой веркъ, лежащій за линіей главнаго корпуса Лукайскихъ острововъ, на полдорогѣ между Кубой и рифами Флориды, треугольное плато, называемое по-испански Кайо-Саль, по-англійски — Сальтъ-Кай, т. е. «Соляной рифъ»[1], окруженное со всѣхъ сторонъ морскими заливами, имѣющими болѣе 600 метровъ глубины, а къ западу даже болѣе 1.200 метровъ. Въ цѣломъ это плато имѣетъ форму котловины; слой воды надъ банкою достигаетъ средней толщины 8—12 метровъ, края же ея подняты и возвышаются то въ видѣ подводныхъ камней, то въ видѣ выступающихъ изъ воды рифовъ, изъ которыхъ одни совершенно голые и гладкіе, а другіе покрыты подвижными дюнами. Рифы окружности, состоящіе изъ коралловъ и раковинъ, цементированныхъ известковой массой, получаютъ мелкій песокъ съ высокаго дна, который наносится вѣтрами и волнами, образуя цѣлые холмы въ 5 — 6 метровъ высоты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скала представляетъ для этого достаточную базу. Странное зрѣлище представляютъ эти изолированныя дюны, стоящія посреди моря. Тѣ изъ нихъ, которыя образовались относительно недавно, походятъ на парусныя суда; но большинство прикрѣплены стелющимися травами и ліанами (batatas littoralis), которыя раскидываютъ вокругъ песковъ крѣпкую сѣть своихъ зеленыхъ петель; латаніи растутъ на томъ склонѣ дюнъ, который находится за вѣтромъ. Самый значительный кайо этой банки, тотъ, которому она обязана своимъ именемъ, Соляной (Кайо-Саль, Сольтъ-Кай), получилъ это наименованіе благодаря лагунѣ, вода которой насыщена солью; маленькій водоросль, растущій въ этой лужѣ, придаетъ ей слегка оранжевый цвѣтъ; растеніе это скучивается на берегахъ густыми пластами, которые походятъ на испорченное мясо и распространяютъ гнилостный запахъ.

Надводная часть Багамской банки, состоящая, подобно Юкатану, изъ кораллового растрекавшагося известняка съ многочисленными гротами, не имѣетъ ни родниковъ, ни ручьевъ: Андросъ—единственный изъ всѣхъ острововъ, на которомъ есть небольшія рѣчки, или, вѣрнѣе, болотныя теченія; во время прилива они распадаются на три отдѣльныхъ острова[1]). Какъ и на Юкатанскомъ полуостровѣ, дождевая вода скопляется въ скрытыхъ бассейнахъ, но благодаря близости моря, въ эти озерные гроты часто проникаетъ соленая вода. На нѣкоторыхъ островахъ всѣ колодцы—«приливные», т. е. во время прилива морская вода проникаетъ въ такой колодезь, поднимая болѣе легкую прѣсную воду; затѣмъ, при отливѣ, она утекаетъ обратно; поэтому хозяйки стараются запастись прѣсной водой во время отлива[2]). Пока колонисты не выкапывали этихъ колодцевъ, они пользовались, для утоленія жажды, водой съ одного растенія изъ семейства омеловыхъ (viscum caryophylloides), которое растетъ на вѣтвяхъ нѣкоторыхъ древесныхъ породъ: эту омелу выжимаютъ, какъ губку, чтобы извлечь изъ нея дождевыя капельки, собирающіяся въ пазухахъ листьевъ[3]).

Несмотря на кажущуюся сухость известковой почвы, едва прикрытой слоемъ гумуса, Багамскіе острова имѣютъ очень богатую растительность: дожди, годовое количество которыхъ превышаетъ 1 метръ на сѣверныхъ островахъ[4]), сырой воздухъ и, наконецъ, подпочвенная влага постоянно доставляютъ растеніямъ необходимую для нихъ воду: чтобы развести у себя сады, негры разбиваютъ киркою поверхностный слой скалы и обращаютъ его въ мелкую пыль: изъ этого образуется растительная почва. Большіе острова, въ особенности Андросъ, имѣютъ огромные лѣса, состоящіе изъ такихъ же деревьевъ, какъ лѣса Гаити и Кубы. Красное дерево принадле-

---

[1]) Названіе *cayo*, которое испанцы дали коралловымъ рифамъ Антильскихъ острововъ, французы воспроизводятъ терминомъ *caye*, англичане—терминомъ *cay*, какъ напримѣръ, Salt-cay, Atwood-cay, а сѣвероамериканцы - терминомъ *key*, какъ напримѣръ, Key-West, Marquesas-keys, и т. д.

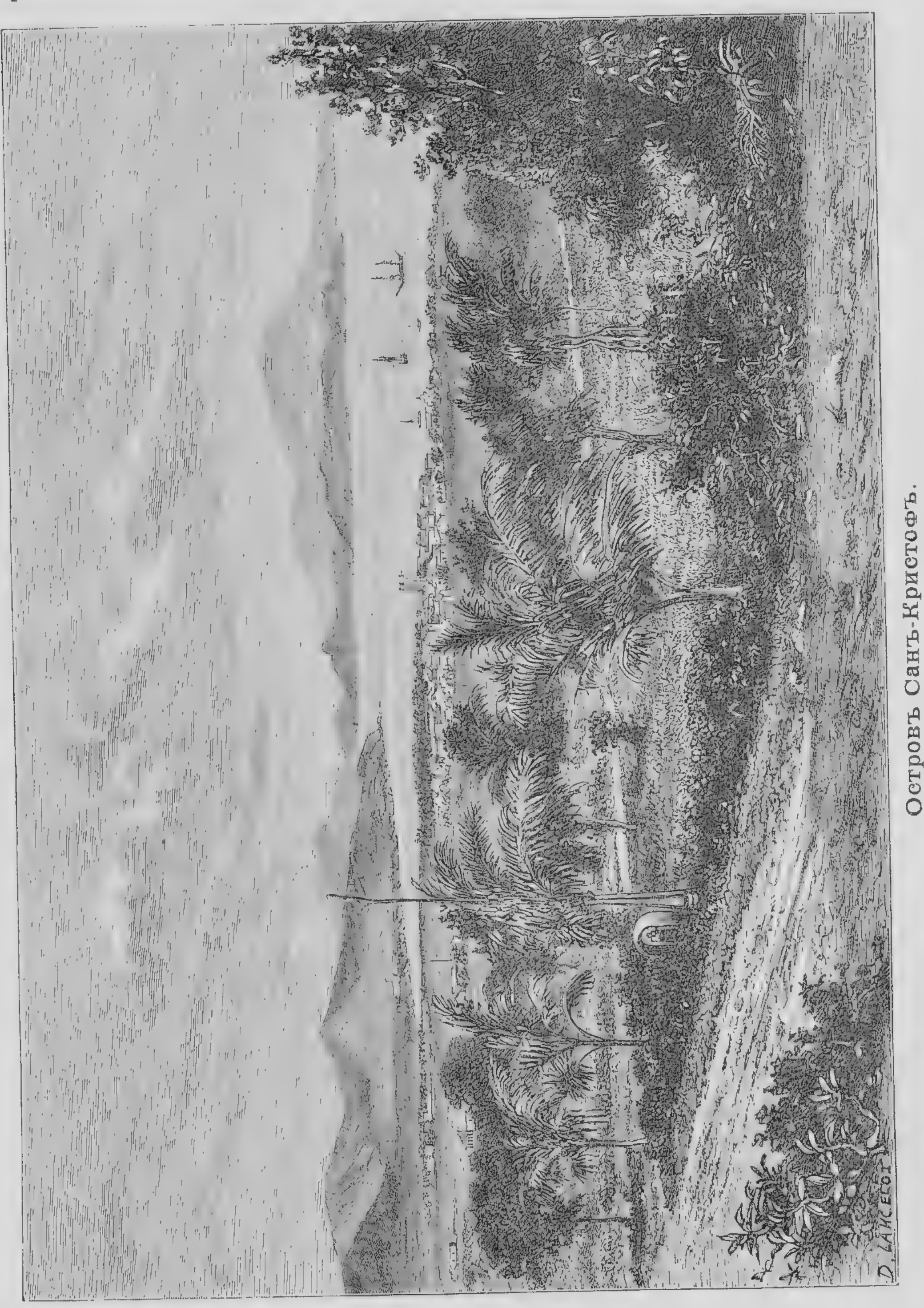
[1]) Jerolim von Benko, „Reise des Shiffes Zriny".

[2]) R. Thomassy, „Bulletin de la Société de Géographie". 1864.

[3]) Mac-Kinnen, цитированное сочиненіе.

[4]) Годовое выпаденіе дождей на Багамскихъ островахъ: Нассау, 1 м., 42; островъ Грандъ-Туркъ, 0 м., 66.

жало въ первую эпоху колонизаціи къ самымъ обыкновеннымъ лѣснымъ породамъ; Нассау является крайнимъ важнымъ пунктомъ, гдѣ процвѣтаетъ *pitch-pine*, или «смолистая сосна» Соединенныхъ Штатовъ. Своей земной фауной группа Багамскихъ острововъ совсѣмъ не отличается отъ Кубы, если не считать того, что здѣсь гораздо многочисленнѣе породы кочующихъ птицъ, которыя изъ Канады и Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ перелетаютъ на Малые Антильскіе острова. Воробей, недавно еще завезенный на Багамскіе острова, размножился здѣсь въ такомъ несмѣтномъ количествѣ, что законодательное собраніе вынуждено было назначить преміи за головы и яйца этой гибельной птицы. Черепахи и рыбы, которыхъ въ большинствѣ случаевъ рыболовы называютъ тѣми же названіями, подъ

Островъ Санъ-Кристофъ.

которыми онѣ извѣстны и въ Европѣ, въ изобиліи водятся во всѣхъ бухточкахъ и морскихъ гротахъ Багамскихъ острововъ; благодаря такому обилію раковинъ въ Багамскихъ водахъ, тамошніе островитяне получили прозвище кончей, *Conchs*, или «Раковиноѣдовъ», подъ которымъ они извѣстны на Антильскихъ островахъ. Нѣкоторые глубоководные бассейны, хорошо защищенные рифами, называются «морскими садами»; и это дѣйствительно прекрасные сады, съ чудными цвѣтами полиповъ, которые граціозно колыхаются на прозрачныхъ волнахъ, то открываясь, то снова закрываясь при проходѣ рыбъ, столь же разноцвѣтныхъ и блестящихъ, какъ самыя водоросли и кораллы, между которыми они снуютъ. Крокодилъ, живущій обыкновенно въ прѣсныхъ или солоноватыхъ водахъ, составляетъ обычное явленіе въ Багамскихъ водахъ, хотя на Южныхъ Антильскихъ островахъ его совсѣмъ не встрѣчаютъ: это животное очень цѣнится островитянами [1]).

Багамское населеніе въ большинствѣ—чернокожее, и—явленіе безпримѣрное въ другихъ антильскихъ земляхъ—сохранило еще преданіе о своемъ африканскомъ происхожденіи; цвѣтные кончи дѣлятся еще до сихъ поръ на племена іоруба, эгба, эбо, конго; каждое племя ежегодно избираетъ себѣ королеву и признаетъ ея власть въ управленіи мѣстными дѣлами [2]). Рабство отмѣнено на Багамскихъ островахъ, какъ и въ другихъ англійскихъ владѣніяхъ, но мало найдется бывшихъ колоній, гдѣ бы оно, вопреки законамъ, сохранялось съ такимъ упорствомъ, какъ здѣсь, и гдѣ бы такъ прочно укоренились кастовые предразсудки. Негръ не имѣетъ доступа въ храмы бѣлыхъ, которые принадлежатъ, однако, въ большинствѣ, къ сектѣ методистовъ, менѣе строгой, чѣмъ англиканская церковь. Система, аналогичная мексиканскому *peonage*, закабаляетъ пролетаріевъ купцамъ: бѣдняки забираютъ въ долгъ, въ счетъ будущей работы, съѣстные припасы или ткани, и заимодавецъ, который въ то же время есть купецъ, торгующій предметами первой необходимости, заботится о томъ, чтобы затянуть долгъ, хотя законъ 1855 г. ограничиваетъ оффиціально размѣръ подобныхъ ссудъ, но, словно въ насмѣшку, 10 шиллингами; должникъ долженъ даже подписать *Seaman's articles*, т. е. условіе о наймѣ въ матросы, обязующее его явиться на судно по первому требованію судьи. Среди багамскихъ негровъ только тѣ получаютъ жалованье деньгами, которые населяютъ американскіе берега. Самые несчастные, это—искатели губокъ.

Сѣверный островъ, ближайшій по разстоянію къ сѣверо-американскому континенту, называющійся Большой Багамой, отъ котораго, можетъ-быть, получилъ свое имя и весь архипелагъ, долгое время оставался пустыннымъ и даже теперь населенъ менѣе другихъ; его немногочисленные плантаторы—всѣ шотландскаго происхожденія. Кривыя его очертанія имѣютъ совершенно такія же извилины, какими отличаются его два восточные сосѣда, Малый Абако и Большой Абако, прежнее названіе которыхъ, Юкайя или Лукайя, сдѣлалось общимъ наименованіемъ всей островной группы. Большой Абако—одинъ изъ наиболѣе населенныхъ Багамскихъ острововъ: въ 1881 г. его населеніе состояло изъ 3.610 человѣкъ. Его жители бѣлой расы происходятъ всѣ отъ «американскихъ лоялистовъ», которые, для сохраненія своей чистокровности, всегда брачились въ однихъ и тѣхъ же семействахъ: отсюда, по отзыву посѣщавшихъ ихъ островъ путешественниковъ, большое физическое вырожденіе [1]). Главное селеніе раскинулось подъ пальмами прибрежнаго вала, который тянется между двумя морями. Далѣе къ западу, по краямъ пролива Провиденсъ, лежатъ острова Берри, очень маленькіе, имѣющіе всего нѣсколько человѣкъ жителей. Берега этой опасной дороги, по которой слѣдуютъ суда, плавающія между открытымъ моремъ и Мексиканскимъ заливомъ, населены лоцманами и «кораблекрушителями»; болѣе опасные проходы освѣщаются маяками. На проливѣ Флориды возвышаются два великолѣпныхъ маяка—Исаакъ-кай и Гунъ-кай, стоящіе близъ знаменитыхъ острововъ Бемини.

Островъ Нью-Провиденсъ заключаетъ въ себѣ почти треть всего населенія Багамскаго архипелага: это объясняется тѣмъ, что британское правительство избрало это прежнее логовище флибустьеровъ для устройства въ немъ столицы, и надо сознаться, что выборъ этотъ былъ очень удаченъ, такъ какъ Нью-Провиденсъ занимаетъ мѣстоположеніе, очень удобное для главнаго морскаго рынка острововъ: благодаря торговлѣ, здѣсь сгруппировалось до пятнадцати тысячъ жителей. Городъ Нассау, называемый также Нью-Провиденсъ, имѣетъ рейдъ болѣе 5 метровъ глубины, и суда съ малой осадкой могутъ приставать къ самому берегу. Городъ построенъ на сѣверномъ берегу острова и могъ бы, вслѣдствіе этого, сильно страдать отъ пассатныхъ вѣтровъ, если бы цѣпь рифовъ, называемая Хогъ-Айландъ, или «Островъ Свиней», не защищала рейдъ отъ волненія; тѣмъ не менѣе, во время ураганов, разражающихся вообще на этихъ водныхъ пространствахъ каждые четыре года, случается, что волны открытаго моря, прорвавшись черезъ эту естественную преграду,

[1]) Bacot, „The Bahamas“.
[2]) Powles, „The Land of Pink-Pearl“.

[1]) Powles, цитированное сочиненіе.

опрокидывали суда и выбрасывали ихъ на берегъ. Во время сѣверо-американской междоусобной войны, Нассау, обязанный до тѣхъ поръ своимъ спокойнымъ благосостоянiемъ единственно промыслу «кораблекрушенiй и спасенiй», вдругъ сдѣлался, благодаря военной контрабандѣ, роскошнымъ городомъ и мѣстомъ сборища богатыхъ арматоровъ. Въ концѣ 1861 г. первое конфедератское судно форсировало блокаду, доставивъ на берегъ 140 кипъ хлопка: это положило начало смѣлой и оживленной торговлѣ между складами Нассау и портами противоположнаго берега, находящимися, въ среднемъ, на разстоянiи двухдневнаго пути на пароходѣ. Коммерческiй флотъ Англiи отдавалъ въ распоряженiе этой торговли свои лучшiя и самыя быстроходныя суда, которыя выходили изъ Нассау, нагруженныя ружьями и боевыми запасами, а возвращались съ хлопкомъ, если имъ удавалось благополучно достигать портовъ Чарлстона или Вильмингтона. За пять лѣтъ войны въ Нассау разгрузилось 397 судовъ, въ томъ числѣ двѣ-трети пароходовъ, которымъ удалось проскользнуть черезъ флотъ федеральной блокады, и 688 судовъ вышло изъ Нассау, нагруженныя товарами, необходимыми для портовъ возмутившихся штатовъ: послѣднее судно, достигши Чарлстона, было заарестовано въ портѣ, которымъ только-что передъ тѣмъ овладѣли федераты. Рискъ былъ большой, такъ какъ 42 парохода были заарестованы, а 22—разбились о рифы, спасаясь отъ преслѣдованiя, но зато и барыши были огромные; въ концѣ войны капитанъ и кормчiй получали каждый по 25.000 франковъ за рейсъ, не считая нѣсколькихъ кипъ этого драгоцѣннаго хлопка, который покупатель оплачивалъ золотомъ. Торговля Нассау увеличилась въ тридцать разъ, но зато культура была совершенно заброшена; почти всѣ прежнiе сады исчезли подъ дикимъ кустарникомъ.

Движенiе внѣшней торговли въ Нассау передъ, во время и послѣ междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ: въ 1860 г.— 9.784.475 фран.; въ 1864 г.—250.462.750; въ 1888 г.—6.000.000.

Послѣ войны Нассау снова занялъ свое скромное положенiе маленькаго порта, черезъ который вывозятъ фрукты и раковины, и главный его промыселъ составляетъ прiемъ больныхъ, прiѣзжающихъ зимой изъ Соединенныхъ Штатовъ, хотя климатъ его, благодаря рѣзкимъ перемѣнамъ температуры, нельзя назвать безусловно здоровымъ; смертность отъ чахотки и другихъ грудныхъ болѣзней здѣсь довольно значительна даже среди туземцевъ; всего чаще Багамскiй климатъ излѣчиваетъ нервныя болѣзни. Больные американцы, проводящiе зиму на Багамскихъ островахъ, живутъ главнымъ образомъ въ Дунморѣ, на островкѣ Гарборъ, лежащемъ на сѣверо-восточномъ углу острова Элевтера, длиннаго рифа, расположеннаго въ формѣ крючка. «Гаврскiй островокъ», такъ называемый «Багамскiй Монпелье», съ чистымъ, здоровымъ воздухомъ, есть единственный изъ Лукайскихъ острововъ, который можетъ назваться въ отношенiи своего пространства очень населеннымъ: здѣсь на четырехъ квадратныхъ километрахъ сгруппировалось около двухъ тысячъ жителей. Островитяне, происходящiе отъ «морскихъ разбойниковъ» и гордящiеся этимъ происхожденiемъ, соблюдаютъ еще старые обычаи относительно земли: здѣсь каждый земледѣлецъ считается собственникомъ, но только того участка земли, который онъ самъ воздѣлываетъ; онъ не имѣетъ права огораживать свое поле, и, какъ только перестанетъ обработывать его, всякiй другой можетъ завладѣть брошенной землей [1]). Многiе плантаторы съ большаго сосѣдняго острова поселились на островкѣ Гарборъ, чтобы пользоваться превосходной якорной стоянкой, которую тамъ находятъ ихъ суда; но сады ихъ находятся на Элевтерѣ, отличающемся болѣе плодородною почвою; они культивируютъ тамъ ананасы, составляющiе еще до сихъ поръ славу этого острова. Его имя Элевтера происходитъ отъ одного лѣкарственнаго снадобья (eleuthera croton), которое въ изобилiи произрастаетъ на этомъ островѣ; въ былыя времена это растенiе пользовалось большою извѣстностью въ европейской фармакопеѣ, такъ какъ доктора предпочитали его кору хинной при лѣченiи лихорадокъ [2]).

Островъ Катъ, или «Кошачiй», названный такъ потому, что сюда были привезены кошки, которыя впослѣдствiи одичали, имѣетъ такую же форму, какъ Элевтера, но очертанiя его изгибовъ не такъ красивы, а рельефъ болѣе выпуклый. Островъ этотъ признавали за Гванахани, или Санъ-Сальвадоръ, открытый Колумбомъ въ 1492 г.; одна дача носитъ даже названiе «Колумбiя», такъ какъ предполагаютъ, что она стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впервые ступилъ великiй мореплаватель, высадившись на берегъ. Съ 1625 г., когда Кошачiй островъ былъ занесенъ подъ этимъ именемъ на карту Новаго Свѣта, изданную Жоаномъ-де-Летъ, онъ дѣйствительно указывался во всѣхъ документахъ какъ истинный Гванахани, что было подтверждено такими авторитетами, какъ Вашингтонъ Ирвингъ [3]) и Гумбольдтъ [4]). Но въ концѣ прошлаго столѣтiя рѣзкiя противорѣчiя, обнаруженныя между повѣствованiемъ Колумба, воспроизведеннымъ Ласъ-Казасомъ, и его маршругомъ, начертаннымъ Вашингтономъ Ирвингомъ, породили

---

[1]) Powles, цитированное сочинение.
[2]) Mac-Kinnen, цитированное сочиненiе.
[3]) „Life of Columbus"
[4]) „Examen critique de l'histoire de la Géographie du Nouveau Continent".

новыя гипотезы. Муньосъ указалъ на островъ Уатлингъ,—почти пустынную землю, лежащую въ 80 километрахъ на востокъ отъ южной оконечности острова Катъ,—какъ на мѣстонахожденіе настоящаго Гванахани [1]), и это предположеніе, поддержанное впослѣдствіи Бешеромъ, Пешелемъ, Майоромъ, преобладало долгое время. Другой испанскій историкъ Новаго Свѣта, Наваррете [2]), доказываетъ, что первой американской землей, на которой высадился Колумбъ, былъ островъ Гранъ-Туркъ, лежащій на самой южной оконечности подводнаго плато. Наконецъ, Варнгагенъ [3]), поднимаясь сѣвернѣе, останавливается на островѣ Маригуана, какъ на «подлинномъ Гванахани».

Таковы были до 1880 г. различныя гипотезы относительно настоящаго мѣста высадки Колумба, когда одинъ американскій мореплаватель, Г. В. Фоксъ, хорошо изучившій багамскія морскія области, открылъ пятый Гванахани, на этотъ разъ, какъ кажется, дѣйствительно ту самую землю Новаго Свѣта, которую впервые увидѣлъ Колумбъ; впрочемъ, за непреложную истину это признать нельзя, такъ какъ и новая теорія далеко не разрѣшаетъ всѣхъ затрудненій [4]). Островъ Самана или Атвудъ-Кай, указываемый Фоксомъ, долженъ былъ въ теченіе четырехъ столѣтій значительно измѣнить свою форму; его восточная оконечность могла быть размыта водою или просто обвалиться, а внутренняя лагуна, о которой говоритъ Колумбъ, могла высохнуть. Но начиная отъ этого острова до Кубы, соотвѣтствіе между текстами книги о колумбовомъ берегѣ и маршрутомъ, предполагаемымъ Фоксомъ, почти полное.

Кошачій островъ, несмотря на плодородіе почвы и значительное пространство—414 квадратныхъ километровъ,—былъ совершенно пустынною землею въ 1783 г., когда болѣе сотни англійскихъ «лоялистовъ», которые избѣгали сношеній съ возмутившимися американцами и основывали колоніи во всѣхъ владѣніяхъ Новаго Свѣта, оставшихся подъ властью Великобританіи, поселились на этомъ Лукайскомъ островѣ, вмѣстѣ со своими невольниками; въ 1881 г. на этомъ островѣ было уже болѣе 4.200 жителей. Острова Уатлингъ и Румъ-Кай, его сосѣди съ восточной и южной сторонъ, тоже имѣютъ маленькое населеніе, какъ и узкія известковыя скалы Большая Экзума и Лонгъ-Айлендъ (Длинный островъ). Затѣмъ, къ юго-востоку, слѣдуютъ три острова: Фортуна, Крукедъ и Акклинъ; въ дѣйствительности это одна земля, разрѣзанная на отдѣльные острова байусами, которые во время отлива можно переходить въ бродъ. На о. Маригуанѣ живетъ всего только нѣсколько семействъ. Островъ Фортуна сдѣлался самымъ цвѣтущимъ изъ Багамскаго архипелага и соперкомъ Нассау, какъ пристань пароходовъ, поддерживающихъ сообщеніе между Нью-Іоркомъ, Антильскими островами и испано-американскими берегами.

Самая обширная земля въ Багамскомъ архипелагѣ—та, которую обыкновенно называютъ «островомъ» Андросъ, хотя въ дѣйствительности она состоитъ изъ нѣсколькихъ острововъ, раздѣленныхъ неглубокими бухтами и байусами. Андросъ, самый богатый лѣсами между багамскими землями, занимаетъ болѣе трети всего пространства Лукайской группы. Кромѣ того, онъ очень выгодно расположенъ по близости столицы архипелага, Нассау, и между двумя проходами, которые, соединяясь на западѣ, образуютъ входъ въ Мексиканскій заливъ; къ сожалѣнію, онъ почти недоступенъ для судовъ, и кромѣ того большая часть его занята болотами и низкимъ кустарникомъ. На югѣ архипелага находится обширный, но совершенно пустынный островъ Большой Инагуа, занимающій такое же положеніе, какъ и Андросъ: онъ лежитъ противъ пролива Виндъ-Уардъ, отдѣляющаго Кубу отъ Гаити; по мнѣнію Макъ-Киннена, имя его, быть-можетъ, первоначально произносимое «Игуана», происходитъ отъ этихъ пресмыкающихся, которыя очень распространены на всемъ архипелагѣ. Со стороны, обращенной къ Кубѣ, наиболѣе населеннымъ пунктомъ является островокъ Большой Раггедъ (Great Ragged island), въ цѣпи рифовъ, которую испанцы называютъ Кайосъ-Жументосъ, или «Кобыльи рифы».

На югѣ архипелага находится кольцеобразная банка Кайкосъ, окруженная островами, на которыхъ есть нѣсколько отдѣльныхъ жилищъ. Большой Туркъ и другіе островки той же группы тоже имѣютъ своихъ колонистовъ. Растительность на Турецкихъ островахъ состоитъ главнымъ образомъ изъ малорослаго кактуса (cactus coronatus), который обыкновенно называютъ «головой турка», такъ какъ формою своею этотъ кактусъ дѣйствительно походитъ на голову съ сѣдыми волосами, обернутую чалмой: отсюда, какъ говорятъ, и произошло названіе этого небольшаго южнаго архипелага Багамскихъ острововъ.

Населеніе Багамскихъ острововъ увеличивается медленно, въ зависимости отъ всѣхъ колебаній, происходящихъ въ торговлѣ, отъ хорошаго или плохаго урожая, прохожденія ураrановъ, разоряющихъ садоводовъ и обогащающихъ «кораблекрушителей»; однако, обо-

[1]) Juan Bautista Munoz, „Historia del Nuevo Mundo".
[2]) „Colleccion de los Viajes que hicieron por mar los Espanoles". 1825.
[3]) „La Verdadera Guanahani de Colon". 1864.
[4]) „An attempt to solve the problem of the first Landing place of Columbus. United States Coast and Geodesic Survey. Report for 1880".

значенiе бакенами и освѣщенiе опасныхъ водныхъ пространствъ, а главное замѣна парусныхъ судовъ паровыми, уменьшаютъ годъ отъ году заработки этихъ «промышленниковъ». Такъ какъ иммиграція здѣсь самая ничтожная, то приростъ населенія происходитъ главнымъ образомъ отъ перевѣса рождаемости,— вообще очень сильной,—надъ смертностью.

Движенiе населенія на Багамскихъ островахъ, безъ острововъ Каикосъ и Турецкихъ, въ 1898 г.: рождаемость: 2.164; смертность 1.224; избытокъ рождаемости: 940.

Главное занятiе багамцевъ состоитъ въ плодоводствѣ; они отправляютъ фрукты за границу не только въ свѣжемъ видѣ, именно ананасы и апельсины, но также и въ видѣ консервовъ. Вывозъ ананасовъ въ 1892 г.: на сумму 400.000 франковъ; въ 1898 г.—на 609.000 франковъ.

Продукты рыболовства, черепахи, раковины, жемчугъ, сѣрая амбра и въ особенности губки также способствуютъ торговому процвѣтанiю Багамскихъ острововъ; большiя раковины, предназначенныя для рѣзчиковъ камней, отправляются главнымъ образомъ во Францiю. По словамъ Поульса, ловлей черепахъ и губокъ на Багамскихъ островахъ занимаются до четырехъ тысячъ человѣкъ, которые имѣютъ въ своемъ распоряженiи до трехъ тысячъ лодокъ. Цѣнность губокъ, вывезенныхъ съ Багамскихъ острововъ въ 1898 г.: 2.625.950 франковъ.

Соль является также немаловажнымъ подспорьемъ багамской промышленности, особенно на островахъ Каикосъ и Турецкихъ, и если бы импортные тарифы были подходящiе, то солины, концессiонированныя недавно въ ущербъ интересамъ островитянъ, частнымъ компанiямъ, могли бы съ избыткомъ покрывать все потребленiе морской соли въ Соединенныхъ Штатахъ. Производство соли на Багамскихъ островахъ въ 1889 г.: 700.000 гектолитровъ.

Дѣятельность плантаторовъ направляется теперь къ производству генекена, или «сизальской конопли» и другихъ подобныхъ растенiй, извѣстныхъ на Антильскихъ островахъ подъ общимъ названiемъ *карата*. Эти растенiя произрастаютъ на Багамскихъ островахъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Юкатанѣ, и можно надѣяться, что они со временемъ тоже обогатятъ эту страну; культура генекена быстро распространяется на пространствѣ 132.000 гектаровъ земель, уже уступленныхъ плантаторамъ на этихъ островахъ.

Торговое движенiе Багамскаго архипелага, не считая южныхъ острововъ, въ 1888 г.: ввозъ—4.206.850 франк; вывозъ—3.038.250; выкидки и грузы потерпѣвшихъ крушенiе судовъ—553.275; итого—7.798.375 франковъ.

Въ 1898 г.: ввозъ—238.336, вывозъ—174.860 фунт. стерл.

Движенiе судоходства въ 1898 г.: общiй тоннажъ пришедшихъ и отшедшихъ судовъ—741.522 тонны.

Относительно своего пространства и населенiя острова Турецкiе и Каикосъ имѣютъ гораздо болѣе значительную торговлю, чѣмъ Багамскiе острова въ собственномъ смыслѣ, что объясняется главнымъ образомъ эксплоатацiей солончаковъ.

Цѣнность внѣшней торговли Турецкихъ острововъ въ 1898 г.: привозъ—27.067, вывозъ—24.810 фун. стерл. Движенiе судоходства на этихъ островахъ въ 1898 г.: общiй тоннажъ пришедшихъ и отшедшихъ судовъ—243.107. Около трети торговли багамскихъ архипелаговъ производится съ Соединенными Штатами и особенно съ Нью-Iоркомъ и Кей-Вестомъ.

Багамскими островами управляетъ назначаемый королевой губернаторъ, при содѣйствiи исполнительнаго и законодательнаго совѣтовъ, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 9 членовъ; представительное собранiе состоитъ изъ 29 депутатовъ: это все почти нассаускiе купцы, избираемые гражданами-собственниками; въ дѣйствительности это собранiе представляетъ нѣчто въ родѣ клуба, въ которомъ собирается бѣлая аристократiя столицы. До 1866 г. на архипелагѣ не было ни одной католической часовни. Острова Каикосъ и Турецкiе подчинены ямайскому правительству и управляются коммиссаромъ и совѣтомъ, состоящимъ изъ пяти членовъ.

Бюджетъ Багамскихъ острововъ въ 1898 г.: приходъ—86.760, расходы—64.148 фунт. стерл.; бюджетъ Турецкихъ острововъ: приходъ—7.232, расходы—8.061 фунтовъ стерл. Долгъ Багамскаго архипелага въ 1897 г.:—118.426 фунт. стерл.

Глава XIII

Бермудскіе острова.

Небольшой архипелагъ Бермудскихъ острововъ, одиноко поднимающійся со дна атлантическихъ пучинъ, удержалъ за собою, хотя и въ измѣненной нѣсколько формѣ, имя испанскаго мореплавателя Бермудеца, который открылъ его въ началѣ XVI-го вѣка; точное указаніе года открытія осталось неизвѣстнымъ. Сто лѣтъ спустя, англичанинъ Сомеръ снова обрѣлъ этотъ архипелагъ, лежащій въ сторонѣ отъ лоцманскихъ путей, и съ того времени эти острова часто звали островами Сомера (Somers islands), или, по созвучію, «Лѣтними» (Summer islands), какъ бы прославляя этимъ ихъ мягкій климатъ, ихъ вѣчное «лѣто». Но въ концѣ концовъ восторжествовало названіе «Бермудскіе», которое и упрочилось за этими островами.

Группа Бермудскихъ острововъ лежитъ среди открытаго океана, въ тысячѣ километрахъ отъ мыса Гаттерасъ, ближайшей оконечности сѣверо-американскаго материка; отъ первыхъ острововъ Багамскаго архипелага она отдалена гораздо болѣе; но по направленію вѣтровъ и теченій она связана именно съ этими землями, а не съ материкомъ: главная система воздушныхъ и океаническихъ теченій движется по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, или, наоборотъ, съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Въ этомъ же направленіи оріентированы и подводные цоколи, на которыхъ лежатъ Бермудскіе острова, а равно и ихъ продолженіе—банки Челленджеръ и Аргусъ. Если провести ось черезъ діаметръ Бермудскихъ острововъ, то она пересѣчетъ также обѣ мели, лежащія на юго-западѣ, и архипелагъ Багамскихъ острововъ въ серединѣ цѣпи.

Бермудскіе острова и банки образуютъ почти правильный овалъ, оріентированный съ сѣверо-востока на юго-западъ, на протяженіи почти 37 километровъ, но только небольшая часть этого пространства занята надводными землями; въ то время, какъ все плато, въ совокупности, лежащее на глубинѣ 10-ти метровъ, представляетъ поверхность въ 660 квадратныхъ километровъ, Бермудскіе острова въ собственномъ смыслѣ имѣютъ при отливѣ площадь лишь въ 50 кв. километровъ, составляя такимъ образомъ тринадцатую часть всей скалистой поверхности, воздвигнутой полипами. Каралловые массивы, выступающіе надъ морскимъ уровнемъ, тянутся вдоль восточнаго края, на бермудскомъ плато, затѣмъ загибаются къ югу крючкомъ: они состоятъ изъ острова, оканчивающагося на западѣ острыми полуостровами въ видѣ роговъ, и изъ пятнадцати узкихъ островковъ, лежащихъ на линіи продолженія Большаго Бермудскаго острова: считая всѣ островки и выходящія изъ воды скалы, архипелагъ заключаетъ въ себѣ по крайней мѣрѣ 150 отдѣльныхъ земель, а вмѣстѣ совсѣми коралловыми вершинами, выступающими при отливѣ надъ морскимъ уровнемъ, этихъ земель болѣе, чѣмъ «дней въ году». Обширные бассейны, или *sounds*, открывающіеся въ различныхъ частяхъ группы, между коралловыми стѣнами, представляютъ всюду отлично защищенныя якорныя стоянки; впрочемъ, съ открытымъ моремъ они въ большинствѣ случаевъ сообщаются посредствомъ извилистыхъ и опасныхъ проходовъ.

Овальная кривая острововъ вписана въ другомъ, болѣе обширномъ овалѣ, который съ юго-западной, западной и сѣверной сторонъ состоитъ изъ однихъ только подводныхъ плато, образующихъ круглую плотину, по которой катятся волны. Эта волноразбивательная ограда имѣетъ всего лишь нѣсколько *cuts* или, «разрѣзовъ», представляя своими коралловыми стѣнами, съ ихъ бастіонами и передовыми верками, очень опасный кругъ. Главный входъ, Нарроузъ, т. е. «Тѣснины», гдѣ глубина воды на порогѣ достигаетъ 8 метровъ, находится на сѣверо-восточной оконечности острововъ и открываетъ доступъ въ центральный бассейнъ, средняя глубина котораго равняется 15 метрамъ, но даже въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ не превышаетъ 25 метровъ. Вся окружность банокъ, отъ прохода Нарроузъ до южной выпуклости большаго острова, на протяженіи почти 65 километровъ, не имѣетъ при отливѣ другихъ выступовъ, кромѣ трехъ скалъ, похожихъ на мегалиты, отъ 2 до 3 метровъ высотой, которые возвышаются на горизонтальной скалистой плоскости, почти совсѣмъ сглаженной волнами: странное зрѣлище представляютъ рыбаки, расхаживающіе по этому валу, покрытому нѣсколькими дециметрами воды; серпулы растутъ безчисленными пучками на наружномъ краѣ рифа и окружаютъ его какъ бы рубцомъ, ограждающимъ его отъ напора волнъ [1]).

---

[1]) Angelo Heilprin, „The Bermuda Islands".

Разныя группы коралловъ, образующія большой массивъ банокъ, имѣютъ форму кратеровъ, съ выдающимися верхними краями и съ углубленіемъ въ серединѣ: это—небольшіе

Гваделупа.

атоллы, вродѣ Багамскихъ острововъ и архипелаговъ Великаго океана; группируясь вмѣстѣ, они образуютъ большіе атоллы, которые соединяются въ обширное кольцо, составляющее совокупность острововъ и банокъ. Существованіе коралловыхъ острововъ на подобной широтѣ, сѣвернѣе 32°, т. е. въ 3.600 километрахъ отъ экватора, представляетъ единственное явленіе на всемъ земномъ шарѣ: оно обязано исключительно вліянію Гольфстрема, который приноситъ въ эти морскія пространства теплыя воды Антильскаго моря, а вмѣстѣ съ ними и безконечно малые организмы: они-то и воздвигли постепенно этотъ столбъ Бермуд-

скихъ острововъ, вздымающійся со дна пучинъ, гдѣ лотъ находитъ глубины въ 3—4 километра, а въ одномъ мѣстѣ даже почти 5 километровъ. Впрочемъ, есть такія породы коралловъ-строителей, которыя не могутъ жить подъ этими высокими широтами, слишкомъ для нихъ холодными, но которыя, однако, очень обыкновенны въ Лукайскихъ водахъ. Рифы, очень разнообразные по своимъ размѣрамъ, отдѣлены другъ отъ друга выемками или рвами и даже судоходными каналами. По мнѣнію большинства естествоиспытателей, архипелагъ Бермудскихъ острововъ есть одинъ изъ тѣхъ, явленія которыхъ лучше всего согласуются съ гипотезой Дарвина, которая объясняетъ непрерывный ростъ коралловыхъ построекъ на высоту нѣсколькихъ сотъ или даже тысячъ метровъ—постепеннымъ осѣданіемъ подводнаго цоколя. Правда, что съ 1843 года не произошло никакого измѣненія въ уровнѣ почвы, такъ какъ сдѣланныя въ то время замѣтки не перемѣнили мѣста; но если вѣрить хроникѣ, острова были гораздо обширнѣе въ ту эпоху, когда первые мореплаватели посѣтили ихъ; въ 1870 г., во время копанія большаго дока на западной оконечности Бермудскихъ острововъ, на островѣ Ирландія, нашли на глубинѣ почти 15 метровъ, считая отъ уровня низкихъ водъ, торфъ съ слоями гумуса, песку и земель, совершенно такихъ же, какъ на островахъ, нынѣ выступившихъ изъ воды, и слои эти заключали въ себѣ стволы «кедровъ», наземныя раковины и скелеты птицъ [1]).

Съ другой стороны, возможно, что было относительное повышеніе почвы до ея осѣданія, потому что известковыя возвышенности острововъ превосходятъ 50 метровъ. Холмъ Джиббсъ, возвышающійся на южной выпуклости Большаго Бермудскаго острова, и откуда виденъ на сѣверѣ лабиринтъ лѣсистыхъ полуострововъ и скалъ, разстилающійся зеленымъ ковромъ среди голубыхъ водъ, вздымаетъ свой маячный фонарь на высоту 110 метровъ. Однако, возможно также, что бермудскія возвышенности обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствію вѣтра, такъ какъ эти скалы, почти всѣ зернистыя и рыхлыя, но крѣпкія и плотныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, образуются на нашихъ глазахъ, подобно береговымъ дюнамъ: геологъ Нельсонъ далъ имъ названіе «Эоловыхъ» скалъ. Подвижные пески пляжей, вздымаемые вѣтромъ и несомые внутрь острова, покрываются постепенно растеніями, которыя ихъ скрѣпляютъ; кромѣ того, пески подвергаются дѣйствію дождей, которые растворяютъ частію мелкую известковую пыль откосовъ и превращаютъ ее въ кору, состоящую изъ пылинокъ, скрѣпленныхъ цементомъ. Вѣтеръ наноситъ новые слои, которые тоже затвердѣваютъ и образуютъ такимъ образомъ правильныя наслоенія: нѣтъ дорожной выемки или траншеи, на Бермудскихъ островахъ, которая не давала бы полнаго разрѣза этихъ туфовъ съ тонкими прослойками, изъ которыхъ каждая напоминаетъ о геологической работѣ вѣтра и дождя [1]).

Красная земля, покрывающая почву горизонтальными слоями, тоже принадлежитъ къ недавней формаціи, явившейся результатомъ разложенія горнокаменныхъ породъ: она состоитъ изъ веществъ, находящихся въ известковыхъ пескахъ, которыя оставляются дождевою водою, какъ подонки послѣ частыхъ промывокъ. Это—тотъ же самый родъ плодородной земли, который находимъ на Кубѣ и на другихъ островахъ коралловаго происхожденія: впрочемъ, и красноватая глина, залегающая на днѣ морей, глубиной болѣе 4.000 метровъ, представляетъ, можетъ-быть, такіе же подонки, оставленные обломками глобигериnъ (foraminifera), которые миріадами сыплются съ морской поверхности и растворяются въ морской водѣ во время ихъ паденія [2]). Ноздреватое свойство почвы облегчаетъ образованіе краснозема, потому что вся дождевая вода просачивается сквозь горныя породы и безпрестанно ихъ растворяетъ. Нигдѣ на Бермудскихъ островахъ не видно текущихъ водъ; есть только нѣсколько прудовъ, образовавшихся во впадинахъ по близости моря. Годную для питья воду островитяне получаютъ изъ приливныхъ колодцевъ, подобныхъ существующимъ на Багамскихъ островахъ, но дожди достаточно обильны, чтобы можно было разсчитывать на цистерны, устроенныя при каждомъ жилищѣ.

Климатъ въ архипелагѣ, благодаря Гольфстрему и воздушному теченію, идущему по тому же направленію, болѣе теплый, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ этихъ широтахъ. Средняя температура опредѣляется въ 21° по стоградусному термометру, т. е. на 3° больше, чѣмъ на Мадерѣ, лежащей подъ той же широтой. Разность температуры между самымъ холоднымъ и самымъ теплымъ мѣсяцами равняется 15°, колеблясь между 16 градусами въ февралѣ и 31°—въ іюнѣ. Такимъ образомъ, несмотря на тропическую природу климата, смѣна временъ года выражается вполнѣ опредѣленно, вслѣдствіе чередованія полярныхъ и экваторіальныхъ вѣтровъ; по всей вѣроятности, этому годовому ритму, гораздо болѣе правильному, чѣмъ на островѣ Мадерѣ, живущіе на Бермудскихъ островахъ англичане обязаны своимъ завиднымъ здоровьемъ; средняя

[1]) J. J. Rein, „Verhandlungen des ersten Deutschen Geographentages zu Berlin, 1881";—Angelo Heilprin, цитированное сочиненіе.

[1]) Wyville Thomson, „The Atlantic".
[2]) Wyville Thomson, цитированное сочиненіе.

смертность у бѣлаго населенія этого архипелага составляетъ не болѣе 23 на тысячу, т. е. почти такая же, какъ и въ Англіи. Болѣзни, свойственныя тропическимъ областямъ, на этихъ островахъ очень рѣдки; однако, въ 1756 году, эпидемія желтой лихорадки, занесенная съ береговъ Виргиніи, похитила много жертвъ среди бѣлаго населенія.

Какъ и большинство острововъ Океаніи, Бермудскіе принадлежатъ къ числу тѣхъ архипелаговъ, которые, несмотря на свою отдаленность отъ берега, не составляютъ отдѣльнаго центра растительности. Ихъ самородная флора, не считая той, которая разведена сѣменами, завезенными сюда человѣкомъ, состоитъ лишь изъ видовъ, занесенныхъ Гольфстремомъ или юго-западными вѣтрами. Съ высоты холмовъ архипелага Бермудскіе острова кажутся почти сплошь покрытыми темнымъ лѣсомъ «кедровъ» (juniperus barbadensis), мпкро-антильскаго происхожденія, всегда сопровождаемыхъ желѣзняковымъ растеніемъ (lantana odorata), тоже съ Антильскихъ острововъ, замѣнившимъ туземные злаки. Скалы, лишенныя растительной земли, поростаютъ травой (stenotaphrum americanum) багамскаго происхожденія: всѣ берега, какъ на Кубѣ и въ Мексикѣ, окаймлены корнепусками, а изъ семейства пальмовыхъ единственный видъ, акклиматизировавшійся на Бермудскихъ островахъ, это—Флоридская *palmetto sabal*. Всѣ другія пальмы здѣсь—экзотическія деревья, даже тѣ великолѣпныя *oreodoxa*, которыми обсажены нѣкоторые бульвары столицы, и которыя бермудцы показываютъ съ гордостью. Финиковыя и кокосовыя пальмы, правда, культивируются на Бермудскихъ островахъ, но рѣдко бываетъ, чтобы ихъ плоды созрѣвали. Въ цѣломъ бермудская растительность, произростающая на известковой почвѣ, быстро поглощающей воду, совсѣмъ не имѣетъ той тропической пышности, которую ей приписывали нѣкоторые путешественники; здѣсь не встрѣтишь даже самыхъ обыкновенныхъ деревьевъ умѣренной европейской флоры. Общій видъ лѣсовъ—однообразный и напоминаетъ сѣверные сосновые лѣса; но въ сезонъ дождей можно подумать, что находишься въ Сициліи при видѣ букетовъ розовыхъ цвѣтковъ, которыми усажены акклиматизировавшіеся здѣсь олеандры.

Самобытная фауна Бермудскихъ острововъ не имѣетъ представителей изъ отряда млекопитающихъ: крысы и мыши—всѣ европейскаго происхожденія, а летучія мыши—сѣвероамериканскаго или антильскаго. Что касается до другихъ животныхъ породъ, то онѣ принадлежатъ къ зоографической области Сѣверной Америки. Изъ 188 видовъ птицъ почти всѣ, за исключеніемъ трехъ, принадлежащихъ Старому Свѣту, относятся къ пернатой фаунѣ сосѣдняго материка. Единственный видъ изъ класса пресмыкающихся, который встрѣчается на Бермудскихъ островахъ,—сѣверо-американскаго происхожденія. Даже въ низшихъ классахъ животнаго царства Бермудскіе острова имѣютъ очень мало самобытныхъ представителей. Пучки морскихъ водорослей, занесенные волнами, вводятъ въ то же время представителей морской фауны Антильскихъ острововъ: изъ 170 моллюсковъ, водящихся на Бермудскихъ островахъ, самостоятельныхъ формъ всего двѣнадцать. Изъ 30 породъ земныхъ моллюсковъ больше половины принадлежатъ къ фаунѣ Багамскихъ и другихъ острововъ Вестъ-Индіи.

Во время открытія Бермудскихъ острововъ они были необитаемы. Нынѣшнее ихъ населеніе, три пятыхъ котораго состоитъ изъ чистокровныхъ или смѣшанныхъ африканцевъ, было ввезено изъ другихъ англійскихъ колоній, особенно послѣ отмѣны рабства; въ настоящее время оно постоянно увеличивается, вслѣдствіе преобладанія рождаемости надъ смертностью: впрочемъ, въ такомъ тѣсномъ отечествѣ оно можетъ играть лишь самую незначительную роль во всемірной исторіи.

Населеніе Бермудскихъ острововъ въ 1898 году: 16.291, въ томъ числѣ 6.239 бѣлыхъ. Рождаемость на Бермудскихъ островахъ въ 1898 г.: 613; смертность 378. Все это населеніе размѣщается въ трехъ небольшихъ городахъ, въ нѣсколькихъ поселкахъ и отдѣльныхъ дворахъ.

Главный городъ, Гамильтонъ, гдѣ сгруппировано болѣе половины бермудскихъ островитянъ, лежитъ около середины главнаго острова, на южномъ берегу длиннаго полуострова; портъ его, достаточно глубокій для самыхъ большихъ судовъ, совершенно открытъ западнымъ вѣтрамъ. Городъ, поражающій своею чистотою, не имѣетъ ничего достопримѣчательнаго, кромѣ своихъ садовъ, бульваровъ, ослѣпительно бѣлыхъ виллъ, красивыхъ верандъ, обвитыхъ гирляндами ліанъ. Крыши тщательно выскабливаются и моются два раза въ годъ, для того, чтобы дождевая вода, стекающая съ нихъ въ цистерны, не содержала сора. Въ разныхъ мѣстахъ города находятся искусственно вырытые бассейны, въ которыхъ сохраняется излишекъ дождевой воды для общественнаго потребленія въ сухое время года.

Портъ Сентъ-Джорджъ, находящійся на сѣверной оконечности архипелага легче доступенъ и болѣе надеженъ, чѣмъ Гамильтонъ: суда 5-ти метровой осадки безъ труда могутъ входить въ него по каналу, фарватеръ котораго уставленъ баканами; со всѣхъ сторонъ обширный треугольный бассейнъ окруженъ островами и островками, совершенно закрывающими видъ на море; городъ и про-

ходы защищены фортами и редутами. Мосты, перекинутые черезъ проливы, соединяютъ островъ Сентъ - Джорджъ, черезъ островъ Бердъ-Айлендъ, съ Большимъ Бермудомъ. Другая оконечность архипелага, именно самый конецъ крючка Бермудскихъ острововъ, тоже занятъ очень сильными укрѣпленіями. Арсеналъ, крѣпость, казармы, укрѣпленные молы, понтоны и исправительный домъ, въ которомъ живетъ около 1.500 штрафныхъ солдатъ,—таковъ грозный видъ, который представляетъ островъ Ирландія, лежащій при входѣ въ Бермудскій архипелагъ. Подводный кабель соединяетъ морскую и военную станцію архипелага съ портомъ Галифаксъ, въ Новой Шотландіи, другою британскою крѣпостью въ водахъ Сѣверной Америки; но главныя сношенія ведутся съ Соединенными Штатами, откуда ежегодно пріѣзжаетъ много туристовъ и больныхъ.

Бермудскіе острова имѣютъ слишкомъ малую поверхность, чтобы тамъ можно было вести экстенсивное земледѣліе; но на пространствѣ около 1.200 гектаровъ занимаются садоводствомъ и огородничествомъ; тамъ воздѣлываютъ главнымъ образомъ картофель, лукъ, томаты для Нью-Іоркскаго рынка; растеніе *maranta arundinacea* даетъ отличную патоку; но производство ея дотого незначительно, что не можетъ вознаградить трудовъ земледѣльца, вслѣдствіе чего эта культура была оставлена, также какъ культура апельсиновъ и лимоновъ. Впрочемъ, пищевыхъ продуктовъ на Бермудскихъ островахъ не хватаетъ для мѣстнаго потребленія, и главная часть ихъ привозится изъ Соединенныхъ Штатовъ. Мануфактурная промышленность стоитъ еще ниже земледѣльческой: прежде тамъ занимались постройкою большихъ судовъ; теперь же на Бермудскихъ островахъ строятъ лишь небольшія лодки и дѣлаютъ мебель и мелкія вещи; кромѣ того, выдѣлываютъ дерево для карандашей изъ «кедра», или душистаго можжевельника. Торговля довольно оживленная, но вывозъ составляетъ въ общемъ только треть ввоза: зажиточные жители и 1.500 гарнизонныхъ солдатъ должны почти все необходимое покупать за границей.

Торговое движеніе на Бермудскихъ островахъ въ 1898 г. (по цѣнности обмѣна): вывозъ—113.903 фунт. стерл., изъ которыхъ на Англію приходится всего только 4.041 ф. стерлинг.; ввозъ 351.274 фунт. стерлинговъ, изъ которыхъ на Англію приходится 104.947 фунта стерл.

Въ политическомъ отношеніи архипелагъ представляетъ миніатюрную копію государственнаго устройства Англіи, съ губернаторомъ, законодательнымъ совѣтомъ изъ 9 членовъ, назначаемыми королевой, и палатой представителей изъ 36 членовъ, избираемыхъ народнымъ голосованіемъ. Англиканская церковь частію содержится на средства колоніи. Бюджетъ 1899—1900 г.: приходъ—34.793, расходы—36.854 фунт. стерл.; общественный долгъ въ 1898 г.: 45.600 фунт. стерл.

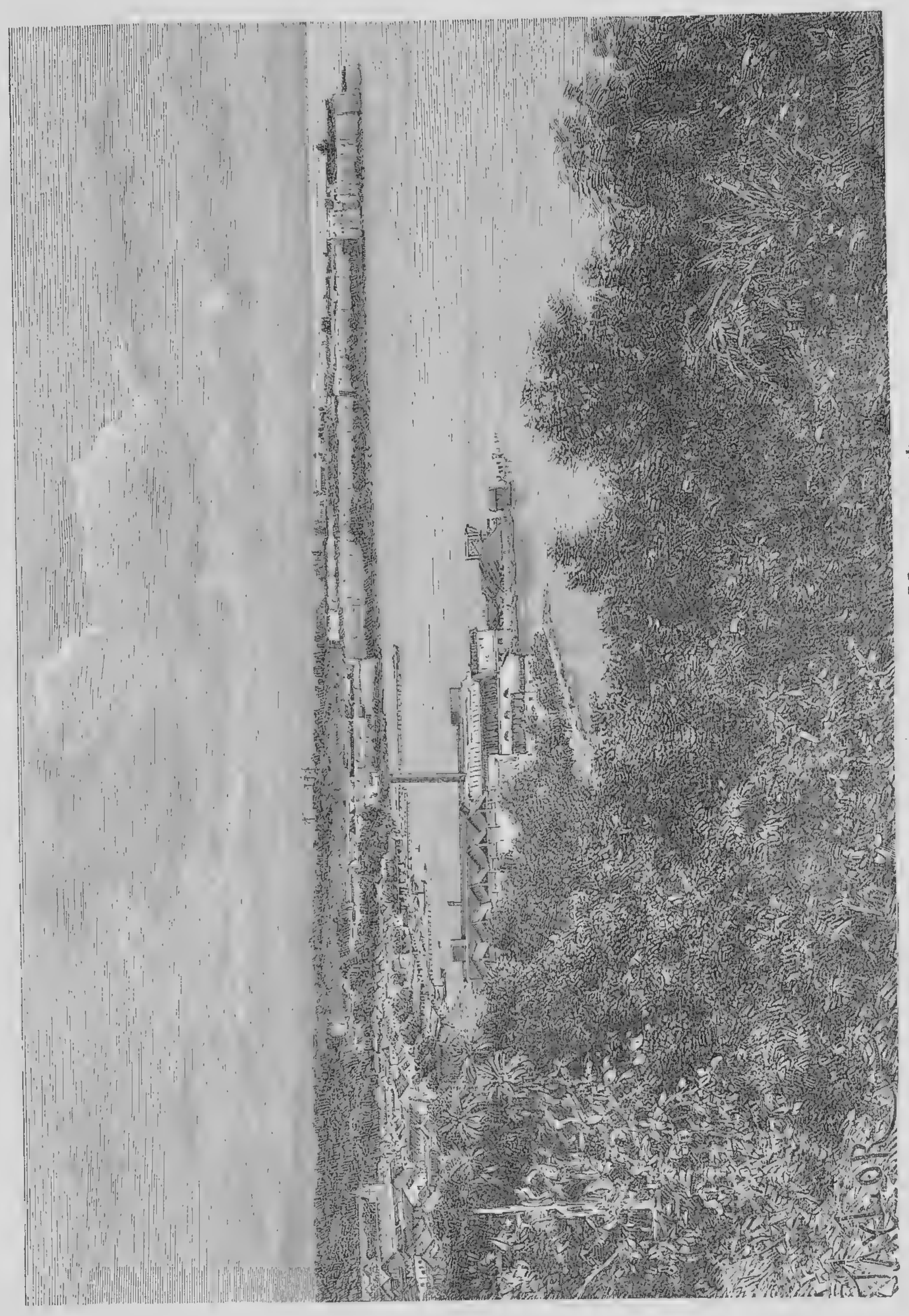
Глава XIV

Малые Антильскіе острова.

Общее обозрѣніе.

Подъ общимъ именемъ «Малыхъ Антильскихъ острововъ» обыкновенно понимаютъ всѣ островныя земли Караибскаго моря, за исключеніемъ Кубы, Ямайки, Гаити и Порто-Рико; что же касается острововъ, лежащихъ въ близкомъ разстояніи отъ береговъ Венецуэлы, включая сюда большой островъ Тринидадъ и сосѣдній съ нимъ Тобаго, то они, по своему расположенію, рельефу и свойству горнокаменныхъ породъ, слишкомъ связаны съ побережьемъ Южной Америки, чтобы ихъ разсматривать отдѣльно отъ континента, съ которымъ они составляютъ одно географическое цѣлое. Названіе Малыхъ Антильскихъ острововъ должно быть присвоено только той цѣпи ихъ, которая изгибается красивою дугою съ сѣвера на югъ, начинаясь островомъ Сомбреро и оканчиваясь Гренадою и Барбадосомъ. Къ нимъ слѣдуетъ еще присоединить островки Авесъ, или Птичьи, лежащіе въ открытомъ Антильскомъ морѣ, внутри ограды, которую образуетъ цѣпь острововъ, омываемыхъ съ восточной стороны волнами Атлантическаго океана, но на линіи параллельныхъ подводныхъ пьедесталовъ, которые, въ случаѣ выступленія наружу морскаго ложа, преврати-

лись бы во вторую Микро-Антилію. Англійскіе администраторы, истолковывая въ превратномъ смыслѣ описанія моряковъ, стали называть сѣверные Малые Антильскіе острова, включая сюда Дѣвичьи острова и до Доминики,—*Leeward-islands*, т. е. «Подвѣтренными Островами», а южные Антильскіе острова, отъ Мартиники до Тринидада,—*Windward-islands*, или «Навѣтренными Островами»; но эти наименованія невѣрны, такъ какъ всѣ острова, лежащіе на внѣшнемъ порогѣ Антильскаго моря, одинаково выставлены дѣйствію пассатныхъ вѣтровъ: они (наименованія) имѣютъ только административное значеніе съ англійской колоніальной точки зрѣнія, но не имѣютъ никакого географическаго смысла. Вопреки этому дѣленію, Гваделупа и Мартиника принадлежатъ несомнѣнно къ одной и

Фортъ-де-Франсъ на Мартиникѣ.

той же островной цѣпи. Въ своей совокупности Малые Антильскіе острова, отъ Сомбреро до Гренады, вмѣстѣ съ Барбадосомъ, но безъ острова Авесъ, занимаютъ пространство въ 6.400 слишкомъ километровъ, съ населеніемъ около 800.000 человѣкъ, что представляетъ для Новаго Свѣта исключительно большую километрическую плотность. Необитаемая группа Птичьихъ островов, имѣющая важное значеніе по своимъ богатымъ залежамъ гуано, была въ 1856 году объявлена венецуэльскимъ владѣніемъ.

Малые Антильскіе острова, по направленію съ сѣвера на югъ, безъ группы Авесъ:

	Поверхность въ кв. кил.	Жителей въ 1890 году.	Километрич. плотность.
Сомбреро, Ангуилла, и т. д.	91	3.200	35
Сентъ - Кристофъ (Сентъ-Киттсъ)	176	30.150	171
Сентъ-Мартинъ	99	6.760	68
Сентъ-Бартелеми	$21{,}5$	2.650	123
Саба	13	2.500	193
Сентъ-Эвстатіусъ (Св. Евстафія)	21	2.350	112
Невисъ (Ніевесъ) и Редонда	118	11.860	101
Монсерратъ	83	11.680	141
Барбуда (большое имѣніе)	194	800	4
Антигуа	279	33.500	120
Гваделупа (безъ причисляемыхъ къ ней островковъ)	1.513	135.650	89
Дезирада	27	1.400	50
Мари-Галантъ	163	13.850	85
Острова Святыхъ	14	1.900	136
Доминика	754	30.000	40
Мартиника	987	177.000	178
Санта-Люсія	614	45.000	73
Санъ-Винцентъ и Беквіа	381	48.000	126
Гренадины	86	7.000	81
Гренада	344	44.000	128
Барбадосъ	430	183.000	426

Политическое распредѣленіе Малыхъ Антильскихъ островов:

ОСТРОВА:	Кв. кил.	Жителей.	Жит. на 1 кв. килом.
Англійскіе	3.550	448.190	$126{,}2$
Французскіе	2.777	335.950	121
Голландскіе	81	8.210	$101{,}3$
Итого	6.408	791.260	$123{,}5$

Съ политической точки зрѣнія эти острова распредѣлены крайне неравномѣрно. Два самыхъ большихъ, Гваделупа и Мартиника, съ зависимыми отъ нихъ островами, составляютъ французскія колоніи, но они не образуютъ даже отдѣльной группы, такъ какъ ихъ раздѣляетъ англійскій островъ Доминика. Британскіе Антильскіе острова, болѣе многочисленные и занимающіе въ совокупности болѣе обширное пространство, чѣмъ французскіе, образуютъ двѣ главныхъ группы на сѣверѣ и на югѣ цѣпи; Доминика, который, по своему центральному положенію, между двумя французскими островами, является важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ Малыхъ Антильскихъ островов, составляетъ также англійское владѣніе. Наконецъ, голландскія земли образуютъ небольшую группу на сѣверо-западѣ, противъ Дѣвичьихъ островов.

Система Малыхъ Антильскихъ островов не составляетъ одной цѣпи: она состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ рядовъ. Главный рядъ—тотъ, который направляется отъ островов Саба и св. Евстафія до Гренады, образуя кривую почти въ 600 километровъ: Сентъ-Кристофъ и Невисъ могутъ служить примѣромъ этой общей оріентаціи островов западнаго ряда. Другой рядъ, почти такой же длины, идетъ отъ Сомбреро къ Барбадосу; онъ не закругляется въ видѣ дуги круга, какъ первый, а напротивъ, орьентированъ точно по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, касаясь выпуклости внутренней цѣпи: такимъ образомъ Гваделупа составляетъ какъ бы двойной островъ, принадлежащій своими двумя половинами обоимъ рядамъ Антильскихъ островов. Третій рядъ, едва, впрочемъ, намѣченный, образуютъ острова Авесъ и сосѣднія мели.

Главная цѣпь Антильскихъ островов состоитъ изъ элиптическихъ островов, простирающихъ свою ось сообразно главному направленію всего архипелага. Каждый островъ имѣетъ свой горный хребетъ, оріентированный тоже по линіи общей кривой. Самыя высокія горы находятся на трехъ центральныхъ островахъ—Гваделупѣ, Доминикѣ и Мартиникѣ, но всѣ острова этой цѣпи очень высоки относительно малаго протяженія ихъ поверхности: нѣкоторые островки возвышаются надъ волнами конусами, въ нѣсколько сотъ метровъ. При первомъ взглядѣ на эти крутые питоны, выступающіе изъ моря, можно тотчасъ же узнать ихъ эруптивное происхожденіе. Горы Малыхъ Антильскихъ островов состоятъ изъ порфира и лавы: онѣ возникли, очевидно, на подводной трещинѣ и постепенно поднялись надъ волнами; нѣкоторыя изъ этихъ грудъ увеличиваются еще до сихъ поръ отъ новыхъ изверженій. Что касается внѣшней цѣпи, отъ Сомбреро до Барбадоса, то она не вулканическаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, огненныя породы, поднимаемыя со дна моря, достигли поверхности лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ; пьедесталъ подводнаго нагорья покрытъ известковыми наслоеніями океаническаго происхожденія. Нигдѣ контрастъ не обнаруживается болѣе разительно, чѣмъ на двойномъ островѣ Гваделупѣ: одна его половина—высокая, усѣяна горами, исполосована лавами, изобилуетъ текущими водами; другая—низменная, или чуть-чуть холмистая, изрѣзана разсѣлинами, изрыта пещерами, въ которыя низвергаются воды.

Если известковые острова покоятся на каменномъ грунтѣ, то съ другой стороны, вулканическіе острова не сплошь состоятъ изъ расплавленныхъ, потомъ охладившихся веществъ:

они тоже имѣютъ свою оторочку изъ океанскихъ отложеній. Вокругъ порфировыхъ или трахитовыхъ горъ прилегаютъ къ ихъ крутымъ скатамъ, до высоты болѣе 250 метровъ надъ уровнемъ моря, кучи сѣраго цемента, окрашеннаго въ красный или желтый цвѣта, заключающія въ себѣ каменныя глыбы, обрушившіяся съ верхнихъ склоновъ. Этотъ конгломератъ образовался подъ водой въ ту эпоху, когда уровень моря былъ выше относительно антильскихъ земель; поднятіе островов или пониженіе уровня водъ вызвало выступленіе наружу этихъ морскихъ образованій, которыя отлагались у подошвы вулкановъ. Если это движеніе продолжится, то современемъ выдвинутся на поверхность новыя банки рифовъ или *cayes*, которыя нынѣ опоясываютъ подводный пьедесталъ островов, главнымъ образомъ на сторонѣ, обращенной къ Атлантическому океану [1]). Составъ горнокаменной породы—одинъ и тотъ же, какъ въ подводныхъ рифахъ, такъ и въ утесахъ, поднявшихся надъ поверхностью океана; да и по наружному виду они разнятся очень мало; новѣйшія мадрепоровыя скалы отличаются меньшею плотностью и болѣе блѣднымъ желтымъ цвѣтомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ береговые конгломераты прерываются потоками лавы: такъ какъ обѣ эти формаціи современнаго происхожденія, то случается, что отрывки той или другой породы вкраплены въ толщу другихъ пластовъ.

Спеціальный климатъ Малыхъ Антильскихъ островов отличается лишь незначительными оттѣнками отъ климата Большихъ Антильскихъ островов. Между двумя склонами Малыхъ Антильскихъ островов контрасты болѣе разительны, чѣмъ между двумя оконечностями Американскаго Средиземнаго моря. Вслѣдствіе расположенія восточныхъ островов по меридіану, между двумя берегами существуетъ рѣзкая противоположность, такъ какъ одинъ изъ нихъ обращенъ къ вѣтру и зыби Атлантическаго океана, а другой омывается тихими, хорошо защищенными водами Карaибскаго моря: одна сторона острова называется «Высокой Землей», другая—«Низменной Землей». Это различіе климата имѣло слѣдствіемъ большіе контрасты въ плотности населенія, въ мѣстной промышленности и торговлѣ: порты нельзя было строить на навѣтренной сторонѣ, и приходилось выбирать или бухты и бухточки «низменнаго берега», или по крайней мѣрѣ такіе входящіе углы противоположнаго берега, которые хорошо защищены полуостровами. Гористый характеръ вулканическихъ островов увеличиваетъ до безконечности различіе климата, въ зависимости отъ высоты той или другой мѣстности надъ морскимъ уровнемъ и ея расположенія: по крайней мѣрѣ жители имѣютъ, въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ своихъ знойныхъ пляжей, долинки или мысы съ умѣренной температурой, представляющіе болѣе здоровыя метеорологическія условія: каждый островъ имѣетъ свою санаторію. Впрочемъ, въ различныхъ частяхъ островов годовая температура представляетъ лишь весьма незначительныя отклоненія: годовое колебаніе не превышаетъ двадцати градусовъ.

Температура Малыхъ Антильскихъ островов:

	Широта.	Средняя температура.	Самая низкая температура.	Самая высокая температура.	Разность.	Количество дождя.
Гваделупа (Пуантъ-а-Питръ)....	16°14'	25°,93	19°,38	38°,38	19°	1 м
Мартиника (Фортъ-де-Франсъ)...	14°36'	27°,1	17°,4	35°	17°,6	2 м,10
Барбадосъ (Бриджтаунъ)......	13°5'	25°,2	17°,8	31°	12°,2	1 м,54

Количество атмосферныхъ осадковъ на Малыхъ Антильскихъ островахъ варьируетъ еще гораздо больше, чѣмъ температура, въ зависимости отъ различія въ положеніи мѣстъ, такъ какъ ширмы, образуемыя холмами и горами, обыкновенно задерживаютъ дождевыя облака на одномъ изъ своихъ склоновъ. Дожди, слѣдовательно, обильнѣе на Высокихъ земляхъ, чѣмъ на Низкихъ; они увеличиваются также пропорціонально высотѣ мѣстности надъ морскимъ уровнемъ: въ этомъ отношеніи наблюдается правильная градація даже на такомъ островѣ, какъ Барбадосъ, гдѣ возвышенности имѣютъ лишь крайне незначительный рельефъ.

Дожди на Барбадосѣ, на различныхъ высотахъ надъ уровнемъ моря [1]):

Отъ	0	до	60	метровъ ...	1 м,119
»	60	»	120	» ...	1 м,169
»	120	»	180	» ...	1 м,321
»	180	»	240	» ...	1 м,500
»	240	»	300	» ...	1 м,152
»	300	»	347	» ...	1 м,178

Нельзя сказать, чтобы градъ представлялъ совершенно неизвѣстное явленіе на Малыхъ Антильскихъ островахъ, но во всякомъ случаѣ онъ выпадаетъ здѣсь еще гораздо рѣже, чѣмъ на Кубѣ: на Гваделупѣ выпаденіе града было констатировано только одинъ разъ, въ 1805 г.

Флора Малыхъ Антильскихъ островов, очень богатая сравнительно съ незначительнымъ пространствомъ ихъ и представляющая большое различіе даже на двухъ сосѣднихъ земляхъ, заключаетъ въ себѣ растительныя породы сѣвера, юга и запада; первоначальная флора

[1]) E. de Mont-Serrat;—Aug. Dollfus, „Archives de la Commission scientifique du Mexique". Tome II.

[1]) Rawson, „Report on the Rainfalls".

этихъ острововъ, какъ кажется, заключала въ себѣ даже растенія Стараго Свѣта ранѣе прибытія европейцевъ, привезшихъ впослѣдствіи и африканскихъ невольниковъ. Впрочемъ, ботаникамъ невозможно прослѣдить исторію различныхъ видовъ за нѣсколько вѣковъ: они расходятся въ мнѣніяхъ даже относительно культурныхъ растеній, продукты которыхъ имѣютъ значеніе въ мировой торговлѣ. Относительно нѣкоторыхъ видовъ сахарнаго тростника извѣстно, что они были ввезены на эти острова, но видъ, найденный первыми французами на Сентъ-Кристофѣ, Гваделупѣ, Мартиникѣ и Сентъ-Винцентѣ, всегда считался ими за туземное растеніе [1]).

О происхожденіи нѣкоторыхъ животныхъ видовъ тоже ведутся споры. Такъ, напримѣръ, существуютъ различныя предположенія о происхожденіи обезьяны, которая еще недавно жила въ лѣсахъ Барбуды: по мнѣнію Роберта Шомбургка [2]), это былъ американскій видъ, тогда какъ Фіельденъ [3]) видитъ въ ней, напротивъ, обезьяну Западной Африки, cercopithecus callitrichus, которую гвинейскіе торговцы ввели сюда съ первыхъ же лѣтъ колонизаціи и которая встрѣчается также на Сентъ-Кристофѣ, Невисѣ и Гренадѣ [4]). Каждый островъ имѣетъ свою специальную фауну: изъ 128 породъ птицъ, собранныхъ Оберомъ во время его двухлѣтняго путешествія, только 7 общи всѣмъ Малымъ Антильскимъ островамъ, а 52—представляютъ формы, существующія только на одной какой-нибудь землѣ. Океаническій островъ Барбуда, никогда не соединявшійся съ континентомъ, получилъ свою фауну и флору исключительно посредствомъ вѣтровъ, теченій, птицъ и человѣка. Но если Малые Антильскіе острова и пріобрѣли, особенно въ недавнюю эпоху, экзотическія породы, то, съ другой стороны, они утратили нѣкоторыхъ животныхъ, которыхъ еще застали здѣсь первые европейскіе колонисты. Большой голубь, нѣкогда очень распространенный на этихъ земляхъ, попадается теперь лишь въ видѣ ископаемаго: онъ покинулъ архипелагъ, переселившись на южно-американскій материкъ. По Дарвину, преобразовательное вліяніе среды обнаруживается главнымъ образомъ на европейскихъ породахъ бабочекъ, которыя сдѣлались на Антильскихъ островахъ безкрылыми животными: ихъ крылья, которыя отъ вѣтра обратились бы въ паруса, могли унести ихъ въ открытое море.

Естествоиспытатели, изучающіе моллюсковъ и низшіе организмы, могли бы привести тысячи примѣровъ странныхъ контрастовъ въ фаунѣ островов: иные виды, живущіе на отдаленныхъ одна отъ другой земляхъ, отсутствуютъ въ промежуточныхъ звеньяхъ островной цѣпи, какъ будто бы кольца, принадлежащія различнымъ періодамъ формаціи, соединялись прежде перешейками съ разными континентами. Существованіе этихъ отграниченныхъ энклавъ связано съ самыми трудными проблемами геологіи и естественной исторіи, и ученые высказывали по этому предмету различныя гипотезы, но ни одна изъ нихъ не была признана безспорной. Въ видѣ примѣра этихъ спеціальныхъ фаунъ указываютъ въ особенности на треугольно-головую змѣю (тригонокефалъ), или «куфію копьеголовую» (bothrops lanceolatus), которая живетъ исключительно на Мартиникѣ и на двухъ другихъ небольшихъ Антильскихъ островахъ. Эта ядовитая змѣя наводитъ ужасъ на туземцевъ и колонистовъ, такъ какъ она держится не только въ скрытыхъ мѣстахъ, но и вездѣ, гдѣ можетъ встрѣтиться съ человѣкомъ: она живетъ на нивахъ и въ болотахъ, на сахарныхъ плантаціяхъ, на берегахъ рѣкъ и въ лѣсахъ, словомъ всюду, отъ уровня моря до высокихъ горъ, окруженныхъ облаками; она плаваетъ по водѣ и качается на деревьяхъ, подползаетъ къ городамъ, а въ деревняхъ нерѣдко проникаетъ въ самые дома, если они окружены кустарникомъ или высокою травою. Однако, смертность, причиняемая ея укусами, относительно не велика: на о. Санта-Люсія, при 45.000 населенія, насчитываютъ всего шесть или семь смертныхъ случаевъ [1]). Послѣ человѣка, главными врагами копьеголовой куфіи являются, во-первыхъ, большой ужъ стальнаго цвѣта, *coibo* или *coluber cursor*, затѣмъ—муравей, нападающій на ея глаза [2]), и наконецъ, мангуста, пожирающая змѣю цѣликомъ, вмѣстѣ съ зубами и жаломъ. Есть не менѣе восьми разновидностей этой страшной змѣи, разнящихся цвѣтомъ и расположеніемъ пятенъ; всѣхъ ихъ легко смѣшать съ окружающею средою—съ корнями, стволами, корой, гнилыми деревьями, покрывающими почву лѣса. Въ прошломъ столѣтіи существовали еще тригонокефалы длиной до трехъ метровъ; въ настоящее же время не видать даже такихъ, которые бы достигали двухъ метровъ, такъ какъ большимъ экземплярамъ труднѣе ускользать отъ преслѣдованія охотниковъ.

Во время прибытія испанцевъ населеніе Малыхъ Антильскихъ островов, исключительно караибское, по своему наружному виду, языку и нравамъ рѣзко отличалось отъ доб-

[1]) Labat, цитированное сочиненіе.
[2]) „History of Barbadoes".
[3]) „Nature", February 13, 1890.
[4]) Sclater, „Nature", February 20, 1890;—Ober „Camps in the Carribees".

[1]) Owen T. Bulkeley, „The Lesser Antilles".—Въ 1889 г. смертные случаи были болѣе многочисленны: насчитали 15 смертей, причиненныхъ ужаленіемъ этихъ змѣй. По словамъ Руфца де-Лавизовъ, копьеголовая куфія дѣлала ежегодно на Мартиникѣ до 50 жертвъ.
[2]) Labat, цитированное сочиненіе.

родушныхъ и мирныхъ индѣйцевъ, жившихъ на островѣ Эспаньола. Первые мореплаватели описываютъ этихъ микро-антильскихъ островитянъ, какъ людей гордыхъ, неукротимыхъ, храбрыхъ, не боявшихся опасности и похвалявшихся полученными ранами, но жестокихъ и безпощадныхъ въ отношеніи своихъ плѣнныхъ. Они были даже антропофагами, безъ сомнѣнія, по религіи, чтобы увеличить свое мужество, питаясь сердцемъ враговъ: первые европейцы, проникнувшіе въ ихъ жилища, пришли въ ужасъ при видѣ окровавленныхъ человѣческихъ членовъ, валявшихся на землѣ, и кусковъ человѣческаго мяса, висѣвшихъ на перекладинахъ подъ потолкомъ, или жарившихся на огнѣ. Однако, эти индѣйцы, страшные какъ враги, были вѣрными друзьями и самыми радушными хозяевами, которые ради гостепріимства охотно шли на смерть, лишь бы не нарушить своихъ обязанностей по отношенію къ гостямъ. Будучи такими же отважными моряками, какъ и храбрыми воинами, они пускались на своихъ пирогахъ на сотни километровъ въ море и знали всѣ проливы, начиная съ побережья Южной Америки до береговъ Большихъ Антильскихъ островов: причаливая небольшими бандами, они нападали врасплохъ на селеніе какого-нибудь враждебнаго племени гватуайосовъ, называвшихся также инери или игнери, но принадлежавшихъ

Мартиниканка.

къ арауаканской расѣ, и уѣзжали, чаще всего нагруженные добычей; при этомъ они увозили съ собой молодыхъ людей, которыхъ предназначали для священной трапезы или для рабства, и женщинъ, которыхъ обращали въ служанокъ или въ наложницъ. Такимъ образомъ первобытная раса безпрестанно измѣнялась, начавъ то странное смѣшеніе кровей, которое въ концѣ концовъ привело къ тому, что негры самбосы Центральной Америки стали называться чисто индѣйскимъ именемъ «караибы».

Откуда пришли первые караибы, которые поселились на маленькихъ островахъ Антильскаго архипелага за одно или за два поколѣнія до прибытія европейцевъ? Въ нихъ видѣли ацтекскихъ колонистовъ, майя, квичуа или краснокожихъ Сѣверной Америки. Но преданія, а также родство языковъ и сходство нравовъ указываютъ на Южную Америку, особенно на Венецуэлу, Гвіаны, Бразилію. Караибы—или вѣрнѣе карибы, какъ ихъ называютъ испанцы, ихъ первые европейскіе гости,—родственны гвіанскимъ галиби и тѣмъ индѣйцамъ, которыхъ Эренрейхъ не такъ давно посѣтилъ на берегахъ р. Ксингу [1]. Названіе караибской націи объяснялось различно: Кари-аиба есть собирательное имя, примѣняемое самими индѣйцами, но не въ этнографическомъ смыслѣ; оно обозначало «злыхъ людей, пиратовъ, людоѣдовъ» [2]. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что караибы Антильскихъ острововъ въ концѣ концовъ стали употреблять это названіе въ благородномъ смыслѣ, примѣняя его къ бѣлымъ, въ которыхъ они признавали людей, одаренныхъ высшими умственными способностями. Америго-Веспуччи опредѣленно говоритъ, что туземцы побережья Паріа называли испанскихъ мореплавателей «Карабами», желая этимъ словомъ превознести образованность этихъ иностранцевъ. По словамъ древнихъ писателей, французовъ и португальцевъ тоже называли «караиббами или карибами» [3].

Извѣстно, что караибскія женщины Антильскихъ острововъ изъяснялись на особомъ языкѣ, значительно отличавшемся отъ языка мужчинъ. Изысканія Люсьена Адама установили, что мужской говоръ состоялъ первоначально изъ языка галиби-завоевателей, которые завладѣли островами и пробрались до Гаити. Женскій говоръ, напротивъ, есть коренной арауакскій идіомъ, языкъ туземцевъ, которыхъ побѣдили галиби, при чемъ мужчины убивались ими, а женщины уводились въ плѣнъ. Общихъ словъ весьма немного, а если они и попадаются, то относятся почти исключительно, одни—къ языку галиби, другія—къ арауакскому; однако этотъ послѣдній языкъ, женскій, былъ болѣе распространенъ и, въ концѣ концовъ, онъ взялъ перевѣсъ надъ мужскимъ; это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что воспитаніе дѣтей находилось въ рукахъ женщинъ, а во-вторыхъ,—и это главное—большимъ богатствомъ и развитіемъ арауакскаго языка [1].

Какъ караибы истребили арауаковъ, такъ европейцы, испанцы, французы и англичане, истребили, въ свою очередь, караибовъ. Исторія каждаго острова, особенно Мартиники, Доминики и Сентъ-Винцента, является хроникою рѣзни туземцевъ, и теперь осталось лишь небольшое число караибовъ смѣшанной крови, живущихъ на этихъ трехъ островахъ, въ уединенныхъ горныхъ долинахъ. На Доминикѣ уцѣлѣло тридцать семействъ туземцевъ [2]; въ 1881 г. на Сентъ-Винцентѣ среди его жителей находилось 192 человѣка, называвшихъ себя караибами; они занимались самымъ опаснымъ на островѣ промысломъ—нагрузкой сахара на восточномъ берегу, среди зыби, непрестанно разбивающейся на пляжахъ.

Истребители индѣйцевъ, бѣлые, тоже убываютъ на этихъ островахъ, несмотря на то, что ихъ никто не преслѣдуетъ, никто не истребляетъ. Нѣкоторые статистики приписывали эту убыль европейцевъ вліянію роковаго закона природы,—невозможности бѣлой расы акклиматизироваться на почвѣ Антильскихъ острововъ. Извѣстно, что въ періодъ колонизаціи бѣлыхъ приростъ европейскаго населенія на Антильскихъ островахъ обусловливался постоянно добровольною или вынужденною иммиграціею, такъ какъ большинство колонистовъ были не свободными «жителями», а «наемниками» или, лучше сказать, временными рабами. Эпидеміи производили частыя опустошенія: въ ту эпоху, когда основанныя уже колоніи находились на пути мирнаго развитія, смертность бѣлыхъ зачастую превосходила рождаемость, особенно во время эпидемій желтой лихорадки. Средняя смертность при заболѣваніяхъ желтою лихорадкою на Мартиникѣ съ 1802 г. по 1869 г.: 232 на тысячу (Béranger Feraud). Въ общемъ нормальнымъ явленіемъ была убыль, а не прибыль въ населеніи: расѣ угрожало, повидимому, исчезновеніе отъ медленнаго, но неумолимаго дѣйствія природы.

Однако, нѣтъ недостатка и въ указаніяхъ, которыя опровергаютъ этотъ мнимый законъ вымиранія и доказываютъ, что сѣверный человѣкъ можетъ вполнѣ акклиматизироваться, поставивъ себя въ благопріятныя условія и благоразумно урегулировавъ свой образъ жиз-

[1]) „Congrès des Américanistes“. Paris. 1890.
[2]) Von Martius, „Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerika's“.
[3]) P. Margry, „Bulletin de la Société de Géographie“. 1857.

[1]) Lucien Adam, „Du parler des hommes et du parler des femmes dans la langue Caraibe“. Paris 1879.
[2]) J. A. Froude, „The Enhlish in the West-Indies“.

ни. Что касается испанцевъ и канарійцевъ, то въ ихъ акклиматизаціи не можетъ быть никакого сомнѣнія, о чемъ свидѣтельствуетъ быстрое возрастаніе бѣлаго населенія на Пуэрто-Рико; даже сѣверяне, и тѣ вполнѣ освоиваются съ климатомъ: можно указать на множество семей сѣвернаго происхожденія, какъ-то сѣверныхъ французовъ, голландцевъ, англичанъ, шотландцевъ, которые пользуются на островахъ благоденствіемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и отличаются цвѣтущимъ здоровьемъ, физическою силою, рѣдкою красотой и блестящими умственными способностями. При полномъ ознакомленіи съ гигіеной, при облегченіи путешествій и перемѣщенія изъ страны въ страну, наконецъ, при основаніи санаторій на различныхъ высотахъ острововъ, можно надѣяться, что акклиматизація европейцевъ на Антильскихъ островахъ окончательно будетъ упрочена.

Причины уменьшенія числа европейцевъ на Малыхъ Антильскихъ островахъ,—тѣмъ болѣе удивительнаго, что оно совпадаетъ съ быстрымъ возрастаніемъ населенія африканскаго происхожденія,—имѣютъ скорѣе экономическій и моральный характеръ, чѣмъ матеріальный. Во времена рабства, когда вся страна была раздѣлена на крупныя владѣнія, землевладѣльцы находились въ привилегированномъ положеніи хозяевъ, высшихъ существъ, принадлежащихъ, такъ сказать, къ особому человѣчеству. Но когда негры получили свободу, особенно когда многіе изъ нихъ стали достаточными людьми или даже богачами, когда образованіе уничтожило разницу между сыновьями прежнихъ господъ и дѣтьми ихъ рабовъ, и негръ, сильный сознаніемъ своихъ человѣческихъ правъ и политическаго равенства, потребовалъ себѣ мѣсто на-ряду съ европейцами въ совѣтахъ, общественныхъ церемоніяхъ и народныхъ празднествахъ, тогда наслѣдники тѣхъ, которые составляли прежнюю аристократію, возненавидѣли эту землю, гдѣ вчерашніе рабы дерзко считаютъ себя равными съ ними: сплошь и рядомъ они бросаютъ эту ненавистную землю безъ сожалѣнія и эмигрируютъ безъ намѣренія когда-либо возвратиться. Съ другой стороны, тѣ бѣлые изъ «мелкихъ людей», которые занимали второстепенныя должности на плантаціяхъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ и которые, благодаря цвѣту кожи, могли бы устранить всякую конкурренцію негровъ и мулатовъ, были отстранены: ихъ мѣста были уже заняты. Чиновничество, столь же многочисленное на англійскихъ Антильскихъ островахъ, какъ и въ колоніяхъ другихъ націй, состоитъ въ большинствѣ изъ цвѣтныхъ людей. Нѣкоторые округа совсѣмъ покинуты бѣлыми, которые не желаютъ находиться въ подчиненіи у сыновъ своихъ прежнихъ рабовъ [1]). Говорятъ также, что обычай добровольнаго ограниченія семей, столь распространенный во Франціи, начинаетъ прививаться и на французскихъ Антильскихъ островахъ [2]). Доля европейцевъ, которые въ борьбѣ за существованіе отступили передъ неграми съ половины XIX ст., составляетъ, вѣроятно, болѣе четверти; впрочемъ, опредѣленныя цифры въ этомъ отношеніи дать невозможно, такъ какъ оффиціальныя переписи на нѣкоторыхъ островахъ, между прочимъ, и во французскихъ колоніяхъ, не указываютъ болѣе различія жителей по цвѣту кожи, признаку, теперь уже трудно опредѣлимому.

Хотя на Малыхъ Антильскихъ островахъ не дѣлалось еще никакой попытки къ пріобрѣтенію политической независимости, однако, этнологическая побѣда чернаго населенія въ этихъ островныхъ садахъ обезпечена не менѣе, чѣмъ на Ямайкѣ и Гаити. Впрочемъ, чернокожіе креолы Антильскихъ острововъ не принадлежатъ болѣе къ африканскому племени; какъ по крови, такъ и по языку и нравамъ они столь же сыны Европы, какъ и «африканскаго» материка. Смѣшеніе двухъ расъ происходило все тѣснѣе и тѣснѣе, несмотря на прежнее различіе жизненныхъ условій, несмотря на первоначальное отвращеніе хозяевъ къ рабамъ. Строгіе законы, запрещавшіе прежде какое бы то ни было смѣшеніе между бѣлыми и черными, не могли быть соблюдаемы въ странѣ, гдѣ сами судьи должны бы были очутиться на скамьѣ подсудимыхъ; процессы, въ большинствѣ случаевъ, были не что иное, какъ пустая формальность [3]). Эти законы не препятствовали бѣлымъ, неграмъ и караибамъ смѣшиваться съ мулатами и капрами, гриффами и квартеронами. Въ настоящее время островное населеніе представляетъ самые разнообразные оттѣнки кожи, начиная съ матово-бѣлаго до блестяще-чернаго, но преобладаетъ коричневатый, красный бронзовый и даже свѣтло-золотистый цвѣтъ. И такія скрещиванія не повели расы къ упадку: креолы смѣшанной крови, особенно жители Мартиники и Доминики, могутъ назваться красивѣйшими изъ всѣхъ антильцевъ [4]). Какая стройность и гибкость тѣла, какая грація движеній, какая живость взгляда, какая чарующая улыбка! Несмотря на свое запоздалое вступленіе въ кругъ современной цивилизаціи, цвѣтнокожіе креолы сумѣли занять въ немъ видное мѣсто, принявъ дѣятельное участіе въ работѣ

---

[1]) Froude, „The English in the West-Indies".
[2]) Molinari, „A. Panama".
[3]) Labat, цитированное сочиненіе.
[4]) Lafcadio Hearn, „Two Years in the French West-Indies".

искусства и мысли, въ соціальныхъ и политическихъ движеніяхъ современной эволюціи.

Лишившись своихъ невольниковъ по законамъ своихъ метрополій, плантаторы постарались продлить рабство въ болѣе мягкихъ формахъ, для того чтобы сохранить своихъ работниковъ, если не въ качествѣ рабовъ, то, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ «учениковъ»; но этотъ промежуточный періодъ, въ свою очередь, кончился, и бывшіе невольники стали или служащими на жалованьѣ работниками, или даже свободными земледѣльцами. Крупные землевладѣльцы замѣнили сначала освобожденныхъ негровъ черными «наемниками», которыхъ они привозили изъ Африки, но это былъ тотъ же невольничій торгъ, только замаскированный, и общественное мнѣніе, какъ на островахъ, такъ и въ метрополіи, возстало противъ этой новой формы негроторговли, и она была запрещена. Вмѣсто негровъ стали выписывать индусовъ, большею частью британскихъ подданныхъ, которые въ силу этого пользуются покровительствомъ англійскаго правительства. Оттого содержащіяся въ договорахъ найма условія въ пользу нанимаемыхъ индійскихъ кули соблюдались гораздо строже, чѣмъ контракты, заключавшіеся прежде съ неграми; представителемъ интересовъ наемниковъ служитъ особый «протекторъ», на обязанности котораго лежитъ по крайней мѣрѣ каждую четверть года являться на плантаціи и выслушивать жалобы рабочихъ, если таковыя имѣются. Впрочемъ, за послѣднее время привозъ кули значительно уменьшился, и по цѣлымъ годамъ на Малыхъ Антильскихъ островахъ не бываетъ ни одного новаго эмигранта изъ Индіи: мѣстное населеніе теперь уже довольно плотное, и раздѣленіе жителей по роду занятій настолько правильно, что землевладѣльцы вполнѣ могутъ поддерживать культуру своихъ плантацій, не призывая иностранцевъ. Индусскіе кули, продолжающіе жить въ краѣ, въ количествѣ около сорока тысячъ человѣкъ, занимаются большею частью мелкой торговлей и очень медленно сливаются съ остальнымъ населеніемъ; впрочемъ, они еще не имѣютъ опредѣленной національности. Въ переписяхъ они перечисляются отдѣльно— доказательство, что на нихъ все еще смотрятъ какъ на иноземцевъ, но несомнѣнно, что со временемъ, подобно всѣмъ прочимъ этническимъ элементамъ Антильскихъ острововъ, и они войдутъ въ тотъ же круговоротъ, слившись въ одно цѣлое со всѣмъ остальнымъ народомъ.

Какъ и во времена невольничества, главнымъ промысломъ на Малыхъ Антильскихъ островахъ служитъ культура растеній, дающихъ такъ называемые «колоніальные» товары; но въ зависимости отъ соціальныхъ и политическихъ переворотовъ, колебаній торговли, измѣненій тарифа, промыселъ этотъ часто подвергался колебаніямъ на различныхъ островахъ, и жизненные центры производства много разъ перемѣщались. Тѣмъ не менѣе, главной культурой остается по-прежнему культура сахарнаго тростника: капиталъ, употребленный въ этой отрасли промышленности, исчисляютъ въ 1.250 милліоновъ франковъ. Гваделупа, Мартиника, Барбада производятъ въ настоящее время сахару даже больше, чѣмъ сколько производили въ урожайные годы прежняго режима. Кофейное дерево, дававшее нѣкогда Мартиникѣ высоко цѣнимые продукты, въ настоящее время не составляетъ главной культуры ни на одномъ изъ острововъ, тогда какъ какаовое дерево заняло первое мѣсто на плантаціяхъ Гренады. На Монтсерратѣ и Доминикѣ занимаются приготовленіемъ лимоннаго сока. Сентъ-Винцентъ производитъ главнымъ образомъ крахмалъ, а на большинствѣ англійскихъ острововъ возрастающій промыселъ — сборъ банановъ, апельсиновъ, кокосовыхъ орѣховъ, колы и другихъ плодовъ. Въ совокупности продукты земледѣльческой культуры Малыхъ Антильскихъ острововъ представляютъ годовую цѣнность почти въ 200 милліоновъ франковъ и вызываютъ движеніе торговаго судоходства, достигающее, по приходу судовъ, 2 милліоновъ тоннъ.

II. Острова и островки.

Сомбреро, острова Договъ, Ангилья.

Самый сѣверный изъ Малыхъ Антильскихъ острововъ, Сомбреро, кажется издали сѣроватой «шапкой», плавающей на морѣ. Это не болѣе, какъ скала, которую считали не имѣющей никакой цѣны до того дня, когда американскіе промышленники явились сюда для эксплоатаціи гуано, лежащаго на пластахъ фосфорно-кислой извести, продукта еще болѣе цѣннаго, чѣмъ гуано, въ качествѣ удобрительнаго матеріала. Великобританія не могла поступиться такимъ цѣннымъ островомъ, и послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ добилась того, что Сомбреро былъ ей возвращенъ, хотя уже значительно оскудѣвшимъ, благодаря американскимъ каменоломамъ.

Другіе острова, сгруппировавшіеся на сѣверной оконечности Мало-Антильскаго архипелега, тоже принадлежатъ Англіи: это — острова Договъ или «Собакъ», называемые такъ потому, что они похожи на стаю гончихъ, какъ бы несущихся по волнамъ, и Ангилья, или «Угорь», обязанный этимъ названіемъ, по всей вѣроятности, своей удлиненной, немного змѣинообразной формѣ; впрочемъ, Геррера обозначаетъ его именемъ Агуила. Англичане иногда называютъ его «Змѣинымъ островомъ»,

Snake-island: сѣверо-восточнымъ его продолженіемъ служитъ островокъ Ангилетта. Обвѣваемыя постоянно пассатнымъ вѣтромъ, эти низменныя земли представляютъ очень здоровую мѣстность, и населеніе ихъ, состоящее почти исключительно изъ негровъ, благоденствуетъ. Главный промыселъ—разведеніе лошадокъ, которыя пасутся на соляныхъ пастбищахъ побережья; жители вывозятъ также соль и фосфоритъ; кромѣ того, продаютъ табакъ, маисъ и скотъ флотскимъ поставщикамъ на датскомъ островѣ Сентъ-Томасъ (святаго Ѳомы).

Островъ Сентъ-Мартинъ (св. Мартина).

Этотъ островъ слѣдуетъ за англійскимъ о. Ангилья и лежитъ на томъ же подводномъ цоколѣ, потому что глубина воды между этими двумя островами не превышаетъ 25—30 метровъ. Сентъ-Мартинъ не походитъ на Ангилью: это—островъ возвышенный, высшая точка котораго, гора Парадисъ, лежащая въ сѣверной части острова, поднимается на 585 метровъ; другія горы (mornes) слѣдуютъ за первой въ южномъ направленіи, но къ западу отъ главнаго корпуса этой гористой страны выступаетъ полуостровъ Терръ-Бассъ (Низменныхъ земель), расположенный въ видѣ бухты и соединяющійся съ самымъ островомъ двумя криволинейными пляжами, обращенными вогнутой стороной къ открытому морю; между этими двумя песчаными кордонами залегаетъ глубокая лагуна Симпсонъ. Другіе, менѣе обширные пруды окаймляютъ берега на сѣверо-западной, восточной и южной сторонѣ и проникаютъ дальше въ долины. Сентъ-Мартинъ, единственный изъ всѣхъ Антильскихъ острововъ, раздѣляется въ политическомъ отношеніи на двѣ части: сѣверная его часть, заключающая почти двѣ трети всей поверхности, составляетъ владѣніе Франціи, а южная принадлежитъ Голландіи. До сихъ поръ еще показываютъ то мѣсто, гдѣ въ 1648 г. произошелъ дружественный договоръ о раздѣлѣ острова между колонистами, говорящими на двухъ разныхъ языкахъ: это—вершина горы, возвышающейся недалеко отъ Мариго и извѣстной подъ названіемъ «горы Соглашенія». Въ продолженіе двухъ съ половиной вѣковъ мирный договоръ всегда соблюдался, если не считать того, что на островъ пустили новыхъ иммигрантовъ, англичанъ, которые, водворившись здѣсь, имѣютъ теперь численный перевѣсъ.

Пространство и населеніе Сентъ-Мартина въ 1880 г.: Французская часть—52 кв. кил., 3.500 жит., Голландская часть—47 кв. кил.; 3.360 жит.; итого—99 кв. кил., 6.860 жит.

Отдаленность Сентъ-Мартина отъ Гваделупы, его антильской метрополіи, удобство торговыхъ сношеній между обѣими частями острова, наконецъ, то обстоятельство, что жители не имѣли возможности, во время войны, ѣздить въ свою оффиціальную столицу,—все это доставило островитянамъ большую свободу торговли, почти полную административную автономію и, какъ результатъ всего этого, замѣчательное процвѣтаніе. Сентъ-Мартинъ издавна славился своею сахарною промышленностью, но въ настоящее время жители занимаются почти исключительно культурою хлѣбныхъ растеній и эксплоатацией солончаковъ. Одна франко-голландская компанія получила концессію на всѣ прибрежные солончаки, дающіе, въ среднемъ, около 360.000 гектолитровъ соли [1]).

Столица французской части Сентъ-Мартина, Мариго (Marigot), названа такъ потому, что расположена на берегу канала, соединявшаго нѣкогда ея бухту съ лагуной Симпсонъ: этотъ байусъ (marigot) обмелѣлъ, но бухта Мариго, хорошо защищенная отъ восточнаго вѣтра, все еще доступна для большихъ судовъ; существованіе порто-франко привлекаетъ кое-какую торговлю къ этому пункту, лежащему въ сторонѣ отъ главныхъ навигаціонныхъ путей. Голландскій городъ, Филипсбургъ, называемый также Флипсбургъ, тянется длинной улицей по узкому пляжу, между полу-круглой бухтой южнаго берега и обширнымъ солончакомъ: время отъ времени приходится прокапывать прибрежный валъ, чтобы возобновлять въ солончакахъ воды, подвергающіяся испаренію.

Островъ Сентъ-Бартелеми (св. Варѳоломея).

Маленькій островъ Сенъ-Бартелеми, называемый антильскими моряками Сентъ-Бартъ, занимаетъ южную оконечность банки, на которой лежатъ англійскій островъ Ангилья и франко-голландскій островъ Сентъ-Мартинъ: достаточно бы было самаго незначительнаго поднятія, именно въ 26 метровъ, чтобы всѣ эти отдѣльныя земли слились въ одинъ массивъ, который бы имѣлъ около 75 километровъ длины. Сенъ-Бартелеми, узкій островокъ, расположенный въ формѣ полумѣсяца, выпуклостью обращеннаго къ югу, въ ширину не имѣетъ даже 10 километровъ, а въ длину всего 21 километръ: самый высокій его холмъ, известковый массивъ, находящійся почти въ самомъ центрѣ острова, имѣетъ 302 метра высоты. Вокругъ береговъ разсѣяно десятка два скалъ, преимущественно на сѣверѣ и сѣверо-западѣ острова.

Столица носитъ шведское имя Фортъ-Густавъ или Густавія, такъ какъ Сенъ-Бартелеми, принадлежавшій съ 1647 до 1784 г. французамъ, перешелъ потомъ во владѣніе Швеціи, въ

[1]) A. Bouinais, „Guadeloupe“.

обмѣнъ за право имѣть складочное мѣсто въ Готеборгѣ и за нѣкоторыя политическія уступки. Въ 1877 г. онъ былъ снова выкупленъ Франціей, за 277.500 франковъ; къ тому же его населеніе, происходящее главнымъ образомъ отъ нормандскихъ колонистовъ, оставалось французскимъ по воспоминаніямъ, хотя и говорило на англійскомъ языкѣ, такъ что при вотированіи вопроса о присоединеніи острова къ Франціи изъ 351 голоса 350 высказались утвердительно. Портъ Густавія, называемый также Каренажъ (Киленбанкъ), лежитъ на западномъ берегу, за пассатнымъ вѣтромъ, защищенный, кромѣ того, банками и скалами отъ морскихъ волненій: суда, имѣющія 2—3 метра осадки, могутъ безопасно пользоваться этимъ портомъ.

Въ административномъ отношеніи Сентъ-Бартелеми составляетъ общину Гваделупы, но жители его освобождены отъ большей части налоговъ, которыми обложены резиденты большаго острова.

Островъ Барбуда.

Эта низменная земля составляетъ отдѣльный мірокъ, лежащій нѣсколько въ сторонѣ отъ правильной дуги другихъ Антильскихъ островковъ и въ болѣе глубокой части моря; окружающія его проливы имѣютъ болѣе 1.000 метровъ глубины, за исключеніемъ только южныхъ, смежныхъ съ островомъ Антигуа: оба эти острова расположены на одномъ общемъ плато, лежащемъ всего на глубинѣ 30—40 метровъ подъ водою. Хотя по своему пространству Барбуда занимаетъ среднее мѣсто между другими Малыми Антильскими островами, но въ экономическомъ отношеніи онъ имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ простые островки, какъ Невисъ или Дезирада. Его уединенное положеніе, отсутствіе хорошихъ портовъ и ограда изъ рифовъ, окружающая побережье, могли до нѣкоторой степени помѣшать заселенію, но съ другой стороны здоровый климатъ острова, выставленнаго вѣтру на всемъ своемъ протяженіи, и плодородіе почвы должны бы были привлекать сюда иммигрантовъ: на Барбудѣ найдется мѣсто для сотни тысячъ земледѣльцевъ. Онъ не былъ колонизованъ потому, что весь принадлежалъ въ продолженіе двухъ вѣковъ одному англійскому семейству, и никто не могъ пріобрѣсти тамъ ни клочка земли: владѣлецъ, такъ сказать, сдѣлалъ географическій пробѣлъ, такъ что этотъ островокъ зачастую даже забываютъ включать въ списокъ англійскихъ владѣній. Этому королевскому вассалу наслѣдовали два концессіонера, которымъ, какъ и ему, вмѣнялось въ обязанность высылать ежегодно тучную овцу губернатору Антигуа, въ знакъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ: теперь, вмѣсто овцы, они посылаютъ оленя. Это животное было привезено изъ Европы и теперь населяетъ лѣса, насажденные на островѣ [1]).

Барбуда, единственный изъ всѣхъ Малыхъ Антильскихъ островковъ, имѣетъ меньше негровъ, нежели бѣлыхъ, въ своемъ населеніи, которое, впрочемъ, не достигаетъ даже тысячи душъ.

Островъ Антигуа.

Этотъ островъ, слѣдующій за Барбудой въ южномъ направленіи, населенъ въ тридцать разъ больше; сто лѣтъ тому назадъ населеніе его было еще многочисленнѣе. Антигуа названъ такъ Колумбомъ, въ честь одной Вальядолидской церкви [2]), Санта-Марія-ла-Антигуа: отъ этого длиннаго названія удержалось только послѣднее слово. Какъ и другіе Антильскіе острова восточной цѣпи, Барбуда, Грандъ-Терръ-де-Гваделупа, Барбадосъ, это—островъ известковый и довольно низменный: самая высокая его гора (morne) не превышаетъ 271 метра; впрочемъ, юго-западные холмы его, съ крутыми обрывами, образуютъ нѣчто вродѣ недоступнаго редюита, въ которомъ жители могли бы укрыться въ случаѣ нападенія. Несомнѣнно, что въ образованіи этого острова принимали участіе вулканическія силы, такъ какъ портъ, называемый Инглишъ-Гарбуръ, есть не что иное, какъ группа кратеровъ, захваченныхъ водами. Но вся остальная часть Антигуа представляетъ плато изъ известковыхъ пластовъ, въ которомъ слои морскаго происхожденія чередуются съ пластами, осажденными прѣсными водами; это плато изобилуетъ самыми разнообразными ископаемыми, кораллами, а также животными и растительными организмами, превратившимися въ агаты. Подобно другимъ известковымъ островамъ, Антигуа страдаетъ недостаткомъ прѣсной воды; поэтому названіе Ямака, или «Струящійся», которое дали этому острову прежніе островитяне, нельзя иначе понимать, какъ въ ироническомъ смыслѣ [3]). Въ 1779 г. и въ 1789 г. цистерны оставались пустыми въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, такъ что скотъ погибалъ тысячами. Колонисты круглый годъ должны были собирать необходимую воду, которой не хватало даже для орошенія; въ настоящее время главный городъ и его сады имѣютъ резервуаръ, содержащій въ себѣ 2.500.000 литровъ воды. Говорятъ, что островъ Антигуа обязанъ своимъ здоровымъ климатомъ именно этому полному естественному дренажу.

Въ 1632 г. на этомъ Антильскомъ островѣ

---

[1]) Ober, „Camps in the Caribees Adventures of a Naturalist in the Lesser Antilles“.

[2]) Justo Zaragoza, „Las Insurrecciones de Cuba“.

[3]) Daniel Mac-Kinnen, „A Tour through the British West-Indies“.

поселились англійскіе колонисты, затѣмъ послѣ нихъ французскіе, но Бредскій договоръ 1666 г. обезпечилъ за Великобританіей владѣніе о. Антигуа, и съ тѣхъ поръ эта колонія не переставала принадлежать Англіи. Первая изъ всѣхъ англійскихъ земель, она отмѣнила у себя невольничество, въ 1834 г., не ожидая результатовъ предварительнаго опыта, но не надѣливъ землею освобожденныхъ негровъ, которые по большей части послѣ эмансипаціи покинули плантаціи, ища менѣе трудной работы. Вслѣдствіе экономическихъ перемѣнъ, а, можетъ-быть, также и отъ истощенія почвы производство сахара, составлявшее главную промышленность Антигуа, значительно уменьшилось, и въ настоящее время его думаютъ замѣнить, какъ и на Багамскихъ островахъ, культурою генекена. Антигуаскіе ананасы славятся на рынкахъ Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ. Почти вся торговля идетъ черезъ портъ Сентъ-Джонъ, расположенный на сѣверномъ берегу, на краю широкой бухты съ неудобнымъ входомъ, но въ которой суда 3—4-хъ метровой осадки находятъ хорошую якорную стоянку. Торговое движеніе въ Антигуа въ 1885 г.: 7.585.600 франковъ.

Другой портъ, Инглишъ-Гарбуръ, лежащій на южномъ берегу, гораздо лучше и болѣе защищенъ, но эта прекрасная гавань была нѣкогда военнымъ портомъ, окруженнымъ казармами и арсеналами: свободная торговля избѣгаетъ этого стѣснительнаго сосѣдства, и бассейнъ остается пустыннымъ.

Сентъ-Джонъ, имѣющій 19.000 жителей, главный городъ «президентства», въ составъ котораго входятъ также острова Барбуда и Редонда, есть столица всѣхъ Антильскихъ островов, сгруппированныхъ англичанами подъ общимъ названіемъ Leeward-islands, или «Подвѣтренныхъ», начиная отъ Дѣвичьихъ островов и до Доминики. Онъ служитъ, слѣдовательно, резиденціей губернатора, президента и разныхъ административныхъ учрежденій, а также исполнительнаго и законодательнаго совѣтовъ; члены перваго изъ этихъ совѣтовъ назначаются англійскимъ правительствомъ, а члены вторааго выбираются гражданами, имѣющими опредѣленный цензъ. Въ 1885 г. на Антигуа было всего 208 жителей, имѣющихъ право голоса на выборахъ, такъ что избирателей было меньше, чѣмъ должностныхъ лицъ.

Острова Саба и Сентъ-Эвстатіусъ (св. Евстахія).

Эти два острова, самые сѣверные во внутренней или вулканической цѣпи Малыхъ Антильскихъ островов, принадлежатъ Голландіи, но жители говорятъ здѣсь по-англійски, какъ и на всѣхъ другихъ островахъ этихъ водныхъ пространствъ, между Пуэрто-Рико и Гваделупой. Саба есть простой конусъ, не представляющій болѣе отверстія открытому очагу лавы, но все еще имѣющій видъ вулкана, особенно когда паръ, увлекаемый пассатнымъ вѣтромъ, обвивается вокругъ его вершины. Гора, круглая у основанія и высотою въ 858 метровъ, вздымаетъ со всѣхъ сторонъ свои крутые скаты надъ водами окружающаго моря; селеніе ютится, на высотѣ почти 180 метровъ надъ уровнемъ моря, на днѣ иззубреннаго кратера. Населеніе Сабы почти все шотландскаго происхожденія, занимается обработываніемъ земли на болѣе доступныхъ террасахъ и собираніемъ горной сѣры. Въ прежнее время оно промышляло выдѣлкою чулокъ и башмаковъ. Лабасъ, посѣтившій островъ въ 1701 г., говоритъ, что онъ никогда не видѣлъ такой «сапожнической страны» [1]). Островъ доступенъ для судовъ только съ одной южной стороны, гдѣ открывается небольшая песчаная бухта; на юго-западѣ подводное плато, на которомъ толща водной массы имѣетъ въ среднемъ 10—40 метровъ, занимаетъ площадь почти въ 3.000 квадратныхъ километровъ.

Островъ Сентъ-Евстатіусъ, или св. Евстахія, гораздо обширнѣе, но зато не такой высокій, какъ Саба: высочайшая его гора (morne), бывшая прежде отдѣльнымъ островомъ, имѣетъ 594 метр. Центральный кратеръ, какъ и многія другія вулканическія чаши, получилъ отъ англичанъ названіе Пунчъ-Боль, но эта «чаша» не наполнена болѣе лавою; ее цѣликомъ заполонила густая растительность. Маленькое мѣстечко Оранджтаунъ, главный городъ св. Евстафія, состоитъ изъ двухъ кварталовъ: одинъ расположенъ на мысу изъ лавы, другой раскинулся у основанія утеса, на берегу открытаго рейда, гдѣ покачиваются нѣсколько гребныхъ судовъ. Населеніе Сентъ-Евстатіуса, менѣе многочисленное, чѣмъ на Сабѣ, сгруппировано очень скученно по окружности своего островнаго вулкана; жители имѣютъ воду только въ цистернахъ; дождевая же вода вся исчезаетъ подъ вулканическимъ пепломъ.

Острова св. Евстахія и Саба въ административномъ отношеніи причислены къ Кюрасао, одному изъ голландскихъ островов Венецуэльскаго побережья.

Острова Сентъ-Кристофъ и Невисъ.

Островъ Сентъ-Кристофъ (св. Христофора), называемый его владѣльцами, англичанами, Сентъ-Киттсъ, былъ открытъ Христофоромъ Колумбомъ въ 1493 году; и великій мореплаватель, увидѣвшій его, однако, послѣ Дезирады, Доминики, Гваделупы, Антигуи, нашелъ

[1]) „Nouveau Voyage aux isles de l'Amérique";—Boyer Peyrebeau, „La Guadeloupe".

его столь прекраснымъ, что пожелалъ навсегда связать съ нимъ свое имя: это—единственный изъ Антильскихъ острововъ, который непосредственно напоминаетъ объ его открытіяхъ. Караибы называли островъ Ліамнигой, или «Плодороднымъ», но для нихъ именно это плодородіе островной почвы и было причиной гибели: Уарнеръ и его спутники-англичане, высадившіеся на Сентъ-Кристофѣ въ 1623 г., а также французскіе авантюристы, явившіеся подъ предводительствомъ нормандца д'Эснамбюкъ два года спустя, а не одновременно съ первыми, какъ это обыкновенно повторяютъ, совмѣстными усиліями напали на аборигеновъ этого острова, загнали ихъ внутрь страны, а затѣмъ и совсѣмъ истребили: воспоминаніемъ отъ этихъ аборигенахъ остался только одинъ «исчерченный надписями камень», іероглифы котораго такъ и остались неразобранными.

Какъ для англичанъ, такъ и для французовъ, Сентъ-Кристофъ является одинаково *mother colony*, «матерью Антильскихъ острововъ»: здѣсь были основаны ихъ первыя поселенія въ цѣпи Малыхъ Антильскихъ острововъ, и отсюда заселеніе стало распространяться по другимъ островамъ въ южномъ направленіи. Съ первыхъ же лѣтъ колонисты двухъ націй раздѣлили Сентъ-Кристофъ между собою, но довольно страннымъ образомъ, именно: англичане заняли средину, массивную часть острова, а французы взяли себѣ обѣ оконечности, Кабесъ-Терръ и Бассъ-Терръ; но салины, находящіяся на французской территоріи, принадлежали нераздѣльно обѣимъ націямъ, взамѣнъ чего французы могли пользоваться сѣрой съ вулкана, лежащаго на англійской землѣ. Англійскія и французскія владѣнія были разграничены живыми изгородями изъ кактуса, барьеромъ болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ палисады или валы. Въ 1629 году ихъ мирное существованіе было нарушено испанцами, но колонисты успѣли вскорѣ изгнать ихъ и снова зажили другъ съ другомъ въ мирѣ до того времени, когда ихъ правительствамъ вздумалось оспаривать господство на всѣхъ Малыхъ Антильскихъ островахъ. Сентъ-Кристофъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока не былъ окончательно уступленъ Великобританіи, по Версальскому договору, состоявшемуся въ 1788 году: въ прежней французской половинѣ острова и до сихъ поръ держатся названія мѣстностей, напоминающія объ языкѣ ихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Своею формою Сентъ-Кристофъ отличается отъ большинства другихъ Антильскихъ острововъ, береговая линія которыхъ представляетъ удлиненный овалъ. Сѣверная, болѣе обширная, часть этого острова, правда, образуетъ одинъ изъ такихъ овальныхъ массивовъ, но она продолжается къ югу въ видѣ длинной песчаной стрѣлки, какъ бы стремясь соединиться съ Невисомъ, и оканчивается круглымъ полуостровомъ, замыкающимъ окружностью своего пляжа соленый прудъ: на картѣ контуры Сентъ-Кристофа напоминаютъ гитару. Но все-таки сѣверная часть, въ которой находятся плантаціи и города, можетъ считаться настоящимъ островомъ, гдѣ зеленѣющія нивы и деревни тянутся по правильному склону вверхъ къ безплодной и сѣрой вершинѣ Мизери; эта гора, имѣющая 1.315 метровъ высоты, названа такъ (Misery—бѣда) не столько потому, что скрываетъ въ себѣ очагъ лавы, сколько вслѣдствіе частыхъ ливней, которые, разражаясь надъ горою, низвергаются въ ея лощины и заливаютъ плантаціи. Со времени освобожденія рабовъ она стала называться также маунтъ-Либерти, т. е. гора «Свободы»: нѣкогда моряки видѣли въ ней изображеніе «Св. Христофора», несущаго Младенца Іисуса. Кратеръ, глубиною около 300 метровъ, находится съ конца прошлаго столѣтія въ полномъ бездѣйствіи и въ дождливое время превращается въ озеро, которое окружаютъ капустныя пальмы и другія деревья; но на склонахъ горы сотнями бьютъ изъ земли фумароллы сѣрнистаго газа. На одномъ изъ побочныхъ конусовъ вулкана, на Бримстонъ-хилль, или «Сѣрномъ Холмѣ», находятся, на высотѣ 237 метровъ, укрѣпленія цитатели, которую называли прежде «Вестъ-Индскимъ Гибралтаромъ»; теперь она совершенно заброшена, какъ безполезная.

Столица Сентъ-Киттсъ, извѣстная также подъ французскимъ названіемъ Бассъ-Терръ, которое англійскіе жители произносятъ *Barr-Starr*, расположена у основанія «Обезьяньей горы», на бухтѣ западнаго побережья, т. е. на защищенной сторонѣ острова,—откуда и происходитъ названіе этого города. Онъ окруженъ садами и пальмовыми рощами, гдѣ успѣшно произрастаетъ недавно введенная здѣсь знаменитая *lodoïcea Seychellarum*, та пальма, которая даетъ «морскіе кокосы» и за исчезновеніе которой такъ опасались ботаники. Почти исключительной культурой Сентъ-Киттса является разведеніе сахарнаго тростника, продукты котораго, считающіеся «лучшими» на всѣхъ Антильскихъ островахъ, поддерживаютъ еще, несмотря на низкія цѣны, благосостояніе населенія. Но плантаторамъ приходится часто страдать отъ засухи, а иногда и отъ наводненій: въ 1880 г. дождевой потокъ, хлынувшій съ «Бѣды-горы», обрушился на городъ такою страшною лавиною воды и грязи, что были срыты сотни домовъ и вся низкая часть города была затоплена; всѣ тѣ, кто не успѣлъ во-время спастись на мысахъ, были унесены потопомъ: по скатамъ горъ неслись цѣлыя плантаціи, вмѣстѣ съ находящимися на нихъ жилищами. Земельная собственность на Сентъ-Кристофѣ не

раздѣлена: ни одинъ работникъ-негръ не имѣетъ своего поля; даже для постройки себѣ хижины онъ долженъ испрашивать дозволеніе у плантатора. На островѣ нѣтъ индусскихъ кули, но вся мелочная торговля находится въ рукахъ португальцевъ и азорцевъ [1]).

Испанское названіе острова Ньевесъ, данное Колумбомъ въ честь Божьей Матери «снѣговъ», измѣнено англичанами въ Невисъ, какъ бы въ воспоминаніе шотландской горы этого наименованія; это дѣйствительно величественная гора, вершина которой поднимается на 1.052 метра; по обѣ стороны ея возвышаются два второстепенныхъ питона. Невисъ составляетъ, собственно говоря, часть одного съ Сентъ-Кристофомъ островнаго корпуса; онъ отдѣленъ отъ него только проливомъ, загроможденнымъ рифами и имѣющимъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ 3 километра ширины, при 8 метрахъ глубины; большія суда не отваживаются заходить въ этотъ узкій проливъ. Гористая природа не даетъ возможности обрабатывать землю плугомъ; туземцы распахиваютъ ее лопатами, даже на сахарныхъ плантаціяхъ, и зачастую случается, что ихъ рабоа пропадаетъ ударомъ, такъ какъ проливные дожди размываютъ вспаханныя поля дотого, что землю снова приходится собирать со склоновъ. Въ XVII-мъ столѣтіи населеніе Невиса состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ бѣлыхъ, которые по-европейски обрабатывали землю верхнихъ долинъ, но скупка земель крупными землевладѣльцами вынудила ихъ эмигрировать. Невисскіе негры, болѣе свѣдущіе и предпріимчивые, чѣмъ негры большинства другихъ Антильскихъ островенъ, тоже охотно эмигрируютъ, вслѣдствіе чего является большой численный перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами; женщины снабжаютъ городъ продовольствіемъ и доставляютъ колоніальные товары, вывозимые съ острова. Чарлстаунъ, главный городъ, расположенный подъ вѣтромъ, славится своими цѣлебными теплыми источниками.

Торговое движеніе Сентъ-Кристофа и Невиса въ 1883 году: 11.451.385 франковъ.

Оба эти острова соединены съ Ангильей въ одно административное «президентство», управляемое такъ же, какъ и другія владѣнія Подвѣтренныхъ острововъ. Годовой бюджетъ превышаетъ милліонъ франковъ.

Островъ Монсерратъ.

Населенный островокъ Редонда, «Круглый», питонъ въ 182 метра высоты, выступающій изъ воды, продолжаетъ къ югу цѣпь подводныхъ вулкановъ; за нимъ вырисовывается зазубренная гора, Монсерратъ, названная такъ Христофоромъ Колумбомъ въ честь извѣстной Каталонской святыни. Самый высокій пикъ зубчатой сіерры вздымается на 915 метровъ, а одинъ изъ нихъ, «Сѣрная яма», извергаетъ горячія испаренія.

Какъ и другіе острова, Монсерратъ тоже долгое время былъ предметомъ спора между французами и англичанами. Въ настоящее время онъ, относительно своего пространства, считается самымъ населеннымъ и торговымъ островомъ изъ всѣхъ британскихъ Антильскихъ владѣній; его плантаторы, болѣе предпріимчивые, чѣмъ землевладѣльцы большинства сосѣднихъ земель, не ограничиваются культурой одного сахарнаго тростника и приготовленіемъ изъ него сахара и рома; съ 1852 г. они развели большія лимонныя плантаціи, и съ этого-то острова получается почти вся лимонная кислота и сокъ, потребляемые въ Англіи.

Столица Монсеррата, Плимутъ, расположена на западной сторонѣ острова, на берегу ненадежнаго рейда, въ которомъ останавливаются лишь кабатажныя суда; она получила прозвище западнаго «Монпелье», благодаря своему мягкому климату и красотѣ окрестныхъ пейзажей. Но, не въ обиду будь сказано французамъ, англійскій Монпелье производитъ гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ французскій: здѣсь все соединилось въ пользу его красоты—и это безбрежное море, и эти раскошныя виллы, окруженныя стройными пальмами, и эти величественныя голубыя горы, горделиво возносящія свои вершины. Впрочемъ, самый городъ имѣетъ скромный видъ: со стороны моря видны только два или три дома, сверкающіе своею бѣлизною сквозь завѣсу большихъ деревьевъ; набережная выступаетъ въ море цѣлой аллеей зелени. Цѣнность мѣновой торговли достигаетъ ежегодно суммы 2 милліоновъ.

Архипелагъ Гваделупскій.

Самый большой островъ двойной микроантильской цѣпи сохранилъ, какъ и большинство Малыхъ Антильскихъ островенъ, только въ слегка измѣненной формѣ, то названіе, которое дано было ему Колумбомъ: индѣйцы-караибы называли его Курукуейра. Впрочемъ, онъ въ дѣйствительности состоитъ изъ двухъ островенъ, изъ которыхъ одинъ, западный, называется собственно Гваделупой, а также Бассъ-Терръ, по своему расположенію относительно пассатнаго вѣтра, а другой, восточный—Грандъ-Терръ, такъ какъ имѣетъ болѣе обширное пространство пахатныхъ земель, хотя по своему протяженію онъ и меньше перваго. Оба эти острова раздѣляются извилистымъ проливомъ: это соляная рѣка, ширина которой сильно варьируетъ, представляя

[1]) A. Salles, рукописныя замѣтки.

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всего 30 метровъ, а въ другихъ разливаясь почти на 120 метровъ. Она судоходна для гребныхъ судовъ, имѣющихъ 2 м., 20 осадки, но могла бы сдѣлаться большимъ судоходнымъ каналомъ, еслибы баръ, находящійся на ея южной оконечности, былъ скрытъ, а глубокій сѣверный входный каналъ выпрямленъ: чтобы преобразовать этотъ каналъ въ большой судоходный путь, пришлось бы извлечь драгой со дна его около 2 милліоновъ кубическихъ метр. торфа, илу и песку. Корнепуски, задерживающіе илъ между своими корнями, значительно суживаютъ входъ въ проливъ; но онъ все-таки не закрытъ, какъ это можно бы было ожидать вслѣдствіе безпрестанной работы коралловъ и осажденія наносовъ: причина этого кроется въ постоянномъ движеніи морскихъ приливовъ и отливовъ, которые поддерживаютъ проходъ между двумя островами.

Бассъ-Терръ, т. е.«Низкая Земля», въ дѣйствительности — земля очень возвышенная. Четыре большихъ вулканическихъ очага, выбросивъ свою лаву, способствовали образованію нѣсколькихъ отдѣльныхъ массивовъ: на сѣверо-западѣ—Гроссъ-Монтань (720 метр.), отъ котораго расходятся нѣсколько отроговъ почти одинаковой высоты; Де-Мамелль (773 метра), въ центрѣ острова; Санъ-Туше (1.480 метровъ) и Суфріеръ (1.485 метровъ), южнѣе; и около южной оконечности—Караибъ (698 м.) и Гуэльмонъ (424 метра). Эти отдѣльные массивы соединяются въ одну неправильную и извилистую цѣпь, раздѣльная вершина которой постоянно измѣнялась, вслѣдствіе разъѣданія ея дождевыми водами: въ общемъ этотъ хребетъ лежитъ гораздо ближе къ западному побережью, чѣмъ къ восточному. Вулканическая работа проявляется еще до сихъ поръ въ двухъ мѣстахъ. Первый очагъ, «Кипящій», находится у основанія массива Мамелль, на берегу Караибскаго моря: въ различныхъ мѣстахъ въ пескѣ открываются небольшіе кратеры, выпускающіе горячіе пары, и даже на морѣ видно, какъ со дна поднимаются газовые пузыри, которые лопаются на поверхности. Верхній конусъ Суфріера, съ очень крутыми склонами, возвышается въ центрѣ равнины, которая была, вѣроятно, прежде кратеромъ. Онъ совершенно голый и разорванный; растительность, столь густая на нижнихъ склонахъ вулкана, по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ, замѣтно рѣдѣетъ, запахъ сѣрнистаго водорода, разносимый вѣтромъ, чувствуется иногда даже по сосѣдству съ Бассъ-Терръ, когда воздухъ спускается съ горы. Круглый рядъ питоновъ, изъ которыхъ одинъ, именно Грандъ-Декувертъ, служитъ обсерваторіей, откуда разстилается великолѣпная панорама горъ и моря,—окружаетъ котловину, Петитъ-Плень, бывшую прежде жерломъ вулкана. Въ центрѣ разверзается глубокая трещина, называемая Большой Щелью, откуда извергаются газы; края ея покрыты слоями сѣры, не имѣющими, впрочемъ, большаго промышленнаго значенія, благодаря которымъ гора и получила свое названіе. Кромѣ этого очага, всѣ окрестныя трещины усѣяны фумароллами, а по наружнымъ склонамъ горы струятся многочисленные горячіе источники, весьма разнообразнаго состава, которые расположены большею частью на продолженіи Большой Щели[1]).

Восточный берегъ высокаго острова понижается довольно отлогимъ контръ-склономъ и оканчивается на берегу Соляной рѣки низкими равнинами и болотами. За этимъ проливомъ вся поверхность Грандъ-Терръ усѣяна холмиками въ 30—40 метровъ средней высоты, которые состоятъ, какъ и прибрежные рифы, изъ известковыхъ агломератовъ, наполненныхъ раковинами и ископаемыми кораллами, подобными живущимъ нынѣ въ сосѣднихъ моряхъ. Два кульминаціонныхъ выступа острова находятся на сѣверной и южной оконечностяхъ: небольшой сѣверный массивъ не достигаетъ даже 100 метровъ; а южный, стоящій къ востоку отъ Пуентъ-а-Питра, имѣетъ, по Сентъ-Клэръ-Девилю, 132 метра, а по морскимъ картамъ,—108 метровъ. Почва Гваделупы, какъ и другихъ низкихъ Антильскихъ и Багамскихъ островов, состоитъ изъ красноватой, очень плодородной земли, чередующейся съ черноземомъ лощинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ острова попадается желтоватая глина, содержащая окись желѣза, пуццоланы и вулканическій пепелъ: это, очевидно, остатки прежнихъ изверженій, которые были занесены вѣтромъ и волнами съ сосѣднихъ кратеровъ.

Къ востоку отъ Грандъ-Терръ и во многихъ мѣстахъ южнаго и сѣвернаго побережій, также какъ и всюду по берегамъ Гваделупы въ собственномъ смыслѣ, постройки коралловъ и серпулъ продолжаютъ формацію материка, увеличивая его размѣры. Прибрежныя «Тараканьи Скалы», пробуравленныя отверстіями, въ которыхъ прячутся «прусаки» или корабельные тараканы, принадлежатъ уже къ древней формаціи, въ которой встрѣчаются блестящія частицы углекислой соли въ кристаллизованной извести. Но вокругъ этихъ скалъ растутъ полипoвые рифы, а за ними возвышаются известковыя скалы, происшедшія изъ склеившагося песка и слѣпленныхъ обломковъ раковинъ: въ нихъ можно найти самые разнородные предметы, перешедшіе постепенно въ окаменѣлое состояніе. Это— такъ называемая горная порода «maçonne-

[1]) Ch. Sainte-Claire Deville;—Dolfus;—de Mont-Serrat, и т. д.

bon-dieu», образующаяся на глазахъ мѣстнаго негритянскаго населенія и дающая строительный матеріалъ; разломанный камень безпрестанно преобразовается: каждый шквалъ, каждый приливъ и отливъ прибавляютъ новые слои къ известковой глыбѣ. Въ такой именно горной породѣ, на восточномъ берегу Грандъ-Терръ, были найдены скелеты караибовъ, получившіе извѣстность въ исторіи современной геологіи подъ названіемъ антрополитовъ. Первый изъ скелетовъ, найденный въ 1805 году, былъ захваченъ англійскими корсарами, вмѣстѣ съ судномъ, которое его везло, и переданъ въ Британскій музей, гдѣ онъ составляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ вкладовъ. Другой скелетъ, найденный позже, находится въ Парижскомъ музеѣ, и Гами призналъ на его шеѣ такой орнаментный камень, какой ка-

Островъ Санта-Люсія.

раибы носили еще въ XVII вѣкѣ [1]); въ этой породѣ нашли также осколки глиняной посуды недавняго происхожденія и высушенныя зерна антильскаго дерева (coccoloba unifera), наконецъ, также—части собачьяго скелета [2]). Открытые на Гваделупѣ трупы вовсе не принадлежатъ къ ископаемымъ: Америка была уже навѣрно открыта, а Гваделупа колонизована, когда трупы эти были сложены на пляжѣ.

Островъ Дезирада, продолжающій восточную оконечность Грандъ-Терръ, сохранилъ, подобно Гваделупѣ, то названіе, которое ему далъ Колумбъ: это «Желанный» островъ, такъ какъ для мореплавателей, плывущихъ изъ Европы къ Гваделупѣ, онъ является первой землей, горки (mornes) которой они примѣчаютъ издали. О. Дезирада дѣйствительно не представляетъ собою такой почти совершенной плоскости, какъ Грандъ-Терръ: геологическое его образованіе было такое же, но его возвышенности соединяются въ длинную террасу, «высокую прямоугольную морну», возвышающуюся по направленію съ запада на востокъ пологимъ скатомъ и круто обрывающуюся на восточной оконечности; ея кульминаціонная вершина достигаетъ 278 метровъ. Островъ Мари-Галантъ, названный такъ въ честь одного изъ Колумбовыхъ кораблей, значительно обширнѣе Дезирады, но немного ниже ея. Похожій въ общемъ на одинъ изъ тѣхъ ассирійскихъ дворцовъ, которые строились громадными ступенями, идущими ярусами до конечнаго кубическаго камня, этотъ островъ состоитъ изъ послѣдовательныхъ террасъ, съ сглаженными ступенями, надъ которыми съ восточной стороны господствуетъ послѣднее плато въ 205 метровъ; вокругъ острова, особенно на югѣ и на востокѣ его, одинъ вновь формирующійся кайо образуетъ подводную террасу, которая, можетъ-быть, въ одинъ прекрасный день выступитъ изъ воды, какъ это произошло съ верхними ступенями [3]). Мари-Галантъ, имѣя почти круглую форму, развертываетъ линію своихъ береговъ на окружности въ 83 километра.

Совершенно отлична по виду и образованію группа острововъ Святыхъ, которые, вмѣстѣ съ нѣсколькими мелкими островками, дополняютъ архипелагъ Гваделупы. Эти острова, названіе которыхъ, *los Santos*, «Святые», дано имъ потому, что они были открыты нѣсколько дней спустя послѣ праздника Всѣхъ Святыхъ, представляютъ неправильныя развалины двухъ вулкановъ, лежащихъ на той же прямой линіи, какъ и очаги Гваделупы и Доминики. Изъ семи отдѣльныхъ земель однѣ представляютъ обломки кратера, другія—холмы изъ лавы, покоющіеся на подводномъ вулканѣ: самая высокая гора (морна), на восточномъ островѣ или Терръ-де-Го, это—Шамо (316 метровъ). Острова Святыхъ служатъ для Гваделупы санаторіей, а также и крѣпостью, такъ какъ нѣкоторыя ихъ вершины увѣнчаны фортами. Съ высоты этихъ обсерваціонныхъ пунктовъ виднѣются разстилающійся у ихъ подошвы великолѣпный рейдъ неправильной формы, образуемый оградою острововъ, затѣмъ къ сѣверу и къ югу—горы Гваделупы и Доминики, а иногда даже, въ туманной дали, вырисовываются неясные контуры Мартиникансқой цѣпи [1]). Посредствомъ оптическаго телеграфа острова Святыхъ сообщаются съ Бассъ-Терръ.

Текущія воды можно встрѣтить лишь на самой Гваделупѣ: острова Святыхъ слишкомъ малы, чтобы имѣть настоящіе ручьи, а на известковыхъ восточныхъ островахъ—Грандъ-Терръ, Ла-Дезирадъ и Мари-Галантъ дождевая вода вся стекаетъ въ разсѣлины почвы: на нихъ только изрѣдка попадаются источники, въ которыхъ вода сильно насыщена солью и очень непріятна на вкусъ. Земля всего плодороднѣе тамъ, гдѣ воды текутъ на поверхности; оттого лѣса являются во всей своей красѣ на склонахъ горъ большаго острова: тамъ крутизна почвы всего лучше защищала ихъ отъ расчистки, и высоты острова заключаютъ въ себѣ еще тысячи гектаровъ, сохранившихъ свои первобытныя древесныя породы. Но и на низменныхъ островахъ растительность не менѣе прекрасна; дома тамъ окружены въ большинствѣ случаевъ роскошными тѣнистыми садами. Самыя безплодныя земли, усѣянныя комками желѣзистой глины, и тѣ покрыты густо-лиственнымъ кустарникомъ златоплодника (chrysobalanus icaco).

Гваделупа, открытая и названная такъ испанцами, считалась принадлежащею имъ въ теченіе почти полутора столѣтія, но она была оставлена въ пользованіи ея караибскихъ владѣльцевъ. Первые французскіе авантюристы, Л'Оливъ и Дюплесси, привезшіе съ собою бѣлыхъ рабочихъ, связанныхъ трехлѣтнимъ контрактомъ, поселились, въ 1635 г., около мыса Аллегръ; послѣ ожесточенной войны съ туземцами, они уступили мѣсто другимъ колонистамъ. Четыре компаніи, изъ которыхъ одна дѣйствовала прямо отъ имени Людовика XIV-го, разорились на предпринятой ими эксплоатаціи острова, хотя тысячи караибовъ, жившихъ на островѣ, были переселены на Доминику и на Сентъ-Винцентъ. Промышленная культура мало-по-малу стала развиваться. Находясь подъ непосредственною властью коро-

[1]) „Congrès de Americanistes". 1890.

[2]) Duchassaing, „Essai sur la constitution géologique de la Guadeloupe". „Bulletin de la Société géologique de France". 1846—47.

[3]) Ch. Sainte-Claire Deville, „Voyage géologique aux Antilles".

[1]) Salles, „Autour de la mer des Antilles".

левскаго правительства, Гваделупа терпѣла въ особенности отъ англичанъ и неоднократно мѣняла своихъ властителей. Послѣ паденія монархіи провозглашеніе отмѣны рабства нѣсколько запоздало. Англичане уже овладѣли островомъ, въ 1794 г., когда Викторъ Гугъ, прибывъ съ 1.150 волонтерами, объявилъ невольникамъ, что они впредь будутъ свободны, если помогутъ имъ изгнать врага: и дѣйствительно, земля была отвоевана, а вмѣстѣ съ этимъ дарована и свобода. Гваделупа, вполнѣ предоставленная самой себѣ, сдѣлалась неприступнымъ военнымъ государствомъ, которое охранялось разставленными на берегахъ фортами; она строила флотиліи, чтобы захватывать англійскія суда, освобождать негровъ сосѣднихъ островомъ и даже отбирать нѣкоторыя изъ островныхъ земель, захваченныя англичанами.

Но недолго длилось торжество этихъ гордыхъ гражданъ, безъ которыхъ Гваделупа не была бы возвращена Франціи: первый консулъ приказалъ снова отдать ихъ прежнимъ господамъ. Рабство было возстановлено въ 1802 г., а сопротивлявшіеся негры-солдаты были убиты; не желая возвращаться въ состояніе рабовъ, бывшіе невольники сотнями предавали себя смерти: Дельгре и около четырехъ сотъ его товарищей взорвали себя на воздухъ въ одномъ редутѣ. Опредѣляютъ въ десять тысячъ число всѣхъ убитыхъ или сосланныхъ; помимо того, цѣлыя тысячи были отправлены на службу въ Италію и во французскую армію, въ качествѣ пушечнаго мяса для аванпостовъ. Оттого, населеніе, снова ввергнутое въ рабство, отнеслось совершенно равнодушно къ новому нападенію англичанъ, которые безъ труда овладѣли островомъ въ 1810 г., затѣмъ въ періодъ Ста дней [1]). Свобода была возвращена гваделупскимъ неграмъ только второй республикой, въ 1848 г.; но эта свобода не была полной, такъ какъ трудъ былъ регламентированъ такимъ образомъ, что «освобожденные» обязаны были наниматься въ работники по долгосрочнымъ контрактамъ. Это законоположеніе перестали примѣнять только съ того времени, когда на смѣну неграмъ явились индусскіе кули, ввезенные на архипелагъ десятками тысячъ, и когда негры съ разныхъ англійскихъ островомъ стали приходить на Гваделупу временно, чтобы помогать въ горячую пору жатвы.

Ввозъ иноземныхъ рабочихъ на Гваделупу и зависимыя отъ нея земли, съ 1854 по 1887 годъ: африканцевъ—6.600; азіатовъ—42.772, изъ которыхъ въ 1888 г. оставалось на островѣ—16.603 человѣка.

Весьма значительная часть гваделупскихъ мулатовъ пріобрѣли небольшіе участки земли, которую они обрабатываютъ для самихъ себя, культивируя не только хлѣбъ, но также кофе и даже сахарный тростникъ: въ ихъ-то рукахъ главнымъ образомъ и находится мелкое землевладѣніе.

Политическій центръ Гваделупы, Бассъ-Терръ, не главный ея городъ: по значенію, ему принадлежитъ лишь второе мѣсто между ея городами. Тѣмъ не менѣе онъ занимаетъ прекрасное мѣстоположеніе, на подвѣтренной сторонѣ острова, близъ его юго-западной оконечности, при истокѣ небольшой рѣчки «Травяной»; его дома расположены амфитеатромъ на холмахъ среди большихъ деревьевъ. Ботаническій садъ, аллеи котораго извиваются по склону холма, снабжаетъ земледѣльцевъ новыми породами или разновидностями растеній. На возвышенностяхъ, между двумя оврагами, разбросаны дачи и виллы Сенъ-Клода, между которыми, на высотѣ 700 метровъ надъ уровнемъ моря, группируются зданія санаторіи Канъ-Жакобъ, названной такъ по имени ея основателя. Источникъ «Горячихъ ваннъ», спускающійся съ Суфріера, доставляетъ свои воды въ зданіе ваннъ, помѣщающееся въ 8-ми километрахъ отъ Бассъ-Терръ.

Главный городъ Гваделупы, Пуэнтъ-а-Питръ, лежитъ не на западномъ островѣ, а на Грандъ-Терръ, въ глубинѣ бухты, раздѣляющей два острова, и въ которую впадаетъ рѣка Соляная; рифы и островки окружаютъ довольно глубокій бассейнъ, сообщающійся съ открытымъ моремъ извилистымъ каналомъ, куда не могутъ достигать волны прилива. Еще до основанія города моряки знали «Пропасти» этого залива и устраивали якорную стоянку среди глубокихъ водъ, привязывая суда къ корнямъ корнепусковъ. Прекрасный портъ Пуэнтъ-а-Питръ, сдѣлавшійся торговымъ центромъ Гваделупы, представляетъ судамъ почти полную защиту отъ вѣтра и волненій; однако, онъ не былъ выбранъ за начальный пунктъ трансатлантической линіи пакетботовъ: это преимущество выпало на долю Фортъ-де-Франса, порта Мартиники. Пуэнтъ-а-Питръ, основанный во время англійской оккупаціи, съ 1759 до 1763 гг., быстро разросся, но его процвѣтаніе зачастую нарушалось войнами и пожарами: изъ всѣхъ бѣдствій самымъ ужаснымъ было землетрясеніе 1843 г., разрушившее на протяженіи 1.500 метровъ весь рядъ живописныхъ береговыхъ утесовъ Сараго, на Марп-Галантъ [2]). Дома въ Пуэнтъ-а-Питрѣ по большей части низкіе и стоятъ изолированно для того, чтобы быть въ безопасности противъ огня и землетрясеній; кромѣ того, были приняты энергичныя мѣры по оздоровленію города: его обсадили аллеями эвкалиптовъ, засыпали каналы и осу-

[1]) Boyer-Peyreleau, „La Guadeloupe“.

[2]) Ch. Sainte-Claire Deville, „Orservations sur le tremblement de terre de la Guadeloupe“.

шили почву отъ болотъ. Желѣзныя дороги соединяютъ Пуэнтъ-а-Питръ съ главными окрестными сахарными заводами, славящимися своимъ образцовымъ устройствомъ. Городъ обладаетъ нѣсколькими прекрасными художественными коллекціями и естественно-историческимъ музеемъ. Въ Пуэнтъ-а-Питрѣ родился Арманъ Барбесъ.

Третьимъ по значенію городомъ Гваделупы является Муль, лежащій на Грандъ-Терръ, на восточномъ ея берегу, обращенномъ къ океану: поэтому суда, приходящія въ Муль за грузомъ сахара, должны каждую минуту быть на-готовѣ сняться съ якоря.

Важнѣйшіе города департамента Гваделупы: Пуэнтъ-а-Питръ—17.250 жит.; Бассъ-Терръ—12.000 жит.; Ле-Муль—10.000 жителей.

Въ десяти километрахъ на юго-востокъ отъ города Муль, на утесахъ Вратъ Ада были найдены скелеты караибовъ, подавшіе поводъ къ столькимъ ученымъ спорамъ. Портъ-Луи, находящійся на западномъ берегу Грандъ-Терръ, къ сѣверу отъ Соляной рѣки, есть тоже небольшая пристань, довольно оживленная послѣ варки сахара; городъ Сентъ-Мари, лежащій напротивъ Пуэнтъ-а-Питра, на побережьѣ гористаго острова, также ведетъ небольшую торговлю. Главный городъ о. Мари-Галантъ, Гранъ-Бургъ, имѣетъ плохо защищенный портъ, окруженный рифами, вслѣдствіе чего туда могутъ заходить только гоэлеты. Ла-Дезирадъ представляетъ собою мало населенный островокъ, изрѣзанный опасными бухтами; въ восточной его части устроена больница для прокаженныхъ. Что касается до обширнаго порта Святыхъ, то это не больше, какъ морская станція, гдѣ нѣтъ никакой торговли; населеніе его состоитъ почти исключительно изъ рыбаковъ и моряковъ; въ фортахъ помѣщаются казармы штрафныхъ фузильеровъ.

Главной культурой Гваделупы уже издавна сдѣлалось разведеніе сахарнаго тростника: этотъ промыселъ обогащаетъ островъ, и въ жертву ему приносятся многія другія отрасли земледѣльческой промышленности, которыя могли бы найти тамъ вполнѣ благопріятныя условія для своего процвѣтанія.

Культура сахарнаго тростника на Гваделупѣ въ 1898 г.: площадь подъ плантаціями 25.400 гектаровъ; работало 42.560 земледѣльцевъ, на 502 плантаціяхъ.

Культура кофейнаго дерева, въ послѣднее время почти совершенно заброшенная, мало-по-малу начинаетъ возрождаться, хотя только на высокихъ мѣстахъ, лежащихъ на 200—600 метровъ надъ уровнемъ моря, гдѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій почвы, сахарный тростникъ не разводится: такимъ образомъ кофейныя плантаціи существуютъ только на Бассъ-Терръ, или въ нагорной Гваделупѣ; этотъ продуктъ извѣстенъ въ торговлѣ подъ традиціоннымъ названіемъ «Мартиникскаго кофе».

Культура кофейнаго дерева на Гваделупѣ въ 1898 г.: площадь подъ плантаціями 3.500 гектаровъ; работало 4.936 земледѣльцевъ, на 950 плантаціяхъ.

Культура орлеана (bixa orellana) была прежде одной изъ самыхъ распространенныхъ на Гваделупѣ, но открытіе анилиновыхъ красокъ подорвало эту промышленность. Культура хлопчатника никогда не имѣла значенія въ экспортной торговлѣ, даже во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ; это объясняется, во-первыхъ, неумѣньемъ плантаторовъ взяться за это дѣло, а во-вторыхъ,—болѣзнями, опустошившими плантаціи; алоэ карáта (fourcroya gigantea), дающее очень крѣпкое волокно, воздѣлывается главнымъ образомъ на Ла-Дезирадѣ. Табакъ, который, подъ названіемъ «petun», служилъ прежде для жителей денежной единицей при обмѣнной торговлѣ, собирается нынѣ лишь въ весьма незначительномъ количествѣ, котораго не хватаетъ даже для мѣстнаго потребленія. Что касается культуры «кормовыхъ» растеній, маніока, ямса и патат, то ихъ воздѣлываютъ только для мѣстнаго потребленія, такъ что они не имѣютъ никакого значенія въ заграничной торговлѣ острова; рисъ привозится съ Кубы. Гваделупа не вывозитъ ни апельсиновъ, ни банановъ, отставая въ этомъ отношеніи отъ англійскихъ Антильскихъ острововъ, гдѣ эта отрасль торговли съ Соединенными Штатами ежегодно выражается суммой въ нѣсколько милліоновъ франковъ. Приблизительная цѣнность капитала, затраченнаго на гваделупскую культуру, включая сюда стоимость земель, эксплоатаціонныхъ матеріаловъ и скота, опредѣляется въ 150 милліоновъ. Воды побережья, особенно по близости рифовъ восточнаго берега, очень богаты животными организмами, но ни негры, ни креолы не утилизируютъ этихъ богатствъ, и рыбный промыселъ совсѣмъ не развитъ; они предпочитаютъ ввозить треску изъ Нью-Фаундленда, ежегодно на нѣсколько милліоновъ. Однако, въ водахъ Гваделупы, и особенно у береговъ Мари-Галантъ, ловятъ китовъ, но этимъ промысломъ, въ настоящее время мало прибыльнымъ, занимаются моряки Новой Англіи.

Въ своей совокупности экспортная и импортная торговля острова и зависящихъ отъ него земель находятся почти въ полномъ равновѣсіи. Главныя торговыя сношенія Гваделупа ведетъ съ Франціей, съ которой ее связываютъ фискальныя узы; изъ Сѣверо-Американской республики она получаетъ жизненные припасы и строевой лѣсъ; Англія снабжаетъ ее каменнымъ углемъ и бумажными тканями; британ-

ская Индія—рисомъ; Пуэрто-Рико доставляетъ скотъ, а Сенъ-Пьерръ и Микелонъ—треску. Общій пересмотръ таможенныхъ тарифовъ въ Америкѣ и Европѣ поведетъ за собою, безъ сомнѣнія, перемѣщеніе рынковъ по куплѣ и продажѣ.

Внѣшняя торговля Гваделупы и зависимыхъ отъ нея земель въ 1898 г.: ввозъ—18.600.217 франковъ, изъ которыхъ 8.874.445 фр. приходится на французскіе товары; вывозъ—17.665.454 фр., изъ которыхъ 16.589.521 фр. приходится на Францію.

Годовое движеніе судоходства въ портахъ Гваделупы и подвластныхъ ей острововъ превышаетъ полмиліона тоннъ.

Движеніе судоходства въ департаментѣ Гваделупа въ 1888 г.: 422 французскихъ судна, вмѣстимостью въ 470.710 тоннъ; 542 иностранныхъ судна, вмѣстимостью въ 166.111 тоннъ; итого 964 судна, вмѣстимостью въ 636.821 тонну.

Развитію внутренней торговли способствуетъ сѣть хорошо содержимыхъ дорогъ, обнимавшая въ 1889 г. 833 километра. На островѣ нѣтъ другихъ желѣзныхъ дорогъ, кромѣ промышленныхъ, связывающихъ сахарные заводы съ морскими пристанями. Линія, проектированная между Пуэнтъ-а-Питромъ и Мулемъ, о сооруженіи которой не разъ поднимался вопросъ, до сихъ поръ еще не начата, хотя это совсѣмъ короткая вѣтвь, не болѣе 30 километровъ, и постройка ея не представляетъ никакихъ особыхъ затрудненій.

Гваделупа и принадлежащіе къ ней острова раздѣлены въ административномъ отношеніи на 3 округа, 11 уѣздовъ и 34 общины. Округъ Бассъ-Терръ заключаетъ въ себѣ сѣверные острова, Сентъ-Мартинъ и Сенъ-Бартелеми, а на югѣ архипелагъ Святыхъ. Островъ Ла-Дезирадъ составляетъ часть округа Пуэнтъ-а-Питръ, а Мари-Галантъ есть административный центръ третьяго округа. Весь департаментъ въ совокупности представленъ 36 членами генеральнаго совѣта, изъ которыхъ 30—за два большіе острова. Генеральный совѣтъ избираетъ изъ своей среды колоніальную коммиссію, состоящую не менѣе какъ изъ четырехъ и не болѣе какъ изъ семи членовъ, которая обсуждаетъ дѣла колоніи совмѣстно съ губернаторомъ и состоящимъ при немъ административнымъ совѣтомъ. Муниципальные совѣты общинъ организованы по образцу общинныхъ совѣтовъ Франціи. Островъ выбираетъ одного сенатора и двухъ депутатовъ, которые являются его представителями во французскомъ парламентѣ.

Мѣстный бюджетъ Гваделупы превышаетъ 6 съ половиной милліоновъ франковъ; самый значительный доходъ получается отъ таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ съ вывозимыхъ колоніальныхъ товаровъ и отъ акциза на крѣпкіе напитки.

Мѣстный бюджетъ Гваделупы въ 1899 г.: доходы и расходы балансировались въ суммѣ—6.699.260 франк.; долгъ составлялъ 1.000.000 фр. Расходы Франціи на эту колонію (по бюджету 1900 г.)—1.632.957 фр.

Пятая часть доходовъ идетъ на общественныя работы, а другая пятая доля—на народное просвѣщеніе.

Доминика.

Этотъ островъ сохраняетъ то названіе, которое далъ ему Колумбъ, когда въ одно изъ «воскресеній» 1493 г. онъ увидѣлъ издали возвышающіяся надъ горизонтомъ остроконечныя горы острова, покрытыя густою растительностью. Во всей Мало-Антильской цѣпи это—самый большой изъ всѣхъ англійскихъ острововъ; по красотѣ своихъ живописныхъ ландшафтовъ и по суровому виду горъ, покрытыхъ лѣсами и изрѣзанныхъ струящимися рѣчками, онъ не уступаетъ, даже, можетъ-быть, превосходитъ Мартинику. Самая высокая его вершина, морна Діаблотенъ, считается по меньшей мѣрѣ соперницей гваделупской Большой Суфріеры, а по Булькелею, опредѣляющему высоту ея въ 1.620 метровъ, это—даже самая высокая гора на Малыхъ Антильскихъ островахъ; она находится около сѣверной оконечности острова. Одинъ изъ внутреннихъ цирковъ, лежащій на высотѣ 739 метровъ, представляетъ собою прежній кратеръ, который еще недавно заключалъ въ себѣ «кипящее» озеро, воды котораго подогрѣвались горючими ключами, бившими на днѣ его, и черезъ каждыя пять минутъ выбрасывавшими столбъ пѣнящейся воды. Въ небольшомъ разстояніи отъ берега глубина озера достигала 90 метровъ. Въ 1880 г. произошли большіе обвалы, и въ горахъ открылись новые кратеры; выбрасываніе водяныхъ столбовъ прекратилось, и Кипящее озеро утратило свою былую красоту [1]). Мѣста выхожденія газа безпрестанно мѣняются. Ручей, вытекающій изъ озера, увеличивается въ своемъ теченіи притокомъ сѣрнистой воды, выбрасываемой изъ разсѣлинъ долины.

Съ 1627 г. англичане, посѣтивъ Доминику, пытались присоединить ее къ владѣніямъ Великобританіи; но она въ то время была занята независимыми караибами, которые не допускали къ себѣ колонистовъ, и болѣе ста лѣтъ спустя, во время заключенія Ахенскаго трактата въ 1748 г., было рѣшено, что островъ останется нейтральнымъ между французами и англичанами, въ свободномъ владѣніи туземцевъ. Однако, на немъ поселились француз-

[1]) Gifford Pelgrave, „Ulysses, or Scenes and Studies in many Lands“.

скіе плантаторы, и островъ постепенно сдѣлался французскимъ, несмотря на войны и договоры, которые дважды обезпечивали Англіи политическое владѣніе островомъ: еще и теперь, послѣ вѣковаго владычества, англичане считаются почти за чужеземцевъ среди доминиканскаго населенія. Столица острова, Розо, печальный полу-разрушенный городъ, имѣющій около 5.000 жителей, расположена подъ вѣтромъ, т. е. на западномъ берегу, но ея портъ представляетъ собою лишь открытую вѣтрамъ якорную стоянку; лучшимъ рейдомъ считается Портсмутскій, находящійся на томъ же берегу острова, около сѣверо-западной его оконечности, у основанія горы Діаблотенъ.

Средняя годовая цѣнность торговаго обмѣна на Доминикѣ: 2.500.000 франковъ.

Надѣются, что современемъ прибрежный городъ сдѣлается большимъ торговымъ мѣстомъ, но теперь Доминика ведетъ лишь незначительную торговлю фруктами, лимоннымъ сокомъ и сѣрой; культура кофейнаго дерева начинаетъ распространяться на склонахъ холмовъ.

Сохранивъ этотъ островъ, лежащій между двумя французскими владѣніями, Гваделупой и Мартиникой, англійское правительство послѣдовало политикѣ Роднея, который въ 1782 г. одержалъ въ этихъ морскихъ пространствахъ рѣшительную побѣду надъ французами; адмиралъ хотѣлъ доставить Великобританіи преобладающее положеніе среди Антильскихъ острововъ съ стратегической точки зрѣнія. Но контрастъ, представляемый этимъ островомъ съ двумя его сосѣдями, Гваделупой и Мартиникой, не таковъ, чтобы Англія могла имъ гордиться: «правительство парализовало жизнь острова» [1]). Доминика — одинъ изъ наименѣе населенныхъ и самыхъ бѣдныхъ острововъ Микро-Антиліи. Отчаяваясь увидѣть его цвѣтущимъ и занимающимъ мѣсто въ ряду богатыхъ производительныхъ колоній, экономисты предлагали отдать его синдикату капиталистовъ, которые бы возстановили, подъ другою формою, прежнія плантаціи временъ невольничества.

Мартиника.

Этотъ французскій островъ—единственный изъ всего Мало-Антильскаго архипелага, который сохранилъ свое караибское названіе, хотя, правда, и въ очень искаженной формѣ: первоначальное его названіе было Матинина или Медіана. Мартиника—по величинѣ второй островъ въ этой цѣпи; даже его можно считать первымъ, если допустить, что Гваделупа состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ острововъ. Онъ также самый неправильный въ своихъ контурахъ, наиболѣе удаляющійся отъ овальной формы другихъ Антильскихъ острововъ; однако, ось его та же, что и всей Микро-Антиліи, которая въ этой части своей кривой оріентирована съ сѣверо-запада на юго-востокъ.

Мартиника гориста на всемъ своемъ протяженіи, и однако всюду покрыта зеленью, вплоть до вершины горы «Пеле» (Лысой), которая такъ названа, по всей вѣроятности, потому, что когда-либо во время изверженія вся трава и деревья исчезли подъ слоями пепла. Вулканическая вершина, высотою въ 1.350 метровъ, находится въ сѣверо-западной части острова, которую она постепенно увеличила, правильно разливая свою лаву по всей ея окружности; ея откосы, ограниченные моремъ въ видѣ какъ бы начертаннаго циркулемъ полукруга, продолжаются подъ водою по той же покатости; только одинъ побочный небольшой вулканъ, Пэнъ-де-Сюкръ («Сахарная голова»), возвышаетъ свой конусъ на сѣверо-западной покатости и на оконечности островной оси. Лысая гора рѣдко бываетъ въ дѣйствіи; послѣднее изверженіе на ней было въ 1851 г. Небольшое озеро залегаетъ въ кратерѣ Пальмистъ, въ сосѣдствѣ большой вершины.

Къ юго-востоку отъ главнаго вулкана, на оси острова, расположены другіе эруптивные конусы, соединенные между собою потоками лавы и кучами шлака. Массивъ, оканчивающійся тремя пиками Карбетъ, почти такъ же высокъ, какъ и Лысая гора; южная вершина его достигаетъ 1.207 метровъ. Подобно высшему вулкану, группа Карбетъ разливала вокругъ себя лаву во всѣ стороны: она-то и образовала главный корпусъ острова, длинный оваль, примыкающій къ полукругу, центръ котораго составляетъ Лысая гора. Къ востоку отъ группы Карбетъ, горныя цѣпи развѣтвляются по направленію къ восточному берегу, изрѣзанному многочисленными бухтами: отдѣляющійся отъ берега полуостровъ Каравелла, имѣющій форму оленьяго рога, выдвинулся въ Атлантическій океанъ на десять километровъ.

Къ югу отъ послѣднихъ потоковъ лавы, вылившихся съ пиковъ Карбета и съ сосѣднихъ съ нимъ конусовъ, островъ почти прерывается бухтами, которыя далеко врѣзываются въ земли: на западѣ—бухта Фортъ-де-Франсъ, на востокѣ — гавани Робертъ и Франсуа; перешеекъ, соединяющій обѣ половины острова, имѣетъ не болѣе 10 километровъ ширины между болотами обоихъ береговъ. Южная часть Мартиники значительно ниже и болѣе неправильна, чѣмъ сѣверная: въ дѣйствительности она состоитъ изъ двухъ горныхъ цѣпей, изъ которыхъ одна продолжаетъ на юго-востокъ главную ось острова, заключая въ себѣ высокую гору Воклинъ (505 метровъ), а другая тянется къ западу, по южной сторонѣ бухты Фортъ-де-Франсъ; послѣдняя цѣпь издалека примѣтна

[1]) Froude, „The English in the West-Indies“.

морякамъ своими остроконечными вершинами: Караибъ, Констанъ и Морнъ де-ла-Плень. Южная часть Мартиники, болѣе низменная, съ менѣе крутыми откосами, продолжается дальше плоскогорьями коралловыхъ рифовъ, особенно съ восточной стороны: къ югу отъ полуострова Каравеллы внѣшняя цѣпь подводныхъ скалъ тянется на нѣсколько километровъ въ морѣ, прерываемая черезъ извѣстные промежутки проливами, въ которые могутъ входить гребныя суда небольшой осадки. На западѣ, большая бухта Фортъ-де-Франсъ тоже болѣе, чѣмъ на половину своего пространства загромождена береговыми рифами; съ другой стороны, многочисленныя и многоводныя рѣки, впадающія въ нее, суживаютъ бухту наносами, которые онѣ отлагаютъ у своихъ устьевъ; прежде бассейнъ былъ вдвое больше, чѣмъ въ настоящее время.

Мартиника, какъ и Гваделупа, не получила, послѣ ея открытія, испанскихъ колонистовъ, и караибы оставались мирными владѣльцами этого острова до 1665 г., когда д'Эснамбюкъ овладѣлъ имъ отъ имени Франціи. Она послѣдовательно перебывала въ рукахъ нѣсколькихъ компаній и была присоединена непосредственно къ владѣніямъ государства только въ 1675 г. Вскорѣ послѣ того караибы были истреблены или переведены въ другія мѣста, и отъ нихъ осталась только небольшая горсть, пріютившаяся во внутреннихъ лѣсахъ; ихъ мѣсто заняли негры, которые работали на табачныхъ плантаціяхъ, гдѣ культивировался «petun», и на плантаціяхъ сахарнаго тростника. Голландцы, изгнанные изъ Бразиліи португальцами, поселились на Мартиникѣ вмѣстѣ со своими рабами и основали тамъ первые сахарные заводы. Въ первую половину XVIII вѣка кофейное дерево, привезенное сюда французомъ Декліе изъ парижскаго Jardin des Plantes, нашло для себя въ антильскомъ климатѣ вполнѣ благопріятныя условія. Мартиниканскіе «господа» стали быстро обогащаться продажею колоніальныхъ товаровъ, несмотря на войны съ Великобританіей; впрочемъ, островные землевладѣльцы не гнушались, ради увеличенія своихъ барышей, заниматься также и каперствомъ.

Послѣ того, какъ Мартиника была захвачена въ 1794 г. англичанами, ей уже не удалось, какъ Гваделупѣ, вернуть свою независимость при помощи освобожденныхъ негровъ; до 1816 г., когда Франція окончательно вернула себѣ это владѣніе, судьбы острова опредѣлялись исключительно договорами. Между тѣмъ рабы, значительно превосходившіе численностью своихъ хозяевъ и знавшіе о событіяхъ, происходившихъ на Санто-Доминго, не разъ составляли заговоры противъ бѣлыхъ и даже, въ 1831 году, послѣ революціи въ метрополіи, породившей у нихъ надежду на освобожденіе, подняли открытый бунтъ. Опасность была велика, и чтобы отвратить ее, пришлось прибѣгнуть къ освобожденію. Болѣе трехъ тысячъ рабовъ были отпущены на волю, а вскорѣ послѣ того были дарованы политическія права всѣмъ жителямъ свободнаго званія, безъ различія цвѣта кожи; тѣмъ временемъ уже сотни негровъ покинули островъ и ушли на Доминику и Санта-Люсію, англійскіе острова, гдѣ была провозглашена эмансипація [1]). Въ 1838 г. на Мартиникѣ насчитывалось болѣе 19.000 свободныхъ негровъ, тогда какъ на Гваделупѣ ихъ не было даже и 10.000. Въ 1853 г., пять лѣтъ спустя послѣ отмѣны рабства, начался ввозъ индусскихъ кули, которые на многихъ плантаціяхъ замѣнили негровъ, сдѣлавшихся мелкими землевладѣльцами. Въ настоящее время торгъ желтокожими такъ же отмѣненъ на Мартиникѣ, какъ былъ отмѣненъ торгъ неграми, въ силу того принципа, что «въ свободной странѣ долженъ существовать и свободный трудъ».

Главный городъ острова—Фортъ-де-Франсъ, извѣстный прежде подъ названіемъ Фортъ-Рояль. Онъ занимаетъ прекрасное мѣстоположеніе на сѣверномъ берегу большой бухты, которая открывается съ подвѣтренной стороны Мартиники; на сѣверѣ, съ высоты мыса, надъ нимъ господствуетъ крѣпость, а другое укрѣпленіе защищаетъ длинный полуостровъ, который выдвигается въ море къ востоку отъ главнаго квартала. Фортъ-де-Франсъ есть военный центръ и арсеналъ французскихъ Антильскихъ островковъ; это—опорный пунктъ военныхъ операцій и гавань трансатлантическихъ пакетботовъ, гдѣ второстепенныя линіи соединяются съ главной; подводный телеграфъ соединяетъ Фортъ-де-Франсъ съ Пуэрто-де'Эспанья на Тринидадѣ, съ Суринамомъ въ Гвіанѣ, а черезъ Бассъ Терръ съ Сентъ-Томасомъ, Сѣверной Америкой и Европой. Портъ дополняется бассейномъ, гдѣ производится тимберовка судовъ. Подобно большинству антильскихъ городовъ, Фортъ-де-Франсъ подвергался многимъ бѣдствіямъ: въ 1839 г. онъ наполовину былъ разрушенъ землетрясеніемъ, при чемъ болѣе 250 человѣкъ были погребены подъ развалинами; въ 1890 г. пожаръ уничтожилъ большую часть города, послѣ чего онъ обстроился съ соблюденіемъ всѣхъ противупожарныхъ правилъ. Фортъ-де-Франсъ можетъ похвалиться своими чудными бульварами, разбитыми на окрестныхъ холмахъ; самыя людныя аллеи, называемыя «Саванъ», находятся въ самомъ городѣ, у основанія крѣпостнаго полуострова Сенъ-Луи. Подъ сѣнью великолѣпныхъ пальмъ, посаженныхъ амфитеатромъ, стоитъ прелестная мраморная

---

[1]) Pardon, „La Martinique“.

статуя Жозефины, супруги Наполеона I. На одной изъ сосѣднихъ возвышенностей лагерь Балата служитъ санаторіей для войска, прибывшаго изъ Франціи. Окрестности изобилуютъ горячими ключами, которые эксплоатируются.

Хотя портъ и рейдъ Фортъ-де-Франса представляютъ исключительныя преимущества предъ всѣми другими гаванями Мартиники, но главная торговля сосредоточивается въ другомъ мѣстѣ побережья, именно въ Сенъ-Пьерѣ. Это первое поселеніе, основанное Эснамбюкомъ, въ 1635 г., на берегу бухты, открывающейся на западъ, между подошвой Лысой горы и подошвой вершинъ группы Карбе, сдѣлалось самымъ населеннымъ городомъ и оживленнѣйшимъ рынкомъ Мартиники, безъ сомнѣнія, потому, что здѣсь военные регламенты не стѣсняютъ свободу торговли. Сенъ-Пьеръ—одинъ изъ самыхъ живописныхъ городовъ Микро-Антиліи. Издали онъ виденъ весь, какъ на ладони: дома громоздятся надъ домами, пальмы надъ пальмами, взбираясь вверхъ по склонамъ горы и продолжая въ лѣсу красныя линіи своихъ крышъ. Главная улица, извивающаяся параллельно бухтѣ, состоитъ изъ послѣдовательнаго ряда подъемовъ на гору и спусковъ въ овраги, въ лощины: съ одной стороны этой главной дороги улицы поднимаются къ горнымъ лѣсамъ; съ другой,—онѣ спускаются ступенями къ плоскому песчаному берегу; у ихъ подножія разстилается рейдъ, а овраги кажутся висящими въ лазури неба и моря. Горные ручьи, дѣлящіеся на безчисленные ручейки, струятся тамъ и сямъ канальцами или бьютъ фонтанами; группы деревьевъ и цвѣтущихъ растеній украшаютъ площади, составляя контрастъ съ неуклюжими домами, окрашенными въ желтый цвѣтъ, крѣпкія стѣны которыхъ выдерживаютъ землетрясенія и не пропускаютъ внѣшній жаръ внутрь комнатъ. Сенъ-Пьеръ—одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые навсегда запечатлѣваются въ памяти иностранца: «Жизнь въ этой странѣ такъ пріятна, климатъ такъ хорошъ, жители пользуются такой широкой свободой, что я не встрѣчалъ ни одного мужчины, ни одной женщины, которые, побывавши тамъ, не имѣли бы страстнаго желанія снова вернуться туда» [1]. Мартинику прозвали «незабвенной страной» [2].

На западномъ же берегу острова находится третья община Мартиники, мѣстечко Ламантинъ, расположенное на берегу аллювіальной равнины, которая образовалась въ ущербъ передовыхъ бухточекъ залива Фортъ-де-Франса; жители его группируются вокругъ сахарнаго завода, одного изъ самыхъ большихъ на всемъ островѣ. Многолюдное мѣстечко Сентъ-Эспри (св. Духа) лежитъ южнѣе, на томъ же склонѣ; впрочемъ, оно потеряло часть своего населенія, привлеченную сосѣдними «центральными заводами». Другія значительныя общины—мѣстечки Діаминъ и Маренъ, на бухтахъ южнаго побережья, и—на навѣтренной сторонѣ острова—мѣстечки Трините, Роберта и Франсуа. Мѣстечки Бассъ-Пуэнтъ и Портъ-дю-Макуба занимаютъ, на сѣверѣ, правильную выпуклость берега, гдѣ всего сильнѣе ударяется морская волна.

Самыя населенныя общины Мартиники: Сенъ-Пьеръ—26.000 жит.; Фортъ-де-Франсъ—15.000; Ле-Ламантинъ—14.000; Ле-Франсуа—11.000.

Мартиника—одна изъ самыхъ населенныхъ земель въ мірѣ, хотя населеніе группируется только въ узкомъ овалѣ вокругъ горъ, а внутренняя часть острова, покрытая дремучимъ лѣсомъ, остается почти пустынной; въ 1886 г. двѣ пятыхъ островной поверхности, представляющія площадь въ 46.000 гектаровъ, оставались невоздѣланными. Въ отношеніи обитаемаго пространства Гваделупа значительно превосходитъ Мартинику, но зато въ плотности населенія много уступаетъ ей; по пропорціи ровныхъ земель, годныхъ для распашки, Барбадосъ,—единственная изъ всѣхъ микро-антильскихъ земель, могущая соперничать съ Мартиникою по численности населенія,—оставляетъ далеко за собою французскій островъ. По плотности населенія земледѣльческія мѣстности Мартиники могутъ сравниться развѣ только съ промышленными округами Фландріи, Ланкастера и Саксоніи. Между постоянными жителями—бѣлыхъ, вѣроятно, не наберется и 10.000; число азіатовъ опредѣляютъ въ 15.000 человѣкъ; остальные, около 150.000 душъ,—негры и цвѣтные люди, почти все мартиниканскіе креолы, отлично акклиматизировавшіеся и постоянно прогрессирующіе въ своей численности, такъ какъ рождаемость у нихъ преобладаетъ надъ смертностью. Впрочемъ, приростъ этотъ подвигается довольно медленно, вслѣдствіе эмиграціи, которая увлекаетъ многихъ молодыхъ людей во Францію, на Гаити и въ Соединенные Штаты; поэтому женщинъ здѣсь почти на 7.000 больше, чѣмъ мужчинъ. Рождаемость внѣ брака составляетъ на Мартиникѣ заурядное явленіе, какъ и на большей части другихъ Антильскихъ острововъ. На трехъ дѣтей приходится только одинъ законный,—немного меньше, чѣмъ на Ямайкѣ. Грамотныхъ мартиниканцевъ насчитывается только одна пятая всего населенія.

Главная промышленность Мартиники, острова почти исключительно земледѣльческаго, заключается, какъ и на Гваделупѣ, въ культурѣ сахарнаго тростника; площадь сахарныхъ плантацій занимаетъ почти 50.000 гектаровъ, т. е. пятую часть всей островной поверхности.

[1]) Dutertre, „Histoire générale des îles Saint-Christophe“ etc.

[2]) Lafcadio Hearn, „Two Years in the French West-Indies“.

Предметы вывоза состоятъ почти исключительно изъ сахара, рома и тафіи, которыхъ отпускается въ годъ на 18—20 милліоновъ франковъ. Какъ и на Гваделупѣ, «центральные заводы» все болѣе и болѣе захватываютъ себѣ монополію по производству сахара, скупая тростникъ у землевладѣльцевъ и арендаторовъ. Какао и красильное дерево тоже отчасти поддерживаютъ торговлю, но производство кофе почти совсѣмъ заброшено. На островѣ насчитываютъ не менѣе шести тысячъ «vivrières», какъ тамъ называютъ мелкія имѣнія, принадлежащія землевладѣльцамъ - неграмъ. Предметы ввоза составляютъ: мука, рыба, ткани, разныя мѣдныя и желѣзныя издѣлія и другіе мануфактурные товары. Болѣе половины торговаго обмѣна производится съ Франціей и съ французскими колоніями. Движеніе заграничной торговли въ 1898 г.; ввозъ—24.368.798 франк.; вывозъ—22.344.810 франк

Движеніе судоходства въ 1891 г.: общая вмѣстимость пришедшихъ и отшедшихъ судовъ — 787.000 тоннъ.

Относительно величины поверхности и препятствій, представляемыхъ почвою, Мартиника обладаетъ еще лучшими дорогами, чѣмъ Гваделупа; но здѣсь, какъ и тамъ, нѣтъ другихъ желѣзныхъ дорогъ, кромѣ промышленныхъ и земледѣльческихъ, составляющихъ часть оборудованія «центральныхъ заводовъ». Колесныхъ дорогъ на Мартиникѣ въ 1893 г.: 927 километровъ.

Правленіе на Мартиникѣ организовано по тому же образцу, какъ и на Гваделупѣ. Въ національномъ парламентѣ представителями острова являются сенаторъ и два депутата, а въ генеральномъ совѣтѣ—36 членовъ, избираемыхъ очень ограниченнымъ числомъ избирателей; рѣдко случается, чтобы имѣющіе право голоса на выборахъ являлись въ достаточномъ числѣ къ избирательнымъ урнамъ. Губернаторъ имѣетъ у себя подъ началомъ командующаго военными силами. Островъ раздѣленъ въ административномъ отношеніи на два округа—Фортъ-де-Франсъ и Сенъ-Пьеръ, заключающіе въ себѣ 9 уѣздовъ и 29 общинъ. Мѣстный бюджетъ въ 1899 г. балансировался по доходамъ и расходамъ, въ суммѣ 6.545.800 ф.; расходъ Франціи (по бюджету 1900 года) — 2.530.837 франк.

Санта-Люсія.

Подобно Доминикѣ и Гренадѣ, Санта-Люсія, или, какъ ее называли плантаторы прошлаго столѣтія, «Святая Алузія», есть одинъ изъ тѣхъ Антильскихъ острововъ, которые въ политическомъ отношеніи сдѣлались англійскими, оставаясь по традиціямъ, языку и нравамъ французскими; съ 1880 г. по законодательству онъ пересталъ быть французскимъ. Это если не прекраснѣйшій, то во всякомъ случаѣ одинъ изъ прекраснѣйшихъ острововъ во всей вулканической цѣпи островныхъ горъ. Когда приближаешься къ острову съ его сѣверной стороны и замѣчаешь два конусообразныхъ питона, въ 817 и 826 метровъ высоты, круто обрывающихся утесами; когда скользишь между этими двумя пирамидами въ проходѣ дивной котловины, образуемой портомъ Кастри и созерцаешь амфитеатръ поросшихъ лѣсомъ горъ, тогда невольно говоришь себѣ, что ни одинъ изъ Антильскихъ острововъ не можетъ сравниться по великолѣпію съ Санта-Люсіей. Одинъ изъ ея вулкановъ, Суфріеръ (1.200 метровъ), находится еще въ дѣйствіи, и въ жерлахъ его кратера, окаймленнаго сѣрными осадками, клокочутъ пруды расплавленныхъ веществъ. Въ различныхъ частяхъ острова въ изобиліи разсѣяны горячіе источники, а одинъ изъ сѣрнистыхъ ключей бьетъ еще до сихъ поръ въ полуразвалившемся зданіи, которое французы построили еще до революціи.

Послѣ долгой борьбы съ колонистами карибы Санта-Люсіи были истреблены, и островъ поочередно попадалъ въ руки то французовъ, то англичанъ; со времени расторженія Амьенскаго трактата онъ окончательно перешелъ подъ власть Англіи; только благодаря энергичному протесту Роднея, этотъ островъ не былъ отданъ Франціи въ обмѣнъ за Мартинику: въ виду стратегическаго преимущества порта-де-Кастри и защищающихъ его скалъ, адмиралъ этотъ смотрѣлъ на обладаніе Санта-Люсіей какъ на чрезвычайно важное условіе для укрѣпленія британскаго господства на Антильскихъ островахъ. Однако, «кипленбанкъ» де-Кастри, «лучшій на Антильскихъ островахъ», оставался долгое время почти безъ всякой пользы, какъ въ торговомъ, такъ и въ военномъ отношеніи; только въ недавнее время его обнесли набережной и снабдили пристанями; сотни судовъ ежегодно приходятъ сюда запасаться углемъ, доставляемымъ изъ Англіи. Въ 1889 г. на Санта-Люсію было привезено угля 45.831 тонна. Въ городѣ сгруппировано около 7.000 жителей. Мѣстная торговля ничтожна, такъ какъ четыре пятыхъ всей почвы заняты еще лѣсами, въ которыхъ все еще живетъ страшный тригонокефалъ (треугольноголовая змѣя).

Движеніе судоходства на о. Санта-Люсія въ 1898 г.: общій тоннажъ пришедшихъ и отшедшихъ судовъ по иностранной торговлѣ: 1.557.677.

Движеніе заграничной торговли въ 1898 г.: привозъ—271.995, вывозъ—93.415 фунт. стер.

Земледѣльческая промышленность Санта-Люсіи быстро возрастаетъ: ея сахарныя плантаціи, очень раздробленныя, даютъ, по словамъ жителей, такой же превосходный сахаръ,

какъ плантацiи острова Св. Христофора. Населенiе увеличивается, благодаря иммиграцiи, а главнымъ образомъ вслѣдствiе возвращенiя многочисленныхъ рабочихъ-негровъ съ Панамскаго перешейка, куда ихъ завлекли работы по прорытiю канала. На островѣ не насчитываютъ даже и тысячи бѣлыхъ, т. е. менѣе одного человѣка на 40 жителей. Впрочемъ, островъ этотъ, несмотря на дурную славу, прiобрѣтенную имъ нѣкогда частыми эпидемiями, считается однимъ изъ самыхъ здоровыхъ мѣстъ на Антильскихъ островахъ. Рождаемость въ 1889 г.: 1.673, т. е. 3,70 %. Смертность: 1.053, т. е. 2,24%.

Гора Фортюне (234 метра), на которой выстроены казармы, служитъ въ то же время, какъ и горы Шабо и Шазо, санаторiей для городскихъ негоцiантовъ [1]).

Сентъ-Винцентъ.

Этотъ островъ — одинъ изъ тѣхъ, контуры которыхъ представляютъ самый правильный оваль, расположенный на той же оси, какъ и вся группа Малыхъ Антильскихъ островов. Это одна изъ самыхъ здоровыхъ и прелестныхъ земель большой островной цѣпи; почти на всей окружности склоны отлого спускаются къ морю, представляя мѣстами террасы, вполнѣ удобныя для плантацiй или селенiй. Центральный хребетъ, выдѣляющiй изъ себя отроги къ востоку и къ западу, состоитъ изъ остроконечныхъ питоновъ, покрытыхъ до самой вершины лѣсомъ: самая высокая вершина, Морнъ-о-Гару, поднимается на 1.580 метровъ. Стволы на половину обуглившихся деревьевъ, зарытые въ слояхъ травертинскаго туфа или лавы, свидѣтельствуютъ о прежнихъ взрывахъ, разрушавшихъ послѣдовательно лѣса, которые возрождались послѣ каждаго изверженiя вулкановъ. Пахатная земля повсюду состоитъ изъ богатѣйшаго чернозема, образовавшагося изъ пепла въ смѣси съ растительными веществами. По словамъ Бюлькелея, копьеголовый тригонокефалъ встрѣчается также и въ лѣсахъ Сентъ-Винцента, такъ что, значитъ, эта страшная змѣя не ограничиваетъ область своего скитанiя, какъ это обыкновенно повторяютъ, исключительно Мартиникою и Санта-Люсiей. Вѣроятно, Сентъ-Винцентъ и сосѣднiй съ нимъ островъ Бекiя были этапами, черезъ которые тригонокефалъ распространяется изъ Южной Америки. По словамъ Лабата, этимъ опаснымъ змѣямъ Бекiя былъ обязанъ своимъ прежнимъ названiемъ «Маленькая Мартиника», которое теперь перенесено на другой островокъ группы Гренадинъ.

Сольфатара (Суфрiеръ) Сентъ-Винцента, открывающаяся на сѣверной оконечности острова, есть не что иное, какъ скелетъ горы, остатки прежняго конуса, который, вѣроятно, былъ вдвое больше нынѣшнихъ самыхъ высокихъ граней большой ограды кратера. Отчеты, расходящiеся въ деталяхъ, сходятся, однако, въ томъ, что въ 1718 г. страшное изверженiе Сольфатары покрыло пепломъ весь островъ и окружающее его море, и тогда-то несомнѣнно верхняя часть конуса была взорвана и исчезла въ пространствѣ, разнесенная вѣтромъ. Развѣнчанная гора содрогалась еще въ 1785 г., но въ 1812 г. верхняя чаша ея наполнилась глубокимъ озеромъ. Частыя сотрясенiя волновали его воды, совпадая съ другими землетрясенiями, какъ на Антильскихъ островахъ, такъ и въ обѣихъ Америкахъ. Прошелъ всего мѣсяцъ послѣ страшнаго землетрясенiя, разрушившаго Каракасъ, какъ 27-го апрѣля 1812 г. въ Сольфатарѣ разверзся новый кратеръ въ недалекомъ разстоянiи отъ перваго. Вначалѣ вулканъ выбрасывалъ камни и кучи пепла, затѣмъ взрывы становились все чаще и чаще и перешли вскорѣ въ сплошной громъ; все небо постепенно покрылось разростающимся облакомъ пыли, сквозь которое прорывались огненныя глыбы: дневной свѣтъ совершенно померкъ за громадною тучею пыли и дыма, поднимавшеюся изъ нѣдръ земли. Подземный гулъ былъ слышенъ даже на льяносахъ Венецуэлы, на разстоянiи 1.000 километровъ, и густая тьма облегла море до самаго Барбадоса, который лежитъ по крайней мѣрѣ на 200 километровъ восточнѣе. Гарнизонъ этого острова, услышавъ вдали страшную канонаду, вообразилъ, что гдѣ-нибудь по сосѣдству сразились два военныхъ флота, и уже приготовился къ атакѣ со стороны невѣдомаго непрiятеля; но сквозь густой мракъ ничего нельзя было различить; сплошные порывы пассатнаго вѣтра прекратились, волнующееся море стало гладкимъ, и въ пространство падалъ лишь черный дождь пепла. Когда онъ изсякъ, островъ оказался покрытымъ на нѣсколько сантиметровъ черною пылью; но откуда она могла появиться? Конечно, думали, съ какого-нибудь вулкана, выросшаго среди океана съ навѣтренной стороны Барбадоса, такъ какъ казалось невѣроятнымъ, чтобы пепелъ могъ быть занесенъ воздухомъ противъ пассата. Каково же было изумленiе, когда узнали, что черный дождь происходилъ съ Сентъ-Винцента: поднимаясь за облака и выше пояса пассатнаго вѣтра, онъ проникалъ, на высотѣ пяти тысячъ метровъ, въ ту зону, гдѣ проходитъ контръ-пассатъ, возвращающiйся по воздушному пространству на сѣверо-востокъ [2]). Многiя породы птицъ, которыхъ считали истребленными, и о которыхъ говорили какъ о мифѣ, до сихъ

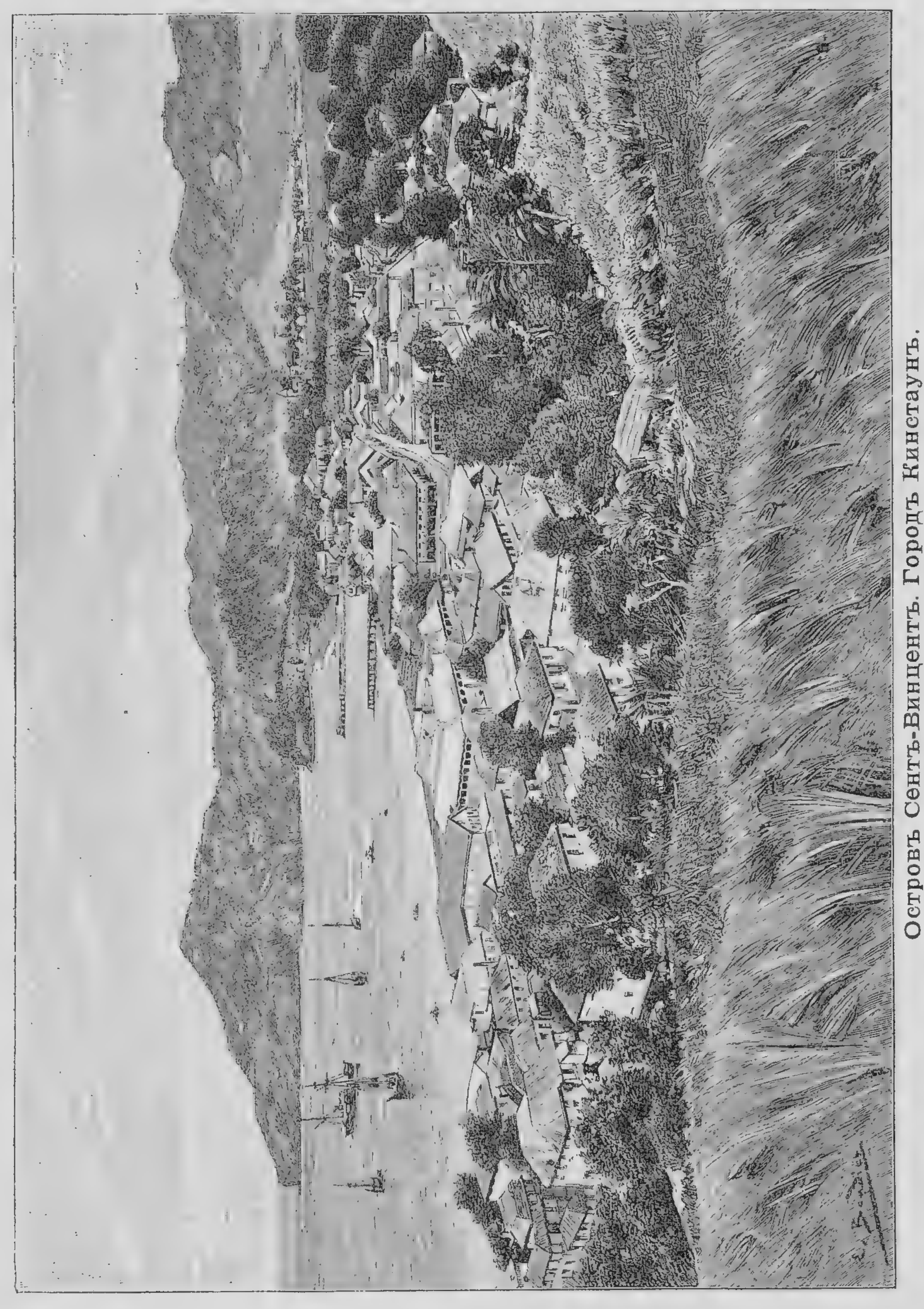
---

[1]) Vincent, „Contribution à la Géographie médicale des Antilles“.

[2]) Charles Kingsley, „At Last“.

поръ еще существуютъ въ пещерахъ Сольфатары, какъ напримѣръ sibilans myadestes, «свистящая птица».

Сентъ-Винцентъ былъ оставленъ въ теченіе всего XVI вѣка его первымъ владѣльцамъ—караибамъ: въ слѣдующемъ столѣтіи англичане и французы оспаривали другъ у друга этотъ островъ, но не заводя тамъ серьезныхъ поселеній, и даже, въ 1660 г., вслѣдъ за войнами съ туземцами, которыми была объята большая часть Антильскихъ острововъ, какъ англійскихъ, такъ и французскихъ, было рѣшено, что острова Сентъ-Винцентъ и Доминика остаnутся въ исключительномъ владѣніи туземцевъ, и что впредь доступъ на нихъ французскимъ и англійскимъ колонистамъ будетъ запрещенъ; одни лишь французскіе священники получили разрѣшеніе жить тамъ, въ качествѣ

Островъ Сентъ-Винцентъ. Городъ Кинстаунъ.

добровольныхъ миссіонеровъ, безъ всякаго содержанія отъ правительства [1]). Но статьи этого договора не соблюдались, и въ 1763 г., когда островъ Сентъ-Винцентъ былъ окончательно уступленъ Англіи и британскіе колонисты развели на побережьѣ плантаціи, карaибы съ ожесточеніемъ набросились на новоприбывшихъ. Война продолжалась десять лѣтъ и возобновилась въ 1778 г.; затѣмъ — во время французской революціи: изъ ненависти къ англичанамъ, хотѣвшимъ завладѣть ихъ землями, дикари сдѣлались союзниками Франціи. Дикари эти тѣмъ болѣе боялись плантаторовъ, что не всѣ они были «краснокожіе», т. е. чистокровные карaибы, и слѣдовательно, избавленные обычаемъ отъ попытокъ порабощенія; большинство, между прочимъ, и жители Кабестерра, были карaибы «черные», т. е. потомки бѣлыхъ негровъ и туземныхъ женщинъ; говорятъ даже; что пятьсотъ человѣкъ ихъ предковъ были гвинейскіе негры, ускользнувшіе на Сентъ-Винцентѣ съ судна, потерпѣвшаго крушеніе; имъ угрожала опасность потерять свободу одновременно съ землей. Поэтому черные карaибы дрались противъ англійскихъ войскъ съ отчаяннымъ мужествомъ; но, несмотря на то, въ 1796 г. имъ пришлось сдаться безусловно, а въ слѣдующемъ году почти всѣ они, въ количествѣ 5.080 человѣкъ, были перевезены на островъ Роатанъ, лежащій у Гондурасскаго берега; ихъ осталось немного менѣе двухъ сотъ человѣкъ; колонисты очень цѣнятъ ихъ, какъ отличныхъ судовщиковъ и грузовщиковъ; въ нихъ совсѣмъ нѣтъ той свирѣпости, которую приписывали, впрочемъ, совершенно несправедливо, ихъ предкамъ. Нѣкоторыя скалы въ ихъ округѣ покрыты грубыми рисунками [2]).

Плантаторы Сентъ-Винцента скоро обогатились культурой сахарнаго тростника, но послѣ отмѣны рабства работники неожиданно бросили плантаціи и стали обрабатывать для самихъ себя незанятыя земли внутри острова. Большая часть прежнихъ плантацій была заброшена; почти всѣ англійскіе землевладѣльцы покинули страну. Главной земледѣльческой промышленностью является культура аррорута (*marantha indica*, arrow-root), который здѣсь отличается особенною питательностью и пріятнымъ вкусомъ. Кромѣ того, на этомъ островѣ приступили, хотя и безъ большаго успѣха, къ разведенію чайнаго деревца, которое отлично принялось подъ защитою сырыхъ лѣсовъ Сентъ-Винцента.

Какъ и большинство другихъ Малыхъ Антильскихъ острововъ, этотъ островъ не имѣетъ сколько-нибудь важнаго значенія въ міровой торговлѣ, но его урожаи пищевыхъ растеній всякаго рода съ избыткомъ удовлетворяютъ потребности цвѣтнаго населенія, которое скучилось въ многочисленныхъ селеніяхъ во всей годной для культуры части острова, и къ которому постепенно возвращается владѣніе земельной собственностью. Около двухъ тысячъ индусскихъ кули, находящихся на службѣ у сахаро-заводчиковъ и плантаторовъ, живутъ въ главномъ городѣ и въ большихъ селеніяхъ. Наконецъ, въ составъ населенія входятъ португальцы и азорцы, смѣшавшіеся съ туземцами, которые, по восходящей линіи, принадлежатъ къ тремъ главнымъ расамъ—красной, черной и бѣлой.

Столица носитъ банальное названіе Кингстаунъ: это длинный городъ, имѣющій около 5.000 жителей, съ домами, разбросанными среди садовъ; весь онъ заключаетъ въ себѣ три улицы, идущія параллельно морю и подошвѣ горъ; бухта открывается по направленію къ югу, противъ острова Бекія, который, вмѣстѣ съ другими островками группы Гренадинъ, принадлежитъ къ административному дѣленію Сентъ-Винцента.

Движеніе внѣшней торговли Сентъ-Винцента въ 1898 г.: привозъ—95.551, вывозъ—44.666 фунт. стерл.

Гренада и Гренадины.

Цѣпь острововъ и рифовъ, занимающая не много болѣе ста километровъ въ длину и соединяющая Сентъ-Винцентъ съ Гренадой, состоитъ почти изъ шестисотъ отдѣльныхъ земель: всѣ онѣ лежатъ на общей оси Малыхъ Антильскихъ острововъ, но представляютъ безконечное разнообразіе въ своемъ рельефѣ и контурахъ. Нѣкоторые изъ этихъ острововъ имѣютъ поверхность въ нѣсколько квадратныхъ километровъ, съ мысами и бухтами, питонами и долинами; другіе—не что иное, какъ скалистые конусы, выступающіе изъ воды, или зеленыя кущи, осѣняющія круглый пляжъ, или, наконецъ, просто рифы, на которыхъ открытое море развертываетъ свои буруны. Эти острова окружены глубокими водами; даже большая часть узкихъ проходовъ, открывающихся между двумя скалами, имѣютъ глубину, вполнѣ достаточную для большихъ судовъ. Нѣкоторые изъ Гренадинъ, между прочимъ, два самые большіе острова, Бекія и Каріобаку, носятъ имена карaибскаго происхожденія; одинъ островъ называется Малой Мартиникой; почти всѣ названія этихъ острововъ соотвѣтствуютъ ихъ виду, формѣ или какимъ-нибудь физическимъ явленіямъ: Иль-Рондъ, Иль-дю-Шато, Иль-а-ла-Вуаль, Иль-Дезуазо (des oiseaux), Иль-о-Мустикъ. На самыхъ большихъ островкахъ группы Гренадинъ, нѣкоторые негры воздѣлываютъ сахарный тростникъ и кофейное дерево, но остальное населеніе занимается исключительно хлѣбо-

[1]) Adrien Dessalles, „Histoire générale des Antilles“.
[2]) Ober, цитированное сочиненіе.

пашествомъ или скотоводствомъ; иная скала занята одной только семьей, переселившейся съ какой-нибудь сосѣдней земли, чтобы пользоваться полною независимостью. Между островками снуютъ барки мѣстной постройки, нагруженныя фруктами и рыбой; нѣкоторые жители отправляются на такихъ судахъ охотиться за большими китообразными животными, которыя плещутся между рифами.

Главный изъ острововъ Гренадинъ, Каріобаку (Карріаку), лежащій въ южной части цѣпи и зависящій въ административномъ отношеніи отъ Гренады, имѣетъ довольно большое значеніе, какъ мѣсто экспорта пищевыхъ продуктовъ; онъ занимаетъ пространство въ 2.830 гектаровъ и имѣетъ хорошо защищенный небольшой портъ; склоны его горы (297 метровъ) тщательно обрабатываются.

Гренада, — самый южный островъ въ собственно Мало-Антильской цѣпи, не считая Тобаго и Тринидада, которые принадлежатъ въ геологическомъ отношеніи къ Южной Америкѣ, — имѣетъ, при одинаковомъ почти пространствѣ, такую же форму какъ Сентъ-Винцентъ, съ тою только разницею, что его овалъ не такъ правиленъ. Внутреннія горы, главная вершина которыхъ достигаетъ 839 метровъ, поросли густыми лѣсами, подъ которыми совершенно скрылись прежніе потоки лавы: только кое-гдѣ, мѣстами, уцѣлѣли базальтовыя колоннады; береговые утесы оканчиваются величественными столбами, высящимися надъ моремъ. Въ различныхъ частяхъ острова виднѣются незакрытые кратеры, и два озера, бывшія, вѣроятно, нѣкогда очагами изверженія, мирно покоятся въ циркѣ горъ, между берегами, окаймленными бамбуками и древовидными папоротниками: красивѣйшее изъ этихъ озеръ, такъ называемый «Большой Прудъ», находится въ самомъ центрѣ острова, на дорогѣ изъ Сенъ-Жоржа въ Гранвилль. Въ долинахъ и по склонамъ холмовъ разсѣяны домики и хорошенькія виллы, окруженные зелеными рощами и цвѣтниками: ни одинъ изъ Антильскихъ острововъ не можетъ сравниться съ Гренадою по красотѣ, разнообразію колорита и по аромату пропитанной цвѣтами атмосферы; между столькими «перлами» нѣтъ болѣе драгоцѣннаго.

Колумбъ открылъ этотъ островъ въ 1498 г. и наименовалъ его островомъ Вознесенія (Ассенсіонъ); но островъ оставался во владѣніи туземцевъ до половины XVII вѣка. Тогда на немъ поселились французскіе колонисты, которые привезли съ собою много негровъ, а туземцевъ перебили [1]). На сѣверномъ берегу еще показываютъ гору «Прыгуновъ», откуда карaибы бросились въ море, спасаясь отъ своихъ враговъ. Сто лѣтъ спустя этой колоніей овладѣли англичане, которые и удержали ее за собою; но бѣлые землевладѣльцы, разбогатѣвшіе отъ культуры сахарнаго тростника, вели слишкомъ роскошную жизнь, и для нихъ освобожденіе негровъ было роковымъ ударомъ. Большинство вынуждено было сначала заложить, а затѣмъ и продать свои земли, которыя большею частью были выкуплены сыновьями бывшихъ невольниковъ; въ 1889 г. насчитывалось около пяти тысячъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, почти исключительно негровъ или мулатовъ, владѣвшихъ садами въ одинъ или два гектара. Оттого Гренада представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ Антильскихъ острововъ, на которые экономисты, согласно своимъ различнымъ теоріямъ, указываютъ какъ на примѣръ бѣдствія и разоренія, или, напротивъ, какъ на образецъ благосостоянія. Правда, прежніе плантаторы, потерявъ свои обширныя помѣстья и многочисленныхъ рабовъ, покинули островъ, на которомъ они разорились; но зато негры, сдѣлавшись свободными, пріобрѣли участки земли, достаточные для обезпеченія дарованной имъ свободы; они скучены на тѣсномъ островѣ, вдвое болѣе многочисленные, чѣмъ, на равномъ пространствѣ, жители Франціи, и, по свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, эти негры—самый веселый, добродушный и счастливый народъ, незнакомый съ нуждой. Прежнее французское патуа почти совершенно исчезло на островѣ, уступивъ мѣсто англійскому языку.

Главный земледѣльческій продуктъ Гренады—какао, вывозъ котораго съ каждымъ годомъ увеличивается; впрочемъ, почти нѣтъ такихъ продуктовъ тропическихъ областей, которыхъ бы не производилъ этотъ благодатный островъ; кромѣ какао, отсюда вывозятъ сахаръ, чай, кофе, хлопокъ и табакъ. Вывозъ какао съ Гренады въ 1888 г.: 36.000 тоннъ, стоимостью около 7.500.000 франковъ.

Помимо этого, Гренада, подобно Инсулинду, доставляетъ пряности: мускатные орѣхи, гвоздику и инбирь; подобно Сенегамбіи, она производитъ въ своихъ садахъ драгоцѣнный орѣхъ *кола* (sterculia acuminata). Вывозъ пряностей изъ Гренады въ 1885 г.: 638.150 франковъ.

Средняя температура защищеннаго отъ вѣтровъ побережья, колеблющаяся между 26 и 27 градусами по стоградусному термометру, позволяетъ разводить культурныя растенія жаркаго пояса; къ сожалѣнію, обезьяны производятъ на плантаціяхъ большія опустошенія. Вывозъ фруктовъ въ Соединенные Штаты годъ отъ году увеличивается; онъ могъ бы быть еще значительнѣе, если бы островъ былъ изборожденъ хорошими дорогами, нынѣ же онъ имѣетъ только тропинки да аллеи садовъ; сообщенія и торговля между обѣими частями острова ведутся всегда моремъ. Но зато Гре-

[1]) Bryan Edwards, „West-Indies“.

нада можетъ похвалиться своимъ портомъ: это одинъ изъ лучшихъ на всѣхъ Малыхъ Антильскихъ островахъ: онъ извѣстенъ подъ названіемъ «Каренажъ»: глубина его у самыхъ даже береговъ не меньше 10—15 метровъ.

Обороты внѣшней торговли въ 1898 году: привозъ 210.783, вывозъ 227.574 фунт. стерл.

Движеніе судоходства въ 1898 г.: общій тоннажъ пришедшихъ и отшедшихъ судовъ: 439.198.

На мысѣ изъ лавы, отдѣляющемъ Каренажъ отъ открытаго моря, стоитъ крѣпость Сенъ-Жоржъ, по имени которой часто называютъ обрушивающійся городъ Джорджтаунъ, находящійся у ея основанія.

Барбадосъ (Барбада).

Этотъ изолированный островъ, составляющій съ 1885 г. отдѣльное губернаторство, не принадлежитъ къ цѣпи Малыхъ Антильскихъ острововъ: онъ отдѣленъ отъ нея глубокимъ каналомъ, въ которомъ лотъ опускается на 2.731 метръ, а разстояніе отъ его сѣверной оконечности до южнаго мыса Санта-Люсіи, ближайшей къ нему земли, равняется почти 150 километрамъ. Морскія пучины отдѣляютъ его также отъ Тобаго, и онъ оріентированъ какъ разъ въ обратномъ этому острову направленіи—съ сѣверо-запада на юго-востокъ. По своей геологической формаціи Барбадосъ также отличается отъ Малыхъ Антильскихъ острововъ: это коралловая земля, лежащая на трахитовомъ конусѣ, отъ котораго виденъ лишь выступъ [1]). Повидимому, она была поднята послѣдовательными толчками, такъ какъ состоитъ изъ лежащихъ одна надъ другой террасъ, изъ которыхъ каждая окружена высокимъ берегомъ и утесами, за исключеніемъ только тѣхъ мѣстъ, гдѣ рытвины, образовавшіяся отъ проливныхъ дождей, измѣнили прежніе контуры. Самая высокая вершина на островѣ, гора Хиллэби, достигаетъ лишь 349 метровъ. Во многихъ мѣстахъ каменоломни обнажили полиповыя мели, еще настолько ясныя, какъ будто онѣ только-что образовались въ морѣ. Вокругъ всего острова продолжается ростъ коралловъ, и наружная ограда рифовъ имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько километровъ ширины; каждый годъ, даже въ тихую погоду, объ эти рифы разбиваются суда, и вообще извѣстно, что море въ этихъ мѣстахъ очень опасно: ни на одномъ изъ Антильскихъ острововъ не свирѣпствуютъ такъ часто циклоны, какъ на Барбадосѣ. Растительная земля, состоящая изъ кораллового известняка, въ смѣси съ вулканическимъ пепломъ, отличается замѣчательнымъ плодородіемъ.

Еще до сихъ поръ не объяснено происхожденіе географическаго названія Барбадосъ или Барбишъ, какъ его звали прежніе французскіе путешественники. Слѣдуетъ ли его приписать, какъ это обыкновенно думаютъ, особой породѣ большихъ деревьевъ съ «бородатымъ» мхомъ, которую моряки нашли на этомъ островѣ во время его открытія; или, можетъ-быть, надо согласиться съ мнѣніемъ Фроуда, который объясняетъ его тѣмъ, что туземцы, которыхъ испанцы захватывали съ начала XVI вѣка на этомъ островѣ, чтобы заставлять ихъ работать на плантаціяхъ Эспаньолы, были съ «бородами»? Ни одинъ документъ той эпохи не даетъ намъ относительно этого вполнѣ опредѣленнаго разъясненія: неизвѣстно даже, кто впервые увидѣлъ этотъ островъ—португальцы или испанцы. Въ 1605 г. англійское судно *Olive Blossom*, направлявшееся въ Суринамъ, остановилось передъ Барбадосомъ, и капитанъ корабля оффиціально вступилъ во владѣніе островомъ. Англійскіе плантаторы поселились на немъ въ 1625 г., и съ этого времени онъ не переставалъ принадлежать Великобританіи, но вначалѣ только какъ ленное владѣніе; лишь въ 1838 г. права вассаловъ были окончательно уничтожены [1]). Послѣ побѣды англійскихъ республиканцевъ и смерти Карла I, дворяне-лоялисты въ большомъ числѣ эмигрировали на Барбадосъ. Спустя двадцать лѣтъ послѣ основанія колоніи въ ней было уже 50.000 жителей, между которыми много ирландскихъ наемниковъ и цѣлыя тысячи индѣйцевъ, похищенныхъ съ материка. Плантаторы могли набирать людей тысячами; ихъ островъ называли *Little England*, то-есть «Малая Англія». Въ то время, какъ на другихъ южныхъ Антильскихъ островахъ, составляющихъ тоже англійскія владѣнія, преобладающимъ языкомъ былъ или есть французскій,—на Барбадосѣ, напротивъ, и бѣлые, и негры всегда говорили на англійскомъ, и при томъ на чистомъ англійскомъ діалектѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ жаргономъ другихъ Антильскихъ острововъ. Мѣстныя традиціи, никогда не прерывавшіяся, развили въ концѣ концовъ у всѣхъ островитянъ горячій британскій патріотизмъ; большая часть ихъ принадлежитъ къ англиканской церкви. Въ шутку барбадосцы называютъ себя «Bims», а островъ свой—Bimshire».

Какъ и во времена невольничества, на Барбадосѣ распространена лишь одна культура, именно—сахарнаго тростника. Экономическій кризисъ, имѣвшій такія важныя послѣдствія на другихъ Антильскихъ островахъ, прошелъ

[1]) Alex. Agassiz, «Cruise of the „Blake"».

[1]) Jerolim von Benko, цитированное сочиненіе

на Барбадосѣ безъ гибельныхъ переворотовъ и безъ кореннаго измѣненія отношеній негровъ къ плантаторамъ. Въ ту эпоху островъ уже воздѣлывался на всемъ своемъ протяженіи; вся земля была раздѣлена или на крупныя помѣстья, или на мелкія имѣнія всего въ 5 гектаровъ, такъ что для освобожденныхъ рабочихъ не оставалось болѣе ни единой пяди, и имъ приходилось, такъ или иначе, продолжать работать у прежнихъ хозяевъ, но только не въ качествѣ невольниковъ, а уже на жалованьи: тѣ негры, которые задумали бы искать жизни при условіяхъ абсолютной независимости, какъ ямайцы и гренадинцы, тѣмъ самымъ обрекали бы себя на неизбѣжную смерть отъ нищеты. Поэтому плантаторамъ вовсе не было необходимости привозить къ себѣ индусскихъ кули, къ чему были вынуждены землевладѣльцы другихъ Антильскихъ острововъ [1]). Со времени освобожденія трудность создавать мелкія имѣнія въ пользу негровъ увеличилась, такъ какъ населеніе острова удвоилось: въ настоящее время оно превышаетъ 180.000 и все болѣе и болѣе группируется на плантаціяхъ; по плотности оно не уступаетъ населенію въ самыхъ дѣятельныхъ промышленныхъ центрахъ Европы —въ Ланкаширѣ, Бельгіи или Саксоніи. Ежегодно сотни, даже тысячи человѣкъ уходятъ съ острова въ другія англійскія колоніи, чтобы тамъ обрабатывать землю и пріобрѣтать небольшіе участки; Барбадосъ вѣчно роится, какъ Мальта, другая британская земля; онъ способствовалъ процвѣтанію Суринама и Демерары. Въ сравненіи съ другими англійскими островами Вестъ-Индіи бѣлые составляютъ на Барбадосѣ значительную пропорцію, т. е. почти двѣнадцатую часть всего населенія, но годъ отъ году они все уменьшаются въ своей численности; много есть также такихъ барбадосцевъ, которые проживаютъ свои доходы гдѣ-нибудь въ Англіи или въ Соединенныхъ Штатахъ. Изъ болѣзней на Барбадосѣ очень распространены болотныя лихорадки и воспаленіе печени, а проказа, какъ простая, такъ и бугорчатая, свирѣпствуетъ здѣсь среди негровъ еще гораздо сильнѣе, чѣмъ на другихъ Антильскихъ островахъ [2]).

Промышленная дѣятельность Барбадоса сосредоточивается на фабрикаціи сахара, которою заняты около 450 заводовъ; въ отношеніи своего устройства эти заводы значительно уступаютъ заводамъ французскихъ Антильскихъ острововъ. Для культуры хлѣбныхъ растеній вовсе не остается свободной земли; маисъ, рисъ, фрукты и овощи привозятся изъ-за границы, тогда какъ этотъ островъ самъ могъ бы быть огромнымъ садомъ. Кромѣ сахара, Барбадосъ вывозитъ еще нефть, впрочемъ въ очень ограниченномъ количествѣ—всего нѣсколько боченковъ въ годъ,—и другіе колоніальные товары второстепенной важности. Одинъ изъ воздѣлываемыхъ видовъ хлопчатника получилъ свое названіе отъ этой колоніи (gossypium barbadense). На островѣ имѣется желѣзная дорога, которая исключительно примѣнена къ услугамъ сахарнаго производства. Передъ другими англійскими Антильскими островами Барбадосъ имѣетъ то преимущество, что служитъ станціей для трансатлантическихъ пакетботовъ и центромъ расхожденія второстепенныхъ линій въ этихъ водахъ. Довольно большая, сравнительно съ поверхностью острова, торговля сосредоточивается въ бухтѣ Карлейля, на якорной стоянкѣ Бриджтауна, лежащаго на западномъ берегу, близъ юго-западной оконечности.

Торговое движеніе на островѣ Барбадосѣ, въ 1898 году: привозъ — 1.058.855, вывозъ—769.231 фунт. стерл.

Городъ Бриджтаунъ, получившій свое названіе отъ моста, перекинутаго черезъ бухточку, раскинулся вдоль берега; его извилистыя улицы сходятся у подножія холма. Въ XVII столѣтіи онъ былъ однимъ изъ главныхъ на Антильскихъ островахъ рынковъ по торговлѣ неграми; онъ остался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ городовъ въ антильскомъ мірѣ. Около трети островнаго населенія группируется въ Бриджтаунѣ и его окрестностяхъ; но по красотѣ и живописности онъ много уступаетъ Розо, Сенъ-Пьеру, Плимуту и многимъ другимъ городамъ Малыхъ Антильскихъ острововъ: это просто-на-просто кварталъ Лондона или Ливерпуля; даже пальмы кажутся здѣсь совершенно чуждыми и неумѣстными. Тѣмъ не менѣе предмѣстье Фонтабелль, мѣстожительство европейскихъ коммерсантовъ, представляетъ восхитительный паркъ, гдѣ дома исчезаютъ въ зелени и цвѣтахъ. Гастингсъ—мѣсто купаній, тоже очень симпатичный уголокъ. Другіе малозначительные города—Спейтстаунъ, Хольтаунъ, Гойстингтаунъ разсѣяны вдоль побережья. На сѣверо-западномъ берегу, среди живописной мѣстности, подъ сѣнью пальмъ, стоитъ Кодрингтонъ-Колледжъ, важнѣйшее воспитательное заведеніе Вестъ-Индіи.

Барбадосъ пользуется болѣе полной автономіей, чѣмъ другіе англійскіе Антильскіе острова. По его конституціи, насчитывающей болѣе двухъ вѣковъ существованія, *House of assembly* (Палата собранія) состоитъ изъ 24 членовъ, избираемыхъ гражданами съ опредѣленнымъ цензомъ, въ числѣ около пяти тысячъ человѣкъ. Представителемъ центральнаго правительства является губернаторъ; законодательный совѣтъ состоитъ изъ девяти членовъ, назначаемыхъ короной. Исполнительный комитетъ, въ составъ котораго входятъ главные чиновники, одинъ членъ верхней палаты

[1]) A. Salles, рукописныя замѣтки.
[2]) Vincent, цитированное сочиненіе.

и четыре члена нижней, составляетъ бюджетъ и вырабатываетъ законы. Губернаторъ есть въ то же время и командующій морскими силами на Малыхъ Антильскихъ островахъ. Въ административномъ отношеніи островъ раздѣленъ на одиннадцать приходовъ. Годовой бюджетъ равняется 4 слишкомъ милліонамъ франковъ (бюджетъ 1898 г.: доходы—182.582, расходы—175.319 фунт. стерл.).

Слѣдующая таблица, дающая списокъ главныхъ островов Микро-Антиліи по порядку ихъ сравнительнаго значенія, показываетъ, что Барбадосъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ цѣпи Малыхъ Антильскихъ острововъ.

	1-е мѣсто.	2-е мѣсто.	3-е мѣсто.	4-е мѣсто.	5-е мѣсто.
Поверхность.	Гваделупа.	Мартиника.	Доминика.	Санта-Люсія.	Барбадосъ.
Населеніе.	Барбадосъ.	Мартиника.	Гваделупа.	С-тъ-Винцентъ.	Санта-Люсія.
Килом. плотность.	Барбадосъ.	Мартиника.	С-тъ-Кристофъ.	Монсерратъ.	Гренада.
Торговля.	Гваделупа.	Мартиника.	Бардабосъ.	С-тъ-Кристофъ.	Санта-Люсія.
Торговые обороты на душу населенія.	С-тъ-Кристофъ.	Гваделупа.	Мартиника.	Антигуа.	Барбадосъ.

КОНЕЦЪ СЕМНАДЦАТАГО ТОМА.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ шестнадцатый.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

А.

Б.

В.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

*

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ семнадцатый.

Вестъ-Индія, Мексика, Американскіе перешейки, Антильскіе острова.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

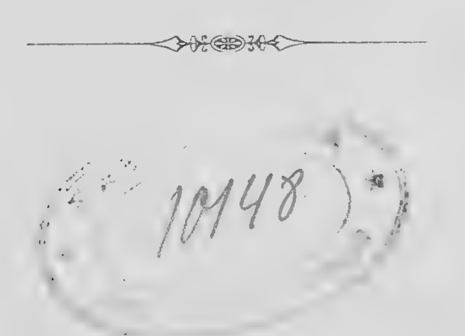
І.

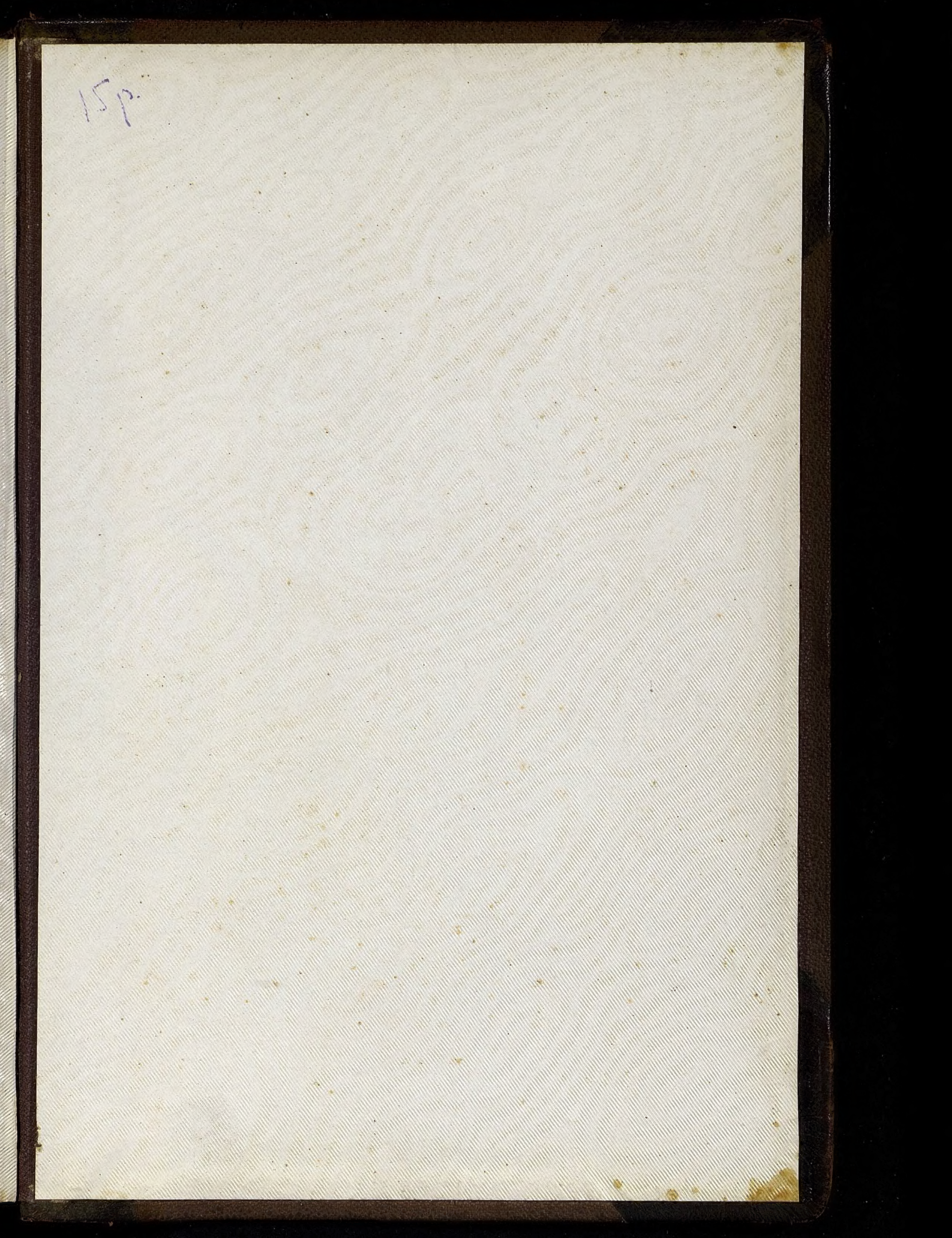
К.

Л.

М.

Т.

15p.

